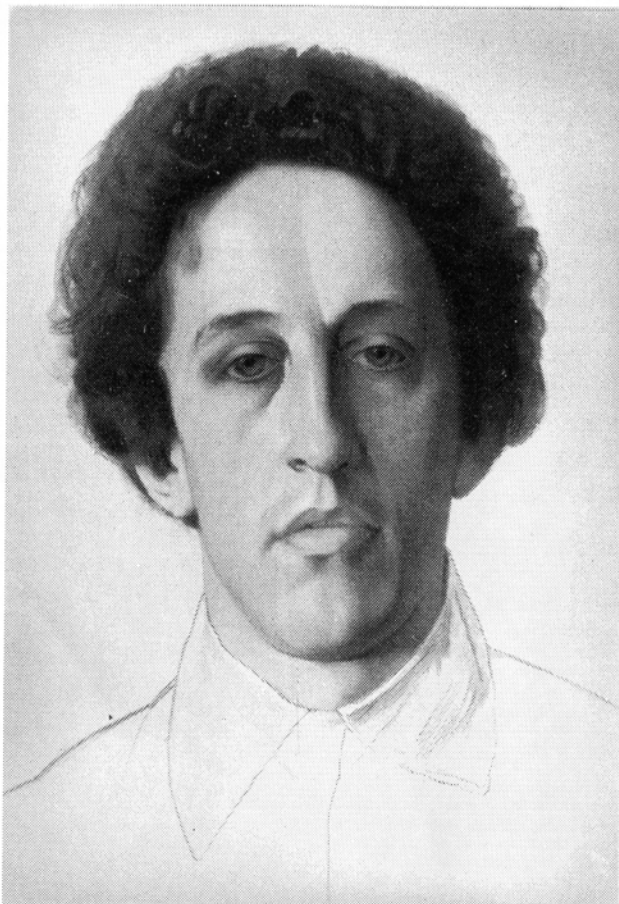

Александр Блок,

А.А. БЛОК

Портрет работы К. Сомова. 1907

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. А. БЛОК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА "НАУКА"

1997

А. А. БЛОК

ТОМ ВТОРОЙ
СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

(1904–1908)

МОСКВА "НАУКА"

1997

ББК 84
Б70

Б $\frac{4702010000-014}{042(02)-97}$ Подписное

ISBN 5-02-011189-9
ISBN 5-02-011226-7, т. II

- © Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), составление, подготовка текстов, статьи, комментарии, 1997
- © Российская академия наук и издательство "Наука", Полное (академическое) собрание сочинений А.А. Блока в 20-ти томах, оформление, 1997 (год начала выпуска)

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

(1904–1908)

ВСТУПЛЕНИЕ

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

НОЧНАЯ ФИАЛКА

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОРОД

СНЕЖНАЯ МАСКА

ФАИНА

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

ВСТУПЛЕНИЕ

*Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.*

*Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.*

*Ты пройдеши в золотой порфире –
10 Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излученный путь...*

*О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!*

1905. Страстная Суббота

Отлой лебеди - Свакшльда
Валентин Петрович
Веригин.

Александр Блок

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

9 февраля 1907 года
С-П-Б.

АЛЕКСАНДР БЛОК. НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ
М., 1906

С дарственной надписью В.П. Виригиной
от 9 февраля 1907 г.

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Макбет

* * *

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки –
Далеко – глубоко –
Лиловые скаты оврага.

10 Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце, как медный шлем война,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтгам,
К иным временам...

И шишак – золотое облако –
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

20 И жалкие крылья мои –
Крылья вороньего пугала –
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты – и далекие окна –
И вершины зубчатого леса –
Все дышит ленивым
И белым размером
Весны.

5 мая 1904

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

А.М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот – сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий – месяц наверху –
Искавил свой рот.

10 Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав –
Захудалый черт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами – вдалеке –
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, –
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
20 Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы – забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

* * *

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу – и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот – предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, –
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
10 Слишком радостной вестью дыша,
Подошла – и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка –
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
20 В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

ТВАРИ ВЕСЕННИЕ

(Из альбома "Kindisch" Т.Н. Гуннуис)*

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседельх туманов развалины.

10 Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени

* "Детское" (нем.).

Издали начинаем вникать в отдаленные трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
20 Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.
Утро сонной тропой пустило стрелу,
Но одна – на руке, опрокинутой в высь,
Ладонью в смолистую мглу –
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
30 Клобочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночкой вы не радели –
Вот и все ушло...
Ночку вы не жалели –
И становится слишком светло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.

40 Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чертик запросится
Ко Святым Местам.

19 февраля 1905

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

На весенней проталинке
За вечерней молитвою – маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
10 Увила вокруг него свои тонкие руки...
 Предзакатные звуки,
 Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:

20 – Вот, ступай в родимую гать.
 Душа моя рада
 Всякому гаду
 И всякому зверю
 И о всякой вере.

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За большую звериную лапу,
 И за римского папу. –

30 Не бойся пучины тряской –
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905. Пасха

* * *

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

10 Там – в березовом дальнем кругу –
Старикашка сгибал из березы дугу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
– Ты, красавица, верно – ко мне!
Столковалась в своей тишине!

За корявые пальцы взялась,
С бородою зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

20 Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

* * *

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот знак, что сгорел, – не умрет.
Этот куст – без исления – тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, –
Ты пред Вечностью полон измен.

10 Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

* * *

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайняя зыбь залегла.
Мне болотная схима – желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голоса,
Все о том, как закат Твой велик.

10 Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне знаком,
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой – навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревый свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей –
20 Старину озаренных болот.

3 июня 1905. Новоселки

* * *

Болото – глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смеженных ресниц –
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
10 И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
– Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила.
И, когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые – смеются,
А у девушек – ясно видны
За плечами белые крылья.

3 июня 1905

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И все дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

"Эта странница, верно, не рада нам –
10 Приложилась к мощам – и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злчными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высоко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть"...

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
20 Поднимают копытцами пыль:

"Ты прости нас, старушка ты Божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевет и нам Купина"...

Июль 1905

* * *

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.

И опушками отдаленными
10 Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

ЭХО

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову – и трикраты
Мне издали звонко
10 Ответствует нимфа, ответствует Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье.
И смех ее в длинном
Звучит повтореньи
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти, и страсти –
Венчальные ветви
20 Осенних убранств и запястий...

Там – в синем раздольи – мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ

Волновать меня снова и снова –
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ждань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

10 Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
20 Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопою твоей не сгорать.

С нами, к нам – легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

30 Тишина умирающих знаков –
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний –
Только всплески девических рук –
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
40 И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905

НОЧНАЯ ФИАЛКА

СОН

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною,
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
10 Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото, –
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Мало застроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
20 Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извозчицьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин.
Также не были чужды ему
Девицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но все посерело, померкло,
30 И зренья у спутника – также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?).

Прохожих стало все меньше.
40 Только тощие псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерьжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И, пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку, –
Становилось ясней и ясней,
50 Что когда-то я был здесь и видел
Все, что вижу во сне, – наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинута мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрему, и в лень,
60 Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И над красной полоской зари –
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром все было спокойно
И торжественной встречей полно:
70 Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед

80 О дурном состояньи желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза, –
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
90 Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой, –
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
100 Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной – перед длинным столом –
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
110 Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
120 И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то
Припадая к подножьям ее,
Короли в седирах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрема
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
130 Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
140 Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжело опять приступить
К исполнению сурового долга,
К поклонению забытым венцам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

150 Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
160 Здесь сидели веками они,
Дождаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом

Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
170 Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
180 Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
190 Здесь сидеть – у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей –
200 Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сию я в избе.
Рядом – кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.

А. БЛОК, "НОЧНАЯ ФИАЛКА"

Рис. П. Филонова 1908 (ГЛМ)

210 Этот нищий, как я, – в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

220 Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвении
Рукоятью меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, – и у шлема,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,

Обреченная жить без весны
230 И дышать стариной бездыханной.

Дальше – чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

240 Дальше, дальше – беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королевна,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама все цветет и цветет,
И болотами дышет Фиалка,
И беззвучная кружится прядка,
И прядет, и прядет, и прядет.

250 Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А, быть может, – столетья.
Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,

260 Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует.
Зацветают далеко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку.
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.

270 Вот рассыпался меч, дребезжа.

Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
И старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сажу на болоте.
Над болотом цветет,
280 Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я – Ночною Фиалкой.
За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаясь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
290 Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
300 Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

1905–1906

РАЗНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Л.Семенову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вокруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

10 Опустит прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

* * *

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра Божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

10 О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Все, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды –

Подражание.^{*)}

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла удалена.
Здесь исполн долг царицы
На бедном свисте кошке.

А жуж. мой свавл. лютен.
Смерть втиски вдура геле.
На ступи шонка колотен
Ты лепидник свити замки

Опусти продралити полон
Отходило чуж.
На вушиках кошке слов
Заключаете зар.

Путь керовен. В т т в т шки.
Милл путь мой густели.
Царски-ка мекат убьла
Але карушу ка Эм.м.

Жуж

*) Свидетельств на имени Валерия Брюсова:
"Приходи путем Эпиклема?"

Пожалуйста, пометьте, что я пишу Каролюшке от твоего, что ты не жуж. Я
помню ему спасибо, что не в своем болделе переживаешь, как я от твоей
люб. Намеки, как ты от, твое сердце с переживанием стихов

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ "ПОДРАЖАНИЕ"
("ЖДУ Я СМЕРТИ БЛИЗ ДЕННИЦЫ...")

Из письма С.М. Соловьеву от 4 марта 1904 г. (ГЛМ)

До Той Звезды, которой близость
Познав, – сторицей отплачу
За все величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

15 марта 1904

* * *

Ты оденешь меня в серебро,
И, когда я умру,
Выйдет месяц – небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру.

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу – зачем
Я когда-то ее полюбил?

10 В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым лицом.
И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубенцом...

Знаю – сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной нагоде.
Но зловещий восходит угар –
К небесам, к высоте, к чистоте.

14 мая 1904

* * *

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатые десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед –
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных плащах.
Брызжут искры и блещут кольчуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

10 Ставим троны иным временам –
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятенье сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: *мертвец*
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

ВЗМОРЬЕ

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднебесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаряя таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
10 Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь –
С неземным очертанием рук.
Издали мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен –
20 Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

* * *

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер – нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный – у входа в сени,
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

10 Из угла серебрятся латы,
Испуская жалобный скрип.
В дальних залах – говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок – в конце вереницы –
Я – последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли,

20 Раздавив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Иль я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

15 июня 1904

* * *

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою – и карлик служит мне:
Согбенный карлик в платье черном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного – слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
10 Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно-смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда – огромен бледным телом –
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
20 Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

* * *

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия Небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храня.
На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном, равнодушном взгляде
10 Не умел никто, Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе –
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирала руки к догорающей заре.

Осень 1904

* * *

Всё бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем концы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Все кружится, круторогий

Месяц щурится вверх.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.
Вот – из кельи Вечной Пряхи
10 Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
– Всю ли ночь молились в нишах?
Всю ли ночь текли труды?
– Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел, Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
20 В ночь, когда Звезда пряла.

Сентябрь 1904

* * *

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты – голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказанных намеков
10 В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высоко – в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
20 Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людам предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904

* * *

Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.

Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними – благодатный
Несмежающийся день.

Над ее бессмертной дремой
10 Нить Свершений потекла...
Это – Третий – Незнакомый
Кротко смотрит в купола.

5 ноября 1904

* * *

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
10 Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

НОЧЬ

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте – голова.
Знаки поздних поколений –
Счастье дальнего волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная – плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

10 В длинном черном одеянии,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянии –
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

20 Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий – половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904

* * *

Вот – в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы – птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синее тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
10 Призывно засинеет мгла,
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
10 Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объяття,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья –
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь – в дали
Неизведанной земли –
Мы печально провожали
20 Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
"Птица Пен" ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
30 Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?

Золотые ль слиткиплыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
40 Грохотал угрюмый порт.

ТАК БЫЛО

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Несвершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
10 От очей бессонных
Все, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
20 И – лицом к луне –

Бедная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

ПЕСНЯ МАТРОСОВ

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!

Приневастилась
Морская глубина!
Неневастиная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
10 С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
20 Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

ГОЛОС В ТУЧАХ

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым – нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
10 Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

"Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
20 Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите – где-то –
За ночью, за бурей – зыванье сирен!"

30 Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка!..

А там – горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
40 Там буря настигла суда рыбаков.

КОРАБЛИ ИДУТ

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор – цветок!
Ваша почва – создание волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

10 Утро скажет: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...
Невидим для очей,
Через полог ночей

20 На челе начертал примиряющий Рок:
"Ничей".

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты – не свет от зари, – ты мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

30 Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество – наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу – вперед!
Электрический свет не умрет!

КОРАБЛИ ПРИШЛИ

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

10 Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там – за той косою –
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То – земля, о, дети страсти,
Дети бурь, – она за вас! –
20 Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

РАССВЕТ

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте удела.

Сумерки близятся. В утренней дреме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там – в океане – в земном водоеме –
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далеко
10 Мерит и выси и глуби – и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть, или жизнь тяготеет над морем –
Весть о победе – в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сияньи –
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
20 Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранних и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли;
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...
30

16 декабря 1904

МОЕЙ МАТЕРИ

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились – и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
10 Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, круженье –
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных.
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе – о краях запредельных
20 Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, –
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904

* * *

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют весны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хмельном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...

Над ней синеет вечный полог,
10 И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли – падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

14 декабря 1904. У полотна Финл. ж.д.

* * *

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: "Будь прославлен!"
Кто-то шепчет: "Не забудь!"

Рядом, пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто – не время вспоминать...

Только в памяти веселой
10 Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость –
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом – земля разнежит
20 Перепуганную твердь.

Январь 1905

* * *

Вот на тучах пожелтелых
Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнувшей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались в тучах пятна,
10 Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.

Кто там встанет с мертвым глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?

28 мая 1905

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымилась прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви на заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала – не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой мечты.

"Подними эту розу", – шепнула – и ветер донес
10 Тишину улетающих лат, бездыханный ответ.
"В синем утреннем небе найдешь Купину расцветающих роз", –
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел, и она полетела вослед.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы,
И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит.
И она, окрыляясь, полетела из отчей тюрьмы –
На воздушном пути королевна полет свой стремится.

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
20 И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь – мечтанье раба,
Там – воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

3 июня 1905

* * *

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
10 Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец все так же весел,

И красные нити лежат на полу,
20 И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глуби – еще покой
С такой же старухой, как лунь, седой,

И те же нити, и те же мышцы,
И тот же образ смотрит из ниши –

В окладе темном – темней пруда,
Со взором скромным – всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

30 И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит все тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как ночь;
Нежный, как отошедшая дочь...

"Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
Дай мне спокойно умереть".

3 июня 1905

* * *

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

10 Кто придет к тебе, будь он, как Ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне.
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

* * *

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: "Судьба".

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

10 Кругом – возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу – далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке все шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

20 Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над проклятым местом,
Гадает... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взываются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: "Судьба"!

Июль 1905

БАЛАГАНЧИК

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный черт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

МАЛЬЧИК

10 Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

ДЕВОЧКА

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это – адская свита...
Королева – та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
20 Вдыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: "Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпичей!
На голове моей – картонный шлем!
А в руке – деревянный меч!"

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Июль 1905

ПОЭТ

Сидят у окошка с папой.
Над берегом выются галки.

Дождик, дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

Там – весна. А ты – зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, дочка, за море.

А за морем есть мама?
10 Нет.
А где мама?
Умерла.
Что это значит?

Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

О чем?
О розовом капоре.
Так у него нет мамы?

Есть. Только ему нипочем:
20 Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.

А эта Дама – добрая?

Да.
Так зачем же она не приходит?

Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,
Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

У МОРЯ

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым – темную ночь...

Нет, папа, взгляни разок,
10 Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
20 Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

МОЕЙ МАТЕРИ

Тихо. И будет все тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
10 Лик мой, как нимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

* * *

Старость мертвая бродит вокруг,
В зеленях утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг –
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали – и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол –
10 И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность...

Все закатное небо – в дреме,
Удлиняются дальние тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик – звездой падучей –
20 До свиданья!.. летит за корму...

Июль 1905

* * *

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
10 Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
20 И сонный ветер тихо веял.

И было, как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
10 И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или – каменным путем влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званый,
И земля да будет мне легка!
20 Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас – свободных, юных, статных
Умирает, не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе

* * *

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала

Ты издалека,
Но меня благословляла
Белая рука...
Я крестом касался персти,
10 Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну, –
И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем –
20 Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком.

Июль 1905

* * *

Оставь меня в моей дали.
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот, над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна –
10 И я все тот же – у руля,
И я пою, все так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

10 И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

* * *

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

10 "Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался,
Верно, есть у тебя печальный друг?"

20 "Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне..."

Август 1905

* * *

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

С легким треском рассыпался веер, —
10 Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

* * *

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
10 Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с Богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
20 Надвигается гроза,
 Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

* * *

В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Все, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём – туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
10 Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время, безрассветная,
20 Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне –
Синий сумрак и покой,
Оттого что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905

* * *

Евгению Иванову

Вот Он – Христос – в цепях и розах –
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но Лик и синее небо – одно.

Единый, Светлый, немного грустный –
10 За Ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам, как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
20 И не поблекнешь, как мертвый злак.

10 октября 1905

* * *

Так. Неизменно все, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности, – к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной, –
Мне улыбнулся тот же брег.

И те же явственные звуки
10 Меня зовут из камьша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
20 Моя душа убелена.

10 октября 1905

* * *

Прискакала дикой степью
На вспененном скакуне.
"Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!"

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

"А, не хочешь! Ну, так с Богом!"
10 Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красой –
20 Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой!

31 октября 1905

БРЕД

Я знаю, ты близкая мне...
Больному так нужен покой...
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! –
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

10 Так слушай, как память остра, –
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал –
Ты слышишь? Ты веришь? Ты спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот иней мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
20 И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года, –
Тому не бывать никогда!...

Я твердой стопою всхожу –
О, слушай предсмертный завет!...
В последний тебе расскажу:
Я Белую Деву бужу!

Вот спит Она в облаке мглы
30 На темной вершине скалы,
И звонко взывают орлы,
Свои расточая хвалы...

Как странен мой траурный бред!
То – бред обнищалою души...
Ты, свет мой, – единственный свет.
Другой – в этом трауре нет.

Уютны мне черные сны.
В них память свежееет моя:
В виденьях седой старины,
40 Бывалой, знакомой страны...

Мы были, – но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.

4 ноября 1905

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Все не может найти посошок...

10 Вот – ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе – словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!...
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
20 Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы – незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

30 Зимний ветер гуляет и свищет,
Все играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто все еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

* * *

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело –
Сонноокая прошла.

Проплыла она – и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

10 Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами – семафора
Зеленеет огонек.

Небо – в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы – в пространстве новом,
Словно – в новых временах.

20 Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали – локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

30 Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Все, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: "Будь весел.
За окном лежат снега."

13 января 1906

* * *

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем,
Что прошло, – навсегда.
Тихо молвят люди:
"Вот еще звезда".

И, мерцая, задремлем
10 На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая –
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

* * *

Мы подошли – и воды синие,
Как две расплеснутых стены.
И вот – вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
На дымно блестящий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.

Так – и чудесным очарованы –
10 Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

10 В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1–10 февраля 1906

ИВАНОВА НОЧЬ

Мы выйдем в сад с тобою, скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травую темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнет зеленым светом, –
10 Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний –
Не бойся – не спугну, дитя!

Но, если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
20 Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды – мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена – смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

СОЛЬВЕЙГ

Сергею Городецкому

*Сольвейг прибегает на лыжах
Ибсен Пер Гюнт.*

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул –
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту – весну!

10 Пусть над новой избой
Будет свод голубой –
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо – твое!
Это небо – мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу, как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

20 Ты пришла – и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой – он звончей песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

* * *

Г. Гюнттеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарю алой сочетал.

Но в мирной безраздумной сини
10 Очарованье доцвело.
И вот – осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
20 Венцом запретного пути.

Так, – не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.

Тютчев

Прошли года, но ты – все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я – склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, –
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
10 Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те *баснословные года*...

Их светлый пепел – в длинной урне.
Наш светлый дух – в лазурной мгле.
И все чудесней, все лазурней –
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы – муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
10 За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить –

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
20 Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои – поколение рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито –
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю –
30 С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма – впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем – неразрывно – навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

* * *

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом – метанье огня,
И в каждом – печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

10 Да буду я – царь над собой,
Со мною – да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого люблю.

Сентябрь 1906

* * *

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в кружении вечном,
Вся – в шелках тугих –
Ты – путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

10 Пали душевные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты – рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий –
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

20 Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

10 Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

20 Где буйно замедает вьюга
До крыши – утлое жильё,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвё.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так – я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищете,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

30 Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого Бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот, она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
10 Дух свой предал небожителям,
Сердце – матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
20 В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
30 От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

* * *

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась все печальней
Ее сиделка – тишина.

Но счастье было безначальней,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
10 Голубоокою меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрему, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки – тишины...

Мгновенье – в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням – встречать тебя.

И жали руку эти руки...
20 И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задышалась тишина.

И миг еще – в оконной раме
Я видела – уходишь ты...

И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка – тишина...

30 Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

УГАР

Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы – рабы.

Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Поиграем и потешим –
Будет маленьким царем,
10 Царь повырастет потом...

Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает, –
Видит красный свет костра:
На костер идти пора!

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
20 Что на нем – венец царей...

Пойте стройную стихирю:
Царь отходит почивать!
Песня носится по миру –
Будут Ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать.

Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели –
Сизый стелется дымок,
30 Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

ТИШИНА ЦВЕТЕТ

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
10 Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был вам намеком
И несказанным – каждый стих.
И вы любили на широком
20 Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

* * *

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: "Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне".

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: "Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
10 И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнусь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву – прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
20 На острие копья – весну".

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906

* * *

Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшеной,
И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
10 Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.

И потому – ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
20 Когда я позову.

Октябрь 1906

* * *

Ищу огней – огней попутных
В твой черный, ведовской предел.
Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда – простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес верушкой ели
10 Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Все о тебе, расплетшей косы
20 Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душных зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ

Весны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился – зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

А над болотом – проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
10 Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
20 Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, –
Месяц будет вам – красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

7 ноября 1906

* * *

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе Твоем.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах – свет, в чьих косах – мгла.

Ты дремлешь, Боже, на иконе,
10 В дыму кадилниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я – сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я – голубой, как дым кадила,
Она – туманная весна.

И мы под сводом веем, веем,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деем
20 И Мэри светлую поем.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря –
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вокруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
30 Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах – свет, в чьих косах – мгла.

Ноябрь 1906

* * *

В синем небе, в темной глуби
Над собором – тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она,

Удивленными очами
10 Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны,

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
20 В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой – далече
В синих улицах – весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...

В синем небе, в темной глуби
30 Над собором – тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховойная весна!

Ноябрь 1906

БАЛАГАН

Ну, старая кляча, пойдем
ломать своего Шекспира

Кш.

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
10 Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти.
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

* * *

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле, грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги между.

Взойду по ней, по семицветной
10 И незапятнанной стезе –
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

* * *

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибоем,
С отуманенною далью –

Мы одни, с великим горем,
Седины свои закроем
Белым саваном – печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
10 Будет старая тоска.

И в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, –

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

* * *

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха-сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю – в горах распевают рога,
10 Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

* * *

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои –
Две холодные змеи.

- 10 Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый знак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906

УСТАЛОСТЬ

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: *смерть*.

- И есть ланит живая алость,
10 Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

* * *

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключают очи.
И буду ждать я с лицом вздетым.

Я буду мертвый – с лицом подъятым.
Придет, кто больше на свете любит:
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

- Придут другие, разрыхлят глыбы,
10 Зароют, – уйдут беспокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот – помешала белая ночь!

18 марта 1907

Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.
Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.
Что быть должно – то быть должно,
10 Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот – я стал поэт.
Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.
И все, *как быть должно*, пошло:
Любовь, стихи, тоска:
20 Все приняла в свое русло
Спокойная река.
Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: *Бог с тобой*.
В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: "Вот, река идет".
И я пошел вперед.
30 В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та – незнакомая, пришла
И встала на мосту.
Она была – живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.
И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
40 И маску белую дала
И светлое кольцо.
"Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка".

Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?

12 апреля 1907

* * *

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весною ясней и певучей
Таинства белых ночей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле, – и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

10 Смехом волнуемый черным и громким,
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло,
Душит красавица ночь...
Краски последние смыла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь...

Ласки мои неумелы и грубы,
Ты же – нежнее, чем май.
20 Что же? Целуй в помертвевшие губы.
Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

ДЕВУШКЕ

Ты перед ним, что стебель гибкий,
Он пред тобой, что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверь стань и стереги:
Успеешь – в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
10 Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
20 Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

* * *

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже мегалась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
10 Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик – зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

* * *

Всюду ясность Божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь все,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротиться
В самый ясный свет.

3 октября 1907

* * *

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полночи,
И пламя языками
Лизало небеса.

10 Сияли ярко очи,
И черными змеями
Распуталась коса.

И змеи окружили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

8 ноября 1907

* * *

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы, —
Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человечьей,
Едва не отгеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

10 Проходит в час определенный,
За нею – карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб – на палача...

Она проходит – и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Февраль 1908

* * *

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
10 Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался – ты сидела,
Я подошел – ты отошла,
20 Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье – нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

ГОРОД

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безнадёжно догорели свечи,
Оплывший огарок маячил в оплывших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:

- 10 Сегодня была она, как смерть, бледна,
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

- И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег.
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
20 И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница – от ложа пьяного желанья –
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь...

- Высоко – над домами – в тумане снежной бури,
30 На месте полуденных туч и полуночных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904

ПЕТР

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

10 Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и тротуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

20 Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских – крикливых, женских – струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

ПОЕДИНОК

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льнет к деннице,
Несказанной вечера.

10 И зарей – очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной –
В бранном шлеме голова –
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
20 Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый – черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздольный,
Разглашай весенний звон!

30 Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

ОБМАН

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженьё.
10 Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

.....

Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро –
20 Стидно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки – трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутятся, несутся по теченью,
30 Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье –
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись, – и струйки шепчут невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

* * *

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Все бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик – преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли –
10 Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

* * *

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-ржавее пальто,
Развевающийся локон –
Все закатом залило.

Блещут искристые гривы
10 Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
20 Окровавленный язык.

28 июня 1904

* * *

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг – влюблен в луну – живет ее обманом.
Вот – третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И – трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Все пусто – здесь и там – под зноем неустанным.
Заборы, как гроба. В канавах прееет гниль.
Все, все погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
10 Мы робко шепчем в дверь: "Не умер – спит ваш близкий"...
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: "Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!"

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904

ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам – словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
10 Покидают могилы домов...
Вот – всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный пылающий бич.

Вот – на гряде горячих камней
Распростерта не смеющая пасть...
20 Грудь раскрыта – и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот – монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях – хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, –
Наши гимны, и песни, и сны – без числа!

30 Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла –
Хвала!

27 августа 1904

* * *

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

10 Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
20 Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь – мгновенна.

10 сентября 1904

* * *

Ввысь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
10 Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней кассе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заемный
20 Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе – вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,

Черный веер распустила,
Черным шелком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
30 Отраженный, переменный –
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти – взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

* * *

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел спрыгнул – и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый тротуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал –
10 Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

* * *

День поблек, изящный и невинный.
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.

10 Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве –
Покачнулась – умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

* * *

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверкании витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

10 Это были цари – не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
"Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?"

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?"

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
20 Эту музыку блеска впивать...

А они проходили все мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем несравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я Светлого Ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи тротуара,
Он одну приобщил небесам...

30 Аверху – на уступе опасном –
Тихо, съезжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

* * *

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
10 Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далеко,
Весело плывут.
20 Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

* * *

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенью купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города – зимнего холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.
О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
10 Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Все тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далеко.

Январь 1905

ПОВЕСТЬ

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно пронесли
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами – светлый и упорный –
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети – не белой, не черной –
Каждый скрывался – не молод и не стар.

10 Были, как виденья неживой столицы, –
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И – нежданно резко – раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой – кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный –
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
20 С криком исступления, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахнул, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых – взор упорно-дерзкий
Все искал кого-то в верхних этажах...
И нашел – и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

30 Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу – в глазах открытых – сила умерла...

Умерла – и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенка мокрый локон.
40 Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

* * *

Иду – и все мимолетно.
Вечереет – и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в подворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей...
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
10 Может быть, слишком упорно еще...
И – внезапно – тенью гадательной –
Вольная дева в огненном плаще!..

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмет
В змеином логовище.

9 марта 1905

ПЕСЕНКА

Она поет в печной трубе
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна! весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон – тощей вербы голый куст –
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
10 Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе – бездумность и беспечность!
Там – вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...

Глаза горят, как две свечи.
О чем она тоскует звонко?
20 Пойдем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

ЛЕГЕНДА

Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли? –
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было – две.

Но Третий за ними – за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.
Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и синее полночь мерцала,
10 Тая, млея, старая полношумной весной.
И одна сказала... "Ты слышишь? – сказала, –
О, как страшно, подруга... быть с тобой".

И была эта девушка в белом... в белом,
А другая – в черном... Твоя ли дочь?
И одна – дрожала слабеньким телом,
А другая – смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, Господи? Сжался! О, сжался!
Другая, смеялась, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались...
20 Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,
30 И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток – в красной пачке кредиток,
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль –
И кругом стало душно... А в полях однозвучно
40 Хохотал Невидимка – и разбрасывал пыль.

В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже Правый! Соделай, чтобы твердь стала легче!
Отврати Твой разящий и карающий меч!

И откликнулось Небо: среди пыли и давки
Появился Архангел с убеленной рукой:
Всем казалось – Он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был Он – перепачкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.
50 Под дождем умолкала песня дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангел белую девушку в Дом Свой унес.

15 апреля 1905

* * *

Я вам поведал неземное.
Я все сковал в воздушной мгле.
В ладье – топор. В мечте – герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
10 У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летающим в облаке огня!

16 апреля 1905

НЕВИДИМКА

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дома,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
10 Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воеет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
20 Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью отворенной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном – Жена.

16 апреля 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
10 И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
20 Никто не заклеямен.

И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
30 Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
40 У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
50 От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
 Был светел круг лица,
Был тихий Ангел пролетающий,
 И радость – без конца.

И были строги и спокойны
 Открытые зрачки,
60 Над ними вытянулись стройно
 Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
 За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
 Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

* * *

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Все так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на домах веют флаги,
10 Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.

И, если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

* * *

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: Свергни! О, свергни!
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светлы
10 Одели Зимний Дворец царя.
И латник в черном* не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмой опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

18 октября 1905

* * *

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних Богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
10 Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застылающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: "Богоматерь!
Для чего в мой черный город
20 Ты Младенца привела?"

* Статуя на кровле Зимнего Дворца (*Примеч. А. Блока*).

Но язык бессилён крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНИЕ

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы – лохмотья печалей –
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи Боже! Уж утро клубится.
10 Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними – девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани –
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

"Что я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой милый...
20 Перстень-Страдание нам свяжет сердца.

Что я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать...
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страдание тебе сковать".

30 октября 1905

СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот – в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных –
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
10 На лицах – желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так – негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
20 И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно –
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям – неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

* * *

Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
10 И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор.

Что пили ночь и забытьё,
Но день их опалил...
Как страшно мирное жильё
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
20 В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость – я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блестательная ложь!

О, запах пламенный духов!
30 О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь!

Январь 1906

* * *

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
10 Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор – не меньше светел,
20 Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных тенях кроясь,
30 Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс –
Сужденный магу млечный путь.

Март 1906

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
10 Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
20 Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
"In vino veritas!" кричат.

И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
30 Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
40 И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
50 И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

Озёрки. 24 апреля 1906

104

Вариант Незнакомки.

Там дамы щеголяют модами,
 Там всякий мучает остеро —
 Куда сунуть да и, куда переодеть,
 Куда пойти согласиться озеру.

Туда мажор перуаши айтили
 И дасакот велеуэр зря
 Как захлебывали вокзалом
 Недоступными зорам.

Там, вт суган там мушкетеро,
 Ко мит думодор иайдо
 Оке-бестидко-уломентне
 И унизително-города.

Куда столкнули, куда жарушками,
 Куда своим привагаот суеть
 Сивозур двал, покротит мушкетеро,
 Глаза и мелия гереть.

Зеро же нду я, огарованити

Моей счастливою звездой,
 И огуменности, и взволнованности
 Винами, зерно и тобою?

Вздыхая древними потугами,
 Меланем редким и углем,
 Под меланом и прозрачным рублем
 И ты виллом огумена?

Средь этой пошлости галактической
 Сказки, где двояк мят и тобою,
 Недостаточной и единичности,
 Как веревка думас - пошлость?

(апрель 1906) - 28 IV 1911 -
 При софобесии доу уд.
 Кемини Годоси

* * *

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер –
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
10 Ко мне приходит иногда
Она – бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
20 Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что делать мне с тобой –
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

28 апреля 1911

* * *

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной – за мглою –
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом,
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

10 "Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальною толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?"

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Все, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
20 И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла –
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
10 Мы жить под низким потолком,
Где проклиjali друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там – в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
20 Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье – праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне – молоток, тебе – игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
30 Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

10 Жилось легко, жилось и молодо –
Прошла моя пора.
Вон – мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Все, все по старому, бывалому,
И будет, как всегда.
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
20 Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А все хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!

Давно звезда в стакан мой канула, –
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

30 Вот, вот – в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже все мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
40 Все, все по старому, бывалому,
Да только – без меня!

Октябрь 1906

* * *

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихою радостью
О том, что вы придете,
10 Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906

* * *

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

"Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!"

И на звезды смотрит.

"Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?"

И звезды рассказывают.
Все рассказывают звезды.

Октябрь 1906

* * *

Я в четырех стенах – убитый
Земной заботой и нуждой.
А в небе – золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, – она довольна
И благодарна за наряд.

Она – такой же голубою
10 Могла бы стать, как в небе – ты,
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.

Но и в стенах – моя отрада
Лазурию твоей гореть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...

И в бледном небе – тихим дымом
Голубоватый дух певца
20 Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

ОКНА ВО ДВОР

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу – старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забытые в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
10 У желоба утренних крыш.
Заплакать – одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!...
Да нет, не заглянешь – пройдешь...
Совсем я на зимнее солнце,
20 На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

* * *

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе – весна.

А мне – какое дело?
10 Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмутив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
20 Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
30 Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое блее,
Чем белая стена...
40 Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить – нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

ПОЖАР

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
10 Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

98 48. Пожар. Жигал' сбора. I
Понеслись, блеснули в очи (ред. Друзьямаша)
Окевие збани,
Золотий брива коти,
Городские мотыбки.

Даве в ^{дуже} дикая ^{земе} пожега,
Малы гвасты мекур...
Но да ми несуты зрети,
Свѣти ковче ступи...

Крик брешах профелин
Золотихи мокет.
Над ваткельм ми коноши
Факел броси ^{стелит} краснот свѣт.

А круто шибко ступи,
Мелко вудети колесануть;
Впереди — ступи се тупи
Кде испугавай тошно.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди – скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
20 Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной – где мы?...
Чьи вызывают голоса?...

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, –
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906

* * *

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, –

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах –
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

10 О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

* * *

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои не смелы,
10 Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
20 Погаснут все – в урочный час.

Декабрь 1906

НА ЧЕРДАКЕ

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что – теперь?
Вот – я с ней лишь связан...
Вот – закрыта дверь...

А она не слышит –
10 Слышит – не глядит,
Тихая – не дышит,
Белая – молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
20 Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
30 И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
40 Милого дружка!

Декабрь 1906

КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво –
10 Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
20 Надменный вздох истлевших уст:

"Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь – я воск. Я тлен. Я прах".

"Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

30 Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь – будем оба
В веках равны перед судьбой?"

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колышется едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

"Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта – слезы,
40 У пьяной проститутки – смех".

16 декабря 1907

НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНИЕ

Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого – ушла.
Нету милого – одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

- 10 Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

"Как он в губы целовал...
Как невестой называл..."

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

- 20 Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружком?..

Белый саван – снежный плат.
А под платом – голова...
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд...
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...

Выйди, выйди из ворот...
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай...

- 30 Приподымешь белый край –
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.

Февраль 1908. Ревель

СНЕЖНАЯ МАСКА

Посвящается Н.Н.В.

1907

С Н Е Г А

СНЕЖНОЕ ВИНО

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забывтый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вокруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
10 Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидеть себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

Снежная мгла взвилась.
Легли сугробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты – стихов моих пленная вязь.

И тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь – электрический свет.
10 Там – пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь все той же пленной душой
В купол все тот же – звездный...

И смотришь в печали,
20 И снег синей...

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, –

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.
И ты молчишь.
И в душе твоей безнадежной
30 Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы среброснежной!
Я читаю вас наизусть.

3 января

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В снежной пене – предзакатная –
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснеженный
10 Если встанешь – не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января

НА СТРАЖЕ

Я – непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он – простерт над бездной водной
С подъятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
10 Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела.
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

10 Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень выюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещения
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
20 Крещеньем третьим будет – Смерть.

3 января

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЬЮ

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: "Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь".

10 И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет...
Как быстро – так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
20 Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,
За ней – другая...
И звезда за звездой
 Понеслась,
 Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

30 В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной –
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

40 Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет – заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января

НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ

Белоснежней не было зим
И перистой тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым.
Умирали звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
10 Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

20 И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января

ЕЕ ПЕСНИ

Не в земной темнице душевной
Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной –
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
10 И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
20 На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января

КРЫЛЬЯ

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дальние покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дальние, вздохните!

В сердце – легкие тревоги,
В небе – звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

10 Сны метели светлосмемой,
Песни вьюги легковойной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли.

20 И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами –
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января

Александр Блок. 10. IV. 07.

АЛЕКСАНДР БЛОКЪ

СНѢЖНАЯ

МАСКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЛРЛ»
СПЕТЕРБУРГЪ
1907

АЛЕКСАНДР БЛОК. СНЕЖНАЯ МАСКА. СПб., 1907

Обложка работы Л. Бакста 1907

Из личной библиотеки Блока (ИРЛИ)

ТИТОГРАФИЯ С РИСУНКА Л. БАКСТА НА ФРОНТИСПИСЕ КНИГИ
"СНЕЖНАЯ МАСКА" (СПб., 1907)

ПОСВЯЩАЮ
ЭТИ СТИХИ

Т Е Б Ъ
ВЫСОКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ЧЕРНОМЪ
СЪ ГЛАЗАМИ КРЫЛАТЫМИ
И ВЛЮБЛЕННЫМИ
ВЪ ОГНИ И МГЛУ
МОЕГО СНѢЖНАГО ГОРОДА.

Радостно и приятно
эту любовь так много пишу
радостно и в страсти
- так много в ней красоты
прозрачности, смелости,
всего подвига
Кавказе 9082 - 1917/18

ПОСВЯЩЕНИЕ А. БЛОКА Н.Н. ВОЛОХОВОЙ
И ЕЕ ОТВѢТНАЯ НАДПИСЬ ОТ 27 ФЕВРАЛЯ 1908 г.

Н.Н. ВОЛОХОВА
Фотография 1907 г.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: "Навеки. Опустя глаза твои".
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали – пролетевшие ладьи.

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

10 Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча – два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января

НЕ НАДО

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежносинем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Лады ночные пролетели,
Нырря в ледяных струях.

И нет моей завидней доли –
10 В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января

ТРЕВОГА

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

10 Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, –
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайними снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

20 Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

4 января

ПРОЧЬ!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

– Кто ты? Кто ты?
10 Скован дремой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы – целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
20 Воротись!

– Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, –
Вам забвенью и потере
Не помочь!

30 На груди – снегов оковы,
В ледяной моей пещере –
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

40 Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лет ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне – мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
50 Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье –
Два меча.

У меня над ложем – знаки
Черных дней.

60 И струит мое веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января

И ОПЯТЬ СНЕГА

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

10 И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли –
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.

И в полях гуляет смерть –
Снеговой трубач...

И вздымает вьюга смерч,
20 Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...

8 января

ГОЛОСА

(Двое проносятся в сфере метелей)

О н

Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
Рукою подъятой к тучам
Ты влечешь меня к безднам!

О н а

О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столетия минут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
10 Свой лик к земле!

О н

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

О н а

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты – в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

О н

20 Сердце – громада
Горной лавины –
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

О н а

Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
30 Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

О н

Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!

О н а

Внимай! Внимай! Я – ветер встречный!
Мы – в лунном круге!
Мы – в бездне звездной!

О н

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
40 Отвори мне застывшие руки!

О н а

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод, –
Расстанься с дольною жизнью!

О н

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?
(Вьюга вздымает белый крест!)

8 января

В СНЕГАХ

И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
10 Снежно стонет
Мне.

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января

М А С К И

ПОД МАСКАМИ

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавающая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
10 Замедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там – к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января

БЛЕДНЫЕ СКАЗАНЬЯ

– Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!

– Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:

– Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

10 Темный рыцарь вокруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска – маске скромной...
Третья – смущена...

И еще темней – на темной
Завесе окна
Темный рыцарь – только мнится...

И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.

20 Снится маске, снится рыцарь...
– Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.
И она внимает в маске.
И за ними – тихий танец
Отдаленных встреч.

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними – тихий танец
30 Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
Золотится
Луч, протянутый от сердца –
Тонкий цепкий шнур.

И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.

9 января

Александръ Блокъ

ЗЕМЛЯ ВЪ СНѢГУ

ТРЕТІЙ СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.
с изд. журн. "Золотое Руно"

АЛЕКСАНДР БЛОК. ЗЕМЛЯ В СНЕГУ. М., 1908

Обложка работы Е. Лансере

С дарственной надписью Н.Н. ВОЛОХОВОЙ от 3 ноября 1908 г.

Из личной библиотеки Блока (ИРЛИ)

Матери

Николаевич

Волоховой.

Позвольте представить Вам
Эту книгу — очень неординарную,
тяжелую и сомнительную для
меня. Это в ней правда и
это ложь, касается только
будущее. Я знаю только, что
она не случайна, и то, что
этим не случайно, люблю.

Александр Глоин.

Эктябрь 1908.
СПБ.

Математика

Николаевит

Волоховой.

Позвольте поднести Вам
Эту книгу — оград неосуществленную,
милую и сомнительную для
меня. Это в ней правда и
это ложь, касается только
будущее. Я знаю только, что
она не случайна, и то, что
здесь не случайно, люблю.

Сенсативно.

Знаю 1908.
СЛБ.

Я, какие хочешь, сказки
Расскажу,

И, какие хочешь, маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

20 Станных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

9 января

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

10 Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

20 Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны – мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января

НАСМЕШНИЦА

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
"Я не знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!"

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

10 Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: "Рыцарь, что ты?
Это – сны твоей дремоты...
Что ты хочешь услышать?"
20 Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха".

10 января

ОНИ ЧИТАЮТ СТИХИ

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? – Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах – сказки,
А в жизни – только проза есть.

Но для меня неразделимы
10 С тобою – ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой,
И маской не дразни меня.
И в темной памяти не трогай
Иного – страшного – огня.

10 января

НЕИЗБЕЖНОЕ

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором, как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит,
10 Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...

И под маской – так спокойно
Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января

ЗДЕСЬ И ТАМ

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Коней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
10 Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
По бурьянам,
И снопами мчались искры
По туманам, –
Ветер масок не догнал,
И с высот сереброзвездных
Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
Обозначились две тени,
20 Улетающие в дали
Незнакомой стороны...

Странных очерки видений
В черных масках танцевали –
Были влюблены.

13 января

СМЯТЕНИЕ

Мы ли – пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
10 Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
20 Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января

ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
10 И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января

НЕТ ИСХОДА

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

¹⁰ И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое –
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!

И приветно глядят на меня:
"Восстань из мертвых!"

13 января

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

Сверкни, последняя игла,
В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
¹⁰ Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!

Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января

НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры-пряхи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
10 Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
20 Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же – легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января

ФАИНА

* * *

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

10 Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

20 Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромн дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906

* * *

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк,
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся – театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас ramпы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

10 И вот, опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной – вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

* * *

Н.Н.В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
"Найди. Люби. Возьми. Умчи".
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

10 И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой – факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я – звезда мечтаний нежных,
20 И в венце метелей снежных
 Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроюсь,
Ты горишь, мой узкий пояс –
 Млечная стезя!

1 января 1907

* * *

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,
10 И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоём – безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозových.

И, миру долънему подвластна,
Меж всех – не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
20 Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

31 марта 1907

* * *

За холмом отзвенели упругие латы,
И копье потерялось во мгле.
Не сияет и шлем – золотой и пернатый –
Все, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
Обольют меня тучами стрел.

10 Если близкое утро пророчит мне гибель,
Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на горном изгибе
Лик твой молниенный гневом горит!

Воротясь, ты направишь копье полуночи
Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в змеинных кудрях твои очи,
Я услышу твой голос: "Забудь".

20 Надо мною ты в синем своем покрывале,
С исцеляющим жалом – змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
Под неверным мерцаньем копьей!

2 апреля 1907

* * *

Моей матери

Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

"Сын милый, где ты?" – Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

10 И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,
И снова кличет: "Сын мой! Где ты?"
Цветов стараясь не измять...

Все тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

* * *

В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Черноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?

10 Разлюбил тебя и бросил,
Знаю – взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?

25 июня 1907

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, –
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, –

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, –

Тогда – просторно и далеко
10 Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах – такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой – будет ли причален
20 К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.
Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным...

И радость, и слава –
Все в этом сияньи бездонном,
И дальном.

10 Но смятые травы
Печальны,
И листья крутятся в лесу обнаженном...

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне все жальче и жальче...

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

3

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отратно:
Ты думаешь – нежная ласка,
Я знаю – восторг мятежа!

И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно –
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...

О, в этот сияющий вечер
10 Ты будешь все так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!

Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрашна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пиновала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
20 Холодные выси мои...

Часы торжества миновали –
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

* * *

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались, как чужие,
Забыв, что есть простое *ты*.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим меря,
10 Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить – и укротить.

И чуждый – чуждой жал он руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так, в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
20 Их обреченная душа.

10 октября 1907

СНЕЖНАЯ ДЕВА

Она пришла из дикой дали –
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
10 Звездами плечи, грудь и стан, –
Все снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
20 Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома –
Весь город мой непостижимый –
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге – строгий крест.

30 Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
40 В священном трепете храню.

17 октября 1907

* * *

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Мои волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
10 Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

20 Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые – и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
30 В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом – опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
40 То подойдет, то прынет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном – гулко
Звонят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свету,
И вьется шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с новым жаром
50 Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, –

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца – чернее мрака...
60 О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, –
И звонкий утренний трезвон:

Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь – буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
70 День обессиленный погас, –
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне.

Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
10 Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

Заклятие огнем и мраком
и клаской метелы.

Одноклассник стихотворения.

41.
Вост²⁶
1908, III

И вновь повлечу я
Эти стихи — Мелю.

За все, за все Мелю, любимому:
За тайные мечты и страсти,
За горький смех, открытую душу,
За любовь врагов и милую дружбу;
За смелую душу, расчужденную
в пылу бит.

Лермонтов.

1. Признание.

О, весна без конца и без края!
Без конца и без края лето.
Ужасно тепло, летит! Стремительно!
И нравственною жизнью сердца!

И встречаю тебя у порога –
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем Бога
20 На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами – хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю –
Все равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Привыший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар –
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город – яркий сноп огня,
Река – прозрачное стекло
И только – нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
10 Я пригвожден к стене – смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огненным
О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок – и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи.
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

10 Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное – было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

10 Как ветер, ты целуешь жадно,
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной,
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках платья
20 Мое безумное лицо...

Лишь утром воронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова – знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что быть бесстрастным? Что – крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой – в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке – магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
10 Мне в будущем – сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок
20 Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце – летящая птица...
Что в сердце – щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

10 Сердце – легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит наверное темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истومي ты истомой ресницы,
20 К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится –
То вдали закружилась она –
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет – и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

10 Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между –
И буду в струйном лепете.

И шепчет он – не отогнать
(И воля уничтожена):
"Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
20 Где все навеки молодо..."

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

8

О, что мне закатный румянец,
Что злые тревоги разлук?
Все в мире – кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебязью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
10 Тревожат в усталом пути...
А все пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки – холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей – страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схимник,
20 Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,
Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...

Ты виденьем, в пляске нежной,
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

30 Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Все, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропкою зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стан твой гибкий

40 Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружит...
Все – виденья, все – измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...

50 Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след –
Смерти нет!

В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле –
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос – внятный.
60 Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом
Ты дразишь и манишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
70 Щемящие звуки
И – вольная Русь?..
И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убегает, скрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть, –
Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...
80 И странным сияньем сияют черты...
Удалая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...
Гармоника – ты?

1 ноября 1907

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом, да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

10 Смотрю я – руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная, – пляши!
И будь навек отравною
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты – ночь, и вся ты – тьма,
20 И вся ты – во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!...

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник – другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочаясь, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
10 Другого плясал бы – вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница – повыше
Других молодниц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
20 И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

И я опять затих у ног –
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

10 В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
20 Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

ИНОК

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям – брат примерный,
И рясу черную несу,
Когда с утра, походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

10 И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном,
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На яром пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
20 В своем монашеском платке.

Что вот – меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

ПЕСНЯ ФАИНЫ

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся – змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

10 Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай – бичем хлестну!

Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в моей черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!

Я вся – весна! Я вся – в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

20 Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой –
Свисти, мой тонкий бич!

Декабрь 1907

* * *

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат –
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь – какая-то свирель
10 Поет надрывно, жалко, тонко:
"Качай чужую колыбель,
Ласкай немилостивого ребенка..."

Я тоже – здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сирый дух – твой верный пес,
20 У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава – вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
30 Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рожать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне:
А люди – на могильном камне
Начертят прозвище: *Поэт*.

13 января 1908

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту –
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет– Ведь я не насильник,
10 Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же, я смею думать,
20 Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

* * *

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
10 И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух Макбета.

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
20 И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

6 февраля 1908

* * *

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
10 Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять – бессильно и напрасно –
10 Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шепот, –
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
20 Как бы с далекой высоты...

Так – сведены с ума мгновеньем –
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

30 Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, –
Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная тень*...

С благоволением? Иль с укором?
Иль ненависть, мстят, скорбят?
Иль хочешь быть мне приговором? –
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(Посв. Г. Чулкову)

О СМЕРТИ

Все чаще я по городу брожу.
Все чаще вижу смерть – и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на горах щебня,
А за глухим забором – ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
10 И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом – внезапный крик:
"Упал! Упал!" – кричали на заборе,
20 И я, вскочив на маленький пенек,
Увидел все зараз: вдали летели
Жокеи в пестром – к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремяна.
А за листвой кудрявеньких березок,
Так близко от меня – лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо

В глубокое ласкающее небо.
30 Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

**ВОЛЬНЫЯ
МЫСЛИ**

С Т И Х И

АЛЕКСАНДР БЛОК. ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ
ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В АЛЬМАНАХЕ "ФАКЕЛЫ". 1908

И вот повисла

Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
40 Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал – с одной упорной мыслью,
50 Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг – в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли –
И умерли. И умерли глаза.
60 И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
70 И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песка,
Таскали – то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери – с отвислыми грудями
Под грязным платьем – ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревешки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.

- 80 И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот – бревнышко, другой – кирпичик...
И вдруг раздался всплеск воды и крик:
"Упал! Упал!" – опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу – лежала сотка.
- 90 Один тащил багор.

- А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
- 100 Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
- 110 Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

- Сердце!
Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
- 120 И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

НАД ОЗЕРОМ

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый –
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит – и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
10 Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый,
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
20 И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне – ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной – могила
Из темного гранита. Подо мной –
Белеющая в сумерках дорожка.
И, кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, средь ночных могил
Скрестивший руки, стройный и влюбленный в мир.
Но некому взглянуть. Внизу идут
30 Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,

Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру – красавице – ей нужно,

Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

40 Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там – самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
50 Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющим задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штанов!
Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далеко, так далеко,
Куда и я не в силах заглянуть...

60 О, нежная! О, тонкая! – И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!.. – И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..
А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за sklepa...
70 И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил – незримый и высокий...
Кричу: "Эй, Фекла! Фекла!" – И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...

Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
80 Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!

И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: "Здравствуй!" – я кричу...
И голосом красавицы – леса
Прибрежные ответствуют мне: "Здравствуй!"
Кричу: "Прощай!" – они кричат: "Прощай!"
90 Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я и все союзники мои:
Ночь белая, и Бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле,
И на письме трагической актрисы:
100 "Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...".

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,

Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
10 Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там – закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один –
20 То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневе мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: "Навек с тобой".
"Здесь были Коля с Катей". "Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
30 Здесь были. Дивны Божии дела", –
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далеко
Безмолвным заревом стоит пожар.
40 Рыбачий "Вольный" остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали –
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вежи,
Метелками фарватер оградив,
И далеко – от вежи и до вежи –
Рыбачьих шхун маячат паруса...

50 Над морем – штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица – морская яхта.
На тонкой мачте – маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
60 Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: "Хотите на буксир?"
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: "Нет. Благодарю".

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами...
70 На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

В ДЮНАХ

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
"Ты мой". "Твоя". "Люблю". "Навеки твой".
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: "Сегодня ночь. Но завтра –
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду – и запою".

10 Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней – все те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен – нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
20 Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна –
И русский бесприютный храм глядел
В чужую незнакомую страну.
Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
30 И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом – вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далеко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
40 И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она – и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
50 Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
"Моя! Моя!" – И пусть она мне крикнет:
"Твоя! Твоя!"»

Дюны

Июнь–июль 1907

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

⟨к сборнику "Нечаянная Радость"⟩

⟨Нечаянная Радость. Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1907⟩

Нечаянная Радость – это мой образ грядущего мира. В семи отделах я раскрываю семь стран души моей книги.

Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать "прощай" зиме, кувыряться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они – добродушные и бессловесные твари, – привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир – балаган, позорище.

Она осталась бы такою, если бы не тревожили людские обитатели – города. Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни:
10 Ночи – снежные королевы – влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слышали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти.

И молчаливая девушка за узким окном всю ночь ткет мне мой Перстень-Страданье; ее работа рождает во мне тихие песни отчаянья, песни Покорности.

Но над миром, где всегда дует ветер, где ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза, – Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотую короной лесов упирается в синее
20 небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря, и как свободна душа. Нечаянная Радость близка. Она смотрит в глаза мне очами синими, бездонными и незнакомыми, как очи королевны Ночной Фиалки, которая молчит и прядет. И я смотрю на нее, но вижу ее, как бы во сне. Между нами нет ничего неразгаданного, но мы все еще незнакомы друг другу.

Мир, окружающий меня, также смотрит в еще незнакомые очи Нечаянной Радости. И она смотрит в очи ему. Но они уже знают о скорой встрече – лицом к лицу.

Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем
30 на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли.

Александр Блок

Август, 1906.

С. Шахматово, Моск. губ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

⟨к сборнику "Земля в снегу"⟩

⟨Земля в снегу. Третий сб. стихов. М.: Золотое руно, 1908⟩

Зачем в наш стройный круг ты ворвалась, комета?

Л.Б.

Когда среди сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама, и на пути своем

10 Гроза иным звездам стремленьем и огнем
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

Ап. Григорьев. 1843.

План третьей книги моих стихов – неизбежная, драматическая последовательность жизни.

20 "Стихи о Прекрасной Даме" – ранняя утренняя заря – те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. Одиночество, мгла, тишина – закрытая книга бытия, которая пленяет недоступностью, дразнит странным узором непонятных страниц. Там все будущее – за семью печатями. В утренней мгле сквозит уже Чародейный, Единый Лик, Который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни. Может быть, скоро уже Он явится мне опять, и тогда пойму, что перегнулась линия жизни и близится закат. Но – мимо! Опять в слепоту и хмель, во мрак и тревогу безумно торопят меня восторги жадной жизни.

30 "Нечаянная Радость" – первые жгучие и горестные восторги – первые страницы книги бытия. Чаши отравленного вина, полувоплощенные сны. С неумолимой логикой падает с глаз пелена, неумолимые черты безумного уродства терзают прекрасное лицо. Но в буйном восторге душа поет славу новым чарам и новым разуверениям; ей ведомы новые отравы, новый хмель. Готовая умереть, она чудесно возрождается; готовая к полету, срывается в пропасть и плачет, и плачет на дне. Израненная – поет. Избитая – кричит. Истопанная – возносится к прозрачной синеве. Надтреснутый колокол мерно качается и поет серебряным голосом, пока не сорвется в пропасть: восторгов мира не избыть, влюбленность, как феникс, возникает из пепла, – и
40 новые пиры празднует природа там, где вчера еще пахло гарью, и вспугнутые птицы взлетали и метались, жалобно крича, над смрадно дымящейся землей.

Кто посмеет сказать: "Не должно. Остановись"? Так я живу, так я хочу. Не променяю моих восторженных и черных дней, моей мещанской лени,

моего вечного праздника на вашу здравость и глубину, на ваши жемчужные зори. Не по чуждой воле погибну, не по чуждой восстану. Я вопрошаю словами поэта:

50 Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это все? Еще душа пылает, –
По-прежнему готова мир обнять...
Напрасный жар – никто не отвечает!
Воскреснут звуки – и замрут опять...

Лишь ты одна! Высокое волнение
Издаю мне голос твой принес:
В ланитах кровь и в сердце вдохновенье...
Прочь этот сон, – в нем слишком много слез!

60 Не жизни жаль с томительным дыханьем, –
Что жизнь и смерть!.. – А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет! И плачет, уходя!

И вот *Земля в снегу*. Плод горестных восторгов, чаша горького вина. Когда безумец потерял дорогу, – уж не вы ли укажете ему путь? Не принимаю – идите своими путями. Я знаю сам страны света, звуки сердца, лесные тропинки, глухие овраги, огни в избах моей родины, яркие очи моей спутницы.

70 Что из этого, что Судьба, как цирковая наездница, вырвалась из тусклых мерцаний кулис, и лихой скакун ее, ослепленный потоками света, ревом человеческих голосов, щелканьем бичей, понесся вокруг арены, задевая копытами паразит? И вот Судьба – легкая наездница в прозрачной тунике, вся розовая, трепетно стыдливая на арене, нагло бесстыдная в страсти, хлеснула невзначай извилистым бичом жалкого клоуна, который ломается на глазах амфитеатра, – хлеснула прямо в белый блин лица. В душе у клоуна – пожар смеха, отчаянья и страсти. Из-под красных треугольных бровей льется кровь – оттого и не видно дороги. Идет, пошатываясь и балагурия, – но не протягивайте рук и не спасайте.

80 Далеко в потемках светит огромный факел влюбленной души. Если с ним заблужусь, то уж некому спасти, ибо Сама Судьба превратила эту пышность, этот неизбывный восторг, эту ясную совесть, эту радостную тоску – в ничто. И я протяну к ней руки, я поклонюсь ей в ноги, – будь Она во образе цирковой наездницы в ажурных чулках с голубыми стрелками, с тонким и оскорбительным бичом, с глазами пленительной мещанки, сияющими лишь по привычке всегда сиять, до гроба сиять.

Так развертывается жизнь. Так, всему изумляясь, ни о чем не сожалея, страдной тропею проходит душа. Расступитесь. Вот здесь вы живете, вот в

90 этих пыльных домиках качаете детей и трудитесь, вот здесь воскресным вечером, в желтой летней пыли шелкаете орешки, лущите подсолнухи, покупаете зеркальце на уличном лотке, чтобы стать краше и нравиться милому. Но издали идет к вам вольная, дерзкая, наглая цыганка с шафранным лицом, с бездонной страстью в черных очах. Медленно идет, гуляя, отдыхая, от одной страстной ночи к другой. В черных волосах бренчат желтые монеты, запылен красно-желтый платок. Вам должно встать, и дать ей дорогу, и тихо поклониться.

100 Кто захочет понять, – пусть поймет неумолимую логику этих малословесных книг. Кто захочет больше – поверить, – пусть верить, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути, исполненного падений, противоречий, горстных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайняя равнина – изначальная родина, может быть, сама Россия. И снега, затемняющие сияние Единой Звезды улягутся. И снега, застилающие землю – перед весной. Пока же снег слепит очи и холод, сковывая душу, заграждает пути, издали доносится одинокая песня Коробейника: победно-грустный, призывный напев, разносимый выюгой:

Ой, полна, полна корбушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча!

110 Выди, выди в рожь высокую,
Там до ночки погожу,
А завизжу черноокою –
Все товары разложу!

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они!
Распряись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...

Александр Блок.

*Март 1908 г.
С.-Петербург.*

ПРИМЕЧАНИЕ

⟨к сборнику "Земля в снегу"⟩

⟨В кн.: Земля в снегу. Третий сборник стихов. М., 1908⟩

Все стихотворения, вошедшие в эту книгу, за исключением тех, под которыми поставлены даты, относятся к 1907 году. Из книги исключено около половины стихотворений, относящихся к тому же времени и напечатанных в сборниках. Жизнь, Хризопраз, Проталина, журналах: Тропинка, Луч, и газетах: Речь,

Наша Жизнь, Столичная Почта, в провинциальных газетах и нек. др. изданиях. Стихи, включенные в книгу, кроме отмеченных звездочкой, которые появляются впервые, напечатаны в журналах: Веса, Золотое Руно, Перевал, Образование, 10 Трудовой Путь, Нива, В Мире Искусств; в альманахах: Шиповник (II, III, IV), Факелы (III), Земля (I), Цветник Ор, Белые Ночи, Корабли, Корона, в газетах: Слово, Русь и Час.

"Отрывок" из Байрона (стр. 27) – "написан вскоре после замужества Мэри Чаворт" в 1805 году. Вошел в третий том Полного Собрания ("Библиотека Знаменитых Писателей" под ред. С.А. Венгерова – Байрон).

"Ц и р ц е я" (стр. 104) – стихотворение Seb. Ch. Lesconte'a переведено из книги "Le sang de Méduse" (Paris, M. de F. 1905).

20 Два последние отдела этого сборника были изданы отдельной книгой "Снежная Маска" (Изд. "Оры", Спб. 1907).

ПРИМЕЧАНИЯ

⟨к сборнику "Нечаянная Радость"⟩

⟨К Собранию стихотворений. Кн. вторая. Нечаянная Радость (1904–1905).

М.: Мусaget, 1912⟩

"Нечаянная Радость" – переходная книга: еще не отзвучали "Стихи о Прекрасной Даме", а уже основной отдел ("Магическое") связан со "Снежной Ночью". Взглянувший на даты книги поймет, почему она отличается всеми свойствами переходного времени.

Книга дополнена стихотворениями, ей современными, которые по разным причинам не вошли в ее издание, но все были напечатаны, кроме одного (XXVIII), в сборниках моих стихов и повременных изданиях.

Следующие примечания относятся к отдельным стихотворениям.

10 I и II. "Сольвейг". Драматической поэмой Ибсена извеяны и женственный образ Сольвейг и другие образы этого стихотворения.

III. "На весеннем пути". Слово "галь" – старое русское. Оно встречается еще в XVIII веке – у А.Т. Болотова.

XII. "Влюбленность". Стихотворение внушено замком города Friedberg'a (Hessen), описанию которого посвящена моя статья: "Девушка розовой калитки и муравьиный царь".

XVI. "Балаганчик". Развитие этой темы – в лирической драме того же имени; те же мотивы встречаются и в "Стихах о Прекрасной Даме".

XVII. "У моря". Влияние Мэтерлинка.

20 XXVII. "Незнакомка". Развитие темы этого и смежных стихотворений – в лирической драме того же имени.

XXXIII. "Петр". Стих. внушено Петром Фальконета на Сенатской площади в Петербурге.

XLII. "Потеха! Рокочет труба..." "Слова слаще звуков Моцарта" – стих из либретто "Пиковой Дамы" Чайковского.

XLVII. "Иванова Ночь". "В волшебстве этом" – музыкальное сочетание слов их стихотворения Фета.

LXVII. "Последний день". Влияние "Коня Бледа" В. Брюсова.

LXXI. "Сытые". Стих. внушено октябрьскими забастовками 1905 года в Петербурге.

30 LXXIV. "Еще прекрасно серое небо". "Латник в черном" – одна из статуй на кровле Зимнего Дворца.

LXXVII. "Митинг". Влияние перевода Бальмонта "Баллады Рэдингской тюрьмы" Уайльда.

LXXVIII. "Ея прибытие". Я решаюсь поместить здесь эту слабую и неоконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, как посвященная разным "несбывшимся надеждам" (по моему тогдашнему замыслу). Все ее части были напечатаны в виде отдельных стихотворений в разных журналах. Развитие той же темы – в лирической драме "Король на площади".

40 XCIV. "Русь". "Мутный взор колдуна", чарование злаков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом лезвие ножа на изменившего милого – все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний (см. мою статью "О заговорах и заклинаниях" в "Истории Русской Литературы", изд. "Мир", том 1, "Народная Словесность", под редакцией проф. Е.В. Аничкова).

XCVII. "Вот Он – Христос". Стихотв. навеяно теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова.

CVIII. "Ночная Фиалка". Эта поэма – почти точное описание виденного мною сна.

50 В первой книге по недосмотру не отмечено, что выражение "безсмертная пошлость" (стих. CCLVIII на стр. 168) принадлежит Тютчеву.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

("Ты в поля отошла без возврата...")

(С. 7)

Варианты Т₄

- Заглавие Молитва
15 а. Ты – держащая море и сушу
б. Ты – Держащая море и сушу

Варианты БА₁ РГБ, БА₂ РГБ

- Заглавие Молитва
15 как в Т₄, вар. а
16 Неподвижно тонкой рукой.

Вариант публикаций в П₁, П₂ (НР П₂), ИСП

- 16 Неподвижно тонкой рукой!

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

"НА ПЕРЕКРЕСТКЕ..."

(С. 11)

Черновые наброски в ЗК₇ (ЧН₁)

На перекрестке,
Дали синей предан¹
Стою один.
Она взманила –
– Земля пустынная

[На перекрестке
Стою печальный]

¹ Было: а. Где даль возрастила
б. Где далью синей

Первоначальная редакция в ЗК₈ (ЧА₁)

- На перекрестке,
Где даль поставила,
Стою весенний в печальном весельи.¹
На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
[И] в кружеве березки
Далеко далеко
Крутые лиловые скаты оврага
Она взманила
(10) Земля пустынная²
И небо бледное³
Такое пышное
Склоняется к вечеру
На западе – рдея от холода⁴
Солнце как медный шлем печального воина⁵
Грустно обращенного⁶
К другим горизонтам
К иным временам⁷
И шишак – золотое облако
(20) Тянет ввысь белыми перьями.⁸
И мои вечерние лохмотья
В дерзостной красе.⁹

¹ Было начато: Стою весенний наряд

² Вм. (1–10) было: ^a На перекрестке,
Где даль расставила
[И] На земле холодной жесткой
Сквозь кружево березки
Сквозят

^b На перекрестке,
Где даль поставила,
На земле еще жесткой
Наливается злак.
И в кружеве березки
Сквозят све()

³ Было начато: Где

⁴ Было начато: ^a Взрастило бедн()

^b И на закате

^c Там – за закате

^d На западе – в

⁵ Было: ^a Солнце как шлем воина

^b Солнце как медный шлем воина

⁶ Грустно заключено в скобки.

⁷ Стих вписан

⁸ Было: Машет ввысь белыми перьями.

⁹ Было начато: Вспл(ываюг?)

И жалкие крылья вороньего пугала¹
Пламенеют как солнечный шлем
Отблеском вечера
Отблеском счастья
И кресты и окна вдали
И зубчатые вершины
Далекого леса
(30) Ленивым и белым размером
Весны.²

Черновой набросок в ЗК₈ (ЧН₂)

На перекрестке
Где три дороги
Бегут, теряясь, в [даль полей] –³
Стою печален.⁴
На земле холодной и жесткой
Где откосы оврагов отлоги⁵
Где солнце, даль озолотив,
Мне кажет в кружеве березки
Ручьев и рек разлив –
Где даль поставила
В глаза мне брызнув

Черновой набросок в ЗК₉ (ЧН₃)

Она взманила –
Земля пустынная

Варианты Т₄

- Заглавие Весеннее
3 Стою – весенний – в печальном весельи. ◊
5 а. как в основном тексте
б. Пробивается тощая травка.
7 а. Далеко-далеко
б. Далеко, глубоко
8 Лиловые скаты ◊
 Оврага ◊
13 Грустно обращенного ◊
15 И к иным временам. ◊
16 а. Шишак его – золотое облако

¹ *Вм. (21–23) было:* И мои вечерние лохмотья
И вороньи крылья пугала

² *Было:* Сквозящей весны.

³ *Было:* Бегут, теряясь, в пышность нив –

⁴ *Стих вписан*

⁵ Где откосы оврага отлоги (*незачеркнутый вариант*)

- б. И шишак – золотое облако
 18–19 а. И дерзостна краса
 Моих лохмотьев вечерних.
- б. Над дерзкой красую
 Вечерних лохмотий моих.
- Вм. 20–21 а. И жалкие крылья вороньего пугала
 б. И жалкие крылья мои, крылья вороньего пугала
- 26 И зубчатые вершины[◇]
 Родного леса –[◇]
- 27–29 а. Все дышит
 Ленивым и белым размером
 Весны.
- б. Все погаснет, потонет и ночь поплывет¹
 Ленивым и белым размером
 Весны.
- в. *как вар. а*
- г. Все дышит ленивым
 И белым размером весны...
- Варианты публикаций в II₁, II₂ (HP II₂), II₃*
- Заглавие На перекрестке (II₂ (HP II₂))
 23–29 отсутствуют (II₃)
- Вм. 28–29 И белым размером весны. (II₁, II₂ (HP II₂))

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

("Я прогнал тебя кнутом...")

(С. 12)

Первоначальная редакция²

ЧЕРТЕНЯТА – ДВОЙНИКИ

(Мокрая сказка)

Я прогнал тебя кнутом
 В полдень сквозь кусты,
 Чтоб дождаться здесь вдвоем
 Темной пустоты.

Вот – сидим с тобой на мху
 Посреди болот.
 Третий – месяц – наверху
 Искривил свой рот.

¹ *Возможный последующий вариант стиха:*
 Все потонет и ночь поплывет

² *Печатается по тексту, опубликованному В.Н. Орловым (ЛН. Т. 27–28. М., 1937. С. 677–678).*

- (10) Помни, нежить, я гляжу
Пустотой орбит.
Сказку мокрую скажу, –
Кто с тобой сидит.
- Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав
Захудалый черт.
- На дурацком колпаке –
Бубенец разлук.
За плечами – вдалеке –
(20) Сеть речных излук.
- "К устью! к устью!" – кличут пусть – ...
Мы – в начале рек...
Оттого речная грусть
Не прейдет вовек...
- Неотлучен ты и сам
От ночных работ...
Опрокинуться бы нам
В ржавчину болот!
- Если б я хотел тонуть, –
(30) Ты бы не пустил
Гадких капелек хлебнуть,
Кануть в мерзкий ил.
- Если б ты, дурак, тонул, –
Я бы, в смрадном сне,
Ногу тонкую тянул,
Шарил в глубине...
- И сидим мы, дурачки,
Над болотным мхом;
Зеленеют колпачки
(40) С мокрым бубенцом...
- Зачумленный сон воды,
Ржавый блеск волны...
Мы – забытые следы
Чьей-то глубины.

Варианты публикации в ВЖ и НР Сказки

Посвящение *отсутствует*
21–24 *отсутствуют (НР Сказки)*

"Я живу в отдаленном скиту..."

(С. 12)

Черновой автограф в ЗК₁₀ (ЧА ЗК₁₀)

I Наброски

Я живу в одиноком скиту –
И не знаю границы любви.¹

Было²

II Первоначальная редакция

Я живу в одиноком скиту
В дни, когда мое сердце скорбит³
Выхожу – и стою на мосту
Осень думы мои золотит⁴

Безначально безмолвная ширь
Тишина колокольных высот
Та, что нынче читала Псалтирь
Та монахиня завтра умрет

(10) Так прозрачна была и больна⁵
И в чертах – восковая печаль.
В церкви встала на фоне окна⁶
Но сквозила за окнами даль.⁷

Варианты публикации в СР

17–20 *отсутствуют*

21 Я живу в отдаленном скиту

Вариант публикации в III₂

13–20 *отсутствуют*

¹ *Было:* Поживи в одиноком скиту –
И узнаешь

² *Было:* Буду ждать

³ *Было:* В дни, когда мое сердце болит

⁴ *Было:* " Я живу в одиноком скиту
В эти дни – рассыпается золото
Выхожу – и стою на мосту
И осеннее ()

⁶ Я живу в одиноком скиту
В дни, когда мое сердце уколото.
Выхожу – и стою на мосту
И смотрю на осеннее золото. (*незачеркнутый вариант*)

⁵ *Было:* Так прозрачна она и больна

⁶ *Было начато:* Если б

⁷ *Было начато:* И сквозила мне

ТВАРИ ВЕСЕННИЕ
(Из альбома "Kindisch"* Т.Н. Гиппиус)

("Золотисты лица купальниц...")

(С. 13)

Варианты БА ИРЛИ

Заглавие	Послание к лесным тварям из альбома "Kindisch" Татьяны Николаевны Гиппиус
Между 4 и 5, 10 и 11	<i>интервал</i>
17	И – молчаливо открыты невинно бескровные губы.
Между 17 и 18	<i>интервал отсутствует</i>
Вм. 18–20	Тихонько дым Поднимается с пруда... О, Чуда! ¹ Чуда! О, Чуда! ²
Между 21 и 22	<i>интервал отсутствует</i>
22–26	Но ресницы опущены долу; – И одна – на руке, опрокинутой ввысь, Ладонью в стволистую мглу Светляка подняла... Посмотри, помолись...
Между 26 и 27	Куда же ты скроешь зеленого, явного света ночную иглу?... Всей вашей зеленью, крепостью, Небывальщиной, голубчики, – Вы сольетесь с утренней крепостью, Вопьетесь в розовые зубчики!...
27–28	Светись, да светись, светлячок! Одной молчаливой понятный –
Между 30 и 31	<i>интервал отсутствует</i>
Вм. 31–35	День придет беззакатный, Еще помаетесь – За ночью не доглядели, И все ушло... Еще покусаетесь – Ночку не пожалели, И становится слишком светло...
36–39	<i>отсутствуют</i>
41	По седым, зеленым прудам.
43	К Святым Местам.

* "Детское" (нем.).

¹ Было: О, чуда!

² Было: Чуда! О, чуда!

Варианты Т₄

Заглавие	Послание к лесным тварям из альбома "Kindisch" Т.Н. Гиппиус
Между 4 и 5	<i>интервал</i>
14	Издали мы начинаем вникать в отдаленные трубы.
17	И молчаливо – открыты невинно-бескровные губы.
18	О, чуда! Чуда! о чуда!
22–26	Но уж признак – ресницы опущены долу И одна – на руке опрокинутой в высь Ладонью в стволистую мглу Светляка подняла. – Посмотри, помолись – Куда же ты скроешь зеленого, явного света иглу?..
Между 26 и 27	<i>как в БА ИРЛИ</i>
27–28	<i>как в БА ИРЛИ</i>
Вм. 31–35	<i>как в БА ИРЛИ</i>
36–39	<i>отсутствуют</i>
41	По седым зеленым прудам.
43	<i>как в БА ИРЛИ</i>

Варианты переработки в Т₄-(1906)

Заглавие	Лесные твари ¹
14	<i>как в основном тексте</i>
17	И молчаливо – открыты бескровные губы.
18	Чуда! о чуда!
22	<i>как в основном тексте</i>
23	Но одна – на руке опрокинутой ввысь
24	<i>как в основном тексте</i>
Ст. между 26 и 27	<i>зачеркнуты</i>
27–28	<i>как в основном тексте</i>
29	Ты – кусочек света, [◇]
31–35	<i>как в основном тексте</i> ²
36–39	<i>вписаны</i>
41	<i>как в основном тексте</i>

Варианты БА ИМЛИ

11	Волосы Ночи натянуты туго на срубы
23–24	Но одна – на руке, опрокинутой ввысь, Ладонью в стволистую мглу,
29	<i>как в Т₄-(1906)</i>

¹ Вписано при незачеркнутом предыдущем варианте.

² С вариантом в ст. 32: С Ночкой вы не радели, –

Между 35 и 36 *интервал*
43 *как в БА ИРЛИ*

Варианты публикации в журн. "Весы"

11, 23–24 *как в БА ИМЛИ*
32 *как в Т₄-⟨1906⟩*
43 *как в БА ИРЛИ*

Варианты публикаций в П₁, П₂ (НР П₂), П₃

Без деления на строфы (П₂)

Между 4 и 5, 35 и 36 *интервал (П₁)*
Между 5 и 6, 17 и 18 *интервал отсутствует (П₃)*
24 *как в БА ИРЛИ¹ (П₁, П₃)*
Между 30 и 31 *интервал отсутствует (П₁)*

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

("На весенней проталинке...")

(С. 14)

Варианты Т₄, БА₁ РГБ, БА₂ РГБ, БА ИМЛИ

Заглавие *отсутствует*
Посвящение Л.Д.Б. (Т₄, БА₁ РГБ, БА₂ РГБ)
Между 18 и 19 *интервал*
Между 29 и 30 *интервал отсутствует (Т₄, БА₂ РГБ)*
30 *Иди по пучине тряской: ◇ (Т₄)*
30 *Иди по пучине тряской: (БА₁ РГБ, БА₂ РГБ)*

Варианты публикации в журн. "Весы"

Заглавие *отсутствует*
Между 3 и 4, 15 и 16 *интервал отсутствует*

Варианты публикаций в П₁, КРП, П₂ (НР П₂, Кор. П₂), ИСП, П₃

Заглавие *отсутствует (П₁, КРП, ИСП)*

Без деления на строфы (КРП)

Между 15 и 16 *интервал отсутствует (НР П₂, П₂, П₃)*
Между 16 и 17 *интервал (НР П₂)*
Между 18 и 19 *интервал (П₁, П₂)*
Между 29 и 30 *интервал отсутствует (П₁, Кор. П₂)*

¹ В П₂ (НР П₂) как в основном тексте.

"ПОЛЮБИ ЭТУ ВЕЧНОСТЬ БОЛОТ..."

(С. 16)

Черновые наброски в ЗК₁₀ (ЧН₁)

(I)

Злаки желтые, травы дремотные¹
Красно-ржавые топи болотные²
Полюби эту вечность болот
Никогда не иссякнет их мощь
Этот злак, что сгорел, упадет
В тишину³ отощавшую рош⁴

(II)

Неизменно-предвечны они⁵
Ты – пред Вечностью – огненный бунт⁶
Но болото ()
Пусть глядят эти кочки и мхи⁷
Лишь в твои заревые глаза⁸

Пред одной лишь болотной дремой
Пусть в слезах утопают глаза

Пусть глядят эти вечно больные глаза⁹

¹ Было начато: Злаки желтые, дремы

² Было: Красно-ржавые сны болотные

³ Было начато: В тишине

⁴ Было: ^а Полюби эту вечность болот
Никогда не иссякнет их мощь
Этот злак, что сгорел, не умрет
Этот куст навсегда ()

^б Полюби эту вечность болот
Никогда не иссякнуть их мощи
Этот злак, что сгорел, не умрет
И кусты () тощи

^в Полюби эту вечность болот
Никогда не иссякнуть их мощи
Этот злак, что сгорел, не умрет
И кусты без истления тощи

⁵ Было начато: Неизменность

⁶ Было: ^а Ты – перед Вечностью – бунт

^б Ты – пред Вечностью – полон измен (*незачеркнутый вариант*)

⁷ Было начато: Пусть глядят эти тр(авы?)

⁸ Было начато: ^а В

^б Неустанно

⁹ Пусть глядят эти вечно больные кусты (*незачеркнутый вариант*)

Черновой набросок в ЗК₁₁ (ЧН₂)

Полюби эту вечность болот,
Никогда не иссякнет их мощь
Этот злак, что сгорел, не умрет,
В тощей сонности траурных рощ¹

Неизменно предвечны они –²
Ты пред Вечностью полон огня³
Так любуйся на кочки и пни
На спине { } коня.

Варианты ЧА ЗК₁₁

- 5–6 а. Пусть глядят эти кочки и пни⁴
В твой святой отдыхающий плен.
б. Пусть глядят эти кочки и пни
На святой отдыхающий плен.
в. Эти ржавые кочки и пни
Видят твой отдыхающий плен.
2. *как в основном тексте*⁵
9 *начато*: А когда ты минуешь чер(ту?)⁶
11–12 а. Чья-то⁶ тихая власть нам дала⁷
Замыкать для молчанья уста.⁸
б. Это Вечность Сама снизошла
И Она нам замкнула уста.⁹

Варианты публикации в прил. «Понедельники газ. "Слово"»

- 8 Ты пред вечностью полон измен.
11 Это вечность сама снизошла

Варианты публикации в II₃ и Изборнике

- 9–12 *отсутствуют*

¹ Было *начато*: Под кор()

² Было: Изначально предвечны они –

³ Было: Ты пред вечностью полон измен

⁴ Было *начато*: Приходи же

⁵ Ст. 5–6 записаны после ст. 7–8; последовательность стихов изменена при правке.

⁶ Было *начато*: Это

⁷ Было: ^а *как в тексте*

^б. Чья-то верная власть нам дала

^в. Чья-то вечная власть нам дала

⁸ Исправлено: Заслонить для молчанья уста

⁹ Было: ^а И сомкнула навек нам уста.

^б И замкнула навек нам уста.

В каждом кустике зноем иссушенный злак¹
И звенит под копытом земля²
В этих впадинах ржавая дремлет вода,³
Затворяя ворота ключам⁴

Варианты публикации в прил. «Понедельники газ. "Слово"»

Без деления на строфы

19 Знаю, ведаю ласку подруги моей,

Варианты публикации в III₂

9–12 *отсутствуют*

"БОЛОТО – ГЛУБОКАЯ ВПАДИНА..."

(С. 17)

Варианты ЧА ЗК₁₀

- 2 а. Гигантского глаза земли.
б. Огромного глаза земли.
3 Так долго он плакал – так плакал,[◇]
4 Что в слезах изошло его зреньё
5 И травой поросло[◇]
Безрадостно чахлой.[◇]
7 а. И белый пушок навсегда смеженных ресниц
б. И белый пух навсегда смеженных ресниц
8–9 а. Проступает огонь
И бежит по болоту чтоб снова угаснуть.
б. Промелькнувшая искра бежит
Чтобы снова угаснуть в болоте.
11–12 а. Колдуны и старухи⁵
Неизвестно откуда пришедшие
б. *как в основном тексте*

¹ Было: В каждом кустике желтый качается злак

² Было: а. И бегут { }
б Под копытом стучат корешки

³ Было: а В эти впадины тускло вливается мрак,
б В эти впадины ржавый вливается мрак,

а В этих впадинах ржавые воды

⁴ Было начато: Эт{ }

Далее было начато: а Под мной – пустота

б Надо

в Предо мною

г. В

д. И сгущает

⁵ Было начато: Колдуны и косматы(е)

- 13 Это шутит над вами земля[◇]
 16 Старики и старухи крестятся¹ ◇
 17 а. Пожилые люди смеются,
 б. Пожилые смеются,

Варианты Т₄

- 2 Огромного глаза земли.
 4 Что в слезах изошло его зреньё
 8 а. Вспыхнет вдруг промелькнувшая искра,
 б. Пробегает быстрая искра,[◇]
 9 Чтобы снова угаснуть в болоте.[◇]
 Между 9 и 10 *интервал*²
 18 А у девушек – плещутся

Варианты публикаций в П₁, П₂ (НР П₂)

- 2,4 *как в Т₄*
 Между 9 и 10 *интервал (П₁, НР П₂)*

Варианты РЭ П₂

- 2,4 *как в Т₄ ◇*

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

("Побывала старушка у Троицы...")

(С. 18)

Черновая редакция в ЗК₁₁ (ЧА, ЗК₁₁)

Уходи и кострами далекими
 Утомленный мой дух не буди

Занимаются села пожарами
 Грозовая над нами весна³
 Но за майскими тонкими чарами
 Затлевет и нам Купина!⁴

Собрались чертенята и карлики,
 Любопытно дивятся в кустах⁵

¹ Было начато: Пожилые

² Обозначен позднее

³ Было: Грозовая грозит нам весна

⁴ Было: Затлевет и нам купина!

⁵ Было: а И глядят любопытно в кустах

б И шушат любопытно в кустах

(10) На костыль, на мешок, на сухарики¹
На усталые ноги в лаптях.²

Что³ идти все тропами душистыми,⁴
На зеленую травку присесть⁵
Чтоб высоко над елями мшистыми⁶
Пронеслась золотистая весть.

Побывала⁷ старушка у Троицы
И все дальше идет на Восток⁸
Вот стоит возле белой околицы
Обвеваает ее вечерок⁹

Не такие еще богомольные

Эта странница верно не рада нам

Черновая редакция в ЗК₁₁ (ЧА₂ ЗК₁₁)

[Побывала старуха у Троицы
И все дальше идет на Восток
Вот стоит возле белой околицы,
Обдувает ее ветерок.

Вышла девушка – в жемчуге, в золоте
Заглянула старухе в лицо.]
Эта странница верно не рада нам,¹⁰
Приложилась¹¹ к мощам – и чиста¹²

¹ Было: ^a На котомку ее, на сухарики
^b На котомку глядят, на сухарики

² Было начато: ^a На усталу(ю)
^b На усталые лапти

³ Было начато: Чтобы

⁴ Было: Чтоб идти все хлебами душистыми

⁵ Было: Отдохнуть и на травку присесть

⁶ Было: И высоко над елями мшистыми

⁷ Было начато: Помолилась

⁸ Было: И все дальше пошла на Восток

⁹ Было: ^a Вот стоит возле белой околицы
Обдувает ее ветерок

^b Вечерком возле белой околицы
Увидала в окне огонек

Далее было начато: И стоит

¹⁰ Было: ^a Ты бабушка верно не рада нам,
^b Верно бабушка наша не рада нам,

¹¹ Было начато: Це(ловала?)

¹² Было: ^a Целовала ты мощи святых.
^b Приложилась к старинным мощам
^в Приложилась к мощам – и святая

Надъшалась¹ божественным ладаном,
Чтоб увидеть святые места.²
Нам не ведомы эти веселия³

И мохнатые, малые каются⁴
Умиленно глядят на костыль
В придорожной траве кувыркаются,⁵
Поднимают копытцами пыль

Ты прости нас, старушка ты Божия⁶
Не бери нас в святые места!⁷
Мы и здесь⁸ лобызаем подножия⁹
Своего полевого Христа.

Варианты Т₄

Заглавие	<i>отсутствует</i>
Посвящение	Посвящается Григорию Е. ¹⁰
2	И все дальше идет на Восток.
12	Чтоб увидеть Святые Места. ◊

Варианты БА РГБ и БА ИМЛИ

Заглавие	<i>отсутствует</i>
Посвящение	Посвящается Григорию Е.* (БА РГБ)
Посвящение	<i>отсутствует</i> (БА ИМЛИ)
2	как в Т ₄ (БА ИМЛИ)
2 а.	И все дальше идет на восток.
б.	как в Т ₄ (БА РГБ)
12 а.	Чтоб увидеть святые Места.
б.	Чтоб увидеть Святые Места.

¹ Было начато: Ты

² Было начато: ^а Чтобы даль(ше)

^б Чтоб идти

Далее зачеркнутые наброски:

Ты стояла подолгу на паперти

Обошла

Мы печальницы

Мы – веселые

³ Под строкой помета Блока: NB

⁴ Было: И мохнатые чертики каются

⁵ Было начато: ^а На зеленой

^б Перед старой

⁶ Было: Ты прости нас, старушка ты старая

⁷ Было: Ты возьми нас в святые места.

⁸ Было начато: Нам и здесь

⁹ Было: Мы и здесь лобызаем подножие

¹⁰ Посвящается заключено в скобки карандашом.

* Ежу, который живет у нас и назван Григорием. (Прим. А. Блока. – Ред.)

- б. И месяц осенний стоит, не сгорая, ◇
 5. Листва золотая! ◇
 7 Кричу – и трикраты
 9 а. Ответствует нимфа, лесная любовь (?)
 б. Ответствует нимфа бессонная Эхо
 10 Как будто в поля зол(отые) закатов¹
 11–12 а. Гонимая богом-ребенком
 И полная смеха
 б. Гонимая богом-ребенком
 В поля золотые закатов,²
 в. *как в основном тексте*
 13 И, богом настигнута, падает Эхо ◇
 14 *начато*: И сладко паденье – и стр(астно) ◇
 15–16 а. И смех ее в долгих
 Звучит повтореньях
 б. И смех ее в долгом
 Звучит повтореньи
 в. *как в основном тексте*
 17 а. Под небом холодным³
 б. Под небом
 Широко открытым
 Холодным...
 в. Под небом
 Высоким, холодным...
 г. Под небом холодным
 д. Под небом свободным
 е. Под небом открытым, невинным.
 Между 17 и 18 [Иду, моя радость! И сердце так хочет⁴
 Быть страстным, святым и свободным!⁵]

¹ Было *начато*: а Как будто гонима

б. В

в. Истомная

г. полна истомы и смеха

д. Гонима истомой, исполнена смеха

е. Гони(ма?)

ж. Бегущая к ярк()

з. На луг

и. Гони(ма?)

к. Как будто

л. Поля золотые закатов

(Последовательность вариантов е – л гипотетична)

² Далее было *начато*: В

³ Было *начато*: Над

⁴ Было: Иду, моя радость! и сердце не хочет

⁵ Было: а. Быть верным, быть вольным, [вечно] навеки свободным!

б. Быть верным, святым и свободным!

Вм. 18–21a И страсти и смерти – привет!
И сладкой неволи душа не захочет,¹
И сердцем душе не солгу²
И нимфа хохочет,
И времени нет!³
И нимфа хохочет в зеленом лугу.
б. В⁴ просторе недвижимом, свободном⁵
И страсти и смерти – привет!
И сладкой неволи душа не захочет
И времени нет!
И падает Эхо
И крик ее⁶ в долгих звучит повтореньях
в. Листва золотая,
Сквозные стволы!
Иду, моя радость! И сердце не хочет
И нимфа хохочет,
Хохочет. И времени нет.⁷
² И страсти и смерти
И смерти и страсти
Венчальные ветви⁸
Осенних убранств и запястий⁹
Готовят¹⁰ безвременный пир.
22–26 Там в синем раздольи мой голос пророчит¹¹
Сверкнуть, опрокинуть весь мир¹²
На меня.
Или сладкой свирелью вечернего дня¹³
Ускользнувшая нимфа хохочет.¹⁴

¹ Было: Иду – и неволи душа не захочет,

² Было: И сердце не просит

³ Было: ^а И нимфа хохочет, хохочет
В зеленом лугу.

^б И нимфа хохочет,
Хохочет в зеленом лугу.

⁴ Было начато: И

⁵ Было: В просторе недвижимом, холодном...

⁶ крик ее *вписано*

⁷ Варианты *а, б, в* не зачеркнуты.

⁸ Было: Богатые ветви

⁹ Было: Осенних запястий

¹⁰ Было начато: Подъемяются в

¹¹ Было: ^а И сладкой неволи душа не захочет,

^б И в сладкой неволе душа не захочет,

^в И в сладком раздольи душа не захочет,

² И в сине(м) раздольи душа не захочет,

¹² Было: Сверкнуть, опрокинуть весь мир на ме(ня)

¹³ Было начато: Или в сладкой тоске

¹⁴ Было: Бессонная нимфа хохочет.

Варианты Т₄, БАП РГАЛИ

Заглавие	<i>отсутствует (БАП РГАЛИ)</i>
Между 6 и 7	<i>интервал</i>
11а.	<i>как в основном тексте</i>
б.	Гонимая Богом-ребенком (Т ₄)
Между 12 и 13	<i>интервал отсутствует (БАП РГАЛИ)</i>
13 а.	<i>как в основном тексте</i>
б.	Вот, Богом настигнута, падает Эхо (Т ₄)
Между 17 и 18	<i>интервал (БАП РГАЛИ)</i>
Между 21 и 22	[Готовят безвременный пир.]
23	Возвратить, опрокинуть весь мир [◇] На меня!

Варианты публикации в ЗР

Заглавие	<i>отсутствует</i>
11, 13	<i>как в Т₄, вар. б</i>
Между 17 и 18	<i>интервал</i>
Между 21 и 22	<i>интервал отсутствует</i>

Варианты публикаций в П₁, П₂, П₃

Между 12 и 13	<i>интервал отсутствует (П₁)</i>
14	И страстно кружение, и сладко томленье,
22–26	<i>отсутствуют (П₃)</i>

ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ

("Волновать меня снова и снова...")

(С. 20)

Черновые наброски в ЗК₁₁ (ЧН ЗК₁₁)

л. 19	[Нам эфирная участь дана – И ¹ откуда приходит к нам радость? ²]
л. 66 об.	Чу! Зовет улетающий звук Нежный звук золотой трубы ³ Ты стоишь, поднявшая руки На замшенные ⁴

¹ Внизу вписано: Но

² Было: И откуда приходит к нам сила

³ Было начато: Нежный голос

⁴ Было начато: На

Первоначальная редакция в ЗК₁₁ (ЧА₁ЗК₁₁)

- Заглавие *отсутствует*
Ты волнуешь все реже¹
Пред тобой умирают слова²
Дева осени свежей
Золотая листва³
Над лугами трепещут⁴
Умиранные где-то струи.⁵
Только жди – вот расплещут
Осенницы одежды свои.⁶
Ты, хранимая тающей влагой,⁷
(10) Выступай в легкий пляс⁸
Хороводов твоих по оврагу⁹
Золотая тропа развилась.¹⁰
Тишина умирающих злаков –¹¹
Это светлая в мире пора,¹²
Сон, заветных исполненный знаков,¹³
Что сегодня пройдет, как вчера
Что безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить тишину,
Что¹⁴ лесная трава не забудет¹⁵
(20) Затаенную где-то весну¹⁶
И снежинки на склоне оврага¹⁷

¹ Было: ^a Что волнует все реже

^b Кто волнует все реже

² Было начато: Перед чем

³ Кружевная листва (последующий незачеркнутый вариант)

⁴ Было: ^a И над лугами расплеснут (?)

^b Над пустыней раскинут

⁵ Было: Умиранные где-то лучи

⁶ Девы осени руки свои (последующий незачеркнутый вариант)

⁷ Было: ^a начато: И колеблемы тающим

^b И колеблема тающей влагой,

^a Ты, колеблема тающей влагой, (незачеркнутый вариант)

⁸ Было начато: ^a Вы(ступай?)

^b Зачин(ай?)

⁹ Было: ^a Хороводом твоим по оврагу

^b С хороводом твоим по оврагу

¹⁰ Было: ^a Золотая тропа завилась.

^b Где златая тропа развилась.

¹¹ Было начато: ^a И на солнеч()

^b Над

¹² Было: Это лучшая в мире пора,

¹³ Было начато: Сон, исполненный знаков

¹⁴ Было начато: Что поляна мо()

¹⁵ Было: Что поляна лесная забудет

¹⁶ Было начато: Где-то

¹⁷ Было: ^a И снежинки, крутясь и встречаясь

^b И снежинки, порхая, встречаясь

Незаметно улягутся < >¹
Там, где им заповедала влага,²
Там, где сердце,³ где воля Твоя.⁴

Варианты ЧА ЗК₁₁ (ЧА₂ ЗК₁₁)

- Заглавие *отсутствует*
- 1 *начато*: а. Волновать мое сердце
б. Волновать мою душу все[◇]
- 2а. В том тайная воля твоя.
б. В этом тайная воля Твоя.
- 3а. Сладко мне, что одежда готова
б. Радость полная ждет только слова,^{5 ◇}
- 4а. И уж ткань кружевная готова,⁶
б. Но уж ткань золотая готова,
5 Чтоб душа улыбнулась моя.[◇]
- Между 5 и 6 а. Вот за кружевом тонкой березки
Нам поет золотая труба
б. Вот сквозь кружево тонкой березки
Ты смеешься
в. Вот сквозь кружево тонкой березки
Вот смеешься ты, радость
2. Вот сквозь кружево тонкой березки
Вот смеешься ты, легкая радость
6 Легкий ветер (нрзб.) слезы, (?)[◇]
7 В небеса отлетает мольба⁷
8 И сквозь кружево тонкой березы^{8 ◇}
10 И волнуют прозрачные звуки,[◇]
11 *начато*: Будто милая[◇]
12 Но стоишь ты, поднявшая руки,^{9 ◇}
Между 13 и 14 Ты¹⁰ колеблешь тростник у прибрежий¹¹

¹ Было: Незаметно улягутся там,

² Было: Где им всем заповедала влага,

³ Было *начато*: Где я сердце

⁴ Было: а. Там, где сердце, где участь моя.

б. Там, где сердце, где участь твоя.

⁵ Было *начато*: Радость мирная

⁶ Было *начато*: а. А

б. Но одежда

в. А свя()

⁷ Было *начато*: Улыбается

⁸ Было *начато*: Вот

⁹ Было *начато*: Будто

¹⁰ Было *начато*: а. И

б. Ты ли

¹¹ Было: Ты колышешь тростник у прибрежий

- Пред тобой умирают слова,¹
 Дева осени бледной и свежей,²
 Золотистая в небе листва.³
- 14а. Тихо бледные руки трепещут,⁴
 б. И прозрачные руки трепещут,
 в. Уж прозрачные руки трепещут,
 г. Уж округлые руки трепещут,[◇]
- 16–17а. За тобой в бледном небе расплещут
 Осенницы одежды твои.
 б. *как в основном тексте*
- 18а. И хранимая тающей влагой
 б. Осененная тающей влагой,^{5 ◇}
- 19 *начато:* а. Выступаю
 б. Обнаженная
 в. С легким ветром[◇]
- Между 21 и 22 а. Здесь под музыку влажной⁶ ()
 Не могу я с тобой не сгорать
 б. Здесь под музыку влажной ()
 Не могу я не петь и не
 23 Не могу я не жить и не петь,[◇]
 25 Под стопою твоей не сгореть.[◇]
 26 Знаю – с нами воздуш(ная) младость,[◇]
- 28–29а. И откуда приходишь ты, радость,⁷
 И откуда плывешь, тишина?
 б. *как в основном тексте*
- 30–31а. Тишина замирающих знаков –
 Это лучшая в мире пора
 б. *как в основном тексте*
- 32 *начато:* а. И бесцельно
 б. И в бесцельном[◇]
- 34а. Что полеты времен легкокрылых
 б. И полеты времен легкокрылых[◇]
- 35а. Только всплески танцующих рук,
 б. Только всплески девических рук,⁸
- 37а. Неразлучных (?) и радостных (?) круг

¹ Было: Над тобой умирают слова

² Было: Дева легкая осени свежей,

³ Было *начато:* а Чьи

б В дождеву(ю)

⁴ Было *начато:* Бледные

⁵ Незачеркнутый вариант

⁶ Было *начато:* И под музыку блед()

⁷ Набросок ст. 27–28 см. выше, в ЧН ЗК₁₁, л. 19.

⁸ Далее было *начато:* а Что

б И

- б. Неразлучен танцующий круг[◇]
 43 Все улягутся, счастье тая,[◇]
 45а. Там, где сердце, где воля Твоя.
 б. Там, где пляска, где воля Твоя.

Варианты Т₄ и БА РГБ

- Заглавие Осенняя пляска[◇] (Т₄)
 Заглавие *отсутствует* (БА РГБ)
 Посвящение Посв. Б.Н. Бугаеву (Т₄)
 Посвящается Б.Н. Бугаеву (БА РГБ)
 2 В этом тайная Воля Твоя. (Т₄)
 2 В этой тайная Воля твоя. (БА РГБ)
 7 В небеса отлетает мольба,
 11 Будто милый Твой голос звенит,
 12 Но молчишь Ты, поднявшая руки,
 16 За Тобой в хороводах расплещут
 19 Распустила Ты пряди волос
 20 Хороводов Твоих по оврагу
 24 И не могут леса и овраги[◇] (Т₄)
 25 Под стопою Твоей не сгорать.
 28 И откуда приходит к нам радость,[◇] (Т₄)
 28 И откуда приходит к нам радость, (БА РГБ)
 45 Там, где пляска, где воля Твоя.

Варианты публикации в ЗР

- Посвящение Б.Н. Бугаеву
 2, 7,11,12,16,19,20,25 *как в Т₄*
 45 Там, где пляска, где Воля Твоя.

Варианты публикаций в Ш₁, Ш₂ (НР Ш₂), Ш₃

- Посвящение Андрею Белому (Ш₁, Ш₂ (НР Ш₂))
 2, 7,11,12,16,19,20,25,45 *как в Т₄ (Ш₁, Ш₂ (НР Ш₂))*
 3 *отсутствует (Ш₃)*

НОЧНАЯ ФИАЛКА

СОН

(С. 25)

Первоначальная запись в ЗК₁₁

Самое важное (сон с 16 на 17 ноября)

действительно.

Вот теперь я говорю вам о *самом важном*,

Что видел во сне

Но *когда-то* и наяву.

В двух отделах:

1) Вступительное и без прозы:

Она сидела в избушке

У болота

И где-то был ее муж

Мож(ет) быть, и пахло болотом,

И в полутемной горнице

Были деревянные скамьи

На одной из них незаметный

Сидел ее муж

Не влияя

На сладкие чувства мои.

Она была некрасива

И с незаметным лицом

И может быть

Кружка пива стояла недалеко

На деревянном столе

(Вспомнить о Сольвейг).

Тут было много молодого

И совсем, совсем еще свежего,

Как первая любовь бывает

И все это происходило однако ночью,

Как и второе:

2) Уже приближалась

(говоря "литературно")

Вторая стадия, она же –

"Проза жизни".

Но это было не так.

Ночью я шел по широкой

И темной, мало застроенной

(Как бы деревенской) улице

К Ней (с кем-то, кажется).

И навстречу попадались

Пьяные солдаты

Грозившие мне
Обнаженными шашками
(Почему? Почему?).
Но когда вышли за окраину
(Города)
Стало тихо и пусто,
И, перейдя по мостику или кладкам
Через болотце,
Мы приближались к тому длинному зданию,
Где проводила время
Среди других
Она.
Это здание я знал длинным
Только изнутри,
А снаружи мало памятна мне
Обыкновенная избушка.
Но войдя внутрь,
Я ясно узнавал
Расположение его:

Ближе к входу
На лавке, стоявшей поперек избы
Кажется перед столом
(И может быть за пряжей) сидела
Она.
(Ночная фиалка!)
Болотная трава – сладкий дурман.
Какие-то духи
И чувственные
И чистые
Но ее лицо было некрасиво
Незаметно
И как будто даже постарело
С первого раза. –
Утомленное ли?
И, войдя, я поздоровался с ней
И в сладком дурмане
Стал преодолевать
(вероятно – "прозу жизни").
На длинной лавке неровной¹
(Смотри рисунок – вдоль стены)
Сидели чужие
Из них два самые важные

¹ Было начато: За

Старик и старуха¹
Не подали мне руки
Из важности.
Но другие подали,
И все-таки было тяжело.
Наконец в самом конце избы
На лавке поперек
(как и Она),
Но только у стены
Сидел ее муж
И с ним мы встретились темно
И уж я не помню как. –
Вот все что я мог записать для вас
И этому вы не можете не поверить
Потому что, хоть и прошли с тех пор
Отвратительный день
И скучная ночь
И еще пол тягучего дня, –
Но я помню ясно
Болотный запах
Ночной фиалки –
Сладкий дурман
(вот привязался-то к этому слову!)
А главное –
Чего и сам не могу рассказать, –
Но из чего я понял ясно,
Что это самое настоящее
И самое главное для меня,
Хотя лицо ее не было красивым
И даже как будто постарело
Во второй раз.
Во сне казалось, что все это
Я уже видел однажды
(Правда, бывает и это в снах...)
И так и рассказал это
Моей жене
(Что видел это два раза)
И сам верю этому
Хотя не могу припомнить, когда
Я это видел и где.
Но это все случилось когда-то
Я знаю
И случится еще:
Это под влиянием вина,

¹ Под строкой позднее написано карандашом: (Царь и царица?)

Прекрасного напитка,
От которого пахнет
Ночной фиалкой,
Болотным дурманом
И сладким заолодившим душу забвеньем.
Записано 18 ноября днем.

Варианты чернового автографа (ЧА ИРЛИ)¹

- 1 а. Вот миновали тяжелые дни
б. Вот минули тяжелые дни²◇
2 И печальны равнодушные ночи,◇
3 а. И однако я помню
б. И однако я помню (вполне)◇
5 а. Хоть это случилось во сне.
б. И то, что случилось во сне.◇
Вм. 6–7: а. [Шел я усталый
Город]
б. Город остался далеко за мною³
Пыльный, дневной⁴
Вечер был серый⁵
И дождь начинал моросить
8 а. А с краю
б. И только у самого края, –
9 а. Где небо, уставши,
б. Где небо, устав покрывать,
в. Где небо, устав прикрывать
10 Поступки сограждан моих,◇
13 *отсутствует*
14 а. Я шел по уклону
б. *как в основном тексте*
в. *как вар. а*
16 а. *начато*: Спутник
б. Кажется, спутник – со мной.
в. И кажется, спутник – со мной.
2 И кажется, друг мой – со мной.⁶
19 *начато*: И едва ли◇
20 Или сам он был грустен◇
21 Только нас что-то делило

¹ Заглавие – на отдельном листе, предпосланном автографу. Подзаголовок отсутствует.

² Вариант вписан и зачеркнут при незачеркнутом предыдущем варианте.

³ за мною приписано позднее.

⁴ Было: Пыльный, дневной и случайный

⁵ Было *начато*. И ве(чер?)

Последующие стихи (до ст. 14) записаны на отдельном л. 3.

⁶ Было *начато*. И кажется, лучш(ий)

- 22 И разное видели мы:¹
 23 Он смотрел на извощицьи дрожжи,²◇
 После 25 *начато*: [Возвращаясь с]
 26 Точно также не были чужды ему◇
 29 Но все уж серело и меркло
 30 И зренье спутника – также◇
 33 Когда он внезапно исчез за углом,
 34–35a. Нахлобучив картуз
 И ост(авив?)
 б. Нахлобучив картуз и оставив
 Меня одного.
 в. Нахлобучив картуз свой◇
 И оставил меня одного,
 Между 35 и 36 [Все меньше стало³ прохожих.]
 36 Чем я был несказанно доволен
 37a. (Ибо что же на свете,
 б. (Ибо что же приятней на свете,
 38 Чем утрата лучшего друга?)⁴◇
 39 Прохожих было все меньше⁵
 Вм. 40–43 Попадались навстречу⁶
 Только тощие псы
 И пьяные бабы,
 Да где-то страшно ругались.⁷
 Сквозь дождь были видны: равнина,⁸
 Кустики вербы, березки
 Кочерыжки капусты.⁹
 45 И, когда ясноло сознание,¹⁰◇
 46 *начато*: И¹¹◇
 47 Забывались речи друзей◇
 51a. То, что я вижу во сне – наяву.
 б. То, что вижу во сне – наяву.¹²

¹ Было *начато*: И разное мы

² Было *начато*: Он смотрел в
 стало вписано

³ Было *начато*: ^a Чем утр(ата)
^б Чем разлука

⁴ Далее было *начато*: Попадались

⁵ Вписано позднее над ст. Только тощие псы

⁶ Было: И где-то страшно ругались

⁷ Было *начато*: Сквозь дождь было

⁸ Было *начато*: ^a Торчали

^б Кочерыжки капусты торчали

⁹ Было *начато*: ^a И пока

^б Я

¹⁰ Записано и зачеркнуто трижды

¹¹ Далее было *начато*: Или, может быть

- 52–59 Дорога спустилась.
 На болоте торчали чахлые кочки
 И от кочки до кочки
 Я видел далеко
 Перекинута мостика были
 И тропинка вела далеко,¹
 Где ни света, ни мрака,
 Только в сетке дождя²
- Между 59 и 60 *зачеркнутые наброски:*
- а. Будто темной фиалки ночной
 Запоздалой
- б. Воздух словно зацвел
 Запоздалый
- в. Словно воздух зацвел
 Запоздалый
- г. Был фиолетовый свет³
- д. Фиолетовый свет⁴
- 60а. И как будто вверху и внизу
- б. И внизу и вверху
- 61 И под кочкой болотной
- 62а. И на красной полоске зари
- б. И под красной полоской зари
- Вм. 63–65а. Фиолетовый воздух зацвел⁵
- б. Фиолетовый воздух лелеял
 Дочь
- в. Фиолетовый воздух лелеял
 Нежных сумерек дочь
- г. Фиолетовый воздух лелеял
 Дочь воздушных зыбей
 И украдкой⁶
- д. Фиолетовый воздух лелеял
 Ожиданье расцвета
- е. Фиолетовый воздух таил
 Ожиданье расцвета
- Между 67 и 68 *было начато:*
- а. И [носило]
- б. И [никто]
- в. [И неведомо было]

¹ Было начато: И тропинка се()

² Было начато: Где

³ Было начато: И

⁴ Далее было начато: А

⁵ зацвел написано дважды и дважды зачеркнуто.

⁶ Было начато: И (нрзб)

2. И никто не [узнал],
Что
- д. [И никто не слых(ал)
Что]
- 70 Ведь никто никогда не слышал¹
- 74а. Что на свете²
- б. Чтоб в окрестностях города
- в. Что в окрестностях города
2. Чтоб вблизи от столицы
- Вм. 75 [На болоте где нет ничего,
Кроме топей и кочек³
Зацветала Ночная Фиалка]⁴
отсутствует
- 76 *начато: В час губительный*⁵◇
- Между 78 и 79 [Дамских сплетен]
- 79 И томительно скучных бесед
- 80 *начато: О здоровьи*◇
- 81 И составе совета министров,◇
- 82 В час презренья к тем лучшим из нас,
- Вм. 83а. Кто, забыв непритворно о себе и о Боге,
Не скрывает падений своих,
- б. Кто забыв о себе и о Боге,
Не скрывая падений своих,
- 84 *начато: Откровенно*◇
- 85 а. На троттуаре
- б. На трескучем и пыльном бульваре, –⁶
- в. На трескучем и пыльном троттуаре, –
86 *отсутствует*
- 87 Что в такой убийственный час◇
- 89 И такой же бродяга, как я,◇
- 91 Эти строки с любовью иль злобой,⁷
- 93 *начато: Упоительно*◇
- 95 а. *начато: Так, пройдя*
- б. Так я думал уже про себя,◇
- 97 И заметил сквозь сетку дождя◇
- 98 а. Небольшой и приземистый домик,
Как бывают

¹ Было *начато*: Ведь никто бы не

² Было *начато*: И от

³ Было: Кроме кочек

⁴ Зачеркнуто позднее красным карандашом с пометой: см. отд. л.

⁵ Ст. 77–94 записаны позднее на отдельном листе (вместо трех зачеркнутых стихов после ст. 74).

⁶ Возможен промежуточный вариант: На бульваре, –

⁷ иль злобой зачеркнуто и написано вновь.

- б. Небольшой и приземистый домик. ◇
 Между 98 и 99 *зачеркнуто:*
 Так живут иногда рыбаки
 От весны и до осени поздней
 [Многолюдной гурьбой уходя]
 [И, кочуя по серым волнам,¹
 Волочат²]
- 100 *начато:* Отвор(ил) ◇
 Вм. 102–109 В длинной, низкой избе
 По стенам
 Неуклюжие лавки стояли.
 И одна – поперек
 Перед длинным столом,
 За которым сидела за пряжей,
 Опустив над работой пробор
 Молчаливая девушка.
 Была она некрасива
 И с незаметным лицом
 И не знаю, была ли
- 110а. *начато:* Молодая
 б. Молода иль стара
- 112а. *как в основном тексте*
 б. И какие глаза и черты.
- 113 Только знаю,
 Что тихую пряжу пряла,³
- 114 Временами,
 Отрываясь от пряжи ◇
- 115 Долго, молча сидела, не глядя
 117–118 Да еще знаю ясно,
 Что когда-то я видел ее
- 120–121 И моложе, пожалуй, стройней
 И быть может, грустили
- 123 Короли в голубых сединах. ◇
 124–125 Только вот, что запомнилось мне:
 В этой длинной избе
 126а. Я почувствовал сладкую муку
 б. Веял сладкий дурман
 128 За моими плечами текла,⁴
- 129а. *начато:* Оттого, что весь был в
 б. Оттого, что был воздух пропитан

¹ Было *начато:* Покидая семью

² Исправлено на: По

³ Было *начато:* Что мед(ленно?)

⁴ Было *начато:* ^а Через дверь

^б За двер()

- а. Оттого, что пропитан был воздух
 з. Оттого, что проникнут был воздух
 130 Ароматом фиалки ночной[◇]
 131а. И на этот торжественный праздник
 б. Оттого что на праздник болотный
 133 Был я нищий скиталец[◇]
 136 Но я чувствовал ясно,
 137 Что когда-то я был их^{1 ◇}
 140–143 Где ужь нет ни земли, ни морей,²
 Только в сумраке снежном
 Чуть блестят у костров
 Золотые венцы и кольчуги
 145 К исполненью тяжелого долга
 146 Поклоненью забытым венцам,[◇]
 152 И они не узнали меня.
 154 (Верно с пивом) на грузной скамье³
 155 *начато*: Я увиде(л)[◇]
 157 И глаза, изострившись,
 Различили венцы
 158а. *начато*: Потускневших в
 б. Потускневшие здесь, на болоте
 159а. *начато*: На зеленых и жидких
 б. На зеленых и древних их кудрях.^{4◇}
 163 Обойдя всех сидящих на лавках,
 165 Усмехнулся старик. По морщинам
 167а. Но торжественным жестом
 б. Но привычно-торжественным жестом
 168 Он велел мне остаться в избе.
 172а. *начато*: И на лавке, усталы(й)
 б. И на лавке неровной и шаткой
 174 *начато*: Опустив[◇]
 175 *начато*: а. И [пригн]
 б. И сжимая[◇]
 179 Так что члены его одеревенели[◇]
 После 183 *начато*: [С]
 184 И когда я к нему подходил
 189а. Что сидит он и будет сидеть
 б. Что я должен отныне сидеть с ним
 в. Что я должен отныне сидеть
 190 Рядом с ним, у недопитой кружки

¹ Далее было *начато*: И

² Было *начато*: Где морей

³ Было *начато*: С

⁴ Далее было *начато*: Здесь

- 192 И такую же думу[◇]
 194 Также очи направить[◇]
 198 За недвижимой дружиной,
 200–201 Эта девушка
 Что звалась Ночною Фиалкой.[◇]
 202a И сижу я,
 б. И сижу я покорно в избе.[◇]
 204a. И владелец ее,
 б. И печальный владелец ее,
 205a. Опустивший лицо
 б. И лицо его клонится ниже,[◇]
 206 Скоро, скоро коснется колен,
 207 *начато*: И ужь руки, не[◇]
 208 Тихо брякнув костями,
 210a. Этот нищий, как я, и, как я,
 В старину¹
 б. Этот нищий, как я, был давно в старину
 в. Этот нищий, как я, в старину,
 213a *начато*: Похитит(елем)
 б. Обольстителем дев,[◇]
 214 *начато*: И певцов[◇]
 215 Вот обрывки одежды на нем –
 217 Золоченых когда-то[◇]
 218 И поблекших теперь.
 220 Все сидят на скамьях:
 223 Кто, к щиту прислонившись,²
 225a. *начато*: В истлевающем
 б. На истлевшем дощатом полу,
 в. На истлевшей дощатой скамье
 з. Под дощатой скамьей
 226a. Кто свой шлем уронил, и на шлеме,
 б. Кто свой шлем уронил, и у шлема,
 227a Что лежит на полу
 б. Что лежит на истлевшем полу
 228 Пробивается тощая травка,[◇]
 229a. *начато*: Обреченная жить без
 б. Обреченная к жизни без света
 в. Обреченная жить без лучей
 230a И дышать стариной догоревшей
 б. И дышать стариной отзвучав(шей)
 231 Вот у бочки пивной,
 С неизменною важностью, чинно

¹ *Возможно, было*: Этот нищий, как я,
 В старину

² *Было начато*: Кто ск()

- 234 Озаренные ясной полоской
 235а. Той далекой и красной зари,
 б. Отдаленной и красной зари.
 Между 235 и 236 [Во всю ночь неизменной]
 236 *начато*: И змятся их[◇]
 237 *начато*: Обрамляя морщинист()[◇]
 238а. *начато*: И глаза; как болотны
 б. И глаза из-под древних бровей
 240 Дальше, дальше – у входа, прядет¹
 241а. *как в основном тексте*
 б. И прядет, и прядет Королевна
 242а. Опустивши над пряжей пробор,
 б. Опустив над работой пробор,
 Между 242 и 243 Не старея в мерцающем свете.
 243 Тихим сном одурманила нас,[◇]
 244 *начато*: Опоила болотны(м)[◇]
 Между 245 и 246 Усыпила,
 246 И сама все цветет и цветет,[◇]
 247 И откуда-то дышет Фиалка,²
 248 *начато*: И беззвучно[◇]
 250 Дальше, дальше, – и сплю, и грущу,³
 Между 254 и 255 *строка отточий*
 255а. Слышу, слышу, поет
 б. Слышу, слышу, шумят[◇]
 256а. *начато*: За окном, как
 б. За окном, как раскаты глухие[◇]
 260 *начато*: ^{а.} Будто кличут в
 б. Переключку[◇]
 261 Или стонут сирены,[◇]
 262а. Или близятся к нам⁴
 б. Или близятся, борятся с ночью
 263 Корабли из заморской страны.
 Между 263 и 264а. [Вижу, вижу] в открытую дверь
 б. [Слышу, слышу в открытую дверь]
 264 Как нечаянно Радость приходит,[◇]
 265а. Как далекие плещут моря.
 б. Как далекие плещутся волны,⁵

¹ Было *начато*: Дальше, дальше – в

² Было *начато*: И откуда-то пах(нет)

³ Далее было *начато*: ^{а.} И смотрю в

^{б.} И смотрю на зар(ю)

^{в.} И смотрю на полоск(у)

⁴ Было *начато*: Или грузно

⁵ Далее было *начато*: Как

- 295 а. Фиолетовый Цвет мой засветил.¹
 б. Фиолетовый Цвет мне засветил.
 Между 295 и 296 а. [И склоняясь к земле
 Тихий цвет Ее встретил]
 б. [И к земле приклонясь,
 Слышу гулкое море]²
 296 а. И, над кочкой склоняясь,
 б. И, над кочкой склоняясь, к земле,
 в. И, склоняясь к земле,
 г. И, склоняясь во мгле,
 297 а. Слышу рокоты моря
 И
 б. Слышу волн равномерную[◇]
 298 а. Кораблей приближенье,
 б. И во мгле кораблей приближенье,
 300 И заветная прялка прядет,^{3◇}
 303 а. И пребудет она совершенной,
 б. И пребудет Она совершенной.
 304 Так Ночная Фиалка цветет.^{4◇}

Варианты II₁

- Подзаголовок *отсутствует*
 Между 18 и 19 *интервал отсутствует*
 61–62 И под кочкою чахлой,
 И под красной полоской зари –
 69 И торжественной встречи полно:
 154 (Верно с пивом), на грузной скамье
 303 И пребудет Она совершенной. (как в ЧА ИРЛИ, вар. б)

Варианты НР II₂, II₂

- Подзаголовок *отсутствует*
 Между 18 и 19 *интервал отсутствует (II₂)*
 Между 38 и 39 *интервал отсутствует*
 61–62 *как в II₁*
 69 *как в II₁ (НР II₂⁵)*
 201 Что зовется ночью фиалкой. [◇] (НР II₂)

¹ Было начато: И

² Возможен промежуточный вариант: И к земле приклонясь,
 Тихий цвет Ее встретил

³ Далее было начато: И

⁴ Стих отчеркнут от предыдущих.

⁵ В Кор. II₂ стих приведен к основному тексту.

Варианты П₃, Изборника

Подзаголовок	<i>отсутствует (Изборник)</i>
Между 38 и 39	<i>интервал отсутствует</i>
Между 123 и 124	<i>интервал отсутствует (П₃)</i>
247	<i>И болотами дышит Фиалка, (П₃)</i>
Между 303 и 304	<i>интервал отсутствует (П₃)</i>

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

"ЖДУ Я СМЕРТИ БЛИЗ ДЕННИЦЫ..."

(С. 37)

Варианты БА РГБ

Посвящение	<i>отсутствует</i>
1–4	Смерть придет ко мне с денницей. – Приходи издалека! Будь в последний раз царицей В бледном свете ночника!
15–16	Чтобы каменной улыбки Не нарушить на земли.

Варианты Т₄, БА ГЛМ

Заглавие	Подражание ¹
Посвящение	<i>отсутствует</i>
Эпиграф	Приходи путем знакомым... (Т ₄) Брюсов ²

Варианты публикации в I₁ и I₂

Заглавие	Подражание
Посвящение	Л.Д. Семенову

"Я ВОСХОДИЛ НА ВСЕ ВЕРШИНЫ..."

(С. 37)

Варианты Т₄

Без деления на строфы³

⁸	Я поднесу к моим губам!◇
^{9 а.}	О, нет! Я сжег мои приметы!

¹ В БА ГЛМ к заглавию сделано примечание: "Скандировать на голос Валерия Брюсова: «Приходи путем знакомым»"

² Вписан позднее.

³ Позднее размечено деление на четверостишия.

- б. О, нет! Я сжег свои приметы!
 10 Испелел мои следы!◇
 12 а. Не возвратится до звезды! –
 б. Не возвратится до Звезды! –
 13 а. До той звезды, которой близость
 б. До Той Звезды, Которой близость

Варианты БА РГБ

- 8 Я поднесу к моим губам!◇
 9 О, нет! Я сжег мои приметы,◇
 12 как в Т₄, вар. а, б

"ТЫ ОДЕНЕШЬ МЕНЯ В СЕРЕБРО..."

(С. 39)

Варианты ЧА ЗК₈

- 5 а. Знаю, лик бледен и нем –
 б. Знаю, лик его бледен и нем –
 в. Знаю, лик его мертвен и нем –
 з. Мертвый месяц беспомощно нем –
 6 Ничего никому не открыл.◇
 8 Я ее полюбил?◇
 9–16 Знаю – сморщенный лик его стар¹
 И бесстыден в земной нагоде.
 Но злоеший восходит угар
 К небесам – к высоте – к чистоте...²
 И паяц испугает сову –³
 Заблестев под горой бубенцом.⁴
 В этот яростный сон на яву
 Опрокинусь я мертвым лицом.⁵
 После (16) Ты оденешь меня в серебро⁶

¹ Было: Мертвый, сморщенный лик его стар

² Было: ^а К небесам – к

^б К небесам – в вы(соте?)

^в К небесам – к чистоте – к высоте...

³ Было начато: ^а И

^б Но

⁴ Было: ^а Чуть блеснет

^б Заблестит под росой колпак.

^в Заблестев под росой колпаком.

⁵ Было: ^а Погруз(усь?)

^б Опрокинусь в чаду гробовом

Между ст. 12–13 и 14–15 карандашные линии (видимо, указывающие на изменение последовательности стихов).

⁶ Записано на л. 22 об. (остальная часть автографа – на л. 21 об. – 22); возможно, незачеркнутый вариант начала стихотворения.

Варианты БА РГБ

9 В этот яростный Сон наяву

"ФИОЛЕТОВЫЙ ЗАПАД ГНЕТЕТ..."

(С. 39)

Варианты ЧА ЗК₈

- Перед 1 [Не измерить]
3-4 а. Я иду неизменно вперед –
Исполнитель свободы суровой.
б. *как в основном тексте*
6 а. Пронесемся – и блещут кольчуги.
б. Мы несемся – и блещут кольчуги. ◊
8 *начато*: Оставляя ◊
- Между 12 и 13 [Впереди – исполнитель и жрец,
Но в глазах его – уголь могилы.]
13 а. Но ведет нас неведомый жрец¹
б. Но влечет нас неведомый жрец
14 а. Впереди ² рассекает ущелья
б. Он мечом рассекает ущелья
Между 14 и 15 [Там по воздуху мечет свинец,³
Он – мертвец, он –
Расчищая дороги сквозь тучи⁴]
15 Никому неизвестен⁵ конец,
16 И⁶ смятенье меняет веселье

Варианты Т₄

- 14 И смятенье сменяет веселья. ◊
16 Впереди рассекает ущелья. ◊

Варианты БА РГБ

- 2 Как пожатые десницы суровой. ◊
12 И поставил двойные Законы.
16 Впереди рассекает ущелья.

¹ Было: Он не () он мертвец

² Было *начато*: И не знаем

³ Было: Он по воздуху мечет свинец,

⁴ Было: ^а Расчищает () дорогу

^б Расчищает путь

⁵ Было *начато*: Никому неизвестный

⁶ Было *начато*: ^а. Все

^б. Но

^в. Только

ВЗМОРЬЕ

("Сонный вздох онемелой волны...")

(С. 40)

Черновые наброски в ЗК₈ (ЧН)

Ночь в колючем терновом кусту

Шевелила¹

Ночь – проклятый колючий паук

Застает его в цепком кусту.²

И охваченный тысячью рук

Ждет – виденье мелькнет на мосту.³

За акацией стелется мол⁴

Пропадая на⁵ устьи речном⁶

Он сюда проститутку привел

Потешаться в безлюдьи ночном

Первоначальная редакция в ЗК₈ (ЧА₁ ЗК₈)

Пьяный⁷ мрак одичалой весны⁸

Дышит с моря, где дальний маяк⁹

Указал морякам глубины,¹⁰

¹ *Далее было начато:* Ночь в ко(нрзб.)

² *Было:* ^{a.} Загнала меня в

^{b.} Застает меня в цепком кусту.

³ *Было:* Жду – пройдет, промелькнет на мосту.

Далее зачеркнутые наброски: ^{a.} Загляд

^{b.} Цепенеющий

^{a.} На

^{2.} Эти

^{d.} Я

^{e.} Из акаций

^{ж.} От акаций бежать не могу

⁴ *Было:* Сквозь акации стелется мол

⁵ *Было начато:* Пропадая в з()

⁶ *Далее было начато:* ^{a.} Здесь

На мосту, () ночном

^{b.} Он сюда () привел

На мосту, на безлюдьи ночном

⁷ *Перед (1) было начато:* [Изд(али)] Там вдали – за последней чертой –

⁸ *Было:* ^{a.} Пьяный воздух одичалой весны

^{b.} как в тексте (незачеркнутый вариант).

^{a.} Пьяный сумрак одичалой весны

⁹ *Незачеркнутый предыдущий вариант:* Дует с моря, где первый маяк

¹⁰ *Незачеркнутый предыдущий вариант:* Указал морякам быстрины,

- Сонно млеющий выкинул флаг.
 Где зажегся последний фонарь,
 Указав каменистую мель,¹
 Где слышна пароходная трель,
 Где по берегу стелется гарь,
 За кустами виднеется мол,²
- (10) Пропадая на устье речном
 Он сюда проститутку привел
 Потешаться в безлюдьи ночном.
 Ночь – проклятый колючий паук
 Застает его в цепком кусту.
 И охваченный тысячью рук
 Ждет – виденья на темном мосту³

Варианты черного автографа в ЗК₈ (ЧА₂ ЗК₈)

- Заглавие *отсутствует*
- Перед 1 Никого я не встречу
- 1 а. Пьяный сумрак () весны
 б. Пьяный вздох одичалой весны
- 4а. Растерзал у поднебесья флаг.
 б. Растерзав у поднебесья флаг. ◊
- 6а. Озар(ья?) причудливый мол;
 б. Озарив неприветливый мол;
- в. Озаря причудливый мол;
 2. Озаря таинственный мол;
- 7–8 а. Где корабль возвышался, как царь,
 И потом горделиво ушел.
 б. *как в основном тексте*
- 9 Чуть бледнели его паруса,⁴ ◊
- 10–12 а. Унося торжествующих в даль.
 И потом, заглянув в небеса
 Я⁵ увидел немую печаль.
 б. Унося торжество в океан...
 И тогда я взглянул в небеса
 Где она расточала туман.

¹ Было: а. Указав угрожающий мол,

б. Здесь

в. На

² Было: За акацией стелется мол,

³ Незачеркнутый предыдущий вариант: Ждет – виденье мелькнет на мосту

⁴ Было начато: а. Чуть видне(лись?)

б. Чуть бе(лели?)

⁵ Было начато: И

- в. Унося торжество в океан...
 Я покорно смотрел в небеса
 Где Она расточала туман.
- 13а. Я увидел скорбящую твердь –
 б. Я увидел глядящую в твердь –◇
- 15 а. И вдали мне почудилась смерть,
 б. Издали мне привиделась смерть,
- 16 Приносящая тягостный звук.◇
- 17–20 а. И остались среди серых камней,
 У печальных () стен
 Неизвестных морей¹
 Голоса корабельных сирен.
- б. И остались среди серых камней,
 У печальных причудливых стен
 Отголоски далеких морей
 Голоса корабельных сирен.
- в. Там живет среди серых камней,
 В² отголосках причудливых пен
 Переплеск отдаленный морей, –
 Голоса корабельных сирен.

Варианты Т₄

- 1 Пьяный вздох одичалой весны◇
 15 Издали мне привиделась смерть,
 17 Там живет среди серых камней◇
 19 Переплеск отдаленных морей –◇

Варианты БА РГБ

- Заглавие *отсутствует*
- 1 Пьяный вздох одичалой весны
 13 а. Я увидел глядящую в твердь
 б. Я увидел Глядящую в твердь
 15 как в Т₄
 16 Приносящая тягостный звук.

Варианты публикации в Гриф-1905.

- 13 как в БА РГБ, вар. а
 15 Издали мне привиделась смерть,

Варианты РЭ II₂ и публикации в II₃

- 9–12 Я покорно смотрел в небеса,
 Где Она расточала туман.

¹ Было начато: То

² Было начато: И

13-16 Чуть серели вдали паруса,
Унося торжество в океан.
13-16 *зачеркнуты (РЭ II₂)*
отсутствуют (II₃)

"Я ЖИВУ В ГЛУБОКОМ ПОКОЕ..."

(С. 40)

Черновые наброски в ЗК₈ (ЧН)

Только чуть серебрились латы
Да¹ персты сжимали ()
Так встречал я его когда-то

Лоб закрыт прозрачной повязкой²
И глаза печально тусклы
Будто ждал, чтобы "все" прошли³

[И тогда он укажет рукою]

Я пред ним – в конце вереницы
Этих тусклых и бледных лиц⁴
Я – последний беглец столицы,⁵
Неудачник больших деревень

И тогда он поднимет руку –
И – пойму ли, к чему этот знак?⁶
Повинуюсь ли легкому звуку,
Что ()
Так стоим – я взглядом бегущим⁷
Измеряю гостя тюрьмы...
Он молчит – мечом стерегушим

Варианты ЧА ЗК₈

- 2а. Рою⁸ днем могилы корням.⁹
б. Рою днем могилы [цветам].
3а. Но лишь вечер сереет – нас двое:

¹ Было начато: И

² Было начато: Лоб закрыт был

³ Незачеркнутый предыдущий вариант: Точно ждал, чтобы "все" прошли

⁴ Было: этих тусклых бледных лиц

⁵ Было: Я – последний беглец из столицы

⁶ Было: И – пойму-ли, что этот знак?

⁷ Было начато: Мы стоим – и

⁸ Было начато: Днем – лоп(агой?)

⁹ Незачеркнутый вариант.

- б. Но чуть вечер сереет – нас двое:
а. Но в туманный вечер – нас двое:
4 Я вдвоем с *другим* по ночам.
5 а. Он – в обычном углу покоя¹
б. Он – в обычном углу у входа²
а. Обычайный – у входа в сени
6 Где стоят мои образа.³ ◇
7 а. Лоб закрытый теньями комода
б. Лоб закрытый теньями растений ◇
9–12 а. В дальних залах – говор крылатый
Тех, с кем связан я игом дней,⁴
Здесь – едва серебрятся латы
И персты () бледней.
б. В дальних залах – говор крылатый
Тех, с кем жил я и с кем – погиб.⁵
Из угла серебрятся латы
Ипуская жалобный скрип.
в. *как в основном тексте*
Между 12 и 13 [Я – пред ним – покорный печали⁶]
13–16 Одинок – в конце вереницы,⁷
Я последний мускул земли.⁸
Не откроет уст темнолицый⁹
Будто ждет, чтобы *все* прошли.
17–20 а. И тогда он поднимет руку,
Что сжимала века рукоять
Но могу ли поверить звуку
И могу ли его понять?
б. Раздробив на хриплые звуки
Равномерно жутких часов
Он поднимет тяжкие руки,¹⁰
Что висят мириады веков.¹¹
в. Раздавлив похоронные звуки
Равномерно жутких часов

¹ Было начато: Он стоит

² Слово вписано: [сени]

³ Было начато: Где мой

⁴ Было: а. Тех с кем связан я снами дней.

б. Всех, с кем связан я снами дней.

⁵ Было: Тех, с кем связан я сном времен.

⁶ Было: Я – пред ним – усталый в печаль

⁷ Было начато: Ожид(аю?)

⁸ Было: Как последний от(к)лик земли.

⁹ Было: Я молчу – и молчит темнолицый

¹⁰ Было начато: И когда

¹¹ Было начато: Что висели бездн(ы?)

- Он поднимет тяжкие руки,
 Что висят из петли веков.¹◇
 21–24 а. Заскрипят наручники в латах²
 И с усиьем ()
 Хрипло вдунет отзвук крылатый³
 Золотых отлетевших веков.
- б. Заскрипят ли темные латы
 И с усиьем ()
 Или вдунет звук хриповатый
 В голубой неведомый рог.
- в. Заскрипят ли темные латы
 Или гроб их, как труд мой, пуст?⁴◇
 Иль он вдунет звук хриповатый
 В этот рог из смердящих уст?
 Между 24 и 25 [Или я – упав у налоя⁴
 Воззову: Всемогущий
 И Другой – созиждет иное]⁵
- 25–28 а. Или я, как месяц двурогий,
 Серебряю только жалкий сон⁶
 Что приснился мне в мертвом роге,⁷
 Между двух больших похорон
- б. Или я, как месяц двурогий,
 Только жалкий сон серебряю
 Или понял в мертвенном роге,
 Что не в силах встретить зарю?
- в. *как в основном тексте*

Варианты Т₄

- 4 Я вдвоем с другим по ночам.◇
 5 а. *как в основном тексте*
 б. Обычайный – у входа в сени,
 15 Не откроет уст темнолицый,◇
 16 Будто ждет, чтобы все прошли.
 20 Что *висят*, как петли веков.
 23 Иль он вдунет звук хриповатый◇

¹ Незачеркнутый вариант.

² Было начато: а. Он раздвинет

б. Захри(пят?)

³ Было начато: Хрипло вдунет он (??)

⁴ Было начато: Или в (??)

⁵ Далее было начато: а. Или я

б. Или я у

а. Или я

⁶ Было: Только жалкий сон серебряю

⁷ Было: Что приснился мне в темном роге

"ПОЕТ, КРАСНЕЯ, МЕДЬ. НАД ГОРНОМ..."

(С. 41)

Варианты ЧА ЗК₇

- Заглавие Святой
4 Какой явился мне во сне.
6-7 а. И вот расплавленную медь
Кую у знойного порога,
б. И в гроб переплавляю медь.
Сам указал себе дорогу,¹
в. *как в основном тексте*
11 а. И запоют останки башен,
б. И рухнут все останки башен,² ◇
12 Застлав мой путь среди долин.³
13-16 а. Но в гроб, упавший с катафалка,⁴
Быть⁵ может движима Судьбой,⁶
Швырнет свободная гадалка⁷
Свой воскрешающий запой.
б. Быть может – вольная гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под складки катафалка ◇
Свой воскрешающий запой.
17 И весь огромен – бледен телом⁸
19 И эти люди – в черном, в белом⁹ ◇
20 Поставят белую свечу.¹⁰ ◇

Варианты Т₄

- Заглавие Святой
13 И смугло – вольная гадалка, ◇

Вариант правки в Т₄

- 12 С моих сияющих вершин.

¹ Было начато: Я сам

² Далее было начато: И до

³ Было начато: Которых

⁴ Было: а. И самый гроб на катафалке

б. И в гроб, упавший с катафалка,

⁵ Было начато: И в

⁶ Было: Быть может движима судьбой,

⁷ Было: Швырнет прохожая гадалка

⁸ Далее было начато: а. Стряхну

б. Я мед(ью)

⁹ Было начато: И мне поставят () в белом

¹⁰ Было начато: Поставят мне

Варианты публикаций в ВМИ и в сб. "Пряник осиротевшим детям"

Заглавие Святой (ВМИ)

Без деления на строфы (ВМИ)

12 С моих сияющих вершин.

"ЗАЖИГАЛИСЬ ОКНА УЗКИХ КОМНАТ..."

(С. 42)

Варианты ЧА ЗК₉

- Перед 1 [Наверху зажглось окно желаний
Луч проник в () дворы
Там]
- 2 Возникали тусклые лучи[◇]
- 3 а. Там, где люди () смутно помнят
б. Там, где люди что-то смутно помнят
в. Там, где люди смутно берегут и помнят[◇]
- 5 В этот миг и Ты прошла к вечерне[◇]
- 6 а. Твой ¹ задумчивый () храня.
б. Свой задумчивый и нежный () храня.[◇]
- 8 а. () взглянула на меня
б. Ты из туч взглянула на меня,^{2◇}
- 9–10 а. Там восторженно томился счастьем
Угасал счастливец
б. Там – вверху – в томлении³ прозрачном
Забывалось
в. Так, восторженно томиться горьким взглядом⁴
Не умел никто, Небесная, поверь!
г. Так, как я, тонуть в небесном равнодушном
взгляде⁵
Не умел никто, Небесная, поверь!
- 11–12 а. Но застиг меня и шел со мною рядом⁶
И открыл мне каменную дверь...⁷
б. Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь...⁸

¹ Было начато: По

² Было начато: В этот час
ст. 7 вписан позднее ст. 8

³ Было начато: томи ()

⁴ Было: Там восторженно томиться горьким взглядом

⁵ Было начато: Так, как я, теряться

⁶ Было начато: ^{а.} Но со мною

^{б.} Но и он возник в

⁷ Было: И открыл () каменную дверь...

⁸ Было: ^а И открыл невидимую дверь...

^{б.} Острый луч проник в невидимую дверь...

- 13–14 а. Поглощенный в смутный сон видений¹
 Я стоял, как будто, на горе,²
 б. И вступив на звонкий ряд ступеней³
 Я стоял, преображенный, на горе –
 15–16 а. Стая скудно озаренных привидений
 Поднимала руки к догорающей заре.
 б. *как в основном тексте*
 После 16⁴ [В их тоску
 Заключенный в каменной могиле,
 Просыпаясь, снам⁵]

"ВСЕ БЕЖИТ, МЫ ПРЕБЫВАЕМ..."

(С. 42)

Варианты ЧА ЗК₉

I

- Перед 1 [Пребыв < >]
 3–4 Неподвижные, сгораем⁶
 < >
 7 Расчислив все дороги,^{7◇}
 9–10 а. Изгоняющему страхи,⁸
 Преграждающему путь...
 б. Изгоняющему страхи,
 Открывающ(ему) путь,
 в. Там – из кельи Вечной пряжи
 Нити кажут солнцу путь.
 Между 12 и 13 а. Целомудрены ли ночью?
 Вопросает < >
 б. Целомудренны ли ночи?
 Озабочены ли днем?
 13 Всю ли ночь⁹ молились в нишах?¹⁰

¹ Было: Поглощенный, смутный сон видений

² Было: а. Я ушел

б. Я был уже горе...

в. Отходя

³ Было: Я вступил на звонкий ряд ступеней

⁴ Возможно, эти наброски (л. 5 об.) имеют самостоятельный характер (предшествующий текст – л. 3 об. – 5).

⁵ Было: сны

⁶ Было начато: Мы

⁷ Было начато: Обойдя

⁸ Было начато: Прогоняющему

⁹ Было: а. Всю ли ночь молит(вы?)

б. Всю ли ночь вы

¹⁰ Было: а. как в тексте

б. Всю ли ночь молились в нише?

- 14 а. Все ли дни полны забот?¹
 б. Все ли дни полны труда?²
 в. Всю ли ночь текли труды?
 15–16 Нет, отец. – На светлых крышах
 Ждали утренней звезды.
 После 16 [Ждали утра в дымных]
 [Блеск () утреннюю розу]
 [Стрелы утра в
 [Ждали]
 17–20 *отсутствуют*

II

- 3–4 Заплетаем, расплетаем
 Трав душистые венцы[◇]
 9 Вот – из кельи Вечной пряжи
Ст. между 12 и 13, ст. 14, вар. б, в зачеркнуты
 17–20 а. Ждали утра, ждали света,
 Наблюдали чудеса
 ()
 б. Ждали утра, солнца ждали,
 ()
 И над прялкой тосковали
 В ночь, пока Она пряла.
 в. Ждали утра, солнца ждали
 Ландыш пел, Она цвела
 И над прялкой тосковали
 В ночь, когда звезда пряла.

Варианты Т₄, БА РГБ и публикации в ВМИ

С делением на четверостишия

Вариант публикации в газ. "Петроградское эхо"

- 11 Утро. Сходятся монахи,

"НЕЖНЫЙ! У ЛАСКОВОЙ РЕЧКИ..."

(С. 43)

Первоначальная редакция в Т₄

Посвящение

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
 Ты – голубой пастушок.
 Белые бродят овечки,
 Круто загнут посошок.

¹ Было начато: Бы ()

² Далее было начато: а-б. Или

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода,
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада....

(10) Грусть несказанных намеков
В долгом журчаньи воды.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны!...

Люди придут и растратят
Золоторунную грусть....
С ближних утесов прикатят
Мертвые камни... о пусть!...

(20) Проволок частые сети
Встанут из мглы городов....
Вырастут белые дети...
Выйдут из хижин отцов...

Там, где и травы грустили,
Там, где бродили стада, –
В клубах удушливой пыли
Будут греметь города....

О, эти красные юбки
Женщин, зовущих на смерть!...
Но широко раскинулась бледная твердь,
Где улыбаются ангелов детские губки....

Варианты переработки в Т₄ (Т₄-1904)¹

(14–16) Золоторунную тишь...
Серые камни прикатят,²
Нежный распочтут камыш.

(13–16) *зачеркнуты*

(17–20) *зачеркнуты*³

(21–28) *зачеркнуты*

Вм. ст. (21–28) [О, эти синие дали!
О, эти вещие сны!⁴
Радуйся! Мы их встречали!
Были с тобой влюблены!⁵]

¹ *Правка карандашом.*

² *Было: Тяжкие камни с утесов прикатят,*

³ *Было: ст. (17–20) и (21–24) переставлены местами.*

⁴ *Было: О, эти вещие дни*

⁵ *Незачеркнутый первоначальный вариант: Были и мы влюблены*

Варианты ЧА 6-й и 5-й¹ стрóf в ЗК₁₂

- 21–24а. Но и над городом будет
Стадо овец-облаков,
Чтобы суровые люди
Помнили
- б. Но и над городом будет[◇]
Стадо вечернее. Пусть²
Помнят суровые люди³ [◇]
Золоторунную грусть.[◇]
- 17–18а. Пусть и над городом будет
Стадо. Облаки-овцы.
- б. Но высоко – в изумруде
Облаки – овцы плывут.
- в. как в основном тексте
- 19–20 как в основном тексте

Варианты переработки в Т₄ (Т₄–1906)⁴

- (10) как ст. 10 основного текста
(13–16) как ст. 13–16 основного текста⁵
После (16) ст. 17–24 основного текста

Варианты публикации в газ. "Слово"

- Заглавие Летний сон. (Пастораль)
Посвящение отсутствует

Варианты публикации в П₁

- Заглавие Федору Смородскому

Варианты НР П₂

- 18 Облаки овцы плывут.[◇]

"ТЯЖКО НАМ БЫЛО ПОД ВЬЮГАМИ..."

(С. 44)

Варианты БА ИРЛИ

- Заглавие Летнее утро
2 В зиму холодную спать.....
4 а. Не было силы поднять...
б. Не было мочи поднять...

¹ Стрфы записаны в обратном порядке.

² Было начато: Стадо овечек

³ Было: а. Вспомните, серые люди

б. Вспомните, гру(бые?) люди

в. Вспомните, серые люди

⁴ Правка чернилами.

⁵ Ст. 14: Золоторунную тишь...

Варианты Т₄

- как в БА ИРЛИ
12 а. как в основном тексте¹
б. [Не раздавались] давно!
Варианты публикации в газ. "Наша жизнь"
2 как в БА ИРЛИ

НОЧЬ

("Маг, простерт над миром брений...")
(С. 45)

Наброски первоначальной редакции в ЗК₉ (ЧН)²

- Перед (1) Облаков предлунных племя
(1)–(4) Маг простерт над миром брений, –³
[В млечной ленте] – голова.⁴
Знаки – поздних поколений.⁵
Счастье дальнего волхва.
(Л. 33)
- Перед (5) Бегом облачным⁶
(5)–(8) а. В длинном⁷ черном одеяны
Чертит ночь свои слова.⁸
В непонятном начертаны –⁹
Счастье дольного волхва.

¹ Незачеркнутый вариант..

² Полный текст редакции представлен в Т₄, нумерация стихов дается по отношению к БА в Т₄.

³ Было: а. Маг, простерт над миром брений

б. Маг, простертый над вселенной,

⁴ Было: а. *начато*: Уплываю в лу()

б. Душу в лунный пар сотку

в. *начато*: В

² *начато*: Душу

д *начато*: В бег

е *начато*: Путь под ()

ж В сны подлунья уплыву.

³ В сны подлунной уплыву.

и () молва

⁵ Было *начато*: а. Счастью будущих

б. Счастью поздним

⁶ Было *начато*: Бегом круж(?)

⁷ Было *начато*: В длинной

⁸ Было: а *начато*: На распутьи ждешь

б. На распутьи ночь легла.

⁹ Было: а *начато*: В

б. На туманном очертаньи –

в. В этом дымном очертаньи –

Ночь легла – и я разметил¹
Беги черных колесниц,
Дальше²

(Л. 33 об. – 34)

б. В длинном черном одеяньи
На распутии встала ночь.³
(Л. 34 об.)

в. В длинном черном одеяньи⁴
[На распутии Ночь легла.⁵]
[В непонятном начертаньи –]
[Счастье () соткала.⁶]

г. В длинном черном одеяньи
(Л. 35 об. – 36)

(9)–(12) Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.⁷
Оперлась на циркуль тяжкий⁸
Смотрит вниз.⁹

(Л. 34)

(21)–(24) а. [Кто ты, женственное имя?¹⁰
Отрок]

¹ Далее было начато: Ей начертаны пути

² Было: а. Дальше – Феб проснется – светел

б начато: Половиной небосклона

в начато: Я

Далее было начато: а. Облаков

б Бледно

³ Было: На распутии вышла ночь.

⁴ Было: а В длинном черном одеяньи

б начато: В траур страсти

в начато: Ты пути

г начато: Ты

д начато: Там

е начато: В длинной траурной

⁵ Было: На распутии ночь легла.

⁶ Была начата правка: Счастье () создала.

Далее зачеркнутые наброски:

а Кто поймет наукой тайной

б Кто () науке тайной

в Кто () тайном зна()

⁷ Было: а Черных риз.

б начато: Риз(?)

в Черных риз.

г Сонной ночи темных риз.

⁸ Было: Оперлась на циркуль мира –

⁹ Было: а начато: Тяжело

б-в Равнодушно смотрит вниз.

¹⁰ Наброски к ст. (13)–(20) следуют ниже.

[Но в глазах]

И

- б. Кто ты, ставший межъ святыми¹
В нимбе красного огня?
Кто ты, женственное имя,
Опьянившее меня?²
- а. Кто ты, ставшая над ними,
В нимбе красного огня?
Чье-то женственное имя,
Опьянившее меня?
- з. Кто ты, зельями ночными
Напоившая меня?³
Кто ты, женственное имя,
В нимбе красного огня?
- д. Кто ты, женственное имя,
В нимбе красного огня?
Кто ты, зельями ночными
Отравившая меня?
(Л. 34 об. – 35)
- (13)–(16) а. Длинные черные одежды,⁴
Косы – тяжкий водопад.
Нет забвенья. Нет надежды
Путь – свершенье ()
- б. Длинные черные одежды,
Косы скрыли пол-лица
Нет забвенья. Нет надежды,
Путь – свершенье без конца.
- в. Перед ликом властелина⁵
Косы скрыли полчела.
В тенях крылий половина⁶
Всей подлунной (1 нрзб.)⁷

¹ Было начато: ^а Кто ты,
^б Кто ты, ставший на расп(утьи?)

^в Кто ты, ставший над

² Было начато: Кто ты,

³ Было: Опоившая меня?

⁴ Было начато: В д()

⁵ Было начато: ^а Тень

^б Тени в Убе(?)

⁶ Было: ^а Тенью крылий – половину

^б начато: В тенях крылий туск()

⁷ Карандашная запись стерта.

2. Перед ликом властелина
Косы скрыли полчела.
Тенью (?) крылий – половину
Всей подлунной обняла.
- д. Перед ликом властелина
Косы скрыли полчела.
В тени крылий половина
Всей подлунной умерла.
- (17)–(20) а. Поступь медленная скажет,¹
Что Ей видится в пути²
Пояс томная развяжет,
Чтобы дальше не идти
- б. Поступь медленная скажет,
Что Ей снится на пути.
Пояс царственный развяжет,
Чтобы дальше не идти.
- После (20) *зачеркнутые наброски:*
Над челом, склоненным долу³
Красный нимб [пронижет мглу]⁴
(Л. 36 об. – 37)
- (25)–(28)⁵ К берегам страны холодной⁶
В красном нимбе сквозь туман⁷
Ты рекою полноводной⁸
Приплыла из дальних стран.
(Л. 37 об.)
- После (28) *наброски:*

¹ Было начато: а Так идет – и поступь
б Так идет – шаг замед()

² Было: а Что Ей чуется вдали.
б Что Ей чуется в пути

³ Было начато: а Опустивше()
б Над опущенн()

⁴ Была начата правка: а Красный нимб мерцает
б Красный нимб, ночной
в Красный нимб мерцает

⁵ Строфа, не вошедшая в текст первоначальной редакции (Т₄).

⁶ Было начато: а В край сно()
б К берегам печальной

⁷ Далее было начато: а Ты, мерцающая,
б Ты мерцаешь
в Ты проникла и застигла
г Ты проникла и застыла
д Доплыл
е Черным крепом(?)

⁸ Было начато: а Ты челнок
б Ты причалила кр()

- 1 а. Челн твой к берегу причалил –
Ты идешь кропить луга¹
- б. Челн оставленный у брега
Серебрился вдалеке
- в. Челн оставила на зыби
И лугами поплыла
(Л. 38)
- II И оставила на башне обращенной на восток
Утром я бродил в долине, незамеченный тобой
Видел ⟨⟩ в дымке синей нежный облик голубой²
Отходящей³
(Л. 39)

Первоначальная редакция в Т₄

Н о ч ь

- Маг, простерт над миром брений, –
В млечной ленте голова. –
Знаки поздних поколений –
Счастье дольного волхва.
- В длинном, черном одеяньи,
В сонме черных колесниц,
В бледно фосфорном сияньи –
Ночь плывет путем цариц.
- (10) Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.
- Перед ликом властелина
Косы скрыли полчела.
В тених крылий – половина
Всея подлунной умерла.
- (20) Поступь медленная скажет,
Что Ей снится на пути.
Пояс царственный развяжет,
Чтобы дальше не идти.

¹ Далее было начато: а. Молча в
б. Ты на

² Было начато: а. И заметил в дымке синей
б. Встрети⟨л⟩

³ Было начато: а. Отходящей
б. Отходящую

Далее следует запись: Дальше и нельзя ничего. Все Это прошло, минуло, "исчерпано". Ал. Блок.
11 окт(ября) 1904.

Кто Ты, зельями ночными
Задушившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

ЧА в ЗК₁₀ (2-я строфа основного текста)

- 5–8 Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод¹
Поднялась стезею млечной,²
Осиянная,³ плывет

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₄ (Т₄-1906 (?))

Г⁴. *Заглавие зачеркнуто, затем восстановлено*

- (1)–(8) а. (2) В сны подлунной уплыву.⁵
(4) Счастье – дольнему волхву⁶.
б. (1)–(8) зачеркнуты
в. вместо ст. (1)–(4) – ст. 5–8 основного текста
(13) а. Пав на бледную равнину
б. как ст. 17 основного текста
(15)–(16) как ст. 19–20 основного текста
(17)–(20) зачеркнуты
(22) как ст. 22 основного текста

П⁷. Ст. (5)–(8) восстановлены (ст. 9–12 основного текста)

Варианты публикаций в «Понедельниках газ. "Слово"» П₁, П₂ (НР П₂)

- 1–4 отсутствуют
21 Кто ты, зельями ночными (НР П₂, П₂)
23 Кто ты, Женственное Имя (НР П₂)

Варианты правки в РЭ П₂

- 1–4 отсутствуют
13–20 а. Ст. 13–16 и 17–20 переменены местами
б. как в основном тексте⁸
21–24 зачеркнуты

¹ Было: а Темен шлем остроконечный

б Мечет шлем остроконечный
Красный отблеск

² Было: а Поднялась дорогой млечной,

³ Было начато: а Поплыла

б Потекла

⁴ Правка чернилами.

^{5,6} При незачеркнутом и заключенном в скобки предыдущем варианте.

⁷ Правка красным карандашом.

⁸ На полях – помета Блока: по-прежнему

Варианты публикации в II₃

1–4, 21–24 *отсутствуют*

"ВОТ – В ИЗНУРИТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ..."

(С. 45)

Варианты Т₄

Заглавие *Искушение*
6 *начато: И мускул (?)¹*
9 *Все перепутья даль откроют,¹*
11 *И девы падшие укроют²*
15 *Чтоб медный голос колокольный³*

Варианты публикации в БН

Заглавие *Искушение*

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

(С. 46)

Варианты Т₄

Заглавие *а.* *Из поэмы "Прибытие Прекрасной Дамы" (первые 7 глав)³*
б. *Ее прибытие⁴*

Вариант II₂

Заглавие *Ее прибытие. (Неоконченная поэма)*

РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ

(*"Окаймлен летучей пеной..."*)

(С. 46)

Варианты Т₄

Заглавие *а.* *Песня рабочих, разгружающих корабли на рейде⁵*
б. *Рабочие на рейде⁶*
1 а. *Окаймленный белой пеной*
б. *Окаймлен летучей пеной⁷*

¹ Незачеркнутый вариант.

² Незачеркнутый вариант.

³ Заглавие вписано чернилами.

⁴ Надписано синим карандашом при незачеркнутом предыдущем варианте.

⁵ Восстанавливается по стертному карандашу.

⁶ Вписано карандашом поверх порядкового номера "1".

⁷ Вписано при незачеркнутом предыдущем варианте.

- 25 "Птица пен" ходила к югу,
32 В наши тяжкие кули?
37 а. Но как в сказке, дети моря
б. Но как в сказке, люди в море

Варианты публикации в журн. "Перевал"

С делением на четверостишия

25, 32 как в Т₄

ТАК БЫЛО

("Жизнь была стремленьем...")

(С. 47)

Редакция в Т₄

Т а к б ы л о¹

Жизнь была стремленьем. Смерть была причиной
Несвершенных в мире бесконечных благ.
Небо закрывалось над морской равниной
В час, когда являлся первый светлый флаг.²

Ночи укрывали от очей бессонных –
Все, что совершалось за чертой морей.
Только на закате в зорях наклоненных
Мчались отраженья, тени кораблей.

- (10) Но не все читали заревые знаки
Да и зори гасли и, лицом к луне,
Бледная планета, разрывая мраки,
Знала о грядущем безнадежном дне.

Варианты публикации в газ. "Студенческая речь"³

Без деления на строфы

- (9) Но не все читали зоревые знаки,

ПЕСНЯ МАТРОСОВ

("Подарило нам море...")

(С. 47)

Первоначальная редакция в Т₄

Ш. П е с н я р а б о ч и х

Подарило нам море обручальное кольцо,
Целовало нас море в загорелое лицо,
Приневастилась морская глубина,

¹ Заглавие вписано поверх порядкового номера "II".

² Было: В миг, когда являлся первый встречный флаг.

³ Опубликована редакция текста, зафиксированная в Т₄.

- (5) Невестная морская быстрина,¹
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,²
Она, матушка, свободна, холодна!

Доработка первоначальной редакции в Т₄ (ЧА)

- Заглавие а. Песня матросов
б. Морская песня
После (7): (8–12)
С ней погуляем на вольном просторе³
Синее море! Красные зори!
Ветер ты, пьяный, трепли волоса!⁴
Ветер соленый, неси голоса!⁵
Ветер ты вольный, раздуй паруса!⁶

Первоначальная редакция в ТП (БА ИРЛИ)

М о р с к а я п е с н я
Подарило нам море обручальное кольцо,
Целовало нас море в загорелое лицо!
Приневестилась морская быстрина,
Невестная морская глубина!

С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!

С ней погуляем на вольном просторе!
Синее море! Красные зори!

- (10) Ветер, ты, пьяный, трепли волоса!
Ветер соленый, неси голоса!
Ветер, ты, вольный, раздуй паруса!

¹ Было: (ст. (3–4)): Приневестилась морская быстрина,
Невестная морская глубина,

² Было: И смерть не страшна,

³ Было: ^а С ней хорошо на широком просторе

^б С ней погуляй на широком просторе

⁴ Было: ^а Ветер развеял широко паруса!

^б Ветер ты вольный, развея паруса!

^в Ветер соленый, развея паруса!

⁵ Было: ^а Ветер, неси голоса!

^б Ветер ты вольный, неси голоса!

⁶ Было начато: Ветер соленый

ГОЛОС В ТУЧАХ

("Нас море примчало к земле одичалой...")

(С. 48)

Первоначальная редакция в Т₄

IV

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Нам было тоскливо и было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза.
А ночь, как блудница, глядела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

(10) Усталость, усталость! Как ветер холодный
Ты нас пронизала, до боли в висках!
Мы были бы все бесконечно свободны,
Но, нет – не в твоих, о безвольность, тисках!

Томимые скорбью и брови нахмуря,
Мы тяжело влеклись по песчаной тропе....
И вот, как посол нарастающей бури,
Старик незнакомый явился в толпе.

(20) Он был – исполин. На утесистой круче
Торжественный профиль возник и погас.
То молнья сверкнула в разорванной туче –
А, может быть, – молнья в расщелинах глаз.

Казалось – там с тучею туча боролась,
Но молнья разбила борьбу пополам,
И в ясном разрыве послышался голос –
Простой и веселый – подобный громам.

Веселый – вещал золотую свободу,
И ночь озарилась от слов вещуна.
Слова упали, как уголья в воду,
И темное море светилось до дна.

(30) Там змей не дремал – но в сплетеньи узоров
Сквозь девственный лес расстился туман,
Вплетался коралл в пестроту метеоров,
Сошедших с небес в голубой океан.

Прозрачность являлась прозрачному оку
Свобода забытых сказаний цвела,

И звук умолкая, как в сказке далекой,
Был только беззвучным отливом стекла.

- О, вы, испытавшие глуби и зыби,
С душой водолазов, с отвагой бойцов!
Для вас – на подводной сияющей глыбе –
(40) Ключи от легенды, мечты мудрецов!

Старик ликовал. И трепалась одежда,
И голос под стонущим ветром крепчал.
Быть может – Сама окрылилась надежда?
Быть может – свободу нам ветер примчал?...

А там горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели шипя и свистя поезда.

- Гудел океан – и лохмотьями пены
(50) Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены –
Там буря настигла суда рыбаков...

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₄

- Заглавие *вписано*
(5) *как ст. 5 основного текста*
(9–12) *зачеркнуты*
(13) а. Сгибаясь под ветром, и брови нахмуря,
б. *как ст. 9 основного текста*
(14) Во мраке с трудом различали тропу....
(16) *как ст. 12 основного текста*
(17) а. Сверкнувший зигзагом на каменной круче,¹
б. *как ст. 13 основного текста*
(18) Торжественный профиль нам брызнул в глаза.
(19–22) *как ст. 15–18 основного текста*
(23) Туда, где моря запевают о чуде –
(24) а. Туда направляется свет маяка
б. Туда направляется глаз маяка²
в. Туда направляется луч маяка
(25) *как ст. 21 основного текста*
(26) а. И с часу на час стережет буруны,
б. *как ст. 22 основного текста*

¹ Было начато: Б()

² Варианты а, б не зачеркнуты.

- (27) *как ст. 23 основного текста*
 (28) Больших кораблей из далекой страны.
 (29) *как ст. 25 основного текста*
 (30) Как радостен бег закипающих пен,
 (31) Как море ликует! Вы слышите – где-то
 (32) *как ст. 28 основного текста*
 (33–40) *зачеркнуты*
 (41) *как ст. 29 основного текста*
 (42) Гремящую даль осенила рука
 (43) *как ст. 31 основного текста*
 (44) Мы знали: Нежданная Радость – близка.
 (45) а. И весь горизонт разбудили зарницы,
 б. *как ст. 33 основного текста*

Вариант публикации в ТП

- 32 Казалось: нежданная радость близка.¹

Варианты правки в РЭ П₂

- 17–24, 29–32 *зачеркнуты*

КОРАБЛИ ИДУТ

("О, светоносные стебли морей, маяки!..")

(С. 49)

Варианты Т₄²

- Между 12 и 13, 16 и 17 *интервал отсутствует*
 17–18 Невидим для очей, через полог ночей
 24 а. Бесконечный обман океана.....
 б. Безначальный обман океана.....
 Между 32 и 33 *интервал отсутствует*

Варианты публикации в журн. "Перевал"

- Между 12 и 13, 16 и 17 *интервал отсутствует*
 17–18 *как в Т₄*
 24 Бесконечный обман океана...

Вариант правки в РЭ П₂

- 9–20 *зачеркнуты*

¹ В Кор П₂ ст. 32: Мы ждали: нежданная Радость близка!..[◇] (Возможно, опечатка)

² Заглавие вписано позднее.

КОРАБЛИ ПРИШЛИ
("Океан дремал зеркальный...")

(С. 50)

Варианты Т₄¹

- 7–8 а. *как в основном тексте*²
б. Издали златила реи
Погасавшая заря.³
в. Тяжело согнулись реи,
Наготове – якоря.
Между 12 и 13: (13–16) Вспоминать ночные грозы
Тяжело в закатной мгле...⁴
Слали царственные слезы
Злой различнице земле.
15 а. *как в основном тексте*
б. С расцветающей красою
20 Весть ракетой вознеслась.◇

Варианты публикации в прилож. к журн. "Нива"

- Заглавие *отсутствует*
Между 12 и 13: (13–16) *как в Т₄*⁵
15 *как в Т₄, вар. б*

РАССВЕТ

("Тихо рассыпалась в небе ракета...")

(С. 51)

Первоначальная редакция в Т₄

В И I Р а с с в е т

Тихо рассыпалась в небе ракета.
Запад погас – и вздохнула земля.
Стали на рейде – и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте уделя.

Медленно, млечным путем серебримы,
Грузные зыблятся мерно суда.
Чутко безмолвные ждут пилигримы.
В небе и в сердце – все та же звезда.

- (10) Сумерки близятся. В утренней дреме
Что-то безмерно печальное есть.

¹ Заглавие вписано позднее.

² Не зачеркнуто.

³ Было: Потухавшая (?) заря.

⁴ Тяжело в лазурной мгле.... (зачеркнутый вариант при незачеркнутом предыдущем варианте)

⁵ (14) мгле... (15) разлучнице –

Там – в океане – в земном водоеме –
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далеко
Мерит и выси и глуби, – и вдруг
С первой стрелой прилетевшей с Востока
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть или жизнь тяготеет над морем, –
Весть о победе – в полете стрелы.
Смертные мы – и о Солнце не спорим:
(20) Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сияньи –
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранних и светлых и мудрых начал. –

Но с кораблей, испытавших ненастья,
Весть о рассвете достигла земли;
Ждали ли счастья? В предчувствии счастья
Вышли на берег встречать корабли.

Буйные, пестрые толпы народа
(30) Спящих будили веселой молвой.
Все пробуждались при клике: Свобода!
Каждый горел предрассветной мечтой!

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Светлый туман восходил в голубое –
Вспыхнуть готова – курилась заря.
О, никогда еще в радостном строе
(40) Мы не пускались с отвагой в моря!

Там вдалеке – в очертаньи неясном
Сказка далеких морей расцвела.
Все выделяясь на зареве красном,
Резво на мачтах вились вымпела.

Плыли и пели, и море пьянело,
Правящий Феб, рассекая туман,
Дале все мчал пурпуровые стрелы
Но не иссяк заповедный колчан.

Вот уж клубясь разлетелись волокна.
(50) Мы оглянулись. Вдали за кормой

В порте пылали все крыши, все окна
Пред молодой, золотою зарей!

Миг – и сверкая безмерно славой,
Жертвенной кровью вскипели моря.
И, взлетая на гребень кровавый,
Мы увидали над морем – Царя.

И, величавым безмолвием полны,
Встретились мы над простором морей
Строгой красой увенчавшие волны
(60) Стройные станы больших кораблей.

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₄

- (2) Запад погас – и пришли корабли.
(4) Ждали привета родимой земли.
(5–8) *зачеркнуты*
(25) *как ст. 21 основного текста*
(27) а. Буйные толпы в предчувствии счастья
б. Буйные толпы, предчувствуя счастье
(29–32), (36–44),
(49–52) *зачеркнуты*
(58) Встретили мы на просторах морей
(53–60) *зачеркнуты*

Варианты публикации в журн. "Образование"

- 2 Запад погас, – и пришли корабли.
4 Ждали привета родимой земли.
23 Буйные толпы, предчувствуя счастье,
Вм. 29 Там – вдалеке – в очертаньи неясном –
Сказка далеких морей расцвела.
Все выделяясь на зареве красном,
Резво на мачтах вились вымпела.

Плыли и пели. И море пьянело.
Правящий Феб, рассекая туман,
Дале все мчал пурпуровые стрелы,
Но не иссяк заповедный колчан.

И, величавым безмолвием полны,
Встретились мы на просторах морей
Строгой красой увенчавшие волны
Стройные станы больших кораблей.

Варианты публикации в П₂

- Вм. 29 Плыли и пели, и море пьянело.
Правящий Феб, рассекая туман,
Дале все мчал пурпуровые стрелы,
Но не иссяк заповедный колчан.

Миг – и, сверкая безмерною славой,
Жертвенной кровью вскипели моря,
И, возлетая на гребень кровавый,
Мы увидали над морем – Царя...

И, величавым безмолвием полны,
Встретили мы на просторах морей
Строгой красой увенчавшие волны
Стройные станы больших кораблей.

.....

МОЕЙ МАТЕРИ

("Помнишь думы? Они улетели...")

(С. 52)

Первоначальная редакция в ЗК₉

Помнишь думы? Они улетели
Отцвели завитки гиацинта.
Мы бродили и близились к цели
В¹ отдаленных краях лабиринта.²

Нам³ казалось – мы кратко блуждали⁴
Ах – мы прожили многие жизни...⁵
Возвратились, – и нас не узнали
И не встретили в милой отчизне.

(10) И никто не спросил о Планете,⁶
Где мы близились к юности вечной.⁷

¹ Было начато: В по()

² Далее было начато: ^a Но бродившим почудились волны

^b Но, бродя, мы почуяли в

^c Но, бродя,

³ Было начато: Нам, казалось – мы

⁴ Было: ^a Нам казалось – мы не были в жизни –

^b начато: Нам казалось – мы жи(ли?)

^c Нам казалось – мы прожили месяц (*незачеркнутый вариант; зачеркнут при переработке чернилами*)

⁵ Было начато: ^a И вернулись

^b И мечтали

^c Нам хотелось

^d Ах – то

⁶ Было начато: Нам сказ(али?)

⁷ Было: ^a начато: Где мы жили и ждали

^b Где мы близились к юности вечной.

^c Где мы близились к тайнам предвечным

Пусть¹ погибнут безумные дети²
За стезей ослепительно-млечной³

Помнишь – в город, где башни горели
Беззакатным румянцем заката
Мы, что вечер, входили без цели⁴
И о чем-то () когда-то?

Осенила нас тень лабиринта⁵
Будто избранных – кто-то отметил⁶
Кто-то нес – ослепительно светел –
(20) Впереди нас цветок гиацинта.

Он отцвел – отошел незнакомый
И покинул в бесцельном круженьи⁷
Мы блуждали⁸ – и вышли в сомненьи
И в сомненьи вернулись ()

Успокойся ()
()
Чтоб тебе о мучительно прошлом
Не пришли и спокойные мысли⁹

*Варианты переработки первоначальной редакции в ЗК₉*¹⁰

- (3) Мы провидели светлые цели
(7) Нет – мы прожили многие жизни...
(10) Где мы знали о юности вечной.
(13–17) *зачеркнуты*
(18) Будто избранных – Кто-то отметил
(21) а. Нас покинул прекрасный товарищ
 б. Отошел благодатный товарищ
(23) Мы смеялись, но вышли в сомненьи
(24) а. И в сомненьи вернулись на землю.

¹ Было начато: а Только путь

 б Только

² Незачеркнутый вариант: Пусть потонут безумные дети

³ Было: За путем ослепительно-млечным

⁴ Было: а начато: Мы входили

 б Мы, что вечер, входили и пели

⁵ Было: а начато: Поглотила

 б Нас отметила тень лабиринта –

⁶ Было: а начато: Будто избранных – кто-то ни

 б Будто избранных – кто-то заметил

⁷ Было: а начато: И оставил блужд()

 б И покинул в круженьи бесцельном

⁸ Было начато: И блуж(дали?)

⁹ *Наброски ст. (25–28) записаны перед ст. (1–4).*

¹⁰ *Правка чернилами.*

- б. [На родное пожарище вышли]¹
 (25) а. *начато*: Успокойся
 б. *начато*: Так не жди этой
 в. Так. Не жди изменений бесцельных
 (26) Не пытайся гадать и не числи, –
 (27) а. Чтоб тебе о стране запредельной²
 б. Чтоб тебе о краях запредельных

Варианты Т₄

Заглавие	<i>отсутствует</i>
Посвящение	Маме
3	Мы провидели Светлые цели
10	Где мы близились к Юности Вечной...

Варианты БА собрания В.Н. Орлова

Заглавие	<i>отсутствует</i>
Посвящение	Маме
10	<i>как в Т₄</i>

Варианты публикации в журн. "Вопросы жизни"

Заглавие	<i>отсутствует</i>
Посвящение	Моей матери

Варианты публикации в П₃

- 1–4 *отсутствуют*
 11–12 О стезе ослепительно-млечной,
 Где блуждали безумные дети.
 21–24 *отсутствуют*

"ВСЕ ОТОШЛИ. ШУМИТЕ, СОСНЫ..."

(С. 52)

Черновые наброски в ЗК₆ (ЧН)

- л. 36 об. [Есть] [Все отошли. Ост. ()]
 Они ушли. Остался тесный круг.
 Остался
 л. 37 [Все отошли]

¹ *Далее было начато*: а. На золу
 б. К пепелищу родному
 в. Возвратились к

² *Было начато*: а. Чтоб тебе в этой кро()
 б. Чтоб тебе в этой мирной
 в. Чтоб тебе о мечте

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

("Королевна жила на высокой горе...")

(С. 54)

Варианты ЧА ЗК₁₁

- Заглавие *отсутствует*
- 1 Королева жила на высокой горе[◇]
- 2 И над башней дымились прозрачные сны берегов.[◇]
- 4 Темный рыцарь тревожил законы суровых отцов.
- 5 а. Над зелеными рвами текла () весна
- б. Над зелеными рвами цвела, розовея, весна
- в. Над зелеными рвами плыла, розовея, весна[◇]
- 6 а. *начато*: Вдалеке
- б. *начато*: Непомерность ждала на[◇]
- 8 а. Не смотреть в роковые черты.
- б. Не вздыхать, не смотреть в роковые черты.
- 9 а. *начато*: – Подними эту розу – сказала – рыц(арь)
- б. *как в основном тексте*.
- в. – Подними эту розу – шепнула – и ветер принес[◇]
- 10 а. Бездыханный ответ – тишину улетающих лат
- б. Бездыханный ответ – тишину улетающих слов¹
- в. Тишину улетающих слов – бездыханный ответ[◇]
- 11 а. Там – шепнул ей – на небе не мало сгорающих роз
- б. В синем утреннем небе, шепнул он, не меньше сгорающих роз
- 12 а. И растаял² вверх – и следил ее взгляд –
- б. *начато*: И взлетев, и
- в. И взлетев, засверкал, – и она полетела вослед
- з. И взлетел, и сверкнул – и она полетела вослед.
- 13 а. Как за облаком пело – и плыло мерцание тьмы
- б. И за облаком пело – и плыло мерцание тьмы
- 14 И влюбленность в погоне забыла свой щит[◇]
- 15 а. И она, окрылясь, полетела за ним из тюрьмы⁻³
- б. И она, окрылясь, помчалась за ним из тюрьмы⁴

¹ Незачеркнутый вариант.

² Было *начато*: И гор ()

³ Было *начато*: а И она

б И она, забыв, что без

в И она, окрылясь, полетела из

⁴ Была *начата* правка: Королевна

- 16 а. *начато*: Облака понеслись – королевна во
 б. Облака понеслись – королевна полет свой стремится ◊
- 17 а. И в стремнинах туман – и рога созывают стада
 б. Уж в стремнинах туман – и рога созывают стада
- 18 а. И вечерняя мгла протянула плащи и скосила лучи
 б. И заветная мгла протянула плащи и скосила лучи
- 19 а. *начато*: В
 б. *начато*: И заветною грустью
 в. *начато*: И заветная грусть начертила
 з. И заветная грусть распевает дремля, никогда –
 д. И вечерняя грусть распевает над лоном пруда¹
 е. И вечернюю грусть отражает в стр(емнине?) вода ◊
- 20 И над елями гаснут мечи.
- 21–28 Там воздушный покров – отлетела на зов²
 Навсегда... О, влюбленность! Ты строже судьбы,³
 Повелительней древних законов отцов⁴
 Слаще звука военной трубы!
 И годами кипит властелинов борьба⁵
 Распри дедов над ширью земель⁶
 Но различна судьба... Здесь мечтанье раба⁷
 Там воздушной влюбленности хмель.⁸

Варианты Т₄

- 4 И тревожил законы суровых отцов. ◊
 7 а. И влюбленность звала – не дала отойти от окна

¹ Возможный промежуточный вариант:

И вечерняя грусть распевает дремля, никогда –

² Было: а Не вернется она – улетевши на зов

б *начато*: Там

³ Было *начато*: Навсегда... О, влюбленность! Ты краше

⁴ Было *начато*: Громче

⁵ Было: а. *начато*: И

б. Здесь годами текли исполинские сны

а Здесь годами течет исполинов борьба

⁶ Было: Распри дедов над ширью земли

⁷ Было: а. Но иные различны мечтанье раба

б. Но иные различны судьбы голоса

а Но различна судьба... Что мечтанье раба

⁸ Было: а И того, чью любовь облака унесли.

б Что мечтанье того, чью любовь облака унесли.

а *начато*: Не влюбленност(ь?)

Варианты публикаций в ЗР и П₁

- 7 И Влюбленность звала, – не дала отойти от окна, (ЗР)
7 И Влюбленность звала – не дала отойти от окна, (П₁)
11 – В синем, утреннем небе найдешь купину расцветающих
роз – (ЗР)
12 Он шепнул, и сверкнул, и взлетел... И она полетела
вослед... (ЗР)
14 И Влюбленность в погоне забыла – забыла свой щит... (ЗР)
14 как в Т₄, вар. б. (П₁)

"ОНА ВЕСЕЛОЙ НЕВЕСТОЙ БЫЛА..."

(С. 55)

Варианты ЧА ЗК₁₁

- 1 *начато*: Она невестой ве(селой?)[◇]
2 а. Но смерть пришла. Она умерла
б. Но смерть пришла и Она умерла
3 а. Ее хоронили и мать была
б. Ее хоронили. – Мать была¹
в. Они венчались. И дом ее пуст²
2. И тихая мать погребла ее тут
4 И храм упал в глубокий пруд[◇]
5 *начато*: И над глубиью[◇]
6 Над водой золотится только крест^{3 ◇}
7–8 а. Закрыты ставни. Погаснул свет⁴
Тому минуло ужь сотни лет
б. Миновали⁵ десятки и сотни лет
И⁶ в старом доме юности нет⁷
9 а. И на месте где юность вздыхая, ждала

¹ Была начата правка: Над нею пели

² Была начата правка: Ее хоронили

³ Было начато: Остал(ся?)

⁴ Было начато: В час вечерний и

⁵ Была начата правка: Про ()

⁶ Было начато: ^а И

^б А (не зачеркнуто)

⁷ Ст. 7 записан после ст. 8; порядок стихов обозначен на полях.

- б. На месте, где юность устала ждать
 в. И там, где юность устала ждать
 10 а. Седая старуха глядит из угла
 б. Старуха глядит в зеркала
 в. А старая мать глядит в зеркала¹
 з. Старая мать глядит в зеркала
 д. В зеркалах повторилась старая мать.
 е. В зеркалах осталась лишь старая мать.
 12 Тени нитей лежат на светлом полу
 13 а. И тихо, как будет, светло, как было.
 б. Тихо, как будет, светло, как было.
 14 И счет годин старуха забыла²
 15 а. Стара, как мир, как лунь – седа
 б. Как мир, стара, как лунь – седа
 17 И вдоль комодов, вдоль древних кресел
 18 Порхает танец все так же весел[◇]
 19 а. И нитки лежат на полу
 б. И красные нитки лежат на полу[◇]
 20 а. *как в основном тексте*
 б. И мышцы щекочут обои в углу
 21 а. А там – за стеной – еще покой
 б. А за старой стеной – еще покой
 в. А в зеркале темном – еще покой[◇]
 22 Такой же старухи, как лунь седой[◇]
 23 И те же нитки, и те же мышцы[◇]
 25–26 а. Это лик, скрививший губ углы
 Следит за движеньем слепой иглы
 б. В окладе зеленом, как старый пруд³
 Минуты бегут. Часы идут.
 в. В окладе темном, как старый пруд
 Пред ликом скромным – бег минут⁴
 27–28 а. Покров для гроба – веселый, красный!
 Давно потухший взгляд безучастный
 б. Давно потухший взгляд безучастный

¹ Была начата правка: ^а А

^б Старуху

^в Обс ()

² Было начато: И счет годов

³ Было: Как пруд зеленый – старая медь

⁴ Было: ^а Но часы стоят, но часы идут

^б И часы стоят и часы идут

^в Пред ликом скромным, как бег минут

- Клубок из нитей веселый, красный!¹
- 29–30 а. А² там – еще и еще покоев ряды
И в окна им смотрят все те же сады
- б. И³ глубже – и глубже покоев ряд
И в окна смотрит все тот же сад
- 32 Нежный, как ушедшая дочь ◊
- 33 а. Вернись, вернись, нити стали тлеть,
б. Вернись, вернись, дай нити тлеть,
в. Вернись, вернись, нить не будет тлеть,⁴
- 34 а. Дай тихонько нам⁵ умереть.
б. Дай мне тихонько умереть.

Варианты Т₄

- 3 И тихая мать погребла ее тут.
7 Миновали десятки и сотни лет,
8 И в старом доме юности нет. ◊
- 9–10 И там, где юность устала ждать
В зеркалах осталась старая мать.
- 17 А вдоль комодов, вдоль древних кресел ◊
19 И красные нити дрожат на полу,
33 а. – Вернись, вернись, нить не будет тлеть,
б. – Вернись, вернись. – Нить не хочет тлеть.

Варианты утраченного БА⁶

- 2 Но Смерть пришла. Она умерла.
3 как в Т₄
- 7–8 Миновали десятки и сотни лет,
И в старом доме юности нет.
- 9–10 И там, где юность устала ждать,
В зеркалах осталась старая мать.
- 17 А вдоль комодов, вдоль древних кресел
30 – Вернись, вернись, нить не будет тлеть.

Варианты публикаций в ЗР, П₁, П₂ (НР П₂)

- 3 как в Т₄ (ЗР, П₁, П₂)
4 И церковь упала в зацветший пруд. (П₂)

¹ Ст. 27 записан после ст. 28; порядок стихов обозначен на полях.

² Было начато: И

³ Была начата правка: А

⁴ Было начато: Вернись, вернись, мою нить

⁵ нам заключено в скобки, затем зачеркнуто.

⁶ Приводятся по кн.: Блок и Белый. С. 148–149.

- 7 Миновали десятки и сотни лет. (*НР II₂*)
 7 как в *T₄* (*ЗР, II₁, II₂*)
 9–10 И там, где юность устала ждать,
 В зеркалах осталась старая мать.
 19 как в *T₄* (*ЗР*)

Вариант публикации в II₅

- 29 И глубже, глубже покоев ряд,

"НЕ СТРОЙ ЖИЛИЩ У РЕЧНЫХ ИЗЛУЧИН..."

(С. 56)

Черновой набросок в ЗК₁₀ (ЧН ЗК₁₀)

Бойся дали заманчиво-грустной
 [То – напрасная грусть]
 Однозвучной мечтою живи
 Поверь, однозвучен твой будет конец

Варианты ЧА ЗК₁₀

- Посвящение *отсутствует*
- 1 Не строй жилища у светлых излучин[◇]
 2 Где вечно шумен жизни рост^{1◇}
 4 *начато*: Всегда[◇]
 5 Эта участь тиха, как вечерняя повесть[◇]
 6 а. И к чему тебе знак багряной²
 б. И к чему сравненья с закатами³
 в. И душой твоей робкой ему покорись.[◇]
 7 Ты иди себе тихо к какой хочешь вечерне.
 8 Где душа твоя просит⁴ – там и⁵ молись
 9–12 а. Кто придет к тебе – будь он торжественно светел
 Ты прими его просто в твоей тишине

¹ Было *начато*: Богатых

² Было *начато*: а. Так

б. И на

в. И к чему бесцельно

³ Была *начата правка*: К чему

⁴ *Вариант*: Где душа попросит (*исправлено над текстом и зачеркнуто*)

⁵ и заключено в скобки.

- И молчи без конца – чтоб никто не заметил,¹
 Чья тень промелькнула в твоём окне.
- б. Кто придет к тебе – будь он как Ангел светел
 Ты прими его тихо будто видел во сне.²
 И молчи без конца – чтоб никто не заметил,
 Кто сидел с тобой рядом на убогой скамье.³
- 13–16 а. И никто не узнает, о чем молчал ты⁴
 И смерть⁵ будет понятно проста⁶
 Ты сам завернись в свой белый саван
 И чтоб не смердело, закрой уста.
- б. И никто не узнает, о чем молчанье⁷
 И о чем – спокойных дум простота.⁸
 Так: Она придет, забелеет сиянье,⁹
 Без вины прижмет к устам уста.¹⁰

Варианты Т₄, АС РГАЛИ

- Посвящение Г.И. Чулкову¹¹ (Т₄)
 3 Поверь, Конец всегда однозвучен, (Т₄)
 15 Так: Она придет, забелеет сиянье,

Варианты публикаций в П₁, П₂ (НР П₂), П₃, Кор-Г П₄

- Посвящение Г.И. Чулкову (НР П₂, П₂, П₃)
 Посвящение Г.И. Чулкову[◇] (Кор.-Г П₄)

¹ Было начато: Но другим скажи, что

² Было: ^а начато: Ты прими его тихо будто он
^б Ты прими его тихо будто видишь во сне.

³ Было начато: Кто с тобой тих(о?)

⁴ Было: ^а И никто не спросит, о чем молчишь ты
^б Пусть никто не узнает, о чем молчал ты

Возможные промежуточные варианты:

^а И никто не узнает, о чем молчишь ты

^б Пусть никто не узнает, о чем молчишь ты

⁵ Было начато: И когда придет

⁶ Незачеркнутый вариант: И смерть придет понятно проста

⁷ Было: Так никто не узнает, о чем молчанье

⁸ Было начато: ^а И о чем величье
^б И о чем – тишина.

⁹ Было начато: ^а Смерть придет

^б Ты

^а Смерть придет, забелеет

¹⁰ Было начато: Без вины

¹¹ Вписано простым карандашом.

- 3 как в Т₄ (НР II₂, II₁, II₂)
 15 Так: Она придет. Забелеет сиянье. (II₁, НР II₂, II₂)
 15 Да, Она придет. Забелеет сиянье. (II₃)

"ПОТЕХА! РОКОЧЕТ ТРУБА..."

(С. 56)

Варианты ЧА ЗК₁₁¹

- 2 Кривляются белые хари[◇]
 3 *начато*: И зорко[◇]
 5 а Палатка, раскинуты карты.
 б. Палатка. Раскинуты карты.^{2◇}
 7 Бормочет, монетами тихо звеня,[◇]
 9 а Кругом возрастающий грохот
 б. Кругом возрастающий топот
 в. Кругом возрастающий крик
 10 *начато*: И ярмарки свист[◇]
 11 а. И ярмарка мечет далече
 б. И ярмарки гулу далече³
 13–16 а. В палатке все шелчет и шелчет,
 Смуглее палящего ()
 И плечи открыты и руки
 Впиваются в тело все крепче
 б. В палатке все шелчет и шелчет,
 И быстро сливаются звуки⁴
 Придвинулись плечи и смуглые руки⁵
 Впиваются в тело все крепче
 17 а. Гаданье! Ограблен, измучен и нищ
 б. Гаданье! Обобран, измучен и нищ
 в. Гаданье! Ободран, как липка...
 18 а. И, быстро поднявшись, презрительным взмахом
 б. И, быстро поднявшись, презрительным всплеском
 в. как в основном тексте
 2. И, быстро поднявшись, с пронзительным криком[◇]

¹ Весь текст перечеркнут.

² Незачеркнутый вариант.

³ Была начата правка: На

⁴ Было: ^а *начато*: И нельзя

^б И скоро нельзя разобрать эти звуки

⁵ Было: Придвинулись плечи и сме(лые?) руки (*предыдущий вариант стиха не зачеркнут*)

- 19 Взмахнула одеждой над проклятым местом¹◇
 20 а. Гадает – и шепчет другим...
 б. Гадает – и шепчут уста.
 21 Иду. Завывает труба.
 22 И в памяти пыльной и в пыльном разгуле²◇
 23 а. И цепкие³ руки смуглее июля⁴
 б. И шопот, и руки и плечи
 24 а. И надпись: Судьба.
 б. И быстрая надпись: Судьба.

Варианты Т₄ и БА РГБ

- 21 И вновь заывает труба, ◇ (Т₄)
 23 И шопот... и плечи... ◇ (Т₄)
 23 И шопот,... и плечи... (БА РГБ)

БАЛАГАНЧИК

("Вот открыт балаганчик..")

(С. 57)

Черновой набросок в ЗК₁₀ (ЧН ЗК₁₀)

- Заглавие В балаганчике
 л. 1 Все звучит эта адская музыка
 Завывает нелепый смычок
 Черный демон схватил каралузика
 И течет его клюквенный сок.⁵

Варианты ЧА ЗК₁₀

- л. 5об. – 6 Заглавие В балаганчике
 1 Веселый открыт балаганчик ◇

¹ Было начато: а Бросает гадалка
 б Бросает монету – и
 " Швыряет монету – и

² Было начато: а И в гуле
 б И в гиканьи
 " И в свисте и в

³ цепкие заключено в скобки.

⁴ Было начато: а Трепещет лицо
 б И плечи
 " И белые зубы

⁵ Возможно, что ст. 21–28 ЧА ЗК₁₀ были занесены на л. 1 об. непосредственно после записи ЧН ЗК₁₀ – см. ст. 21–22, вар. а.

- 2 Для веселых и малых детей,¹
 3 И смотрят девочка и мальчик
 4 На дам, королей и пажей²◇
 6 Завывает протяжно смычок.
 7–8 а. Страшный черт схватил карапузика
 И течет его клюквенный сок.
 б. *как в основном тексте*
 9 а. Не спасет ли его королева
 б. Кто спасется от черного гнева. ◇
 13 а. Это факелов дымных ряды
 б. Видишь – факелы... видишь венки
 14 а. Это – стражи (?)³ самой королевы.
 б. Это – верно сама королева.
 17 Королева не ходит средь белого дня ◇
 19 И за нею ходит, мечами звеня,⁴
 л. 1об.–2 21–22⁵ а. Помогите!
 Истекаю я клюквенным соком.
 б. Вдруг паяц [перегнулся через] рампу и кричит
 Помогите!
 24 Забинтован тряпицами
 25 а. На голове моей – бумажный шлем
 б. На голове моей – картонный шлем
 28 Закрыли веселый балаганчик.

Варианты Т₄

- 11 а. Посмотри! Огоньки
 б. Посмотри: Огоньки
 13 Видишь факелы? Видишь дымки?
 15 а. Ах, нет! Зачем ты дразнишь меня?..
 б. Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?..

¹ Было начато: Для маленьких

² Было начато: На пажей

³ Возможный вариант: стража

⁴ Было начато: ^а И за нею ходит

^б И за нею вздыхает

Ст. 19–20 записаны после ст. 14; ст. 15–18 – на полях.

⁵ Перед ст. 21 позже описано заглавие: ^а В балагане

^б В балаганчике

Варианты БА РГБ, БА ГЛМ

Заглавие В Балаганчике (БА РГБ)

Заглавие В балаганчике (БА ГЛМ)

13 как в Т₄

Вариант П₂

Между 26–27 *интервал отсутствует*

ПОЭТ

("Сидят у окошка с папой...")

(С. 58)

Варианты ЧА ЗК₁₀

Заглавие 1. У моря¹

1 а. Ты сидишь на скамеечке с мамой

б. Сидит на скамеечке с папой[◇]

2а. И над сказками вьются грачи.

б. И над сказками вьются галки.

в. Под дождем вьются галки.[◇]

3 а. Дождик, дождик, капай²

б. Дождик, дождик, скорее капай

5 а. То весна! Ты – зимняя пленница³

б. То весна! А ты – зимняя пленница

6 а. Только девочка в розовом платье

б. Только девочка в розовом капоре.

в. Бедная девочка в розовом капоре.

8 Полетим-ка, дочка, с тобой за море.[◇]

Между 8 и 9 [А за морем есть мама? Нет]

11–12 А где мама? Умерла.

13 Что значит?[◇]

14–15 а. Это значит – глупый поэт

Постоянно о чем-то плачет.

б. Это значит – вот там идет глупый поэт

Он вечно о чем-то плачет.

16 А о чем?

22 А что эта Дама – добрая? –⁴

24 Так зачем же Она не приходит

25–26 а. – Оттого что он иногда

¹ На л. 4 – автограф стих. "2. У моря" ("Стоит полукруг зари...").

² Было начато: То весна

³ Было: То весна! Ты – пленница зи(мняя?)

⁴ Было: А что эта дама – добрая? –

- Не туда заходит.
б. *как в основном тексте*
 27–28 *а.* Кончился разговор папы с дочкой
б. *как в основном тексте*
 После 28: (29–31) Прикатали бочку¹
 Выпили вина²
 И опять смотрят из окна.
Варианты Т₄ и БА РГБ
- Заглавие 3. Поэт (*Т₄*)
 Заглавие Поэт. Сказка. (*БА РГБ*)
 18 Разве у него нет мамы? (*БА РГБ*)
 19–20 *а.* *как в основном тексте*
б. Есть. Только ему нипочем: ему хочется за море, (*Т₄*)
 24 Так зачем же Она не приходит?
Варианты утраченного БА³
- Заглавие 3. Поэт
 3 Дождик, дождик! скорей закапай!
 24 *как в Т₄ и БА РГБ*
Варианты публикаций в II₁, II₂ (НР II₂), II₃
Между ст. 12 и 13; 13 и 14, 15 и 16, 16 и 17,
18 и 19, 21 и 22, 24 и 25 интервал отсутствует
- 19–20 *как в Т₄, вар. б.*
 24 *как в Т₄ и БА РГБ (II₁)*

У МОРЯ

("Стоит полукруг зари...")

(С. 59)

Варианты ЧА ЗК₁₀

- Заглавие 2. У моря⁴
 1–4 *а.* Смотри, папа, смотри!
 Какой к нам плывет пароход!
 Стоит полукруг зари
 Солнце сейчас зайдет.
б. Стоит полукруг зари

¹ Было: Прикатали бочкой

² Было: Выпили винца

³ Приводятся по кн.: Блок и Белый. С. 150–151.

⁴ На л. 2 об. – автограф стих. "1. У моря" ("Сидят у окошка с папой...").

- Солнце скоро уйдет.
Смотри, папа, смотри!
Какой корабль к нам плывет!¹
- 7 а. Смотри он привез по волнам
б. Смотри он везет по волнам
- 8 а. К берегу темную ночь
б. К светлому берегу темную ночь
- 10 *начато*: На нем[◇]
- 11–12 а. И какой у него голосок²
И как освещен маяк.
б. Ах как его голос высок
Ах как освещен маяк.
- 13 Ах, дочка, сирена поет[◇]
- 14 а. Пойдем, пойдем домой³
б. Берегись, пойдем домой
- 15 а. *начато*: Смотрит, как уж мрак
б. Смотри, уж туман ползет
- 16 Корабль совсем голубой
- 17 Но дочка плачет, грустит[◇]
- 18 а. *начато*: Ей
б. Ей хочется в глубь и зыбь
в. Ей хочется в глубь взглянуть
г. Ей хочется в синюю глубь[◇]
- Между 18 и 19 (19–20) а. Ей хочется выйти на мол⁴
И встретить веселый корабль.
б. Ей хочется выйти на мыс
И встретить веселый корабль.
в. Не хочет домой плестись
Хочет бежать на мыс

Варианты Т₄ и БА РГБ

- Заглавие 1. У моря (Т₄)
- Заглавие У моря. Сказка (БА РГБ)
Между 2 и 3 интервал (Т₄)
- 7 Смотри: он везет по волнам

Варианты утраченного БА⁵

- Заглавие 1. У моря

¹ Перестановка ст. 1–2 и 3–4 обозначена на полях.

² Было *начато*: Разве

³ Было *начато*: Уйдем, уйдем

⁴ Было *начато*: Ей не

⁵ Приводятся по кн.: Блок и Белый. С. 150.

С делением на двуступиция

⁷ как в T_4

Варианты публикаций в Π_1, Π_2 (HP Π_2), сб. "Сказки"

Между 2 и 3 интервал (Π_1)

⁷ как в T_4

МОЕЙ МАТЕРИ

("Тихо. И будет все тише...")

(С. 60)

Черновой набросок в ZK_{11} ($ЧН_1 ZK_{11}$)

[Сладко поет о грядущем
Только флюгарка над бездной¹
Флаг мой² тихонько опущен³
Ставень захлопнут железный⁴
Я над тобой очарован⁵
Я над тобой опрокинут
Скоро поднимется ворон
В бездну лазурную кинут]

Черновые наброски в ZK_{11} ($ЧН_2 ZK_{11}$)

Ветром в полнебе раскинут⁶
Дымом и солнцем взволнован⁷

¹ Было: ^a начато: Петух

^b Только флюгарка на крыше

² Петух мой (вписано сверху и заключено в скобки)

³ Было начато: Флаг мой приспущен

⁴ Было: ^a Ничего нет спокойней и тише

^b Ставень железный захлопнут

⁵ Исправлено при незачеркнутом предыдущем варианте:

Я над тобой [опрокинут]

⁶ Было: ^a начато: В

^b начато: Визгом

^a Ветром излюблен, закинут

² Ветром излюблен, раскинут

Далее было: ^a начато: Ты в

^b Ты петушок мой, высоко

Мир – из окна слухового

^a Ты петушок мой, над ()

Свет мой – окно слуховое

Над перегибом железным

² Ты петушок мой, над ()

Свет мой – окно полукругом

Над перегибом спаленным

⁷ Далее было: [Ветром петух мой излюблен]

[Плачется]

[В синюю]

Бедный петух очарован¹
 В синюю глубь опрокинут
 Там – петушок оловянный²
 Там и окно слуховое
 И в полукруге ()³
 Лик мой над миром, как в нимбе⁴
 В круге окна слухового
 Лик мой, как в нимбе, над миром
 Пахнут () смолы
 Окно – полудиском⁵
 В запахе смол золотистом

*Варианты ЧА ЗК₁₁*⁶

- Заглавие *отсутствует*
 2 *начато:* Флаг мой[◇]
 5–8 *отсутствуют*
 10 а. Лик мой, как в нимбе, спокойный
 б. Лик мой, как в нимбе, спокоен[◇]
 11 Контур лица воскового
 13 а. Смолы пахучие липки
 б. Смолы пахучие жарки[◇]
 14 Синие дали туманны⁷
 15 *начато:* Песни петушки[◇]

Варианты Т₄ и БА₁ РГБ

- Заглавие *отсутствует (Т₄)*
 Посвящение *Маме (Т₄)*
 15 а. Только бы пел на флюгарке
 Мой петушок оловянный!
 б. Сладки мне песни флюгарки
 Пой, петушок оловянный! (БА₁ РГБ)

¹ Было: как в тексте

² Было: ^а Ты, петушок мой любимый,
 Знаешь

^б То – петушок оловянный
 Мною в пол-небо закинут

³ Было *начато:* Я в полукруг, как

⁴ Под строкой запись, отделенная чертой:
 [Мне уютно угрюмствовать]

⁵ Было *начато:* ^а Выше

^б В темном окне п(олудиском?)

⁶ Текст перечеркнут.

⁷ Было *начато:* Солнце

"СТАРОСТЬ МЕРТВАЯ БРОДИТ ВОКРУГ..."

(С. 60)

Черновой набросок в ЗК₁₁ (ЧН₁ ЗК₁₁)

Я живу¹ в одинокой сторожке.
За лесами – крыши деревни.²
Но призыв колокольни древней
Весь – в моем слуховом окошке.

[Вижу я мир мой желанный³
В круге окна слухового]

Черновой набросок в ЗК₁₁ (ЧН₂ ЗК₁₁)⁴

Что за стены обстали мой двор,
Что за ветки закрыли крылечко⁵
Я прокрался тихонько, как вор⁶
И пилю золотую дощечку.⁷

Чую дали, и капли смолы⁸
Проступают в сосновые жилки⁹
Прорываются визги пилы¹⁰
И летят золотые опилки

Вот последний свистящий раскол – ¹¹
(10) И¹² дощечка летит в неизвестность¹³

¹ Было начато: Жил

² Было: За лесами – сельские крыши

³ Было: ^a начато: Сельские кровли

^b начато: Все

^a начато: Все, что мне близк(о?)

² Все, что мне в чуде открылось

^д начато: Все

⁴ Весь текст перечеркнут.

⁵ Ст (1)–(2) вписаны сверху.

⁶ Было: Тихонько прокрался, как вор

⁷ Было: ^a И пилю золотые дощечки.

^b Пилю золотые дощечки.

Далее зачеркнуто: Но последние силы собрав

⁸ Было: ^a Чую дали, и пахнет смола

^b Чую дали, и пахнет смолой

^a Чую дали, и запах смолы

⁹ Было: И куда-то в бездонную пропасть

¹⁰ Было: ^a начато: Вылет ()

^b Разлетаются визги пилы

¹¹ Незачеркнутые варианты: ^a Вот последний свистящий распил

^b Вот последний свистящий разрез

¹² Было начато: ^a Осторожно

^b Соб()

^{a-2} Я бесшумно

^д И доска

¹³ Было: ^a И вертась полетела дощечка

^b И вертась улетела дощечка

л. 25 об. Заколочены ветхие службы

Воспаленная ропщет душа

Пропилить слуховое окошко

Подо мной

В старом доме – зеленая мгла¹

Захлестнулись

л. 26 Старость мертвая ходит вокруг²

В зеленях утонула дорожка³

Я пилю наверху полукруг,⁴

Я⁵ пилю слуховое окошко⁶

Старый дом [утонул в зеленях]

Захлестнулись могучие ветки

Ветерок на моих сединах⁷

Тишина в моей ласковой клетке.

Черновой набросок в ЗК₁₁ (ЧН₄ ЗК₁₁)

Все одною

Полукруг слухового окошка

Черновой набросок в ЗК₁₁ (ЧН₅ ЗК₁₁)⁸

Все закатное небо – в дреме⁹

Удлиняются дольные тени¹⁰

¹ Было начато: В старом доме – зеленая

² Было начато: Голова поседела

³ Было начато: И одна мне осталась

⁴ Было: ^a. Пропилить наверху полукруг

^b. Пропилю наверху полукруг

⁵ Было начато: ^a-И взглянуть на

^b. И в последний

^{a-2}. И

⁶ Было: Пропилю слуховое окошко

⁷ Было начато: ^a. Я очнулся

^b. Вот

^a Ветерок в

⁸ Весь текст перечеркнут.

⁹ Было: ^a. Чу! весенняя тает дрема

^b. Небеса зацветают дремой

¹⁰ Было: ^a. Розовеют сновидцы над бездной

^b. Розовеют сновидцы над синью

^a Розовеют () тени

². Розовеют синие тени

^b. Розовеют вечерние тени

И на облачной гаснет корме¹
Уплывающий кормщик весенний²

Здравствуй мгла золотая опять!³
Вот бессильные руки в морщинах⁴
Вот бесцельной пилы рукоять⁵
И лицо в серебристых сединах

(10) Вот уходим мы все в полутьму,⁶
Исчезает корабль мой летучий⁷
До свиданья!⁸ Звездю падучей
Вот и кормщик летит за корму⁹

Варианты публикаций в газ. "Слово", II₃

13-20 *отсутствуют II₃*

17-20 *отсутствуют Слово*

¹ Было: И над облачной гаснет кормой

² Было: ^a Уклонившийся кормщик вечерний
^b Улетающий кормщик весенний

³ Было: ^a *начато*: Ах, я вечно
^b Что же – вечно над миром дремать
^a Что же – вечно над сном колдовать,

⁴ Было: И бессильные руки в морщинах
Ст. (6) записан после ст. (7); изменение порядка стихов отмечено Блоком.

⁵ Было: ^a *начато*: Я ребенком в
^b Я состарился в этих долинах
^a Я бесцельно держу рукоять
² Вот бесцельно держу рукоять

⁶ Было: ^a Нет вернись в полутьму, по ()
^b И зад()
^a Нет вернись в мою (?) полутьму
² Вот уходят они в полутьме

⁷ Было: ^a И корабль в небесах покачулся
^b Корабль в небесах покачулся
^a И корабль в небесах покачулся

⁸ Было *начато*: ^a И наверно
^b И навер(но)
^a И смешался с послед()
² По

⁹ Было: ^a Вот и кормщик летит за корму
И вечерней звезде улыбнулся
^b Вот и кормщик упал за корму
И вечерней звезде улыбнулся

"В ТУМАНАХ, НАД СВЕРКАНЬЕМ РОС..."

(С. 61)

Черновая редакция в ЗК₁₁

Не погасал лесной пожар
Но гарью солнечной влекомый¹
Стрелой бросался я в угар²
Целуя воздух незнакомый³

В туманах, над сверканьем рос⁴
Безжалостный святой и мудрый⁵
Я в старом парке дедов рос
И нимбом завивались кудри.⁶

(10) И проходили сотни лиц,⁷
Всегда чужих и вечно взрослых,⁸
Но я любил взлетанье птиц⁹
И в лодке () весла¹⁰

Я уплывал один в затон
Бездонных заводей и мутных¹¹
Где утлый остров окружен¹²
Стеною ельника уютной¹³

¹ Незачеркнутые варианты: ^a И гарью солнечной утешен
^b И дымкой солнца по ()
^a И дымкой солнца распо()
² И синей дымкой

² Было: И синий веселил угар

³ Было: ^a Я был ребенок... был помешан
^b И () запах незнакомый

⁴ Было: И в утро дымов, в утро рос

⁵ Было: ^a начато: Выходил
^b начато: Я

^a Всегда безжалостный и мудрый

⁶ Было: ^a начато: И зо ()
^b И солнцем золотило кудри.
^a И солнцем завивались кудри.

⁷ Было начато: Я стал любить

⁸ Незачеркнутый вариант: Всегда чужих и долго взрослых

⁹ Было: Но я любил полеты птиц

¹⁰ Было: И лодку старую и весла

¹¹ Было: ^a Бездонных заводей и темных
^b начато: Прудов бездонных и

¹² Было: Где остров утлый окружен

¹³ Было начато: Толпою

И было, как на Рождестве¹
Когда игра давалась даром
А жизнь всходила тонким паром
(20) К² морозно звездной синеве³

И там в развесистую ель⁴
Я доску клал – и с нею реял⁵
И таяла моя качель
И⁶ тихий ветер сонно веял

Варианты в Т₄

- 7 а. как в основном тексте
б. начато: Я жадно[◇]
- 8 а. как в основном тексте
б. Вдыхая воздух незнакомый.[◇]
9 И проходили сотни лиц, –[◇]
11 Но я любил взлетанья птиц
14 начато: Бездонных заводов[◇]
- 16 а. как в основном тексте
б. Оградой ельника уютной.
в. Оградой темной и уютной.
20 И тихий ветер сонно веял.
- 23–24 а. как в основном тексте
б. И жизнь блуждала в синеве⁷
Тихонько восходящим паром.⁸

¹ Было начато: И помнил холод (незачеркнутый вариант)

² Было начато: ^а И
^б Ан ()

³ Незачеркнутый вариант: К сусально звездной синеве

⁴ Было: ^а Потом в развесистую ель
^б Тогда в развесистую ель

⁵ Было: ^а начато: Я укрываясь
^б Я доску клал и тихо таял
^в Я доску клал и тихо плавал

⁶ Было начато: И

⁷ Было: ^а И жизнь курилась в синеве
^б И жизнь блуждала в синеве
^{а-2} начато: И жизнь всх(одила?)
^д как в тексте

⁸ Было начато: ^а Морозным
^б Ла ()

Варианты АС РГАЛИ, публикации в П₁ и НР П₂

- 11 как в Т₄ (П₁, НР П₂)
16 как в Т₄, вар. в (П₁)
16 Оградой темной и уютной.^{1◇} (АС ГРАЛИ, НР П₂)
20 как в Т₄ (П₁)
20 И тихий ветер сонно веял.^{2◇} (АС ГРАЛИ)
23–24 И жизнь блуждала в синеве
Тихонько восходящим паром. (П₁)

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

("Выхожу я в путь, открытый взорам...")

(С. 62)

Черновой набросок в ЗК₉ (ЧН ЗК₉)

Только нищий в рубище межь сосен
Распевал печальные псалмы.
Да еще ждала и трепетала осень –
Золотою

Первоначальная редакция в ЗК₉ (ЧА₁ ЗК₉)

Выходил я в путь открытый взорам³
Ветер гнул бескровные кусты⁴
Битый камень лег по косогорам
Желтой глины скудные пласты

И густых рябин в проезжих селах⁵
Красный цвет⁶ светился издали –
В эту осень, в этот день веселый⁷
В этих⁸ снах заманчивой земли.⁹
Кто взманил, кому я – гость знакомый¹⁰

¹ В АС РГАЛИ вариант заключен в скобки и поставлен вопросительный знак.

² Вариант не зачеркнут.

³ Было: ^a Выходил я в путь знакомый взору
^b Выходил я в путь знакомый взорам

⁴ Было: ^a. Ветер бился, пробивался сквозь стволы
^b. Ветер бился, пробивался сквозь кусты
^a. Ветер бился, гнул бескровные кусты

⁵ Было: И рябин () в проезжих селах

⁶ Было начато: Красных гроздий

⁷ Было начато: В этот день – на

⁸ Было начато: В этом

⁹ Стих заключен в квадратные скобки.

¹⁰ Было: ^a. начато: Кто взманил, кому я – буд()
^b. Кто взманил, кому я – гость незванный

- (10) Кто смеялся мне в окно тюрьмы¹
Или каменным путем влекомый²
Этот нищий, распеваящий псалмы?

Или ты, кому простил я много,
Чья со мной смеющаяся ложь –³
Ты меня () на дорогу⁴

Промежуточная редакция в ЗК₁₁ (ЧА₂ ЗК₁₁)

Выхожу я в путь открытый взорам,⁵
Ветер гнет упругие кусты⁶
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,⁷
Обнажила кладбища земли⁸
Но густых рябин в проезжих селах⁹
Красный цвет зареет издали¹⁰

- (10) Кто взманил меня¹¹ на путь знакомый¹²
Усмехнулся¹³ мне в окно тюрьмы?¹⁴
Или, каменным путем влекомый,
Нищий, распеваящий псалмы?¹⁵

Нет, иду я в путь никем не званный¹⁶
И земля да будет мне легка!¹⁷

¹ Было начато: С кем

² Было начато: Или нищий

³ Было: ^a начато: И кому еще простит
^b Чья в пути смеющаяся ложь –

⁴ Было начато: В

⁵ Было: Выходил я в путь открытый взорам,

⁶ Было: Ветер гнул упругие кусты

⁷ Было: ^a Веселилась осень над обрывом
^b начато: Дождалась

⁸ Было: () над кладбищем земли

⁹ Было начато: Но гус()

¹⁰ Было: Красный свет светился издали

¹¹ меня заключено в скобки.

¹² Исправлено: Кто взманил на путь давно знакомый (давно заключено в скобки и зачеркнуто)

¹³ Было начато: Кто

¹⁴ Было: ^a как в тексте (незачеркнутый вариант)
^b Улыбнулся мне в окно тюрьмы?

¹⁵ Было: Этот нищий, распеваящий псалмы?

¹⁶ Было: ^a начато: Нет пойду

^b Прихожу к тебе, никем не званный,

¹⁷ Было: ^a Отдохну под крышей кабака

^b начато: Ты земля

Буду слушать голос Руси пьяной¹
Отдыхать² под крышей кабака.³
Издали мне радостно промашет
Твой веселый, твой цветной рукав⁴

(20) Ты ли, Осень, ты ли Дева смеха,
Дева хмурых и высоких дней⁵

Вот

Христа ради – пропою, проплачу
Засмеюсь

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю⁶
Над печалью нив твоих поплачу,⁷
Твой простор⁸ до смерти полюблю!⁹

¹ Было: Буду слушать голос песни русской

² Было начато: Буду

³ Далее было: ^{а.} начато: Буд(у?)

^{б.} начато: Натружу

^{в.} Буду песни петь над черной пашней

^{г.} начато: Вот

^{д.} начато: Сколько троек

^{е.} начато: Вот

^{ж.} начато: Тройка

^{з.} Запою ли над лохматой пашней

Прорываясь

^{и.} начато: Мужичок ли

^{к.} начато: Что ты скажешь

⁴ Было: ^{а.} начато: Изд()

^{б.} И вдали, вдали над камнем машет

Твой кровавый твой

^{в.} И вдали, вдали над пашней машет

Твой кровавый пламенный рукав

⁵ Было начато: Серых дней и кра()

⁶ Было: ^{а.} начато: Захмелюсь

^{б.} Захмелею, по дворам пойду

⁷ Было: ^{а.} начато: Христа ради, пр()

^{б.} Христа ради жалобно проплачу

^{в.} И над пашню твоей поплачу,

^{г.} Над печалью нив моих поплачу,

⁸ Было начато: Мертвые

⁹ Было: ^{а.} Твой простор до смерти полюблю!

^{б.} Твой простор подруга, полюблю!

Далее было: [Буду петь – и будут девки плакать,

Засмеюсь – запляшут старики,

{И товаром кудр(и?)}

И кудрявый]

[Одного прижми сынка родимого¹
Воля матушка к твоей груди]

Вариант публикации в альм. "Факелы"

20 Ночевать под крышей кабака...

"НЕ МАНИ МЕНЯ ТЫ, ВОЛЯ..."

(С. 62)

Первоначальный набросок в ЗК₇ (ЧН ЗК₇)

Не дразни меня ты, воля,
Не мани в поля!²

Пировать нам вместе что ли
Матушка-земля!

Клевер пышен, шаг неслышен.

Варианты ЧА ЗК₁₁

- 1-4 Не мани меня ты воля...³
8 Вышняя рука⁴
11 Будем жить с тобою вместе◇
12 В [радостных] полях⁵
13 Но на миг в воздушном пире
15 Как земля в зеленом мире
17-20 *отсутствуют*

Варианты Т₄

- 4 а. Матушка земля!
б. Матушка-земля!
11 а. *как в основном тексте*
б. Мне не жить с тобою вместе
13 а. Лишь на миг – в воздушном мире
б. Лишь на миг – в воздушном мире◇
15 Как земля в зеленом мире◇
19 Жить с душой своей убогой◇

¹ *Было начато:* Приюти ты хмель души

² *Было:* Матушка земля!

³ *Видимо, сокращенная запись четверостишия, зафиксированного в ЗК₇. Текст записан после ст 5-12, перенесен условным знаком в начало стихотворения.*

⁴ *Было:* Белая рука

⁵ *Далее зачеркнуто:* Я безвольный
Я воздушный пир устрою

Варианты БА₁ РГАЛИ, БА₂ РГАЛИ, БА ГЛМ, БА ИРЛИ

С делением на четверостишия (БА ГЛМ, БА ИРЛИ)

- 11 как в Т₄, вар. б (БА₁ РГАЛИ, БА ИРЛИ)
17–20 отсутствуют (БА₂ РГАЛИ)

Вариант публикации в журн. "Образование"

- 11 как в Т₄, вар. б

"ОСТАВЬ МЕНЯ В МОЕЙ ДАЛИ..."

(С. 63)

Вариант публикаций в П₁, П₂ (НР П₂), сб. "К новым далям"

- 15 Еще не раз во мгле лазурной

"ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ..."

(С. 63)

Варианты ЧА ЗК₁₁¹

- 1 а. Девочка пела в церковном хоре²
б. как в основном тексте
2 а. Обо всех уходящих
б. О всех усталых в дальнем пути
в. О всех усталых в чужбине пути[◇]
3 О всех кораблях уходящих в море
5 а. Звенел ее голос, летящий в купол³
б. как в основном тексте
6 а. И [белое платье]
б. И луч сиял на ее плече
в. < > из туч
7 а. Я [в т(?)]
б. Я с темного клироса молча слушал
8 а. Белое платье, купол и луч⁴
б. Белое платье, купол в луче (?)
9 а. И казалось, что радость вернулась,
б. И мне казалось, что радость вернулась,
в. И мне казалось, что радость будет,[◇]
11 а. Что все усталые, тихи(е) люди
б. Что все усталые, бедные люди[◇]

¹ Знаки препинания в большинстве случаев отсутствуют.

² Незачеркнутый вариант.

³ Незачеркнутый вариант.

⁴ Незачеркнутый вариант.

- 12 а Светлую жизнь себе нашли.¹
 б. как в основном тексте
- 13 а. { } голос был сладок
 б. И луч был тонок и голос был сладок
- 14 а. Но за причастьем (?)
 б. Но причащенный у царских врат
- 15 а. Священник² плакал у пурпурных складок
 б. Плакал ребенок у пурпурных складок³
- 16 О том, что никто не вернется назад.

Варианты Т₄

- 14 И только высоко, у царских врат, ◇

Варианты БА ГЛМ, БА РГБ, БА₁ РГАЛИ и БА₃ РГАЛИ

- 14 И только высоко, у царских врат, (БА ГЛМ, БА₁ РГАЛИ, БА₃ РГАЛИ)
- 14 И только высоко у царских врат, (БА РГБ)
- 15 а. Причастный тайнам, плакал ребенок
 б. Причастный Тайнам, плакал ребенок (БА₁ РГАЛИ)

Варианты публикации в НЖ

Без деления на строфы

- 15 как в БА₁ РГАЛИ, вар. а

"В ЛАПАХ КОСМАТЫХ И СТРАШНЫХ..."

(С. 64)

Варианты ЧА ЗК₁₁

- 3 а. Дети забыли о страхах вчерашних⁴
 б. Дети забыли о снах вчерашних⁵
 в. Вспомнили дети о снах вчерашних
- 4 а. Отошли мирно ко сну⁶
 б. Отошли тихонько ко сну⁷
- 5-8 а. На закате полоской алой⁸

¹ Незачеркнутый вариант.

² Над словом зачеркнуто: и

³ Далее зачеркнуто: ^а. Завесы царских ворот

^б Приняв причастье у царских врат

⁴ Незачеркнутый вариант.

⁵ Незачеркнутый вариант.

⁶ Незачеркнутый вариант.

⁷ Далее было начато: И осталась одн(а?)

⁸ Было: ^а На закате одной полоскою

^б На закате одной чертою

- Скатилась к земле слеза¹
 Мама крестила рукой усталой²
 Никому не взглянула в глаза³
- б. *Последовательность стихов – как в основном тексте*
- 9 Мама красивая мама, не плачьте[◇]
 10 Мы увидим во сне золотую[◇]
- 11 а. И в прошлую ночь она пела на мачте
 б. В прошлую ночь она пела с мачты
- 14 а. И один матросик смотрел на юг
 б. А один матросик смотрел на юг
 в. И бедный матросик смотрел на юг[◇]
- 15 а. Он так горько пл(акал)
 б. Он оставил друга и в слезах надрывался[◇]
- 16 У тебя наверно такой же друг?[◇]
- 17 а. Ах, милая девочка, бредишь ты, бредишь⁴
 б. Милая девочка, бредишь ты, бредишь
 в. Милая девочка, спи ты мирно
 з. Милая девочка, спи ты с миром
 д. Милая девочка, спи пока с миром⁵
 е. Милая девочка, спи без снов
 ж. Милая девочка, спи бесстрашно
 з. Милая девочка, спи, не тревожась (?),[◇]
- 18 Ты сегодня другого увидишь во сне[◇]
 19 И к вчерашнему сну никогда не вернешься[◇]

Варианты Т₄

- Заглавие Сон
- 2 а. *как в основном тексте*
 б. Колдун укачал Весну.
- 12 а. *как в основном тексте*
 б. А корабль уплывал к Весне.

Варианты БА РГБ и БА РГАЛИ

- 2 *как в Т₄, вар. б (БА РГАЛИ)*
- 12 А корабль уплывал к Весне... (БА РГАЛИ)
- 13 а. *как в основном тексте*
 б. Он плыл на север, плыл и качался,[◇] (БА РГБ)

¹ Было: ^а Закрывались чьи-то глаза

^б Скатилась блестя слеза

² Было: Мама крестила детей рукою

³ Далее было: ^а начато: И одно

^б И никому не взглянула в глаза

⁴ Далее следуют зачеркнутые наброски: Мой друг

И сама

Наяву

⁵ Возможный вариант: Милая девочка, спи пока мирно

Варианты публикации в ЗР, II₁, II₂ (НР II₂)

- Заглавие Сон (ЗР)
2 как в Т₄, вар. б (ЗР)
12 как в Т₄, вар. б

"ТАМ, В НОЧНОЙ ЗАВЫВАЮЩЕЙ СТУЖЕ..."

(С. 65)

Черновые наброски в ЗК₁₁ (ЧН ЗК₁₁)

Но лицо возникает из кружев
Возникает из кружев лицо...

С легким треском рассыпался веер¹
Ах, что значит
Но в глазах обращенных на север
Мне холодному жгучая весть²
– зарево

[эти смуглые руки и плечи

Мы одни в () подвале
Тускло светится красная медь]

[Вот – неси твое]
Вот – неси твое зарево прочь

Варианты ЧА ЗК₁₁

- 1 Там на вьюжной лазоревой стуже^{◇3}
5 а. И плывет ее снежное платье
б. Вот плывет ее снежное платье^{◇4}
7–8 а. И взлетает бубен метели,
Бубенцами морозов бренчит. {?}
б. как в основном тексте
10 Разверзающий⁵ звездную весть,
11 а. И в глазах, обращенных на север,
б. как в основном тексте

¹ Было: С легким треском рассеялся веер

² Незачеркнутый вариант: Мне холодному – зарево весть.
Слова жгучая весть заключены в скобки.

³ Далее было начато: Я нашел

⁴ Далее было начато: И цыганские очи
Завиваясь

⁵ Было начато: Там

- а. Но в очах, обращенных на север,¹
 12 Мне холодному² – жгучая весть
 13 И над мигом покровы свивая,[◇]
 14 Вновь закутана звездами вьюг,
 15 Уплываешь ты, вихри взвивая[◇]
 16 а. Мне отвеча загаданный друг!
 б. Мой отвеча загаданный друг!

Варианты Т₄

- Заглавие Магическое
 10 Разверзающий звездную месть,
 14 Вся закутана звездами вьюг,[◇]
 15 а. как в основном тексте
 б. Вновь плывешь ты в свой сумрак снеговой,[◇]
 16 Мой отвеча загаданный друг.

Вариант публикаций в ЗР, II₁, II₂ (НР II₂)³

- 10 как в Т₄

Вариант публикации в II₃

- 9–12 отсутствуют

"УТИХАЕТ СВЕТЛЫЙ ВЕТЕР..."

(С. 65)

Варианты ЧА ЗК₁₁

- Заглавие Примитивы
 Перед I [Бор шумит]
 1 а. Умолкает быстрый ветер
 б. Умолкает светлый ветер
 2 Наступает тихий вечер[◇]
 4 а. Оборвал () струну
 б. Щиплет ржавую струну[◇]
 6 Нежный, вспомнишь ли меня?^{4◇}
 7 Над⁵ моей любовью скромной[◇]

¹ Вписано при незачеркнутом варианте б.

² Было начато: Мне холодную

³ В НР II₂ ст. 16 исправлен на: Мой отвеча загаданный друг.

⁴ Было начато: а Что

б. Как ты скажешь

⁵ Было начато: Ст ()

- 8 Будешь плакать в тишине?¹◇
 9–16 *отсутствуют*
 19 Приближается² гроза,
 20 Ночь глядит в мои глаза. ◇³

Варианты Т₄

- 1 Умолкает светлый ветер,
 8 а. *как в основном тексте*
 б. Закручинишься во сне?
 19 а. Приближается гроза,
 б. Приближается гроза.
 в. Надвигается гроза.

Варианты БА ИРЛИ и публикаций в журн. "Весы", II₁, II₂ (НР II₂)

- 1 *как в Т₄*
 8 *как в Т₄, вар. б (БА ИРЛИ, Весы, II₁, НР II₂)*

Варианты публикации в П₃

- 9–12 *вместо ст. 13–16*
 13–16 *вместо ст. 9–12*
 10 (14) Над тобою неизменно
 17–20 *отсутствуют*

"В ГОЛУБОЙ ДАЛЕКОЙ СПАЛЕНКЕ..."

(С. 66)

Набросок в ЗК₁₁ (ЧН ЗК₁₁)

Будут дни – в далекой комнате
 Твой ребенок будет спать

¹ *Далее было (начало следующей строфы):*

- а Не заплачешь, все схоронишь,
 б Все забудешь, все схоронишь,
 в. Все забудешь, похоронишь,

² *Было начато: Ночью*

³ *Далее зачеркнутые наброски:*

- а Другу милому
 б. Другу нежному ты
 в О разлуке с
 з Другу нежному в дорогу
 д. Дай
 е Вот колечко на дорогу
 ж. Вот кольцо

Варианты ЧА ЭК₁₁

- 1 Будет день – в далекой комнате ◊
 2 а. Твой ребенок будет спать.
 б. Твой ребенок () во сне ◊
 3 а. Не узнает¹ карлик маленький,²
 б. Тихо лезет карлик маленький,
 в. Тихо вылез карлик маленький,
 4 Под часами на стене ◊
 5–8 а. Все, как было. Только долгая³
 Воцарилась тишина.
 И ключами тихо щелкая
 Дверь открылась не сама
 б. Все, как было. Только странная
 Воцарилась тишина.
 За окном твоим туманная⁴ ◊
 () улица страшна ◊
 9 Не слышать давно ◊
 11 Или нить () развязана ◊
 13–16 а. Подошла ты, сонно-белая
 К освещенному окну
 Опустила, вся несмелая,⁵
 Штору темную одну.
 б. *как в основном тексте*
 17–20 а. И стоишь, едва заметная,⁶
 Сон блюдешь иль ворожишь?
 Над ребенком, безрассветная,
 Опустилась низко тишь.
 б. *как в основном тексте*⁷

¹ Было начато: а. И не будет

б. Не узнает

² Далее было начато: а. Где ты

б. Тихо

³ Было начато: а. Все, как прежд(е)

б. Все, как было,

в. Все, как было. Мед ()

г. Все, как было. Только мед ()

⁴ Было: а. начато: И в окне твоём

б. *как в основном тексте*

⁵ Было начато: Что-то

⁶ Было начато: И потом другую

⁷ Ст. 18 начат: Над ребенком встала

- 20 а. Шевельнулась где-то мгла...
 б. Шевелясь, поникла мгла...
 Перед 21 *было начато: Утром*

Варианты публикации в сб. "Сказки"

Заглавие В голубой спаленке

Варианты переработки в РЭ П₂

- 8 Стала улица страшна.◇
 15 Опустила, оробелая,◇
 9–12, 17–20 *зачеркнуты*

Варианты публикации в сб. "Утренняя звезда" (УЗ) и П₃

- 9–12 *отсутствуют (УЗ)*
 9–12, 17–20 *отсутствуют (П₃)*

"ВОТ ОН – ХРИСТОС – В ЦЕПЯХ И РОЗАХ..."

(С. 66)

Набросок в ЗК₈ (ЧН ЗК₈)

Вот он Христос – в цепях и розах
 За решеткой моей тюрьмы
 голубые дымки
 [В челночке]

Варианты ЧА ЗК₁₁

- Посвящение *отсутствует*
- 1 а. Вот он Христос – в цепях и розах
 б. Вот Он Христос – в цепях и розах
- 2 а. *как в основном тексте*
 б. За решеткой твоей тюрьмы
- 4 а. В голубой дали весны.
 б. За серым камнем тво(е)й тюрьмы.¹
- 6 Его икона в моем саду◇
 8 Но лик и синее небо – одно.²◇
- 9 а. Единый светлый, немного грустный
 б. Единый Светлый, немного грустный

¹ *Далее было начато:* а. И
 б Не вечер

² *Было начато:* Но лик и в

- 10 а. И за ним восходит хлебный злак
 б. За ним восходит хлебный злак
- 11 а. И простой огород капустный
 б. На пригорке простой огород капустный,[◇]
 15 И не постигнешь синего ока
 17 Такой же нищий и также истоптан[◇]
 18 Пока не ляжешь среди злаков и трав^{1◇}
- 19 а. Обо всем забудешь и все разлюбишь
 б. Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь
- 20 а. *начато*: И даже
 б. И так устанешь...²
 в. *как в основном тексте*³
- После 20⁴ Она с тобой – твоя тихая радость
 Но сиротлива твоя печаль,⁵
 И тихонько поет просторная даль⁶
 "Какая житейская сладость"⁷

*Варианты Т₄*⁸

- 8 Но лик и синее небо – одно.[◇]
 10 За ним восходит хлебный злак,
 15 И не постигнешь синего ока,[◇]

Варианты БА РГБ, БА РГАЛИ, БА ИРЛИ и БА ИМЛИ

- 3 Вот Агнец кроткий в белых ризах (БА РГАЛИ)
 6 Его Икона смотрит в окно. (БА ИРЛИ)
 8 Но лик и синее небо – одно. (БА РГАЛИ)
 10 За ним восходит хлебный злак. (БА РГБ, БА ИРЛИ)
 10 *как в Т₄* (БА РГАЛИ, БА ИМЛИ)
 15 И не постигнешь синего ока, (БА РГБ, БА РГАЛИ, БА ИРЛИ)

¹ Вероятные последующие варианты:

^{а.} Пока не ляжешь в глухой овраг

^{б.} Не ляжешь, истоптан, среди злаков и трав

² Написано дважды.

³ Далее было *начато*: Будь сиротой

⁴ Возможно, набросок самостоятелен по отношению к предшествующему тексту.

⁵ Было: Она со мной – моя тихая радость
 Но сиротлива моя печаль,

⁶ Было: И [напеваает синяя даль]
 Тихо (*не зачеркнуто*)

⁷ Было: Какая житейская сладость

⁸ Посвящение приписано позднее (карандашом на полях).

Варианты публикации в журн. "Весы"

Посвящение
10,15 *отсутствует*
как в T₄

"ТАК. НЕИЗМЕННО ВСЕ, КАК БЫЛО..."

(С. 67)

Варианты ЧА ЗК₁₁¹

- 1 Так, все как было. Все, как будет ◊
2 Еще недвижно колесо² ◊
4 Времен³ живое колесо. ◊
5 И я живу, плющем венчанный, ◊
6 а. Как в юности, в и (стоках?)
б. Как в юности, у родника
в. Как в юности, к истокам рек
7 а. И вижу за чертой туманной
б. И за чертой болот туманной ◊
9 а. И те же сказки, те же песн(и)
б. И те же сказки, те же звуки ◊
12 Ты видишь, вещая душа. ◊
13 Как будто время не мелькнуло, ◊
14 а. Не унесло м(?)
б. И ничего не унесло
18 а. Как был я в отроческом сне,
б. Как был давно, в годину сна,
20 Душа навек убелена.

¹ *Записи перед текстом:*

[Бежит стальное полотно]
Перед конституцией
10 окт(ября)
[Германских [роз и узких крыш]
бездыханных роз
И узких кровель черепицы]

² *Далее было начато:* а И я пото(м?)
б И я по-прежнему

в И время

³ *Было начато:* Измен (?)

"ПРИСКАКАЛА ДИКОЙ СТЕПЬЮ..."

(С. 68)

Варианты ЧА ЗК₁₁

- 1 Прискакала ты степью[◇]
4 – Выдь на улицу ко мне!^{1◇}
5 И кричит, в окно мне машет,[◇]
6 Криков грудь ее полна,
7 Манит () пляшет^{2◇}
8 () гладит скакуна[◇]
9 а. "Нет, не хочешь? Ну, прости же!" –
б. "Нет, не хочешь? Ну, так с Богом" –
10 а. Пыль взвилась
б. Пыль клубами завилась,
12 а. Дальше, дальше понеслась.
б. В чистом поле понеслась.
13 а. *как в основном тексте*
б. Не меня, цыганка, любишь,[◇]
14 Любишь дикого коня,³
15 Любишь синих далей клады,[◇]
16 Треск пожарного огня.⁴
17–20 И среди пустого луга⁵
Любишь даль дивить красой⁶
Стана, стянутого туго⁷
Красной ленты полосой.

Варианты Т₄

- 6 а. Криков грудь ее полна,
б. Диким криком зажжена,[◇]

¹ Исправлено позднее чернилами.

² Было начато: И мо (?)

³ Далее было: Любишь син(ий?) дым костра (*зачеркнутый вариант*)

⁴ Далее было начато: ^а И когда я

^б Будь я молод

^а И в дыму

⁵ Было: Среди пустого луга

⁶ Было: ^а Облеченная туманом
Полуночной красоты

^б На холмах и на равнинах
Любишь даль дивить красой

^а На холмах среди тумана
Любишь даль дивить красой

⁷ Было: Перетянутого стана

- 8 Гладит шею скакуна. ◇
 14 а. Любишь дикого коня,
 б. Ночи вольная сестра! ◇
 16 Треск пожарного огня. ◇
 17–20 а. как в ЧА ЗК₁₁¹
 б. И в степях, среди тумана²
 Ты страшна своей красотой,³
 Разметавшейся вдоль стана⁴
 Рыжей, спутанной косой!

Варианты БА РГАЛИ

- 6 Криков грудь ее полна.
 14 Ночи вольная сестра!
 19 как в Т₄, вар. б

Варианты публикации в П₁

- 19 как в Т₄, вар. б

БРЕД

("Я знаю, ты близкая мне!..")

(С. 68)

Варианты ЧА ЗК₁₁ (ст. 1–32)

- 1 а. Я знаю – ты любишь меня
 б. Я знаю – ты близкая мне.
 3 Коснувшись к седой старине
 После 4⁵ [И жаркая память остра⁶

¹Ст. 20: Красной ленты полосой!

²Было начато: ^а Над

^б Вырост

³Было: Ты страшна твоей красотой,

⁴Было: как в основном тексте

⁵Предварительная запись стихов, ниже переработанных в текст, близкий к основной редакции стихов 9–12 и 33–44.

⁶Было: ^а Вот память умчала туда
 Где в пене мерцает прибой

^б Вот память умчала в века

^а И гру ()

^з И в памяти

^д И память

^е Там память остра

^ж Так жаркая память остра

Как будто < > больной
Вчера еще были, вчера
И замок, и лес, и гора

Я белую Деву искал
Упорной и твердой мечтой
И рог мой раскатом звучал

Глухая утроба скалы,
Висящие в искрах орлы

И странен мой траурный бред –
То бред обнищавшей души
Но ты, мой единственный свет,
Другой – в этом трауре нет.¹

Уютны мне черные сны
В них память свежееет моя
В шептаниях седой старины,
Бывалой, знакомой страны.²

Мы были и снова ушли –³
И помню я звук похорон,
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.]

5 Подушка моя горяча⁴◇
7 Ты кротко стоишь у плеча ◇
8 а. Я с этой свечой догорю!
 б. Нет! с этой свечой догорю!
10 а. Не даром я нынче умру!
 б. Не даром я в смертном бреду.⁵
12 а. И замок, и лес и гора.
 б. Заветные лес и гора.
13 Я белую Деву искал –
15 Я древнюю Деву искал,
Между 16 и 17: (17–20) Я взором измерил холмы –⁶

¹ *Далее зачеркнуто:* ^а Как складки

^б Как платье

² *Было:* Где прежде мы были ясны,

³ *Было:* Но были и снова ушли –
Далее было начато: И помню

⁴ *Далее было начато:* Горю

⁵ *Исправлено позднее чернилами.*

⁶ *Было:* Я знал, что за каждым холмом –

Какая щемящая боль! –
 Я знал – на исходе зимы –
 Наверное встретимся мы.
 21 Но слушай, как слушал я встарь ◊
 22 Пронзительный голос ветров! ◊
 23 а. Что было, что было тогда...
 б. Что было в те () года
 в. Что было со мной в те года
 24 Тому не бывать никогда¹
 Между 24 и 25: (25–28) Тогда испугалась зима,²
 Как я этой боли боюсь...
 Открылась вершина холма,
 Зажглась заревая кайма.
 25 а. И твердой стопой я пошел
 б. И твердой стопой я вхожу
 26 О, слушай³ предсмертный завет
 28 а. Я белую Деву нашел!
 б. Я белую Деву бужу!
 29 а. Спала она в облаке мглы
 б. Вот спит она в облаке мглы
 30 а. На камне холодной скалы
 б. На темной вершине скалы⁴
 31 а. И страстно кричали орлы,
 б. И страстно взывают орлы,

Ст. 33–44 – БА в ЗК₁₁

44 Как сыпали комья земли...

Варианты Т₄

Между 16 и 17: (17–20) Я взором измерил холмы...
 Какая щемящая боль!..
 Я знал – на исходе зимы
 Наверное встретимся мы.
 Между 24 и 25: (25–28) Тогда испугалась зима,
 Как я этой боли боюсь...
 Открылась вершина холма,
 Зажглась заревая кайма...
 25 И твердой стопой я всхожу –

¹ Строка вписана.

² Было: И вот испугалась зима,

³ О, слушай зачеркнуто, затем восстановлено.

⁴ Исправлено позднее чернилами.

- 31–32 а. И страстно взывают орлы,
Свои расточая хвалы....
б. И клеточком диким орлы¹
Над ней расточают хвалы....
35 Ты, свет мой, – Единственный Свет.

Варианты публикации в II₁

- Между 16 и 17: (17–20) как в T₄²
Между 24 и 25: (25–28) как в T₄
25 как в T₄
29 Вот спит она в облаке мглы
35 как в T₄

Варианты публикации в II₂ (HP II₂)

- Между 16 и 17: (17–20) как в T₄³
Между 24 и 25: (25–28) как в T₄
25 как в T₄
29 как в II₁ (HP II₂)
35 как в T₄ (HP II₂)

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

("Петуха упустила старушка...")

(С. 70)

Варианты ЧА ЗК₁₂⁴

- 1 Петуха упустила старуха[◇]
3 а. Знать, сама отворилась клетушка,
б. Не сама, знать, открылась клетушка[◇]
4 а. Долго ль () до греха.
б. Долго ль с вами дойти до греха.
в. Долго ль ночью у нас до греха.
2. Долго ль в темную ночь до греха.⁵
8 а. И не может найти посошок.
б. Все не может найти посошок.⁶
9 а. Вдруг ударило светом в оконце,

¹ Было начато: И в () лазури орлы,

² Ст. (20): Наверное,

³ С вар.: (19) Я знал, на исходе зимы, (II₂) (20) Наверное, (HP II₂, II₂)

⁴ Текст записан карандашом, последний слой правки – чернилами. Ст. 17–20 вписаны чернилами после фиксации остального текста стихотворения.

⁵ Далее было начато: И на

⁶ Было начато: Шарит () посошок

- б. Вот ударило светом в оконце,¹
 11 На дворе – словно вешнее солнце ◊
 12 Деревушка вся, как на показ. ◊
 13 а. Вот какая беда приключилась;
 б. Эх какая беда приключилась;
 15 а. Вот, проклятая, где завалилась!..
 б. *как в основном тексте*
 в. Ишь, проклятая, как завалилась!..
 16 а. А у страха глаза велики
 б. Но у страха глаза велики: ◊
 17 И стоит он в углу, озаренный ◊
 18 а. Нахлобучив колпак на глаза.
 б. И тарацит больше (?) глаза.
 в. Под шапкой тарацит глаза.
 з. И под шапкой тарацит глаза.
 24 а. Жалко съежился маленький труп.
 б. Робко съежился маленький труп.
 25 а. Эх ты бед (ная)
 б. Эх ты старая, долго искала, ◊
 26 а. Верно ты своего (?) посошка,²
 б. Не нашла своего (?) посошка,
 в. Не нашла ты твой посошок,
 з. Не сыскала ты свой посошок,
 27 а. Как³ искала, да так (и) упала
 б. Петушка своего догоняла, ◊
 28 а. Сам догнал тебя твой петушок!
 б. Сам нашел тебя твой петушок! ◊
 29 Ветер зимний гуляет и свищет
 31 а. Только глаз будто все еще ищет,
 б. Мертвый глаз [будто все] еще ищет,
 33 А на кучке золы разметенной, ◊
 34 а. Где гулял золотой петух †
 б. Где гулял золотой петушок ◊
 35 а. Все виднеется неугомонный⁴
 б. То займется, то вспыхнет червонный, ◊

¹ Далее было начато: Загорел(ся)

² Было начато: Ты

³ Было начато: Гд(е?)

⁴ Было начато: ^а Пробе(гает?)

^б Все

^в То займется, то

*Варианты T₅, публикаций в газ. "Наша жизнь"
(НЖ), II₁ и НР II₂*

- 7 А старушка спускается с печки, (НЖ, II₁)
17 Вот стоит он в углу озаренный, (НЖ)
17 Вот стоит он в углу, озаренный, (T₅, II₁, НР II₂)

"МИЛЫЙ БРАТ! ЗАВЕЧЕРЕЛО..."

(С. 71)

Варианты T₅

- Заглавие а. Боре¹
б. Брату²
35 Молвит каждому: – Будь весел.

Варианты БА РГБ

- Заглавие Боре
35 как в T₅

Варианты публикации в сб. "Корабли"

- Заглавие Брату
20 Белоснежная мятель.
35 как в T₅

Варианты публикации в ЗС

- Заглавие О несказанном
Эпиграф В царство времени все я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать "навсегда" – не могу.
Владимир Соловьев
10 Легкий падает снежок.
35 как в T₅

Варианты публикации в II₂ (НР II₂)³

- Заглавие Брату⁴
10 как в ЗС (НР II₂)

¹ Красным карандашом заключено в скобки.

² Вписано красным карандашом.

³ В НР II₂ зачеркнуты заглавие и эпиграф (как в ЗС).

⁴ В НР II₂ вписано.

Варианты публикации в Пз

- 1–8 *отсутствуют*
10 Легкий падает снежок,
29–36 *отсутствуют*

"ТЫ ПРИДЕШЬ И ОБНИМЕШЬ..."

(С. 72)

Черновые наброски в ЗК₁₁ (ЧН)

⟨I⟩

- л. 15 Ты придешь – и отнимешь
 И в спокойную ночь
 Мне лицо опрокинешь

 Так и буду смотреть
 Так и буду носиться

⟨II'⟩

- л. 65 об. На груди – из рая
 Твой небесный цвет²
 Я пойму, сгорая,³
 Твой спокойный свет.⁴

⟨III⟩

- л. 66 Я сойду и намечу⁵
 Мой вечерний путь.⁶
 Выходи навстречу⁷
 В высоте отдохнуть.

¹ Текст записан карандашом, окончательная правка – чернилами.

² Было: Мой небесный цвет

Далее было начато: То

³ Было: ^a Ощутишь, сгорая,

^b Ты поймешь () нет

^в Ты поймешь, сгорая,

⁴ Было: Мой белый свет.

Далее зачеркнуто: Так и будешь скован

Голубой звездой

И над миром

⁵ Было: ^a начато: Я сойду

^b Я приду и раскину

⁶ Было: ^a начато: Мой вечерний

^b начато: Мой печальн(ый)

^в начато: Мой прощ(альный)

^г Мой бархатный сон

⁷ Было начато: Приходи (?)

Полюби мои зори –
Знак моей любви.
И в свободное море
Навсегда плыви.

Я сойду и раскину
Зоревой небосклон¹
Я тебя отодвину²
Навсегда в мой сон.

Так и будешь реять
В догорающем дне,³
Так и будешь веять
В тишине.

Варианты ЧА ЗК₁₂

- 2 И в спокойную высь ◊
4 Встречу тихой весне.⁴ ◊
5 И под небом новым ◊
6 Задремлю навсегда.⁵ ◊
7 Скажут люди: ◊
Между 8 и 9: (9–12) И дремотно встанем⁶
Над старинной землей⁷
В голубом тумане
Серебристой звездой.
9 И навек задремлем⁸ ◊
10 < > навек, ◊
12 а. Золотистый свет.
б. Серебристый снег. ◊
15 Я пойму, сгорая, ◊

¹ Было: В небесах мой сон
И ли (?)

² Было: Я тебя придвину

³ Было начато: В высоте

⁴ Возможные промежуточные варианты:

^а Встречу новой весне.

^б Встречу тихой земле.

⁵ Было: ^а Буду в тихом плену

^б Буду тихо дремать

Только < >

О тебе вспоминать

^а Навсегда задремлю.

⁶ Было: ^а Так и будем реять

^б И задремлем, рея

⁷ Далее зачеркнуто: Поутру слабее
Мой

⁸ Далее зачеркнуто: У

"МЫ ПОДОШЛИ – И ВОДЫ СИНИЕ..."

(С. 72)

Черновой набросок в ЗК₁₁ (ЧН ЗК₁₁)

И уж над горными провалами¹
На самый () утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.²

Варианты ЧА ЗК₁₂

⟨I⟩

1-4 [Мы ()
И воды встали, как стена.
И вот ужь даль пустыни синяя
Вдали над безднами видна.]

⟨II⟩

1 Мы подошли, – и воды синие –
2 Ра () как две стены. ◊
6 На дымный блещущий утес ◊
9 Так, и чудесным очарованы,³
10 Не избежим своей Судьбы.
11 И,⁴ снова в кандалы закованы
12 а. Бредут безмолвные рабы.
б. Бредем безмолвные рабы.

Варианты Т₄

11 а. И, снова, в кандалы закованы,
б. И, снова в кандалы закованы,
в. И в цепи новые закованы,
12 а. Бредем безмолвные рабы.
б. Бредем печальные рабы.

Варианты публикации в приложении к газ. "Слово"

8 В венке из пышноцветных роз.
11 как в Т₄, вар. б
12 Бредем, безмолвные рабы.

¹ Незачеркнутый вариант: И уж над синими провалами

² Незачеркнутый вариант: В венке из диких горных роз

³ Было начато: ^а Так чудеса

^б И чудеса

⁴ Далее было начато: те (?)

ВЕРБОЧКИ

("Мальчики да девочки...")

(С. 73)

Варианты Т₅

Заглавие 1. Вербная Суббота¹
Между 6 и 7: (7–12) (И на сонной улице
За углом целуются
Невеста и жених.

Огонек, не гасни-ка,
Быть бы нам у праздника,
Не взглянуть на них!)²

*Вариант публикаций в журн. "Тропинка" и в кн. В. Тернавцева
"Наука слова"*

Заглавие Вербная Суббота

Варианты публикации в журн. "Мирок"

Заглавие 10 От заутрени
В воскресенье вербное

ИВАНОВА НОЧЬ

("Мы выйдем в сад с тобою, скромной...")

(С. 73)

Вариант Т₅

4 Искать Ивановы огни.

Варианты переработки в РЭ П₂

1–5 Мы вышли в сад с тобою, скромной,
И бродим по саду одни.
Ты хочешь за травую темной
Найти купальские огни.

9–12 Я тоже жду с глубокой верой
зачеркнуты

13 а. Я молча жду, любуясь втайне,

¹ Заключено красным карандашом в скобки; справа красным карандашом приписано заглавие основного текста.

² Ст. (7–12) отчеркнуты на полях, приписка Блока; не синодально; позднее перечеркнуты красным карандашом.

- б. Молчу и жду, любуясь втайне,
 17 Когда же ночь, встряхнув ветвями,
 18 Сберется в небе изнемочь,¹
 22 Со мной в иные небеса.
 25–28 *зачеркнуты*

Варианты публикации в П₃

- 1–5 *как в РЭ П₂*
 9–12 *отсутствуют*
 13 *как в РЭ П₂, вар б*
 17, 22 *как в РЭ П₂*
 25–28 *отсутствуют*

СОЛЬВЕЙГ

("Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...")

(С. 74)

Варианты Т₅ и БА ИРЛИ

- Посвящение *отсутствует (БА ИРЛИ)*
 Между ст. 11
 и 12, 17 и 18 *интервал отсутствует (Т₅, БА ИРЛИ)*
 15 *Жил в лесу и во сне,[◇]*

Варианты публикации в «Понедельниках газеты "Слово"»

- Посвящение *отсутствует*
 4 *Много дней, меж корней,² без огней.*
 Между ст. 11
 и 12, 17 и 18 *интервал отсутствует*

Варианты публикаций в П₁ и П₂ (НР П₂)

- Между ст. 11 и 12 *интервал отсутствует (П₁, НР П₂, П₂)*
 Между ст. 17 и 18 *интервал отсутствует (П₁, НР П₂)*

Вариант переработки в РЭ П₂

- 24 *Про веселую Сольвейг мою!*

¹ Приписано к незачеркнутому печатному тексту.

² Возможно, опечатка.

"ТЫ БЫЛ ОСЫПАН ЗВЕЗДНЫМ ЦВЕТОМ..."

(С. 75)

Варианты ЧА ЗК₁₂¹

- Заглавие Гансу Гюнтеру
- 1 Тебе мерцали (?) звездным цветом[◇]
- 2 a. Ее задумчивой весны
- б. Ее торжественного сна[◇]
- 3 a. И рассыпались – цвет (?)
- б. И были пышны (?) над поэтом^{2 ◇}
- 4 a. Восторг и горесть и мечта
- б. Восторг и горесть и Она[◇]
- 5 Ты слушал голос (нрзб)^{3 ◇}
- 6 a. Ты видел многоцветный сон (?)
- б. Ты видел много (нрзб)^{4 ◇}
- 7 a. И ночь и день был (?) над тобою
- б. День белый с ночью над тобою
- в. День белый с ночью полнотумной[◇]
- 8 a. Чертой зари соединял⁵
- б. Чертой зари соединен.[◇]
- 9 И в мирной, безраздумной сини^{6 ◇}
- 10 a. Восторг задумчивой ()⁷
- б. Очарованье отцвело^{◇8}
- 12 Под синим нимбом пепельных волос.^{9 ◇}
- 13 Так – не забудь под игом терний,¹⁰
- 14 a. Кого любил ты в первый раз,
- б. Кому молился в первый раз,
- 15 a. Когда обманет эта кротость
- б. Когда обманет взор вечерний
- 16 Расширенных и светлых глаз.
- 17 Склонясь на цвет полуувядший,
- 18 a. Восторгов не забудешь ты,
- б. Стремиться не устанешь ты,

¹ Восстанавливаются по стертому и полустертому карандашу: текст полностью расцифрован, не поддается.

² Была начата правка: И в

³ Было начато: ^а Ушел – и слушал

^б Ты слушал, видел

^в Когда ты слушал

⁴ Далее зачеркнуто: И вот

⁵ Было начато: Чертой утра

⁶ Было начато: ^а И в беспредельной сини

^б И (нрзб)

⁷ Было начато: () горе

⁸ Далее было начато: И только мягкость

⁹ Было начато: Вокруг

¹⁰ Было начато: Но ты узнаешь

- 19 а. Ты будешь петь, как ангел падший,
 б. Ты заглядишься, ангел падший,
 20 а. Свои глаза, свои черты¹
 б. Двойные, нежные черты. ◊
 21 а. И, может быть, в возвратной неге,
 б. И, может быть, в бреде летучем,
 в. И, может быть, в бреде ползучем,
 22 а. Межу не в силах перейти
 б. Межу не в силах обойти
 в. Межу не сможешь обойти
 23–24 а. Венцом блестящим и колючим²
 Ты увенчаешься один.
 б. Венцом блестящим и колючим
 Ты увенчаешься в пути.
 в. Венцом багряным и колючим
 Ты увенчаешься в пути.
 2. И увенчаешься колючим
 Венцом запретного пути.

Варианты Т₅

Посвящение Гансу Гюнтеру.

Варианты публикаций в II₁ и II₂ (НР II₂)

Заглавие: An Hans Guenter

Посвящение *отсутствует*

"ПРОШЛИ ГОДА, НО ТЫ – ВСЕ ТА ЖЕ..."

(С. 76)

Варианты ЧА ЗК₁₂

- Эпиграф *отсутствует*
 1 Прогляди года – и ты все та же, –
 3 а. И волосы немного глаже
 б. Лишь волосы немного глаже
 4 И в них мелькает седина.
 5 а. И я, склонен над грудой книжной,
 б. А я, склонен над пылью книжной,
 7 С одною думой неподвижной
 9 а. И знаю – годы не сме(нили)³

¹ Было начато: а Св()

б Твою

в Свою

² Ночных

д Свои черты

² Было начато: а Венчая

б Нас (?)

³ Было начато: Как будто жили

- б. И нас года не изменили,
 в. Нет, нас года не изменили,¹
 11 а. И ничего мы не забыли
 б. И благодарно сохранили
 в. И величаво сохранили
 г. И в памяти мы сохранили[◇]
 12 Те благосклонные года
 13 а. Их величавый пепел в урне
 б. Их светлый пепел в тонкой урне
 в. Их светлый пепел в длинной урне
 14 Все бездыханней и святей
 15–16 *отсутствуют*

Варианты Т₆, БА ИРЛИ и БА РГАЛИ

- Эпиграф *отсутствует*
 12 Те баснословные года. (Т₆, БА ИРЛИ)
 12 "Те баснословные года"... (БА РГАЛИ)
 15 И с каждым утром – все лазурней (Т₆, БА ИРЛИ)

Варианты публикации в ТП

- Эпиграф *отсутствует*
 Без деления на строфы
 12, 15 *как в БА ИРЛИ*

Варианты публикаций в ЗС, Ш₁ (НР Ш₁), Ш₂

- Заглавие Прости года... (ЗС)
 Эпиграф *отсутствует* (ЗС, НР Ш₁, Ш₁)
 12 Те баснословные года...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

("Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во мгле...")

(С. 76)

Первоначальная редакция в ЗК₁₂ (ЧА₁ ЗК₁₂)

Люблю тебя, Ангел Хранитель, во мгле²
 Во мгле, что со мною всегда на земле³

¹ *Далее зачеркнуто:* И каждый жив своей мечтой
Мелькающей

² *Было:* а Люблю тебя () во мгле
б. Люблю я мой Ангел Хранитель, во мгле

Далее было начато: [За] [Мо]

³ *Далее зачеркнуто:* а С тобою смотрел я на эту зарю
С тобою я в черную пропасть смотрю
бездну

б. С тобой

а. С тобою мой

г. Люблю тебя,

За то, что ты светлой невестой была
За то, что ты тайну мою унесла¹

- (5) За то, что о нищих я () скорблю²
За то, что не любишь того, что люблю³

Отмстить малодушным, кто жил без огня⁴
Кто горько обидел тебя и меня⁵

- (10) Кто запер свободных и сильных в тюрьму,⁶
Кто так не поверил огню моему⁷

Кто хочет за деньги лишить меня дня⁸
Собачью покорность купить у меня,⁹

Кто деньги дает за свободу мою,¹⁰
Кого я душой – не рукою – убью.

¹ Было начато: За то, что ты тайну убила

² Было: ^a За то, что я нищих и бедных люблю

^b За то, что о нищих и бедных скорблю

^a За то, что о нищих я сердцем скорблю

Ст. (5) и (6) позднее переставлены.

³ Было: За то, что не веришь огню моему

Далее зачеркнуто: ^a За то, что в белом сядиш(ь)

^b За то, что ты в белом молчишь предо мной

^a [Когда я хочу убивать]

² [Когда я хочу и не в силах убить]

^d Когда я хочу и не смею убить

За то, что жалеешь и хо(чешь?)

⁴ Было начато: Убить, отомстить оскорбившим

⁵ *Далее зачеркнуто:* ^a Обидел бряцань(ем)

^b Кто деньги ук(рал)

^a Кто краденой кровью

² Кто золотом пролил

⁶ Было: ^a Того, кто запер свободных в тюрьму,

^b Тому, кто запер свободных в тюрьму,

^a Кто [запер] свободных [и сильных] в тюрьму.

⁷ Было начато: ^a Кто деньги

^b Тому, кто убил

⁸ Было: Кто хочет за деньги купить у меня

Собач(ю)

⁹ Было: ^a И верность собачью купить у меня

^b Собачью покорность от вольной души

¹⁰ Было начато: ^a [И]

^b [Кто хочет]

^a Кто [хочет]

Затем, что я слаб и смиряться готов¹
И предки мои были – стадо рабов²

И нежности ядом убита душа³
И эта рука не поднимет ножа

(20) Но люблю я тебя и за слабость мою⁴
За горькую долю и силу твою

За цепи мои и заклятья твои,⁵
За то, что над нами – проклятье семьи

За то, что не можем свободно мы жить⁶
За то, что хочу и не смею убить.

(25) С тобою смотрел я на эту зарю
С тобою в эту черную бездну смотрю

Того разорвать не посмеет никто⁷
Что огнем сожжено и свинцом залито

(30) О, да и за то, что нам цель суждена,⁸
О, даже за то, что мы – муж и жена!⁹

¹ Было: Затем, что я слаб и покорствоваться рад

² Было: ^a начато: И

^b начато: Что в

^a И в предках моих было много рабов

² Среди предков моих было много рабов

³ Было начато: И сам я слишко(м)

⁴ Было: Люблю я тебя и за слабость мою

⁵ Было: ^a начато: За то, что в

^b начато: За то, что –

^a начато: За то, что душа одиноко

² начато: За то, что с тобою я

^d За клятвы мои и заклятья твои,

⁶ Было: За то, что не можем на воле мы жить

⁷ Было: ^a начато: И нас

^b И нас разорвать не посмеет никто

Далее было начато: Того

Ст. (27) и (28) позднее изменены местами.

⁸ Было начато: ^a О, да за

^b О, да я люблю тебя

⁹ Ст. (29–30), видимо, вписаны позднее.

И двойственно нам приказанье Судьбы¹
Мы вольные души! Мы – злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!²
Огонь или мгла – впереди?

(35) Кто кличет? Кто плачет? Куды им идем
Вдвоем – неразрывны – навеки вдвоем
Воскреснем, погибнем, умрем?

За то, что связала нас тайна и ночь,³
Что ты мне сестра и невеста и дочь⁴

Варианты ЧА ЗК₁₂ (ЧА₂ ЗК₁₂)

Заглавие	<i>отсутствует</i>
1	Люблю тебя, Ангел Хранитель, во мгле
4	За то, что ты тайну мою унесла
7	О да и за то, что нам цепь суждена,
12	За то, что о нищих [и бедных] скорблю
16	Кто горько обидел тебя и меня
18	Кто так не поверил огню моему
Между 20 и 21	Кто деньги дает за свободу мою, Кого я душой – не рукою – убью.
21	Затем, что я слаб и смиряться готов
22	И предки мои были – стадо рабов
30	С тобою в эту черную бездну смотрю
31	И двойственно нам приказанье Судьбы
34	Огонь или мгла – впереди?
36	Вдвоем – неразрывны – навеки вдвоем

Варианты Т₅ и БА Собр. В.Н. Орлова (БА)

Заглавие	<i>отсутствует (Т₅)</i>
Заглавие	Любе (БА)
1	Люблю тебя, Ангел-Хранитель, во мгле,
7	О, да, и за то, что нам цепь суждена, ⁵

¹ Было: ^a *начато*: Так мы неразрывны
^b *начато*: Так нас неразрывно связало
^a *начато*: И двойственно нам пов(еленье?)
² как в тексте
⁰ Что двойственно нам приказанье Судьбы

² Далее зачеркнуто: ^a Ты

^b Огонь

³ Далее было *начато*: За то, что

⁴ Ст. (38–39) записаны, видимо, при переработке текста.

⁵ В Т₅ ст. 7–8 заключены в квадратные скобки.

- 16 *начато*: Кто горько обидел (?)[◇] (БА)
 18 Кто так не поверил огню моему. (БА)
 18 а. Кто так не поверил огню моему.
 б. Кто навек (?) не поверил огню моему. (Т₅)
 Между 20 и 21: (21–22) Кто деньги дает за свободу мою,
 Кого я душой – не рукою убью, –¹
 21–22 Затем, что я слаб и смириться готов,[◇] (Т₅)
 Что предки мои были стадо рабов,[◇] (Т₅)
 21–22 Затем, что я слаб и смириться готов,
 Что предки мои были – стадо рабов, (БА)
 36 Вдвоем – неразрывны – навеки вдвоем!

Варианты публикации в ТП

- Заглавие *отсутствует*
 Без деления на строфы
 1 Люблю тебя, Ангел-Хранитель, во мгле –
 7–8 *отсутствуют*
 31 И двойственно нам предсказанье Судьбы:
 36 Вдвоем – неразрывны – навеки вдвоем?..

Варианты публикации в ЗС

- Эпиграф Мой жестокий, мой сладостный друг.
Владимир Соловьев
 1 *как в Т₅*
 7–8, 13–22 *отсутствуют*
 23 Что нежности ядом убита душа,
 31 И двойственно нам приказанье Судьбы:

Варианты переработки в РЭ II₂

- 5–6, 9–10, 15–20 *зачеркнуты*
 9 За цепи мой и за цепи твои.²
 29 С тобою смотрел я тогда на зарю.

Варианты публикации в II₃

- 5–6, 9–10, 15–20 *отсутствуют*
 29 *как в РЭ II₂*

¹ В Т₅ ст. (21–22) заключены карандашом в скобки, затем – чернилами в квадратные скобки.

² Вариант предшествовал изъятию стиха.

"ЕСТЬ ЛУЧШЕ И ХУЖЕ МЕНЯ..."

(С. 77)

Варианты Т₅, БА РГАЛИ, БА ИРЛИ

- 15 И буду смотреть на Зарю[◇] (Т₅)
15 И буду смотреть на Зарю (БА РГАЛИ)
15 Я буду смотреть на зарю (БА ИРЛИ)

*Варианты публикаций в альм. "Цветник Ор" (ЦО)
и журн. "Знамя труда" (ЗТ)*

- Заглавие Завет (ЦО)
15 как в БА ИРЛИ

"ШЛЕЙФ, ЗАБРЫЗГАННЫЙ ЗВЕЗДАМИ..."

(С. 78)

Черновые наброски в ЗК₁₂ (ЧН ЗК₁₂)

И ты страшнее в полночь зим,¹
С широким шлейфом в брызгах звезд,
Когда твой паж, [когда] твой паж

Твой дивный паж в последний раз
В твоих глазах прочел судьбу

Да,² ты страшнее всех Цариц³

Варианты Т₅

- Заглавие Деве Млечного Пути
11 Ты – рукою белой, узкой, странной

Варианты публикации в альм. "Корабли"

- Заглавие 3. Деве Млечного Пути
11 как в Т₅
14 Расплеснется Млечный Путь.

¹ Было начато: И ты страшнее в полдень
Далее зачеркнуто: ^{а.} Когда твой полнозвезд(ный)
^{б.} Когда

² Было начато: ^{а.} Как ты гневна
^{б.} Ты в гневе

³ Далее зачеркнуто: ^{а.} Которых
^{б.} Которых в детстве

- До крыши углое жильё.
 21 а. Где все пути и все дороги
 б. Где все пути и переп(утья)◇
 22 а. Измождены живой клюкой¹
 б. Измождены клюкой слепцов²
 23 а. Где вихрь гуляет в голых прутьях³
 б. Где вихрь свистящий в голых прутьях◇
 24 а. *начато*: Свистит преданья
 б. Поет преданья старины.
 25 а. Там – я узнал в моей дремоте
 б. Так – я открыл в моей дремоте◇
 26 Души печальной нищету◇
 29 Тропой печальной и убогой⁴◇
 30 *начато*: Я протоптал◇
 32 Бывало песни распевал.⁵◇
 33 И сам не знал и не измерил◇
 34 Чему я песни обратил⁶◇
 35 Какому Богу страстно верил,◇
 37 а. Мою ты душу укачала⁷
 б. Живую душу укачала
 39 а. И вот – душа не запятнала
 б. И вот – она не запятнала

Варианты Т₅

- 17–20 Где девушка на злого друга
 Под снегом точит лезвее,
 Где буйно заметает вьюга
 До крыши – углое жильё,

¹ Было *начато*: а. Измождены
 б. Клюкой

² Далее *зачеркнуто*: а. Куда
 б. Бог весть, куда влачат их ноги

³ Было *начато*: а. Где ве(тер?)
 б. Где вихрь свистит

⁴ Было *начато*: Печальной и убогой

⁵ Далее *зачеркнуто*: а. Какой земле? Какому Богу?
 Какой
 б. Какому Богу верил [слепо]
 Какую девушку любил?

⁶ Было *начато*: Како ()

⁷ Было: а. *начато*: Но чистота
 б. И вот – душа не запятнала
 Первоначальной чистоты.
 И тиховейно укачала
 [Меня] [Родная мать] [земля]
 [Меня] [Ты] Меня
 а. И чистоты не запятнала
 Душа

Варианты публикации в ЗР

17–20 как в T_5

Варианты публикации в ЗС и ИСТ

Эпиграф Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.

Тютчев

Варианты НР II₂

Эпиграф как в ЗС и ИСТ¹
17–20 а. как в T_5
б. как в основном тексте

Варианты публикации в III₂

33–36 отсутствуют

СЫН И МАТЬ

("Сын осеняется крестом...")

(С. 80)

Черновые наброски в ЗК₁₄ (ЧН ЗК₁₄)

⟨I⟩

Крики матери оставленной
В четырех стенах.
[Что-то дикое, слепое]
В этих криках матери оставленной

⟨II²⟩

- а. Темные тучи по небу бредут³
Под тучами ходит мой сын.⁴
б. В тучах сражается сын мой с отцом
Темные тучи на грудь упадут

Черновая редакция в ЗК₁₄ (ЧА ЗК₁₄)

Сын осеняется крестом
Сын покидает отчий дом.

¹ Зачеркнуто.

² Весь текст зачеркнуто.

³ Было: И темные тучи по небу бредут
Далее зачеркнуто: Под тучей скрывается

⁴ Далее зачеркнуто: Темные тучи

В песнях матери оставленной¹
Золотая радость есть.²
Только б он пришел прославленный³
Только б радость перенести
Только б к матери оставленной⁴
Донеслась о сыне весть!⁵

[Сын ушел стопой томительной,
Тучи⁶ сына облекли.]
Золотые [небожители,]⁷
В () земли
Путь свершили очистительный,⁸
[За черту перетекли.]⁹

Сын – в доспехе ослепительном,
Слышно – ходит в черной мгле¹⁰
Золотые небожители
Держат путь свой по земле¹¹
Путь свершают очистительный
Сына встретили во мгле¹²

¹ Было: В криках матери оставленной
Далее зачеркнуто: Веет ветер

² Было начато: П (?)

³ Было начато: Только б

⁴ Было: Только б матери оставленной
Далее зачеркнуто: То

⁵ Было: Донесли бы тучи весть!

⁶ Далее зачеркнуто: вкр (?)

⁷ Было: Ужь иные небожители,
Власти

⁸ Было начато: Сов(е)рши(ли)

⁹ Было начато: И

¹⁰ Было: ^a Слышно – ходит вокруг земли

^b Слышно – ходит по земле

¹¹ Было: ^a начато: Путь свершают

^b Держат путь в туманной мгле

¹² Далее зачеркнуто: ^a От полей восс(тал?)

^b Встал над полем за туманами
Сын

^c Встал над полем за туманами
Призрак сына

^d Вот и ночь к исходу [близится]
Петухи поют вдали

^e На исходе Ночь, поднявшая
Хриплый рог [туманных]

^f На исходе Ночь, поднявшая
Хриплый рог в

Петухи поют к заутрене,¹
Ночь бледнеет и бежит,²
Легкий рой обманов утренних³
За спиной ее летит,⁴
Хриплый рой туманов утренних
За спиной ее трубит.⁵

Поднялись над луговинами⁶
Кудри спутанные мхов
Покачнулись над трясынами
Сонмы бледных двойников,⁷
Метят взорами совиными⁸
В стаю легких облаков.

Вот он сын мой – в светлом облаке⁹
В шлеме утренней зари
Вкруг него – иные облики,
Небожители, цари.
Сыплет он стрелами колкими¹⁰
В чернолесья, в пустыри¹¹

¹ Далее зачеркнуто: Но (?)

² Было: Ночь испуганно бежит,

³ Было: ^a Хриплый рог туманов утренних
^b Светлый рой обманов утренних

⁴ Было: ^a В () ее дрожит
^b За плечом ее дрожит,
^c За плечом ее летит,

⁵ Далее было: ^a Ели острыми вершинами
^b Ели темными вершинами (незачеркнутый вариант)

⁶ Далее зачеркнуто: ^a В
^b За
^c Пни

⁷ Этот и предыдущий стих вписаны.

⁸ Было: ^a начато: Смотрят
^b Метят взглядами совиными

Далее зачеркнуто: Золотой

⁹ Было: Вот он сын мой – в тихом облаке (незачеркнутый вариант)

¹⁰ Было: ^a начато: Он разит стрелюю
^b Он разит стрелами тонкими

^c Он разит стрелами колкими (незачеркнутый вариант)

¹¹ Было: Чернолесья, пустыри

Угнездились в норы душные,¹
Расползлись в лесные рвы²
Веет утренник воздушный,
Из небесной синевы³
Сын бросает меч послушный⁴
Шлем снимает с головы⁵

Сын возвратился умирать⁶
Сын не забыл родную мать

Первоначальная редакция в Т₅

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный!
Только б радость перенести!
Только б к матери оставленной
Донеслась о сыне весть!

(10) Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Золотые небожители
Держат путь свой по земле.
Путь свершают очистительный, –
Сына встретили во мгле.

¹ Было: ^a *начато*: Расползлись по даль ()

^b Расползлись в берлоги темные

^a Расползлись в берлоги душные

² Было: ^a Угнездились под стволы,

^b *начато*: Угнездились

^a Прячутся во рвы

³ Было: ^a *начато*: Ходят стаи

^b Тонут в небе клочья мглы,

^a От небесной синевы

⁴ Было: ^a *начато*: Сын ки(дает?)

^b Сын бросает шлем докучный

⁵ Было: И поет псалмы-хвалы.

Далее зачеркнуто: Райским небожителям

⁶ Было: Сын осеняется крестом.

Сын [возвратился] воротился в отчий дом.

Покорный

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.¹
Легкий рой обманов утренних
За спиной ее летит.
(20) Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов.
Покачнулись над трясынами
Сонмы бледных двойников.
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков.

Вот он – сын мой – в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
(30) Вкруг него – иные облики –
Небожители, цари.
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Угнездились в норы душные,
Уползли в лесные рвы.
Веет утренник воздушный
От небесной синевы.
Сын бросает меч послушный,
Шлем снимает с головы:

Точит грудь его пронзенная
(40) Кровь и горние хвалы:
– Здравствуй даль, освобожденная
– От ночной, туманной мглы!
– Здравствуй сила, побежденная
Острием моей стрелы!

Сын не забыл родную мать.
Сын воротился умирать:

В сердце матери оставленной
Золотая рана есть.
(50) Вот он, сын мой, окровавленный!
Он принес победы весть!
Умер сын мой, сын прославленный –
Только б радость перенести!

¹ Было: Ночь бледнеет и бежит.

Варианты переработки первоначальной редакции в T₅ (T₅ – б.д.)

Заглавие	<i>вписано</i>
(7–8), (11–14)	<i>зачеркнуты</i>
Вм.(11–14): 9	Дух ¹ свой предал небожителям,
10	Держит путь свой по земле.◇
(9–14)	<i>перенесены после ст. (15–20)</i>
(17–18), (23–24),	
(29–30), (33–34)	<i>зачеркнуты</i>
(35), (37)	<i>как ст. 23, 25 основного текста</i>
(43–44), (50–51)	<i>зачеркнуты</i>
(45–46)	<i>как ст. 35–36 основного текста</i>
(45–46)	<i>перенесены после ст. (52)</i>

Варианты публикаций в БН и журн. "Геркулес"

Посвящение	<i>отсутствует</i>
7–14	Петухи поют к заутрене, Ночь испуганно бежит. Хриплый рог туманов утренних За спиной ее трубит.
	Вот – в доспехе ослепительном, Слышно, ходит сын во мгле: Дух свой предал небожителям, Сердце – матери земле.
32	Золотая рана есть:

Варианты публикации в ЗС

Заглавие	1. Моей матери
Посвящение	<i>отсутствует</i>

Варианты публикации в II₂ (НР II₂)

31–36	Сын не забыл родную мать. Сын воротился умирать. В сердце матери оставленной Золотая радость есть: ² Вот он, сын мой, окровавленный! Только б радость перенести!
-------	--

Варианты БА РГАЛИ и публикации в сб. "Сказки"

Посвящение	<i>отсутствует</i>
3–6	<i>отсутствуют</i>
Вм. 31–34: (31–32)	Здравствуй, сила, побежденная Остреем ³ моей стрелы!

¹ Было начато: Душ(у?)

² В НР II₂ пункт. вар.: есть.

³ В БА РГАЛИ: Острием

- 19–22 И жали руку эти руки¹
И пальцы трепетали в ней
Под замирающие звуки²
Твоих ласкающих речей.
- Вм. 23–32: (23–26) Но³ ()
Над садом спускалась тень
И песни грустные⁴ звучали⁵
Из посиневших деревень.
- (27–30) Еще – последние пожатья⁶
И губы томные твои,⁷
Коснувшись⁸ только складок платья⁹
Шептали что-то в забытьи¹⁰
- (31–34) а. Но легкой тенью предвечерней
Я становилась холодна
И с верхней узенькой ступени
Я улыбалась из окна.¹¹
- б. Но вслед передвечерней тени
В меня вступала тишина
И с верхней узенькой ступени¹²
[Я улыбалась из окна]¹³
- (35–38) Смотрела из старинной рамы,¹⁴
Как тихо удалялся ты.
И на балконе бедной мамы
Качались тихие цветы.¹⁵

¹ Было начато: И жали руки эти руки

² Было: Пока (?) речей невнятных звуки

³ Было начато: Сад

⁴ Было начато: И песни не(жные?)

⁵ Было: И песни грустные летели

⁶ Было: Еще – последнее пожатье

⁷ Было начато: И губы тон(кие)

⁸ Было начато: Слились (?)

⁹ Было: Коснувшись рук и складок платья

¹⁰ Было: ^а начато: Шептали мне в

^б Шептали мне о забытьи

¹¹ Было начато: ^а Ему

^б Вставала в

^а Ты (незачеркнутый вариант)

¹² Было: ^а как в тексте

^б начато: И легкой

^а И легкие пройдя ступени

¹³ Была начата правка: Бросала я взгляд (?)

¹⁴ Было начато: Стояла в

¹⁵ Было: Вились душистые цветы.

(39–42) Вдали – в ее опочивальне¹
Лампада, вздохи, тишина²
Я здесь, в моей девичьей спальне, –³
Весенним днем утомлена.

После (42) [Но,⁴ не тревожась, не жалея,
Приду ей рассказать⁵
Что день был солнечный]

[Какая будет радость
Жила я в странах без названья,
В садах]
Я⁶ ()
Вдали томилась мать, больна,
[И от ее далекой спальни]⁷
[Струилась]
[И вздохи тихие звучали,⁸
Лампада теплилась в углу,
И я гуляла в тихом зале,⁹
Скользя на лаковом полу]

Варианты переработки в ЗК₁₄ (ЗК₁₄ – б.д.)¹⁰

¹ Нет имени тебе, мой дальний[◇]
2–6 а. Вдали лежала мать больна.¹¹
И в спальне¹² () печальной
Жила сиделка – Тишина¹³
Но счастье¹⁴ было безначальной,
Чем т()

¹ Было начато: а. И

б. (1 нрзб)

² Было: Лампадка, вздохи, полутьма

³ Было: А здесь, в моей девичьей спальне, –

⁴ Было начато: а. Я

б. И

⁵ Было начато: Приду и расскажу

⁶ Было начато: Как

⁷ Было начато: И из

⁸ Было начато: а. И дом с цветами

б. Весь дом с геранями

⁹ Было начато: И я ходила

¹⁰ Правка чернилами и цветными карандашами (синим и красным).

¹¹ Было начато: Быст()

¹² Было начато: В спальне

¹³ Было: а. начато: Б()

б. () сиделка – Тишина.

¹⁴ Было начато: а. А

б. Но радость

- б. Вдали лежала мать больна.
Над ней клонилась – все печальной¹
Ее сиделка – Тишина.
Но счастье было безначальной,
Чем Тишина. Была – весна.
- 11–14 а. Я проходила тихой залой
Сквозь дрему, шелест и цветы
И² на балконе – мгла лежала
И ждал³ внизу – вечерний – ты.⁴
- б. Я проходила тихой залой
Сквозь дрему шелесты и сны⁵
И на балконе – тень лежала
Ее сиделки – Тишины.
- 15 Мгновенье, в зеркале старинном
- 16 а. Свой милый профиль отразив⁶
б. Свой милый профиль отразя[◇]
17 *как в основном тексте*
18 По ступеням к тебе скользят[◇]
19 *как в основном тексте*⁷
20 И трепетала в них рука[◇]
21 а. И умирающие звуки,
б. И плыли трепетные звуки,
в. И () звуки
г. И слышались () звуки
д. Из дома прилетали звуки,[◇]
22 Там⁸ ... задыхалась Тишина.
Вм. (23–38): 23–24 а. Но миг еще – в оконной раме
Смотрела, как уходишь ты
б. *как в основном тексте*
25–26 *как в основном тексте*
- Вм. (39–42): 27–29 Там – вдалеке – в опочивальне
В нее вступила тишина.
Я здесь, в моей девичьей спальне, –
30 И рук не разомкнуть⁹ ... больна...[◇]

¹ Было начато: И от весны, ее поко()

² Было начато: Меня

³ Было начато: Ты ждал

⁴ Было: И ждал внизу – воздушный – ты.

⁵ Было начато: Сквозь дрему шелестной

⁶ Было начато: а. Скользил мой профиль
б. Мой профиль

⁷ Аналогичный предыдущий вариант зачеркнут.

⁸ Было начато: Под

⁹ Было начато: И рук не сном (?)

Наброски после (42) перечеркнуты

- 31–32 а. Нет имени тебе, мой дальний,
Ее печаль
б. Нет имени тебе, мой дальний,
И тихие мои цветы¹
в. Нет имени тебе, мой дальний,
Нет имени моей весне,²
Нет радости³ моей печальной,⁴
г. Нет имени тебе, мой дальний,
Нет имени тебе весна.
д. *как в основном тексте*⁵

Варианты Т₅

- 4 Ее сиделка – Тишина.
6 Чем Тишина. Была – весна.
14 Ее сиделки – Тишины...
22 Там... задышалась Тишина.
28 Ее сиделка – Тишина... .

Варианты публикаций в ЗР, ЗС, ЧД-1912, III (НР₁ III₁, НР₂ III₁), II₃

- Заглавие 1. Нет имени тебе... (ЗС)
Между 1 и 2, 24 и 25 *интервал отсутствует* (ЗС)
Между 1 и 2, 4 и 5,
24 и 25, 28 и 29,
30 и 31 *интервал отсутствует* (ЗР, III₁ (НР₂ III₁), II₃⁶)
4 *как в ЗК₁₄ – б.д., вар. б* (ЗР, ЗС, НР₁ III₁, ЧД-1912)
6 *как в Т₅* (ЗР)
6 Чем Тишина. Была весна. (НР₁ III₁)
11–14 *отсутствуют* (II₃)
14 *как в Т₅* (ЗР)
14 Ее сиделки Тишины. (ЗС, ЧД-1912)
14 Ее сиделки – Тишины. (НР₁ III₁)

¹ Было начато: И эти тихие

² Было начато: ^а Той зов (?)

^б Весне – нет

³ Было начато: ^а И вздох

^б И радости

^в И радость

^г У (?) радости

⁴ Далее было начато: ^а. Тебе

^б. И тихим

^в. Печальной

⁵ Порядок стихов указан синим карандашом.

⁶ В II₃ интервал после ст. 30 есть.

- 22 как в ЗК₁₄ – б.д. (ЗР, ЗС, НР₁ III₁, ЧД-1912)
 Между 24 и 25 интервал отсутствует (НР₁ III₁)
 28 Ее сиделка – Тишина...¹ (ЗР, НР₁ III₁)
 28 Ее сиделка Тишина... (ЗС, ЧД-1912)

УГАР

("Заплетаем, расплетаем...")

(С. 82)

Первоначальная редакция в ЗК₁₄ (ЧА ЗК₁₄)

Заглавие *отсутствует*
 Золотые кудри чешем,²
 Песни длинные поем.³

И ребенок засыпает⁴
 Возле матери-весны.
 И ребенок видит сны.

Заплетаем, расплетаем⁵
 Нити дьявольской Судьбы,⁶
 Звуки ангельской трубы
 Будем счастьем, будем раем,⁷

(10) Только помните гробы,
 Только знайте: вы – рабы.⁸
 Мы ребенку кудри чешем,
 Песни длинные поем,
 Поим сладостным питьем.
 Поиграем и потешим,⁹

¹ В НР₁ III₁ в конце стиха четыре точки.

² Было: Золотые кудри чешет

³ Было: Песни длинные поет

⁴ Было: Мой ребенок засыпает

⁵ Было начато: Три сестры – плетем (?)

⁶ Было: нити долгие Судьбы.

⁷ Было начато: ^a Будет

^b. Ста()

^c. Мы

⁸ Было: ^a начато: Только

^b. Если вскроете гробы,
 Если станете рабы.

^c. Только помните гробы,
 Только будете (?) рабы.

^d. Только помните гробы
 Только будьте мне рабы.

⁹ Было начато: Мы

Будет маленьким царем,¹
Царь повырастет потом.

Вот малютка засыпает²
У груди твоей, сестра.³
(20) Начинается игра!⁴
Видишь, он во сне вздыхает —⁵
Видит красный свет костра,⁶
На костер взойти пора!⁷

Положи венок багряный⁸
Из душливых углей⁹
В завитки его кудрей.
Пусть он грезит в час румяный¹⁰
Что на нем венец царей.
Утро близится! Скорей!¹¹

(30) Пойте стройную стихиру —¹²
Царь отходит почивать,¹³
Царь отходит умирать.

¹ *Было начато:* Только

² *Было:* ^{а.} И ребенок засыпает

^{б.} И малютка засыпает

³ *Было:* ^{а. начато:} Возле д()

^{б. начато:} Ты сестра

^{а.} У груди своей сестры

⁴ *Было:* Начинай, пора, пора!

⁵ *Было начато:* ^{а.} Он вздыхает

^{б.} Он в

⁶ *Было начато:* Видит блеск

⁷ *Было:* На костер идти пора!

⁸ *Было:* ^{а.} Положи веночек яркий

^{б.} Положи венок из терний

⁹ *Было:* На головку дремоты

¹⁰ *Было:* ^{а.} Он пробудится скорей

^{б. начато:} Не

^{а.} Час печальный, час веч(ерний)

^{б.} В час печальный, час веч(ерний)

^{в.} Пусть он грезит в час вечерний

¹¹ *Было:* Посылай к нему гостей.

¹² *Было:* Пойте тихим, стройным гласом:

Далее зачеркнутые наброски: ^{а.} Ты куда, мой царь, вошел

^{б.} Ты куда, царевич мой

Воротись, вернись домой.

^{а.} Поздни()

^{б.} Ты

¹³ *Было начато:* Царь идет

- Песни носятся по миру,¹
 Будут Ангелы вздыхать,
 Над костром его рыдать,²
 Тихо, в сонной колыбели³
 Успокоился царек,
 Занимается денек.⁴
 Девы-сестры улетали⁵
 (40) Сизый тянется дымок,
 Рдеет красный уголек.

Варианты первоначальной редакции в T₅

- Заглавие Угар
 (1-5) *отсутствуют*
 (19) На груди твоей, сестра:
 (23) *как ст. 15 основного текста*
 (33) Песня носится по миру, –
 (35) Над костром кружа, рыдать!

Варианты правки первоначальной редакции в T₅ (T₅-{1907})

- (10), (14) *зачеркнуты*
 (16) Будет маленьким царьком,
 (20) *зачеркнут*
 (21) Слышишь, он во сне вздыхает,
 (29), (32), (38) *зачеркнуты*
 (40-41) Занимается денек.
 Сизый стелется дымок.

Варианты публикации в БН

С измененной строфической: с интервалом после ст. 3, 7, 12, 18, 22, 27

- 2 Нити дьявольской судьбы,
 9 *как ст. (16) в T₅-{1907}*
 24 Будут ангелы вздыхать,
 29-30 *как в ст. (40)-(41) в T₅-{1907}*

¹ Было: ^a начато: Над
^b начато: Гр()

^a Песня носится по миру,

² Было: ^a Будут Ангелы рыдать,
^b Над костром его летать.

³ Было: ^a начато: Тише,
^b Тихо, тихо в колыбели

⁴ Было начато: ^a С
^b О

⁵ Было начато: Сестры улетели

ТИШИНА ЦВЕТЕТ

("Здесь тишина цветет и движет...")

(С. 83)

Варианты ЧА ЭК₁₂

I. Предварительные наброски¹

- л. 25 а. И я печалюсь и вздыхаю,
Вторую праздную весну
б. Здесь я печальные картины²
Воссоздаю и отдаю
в. Здесь

II. Варианты 3-й, 1-й и 4-й строф³

- л. 25–25 об. 9–12 а. Здесь тихим образам и думам⁴
Я отдаю стихи мои
И тихим шелестом и шумом⁵
Меня приветствуют струи
б. Здесь легким образам и думам
Я отдавал стихи мои
И томным их встречали шумом⁶
Реки согласные струи.⁷
1
2–4
Здесь тишина цветет и тает
как в основном тексте
л. 25 об.–26
После 4: 13–18 а. И вот () ресницы⁸

¹ Записаны карандашом.

² Было: И я печальные картины

³ Записаны чернилами, запись остальных строф отсутствует.

⁴ Было начато: Здесь одинокой думе

⁵ Было начато: И их встречает

⁶ Было: ^а И их встречают тихим шумом

^б И их встречают с тихим шумом

^в И их встречают встречн(ым) шумом

^г И к ним бегут со встречным шумом

^д начато: И их встречают

^е И томным их встречают шумом

⁷ Было: ^а начато: Речные

^б Речные, полные струи.

^в Речные, томные (?) струи.

Далее было начато: ^а И расц(ветает?)

^б И украшает

^в И украшаю

^г Пос()

^д Сти()

⁸ Было начато: ^а И здесь в

^б В страницах книги шелест

Вы, девушки в стихах прочли¹
 Как от страницы до страницы
 В даль потянули журавли²
 Ты³ расцветашь, зацветая,
 Душа – послушные стихи⁴
 б. И⁵ девы, опустив ресницы,
 В стихах медлительных прочли⁶
 Как от страницы до страницы
 В даль потянули журавли
 Как распускались, зацветая,⁷
 Стихов послушных⁸ паруса
 Вот первой деве –⁹

Варианты Т₅, публикаций в БН, ЗС, НР II₂, СРЛ

Заглавие	Надпись на книге стихов ¹⁰
Между 20 и 21	Когда река ладью качала, И томно пела быстрина, – То глубина вас обнимала, Вас целовала тишина. ¹¹ (Т ₅ , БН, НР II ₂)

"ТАК ОКРЫЛЕННО, ТАК НАПЕВНО..."

(С. 84)

Варианты ЧА ЗК₁₂

- 1 Так < > так напевно¹²
- 2 Колдунья пела о весне. ◊
- 3 Но я сказал: Смотри, царевна, ◊

¹ Было: ^a И в этом сборнике стихов

Все от страницы до страницы

^б Вот девушки с < > ресницы

В стихах < > прочли

² Было: В даль потянулись журавли

³ Было начато: ^a Та(к?)

^б Ты за

⁴ Вар. а не зачеркнуто.

⁵ Было начато: Где от

⁶ Было: ^a В стихах < > прочли

^б В моих стихах < > прочли

⁷ Было: Как распустилась, зацветая,

Душа

⁸ Зачеркнуто карандашом.

⁹ Строка приписана на полях, ст. 17–24 основного текста отсутствуют.

¹⁰ В НР II₂ зачеркнуто.

¹¹ В Т₅ и НР II₅ четверостишие зачеркнуто.

¹² Было начато: < > напевно

Варианты Т₅

Вм. 9–12: (9–20) И я сошел тропой уклонной
И слушал, опершись на меч,
Обет царевны благосклонной,¹
Ее торжественную речь:

"Иди, иди, мой рыцарь дольний,
"Куда ведет тебя весна,
"Где безначальней, безглагольней²
"Твой путь – певучая струна.
"Я сохраню мой лед и холод,
"Замкнусь в хрустальном терему,
"А ты вернешься, снова молод,
"И долгу верен своему.

Варианты публикаций в БН, ЗС, П₂ (НР П₂) и СРЛ

Заглавие Прости³ (ЗС, НР П₂)
Вм. 9–12: (9–20) как в Т₅⁴
16 Во рву спокойная вода. (ЗС, П₂ (НР П₂), СРЛ)

Варианты переработки в РЭ П₂

1 И окрыленно, и напевно
6 И услышал я: Нет. Прости.
Вм. (9–20) ст. 9–12 основного текста⁵
13–16 зачеркнуты
20 На острие меча – весну".
21–22 И опустил синий полог.⁶
И терем скрылся в тьме ночной.

Варианты П₃

13–16 отсутствуют
22 Над теремом и над тобой.

¹ В тексте: Обет царевны благосклонный, (видимо, описка)

² Было: "О чем поет все безглагольней

³ В НР П₂ зачеркнуто.

⁴ В БН вариант в ст. (13). Иди, иди, мой рыцарь дальний, (видимо, опечатка). В СРЛ вариант в ст. (15–16): Где беспечальней, безглагольней // Твой путь, певучая струна.

⁵ С вариантом в ст. 11: Я сберегу мой лед и холод,

⁶ Было: Ночь спустила синий полог,

"ТЫ МОЖЕШЬ ПО ТРАВЕ ЗЕЛЕННОЙ..."

(С. 84)

Черновой набросок в ЗК₁₂ (ЧН ЗК₁₂)

В глазах туманных и бездонных
Условный знак прочесть¹

И церковь обойти
И сесть на паперти замшенной
И кружево плести

Варианты ЧА ЗК₁₂

- Перед 1 [Умеешь ты] [пройди (?)]
5 а. И низко опустить ресницы
И вновь поднять глаза
И любоваться
б. Ты можешь опускать ресницы²◇
Между 8 и 9 Ты можешь вечером смеяться,³
А утром строгой быть
10 *вписан позднее*
11 а. И косы слишком длинны
б. А косы слишком длинны
в. Эти косы слишком длинны.◇
12 Для шляпы городской
13–16 а. Но на платформе в час условный⁴
Пора тебе ходить⁵
Телеграфисту в знак привета
Цветочки подарить⁶
б. Но ты уж ходишь с красным бантом
Ты семечки луцишь
Телеграфисту с желтым кантом⁷
Букетики даришь
в. *как в основном тексте*
17–20 а. И в сумерках ()
Когда я позову⁸

¹ *Было начато:* Читать усло(вный?)

² *Далее было начато:* И щеки

³ *Было начато:* Ты можешь вечером

⁴ *Было начато:* Нет

⁵ *Было:* Пора тебе гулять

⁶ *Было:* Цветочек подарить

⁷ *Было:* Телеграфисту из букета

⁸ *Было:* Когда молчат цветы

- И слезы будут падать, падать
На темную траву¹
б. И потому ты будешь рада
Сквозь душную траву
Прийти в туман чужого сада
Когда я позову

Варианты Т₅, БА РГАЛИ и публикации в БН

- 12 Для шляпы городской.

Вариант публикации в ЗС и НР II₂

Заглавие Мещанке²

"ИЩУ ОГНЕЙ – ОГНЕЙ ПОПУТНЫХ..."

(С. 85)

Варианты Т₅

- Заглавие Колдунья³
2 а. В твой темный ведовской предел.
б. В твой черный ведовской предел.
13 Но дальше путь, и месяц выше,
Между 20 и 21:
(21–28) В твоём окне мерцает бледный
Тройной огонь высоких свеч,
И зелий запах заповедный
Лежит на матовости плеч.

Ты для меня огни палила
И, обнаженная, ждала,
И чары темные творила,
И бледной ночи предала.

Варианты публикаций в ВМИ, ЗС, II₂ (НР II₂), II₃, правки в РЭ II₂

- Заглавие Колдунья (ВМИ, ЗС, II₂ (НР II₂))
13 как в Т₅ (ВМИ, ЗС, II₂ (НР II₂))
13 как в основном тексте (РЭ II₂)
16 Ночной деревни на горе. (ЗС)
21–24 зачеркнуты (РЭ II₂)
21–24 отсутствуют (II₃)

¹ Исправлено: На душную траву

² В НР II₂ зачеркнуто.

³ Вписано позднее.

ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ

("Весны и зимы меняли убранство...")

(С. 86)

Варианты Т₅

- Заглавие *отсутствует*
- 3 Вы, люди, рождались, желая скорей умереть
- 5 А над темным болотом кудесник звонарь
- 7-8 И звуки летели, как черные филины
В глухое пространство.
- 10-14 Самый певучий, большой и святой,
Что утренней песнью скликал издали прихожан, –
По ночам источал эти звуки.
Кто пройдет по болоту ночью тропой?
Кто рассеет его чародейный туман?
- 17-22 В час проклятого звона я был
У церковной стены, средь болотной травы.
Я узнал твою сказку, звонарь,
Но не мне укрощать твою гулкую медь!
- 24 Я в проклятых туманах бродил.
Вы дремали. Пока не пробудитесь вы, –
Черный колокол будет вам петь.

Варианты правки в Т₅ (Т₅-1917)

- Заглавие *как в основном тексте*¹
- 3, 5, 7, 12, 17, 18,
19, 20-22 *как в основном тексте*
- 6 Вечно будил колокольную медь.
- 13-14 а. Кто прикрылся ночной темнотой,
И рассеет болотный туман?
- б. Кто рассеет болотный туман,
Прикрываясь ночной темнотой?
- в. *как в основном тексте*
- 21 Страшный колокол будет вам петь.

Варианты БА ИРЛИ

- 3 Люди рождались с желаньем скорей умереть –
- 6 *было начато:* а. В
б. На◇
- 18 У стены, средь болотной травы,

¹ Вписано чернилами, остальная правка – карандашом.

Варианты публикации в «Иллюстрированном приложении
к газ. "Русь"»

3, 7–8, 10–12, 14,
17–22

как в T_5

- 5 А над темным болотом – кудесник звонарь.
13 Кто пойдет по болоту зловещей тропой?
24 Черный колокол будет вам петь!

"О ЖИЗНИ, ДОГОРЕВШЕЙ В ХОРЕ..."

(С. 86)

Черновые наброски в ЗК₁₅ (ЧН)

О жизни, догоревшей [в мире]
О голубях

О сером небе над порталом¹
О молодом, о небывалом²

Торопись, весна

Варианты T_5

- Заглавие Молитва
7 О дальней Мэри, светлой Мэри,
29 О розах над Ее иконой,
31 О Деве дальней, благосклонной,

Варианты публикаций в ЗР, ЗС, III₁ (НР₂ III₁), II₃ и в Изборнике

- Заглавие Молитва (ЗР, ЗС)
2 На темном клиросе твоём. (ЗС)
2 На темном клиросе твоём.[◇] (НР₂ III₁)
13–16 отсутствуют (ЗС, III₁, Изборник)
13–20 отсутствуют (II₃)
17–20 зачеркнуты (НР₂ III₁, Изборник)
17 И мы над сводом веем, веем, (III₁)
29 как в T_5 (ЗР)
31 как в T_5 (ЗР, III₁ (НР₂ III₁))

¹ Далее было начато: ^a- Со ()
^b- Много

² Было: О молодом и небывалом

"В СИНЕМ НЕБЕ, В ТЕМНОЙ ГЛУБИ..."

(С. 87)

Варианты Т₅

Заглавие	В синем небе ¹
8	Нам понравилась она.
15	Мгла весенняя соткала
27	Смолкли трепетные речи,
30	Снов влюбленных тишина.

Варианты публикаций в "Ниве". ЗС, III₁ (НР₁ III₁, НР₂ III₁) и П₃

Без деления на строфы (со ст. 9) (III₁)

Заглавие	В синем небе ² (Нива, ЗС, НР ₁ III ₁)
6	Легковейная весна! (Нива)
8	Нам понравилась она! ³ (Нива, НР ₁ III ₁)
15	как в Т ₅ (Нива, ЗС, III ₁)
27	как в Т ₅ (Нива, НР ₁ III ₁ ⁴)
28	Тихо молится она, (ЗС)
28а.	как в основном тексте
6.	Тихо молится она... (НР ₁ III ₁)
28а.	как в ЗС (НР ₂ III ₁)
6.	как в НР ₁ III ₁
28	как в НР ₁ III ₁ , вар. б (III ₁ , П ₃)
29	В синем небе, темной глуби (НР ₂ III ₁)
30	Снов влюбленных тишина... (Нива)
30	Снов влюбленных тишина. ◇ (НР ₁ III ₁)

Вариант правки в РЭ III₁

15	как в основном тексте
----	-----------------------

БАЛАГАН

("Над черной слякотью дороги...")

(С. 88)

Черновой набросок в ЗК₁₅ (ЧН ЗК₁₅)

Везут, везут, кряхтя, телеги
[Мой балаган]

¹ Вписано позднее.

² В НР₁ III₁ зачеркнуто.

³ В НР₁ III₁ исправлено на основной текст.

⁴ В НР₁ III₁ исправлено на основной текст.

Варианты Т₅, БА РГБ, БА РГАЛИ

- Заглавие а. На пути¹ (Т₅)
б. Балаган² (Т₅)
Заглавие *отсутствует* (БА РГБ, БА РГАЛИ)
Эпиграф *отсутствует*

Варианты публикаций в журн. "Образование", ЗС и III₁

- Заглавие На пути (Образование)
Эпиграф *отсутствует*³
15 Чтоб в рай иных заморских песен⁴ (Образование)

"ТВОЯ ГРОЗА МЕНЯ УМЧАЛА..."

(С. 89)

Вариант публикации в "Ниве"

- 7 Я слышу дальние раскаты,

"В ЧАС ГЛУХОЙ РАЗЛУКИ С МОРЕМ..."

(С. 89)

Варианты публикаций в ТП и ЗС

- Между 8 и 9 *интервал отсутствует*

"СОЛЬВЕЙГ! О, СОЛЬВЕЙГ! О, СОЛНЕЧНЫЙ ПУТЬ!..."

(С. 90)

Вариант Т₅

- 11–12 *зачеркнуты*

Вариант II₂ (НР II₂)

- Заглавие Сольвейг

"В СЕРЕБРЕ РОСЫ ТРАВА..."

(С. 90)

Варианты ЧА ЗК₁₅

- л. 18 об. 1 Под луной в росе трава.
5 Я прошу тебя: Проснись. ◊
6а. Месяц { } в высь.
б. Уклонился месяц в высь.

¹ Приписано чернилами вместе с указанием на первую публикацию. Примечание Блока: (заглавие придумано г. Арцыбашевым).

² Вписано позже карандашом.

³ В НР₁ III₁ вымаран.

⁴ Возможно, опечатка.

7–12 *отсутствуют*
После 6 [Под мерцаньем бледных рос¹
Странен² холод тяжких кос
Я бы к звездам перенес.
Ты бы стала ярче з(везд?)³]
л. 19 Здесь – мерцанье бледных рос,
Здесь – тяжелый холод кос.
Там – цветенье лунных роз –⁴
Бледных роз моих ночей,
Черных роз твоих очей⁵.
Злак холодный шевельни,⁶
От⁷ бессмертья отдохни.
Разомкни уста твои
л. 20 об. [Дева лунного луча!]

[Кличет]
Разомкни уста твои,
[Руки]

Редакция 1908 г. в ЗК₂₀ (ЧА ЗК₂₀)⁸

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои –
Две холодные змеи.

Под луной в росе трава
Холодна ты – не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Уклонился месяц в высь.

(10) Шевельни ты робкий злак⁹ ◇
Ты открой свой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.

¹ Было: Сквозь мерцанье бледных трав

² Было начато: Тяжел ()

³ Было: ^a начато: Стал

^b. Ты бы стала ярче всех

⁴ Было начато: Там – свиданье

⁵ Было: Синих роз твоих очей,

⁶ Было: ^a. начато: Вл()

^b. Злаки ночи шевельни,

⁷ Было начато: Страст()

⁸ На полях указана последовательность первых трех строф: III, I, II

⁹ Было: ^a. Шевельни пахучий злак.

^b. как в основном тексте (незачеркнутый вариант)

Волю мне твою открой¹
Обойми змеей-рукой;²
Буду мертвым я с тобой.³

Варианты T₆

Заглавие Заклинание
1 Под луной в росе трава.◇
6 Уклонился месяц в высь.◇
11 Ты открой свой мертвый зрак,◇
После 12:(13–15) Обойми змеей-рукой,
Волю мне твою открой:
Буду мертвым я с тобой.

Варианты публикации в "Новом журнале для всех"

Заглавие Заклинание
1 как в ЧА ЗК₁₅
6 как в ЧА ЗК₁₅, вар. б
После 12:(13–15) как в T₆

Варианты НР₂ III₁

1 как в ЧА ЗК₁₅◇

УСТАЛОСТЬ

("Кому назначен темный жребий...")

(С. 91)

Варианты T₅, публикации в ЗС и НР₁ III₁

Заглавие отсутствует (T₅)
Эпиграф Nobis me tangere, Maria⁴ (ЗС, НР₁ III₁⁵)

"ПРИДУТ НЕЗАМЕТНЫЕ БЕЛЫЕ НОЧИ..."

(С. 91)

Вариант публикаций в ЦО, ЗС

Заглавие Белые ночи

¹ Было начато: Только

² Было: ^{а.} начато: Только

^{б.} Ты обвей меня рукой;

³ Далее было начато: ^{а.} Если хочешь – буду

(нрзб)

Будем (густо вымарано)

^{б.} Тихий месяц – тоже труп

⁴ Не тронь меня, Мария (лат.).

⁵ В НР₁ III₁ зачеркнут.

"ЗАЧАТЫЙ В НОЧЬ, Я В НОЧЬ РОЖДЕН..."

(С. 92)

Варианты ЧА ЗК₁₆

С делением на четверостишия

Перед 1: л. 14

[Руки, ноги в кандалах
На реке ледоход]
Ледоходная река

л. 14 об.
Стать бы вольным – цепи прочь
[Вошли и сняли кандалы,
Сказали мне

Как ночь слепа, – так я был слеп
[Днем]
[День]

2а. И серый день настал.

б. И вскрикнул и прозрел[◇]

3 Увидел ночь, услышал стон,[◇]

5–8а. И ночь, зевая, отошла

И серый день повлек¹

Однообразные дела,²

Которым имя – Рок.

б. Когда же ночь, зевнув, ушла,

Унылый день повлек

Однообразные дела

в. Когда же сумрак поредел,

Унылый день повлек

Моток однообразных дел,

Нерадостный клубок.³

2. как в основном тексте

Между 8 и

9 было: (9–12) а.

Ребенком я играть любил⁴

И отроком – ()

Влюбленным юношей я был

И всем, чем должно быть.

б. Ребенком я любил играть,⁵

И отроком – дразнить,⁶

¹ Было: а. И серый день настал

б. И серый день потек,

² Было начато: Творя () верша дела

³ Исправлено: Безрадостный моток.

⁴ Было: Я был дитя – в крутых кудрях

И отрок

⁵ Было: И как ребенком я играл

⁶ Было начато: А так (?)

Исправлено: А юношей – брод(ить)

- Влюбленным юношей мечтать
 ()
- в. [Ребенком я любил играть,
 А юношей – бродить,
 Ловить и долго развивать¹
 Одну и ту же нить.]...
- 9–12а. Что быть должно – то быть должно
 Так пела мне всегда²
 Шарманка в детское окно,
 () года.
- б. *как в основном тексте*
- 13–16а. Я был дитя в крутых кудрях³
 С живой игрою глаз
 Потом – в цепях и кандалах
 У женщин – много раз.
- б. *как в основном тексте*
- Между 16 и 17:
 (17–20) [Потом иные кандалы
 Надели на меня
 Швырнули в темные углы
 И не дали огня]
- 17–20 *вписаны позднее*
- 18а. Тоска, мечта, тоска
- б. Тоска, стихи, тоска ◊
 Спокойных дней река. ◊
- 21 *начато*: И жил я ошупью ◊
- 22а. И думал – навсегда.
- б. И думал жить слепой.
- 24 На долгие года. ◊
- 25а. В ту ночь в реке был ледоход,
- б. В ту ночь был светлый ледоход, ◊
- 26 Разлив весенних вод. ◊
- 25–28 *зачеркнуты*⁴
- Между 28 и 29: (29–56) [Я молод был – и был мой пыл,
 Как звоны встречных льдин.⁵

¹ Было: Ловить и жадно развивать

² Было: Так пела со двора

³ Было начато: а Я был в

б. Я отрок был в

⁴ Далее было начато: а. Я шел, куда глаза глядят
 Но

б. Как два огня на маяке
 Горят глаза Судьбы.

в. В душе был звон

⁵ Было: И я кричал – и был мой крик,
 Как звон весенних льдин.

Я, как весенний ветер, был¹
 Над миром господин.
 Я ждал² ()
 Но день не вскрыл лица
 И вспухла синяя река³
 Как тело мертвеца]
 [И льды, крутятся, неслись во мрак
 В сырую мглу и мрак⁴
 И их встречал, дробя, маяк
 () знак (?)]
 В ту ночь, река была ()⁵
 И в ночь и темноту⁶
 Та – Незнакомая пришла
 И стала на мосту.⁷
 Сказала (голос был певуч)
 Ты видишь там огни
 Ты видишь клочья () туч?
 Ты понял: Мы одни
 И я увидел два костра –
 () сонных дрем⁸
 И взора темная игра
 Сказала: Мы вдвоем.
 Она сказала: Я с тобой.⁹
 Я не нарушу мглы.
 И вот она за мной, со мной
 ()]

Далее наброски карандашом:

а. [В ту ночь
 разливом вешних вод¹⁰

¹ *Было:* В душе – весенний ветер был

² *Было начато:* а. Я пел – и ночь внимала
 б. Я солнца ждал

³ *Было:* И вспухла серая река,

⁴ *Было:* И льды, крутятся, неслись, неслись
 Куда-то в синий мрак
 И мрак

⁵ *Было:* а. В ту ночь, когда седая мгла
 б. В ту ночь, () мгла

⁶ *Было:* Сквозь мглу и темноту

⁷ *Было:* И очи – два костра

⁸ *Было:* Ее крылатый взор

⁹ *Было начато:* Я понял

¹⁰ *Было:* а *начато:* В ту ночь в реке
 б. В ту ночь разлив весенний (?) вод

- Была чревата мгла
И в]
- б. [И опыт ранний был со мной¹
И в воздухе – весна]
- в. [И с юных лет – почти слепец
Побрел к реке – туда,²
Где вспухла,³ как мертвец
Осенняя вода.]
- г. Там я, что ночь, один стоял,⁴
Смотрел на ледоход⁵
И, забываясь, понимал,
О чем⁶ река поет.
- 29–32 Когда душа изнемогла⁷
И в ночь и темноту
Та – Незнакомая – пришла
И стала на мосту.◇
- Между 32 и 33 а. И был ее певучий взор
Так ярок
- б. Был у нее певучий взор
И голос, как струна.⁸
- 33–36 *вписаны*
- 35 Кто раз взглянул в певучий взор
- 37 И маску белую дала◇
- 38 *начато*: И посмотрела◇
- После 40 *начато*: И вот – в кольце и в маске я
- 41а. Довольно жить – приди ко мне
- б. Довольно жить – оставь слова
- 42а. *как в основном тексте*
- б. Я, как метель, бела◇
- Между 44 и
45: (45–48)а. Метель, я оглушон тобой
И в новой слепоте

¹ Было *начато*: В

² Было: Побрел я в ночь – туда,

³ Было *начато*: Где вздулась

⁴ Было: ^{а.} *начато*: В ту ночь

^{б.} И в ледоходной мгле вдали

^{в.} И в ледоходной мгле круж(а?)

^{г.} *начато*: И каждо()

^{д.} *начато*: И долго по иочам

^{е.} Там я стоял всю ночь во мгле,

⁵ Было: И видел ледоход

⁶ Было *начато*: Куд(а)

⁷ Было: И наконец изнемогла
Душа

⁸ Было *начато*: И нежный

- Куда идти? Она со мной.¹
 Настигла < >
 б. И я метелью оглушон,
 По новому влюблен.
 Куда идти? Повсюду он –
 Мне незнакомый звон.²
 46 В снегах засты(?)³ ◇
 47 Что мне звенит? Что мне звенит? ◇

Варианты T₅

С делением на четверостишия

- 9 Что быть должно – то быть должно, –
 17 И все, как быть должно, пошло:
 Между 20 и 21:
 (21–24) Потом иные кандалы
 Надели на меня,
 Швырнули в темные углы
 И не дали огня.
 24 Сказали: – Бог с тобой.
 30–31 И в ночь и темноту
 Та – Незнакомая – пришла
 35 Кто раз взглянул в певучий взор, –
 Между 44 и 45:
 (45–48) И я метелью оглушон,
 По новому влюблен.
 Куда идти? Повсюду он –
 Мне незнакомый звон!⁴

Варианты публикации в ЗР

С делением на четверостишия

- Между 20 и 21: как в T₅, ст. (21–24)
 30 И в ночь и темноту
 31 Та – Незнакомая – пришла
 35 Кто раз взглянул в певучий взор,

Варианты публикаций в ЗС и Ш₁

С делением на четверостишия

- Заглавие Судьба (Ш₁ (НР₁ Ш₁, НР₂ Ш₁))
 Эпиграф Не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем.

Леонид Андреев (ЗС. НР₁ Ш₁ ⁵)

¹ Было начато: И

² Было начато: Так дайте мне

³ Было начато: К земле?

⁴ Строфа зачеркнута позднее синим карандашом.

⁵ В НР₁ Ш₁ эпиграф зачеркнут.

- Между 20 и 21 как в T_5 , ст. (21–24) ($HP_1 III_1, HP_2 III_1$)
 30 как в ZP ($HP_1 III_1$)
 31 как в ZP ($ZC, HP_1 III_1$)
 35 как в ZP (ZC, III_1)
 41 – Довольно брат, оставь слова, \diamond ($HP_2 III_1$)

Варианты РЭ III₁ и II₃

- 33–36 вычеркнуты (РЭ III₁)
 33–36 отсутствуют (II₃)

"С КАЖДОЙ ВЕСНОЮ ПУТИ МОИ КРУЧЕ..."

(С. 93)

*Варианты T_5 и публикаций в БН, III₁ ($HP_1 III_1, HP_2 III_1, II_3$)
 и в Изборнике*

- Заглавие Белые ночи ($T_5, БН$)
 Без деления на строфы ($T_5, HP_1 III_1$)
 3 С каждой весною живей и певучей \diamond ($HP_2 III_1$)
 9–12 зачеркнуты ($T_5, HP_1 III_1$)
 9–12 отсутствуют ($HP_2 III_1, III_1, II_3$)
 16 "Что жь? Если можешь, пророчь..." (T_5)

ДЕВУШКЕ

("Ты перед ним, что стебель гибкий...")

(С. 93)

*Варианты T_6 и публикаций в альм. "Шиповник", ЗС
 и в сб. "Социализация женщин"*

- 8 Он не почует сгоряча

"КОГДА Я СОЗДАВАЛ ГЕРОЯ..."

(С. 94)

Варианты ЧА ЗК₁₇

С делением на четверостишия

- 2 Из камня глины (и огня), $-\diamond$
 6а. Уже звенели голоса
 6. начато: Уже боролись тьма
 7а. начато: И в звонах
 6. начато: И в голосах небесной бури
 6. Уже металась в небесной буре \diamond

- 9 И щит слепящий и сверкучий¹◇
 11 И меч разил пронзая тучи² ◇
 12а. Сиял, как неуклонный луч.
 б. Разил, как неуклонный луч.
 13а. *начато*: Еще лица
 б. *начато*: Еще не соверши < >◇

*Варианты Т₆, БА РГАЛИ и публикаций в журн. "Текущая жизнь"
 и газ. "Знамя труда"*

С делением на четверостишия

"ВСЮДУ ЯСНОСТЬ БОЖИЯ..."

(С. 94)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 5 Только верить хочется◇
 7 Что душа воротится◇
 8 *было начато*: В прежн(ий?)

Варианты Т₅

- 2а. *как в основном тексте*
 б. Стылые поля,

"ОНА ПРИШЛА С ЗАКАТА..."

(С. 95)

Черновые наброски в ЗК₁₇ (ЧН)

Она пришла когда-то –
 [Когда-то было так]
 [Взглянула так печально
 В мой осветленный взор
 И сердцу бы(ло)]

Взглянула так обманно
 В глаза мои

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 1 Она пришла когда-то◇
 2 *начато*: И был◇
 4–5 Звала меня когда-то³

¹ *Было начато*: а. Щит выступал, слепя

б. В разрыве

в. В разрывах

² *Было начато*: И меч разил прямой

³ *Было начато*: Звала меня

- В палящий зимний холод
 7 И был костер высокий◇
 14а. начато: Мой ум, мой светлый
 б. Мой ум и дух высокий –
 15 Свободный и простой.◇
 16а. И в пляске снежной пыли
 б. И в танце снежной пыли◇
 17а. За девой черноокой
 б. Я с девой черноокой◇

Варианты T₆ и НР₁ III₁

- Заглавие Пришлица¹
 5 В палящий зимний холод (T₆)

Варианты переработки в РЭ III₁

- 7 И был костер с полночи,
 Раскинулась коса.

"Я МИНОВАЛ ЗАКАТ БАГРЯНЫЙ..."

(С. 95)

Варианты ЧА ЭК₁₇

- Перед 1 Она вступила с карликом
 4 *начато:* Огнями за { }◇
 5а. *начато:* И дав {?}
 б. И сдавлен давкой человечесьей,◇
 7 Я увидал глаза и плечи◇
 8а. *начато:* И шляпы
 б. *начато:* И перьев темных
 в. И перьев темных водопад
 2. И темных перьев водопад
 9 Она проходит в час урочный◇
 11 И я смотрю ей вслед – влюбленный
 12а. Как бедный раб – на палача
 б. Как жалкий раб -- на палача
 13–16 *отсутствуют*

Варианты T₆

- 13–16а. Ведь только карлик не устанет
 Глядеть с усмешкой на меня...
 Она проходит – и не взглянет,
 Пренебрежением казня...
 б. *как в основном тексте*

¹ В T₆ заглавие приписано позднее. В НР₁ III₁ заглавие зачеркнуто.

Варианты публикаций в журн. "Образование" и сб. "Пробуждение"

Заглавие Вечная встреча
13-16 как в Т₆, вар. а

Варианты правки в РЭ III₁

8 И перьев траурный каскад

"ТВОЕ ЛИЦО МНЕ ТАК ЗНАКОМО..."

(С. 96)

Варианты ЧА ЗК₂₂

- 2 Как будто ты со мной жила
5а. Твою мятежную походку
б. Твои шаги звенят за мною;
7 Не ты ли твердою стопою¹ ◇
9 Не ты ль скользишь и реешь мимо,² ◇
10а. Чуть приоткрою дверь мою,
б. Едва я приоткрою дверь.
в. Едва приоткрываю дверь, ◇
11а. И так воздушно, так незримо,
б. Так воздушно и незримо,
в. Полувоздушно и незримо, ◇
12а. *начато*: Во всем подобна
б. *как в основном тексте*
в. Подобно виденному сну? ◇
13а. *начато*: И ты
б. Я часто думаю, – не ты ли
14а. Среди погоста, в тишине,³
б. Среди погоста, у креста ◇
15 *начато*: Сидела на ◇
16 *начато*: В платке⁴ ◇
17а. *начато*: Да, верно ты
б. *начато*: Я был ◇
18 Я подошел – и ты ушла, ◇
Между 19 и 20а. [И за тобой]
б. [И в]
25 Еще мгновенье – умер голос,⁵ ◇

¹ Было *начато*: а Как
б. Св()
в. И

² Было *начато*: Не ты ли

³ Было *начато*: Стояла

⁴ Было *начато*: а Где
б. З()

⁵ Далее было *начато*: а. Погасло солнце
б. И дребе()

27 *начато*: И где-то[◇]
После 28:(29–37) Быть может, на другой могиле,
Быть может, в городской пыли...
Ты – отзвук стародавней были,
Ты ласточка чужой земли...
Ты помнишь – в лодке в час заката
Я задержал на миг весло?
Какая горькая утрата!
Какое счастье прошло!¹
Прошло и кануло навеки²

Варианты Т₆ и публикации в журн. "Образование"

Заглавие К неизвестной

ГОРОД

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

("Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...")

(С. 99)

Первоначальная редакция в Т₄

Посвящается Е.П. Иванову.

Ранним утром, когда люди старались не шевелиться,
Предчувствуя однообразие серого дня зимы,
В комнате проснулись человек и блудница,
Проснулись в угарном запахе, среди мглы и тьмы.

Утро копошилось... Безнадёжно догорели свечи.
Оплывший огарок мелькал в оплывших глазах.
Сквозь холодное кривое стекло дрожали белые женские плечи.
Мужчина перед обломком зеркала расчесывал пробор в волосах.

(10) Она была в одной рубашке. Утро не обмануло.
И была она сегодня, как смерть, бледна.
Еще вечером под фонарем ее лицо блеснуло,
В этой комнате была она влюблена и пьяна.

¹ Строка подчеркнута, справа приписка карандашом: "Из фельетона Философова".

² Ниже приписка карандашом: Так и прошло – 2 августа.

А сегодня так безобразно повисли складки рубашки.
И на линиях тела был утренний серый налет.
Углами торчала мебель. Валялись окурки и бумажки.
И ужасен был в комнате красный комод.

И внезапно – быстрее вьюги – ярче пожара
Сверкнуло сознание, разбивая утренний лед.
(20) Женщина выпрямилась, освобождаясь от угара,
И в окне под обнаженной рукой зазвездился пролет.

Влетели звуки. Верба раздувшая почки
Раскачнулась под ветром, осыпая последние снега.
В церкви ударил колокол. Распахнулись фёрточки
И вверху и внизу зашевелилась стена.

Под окнами во дворе выбегали за ворота.
Улицу скрывал дощатый забор.
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то.
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
(30) И на грязном снегу, среди улицы, где люди собрались,
Женщина-блудница – от ложа пьяного желанья
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь.

Там – над домами – в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полуночных звезд
Розовым зигзагом в новоявленной лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₄ (Т₄-б.д.)

- (3) В комнате проснулись мужчина и блудница,
- (4) Проснулись в пьяном запахе, среди мглы и тьмы.
- (9) Она была в рубашке. Утро не обмануло –

Варианты первоначальной редакции БА РГБ, БА ИМЛИ, БА РГАЛИ

- (3) В комнате проснулись мужчина и блудница.
- (4) как в Т₄-б.д.
- (9) Она была в рубашке. Утро не обмануло.
- (11) а. Еще вечером под фонарем ее лицо мелькнуло, (БА РГАЛИ)
- б. как в Т₄

Черновой набросок ст. (18–19) в ЗК₁₁ (ЧН ЗК₁₁)

Будто луч высокий разбил упорный лед.
Выпрямилась женщина, свободна от угара.¹

¹ Было: ^а начато: Встала женщина, свободная от
^б начато: Прямо встала женщина, свободная от
^в Выпрямилась женщина, встала от угара

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₄ (Т₄-1907?)

- (1) а. Ранним утром, когда люди не могли пошевелиться,
б. Ранним утром, когда люди не хотели шевелиться,
(2) а. Тусклый сон предчувствуя последних дней зимы,
б. *как ст. 2 основного текста*
(3) *как ст. 3 основного текста*
(4) Медленно очнулись в угаре мглы и тьмы.¹
(5) а. Утро [копошилось... Безнадежно] догорели свечи.
б. Утро копошилось Безнадежно догорели свечи.
(6) а. Чуть мерцал огарок в оплывших глазах.
б. *начато*: Оплывал огарок, чуть ме(рцал?)
в. Оплывший огарок мелькал в оплывших глазах.
(7) а. Сквозь холодное кривое стекло дрожали женские плечи.
б. Сквозь холодное стекло дрожали женские плечи.
(8) *как ст. 8 основного текста*
(11–12) *как ст. 11–12 основного текста*
(13–14) А сегодня безобразно повисли складки рубашки.
И на линиях тела был серый налет.
(15) Углами торчала мебель. Валялись окурки, бумажки.
(16) *как ст. 16 основного текста*
(18) Будто луч высокий разбил упорный лед
(19) а. Женщина была свободна от вечернего угара,
б. Выпрямилась женщина, свободна от угара,
(20) И в окне под обнаженной рукой зазиял пролет.
(22) *как ст. 18 основного текста*
(24) а. И внизу раздавался стремительный бег.
б. *как ст. 20 основного текста*
(25) Люди суетливо выбегали за ворота.
(30) Там на грязной улице, где люди собрались,
(33) *как ст. 29 основного текста*
(35) а. Розовым зигзагом в раскрытой лазури
б. *как ст. 31 основного текста*

Варианты публикации в журн. "Перевал", ЗС, II₂ (НР II₂)

Эпиграф Люди! Вы ль не узнаете Божьей Десницы?

Брюсов (ЗС, НР II₂²)

1 *как ст. (1) в Т₄-⟨1907?⟩, вар. б*

4 *как ст. (4) в Т₄-⟨1907?⟩*

6 *как ст. (6) в Т₄-⟨1907?⟩, вар. в*

¹ Было *начато*: ^а Пробудились пьяные, полны ()

^б Пьяные, тоскливые

² В НР II₂ эпиграф зачеркнут.

- 7 как ст. (7) в Т₄-⟨1907?⟩, вар. б
 9 как ст. (9) в БА РГБ
 10 как ст. (10) в Т₄
 13–14 как ст. (13–14) в Т₄-⟨1907?⟩
 Между 16 и 17: (17) И внезапно – быстрее вьюги, ярче пожара,
 (17–20) (18) как в Т₄-⟨1907?⟩
 (19) как в Т₄-⟨1907?⟩, вар. б
 (20) как в Т₄-⟨1907?⟩
 (17) как ст. (21) в Т₄
 (18) Раскачнулась под ветром, осыпая последний снег. (ЗС, II₂)

Варианты переработки в РЭ II₂

- Заглавие [Видение]
 1, 4, 6, 7 как в основном тексте
 9–12 Еще вечером у фонаря ему лицо блеснуло,
 В этой самой комнате была она страстна.¹
 Но серое утро уже не обмануло.
 Сегодня была она, как смерть, бледна.
 13–14 как в основном тексте
 Между 16 и 17:
 (17–20) зачеркнуты
 17–18 как в основном тексте
 26 Среди грязной улицы, где люди собрались.

ПЕТР

("Он спит, пока закат румян...")

(С. 100)

Первоначальная редакция в Т₄ и БА и БА РГБ

Петербургская поэма

Посвящается Е.П. Иванову

Той твою блюсти будет главу,
 И ты блюсти будешь его пату.

Бытѣа. Г. Ё. I.²

I

Город говорит:³
 Я сплю, пока закат румян,
 Пока Петра алеют латы.

¹ Исправлено: В этой самой комнате была она влюблена...

² Посвящение и эпиграф относятся к двум частям "Петербургской поэмы" (Текст второй части – см.: стих. "Поединок").

³ В Т₄ было: Слова города

Пока я сном вечерним пьян,
Ночной потехою чреватый.

Но конь шагнет – и до утра
Свободен змей играть над нами:
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

(10) Проснусь и я. В глазах царя
Прочту проклятые заветы.
Ты, Петербургская заря!
Буди в иных сердцах ответы.

Зажгу цепочки фонарей.
Блеснут витрины и тротуары.
В мерцанье тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

(20) Плащами всех укроет мгла.
Потонет взгляд в маящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде:

Там – на скале – веселый царь
Взмахнул зловонное кадило
И ризой гробовая гарь
Фонарь маящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов –
Мужских – крикливых, женских – струнных!

(30) Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
Как встарь, заставит смолкнуть речь
Рукой простертой над столицей.

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₄ (Т₄-б.д.)¹

- Заглавие Город
(1) как ст. 1 основного текста
(2–3) Пока светлы Петровы латы.
Пока он сном вечерним пьян,
(6) Ты будешь, Змей, играть над нами!
(9–10) [Проснусь и я.] В глазах царя

¹ ПРАВКА КАРАНДАШОМ.

- Читать проклятые заветы!¹
 (12) Буди в иных сердцах ответы...
 (13) Зажгутся нити фонарей.
 (21) Там, – на скале, – веселый царь
 (23) как ст. 19 основного текста
 (31–32) Еще незримый, вспыхнет меч²
 В руке простертой над столицей.

Варианты переработки в Т₄ (Т₄-⟨1907?⟩)³

- Заглавие I. Петр
 (2–3) как ст. 2–3 основного текста
 (4) а. Глядит змея копытом конским сжата.
 б. Глядится змей, копытом сжатый.
 (5) а. начато: Придет
 б. как ст. 5 основного текста
 (6) а. Змей развернется над домами
 б. как ст. 6 основного текста
 (9–10) В очах чугунного царя
 Бреснут проклятые заветы.⁴
 (31–32) как ст. 27–28 основного текста

Варианты переработки в РЭ II₂

17–20 *зачеркнуты*

Варианты публикаций в БН, ЗС, КРП, II₃

- Посвящение как в Т₄ (БН)
 4 как в Т₄-⟨1907?⟩, вар. б (БН, ЗС, КРП)
 17–20 *отсутствуют (II₃)*

ПОЕДИНОК

("Дни и ночи я безволен...")

(С. 100)

Варианты Т₄

- Заглавие а. II. Борьба
 б. II. Поединок⁵
 3 В песнях дальних колоколен[◇]
 10 Предстает, озарена,

¹ Было: Прочтет проклятые заветы!

² Было начато: Сверкнет

³ Правка чернилами.

⁴ Ст. (9–12) затем зачеркнуты.

⁵ Оба заглавия вписаны позднее карандашом.

- 11 Под прозрачным покрывалом[◇]
 17 Ангел, мученик, посланец[◇]
 21 Светлый Муж ударил деда!

Варианты БА РГБ

Заглавие *отсутствует*

10, 11, 21 *как в T₄*

33 Не мелькнет ли луч в Светлице?

Варианты публикации в БН

Заглавие *отсутствует*

10 *как в T₄*

15 Ясный, кроткий, Златолатный,

ОБМАН

("В пустом переулке весенние воды...")

(С. 102)

Варианты T₄

- 2 Пьяный красный карлик не дает прохода,
 9 Девушку манит двойное отраженье.
 20 Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...
 После 20 *отточия*
 22 а. В светлых струйках танцует голубая синева.
 б. В светлых струйках весело танцует синева.

Варианты БА ГЛМ

- 9 *как в T₄*
 22 В светлых струйках весело¹ танцует синева[◇]
 26 Спящей девушки – трясется, хохочет голова:[◇]
 28 Спускает в воду башмаки: раз! два!
 29 Башмаки, крутятся,² несутся по теченью,

Варианты публикаций в I₁, ЧД 1909, II₂ (НР II₂), ИСП

- 9 *как в T₄*
 22 *как в T₄, вар. б*

Варианты правки в РЭ II₂

- 9 *как в основном тексте*
 13 Доносятся невнятые, хриплые звуки...[◇]
 17–20 *зачеркнуты*
 22 *как в основном тексте*

¹ весело вписано.

² крутятся вписано.

"ВЕЧНОСТЬ БРОСИЛА В ГОРОД..."

(С. 103)

Черновые наброски в ЗК (ЧН₁, ЗК₇)

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот.
Переулки гудят.¹
В окнах фабрик – преданья
О разгульных ночах.²
Все бессилье гаданья
У меня на плечах.
Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман!³
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман,
[Уводи от безумий⁴
В [оловянную]
Праздник дымных колдуний⁵
За углами домов
Оловянных безумий
Осталь ()]
Все вечерние зовы⁶
Оловянные кровли –
Всем безумным – приют.

¹ Было: ^a как в тексте

^b Мостовые гудят.

² Было. ^a О безумных ночах

^b О бессонных ночах.

³ Было. ^a Я бегу в переулок

В дымно-сизую даль.

^b [Хороню] Стерегу в переулке

Дымно-сизые сны

^a Стерегу на тротуаре

Дымно-сизые сны

² В этом воздухе гулком

Предвечерний обман

^d Этот воздух так гулок!

Так прекрасен обман!

⁴ Было: Уводи от раздумий

⁵ Было начато: К

⁶ Было: ^a начато: Та

^b начато: Где вечерние

^a На вечерние зовы

В этот город торговли
Небеса не сойдут.¹

Черновой набросок в ЗК₈ (ЧН₂ ЗК₈)

л. 51 об.-51 Вечность бросила в город
Оловянный закат.²
Край небесный распорот³

Переулки гудят.
В окнах фабрик – преданья –
О разгульных ночах.

Желто-красные зданья

л. 50–49 Все бессилье⁴ гаданья
У меня на плечах.

¹ Было: ^a Этот город торговый
Оловянный

^b Этот город торговли
()

Оловянные кровли
^a В этот город торговли
Под приемные кровли

² Этот город торговли
Оловянные кровли
[Затаи(ли)] Приютили

^d Этот город торговли
Где вечерние кровли
Затенили ()

^e Этот город торговли
Где широкие кровли
Затенили () (*незачеркнутый вариант*)

^ж Непомерной торговли
Оловянные

³ Непомерной торговли
Оловянную (*незачеркнутый вариант*)

^и Там вечерние кровли
Затенили (?)

^к Сквозь широкие кровли
Не проникнуть лучам

^л Оловянные кровли
Не пропустят небес (*незачеркнутый вариант*)

^м В этот город торговли
Не проникнуть лучам

^н В этот город торговли
Не проникнуть лучу

^o В этот город торговли
Небеса не сойдут.
Оловянные кровли
Приютят () (*незачеркнутый вариант*)

² Было: Оловянных закатов

³ Было: Край покрова распорот

⁴ Написан *незачеркнутый вариант* слова: безмерность

Кричит: Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!¹
И дальше – мы бредем. – И видим в щели зданий²
Старинную игру вечерних содроганий...³

Варианты Т₄

- Заглавие Сонет
1–4 Нас много шатунов и сумрачных гуляк
Один – влюблен в луну – обманом лунным крепнет.
Тот – в рваном картузе – покинул сон клоак
И, к солнцу устремясь, в огне и зное слепнет.
5 Идем, шатаясь, вдаль. Лежит пластами пыль
6 Все пусто – здесь и там – под солнцем оловянным.
9 Стучим. В домах – тоска. Покойники – в гробах.
Между 11 и 12 *интервал*
Между 12 и 13 *интервал отсутствует*
Черновой автограф ст. 1–4 в ЗК₁₂ (ЧА₂ЗК₁₂)
1–4 *как в основном тексте*

Варианты переработки в Т₄ (Т₄ – 1906)

- 1–4, 5, 6, 9 *как в основном тексте*

Варианты БА РГАЛИ

- Заглавие Сонет

ГИМН

(“В пыльный город небесный кузнец прикатил...”)

(С. 104)

Варианты ЧА ЗК₉

- 1–2 а. В город пыльный, крутясь, залетел⁴
Огневе(ющий?)
б *как в основном тексте*
3–4 а. И по улицам словно скрежещущих пил
Смех и {
б. И по улицам как от бесчисленных пил⁵}
Смех и скрежет и визг.

¹ Было: ^а Кричит: Ступайте прочь! Что ищите

^б Кричит: Ступайте прочь! Что шляется

² Было: ^а И снова – мы идем – и видим в щели зданий

^б И снова – мы идем – и видим в окнах зданий

³ Было: Старинную игру альковых содроганий...

Исправлено: Старинную игру вечерних [умираний]

⁴ Было начато: Зав()

⁵ Была начата правка: И по улицам словно от

- Между 4 и 5 Там расплавленной медью плеснул¹
 В синеву этих окон, умчавшихся ввысь...²
 Луч отвесный из дымного неба метнул³
 И кричит: Берегись!
- 5–8 *отсутствуют, см. наброски между ст. 16 и 17*
- 9–10 а. И бросались, крича, опьяненные
 б. *начато*: И бросая
 в. И испуганно-пьяной толпой
 Мы бросаем
 г. И испуганно пьяной толпой,
 Покидаем могилы домов,
 Мы спешим
 д. Все испуганно-пьяной толпой
 Покидают могилы домов.
- Вм. 11–12 а. Вот прижат под фабричной трубой –
 Молодой –
 Неузнавший отчаянья гулких часов.
 б. Вот всем телом прижат под фабричной трубой –
 Молодой –
 Неузнавший веселья свободных часов.
- 13 *начато*: а. Он вонзал
 б. Он вонзил[◇]
- 14 В умоляющей позе греха...
- Между 16 и 17:
 (17–20) а. Вот в окне показалось лицо
 Старика или юноши –⁴
 б. Вот в окне, где спокойно текла⁵
 Молодая и старая жизнь
 В глубине
 в. Вот в окне, где спокойно спала
 Пылью серая, старая мгла, –
 Как игла,

¹ Было *начато* а Ковы()

б Там под кровлей

² Было *начато*: В синеватый

³ Было: а Свесил с кры(ши)

б С дальней крыши отвесным лучом к нам блеснул

в С дальней крыши отвесным лучом к нам метнул

² Луч отвесный с () крыши метнул

д Луч отвесный из тучи метнул

⁴ Было *начато*: а Не узнать – молодой

б Молодой или старой

в Так

⁵ Было: а Вот в окне, где казалось текла

б Вот в окне, где казалось спала

- Луч вонзился в горячее сердце стекла, –¹
 2. Вот в окне, где спокойно спала
 Пыльно серая мгла, –
 Луч вонзился в горячее сердце стекла, –
 Как игла,
 (21–24) [И сквозь брызги пылинок, взлетевших со стен²
 Сквозь морщины стареющих лиц
 Загорелся отчаянный блеск³
 В сладострастных]⁴
 20 Улетевшая страсть...◇
 Между 20 и 21 Вот – зовущая взглядом самца⁵
 Вся – в изломе закинутых рук...
 В тесном сжатых губах, в очертаньи лица⁶ –
 Просыпается звук...⁷
 21 *начато*: ^{а.} Вот – мужчина
 ^{б.} Вот – монах, поднимает◇
 22 *а.* *начато*: Пробирается
 ^{б.} как в основном тексте
 ^{в.} Торопливо бегущий вперед...
 23 *а.* *начато*: Но и он
 ^{б.} Но и тех, кто обеты дает, –◇
 24 Кто в () гимны поет,◇
 26 Всем застигнутым солнцем в домах⁸◇
 27 На распутьях, на рынках, на башнях – хвала!⁹◇
 29 *а.* Пойте гимны, когда умерла⁹
 Золотая скала
 Источавшая воду живую
 ^{б.} Наши гимны и песни и сны – без числа!..
 31 *а.* Исполинским лучом залетевшим во мглу
 ^{б.} Исполинским лучом [побежденная] мгла!
 32 *начато*: Всем сгоревшим◇

¹ Было: ^а *начато*: Луч вонзился

^б Луч вонзил в середину стекла, –

² Было: ^а И сквозь брызги пылинок, сметенных со стен
 [Закрутился]

^{б.} И сквозь брызги пылинок, осыпавших

³ *Начата правка*: Запылал () грех

⁴ Было: В () страстных

⁵ Было: Вот зовущая дико самца

⁶ Было: ^а *начато*: Вот в чертах

^{б.} И в угрюмом овале мужского лица –

⁷ Было *начато*: Пробуждается

⁸ *Начата правка*: Всем успевшим

⁹ Было *начато*: Пойте гимны, пока не

Варианты Т₄

Между 4 и 5: (5–8)	Там расплавленной медью плеснул В синеву этих окон, умчавшихся ввысь... Луч отвесный из дымного неба метнул И кричит: Берегись! ¹
9	Все испуганно-пьяной толпой
Между 10 и 11	<i>интервал</i>
Между 11 и 12	[Молодой –]
14	В умоляющей позе греха...◇
Между 20 и 21: (21–24)	Вот – зовущая взглядом самца Вот – в изломе закинутых рук... В тесно сжатых губах, в очертаньи лица – Просыпается звук...
Между 22 и 23	<i>интервал</i>
21–25	<i>зачеркнуты</i>
Между 25 и 26	<i>отбивка</i>
Между 29 и 30	<i>интервал отсутствует</i>
Между 31 и 32	<i>интервал</i>

Варианты БА РГБ

Без деления на строфы

Между 4 и 5: (5–8)	как в Т ₄
14	В умоляющей позе греха...
Между 20 и 21: (21–24)	как в Т ₄
31	Исполинским лучом побежденная мгла!

Варианты публикаций в Гриф-1905, II₁, II₂ (НР II₂), II₃, II₄

Между 20 и 21: (21–24)	как в Т ₄ (Гриф-1905, II ₁ , II ₂ , (НР II ₂))
21–25	отсутствуют (II ₁ , II ₂ (НР II ₂), II ₃)
Между 27 и 28	<i>интервал</i> (II ₁)
28	Солнцу, дерзкому Солнцу, пробившему путь, (Гриф-1905)
Между 29 и 30	<i>интервал отсутствует</i> (Гриф-1905, II ₁ , II ₂ (НР II ₂), II ₃)
Между 30 и 31	<i>интервал</i> (Гриф-1905)

¹ Позднее строфа зачеркнута.

"ПОДНИМАЛИСЬ ИЗ ТЬМЫ ПОГРЕБОВ..."

(С. 105)

Варианты ЧА ЗК₉

- 1 Подымались из тьмы погребов[◇]
3 Мерно () шумы шагов^{1◇}
4 а. Голоса отдаленных наречий.²
б. Голоса незнакомых наречий.
5-6 а. Скоро прибыли толпы других,³ –
Порожденных туманом
б. Эти карлы сходились шепча,
Шелестя непонятно губами⁴
И верху разгорелась свеча⁵
Среди
в. Скоро прибыли толпы других, –
Волоча сероватые ноши.
з. Вот ползут среди белого дня⁶
Волоча сероватые ноши
д. Скоро прибыли толпы других, –
Волоча за собою лопыты.^{7◇}
9-10 а. Стала улица серым полна,
Прекратила движенье и шумы⁸
как в основном тексте
Между 12 и 13 а. Потянулись по лестницам ввысь,
Провели муравьиные ходы⁹
По карнизам до крыш добрались¹⁰
Заплотили
б. Потянулись по лестницам ввысь,
Без усилий раздвинули своды,
Муравьиной тропой полились,
Заплели паутинами входы.¹¹

¹ Было начато: а Раздав ()

б Раздавались

² Было начато: Языки

³ Было начато: Скоро толпы (записано дважды)

⁴ Было начато: Указуя

⁵ Было начато: И вверху

⁶ При незачеркнутом предыдущем варианте.

⁷ Начата правка: Волочили болотн()

⁸ Было начато: Прекратила обычн()

Далее было начато: Зави(лась?)

⁹ Было начато: а Муравьиным

б. Муравьиной тропой

¹⁰ Было: По карнизам до крыш забрались

¹¹ Было: а Заплели () входы.

б Заплели паутиной входы.

6. Потянулись по лестницам ввысь,
Разнесли известковые своды,
Муравьиной тропой полились,
Заплели и задвинули входы.
- 13–14 а. Воспален испареньями тел¹
Улыбался задумчивый город²
- б. Скоро день глубоко отошел.
в предвечернем красуясь наряде.
Уст()
- в. Скоро день глубоко отступил,
В небо дальше взоры расставив[◇]
- 15 а. И зловеший поток шелестил³
- б. И незримый поток шелестил
- 17–20⁴ а. Мы не ждали внезапных гостей⁵
Не вникали в подземные [гулы]⁶
Не узнали родных площадей
Запруженных⁷
- б. Мы не ждали подземных гостей,
()
Нам послала их темная мать,
Что кормила нас черною грудью.
- в. Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди...⁸
Их послала кормилица-мать,
Что () нас черною грудью.
2. Мы не стали искать и гадать –
Пусть заменят нас новые люди:
Их послала нам черная мать,
Также взрослых у девственной груди.⁹
- д. Мы не стали искать и гадать –
Пусть заменят нас новые люди:
В тех же муках рождала их мать,¹⁰
И кормила у девственной груди^{11◇}

¹ Было начато: Воздух стал воспален

² Было начато: Незн()

³ Было начато: А

⁴ Записаны позднее на л. 18–18 об., имеется знак вставки.

⁵ Было: ^а начато: Были гости

^б Мы не знали внезапных гостей

⁶ Было: ^а начато: Не прислушались к

^б Не внимали подземные гулы

⁷ Незачеркнутый вариант.

⁸ Было начато: Пусть сменяют

⁹ Было начато: Также вскормленных девственной

¹⁰ Было: В тех же муках родила их мать,

¹¹ Было: И вскормила у девственной груди.

- 21–24 Но во мгле отходящего дня[◇]
 Нам была наша участь понятна...^{1◇}
 И последний закат из огня²
 Сочетал нам, соткал свои пятна.^{3◇}
- 25 а. Занавешены тенью племен⁴
 б. Нас не ждал иступленный дракон,[◇]
- 21 а. *начато*: Мы
 б. *начато*: Но в поп()[◇]
- После 28 [В высоте, как полудня свеча,⁵
 Заблудилась средь облак комета.
 Толпы карлов сходились, шепча,⁶
 Был тот день неподвижен и сер]

Варианты Т₄

- Заглавие Пришельцы
 4 Голоса незнакомых наречий
- Между 12 и 13: (13–16) Потянулись по лестницам ввысь,
 Разнесли известковые своды,
 Муравьиной тропой полились
 Заплели и задвинули входы.⁷
- Вм. 13–16 *ст.* 17–20⁸
 19 В тех же муках рождала их мать,
 Вм. 17–20 *ст.* 13–16⁹
 15 И незримый поток шелестил

¹ Было: ^а *начато*: Занавесили
^б Пеленой копошащихся тел
 Занавесились
^в Пеленой отходящего дня
 Занавесились
^г Пелена (?) отходящего дня
 И была она сонно понятна...

² Было: И закат, () дразня

³ Было: ^а Посылал к нам багровые пятна.
^б Посылал нам багровые пятна.
^в Ткал на стенах узорные пятна.

⁴ Было *начато*: ^а Занавешены
^б Занавесились сетью племен
^в Воспаление
^г Не была нам
^д И закрыли
^е И покинули

⁵ Было: ^а *начато*: В высоте с (?)
^б В высоте, как денная свеча,

⁶ Было *начато*: Карлы

⁷ Позднее строфа зачеркнута.

⁸ Позднее строфа зачеркнута.

⁹ Помечена перестановка стрóf в том порядке, в каком они идут в основном тексте.

Варианты БА РГБ

Заглавие	Пришельцы
4	<i>как в Т₄</i>
Между 12 и 13	<i>как в Т₄</i>
Вм. 13–16	<i>ст. 17–20</i>
Вм. 17–20	<i>ст. 13–16</i>
27	Поглотили нас волны времен.

Варианты БА РГАЛИ

Заглавие	Пришельцы
15	<i>как в Т₄</i>
17–20	<i>отсутствуют</i>

Варианты публикаций в II₁, II₂ (НР II₂)

Заглавие	Пришлецы (II ₁ , II ₂ (НР II ₂))
4, 15	<i>как в Т₄ (II₁, II₂ (НР II₂))</i>
19	<i>как в Т₄ (II₁)</i>

Варианты переработки в РЭ II₂

Заглавие	<i>зачеркнуто</i>
4	И слова незнакомых наречий.
13–14	Самый день глубоко отступил, В небе дальнем расставивши зори.
15	<i>как в основном тексте</i>
21–24	<i>зачеркнуты</i>

Вариант публикации в II₃

14	<i>как в РЭ II₂</i>
21–24	<i>отсутствуют</i>

"ВВЫСЬ ИЗВЕРЖЕННЫЕ ДЫМЫ..."

(С. 106)

Черновые наброски в ЗК₉ (ЧН ЗК₉)

л. 22 об.	Буду пьян закатной думой Стану в очередь с тобой ¹ [В мире] Электрический свет уплывал
л. 26	[Я покину сон угрюмый Выйду в город Я войду в театр с толпой]
л. 26 об.	[Вереницей ждут]

¹ Было: Встану в очередь с тобой

Варианты ЧА ЗК₉

- 1 Горизонты в черном дыме¹◇
 7 Лица плыли и манили,◇
 8 а. И терялись в смутной массе
 б. Утонули в смутной массе
 10 а. как в основном тексте²
 б. Сквозь туман лучи скользили◇
 13 а. Грохот земных экипажей
 б. Стук пролеток, крик прохожих
 14 начато: Выростал у двери◇
 15 Стуки бешенно ломились...◇
 Между 15 и 16 [В "предварительной продаже"]
 16 а. Но спускаясь в сумрак ложи³
 б. Но слетая к двери ложи
 17 а. Рокот смутно затихал,
 б. Рокот робко затихал,
 18 Там ряды мужчин толпились...⁴◇
 19–20 а. Там со сцены – свет заемный⁵
 Проникал в толпу зевак...⁶
 Там мерцая
 б. В темном зале свет заемный
 Проникал в толпу мужчин
 Там мерцая
 в. В темном зале свет заемный
 Падал в ложу и мерцал⁷
 2. как в основном тексте
 21 а. Дальше, в ложе – с гибким станом
 б. В ложе – с гибким тонким станом⁸◇
 23 а. Черным веером манила⁹
 б. Черным веером дразнила◇
 26 а. начато: В
 б. начато: И◇

¹ Было начато: Зажигал огни

² Было начато: а Были

б Над

в Были

³ Было начато: а Но войдя

б Но взлетев – у двери

⁴ Было: а И ряды мужчин толпились...

б Где ряды мужчин толпились...

⁵ Было начато: Там со сцены тихо

⁶ Начата правка: Падал све(т?)

⁷ Была начата правка: Проникал мерцая

⁸ Было начато: В ложе – гибкая

⁹ Было начато: Черный веер

- 27 Но в глаза стремился мрак.¹
 28–31 а. В этом воздухе горячем²
 Отраженный свет
 б. В этом воздухе горячем
 С позолоченных карнизов,
 Отраженный и бродячий
 Свет мерцал в глазах зевак.
- Между 31 и 32:
 (32–37) а. Ты в паденьи сохранила
 Целомудренную страсть!³
 Ты полна мгновенной власти –⁴
 { }
 б. Вдохновенная сибилла!⁵
 Ты испытываешь страсти,⁶
 Ты взманила, опьянила, –⁷
 Все должны с тобою пасть!⁸
 Я покину сон угрюмый
 Буду { }
 в. Ты – в паденьи – сохранила⁹
 Целомудренную власть!¹⁰
 Ты – на очереди смертной!¹¹
 Вдохновенная сибилла!
 Все должны с тобою пасть!¹²
 Взгляду смерти – взгляд ответный!¹³
 Я покину сон угрюмый

¹ Далее было начато: ^а Гибкий
^б Станом гибким

² Было начато: Но

³ Было начато: ^а Прелесть
^б Всю

⁴ Было: ^а Ты – на очереди темной –
^б Ты – на очереди верной –
^в Ты – на смертном ложе страсти –

⁵ Было начато: За

⁶ Было: ^а начато: Ты
^б Все должны с тобою пасть!

⁷ Было: ^а начато: О
^б Ты зажгла и опьянила, –
 Была начата правка: Испытат()

⁸ Было начато: Этих

⁹ Было: Ты – в паденьи – не забыла

¹⁰ Было начато: ^а Святость страсти
^б Опьяняю(щую)

¹¹ Было: Ты на очереди смерти

¹² Было начато: ^а Верьте
^б Опьян()

¹³ Было: ^а Бросить { } ответный
^б Встреть же { } ответный
^в Бросить взор ответный

Буду первый пред толпой!
Буду пьян вечерней думой –¹
Встану в очередь с тобой!

Варианты Т₄ и БА РГБ

Заглавие	Вечер
Подзаголовок	(Подражание Валерию Брюсову) (БА РГБ)
8	Утонули в смутной массе [◇] (Т ₄)
13	Стук пролетов, крик прохожих [◇] (Т ₄)
17	Рокот робко замирал,
Вм. 23–24	Черным веером закрыла
28	В этом воздухе горячем
30	Отраженный и бродячий (Т ₄)
30	Отраженный и бродячий – (БА РГБ)

Вм. 32–37:

(32–41)

Ты в паденьи сохранила
Целомудренную власть!
Ты на очереди смертной,
Вдохновенная сибилла!
Все должны с тобою пасть!
Взору смерти – взор ответный!
Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой!
Буду пьян вечерней думой!
Встану в очередь с тобой!

Варианты переработки в Т₄ (Т₄-б.д.)

17, 23–24, 28, 30

как в основном тексте

Вм. (32–41)

ст. 32–37 основного текста

Вариант публикаций в Гриф-1905, II₁, II₂ (НР II₂)

Заглавие

Вечер

"БЛЕСНУЛО В ГЛАЗАХ. МЕТНУЛОСЬ В МЕЧТЕ..."

(С. 107)

Варианты ЧА ЗК₉

- 1 Блистало в глазах. Металось в мечте.^{2◇}
3 Вот с козел спрыгнул – и на светлой черте^{3◇}
5–8 а. Ступила на мокрый тротуар

¹ Было: Буду пьян закатной думой –

² Было: ^а Блеснуло в глазах. Зародилось в мечте.

^б Блеснуло в глазах. Забилось в мечте.

^в Блеснуло в глазах. Метнулась мечта.

³ Было начато: ^а Вот с козел прыжок

^б Вот с козел

- 5-8 Отошла – и стала в полутени¹ –
 Заструилась вдоль зеркал.²
 Из причудливых растений
 Кто-то вышел – целовал...³
- 9-12 а. К ночи двери шевельнулись⁴
 К ночи бледная портьера
 В шелк тяжелый обернул ()
- б. К ночи двери шевельнулись
 К ночи пала бледная портьера
 В шелко⁵ ()
- в. К ночи двери шевельнулись
 К ночи бледная раздвинулась портьера
 Шелком уст
- г. Ночью тихо дрогнула портьера,[◇]
 Принимала комната шаги
 Голубого кавалера
 И печального слуги...
- 13 а. Услыхала о ночном убийстве
 б. Услыхала об убийстве
- 14 а. Отшатнулась в зеркалах⁶
 б. Покачнулась, умерла
- 15 Уронила бархатные кисти.[◇]

Варианты Т₄

- Заглавие А l'ombre⁷
- 1-2 День бродила с песнью длинной.
 Вечер посмотрел сквозь кружева.
- 5-8 Встала в легкой паутине,
 Заструилась вдоль зеркал.⁸
 Из причудливых растений
 Целовал.
- Варианты переработки в Т₄ (Т₄-б.д.)*
- 1 а. День померк – изящный и невинный
 б. День поблек – изящный и невинный

¹ *Ниже начато:* Там свиданья час урочный

² *Было начато:* Вдоль зеркал струила

³ *Было:* Кто-то вышел – целовать.

⁴ *Было начато:* а. Но
 б. К ночи вышел

⁵ *Было начато:* В те

⁶ *Было начато:* а. Оперлась
 б. Оперлась на
 в. Удалилась
 г. Отшатнулась в глубь.

⁷ В тени (*франц.*).

⁸ *Было:* Заструилась к зеркалам.

- 2 *как в основном тексте*
 5 Вышла в легкой полутени, ◊
 6 Заструилась вдоль перил.
 7 Сквозь (нрзб) даль растений¹ ◊
 8 *как в основном тексте*

Вариант публикации в П₁ и П₂ (НР П₂)

Заглавие А Г'омбре

Варианты переработки в РЭ П₂

Заглавие *зачеркнуто*

- 10 Прозвучали в комнате шаги ◊

"В КАБАКАХ, В ПЕРЕУЛКАХ, В ИЗВИВАХ..."

(С. 108)

Вариант Т₄

- 9 а. *как в основном тексте*
 б. Это были цари – не Скитальцы!

Вариант БА РГБ

- 26 Ждал я светлого Ангела к нам ◊

Варианты публикаций в журн. "Весы" и П₃

25–28 *отсутствуют*

"БАРКА ЖИЗНИ ВСТАЛА..."

(С. 109)

Первоначальная редакция в ЗК₁₀ (ЧА ЗК₁₀)²

Барка жизни встала на большой мели.
 Громкий крик рабочих слышен издали³.

Гулкая тревога на пустой реке.⁴
 Входит кто-сильный в сером армяке

Встал, багор закинул, грудью надавил,⁵
 Руль дощатый сдвинул, парус распустил⁶

¹ Текст восстанавливается по стертой карандашной правке.

² Весь текст перечеркнут.

³ Было: Барка жизни встала. Берег вдалеке.
 Громкий крик рабочих на пустой реке.

⁴ Стих написан

⁵ Было начато: а. Повернул

б. Встал и

⁶ Было: а. Руль дощатый ожил, струйки распустил

б. Руль дощатый сдвинул, парус всколыхнул

Тихо повернулась красная корма¹
Стали удаляться пестрые дома.²

- Вот они далеко, весело плывут³
(10) Только нас с собою верно не возьмут.⁴

Варианты первоначальной редакции в Т₄ и БА РГАЛИ

- (3) Песни и тревога на пустой реке.
(5-6) Руль дощатый сдвинул, парус распустил,
Встал, багор закинул, грудью надавил.
(8) Побежали мимо пестрые дома.
(10) Только нас с собою, верно, не возьмут!

Вариант публикации в И₂

- 17 Вон они далеко,

"УЛИЦА, УЛИЦА..."

(С. 109)

Варианты Т₄, БА₁ РГАЛИ и публикации в газ. "Час"

- 1-2 Улица, улица... Тени беззвучно спешащих (Т₄)
1-2 Улица, улица... Тени беззвучно спешащих (БА₁ РГАЛИ, Час)
3-4 Тело продать, и забвенья купить,
6 В сонное озеро города –
Зимнего холода... (Т₄, БА₁ РГАЛИ)
8 О, если бы не было в окнах (Т₄)
9-10 Светов мерцающих! Штор и пунцовых цветочков! (Т₄)
9-10 Светов мерцающих! Штор и пунцовых цветочков, –
(БА₁ РГАЛИ)
9-10 Светов мерцающих! Штор и пунцовых цветочков, (Час)
Между 11 и 12 *интервал отсутствует* (Час)
12-15 Все тихо. Луна поднялась.
И облачных перьев ряды разбежались далеко.

Варианты правки в Т₄ (Т₄-б.д.)

- 1-2 *как в основном тексте*
9-10 *как в основном тексте*
14-15 И облачных перьев ряды разбежались
Далеко.

¹ Было: Стала удаляться красная корма

² Было. ^а *ничто*: Побежали пестрые
^б Побежали мимо пестрые дома.

³ Было: Вот они далеко, вот они плывут

⁴ Было ^а *как в тексте*
^б *ничто*: Нас

Вариант БА₂ РГАЛИ

14-15 как в Т₄-б.д.

Вариант публикации в ЗС и НР II₂

Заглавие Улица ночью¹

ПОВЕСТЬ

("В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...")

(С. 110)

Черновой автограф (ЧА)²

I. Первоначальный набросок

Подняла к балкону взоры
Проститутка в багровом плаще
И встретился взгляд со взглядом
Посреди ⟨ ⟩ этажей

II. Варианты первой строфы

⟨1⟩

На балкон из под легкой дымчатой вуали
Ты (проникла) взором (в) сети тонкого дождя
Проходили многие – и медленно качали
Спины с грузом вечера, забвенья и дождя.

⟨2⟩

На балконе – в сети тонкой дождевой вуали
Опустила ты, высокая, печаль своих ресниц.
Проходили многие – и спины их качали
Грузы вечера, забвенья, стертых лиц.

⟨3⟩

На балконе под легкой вуалью
Ты смотрела упорно вниз.
Заколдованы осенней умирающей печалью
Возникали, исчезали толпы серых лиц.³

¹ В НР II₂ заглавие зачеркнуто.

² Автограф не сохранился. Варианты приводятся по: Иванов-Разумник, л. 174а–174б.

³ По свидетельству Р.В. Иванова-Разумника, первоначальный набросок был записан на обороте л. 1, вар-ты ⟨1⟩ и ⟨2⟩ на л. 2, вар-т ⟨3⟩ – на л. 1 об.; на л. 1 – основной текст первой строфы с заглавием "Две женщины".

Варианты БА РГБ

Заглавие *отсутствует*
10 Сплошными серыми тенями.

ЛЕГЕНДА

("Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли?..")

(С. 112)

Варианты Т₄

Посвящение А.М. Ремизову¹
Эпиграф В весеннюю полночь колдунья увела девушку за город и там сдала с рук на руки Черту. Но Ангел Утренней Грозы восхитил ее к себе.

*Из латинской рукописи*²

- 7 Он был неведом... одной был неведом:◇
9 Но синей и синей эта полночь мерцала,◇
10 Тая, млея, сгорая полношумной весной.
15 а. И одна задрожала слабеньким телом,
б. И одна дрожала слабеньким телом,
16 а. А другая смеялась... убежала в ночь.
б. А другая смеялась – бежала в ночь.
31 Но уж город, гудя чередою событий,◇
33–36 *зачеркнуты*
37 Прибежали, стояли и шептались докучно.◇
43 Боже Правый, соделай, чтобы твердь стала легче!◇
45 И откликнулось небо: среди пыли и давки◇
47 Всем казалось: – он вышел из маленькой лавки
48 а. Показалось, что он – перепачкан мукой.
б. И казалось, что был он – перепачкан мукой.

Варианты БА РГБ и БА РГАЛИ

Заглавие *отсутствует (БА РГБ)*
Посвящение *как в Т₄ (БА РГБ)*
Эпиграф *как в Т₄*³
7 Он был неведом... Одной был неведом: (БА РГБ)
9 Но синей и синее эта полночь мерцала (БА РГБ)
10 *как в Т₄*
15 И одна задрожала слабеньким телом

¹ Позднее зачеркнуто.

² Было: Латинская рукопись XVI века

³ Подпись под эпиграфом: Латинская рукопись XVI века (БА РГБ)
(Из латинской рукописи XVI века) (БА РГАЛИ)

- 16 А другая смеялась... убежала в ночь. (БА РГБ)
 16 А другая смеялась – убежала в ночь. (БА РГАЛИ)
 37 Прибежали, стояли и шептались докучно.
 38 а. Дымно-серый старик оперся на костыль.
 б. Дымно-сизый старик оперся на костыль. (БА РГБ)
 44 Отврати свой разящий и карающий меч! (БА РГБ)
 44 Отврати свой разящий и пылающий меч! (БА РГАЛИ)
 47 как в Т₄
 48 Показалось, что был он – перепачкан мукой.
 52 Ангел белую девушку в дом свой унес. ◊ (БА РГБ)

Варианты публикаций в альм. "Шиповник" и ЧД-1909

- Эпиграф как в Т₄
 5 Но третий за ними... за ними следом
 10 как в Т₄
 33–36 отсутствуют
 44 Отврати Твой грозящий и пылающий меч!.. (Шиповник)
 44 Отврати твой грозящий и пылающий меч!.. (ЧД-1909)
 48 как в Т₄, вар. б

"Я ВАМ ПОВЕДАЛ НЕЗЕМНОЕ..."

(С. 114)

Варианты Т₄

- 9 Я вижу: ваши девы слепы,¹
 10 И юношей безогнен взор. ◊
 11 Глупцы покинувшие склепы!^{2◊}

Варианты БА ИРЛИ

- 4 Таким причаливал к земле. ◊
 11 Глупцы, покинувшие склепы!
 15 а. Вон там – над темными горами
 б. Вон там – за дымными горами
 16 Горя летящим из огня.

Варианты АС ИРЛИ и БА РГАЛИ

- 10 И юношей безогнен взор. (АС ИРЛИ)
 11 как в БА ИРЛИ

¹ Исправлено: а. И вижу: ваши девы слепы,

б. Но вижу: ваши девы слепы,

в. как в тексте

² Начата правка: Бегите

НЕВИДИМКА

("Веселье в ночном кабачке...")

(С. 114)

Первоначальная редакция (Т₄, БА РГБ)

Н е в и д и м к а
Веселье в ночном кабаке,
Над городом – синяя дымка.
Под красной зарей – вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дóмы,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

(10) Запачкав мечтой небеса,
Ласкает вечернюю прелесть,
И слышит в тени голоса, –
И шепот, и вздохи, и шелест.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые продажные твари?
Кто небо запачкал в крови,
Кто вывесил красный фонарик?

(20) Кто воет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка?
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко?

Она и в пожарном дыму,
И в храме, просящем о мире,
И в каждом публичном доме,
И в каждой несветлой квартире.

Бессилен домашний уют,
Очаг отпылавший дымится.
По улицам – тени плывут,
Меж них – Невидимка вертится.

(30) И вот ужь стучится в притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных.

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью отворенной в лавку.
На Звере багряном¹ Жена
С расплеснутой чашей вина
Вмешалась в безумную давку.

(40) В тени гробовой фонари.
Смолкает докучливый грохот.
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот.

Варианты переработки первоначальной редакции в Т₄ (Т₄-б.д.)

(9–16), (21–32) *зачеркнуты*

Варианты первоначальной редакции БА РГАЛИ

(9–16), (21–32) *отсутствуют*

Варианты второй переработки в Т₄ (Т₄-(1907?))

(13–16) *восстановлены*
(17) *как ст. 17 основного текста*
(17–20) *следуют после ст. (8)*
(29–32) *восстановлены, следуют после ст. (16)*
(39) *Смолкает над городом грохот.*

Варианты публикации в БН

9–12 *вместо 13–16*
13–16 *вместо 9–12*
25–28 *вместо 21–24*
21–24 *вместо 25–28*

МИТИНГ

("Он говорил умно и резко...")

(С. 115)

Черновой автограф в ЗК₁₁ (ЧА ЗК₁₁)

І. Первоначальные наброски

л. 79 об. Я забыл, что сегодня убили
Человека тяжелой² { }

Слишком ярки³ пляски⁴ пыли
В золотом столбе луча

¹ Было: На Звере косматом Жена (БА РГБ)

² Было: Человека на пыль { }

³ Было начато: Слишком ярко

⁴ пляски *вписано*.

Он упал
И над ним крича.

- л. 80 [Еще свистки ломали воздух,
И крик еще дрожал¹
А он ужь лег на вечный отдых²
У входа в шумный зал.³
Его убил ударом сил(ьным)⁴
Какой-то [раб] в толпе.
И⁵ струйка крови – помню ясно
Осталась на столбе]

II. Варианты

- Заглавие *отсутствует*
- л. 80 об. 1а. Он говорил о чем-то умном
б. Он говорил серо и веско[◇]
- 2а. *начато*: И
б. *начато*: И громко
в. И тусклые глаза[◇]
- 3 а. Смотрели прямо с блеском
б. Смотрели прямо и без блеска[◇]
- 4 *вписано позднее*
- 5-6 а. А на него смотрели снизу
Веселье { }
б. И на него смотрели жадно
Зрачки веселых глаз
в. Снизу устремлялись взоры
Веселых глаз { }
г. *как в основном тексте*
8 Придет последний час.[◇]
- 9 а. Его движенья были мерны
б. И все движенья были верны[◇]
- 10 а. И серое лицо
Смо{ }
б. И голос глух и сух
в. И голос внятно глух[◇]
- л. 81 12 И в такт { } слов[◇]
Между 12 и 13 *перечеркнутые наброски*
И ропот, ропот поднял руку

¹ Было: И крик еще стоял

² Далее было *начато*: На ступенях

³ Было: У входа в яркий зал.

⁴ Было: ^а *начато*: Его убили

^б *начато*: Его убил какой-то

^в Его убил ударом ловким

⁵ Было *начато*: А

[И не дал досказать]¹
И шум возник подобный стуку²
Упавшей головни³

И миг еще молчанье длилось –
Но, словно [подан знак,]
Толпа проснулась, (*нрзб*)
Послышался свисток.
Еще, еще – и все⁴

л. 81 об. 13 а. Но он не чувствовал свободы,
б. И серый, как над нами своды, ◊
14 И знал всему предел ◊
15 И цепью тягостной свободы ◊
17 а. *начато*: А те, внизу – и
б. А те, внизу – они не знали ◊
19 И знаком тягостной (?)⁵ печали ◊
Между 20 и 21 [А за стеной солдаты дрогли,⁶
Мерцали огоньки,
И в дождевой пыли намокли⁷
Готовые штыки.]⁸
21 И ропот поднял руку, ◊
л. 82 25 *начато*: И только миг еще ◊
Между 28 и 29 [И все смешалось в зыбком гуле,
Кричащие уста⁹
Как будто своды пошатнули,¹⁰
Вломилась темнота.¹¹]

[И ночь накрыла пастью черной¹²
Взметнувшийся хаос¹³

¹ Было: И не дал говорить

² Было: Какой-то шум подобный звуку

³ Было: Упавшего бревна.

⁴ Было *начато*: И

⁵ тягостной (?) *вписано*

⁶ Было: А за стеной солдаты ждали,

⁷ Было: ^а *начато*: И в дождем

^б И в дождевой пыли блистали

⁸ На полях слева от четверостишия вопросительный знак.

⁹ Было *начато*: ^а И только

^б И крики

¹⁰ Было: Как будто своды пошатнулись,

¹¹ *Начата правка*: Вломилась чер(нота)

¹² Было: И ночь зияла пастью черной

¹³ Было: ^а *начато*: Под сводами

^б Над толпами людей

- А он трусливо и проворно¹
Бежал, куда пришлось.²
- л. 82 об. Но вот блеснул огонь у входа,³
Другие огоньки,⁴
И эхом брякнули у свода⁵
Взведенные курки.
- И промелькнуло в беглом свете⁶
Как человек лежал⁷
- л. 83 И как солдат в дождливой сети⁸
Ружье в руке сжимал]
- [И выросли свистки и крики⁹
В мучительный хаос
У одного столба внезапно¹⁰
Кольцо разорвалось]
- 29–30 а. И в звон разбитых стекол глухо
Ворвался мертвый стон
- б. И в резкий звон разбитых стекол
Ворвался тихий стон
- в. *как в основном тексте*

¹ *Было начато:* И он бежал

² *Было:* а. Бежал среди толпы

б. *начато:* Проталкивался

в. Искал входных дверей.

³ *Было:* Но вот блеснул фонарь у входа,

⁴ *Было:* а. Еще, еще огни

б. И брякнули штыки

а. *начато.* И много

⁵ *Было:* а. И стало слышно в тишине

б. *начато:* И в тишине мгновенья

в. *начато:* И слух

г. *начато:* И стих

д. *начато:* И стало

е. И эхом пронеслось от свода,

Как брякнули штыки. (*незачеркнутый вариант*)

ж. И он искал своей защиты

з. И он искал себе защиты

⁶ *Было:* а. И стало видно в новом свете

б. И стало видно в робком свете

⁷ *Было:* а. Как человек бежит

б. Как человек бежал

⁸ *Было начато:* И, камень просвистел

⁹ *Было начато:* а. И камень

б. И возрастали

¹⁰ *Было начато:* а. И вдруг среди

б. И вдруг в толпе на

в. И у столба (?)

- 31 И человек лежал на плитах[◇]
 33 а. Его убил ударом властным
 б. Его убил ударом камня[◇]
 34 а. Какой-то () в толпе
 б. Запечатлен на лбу[◇]
 36 а. *как в основном тексте*
 б. Катилась по столбу.[◇]
- л. 83 об. После 40
 было начато: а. И тихо
 б. Но стало тихо
 41–48 *отсутствуют*¹
 49–52 [Лицо казалось страшно бледным²
 От черной бороды³
 (Уже) солдаты [строим]медным⁴
 [Построились] в ряды⁵
 54 Был светлый круг лица,[◇]
- л. 84 57 а. *начато:* И было все на свет(е?)
 б. () дождь
 в. *начато:* И блеск
 г. И мокрые штыки
 д. И были ангельски спокойны[◇]
 59 а. И колыхались тихо, стройно
 б. И колыхались мирно, стройно[◇]
 60 а. И светлые штыки
 б. И мокрые штыки[◇]
 61–64 а. Как будто прямо в темной две(ри)
 Стояли⁶
 ()
 Смерть
 б. Как будто веяла свобода
 Из всех ружейных дул.

¹ В этом месте знак вставки. Позднее (в Т₄) Блок вставил сюда две строфы – соответствующие 3-й и 4-й строфам, зачеркнутым между ст. 28 и 29.

² Было: а. *как в тексте*
 б. Лицо казалось страшно белым

³ Было: И черной бородой

⁴ Было: а. И () строим медным
 б. *начато:* А (нрзб) были (?) там
 в. *начато:* А там солдат
 г. (Над ним) солдаты строим медным

⁵ Было: (нрзб) ряды

⁶ Исправлено: а. Как будто прямо перед
 б. Не было
 в. Как будто прямо против двери
 г. Как будто прямо против входа

- в. Как будто вздох н¹очной свободы¹
 Дышал из темных дул.
 И Кто-то благостный у входа²
 Крылом своим взмахнул.
 л. 84 об. г. Как будто спрятанный у входа,
 За черной пастью дул,
 [Незримый,] воздухом свободы³
 Уверенно дожнул.

Вариант публикации в II₃

57-64 *отсутствуют*

"ВИСЯ НАД ГОРОДОМ ВСЕМИРНЫМ..."

(С. 117)

Черновой автограф в ЗК₁₁

I. Набросок

- л. 86 об. [Еще Монарха в утре дымном
 Самодержавный клонит сон.]⁴

[Но слепы темные дворцы⁵
 И темный сон]

II. Варианты⁶

- л. 87 Еще Монарха в утре лирном
⁵ И предок царственный гранитом[◇]
^{6 а.} Все также бредит над Невой
^{б.} Все также бредит на змее.
 15-16 И [ни один сустав не сдавлен]⁷
 В сверкнувших кольцах чешуи.⁸

¹ Было начато: ^{а.} Как будто из
^{б.} Как будто воздух свежей ночи
^{в.} Как будто воздух свежей дали

² Было: ^{а.} начато: И Ангел
^{б.} И Кто-то пламенный у входа

³ Было: Незримо воздухом свободы

⁴ Далее было начато: ^{а.} И
^{б.} Невск ()
^{в.} Как
^{г.} Ст ()

⁵ Было: И слепы темные дворцы

⁶ Ст. 9-12 записаны ранее поверх наброска на л. 86 об.

⁷ Было начато: И ни один

⁸ Далее было начато: Почиющ ()

Варианты T_4 и публикаций в газ. "Наша жизнь", II_1, II_2 (НР II_2)
Без деления на строфы (Наша жизнь)

³ Еще Монарха в утре лирном (T_4, II_1, II_2 (НР II_2))

Варианты РЭ II_2

- 5-6 И предок царственный чугунный,
Как прежде, бредит на змее,
9-10 *зачеркнуты*

"ЕЩЕ ПРЕКРАСНО СЕРОЕ НЕБО..."

(С. 117)

Черновой автограф в ЗК₁₁

I. Набросок

- л. 85 об. Как латник, ниц опустивший взоры
Закрывший лик, опустивший меч
(На Зимнем Дворце)

II. Варианты¹

- л. 86 1 *начато*: Прекрасна[◇]
4 Никому не () жаль
л. 86 об. 5 а. И над заливом в голосе черни²
б. И над заливами голос черни
6 а. Пропал, развеялся в снах воды
б. Пропал, развеялся в Невском сне
7 а. *начато*: И дикие вопли: О, свергни!
б. И дикие вопли: Свергни! О, свергни!
л. 86 9-10 а. Там в небе сером холодные светы
Плывут ()
б. В небе сером холодные светы
Одели темный земной дворец
в. *как в основном тексте*
11 И латник в черном не даст ответа^{3◇}
14 а. Еще покорней опустит меч –
б. Еще упорней опустит меч –
в. Пусть он угрюмый опустит меч –
16 а. За сказку мертвым лечь.
б. За древнюю сказку мертвым лечь.
После 16: (17-18) [Я – латник, ниц опустивший взоры,
Рука сжимает еще рукоять⁴]

¹ Ст. 1-8 записаны после остальных стихов; последовательность текста обозначена на полях.

² Было *начато*: а. Холодным небом

б. И в (нрзб)

³ *Начата правка*: И черный латник

⁴ Далее было *начато* М()

Варианты правки в РЭ II₂

- 5 И над заливом голос черни
9 И серого неба холодные светы[◇]

Варианты НР II₂, публикации в II₃ и Изборника

- 5 И над заливом голос черни (II₃)
5 И над заливом голос черни[◇] (Изборник)
9 а. как в основном тексте
б. И серого неба холодные светы[◇] (Изборник)
14 Пусть он угрюмый опустит меч, (НР II₂)

"ТЫ ПРОХОДИШЬ БЕЗ УЛЫБКИ..."

(С. 118)

Черновой автограф в ЗК₁₁

I. Наброски

- л. 67 Пронзительный ветер не может¹
[Умерить]
Морской
- л. 67 об. Опускай глаза на улице
Встретил я тебя²
Опустившая ресницы
- И что
опущенных глаз и смеженных ресниц

II. Варианты

- 1 Ты прошла с улыбкой^{3◇}
4 Серебрятся купола^{4◇}
6 На вечерних Богородиц
7 начато: у[◇]
9 начато: Но с тобою[◇]
10 а. начато: Стройный мальчик в красном⁵
б. Стройный мальчик в белой тоге (?)[◇]
Между 12 и 13 [Сколько материнской ласки⁶
В этом женственном движеньи

¹ Было: Пронзительный ветер окутал
Ту ()

² Было: Встретил тебя

³ Было начато: Как над

⁴ Было начато: Ты ()

⁵ Было: Стройный мальчик в белом

⁶ Было начато: Сколько ласки в

Сколько кротости смиренной
 В голубых его очах!^{1]}
 14 Там где самый резкий ветер◇
 15 Ослепляет, застилает◇
 19 Для чего в наш черный город◇
 21 Но язык мой неподвижен◇
 22 а. Ты проходишь – я бессилён²
 б. Ты проходишь – за тобою
 25 *начато*: И смотрю я, как◇
 27–28 Как Твой мальчик в белой шапке
 Улыбнулся на Тебя.
 После 28: (29–32) И смотрю как дождик сеет³
 Как под холодом и ветром⁴
 Робко обняли колонну
 Руки зябкие мои.⁵

Варианты Т₄ и БА ИРЛИ

После 28 как в ЧА ЗК₁₁, ст. (29–32)⁶

Варианты публикаций в П₁, П₂, и П₃

Заглавие Романсего (П₁, П₂)
 20 – Ты младенца привела? (П₃)

ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНЬЕ

("Шел я по улице, горем убитый...")

(С. 119)

Варианты ЧА ЗК₁₁

Заглавие *отсутствует*
 2 Юность моя, как окрестная ночь,
 4 И убегала безрадостно прочь.◇
 5 *начато*: а. Где
 б. Думал я горь < >◇
 6 а. *начато*: Ночи свои волочили
 б. *начато*: Смердные люд(и)

¹ Было: В голубых его глазах.

² Далее было *начато*: И смотрю

³ Было *начато*: Как

⁴ Было: а. Как холодный резкий ветер

б. *начато*: Как от холода

⁵ Было: Ухватились за колонну

Пальцы синие мои.

⁶ В Т₄ строфа зачеркнута.

6. Нагло просили на жалкий ночлег,
 2. Нагло просили на чай и ночлег,[◇]
 8 За вереницей вонючих телег.¹
 9–12 а. *начато*: Господи, Боже мой! Где мне укрыться,
 Где да и как эту ночь проведу?²
 Желтые окна! Вам тоже не спится?³
 б. *начато*: Господи, Боже мой! утро клубится.
 Где да и как этот день проживу?
 Светлая девушка в узком окошке⁴
 в. Господи, Боже мой! утро клубится.[◇]
 Где да и как этот день проживу?
 Узкие окна. За ними – девица.⁵
 Длинные пальцы легли на канву.⁶
 13 а. Волосы скрыли и очи и губы
 б. Локоны пали на нежные ткани, –
 14 а. *начато*: Больше не страшно
 б. *начато*: Верно гото()[◇]
 15 Верно бледна от бессонных мечтаний⁷
 16 Ткани готовы. И голос поет:⁸
 17 *начато*: Что я могла[◇]
 19 а. Вот я с тобой, мой милый, мой милый,
 б. Вот я с тобою, мой милый, мой милый,
 20 а. Перстень страданья свяжет сердца
 б. Перстень Страданье нам свяжет сердца
 Между 20 и 21: (21–24) Что я могу для тебя, мой любимый,
 Я, сирота, пред тобой не солгу.
 Как матушке все открой мне родимой,⁹

¹ Было *начато*: В

² Было: Где я () ночь проведу?

³ Было *начато*: Вот

⁴ Было: Вот она, девушка в узком окошке

Далее было: ^а Узкие окна и локоны светлые

^б Узкие окна и локоны длинные

^в *начато*: Тихая гор(ница)

^г *начато*: Горница тихая

^д *начато*: Узкие окна, за ними

^е *начато*: Девушка

⁵ Было: Низкие окна. За ними – девица.

⁶ Было: ^а *начато*: Длинные пальцы упали

^б *начато*: Длинные пальцы по ткани

^в *начато*: Узк(не?)

^г Длинные пальцы упали на ткань

⁷ Было: ^а *начато*: И

^б Верно () не (нрзб)

⁸ Было: ^а Ткани () и голос поет:

^б Бросила () и голос поет:

⁹ Было: ^а *начато*: Я обниму

^б Как матушке все мне открой родимой,

- 21 Перстень Странанье тебе сотку.
 Вот я могу твоей алой кровью¹
 22 а. Верность мою для тебя украшать.
 б. Нежность мою для тебя украшать.
 23 Нежностью женской, любовью лукавой[◇]
 24 а. Перстень Странанье соткан тебе.
 б. Перстень Странанье тебе соткать...
 После 24: (25–28) [Сердце мое, приживальщик убогий!²
 Слушай же девичью песню, вникай³
 После, коль можешь, зловонной дорогой⁴
 Снова шататься и плакать ступай!]
 (29–32) а. Только смотри, не расплачься у окон,
 Не разбуди ее криком дрянным,
 Чтоб не встревожить { }
 Чтобы святое осталось святым.⁵
 б. [Только не смей разрыдаться у окон,
 Здесь тишина. Здесь святыня жива.
 Низко спустился задумчивый локон...⁶
 Нищий! Не смей нарушать торжества!⁷]

Варианты Т₄

- 2 Юность моя, как окрестная ночь,[◇]
 10 Где, да и как эту ночь проживу?.. –
 12 Длинные пальцы легли на канву.
 13 а. *как в основном тексте*
 б. Волосы пали на нежные ткани –
 16 Ткани готовы. И голос поет:
 Между 20 и 21: (21–24) Что я могу для тебя, мой любимый,
 Я, сирота, пред тобой не солгу.
 Как матушке все открой мне родимой,
 Перстень-Странанье тебе сотку.
 21 Вот я могу твоей алой кровью
 24 "Перстень-Странанье тебе соткать..."
 После 24: (25–28) Сердце мое, приживальщик убогий!
 Слушай же девичью песню, вникай

¹ Было начато: Вот я могла

² Было начато: Слушал, я слушал

³ Было начато: а. Слушай же песню

б. Слушай, вникай в эту песню

⁴ Было: а. начато: Ну

б. После, коль можешь, ночью дорогой

⁵ Исправлено: а. Чтобы торжественный праздник

б. Праздник торжественной женской души.

в. Чтоб торжества не убить нищетой!

⁶ Было начато: Вот

⁷ Было: Нищий! Не смей убивать торжества!

После, коль можешь, зловонной дорогой
Снова шататься и плакать ступай!
(29–32) Только не смей разрыдаться у окон,
Здесь тишина. Здесь святыня жива.
Низко спустился задумчивый локон...
Нищий! Не смей нарушать Торжества!¹

*Варианты публикаций в П₁, П₂ (НР П₂),
сб. "Социализация женщин" (СЖ)*

Без деления на строфы (СЖ)

10 Где, да и как эту ночь проживу?..
13 *как в Т₄, вар. б*
16 *как в Т₄*
Между 20 и 21: (21) Что я могу для тебя, мой любимый?
(22) *как в Т₄*
(23) Как матушке, все открой мне, родимой:
(24) *как в Т₄*
21 Вот я могу твоей алою кровью
24 *как в Т₄*

Варианты правки в РЭ П₂

10, 16 *как в основном тексте*
Между 20 и 21: (21–24) *зачеркнуты*
21, 24 *как в основном тексте*

Вариант публикации в П₃

13 *как в Т₄, вар. б*

СЫТЫЕ

("Они давно меня томили...")

(С. 120)

Варианты Т₄ и публикации в газ. "Наша жизнь" (НЖ)

Без деления на строфы (НЖ)

Между 20 и 21: (21–24) Но, потеряв свое приволье,
Они питают рабский страх, –
И вот – бичуют своеволье
В холодных и пустых домах.²
21–23 Пусть доживут свой век обычно, –
Мне жаль их сытость разрушать,
Но чистым детям – неприлично

¹ Позднее ст. (25–32) зачеркнуты.

² В Т₄ позднее строфа зачеркнута.

"ЛАЗУРЬЮ БЛЕДНОЙ МЕСЯЦ ПЛЫЛ..."

(С. 120)

Вариант Т₅

23 Что странный, бархатный туман

Варианты публикаций в П₃

33–36 *отсутствуют*

"ТВОЕ ЛИЦО БЛЕДНЕЙ, ЧЕМ БЫЛО..."

(С. 121)

Варианты Т₅

Между 8 и 9 Сегодня ты меня заметишь,
Ты роковую связь поймешь
И черным взором мне ответишь,
Змеиным шелестом солжешь.¹

Варианты НР П₂ и публикаций в альм. "Корабли", ЗС

Заглавие Незнакомке (*Корабли, ЗС, НР П₂*)

Эпиграф Глухие тайны мне поручены. (*ЗС, НР П₂*)

Незнакомка².

Между 8 и 9 *как в Т₅ (Корабли)*

Варианты переработки в РЭ П₂

3–4 А ты, замедлив, торопила
Свой легкий, предвечерний шаг.

13–16 *зачеркнуты*

17 И я нашел тебя и встретил

19 Да, этот взор не меньше светел,

"ТАМ ДАМЫ ЩЕГОЛЯЮТ МОДАМИ..."

(С. 126)

Первоначальные наброски в Т₅ (ЧА Т₅)

Варианты к "Незнакомке"

...Там, вея древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями,
Она вином оглушена...

¹ Позднее строфа зачеркнута.

² В НР П₂ эпиграф зачеркнут.

*

...И скукой дач и огродов,
И пылью солнечных озер...

*

...И сквозь вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты...

*

...без воли, без стыда,
Она бесстыдно упоительна
И унизительно горда...

*

...И на вокзалах, оглушенный
Струею терпкого вина...

*

...Из древних сказок и поверий
Шелками черными шумна,
Под шлемом страусовых перий,
Она вином оглушена...

Варианты Т₇

Заглавие 13–14 Вариант Незнакомки.
Над столиками, над старушками,
Над сном привычной суеты

Варианты публикаций в П₂ (Кор₁ П₂), в журн. "Журнал журналов" (ЖЖ)

Заглавие а. Вариант Незнакомки
б. Незнакомка
 (Вариант) (Кор₁ П₂)

Заглавие Незнакомка
 (Вариант) (П₂, ЖЖ)
13–14 как в Т₇ (П₂ (Кор₁ П₂))

Варианты правки в РЭ П₂

13–14 как в основном тексте

"ПЕРЕДВЕЧЕРНЕЮ ПОРОЮ..."

(С. 127)

Варианты Т₅

Заглавие 28 Видение
Передо мной в веках стоит.

Варианты публикаций в газ. "Одесские новости" (ОН),
газ. "Слово", П₂ (НР П₂)

Заглавие Видение (ОН)

Без деления на строфы (ОН)

23 Такой же легкой и воздушной, (ОН)

28 как в Т₅

Вариант правки в РЭ П₂

28 как в основном тексте

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

("Мы встретились с тобою в храме...")

(С. 127)

Варианты ЧА ЗК₁₄

2 Мы жили в золотом саду¹ ◊

3 а. И темными дворами

б. Но вот – зловонными дворами

4 Прошли к проклятью и труду. ◊

9 И вот вошли туда, где будем

12 а. Убитые трудом.

б. Дневным убитые трудом.

15 Но даже сон их был проклятье ◊

Между 16 и 17

[Что ж? Отвори святые двери

Чтоб в дом твой улица вошла²

Чтоб () звери

() разбили зеркала]³

17 а. И оглянувшись, посмотрела

б. Ты оглянулась, посмотрела

в. Ты обернулась и взглянула

19 а. И на щеке моей вздохнула,⁴

б. И на щеке моей вздрогнула, ◊

Между 20 и 21 а.

Все, все поггло. Что же ()⁵

б. Ну что ж? Твой путь не так ужь долог

Ведь молодость⁶ давно прошла]⁷

¹ Было: Мы жили в золотом цве()

² Было: И в дом свой улицупусти

³ Эти стихи и предшествующая им 4-я строфа (ст. 13–16) записаны карандашом, по-видимому, ранее остального текста, записанного чернилами.

⁴ Было начато: И по щеке моей

⁵ Было: ^{а.} Все, все поггло. Что я сделал

^{б.} Все, все поггло. Что ж я плачу

⁶ Было начато: ^{а.} И

^{б.} Мы

⁷ При незачеркнутом варианте а.

- 21 Нет, счастье – праздная забота,¹
 23 Мы скоротаем век работой[◇]
 Между 24 и 25 [А, если грустно, если больно
 Я песню]
 26 Людей торопит тот же труд²
 27 А тем, кому трудней немножко,[◇]
 28 Те песни грустные поют.
 29 Я близ тебя работать буду[◇]
 30 Авось ты не попомнишь мне,
 31 а. Что я спустил на дно стакана
 б. как в основном тексте
 в. Что я испил на дне стакана[◇]
 32 Топил отчаянье в вине³ [◇]

Варианты Т₅

- 1 Мы встретились с тобой во храме
 9 И вот вошли туда, где будем
 27 а. А тем, кому трудней немножко, –
 б. А те, кому трудней немножко, –

Варианты публикаций в журн. "Образование", ЗС, II₂ (НР II₂), СР, II₃ и Изборника

Эпиграф Солнца, счастья шел искать...
 И белье, и упованья (ЗС, НР II₂)
 Истаскал в своем скитанье.

Гейне.⁴

- 1 как в Т₅ (Образование)
 9 И вот вошли туда, где будем (ЗС, II₂ (НР II₂), СР, II₃,
 Изборник)
 9 И вот – вошли туда, где будем (Образование, ЗС, СР)
 10 Где прокляли друг друга люди, (ЗС)
 27 А тем, кому трудней немножко, (Образование, ЗС, II₂,
 Изборник)

¹ Было начато: Нет, поздно

² Было начато: Как люд(и?)

³ Было начато: Когда-то

⁴ В НР II₂ эпиграф зачеркнут.

В ОКТЯБРЕ

("Открыл окно. Какая хмурая...")

(С. 128)

Варианты Т₅

- Заглавие *отсутствует*
31 И жизнь настанет настоящая,
33 И даже все свое имущество

Варианты правки в РЭ П₂

- 4 Пасется на дворе.
6 *как в основном тексте*
9–12 Вон – мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.
Жилось легко, жилось и молодо, –
Прошла моя пора.

Варианты публикаций в журн. "Перевал", ЗС, П₂ (НР П₂), П₃ и Изборника

- Заглавие *отсутствует (Перевал)*
6 Порхает по ветру, (П₂ (НР П₂), П₃)
31 *как в Т₅ (Перевал)*
33 *как в Т₅*

"К ВЕЧЕРУ ВЫШЛО ТИХОЕ СОЛНЦЕ..."

(С. 130)

Первоначальная редакция в ЗК₁₅ (ЧА ЗК₁₅)

К вечеру вышло тихое солнце
И ветер понес¹ дымки из трубы.
И я прислонился к дверному косяку
После ночной попойки моей.²

- Многое минуло уже
И многое минет еще.
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихою радостью
О том, что ты придешь
(10) И тихо сядешь на диване
И скажешь мне незначущие слова³
При тихом вечернем солнце
После моей ночной попойки.

¹ понес *вписано*.

² *Было*: После ночной попойки.

³ *Было начато*: И будешь

Варианты карандашной правки в ЗК₁₅ (ЗК₁₅-б.д.)

- (3) Хорошо теперь прислониться к дверному косяку
(6) а. Но много еще будет.
б. И много еще будет.
(9-10) *как ст. 9-10 основного текста*
(11) И скаж(ете) совсем незначащие слова

Варианты Т₆

- Заглавие После ночной попойки
3 Хорошо теперь прислониться к дверному косяку
6 И много еще будет,[◇]
9 О том, что Вы придете,
Вм. 11 а. И скажете слова
Совсем простые, совсем незначащие,
б. *как в основном тексте*
14 а. Ведь я люблю Ваше тонкое имя,
б. Я люблю Ваше тонкое имя,

Варианты публикаций в ЗС и П₃

- Заглавие После ночной попойки (ЗС)
3 *как в Т₆ (ЗС)*
9 *как в Т₆*
11 *как в Т₆, вар. а (ЗС)*
14 *как в Т₆, вар. а*

"НОЧЬ. ГОРОД УГОМОНИЛСЯ..."

(С. 130)

Черновая редакция в ЗК₁₅ (ЧА ЗК₁₅)¹

И с открытым воротом
На звезды смотрит.

Там стоит грустный
Расстроенный неудачей

Звезды, звезды.
Расскажите причину
Грусти моей.

И звезды рассказывают.

- Звезды, звезды
(10) Откуда же такая тоска?

¹ *Весь текст перечеркнут.*

И звезды рассказывают.
Все рассказывают звезды.
Они – умные.

Варианты переработки в ЗК₁₅

- Между (2) и (3) а. Город притих.
Можно открыть окно¹
- б. Город успокоился.
Можно окно открыть
- в. Город успокоился.
Ночь.
- (3) Но там только стоит грустный
- Вм. (10) Откуда такая тоска?
Расскажите.
- (11) а. И звезды объясняют.
- б. И звезды рассказывают.

Варианты Т₆ и публикации в ЗС

- Заглавие Ночной разговор (ЗС)
- Эпиграф Αστέρας εισαφρετς, Αστήρ έμος²
Платон (ЗС)
- 1 Ночь.
Город угомонился.
- 3 Очень тихо и торжественно,
- 5 Но там только стоит грустный,
- 10 – Расскажите причину
– Грусти моей.

Варианты правки в Т₆

- 3, 5, 10 как в основном тексте

"Я В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ – УБИТЫЙ..."

(С. 131)

Варианты ЧА ЗК₁₄

- 2 а. Земной заботой и тобой
- б. Земной заботой и нуждой,³
- 4 а. Его () голубой
- б. Кафтан мятется голубой.
- в. Кафтан бледнеет голубой.
- Вм. 5–12: (5–8) Он – мой двойник и мой союзник

¹ Было начато: Окно

² "Смотришь на звезды, Звезда ты моя" (греч.).

³ Далее было начато: А небо

- С ним я грущу и вижу сны¹
 И он – такой же грустный узник
 Своей бездонной глубины.²
- 14 а. Свободным образом гореть
 б. Свободный образ твой
 в. Лазурь твою[◇]
- 15 а. И думать, что придет награда,
 б. И верить, что придет награда,
 в. И думать, что придет награда,
- 16 а. Что суждено мне догореть³
 б. Что суждено мне умереть
- 17 И там – голубоватым дымом[◇]
- 18 а. Голубоватая душа
 б. Голубоватый дух мой[◇]
- 19 а. Смешает (?) с образом родимым
 б. Смешается с Тобой родимым
- 20 На лоне строгого Отца.⁴

Вариант Т₅

- 20 На лоне строгого Отца.

*Варианты публикаций в Ил. прилож. к газ. "Русь (Русь),
 ЗС, II₂ (НР II₂), альм. "Волны вечности"(ВВ)*

- Заглавие В четырех стенах (ЗС, II₂ (НР II₂), ВВ)
 17–20 отсутствуют (ЗС, II₂ (НР II₂), ВВ)
 20 как в ЧА ЗК₁₄ (Русь)

ОКНА ВО ДВОР

("Одна мне осталась надежда...")

(С. 131)

Варианты ЧА ЗК₁₄

- Заглавие *отсутствует*
- 6 а. Там кто-то бормочет во сне⁵
 б. Там кто-то бормочет на дне
- 7 а. И теплятся желтые речи
 б. И теплятся желтые свечи

¹ Было: С ним я грущу и говорю

² Было начато: Своей темницы

³ Было начато: Что мне

⁴ Было начато: ^{а.} В родное небо

^{б.} Мне

⁵ Было начато: О жизни

- 9–12 а. Заплакать – одно мне осталось¹
И слушать, как мирно ты спишь
Голодная кошла прижалась²
У жолоба утренних крыш³
б. *как в основном тексте*
- Между 12 и 13 [Ты спишь, – а твой верный защитник
Больной – у большого окна,⁴
Как маленький]
- 13 а. Ты спишь – а на улицах пусто⁵
б. Ты спишь – а на улицах тихо
- 15 И злое, жестокое Лихо⁶ ◇
- Между 16 и 17 [Посмотрит и спросит прохожий⁷
Кто там – за широким окном,⁸
На утренний⁹ призрак похожий,
Зачем он так бледен лицом?]¹⁰
- И некому будет ответить,
Посмотрит, забудет, пройдет
И будет по-прежнему светить
Мне солнечный мертвый восход.¹¹
- 17–20 Прохожий, взгляни мне в оконце!¹²
Да нет, не заметишь пройдешь.
Совсем я на глупое солнце,¹³
На зимнее солнце похож.

¹ Было начато: Одно

² Было: ^а как в тексте (незачеркнутый вариант)
^б И видеть как кошка прижалась

³ Было начато: Под

⁴ Было начато: Болеет – к (?)

⁵ Было начато: ^а Твои
^б. Ты спишь – а вдали

⁶ Было начато: И болью

⁷ Было: ^а. начато: Увидя(т)
^б Пройдут и посмотрят и спросят

⁸ Было: ^а Начато: Кто там у ок(на?)
^б. Кто там – у большого окна
^а. начато: Кто бледный

⁹ утренний вписано.

¹⁰ Далее было начато: И пальцами тыча пок()
Никто

¹¹ Было: Мне мертвый, холодный восход.

¹² Было: Прохожий, взгляни-ка в оконце!

¹³ Было начато: Я
на глупое вписано.

Варианты Т₅, публикаций в ЗР, ЗС и НР II₂

- Заглавие *отсутствует (Т₅, ЗР)*
Заглавие [Последняя надежда] (НР II₂)
15 И злое голодное лихо (ЗС)
17 Прохожий, взгляни мне в оконце!.. (Т₅, ЗР)
17 Прохожий, взгляни мне в оконце!..[◇] (НР II₂)

"ХОЖУ, БРОЖУ ПОНУРЫЙ..."

(С. 132)

Черновые наброски в ЗК₁₄

- л. 14 об. [На дворе поет шарманка
Все поет]

Пришел шарманщик старый,
Заплакал на дворе

—————
[Песня]
Всюду, всюду

- л. 15 об. В окна вижу стену белую¹
Да кусочек [белой] тучки²

Варианты Т₅

- Заглавие Старые мысли³
21 И снова будет сладко,
37 Лицо мое бледнее,

Варианты публикаций в ТП, альм. "Вихрь", ЗС, II₂ (НР II₂), СРЛ

- Заглавие Старые мысли
37 как в Т₅

Варианты правки в РЭ II₂

- Заглавие *зачеркнуто*
37–40 *зачеркнуты*

¹ Было начато: ^a Стр()

^b Услыш()

^в Не все сидеть

² Было: ^a Да кусочек () неба (не зачеркнуто)

^b Да кусочек (серой тучки) (не зачеркнуто)

³ Позднее зачеркнуто.

Варианты Изборника

- 21 И снова будет сладко[◇]
37 Лицо мое бледнее,[◇]

ПОЖАР

("Понеслись, блеснули в очи...")

(С. 133)

Черновой набросок в ЗК₉ (ЧН₁ ЗК₉)

По улице грохот и скак,
Взывает протяжно труба
Несется пожарный скачок
Бежит в рассыпную толпа.

Черновые наброски в ЗК₁₄ (ЧН₂ ЗК₁₄)

л. 30 об.

[Ты надо мной, как цвет]

[Ночи темные цветы]

[Бросаю в улицу [(нрзб)] крик
И вижу]

Бросая по улицам крики горстями¹
Пожарные мчатся под знаменем огненным

л. 31

Впереди – скакун с трубой
Ветер треплет рыжий ус

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел бросил красный свет.

Голос хриплой меди тонок²
Скок по камням тяжело звонок³
Впереди – скакун с трубой
Над испуганной толпой
И крутя живые⁴ спицы
Мчатся вихрем⁵ колесницы

¹ Было: Бросаю по улицам крики горстями

² Было: ^a Голос хриплой меди кинут
В глушь

^b Голос хриплой меди душен

³ Было: ^a Скок по камню тяжело звонок

^b Грохот () тяжело звонок

⁴ живые вписано.

⁵ вихрем вписано.

Варианты Т₅

- 5 Зданье в дымах потонуло,
12 Факел бросил красный свет.
20 Шумной улицы река.◇
21–24 а. Дети черной ночи – где мы?
Чьи зывают голоса?..
На блистательные шлемы
Каплет снежная роса....
б. *как в основном тексте*
25–28 Призрак дальнего восстанья
Ослепил и ускользнул...
Стихли крики. Гаснут зданья.
Мертвый город обманул.

Варианты БА₁ ИРЛИ

- 5 *как в Т₅*
12 Факел бросил красный свет...
25 *как в Т₅*
26 Ослепил и ускользнул!
27 Стихли крики. Гаснут зданья...
28 *как в Т₅*

Варианты переработки в Т₅ (Т₅-1917)

- 5, 12 *как в основном тексте*
24 а. Это бури ль голоса?
б. Это ль бури голоса?¹
в. Это бури голоса?
Между 24 и 25: (25–28) Словно шум и лязг прибоа,²
Всколыхнувшего в тиши
Вековое, роковое
Человеческой души!³
25–26 а. Или вновь погаснут зданья,
Или город
б. *как в основном тексте*
27 *начато:* Слитный◇
28 *как в основном тексте*

Варианты БА₂ ИРЛИ

- 23–24 Дети ночи, где мы, где мы?
Это – бури голоса?
Между 24 и 25 *как в Т₅-1917*⁴

¹ Не зачеркнуто.

² Было: а. Это – шум и лязг прибоа,

б. Это ль шум и лязг прибоа?

в. Точно шум и лязг прибоа,

³ Было: Человеческой души?

⁴ Ст. (28): Человеческой души!..

Варианты публикации в сб. "Жизнь"

- 5, 12, 25 как в T_5
26 Слепил и ускользнул.
27 как в T_5
28 Мертвый город обманул...

"НА СЕРЫЕ КАМНИ ЛОЖИЛАСЬ ДРЕМОТА..."

(С. 136)

Вариант T_5 и публикации в альм. "Проталина"

- 2 Но прялкой вилась городская работа.

"ТЫ СМОТРИШЬ В ОЧИ ЯСНЫМ ЗОРЯМ..."

(С. 136)

Варианты T_5

- Между 16 и 17 За кем плетешься ты, бродяга?
Чей плащ перед тобой во мгле?
Кому, кому еще, бедняга,
Ты хочешь верить на земле?

Варианты публикаций в БН, ЗС и в НР II₂

- Заглавие Напрасно¹ (ЗС, НР II₂)
Между 16 и 17 как в T_5 (БН, НР II₂²)

НА ЧЕРДАКЕ

("Что на свете выше...")

(С. 137)

Варианты T_5 , БА ИРЛИ и публикации в журн. "Образование"

- Заглавие отсутствует³ (БА ИРЛИ)
31 Чтоб смотрел я жадно

Варианты правки в РЭ II₂

- 7-8 Только с ней я связан,
И закрыта дверь...
17 Ветер, снежный ветер,
33-34 а. Громче пой ты, вьюга,
В звонкую трубу,
б. как в основном тексте

¹ В НР II₂ зачеркнуто.

² В НР II₂ строфа зачеркнута.

³ В T_5 заглавие вписано позднее.

л. 12 Вхожу в паноптикум¹

Кадите мне. Цветы рассыпьте.²
Я в незапамятных веках³
Была царицею в Египте.⁴
Теперь я – воск. Я – тень. Я – прах.⁵
()
Теперь исторгну больше всех⁶
У пьяного поэта – слезы⁷
У пьяной проститутки – смех.⁸

(II)

л. 12 об. Она раскинулась лениво –
На век – забыть, навек уснуть⁹
Змея легко, неторопливо¹⁰
Ей жалит восковую грудь.

Я сам – позорный и продажный –¹¹
()
Пришел взглянуть на профиль важный¹²
На смуглый воск и на парчу

¹ Было: ^a начато: Приду

^b Вхожу я с улицы – с другими
И пьян, и

^a Вхожу сюда, как в дом

² Было: ^a начато: [Щ] Курите

^b Кадите мне, цветов рассыпьте,

³ Было: ^a начато: Когда-то

^b начато: В те неза()

^a Я Клеопатрою в Египте
Звалась

² Я Клеопатрою в Египте
Была

⁴ Было начато: Царице(ю)

⁵ Было: Теперь я только воск. Я – прах.

⁶ Было начато: ^a Истор()

^b Я исторгаю

⁷ Было: ^a как в тексте

^b У пьяного поэта – строфы

⁸ Было: У проститутки пьяной – смех.

⁹ Было начато: Смугла

¹⁰ Было начато: ^a И

^b О, как змея неторопливо

¹¹ Далее было: Иду в паноптикум ()

Взглянуть на этот профиль важный,
На эти смуглые

¹² Было: Иду взглянуть на профиль важный,

[Смотрю в стеклянный гроб – и душу]

- л. 13 Гробовой тайны не нарушу –¹
()
Через века живую душу²
Ты пронесла – и шепчешь им³
Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Там, за вит()

Варианты ЧА ЗК₁₈

- 2 *начато*: Из◇
3 Толпой веселой и нахальной◇
4 а. Идем. В гробу – царица ждет⁴
б. Спешим. В гробу – царица ждет
14 С клеймом порока на лице◇
16 *начато*: На смуглый воск в цветной◇
17–20 а. Гробовой тайны не нарушу
()
Ты пронесла живую душу
Через века – и шепчешь мне
б. Тебя рассматривает каждый⁵,
Когда бы гроб твой не был пуст⁶
Я услышал бы не однажды⁷
Надменный вздох истлевших уст:
25 а. Царица! Приникаю к гробу
б. Царица! Преклоняюсь ()
в. Царица! Я пленен тобою
26 а. В Египте был я – только раб.⁸
б. В Египте был я – лишь рабом.◇

¹ *Было*: Покоя гроба не нарушу –
Я сам горел в твоём огне

² *Было*: ^а В стеклянном гробе вижу душу

^б В стеклянном гробе слы(шу) душу

^в В стеклянном гробе чую душу

^г Звенят века. Живую душу

³ *Было начато*: ^а Ты пронесла

^б В ст()

⁴ *Было начато*: Она

⁵ *Было начато*: Царица,

⁶ *Было*: И если б гроб твой не был пуст

⁷ *Было начато*: Я не

⁸ *Было начато*: ^а Перед

^б В Египте был бы

- 27 Теперь мне суждено судьбою¹◇
 28 а Поэтом быть – и быть царем...²
 б Мне быть поэтом – и царем...
 29 а Ты – протяни из гроба руки³
 б Ты видишь ли теперь из гроба –⁴
 31 Что я и римский Цезарь – оба◇
 32 а С тобою связаны Судьбой⁵
 б В веках равны перед Судьбой
 33 а Замолк. Гляжу. Царица дышит.
 б Замолк. Гляжу. Она не слышит,
 34 *начато*: Она◇
 35 а Но грудь под легкой тканью дышит
 б И за прозрачной тканью дышит
 38 Теперь исторгну больше всех◇

Варианты БА РГБ

Между 24 и 25

интервал

32 В веках равны перед Судьбой?

34 Но воск колыхнется едва

Варианты правки в РЭ III₁

17–20, 29–32

зачеркнуты

Варианты публикаций в II₃

17–20, 29–32

отсутствуют

НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНИЕ

("Поздним вечером ждала...")

(С. 139)

Вариант Т₆

27 Выди, выди из ворот...

Варианты правки в РЭ III₁

7–12, 23, 26

зачеркнуты

Варианты публикации в III₂

7–12 и 23, 26

отсутствуют

¹ Было *начато*: Теперь – я

² Было *начато*: Быть

³ Было *начато*: Приникну

⁴ Далее было *начато*: Что я, как Рим,

⁵ Было *начато*: Тобой связаны

Далее *начата* правка: С тобой союзы

СНЕЖНАЯ МАСКА

ПОСВЯЩЕНИЕ К ЦИКЛУ "СНЕЖНАЯ МАСКА"

(С. 143)

Вариант ЧА ЗК₁₆

Посвящаю эти стихи
Тебе,¹
высокая женщина в черном
с глазами крылатыми
и влюбленными в огни
и мглу моего снежного
города.

Вариант Т₅

Посвящение *отсутствует*

Вариант публикаций в СМ, ЗС и III₁ (НР₂ III₁)

п о с в я щ а ю
эти стихи
ТЕБЕ
высокая женщина в черном
с глазами крылатыми
и влюбленными
в огни и мглу
моего снежного города.

СНЕЖНОЕ ВИНО

("И вновь, сверкнув из чаши винной...")

(С. 143)

Вариант Т₅

16 На опрокинутом лице?

Варианты БА ЗК₂₁

7 Воздушный сон о поцелуях,
14 Не увидеть тебя в венце?
16 как в Т₅

¹ Было: Посвящаю эту книгу
только Тебе,
слово только заключено в круглые скобки, затем зачеркнуто синим карандашом.

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

("Снежная мгла взвилась...")

(С. 143)

Варианты T_5

- 19–22 *вписаны*
Между 20 и 21 *интервал отсутствует*
Между 23 и 24 Эти черные глаза,
Между 25 и 26 Открываются уста,
Между 30 и 31 Ты звезды гасишь....
Поцелуи тратишь...

Варианты публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

- Между 23 и 24 *как в T_5*
Между 25 и 26 *как в T_5*
Между 30 и 31 Ты звезды гасишь...
Поцелуи тратишь...

Правка в РЭ III₁

- Ст. между 23 и 24,
25 и 26, 30 и 31 *вычеркнуты*

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

("В снежной пене – предзакатная...")

(С. 144)

Вариант T_5 и публикации в II₅

- 16 Зов закованный в снега.

Вариант НР₂ III₁

- 16 *как в T_5 ◊*

НА СТРАЖЕ

("Я – непокорный и свободный...")

(С. 145)

Вариант T_5

- 15 И канет черная комета

Варианты публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

- 3 А он – простерт над бездной водной (ЗС)
13 И он потребует ответа, (ЗС)
15 *как в T_5*

Правка в РЭ III₁

- 15 *как в T_5 ◊*

ВТОРОЕ КРЕЩЕЬЕ

("Открыли дверь мою метели...")

(С. 145)

Варианты T_5

- Вм. 9–12: (9–12) И женщин жалкие объятья
Знакомы мне, – я к ним привык,
И всем странам я шлю проклятья –
Да будет это – первый крик.
15 Ты мне сулишь еще мгновенье?¹

Варианты публикации в $СМ$

- Вм. 9–12: (9–12)
(9), (12) как в T_5
(10–11) Знакомы мне, – я к ним привык.
И всем странам я шлю проклятья... –

Варианты переработки в T_5 (T_5 -{1908?})²

После (12) вписаны ст. 9–12 основного текста с вариантами в ст. 10

- 10 а. На остывающей земле,
б. Крещеный вьюгой на земле³

Варианты АС РГАЛИ и публикаций в ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

- Между 8 и 9: (9–12)
(9), (12) как в T_5
(10) как в $СМ$
(11) как в $СМ$ (ЗС)
(11) а. И всем странам я шлю проклятья... –
б. И всем странам я шлю проклятья... (НР₂ III₁)
(11) как в НР₂ III₁, вар. б (АС РГАЛИ, III₁)

Варианты переработки в T_5 (T_5 -{1916?})

- Между 8 и 9: (9–12) зачеркнуты⁴

Варианты правки в РЭ III₁

- Между 8 и 9: (9–12) зачеркнуты

¹ Возможно прочтение: Ты мне сулишь еще мгновенья?

² Правка чернилами.

³ Вар. б вписан в круглых скобках при незачеркнутом вар. а.

⁴ Правка карандашом.

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЮ

("Вьюга пела...")

(С. 146)

Варианты Т₅

- 5 Ты опрокинула голову в высь.
42 Безначалья своего.
46 Жезл померкшего Царя!

Вариант публикации в СМ и П₅

- 42 как в Т₅

НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ

("Белоснежней не было зим...")

(С. 147)

Варианты ЧА ЗК₁₆

- 3 И ты дала мне в руки[◇]
5 *вписано*
6 а. И тихо курился над городом дым
6. И тихо всходил над городом дым[◇]
7 И замирали звуки.[◇]
8 И белые встали сугробы[◇]
10 Серебряный серп.[◇]
14–19 *Следуют после ст. 20–27¹*
23 И кони неслись[◇]
25–26 *вписаны*

Вариант Т₅

- 19 Снежным, мятельным хором.^{2 ◇}

КРЫЛЬЯ

("Крылья легкие раскину...")

(С. 149)

Варианты Т₅

- Между 18 и 19 *интервал*
Между 22 и 23 И вверху смежает очи
Лишь одна.³

¹ Позже порядок строф изменен.

² Приведено к основному тексту синим карандашом.

³ Ст. между 22 и 23 строфически объединены со ст. 23–26.

Варианты публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

- Между 18 и 19 *интервал (СМ, ЗС, III₁)*
6 **Вьюги снежные, вздохните! (ЗС)**
Между 22 и 23 *как в T₅ (СМ, ЗС¹, III₁ (НР₂ III₁))*

Правка в РЭ III₁

- 4-6 *зачеркнуты*
Ст. между 22 и 23 *зачеркнуты*

Вариант публикации в II₃

- 4-6 *отсутствуют*

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

("И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...")

(С. 153)

Вариант T₅

- 8 На вечный покой отходящего Царя.

ТРЕВОГА

("Сердце, слышишь...")

(С. 154)

Варианты T₅

- 5 Кто-то подал тайный знак,
14 Полетим

Варианты публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

- 5 *как в T₅*

Правка в РЭ III₁

- 5 *как в T₅ ◊*

ПРОЧЬ!

("И опять открыли солнца...")

(С. 155)

Варианты T₅

Между 57 и 58:

- 61 и 62 *интервал отсутствует*

¹ В ЗС ст. между 22 и 23 выделены в отдельное двустишие.

Правка в РЭ III₁

39–46 *зачеркнуты*

Вариант публикации в II₃

39–46 *отсутствуют*

И ОПЯТЬ СНЕГА

("И опять, опять снега...")

(С. 157)

Варианты T₅

Между 9 и 10, 18 и 19,

21 и 22 *интервал отсутствует*

12 *Веселится Смерть.*

17 *И в полях гуляет Смерть –*

24 *И опять глядится Смерть*

Варианты публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

12 *как в T₅ (СМ, III₁ (НР₂ III₁))*

24 *как в T₅*

ГОЛОСА

("Нет исхода вьюгам певучим!..")

(С. 158)

Варианты T₅

33 *Потонул в серебряной вьюге...*

43 *Расстанься с дольной жизнью!*

Вариант публикации в СМ

33 *как в T₅*

Правка в РЭ III₁

44–46 *зачеркнуты*

Вариант публикации в II₃

44–46 *отсутствуют*

БЛЕДНЫЕ СКАЗАНИЯ

("Посмотри, подруга, эльф твой...")

(С. 161)

Варианты Т₅

- Между 14 и 15, 26 и 27 *интервал отсутствует*
15–16 И еще темной – на темной
Завесе окна.
38 Опечаленный Амур.

Варианты публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁) и в II₅

- Между 14 и 15 *интервал отсутствует (ЗС)*
Между 16 и 17 *интервал (СМ, ЗС, II₅)*
Между 17 и 18 *интервал отсутствует (СМ, ЗС, II₅)*
Между 28 и 29 *интервал (СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁))*
15–16 *как в Т₅ (СМ, ЗС, II₅)*
38 *как в Т₅ (СМ, ЗС, НР₂ III₁)*

Правка в РЭ III₁

- 1–4 *зачеркнуты*
5 а. *как в основном тексте*
б. Вот смеется маска маске,

Варианты публикации в II₃

- 1–4 *отсутствуют*
5 *как в РЭ III₁, вар. б*

СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

("В длинной сказке...")

(С. 164)

Вариант Т₅

- Между 8 и 9 *интервал отсутствует*

В УГЛУ ДИВАНА

("Но в камине дозвенели...")

(С. 164)

Варианты Т₅

Без деления на строфы

- 21 И любой колени клонит

ТЕНИ НА СТЕНЕ

("Вот прошел король с зубчатым...")

(С. 165)

Варианты T_5

Между 2 и 3, 4 и 5,

6 и 7

интервал отсутствует

9

Ах, к походке Вашей, рыцарь,

11

Под забралом Вашим, рыцарь, –

23

Ах, Вы сами в сказке, рыцарь!

Варианты публикаций в СМ, ЗС

Строфическое

деление

как в T_5 (СМ)

Между 2 и 3, 6 и 7

интервал отсутствует (ЗС)

9, 11, 23

как в T_5

НЕИЗБЕЖНОЕ

("Тихо вывела из комнат...")

(С. 167)

Варианты T_5

Между 14 и 15

интервал отсутствует

После 16

Безнадежно и спокойно.¹

Варианты $HP_2 III_1$ и публикаций в СМ, ЗС, КРП, III_1, II_3

Между 14 и 15

интервал отсутствует

Между 2 и 3, 4 и 5,

8 и 9

интервал отсутствует (КРП)

После 16

как в T_5^2 (СМ, ЗС, КРП, III_1 ($HP_2 III_1$))

ЗДЕСЬ И ТАМ

("Ветер звал и гнал погоню...")

(С. 168)

Варианты T_5

9

И (из) снежного бурьяна

24

Были тайно влюблены.

¹ Стих выделен интервалом после ст. 16.

² В СМ после ст. 16 интервал отсутствует.

Варианты публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

- Между 17 и 18 *интервал отсутствует*
9 И из снежного бурьяна
24 как в T₅ (ЗС, III₁ (НР₂ III₁))

Правка в РЭ III₁

- 9 И из снежного бурьяна[◇]
24 как в T₅[◇]

ОБРЕЧЕННЫЙ

("Тайно сердце просит гибели...")

(С. 169)

Вариант T₅

- 9 Завила, сковала взорами

Варианты публикации в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁) и Изборника

- 9 как в T₅ (СМ, III₁, Изборник)
12 Белой Смерти предала...
15 Если сердце просит гибели (ЗС)

НЕТ ИСХОДА

("Нет исхода из вьюг...")

(С. 170)

Варианты T₅

- Между 6 и 7 *интервал отсутствует*
13 И в среброснежном покое –

Варианты публикации в СМ, ЗС, III₁, II₃

- Между 14 и 15 *интервал отсутствует*
15 И приветно глядит на меня: (ЗС)

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

("Сверкни, последняя игла...")

(С. 170)

Варианты T₅

- Между 10 и 11,
12 и 13 *интервал отсутствует*

Вариант публикации в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁), II₃

- Между 12 и 13 *интервал отсутствует*

НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ
("И взвился костер высокий...")
(С. 171)

Вариант Т₅

10 Нежно смотрит Высота.

Вариант публикаций в СМ, ЗС, III₁ (НР₂ III₁)

10 как в Т₅

Правка в РЭ III₁

5-8, 18-21 *зачеркнуты*

Вариант публикации в П₃

5-8, 18-21 *отсутствуют*

ФАИНА

"ВОТ ЯВИЛАСЬ. ЗАСЛОНИЛА..."
(С. 175)

Варианты Т₅

Заглавие
(посвящение?) Н.Н. Волоховой¹
9 Ты ль взмахнула бубенцами,[◇]
16 Бубенцы, как огоньки?[◇]
19 И мгновенья все обманут,
Между 20 и 21:
(21-24)² Ничего ты не узнаешь,
Завтра все забудешь ты.
В утро светлое растаешь,
Как морозные цветы.
25 а. *как в основном тексте*
б. Но за темною вуалью
27 а. *как в основном тексте*
б. И над белой, снежной далью

Варианты БА₁ РГАЛИ и БА₂ РГАЛИ

9 Ты ль взмахнула бубенцами,
15 И поют и гаснут в поле (БА₂ РГАЛИ)

¹ Вписано красным карандашом.

² Ст. (21-24) и 21-24 позднее вычеркнуты.

- 16 Бубенцы, как огоньки?
Между 20 и 21
(21-24) как в T_5
26 Я на миг увидел даль. (БА₂ РГАЛИ)

Варианты публикации в альм. "Шиповник"

- 15 как в БА₂ РГАЛИ
19 как в T_5
21-24 отсутствуют
25, 27 как в T_5 , вар. б

Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁), II₃

- 19 как в T_5 (ЗС)
19 И мгновенья все обманут,[◇] (НР III₁)
21-24 отсутствуют
25, 27 как в T_5 , вар. б

"Я БЫЛ СМУЩЕННЫЙ И ВЕСЕЛЫЙ..."

(С. 176)

Варианты T_5

Заглавие Н.Н. Волоховой¹

"Я В ДОЛЬНИЙ МИР ВОШЛА, КАК В ЛОЖУ..."

(С. 176)

Варианты T_5

Заглавие Н.Н. Волоховой²
Вм. 1-12: (1-16) Я в мир вошла, как в двери ложи.
Закрыта глухо дверь моя.
И в темном зале, хаос множа,
Поет людская толчея.

Вот мир, и блеск его заемный!
Вот – мне покорная земля!
И черных кудрей траур темный
Мои ласкает соболя.

- (10) И мгла поет из темной ложи:
– Найди. Люби. Возьми. Умчи...
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи!

¹ Вписано позднее.

² Вымарано заглавие "Н.Н. Волоховой", вписанное рукой Л.Д. Блок.

Они придут, как волны в море,¹
Как за грозой идет гроза.²
И вспыхнут траурные зори –
Мои крылатые глаза!³
21 Я иду, скользя...⁴

Варианты переработки в Т₃

Заглавие Н.Н. Волоховой
1–12 *как в основном тексте*⁴

Варианты публикации в альм. "Шиповник"

Между ст. 15 и 16,

21 и 22 *интервал*

20 И в венце мятелей снежных

22 В серебре мятелей кроясь,

Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁)

Элиграф Над тобою мне тайная сила дана,
Это – сила звезды роковой.
Есть преданье – сама ты преданий полна
Так послушай...

А. Григорьев (ЗС)

Между ст. 15 и 16,

21 и 22 *интервал*

Варианты публикации в II₃

Заглавие Н.Н.В.
13–24 *отсутствуют*

"УШЛА. НО ГИАЦИНТЫ ЖДАЛИ..."

(С. 177)

Варианты ЧА ЗК₁₆

Заглавие Послание NN
3 И в мягких складках женской шали
4 Ждала ночная тишина.⁴
Между 4 и 5: (5–8) В подушках, в кресле, на диване⁵
Живут стыдливые слова.⁶

¹ Было: ^a Они придут, как волны моря.

^b Они придут, как волны с моря.

² Было: Как рек послушные струи. (*вымарано*)

³ Было *начато*: Глаза

⁴ *Вновь записанный текст с заглавием вклеен на отдельном листе (л. 54).*

⁵ Было: И на подушках на диване

⁶ Было: ^a И в смятой (?) ткани – вновь жива

^b На смятой (?) ткани – вновь жива

^a На смятой (?) ткани – все живей

² *как в тексте*

- Мечта твоих благоуханий¹
 На смятой ткани – все жива.²
- 6 а. Я знаю – ты придешь опять
 б. Я знаю – Ты придешь опять
- 7 Благоуханьем Нильских Лилий³
- 9–12 а. Мне слабость этих рук знакома
 И эти нежные слова,⁴
 И тонкой талии истома⁵
 И грудь, открытая едва.
 б. *как в основном тексте*⁶
- Между 12 и 13:
- 1 а. Но в сумраке твоём неслышно⁷
 Вздыхает сонная змея
 б. Змеею – томной и ползучей⁸
 Мое ты сердце отрави
 в. Полночью змеей ползучей
 Мое ты сердце отрави⁹
 2. *ст. 25–28 основного текста*
 II а. Но имя душное, земное¹⁰

¹ Было: а. Мечтой твоих благоуханий (*незачеркнутый вариант*)

б. Мечтой ее благоуханий

Далее было начато: Таилась

² Далее было начато: а. { } Нильских лилий

В глаза Египетской реки

б. И Ты опять придешь и снова

в. Я

³ Далее было начато: а. Меня пленять

б. Меня пьянить

⁴ Было: И эта стройность – мне сладка,

Исправлено: И эта шепчущая

⁵ Было: а. И эта страстная истома

б. И эта стройная истома

в. начато: И водоскат

г. начато: И

д. И душное, земное имя

⁶ Четверостишие записано после остального текста стихотворения.

Было начато: ¹¹ И тонкой

¹² И белиз(а)

⁷ Было начато: И

⁸ Было начато: Вползи в

Далее было начато: К

⁹ Была начата правка: В глухой

Далее было: а. начато: Твоею томностью

б. Твоею томностью замучай,

в. И бледной томностью замучай,

г. Отравой томною замучай,

д. [И] [В] [И]

¹⁰ Было начато: Смотря (?)

- б. [Но в имени земном и страстном¹
Иное, трепетное есть²
И повторяя]
[Но сумрак]
14 И рыжий сумрак этих глаз[◇]
15 И есть змеиная неверность[◇]
17 *начато*: И миру дольной^{3◇}
18 Межь всех не знаешь ты одна,⁴
21 *начато*: Войди же^{5◇}
22 *начато*: И, добрая, возьми^{6◇}
23 И острым взором, полным боли,[◇]

Варианты T₅

- Заглавие Послание NN.
3 И в мягких складках женской шали
Между 4 и 5: (5–8)⁷ В подушках, в кресле, на диване
Живут стыдливые слова.
Мечта твоих благоуханий
На смятой ткани все жива.
7 Благоуханьем Нильских лилий

Варианты публикаций в ЦО

- Заглавие Послание
3, (5–8) как в T₅
Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁)

- Заглавие Послание
Эпиграф И к Мидианке на колени
Склоняю праздную главу.

Владимир Соловьев (ЗС)

- 3 как в T₅ (ЗС)
7 Благоуханьем Нильских Лилий (ЗС)

¹ Было: Но в имени земном и душном

² Было *начато*: ^a Есть незнакомая

^b Из

³ Было *начато*: ^a [Открыв глаза]

^b. И знаешь ты

^a [Что]

². Как я любил и ждал тебя

⁴ Было *начато*: Не знаешь ты сама

Далее было начато: Как

⁵ Было *начато*: ^a Приди жь (?)

^b Приди же, са(?)

⁶ *Далее было начато*: Твой взор

⁷ Ст. (5–8) заключены в скобки и зачеркнуты красным карандашом.

"ЗА ХОЛМОМ ОТЗВЕНЕЛИ УПРУГИЕ ЛАТЫ..."

(С. 178)

Варианты ЧА ЗК₁₆

- 1 Ты ушла – отзвенели веселые¹ латы[◇]
2 За холмами исчезли во мгле^{2◇}
5 Встанет солнце, застанет раскинувшим руки,^{3◇}
6 а. Высоко на открытом холме.
б. Где я в небо ночное глядел.
8 а. И пронзят меня тучами стрел.⁴
б. Обольют меня тучею стрел.
10 а. Неужели не сжалишься ты?
б. Неужели не вспомнишь меня?[◇]
11 а. Вижу там – под холмами – на горном изгибе
б. Чую там – под холмами – на горном изгибе
13 Воротясь, ты поднимешь копьё полуночи^{5◇}
15 *начато*: Я⁶ увижу твой[◇]
17–20 И потом, на холмы насылая туманы,⁷
Ты, Валкирия, Дева-Змея,
Будешь страстью лечить мои знойные раны
Под неверным мерцаньем копьё.⁸

Варианты Т₃

- 8 Обольют меня тучею стрел.
17 И потом, на холмы насылая туман,
18–19 а. Ты, Валкирия, Дева, Змея,
Будешь страстью лечить мои тяжкие раны⁹
б. С исцеляющим жалом – Змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знавали –

¹ веселые *вписано*.

² *Далее было начато*: Не хра()

³ *Далее было начато*: Умирающим

⁴ *Было начато*: В грудь стрелу за стрелю

⁵ *Было начато*: Воротясь, ты сверкнешь

⁶ *Было начато*: И

⁷ *Было*: И потом, насылая туманы в овраги

⁸ *Было*: Под мерцаньем копьё.

⁹ *Было*: Будешь страстью лечить мои знойные раны

"Я НАСАДИЛ МОЙ СВЕТЛЫЙ РАЙ..."

(С. 178)

Варианты ЧА ЗК₁₆¹

Посвящение	<i>отсутствует</i>
1	Я насадил () рай [◇]
3	<i>начато:</i> И в этой [◇]
4	Приходит мать за мной – за сыном. [◇]
5	Ты здесь, мой сын? [◇]
6	Вверху цветет и зреет солнце ^{2◇}
9	И тихо огибает мать [◇]
10 а.	Заветные ограды сына,
б.	Мои заветные ограды ³
в.	Мои сады, мои заветы
11–12 а.	Цветов стараясь не измять... ⁴
б.	И снова кличет: Сын мой где ты? <i>как в основном тексте</i>
Между 12 и 13	[Отходит в скудные поля И там тоскливой птицей кычет Но сын молчит ⁵ и сын ⁶ не кличет]
13–14	Все тихо. Слышит ли она ^{7◇} Земное сердце за оградой? ^{8◇}
15	Что радости иной не надо [◇]

Варианты Т₅

Посвящение	<i>отсутствует</i>
	<i>Варианты публикации в ЦО</i>
Заглавие	В раю
Посвящение	<i>отсутствует</i>
	<i>Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁), II₃</i>
Заглавие	Моей матери (III ₁ (НР III ₁) ⁹ , II ₃)
Посвящение	<i>отсутствует</i>

¹ Весь текст перечеркнут синим карандашом.

² Было *начато:* Цветет

³ Далее *зачеркнуто:* ^а Ограды
^б Садов

⁴ Было: Цветов стараясь не помять (?)...

⁵ Было *начато:* Но сын замолк

⁶ и сын *вписано красным карандашом.*

⁷ Было *начато:* ^а Так солнечный

^б () и знает ли она

⁸ Было: Что все () за оградой

⁹ Заглавие *относится к циклу из двух стихотворений: 1-е – настоящий текст; 2-е – "Я видел сон: мы в древнем склепе..."*.

"В ЭТОТ СЕРЫЙ ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР..."

(С. 179)

Вариант БА ИМЛИ

Заглавие VI. Цыганка¹
Вариант публикации в ЭС

Заглавие Цыганка
Вариант публикации в П₅

¹ В этот летний серый вечер,

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

1. "КОГДА В ЛИСТВЕ СЫРОЙ И РЖАВОЙ..."

(С. 179)

Вариант публикации в журн. "Весы"

¹⁴ И то же рубище на Нем.

Вариант НР III₁

¹² Ко мне плывет в ладье Христос. ◊

Вариант РЭ III₁

⁸
¹⁷⁻²⁰ Я запрокинусь на кресте, –
зачеркнуты

Вариант публикации в СР

¹⁷⁻²⁰ *отсутствуют*

2. "И ВОТ УЖЕ ВЕТРОМ РАЗБИТЫ, УБИТЫ..."

(С. 180)

Варианты ЧА ЗК₁₇

Перед ¹ [И вот уже в темных орбитах²
Невозможным взглянули глаза]

^{1 а.} Вот уже ветром убиты, разбиты

^{б.} И вот уже ветром убиты, разбиты

² Кусты осенней ракиты. ◊

^{3-6 а.} Но в темных орбитах³

¹ Вписано карандашом и зачеркнуто.

² Было: И вот уже в синих орбитах
Далее было начато: Беспечаль(ным?)

³ Было: И в темных орбитах

- Взглянули, сверкнули глаза невозможным¹
 И прахом дорожным²
 Угрюмая старость легла на ланитах³
- б. *как в основном тексте*
 Между 6 и 7 [И болью все ярче и ярче
 Сжимается сердце
 И боль]
- 8 а. Все в этой сияющей бездне⁴
 б. Все в этом сияньи
 в. Все в этом бездонном сияньи
 2. Все в этом сияньи бездонном
 И дальном⁵
- Между 9 и 10 [О, глупое сердце, смеющийся мальчик,⁶
 Когда перестанешь ты биться?!]
 10 а. И смятые травы
 б. И стоптаны травы[◇]
 12 И листья крутятся в лесу обнаженном⁷
 13 а. И снится:
 б. Поется и снится:
 в. И снится, и снится:[◇]
- Между 15 и 16 [Когда перестанешь ты биться]
- Варианты Т₆ и БА ИМЛИ*
- Между 2 и 3 *интервал отсутствует*
 Между 4 и 5 *интервал*
 Между 9 и 10 *интервал отсутствует*
- Варианты публикаций в журн. "Весы" и ЗС*
- Между 2 и 3 *интервал отсутствует*
 Между 4 и 5 *интервал (ЗС)*
 Между 9 и 10,
 15 и 16 *интервал отсутствует (Весы)*
- Вариант публикации в Ш₁ (НР Ш₁)*
- 9 И дальнем.⁸

¹ Было: а Взглянули глаза невозможным
 б Сверкнули, взглянули глаза невозможным

² Было: а как в тексте
 б Но прахом дорожным

³ Было: Мне старость легла на ланитах

⁴ Было начато: а. Все
 б Там все минова(ло)
 а. Все в этом

⁵ И дальном вписано

⁶ Далее было начато: Красивая (?)

⁷ Было начато: И листья редуют
 Далее было начато: О, глу(пое сердце?)

⁸ Приведено к основному тексту в РЭ Ш₁

3. "ПОД ВЕТРОМ ХОЛОДНЫЕ ПЛЕЧИ..."

(С. 180)

Первоначальная редакция в ЗК₁₇¹ (ЧА ЗК₁₇)

Под ветром холодные плечи²
Твои обнимать – так отрадн³
Ты думаешь – нежная ласка,
Я знаю – восторг мятежа!⁴

И теплятся очи, как свечи
Ночные – и слушаю жадно –
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа.⁵

(10) Я знаю, что холоден ветер,⁶
Я верю, что осень бесстрастна,
Но в темном плаще не узнают,⁷
Что ты пиновала со мной!⁸

О, в этот сияющий вечер⁹
Ты будешь все так же прекрасна!¹⁰

¹ *Помети над текстом:* Тоже 3 окт(ября) – в поезде в Киев

² *Было начато:* ^a Ты бьешь в виски
^b В моих руках – такая

³ *Было:* Твои обнимать – так притворно

⁴ *Было:* ^a Я знаю – звериное сердце.
^b Я знаю – звериная страсть.
^c Я знаю – мятежная страсть.

⁵ *Было:* ^a Встает ледящее солнце
^b Ночное и лдяное солнце
^c Звезда () пасть

Далее зачеркнуто: ^a Ты льдами
^b Меня опоясала льдами
Мне
^c И вот – изукрашена льдами

Змеин()
² О сделай, чтобы
^d Ты видишь, как

⁶ *Было:* ^a Я верю, что ветер холодный,
Я верю, что осень
^b Я верю, что ветер осенний,
^{a-2} Я верю, что холоден ветер,

⁷ *Было:* ^a *начато:* Но в этом
^b Но в темных плащах не узнают,

⁸ *Было:* Что ты целовала меня!

Далее было начато: ^a И
^b Лицом
^c Устами
² Губами
^d И дай мне

⁹ *Было:* ^{a-b} Но в этот сияющий вечер

¹⁰ *Далее было начато:* И также

И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой.¹

(20) Что глядя в осенние дали²
В дыхании осени строгом³
Целуют холодные губы⁴
Горячие губы мои
И помни, что мы услышали:⁵
По темным холодным дорогам⁶
Зовут одичалые трубы⁷
В холодные выси твои.

Вариант БА ИМЛИ

(23) Целуют в предсмертной печали[◇]

"В ТЕ НОЧИ СВЕТЛЫЕ, ПУСТЫЕ..."

(С. 181)

Первоначальная редакция в ЗК₁₇ (ЧА)

Опять, забыв святое "ты",⁸
Они встречались, как чужие,
Крутила осень золотые,
Червонно красные листья.⁹

И каждый был красив и молод,¹⁰
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод¹¹
Под одичалой красотой.

¹ Было: Ты будешь звездой – надо мной. (*незачеркнутый вариант*)

² Было: ^а Смотри все (?) в предсмертные дали

^б Смотри же в предсмертные дали

^в Что глядя в предсмертные дали

³ Было: ^а начато: Ты слышишь

^б начато: Целуй

^в И слушай осеннюю вьюгу

⁴ Было: И буду в холодные губы

⁵ Было: ^а И помни, что мы увидели

^б И помни, что мы услышали –

Звенят по холодным дорогам

Призывные осени трубы (*незачеркнутый вариант*)

⁶ Было: Как к темным холодным дорогам

⁷ Было: Вывают осенние трубы

⁸ Было: И вновь, забыв святое "ты",

⁹ Было: ^а Над ними – красные листья.

^б начато: И

¹⁰ Было: И были молоды их встречи

¹¹ Было: Она таила дикий холод

СНЕЖНАЯ ДЕВА

("Она пришла из дикой дали...")

(С. 182)

Первоначальная редакция в ЗК₁₇ (ЧА)

Она пришла из дикой дали –

Ночная дочь иных времен.¹

Ее родные не встречали,²

Не просиял ей небосклон.³

- (5) И город мой – железно-серый,⁴
Где ветер, дождь и зыбь и мгла,⁵
С какой-то непонятной верой⁶
Она, как царство, приняла.

- Ей стали нравиться громады
(10) Уснувшие в ночной глуши
И в окнах – тихие лампы
Слились с мечтой ее души.⁷

- Она узнала – зыбь, и дымы,
Огни, и мраки, и дома,
(15) Весь город мой непостижимый –
Непостижимая сама.⁸

¹ Было: ^a И каждый был ей незнаком.

^b начато: Из темных

^a Из темных < > племен.

² Из темных сказочных времен.

^d начато: Ночная дочь былых

² Далее зачеркнуто: Ее чужие не

³ Было: ^a начато: Не про(сиял?)

^b Не засиял ей небосклон.

⁴ Было: Но город мой – железный (?) серый

⁵ Было: ^a Она покор(но?)

^b Она, как царство, приняла

^a Где ветер, дождь и рябь и мгла,

⁶ Было: ^a С какой-то незнакомой верой

^b С какой-то ненасытной верой

⁷ Далее было начато: ^a Непостижим

^b Мой непостижны(й)

^a Непостижимая сама

⁸ Было: ^{(13-16) a} Мой город – весь непостижимый –

Непостижимая сама –

Она познала – зыбь, и дымы, *

Огни, и мраки, и дома.

* Исправлено: [Все, все познала – зыбь, и дымы,]

Все, все узнала – зыбь, и дымы,

^b Весь город мой непостижимый –

Непостижимая сама –

Она узнала – зыбь, и дымы,

Огни, и мраки, и дома.

Далее было начато: И

- Но сфинкса с выщербленным ликом¹
 Над исполинскую Невою
 Она встречала легким вскриком
 (20) Под бурей ночи снеговой.²
 Бывало – вьюга ей осыпет³
 Звездами – плечи, грудь и стан, –
 Но снится ей родной Египет⁴
 Сквозь () северный туман⁵
 (25) [И говорит простым и ясным,⁶
 Но незнакомым языком.
 Сияньем бешено бесстрастным
 Глаза сияют под платком.]⁷
 Она дарит мне перстень вьюги
 (30) За то, что плащ мой – полон звезд,⁸
 За то, что я – в стальной кольчуге,⁹
 И на кольчуге – строгий крест.
 [Она глядит мне прямо в очи
 За то, что знает, как смела
 (35) Моя душа – навстречу ночи
 Запеть готовая стрела.]¹⁰

16.X.Ночь.

¹ Было: И сфинксов с выщербленным ликом

² Далее было начато: ^a И помню – мы
^b И снил(ся?)

³ Было: Бывало – вьюга ей засыпет

⁴ Было: ^a Но темной родиной
^b Все снится ей родной Египет

⁵ Далее было начато: И будто

⁶ Было: И говорит простым и четким,

⁷ Далее было начато: И над Невою возникают
 Огни и мгла

⁸ Было: За то, что плащ мой – полон чар,

⁹ Было: За то, что я – всегда в кольчуге,

Далее было начато: И на

¹⁰ Было: Всегда готовая стрела.

Исправлено: ^a Она глядит открыто в очи
 Мне, как не робкому врагу,
 За то что знает – сколько ночи

Я в () сердце берегу
^b Она всегда глядит мне в очи

Как не робкому врагу,

^a Она всегда глядит мне в очи

И видит смелого врага

Далее зачеркнуто: ^a Она [мне, верно]

^b Она воро(?)

^a [Она не знает, как я молод,]

² Она

² Запомнив только половину

Безумной сказки древних лет.

Но сердце Снежной Девы немо¹
И никогда не примет меч²
Чтобы ремень стального шлема³
(40) Рукою страстною рассечь.⁴

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

(45) Когда она глядит мне в очи⁵
Хвала неробкого врага,⁶
С полей ее холодной ночи⁷
В мой дух врываются снега.

17.X. вечер

Вариант Т₆, БА ИМЛИ и публикации в журн. "Весы"

36 Рукою властною рассечь.

Варианты БА РГАЛИ

11 И снится ей родной Египет

36 как в Т₆

^ε. Запомнив только половину
Родимой сказки древних лет.

^ж. [Или]

^з. Она [не]

^и. Она навеки позабыла

^к. [И белый] лотос и коня(?)

^л Священный лотос и огня
И () Нила
() меня

¹ Было: ^а Но никогда не снимет шлема
С моей усталой головы

^б *начато*: Но никогда

^в Но ледяное сердце немо

² Было: ^а И не развяжет никогда

^б И никогда не спро(сит)

³ Было: ^а *начато*: Рем(ней?)

^б Моих стальных ремней у шлема

^в Чтобы стальной ремень у шлема

⁴ *Незачеркнутый вариант*: Рукою властною рассечь

⁵ Было: Она глядит открыто в очи

⁶ Было: И видит смелого врага,

Далее зачеркнуто: ^а И в

^б За то, что в дух мой, полный ночи,
Крутятся, врываются снега.

⁷ Было: То из ее холодной ночи

Варианты ЗС

Эпиграф

И поединок роковой.

Тютчев.

36 как в Т₆

Варианты НР III₁

11 И снится ей родной Египет[◇]

36 Рукою властною рассечь.[◇]

"И Я ПРОВЕЛ БЕЗУМНЫЙ ГОД..."

(С. 183)

Варианты ЧА ЗК₁₇

Заглавие

"Отрывок из поэмы".

- 4 а. Волос ее касались руки...
б. Моих волос касались руки...¹
- 7 а. Потом – устал. И синим кругом
б. И я гляде(л.) И синим кругом
в. И я смотрел. И синим кругом[◇]
- 8 Мои глаза окружены.²
- 10 начато: Ее[◇]
- 17 Смотрю и жду. Целую черный волос.[◇]
- 19 а. Так провожу я дни, и дни –
б. Так провожу я ночи, дни –
- 21 В камине звякнули огни.[◇]
- 23 Снежинки белые – и вот
- 24 а. Она встает. Она уйдет...
б. Она встает. Она идет...
- 27 а. начато: Она
б. В последний раз ласкает друга –
- 28 Бросает ласковый намек.³
- 30 В очах – тускнеют, гаснут искры.⁴
- 32 а. Стекло́нной двери – в тишине
б. Стекло́нной двери – вдалеке
- 34 начато: Ее л(?)^{◇5}
- 35 а. Забыл одно, – бросаюсь к двери...
б. Потом () бросаюсь к двери...

¹ Далее было начато: Ее – слепительной

² Было начато: Мои глазницы об()

³ Было начато: И дрогнул

⁴ Было начато: ^а В очах – тускнеют

^б В очах – тускней

⁵ Далее зачеркнуто: ^а Дрожу. И

^б Вскочил... И вспомнил

^а Вскочил... Мгновенно вспомнил

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

(С. 185)

Варианты Т₆

Заглавие	Заклятие огнем и мраком и пляской метелей. Одиннадцать стихотворений.
Посвящение	И вновь посвящаю я Эти стихи – Тебе.

Варианты БА ИМЛИ и публикации в журн. "Весы"

Заглавие	Заклятие огнем и мраком и пляской метелей
Посвящение	И вновь посвящаю я эти стихи – Тебе.

Варианты III₁ (НР III₁), II₃

Заглавие	Заклятие огнем и мраком и пляской метелей (III ₁ (НР III ₁))
Посвящение	И вновь посвящаю эти стихи – тебе. ¹ (III ₁ (НР III ₁))
Эпиграф	<i>отсутствует</i>

1. "О, ВЕСНА БЕЗ КОНЦА И БЕЗ КРАЮ..."

(С. 185)

Варианты ЧА ЗК₁₇

Посвящение	Женщине, отравленной красотой своей.
8	В тайнах смеха – позорного нет! [◇]
9	Принимаю усталые споры, [◇]
13	Принимаю небесные выси, [◇]
15	И свободный простор поднебесий [◇]
18 а.	Заколдованной жизни моей,
б.	Заколдованной жизни влотьмах, [◇]
19	С нерассказанным (?) именем Бога [◇]
21 а.	И стоим, трепеща и враждуя,
б.	Мы стоим, трепеща и враждуя, [◇]
22	<i>начато</i> : Никогда не ^{2◇}
23	Никогда не откроешь ты плечи, ³
24 а.	А над нами – хмельная мечта. ⁴
б.	Но над нами – хмельная мечта.

¹ В НР III₁ первоначально было: Тебе.

² Было *начато*: а. Никогда мы
б. Никогда ты

³ Было *начато*: Никогда ты

⁴ Незачеркнутый вариант.

Далее было *начато*: Но смотрю я

Вариант Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

Заглавие 1. Принимаю

Вариант публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁), П₃, в Изборнике

Заглавие Принимаю

2. "ПРИНЯВШИЙ МИР, КАК ЗВОНКИЙ ДАР..."

(С. 187)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 3 а. Смотри – растет, шумит пожар,
б. Смотрю – растет, шумит пожар,
6 Весь город – сноп огня. ◊
8 а. И больше нет меня.¹
б. И только нет меня.
10 а. Я пригвожден – смотри.
б. Я пригвожден к стене – смотри.
Между 12 и 13 И что мне в них? Кто в их огне?
О чем поют? К чему зовут?²
Пророчат жизнь, или гибель мне?
Смотри – я буду тут.
13 а. Я буду здесь – мы все сгорим.³
б. Я буду здесь – мы все горим.
14 а. Дома, река и я.
б. Весь город мой, река и я.
15 Крести жь крещеньем огневым,

Вариант Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

Заглавие 2. В огне

Вариант публикации в ЗС

Заглавие Пожар

Вариант публикации в III₁ (НР III₁)

Заглавие В огне

¹ Незачеркнутый вариант.

² Было: О чем поют? К чему ведут?

³ Было начато: Я буду здесь – горе(ть?)

3. "Я НЕВЕРНУЮ ВСТРЕТИЛ У ВХОДА..."

(С. 187)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 1 Я неверную встретил у двери[◇]
2 Уронила платок – и ждала.[◇]
4 *начато*: Только жуть[◇]
5 а. Говорил я бессвязные речи,
б. Говорил ей бессвязные речи,^{1◇}
6 а. Открывал ей все тайны свои,
б. Открывал ей все тайны мои,[◇]
7 Никому не поведал той встречи,[◇]
8 а. Чтоб она прошептала с людьми.
б. Чтоб она прошептала: Возьми.
11 *начато*: Где развеялся[◇]
Между 12 и 13 [Долго ждал я у светлого дома,²
Не глядел я в его темноту³]
14 а. Я остался глядеть в темноту.⁴
б. Я остался один с темнотой.[◇]
16 а. И возможное было мечтой.
б. Но возможное было мечтой.

Варианты Т₆, БА ИМЛИ, публикаций в журн. "Весы", III₁ (НР III₁)

- Заглавие 3. И во мраке (Т₆, БА ИМЛИ, Весы)
Заглавие И во мраке (НР III₁, III₁)

4. "ПЕРЕХОЖУ ОТ КАЗНИ К КАЗНИ..."

(С. 188)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 3 И только невозможным дразнишь,^{5◇}
4 а. Немыслимым мерцаешь мне
б. Немыслимым томишь меня.
6 Погибнуть в голубую ночь^{6◇}

¹ Далее было *начато*: ^а На коленях
^б На колени

² Было: Долго ждал я у окон несветлых

³ Было *начато*: Не глядел в
Далее запись: Язык несвязный.
Хмель твой.

⁴ Далее было *начато*: Чтоб метель

⁵ Ст. 1–2 вписаны позднее

⁶ Было *начато*: ^а Уй(ти?)
^б Безвозвратно кануть

- 7 И только робкой тенью вею, ◇
 8 а. Не смея в ночь твою взглянуть.
 б. Не смея в небо заглянуть.
 11–12 Меня в темнице безотрадной ◇
 Храня, как бедное дитя. ◇
 13 И я безумен – я покорен,¹ ◇
 15 *начато*: И только взор твой ◇
 16 а. В моем пылающем бреду²
 б. В моем пылающем аду³
 17–18 а. Не смея перейти проклятья,
 Кляня проклятое кольцо,
 б. И утром не хочу дышать я,⁴
 Распят у твоего крыльца,
 в. *как в основном тексте*
 19 а. Так утопает в складках платья
 б. Поет и тонет в складках платья
 в. И ночью тонет в складках платья
 20 а. Всегда безумное лицо.
 б. Мое безумное лицо.
 21 а. И утром воронам бросаю
 б. Я утром воронам бросаю ◇
 22 а. Мой хмель, мой сон, мою мечту⁵
 б. Свой хмель, свой сон, свою мечту
 23 а. Но к ночи снова – знаю, знаю⁶
 б. Но к ночи знаю, знаю, знаю
 в. Но к ночи снова знаю, знаю
 25 а. Что быть бесстрастным, что свободным!
 б. Что быть бесстрастным, что крылатым!
 27 *начато*: Чтоб только плыть ◇
 После 28 [Чтобы неведомое вскрылось⁷
 И невозможное сбылось
 Чтоб сердце никогда не билось
 И { }]

¹ Было *начато*: Мне быть

² Незачеркнутый вариант.

³ Далее было: ^а *начато*: Ласкать
^б Сгораю невозвратным хмелем

⁴ Было: И утром не могу дышать я

⁵ Было *начато*: Мой хмель, мой

⁶ Было *начато*: И почь

⁷ Было: ^а Чтоб разомкнулись руки ночи,

^б *начато*: Чтоб труп

^в *начато*: И труп

^г *начато*: И отпылавших

Вариант Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

Заглавие 4. Под пыткой.

Варианты публикаций в ЗС и III₁ (НР III₁)

Заглавие Под пыткой

Эпиграф Да, к устам твоим прикинув,
Посмотреть в лицо твое,
Чтоб не дрогнув, чтоб не крикнув
Встретить смерти острие!

Брюсов (ЗС)

16–20 *отсутствуют (ЗС)*

5. "ПОЙМИ ЖЕ, Я СПУТАЛ, Я СПУТАЛ..."

(С. 189)

Варианты ЧА ЗК₁₇

9 а. И ветер поет и гуляет

б. *как в основном тексте*

в. А ветер поет и пророчит[◇]

10 а. Мне в будущем – ясность твою

б. Мне в будущем – сон голубой,¹

12 а. Чтоб я веселился с тобой.

б. Чтоб ты веселилась со мной.

14 Роняет на каждом шагу[◇]

17 О будущем, ветер, не скажешь,[◇]

18 а. Не знает, что гордая ты.

б. Не молвишь, осенний цветок,

в. Не молвит осенний цветок,[◇]

19 а. Ты, милая, тихо завяжешь

б. Ты, милая, тихо развяжешь[◇]

20 а. Свой черный, шелковый платок.

б. Свой шелковый, черный платок.

21–24 а. Что сердце – летящая птица,

Что в сердце – щемящая лень,²

Что глупая эта страница

Придет к тебе в завтрашний день.

б. Что только звенящая снится

И сердце палящая тень...

Что сердце – летящая птица,

Что в сердце – щемящая лень.

¹ Далее было начато: И

² Было: Что в сердце – щемящая мгла,

Вариант Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

Заглавие 5. В снегах.

Вариант публикации в ЗС

Заглавие Пойми.

Вариант публикации в Ш₁ (НР Ш₁)

Заглавие В снегах.

6. "В БЕСКОНЕЧНОЙ ДАЛИ КОРРИДОРОВ..."

(С. 189)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 1 *начато*: В бесконечных[◇]
3 Не ее ль этой музыкой споров[◇]
4 а. От меня в этот час отмели?
б. От нее в этот час отмели?¹
6 а. Не поймете, что мир ее храм,
б. Не поймете, что темен мой храм,
9 Сердце – птицей летает по залам,^{2◇}
10 а. Где она веселится в свой час.
б. В золотой, улетающий час.
11 а. Где она в тесноте и круженьи³
б. И она в опьяненьи кружений
в. Там она в опьяненьи кружений
Между 20 и 21 [Что жь ты медлишь, товарищ усталый,
Что ломаешь ты руки свои?
Неужели еще тебе мало
Этих страшных движений змеи?]
22 а. И она закружилась одна
б. Там вдали закружилась она –[◇]
23 В легком танце, как быстрая птица,[◇]

Варианты Т₆

- Заглавие 6. И в дальних залах
4 От нее в этот час отмели?[◇]
8 Воспаленным откроют глазам.
22 То вдали закружила она

¹ *Далее было начато*: Люди скучны

² *Было начато*: Сердце, бившее

³ *Было начато*: а. Это

б. Где в дыму

Варианты БА ИМЛИ и публикации в журн. "Весы"

- Заглавие б. И в дальних залах.
4 От нее в этот час отмели?
22 как в T_6
22 То вдали закружится она

Варианты НР III₁

- Заглавие И в дальних залах
4 как в T_6
8 Воспаленным откроют глазам.[◇]
22 как в БА ИМЛИ и *Весех*

Варианты III₁

- Заглавие И в дальних залах

7. "ПО УЛИЦАМ МЕТЕЛЬ МЕТЕТ..."

(С. 190)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 1-2 а. Я шел по улице – и вот
Передо мной
б. Бреду по улице – и вот
Сменяются, шатаются
в. как в *основном тексте*
5 а. Ведет – и вижу реку я
б. Ведет – и вижу в глубине
в. Ведет – и вижу – глубина
6 Гранитом темным сжтую^{1◇}
10 *начато*: И замер в страхе[◇]
11 а. Вот только перейди между
б. Вот только перейду между
12 И будешь в струйном лепете.[◇]
13 а. И кто-то шепчет, шепчет мне ⟨?⟩
б. Он шепчет, слад(ко) шепчет мне ⟨?⟩
в. Он шепчет мне – не отогнать:
г. И шепчет он – не отогнать:
18 а. Как сладко в темном холод(е)
б. Как сладки тайны холода.
Между 18 и 19 [Возьми, возьми]

¹ *Было начато*: В гранит

- 22 Не мучь ты, не зови, туда.^{1◇}
 23 Уйду я в поле, в дождь, и в ночь,[◇]
 25–26 а. Там воля всех вольнее воль,²
 И пустынь всех пустынное³
 б. Там воля – всех вольнее воль –
 Не приневолит – вольного
 27 И болей⁴ всех больнее – боль⁵
 28 а. Затем что – заповедная
 б. Вернет с пути окольного.

Вариант Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

Заглавие 7. И у края бездны

Вариант публикации в ЗС

Заглавие Над бездной

Вариант публикации в Ш₁

Заглавие И у края бездны⁶

8. "О, ЧТО МНЕ ЗАКАТНЫЙ РУМЯНЕЦ..."

(С. 191)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 1–8 Я бледные вижу ланиты
 Я тонкое имя люблю.
 Я слушаю говор открытый⁷
 Я поступь лебязью ловлю⁸

¹ Было: Не мучь ты, не дразни

² Было начато: ^а Там воля вольная
^б Там волей

Далее было начато: Там

³ Было: ^а Пустыня всех пустынное
^б Пустынюшка пустынная

^в начато: Пусты

Далее было начато: Пустынной всех пустынею (?)
 И болью

⁴ болей вписано

⁵ Вариант: (А) болей всех больнее – боль

⁶ В заглавии опечатка: У края бездны. Заглавие И у края бездны – в указателе содержания книги.

⁷ Было: И слушаю говор московский

⁸ Было: ^а Павлиную поступь ловлю

^б Павлинию походку ловлю

^в Лебязью походку ловлю

Ст. 3–4 записаны ранее ст. 1–2.
 Далее было начато: Закатный (?)

- О, что мне закатный румянец,
 Что злые тревоги разлук?
 Все в мире – кружащийся танец¹
 И встречи трепещущих рук²
- 10 *начато*: Тревожат усталу(ю?)◇
- 11 *а.* И все пелена снеговая
б. Но все пелена снеговая◇
- 14 *а.* Снежинки – вы были и есть
б. Снежинки – холодная весть
- 15 В душе моей тонкие нити◇
- 16 Порвитесь, сгорите....◇
- 17 *а.* Чтоб холодом, холодом зимним³
б. Чтоб холод, осенний и зимний
в. Ты холод, ты холод мой зимний!
г. Ты, холод, мой холод мой зимний!
- 19 *начато*: Стань, сердце, как на◇
- 21 Но вновь летит, летит, летит,◇
- 22 Поет и снег крутит, крутит,◇
- 23 Налетает вихрь.⁴
- Между 29 и 30 [Ты подходишь: Здравствуй, друг.]
- 32 *а.* Вижу ясный взор.
б. Дай взглянуть⁵
в. В ясный взор гляжу.
- 34 *а.* Передам улыбкой
- 35 *а.* Счастье, счастье, счастье, с нами – ночь!⁶
б. Счастье, счастье, с нами – ночь!
- 36 Но опять тропею зыбкой◇
- 38 *а.* И опять чертою гибкой⁷
 Заметают, отнимают
б. Заметая, отнимая,◇

¹ Было: Все танец и танец и танец

² Далее было *начато*: И в сны залета ()

³ Далее было *начато*: Мне душу
 За

⁴ Далее запись под чертой (л. 17–17 об.):
 Пришел в ресторан Грузинский.
 Балаг(анчик) отменили по болезни Веры Федоровны.
 I.XI. (в автографе описка: X)
 Продолжаю ночью.

⁵ Далее было *начато*: Дай

⁶ Возможный вариант стиха: Счастье, счастье, счастье,

⁷ Было *начато*: ^{а.} И опять
^{б.} О о()

- 40 Вихрем снег звенит – 1[◇]
 42 Отняла.²
 44 И опять – один, один – опять[◇]
 45 а. Все – виденье, все – измена
 б. Все – виденья, все – измены
 46 а. В снежном кубке
 Белой пены
 б. В снежном кубке
 Полном пены[◇]
 49 а. Заверти, умчи.
 б. Заверти, замчи.
 51 а. Ветер, хмель, девичий след³
 б. Замети девичий след
 53 В снежном поле[◇]
 54 Умер свет![◇]
 57–58 а. И вот опять, опять – возвратный
 Ты держишь путь
 б. И вот опять, опять – в возвратный
 Пустилась пляс.
 Ты пронеслась[◇]
 60 [Ведя подругу]
 Между 61 и 62 Что песни? И звуки?^{4◇}
 68 Гортанные звуки[◇]
 70 И – Русь?
 71 а. И – вольная Русь?
 б. И словно струной, перетянутой с неб(а)
 72 а. И словно – мечтанье, и словно – круженье,⁵
 б. Вскрываются пропасти – дышат снега
 73 а. Вскрывается пропасть – кончается Смерть[◇]
 б. Между 75 и 76
 а. *начато*: Оглушив
 б. *начато*: Черты
 77 И бросила руки
 78 вперед

¹ Далее зачеркнуто: Метель

² Стих вписан

³ Возможный вариант стиха: Ветер, хмель

⁴ Далее зачеркнуто: ^а Твой говор? Твой – танец?

^б Твой говор?

^в Твой – гомон?

^г Твой – голос?

⁵ Было *начато*: Как

Между 78 и 79 [Гортанные звуки¹]
 Между 79 и 80 [Кружишься,²
 Метель обдаёт,]
 80 И новым сияньем сияют черты[◇]
 Между 81 и 82 [Безумная сказка...]
 После 83 Пляска под гармонику.³

Варианты Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"⁴

Заглавие 8. Безумием заклинаю.
 Между 24 и 25,
 29 и 30 *интервал отсутствует (Т₆)*
 После 24 *интервал отсутствует (БА ИМЛИ)*
 Между 32 и 33 *интервал отсутствует (Т₆, Весы)*
 Между 35 и 36, 37
 и 38, 48 и 49 *интервал (Весы)*
 Между 56 и 57,
 63 и 64 *интервал отсутствует (Т₆)*
 Между 71 и 72 *интервал (Весы)*

Варианты публикации в III₁ (НР III₁)

Заглавие Безумием заклинаю
 Между 32 и 33, 56
 и 57, 64 и 65 *интервале отсутствует*
 Между 33 и 34,
 39 и 40 *интервал*

9. "ГАРМОНИКА, ГАРМОНИКА!..."

(С. 193)

Варианты ЧА ЗК₁₇

3 а. Эй желтенькие лютики,
 б. Вы желтенькие лютики,
 5 Там с посвистом да присвистом⁵
 9 а. И вижу – руки вскинула,
 б. Я вижу – руки вскинула,
 10 Пустилась в быстрый пляс^{6◇}

¹ Было начато: И

² Было: Кружится

³ Возможно, ремарка, завершающая текст стихотворения; возможно, заглавие следующего стихотворения, начатого на л. 44 ("Гармоника, гармоника...").

⁴ В журн. "Весы" дефект набора: отсутствуют ст. 41–44.

⁵ Было начато: Там

⁶ Далее было начато: Весь хоровод

- 13–14 а. Неверная, коварная,
Лукавая – зачем
б. *как в основном тексте*
- 16 а. Растраченной души
б. Моей хмельной души
в. Растраченной души
- 17 С ума сойду, с ума сойду[◇]
- 18 Приникну я к земле^{1◇}
- 19 Что вся ты ночь, что вся ты тьма,²
- 20 Что вся ты – во хмелю
- 21 а. Что никому не предана
б. Что всей душой *(нрзб)*^{3◇}
- 23 Что про тебя, тебя пою,^{4◇}

Варианты Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

- Заглавие 9. В дикой пляске.
3 Ей, желтенькие лютики,

Варианты публикации в ЗС

- Заглавие Пляска
18 Безумствую, люблю,⁵

Вариант публикации в Ш₁ (НР Ш₁)

- Заглавие В дикой пляске

Вариант РЭ Ш₁

- 23 Что о тебе пою, пою,

10. "РАБОТАЙ, РАБОТАЙ, РАБОТАЙ..."

(С. 194)

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 2 Ты честным и долгим трудом^{◇ 6}
4 а. *как в основном тексте*
б. За долгим и черным трудом.⁷

¹ Было начато: ^{а.} И б()

^{б.} Поведая (?)

² Было начато: И

³ Далее было начато: Что душ()

⁴ Было начато: Что только про тебя

⁵ Возможно, опечатка

⁶ Далее было начато: Ты будешь

⁷ Далее было начато: ^{а.} Пускай твоя *(нрзб)*

^{б.} Пускай

- 6 *начато*: Другой тебе[◇]
- 9–10 а. Ты знай про себя, что достоин¹
Ты лучшей, быть может, судьбы²
- б. Ты знай про себя, что умеешь
Не хуже другого плясать
- в. Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясать бы ты мог
как в основном тексте
- 12 *начато*: Свой праздничный[◇]
- 14 Стройнее и выше других[◇]
- 15 И та молодича – повыше[◇]
- 16 Иных молодич удалых!^{3◇}
- 17–20 Тонки ее черные брови⁴
И смуглые щеки бледны
В ней – сила играющей крови⁵
И строгие речи хмельны⁶
- Между 20 и 21 [Работай, работай, работай.
Какая забота тебе?
Какая]
- 22 Работать до ночи глухой^{7◇}

Варианты Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

- Заглавие 10. И вновь покорный.
- 4 За долгим и черным трудом.

Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁), II₃, сб. "Декламатор"

- Заглавие Работай (ЗС)
- Заглавие И вновь покорный (НР III₁, III₁)
- 4 *как в Т₆ (ЗС, II₃, Декламатор)*
- 4 За долгим и черным трудом, (НР III₁, III₁)
- 21 Ах, сладко, так сладко, как сладко (ЗС)

¹ Было *начато*: Ты знай себе –

² Было *начато*: Быть может

³ Было *начато*: Других

⁴ Было: ^а *начато*: Что

^б. *начато*: Что стр ()

^а Что тонкие, черные брови

⁵ Было: В ней много играющей крови

⁶ Было: Суровые речи хмельны

⁷ Далее было *начато*: И слушать, как

11. "И Я ОПЯТЬ ЗАТИХ У НОГ..."

(С. 195)

Черновой набросок в ЗК₁₇ (ЧН)

И вот я вновь у ног твоих
За окнами – огни метели¹

Пожар далекий – в сердце

Томясь, волнуясь и горя.

Варианты ЧА ЗК₁₇

- 2 *начато*: У ног твоих²◇
- 6 а. Произносить – мне тайно сладко
б. Твердить – мне дивно, больно, сладко³
- 8 а. Когда метель поет, зовет...
б. Когда метель зовет, зовет... ◇
- Между 8 и 9 [Куда зовет? И снова, снова⁴
Огнями ()
О ты, несказанное слово
Моей тоски, моей любви]
- 9–10 а. Так тесно сердцу ночевать⁵
В его хмельной и злой темнице
б. В хмельной темнице
Моя душа заночевала
в. *как в основном тексте*⁶
- 14 Я за метелью изнемог ◇
- 17 И тайной грустью, с грустью нежной,⁷◇
- 18 Как снег с живого лепестка,⁸◇

¹ Было *начато*: За окнами – метелей

Далее было *начато*: И языки

² Было *начато*:^а В

^б Полет

^а За окнами – полет

^з На миг затих

Далее было *начато*: Врыв ()

³ Далее было *начато*: Ког(да)

⁴ Было *начато*: Куда зовет? О чем

Далее было *начато*:^а В

^б Ты воскресаешь

⁵ Было: Так тесно сердцу близь тебя

⁶ Далее было *начато*: Чтоб

⁷ Было *начато*:^а И снежными

^б Но тайной грустью, милой

⁸ Было *начато*:^а Еще слетают с языка

^б Как снег с

Вариант Т₆, БА ИМЛИ, публикации в журн. "Весы"

Заглавие 11. Тебе предаюсь.

Вариант публикации в ЗС

Заглавие Предаюсь

Вариант публикации в Ш₁ (НР Ш₁)

Заглавие Тебе предаюсь.

Вариант публикации в П₃

9–12 *отсутствуют*

ИНОК

("Никто не скажет: я безумен...")

(С. 195)

Варианты ЧА ЗК₁₇

Заглавие *отсутствует*

Перед 1¹ Что вот меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,²
И потерял я счет неделям
Хмельной, преступной красоты.

2 Поклон мой низок, голос строг[◇]

3 Не призовет меня игумен

Между 4 и 5 *было начато:* ^{а.} Я братьям

^{б.} Я, инок, всем пример

6 Я подвиг инока несу,[◇]

7 Когда с утра, походкой мерной[◇]

8 Стряхаю с бледных трав росу.

9 ^{а.} И низкие творя поклоны

^{б.} И подходя ко всем иконам[◇]

¹ Строфа отчеркнута на полях; приписка: последняя. Соответствует ст. 21–24 основного текста

² Было: Что вот меня безумным хмелем
Цветистым захлестнула ты,

Было: ^а Моей душевной красоты.

^б Моей растущей красоты.

Исправлено: Моей преступной красоты. (позднейшая правка чернилами)

Было: ^а начато: Я строгий

^б Расчет мой меток, взор мой строг

Было начато: Гнушаюсь

Далее было начато: И зв()

- 10 Как строгий инок, честный брат[◇]
 12 а. *начато*: И за обрядами – зо(?)
 б. И за обрядами – обряд.
 13 *начато*: И кто узнает,[◇]
 14 Что ты сказала мне: Молчи
 17 *начато*: Что ни одной[◇]
 18 Когда ты ходишь вдалеке![◇]
 21–24 *перед ст. 1*

Варианты Т₆

- Заглавие *отсутствует*
 2 Поклон мой низок, лик² мой строг.

Варианты публикации в сб. "Земля"

- Заглавие *отсутствует*
 Без деления на строфы

- 8 Стряхаю с бледных трав росу.
Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁)

- 3 Не призовет меня игумен (ЗС)
 7 Когда с утра походкой мерной³ (НР III₁, III₁)

Варианты публикации в II₃

- 5–8, 21–24 *отсутствуют*

ПЕСНЯ ФАИНЫ

("Когда гляжу в глаза твои...")

(С. 196)

Варианты ЧА пьесы "Песня Судьбы" (ЧА ИРЛИ)

- Заглавие Песня Судьбы
 Перед 1 [В моей душе]
 4 а. Страхись меня! Я – вся змея⁴
 б. Эй, берегись! Я – вся змея
 И

¹ *Далее было начато*: ^а Что

^б Когда ты ходи(шь)

^в Из-под цыганского далека

^г Что ты

² *Было начато*: голо(с)

³ *Первоначальный вариант НР III₁*: Когда с утра походкой верной

⁴ *Было начато*: Страхись меня! Я как

(6) И вот бегу¹
 Между 6 и 7 [Люблю игру моих измен
 Люблю того, кто любит плен]
 [И ты покинут, бедный мой,²
 Уж не приникнешь головой³]
 [Ты брошен, бедный, и забыт
 В глазах – огонь и в сердце стыд
 И бедная жена
 Придет ко мне искать]
 Прочь с глаз моих! И ты погас!⁴
 Был час – и нет! Беги от глаз!
 Ищи свою жену!⁵]
 [Прочь с глаз моих!]
 [С другим я буду в эту ночь.⁶]
 [Прочь с глаз моих,⁷]
 Между 9 и 10 [Пусть мужа бедного тебя
 Она ласкает
 Не то бичом хлесну!]
 10 Она разгонит грусть[◇]
 Между 12 и 13 [Иди () иди навеки прочь⁸
 Мелькнула ночь. Другую ночь⁹
 С другим я быть хочу¹⁰
 Кто будет мил, кто будет люб.¹¹
 Кто любит ласки алых губ –
 Приди – прильни к плечу!
 Целуй до утренней зари¹²
 Мне злата горсть! И две! И три.¹³

¹ Стих вписан.

² Далее было начато: Не будешь

³ Было: Ты не приникнешь головой

⁴ Было: Прочь с глаз моих! Пробил мой час!

Далее было начато: И ты

⁵ Было: Не возвращайся

⁶ Было: С другим я буду эту ночь.

⁷ Далее было начато: ^а. Прочь?)

^б Ты надоел

^в Постылый прочь, презренный

⁸ Было начато: Нет, не моли!

⁹ Было: ^а начато: Я ночь

^б Минула ночь. Другую ночь

¹⁰ Было: С другим я проведу!

¹¹ Было начато: Кто будет люб –

¹² Было начато: ^а И целовать меня

^б. Целуй меня

¹³ Было: ^а Ласкай! И две! И три зори (?)

^б Ласкай! И две! И три. Гори

Теперь, и ты – прости!¹
 Была в тебя я влюблена,
 Была я золотом пьяна!
 Теперь, мой бич, свисти!
 Попробуй кто – влюбись в меня²
 Я вся из жара и огня
 И бедного спалю!³
 Не подходи! Страшись любви⁴
 Моей любви⁵
 Сожгу, кого люблю.]
 13–18 а. Я вся – весна! Я вся – в огне!⁶
 Не подходи и ты ко мне
 Кого люблю и жду!
 Попробуй кто, приходи в мой сад,⁷
 Взгляни в мой черный, узкий взгляд
 Сгоришь в моем саду!..⁸
 б. *последовательность стихов – как в основном тексте*
 20 а. *начато:* Кто больше даст
 б. Кто больше звонких даст монет!
 Между 21 и 22 [Иль берегись! Беги греха!⁹
 Приди! Ха-ха! Люблю!.. ха-ха!¹⁰
 Свисти, мой тонкий бич!]
 22–24 а. Над вашей глупой головой,
 Над сединой, над красотой
 < >
 б. *как в основном тексте*¹¹

¹ Было: ^а Теперь, прощай и ты!

^б И бедного тебя

^в *начато:* С рассветом

² *начато:* Иди и ты

² Было *начато:* Попробуй кто – приходи

³ Было: ^а *начато:* И

^б Я бедного сожгу

^в Тебя я опалю

⁴ Было: ^а Не подходи! Страшись огня

^б Не подходи! Я вся твоя

⁵ Было *начато:* Сожгу

⁶ Было *начато:* Я вся в

⁷ Было *начато:* Попробуй кто, влю()

⁸ Было *начато:* Сгоришь в моей

⁹ Было *начато:* Целуй! смотри!

¹⁰ Было: Ха-ха-ха!

¹¹ Ст. 23: Над вашей глупой головой,

Варианты БА РГАЛИ

Между 3 и 4, 9 и 10

15 и 16, 21 и 22

интервал отсутствует

Вариант публикации в альм. "Шитовник"

Заглавие Песня Судьбы

"ВСЮ ЖИЗНЬ ЖДАЛА. УСТАЛА ЖДАТЬ..."

(С. 197)

Черновые наброски в ЗК₁₈ (ЧН ЗК₁₈)

Всю жизнь, всю молодость желать
Простой любви – простой и страстной...

Качать чужую колыбель
Чужого баловать ребенка¹

Иной закон ей чист и свят.
Иною чистотой –
Ведь только люди говорят,
Что

Что говорят – на что мне знать,
Когда все проще²

Уже несбыточных
Открылся

взглядом

[Чтобы] жила со мною рядом³

[Уж невозможного]

[невозможным]

Уже несбыточным живу

О, недоверчивые люди!

Ты родилась повелевать
[И быть царицей и]

Но суждено молчать и ждать

¹ *Вариант:* Чужого пестовать ребенка (*вписано над текстом*)

² *Было:* Когда любовью

³ *Далее зачеркнутая приписка (снизу вверх):* Так выросла

Всю жизнь молчать – о том, что
О том, что
И в бедной жизни нет ответа
[На царственный пр()]

Ты кличешь черного раба –¹
[Но, унижаясь и бледнея,
К тебе ползут]
Но унижитель ()

И так – во всем. Поет свирель –
Так жалостно, надрывно, тонко:²
Качай чужую колыбель.
Ласкай немилого ребенка.³

Я тоже здесь. Скорблю с тобой.
Влачусь [в пустынном]
Такой униженный и злой
С воспоминаньем о

Я верю мгле твоих волос⁴
И твоему великолепию.
Мой сирый дух – мой верный пес
Перед тобой грохочет цепью.

И душно нам. Здесь ветер спит.⁵
Здесь корабли остановили⁶
Свой бег – и океан молчит,⁷
Качая траурные кили.

И вот уже – опять, опять,⁸–
Встречаясь с этим темным взглядом,

¹ Было начато: Рабов ты кличешь
Далее было начато: ^a К тебе ползут
^b Ползут

² Было начато: Так жалобно, так

³ Было начато: Чужого

⁴ Было: ^a. Смотрю на ночь твоих волос.

^b Я верю в ночь твоих волос.

Далее было: Дышу тобой. Живу тобою.
Хочу тебя.

⁵ Было: И душно нам. Там ветер спит.

⁶ Было: ^a Там корабли остановились

^b Там корабли остановили
Свой

⁷ Было начато: Свой дружный бег – и море

⁸ Было: И вот уже – мечта! – опять,

Хочу по имени назвать,¹
Дышать и жить с тобою рядом.

Так долгой жизни плен влача
Мы о свободе слышим вести

Варианты ЧА ЭК₁₈

- Заглавие *а.* Она и я
б. Ты и я
- Посвящение NN
- 2 *а.* И приклонилась к этой двери,
б. И прислонилась к этой двери.
в. Волос распущенная прядь
г. Склонилась, улыбнулась[◇]
- 5 *а.* Иной закон ей чист и свят,
Не нашей жизни
б. Не наш закон ей чист и свят,
Не наша жизнь – чужда
в. Не наш закон ей чист и свят,
Людская жизнь – чужда
г. *начато:* Уйти бы в мир
д. *начато:* Наш мир[◇]
- 9 *а.* И вот – какая-то свирель²
б. А тут – какая-то свирель[◇]
- 13–16 *а.* Я тоже – здесь. С моей судьбой –³
Торгуюсь на базаре светском,⁴
Такой приниженный и злой,
С мечтой во взгляде странно-детском⁵
б. Я тоже – здесь. С моей судьбой –
Торгуюсь на базарах мира
Такой приниженный и злой,
Над лирой гневной, как секира...
17–18 Я верю мгле ее волос[◇]

¹ Было: Тебя по имени назвать,

² Было *начато:* А здесь

³ Было: ^а Ах, что мне в нем, куда я (?) с ним
Довольно

^б Ах, что ей в нем! куда такой!
Довольно и того, что

^в *начато:* И так

Далее было *начато:* ^а Старухой жадной

^б Торгуюсь на всемир()

⁴ Было: Торгуюсь на базарах мира

⁵ Далее было *начато:* Как

И темному великолелю. [◇]
 19 Мой одинокий дух, как пес, ^{1◇}
 20 а. У милых ног грохочет цепью.
 б. У стро(йных) ног грохочет цепью.
 в. У ног ее грохочет цепью.
 г. У ног твоих грохочет цепью.
 21 И вот уже – опять, опять, [◇]
 24 Дышать и жить лишь с нею рядом... [◇]
 25 а. Мечта! Что в жизни бедной плен
 Что верность
 б. Мечта! Что жизни сон пустой! [◇]
 26 а. Отраву вслед другой отраве...
 б. Отраву вслед иной отраве...
 27 Я изменю и ей, как той, ^{◇2}
 29–36 И никому заботы нет, ³
 Что людям дам, что ты дала мне. ⁴
 А люди на могильном камне ⁵
 Начертят прозвище: *Поэт*.

 Забавно жить, забавно знать, ⁶
 Что под луной ничто не ново,
 Что мертвому дано рождать ⁷
 Бушующее жизнью слово! ⁸

Варианты T₆ и публикации в альм. "Шиповник"

Заглавие Ты и я
 36 Начертят прозвище: поэт (T₆)
 36 Начертят прозвище: п о э т (*Шиповник*)

¹ Было начато: Мой сирый

² Далее было начато: ^а Которая
 ^б Я верен

³ Было: Так – никому заботы нет,

⁴ Было начато: ^а Что я сгорая мучусь
 ^б Что мы сгорая таем
 ^в Что был я
 ^г Что мы горели,
 ^д { } ждала суда,
 ^е Что мы горели и устали {?}

⁵ Было: ^а И только на плите могильной
 ^б И только на кресте могильном

⁶ Было начато: Забавно знать

⁷ Было начато: ^а Что
 ^б Из старых

⁸ Было начато: Все

Варианты публикации в ЗС

Заглавие Ты и Я
Эпиграф Ах, если бы живые крылья
 Души, парящей над толпой,
 Ее спасали от насилья
 Бессмертной пошлости людской!
Тютчев.

Варианты публикации в III₁ (НР III₁)

Заглавие Ты и я
26 Отрава – вслед моей отраве... ◇ (НР III₁)
36 Начертят прозвище: П о э т.¹

Варианты публикации в II₃

1–12 *отсутствуют*
13 Я здесь с тобой. С моей судьбой,
36 *как в III₁*

"КОГДА ВЫ СТОИТЕ НА МОЕМ ПУТИ..."

(С. 198)

Варианты ЧА ЗК₁₈

Заглавие Письмо
Эпиграф В чужой восторг²

 ⟨I⟩
1–8 Когда ты стоишь на дороге моей,
 Такая живая, такая красивая,
 И такая измученная,³
 Говоришь о печальном,
 Думаешь о смерти,
 Никого не любишь
 И презираешь свою красоту, –
 Что же? Разве я обижу тебя?

 ⟨II⟩
1–3, 5–8 *как в основном тексте*⁴
4 Говорите о печальном,
10 а. Не обольститель и не обманщик⁵

¹ Первоначальный вариант НР III₁: Начертят прозвище: – Поэт.

² Дальнейший текст отсутствует.

³ Было начато: И пр(?)

⁴ Ст. 7: И презираете свою красоту, –

⁵ Было начато: Не обманщик

- б. Не обольстителъ и не гордец,
 11 а. Я слишком много знаю,
 б. Хотя я много знаю,
 12 а. И слишком много думаю – с детства.
 б. Слишком много думаю – с детства.
 13 а. Слишком люблю себя.
 б. Слишком занимаюсь собой.
 в. Слишком занят собой. ◊
 15–16 Человек, который называет все по имени¹
 Отнимая аромат у живого цветка.²
 18 Сколько ни сомневайтесь
 О концах и началах –
 19–20 Все же вам только пятнадцать лет. ◊
 22 а. Чтобы Вы влюбились в друго⟨го⟩
 б. Чтобы Вы влюбились
 В какого-нибудь простого человека,³
 24–25 Больше, чем речи о земле и небе,⁴
 Хотя бы и рифмованные.
 26 а. Право, я буду очень ⟨?⟩ рад за Вас.
 б. Право, я буду рад за Вас.
 27–28 *отсутствуют*

Варианты T₆ и публикации в ЗС

- Заглавие Письмо
 Эпиграф В чужой восторг переселяться
 Заране учится душа.
Фет.
 1 Когда Вы стоите на моем пути, (T₆)
 8 Что же? Разве я обижу Вас?
 20 Что Вам только пятнадцать лет. (ЗС)
 Между 20 и 21 *интервал*
 26 Право, я буду рад за Вас,

Варианты III₁ (НР III₁)

- Заглавие Письмо
 Эпиграф как в T₆
 25 Речи о земле и небе. ◊ (НР III₁)

¹ Было начато: а Вам ведь

б Человек, который называет ж⟨?⟩

² Было: Отнимая аромат у цвета.

³ Далее было начато: Который не

⁴ Было: Больше, чем слова о земле и небе,

"ОНА ПРИШЛА С МОРОЗА..."

(С. 199)

Варианты ЧА ЗК₁₈

- 1 Она пришла с морозу,[◇]
2 Совсем раскрасневшаяся
3 а. И наполнила всю комнату
б. И наполнила всю эту комнату
в. И наполнила всю комнату
2. Наполнила всю комнату
8-9 Толстый том
Художественного журнала¹
Она немедленно уронила на пол,
10 И стало казаться,[◇]
11 Что у меня в комнате[◇]
Между 12 и 13 [Не зная, как занять ее]
15-16 а Чтобы занять ее
Я стал читать новые стихи
б. Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей Макбета
И я стал читать с большим чувством.²
17-18 Когда я дошел до "пузырей земли",
О которых никогда не могу говорить без волнения,³
21 Оказалось, что большой серый кот
22 а. С трудом лепится по карнизу
б. С трудом лепится по крыше[◇]
23 Подстерегая голубей.^{◇4}

Варианты Т₆

- Заглавие Знакомое
18 О которых не могу говорить без волнения,
26 И что прошли времена
Паоло и Франчески.

Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁)

- Заглавие Знакомое
16 Чтоб я читал ей вслух Макбета. (ЗС)
Между ст. 20 и 21 *интервал отсутствует* (НР III₁, III₁)

¹ Было: Толстую книгу
Старинных гравюр

² Далее было начато: Эту

³ Далее было начато: Я заметил, что она смотрит

⁴ Далее было начато: Мне стало

"Я ПОМНЮ ДЛИТЕЛЬНЫЕ МУКИ..."

(С. 199)

Черновой набросок в ЗК₂₀ (ЧН ЗК₂₀)

Весенний ливень женских слез

Первоначальная редакция в ЗК₂₀ (ЧА ЗК₂₀)

⟨I⟩

л. 2 Я помню – холодели руки,
Ночь догорала за окном.
И утро разжигало муки¹
Своим отравленным вином.

[Я помню – вся ты, вся поникнув,²
В углу дивана замерла,³
И я хотел, безумно вскрикнув,
Тебя [убить. И не убил.]⁴

И слезы, [утренние слезы]
Потом сама дивилась ты,⁵
О чем рыдала так ⟨ ⟩,⁶
Вся содрогаясь и

л. 2 об. О, возврати мне, помоги мне,
Отдай лишь то, чего не жаль,⁷
Чтоб не дрожала в каждом гимне
Такая черная печаль!]

л. 3 [Отдай глаза твои –
Они – мои.
Отдай уста твои. –
Они – мои.]

⟨II⟩

л. 2 Я помню горестные муки:⁸
Ночь догорала за окном.

¹ Было начато: И эти

² Было: Я помню – вся ты, вся поникла

³ Далее было начато: Но ⟨?⟩

⁴ Было: Убить тебя. И не убил.

⁵ Было: Сама потом дивилась ты,

⁶ Было начато: ^a О чем так плак(ала)

^b О чем рыдала беспощадно,

⁷ Было начато: Отдай мне все

⁸ Дальнейшая последовательность строф обозначена Блоком на полях арабскими цифрами.

Твои заломленные руки
Чуть брежжили в луче дневном.

л. 1 об. Я помню – вся ты, поникая,
В углу дивана замерла,¹
А там, как призрак возрастая,²
День обозначил купола...

И под окошком участились³
Прохожих быстрые шаги,
И в серых лужах расходились⁴
Под каплями дождя – круги...

л. 2 об. О, никогда так скудно светел⁵
День не вставал, как в этот час!⁶
И я не понял, не заметил⁷
Всей глубины огромных глаз...

А ты потом сама дивилась,
Когда совсем угасла страсть,
Кому так трепетно молилась,⁸
Чья над тобой вставала власть?⁹

л. 3 Сама не знала ты, откуда¹⁰
Цветок тоски свой лик вознес,¹¹
Как разрешилось это чудо¹²
Весенним ливнем бурных слез?

¹ *Далее зачеркнуто:* И руки белые ломая

² *Было:* ^а *начато:* И утро, слабый свет

^б И утро, слабо возрастая,
Вдали

³ *Было начато:* И стук под окнами

⁴ *Было начато:* А здесь

⁵ *Было:* И никогда так скудно светел

⁶ *Было:* Мой не был день, как в этот час,

⁷ *Было:* И я ни слова не ответил

Далее было начато: Н(?)

⁸ *Было:* ^а *начато:* Какая

^б *начато:* Кому тогда

^а Кому так нежно ты молилась,

⁹ *Было:* Пред кем тогда хотела пасть.

¹⁰ *Было начато:* И

¹¹ *Было начато:* ^а В тот день

^б В тот миг

¹² *Было:* И разрешилось это чудо

Варианты Т₆ и публикаций в журн. "Северное сияние" (СС)
и "Основы богатства" (ОБ)

Заглавие Воспоминание
Без деления на строфы (ОБ)
1 Я помню горестные муки:
3 Твои заломленные руки
5-6 Я помню – вся ты, поникая,
В углу дивана замерла,
Вм. 13-16: (13-24) О, никогда так скудно-светел
День не вставал, как в этот час!
И я не понял, не заметил
Всей глубины огромных глаз...

А ты потом сама дивилась
Когда совсем угасла страсть,
Кому так трепетно молилась,
Чья над тобой вставала власть...

Сама не знала ты, откуда
Цветок тоски свой лик вознес,
Как разрешилось это чудо
Весенним ливнем бурных слез.

Варианты переработки 1910 г. в Т₆ (Т₆-1910)¹

1-3 как в основном тексте
5-6 Вся жизнь, ненужно прожитая,
Пред нею в этот час прошла.
7 А там, как призрак, вырастая,◇
(24) Весенним ливнем женских слез.
(13-24) *зачеркнуты*
13 а. Во всем, что было, что нам снилось,²
б. Когда над всем, что только снилось,
в. Над всем, что было, что нам снилось,
2. И утро длилось, длилось, длилось
14 а. Один мучительный вопрос.
б. Возник мучительный вопрос.
в. Восстал мучительный вопрос.
2. И праздный тяготел вопрос...
15 а. И вдруг чудесно разрешилось
б. И все внезапно разрешилось
в. И все чудесно разрешилось◇
16 как в основном тексте

¹ Провка карандашом.

² Было начато: а Все, что
б Все было

Варианты переработки 1911 г. в Т₆ (Т₆-1911)¹

- 5 *как в основном тексте*
6 Пытала, унижала, жгла.
14 И праздный тяготил вопрос...

Вариант публикации в сб. "Ночные часы" (НЧ)

Заглавие Я помню длительные муки...

"СВОИМИ ГОРЬКИМИ СЛЕЗАМИ..."

(С. 200)

Первоначальная редакция в ЗК₂₃ (ЧА ЗК₂₃)

л. 23 об. [() свод серел над нами,²
Над нами плакала весна
Своими горькими слезами,
Предчувствием бурь потрясена.

Ты прижималась сиротливо,³
Как будто на закате дня⁴
В дыханьи дальнего залива
Ужь ты утратила меня.]

(10) О, как любил я эти руки
Сжимать и греть в своей руке,
Пока предвестием разлуки
Блестел огонь на маяке.

[О, как любил я этот алый⁵
Полуоткрытый рот]⁶

¹ *Правка чернилами.*

² *Набросок стиха вписан.*

Было начато: Дождь

³ *Было:* Ты прижималась так пугливо,

⁴ *Ст. (5-6) вписаны.*

⁵ *Было начато:* ^a О как я

^b О, как любить

⁶ *Зачеркнуто карандашом.*

Далее было: ^a Когда Валкирией усталой

^b *начато:* Когда уста

^a Когда покорный и усталый
Ты гибельно

^a Когда покорно и устало

Ты [мн(?)] ла(?)

Ты ласк моих не отвергала¹
И отдавалась мне во власть
О, как любил я этот алый
л. 24 Полуоткрытый рот, о, Страсть!

(20) Что от любви осталось прежней –²
То страсть к полуночи сожгла
И с каждым часом все мятежней³
Над нами буйствовала мгла.⁴

И стало все равно, какие⁵
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого⁶ лихача.⁷

л. 24 об. Теперь, когда мне звезды ближе,⁸
Чем та погибельная ночь,⁹
Когда еще безмерно ниже
(30) Ты пала, страсти буйной дочь,¹⁰

Когда один с самим собою
Я уга(с)аю каждый день, –¹¹
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень.

Я даже уст не помню алых,
И плеч, которые ласкал,¹²

¹ *Далее было начато:* ^a Душо(й?)
^b На страсть и гибель

² *Было начато:* Все беспокой()

³ *Было начато:* И было

⁴ *Было начато:* ^a Мы
^b Нас буйство

⁵ *Было:* ^a *начато:* И все равно
^b И было все равно, какие
Сжимал я плечи

⁶ удалого *вписано карандашом.*

⁷ *Далее было:* ^a *начато:* И вот теперь, когда
^b Теперь, когда и ты далеко,
И жизнь разбита,
Я смею думать, как глубоко

⁸ *Было:* Теперь, когда и звезды ближе,
Ко мне, чем ты,

⁹ *Было начато:* Чем эти буйства

¹⁰ *Было:* Ты пала, буйной страсти дочь,

¹¹ *Было:* ^a *начато:* Когда я разб()
^b *начато:* Когда и я разб()

^a Когда младая жизнь разбита,
Когда я гасну каждый день, –

¹² *Было начато:* Не помню плеч

И лишь в глазах навек усталых¹
Я страсти² повесть прочитал.

л. 25 [Ты³ будешь мстить мне словом, взглядом,
(40) Молвой и лестью и мечом
Но – все ничто, когда
Я сам () палачом.]
Но я люблю свою погибель,⁴
Как мокрых улиц тишину
и суету⁵

После (44) а. Чтобы еще, еще над нами,⁶
Мечтой разлучной пленена⁷
Своими горькими слезами
Рыдала нежная весна!

б. Навек отравлен я мечтами⁸
И пьян от страстного вина
Пускай еще, еще над нами,
Разлуки ядами полна,⁹
Своими горькими слезами
Рыдает нежная весна!

Варианты Т₆ и публикации в альм. "Прибой"

Заглавие Неизбежное (Т₆)
7 И ветром буйным, ветром встречным
17–19 И все равно, какой там шепот,
Признанья, ласки, ты, не ты...
И скакуна лихого топот,
21 Так – обессилены мгновеньем –
24 Твоим превратностям, Любовь!..
26 Чем та погибельная ночь,
28 Ты пала, буйной страсти дочь,
30 Я угасаю каждый день,

¹ Было начато: Я только

² страсти вписано

³ Было начато: Но

⁴ Было начато: Так

⁵ Наброски ст. (43–44) заключены в скобки.

Последующий текст записан попеременно карандашом (первоначальный слой) и чернилами (верхний слой правки).

⁶ Было начато: а. Не ты была

б. Хочу

в. Чтобы опять

⁷ Было начато: Пр(?)

⁸ Было начато: Навек отравленный

⁹ Было: Разлукой, горестью полна,

31–32 *Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...*

Вм. 33–36: (33–50) *Я даже уст не помню алых
И плеч, которые ласкал,
И лишь в глазах, навек усталых,
Я страсти повесть прочитал...*

(40) *О, как любил я эти руки
Сжимать и греть в своей руке,
Пока предвестием разлуки
Блестел огонь на маяке!*

*Ты ласк моих не отвергала,
Ты отдавалась вся во власть...
О, как любил я этот алый,
Полуоткрытый рот, о, Страсть!..*

(50) *Навек отравлен я мечтами
И пьян от страстного вина!
Пускай еще, еще над нами,
Разлуки ядами полна,
Своими горькими слезами
Рыдает нежная весна!*

Варианты переработки 1910 г. в Т₆ (Т₆-1910)

Заглавие *зачеркнуто*
7, 17–19, 21 *как в основном тексте*
26 *Чем та неистовая ночь...◇*
28, 30 *как в основном тексте*
Вм. (33–50) *вписаны ст. 33–36 основного текста*

Варианты НР сб. "Ночные часы" (НР НЧ)

30 *Я угасаю каждый день, –◇*
31 *Теперь проходит предо мною◇*
32 а. *как в Т₆*
б. *Твоя развенчанная тень.*
в. *Твоя развенчанная тень.*

*Варианты БА РГАЛИ, публикаций в сб. "Ночные часы" (НЧ)
III₁ (НР III₁), II₃, Изборника*

Заглавие *Своими горькими слезами... (НЧ)*
32 *как в НР НЧ, вар. в*

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

О СМЕРТИ

("Все чаще я по городу брожу...")

(С. 205)

Варианты T_6

- 8-9 И за глухим забором – ипподром
Блестел, как юность. Стебли нежных злаков
11 В ласкательных лучах дремали. А вдали
35 И подняли его....
И вот повисла
50 Перед препятствием запнулась лошадь.
92 В разорванных портянках и в рубахе.
112 Тупа, и мысли вялы... Сердце!

Варианты публикаций в альм. "Факелы"

- 8-9 как в T_6
Внутри ст. 35 и 112 интервал отсутствует
50, 92, 112 как в T_6

Варианты публикации в ЗС, III_1 (НР III_1), II_3

- 8, 9, 11 как в T_6 (ЗС, III_1 (НР III_1))
Внутри ст. 35 интервал отсутствует (ЗС)
35 И подняли его...
И вот повисла (III_1 (НР III_1), II_3)
50 как в T_6 (ЗС, НР III_1)
92 как в T_6 (ЗС)
92 В разорванных портянках и в рубахе. \diamond (НР III_1)
112 как в T_6 (ЗС)

НАД ОЗЕРОМ

("С вечерним озером я разговор веду...")

(С. 209)

Варианты T_6

- Между 21 и 22 интервал
Между 28 и 29, 58
и 59, 101 и 102 интервал отсутствует
89 Но ласково на нем отражены

Варианты публикации в альм. "Факелы"

- Между 21 и 22 *интервал*
Между 28 и 29, 58
и 59, 101 и 102 *интервал отсутствует*
Внутри ст. 81 *интервал отсутствует*
89 *как в T₆*

Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁), II₃, II₅

- Между 11 и 12 *интервал (II₃)*
43 *И одиноко села на ступеньке¹ (ЗС)*
80 *Прижавшись плотно к кителю, почти (ЗС)*
81 *Бегом бежит за ним...*
Эй, доброй ночи! (ЗС, III₁ (НР III₁), II₃)
Между 81 и 82 *интервал (ЗС, III₁ (НР III₁), II₃)*
89 *как в T₆ (ЗС, III₁ (НР III₁))*
Между 101 и 102 *интервал отсутствует (ЗС, III₁ (НР III₁))*

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

("Что сделали из берега морского...")

(С. 211)

Варианты T₆

- 10 Забавные "Tailleur'ы" и мундиры
25 Подгнившего, белеющего мола,
Между 31 и 32, 54
и 55, 60 и 61 *интервал отсутствует*
40 Рыбачий остров "Голодай" лежит
52 На тонкой мачте – высоко – фонарь,
Вм. 66–67 *И, снова обогнув их, мы с какой-то*
Молитвенной и полною душой
И долго и торжественно глядим
68 *На дивный, уходящий силуэт*
Варианты публикации в альм. "Факелы"
10, 25, 40, 52, 66–68 *как в T₆*
Между 31 и 32, 49
и 50, 54 и 55, 60 и 61 *интервал отсутствует*
Варианты публикаций в ЗС, III₁ (НР III₁)
10, 25, 40, 52, 66–68 *как в T₆*
53 *Что камень драгоценный фероньеры,² (НР III₁)*

¹ Возможно, опечатка.

² Возможно, опечатка.

В ДЮНАХ

("Я не люблю пустого словаря...")

(С. 213)

Варианты T_6

- 9 "Но завтра я уйду – и запою".
Вм. 25: (25–30) Песчаная, свободная, чужая...
И было мне смешно смотреть на этих
Скучающих солдат в зеленой форме,
Лениво ограждающих рабов
От вольных, или вольных от рабов...
Между 31 и 32: (32–33) На русский бесприютный храм, глядящий
И губы были ярки, обнажая
Звериные, сверкающие зубы.
54 И голосом, ревушим, как рога,

Варианты публикации в ЗР

- 9 как в T_6
16 Так думал я, блуждая на границе
Вм. 25: (25–30) как в T_6
Между 31 и 32: (32–33) как в T_6
54 как в T_6

Варианты публикации в ЗС, Лит.-худож. сборнике изд-ва "Непогасшие огни" (НО), III₁ (НР III₁), II₃

- 9 как в T_6 (III₁ (НР III₁), II₃)
Вм. 25: (25–30) как в T_6 ¹ (ЗС, НО, III₁ (НР III₁))
Между 31 и 32: (32–33) как в T_6 ² (ЗС, НО, III₁ (НР III₁))
54 как в T_6 (НО)
54 "И голосом звенящим, как рога, (ЗС)

¹ Ст. (29): От вольных или вольных от рабов... (ЗС, III₁)

² Ст. (33): Звериные сверкающие зубы. (ЗС)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(к сборнику "Нечаянная Радость")

(Нечаянная Радость. Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1907)

(С. 215)

Первоначальная редакция в ЗК₁₂ (ЧА₁ ЗК₁₂)

Вместо Предисловия¹

Н(ечаянная) Р(адость) – это мой образ грядущего мира.² В семи отделах я раскрываю семь стран души моей³ книги. Проснувшись⁴ после зимы, я слышу, как весна тихонько выводит на опушки и полянки⁵ маленьких мохнатых⁶ кувыркающихся чертенят. Но я привязался к ним только от боли,⁷ как привязался бы к детям⁸ за то⁹ только, что они – бессловесная и бессознательная часть мира. Это – область души¹⁰ совсем ушедшей в себя и молчаливой. Она осталась бы такой, если бы¹¹ не тревожила тайна людских обителей. Там – в ярком¹² магическом свете видения жизни – страшные и прекрасные вместе – черные и снежные ночи, буйные улицы городов, там солдаты убивают людей, и¹³ молчаливая девушка в узком окне тклет мне Перстень-Страданье.¹⁴ Остается одно отчаянье, одна

¹ Вписано.

² Было: ^a Н(ечаянная) Р(адость) – это имя Богородичной иконы.

^b Н(ечаянная) Р(адость) – это мой образ Богородичного мира.

Далее зачеркнуто: ^a Икона

^b На этой иконе

^a Эта икона

² Икона изображает мне

^d Икона изображает мне мир, в котором я осужден жить и петь.

^e Икона мира, в котором мне должно жить.

³ Было: этой

⁴ Было: Проснувшись от зимнего сна, я узнаю, что весна тихонько поет.

⁵ на опушки и полянки вписано.

⁶ После мохнатых было: ^a существ

^b существ и

⁷ Было: Я полюбил их только от боли,

⁸ Далее было: только потому, что они – бессловесная часть мира.

⁹ Далее было: что

¹⁰ души вписано.

¹¹ Далее было: ^a магический город не тревожил

^b не город

^a города не тревожили магическим светом.

¹² ярком вписано.

¹³ Было: но

¹⁴ Было: ^a Там – видения многошумные

^b Там – видений многошумных

^a Там – видения жизни страшные и прекрасные вместе – снежные ночи, буйные улицы, там солдаты убивают людей, и девушка в узком окне тклет мне перстень-Страданье.

Далее вписано и зачеркнуто: и оглушает (?)

Покорность.¹ Но над миром,² где всегда дует ветер и ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза, – Осень встает высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотой короной лесов упирается в синее небо.³ Тогда⁴ понятно, как широка земля, как глубоки моря, как высоко небо и как свободна душа. Нечаянная Радость близка – но она смотрит в глаза мне очами, синими, бездонными и незнакомыми – как очи королевны – Ночной Фиалки, которая молчит и прядет.⁵ И я смотрю на нее, но вижу ее, как бы во сне. Между нами уже нет ничего неугаданного, но мы все еще⁶ незнакомы друг другу. Мне сдается, что мир,⁷ окружающий⁸ меня, также смотрит в⁹ еще не знакомые очи Нечаянной Радости. И она смотрит в очи ему. Но они уже знают о скорой встрече. Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Скоро¹⁰ мы толпою потечем на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой, Нечаянной Радостью сожгутся¹¹ сердца народов, когда с моря придут большие корабли.

1906. Август

А.Б.

С. Шахматово.

(л. 14 об.–16 об.)

*Переработка фрагментов первоначальной редакции
(ЧА₂ЗК₁₂)*

Вм. I. Проснувшись после зимы ~ ушедшей в себя и молчаливой. / Проснувшаяся земля выводит на лесные полянки¹² маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать "прощай" зиме, кувыркаться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они – твари, – привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души.¹³ Она осталась бы
(л. 17 об.)

¹ Было: Остается одна отчаянная Покорность.

² Было: ^a Но из этого мира

^b Но над этим миром, где кроме слез, ничего

³ Было: ^a Раскидывается над всей шириной

^b Раскидывается над широтой болот и золотой короной лесов упирается в синее и высокое небо.

⁴ Было начато: ^a Тогда ясно видишь, что

^b Тогда только ясно видишь, что

⁵ Было: ^a Нечаянная Радость – со мной

^b Нечаянная Радость уж(е?)

^c Нечаянная Радость близка – она смотрит в [мои?] глаза мне синими очами, бездонными и незнакомыми – очами девушки королевны [, которая] Ночной Фиалки, которая прядет и колдует и прядет, и прядет.

⁶ все еще вписано.

⁷ Было: И мне сдается, что этому миру

⁸ Было: окруживший

⁹ Было: на

¹⁰ Далее было: толпой

¹¹ Вместо Но они уже знают ~ сожгутся было: [А] И они слышат сквозь сон, как [поют в мор(е)] вскипают моря и поют голоса новой зры. Новой, Нечаянной Радостью она сожжет

¹² Было: опушки и полянки

¹³ Было: ^a Я привязался к ним только за то, что они – добры(е?) добродушные, бессознательн(ые) и бессловесные твари. Это привязанность молчаливой и ушедшей в себя души.

^b Я привязался к ним только за то, что они – подобны детям. Но твари лесные не по-детски хитры. Это привязанность молчаливой и ушедшей в себя души.

Вм. II. Там в ярком магическом свете ~ убивают людей, / Там – в магическом вихре и свете – страшные и прекрасные видения жизни:¹ Ночи – Снежные королевы – влачат шлейфы в брызгах звезд; на буйных улицах падают убитые² и чудодейственно-терпкий напиток³ – красное вино – оглушает,⁴ чтобы уши не слышали смерти, ослепляет, чтобы взоры не видели убийства;⁵

(л. 17 об.–18)

Вм. III. Остается только отчаянье, одна Покорность. /
а. Остается только покорность, тихое отчаянье
б. Остается только тихое отчаянье – Покорность.

(л. 18)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(к сборнику "Земля в снегу")

(Земля в снегу. Третий сб. стихов. М.: Золотое руно, 1908)

(С. 216)

Варианты чернового автографа в ЗК₂₀ (ЧА ЗК₂₀)⁶

(...) и холод, сковывая душу ~ коробушка (...)

а. и холод, сковывает души и заграждает пути – издали доносится голос коробейника, который всегда и всюду⁷ пробредет, победный напев, разносимый вьюгой:

Ой, полна...

б. и холод сковывает душу и заграждает пути – издали доносится голос Коробейника – победно-грустный и призывный напев, разносимый вьюгой:

Ой, полна...

¹ После видения жизни было: черные ночи влачат шлейфы, забрызганные звездами.

² Было: убитые люди.

³ Было: а. прекрасный напиток

б. чудодейственный напиток

⁴ После оглушает было: а. затворя очи

б. чтобы душа не услышала выстрелов и смерти, ослепляет, чтобы душа не [см(отрела?)] увидела убийства;

а. чтобы уши не слышали выстрелов и смерти, ослепляет, чтобы глаза не видели убийства;

⁵ Далее зачеркнуто: девушка в

⁶ Начало текста предисловия в ЗК₂₀ отсутствует (видимо, соответствующие страницы уничтожены Блоком).

⁷ Далее было начато: бр(едет?)

ПРИМЕЧАНИЯ

⟨к сборнику "Нечаянная Радость"⟩

⟨к Собранию стихотворений. Кн. вторая.
Нечаянная Радость (1904–1906). М.: Мусaget, 1912)⟩

(С. 219)

Варианты НР II₂

старым *вписано*

этого и смежных стихотворений *вписано*

музыкальное построение слов /*было*: ^{а.} выражение

^{б.} музыкальная фраза ◊

из стихотворения Фета / из одного стихотворения Фета

перевода Бальмонта *вписано*

После: Уайльда. – [(в переводе Бальмонта).]

После: (по моему тогдашнему замыслу). – *Было начато*:

Вся она была

Развитие той же темы ~ "Король на площади". *отсутствует*

изд. "Мир" / изд: Сытина

почти точное / подробное и почти точное

КОММЕНТАРИИ

О ВТОРОМ ТОМЕ ЛИРИКИ БЛОКА

I

Во второй том Полного собрания сочинений и писем А.А. Блока вошли стихотворения 1904–1908 гг., включенные самим поэтом в так называемое основное собрание его лирики. "Стихотворения. Книга вторая (1904–1908)" в своем окончательно сформированном виде состоит из "Вступления" ("Ты в поля отошла без ворот...") и семи разделов: "Пузыри земли" (1904–1905), "Ночная Фиалка" (1906), "Разные стихотворения" (1904–1908), "Город" (1904–1908), "Снежная Маска" (1907), "Фаина" (1906–1908), "Вольные мысли" (1907). Всего в книгу входят 210 произведений (неоконченная поэма "Ее прибытие" учитывается по числу составляющих ее семи стихотворений).

По своей внутренней идее вторая книга "канонического" свода стихотворений Блока отражает период "антитезы" в творческой эволюции поэта по отношению к "тезе" первой книги стихов, наиболее полно осуществленной в цикле "Стихи о Прекрасной Даме" (термины "теза" и "антитеза" применительно к стадиям собственного мироощущения и творчества использованы Блоком в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910) – *СС-85*, С. 426–428). Во многих смыслах как антитеза по отношению к первому сборнику "Стихи о Прекрасной Даме" (1905) осмыслился Блоком и сборник стихов "Нечаянная Радость" (1907), подавляющее большинство стихотворений которого вошло позднее в окончательный состав второго тома. Если книга "Стихи о Прекрасной Даме" может рассматриваться как первый опыт формирования первой части будущей поэтической трилогии, то книга "Нечаянная Радость" в такой же степени – прообраз второй части этой трилогии. Вместе с тем ход и характер формирования второго тома лирической трилогии Блока существенно отличается от истории создания "канонического" текста первого тома, который складывался на основе относительно однородного корпуса текстов и общего круга настроений и который в сознании поэта был четко отграничен (в том числе и хронологически) от последующего творчества. В отличие от первого тома второй том поэтической трилогии формировался на основе не одного, а двух сборников ("Нечаянная Радость" и "Земля в снегу"), отразивших разнонаправленные искания Блока 1904–1907 гг. Общая концепция этого творческого периода, характерная для позднего Блока, сложилась не в годы создания названных сборников, а позднее, в 1911–1912 гг. и окончательно определилась в 1916 г. Процесс создания второго тома как художественного единства, отражающего определенный этап в эволюции поэта, сопровождался изменениями в авторском понимании сущности этого этапа и его хронологических границ, в оценке своей лирики 1904–1907 гг.

Вскоре после выхода в свет "Стихов о Прекрасной Даме" стали появляться в печати циклы стихотворений Блока, отражавшие новые веяния в его творчестве: "Город" (*Гриф-1905*. С. 23–27), "Нечаянная Радость" (*ВЖ*. 1905. № 6. С. 152–161), "Тишина цветет" (*Весы*. 1906. № 5. С. 1–16); в 1905–1907 гг. несколько десятков новых

стихотворений Блока было опубликовано в периодических изданиях (журналы "Вопросы жизни", "Золотое руно", "Перевал", "Трудовой путь", "Тропинка", "Юность", "Образование", "Нива", газеты "Наша жизнь", "Слово", "Русь" и др.). Из 82 произведений, вошедших в книгу "Нечаянная Радость", ко времени ее выхода было опубликовано 49; 33 появились в печати впервые.

О своем намерении сформировать и выпустить в свет вторую книгу стихов Блок заявил в начале 1906 г. 3 января он сообщал Андрею Белому: "Вчера я написал С.А. Полякову предложение издать мой сборник в "Скорпионе" и сотрудничать в "Весах" (стихами). Не надеюсь на его согласие". Как реагировал официальный глава издательства "Скорпион" С.А. Поляков на предложение Блока, неизвестно: ни одного из писем Блока к Полякову не обнаружено; писем Полякова к Блоку в архиве поэта также нет. Весьма вероятно, что вопрос об издании своего сборника Блок обсуждал с В.Я. Брюсовым, приезжавшим во второй половине января 1906 г. в Петербург; ср. запись Блока от 18 января: "Вечером пойду к Вяч. Иванову. Приехал Брюсов Валерий" (ЗК. С. 74), – а также его письмо к Белому от 24 января 1906 г.: "...приезд Брюсова (он приходил к нам, и несколько раз мы виделись (...)). В начале февраля 1906 г. Белый писал Блоку по поручению Брюсова: «В(алерий) Я(ковлевич) просил меня передать Тебе, что "Скорпион" с радостью издаст Твой сборник в первой же очереди. Просит к Пасхе приготовить книгу, а после Пасхи начнется печатание и пр., чтобы к осени вышла книга. Об условиях печатания Брюсов просил меня передать Тебе лично. В Петербурге передам» (Блок и Белый. С. 173). Выдвинутые Брюсовым условия подготовки и печатания будущей книги Блок, таким образом, узнал от Белого во время его пребывания в Петербурге во второй половине февраля 1906 г.

В течение февраля – марта 1906 г. рукопись книги в ее предварительном составе и композиции была подготовлена. 24 марта 1906 г. Блок писал Брюсову: «На этих днях я посылаю мой сборник стихов в редакцию "Скорпиона". Прошу Вас извинить задержку, а также разные почерки и некоторые помарки в тексте: меня застигли врасплох государственные экзамены, которые отнимают все время. Посылаю Вам сборник пока еще без заглавия, с временной нумерацией лишь по страницам, так как я собирался, если это не затруднительно, добавлять стихотворения, если напишутся весной и летом. Семь отделов сборника могут оказаться также временными; я собирался, опять-таки, если это не представит затруднений для редакции или типографии, прислать впоследствии окончательную нумерацию стихов и "содержание". О внешности и частностях издания мне было бы очень важно впоследствии списаться, или, если я попаду в Москву, сговориться с Вами» (ЛН. Т. 92. Кн. 1, С. 492). Публикатор этого письма Ю.П. Благоволина справедливо отмечает, что, поскольку наборная рукопись "Нечаянной Радости", представленная в "Скорпион", не найдена, "сопоставить первоначальный замысел ее композиции с окончательным вариантом не представляется возможным" (Там же). Однако из письма Блока ясно, что уже в марте 1906 г. стихотворения книги были распределены по семи разделам, как и в окончательной ее композиции; неизвестно лишь, имели уже тогда эти разделы те же заглавия и располагались ли в той же последовательности. Из письма выясняется также, что наборная рукопись сборника состояла из автографов Блока и авторизованных списков ("разные почерки") его стихотворений, сделанных, видимо, Л.Д. Блок и (или) матерью поэта.

В архиве Блока подготовительных материалов к "Нечаянной Радости" также сохранилось ничтожно мало, и по ним невозможно проследить поэтапно за работой поэта над формированием книги. К маю – июню 1905 г. относится зафиксированный в 10-й записной книжке проект цикла стихов, возможно готовившегося Блоком для

самостоятельной публикации, но столь же правомерно предположить, что Блок в данном случае уже формировал раздел для будущей книги (в пользу этого свидетельствует термин "отдел", которым поэт обозначал разделы своих стихотворных сборников):

«Отдел "Весна":

1. Смородскому. («Нежный! У ласковой речки...»)
2. "Тяжко нам было под выюгами..."
3. "На перекрестке..."
4. К лесным тварям. («Твари весенние»)
5. "Она поет в печной трубе..."
6. Ремизову. («Болотные чертенятки...»)
7. Молитва. («Вступление» ("Ты в поля отошла без возврата..."))
8. Невидимка.
9. Маленький попик. («Болотный попик»)
10. "На весеннем пути (в теремок)...» (ЗК. С. 68).

Ср. также запись Блока в 11-й книжке (июнь – сентябрь 1905 г.) под рубрикой "Прозэты": "Весна (отдел)" (ЗК. С. 69). Пять стихотворений из этого проекта вошли в раздел "Весеннее" в "Нечаянной Радости".

Есть основания предполагать, что следы работы Блока над составлением "Нечаянной Радости" были в 12-й и 13-й записных книжках Блока (1906). 13-ю книжку Блок уничтожил целиком; из 12-й книжки он вырезал ряд листов, но на одном из оставшихся сохранилась карандашная запись – начало содержания раздела "Весеннее" с разметкой страниц. Запись, видимо, относится к последнему этапу работы Блока над сборником: непосредственно за нею следует черновой автограф предисловия к "Нечаянной Радости", датированный августом 1906 г. (ЗК₁₂. Л. 14 об.–18):

"1–2. В е с е н н е е

[На весеннем пути (в теремок)...]

3–4. Сольвейг.

5–6. На весеннем пути (в теремок)...

7–8. На весенней проталинке... («Болотный попик»).

9–10. Твари весенние.

11–12. Побывала старушка (у Троицы...) («Старушка и чертенята»).

13–14. На перекрестке...

15–16. Песенка.

17–18. "(на этом текст обрывается; ЗК₁₂. Л. 14). Последовательность стихотворений в записи полностью соответствует разделу "Весеннее" в "Нечаянной Радости".

В окончательной композиции книги входящие в нее стихотворения распределяются по семи разделам: "Весеннее", "Детское", "Магическое", "Перстень-Страданье", "Покорность", "Нечаянная Радость", "Ночная Фиалка". 10 стихотворений, помещенных в сборнике ("Вербная суббота", "Все ли спокойно в народе?..", "Фабрика", "Двойник", "Крыльцо Ее словно паперть...", "Песня Офелии" ("Он вчера нашептал мне много..."), "Мы шли над морем в час рассвета...", "Снова иду я над этой пустынной равниной...", "Зимний ветер играет терновником...", "Облака небывалой улады..."), позднее вошли в первый том "канонического" собрания стихотворений Блока, остальные 72 – во второй.

О выборе заглавия Блок извещал М.Ф. Ликиардопуло (секретаря журнала "Весы" и сотрудника "Скорпиона") 8 апреля 1906 г.: «Решаюсь остановиться на заглавии (для всего сборника моих стихов) "Нечаянная Радость" – по имени последнего отдела, наиболее важного по внутреннему смыслу» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 526). С.М. Городецкий в

"Воспоминаниях об Александре Блоке" свидетельствует: «Долго искал он объединяющего названия для новой книги. Помню, Белый на узеньком листике, своим порхающим почерком, набросал около десятка названий, – было среди них: "Зацветающий посох". Ко времени выхода книги Блок остановился на "Нечаянной Радости"» (*Воспоминания*, 1. С. 330). Приводим этот предварительный перечень (возможно, Белый записывал заглавия в ходе их обсуждения с Блоком):

1. Стовратный город.
2. Воздушный прибор.
3. Пересветы.
4. Зацветающий вихрь.
5. Вихряные просветы.
6. Осенницы.
7. Нечаянная Радость.
8. Ночная Фиалка.
9. Воздаяние.
10. Светы мирные.
11. Качка эфиров."

(*Орлов Вл.* Литературное наследство Александра Блока // *ЛН*. Т. 27–28. М., 1937. С. 569). "Нечаянная Радость" – название одной из икон Богоматери (XVI – начало XVII в.); икона на этот сюжет висела в доме Блока. Смысловая коллизия сказания об иконе Нечаянной Радости включает близкие Блоку мотивы греха (измены), памяти-знания о неизбежности нравственного идеала, апелляции к Вечной Женственности (см.: *Магомедова Д.М.* А.А. Блок. "Нечаянная Радость": (Источники заглавия и структура сборника) // *БС-7.С.* 50–53; *Миц З.Г.* Функция реминисценций в поэтике А. Блока // *Тр. по знаковым системам*. VI. Тарту, 1973. С. 399–400 (*УЗ ТГУ*. Вып. 308)). Еще в 1905 г. Блок дал заглавие "Нечаянная Радость" циклу своих стихов, напечатанных в "Вопросах жизни" (все они вошли в сборник); ср. письмо Блока к Белому от 19 июля 1905 г.: "Ваш приезд с Сережей (...) очень окрылил меня. Я чувствую в нем много Нечаянной Радости" (имеется в виду приезд Белого и С.М. Соловьева в Шахматово).

Передавая рукопись "Нечаянной Радости" в издательство, Блок предполагал посвятить будущую книгу Андрею Белому как своему ближайшему духовному "сочувственнику" последних лет. Однако осложнение личных взаимоотношений поэтов в 1906 г. привело к тому, что Блок отказался от этого намерения. 9 августа 1906 г. он писал Белому: «Сборник "Нечаянная Радость" я хотел посвятить Тебе, как прошедшее. Теперь это было бы ложью, потому что я перестал понимать Тебя. Только потому не посвящаю Тебе этой книги»; 12 августа – ему же: «Относительно "Нечаянной Радости": *не* посвящаю ее Тебе; во-первых, потому, что не вижу теперь – "откуда" Тебе ее посвящаю; во-вторых, наши отношения стали глубже и они не безмятежны так, как требуется при посвящении. Наконец, я не знаю и не понимаю теперь, "где Ты", и посвящение было бы внешним». В ответ Белый писал Блоку (13 августа 1906 г.): "Действительно, лучше, чтобы Ты отменил посвящение мне твоей книги" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 255).

7 мая 1906 г. Блок сообщал Вл. Пясту, что "закончил составление сборника стихов". Поэт придавал большое значение оформлению будущей книги; в этой связи он специально обращался к Брюсову (18 апреля 1906 г.): «М.Ф. Ликиардопуло писал мне, что скоро предполагается приступить к печатанью сборника. Могу ли я просить Вас, чтобы он печатался обычным шрифтом "Скорпиона", как в первых "Северных цветах" (1901–1903) (...); кроме того, мне хочется, чтобы каждый стих начинался с большой буквы. Формат, обложка и даже бумага давно представлялись мне, как в

"Письмах Пушкина и к Пушкину"; это оттого, что во мне есть консервативная книжность: я всегда чувствовал особенную нежность к обложкам с простыми буквами или в старинной книжной рамке, а сложные линии и все, превышающее виньточность, скоро надоедало. До сих пор я люблю целиком издание "Пана": и формат, и бумагу, и 4 простые зеленые буквы на сером; еще я думал о красных буквах на сером или серо-синем. Но все, касающееся обложки, формата и бумаги, второстепенно, а, главное, прошу Вас о шрифте и больших буквах». 24 апреля 1906 г. Брюсов писал в ответ: "За печатание Вашей книги примемся (...) вероятно, с начала июня. (...) Все, что касается Ваших желаний относительно шрифта, бумаги и т(ому) под(обное), будет исполнено. Затруднения могут возникнуть только относительно формата, так как он определяется форматом той бумаги, какая есть на рынке: издатели в этом не очень вольны" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 493, 494). Формат "Нечаянной Радости" несколько больше, чем формат книги "Письма Пушкина и к Пушкину" (М.: Скорпион, 1903), сорт бумаги – иной; оформление обложки было сделано, как и предлагал Блок, по образцу книги Кнута Гамсуна "Пан" в переводе С.А. Полякова (М.: Скорпион, 1901): серая обложка и зеленые буквы заглавия, без дополнительных элементов украшения.

Отпечатать "Нечаянную Радость" летом 1906 г. не удалось. 3 августа 1906 г. Брюсов сообщал Блоку: "...Ваша книга все еще не начата. Необходимо деятельно взяться за ее издание. Хотелось бы, однако, еще раз подробно переговорить с Вами о разных внешностях, – о формате, шрифте, обложке, расположении стихов, гонораре и т.д. и т.д." (*Там же*. С. 496). Предложенная Брюсовым встреча с Блоком для выяснения этих вопросов тогда не состоялась. 23 августа Блок писал Брюсову: «Что касается обложки и остальных украшений "Нечаянной Радости", то я, конечно, по-прежнему, вполне полагаюсь на вкус всех руководителей "Скорпиона"» (*Там же*). В августе Блок написал "Вместо предисловия" к "Нечаянной Радости".

В письме от 9 сентября 1906 г. Брюсов объяснял Блоку причины задержки с печатанием книги: "не было наготове бумаги; это теперь устранено", "продолжалось обсуждение о некоторых мелких подробностях в расположении текста"; не были готовы вовремя виньетки В.Д. Милиоти, которыми было решено украсить сборник (*Там же*. С. 497). Получив виньетки Милиоти, Блок писал Ликиардопуло (1 октября 1906 г.): "Все заставки Милиоти нравятся мне необыкновенно, я ужасно рад, что мой сборник будет украшен ими". 13 октября Брюсов извещал Блока: "Ваша книга в работе и к Рождеству появится наверное" (*Там же*. С. 497, 526).

"Нечаянная Радость" вышла в свет в последних числах декабря 1906 г. В письме от 13 января 1907 г. Блок благодарил Брюсова "за факт ее появления в свет". В середине января 1907 г. Блок получает из Москвы авторские экземпляры сборника, 16–17 января делает первые дарительные надписи на книгах (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 143). В конце января – феврале 1907 г. появляются первые печатные отклики на "Нечаянную Радость" (С. Соловьев – *ЗР*. 1907. № 1; Литературный Старовер [А.А. Коринфский] – *Голос правды*. 1907. 8 февраля; Е. Аничков – *Свободный человек*. 1907. 26 февраля; В. Брюсов – *Весы*. 1907. № 2; Н.Абрамович – *Образование*. 1907. № 2а, подпись: Н.А-вич, и др.).

В середине января 1907 г. Блок закончил лирический цикл "Снежная Маска", который передал в издательство "Оры" для опубликования отдельной книжкой, вышедшей в свет 8 апреля 1907 г. В 1907 – первой половине 1908 г. в печати появились также несколько стихотворных циклов Блока ("Пред Ликом Твоим" – *ЦО*. С. 95–105; "Томления весны" – *БН*. С. 7–34; "Осенняя любовь" – *Весы*. 1907. № 12. С. 10–14; "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей" – *Весы*. 1908. № 3. С. 7–20; "Вольные мысли" – "Факелы". Кн. 3. СПб., 1908. С. 7–20 и др.), многочисленные публикации отдельных стихотворений. Все эти произведения в начале 1908 г. сложились в новый,

третий сборник стихов Блока "Земля в снегу" ("Снежная Маска" вошла в него как один из разделов). Первоначально Блок собирался озаглавить сборник: "Дева снежных вихрей. Четвертая книга стихов" (подразумевалось, что третья книга – "Снежная Маска"); объявления о готовящемся сборнике под таким названием появились в списке книг Блока, напечатанном в его "Лирических драмах" (СПб., "Шиповник", 1908; книга вышла в свет в феврале 1908 г.), и в киевском журнале "В мире искусств" (1908. № 1, 2–3, 5, 6–7, 8–10; см.: Орлов Вл. Литературное наследство Александра Блока // ЛН. Т. 27–28. С. 519, 569).

Новую книгу стихов Блок передал редакции московского символистского журнала "Золотое руно" (при журнале была налажена книгоиздательская деятельность; в 1906–1909 гг. было выпущено в свет 7 книг). 25 января 1908 г. Блок писал матери: "С Рябушинским торгуюсь насчет сборника стихов (большой – к Пасхе)" (Н.П. Рябушинский – издатель "Золотого руна"). Непосредственной работой по подготовке текста книги Блок занимался в Ревеле, где гостил у матери 14–24 февраля 1908 г. "Приготавливаем мы с мамой сборник стихов", – сообщал Блок жене 17 февраля 1908 г. А.А. Кублицкая-Пиоттх помогала Блоку в составлении наборной рукописи будущей книги – переписывала тексты стихотворений с авторских оригиналов. 20 февраля Блок писал жене: «...мы с мамой приготовили сборник стихов. Пусть он называется – "Земля в снегу". Первый цикл – "Подруга Светлая", первое стихотворение – "Люблю тебя, Ангел-Хранитель"». В начале марта 1908 г. было написано предисловие к книге; ср. письмо Блока к матери от 5 марта: "Написал я хорошее предисловие к книге стихов (...)". Материалов, характеризующих составительскую работу Блока над сборником, а также обстоятельства переговоров с редакцией "Золотого руна" и печатания книги, практически не сохранилось: их нет в архиве Блока; архив "Золотого руна" (где могли находиться наборная рукопись и корректуры книги) не обнаружен; переписка Блока с Н.П. Рябушинским и Г.Э. Тастевеном, секретарем "Золотого руна", почти полностью утрачена.

"Земля в снегу" вышла в свет в июле 1908 г.; ср. недатированное письмо Тастевена к Блоку, относящееся к этому времени, в котором сообщается, что сборник "выходит на этой неделе" (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 424). Авторские экземпляры Блок, видимо, получил позднее: первые из выявленных дарительных надписей датированы сентябрем 1908 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 143). В сентябре появляются и первые печатные отзывы о книге (Аякс [А.А. Измайлов] – БВ. 1908. 9 сент., веч. вып.; Вик(тор) Ст(ражев) – Русские ведомости. 1908. 16 сент.; Боривой [Д. Якушев] – Голос правды. 1908. 17 сент.).

"Земля в снегу" состоит из шести разделов: "Подруга Светлая", "Мещанское житье", "Вольные мысли", "Песня Судьбы", "Послания", "Снежная Маска". Всем разделам, кроме "Вольных мыслей" и "Снежной Маски", предпосланы эпиграфы. Характерная особенность книги – каждое стихотворение (за исключением нескольких, входящих в циклы) имеет заглавие. Всего в книгу включено 96 стихотворений, 6 из них появились в печати впервые. 2 стихотворения из "Земли в снегу" – "На родине" ("В густой траве пропадешь с головой...") и "Ты отошла" ("Ты отошла, и я в пустыне...") – позднее вошли в третий том "канонического" собрания стихотворений Блока, 4 стихотворения – "Подруга Светлая" ("Везде – над лесом и над пашней..."), "Отрывок (Из Байрона)", "Песельник", "Цирцея (S.-Ch. Leconte)" – были исключены из этого свода, основной же массив текстов книги – 90 стихотворений – явился составной частью второго тома в его окончательной редакции. Таким образом, второй сборник "Нечаянная Радость" и третий сборник "Земля в снегу" в сумме составляют основу "канонического" корпуса стихотворений второго тома: в этих двух книгах помещено 162 стихотворения из 210, входящих в окончательный свод.

Следующий этап формирования текста, представляющего, по замыслу автора, его творческий облик в 1904–1908 гг., – вторая и третья книги трехтомного "Собрания стихотворений" 1911–1912 гг.: "Нечаянная Радость (1904–1906). Второе издание, дополненное" (М.: Мусагет, 1911) и "Снежная ночь (1907–1910)" (М., Мусагет: 1912). Издание "Собрания стихотворений", по-своему итогового для десятилетнего литературного пути Блока, оказалось возможным благодаря сближению поэта с новым московским символистским издательством "Мусагет" и с его руководителями Э.К. Метнером и Андреем Белым (см.: *Фрумкина Н.А., Флейшман Л.С.* А.А. Блок между "Мусагетом" и "Сирином" (Письма к Э.К. Метнеру). – *БС-2*. С. 385–390). При подготовке этого издания Блок уже осмыслил пройденный поэтический путь в форме трилогии (см. авторское "Предисловие к Собранию стихотворений" – т. 1 наст. изд.), однако содержание каждой из частей этой трилогии было еще далеко не идентичным тому, какое она являет в окончательном корпусе "основного собрания" лирики; в наибольшей степени эти различия касаются третьей книги "Собрания стихотворений" ("Снежная ночь"): около половины входящих в нее текстов позднее перешли во второй том "основного собрания".

В письме к Э.К. Метнеру от 19 декабря 1910 г. Блок предлагал издать 2-ю книгу "Собрания стихотворений" в "будущем сезоне", осенью. Уезжая в Шахматово на следующее лето, он сообщал 11 мая 1911 г. секретарю "Мусагета" А.М. Кожебаткину: "18-го мая я уже буду в деревне (...) II и III книгу оттуда же пришлю скоро". Работу по составлению 2-й и 3-й книг "Собрания стихотворений", законченную в первой половине июня 1911 г., Блок вел параллельно; ср. его письма к жене из Шахматова: "...занимаюсь много дописываньем старых стихов (...) хочу скорей развязаться со II и III книгой" (27 мая); "...скоро составлю второй и третий том (...)" (7 июня); "Завтра еду в Москву на несколько дней. (...) Везу Кожебаткину рукописи второй и третьей книги" (13 июня 1911). С конца октября до конца ноября 1911 г. Блок работал над корректурами 2-й книги "Собрания стихотворений" (о получении 3-х листов корректур он извещал А.М. Кожебаткина 30 октября 1911 г.; см. его дневниковые записи от 29 октября, 9, 13, 27 ноября 1911 г. В письме к Кожебаткину от 3 ноября 1911 г. Блок выражал пожелание, чтобы "Нечаянная Радость" и "Снежная ночь" "вышли одновременно (если бы к Рождеству!)". Продиктовано это желание в значительной степени было, видимо, уже тогда определившимся у Блока недовольством второй книгой его поэтической трилогии и переоценкой отразившихся в ней мотивов и настроений; ср. замечание в письме Блока к Белому от 6 июня 1911 г.: «"Нечаянная Радость" – книга, которую я, за немногими исключениями, терпеть не могу». Появление второй книги одновременно с третьей, которой Блок был более удовлетворен, должно было восприниматься как новое слово по отношению ко второй книге и в известной мере как ее преодоление; оно позволило бы осмыслить "декадентские" и "нигилистические" мотивы "Нечаянной Радости" под корректирующим знаком последующей идейно-творческой эволюции. Подтверждением подобной позиции служат слова Блока, зафиксированные в дневнике Ф.Ф. Фидлера (4 апреля 1912 г.): "Я пришлю Вам одновременно и второй, и третий тома моих сочинений, как только третий выйдет в свет. Не посылаю Вам отдельно второго тома, потому что он мне совсем не нравится" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 837; публикация К.М. Константинова (Азадовского)); ср. письмо Блока к Брюсову от 16 января 1912 г.: «Не тороплюсь посылать Вам Ваш экземпляр нового издания "Нечаянной Радости" (...) я пошлю Вам ее одновременно с третьей книгой, которая скоро выйдет из печати».

Вторая книга "Собрания стихотворений" вышла в свет на несколько месяцев раньше третьей – во второй половине декабря 1911 г. 18 декабря Блок записал в

дневнике: «Пришел Кожебаткин, принес четыре экземпляра только что вышедшей "Нечаянной Радости"»; 29 декабря: "Вчера (...) – получил "Нечаянную Радость" (89 экземпляров) (...)». Непосредственно по выходе в свет Блок подарил книгу только родным и немногим близким друзьям; в остальных случаях он отложил приношения до появления третьей книги "Собрания стихотворений" – до марта – апреля 1912 г. (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 144–145).

В архиве издательства "Мусагет" сохранились наборная рукопись и корректура второй книги "Собрания стихотворений" (см.: *Чарушникова М.В.* Каталог творческих рукописей А.А. Блока. – Записки Отдела рукописей (РГБ). М., 1980. Вып. 41. С. 139–141). В наборной рукописи "Нечаянной Радости" (РГБ. Ф. 190. Карт. 11. Ед.хр. 1) – 9 блоковских автографов стихотворений, 11 стихотворений – в виде печатных вырезок, остальные тексты стихотворений представлены авторизованными списками, сделанными рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, с правкой Блока (в том числе – зачеркнутые и измененные в отдельных случаях заглавия, проставленные датировки – иногда зачеркнутые); в ряде списков стихотворений рукой Блока написаны заглавия и первые строки. В наборной рукописи отсутствуют страницы с текстом поэмы "Ее прибытие". Рукой Блока написаны обложка, титульные листы, названия разделов (простыми и синим карандашом), "Примечания" (Л. 146–147), содержание (Л. 148–149 об.), библиографический перечень "Книги Александра Блока" (Л. 150), пронумерованы стихотворения (римскими цифрами) и листы рукописи (арабскими цифрами). Заглавия "Собрание стихотворений" и "Нечаянная Радость (1904–1906)" написаны зеленым карандашом; соответственно зеленым цветом они выделены в издании (зеленые буквы для заглавия были выбраны Блоком и при подготовке первого издания "Нечаянной Радости"). Указания: "зеленым", "зеленые буквы" – Блок сделал также на титульных листах корректуры книги (РГБ. Ф. 190. Карт. 11. Ед.хр. 2. Л. 1, 3, 4).

Сообщая Брюсову (16 января 1912 г.) о втором издании "Нечаянной Радости", Блок отмечал: "...в ней перемен немного (...)". Действительно, новая книга имела много общего с первым изданием. Стихотворения в ней распределены по девяти разделам: "Весеннее", "Детское", "Магическое", "Отравы", "Перстень-Страдание", "1905", "Покорность", "Нечаянная Радость", "Ночная Фиалка" (одноименная поэма)¹. К разделам, бывшим в первом издании книги, прибавились также "Отравы" и "1905". В соответствии с их выделением стихотворения были перегруппированы; кроме того, в книгу было введено значительное количество произведений, не включенных в первое издание: 42 – частью взятых из "Земли в снегу", частью введенных в свод блоковской лирики впервые; 10 стихотворений из первого издания "Нечаянной Радости" были перенесены в первую книгу "Собрания стихотворений". Всего во второе издание "Нечаянной Радости" включено 114 стихотворений (поэма "Ее прибытие" – в составе входящих в нее 7 стихотворений): из них 112 позднее вошли во вторую книгу "основного собрания" стихотворений Блока, 2 стихотворения – "Рождество" и "Колыбельная" ("Спят луга, спят леса...") – остались за пределами "основного собрания".

Как уже указывалось, третью книгу "Собрания стихотворений" Блок готовил параллельно со второй. 23 мая 1911 г. он сообщал жене: "Я начал составлять III том"; готовая рукопись была сдана в издательство "Мусагет" в середине июня 1911 г. Столь быстрые сроки подготовки книги объяснялись тем, что "Снежная ночь" была комплектована на основе двух ранее сформированных сборников стихов Блока – третьей ("Земля в снегу") и четвертого ("Ночные часы"); само заглавие третьей книги

¹ В корректуре второго издания "Нечаянной Радости" "Ночная Фиалка" была подверстана к предыдущему разделу. Блок, внося исправления, сделал приписку на полях: "Самостоятельный отдел (под заглавием Ночная Фиалка)" (РГБ. Ф. 190. Карт. 11. Ед.хр. 2. Л. 73).

представляет собой своего рода контаминацию образов, восходящих к заглавиям этих сборников. Блок осмыслил третью книгу "Собрания стихотворений", подобно первой и второй, как переиздание; в письме к Э.К. Метнеру от 19 декабря 1910 г., обозначая контуры всего задуманного трехтомного собрания, он указывал: «(...) книга III – "Снежная Ночь", издание второе ("Земля в Снегу" + "Ночные Часы")». Работая над подготовкой "Ночных часов", печатавшихся в 1911 г. в том же издательстве "Мусагет", Блок одновременно занимался формированием третьей книги "Собрания стихотворений". «Что "Ночные Часы"? – спрашивал он А.М. Кожебаткина в письме от 28 мая 1911 г. – Хочу Вас просить *три* экземпляра корректуры: один верну Вам, а при помощи двух других буду составлять III книгу; она почти готова (как и вторая) – дело стало только за текстами стихов».

В наборной рукописи "Снежной ночи" (РГБ. Ф. 190. Карт. 12. Ед.хр. 1) 14 стихотворений представлены автографами Блока, 9 стихотворений – в виде печатных вырезок, остальные тексты – корректурные листы (гранки и верстка); часть корректурных листов "склеена в полосы вместе с автографами и печатными вырезками. Полосы разной длины, ширина на протяжении отдельной полосы меняется в зависимости от размеров вклеенного автографа или печатной вырезки" (*Чарушикова М.В.* Каталог творческих рукописей А.А. Блока. С. 136). В виде верстки – разделы "Снежная Маска", "Вольные мысли", "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; в виде гранок – разделы "Песня Судьбы", "Возмездие", "Итальянские стихи", "Арфы и скрипки", "Родина". Ручкой Блока написаны обложка, титульные листы (с указанием, что заголовки "Собрание стихотворений" и "Снежная ночь" должны быть синего цвета), названия разделов, "Заключение" (Л. 97), "Содержание" (Л. 98–100 об.), пронумерованы стихотворения и листы, сделаны типографские пометы. К наборной рукописи приобщена корректура-верстка (Л. 101–115) заключительных страниц книги – от стихотворения "За гробом" (С. 177) до стихотворения "Заключение" (С. 187), далее (с авторской правкой) – "Примечания", "Содержание", библиографический перечень "Книги Александра Блока" и список опечаток в первой и второй книгах "Собрания стихотворений". Расположение разделов и последовательность стихотворений идентичны опубликованному тексту книги; известная же хаотичность обложка наборной рукописи отчасти объясняется тем, что Блок дорабатывал ее уже после сдачи в издательство; 19 декабря 1911 г. он писал Кожебаткину: "Я увидал вдруг, что совершенно неправильно распределили материал *третьего* тома. Если не поздно, нельзя ли получить сначала не *сверстанную* корректуру, многое придется переставить и кое-что прибавить. После этого – хорошо бы, как прежде – корректуру и в сверстанном виде". Видимо, к первоначальной стадии работы над книгой относятся разрозненные листы наборной рукописи "Снежной ночи" (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 43, 67 лл.), включающие беловые автографы стихотворений, авторизованные списки, сделанные А.А. Кублицкой-Пиоттук (некоторые – с правкой Блока), корректурные листы (на л. 31 значится архивное указание, что эти материалы приобретены у А.М. Кожебаткина). Скорее всего эти листы были изъяты и заменены в наборной рукописи другими в ходе доработки текста книги после ее сдачи в "Мусагет".

В течение января 1912 г. Блок трудился над корректурами третьей книги. 23 февраля 1912 г. он писал Кожебаткину: «Спасибо за третью корректуру, она оказалась очень нужной, все-таки и здесь порядочно опечаток. Посылаю ее Вам, прилагаю "содержание", теперь прошу Вас только корректуру его и *примечаний* (послал их на днях)». Книга вышла в свет во второй половине марта 1912 г. В письме от 8 мая 1912 г. Блок благодарил Э.К. Метнера: «...за многое – спасибо, хотя и запоздалое: (...) за то, как издал "Мусагет" мои стихи».

Стихотворения в книге "Снежная ночь" распределены по девяти разделам: "Снежная Маска", "Вольные мысли"; "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей", "Песня Судьбы", "Страшный мир", "Возмездие", "Итальянские стихи", "Арфы и скрипки", "Родина". Стихотворения первых трех разделов полностью и четвертого раздела почти полностью (21 из 23) вошли позднее во вторую книгу "основного собрания" стихотворений Блока; сюда же были перенесены и 12 стихотворений из других разделов. Всего в книге "Снежная ночь" помещено 164 стихотворения, 78 из них позднее включены в "канонический" свод второго тома.

Следующий этап работы Блока над изданием своей лирики – подготовка в 1913–1914 гг. нового трехтомного собрания стихотворений для издательства "Сирин". Оно не было осуществлено (см. Т. 1. С. 390 наст. изд.). Над второй и третьей книгами задуманного издания Блок работал в апреле 1914 г.; ср. его записи: «Составил "Нечаянную радость"» (23 апреля); «Весь день, не отрываясь, составлял "Снежную ночь", 2-е издание» (25 апреля) (ЗК. С. 224). Ни наборная рукопись, ни корректуры второй и третьей книг этого собрания стихотворений не обнаружены. По всей вероятности, "сиринское" издание в целом должно было во многом походить на осуществленное "мусажетское" "Собрание стихотворений": названия второй и третьей книг – те же; сжатые сроки подготовки книг (несколько дней во второй половине апреля 1914 г.) говорят о том, что тексты и композиция прежних изданий "Нечаянной Радости" и "Снежной ночи", видимо, кардинальной переработке не подвергались.

В апреле 1915 г. Блок заключил договор с "Мусажетом" на издание своих сочинений в четырех томах; первые три тома были отведены стихотворениям, четвертый – театру (текст договора, датированного 15 апреля 1915 г. и подписанного Блоком и секретарем "Мусажета" Н.П. Киселевым, опубликован Вл. Орловым – ЛН. Т. 27–28. С. 571–572). Инициатива в этом начинании принадлежала сотрудникам "Мусажета", предпринявшим переговоры с Блоком в январе – феврале 1915 г. (см. письма Н.П. Киселева к Ю.Н. Верховскому от 13 января 1915 г. и И.М. Брюсовой к В.Я. Брюсову от 3 февраля 1915 г. – ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 441–442, 444). Поначалу Блок собирался радикально изменить структуру издания; 17 марта 1915 г. он писал Н.П. Киселеву: "...я (...) занимался своими старыми стихами, решил совершенно переработать издание и сделать не три (и не четыре) тома, а всего два (стихов; театр – отдельно). Теперь мне предстоит еще большая работа, и я не могу определить ничего точно". Однако 6 апреля 1915 г., извещая Н.П. Киселева о том, что его работа по составлению нового издания "вчерне закончена", Блок предлагал по-прежнему трехтомную композицию собрания своих стихотворений; предварительная рубрикация второй книги в этом письме заявлена следующим образом: «Вторая книга – без заглавия (1904–1908) состоит из отделов: Пузыри земли, Ночная фиалка, Дети, Город, Незнакомка, "?" и "Разные стихотворения"». О ходе работы над новым изданием Блок сообщал и в письмах к Вл. Пясту: «...длинные переговоры с "Мусажетом" и законченная лишь вчерне работа над четырьмя книгами (...)» (6 апреля); «Мучаюсь над своими книгами (новое издание "Мусажета")» (26 апреля). Труд по подготовке этого нового варианта стихотворной трилогии зафиксирован в авторском рабочем экземпляре "Собрания стихотворений" 1911–1912 гг.: в нем отражена авторская правка текста стихотворений, работа по сокращению корпуса собрания стихотворений (тексты, намеченные к изъятию, вычеркнуты карандашом), проведена предварительная разметка стихотворений по вновь образованным разделам. 1 июня 1915 г. Блок сообщал матери: «Все рукописи в "Мусажет" посланы». Во второй половине декабря 1915 г. Блок работал над корректурами нового "мусажетского" издания (ЗК. С. 280–281). 7 мая 1916 г. он писал матери: "Печатанье 2-ой книги стихов приходит к концу". Вторая книга нового

издания "Стихотворений" вышла в свет в июне 1916 г. Наборная рукопись и корректура этого издания в архиве "Мусажета" (РГБ. Ф. 190) не сохранились, нет их и в личных архивных фондах Блока. Наборная рукопись, видимо, была возвращена Блоку (он настойчиво просил об этом Н.П. Киселева в письмах от 30 мая и 5 июня 1915 г.) и могла погибнуть в Шахматове в числе других архивных бумаг.

Общая установка, которой руководствовался Блок при подготовке этого издания, отразила его стремление к новой переоценке своего поэтического пути, к более пристальному и строгому отбору текстов, вводимых в основной свод лирической "трилогии". Необходимость такого подхода Блок осознал уже в начале 1915 г., ср. его запись от 25 февраля: "Занятие стихами. Открытие: все почти, половина – шарлатанство, надо переделать" (ЗК. С. 256); о том же свидетельствуют замечания в письме к Н.П. Киселеву от 6 апреля 1915 г.: "Стихов еще пока сдать не могу (...) Все-таки теперь многое будет по-новому". Свою позицию при отборе и распределении поэтических текстов Блок разъяснял также в письме к А.Я. Гуревич от 23 февраля 1916 г.: "Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать. (...) Выбираю и распределяю все так, чтобы как можно яснее (насколько в данное время жизни понимаю) было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться".

Во второй книге новой редакции поэтической трилогии Блока ("Стихотворения, кн. 2 (1904–1907)". 3-е изд., переработанное) впервые выработана композиционная структура, которая сохранится и в "каноническом" своде; тем самым установлен тематический репертуар и намечены хронологические границы, присущие второму тому как выражению определенной фазы в эволюции поэзии Блока и образа ее лирического героя. Книга открывается "Вступлением" ("Ты в поля отошла без возврата..."), за ним следуют семь разделов: "Пузыри земли", "Ночная Фиалка", "Разные стихотворения", "Город", "Снежная Маска", "Фаина", "Вольные мысли". Три раздела: поэма ("Ночная Фиалка") и два устойчивых стихотворных цикла ("Снежная Маска" и "Вольные мысли") – были представлены в прежних книгах Блока, остальные четыре сформированы впервые путем перераспределения стихотворного материала многочисленных разделов 2-й и 3-й книг первого "мусажетского" "Собрания стихотворений" ("Весеннее", "Детское", "Магическое", "Отравы", "Перстень-Страдание", "1905", "Покорность", "Нечаянная Радость" из 2-й книги, "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей", "Песня Судьбы" и ряд стихотворений из других разделов 3-й книги). Кардинальная переработка проявилась и в том, что Блок с большой строгостью подошел к отбору стихотворений для второй книги. Всего в нее было включено 140 стихотворений (ср. с "каноническим" сводом: 210 стихотворений); при этом 31 стихотворение, входившее во 2-ю книгу предыдущего издания, было оставлено за пределами нового собрания, а 6 стихотворений из прежней второй книги перенесены в третью, в раздел "Родина"; кроме того, в томе были напечатаны 4 произведения, не входившие в предыдущее "Собрание стихотворений". Блок также подверг сокращению тексты ряда стихотворений, ликвидировал некоторые заголовки, предисловия и примечания. В отличие от второй и третьей книг первого "мусажетского" издания, стихотворения в новом издании второй книги размещены внутри разделов в хронологическом порядке.

Установка Блока на распределение стихотворений внутри разделов в соответствии с хронологической последовательностью их создания (но и с отдельными отклонениями от этой последовательности) подтверждается составленным им указателем содержания 2-й книги (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 129. Л. 16–19); в нем рядом с заглавием каждого стихотворения обозначена его датировка (рукопись содержит следы работы и над последующим изданием 2-й книги: в указатель содержания разделов

"Пузыри земли" и "Разные стихотворения" (частично) вписаны заглавия стихотворений, дополнительно вводимых в корпус книги, также в соответствии с временем их создания). Например, начало содержания раздела "Город" выглядит в указателе следующим образом:

"1904, 22 II. *Петр*.

1904, 3 II. *Последний день*.

1904, 5 III. *Обман*.

1904, 28. VI. Город в красные пределы...

1904, VI. Вечность бросила в город...

1904, 3 VII. Я жалобной рукой (сжимаю свой костыль...)

1904, 27 VIII. *Гимн*.

1904, 10 IX. Поднимались из тьмы (погребов...)

1904, 25 IX. В высь изверженные дымы...

1904, 24 XII. День поблек, (изящный и невинный...)

1904, конец. В кабаках, в переулках, (в извивах...)

1905, I. *Повесть*.

1905, начало. Улица, улица...", и т.д. (*Там же*. Л. 17–18).

"Канонический" состав второго тома лирики Блока сложился в 1918 г. при подготовке следующего издания "Стихотворений" Блока в трех книгах для издательства "Земля". Композиционная структура тома не отличалась от выработанной во втором "мусагетском" издании "Стихотворений", но в него были введены почти все стихотворения из второго тома первого издания "Собрания стихотворений", не попавшие во второе издание. Если при подготовке предыдущего трехтомного собрания Блок стремился ограничить количество текстов, критически пересмотреть свои стихотворения с точки зрения их соответствия требованиям, предъявлявшимся к поэтической "трилогии" как строгому художественному единству, то в данном случае взяла верх противоположная тенденция – представить "трилогию" в возможно более широком репертуаре составляющих ее произведений, обогатить и разнообразить ее текстами, позволяющими объективнее, полнее и детальнее воспринять каждую из частей всей поэтической композиции, проследить все значимые вехи творческого пути. Благодаря такому подходу во второй том "Стихотворений", выпущенный в свет издательством "Земля", вошло подавляющее большинство поэтических произведений, написанных Блоком в 1904–1907 гг. (в книгу вошли также отдельные стихотворения 1908 г.). Первоначально Блок включил в состав второго тома не 210, а 215 стихотворений; 5 стихотворений затем были им изъяты: из раздела "Разные стихотворения" – "В глубоких сумерках притвора..." и "Я песельник. Я девок вывожу...", из раздела "Фаина" – три стихотворения, ранее составлявшие цикл "Ненужная весна" ("Отсеребрилась, отзвучала...", "В глазах ненужный свет так ярко...", "Зима прошла. Я болен..."). В гранках эти стихотворения вычеркнуты (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. Ед.хр. 54. Л. 5, 9, 18).

Перелом в отношении Блока к своим произведениям, сказавшийся в окончательном отборе текстов для второго тома, ощутим уже в его записи от 30 апреля 1917 г.: "Внимательное чтение моих книг (...) убеждает меня в том, что я стоящий сочинитель" (*ЗК*. С. 320). В ходе работы над новым изданием "Стихотворений" для "Земли" тенденция к расширению корпуса "канонических" текстов и восстановлению исправленных и сокращенных стихотворений в прежнем виде стала у Блока осознанной позицией: "После упорной работы я увидел, что мои переделки стихов (главным образом, сокращения) были напрасны. Поэтому я восстанавливаю многие выкинутые строфы и строки" (22 июля 1918 г.); «...»опять весь старый хлам в книги" (...) Кто желает понять, поймет лучше, вчитываясь во все подряд» (23 авг. 1918 г.; *ЗК*. С. 417, 422).

Глава издательства "Земля" А.И. Имнайшвили (Иминайшвили) купил право на издание трех книг "Стихотворений" и одной книги "Театра" Блока в мае 1918 г.; 1(14) июня 1918 г. заключен договор между Блоком и Имнайшвили (текст договора приводит Вл. Княжнин, сообщающий также дополнительные сведения о контактах Блока с издательством "Земля"; см.: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 216–219). Работа Блока отразилась в записных книжках. 9 июля 1918 г. Блок записал: "Начал составление II тома – до усталости". Работа над томом была продолжена в последующие дни, вплоть до 24 июля, когда Блок зафиксировал: "Окончено составление II тома". Сразу же по завершении этой работы рукопись была набрана; уже 30 июля Блок отметил: "Корректурa II тома"; 5 сентября: "II том сверстан до конца". Впоследствии ход выпуска книги затормозился; 27 декабря 1918 г. Блок записал, что II том будет отпечатан "на той неделе", но, видимо, это не состоялось. Лишь 17 апреля 1919 г. Блок зафиксировал: «"Земля". Получил II том».

"Стихотворения. Книга вторая (1904–1908). Издание четвертое, дополненное" (Пб., Земля, 1918 [1919]) – окончательный по составу, композиции, подготовке текста свод второго тома лирики Блока, последнее прижизненное издание, отражающее авторскую волю в отношении этой части поэтической трилогии. В книгу включены почти все произведения, входившие в первое "мусagetское" "Собрание стихотворений" и исключенные из второго "мусagetского" издания; кроме того, впервые в составе основного собрания напечатаны 16 стихотворений, не включавшиеся в предшествующие издания. В подавляющем большинстве случаев Блок восстановил в прежнем виде тексты стихотворений, сокращенных и исправленных при подготовке второго "мусagetского" издания. Как и в издании 1916 г., стихотворения внутри разделов располагались в соответствии с хронологией их создания, причем этот принцип был выдержан с большей строгостью, чем в прежнем издании.

После смерти Блока вышло в свет еще одно издание второго тома лирики: Александр Блок. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения. Кн. 2 (1904–1908). Пб., Алконст, 1922. В обзоре "Литературное наследство Александра Блока" В.Н. Орлов указывает, что «этот том является простой перепечаткой четвертого издания второй книги "Стихотворений", вышедшей в 1919 г. в издательстве "Земля"» (ЛН. Т. 27–28. С. 534). Это, однако, не совсем так. В отношении состава, композиции, текстов стихотворений это издание, действительно, воспроизводило последний прижизненный свод второго тома; выявляются лишь немногочисленные разночтения (в основном касающиеся пунктуации), которые в значительной степени объясняются, видимо, случайными причинами (невнимательное чтение корректур, технические погрешности и т.п.). Но в книге имеется существенная новация по отношению к "каноническому" своду – сплошные датировки под текстами всех стихотворений (или стихотворных циклов), либо отсутствовавшие в прежних изданиях, либо обозначающиеся выборочно.

О том, что Блок в 1921 г. приступал (или предполагал приступить) к подготовке нового издания второй книги "Стихотворений" в "Алконосте", свидетельствуют его заметки в последней, нумерованной записной книжке: "I т(ом) – 5-е изд. II т(ом) – 5-е изд." (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 366. Л. 32). Однако никаких следов работы Блока над этим изданием не выявлено; архив издательства "Алконост", в котором могли сохраниться наборная рукопись и какие-либо другие документальные материалы, проясняющие характер подготовки издания и степень его авторизованности, также не обнаружен. В этой связи закономерно возникает вопрос – отражают ли сплошные датировки под текстами стихотворений, впервые появившиеся в посмертном издании 2-й книги, авторскую волю?

Косвенные доводы склоняют к утвердительному ответу. После смерти Блока

подготовкой его книг для "Алконоста" занимались Л.Д. Блок и руководитель этого издательства С.М. Алянский – люди, дорожившие творческим наследием поэта и, естественно, стремившиеся к тому, чтобы издания, появившиеся после его смерти, имели облик, соответствующий авторскому замыслу. При этом Л.Д. Блок и Алянский не обладали достаточными текстологическими познаниями и навыками для того, чтобы самостоятельно подготовить квалифицированное издание без опоры на авторский макет будущей книги или на авторские указания; в этом убеждают последние тома "алконостовского" Собрания сочинений, составленные ими без участия Блока и в текстологическом отношении крайне уязвимые (справедливо отмечалась "несерьезность и торопливость", с которыми подошли издатели к подготовке последующих томов, см.: *Орлов Вл.* Литературное наследство Александра Блока // *ЛН*. Т. 27–28. С. 540). Вторая книга "алконостовского" издания замышлялась как составная часть новой "версии" поэтической трилогии, а об изначальных авторских установках в отношении этого текста позволяет судить первая книга "алконостовского" издания, подготовленная самим Блоком и являющая собой "канонический" свод первого тома "Стихотворений": каждое стихотворение в ней датировано. Закономерно предположение о том, что Блок намеревался осуществить принципы сплошного датирования и по возможности точной хронологической атрибуции стихотворений и в двух других томах поэтической трилогии: опыт трехтомных "Собрания стихотворений" 1911–1912 гг. и "Стихотворений" 1916 г. свидетельствует о том, что и то и другое издание были подготовлены в строгом соответствии с едиными эдиционными принципами, каждый из томов имел немало признаков внешнего подобия другим томам трилогии. Наконец, анализ последних прижизненных изданий стихотворений Блока позволяет заключать, что с годами автор придавал хронологической закреплённости конкретного поэтического текста в составе больших композиций (книги, раздела) все большее значение: перегруппировки стихотворений внутри раздела неизменно направлены к восстановлению реальной хронологической последовательности, а никак не к ее нарушению; закономерным следствием такого подхода является сквозное обозначение датировок под всеми стихотворными текстами, включенными в «трилогию». Могли оказать свое воздействие в решении этого вопроса и рекомендации К.И. Чуковского; последний зафиксировал в дневнике (12 января 1921 г.) слова Блока о своих стихах в связи с намеченным их переизданием: "Я все ваши советы помню, – сказал он мне. – (...) Даты поставлю" (*Чуковский К.* Дневник 1901–1929. М., 1991. С. 156.).

Эти доводы общего характера подкрепляются частными наблюдениями. Многочисленные датировки, обозначенные во втором томе "алконостовского" издания, более конкретны и определены, чем те, которые имеются в рабочих тетрадях Блока – при белых автографах и авторизованных списках стихотворений. Приведем несколько примеров (следом за заглавием стихотворения – датировка в рабочей тетради, затем – датировка "алконостовского" издания):

"Она веселой невестой была..."	Июнь (1905)	3 июня 1905
"Не мани меня ты, воля..."	Лето (1905)	Июль 1905
"Оставь меня в моей дали..."	Весна – осень 1905	Август 1905
"За холмом отзвенели упругие латы..."	Не датировано	2 апреля 1907
"Под ветром холодные плечи..."	Сентябрь–октябрь (1907)	3 октября 1907
Инок	Ноябрь (1907)	6 ноября 1907
"Своими горькими слезами..."	1908 XI	20 ноября 1908

В подавляющем большинстве подобных случаев такие уточнения датировок можно было сделать, лишь обращаясь к хронологическим указателям, составленным самим Блоком и приложенным к рабочим тетрадям с беловыми автографами стихотворений (черновым автографам стихотворений в записных книжках – как правило, точно датированным. Маловероятно, чтобы кто-либо другой, а не Блок, свободно ориентировавшийся в своих рукописных материалах, смог проделать эту работу для издания 1922 г.: В рукописях отразились следы работы Блока по уточнению и конкретизации датировок; например, датировка стихотворения "Взморье" ("Май") в беловом автографе (Т₄. Л. 26) уточнена: "26 мая"; источник этого исправления – либо хронологический указатель, либо черновой автограф в записной книжке, где стихотворение датировано 26-м мая (ЗК₈. Л. 59). Подобные примеры не единичны.

Вопрос о том, в какой документальной форме Блок выразил свою авторскую волю относительно сплошного датирования стихотворений 2-й книги, остается открытым. Если Блок и не успел подготовить авторизованную наборную рукопись второго тома "алконостовского" издания, то, возможно, его душеприказчики пользовались авторским рабочим экземпляром предыдущего издания, на который были нанесены датировки стихотворений и другие пометы, предназначенные для учета или воспроизведения в новом издании (подобно тому, как сам Блок при подготовке второго "мусagetского" трехтомника "Стихотворений" пользовался рабочим экземпляром первого "мусagetского" трехтомного издания), либо имели возможность пользоваться авторским указателем содержания второго тома в издании "Земли" с точными хронологическими атрибуциями (наподобие описанного выше указателя содержания второй книги второго "мусagetского" издания), либо опирались на авторский рукописный хронологический указатель стихотворений, написанных в 1904–1916 гг., приложенный к одной из рабочих тетрадей (Т₉). В любом случае, каков бы ни был документальный источник, в авторском происхождении датировок под стихотворениями сомневаться не придется.

В этом посмертном издании имеются и мелкие текстологические разночтения – в основном пунктуационного характера – по отношению к "каноническому" тексту в издании "Земли". Документальными данными для того, чтобы исправлять с их учетом основной текст, мы не располагаем; в то же время не исключено, что какие-то из этих разночтений имеют не случайное происхождение, а служат отражением авторской воли (которая могла быть проявлена в неизвестных нам наборной рукописи "алконостовского" издания, рабочем экземпляре второго тома в издании "Земли" с авторской правкой или других источниках). Поэтому разночтения посмертного "алконостовского" издания второго тома зафиксированы в разделе "Другие редакции и варианты" наряду с вариантами, содержащимися в рукописях и прижизненных изданиях стихотворений Блока.

Таким образом, основным текстом второй книги "Стихотворений" Блока определяется текст последней прижизненной редакции этой книги, вышедшей в свет в 1919 г. в издательстве "Земля". Этот текст восполняется сквозными датировками из посмертного "алконостовского" издания, уточняющими общий замысел, которому должна была отвечать лирическая трилогия, и отчетливо выражающими последнюю волю поэта.

II

Ко времени выхода в декабре 1907 г. сборника "Нечаянная Радость" Блок был уже известным, признанным лириком. В одном из первых подробных откликов на "вторую книгу стихов" Блока Андрей Белый заявил: "Блок – один из виднейших современных русских поэтов. Поклонники могут его восхвалять. Враги – бранить. Верно одно: с ним необходимо считаться. Рядом с именами Мережковского, Балльмонта, Брюсова, Гиппиус и Сологуба в поэзии мы неизменно присоединяем теперь имя Александра Блока (...). Есть уже школа Блока" (*Андрей Белый*. А. Блок. Нечаянная Радость (рец.) // *Перевал*. 1907. № 4. С. 59). М. Волошин в незавершенной статье "1907 год в русской литературе" (1908) также утверждал, что "Блок самый популяр(ный) поэт среди молодежи. Это его год. Он сложился, возмужал и заговорил вполне своим языком. И не Балаганчик, не Король (на площади), не Незнакомка. А его стихи" (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 7). З. Гиппиус писала Блоку 12 сентября 1908 г. (не без оттенка иронического самоумаления): "Я надеюсь, что ваша теперешняя слава не заставит вас совершенно забыть старых друзей" (*Мицц З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*. С. 158). Дарование Блока и его выход в ведущую группу поэтов-символистов отмечают с 1907 г. и критики, далекие от новых течений в поэзии: "Блок – талантливый поэт" (*Измайлов А.* Литературные беседы // *РС*. 1907. № 110. 15 мая. С. 2), "дарование его несомненно" (*Неблагоклонный читатель [А. Измайлов]*. Литература в 1907 году // *Слово*. 1908. № 343. 1 янв. С. 4), «в среде поэтов модернизма установилась "табеля о рангах", согласно которой Ал. Блок занимает определенное, довольно видное положение, не только после вождей: Балльмонта, Брюсова и Вяч. Иванова, но даже оспаривая именно это положение *maître'a*» (*Н.А-вич [Н.Я. Абрамович]*. Александр Блок. Нечаянная Радость (рец.) // *Образование*. 1907. № 2а. Отд. III. С. 92) и т.д. Даже для авторов, резко и грубо отвергавших символизм с позиций политической (и поэтической) реакционности, Блок теперь – наиболее яркий представитель направления: "Пожалуй, наиболее заметная фигура среди этого ряда тупиц, загипнотизированных всякого рода диссо-нансом (символистов! – *Ред.*), – Блок. Он чрезвычайно искренен и не столь бесцветен" (*С. Белые ночи*. СПб., 1907 (рец.) // *Россия*. 1907. № 490. 1 июля. С. 2).

Общий рост интереса к поэзии Блока в момент выхода "Нечаянной Радости" отразился, в частности, в том, что ряд известных литературных критиков, ранее совсем не принимавших Блока (А. Измайлов) или не писавших о "Стихах о Прекрасной Даме" (Н.Я. Абрамович, К. Чуковский и мн. др.), теперь внимательно приглядываются ко "второй книге стихов" поэта, подробно анализируют сборник, принимают участие в спорах о нем. Более того: именно этим представителям несимволистской критики одним из первых удалось многое подметить в общей концепции сборника, а также в его отдельных разделах и стихотворениях. Н.Я. Абрамович уже в первой рецензии (*Образование*. 1907. № 2а) увидел в сборнике то, что впоследствии будет характеризоваться как "мистика в повседневности", – «свежую и юную поэзию мистически, остро ощущаемой весны, "весны мира", мотивы мистического сенсуализма» (С. 94). Однако его первое восприятие книги было в целом негативным: Абрамович осудил ее за появление среди "нежной и тончайшей поэзии" сборника "бессвязных ворохов нарочито декадентских стихов" (С. 92). Во второй рецензии этого же критика дан в целом более благожелательный разбор "второй книги стихов" Блока (*А(брамо)вич Н.Я.* "Нечаянная Радость..." (рец.) // *Книга*. 1907. № 16. С. 11–12). Правда, и здесь принятие сборника резко избирательно: урбанизм

отделов "Магическое" и "Перстень-Страдание" Н.Я. Абрамович считает "нарочито мертвенной" "схоластикой наших дней". Стихи этих разделов с их усложненной метафоричностью, по мнению критика, – всего лишь "какой-то бешено-бессвязный танец слов, понятий и образов, соединенных в самой противоестественной связи". Метафорически "загадочный" стиль Блока ("стихотворные ребусы, ключа для которых не существует"), у рецензента ассоциируется с "декадентством" (как и в первой рецензии). Но в "Нечаянной Радости" Н.Я. Абрамович теперь видит и подробно рассматривает совсем иные настроения и образы – тонко лирические и поэтически "стихийные". В разделе "Весеннее" он выделяет "острое и тонкое" чувство природы, в "Покорности" – "ряд певучих стихотворений, проникнутых ясной созерцательностью", в разделе "Нечаянная Радость" – "прозрачно нежные осенние мотивы". Эту стихийную лиричность критик не считает самоценной, выделяя в сборнике Блока (как и в более ранней рецензии) "мистические чаяния" и "нео-христианские" настроения. Существенна для понимания сборника проводимая Н.Я. Абрамовичем параллель между поэзией Блока и живописью Нестерова. Рецензия в "Книге" завершается словами веры в торжество Блока-лирика над Блоком-"декадентом".

В более поздних высказываниях Н.Я. Абрамовича о втором поэтическом сборнике Блока сохраняется противопоставление декадентски-"туманных" урбанистических и мистико-реальных "стихийных" образов, но последние анализируются более подробно (Абрамович Н.Я. Стихийность в молодой поэзии // Литературно-критические очерки. Кн. 1. Творчество и жизнь. СПб., 1909). Н.Я. Абрамович тонко отделяет "сознательную стихийность" Блока от пантеизма старших символистов: "Перепевы космических мотивов Тютчева у Брюсова и пантеизма Шелли у Бальмонта далеко не в такой степени претендуют на значение стихийных поэтических отголосков жизни, как произведения двух других поэтов. Это – Вячеслав Иванов и Александр Блок" (С. 190). Параллель между творчеством Вяч. Иванова и Блока помогает Н.Я. Абрамовичу многое понять в лирике "Нечаянной Радости".

Отклики популярного "газетного" критика А.А. Измайлова появились в год выхода "второй книги стихов" Блока и были, в основном, благосклонными. Измайлов писал: Блок в "Нечаянной Радости" – "талантливый поэт, удивительно воплотивший в себе черты современной поэтической души, отдающей своим неясным, туманным, полусознанным грезам, создавшей для себя особый мирок", признаки которого – "наивность, непосредственность, полудетскость" (Измайлов А. Литературные беседы // РС. 1907. № 110. 15 мая. С. 2). Стремление Блока показать "вторжение в его поэтические сны будничного, обыкновенного, серенького" сопоставляется А. Измайловым с ролью "обыденных слов" в лирике Я. Полонского. В позднейших статьях и книгах А. Измайлов будет развивать мысль о художественном методе Ал. Блока как импрессионизме.

Однако общепризнанность поэтического дарования Блока не помешала появлению самых разнообразных, порой взаимоисключающих трактовок и оценок его "второй книги стихов".

Количество полностью негативных и глумливых по тону рецензий по сравнению с критическими откликами на "Стихи о Прекрасной Даме" сильно уменьшилось. Однако автор, скрывшийся под криптонимом S, предупреждал, например, благонамеренных читателей реакционной газеты "Россия", что стихотворения "Ты смотришь в очи ясным зорям..." и "Невидимка" (впоследствии введенные Блоком во "второй том" лирики) – это «"пена" на поверхности более глубокого течения», на которое "рискованно смотреть с благодушной или пренебрежительной улыбкой". Опасность произведений Блока – в их связи «с периодом обаяния "красных тряпок"», то есть – с

годами революции. "Его стихи заполнены этим цветом, – замечает официально настроенный критик Блока. – Это самый красный из всех поэтов. Все алое, пунцовое, пурпурное, розовое, всякий багрянец его манят" (S. Белые ночи. СПб., 1907; (реп.) // Россия. 1907. № 490. 1 июля. С. 2). Характерным знаком официального восприятия творчества Блока периода "Нечаянной Радости" стал цензурный запрет на публикацию стихотворения "Ангел-Хранитель" (позже включено во "второй том" лирики); см.: [б.п.] Привлечение поэта-декадента по 129 ст.(атье) // БВ. 1907. № 10005. 19 июля, веч. вып.

Резки были отклики на "Нечаянную Радость" и принципиальных литературных противников "нового искусства". Так, связанный с демократическими традициями культуры XIX в. А. Коринфский, полностью отвергавший всю литературу русского символизма, считал книгу "документом, свидетельствующим о вырождении общества, представителями которого выступают господа Блоки". Грубо высмеяв все семь разделов сборника, Коринфский относит его автора к числу "вырожденцев литературы и мысли, гипнотизирующих из глубины художественного падения читающие массы" (*Литературный Старовер [Коринфский]*). В дебрях и тундрах современной литературы: о "блоке" современного безумия вообще и об Александре Блоке в частности; Образ грядущего мира и семь стран души; Нечаянная радость российской поэзии // *Голос правды*. 1907. № 405. 8 февр. С. 2–3; сходную оценку см.: *Литературный Старовер*. В дебрях и тундрах современной литературы // *Голос правды*. 1907. № 426. 1 марта. С. 3). Критик встретил публикацию подборки стихотворений Блока во второй книге альманаха "Шиповник" (позже введенных им во "второй том" лирики) замечанием о том, что его произведения «всегда – растрепаны по размеру, шаблонны по "образам" и антимелодичны» и что теперь в его творчестве – "оскудение полное" (*Литературный Старовер*. В дебрях и тундрах современной литературы // *Там же*. 1907. № 641. 2 нояб.).

Однако в целом отзывы демократической критики на книгу были редкими, но, в основном, благоприятными. Эта критика постоянно отмечала в "Нечаянной Радости" обращение к урбанистической тематике, к настроениям современности, к революции. Так, стоявший на общедемократических позициях историк русской литературы С.А. Венгеров утверждал в монографии конца 1900-х годов, что Блок, "самый даровитый из новых поэтов-модернистов", после выхода в свет "Нечаянной Радости" оказался «и самым интересным у нас теперь "поэтом города"» (*Венгеров С.А. Основные черты истории новейшей русской литературы*. 2-е изд. СПб.: "Общественная польза", 1909. С. 74–75). Венгеров отметил участие Блока (как и других русских символистов) в революции 1905 г. (*Там же*. С. 84–85) и связал обращение Блока к урбанистической лирике и переплетение в его творчестве "визионерства с реальной жизнью" с настроениями этой эпохи (*Там же*. С. 75 и 76) и "неоромантизмом" конца XIX – начала XX в. Как индивидуальную черту лирики Блока С.А. Венгеров выделил также «отпечаток какой-то очаровательной наивности (...)». Это – не поделенная наивность стилизованного примитива, а настоящая кристалличность творческих настроений. Блок весь еще во власти детских грез и даже о матери говорит как о "маме"» (*Там же*. С. 76; ср. раздел "Детское" в II). В более позднем издании работы по истории новейшей русской литературы С.А. Венгеров подчеркнул неприемлемость для Блока "буржуазной обыденщины" (*Венгеров С.А. Собрание сочинений*. СПб.: Прометей, 1911. Т. 1. Героический характер русской литературы. С. 196).

П.С. Коган также высоко оценивал "Нечаянную Радость" в перспективе истории урбанизма в русском искусстве. Литература XIX в. "в общем была литературой деревни (...). Достоевский, первый великий поэт города, явился в него со своей

правдой только для того, чтобы не принять его (...). В последнее время (...) у нас разрастается литература города. Но мы не знаем поэта, который бы так органически сросся с городом, как Блок" (Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы. М.: Заря. 1912. Т. 3. Вып. 2. С. 138). "Прелестные стихи" сборника Коган рассматривает, в основном, как урбанистические произведения о "городе, этом символе буржуазии и новой психики" (Там же. С. 137), сближая Блока с самыми прогрессивными тенденциями "городской" литературы начала XX в., однако подчеркивая и двойственность эстетизированных сцен городской жизни: "И самые картины людского горя, самые слезы человечества в поэзии Блока предостоят новыми яркими пятнами общей картины, усиливающими ее пеструю красоту. И кажется, будто не столько страдает он об этом человеческом горе, сколько наслаждается мучительной красотой этого горя, дополняющего феерическую картину общего безумия, озаренного электрическим и газовым светом ночных фонарей" (Там же. С. 142). Социальную позицию Блока историк литературы характеризует как позицию страдающей, но пассивной жертвы капиталистического города. Это – "искренняя и потому значительная исповедь тех обитателей всемирных столиц, у которых душа (...) богата впечатлениями истории и действительности", однако "расслаблена сомнениями и противоречиями, страдает долго и томительно (...) душа, забывшая вольные смертные муки и вольные живые радости" (Там же. С. 146). Художественный метод сборника "Нечаянная Радость" П. Коган определяет как "новый романтизм": "Блок – романтик, усвоивший все заветы романтизма и его трансцендентальную иронию (...). Но его романтизм – новый романтизм (...). Его мечта сохранила черты старой романтической мечты. Она охватывает универсум. Но более отрывисто и быстро и менее ясно объята этой мечтой века и народы. Опьянение стало безумнее, жизнь мчится быстрее" (Там же. С. 143). Этот "новый романтизм" содержит в себе черты "поэтической правды" о людях "известной духовной организации (...) определенной (социальной. – Ред.) группы" (Там же. С. 145).

Однако, несмотря на сравнительно широкий резонанс второго сборника Блока, самыми ранними по времени и наиболее развернутыми высказываниями о "Нечаянной Радости" остаются (как это было и со "Стихами о Прекрасной Даме") отзывы символистской прессы. Вместе с тем, именно символистские интерпретации и оценки "второй книги стихов" Блока отличаются наибольшей пестротой. Связано это, с одной стороны, с начавшейся после поражения первой русской революции резкой дифференциацией символизма, с другой – с осознанием всеми спорящими этапного характера книги. Если оценки "Стихов о Прекрасной Даме" по-разному определяли место молодого Блока внутри символизма, то споры о "Нечаянной Радости" выясняли, в конечном итоге, различные точки зрения на судьбы самого русского символизма.

Разногласия внутри символистской (и околосимволистской) критики чаще всего проявлялись в решении вопроса об отношении сборника к традициям "Стихов о Прекрасной Даме". Это не было чисто литературной проблемой: речь шла об "измене" Блока мистическим настроениям начала века и о праве поэта на собственный путь вне узких направленных устоев.

Для ряда символистов Блок "второй книги стихов" продолжал оставаться "певцом Прекрасной Дамы". Новые темы и новые их решения воспринимались как варианты найденного в 1901–1903 гг. Так, М. Волошин считал, что лирика Блока – это "поэзия сонного сознания. В таком состоянии духа живут созерцатели, охваченные религиозной мечтой (...). Поэзия Блока и есть служение вечной женственности, кумир Прекрасной Дамы". В "Нечаянной Радости" Блок изменился лишь внешне; он "в

меняющихся, убегающих ликах жизни ловит все то же единое, неизменное, вечное лицо Прекрасной Дамы, которая тут в городе проходит Незнакомкой". Город Блока (М. Волошин опознает в нем Петербург) – это, в конечном счете, мелькание "теней". Поэт "присутствует на демонстрациях и митингах, но все это отделено от него тихим лунным туманом, и все происходящее вокруг него он ощущает и переживает не здесь, а в невидимом граде мечты своей. Все, что происходит извне, преобразуется сквозь сонный кристалл его сознания" (*Волошин М.* Лики творчества. Александр Блок. "Нечаянная Радость" // Русь. 1907. № 101. 11 апр.). Мироощущение Блока критик определяет как платонизм (*Там же*). Д.С. Мережковский в статье "Декадентство и общественность" (1906), вышедшей, когда многие произведения из находящегося в типографии сборника Блока уже были опубликованы в периодической печати и альманахах, утверждал: «Нежный Блок из новейших все поет себе самому про к нему одному приходящую, им одним виденную "Царицу", "Деву" (...). Видит себя и ее, для себя и для нее слагает гимны» (Весы. 1906. № 5. С. 35). Близкой точки зрения на творчество Блока периода "Нечаянной Радости" придерживались до 1908 г. и З. Гиппиус, и Д. Философов.

Однако большинство критиков-символистов оказались более внимательными. Н. Пярок в монографии "Поэты наших дней" (М., 1907), завершавшейся в дни, когда "вторая книга стихов" Блока была еще только анонсирована "Скорпионом", по ряду стихотворений 1903–1904 гг., включенных в "Стихи о Прекрасной Даме", а также по позднейшим журнальным публикациям, достаточно четко очерчивает путь Блока-лирика: "*Понемногу светлый образ Дамы начинает забываться (...). Не одни храмы влекут к себе поэта – его песни начинают пронизывать священная дрожь жизни*" (С. 106; курс. ред.). Это новое настроение, столь не похожее на "прежние благочестивые рыцарские думы" поэта, порой "страшно" своим "демонизмом" (С. 103). И все же эволюцию Блока Пярок связывает с ростом его как художника: "Талант Блока быстро растет и крепнет (...), углубляется, сохраняя свою индивидуальность" (С. 107). Несмотря на согласие большинства символистов с мыслью о том, что Блок во "второй книге стихов" отошел от "высокой" мистики "Стихов о Прекрасной Даме" в мир "демонической" реальности, "путь" Блока, его общая идеологическая и художественная ценность (о "пути" Блока см.: *Максимов Д.* Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981) определяются зачастую прямо противоположным образом. Так, "соловьевцы" Андрей Белый и Сергей Соловьев, стремившиеся удержаться на позициях мистической веры в Душу Мира, резко обвиняют Блока в измене прежним высоким идеалам. Статья Белого в журнале "Перевал" рассматривает "Нечаянную Радость" как отход от поэтических задач его раннего творчества. «"Стихи о Прекрасной Даме" (первый сборн(ик) стихов) окрашены совершенно определенным и весьма значительным содержанием. В неуловимых и нежных строчках поэт воспевает приближение "вечно-женственного начала" жизни (...). Тут началась поэзия Блока. Тема его – глубокая. Цель его – значительная. Вдруг он все оборвал» (*Белый А. А.* Блок. "Нечаянная Радость" (рец.) // Перевал. 1907. № 4. С. 59). Все последующее творчество Блока, начиная с драмы "Балаганчик", Белый рассматривает как "горькие издевательства над своим прошлым" (*Там же*). Поэтому, утверждая, что «"второй сборник стихов" А. Блока выдвигает совершенно новые для поэта мотивы», Белый видит в "Нечаянной Радости", прежде всего, ироническое снятие высоких идеалов "Стихов о Прекрасной Даме", как бы "переигрывание" смысла всех символов и ситуаций первого сборника: «Во втором сборнике мы узнаем, что "Прекрасная Дама не путешествует на пароходе". Вместо "сияния красных лампад" мы видим "болотных чертенят", у которых "колпачки задом наперед". Вместо храма – болото, покрытое кочками, среди которого стоит избушка,

где старик, старуха и "кто-то" для "чего-то" столетия тянут пиво» (Там же. С. 59–60) и т.д. Белый утверждает, что "демонизм" образов второго сборника Блока – это его "примирение со злом": "В прекрасных стихах расточает автор ласки чертенятам и дракончикам. Опасные ласки! (...). Помнит ли он, что с нечистой шутки плохи?" (Там же. С. 60). Вместе с тем Андрей Белый утверждает, что художественно "Нечаянная Радость" выше "Стихов о Прекрасной Даме". Более того: именно отказ от глубины содержания определил, по мнению Белого, рост поэтического мастерства Блока: "Но, сбросив с себя идейный балласт, поэзия Блока расцвела махровым, пышным цветком! Темы настроений утончились, стих стал виртуозней, гибче, роскошней (...). Блок настолько же выиграл, как поэт, насколько он упал в наших глазах как предвестник будущего» (Там же; курсив ред.). Белый находит во всех, в том числе и в природных, образах "Нечаянной Радости" апологию "бесовства": «Страшна, несказуема природа русская. И Блок понимает ее, как никто (...). "Здесь русский дух, здесь Русью пахнет". Здесь Блок становится поэтом народным» (Там же. С. 60). И вместе с тем, считает Белый, «здесь рыскает леший, а Блок увидел "своего полевого Христа". Не надо нам полевых Христов. Христос Бог да сохранит нас от таких пришествий!» (Там же). Белый с пафосом предостерегает Блока от "бесовских" соблазнов "Нечаянной Радости" и призывает его искать иные, "высокие" пути: "Сквозь бесовскую прелесть, сквозь ласки, расточаемые чертенятам (...) обнажается вдруг надрыт души глубокой и чистой (...). И увидав этот образ, мы уже не только преклоняемся перед крупным талантом, не только восхищаемся совершенством и новизною стихотворной техники, – мы начинаем горячо любить обнаженную душу поэта. Мы с тревогой ожидаем от него не только совершенной словесности, но и совершенных путей жизни" (Там же. С. 61). Несмотря на резкость тона и "учительские" ноты, статья в "Перевале" оказалась очень близкой Блоку; 24 марта 1907 г., в период резкого расхождения поэтов (Орлов В.Н. История одной "дружбы-вражды" // Орлов В.Н. Пути и судьбы. Литературные очерки. М.; Л., 1963. С. 489 и след.), Блок писал Белому: «Приношу Тебе глубокую благодарность и любовное уважение за рецензию о "Неч(аянной) Радости", которую Ты поместил в "Перевале". Она имела для меня очень большое значение простым и наглядным выяснением тех опаснейших для меня пунктов, которые я сознаю не менее». Благодаря Белого за «заключительные слова о "тревоге" и "горячей любви к обнаженной душе поэта"», Блок, тем не менее, полностью отвергает обвинение в том, что период "Нечаянной Радости" – это "горькие издевательства над (...) прошлым". Свои "кощунства" (но не "издевательства", то есть объективный отход от прошлых идеалов, а не их осмеяние) Блок связывает с важностью и неизбежностью своего "пути": "Издевательства искони чуждо мне, и это я знаю так же твердо, как то, что сознательно иду по своему пути, мне предназначенному, и должен идти по нему неуклонно. Я убежден, что и у лирика, подверженного случайностям, может и должно быть сознание ответственности и серьезности. Это сознание есть и у меня" (Блок и Белый. С. 187). Хотя общая позиция Белого в рассматриваемой рецензии резко критична, рецензия эта указывает на важные и для Блока особенности "Нечаянной Радости": ставит вопрос о "путях" поэта, о тесной соотношенности "Нечаянной Радости" со "Стихами о Прекрасной Даме". К оценкам Белого близка и позиция С.М. Соловьева. Он отмечает отход Блока от мистических идеалов "Стихов о Прекрасной Даме": «Угас "уголь пророка", "вонзенный в сердце" страстного рыцаря Мадонны. Свеялась дымка апокалиптических экстазов. Поэт освободился от того наносного, что казалось его сущностью (...) Спала тусклая позолота древнего нимба, расклубился таинственный фимиам перед престолом "Жены, облученной в солнце"» (Соловьев С. А. Блок Нечаянная Радость (рец.) // ЗР. 1907. № 1. С. 88). Новое,

к чему пришел поэт, – это «"тряские болота", которые "поглотили" придел Иоанна, куда случайно забрел непосвященный; и на месте храма (...) запрыгали чертенята» (*Там же*). С. Соловьев тоже чувствует очарование "тихой и нежной" "лиры Блока". Полностью отказывая Блоку в чувстве сегодняшней жизни (он "бесконечно далек от Верхарна и Брюсова", "чужд всякой современности. Его книгу портят политические стихотворения, вымученные, неестественные, без оригинальной блоковской прелести". – С. 89), критик видит "силу и оригинальность" поэта в том, что он – "романтик по существу", что он "родственен Жуковскому", верен "заветам немецкого романтизма" (С. 89). Его музе свойственна "тихость поэтического созерцания", "усмиренная грусть о прошлом" (*Там же*).

Иную точку зрения на "Нечаянную Радость" выдвигает Брюсов. Он не противопоставляет идейную эволюцию Блока росту его поэтического мастерства – для него близко и существенно общее значение блоковского "пути" от первого стихотворного сборника ко второму. Это движение Брюсов осмысляет в известной степени субъективно, сближая его с представлениями о собственных путях в искусстве. Он отрицает "таинственность, мистичность" "Стихов о Прекрасной Даме", объявляя ее простой "недосказанностью" (*Брюсов В. Новые сборники стихов (...) Александр Блок. "Нечаянная Радость" (рец.) // Весы. 1907. № 2. С. 84*). Дальнейшее развитие Блока-лирика Брюсов представляет как отказ от "приема «умолчания»" (*Там же*. С. 85) и путь к высокой ясности: «Сам Блок, по-видимому, понял всю обманность прежних чар своей поэзии. В его стихах с каждым годом все меньше "блоковского", и перед его читателями все яснее встает новый, просветленный образ поэта. А. Блок, как нам кажется, – поэт дня, а не ночи, поэт красок, а не оттенков, полных звуков, а не криков и не молчания. Он только там глубок и истинно прекрасен, где стремится быть простым и ясным. Он только там силен, где перед ним – зрительные, внешние образы». С точки зрения "ясности" оценивается и весь сборник Блока: «В "Нечаянной Радости" не все отделы равноценны. Еще не мало стихотворений должно быть отвергнуто, как такие, в которых поэт не сумел адекватно воплотить в слова свои переживания. Но уже в целом ряде других чувства поэта, – большею частью простые и светлые, – нашли себе совершенное выражение в стихах певучих и почти всегда нежных». Высоко оценивает Брюсов "стих А. Блока", который "всегда напевен, хотя размеры его и однообразны. В нем есть настоящая магия слова, чудесная, которую почти невозможно разложить на составные элементы" (*Там же*. С. 85). Отмечая черты "пушкинской прелести" в лирике Блока середины 1900-х годов, Брюсов настойчиво подчеркивает в "Нечаянной Радости" (отчасти даже преувеличивая их) признаки "эпичности", отхода от "лирики", стремления к объективации поэтического повествования: «А. Блок скорее эпик, чем лирик, и творчество его особенно полно выражается в двух формах: в драме и в песне. Его маленькие диалоги и его песни, сложенные от чужого лица, вызывают к жизни "вереницы душ", которые уже кажутся нам близкими, знакомыми и дорогими. Перед нами создается новая вселенная, и мы верим, что увидим ее полную и богатую жизнь – ярко озаренной в следующей книге А. Блока» (*Там же*. С. 85).

Эта же оценка второго сборника стихов А. Блока повторена Брюсовым и в статье о "Нечаянной Радости" в книге "Далекие и близкие" (М.: Скорпион. 1912. С. 160–161). Брюсов пронизательно почувствовал общую направленность эволюции Блока, однако многих важных тенденций, сказавшихся во второй книге, он как бы не заметил.

Еще одна группа символистских критиков утверждала, что "Нечаянная Радость" – это прямое развитие лучших и худших потенций "Стихов о Прекрасной Даме" – веры в "новый мир", поиски которого теперь ведутся на земле. Критики этой группы

сближают сборник Блока с поэзией революции. Б. Садовской, лирически пересказывающая в своей рецензии "Вместо предисловия" Блока к "Нечаянной Радости", подчеркивает господствующее в сборнике чувство близости великих перемен, связанное с надеждами революционных лет: «Свободной душе близка "Нечаянная Радость". Скоро (...) объединится мир в едином стремлении. Взоют корабельные сирены, призывая людей к узкому мысу, откуда неожиданно покажутся большие корабли» (*Борис Садовской*. Александр Блок. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов (рец.) // *РМ*. 1907. № 3. Отд. III. С. 51; *курсив ред.*). С точки зрения поисков новых путей Садовской и оценивает сборник: «"Нечаянная Радость" в творчестве поэта открывает новые большие пути, которые были лишь слегка намечены в "Песнях (так! – Ред.) о Прекрасной Даме"». Пути эти – к современности: "Мечта поэта вылетела из окна очарованного замка (...). Прежние звуки чаще заглушаются новыми, кое-где звучит уже отдаленное гуденье сирен, мягкое сиянье луны ослепляется иногда вспышками электричества". В новом урбанистическом окружении "прежний юноша, паж Прекрасной Дамы, предстал перед нами иным; он не изменился, – можно сказать, что паж теперь нашел самого себя" (*Там же*). Рецензия завершается апологией "святых зорь", настроения "в даль зовущего, весь мир великою радостью облекающего" (*Там же*).

Г. Чулков (псевдоним: Б. Кремнев) в статье "Снежная дева" (*ЗР*. 1908. № 10; позже вошла в книгу: *Чулков Г.* Покрывало Изиды. Критические очерки. М.: Золотое Руно, 1909) полемизирует с точкой зрения Андрея Белого (не называя прямо его имени). Он отказывается считать духовное становление Блока "изменой" раннему идеалу Прекрасной Дамы: "Недавние литературные друзья поэта (А. Белый и С. Соловьев. – Ред.) оплакивают его измену Прекрасной Даме (измену ли?). Но я думаю, что нежная и тихая лирика первой любви поэта не испелелась в новых его книгах" (*Чулков*. С. 86). Изменения в поэзии Блока определены, по Чулкову, некими не очень ясными, но важными, "роковыми" и внеличностными причинами: "Так надо (...) Так суждено ему" (*Там же*. С. 85). Путь Блока представляется Чулкову трудным, но высоким: "Высокий и опасный скептицизм увел поэта от алтаря на улицу вослед Незнакомки" (*Там же*. С. 87). В этом пути соединены верность главному в себе и смелость разрыва со старым.

Еще яснее эта точка зрения на место "второй книги стихов" в эволюции Блока, на революционный пафос обновления мира в "Нечаянной Радости" выражена в рецензии Е.В. Аничкова, который отмечает смелость обращения поэта к "образам будничности", противопоставленность в сборнике "старой" мечты ("скучная пряжа королевны" из "Ночной Фиалки") и «кораблей из "новой родины"». И хотя, как считает Аничков, Блок, "поэт пессимизма познания", не отвечает прямо на вопрос, какая из этих сил победит, читателю «чувется вдаль "нечаянная Радость"» преобразования. Правда, "бессильные руки поэзии" сами не могут изменить мир, но роль свободного искусства в этом преобразении велика: "(...) ростился новый человек на этой новой поэзии свободного человека" (*Аничков Е.* Поэзия свободного человека ("Ярь" и "Нечаянная Радость") // *Свободный человек*. 1907. № 1. 26 февр. С. 3).

Сходным образом решает этот вопрос и далекий от символизма, но высоко ценящий Блока провинциальный критик Вл. Самойло (*Самойло Вл.* Александр Блок. Основные мотивы поэзии (Отрывки) // *Туманы*. Минск, 1909). Выпрямляя и порой примитивизируя путь Блока, Вл. Самойло все же верно подчеркивает единство и глубокий смысл этого пути "с неба на землю". Прекрасная Дама понята критиком в связи с устремлением Блока к мировой гармонии: она – восстановительница "единства и гармонии в мире" (С. 45). В этом смысле, по мнению Вл. Самойло, Блок, всегда стремящийся к высокому идеалу, никогда "не изменял" и Прекрасной Даме: "Образ

"Прекрасной Дамы" – вся сущность поэзии и мирозерцания Блока» (С. 44). Но Прекрасная Дама (отождествленная критиком с Мадонной) резко меняет облик, "пав" с неба на "грешную землю". Здесь, пройдя путь "грешницы", "блудницы", она должна воскреснуть, приведя и весь земной мир к "возрождению": "Упав с неба, Мадонна разбилась на миллион осколков", которые были "под песню сатаны погребены в недрах человеческого сердца и *воскресают на земле, восстанавливая живую форму былой Царицы Небесной, уже как чисто человеческую*" (С. 56; курс. ред.). "От Богоматери (...) через Богоматерию Вл. Соловьева к живой, настоящей женщине – матери, жене, сестре – вот кратко эволюция Блока" (*Там же*). В статье Самойло подчеркнута также национальная ориентация Блока. Ср.: *Файнберг М.А.* Письма к Блоку В.И. Самойло // *ЛН.* Т. 92. Кн. 5. С. 578–581.

Если вопрос о смысле эволюции Блока, о его "праве" уйти от мистики "Стихов о Прекрасной Даме" обсуждался, в основном, символистами, то гораздо более широкий круг критиков интересовался общими проблемами нового блоковского мирозерцания, его отражением в художественном методе "Нечаянной Радости" и связью сборника с символизмом.

Андрей Белый и С. Соловьев, отождествляя "истинный" символизм с мистикой Вл. Соловьева, отказались видеть в авторе "Нечаянной Радости" подлинного символиста. Изменив объективно идеальному началу Вечной Женственности, Блок, с точки зрения Белого и Соловьева, оказался певцом своих чисто субъективных чаяний – романтиком школы Жуковского. Несколько позже близкая мысль была развита Р.В. Ивановым-Разумником, пытавшимся объединить свои общественные (эсеровские) симпатии с утверждением "подлинного" (в традициях Вл. Соловьева) символизма и с борьбой против индивидуализма и декадентства. Для Иванова-Разумника Блок и в "Стихах о Прекрасной Даме" был "декадентом" – индивидуалистом, безнадежно пытавшимся уйти от действительности в "ирреальную мечту о недостижимом" (*Иванов-Разумник* Литература и общественность. Роза и крест: (Поэзия Александра Блока) // *Заветы.* 1913. № 10. Отд. II. С. 116). Блок "Нечаянной Радости" (а позже – "Песни Судьбы") пытается, по мнению критика, найти "свое воскресение в любви к России" (С. 123), однако, всегда оставаясь субъективистом-романтиком, "Жуковским минувшего символизма" (С. 124), не может выйти на путь "действенной любви к человеку" (С. 122). И потому для него "пока нет исхода. Нет – и, вероятно, не будет" (С. 124).

Таким образом, для символистов, связанных с традицией Вл. Соловьева, утверждение: "Блок-романтик" – было неотделимо от критики Блока, от мыслей о "неистинности" его мистицизма (Иванов-Разумник) или о его "измене" мистике "Стихов о Прекрасной Даме" (Белый, С. Соловьев), от сближений художественного метода "второй книги стихов" с субъективизмом "декадентства".

Иначе смотрит на проблему художественного метода Блока К. Чуковский. В присущей его ранним работам броской и остро парадоксальной манере он объявляет Блока "гениальным" "поэтом Невского проспекта" (*Чуковский К.* От Чехова до наших дней. 2-е изд., доп. СПб., 1908. С. 40–41), прослеживая эволюцию Блока от проклятий городу ("Стихи о Прекрасной Даме") к его вослеванию ("Нечаянная Радость"): "Поэту вдруг стало казаться, будто кошмар этот действительно и есть тайна, благословение, мистика, будто Невский и есть достойное окружение Прекрасной Дамы" (*Там же.* С. 43). "Поэт Невского проспекта", Блок "Нечаянной Радости" рисует "странный и фантастический город Петра (...), про который иногда думается, что он снится кому-то и что стоит этому кому-то проснуться, и город рассеется, растает, распадется в тумане" (*Там же.* С. 41). Этот (нарисованный Чуковским при помощи цитат и перефразировок Достоевского)

"фантастический город", изображение которого невозможно вне традиций "Преступления и наказания" и "Подростка", способствовал появлению у Блока нового поэтического видения мира: "Здесь выступила характернейшая (...) черта: мистичность обыденного" (*Там же*. С. 43; *разрядка ред.*); эта "мистика обыденности, мимоходом почувствованная Достоевским, стала типичнейшей чертой современной литературы" (*Там же*. С. 40), что Чуковский и показывает на примере урбанистических стихотворений сборника. Определение "мистика обыденности" весьма близко к блоковским самоопределениям своего художественного метода в период работы над "второй книгой стихов" ("фантастический реализм", "мистический реализм", "мистицизм в повседневности"). Все эти характеристики подчеркивают двойственную природу художественной ориентации "Нечаянной Радости": предмет изображения "реалистически" повседневен, а способ его поэтической интерпретации романтически и символистски "фантастичен", "мистичен".

Близким образом понимает художественную природу "Нечаянной Радости" М. Гофман, автор статьи "Александр Блок" – одной из самых первых серьезных работ об общей эволюции блоковского творчества. Правда, в "Книге о русских поэтах последнего десятилетия" Блок для Гофмана прежде всего – "поэт-романтик по преимуществу и притом романтик лермонтовского типа" с неизбежным для этого мироощущения "расколом между небом и землей" (*Гофман М.* Романтизм, символизм и декадентство // Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. Модеста Гофмана. СПб., М., [1909]. С. 8, 17). В "Нечаянной Радости" романтизм Блока проявляется в ожидании будущей, преображенной жизни (*Там же*. С. 17). Однако в этой же книге, в специальной главе о Блоке, М. Гофман находит и другое определение для блоковского романтизма во "втором сборнике стихов" – "мистический реализм", "фантастический реализм" в духе Достоевского: "Подобно Достоевскому, Блок не чуждается обыденного, будничного реализма, но как часто и у того, и у другого (...) фантастичен этот реализм" (С. 300). "Фантастический реализм" понят М. Гофманом как оборотная сторона мистики "Стихов о Прекрасной Даме": ранее поэт говорил "о лучах своей свободы, заалевшей там", а теперь "он увидел снега и непогоды, окружившие храм здесь" (С. 303). Меняется тема, но романтическое двоемирие остается.

Иначе определяет художественный метод книги А. Измайлов. В начале века писавший резко негативные, глумливые по тону статьи о творчестве Блока-декадента" (см. Т. 1. С. 408 наст. издания), он со второй половины 1900-х годов, в эпоху "Нечаянной Радости" и позднейшие годы, меняет свое отношение к блоковской поэзии, указывает на ее высокую талантливость, на связь с Жуковским-романтиком. Однако, в первую очередь, Блок "второй книги" для Измайлова – поэт-импрессионист. Взгляд Измайлова на импрессионистичность поэзии Блока колеблется. В начале 1908 г. он пишет: "Дарование его несомненно. Передача им смутных, дремотных, полусознательных настроений позволяет возлагать на него надежды. Но молодой поэт грешит такими крайностями импрессионизма, крайности эти выражаются иногда в форме таких нелепых и смешных уродливостей, что это портит огромную часть стихов Блока" (*Неблагодарный читатель [А. Измайлов]*. Литература в 1907 году // Слово. 1908. № 343. 1 янв. С. 4). Но в написанной на полтора месяца позже статье Измайлов стремится показать "широкому читателю" эстетический и познавательный "резон" блоковской поэзии эпохи "Нечаянной Радости". Блок-импрессионист – изобразитель тончайших, зыбких и мгновенно меняющихся переживаний: "Мы живем в переходное время. От общечеловечности чувства мы переходим к самому широкому импрессионизму" (*Неблагодарный читатель*. Шифрованная поэзия: Новые веяния в поэзии: Городецкий, Блок // Слово.

1908. № 387. 22 февр. С. 3). А. Измайлов указывает на двойные трудности понимания этой поэзии. С одной стороны, "большинство поэтов еще не (...) установило грани между тем, что в их душе специфически личное и что понятно и обще всем", с другой – "большинство читателей еще не научилось вдумывать(ся) и с доверием читать поэта". Однако в целом Измайлов с интересом смотрит на поэзию Блока эпохи "Нечаянной Радости", подчеркивая, что "высшая прелесть этой новой литературы в некоторой ее недосказанности". Мысли А. Измайлова о Блоке подытоживаются в его позднейшей (1911) статье, вошедшей в 1913 г. в книгу "Пестрые знамена": "Очень неровным, нервным, крайне личным, импрессионистическим кажется все творчество Блока. У него есть поэтические перлы (...) и есть так много слабого, темного, сумбурного" (*Измайлов А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 69*). И все же в целом Блок, по Измайлову, ценен именно импрессионизмом "второй книги стихов": "В ряду поэтов неясных, полусознанных, дремотных настроений Блоку принадлежит одно из почетных мест (ср. выше определение сущности лирики Блока М. Волошиным. – *Ред.*). Вместе с немногими он отвоевывает поэзии права на внимание не только к явным, определенным движениям души, но и к ее тайнам, загадкам, мистериям, сокрытым в затаенных извивах" (*Там же. С. 70*). Понимание А. Измайловым импрессионизма Блока как тонкого психологизма во многом близко к тому, что А. Белый и С. Соловьев называли "романтизмом" Блока. Хотя характеристика "импрессионизм" подчеркивает сложность и прихотливость субъективных восприятий мира художником, а "романтизм" – фантастичность, сказочность образов, однако в обоих случаях основной темой "Нечаянной Радости" оказывается внутренний мир поэта, а разнонаправленные поиски именно внеличностных ценностей игнорируются.

Впоследствии и А. Измайлов (и ряд других критиков) говорят как об импрессионизме Блока, так и о его романтизме (*Там же. С. 64–70*), не показывая, как эти поэтические тенденции объединяются.

Более глубокой представляется точка зрения М. Гофмана в уже цитированной статье о Блоке, где импрессионистическое "переживание минуты" в лирике "Нечаянной Радости" (*КРП. С. 300*) связано с романтической "музыкальностью" поэта – со стремлением постичь вечно меняющуюся "душу музыки" как "дух" объективной реальности.

С несколько иной стороны подходит к близким М. Гофману выводам К. Чуковский. Уже в статье "Об Александре Блоке" (*Свободные мысли. 1907. № 25. 5 ноября*), называя Блока "великим поэтом Невского проспекта", критик связывает все то, что будет определяться как импрессионизм "Нечаянной Радости" ("расплывчатые образы", "торопливые" и "смутные" видения города), с особенностями самого Петербурга: "Блок нашел в русском языке какую-то новую магию слов, которой не знали, о которой не догадывались поэты, созданные усадьбами и деревнями (...), и эту магию открыл Блоку странный и фантастический город Петра". Так стилистика импрессионизма "Нечаянной Радости" связывается с интересом к объективному, внеличностному миру города. Мысль эта подробнее раскрыта в книге Чуковского "От Чехова до наших дней".

Говоря о сочетании реального и мистического в сборнике, критики часто обращали внимание на новизну изображения поэтической детали. А. Горнфельд в главе "Смерть быта" пишет о важности бытовых деталей в искусстве, о невозможности искусства вне быта, приводя как пример стихотворение "Незнакомка": "Даже Александр Блок не уйдет от естественной атмосферы быта, которую он дышит вместе с нею (героиней. – *Ред.*)" (*Горнфельд А. Книги и люди: Литературные беседы. 1. СПб., 1908. С. 290*). Георгий Чулков в книге "Покрывало Изиды" (М., 1909) развивая

ет модернистское положение о "смерти быта" в современном искусстве и полемизирует с А. Горнфельдом, указывая на символический характер детали в "Незнакомке" и блоковской лирике в целом. В споре отразилась общая черта восприятия "Нечаянной Радости" многими современниками художника – подчеркивание какой-то одной стороны поэтики Блока и неумение охватить его сложную и новаторскую систему в целом.

Более или менее единодушны критики в утверждении того, что и в тематике, и в стилистике книги есть пласты "детского", "наивного", хотя интерпретации этой особенности "второй книги стихов" также расходятся. Для Андрея Белого блоковская "подделка под детское или просто идиотское" – одна из "масок", скрывающих "надрыв" поэта, утратившего веру в высокий мистический идеал (Белый А. А. Блок. "Нечаянная Радость" (рец.) // Перевал. 1907. № 4. С. 61); для Ал. Измайлова "детскость" – часть "фантастического реализма" "Нечаянной Радости": "Поэзия Блока – сплошное царство каких-то снов, где возникают милые детские воспоминания, жизнь наивно претворяется в поэтическую сказку (...), окутывается теплой и ласковой атмосферой старой детской" (Измайлов А. Цветы новой романтики: (поэзия Александра Блока) (1911) // Он же. Пестрые знамена. М., 1913. С. 64). Этот мир "из царства детской сказки" сближается с языческими образами «ласковой нежити, которую воскресил Гауптман в "Потонувшем колоколе"» и интерпретируется как "влечение к экзотике модернизма" (Там же. С. 68). Наконец, С.А. Венгеров в своей высокой оценке сборника, противопоставляя "очаровательную наивность" поэзии Блока "поддельной наивности стилизованного примитива", исходит из представления о подлинно детском как о высшей этической норме ("естественности").

Большинство критиков и первых исследователей "Нечаянной Радости" отмечает высокую эмоциональность сборника, поэтическую искренность лирики Блока. Арк. Бухов в книге "Критические штрихи" (Казань, 1909. С. 16) резко противопоставляет Блока, поэта с ярко выраженной этической направленностью, остальным представителям "новой поэзии": "Кажется, только Блок идет к Христу, привлекающему его светлым ореолом своих страданий. Все же остальное торопится к дьяволу". В посвященной творчеству Блока второй части своей книги ("Поэт страдальческой мысли" (на титульном листе – "...жизни". – *Ред.*)) Арк. Бухов, соединявший общедемократический этический пафос и христианский морализм, находит в "Нечаянной Радости" и "Снежной Маске" только страдание, неприятие ужасов жизни (Блок – поэт "с больной мятущейся душой" – с. 22, поющий "неизбывное горе человека" – с. 23). Это утверждение (кое в чем близкое к оценкам Белого) противоречит и тогдашним, и позднейшим самоосмыслениям книги Блоком, и ее общему "пафосу" (Блок не случайно включает образ Радости и в название сборника, и в название его последнего стихотворного раздела, и в финал завершающей книгу поэмы "Ночная Фиалка", и в последние фразы "Вместо предисловия"). Из общей концепции творчества Блока у Арк. Бухова вытекает и его неприятие истолкования "второй книги стихов" Брюсовым как "эпической" и спокойной в глубине: «Мне кажется, что г. Брюсов ошибается. Неужели можно из-за страдальческих криков уловить полные звуки в этой ленте бесконечной тоски, каковой представляется поэзия Блока? Неужели красочны его образы, нарочно подчеркнутые "живым туманом отчаяния?"» (Бухов. С. 27). Об эмоциональной непосредственности "Нечаянной Радости" (в частности, и об искренности страдания) пишут и многие другие авторы. Ср. в уже рассматривавшейся статье: *Иванов-Разумник Р.В.* Литература и общественность. Роза и крест (Поэзия Александра Блока) // Заветы. 1913. № 10. Отд. II. С. 124: «"Символизм" его забудется, а поэтом влюбленности и поэтом страдания (...) он останется навсегда. От узкого декадентского эстетизма он всегда был далек, он весь всегда был в страдании – и этим лирика его близка и дорога

всем, созвучно чувствующим». Однако и по этому вопросу мнения современников расходятся. Так, А. Горнфельд, хранитель эстетических вкусов демократического читателя XIX в., во многом сочувствует поэтическому замыслу "Нечаянной Радости", но не может воспринять его поэзию непосредственным сопереживанием. Сборник Блока кажется Горнфельду холодным, схематичным: «Есть какая-то безнадежная, непримиримая двойственность в впечатлении, которое я выношу из "Нечаянной Радости" Блока. В замысле мне многое здесь близко, в исполнении не многое, до такой степени не многое, что оно кажется мне холодным, застывшим в своей судороге. Чувствуешь известную глубину искания, но не переживаешь ее вместе с поэтом» (*Горнфельд А. Книги и люди: Литературные беседы. 1. СПб., 1908. С. 64.* То же – в его ранней рецензии на "Нечаянную Радость": *Горнфельд А. Странички лирики // Товарищ. 1907. № 205. 2 марта. С. 3.* "Схоластикой" кажутся многие образы "второй книги" и стороннику "стихийного" искусства Н.Я. Абрамовичу.

Наконец, некоторые стороны поэтики книги были отмечены рядом критиков, однако не получили серьезного объяснения. Это относится, в первую очередь, к характерной для символизма в целом и идущей у Блока от "Стихов о Прекрасной Даме" широкой культурной ориентации "Нечаянной Радости". Эта особенность "второй книги стихов" была выделена уже в рецензии Андрея Белого в "Перевале", где указано на основные традиции, с которыми преемственно связан Блок: "Хотя бы поверхностное рассмотрение поэзии А. Блока убеждает нас в несомненном влиянии на него Лермонтова, Фета, Вл. Соловьева, Гиппиус и Сологуба. Из иностранных поэтов больше других влиял на него Метерлинк" (*Белый А. А. Блок. "Нечаянная Радость" (рец.) // Перевал. 1907. № 4. С. 59.* Однако вопрос о традиции Белым ставится, в основном, в полемическом плане – утверждаются национальные корни русского символизма 1900-х годов: "Критика часто выводит русский символизм из французского. Это ошибочно. Русский символизм и глубже, и почвеннее. Виднейшие его представители кровно связаны с отечественной литературой и поэзией" (*Там же*). Вопросы о смысле, о художественной функции обращения Блока к культуре прошлого Белый не затрагивает. Еще меньше эта сторона дела интересовала критиков других направлений. О роли культурной традиции в "Нечаянной Радости" современники упоминают лишь для того, чтобы отыскать здесь то или иное "влияние" или указать на его отсутствие (например, на отход Блока от мистицизма Вл. Соловьева). Несколько по-иному смотрят на этот вопрос А. Горнфельд и К. Чуковский. Оба они тонко чувствуют пронизанность сборника Блока токами мировой культуры – но оба считают это "недостатком", а не характерной чертой его поэтики: "Не приемлю поэзии, требующей комментариев" (*Горнфельд А. Странички лирики // Товарищ. 1907. № 205. 2 марта. С. 3.* Для А. Горнфельда обращение к традиции противопоставлено непосредственной эмоциональности искусства: "Это – gelehrte Poesie*", равно ледяная в напевах эротических и политических" (*Горнфельд А. Книги и люди. СПб., 1908. С. 66.* Для К. Чуковского эта же альтернатива ("От лирики я требую одного: неси меня куда хочешь. А нынешние поэты отвечают: нет, ты раньше прочти восемь томов Владимира Соловьева, а потом и приходи". – *Чуковский К. Об Александре Блоке // Свободные мысли. 1907. № 25. 5 нояб. С. 3.* дополняется другой: связь с культурной традицией или связь с реальностью. Здесь (как и в ряде отмеченных выше случаев) современники Блока оказывались не в состоянии понять сложную многогранность его лирики.

Быстрый рост Блока-лирика в целом также долгое время не был (и не мог быть) понят большинством современников. Лишь появление в 1911–1912 гг. "трилогии

* ученая поэзия (*нем.*).

лирики" и, особенно, сборника "Стихи о России" (1915), показав, куда движется поэт, раскрыло многое и во "втором томе" его лирики. В примечаниях ко второму изданию сборника "Нечаянная Радость" Блок исключительно точно назвал его "переходной книгой": она вся – "путь" от "Стихов о Прекрасной Даме" (1904) к творчеству Блока конца 1900-х–1910-х годов. Это, разумеется, не означает, что сборник "Нечаянная Радость", вобравший в себя лирику периода первой русской революции, лишен самостоятельной художественной ценности. Но "вторая книга стихов" отразила напряженные моменты преодоления "высокого" мистицизма "Стихов о Прекрасной Даме" и разнонаправленные поиски новых духовных ценностей.

Второй период творчества Блока (1904–1906), представленный "Нечаянной Радостью", определялся им как "антитеза" лирики "Стихов о Прекрасной Даме". В сборнике (особенно – в начальных его разделах) действительно резко обновлена вся "картина мира" блоковской поэзии. Вера в мистическое преобразование жизни отодвинута (за исключением нескольких стихотворений и поэмы "Ночная Фиалка") непосредственной данностью "тварного" мира. Вместо "высокого" царства "неба", "далее" – земные "низины" ("овраг", "болото", Петербург – город на болоте); вместо неотвратимого движения времени к эсхатологическому "концу света" и последующему сотворению "новой земли" – хаотическое мелькание "мигов", недвижность вечной смерти или всегдашний круговорот природы; вместо "заревого" колорита – "ночной"; вместо гармонической "звучной тишины" – "тихая пустота" или дисгармония городских шумов и т.д., и т.п.

Меняется и общее поэтическое представление о сущности мира: природа, в "Стихах о Прекрасной Даме" ожидавшая явления мистической Девы и отражавшая "Ее" в себе, стала пространством, где действуют языческие "чертенята", демонические, порой – принципиально непостижимые силы ("Невидимка"); "демонически" преобразены в большинстве стихотворений и лирическое "я", и женский персонаж сборника. Новый мир "низшей мистики" не отвергается поэтом: сложная, неоднозначная система оценок в "Нечаянной Радости" включает и поэтизацию "демонического", и романтическую иронию в адрес ушедших идеалов, и отказ от выраженной авторской позиции (но – одновременно – и попытки вернуться в мир ранней лирики, "заревой ясности").

Символика "Нечаянной Радости" тоже нова и неоднородна: здесь и наполнение "старых" символов противоположным им содержанием (Смерть как Преобразование – смерть как небытие), и стремление создать "антисистему" образов, долженствующую сменить символику первого сборника (вместо "света" – "тьма", вместо "розового" – "лиловое" и т.п.), и отнесенные символов метафорой и т.д.

Но "Нечаянная Радость" отразила не только отход Блока от традиций лирики Вл. Соловьева и автополемику со "Стихами о Прекрасной Даме". В произведениях 1905–1906 гг., особенно в урбанистической лирике и поэме "Ночная Фиалка", многое связано с впечатлениями первой русской революции (ср. символику "Нечаянной Радости", "кораблей", "новой родины" в предпоследнем разделе сборника и в поэме). Завершая сборник, новые настроения и мотивы создают уже не мир, противопоставленный "Стихам о Прекрасной Даме", но именно новый поэтический мир, ведущий к позднему творчеству Блока.

"Третий сборник стихов" Ал. Блока – "Земля в снегу" – (1908) не вызвал столь обильных откликов, как "Стихи о Прекрасной Даме" и "Нечаянная Радость". Новизна сборника также в целом не была оценена. Особенностью критического восприятия "Земли в снегу" явилась как пестрота ее характеристик, так и отсутствие четкой "направленной" окрашенности высказанных точек зрения: почти каждая из них могла находить сторонников и среди критиков-символистов, и у представителей иных мировоззренческих и литературных лагерей. Серьезных споров о содержании и значении сборника также не было.

Часть рецензентов считает "третий сборник стихов" слабее предшествующих и отрицает его оригинальность. Так, А. Измайлов категорически заявил, что "Земля в снегу" несравненно ниже "Нечаянной Радости", так как в ней "нет былой свежести, былой образности Блока" (*Аякс* [А.А. Измайлов]. В литературном мире // *БВ*. 1908. № 10697. 9 сент., веч. вып. С. 3). Символист В.И. Стражев также убежден, что «прекрасно изданная книга "Земля в снегу"» все-таки уступает «лучшей книге поэта – "Нечаянная Радость"» (*Вик. Ст[ражев]*. А. Блок. Земля в снегу (рец.) // *Русские ведомости*. 1908. № 214. 16 сент. С. 4).

К этой точке зрения близки и критики, вообще отрицающие художественную эволюцию Блока. Враждебный "новому искусству" Боривой (Д. Якушев) в "Литературных очерках" (*Голос правды*. 1908. № 898. 17 сент. С. 2) пишет о Блоке, что "в третьей книге стихов он все тот же". Но почти к таким же выводам приходит и более близкий к символизму Иванов-Разумник в своей итоговой статье о Блоке "Литература и общественность. Роза и крест (Поэзия Александра Блока)" (*Заветы*, 1913. № 10; см. о ней с. 542).

Однако после выхода сборника высказывались и мысли о новизне поэтической мысли "Земли в снегу". Тоньше всех это почувствовал М. Гофман. Говоря о том, что "Снежной Маской" (вошедшей как раздел и в "третью книгу лирики") "завершился, закончился первый период творчества Блока – романтический", критик видит в разделе "Вольные мысли" преодоление романтического субъективизма и восхождение Блока "на те вершины, где душа его роднится с душою Пушкина" (*Гофман М.* Александр Блок // *КРП*. С. 309). Пушкинские начала поняти М. Гофманом как "простота" и "прозрачная ясность" стиля (*Там же*). В. Стражев в упомянутой выше рецензии также считает, что в "Вольных мыслях" "простота стиля и прозрачная глубина переживаний обещает, быть может, более ценное будущее на пути поэта", чем "Земля в снегу" в целом.

Новизну сборника видели и в другом. Так, А. Вознесенский отмечает в своей книжке "прозаические" интонации "Земли в снегу" (*Поэты, влюбленные в прозу*. Киев, 1910. С. 40), что, на языке критика, означает сближение поэзии с "прозой жизни". Андрей Белый пишет еще определеннее: "Отчаявшись в преображении жизни, Ал. Блок задумчивей, глубже вглядывается в жизнь, "фантаст" в нем начинает уступать реалисту (конечно, не наивному)" (*Белый А.* Александр Блок. Земля в снегу (рец.) // *Критическое обозрение*, 1908. Вып. VI (XI). С. 35–36). Интересны и наблюдения Белого над стихом "третьего сборника", который "приобретает музыкальность и звучность" (С. 36).

И, наконец, высказывалась еще одна точка зрения на книгу Блока и ее место в творчестве поэта. З. Гиппиус, утверждая, что муза Блока "меняла облик", но "оставалась собой" (*Антон Крайний* [З.Н. Гиппиус]. Милая девушка // *Речь*. 1908. № 251. 19 окт. С. 2), отмечает связь третьего сборника со "Стихами о Прекрасной Даме". С. Соловьев, как и Андрей Белый, оценивая "Землю в снегу" значительно спокойнее и объективнее, чем "Нечаянную Радость", неожиданно сближается в понимании сборника с З. Гиппиус. Хотя в целом Соловьев считает и этот сборник субъективным и страдающим "отсутствием чувства быта и истории", но в разделе "Подруга Светлая" он отмечает «дорогие нам, забытые напевы "Стихов о Прекрасной Даме"» (*Соловьев С.* Новые сборники стихов // *Весы*. 1908. № 10. С. 90). Наблюдения З. Гиппиус и С. Соловьева выделяют существенную особенность эволюции Ал. Блока в конце 1900-х годов: его устремленность к поиску новых объективных поэтических ценностей порой облекается в формы кажущегося возврата к идеалам ранней лирики.

В целом недооцененный критикой, сборник "Земля в снегу" – важный этап в

творческой эволюции Блока и в формировании "второго тома" блоковской лирики. Из произведений, составивших сборник, впоследствии сформировалась значительная часть текстов "второго тома" (а отчасти – и третьего) лирики Блока. Так, стихотворения раздела "Подруга Светлая", открывавшего книгу, позже войдут в разделы "Разные стихотворения" (Т. II) и "Родина" (Т. III; "Подруга Светлая" – первый абрис этого важнейшего для позднего Блока цикла). Раздел "Мещанское житье" станет завершением раздела "Город" (несколько стихотворений отойдут в "Фаину"). Из "Песни Судьбы" (название этого важного раздела станет затем заглавием драмы, 1908) составятся "Разные стихотворения", "Фаина". Наконец, "Снежная Маска" и "Вольные мысли" полностью, включая заглавие, будут введены Блоком во "второй том" его "лирической трилогии". Лишь самая незначительная часть вошедших в "Землю в снегу" стихотворений (в том числе – переводы) не будет включена поэтом в "основное собрание" лирики.

В творческом "пути" Блока "третий сборник стихов" отразил такие важные моменты, как создание наиболее художественно яркого произведения, противостоящего "Стихам о Прекрасной Даме" ("Снежная Маска", ранее изданная отдельно и довершавшая многие поиски сборника "Нечаянная Радость"), и начало преодоления периода "антитезы". "Земля в снегу", соотношенная хронологически и по кругу настроений с первыми статьями Блока о народе и интеллигенции, выявила его попытки преодолеть символистскую элитарность, найти пути к социально и гуманистически окрашенному образу "маленького человека" (раздел "Мещанское житье"), к изображению национального характера, к идеалу Родины ("Подруга Светлая"). В "Земле в снегу" вновь (по отношению и к "Стихам о Прекрасной Даме", и к "Нечаянной Радости") меняется художественная ориентация Блока: образы и принципы символизации, связанные с традицией Вл. Соловьева, отесняются интересом к русской реалистической прозе XIX в. (не только к Достоевскому, но и к Гоголю, Л. Толстому, публицистике шестидесятников и народников и т. д.), широкое использование новозаветной символики ("Стихи о Прекрасной Даме") и увлечение народной демонологией ("Нечаянная Радость") сменяются обращением к народно-песенной лирике. Отсюда – и новизна поэтики (особенно заметная в стихотворениях 1907 г., написанных после "Снежной Маски"): отказ от "эзотерического языка" символов, ориентация на широкого читателя, фольклоризмы, "пушкинская ясность" стиха ("Вольные мысли").

Возникает вопрос: почему столь заметное отличие "третьего сборника" от первых двух не было опознано большинством критиков (и, видимо, читателей-современников)? Причины здесь, скорее всего, несколько. Тут и ложный эффект "уже известного", возникавший от сравнительно недавнего знакомства читателей с первым изданием "Снежной Маски", а также и с газетными, журнальными и др. публикациями отдельных стихотворений, предшествовавшими выходу "Земли в снегу"; тут и поглощенность символистской критики бурными внутринаправленческими дискуссиями, в которых сборник (за исключением "Снежной Маски") прямого отношения не имел. Но наиболее глубокая причина, видимо, коренилась в самой композиции сборника, точнее – в характерном для него противоречии композиционного смысла (расположение разделов) и объективного "пути", пройденного Блоком-лириком в 1907 г.

Преодоление "субъективизма" и индивидуализма "Снежной Маски" (по сути дела, осуществленное уже в самом цикле) было связано у Блока с тяготением к внеличностным социальным и национальным ценностям. Но величностный идеал воспринимался поэтом как возврат к "высокой" мистике "Стихов о Прекрасной Даме" (отчасти это характерно и для ряда стихотворений 1906–1907 гг., но значительно резче обозначилось в размышлениях Блока этих лет о его "путях" в искусстве). То,

что в перспективе общей эволюции поэта оказалось путем к циклу "Родина", в 1907–1908 гг. представлялось новым сближением с идеалом "Девы" (раздел "Подруга Светлая"). Поэтому и композиция "Земли в снегу" навязывает читателю мысль о движении лирического "я" от высокой влюбленности в "Подругу" (раздел "Подруга Светлая") к демоническим страстям завершавшей сборник "Снежной Маски". Но такая композиция была во многом повторением построения "Стихов о Прекрасной Даме" (где она, не совпадая с хронологическим принципом расположения текстов, соответствовала общей направленности эволюции поэта).

В "Земле в снегу", напротив, сходное построение затрудняло опознание новизны художественных поисков Блока. И устремленность к национальному идеалу ("Подруга Светлая"), и социальные мотивы "чердачного цикла" конца 1906 г., вошедшего во второй раздел сборника ("Мещанское житье"), и "приятие мира" в "Вольных мыслях" (3 раздел), и песенная стихия многих стихотворений более пестрого четвертого раздела "Песня Судьбы" – все это, при отсутствии датировок, подводило к ощущению, что столь различные пути поэта после "Нечаянной Радости" были лишь подступами к "Снежной Маске". Отсюда – резкое смещение исторической перспективы эволюции Блока 1906–1907 гг. в третьей книге его лирики.

В первом варианте "лирической трилогии" (Собрание стихотворений. М.: Мусажет, 1911–1912) творчество Блока второй половины 1900-х – 1910-х годов представлено второй и третьей книгами. Подход к произведениям, составившим впоследствии вторую и третью книги, здесь не единообразен. Вторая книга "Собрания стихотворений" (1911–1912) сохранила и название сборника 1907 г. ("Нечаянная Радость"), и ее хронологические рамки (1904–1906), и основной принцип расположения разделов. В третьей же книге Блок компонует стихотворения, ранее составлявшие "Землю в снегу", а теперь начинающие "третий том" "лирической трилогии", учитывая реальную хронологию создания циклов. Книга теперь начинается "Снежной Маской", за которой следуют более поздние стихотворения 1907 г. Это возвращало читателя "трилогии" к более исторически точному представлению о "путях" поэта.

Однако общая концепция "второго тома", его места в поэтической эволюции у Блока только начинает формироваться и не находит адекватного отражения композиции трехтомника. В письме к Андрею Белому Блок считает, что все его "стихи вместе – т р и л о г и я в о ч е л о в е ч е н и я" (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянью, проклятию, "возмездию" и... – к рождению человека "общественного", художника, мужественно глядящего в лицо миру, получившего право (...) вглядываться в контуры "добра и зла" {...}) (*Блок и Белый*. С. 261). Приведенные слова – итоговая мысль Блока о своей эволюции, в общих контурах не менявшаяся до конца его жизни. Но трехтомник 1911–1912 гг. не вполне реализует ее: "болотистый лес" второго периода творчества завершается во второй книге стихов – без глубоких внутренних мотивировок – связанными с революцией пророчествами "Ночной Фиалки", а "стихийные восторги" "Снежной Маски" и примыкающих к ней циклов, начинающие третью книгу, вряд ли могут быть поняты как «отчаяние, проклятие, "возмездие"». Таким образом, именно блоковская концепция эволюции его лирики 1904–1906 гг. оказалась в издании 1911–1912 гг. воплощенной наименее отчетливо (что, разумеется, отразилось и на общей композиционной мысли "трилогии").

Зато во втором трехтомнике (Стихотворения. М.: Мусажет, 1916), созданном в годы, когда путь Блока-лирика был прочерчен с достаточной очевидностью, а в самопознании этого пути окончательно возобладали принципы историзма, общее понимание автором смысла и границ второго периода его творчества нашло адекватное воплощение в композиционной структуре "второго тома" и осталось неизменным в

последнем прижизненном его издании. Теперь стихотворения этого тома четко отражают поиски революционных лет – от предреволюционных разочарований в мистической утопии Вл. Соловьева – через апологию стихий в годы революции, приводившую, однако, порой к этическому релятивизму ("Снежная Маска") – к попыткам выйти из "болотистого леса" в мир народный и национально окрашенный. Только теперь "второй том" отчетливо отграничился и от мистических прозрений ранней лирики Блока, и от "роковых путей", ведших трагического поэта 1910-х годов через "Страшный мир" к "Родине", и получил свое, особое место в "трилогии вочеловечения".

В настоящем томе подготовили:

тексты и варианты стихотворения "Вступление" и раздел "Пузыри земли", текстологические и историко-литературные примечания к ним – *Н.Ю. Грякалова*;

текст и варианты поэмы "Ночная Фиалка", текстологические и историко-литературные примечания к ней – *С.Ю. Ясенский*;

тексты и варианты раздела "Разные стихотворения", текстологические примечания к ним – *А.М. Грачева* (от начала раздела до поэмы "Ее прибытие"), *О.А. Линдеберг* (от стих. "Моей матери" ("Помнишь думы? Они улетели...") до стих. "Осенняя воля" включительно), *А.В. Лавров* (поэма "Ее прибытие", от стих. "Не мани ты, воля..." до стих. "Сын и мать" включительно), *Г.К. Каурова* (от стих. "Нет имени тебе, мой дальний..." до конца раздела); историко-литературные примечания к ним – *М.Ю. Май* (от начала раздела до стих. "Осенняя воля" включительно, кроме поэмы "Ее прибытие"), *А.В. Лавров* ("Ее прибытие", от стих. "Не мани меня ты, воля..." до конца раздела), а также предисловие к разделу;

тексты и варианты раздела "Город", текстологические и историко-литературные примечания к ним – *О.А. Кузнецова*;

тексты и варианты раздела "Снежная Маска", текстологические примечания к ним – *Н.В. Лоцинская*, историко-литературные примечания к ним, а также предисловие к разделу – *З.Г. Минц*;

тексты и варианты разделов "Фаина" и "Вольные мысли", текстологические и историко-литературные примечания к ним – *А.В. Лавров*;

тексты и варианты "Приложений", текстологические и историко-литературные примечания к ним – *Н.Ю. Грякалова*;

вступительную статью к тому – *А.В. Лавров* (раздел I), *З.Г. Минц* (раздел II).

Контрольное рецензирование и редакционно-техническая работа осуществлены *В.Н. Быстровым* и *Г.К. Кауровой*.

Редакторы тома – *З.Г. Минц*, *А.В. Лавров*.

Работа над подготовкой тома к печати завершена в основном в 1988 г., последующие исправления и дополнения имеют эпизодический характер.

ВСТУПЛЕНИЕ

("Ты в поля отошла без возврата...")

(С. 7)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₄. Л. 63 об. ("Молитва"), "16 апреля, Страстная Суббота", рукой Л.Д. Блок, с правкой Блока; БА₁ – РГБ. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 47. Л. 1 об. ("Молитва"), в письме к Андрею Белому от 19 мая 1905 г.; БА₂ – РГБ. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 62 ("Молитва"), "1905. 16.IV. Страстная Суббота", при письме к

Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *АС – НР II*₂. Л. 28, "1905. Страстная Суббота", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, дата – рукой Блока; печ. текст – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 188, "1905. 16.IV", дата – рукой Блока; печ. текст – *Изборник*, л. 65.

Впервые: *II*₁. С. 24, заключительное в разд. "Весеннее".

Публикации: *II*₂. С. 18, "1905. Страстная Суббота", в разд. "Весеннее"; *ИСП*. С. 5; *II*₃. С. 7, "1905. Страстная Суббота"; *88 современных стихотворений*. С. 90; *II*₄. С. 5, "1905. Страстная Суббота"; *II*₅. С. 9, "1905. Страстная Суббота".

В автографах, посланных Андрею Белому (*БА*₁ *РГБ* и *БА*₂ *РГБ*), и в *T*₄ стихотворение имело заглавие "Молитва". В *II*₁ и *II*₂ публиковалось как заключительное в разделе "Весеннее". Начиная с *II*₃, печатается как "Вступление" ко второму тому. Курсивом набрано только в *II*₄.

Окончательный текст – *II*₃.

В апреле 1905 г. Блок сообщал А. Белому: «Напишу и пришлю стихи, которые надеюсь кончить – "без лика" (то есть без образа Прекрасной Дамы. – *Ред.*)», имея в виду стихотворения "Ты в поля отошла без возврата..." (в рукописи – "Молитва"), "На весеннем пути в теремок...", "Болотный попик", отправленные А. Белому 19 мая 1905 г. В ответном письме от 22 мая А. Белый благодарил Блока "за милые стихотворения": "О н и м н е о ч е н ь н р а в я т с я. Первое из них, пожалуй, наиболее совершенно". (*Блок и Белый*. С. 131, 134). По-видимому, А. Белый показал эти стихотворения С. Соловьеву, так как последний уже 9 июля 1905 г. выражал желание написать статью о поэзии Блока и просил разрешения «процитировать некоторые строки стихотворения (...) "Ты, держащая море и сушу"» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 398).

Было включено Блоком в список стихотворений, предназначавшихся для чтения на "средах" Вяч. Иванова и "воскресеньях" Ф. Сологуба зимой – весной 1906 г. (*ЗК*. С. 74).

Стихотворение, открывающее второй том лирики, – программное для Блока. "Высокая мистика" "Стихов о Прекрасной Даме" осознается как важный, но пройденный этап (ср. цитированное выше письмо о стихах "без лика"). А. Белый, поставив названием главы своих воспоминаний о Блоке первую строку стихотворения, писал, что "А(лександр) А(лександрович) был в безвозвратности" (*Белый*, 2. С. 242). По его мнению, это стихотворение определило разрыв с идеалами первого тома и своими настроениями окрасило целый период в творчестве Блока (*Белый*, 3. С. 125).

Современной Блоку критикой не было осознано как начало нового этапа в творческом развитии поэта. Так, М. Волошин в рецензии на *II*₁, цитируя стихотворение, отмечал: "В мир приходит весна. А поэт ищет Прекрасную Даму и молится" (*Русь*. 1907. № 101. 11 апр. С. 3). В. Львов-Рогачевский подчеркивал, что "поэзия А. Блока – ожидание Ее прихода": «"В поля отошла без возврата" "Подруга Светлая", но она придет вместе с Зарей» (*Львов-Рогачевский В. Лирика современной души // СМир*. 1910. № 8. С. 18. 2-я паг.). Ю. Айхенвальд расценивал стихотворение как этапное, но уже с учетом общей эволюции лирики Блока. Цитируя стихотворение, он писал "о приливах и отливах душевного моря, о перевалах жизненной дороги". "Страшно сказать про свою душу, что она ржавая; но ведь и в самом деле человеческая душа способна ржаветь, и Блок слишком испытал это на самом себе. Пусть не отошла от него навеки Властительница моря и суши со своею тонкой рукой, (...) над нею в его сердце уже не синеет прежний ореол чистоты" (*Айхенвальд Ю. Поэзия Блока // Слово о культуре: Сб. критических и философских статей*. М., 1918. С. 50–51).

Вступление. – Жанр стихотворного вступления, открывающего книгу стихов, –

распространенное явление в поэтической практике символистов. Тем самым подчеркивалось единство книги ("тома") как художественного целого.

Ты в поля отошла без возврата. – Мотив "отдаления" героини впервые появляется уже в СПД. Ср.: "Отошла Я в снега без возврата" ("Без Меня б твои сны улетали...", т. 1 наст. изд.). Рифма *возврата: заката* – автореминисценция из того же стихотворения. Ср. также: "Ты отошла, и я в пустыне..." (т. 3 наст. изд.); при публикации этого стихотворения в ЗС эпиграфом к нему послужили первые две строки "Вступления".

Да святится Имя Твое! – Слова "Молитвы Господней" ("Отче наш"). Ср.: Мф. VI. 9–13.

...красные копыя заката // Протянули ко мне острие. – Характерное для мифопоэтической традиции образное сближение лучей солнца с острием стрелы или копыя (см.: Афанасьев, I. С. 245).

Лишь к Твоей золотой свирели // В черный день устами прильну. – Мотив предсмертного возвращения к образу Вечной Женственности. Ср. запись Блока, относящуюся к концу апреля 1904 г.: "Чувствовать Ее – лишь в ранней юности и перед смертью". Ср. также: "Я не забыл на пире хмельном // Мою заветную свирель" ("Все отошли. Шумите, сосны...").

Ты пройдешь в золотой порфире... – Порфира – торжественное царское облачение. Здесь – атрибут Вечной Женственности. Ср. у Вл. Соловьева: "Под грубою корою вещества // Так я прозрел нетленную порфиру // И ощутил сиянье божества" ("Три свидания", 1898).

О, исторгни ржавую душу! – В образно-символических представлениях Блока периода второго тома "ржавчина" выступает синонимом индивидуалистической лирики, противопоставленной "трагедии", т.е. "жизни". Ср. позднейшие рассуждения Блока в письме к А. Белому от 1 октября 1907 г.: "Я говорю о лирике, как о стихии собственной души (...) я указываю только устремление, которое и Ты признаешь: из болота – в жизнь, из лирики – к трагедии. Иначе – ржавчина болот и лирики перестройные колонны и мрамор жизни, залет ржавой волной их огни".

Со святыми меня упокой... – Ср. в молитве "О умерших" (кондак, глас 8): "Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего". Цитируя эту строку Блока, В. Брюсов усматривал в ней "безнадежные признания" поэта и делал вывод: "Последними словами он как бы признает себя, – себя прежнего, – умершим" (Брюсов В. Александр Блок // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1915. Т. 2, Ч. 2. С. 324).

...Ты, Держащая море и сушу // Неподвижно тонкой Рукой! – Мифопоэтический образ всеобъемлющего космического начала, восходящий к соловьевской идее Вечной Женственности. Ср. у Вл. Соловьева: "Владычица земли, небес и моря!" ("Я озарен осеннею улыбкой...", 1897). Отмечено Блоком в его экземпляре "Стихотворений" Вл. Соловьева (см.: Максимов Д.Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1981, С. 144).

Другие редакции и варианты

Молитва (Т₄, БА₁ РГБ, БА₂ РГБ). – Фразеологией и синтаксическим строем стихотворение, написанное в Страстную Субботу, которая в 1905 г. приходилась на 16 апреля, следует молитвенным формулам литургической службы.

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

Раздел "Пузыри земли" (*ПЗ*), открывающий второй том лирики Блока, как композиционное и образно-тематическое единство сформировался не сразу. Замысел Блока объединить стихотворения с "болотной" тематикой относится к началу июня 1905 г. (*ЗК*. С. 69). Часть стихотворений впервые увидели свет в журналах "Вопросы жизни" (1905. № 6) и "Весы" (1906. № 5) в составе циклов "Нечаянная Радость" ("Болотные чертенятки", "Я живу в отдаленном скиту...") и "Тишина цветет" ("Твари весенние", "Болотный попик", "На весеннем пути в теремок..."). В *П₁* и *П₂* стихотворения будущего цикла распределились следующим образом: "На перекрестке...", "Твари весенние", "Болотный попик", "На весеннем пути в теремок...", "Старушка и чертенята" вошли в раздел "Весеннее"; "Болотные чертенятки", "Я живу в отдаленном скиту...", "Полюби эту вечность болот...", "Белый конь чуть ступает усталой ногой...", "Болото – глубокая впадина...", "Осень поздняя, Небо открытое...", "Эхо", "Пляски осенние" – в раздел "Нечаянная Радость". В *РЭ П₂* отражена работа Блока по формированию цикла. Все стихотворения, впоследствии составившие цикл в *П₃*, здесь имеют помету "ПЗ" и уточненную датировку. В *П₃* цикл получил заглавие и эпиграф и был представлен как часть тома, но в нем отсутствовали стихотворения "Я живу в отдаленном скиту..." и "Белый конь чуть ступает усталой ногой...", помещенные в *П₂* в разделе "Родина". И только в *П₄* цикл вошел в своем каноническом составе.

Раздел состоит из 13 стихотворений. Его хронологические границы – январь–октябрь 1905 г., и только первое стихотворение – "На перекрестке..." – написано в мае 1904 г. По словам М.А. Бекетовой, оно "может быть отнесено к шахматовским, остальные двенадцать написаны в 1905-ом г., частью в городе, частью в Шахматове" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 776). В Шахматове поэт жил с мая по август 1905 г. Все стихотворения цикла, кроме одного – "Я живу в отдаленном скиту...", как отмечает мемуарист, «навеваны впечатлениями шахматовской природы (...) Все эти "твари весенние", "болотные чертенятки" и т.д. – отражение окрестных болот и лесов» (*Там же*). По мнению Андрея Белого, не раз бывавшего в Шахматове, в стихотворениях *ПЗ* нашел отражение не только пейзаж этих мест, но и создаваемый им особый эмоциональный настрой. «Мистическое настроение окрестностей Шахматова таково, – писал он, – что здесь чувствуется как бы борьба, исключительность, напряженность, чувствуется, что зори здесь вырисовываются иные среди зубчатых вершин лесных гор, что и сами леса, полные болот и болотных окон, куда можно провалиться и погибнуть безвозвратно, населены всякой нечистью ("болотными попиками" и бесенятами)» (*Воспоминания*, I. С. 271).

Вместе с тем в стихотворениях, которые были написаны зимой и ранней весной в Петербурге, отразились впечатления от его окрестностей. Многие пейзажи, таким образом, имеют обобщенный характер. В письме к Е.П. Иванову от 24 апреля 1905 г. Блок рассказывал об одном из своих посещений Лесного – окраины Петербурга, где жил С. Городецкий: "Мы вдруг ушли в Лесной и оттуда пешком по шоссе в Новую Деревню. Полная весна, все течет и поет. Заря из тех, от которых моя душа ведет родословную. Проталины; и небо прозрачное до того, что ясно, Кто за ним. Пахнет навозом и прошлогодняя трава зеленая (...) Много пишу (...) Ничего нет, кроме гордости, что чувствую весну". Об этих прогулках и об изменениях, которые происходили в жизненном восприятии Блока летом 1905 г., свидетельствует С. Городецкий: "К этому периоду относится время наибольшей моей дружбы с ним. Я жил в Лесном. Блок умел и любил гулять в лесу, на окраинах (...) Летом мы опять переписывались. Мужественно-здорового, крепкого, деревенского много было в Блоке

этого периода. Мистическая дымка первых дней отлетела от него, тревога и хмель снежной ночи еще не нахлынули" (*Воспоминания*, I. С. 330).

Стихотворения весны – осени 1905 г., вошедшие в *ПЗ*, отразили постепенный переход Блока от соловьевского мистицизма к новой системе художественных и нравственных ценностей. В письме к Е.П. Иванову от 25 июня 1906 г. Блок определял пережитый им летом 1905 г. период "переоценки ценностей" как плодотворный. И тот факт, что ряд стихотворений цикла ("На весеннем пути в теремок...", "Старушка и чертенята", "Осень поздняя. Небо открытое...", "Пляски осенние") он включил в список стихотворений, предназначенных для чтения на "средах" Вяч. Иванова и "воскресеньях" Ф. Сологуба зимой – весной 1906 г. (*ЗК*. С. 74), свидетельствовал о важности для Блока новых тем, зазвучавших в его поэзии этого времени.

Поэтический мир *ПЗ* – это мир сакрализованной природы, населенный таинственными существами, ее олицетворяющими: "болотными попками", "тварями весенними", колдунами и чертенятами. В предисловии к *ПЗ* Блок так комментировал эти образы: «Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать "прощай" зиме, кувыркаться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они – добродушные и бессловесные твари, – привязанность молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир – балаган, позорище». Их основная черта – детски наивное восприятие мира (см. первоначальную редакцию авторского предисловия к *ПЗ*, раздел "Другие редакции и варианты"). В общении с ними лирическому герою открывается возможность прикоснуться к первоначальному, "предвечным" стихиям, несущим в себе чистоту и цельность. Природа в *ПЗ* столь же призрачна, как и ее "порождения" – фантастические персонажи цикла. Но мистика в *ПЗ* сознательно "снижена": поэт уходит от высших сакральных сфер лирики "первого тома" к земле, природе, хотя и предстающим в мифологизированном облике.

Следует отметить весьма вероятное знакомство Блока с книгой его деда А.Н. Бекетова "Беседы о земле и тварях, на ней живущих" (СПб., 1898), имевшейся в библиотеке поэта (библиотека ИРЛИ; шифр: 94 9/19), где в популярном изложении давались сведения о природных явлениях и морфологии растений и животных в соответствии с представлениями того времени. В частности, приводилось такое наблюдение: "Если взять, например, каплю болотной мутной воды да посмотреть на нее в увеличительное стеклышко, то там окажется много всяких тварей" (С. 114).

Мифологический колорит цикла усилен поэтическими образами, заимствованными из русского и западноевропейского фольклора. При этом "фольклорное" выступает как знак "древнего", как "архетип", отсюда тот изоморфизм русских и славянских, даже античных элементов, присущих поэтике *ПЗ* (см. стих. "Эхо", "Пляски осенние" и коммент. к ним). В ряде случаев образы, не являющиеся фольклорными по своему генезису, уподоблены им (см. стих. "Твари весенние", "Болотный попок" и коммент. к ним).

Интерес к славянскому языческому пантеону, к "низшей мифологии", народным преданиям, легендам, быличкам и другим "мистическим" жанрам русского фольклора был характерен для поэтов-символистов 1900-х годов и являл собой типологическую черту русской культуры начала XX в. А. Кондратьев, близкий в своем "мифотворчестве" символистским художественным устремлениям, в рецензии на сборник С. Городецкого "Ярь", называя имена З. Гиппиус, П. Соловьевой, А. Блока, Ф. Сологуба, А. Ремизова, подчеркивал поэтическую смелость представителей "нового искусства" в воссоздании образов народной демонологии. "Долго дремавшие среди пожелтевших страниц толстых томов Афанасьева, Забылина и Сахарова, – писал он, отмечая книжный характер фольклоризма символистов, – стали просыпаться понемногу тени древних славянских богов, полубогов, а также лесных, водяных и воздушных демонов

⟨...⟩ Настоящий момент можно характеризовать как попытку разработать малоисследованные и почти неизвестные доселе образы нашей демонологии, которая становится тем богаче, чем ниже спускаемся мы по ранговой лестнице ее представителей" (Перевал. 1907. № 3. С. 57). В *ПЗ* Блок отразил как общесимволистскую тенденцию к активному освоению образов народной фантазии, так и собственное стремление прикоснуться к миру народных верований и мифологических представлений.

Образность *ПЗ* отмечена спецификой блоковского фольклоризма: знакомством с фольклором через фольклористику. Об осведомленности Блока в этой области филологии свидетельствует его письмо к Т.Н. Гиппиус от 24 октября 1905 г., в котором поэт, отвечая на просьбу художницы указать материалы по славянской мифологии, приводит обширный список литературы. Блок называет труды А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, Н.А. Котляревского, А.С. Фаминцына, сборники И. Сахарова, И. Снегирева, А.В. Терещенко, собрания народных песен, пословиц, загадок, былин, духовных стихов. Большинство источников взяты Блоком из предложенного И.А. Шляпкиным (о нем см. в коммент. к стих. "На весеннем пути в теремок...") списка рекомендуемой литературы по курсу истории русской словесности (*Шляпкин И.А. Лекции по истории русской литературы*. 4-е изд., литограф. Пг., 1915. Программа курса не менялась).

Важнейшим источником фольклорно-мифологической образности, питавшей поэтику *ПЗ*, стал для Блока труд А.Н. Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу". В *ПЗ* отражено также знакомство Блока с популярной в кругу символистов книгой С.В. Максимова "Нечистая, неведомая и крестная сила" (СПб., 1903), имевшейся в библиотеке поэта (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 388. Л. 113). Характерно, что в *ПЗ* заметно образное воздействие не только самой книги, но и рецензии на нее К. Бальмонта (Весы. 1904. № 3).

В период создания *ПЗ* Блок интересуется творчеством писателей, которые почувствовали необходимость "прорыва" к глубинам народного сознания "*возврата к стихии народной*, свободной парящей, не отрываясь от земли" (СС-85. С. 17). Об этом свидетельствуют создававшиеся параллельно с *ПЗ* статья "Творчество Вячеслава Иванова" (апрель 1905) и рецензии на сборники современных поэтов-символистов: К. Бальмонта, Л. Семенова, А. Миропольского. Общая увлеченность мифологией и фольклором сближала Блока с С. Городецким (см. его письмо к Блоку от 5 июля 1905 г. – *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 16). С творчеством Городецкого Блок связывал в это время новые тенденции в поэзии, на которые он указывал в статье "Краски и слова" (конец 1905): "Стремление к разрыву с отвлеченным и к союзу с конкретным, воплощенным". (СС-85. С. 21). Здесь же Блок формулировал и свои новые поэтические принципы, выраженные им в *ПЗ*: "...живая и населенная многими породами существ природа – мстит пренебрегающим ее далями и ее красками – не символическими и не мистическими, а изумительными в своей простоте. Кому еще неизвестны иные существа, населяющие леса, поля и болотца (а таких неосведомленных, я знаю много), – тот должен учиться смотреть" (*Там же*. С. 23–24).

В поисках нового художественного метода, призванного объединить символистскую поэтику и реалистические тенденции, Блоку оказалась необычайно близка и творческая индивидуальность А. Ремизова, у которого острое ощущение реальности не исключало, а предполагало ее символическую интерпретацию (см. коммент. к стих. "Болотные чертенятки").

Раздел отмечен влиянием стиля модерн, что проявляется в импрессионистичности образов, прихотливости ритмического рисунка, варьируемого в пределах стихотворения и цикла в целом, декоративности, орнаментальности природных и фольклорных мотивов.

Символистская критика достаточно определенно высказала свое отношение к новым темам и настроениям лирики Блока. С. Соловьев в рецензии на *II*₁ горестно замечал: «Спала гускляя позолота древнего нимба, расклубился таинственный фимиам перед престолом "Жены, облеченной в солнце" (...) на месте храма зазеленели кочки, запрыгали чертенята; память о прошлом утонула в синевато-розовой дымке весеннего вечера" (*ЗР*. 1907. № 1. С. 88). Андрей Белый в ряде печатных выступлений издательски пародировал "кощунственные", по его мнению, темы стихотворений Блока (*Перевал*. 1907. № 4. С. 59–61; *Весы*. 1907. № 5. С. 49–52; *Весы*. 1907. № 6. С. 66–69). З. Гиппиус писала об измене идеалу Прекрасной Дамы (*Антон Крайний*. Милая девушка // *Речь*. 1908. № 251. С. 2). М. Гофман считал, что Блок "прислушивается к гадам морским и забывает о полете ангелов. И атрофируется мистическое чувство" (*Лебедь*. 1909. № 1. С. 23).

В понимании содержания стихотворений Блока к названным критикам примыкал и В. Брюсов, но при этом его оценка была лишена осуждающего пафоса. В образах «"тварей весенних", чертенят, "болотных попигов", колдунов – олицетворяющих начало земное, силы, извечно влекущие человеческую душу от божества», он увидел истоки блоковского "демонизма" (*РМ*. 1912. № 1. С. 31. 2-я паг.). Он продолжал развивать эту мысль и позже: "Блок с большой любовью и очень подробно рисует этот мир стихийных существ, живущих одной жизнью с природой, чуждых греха, как его чужды камни, растения, тучи, но чуждых и всякого влечения к сверхземному" (*Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова*. М., 1915. Т. 2. Ч. 2. С. 323).

Н. Абрамович, напротив, и во второй книге Блока видел устремленность поэта к вечно-женственному началу: "...есть видимая связь между веселой и невинной живоностью, радующей на земле своему бытию, и таинственными влияниями Высших нетленных сил. Дорогу к Ней могут указать вольно бредущему в земных пространствах поэту земные добрые твари, мохнатые существа, кувыркающиеся в траве; тихие облики лесных существ, возникающие и пропадающие во мгле между стволами (...) здесь разливается тонкое живое благоухание из запредельного мира" (*Женщина*. Литературно-художественный альманах. М., 1910. Кн. 2. С. 136–137).

Часть критиков, выступивших с рецензиями на *II*₁, отметили проникновенный лиризм стихотворений Блока. Б. Садовской подчеркивал: "Изумительны по красоте весенние напевы, – этот своеобразный таинственный мир весенних зорь, мохнатых кувыркающихся чертенят в сиреновом фоне березового леска, где венчалась весна с колдуном" (*РМ*. 1907. № 3. С. 1. 3-я паг.). По мнению Н. Пояркова, Блок, с его "любовью к природе", "особенно хорошо зарисовывает (...) картины русского севера с милыми грустными березками, синеватою далью, болотцами" (*Юность*. 1907. № 1. С. 8). Н. Абрамович высоко ценил поэзию «мистически, остро ощущаемой весны, "весны мира", мотивы мистического сенсуализма, в котором сквозь просветы углубленных и болезненно-чутких созерцаний мелькают нежные и тонкие образы этой весны и первые золотистые лучи ее сиянья» (*Образование*. 1907. № 2а. С. 93–94). Мистическим настроением, по словам критика, проникнуты и осенние картины: "Осеннее умирание, осенняя затаившаяся жизнь, осенняя светло-покорная открытость, обнаженность земли – полна внятными веяниями беспредельного. Можно отсюда, из этого покоя "болотной схимы" придти к чаемой озаренной тишине. И поэт отдает свою волю и принимает в душу чары осени (...) В осени веет и дышит Ее тихая власть и сила" (*Женщина*. С. 138).

А. Измайлов уловил стремление Блока передать "наивность", "детскость" мироощущения своих фантастических персонажей. "Блок живет в царстве своего вымысла, – писал критик, – отгородив себя от реальной жизни с ее балаганом, суетой и кровью стенкой наивного детского мировоззрения. В его лирике маленькие мохнатые

существа – карлики и гномы – прыгают по лесным опушкам, (...) чертенята скучают на болоте. Все это, разумеется, страшно оторвано от сегодняшнего дня, но все это мило искренностью восприятия, нежностью, мягкостью рисунка. Все это мистически озарено у Блока той таинственной мудростью, которая утаена от века" (Образование. 1908. № 9–10. С. 39. 3-я pag.).

В. Львов-Рогачевский склонен был к социологическому истолкованию стихотворений Блока, в которых обнаруживал черты декаданса: «В позиции "скорого конца" вы видите не только "прозрачное лицо" угасающей монахини, не только утомленный, немощный, смертельно-бледный образ умирающего, с его взором неживым, а облик "отошедших" и "сожженных" групп интеллигенции, потерявших почву под ногами, среди гнилых пней и кочек, в царстве туманов и болотной дремы» (*Львов-Рогачевский В. Лирика современной души // СМир*. 1910. № 8. С. 25. 2-я pag.).

Поздняя символистская критика включала ПЗ в создаваемый ею "миф" о творческом развитии Блока. Выстраивая "мифологему пути" Блока, А. Белый выделял образные лейтмотивы цикла, являвшиеся, по его мнению, вехами, отмечавшими жизненный и творческий путь поэта: «...гнилое "болото", "болото" проходит по книге; в болотном тумане меняется все: не золотая межа первой книги стоит перед нами, а проталыны, кочки, пеньки, гати, тали (и) туманов развалины (все любимые слова Блока!)» (*Белый А. Поэзия Блока // Ветвь*. Сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 275). Именно в изменении "картины природы", по мысли А. Белого, проявляются "перипетии глубиннейших переживаний поэта", и "из суммы пейзажей слагается подлинный нелюбимый отчет о состоянии стихий у поэта" (*Белый А. Жезл Аарона: (О слове в поэзии) // Скифы*. М., 1917. Сб 1. С. 192). Ср. его рассуждения о колорите "второго тома" лирики Блока: «... "серо-зелено-лиловое" – есть выражение мира души. Он таков, как ландшафт; это серо-зелено-лиловое складывается в болото» (*Белый, З.* С. 206).

Ю. Верховский в статье, вышедшей уже после смерти Блока, анализируя творчество поэта, подробно останавливался на ПЗ. «Мы еще в волнах прежних веяний, дуновений, парений, – писал он о постепенном переходе Блока к новым темам, – но ближе к земле с ее вещественностью, с ее живыми, живыми уже по-нашему, по-здешнему существами. Правда, это вначале скорее духи, чем существа телесные, но духи земные, хотя и с "мнимыми телами", словно макбетовские "пузыри земли"» (*Верховский Ю. Восхождение: (К поэтике Александра Блока) // Об Александре Блоке*. Пб., 1921. С. 183). ПЗ знаменует, по мнению критика, отрешение от божественной мистики и обращение поэта к родине: "Итак – после (...) случайных прикосновений к земле на поле под Петербургом и на невском берегу – поэтическое видение целого мира пузырей земли. Этим моментом действительно знаменуется реальное чувство земли, родины, России" (*Там же*. С. 185).

Заглавие раздела и эпиграф восходят к трагедии В. Шекспира "Макбет" (действие 1, сцена 3) – к словам Банко, объясняющего видение ему и Макбету трех ведьм:

Земля, как и вода, содержит газы –
И это были пузыри земли.
Куда они исчезли?
Макбет: В воздух. Ветер
Разнес их мнимые тела, как вздох.

(Пер. А.И. Кронеберга)

Отдельное издание трагедии сохранилось в личной библиотеке поэта (Макбет. Трагедия в пяти действиях В. Шекспира / Пер. А.И. Кронеберга. 2-е изд. СПб., 1891;

библиотека ИРЛИ, шифр: 94 1/143/. В тексте трагедии – пометы Блока, дающие основание предположить о его намерении готовить заглавную роль, но в тетради "Моя декламация..." (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175) выписок из трагедии нет. По свидетельству М.А. Бекетовой, Блок «несмотря на большое пристрастие к "Макбету", (...) никогда не брался за эту роль» (*Воспоминания*, 1. С. 54). О серьезном увлечении творчеством Шекспира, особенно этой трагедией, свидетельствует более позднее признание поэта в письме к Эллису (Л.Л. Кобылинскому) от 5 марта 1907 г.: «Замечая, что цитирую все Шекспира. Люблю его глубоко; и, может, быть, глубже всего – во всей мировой литературе – "Макбета"». Ср. также автореминисценцию образа "пузырей земли" в стих. "Она пришла с мороза..." и обращение к нему в статье "О театре" (1908).

Блоком была также внимательно прочитана вводная часть названной книги – «"Из истории Шотландии" Голиншеда, служившей Шекспиру материалом для трагедии "Макбет"». Судя по пометам, Блок интересовался происхождением и мифопоэтическим смыслом образа "пузырей земли". В описании встречи Макбета и Банко с тремя женщинами "странного, дикого вида" Блок подчеркнул фразу: "похожие на существа исчезнувшего мира" (С. X). Далее им отмечено: "...эти три женщины были или сестры-парки, богини судьбы, или нимфы и волшебницы, которые, благодаря искусству некромантии, имели возможность предугадать будущее, потому что все случилось именно так, как они предсказали" (С. XI). Таким образом, Блок обращает внимание на демоническую природу ведьм – "пузырей земли" – и на их пророческий дар. Ср. приведенное в этом же издании замечание комментатора Шекспира о средневековой вере в ведьм как природных духов и в их способность "делаться невидимыми, смешиваясь с атмосферой" (С. XLIV).

Блока привлекло и предисловие проф. А.И. Кирпичникова к 3-му тому "Собрания сочинений" Шекспира (*Шекспир*. Собр. соч. / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1903. т. 3; Библиотека ИРЛИ, шифр: 94 8/230). Здесь Блоком отмечено место, где говорится, что образы ведьм и призраков заимствованы Шекспиром "из бесконечно богатого арсенала чернокнижной литературы XVI века, имевшей влияние и на действительную жизнь во времена Шекспира" (С. 451). Подробнее см.: *Грыкалова Н.Ю.* Природа и фольклор в цикле А. Блока "Пузыри земли" // *БС-8*. С. 22–30.

Образ шекспировских "пузырей земли" жил в сознании Блока уже при написании первых стихотворений будущего цикла. Ср. его письмо к Е.П. Иванову от 23 мая 1905 г.: «Говорили, будто Москва горит – так затуманились горизонты; но это были пары и "пузыри земли" и "ветер разнес их мнимые тела, как вздох". Хорошо, но унизительно не быть одной из этих "стихий"».

"НА ПЕРЕКРЕСТКЕ..."

(С. 11)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₇*. Л. 27; *ЧА – ЗК₈*. Л. 9 об. – 11, "5 мая"; *ЧН₂ – ЗК₈*. Л. 12 об. – 13, "6 мая" (над текстом); *ЧН₃ – ЗК₉*. Л. 6; *БАП – Т₄*. Л. 42–42 об. ("Весеннее"), "Май – Декабрь 1904" (исправлено: "5 Май"); *АС – НР II₂*. Л. 17, 18 ("На перекрестке"), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (заглавие – рукой Блока); *АС – ИРЛИ*. Ф. 45 (фонд А.Н. Веселовского). Оп. 3. Ед. хр. 874. Л. 60, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, подпись: "Александр Блок".

Впервые: *II₁*, С. 13–14, в разд. "Весеннее".

Публикации: *II₂*. С. 8 ("На перекрестке"), в разд. "Весеннее"; *II₃*. С. 11; *II₄*. С. 9–10; *II₅*. С. 13–14.

В *ЗК*₇₋₉ имеются наброски отдельных стихов и строф (*ЧН*₁ *ЗК*₇ приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 114) и черновой автограф (*ЧА* *ЗК*₈) с правкой, верхний слой которой представляет первоначальную редакцию (с пропуском сказуемого в последней строфе). В *ЗК*₆ (Л. 42 об.) имеется набросок, относящийся к началу августа 1903 г., ст. 3–4 которого близки ст. (22–23) первоначальной редакции стихотворения (см. "Другие редакции и варианты"):

В передзакатной позолоте
На ярко красной полосе
Мои вечерние лохмотья
Всплывают в дерзостной красе (опубл.: *НС*. С. 123)

В *T*₄ текст приближен к основному, правка проведена в период подготовки *П*₁ и относится к 1906–1907 гг. Дата написания стихотворения впоследствии Блоком уточнена в *T*₄: "5 май". Первоначально в публикациях отсутствовало выделение последнего стиха (ст. 29), и только в *Кор.-Г.* *П*₄ ст. 28 разделен на полустихия. В *РЭ* *П*₂ ст. 23–28 зачеркнуты; в *П*₃ они не вошли, но в *П*₄ восстановлены (ст. 23–29). В *РЭ* *П*₂ проставлена дата: "1904, V–XII" и имеется помета: "П(узыри) З(емли)". В *П*₅ указана ошибочная дата: "5 апреля 1904". В *Хр. ук.* *T*₉ датировано 5 мая 1904 г.

В рецензии на *П*₁ С. Соловьев обратил внимание на метрику стихотворения и, приводя его заключительную строфу, отметил, что "в белом стихе Блок нашел себя" (*ЗР*. 1907. № 1. С. 89).

На перекрестке... – В народно-поэтической традиции перекресток – место выбора героем своей судьбы, а также место обитания нечистой силы.

...В печальном весельи встречаю весну. – Оксюморон "в печальном весельи" подчеркивает амбивалентность "весенних" мотивов *ПЗ*. В нем художественно реализована мифологема сезонного цикла: весеннее воскресение природы и ее осеннее умирание, подготавливающее новое рождение. Ср. отзыв Блока о сборнике Л. Семенова: "Стихи Леонида Семенова покоятся на фундаменте мифа. Я обозначаю этим именем не книжную сухость, а проникновение в ту область вновь переживаемого язычества, где царствуют Весна и Смерть" (*СС-85*, С. 589). Ср. также: *Фаминцын А.С.* Богиня Весны и Смерти в песнях и обрядах славян // *Вестник Европы*. 1895. Июнь–июль. О значимости "переходного" времени (года, суток) в *ПЗ* см.: *Юлова А.П.* Поэтический мир цикла "Пузыри земли" А. Блока // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Wilhelm Pieck Universität Rostock*. 1983. S. 25

...Лиловые скаты оврага. – С. Соловьев, вспоминая о своем приезде в Шахматово в апреле 1904 г., писал: "Перед закатом солнца мы ходили в лес за фиалками. Л(юбовь) Д(митриевна) (...) садилась на пенёк и завертывала фиалки мохом". Цитируя начальные строфы стихотворения, Соловьев рассматривал его как образное отражение окрестного пейзажа (*Воспоминания*, I. С. 122). Ср. письмо Блока к матери от 4 мая 1904 г.: "Черемуха зацветает. Душистым фиалкам нет счета". А. Белый склонен был расценивать эту природную реалию символически, как "эмблему узнаний, окрасивших розово-золотую зарю в новый цвет" (*Белый*, 2. С. 282). О важной для Блока символике лилового цвета см. коммент. к поэме "Ночная Фиалка".

Она взманила, // Земля пустынная! – Характерный для *ПЗ* и символистской лирики 1900-х годов мотив землепоклонства. Ср., например, финал "симфонии" А. Белого "Возврат": "Милые мои... Поклонитесь Земле" (*Белый А.* Возврат. III симфония. М., 1905. С. 126).

И кресты – и далекие окна... – Окна – здесь: болотные окна. А Белый так описывал окрестности Шахматова: "Обилие хмурых горбин и болот с очень многими окнами, куда можно кануть (...), – все это вплотную обстало усадьбу, где вырос А(лександр) А(лександрович)" (*Белый*, 1. С. 238). Ср. проникнутое мистическим настроением описание лесных болот и связанных с ними легенд в рецензии К. Бальмонта на книгу С.В. Максимова "Нечистая, неведомая и крестная сила" (СПб., 1903): «На зыбких берегах (...) веет что-то сокровенное, слышен звон подземных колоколов, достойные видят огни зажженных свеч, на лучах восходящего солнца – отраженные тени церковных крестов. Там и сям чувствуются подземные реки, следы их ощущаешь через провалы, носящие название "глазников" или "окон"» (Весы. 1904. № 3. С. 37).

И вершины зубчатого леса... – Реалия шахматовского пейзажа. Ср.: "И от вершин зубчатых леса // Забрезжит брачная заря..." ("Я, отрок, зажигаю свечи...", т. 1 наст. изд.). См. коммент. к стих. "Сегодня шла ты одиноко..." (т. 1 наст. изд.).

Все дышит ленивым // И белым размером // Весны. – По мысли Блока, настроению, которым проникнуто стихотворение, соответствует его формальная организация. Оно написано свободным стихом (*vers libre*), понимаемым как небрежный,вольный, то есть "ленивый" размер. Нестрогая периодичность смен ударных и безударных слогов сопровождается отсутствием рифм – отсюда определение "белый".

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

("Я прогнал тебя кнутом...")

(С. 12)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₄. Л. 55 об. – 56, "Январь", текст рукой Л.Д. Блок, дата и посвящение – рукой Блока; печ. текст – НР II₂. Л. 126 (посвящение – автограф); печ. текст – НР Сказки, РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 15–16; печ. текст – *Изборник*. Л. 64.

Впервые: ВЖ, 1905. № 6. С. 161, без посвящения, последнее в цикле "Нечаянная Радость".

Публикации: II₁. С. 135–136, в разд. "Нечаянная Радость"; II₂. С. 133, в разд. "Нечаянная Радость"; II₃. С. 12–13; II₄. С. 11; II₅. С. 14–15.

Первоначальная редакция стихотворения приведена Р.В. Ивановым-Разумником (*Иванов-Разумник*. Л. 115а–115б). Опубл. В.Н. Орловым по копии, предоставленной ему Д.М. Пинесом (*ЛН*. Т. 27–28. С. 677–678), который в письме от 5 января 1937 г. сообщал: «Разыскалась копия, сделанная мною в свое время (конец 1932 г.) со стих. Блока "Чертенята-двойники", посылаю список с нее. Он абсолютно точен. Подлинная рукопись – карандаш без помарок и исправлений – надеюсь, также разыщется и будет возвращена в архив Блока» (*РГАЛИ*. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 224). Местонахождение автографа неизвестно.

Основная редакция текста представлена в Т₄ и в первой публикации (в этих источниках проставлено ударение в ст. 18: "нёжить", "нёмочь"). Печатается с посвящением, начиная с II₁. Стихотворение (строфы 1–5) было включено в наборную рукопись сборника "Сказки", но в книгу не вошло (см.: *Корсаков Р. [Иванов-Разумник]*. Стихи А. Блока для детей // *Детская литература*. 1940. № 11–12. С. 78). В РЭ II₂ помета: "П(узрыи) З(емли)".

Критиками стихотворение было поставлено в один ряд с произведениями З. Гиппиус, П. Соловьевой (Аллего), Ф. Сологуба, А. Ремизова, С. Городецкого, воссоздающими образы русской демонологии. А. Кондратьев, например, замечал: "В творческой грезе Блок силится восстановить "стертые лики" каких-то очарованных лунным светом захудалых чертей" (Перевал. 1907. № 3. С. 57). А. Белый в резкой рецензии на *II*, противопоставлял "высокую" мистику "первого тома" "низким" образам "второго", который он расценивал как отказ от культуры. В частности, он писал: «Вместо "Сиянья красных лампад" мы видим болотных чертенят, у которых "колпачки задом наперед". Вместо храма – болото, покрытое кочками» (Перевал. 1907. № 4. С. 59–60).

Стихотворение вызвало пародийный отклик А. Кондратьева "Болотные бесенята" (Сатирикон. 1908. № 29. С. 7).

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель, близкий к символизму. Отличался интересом к фольклору, народной обрядности, древнерусской книжности, живой народной речи. Блок познакомился с Ремизовым в 1905 г. Посвящая ему в 1907 г. данное стихотворение, Блок подчеркивал близость своего восприятия природы и "низшей" мифологии ремизовскому. См.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 63–64.

Вот – сидим с тобой на мху // Посреди болот. – По славянским народным представлениям, болота созданы чертом и служат местом обитания нечистой силы: "Черти охотнее всего населяют те трущобы, где дремучие леса разрезаются сплошными полосами недоступных болот" (*Максимов С. С.* 6).

Третий – месяц наверху – // Искривил свой рот. – В данном контексте месяц выступает как демонологический образ. О мотиве ущерба месяца см. в коммент. к стих. "Свобода смотрит в синеву..." (т. 1 наст. изд.).

Тише вод и ниже трав... – Ср. поговорку: "Тише воды, ниже травы". Этот же фразеологизм, но в иной стилистической функции, – в стих. "Голос из хора" (т. 3 наст. изд.).

На дурацком колпаке // Бубенец разлук. – Бубенец – деталь шутовского ("дурацкого") колпака. В то же время колпак – атрибут черта (см.: *Максимов С. С.* 7).

И сидим мы, дурачки, ~ Задом наперед. – В этом четверостишии А. Белый видел отказ от настроений "аргонавтизма" начала 1900-х годов и кощунственное осмеяние "соловьевского" братства: «...четверостишие соответствует стихотворению "Аргонавты", "мы" там – те же все; в 1903 году обращается к нам со словами надежды он.

Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

В 1905 году – устанавливает: рук не связали; не отлетели в лазурь; корабли не пришли; нас не взяли; и мы – одурочены, на сырых и болотных кочках; мы – "немочь", игрушки стихий» (*Белый, 2. С.* 247).

Зеленеют колпачки // Задом наперед. – По народным поверьям, у нечистой силы, обитающей в болоте, "на голове высокая {...} шапка, свитая из зеленой куги" (*Афанасьев, 2. С.* 243–244). Что-либо, надетое "задом наперед", – также примета нечистой силы.

Зачумленный сон воды, // Ржавчина волны... – Ср. в рецензии К. Бальмонта "Символизм народных поверий": "В лесных чащах великой России разбросаны небольшие, но глубокие озера, наполненные темной зачарованной водой, окрашенной железистой закисью" (*Весы. 1904. № 3. С.* 37).

Мы – забытые следы // Чьей-то глубины... – Отзвук платоновской идеи анамнезиса (см. диалог Платона "Менон"). Излагая точку зрения Вяч. Иванова на символистское искусство, воскрешающее "переживания забытого и утерянного состояния народной души" (*Иванов Вяч. Поэт и чернь // Весы. 1904. № 3. С. 7*), Блок писал в статье "Творчество Вячеслава Иванова" (апрель 1905 г.): «Путь символов – путь по забытым следам, на которых всплывает "юность мира". Это – путь познания, как воспоминания (Платон). (...) Так искупается отчуждение поэта от народной стихии: страдательный путь символизма есть "погружение в стихию фольклора"» (СС-8₃. С. 10). А. Белый почувствовал в этих стихах стремление Блока к "темнейшим истокам стихий": «...ему открывается, что Она не София; Она – только Маска; стало быть, ее нет: "Мы – одни"; "Мы забытые следы чьей-то глубины"; просветленное пенье страстей от узнанья этого, упавая стремится к темнейшим истокам» (*Белый А. Поэзия Блока // Ветвь. М., 1917. С. 275*).

"Я ЖИВУ В ОТДАЛЕННОМ СКИТУ..."

(С. 12)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₀*. Л. 16 об. – 17; *АС – Т₄*. Л. 56 об. – 57, "Январь", текст рукой Л.Д. Блок, дата – рукой Блока; печ. текст – *HP II₂*. Л. 125; *РЭ II₂*. С. 132.

Первые: *ВЖ*, 1905, № 6, с. 153, в цикле "Нечаянная Радость".

Публикации: *II₁*. С. 133–134, в разд. "Нечаянная Радость"; *II₂*. С. 132, в разд. "Нечаянная Радость"; *CP*. С. 13; *III₂*, С. 215, в разд. "Родина"; *II₄*. С. 12; *II₅*. С. 15–16.

В записной книжке имеется набросок ст. 1–2 и текст стихотворения, представляющий собой первоначальную редакцию, впоследствии зачеркнутые Блоком (см.: *Иванов-Разумник*. Л. 115–116).

Основная редакция текста представлена в первой публикации, в *II₁* и *II₂*. В *CP* стихотворение напечатано без 5-й строфы (ст. 17–20). В *РЭ II₂* ст. 13–20 зачеркнуты, в *III₂* они не вошли. В *II₄* Блок вернулся к тексту первой публикации.

Первая строфа стихотворения открывает арию Невесты ("Невеста ждет жениха") для симфонической кантаты Ю. Шапорина "На поле Куликовом" (*ЧА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 4. См. т. 4. наст. изд.). Опубл.: *НС*. С. 142.

3. Гиппиус, отрицательно оценивая неприятие Блоком идеи "религиозной общечеловечности", писала в статье "Декадентство и общественность": «Нежный Блок из новейших все поет себе самому про к нему одному приходящую, им одним виденную "Царицу", "Деву" (...) Видит себя и ее, для себя и для нее слагает гимны» (*Антон Крайний*. Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908. С. 341; впервые: *Весы*, 1906. № 5. С. 30–37, за подписью: "Д. Мережковский"). Н. Абрамович приводит стихотворение как один из примеров "религиозности, чуждой грубой фальши официозности, вышедшей из недр народной души, слитой с родной природой и с укладом народной психики и отраженной во всех этих живых чертах красивым дарованием Нестерова" (*Абрамович Н. Стихийность в молодой поэзии // Образование*. 1907. № 11. С. 22. 2-я паг.).

Я живу в отдаленном скиту... Скит – жилище монаха-отшельника, удаленное от монастыря. Мотив отшельничества, монашеского служения перекликается с образом

инока в "первом томе" лирики Блока ("Я, отрок, зажигаю свечи...", "Брожу в стенах монастыря...", т. 1 наст. изд.).

Та, что нынче читала псалмы, – // Та монахиня, верно, умрет и след. – Цитируя эти стихи, В. Львов-Рогачевский писал: «И перед вами, точно на полотне Нестерова, вырисовывается белый монастырь, прозрачная дева, "золотая осень разлук". Этому белому монастырю, этой умирающей природе близка муза Александра Блока» (*Львов-Рогачевский В. Лирика современной души // СМир*. 1910. № 8. С. 17. 2-я паг.). О мотиве смерти лирической героини в "первом томе" см. коммент. к стих. "Тихо вечерние тени..." (т. 1 наст. изд.).

Псалтирь, или Книга псалмов. – Одна из книг Ветхого Завета, состоящая из 150 псалмов, приписываемых царю Давиду. В православной службе псалмы читаются при утреннем и вечернем богослужении.

...Вкруг лица улыбалась печаль. ~ Но сквозила за окнами даль... ~ Мне прозрачная дева близка... – Ср. рассуждения Блока о смысле заглавия стихотворного сборника Вяч. Иванова "Прозрачность" (М., 1904): «"Прозрачность" – есть символ, – то, что содельывает "сквозным покрывалом Майи". За покрывалом открывается мир – целое. Именно такое значение имел постоянный "пейзаж" в узких рамках окон или за плечами "Мадонн" Возрождения. "Мадонна" Лиза – Джококонда Винчи, у которой "прозрачность реет в улыбке", открывает перед нами мир – за воздушным покрывалом глаз. (...) Может быть, только по условиям "техники", "пейзаж" замечен лишь по бокам фигуры: он должен светиться и *сквозь улыбку*, открываясь как многообразие *целого мира*» (СС-85. С. 16). С. Соловьев, вспоминая о своем посещении Блока в 1910 г., писал: "На стене висела фотография Моны Лизы. Блок указывал мне на фон Леонардо, на эти скалистые дали, и говорил: "Все это – она, это просвечивает сквозь ее лицо" (*Воспоминания*, I. С. 126). Подробнее см.: *Грякалова Н.Ю.* Об одной реминисценции у А. Блока: ("Мона Лиза" Леонардо да Винчи) // *Русская литература*. 1987. № 2.

...границ; Царицу. – Употребленную здесь неравносложную рифму А. Белый расценивал как свидетельство пристрастия Блока периода "второго тома" "к зыбко-расплывчатым ритмам и рифмам" (*Белый*, I. С. 171). Об этой же особенности блоковской поэтики критически отзывалась и З. Гиппиус: «Раз он (А. Белый. – *Ред.*) прочел (...) новое стихотворение Блока, где рифмовалось "ниц" и "царицу". Стихотворение было хорошее, но рифма меня не очаровала» (*Гиппиус З. Живые лица*. Мюнхен, 1971. С. 29; ср.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 220). Ср. в воспоминаниях А. Белого: «Я помню, с каким торжеством Мережковский однажды (...) прочел четверостишие (...) А(лександра) А(лександровича), где рифмуются странно "границ" и "цариц-у" (...) " (...) в этом "ууу" ведь все дело; "ууу" – блоковский хаос, радение, отвратительное хлыстовство» (*Белый*, 2. С. 197).

И мечта воздвигает Царицу. – Отождествление женского лирического образа с мистической Царицей характерно для "соловьевских" настроений "первого тома" (ср. стих. Вл. Соловьева "У царицы моей есть высокий дворец...", 1875).

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

Осень думы мои золотит (ЧА ЗК₁₀, первоначальная редакция, ст. 4, вар. б). – Ср.: "Золотит моя страстная осень // Твои думы и кудри твои" (ноябрь 1902), т. 4 наст. изд. В письме к А. Белому от 13 октября 1903 г. Блок цигировал его слова из письма от 19 августа 1903 г.: «"Осень озолотила" и прошла». 23 августа 1904 г. Блок сообщал тому же корреспонденту из Шахматова: "Но вчера, в золотой осенний вечер, прилетело тринадцать журавлей. Стало тихо и очень хорошо (...) Осень уж золотит листья и сердце".

ТВАРИ ВЕСЕННИЕ
(ИЗ АЛЬБОМА "KINDISCH"* Т.Н. ГИППИУС)
("Золотисты лица купальницы...")

(С. 13)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – ИРЛИ*, Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 1 ("Послание к лесным тварям из альбома "Kindisch" Татьяны Николаевны Гиппиус"), "СПб. 18 февраля 1905 года", подпись – "Александр Блок"; *АСП – Т₄*. Л. 59–60 ("Послание к лесным тварям из альбома "Kindisch" Т.Н. Гиппиус"; "Лесные твари"), "18 февр. – 19 февр." (над текстом), "18–19 февраля", текст рукой Л.Д. Блок, дата, варианты заглавия и правка рукой Блока; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–1 об.; *АС – НР II₂*. Л. 13, 14, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: Весы. 1906. № 5. С. 7–8, в цикле "Тишина цветет. Восемь стихотворений".

Публикации: *II₁*. С. 9–10, в разд. "Весеннее"; *II₂*. С. 5–6, в разд. "Весеннее"; *II₃*. С. 14–15; *II₄*. С. 13–14; *II₅*. С. 16–17.

Варианты стихов 22–26, (27–30), 27–28, (31–37) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 116.

К первой строфе стихотворения близка вторая строфа наброска "Трепетной девушке ночью..." (*ЭК₁₀*. Л. 17 об.):

Лица закрыли купальницы –
Стебель колышется влажный
В кельи проходят молчальницы,
() скважины.

(См. т. 4 наст. изд.). Опубл.: *ЭК-1930*. С. 40.

В *Т₄* воспроизведен текст *БА ИРЛИ*, который подвергся правке, по-видимому, в 1906 г. перед первой публикацией. Переработка прибилизала текст к основному; ст. между 26 и 27 – зачеркнуты, впервые появляются ст. 36–39. Наборной рукописью для публикации в "Весах" послужил *БА ИМЛИ*. В этом же автографе представлен окончательный вариант заглавия и подзаголовка. В *БА ИРЛИ* в ст. 14 поставлено ударение: "Издали".

Строфика стихотворения варьировалась. В *РЭ II₂* дано деление на строфы, не совпадающее со строфическим делением в основном тексте. Здесь же проставлена дата "18–19 февраля 1905" и содержится помета: "П(узыри) З(емли)".

Стихотворение Блок включил в сборник "Круглый год. Стихотворения для детей" (М., 1913), но оно было изъято редактором (см.: *Корсаков Р.* [*Иванов-Разумник*]). Стихи А. Блока для детей // *Детская литература*. 1940. № 11–12. С. 78–79).

В письме к А. Белому от 19 февраля 1905 г. Блок сообщал: «У Мережковских был журфикс (...) Мы сидели с Татой (Т.Н. Гиппиус. – *Ред.*) и Ивановым (Е.П. Ивановым – *Ред.*) и смотрели альбом "Kindisch", результатом чего было мое послание к чертям из Татиного альбома». Об этом же вечере писала А. Белому и З. Гиппиус: «У нас был вечер (...) был, между прочим, и Блок, но Тата увела его в свою "пещеру", и там они все рассматривали ее альбомы, а на другой день Блок принес Тате стихи, написанные на эти альбомы» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 221). См. также воспоминания Е.П. Иванова (*БС-1*. С. 363) и А. Белого (*Белый, 3*. С. 214).

* "Детское" (нем.).

Отвечая Блоку на подаренное им стихотворение, Т. Гиппиус писала, одновременно комментируя и собственные рисунки: «...с искренней готовностью я показывала Вам свои рисунки, Александр Александрович. Очень отраднo, когда выясняется, что человек относится к серьезному с серьезностью: без "критики" художников и без "хихишек" публики. Только так и возможно. Стихи ваши чистая и верная нота. И конец верный, очень хороший. Под одним освещением – это все так. Ведь "они" мои прежние друзья. Хоть и прошла мимо них, да не все могли остаться без меня. Разные есть. Серьезные – те, молчаливые – тихо идут за мной, вдали. Очень любят меня. Упорно. Тех не гоню: люблю. Эти – из ваших стихов, вашей ноты. А другие – (как бы Сологубовской ноты) – веселые, смеются и вовсе меня не любят. Не гоню и этих – чтоб хуже не было. А все-таки подонышки они все, – остаточки, остаточки» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 2–2 об.).

Гиппиус Татьяна Николаевна (1877–1957) – художница, рисунки которой на фольклорно-мифологические темы отражали общее для символизма увлечение "низшей мифологией". С. Городецкий писал Блоку о рисунках Т. Гиппиус: "Я теперь знаю, почему мне так сразу полюбились рисунки Т. Гиппиус и почему они вообще сразу любятся: они воссоздают то, что не было создано и что могло быть прекрасным – русскую мифологию" (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 19). Воспоминания А. Белого также дают представление о характере альбомов Гиппиус: «...я подружился с "Татой" {...} у нее был альбом и в него зарисовывала она все фантазии, образы, сны, сопровождаая эскизы порой комментарием" (*Белый*, 2. С. 175).

В рецензиях на *II* это стихотворение было отмечено критиками особо. Б. Садовской называл его среди "жемчужин блоковской поэзии" (*PM*. 1907. № 3. С. 1. 3-я паг.). Н. Абрамович писал, что в «причудливых набросках "весенних тварей" отражается острое и тонкое веяние чувств природы» (Книга. 1907. № 16. С. 11), и считал, что здесь "еще сильней, свежее веет свободной девственностью природы" (Образование. 1907. № 2а. С. 93). По его мнению, стихотворение напоминает "вещицы Клингера, его наброски пером" (Образование. 1907. № 11. С. 23. 2-я паг.). *Клинггер Макс* (1857–1920) – немецкий живописец, график, скульптор, представитель стиля "модерн". Критик М. П. Миклашевский, рассматривая стихотворение как образец "мифотворчества", отмечал: «Опять смутное, но в данном случае уместное, настроение предутренней поры в лесу у пруда; живое, переносящее вас в природу, изображение лесной нежити – "купальниц" и грациозно-комичное в конце возвращение к человеческому миру, при восходе солнца» (*М. Неведомский [Миклашевский М. П.]*. В защиту искусства // – *СМир*. 1908. № 4. С. 236).

Из отрицательных откликов выделялась статья А. Белого "Штемпелеванная калоша", в которой намеренно пародировались образы второй книги Блока и данного стихотворения: «Жену, облеченную в Солнце (символ борьбы с ужасом), мистики богоспасаемой столицы превратили в калошу {...} Все остались довольны и внесли калошу в храм. Неудивительно, что скоро "всякий чертик запросится в оскверненное святилище» (Весы. 1907. № 5. С. 52). В фельетонном тоне была выдержана заметка А. Коринфского "В дебрях и тундрах современной литературы..." (Голос правды. 1906. № 405. 8 февр.; подпись: Литературный Старовер).

Золотисты лица купальниц и след. – Как пишет в своих воспоминаниях М. А. Бекетова, «на одной из сыроватых полян Праслова (казенный лес неподалеку от Шахматова. – *Ред.*) цвели по веснам толпы высоких купальниц. Очевидно, именно это место, где попадались там и сям и обросшие мохом упавшие деревья, навело впоследствии Блока на мысль об его стихотворении) "Золотисты лица купальниц"» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 700). *Купальницы* – растение семейства лютиковых с желтыми цветками.

купальниц; молчальницы; влажен: важной – Употребление Блоком неравносложной и неточной рифмы А. Белый расценивал как свидетельство "пристрастия" Блока к "зыбко-расплывчатым ритмам и рифмам", подчеркивая, что им "сознательно вводятся мило-неверный рифмы" (*Белый, I. С. 171*). См. коммент. к стих. "Я живу в отдаленном скиту..."

...Молчать повелено (...) Мы еще помолчим (...) светись. // *Светлячок, молчаливой понятный!* – Тема молчания, восходящая к религиозно-мистической традиции (исихазм), здесь связана с важным для Блока и символизма в целом мотивом "великой Тишины". Ср. программные стихотворения Д. Мережковского "Тишина" ("Бог – в тишине"), "Не надо звуков", стихотворный сборник К. Бальмонта "Тишина", а также статьи Блока "Творчество Вячеслава Иванова" и "Безвременье", его рецензию на книгу Брюсова "СТЕФАНΟΣ. Венок". (М., 1906). См. ниже коммент. к разделу "Другие редакции и варианты".

Окрестности мхами завалены. // Волосы ночи натянуты туго на срубы // И пни. – В контексте стихотворения мох, волосы – демонические образы хаоса. Ср. в рецензии К. Бальмонта на книгу С.В. Максимова: «Да, от земли и до неба мы видим сплошной дремучий лес (...) Все странно, все страшно здесь. Рядом с молодою жизнью – деревья, приговоренные к смерти" и уже гниющие в сердцевине, и уже сгнившие сплошь, в моховом своем саване. Здесь вечный мрак, здесь влажная погребная прохлада (...), здесь движения нет, здесь крики и звуки пугают сознание и чувство...» (Весы. 1904. № 3. С. 36). Автореминисценция образа "волосы ночи" – в статье "Безвременье" (октябрь 1906 г.): "...ночь мирно свивает и развивает концы своих волос-вервий".

Издали начинаем вникать в отдаленные трубы. // Приближаются новые дни. – Апокалиптическая символика архангельской трубы, долженствующей возвестить о втором пришествии Спасителя и наступлении "новой жизни", соединенная с эсхатологическими чаяниями "соловьевцев". Ср. в статье А. Белого "Формы искусства": "Труба Архангела – это апокалиптическая музыка – не разбудит ли нас к окончательному постижению явлений мира? – Музыка о будущем" (Мир искусства. 1902, № 12. С. 357) – место, обратившее на себя внимание Блока (см. его письмо к А. Белому от 3 января 1903 г.). Ср. также в письме А. Белого к Блоку от 6 января 1903 г.: "Наша музыка только знак. Углубляясь, нам звучат удаленные призывы – чуть-чуть трубы, чуть-чуть петушьи пенья. Музыка связана с будущим, с тем, что нисходит в нашу область из высших стадий астрального. "Новое небо", "новая земля" – "новый образ мира сего" (*Блок и Белый. С. 3, 10–11*).

Чуда! о, чуда! – Ср.: "Но сердце хочет и просит чуда, // Чуда!" – в программном стихотворении З. Гиппиус "Песня", открывающем ее "Собрание стихов" (М., 1904. С. 2). Ср. в рецензии Блока на сборник стихов П. Соловьевой "Иней" (апрель – начало мая 1905 г.): "Только тот, кто воистину слышит шелест будущей тишины, тихую поступь чуда; кто воистину принял весть благую о не ускользающем, но пребывающем; – только тот бесстрашно отречется от тленного во имя нетления" (*СС-85. С. 566*). Ср. также статью Блока "Драматический театр В.Ф. Коммиссаржевской" (ноябрь 1906 г.).

С ночкой вы не радели... – Радения – у хлыстов, скопцов и других сектантов род богослужения, отправляющегося ночью и сопровождающегося верчением и пением радельных песен. Интерес к культовой стороне сектантства был характерен для многих символистов. См. дневниковые записи Е.П. Иванова от 1 и 8 мая 1905 г. о "жертве" на квартире у Н. Минского (*БС-1. С. 393*).

...Вы, зеленые, крепкие, малые ~ По седым прудам. – Ср. песню русалок в пьесе З. Гиппиус "Святая кровь" (1900):

Мы, озерные, речные, лесные,
долинные и пустынные,
подземные и наземные,
великие и малые,
мохнатые и голые...

и реплику Русалочки: "Мы ведь в туман растаем, и конец всему" (*Гиппиус З.* Третья книга рассказов. СПб., 1902. С. 445, 450).

Скоро каждый чертик запросится // Ко Святым Местам. – Мотив приобщения лесной "нечисти" к христианству, характерный для символистской литературы 1900-х годов. Ср., например, "сказку" П. Соловьевой "Как бесенок попал на елку" (*Соловьева П.* Елка: Стихи для детей / Рис. автора, Т. Гиппиус и др. СПб., 1906), упомянутую выше пьесу З. Гиппиус "Святая кровь". Л. Столица в статье "Христианнейший поэт XX века. Об Александре Блоке" писала: "...в духе примитивного христианства относится (...) поэт к зеленым тварям, темным и бледным. Стоит в чаще, светлый и строгий, как царевич Дмитрий, или князь Глеб, у ног его – благодарные и малые звери – чертенята и карлы, лягушки и другие гады, а над головой его – Дева-Заря со своим лазоревым покровом" (Новое вино. 1913. № 2. С. 13). Ср. дневниковую запись Е.П. Иванова от 25 января 1905 г. о своеобразном "двоеверии" Блока (*БС-1*. С. 390). *Святые Места.* – Места паломничества христиан, связанные с событиями земной жизни Иисуса Христа и святых мучеников.

Другие редакции и варианты

Тишина цветет. – Заглавие цикла, в составе которого стихотворение было опубликовано впервые, имело для Блока принципиальное значение. Ср. рассуждения о путях развития современной поэзии в его рецензии на сборник П. Соловьевой "Иней": "Русская поэзия приближалась к нечаянной радости двумя путями: сквозь огонь и гром, и сквозь вещую тишину. Второй путь был всегда более свойствен русским поэтам, – они много печаловались и умели просто грустить: так умели, что к тем, кто теперь хочет быть простым, – мы предъявляем непомерные требования; (...) а между тем именно теперь особенно хочется тишины и простоты (...) И вот мы встречаем новую и тихую поэзию. Она нова, потому что подошла в упор к открывшимся глубинам, и тиха, потому что только смотрит в них грустными целомудренными глазами" (*СС-85*. С. 565–566). Образ "вещей тишины" – возможная реминисценция из стих. Ф. Сологуба "Еще томительно горя..." (1904): "И, как далекий, тихий звон, – // Дыханье вещей тишины". Ср. заглавие стих. "Тишина цветет" (октябрь 1906 г.) и коммент. к нему.

Познакомившись с подборкой, куда входили также стихотворения "На весеннем пути в теремок...", "Болотный попик", П.П. Перцов писал Блоку 27 января 1906 г.: "Захватите что-нибудь из новых Ваших стихов, которые меня весьма заинтересовали у Брюсова. Вы начинаете что-то новое, удивительно *желанное* – именно то самое, что ожидалось" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 463).

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

("На весенней проталинке...")

(С. 14)

Автографы и авторизованные тексты: *АС-Т4*. Л. 66–66 об., "17 апреля. Пасха", текст рукой Л.Д. Блок, исправления рукой Блока; *БА1 РГБ* – Ф. 25. Карт. 11. Ед.хр. 48. Л. 2–2 об., в письме к Андрею Белому от 19 мая 1905 г.; *БА2 РГБ* – Ф. 25. Карт. 11.

Ед.хр. 63, "1905.IV.17. Пасха", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *БА-ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед.хр. 8. Л. 1-1 об.; *АС-НР II*₂. Л. 11, 12, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (заглавие – рукой Блока); *Кор. II*₂; печ. текст – *Изборник*. Л. 66.

Впервые: *Весы*. 1906. № 5, с. 5–6, без заглавия, в цикле "Тишина цветет. Восемь стихотворений".

Публикации: *II*₁. С. 7, без заглавия, в разд. "Весеннее"; *КРП*. С. 317–318, "1905", без заглавия; *II*₂. С. 4–5, в разд. "Весеннее"; *ИСП*. С. 11–12; *II*₃. С. 16–17; *II*₄. С. 15–16; *II*₅. С. 18–19.

Заглавие впервые появляется в *II*₁ в оглавлении. Варианты заглавия ("Маленький попик" и "Маленький священник") зафиксированы в *ЗК*₁₀ (*ЗК*. С. 68). Строфика стихотворения варьировалась и в автографах, и в публикациях (см. "Другие редакции и варианты").

В собрании В.Г. Лидина хранился автограф стихотворения из альбома А.А. Кондратьева, куда он был вписан Блоком в 1905 г. (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 553). В настоящее время его местонахождение неизвестно.

Стихотворение Блок включил в сборник "Круглый год", но оно было изъято издателем (*Р. Корсаков [Иванов-Разумник]*). Стихи А. Блока для детей // *Детская литература*. 1940. № 11–12. С. 78–79). По неосуществленному замыслу Блока должно было входить в книгу для детей (Там же. С. 79).

В ответ на присланное вместе с тремя стихотворениями письмо Блока от 19 мая 1905 г. (см. коммент. к стих. "Вступление" 552), А. Белый писал, что это стихотворение ему "по настроению наиболее близко" (*Блок и Белый*. С. 134). А. Белый показал его С. Соловьеву, о чем свидетельствует письмо последнего к Блоку, датированное концом мая 1905 г. (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 397).

В письме от 27 января 1906 г. П.П. Перцов просил Блока принести "стихи о лягушечьей лапе и римском папе (...) Хотелось бы их перечитывать" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 463. См. также коммент. к предыдущему стихотворению). И. Гюнтер в письме к Блоку от 19 января 1907 г. отмечал, что «из "Нечаянной Радости" почти больше всего понравился "болотный попик". "И за римского папу" – вот это чудо» (*РГБ*. Ф. 109. Л. 2). Стихотворение было переведено Р. Вальтером на немецкий язык (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 182).

В связи с историей создания стихотворения А. Белый писал: «Блок считает, что образы попиков лишь "поседелых туманов развалины"; или, быть может, переработка от восприятия альбомчиков Т.Н. Гиппиус, рисовавшей в огромном количестве "попиков" (знаю я: те альбомы А(лександр) А(лександрович) с удовольствием долго рассматривал, очень любя их; и после уже появились в стихах его все персонажи набросков Т(атьяны) Н(иколаевны)» (*Белый*, 3. С. 214; см. коммент. к предыдущему стихотворению). С. Городецкий, сблизившийся с Блоком в 1905 г., вспоминал: "Прилив сил, освеженное чувство природы, детски чистое ощущение цельности мироздания дал Блоку Пятый год. Летом он увидел болотного попика, бога тварей, что было большой дерзостью тогда" (*Воспоминания*, 1. С. 330).

Критики по-разному отнеслись к стихотворению. По мнению А. Коринфского, «"попик болотный" это уже почище сологубовского "Елкича". Стоит этот попик, молится, улыбается, крестит лягушек» (*Голос правды*. 1906. № 405. 8 февр.; подпись: Литературный Старовер). Близкий к символизму А. Кондратьев высказывал противоположную точку зрения: «...под его (Блока. – *Ред.*) пером рождаются такие шедевры, как молящийся Великому Пану наших лесов "болотный попик"» (*Перевал*. 1907. № 3. С. 57–58). Б. Садовской в рецензии на *II*₁ относил стихотворение к "изумительным по

красоте весенним напевам" и называл его среди "жемчужин блоковской поэзии" (*РМ*. 1907. № 3. С. 1. 3-я паг.). Н. Абрамович отмечал: «Красиво также стихотворение "На весенней проталинке...", вводящее в живой и дикий болотный мирок, пахнущий тиной и камышом, где виднеется "болотный попик"» (*Образование*. 1907. № 2а. С. 93), а в статье "Стихийность в молодой поэзии" он сравнивал стихотворение с "вещицами Клингера" (*Образование*. 1907. № 11. С. 22. О Клингере см. коммент. к предыдущему стихотворению). М. Волошин, определив лирику Блока как "поэзию сонного сознания", иллюстрировал свою мысль следующим образом: "Поля зацветают, просыпаются и кишат маленькими мохнатыми и смешными существами, видимыми оку поэта, просветленному сном. Маленький "болотный попик" виднеется на весенней проталинке и творит вечернюю молитву" (*Русь*. 1907. № 101. 11 апр.). В резко отрицательной рецензии на *П₁* А. Белый писал: «И нам становится больно, когда вечерняя заря обвивает не только "вечернюю проталинку", но и того, кто на ней. А на ней "Попик болотный виднеется..."» (*Перевал*. 1907. № 4. С. 60). Позже он пытался объяснить "древнеславянские", "языческие" корни этих образов: «...эти "попики", "чертенята" второго этапа поэзии суть не русские, а Радимичи, Вятичи, Кривичи; Блок в стихах древнее славянофилов: кривич он (...) литургия Небесному Лику кончается в Блоке *славянскими святками на болоте*" (*Белый А. Поэзия Блока // Ветвь*. М., 1917. С. 278).

Ветхая ряска над кочкой // Чернеется... – Каламбурное обыгрывание двух значений слова "ряска": "болотное растение" и (уменьшит.) "одежда православного духовенства" (ср. у В.И. Даля: "поповская ряса").

И лягушке хромой, ковыляющей (...) // *Перевяжет болящую лапу.* – Стихотворение создавалось по впечатлениям от альбомов Т.Н. Гиппиус (см. коммент. к предыдущему стихотворению) и, возможно, отразило некоторые детали литературного быта символистов. А.М. Ремизов в дневнике за 1905 г. оставил запись о подаренной ему З. Гиппиус зимой 1905 г. "высушенной лягушке об одной лапке" (*Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма*. Берлин, 1923. С. 22).

"НА ВЕСЕННЕМ ПУТИ В ТЕРЕМОК..."

(С. 15)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₄*. Л. 67–67 об., "12–24 апреля", текст рукой Л.Д. Блок, исправления рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед.хр. 47. Л. 1 об.–2, в письме к Андрею Белому от 19 мая 1905 г.; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед.хр. 8. Л. 1; *АС – НР П₂*. Л. 10, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – *Изборник*. Л. 67.

Впервые: *Весы*. 1906. № 5. С. 3–4, в цикле "Тишина цветет. Восемь стихотворений".

Публикации: *П₁*. С. 5–6, в разд. "Весеннее"; *ЧД-1909*. С. 478; *П₂*. С. 3–4, в разд. "Весеннее"; *ЧД-1912*. С. 603; *ИСП*. С. 10; *П₃*. С. 18; *П₄*. С. 17; *П₅*. С. 19–20.

В РЭ *П₂* вписано и зачеркнуто заглавие "Весна и колдун", имеется помета: "П(узыри) З(емли)", под текстом дата: "12–24 апреля 1905".

В ответ на присланное вместе с тремя стихотворениями письмо Блока от 19 мая 1905 г. (см. коммент. к стих. "Вступление"). А. Белый писал, что это стихотворение "наиболее неожиданно" (*Блок и Белый*. С. 134). Ср. также письмо П.П. Перцова к Блоку от 27 января 1906 г. (см. коммент. к стих. "Твари весенние").

Б. Садовской в рецензии на *П₁* оценил стихотворение как одну из "жемчужин блоковской поэзии" (*РМ*. 1907. № 3. С. 1. 3-я паг.). Н. Абрамович отнес его к стихотворениям, "носящим следы тонкой лирической отделки", особенно выделив стихи 7–9 (*Образование*. 1907. № 2а. С. 93), а в статье "Стихийность в молодой поэзии" приводил его как пример произведения, в котором чувствуется "если не стихийность в полном смысле слова, то, во всяком случае, свежее веянье природы, оригинально воспринимаемое" (*Образование*. 1907. № 11. С. 22, 23. 2-я паг.). А. Белый в рецензии на *П₁* приводил стихотворение в качестве иллюстрации того, как «удивительно соединен тончайший демонизм (...) с простой грустью бедной природы русской (...) соединен в бирюзовой нежности просвета болотного, в вечном покое зеленых мхов. И нам страшно этого покоя: зачем эта нежность, когда он – "прелесть", навождение» (*Перевал*. 1907. № 4. С. 60). М. Волошин, цитируя стихи 6–9, подтверждал свою мысль о Блоке как поэте "сонного сознания" (*Русь*. 1907. № 101. 11 апр.). Вл. Самойло пытался истолковать образы стихотворения с помощью социологической схемы: "Такой же примирительной, консервативной, как политика, оказывается у Блока и романтическая природа. Борьбы весны с "колдуном" зимы, – весны как революции, – у Блока нет" (*Самойло Вл.* Александр Блок. Основные мотивы поэзии // *Туманы*. Минск, 1909. С. 51).

И ушла в синеватую даль, // Где дымилась весенняя таль... – В "Примечаниях" к *П₂* Блок, поясняя, что «слово "таль" – старое русское», встречающееся "еще в XVIII веке – у А.Т. Болотова" (см. с. 558 наст. тома), имел в виду стихотворение Болотова "К весне во время еще первейших зимою талей" (*Критико-биографический словарь русских писателей и ученых С.А. Венгерова*. СПб., 1897. Т. 5. С. 116–117). Это стихотворение Блок упоминает в письме к В. Брюсову от 23 февраля 1904 г.: «Я занимаюсь теперь специально записками А.Т. Болотова. Не найдут ли "Весы" возможным напечатать небольшую статейку мою о нем, если я найду библиографические и критические материалы о человеке, писавшем стихи "К дерновой канаве" и "К весне во время еще первейших зимою талей"».

...Так венчалась весна с колдуном. – Мотив венчания в лесу – отзвук языческого обряда бракосочетания в священной роще (*Шляпки И.А.* Лекции по истории русской литературы. 3-е изд. Пг., 1915. Ч. 1. С. 278, литографированное изд.). *Шляпки Илья Александрович* (1858–1918) – профессор Петербургского ун-та. Его курс по истории русской словесности Блок слушал в 1902–1903 и 1904–1905 учебных годах. См.: *Кумпан К.А.* Александр Блок – выпускник университета // *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1983. Т. 42. № 2.

"ПОЛЮБИ ЭТУ ВЕЧНОСТЬ БОЛОТ..."

(С. 16)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₁₀*. Л. 9 об.–9, 13 об.; *ЧН₂ – ЗК₁₁*, Л. 37 (см.: *Иванов-Разумник*. Л. 117); *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 72; *АС – Т₄*. Л. 101 об., рукой Л.Д. Блок; *АС – НР₂*. Л. 128, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – *Изборник*. Л. 69.

Первые: Понедельники газ. "Слово", 1906, № 18, 26 июня. С. 1.

Публикации: *П₁*. С. 139, в разд. "Нечаянная Радость"; *П₂*. С. 134–135, в разд. "Нечаянная Радость"; *СР*. С. 19; *П₃*. С. 23; *П₄*. С. 18; *П₅*. С. 20.

В *ЗК₁₀* представлен набросок стихотворения (*ЧН₁*), в котором первые шесть стихов (Л. 13 об.) записаны позднее остальных, о чем свидетельствует помета на л. 9 об.

перед частью наброска того же стихотворения: "См. дальше еще". В *ЗК₁₁* имеется набросок (*ЧН₂*) и черновой автограф с правкой. В *Т₄* стихотворение имеет порядковый номер "I" и объединено со стихотворениями "Белый конь чуть ступает усталой ногой..." ("II"), "Болото – глубокая впадина..." ("III"), "Не строй жилищ у речных излучин..." ("IV"), сопровождаемыми авторской пометой: "4 стихотворения, напис(анных) летом 1905 и отделанных позже" (Л. 101 об.).

Основная редакция текста представлена в *Т₄* и первой публикации. В РЭ *И₂* ст. 9–12 зачеркнуты, в *И₃* они не вошли, восстановлены в *И₄*. Без третьей строфы Блок предполагал печатать стихотворение и в *Изборнике*.

В РЭ *И₂* дата "лето–осень 1905" и помета "П(узыри) З(емли)".

Стихотворение было отдано П.П. Перцову для публикации в "Понедельниках" газеты "Слово" в ответ на его просьбу "принести стихи" "о болотном" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 463). Критики 1910-х годов видели в стихотворении выражение любви к "земле настоящего" "в чайныи земли Грядущего" (*Свенельд*. Религия иллюзии: (Поэзия Ал. Блока) // Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. СПб., 1914. Вып. 4. С. 10–12).

Полюби эту вечность болот ~ Неизменно предвечны они... – Пантеистический мотив вечного вневременного порождения природы безличным божеством.

Этот злак, что сгорел, – не умрет. // Этот куст – без истления – тощ. – Содержание стихотворения соотносено с заключенной в евангельской притче о зерне идеей вечного нетления (см.: *Ин*. XII. 24; ср.: *Мф*. XIII. 5–6).

...без истления... – Ср. в молитвенной "Песни Пресвятой Богородице": "(...) без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу тя величаем".

Безначальная доля свята. // Это Вечность Сама снизошла... – Характерное для пантеизма низведение Бога в природу.

"БЕЛЫЙ КОНЬ ЧУТЬ СТУПАЕТ УСТАЛОЙ НОГОЙ..."

(С. 16)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₁₀*. Л. 12; *ЧА – ЗК₁₀*. Л. 12 об.–13, 14; *АС – Т₄*. Л. 101 об.–102, рукой Л.Д. Блок; *АС – НР И₂*. Л. 127, "Новоселки", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (помета под текстом – рукой Блока); *Кор И₄*. Л. 1.

Впервые: Понедельники газ. "Слово", 1906, № 13, 15 мая. С. 1, без деления на четверостишия.

Публикации: *И₁*, с. 137–138, в разд. "Нечаянная Радость"; *И₂*. С. 134, "Новоселки", в разд. "Нечаянная Радость"; *И₃*. С. 217, в разд. "Родина"; *И₄*. С. 19; *И₅*. С. 20–21.

В *ЗК₁₀* представлены наброски (*ЧН* см.: *Иванов-Разумник*. Л. 118) и черновая редакция стихотворения. Над текстом *ЧА* запись: "Белый конь умер". В *Т₄* отмечено порядковым номером "II" (см. об этом в коммент. к предыдущему стихотворению).

Основной текст сложился к моменту первой публикации. В РЭ *И₂* Блок зачеркнул ст. 9–12, в *И₃* они не вошли.

Было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ)*. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Стихотворение, построенное на символах лирики Блока "первого тома", одновременно рисует ущербность, закат мира Прекрасной Дамы.

Н. Абрамович в статье "Стихийность в молодой поэзии" приводит стихотворение как пример произведения, проникнутого "настроениями полотен" Нестерова (Образование. 1907. № 11. С. 22. 2-я паг.; см. также коммент. к стих. "Я живу в отдаленном скиту..."). П.П. Перцов сравнивал стихотворение с выполненным Блоком переводом "Цирцей" С.-Ш. Леконта и отмечал близость обоих произведений "фетовской гамме звуков", «ибо пьеса "Белый конь чуть ступает усталой ногой..." снова вызывает в звуковой памяти напевы "Вечерних огней": "Ночь лазурная смотрит на скошенный луг..."» (Перцов. С. 52).

Белый конь чуть ступает усталой ногой... – Образ имеет биографический подтекст. См. в воспоминаниях М.А. Бекетовой: «Тот белый конь, который упоминается в его лирических стихах и поэме "Возмездие", был высокая, статная лошадь с несомненными признаками заводской крови; его звали "Мальчик". Саша уезжал верхом иногда на целые дни и в этих поездках исколесил все окрестности Шахматова на далеком пространстве» (Воспоминания, 1. С. 60). Ср.: "Ты сомнешь меня в полном цвету // Белогрудым усталым конем" ("Мой любимый, мой князь, мой жених...", т. 1 наст. изд.) и коммент. к стих. "Я вышел в ночь – узнать, понять..." (т. 1 наст. изд.).

Схима – монашеский чин, налагающий на принявшего его строгие правила.

Алой ленты Твоей надо мной полоса... – Алая лента в свадебных песнях и обрядах – символ девичества, для раннего Блока также – деталь, придающая образу Вечной Женственности русский национальный колорит. Ср.: "В пестрых бусах, в алых лентах // Девушки цвели" ("Дали слепы, дни безгневны...", т. 1 наст. изд.). Ср. брачные мотивы в "Песне Судьбы": "Бросаю тебе мою алую ленту", "Ты бросила мне алую ленту с обрыва".

Змеевик – травянистое растение, имеющее толстое изогнутое корневище, откуда и произошло его народное название.

...На горе безмятежно поют голоса... – Гора – мистически осмысляемая деталь бобловского пейзажа. Ср.: "Там, над горой твоей высокой" ("Сегодня шла ты одиноко...", т. 1 наст. изд.), "Она росла за дальними горами...", "Ты горишь над высокой горой..." (Там же).

...закат Твой велик. – В. Львов-Рогачевский в статье "Лирика современной души" отмечал, что «у Александра Блока "Дева, Заря, Купина" выступает на фоне догорающего вечера. Образ средневековой Прекрасной Дамы принимает славянский облик», так как "в народных заговорах очень часто Заря сливается с ликом Божьей Матери"» (СМир. 1910. № 8. С. 18, 17. 2-я паг.). Ср. одно из наименований Прекрасной Дамы в "первом томе": "Закатная, Таинственная Дева" ("За городом в полях весною воздух дышит...", т. 1 наст. изд.).

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом, // Палачом раскаленной земли. – Мотив "небесного брака" Зари и Солнца, широко распространенный в мифопоэтической традиции. См.: *Суцзов Н.Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 49–50. Книга предлагалась И.А. Шляпкиным в числе обязательных источников в "Программе университетского курса по истории русской словесности" (М., 1915. 2-е изд. С. 29). Ср.: "И, Ясная, Ты с солнцем потекла" ("В бездействии младом, в передрабасветной лени...", т. 1 наст. изд.).

Но сквозь ели прощальный Твой луч мне знаком... – Ср.: "Чуть займутся Лучи Твой" ("Будет день, словно миг веселья...", т. 1 наст. изд.); "Спи ты, нежная спутница дней, // Залитых небывалым лучом" ("Вот он, ряд гробовых ступеней...", т. 1 наст. изд.).

В этих впадинах тихая дремлет вода, // Запирая ворота безумным ключам. – Ср. в рецензии К. Бальмонта на книгу С.В. Максимова "Нечистая, неведомая и крестная сила": "В лесных чащах великой России разбросаны небольшие, но глубокие озера, наполненные темной зачарованной водой {...} Там подземные ключи, которые пробиваются, уходят и переходят" (Весы. 1904. № 3. С. 37). О теме "подземных ключей", восходящей к стих. Ф. Тютчева "Silentium!", см. в коммент. к стих. "Безрадостные всходят семена..." (т. 1 наст. изд.). Заключительные строки стих. Тютчева "Поток сгустился и тускнеет...": "И внятно слышится порой // Ключа таинственного шепот" – процитированы Блоком в статье "Творчество Вячеслава Иванова" (СС-85. С. 12).

О, Владычица дней!.. – Владычица – обращение к Божьей Матери, часто употребляемое в православной богослужебной литературе. В лирике "первого тома" – одно из наименований Вечной Женственности. Ср.: "Но Владычицей вселенной, // Красотой неизреченной, // Я, случайный, бедный, тленный, // Может быть, любим" ("Сны раздумий небывалых...", т. 1 наст. изд.). Ср. также: "Владычица небес, земли и моря!" в стих. Вл. Соловьева "Я озарен осеннею улыбкой..." (см. коммент к стих. "Вступление", наст. том).

...алой лентой Твоей // Окружила Ты бледно-лазоревый свод! – Мифопоэтическая картина мира, восходящая к представлениям Вл. Соловьева о Вечной Женственности как всеобъемлющем космическом начале. Ср. также слова Поэта в лирической драме "Незнакомка" (1906): "Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию. Вот она кружит свой процветающий жезл" (СС-84. С. 79).

Знаю, ведаю ласку Подруги моей... – Ср. образы Подруги Светлой и Лучезарной Подруги у Вл. Соловьева. "Подруга Светлая" – заглавие стихотворного цикла Блока (Корона. 1908. Кн. 1. С. 61–77) и название первого раздела в ЗС.

Новоселки – деревня на пути из с. Тараканово в Боблово.

"БОЛОТО – ГЛУБОКАЯ ВПАДИНА..."

(С. 17)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₀. Л. 11–10; АС – Т₄. Л. 102–102 об., текст рукой Л.Д. Блок, правка рукой Блока; АС – НР II₂. Л. 129, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Первые: II₁. С. 140, в разд. "Нечаянная Радость".

Публикации: II₂. С. 135, в разд. "Нечаянная Радость"; II₃. С. 22; II₄. С. 20; II₅. С. 21–22.

Черновой автограф в ЗК₁₀, записанный карандашом, содержит позднейшую правку чернилами стихов 2, 3, 5, 8–9 (вар. б). В Т₄ отмечено порядковым номером "III" (см. об этом в коммент. к стих. "Полюби эту вечность болот..."). Правка в Т₄, вероятно, относится к 1907 г., так как приближает текст к тексту первой публикации, за исключением ст. 18.

В РЭ II₂ ст. 2 и 4 приведены к основному тексту. Здесь же помета: "Пузыри земли" и дата: "лето – осень 1905".

Окончательный текст – II₃.

Болото – глубокая впадина // Огромного ока земли и след. – В мифологических традициях глаз мифического существа (например, Одина в скандинавской мифологии) часто представляется в виде источника, омываемого водой, как слезами.

...Пробегает зеленая искра, // Чтобы снова погаснуть в болоте. ~ Это манит вас темная сила. – По русским народным представлениям, «"болотные огни" зажигают

водяные, чтобы заманивать и топить неосторожных путников» (Максимов С. С. 223). Ср.: "В блуждающих огнях видят вертящуюся нечистую силу" (Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. VI. С. 11). Об образах "блуждающих" и "болотных огней" в "первом томе" см. в коммент. к стих. "За туманом, за лесами..." и "Сбежал с горы и замер в чаще..." (т. 1 наст. изд.).

... А у девушек – ясно видны // За плечами белые крылья. – Возможная реминисценция мифопоэтического образа лебединых дев, встречающегося как в западноевропейском эпосе ("Эдда", "Песнь о Нибелунгах"), так и в русском фольклоре (см.: Афанасьев, 3. С. 188–189 и след.). Ср. также в "Песне Судьбы" слова Друга, обращенные к Елене, образ которой связан с представлениями Блока о Вечно-Женственном: "Еще с того холма я увидел ваше белое платье и как будто большие белые крылья у вас за плечами" (СС-84. С. 106.)

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА ("Побывала старушка у Троицы...")

(С. 18)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА₁ – ЗК₁₁. Л. 2 об.–3; ЧА – ЗК₁₁. Л. 19 об.–20; АС – Т₄. Л. 70–70 об., "Июль", текст рукой Л.Д. Блок, правка и дата рукой Блока; БА – РГБ. Ф. 25. Карт. 11. Ед.хр. 48, при письме к Андрею Белому от 19 июля 1905 г.; БА – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед.хр. 11. Л. 1; АС – НР II₂. Л. 15, 16, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (заглавие рукой Блока); печ. текст – НР Сказки – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 67. Л. 9–11; печ. текст – Изборник. Л. 70.

Впервые: Слово. Литературное приложение. 1906. № 9. 2 апр. С. 1, без заглавия.

Публикации: II₁. С. 11–12, без заглавия, в разд. "Весеннее"; ЧД-1909. С. 485–486, без заглавия; II₂. С. 6–7, в разд. "Весеннее"; ЧД-1912. С. 604–605, без заглавия; Сказки. С. 12–13; II₃. С. 20–21; II₄. С. 21–22; II₅. С. 22–23.

В ЗК₁₁ представлены две черновые редакции стихотворения (ЧА₁ и ЧА₂). В ЧА₁ строфы (им предшествовало двестишесте, не отраженное в основном тексте) расположены в следующем порядке по отношению к основному тексту: 7-я (ст. 25–28), 2-я (ст. 5–8), 4-я (ст. 13–16), 1-я (ст. 1–4). ЧА₂ начинался со строфы 1-й, далее шли наброски следующей – 2 строфа. Зачеркнув начальные стихи ЧА₂, Блок сделал выбор в пользу варианта ЧА₁. Далее в ЧА₂ строфы следовали в таком порядке по отношению к основному тексту: 3-я (ст. 9–12), 5-я (ст. 17–20), 6-я (ст. 21–24). Между строфами 3-й и 5-й – знак "NB", вероятно, обозначающий, что здесь должна была быть помещена 4-я строфа, написанная раньше (ЧА₁ ЗК₁₁, л. 3).

Основной текст сложился ко времени первой публикации, но заглавие и посвящение отсутствовали. Заглавие впервые появляется в II₂ (НР II₂). В НР Сказки ст. 21–28 зачеркнуты и в публикацию не вошли (см.: Р. Корсаков [Иванов-Разумник]. Стихи А. Блока для детей // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 78). По неосуществленному замыслу Блока стихотворение должно было входить в книгу для детей (Там же. С. 79).

В РЭ II₂ ст. 13–16 зачеркнуты, в II₃ они не вошли; в II₄ стихотворение вновь появляется в полном объеме. Без ст. 13–16 Блок предполагал также опубликовать стихотворение и в Изборнике.

В РЭ II₂ помета: "П(узыри) З(емли)" и дата: "июль 1905".

В письме от 28 марта 1906 г. П.П. Перцов просил разрешения Блока поместить именно это стихотворение в пасхальном номере «Литературного приложения к газете "Слово"». «Дело в том, – писал Перцов, – что пасхальный № наш при обилии стихов и всего прочего не имеет в себе, к великому моему горю, никакого подлежащего и отвечающего своей дате стихотворения! (...) Между тем Ваше стихотворение точно создано для этого случая. – Так бы и начать с него №!» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 464). Блок удовлетворил просьбу Перцова, забрав стихотворение из "Весов", куда оно было отдано для публикации (см. письмо Блока к Брюсову от 29 марта 1906 г.). В свою очередь, Перцов послал Брюсову письмо с извинениями за публикацию стихотворения, первоначально обещанного "Весам". По его словам, это стихотворение, которое он назвал "настоящим (во всех смыслах)", "провиденциально выручало №" (*Там же*. С. 493). «Я надеюсь также, – писал Перцов, – что и Вам не совсем безразличны "Приложения" и посему Вы простите мне это прегрешение хотя бы ради того эффекта, кот(орый) производит "декадентская" пасхальность этого стихотворения. Тернавцев уже обличал и громил меня, смущены, кажется, и другие добрые христиане. Посудите сами, как было пропустить такой случай» (*Там же*).

М. Волошин в рецензии на *II*₁ следующим образом комментировал процитированное им стихотворение: «Эти маленькие стихийные существа трогательны и благочестивы. Они верят по-своему и в Прекрасную Даму и в Христа – "своего полевого Христа"» (Русь. 1907. № 101. 11 апр.). А. Белый отрицательно отнесся к кощунственному, по его мнению, соединению "нечисти" и "Христа": «Здесь рыскает леший, а Блок увидел "своего полевого Христа". Не надо нам таких полевых Христов. Христос Бог да сохранит нас от таких пришествий!» (Перевал. 1907. № 4. С. 60). Вл. Самойло почувствовал в стихотворении "стремление к самостоятельному, к непосредственно-национальному – от наших русских низов, – от наших вечных "болот" – вверх, к русскому "полевому Христу"» (*Самойло Вл.* Александр Блок: Основные мотивы поэзии // Туманы. Минск, 1909. С. 57–58).

Григорию Е. – Адресат посвящения раскрыт Блоком в автографе стихотворения, посланном А. Белому при письме от 19 июля 1905 г. (см. раздел "Другие редакции и варианты" наст. тома). 6 августа 1905 г. Блок писал Е.П. Иванову: "...жил у нас еж Григорий, которого, наконец, выпустили. Мы сильно привязались к нему". М.А. Бекетова в своих воспоминаниях рассказывает: "Разумеется, никто из читателей не подозревает, что Григорий Е. был не кто иной, как еж, которого принесли в Шахматово крестьянские дети и продали Саше и жене его за какой-то пустяк. Еж был немедленно назван Григорием и некоторое время с любовью воспитывался во флигеле, где жили Блоки. Немного погодя Григория выпустили на волю" (*Воспоминания*, I. С. 54).

Побывала старушка у Троицы... – Здесь: Троице-Сергиева лавра, знаменитая русская обитель, место паломничества верующих. Основана преподобным Сергием в 1335 г.; с 1744 г. – лавра.

...И все дальше идет, на восток. – В народной традиции с востоком были связаны представления о рае, о "блаженных" землях (см. *Афанасьев*, I. С. 181–182; 2. С. 134–141).

Собрались чертенята и карлики... – Характерное для символистской поэтики объединение элементов русского и западноевропейского фольклора.

Святые Места. – См. коммент. к стих. "Твари весенние".

Мы и здесь лобызает подножия // Своего, полевого Христа. – В Львов-Рогачевский в статье "Лирика современной души" сравнивал "чертенят" Блока с "Божьей

скотинкой" Вл. Соловьева, имея в виду его стихотворение "Das Ewig-Weibliche (Слово увещательное к морским чертям)", в котором чертей призывают "Божьей скотинкою сделаться снова": «Эту "Божью скотинку" рисует Александр Блок в своей "Нечаянной Радости" в образе болотных чертенят. Его весенние тварьки целуют "подножья своего полевого Христа" и уже становятся "Божьей скотинкою» (СМир. 1910. № 8. С. 7. 2-я паг.). О мотиве приобщения лесной "нечисти" к христианству см. коммент. к стих. "Твари весенние".

Занимаются села пожарами, // Грозовая над нами весна... – 19 мая 1905 г. Блок писал А. Белому: "Грозовая весна, были дни сплошь грозовые с ливнями, а вообще сухо и сильный ветер. На горизонте такая мгла, что говорят, будто Москва горит".

Купина. – См. коммент. к стих. "Весна в реке ломает льдины..." (т. 1 наст. изд.).

"ОСЕНЬ ПОЗДНЯЯ. НЕБО ОТКРЫТОЕ..."

(С. 18)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₁₁. Л. 15 об.; БА – Т₄. Л. 82 об., "Весна – Сентябрь"; БА – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 1; АС – НР₂. Л. 130, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Первые: П₁. С. 141, в разд. "Нечаянная Радость".

Публикации: П₂. С. 136, в разд. "Нечаянная Радость"; П₃. С. 19; П₄. С. 23; П₅. С. 23.

В ЗК₁₁ имеется набросок стихотворения, который перечеркнут Блоком и отмечен знаком "NB". БА Т₄ записан на отдельном листе и вклеен в тетрадь. Публикации содержат незначительные пунктуационные расхождения с основным текстом. В РЭ П₂ вписано заглавие "Берег пруда", не зафиксированное ни в одной публикации. Здесь же дата: "весна – осень 1905", помета "П(узыри) З(емли)", на полях вопросительный знак напротив 4-й строфы.

В письме от 27 января 1906 г. П.П. Перцов обращался к Блоку с просьбой принести стихи "о больной русалке" (ЛН. Т. 92. К. 1. С. 463). Блок удовлетворил эту просьбу: Перцов пишет о наличии у него автографа этого стихотворения (Перцов. С. 26; опубл. там же. С. 71).

Осень поздняя. Небо открытое, // {...} Прилегла на берег размытый // Голова русалки больной. – По русским поверьям, русалки появляются в лесах и лугах со Страстного четверга и живут там до глубокой осени, а затем "замирают" (Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 1–7. СПб., 1848. Ч. 6. С. 124).

...И леса сквозят тишиной. – Ср. в письме Блока к Е.П. Иванову от 23 мая 1905 г. из Шахматова: "Когда приехали, жутко было иногда от древесного оргазма – соки так и гудели в лесах и полях. Через несколько дней леса уже перестали сквозить тишиной, и стали шумными".

...Месяц ходит с легким хрустом и глядит... – А.Н. Афанасьев приводит бытующее в народе выражение: "...месяц есть солнце русалок и утопленников" (Афанасьев, 3. С. 250).

Несказанная боль улеглась. – Слово "несказанность" в кругу "соловьевцев" имело эмблематический смысл – указание на мистические чувства и переживания, не выразимые словами. В письме от 25 июня 1905 г. к Е.П. Иванову Блок, оценивая наметившееся расхождение со своими ближайшими друзьями – А. Белым и С. Со-

ловьевым, писал: «На днях уехали – сначала Бугаев, потом Соловьев, приехавшие вместе, привезшие новизну и голос событий, совершающихся в самой главной области – "Несказанной"».

ЭХО

("К зеленому лугу, взывая, внимая...")

(С. 19)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 75–76 об., 74 об., "4 окт."; *АС – Т₄*. Л. 86–86 об., "4 окт.", текст рукой Л.Д. Блок, правка и дата рукой Блока; *БАП – РГАЛИ*. Ф. 548. Оп. 3. Ед.хр. 23. Л. 51, подпись – "Александр Блок" (в альбоме Н.Г. Чулковой); *АС – НР II₂*. Л. 133, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *Кор.-Г. II₄*. Л. 2.

Впервые: *ЗР*. 1906. № 4. С. 35, без заглавия, с параллельным переводом на французский язык ("Par un pré vert – invoquant, écoutant...").

Публикации: *II₁*. С. 145–146, в разд. "Нечаянная Радость"; *II₂*. С. 138, в разд. "Нечаянная Радость"; *II₃*. С. 24; *II₄*. С. 24; *II₅*. С. 24.

В *ЗК₁₁* имеется черновой автограф с густой правкой и вариантами отдельных строф. Ст. 18–21 представлены в четырех вариантах, ни один из которых не зачеркнут; последний из них отражен в *Т₄*. Правка в *Т₄* сделана перед первой публикацией, в которой представлена основная редакция текста. В публикациях варьировалось строфическое деление. В *РЭ II₂* ст. 22–26 зачеркнуты; в *II₃* они не вошли, но в *II₄* вновь восстановлены. В *РЭ II₂* дата: "4 окт. 1905" и помета: "Пузыри Земли".

В рецензии на *II₁* С. Соловьев специально выделил это стихотворение. «Среди современных поэтов, – писал он, – немногие обладают такой напевностью, как Блок (...) Образцом певучести может служить стихотворение "Эхо"». Далее критик цитировал стихи 5–17 и заключал: "Сколько золота, блеска, трепета!" (*ЗР*. 1907. № 1. С. 89).

Эхо (греч. мифол.) – нимфа, олицетворение эхо. В одном из мифов – возлюбленная бога лесов Пана, спутника Диониса.

...*Гонимая богом-ребенком...* – Бог любви Эрот (греч. мифол.) изображался юношей или мальчиком.

...*И страстно кружение...* – Мотив кружения, восходящий к творчеству Вяч. Иванова и связанный с его концепцией "дионисийства".

И страсти и смерти, // И смерти и страсти... – Характерное для "дионисийского" мироощущения сближение экстатической страсти и гибели. Ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (октябрь 1906 г.) о близости любви и смерти в народном мировосприятии: "...любовь и смерть одинаково таинственны там, где жизнь проста (...) в зачарованном кольце жизни народной души (...) необычайно близко стоят мор, смерть, любовь – темные дьявольские силы" (*СС-85*. С. 38).

...*на крыле пролетающей ночи...* – В поздних версиях древнегреческих мифов богиня ночи Никта – окрыленная.

...*Томной свирелью вечернего дня // Ускользнувшая нимфа хохочет.* – Согласно древнегреческому мифу, нимфа Сиринга, спасаясь от преследования Пана, превратилась в тростник, из которого Пан сделал свирель.

ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ
("Волновать меня снова и снова...")

(С. 20)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₁₁*. Л. 66 об.; *ЧА₁* – *ЗК₁₁*. Л. 67 об.–68 об.; *ЧА₂* – *ЗК₁₁*. Л. 69–71 об., "1 окт. 1905. СПб."; *АС* – *Т₄*. Л. 83 об.–84 об., "1 октября", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие, посвящение и правка рукой Блока; *БА* – *РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед.хр. 69, "1 окт. 1905. СПб.", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *АС* – *НР₁₁*. Л. 134–135, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (помета под текстом – рукой Блока); *Кор. Н₂*.

Впервые: *ЗР*. 1906. № 6. С. 21–22, с параллельным переводом на французский язык ("Les danses de l'automne").

Публикации: *Н₁*. С. 147–149, в разд. "Нечаянная Радость"; *Н₂*. С. 139–140, в разд. "Нечаянная Радость"; *Н₃*. С. 25–26; *Н₄*. С. 25–26; *Н₅*. С. 25–26.

В *ЗК₁₁* имеются: набросок (*ЧН*); *ЧА₁* с обильной правкой, верхний слой которой представлен как первоначальная редакция; *ЧА₂* с многочисленными вариантами, наброском второй строфы и строфой между ст. 13–14, зачеркнутой при правке. В *Т₄* варианты заглавия и посвящения вписаны Блоком позднее. В *ЧА₁*, *ЗК₁₁*, *БА*, *РГБ* и *ЗР* проставлено ударение в ст. 17: Осенницы. Основная редакция текста представлена в первой публикации. В *РЭ Н₂* ст. 3 зачеркнут и отмечен знаком "NB", зачеркнута седьмая строфа и так же отмечена, зачеркнуто посвящение и имеются пометы: "Сократить", "Ты – с маленькой буквы", "Ты – везде с маленькой буквы". Дата: "1 окт. 1905" и помета: "Пузыри земли". Начиная с *Н₃*, печатается без посвящения и со строчными "т" в указанных Блоком местоимениях. В *Н₃* – без ст. 3, в *Н₄* он восстановлен. В *Н₂* (*НР₁₁*) под текстом помета: "Лесной".

Посылая стихотворение вместе с другими в письме к А. Белому от 2 октября 1905 г., Блок сообщал: "Мне вдруг захотелось послать тебе много всяких моих стихов, и плохих, и получше. Напиши мне когда-нибудь, как они тебе в о о б щ е кажутся". В ответном письме к Блоку А. Белый подробно изложил свое отношение к новым темам блоковской поэзии, в которых он увидел измену "теургизму": «Что мне сказать о стихах? Что они мне нравятся? Это было бы общим местом: ну, конечно, нравятся. Все та же неуловимая прелесть, все тоньше и тоньше знакомая прелесть Твоей музыки вплетается в новые темы, за которые Ты взялся: олицетворение стихийных сил русской природы ждет своего выразителя: этим выразителем, думается мне, являешься Ты. Как совместится Твой призыв к "Прекрасной Даме" с этими новыми для Тебя темами, как совместится "долг" рыцаря с "просто" бытием хотя бы сил дaimонических, как совместится долг творчества жизни (теургизм) с параличом долга жизни (шаманизмом) – я не знаю (...) я скажу о Твоих стихах. Над ними стоит туман несказанного, но они полны "скобок" и двусмысленных умалчиваний, выдаваемых порой за тайны» (*Блок и Белый*. С. 155, 157).

Н. Абрамович, отмечая в рецензии на *Н₁*, что в разделе "Нечаянная Радость" "прозрачно-нежные осенние мотивы" (Книга. 1907. № 16. С. 11), имел в виду прежде всего данное стихотворение.

В своих воспоминаниях А. Белый писал о том, что в стихотворении отразились шахматовские пейзажи: «Мне кажется, что я знаю место, где могла стоять "молчавшая и устремившая руки в зенит" – неподалеку от церкви, на лугу, около пруда, где в июле цветут кувшинки» (*Воспоминания*, 1. С. 271).

О данном стихотворении см.: *Бернштейн С.И.* Художественная структура стихотворения А. Блока "Пляски осенние" // *УЗ ТГУ*. 1973. Вып. 309; *Грыгар М.* К определению стиля модерн в русской и чешской поэзии // *Russian Literature*. 1980. Vol. 8. № 4. P. 332–335.

Улыбается осень сквозь слезы... – Ср. у Вяч. Иванова: "Улыбкой Осени спокойной // Яснеет хладная лазурь" (*Иванов Вяч.* Кормчие звезды. СПб., 1903. С. VII). Эти строки Блок цитировал в заключении своей статьи "Творчество Вячеслава Иванова" (апрель 1905 г.).

...*Золотая запела труба.* – Устойчивый образ хороводных песен. Ср. в хороводной игре "Плетень": "Ты завейся, труба золотая!" (*Снегирев И.* Простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838. Вып. 3. С. 40).

...*С белых плеч ниспадают струи ~ Осенницы одежды свои.* – Осенницы – индивидуально-поэтический образ, олицетворение осени, сближающийся с мифологическим образом нимф. Греч. Νύμφαι – девы (ср. вариант ЧА ЗК₁₁ "Девы осени", раздел "Другие редакции и варианты"); древнегреческими философами понимались как души, соединенные с влагой и движимые божественным духом. В мифах предстают обладательницами древней мудрости, предсказывают будущее, приобщают человека к тайнам природы. Их святилища находятся в пещерах, гротах, рощах и лесах.

Осенняя рекущей влагой (...) *Очарованный музыкой влаги (...)* *Там, где им заповедала влага...* – Древнегреческим философом Фалесом Влажное Начало рассматривалось как первоэлемент мира и как начало духовное. Ср. также учение Гераклита о душе, проходящей этап становления во влаге. См. в соответствующих разделах пометы Блока на книгах В. Виндельбанда "История древней философии..." (СПб., 1898; *ББО-1*. С. 131–159) и Дж.-Г. Льюиса "История философии от начала ее в Греции до настоящего времени" (СПб., 1865; *ББО-2*. С. 92–111).

Хороводов твоих по оврагу ~ Не могу я не петь, не плясать... Ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний": "Обряды, песни, хороводы, заговоры сближают людей с природой, заставляют понимать ее ночной язык, подражают ее движению. Тесная связь с природой становится новой религией, где нет границ вере в силу слова, в могущество песни, в очарование пляски (*СС-85*. С. 43). В стихотворении хоровод – символ природного кругооборота, тесно связанный с концепцией "вечного возвращения". Об этом см.: *Максимов Д.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 79–93.

...*И не могут луга и овраги // Под стопою твоей не сгорать.* – Согласно Гераклиту, в душах, приближающихся к совершенству, преобладает огненное начало. Ср. аналогичные мотивы в "первом томе" лирики Блока: "Запевая, сгорая, взошла на крыльцо..." ("Запевающий сон, зацветающий цвет...", т. 1 наст. изд.). Ср. письмо Блока к Л.Д. Менделеевой от 14 июня 1903 г.: "Я целую Твой горячий след. Я страстно жду Тебя, моя Огненная Царевна, Мое Зарево".

...*И откуда плывет Тишина?* – См. коммент. к стих. "Твари весенние".

Тишина умирающих злаков – // Это светлая в мире пора... – Ср. в рецензии Блока на сборник П. Соловьевой "Иней": «Смерти нет; есть единственно – прекрасное умирание (...) Когда умирал Адонис, все знали, что он воскреснет: предчувствовали воплощение, следующее за умиранием, и тонкая, серебристая осенняя радость звенела в хаосе "надгробных рыданий"» (*СС-85*. С. 567).

Другие редакции и варианты

Ты колеблешь тростник у прибрежий... (ЧА₂ ЗК₁₁) – Ср. в стих. "Свобода смотрит в синеву...": "...замолк давно // Под тростником у побережий" (т. I наст. изд.).

Посвящение: *Б.Н. Бугаеву* (Т₄, БА РГБ, ЗР), *Андрею Белому* (П₁, НР II₂, П₂). – Посылая стихотворение А. Белому, Блок просил разрешения посвятить ему его (*Блок и Белый*. С. 141). Это посвящение дало повод к ироническому замечанию А. Коринфского: «...автор (...) раздражается (в "осенней пляске") гимном своему собрату, г. Андрею Белому, обращаясь к нему при этом в женском роде» (*Литературный Старовер [Коринфский А.]*. В делях и тундрах современной литературы... // *Голос правды*. 1906. № 405. 8 февр.).

Ты – с маленькой буквы, Ты – везде с маленькой буквы (РЭ II₂). – Изменение написания местоимения "ты" свидетельствовало о стремлении Блока к снятию сакрального оттенка с женского лирического персонажа.

Лесной (НР II₂, П₂). – Пригород Петербурга, где жил С. Городецкий и куда Блок часто совершал прогулки (см.: *Воспоминания*, I. С. 330).

НОЧНАЯ ФИАЛКА

СОН

(С. 25)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₁. Л. 100–103 об., "Записано 18 ноября днем" (опубл.: ЗК–1930. С. 50–54); ЧА – ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 2–19, "Кончил 6 мая 1906" (приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 124–131); АС – НР II₂. Л. 136–145, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – Кор. II₂. Л. 73–77 об., "С.-Петербург, 1905–1906" (дата – автограф), на л. 73 помета: "Самостоятельный отдел. (Под заглавием Ночная Фиалка)"; печ. текст – *Изборник*. Л. 164–183; Кор II₄. Л. 2–3, "1905–1906" (дата – автограф).

Впервые: П₁. С. 151–163, "С.-Петербург. 1906", в качестве последнего (седьмого) раздела книги.

Публикации: II₂. С. 141–152, "С.-Петербург. 1905–1906", в качестве последнего (девятого) раздела книги; П₃. С. 27–39, "1905–1906", в качестве второго раздела книги; П₄. С. 27–39; П₅. С. 29–38.

Первоначальная запись сна в ЗК₁₁ представляет собой автограф без правки (содержит только одно незначительное исправление). ЧА ИРЛИ имеет два слоя правки. Первая правка производилась по ходу создания чернового текста, причем фрагменты его, записанные чернилами, правились простым карандашом, а карандашные наброски – чернилами. В целом эта правка не имеет характера переработки некоей первоначальной – единой – редакции; она отражает этапы синхронного создания чернового текста.

Начиная со ст. 35 ("И оставил меня одного"), запись текста в ЧА идет сплошь чернилами. Карандашная правка по этой – основной – части текста ЧА носит эпизодический характер. Вероятно, она делалась не синхронно с созданием чернового текста, а позднее, на последней стадии работы над текстом ЧА. Данная правка может быть гипотетически сближена со вторым слоем правки – красным и синим ка-

рандашом. Аргументом в пользу того, что этот слой правки был позднейшим, служит, прежде всего, итоговая запись, сделанная красным карандашом на л. 2 ("Кончил 6 мая 1906"), а также то, что красным карандашом начата окончательная нумерация листов *ЧА* и сделаны пояснительные пометы. Красным карандашом обозначены вставки на л. 2 (с л. 3 со ст. "Вечер был серый" до ст. "Там – краснела полоска зари") и на л. 5 (ст. 77–94), которые, по всей вероятности, являются позднейшим добавлением в текст.

В *Кор II₂* в ст. 23 "извозчичы" исправлено на "извощичы", в *Кор II₄* "извозщичы" исправлено аналогичным образом, что подтверждает авторскую волю Блока в написании этого слова.

В *II₃* в списке опечаток отмечено, что в ст. 62 ("И над красной полоской зари") допущена опечатка: ст. следует читать "И под красной полоской зари". Однако в последующих изданиях – *II₄* и *II₅* – ст. 62 печатался как в *II₃*. Следует, видимо, признать, что ст. 62 "И над красной полоской зари" авторизован Блоком. Доказательством в пользу этого является то, что в *Кор II₄* ст. "И над красной полоской зари" не подвергся правке.

В *II₂*, *II₃* и *Изборнике* ст. 49 напечатан с ошибкой (исправлена в *Кор II₄*).

В примечаниях к *II₂* Блок писал о "Ночной Фиалке" (в дальнейшем – *НФ*): "Эта поэма – почти точное описание виденного мною сна". Свое впечатление от этого сна Блок передал в письме к Е.П. Иванову от 3 декабря 1905 г.: "16 ноября мне приснилось нечто, чем я живу до сих пор. Такие изумительные сны бывают раз в год – два года". 6 мая 1906 г. Блок в основном закончил поэму (отсутствие белого автографа не позволяет судить, когда текст принял тот вид, в каком он был опубликован в *II₁*). 7 мая 1906 г. Блок писал В.А. Пясту: "Дописал поэму, о которой думал полгода" (*Пяст Вл.* Воспоминания о Блоке. Пб., 1923. С. 82). В дневниковой записи Е.П. Иванова от 6 мая 1906 г. переданы впечатления от чтения Блоком отрывка из поэмы: «Саша Блок читал стихи (...). И затем 3-ью часть поэмы "Ночная фиалка". (...) Любе не нравится, тревога. А мне очень близко и напоминает сон кружения мой. Поразительно, что поэма тоже сон» (Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке // *БС-1*. С. 405). 22 июля 1906 г. Иванов записывает: «Саша прочел всю "Ночную фиалку". Поразительно близко» (*Там же*. С. 406). По воспоминаниям А. Белого о весне 1906 г. (приезд к Блокам в Петербург), Блок, «посвятивши в туманы "Нечаянной радости", (...) прочел (...) наброски поэмы "Ночная фиалка"» (*Белый А.* Между двух революций. Л., 1934. С. 59).

Блок хотел публиковать поэму отдельным изданием. На вопрос В.Я. Брюсова в его письме от 13 октября 1906 г., «отдана ли в какой-либо журнал та Ваша поэма, которой заканчивается "Нечаянная радость"?» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 497), Блок ответил в письме от 17 октября 1906 г.: «Поэму "Ночная Фиалка" я никуда не отдавал, и ужасно хотел бы, чтобы она появилась до сборника ("Нечаянная Радость". – *Ред.*). Она мне до сих пор нравится. Если бы она могла попасть в "Весы", я был бы очень счастлив». На это письмо Блок не получил ответа, и поэма была впервые опубликована в *II₁*, в качестве последнего (седьмого) раздела. В *II₂* *НФ* заняла место последнего (девятого) раздела. В *II₃* определилось окончательное положение поэмы в составе книги: второй раздел.

Предисловие к *II₁* свидетельствует о большом значении *НФ* в поэтической концепции сборника: "Нечаянная Радость близка. Она смотрит в глаза мне очами синими, бездонными и незнакомыми, как очи королевны Ночной Фиалки, которая молчит и прядет. И я смотрю на нее, но вижу ее как бы во сне. Между нами нет ничего неразгаданного, но мы все еще незнакомы друг другу". Значительность поэмы подтверждает тот факт, что А. Белый включил заглавие "Ночная Фиалка" в список

возможных объединяющих заглавий для сборника (*И₁*). См. об этом: *ЛН*. Т. 27/28. С. 569.

Запись в *ЗК₁₅* от 21 декабря 1906 г. говорит о том, что поэма принесла автору творческое удовлетворение: "Стихами своими я недоволен с весны. Последнее было – *Незнакомка* и *Ночная Фиалка*".

Лишь немногие критики, рецензировавшие *И₁*, обратили специальное внимание на поэму. В духе общего отрицательного отношения к сборнику выдержаны отзывы Н. Абрамовича и А. Коринфского. Н. Абрамович писал: «"Ночная фиалка" – поэма без содержания, без образов, какой-то скучный бред, длинный и утомительный» (Образование. 1907. № 2а. С. 93. 3-я паг.). «Не позволительно бездарно написана поэма, стихами без рифм и размеров, в печатный лист – "Ночная фиалка", составляющая сплошь резонерские длинноты. Это типический образец схоластики наших дней, одна из многих нарочито-мертвенных вещей» (Книга. 1907. № 16, С. 11–12). Позднее критик отошел от однозначно отрицательной оценки "Ночной Фиалки" и рассмотрел символическое содержание поэмы в контексте сборника "Нечаянная Радость": «С теми же думами о Ночной фиалке проходит он (Блок. – *Ред.*) мимо блестящих витрин, подъездов, стен и оград, по камням города... И мир, который по словам Блока для "молчаливой, ушедшей в себя, души – балаган, позорище" (из пред.), обвеивается той же звездной мантией Царицы, что и пространства полей и лесов» (*Петр Верховенский [Абрамович Н.]*. Поэзия Александра Блока // *Новый день*. 1909. № 4. 10 авг.).

Насмешливое замечание о поэме сделал А. Коринфский: Блок «в отделе "Ночная фиалка" (...) не может удержаться от того, чтобы не рассказать читателям "то, что случилось во сне..." (...) Немудрено после этого, что теперь ему так ясно рисуется "образ грядущего мира"» (*Литературный Старовер [Коринфский А.А.]*. В дебрях и тундрах современной литературы // *Голос правды*. 1907. № 405. 8 февр.). Враждебно-недоуменный характер носит замечание о поэме в рецензии А. Белого: «Вместо храма – болото, покрытое кочками, среди которого торчит избушка, где старик, старуха и "кто-то" для "чего-то" столетия тянут пиво. Нам становится страшно за автора» (*Перевал*. 1907. № 4. С. 60). Развернутую и доброжелательную интерпретацию поэмы дал Е. Аничков: «В ветхой избе на "неровных и шатких лавках" на "истлевшем полу", чрез который пробивается тощая травка, поэт увидел короля и королеву. (...) А рядом с ними такой же древний и неподвижный сидел и Некто, родственник поэту, переживающий королевскую ветошь и королевское умирание. (...) Но мало этого. Еще жива и королева, дочь старика и старухи. Она прядет свою бесконечную пряжу исторического развития, тихого однообразного, так медленно и скучно развивающегося. (...) Кто же победит, скучная пряжа королевны с ее "зельем болотным" или "корабли из новой родины"?» (*Аничков Евг.* Поэзия свободного человека: ("Ярь" и "Нечаянная Радость") // *Свободный человек*. 1907. № 1. 26 февр.).

Рецензент ялтинской газеты К. Милль, охарактеризовав Блока "Нечаянной Радости" и "Снежной Маски" как "изжитого поэта", увидел в образе "ночной фиалки" зенит его творчества: "Стихи Блока все дышат запахом ночной фиалки, и нет лучше символа для определения творчества ждущего Неизвестного поэта" (*Милль К.* Ночная фиалка // *Русская Ривьера*. 1908. № 28. 2 февр.).

С. Соловьев указал на близость "Ночной Фиалки" поэзии Жуковского: «Блок родственен Жуковскому. Их сближает тихость поэтического созерцания, чарующая нежность стиха, верность заветам немецкого романтизма. Прелестная поэма "Ночная фиалка" напоминает Жуковского по белым стихам, и насмешливо-добродушным тонам повествования, и разлитую по всем стихам "прелестью", тонкой и неуловимой, как запах фиалки» (*ЗР*. 1907. № 1. С. 89). М. Гофман сближил поэму с произведениями

Достоевского: «Подобно Достоевскому, Блок не чуждается обыденного, будничного реализма, но как часто и у того и другого – и у Достоевского и у Блока – фантастичен этот реализм. Как фантастична обстановка "Идиота", "Подростка", как фантастична обстановка "Незнакомки", "Ночной фиалки"!» (*Гофман М.* Творчество Александра Блока // *Лебедь.* 1909. № 1. С. 23).

"Ночная Фиалка" – первая законченная поэма Блока. Она была создана в период "антитезы", в пору первой революции. В поэме в сложной опосредованной форме отразились впечатления, навеянные революционными событиями (см. об этом: *Долгополов Л.К.* Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. М.; Л., 1964. С. 55–62). Ощущение утраты душевной цельности, владевшее Блоком в это время, вызвало задачу синтеза обновленного миропонимания. Жанр поэмы, позволяющий сочетать в сюжете многоплановое содержание и выводить на иной уровень вопрос о возможности идеала способствовал разрешению этой задачи в творчестве Блока середины 1900-х г. Многослойность сюжетных мотивов ("сон", "явь", "сон во сне") и образов, насыщенных широкими культурными ассоциациями (миф – фольклор – средневековые предания – немецкий романтизм – русская классика – современность с ее мещанским бытом, чреватых таинственным грядущим), была предопределена поисками новых – по сути парадоксальных – форм присутствия идеала в дисгармоничном мире (см. об этом: *Бройтман С.М.* Становление жанра поэмы в творчестве А. Блока // *Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века".* Тарту, 1975. С. 28–32; *Он же.* Жанрово-композиционное своеобразие поэмы А. Блока "Ночная фиалка" // *Художественный текст и литературный жанр.* Махачкала, 1980. С. 20–35).

Ночная Фиалка. – Ночная фиалка, или ночная красавица (*Hesperis matronalis*) – растение с душистыми лиловыми цветками, аромат которых усиливается вечером. Входит в подмосковную флору. А.И. Менделеева, вспоминая о детских встречах Саши Блока и Любы Менделеевой в Шахматове, писала: «Пришедший, по обыкновению, с дедушкой с прогулки Саша нес в руке букет ночных фиалок. Не знаю, подсказал ли ему "дидя", – так он звал Андрея Николаевича (Бекетова. – *Ред.*), или догадался сам, но букет он подарил Любе, которую держала на руках няня. Это были первые цветы, полученные ею от своего будущего мужа» (*Воспоминания*, 1. С. 73).

В античной мифопоэтической традиции ночная фиалка связана с образом бога садов, плодородия и стихийных сил природы Приапа: цветок был посвящен этому богу и рос у его статуи (см. об этом: *De Vries Ad.* Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam; London. 1974. P. 389). В русле этой традиции цветок окружен представлениями о нем как о носителе и возбудителе чувственного начала. Ср. аналогичную семантику запаха ночной фиалки в драме Л. Зиновьевой-Аннибал "Кольца" (1904). В цикле "первого тома" "Распутья" с образом ночного цветка ассоциируется тема страсти: "Ты, полный страсти ночной цветок" ("Стою у власти, душой одинок...", 1902).

Образ Ночной Фиалки имеет прямые аналогии в литературе немецкого романтизма. В личном экземпляре I тома Полного собрания сочинений Г. Гейне Блок в книге "Путевые картины. Часть третья. Италия (1828 г.) 1. От Мюнхена до Генуи" подчеркнул слова о "ночной фиалке" (см.: *Гейне Г.* Полн. собр. соч.: Т. 1–6. 2-е изд. / Под ред. и с биогр. очерком П. Вейнберга. СПб.; Изд-во А.Ф. Маркса, 1904 (Прил. к журн. "Нива" на 1904 г.). Т. 1. С. 398. Строка 10. – *ББО-1.* С. 195). Греза-воспоминание рассказчика о мертвой возлюбленной Марии; о ночи, проведенной у ее тела, о "странном" аромате ночной фиалки, стоявшей в комнате, по-видимому, скрестились в сознании Блока с "автомифом" о Ее смерти (стихотворения "Вот он – ряд гробовых ступеней...", 1903; "Гроб невесты легкой тканью...", 1904).

Образ Ночной Фиалки близок также роману Новалиса "Гейнрих фон Офтердинген" (1802), в котором символом мистического синтеза, мировой гармонии, идеального романтического творчества является голубой цветок. О внимании Блока к роману Новалиса свидетельствует запись, сделанная в тетради "Моя декламация..." У Новалиса этот символ персонифицируется в женский образ (голубой цветок – Матильда). Ср. у Блока: Ночная Фиалка – Королева забытой страны.

В личном экземпляре II тома Полного собрания сочинений Г. Гейне Блок в статье "Признания", в которой Гейне повествует о сложном сплетении идеального и иронического начал в своем творческом сознании, подчеркнул строки "безграничная тоска по голубому цветку в мечтательном царстве романтики" и сделал против них надпись на полях: "Отнош(ение) к романти(ке) и тоска по голуб.(ому) цветку". – См.: *Гейне Г.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 324. Строки 11–12. – *ББО-1*. С. 196.

Близка к "Ночной Фиалке" символика цветка в "Северной симфонии" Андрея Белого, стилизованной в духе средневековых преданий и романтических легенд. Здесь цветок также ассоциирован с женским образом: "Видел я башню. Там сидит твоя внучка, красавица королева – одинокий, северный цветок" (*Белый А.* Северная симфония (1-я, героическая) М., 1904. С. 35). Образ голубого цветка проходит в "Северной симфонии" лейтмотивом: "У ручья цвели голубые фиалки. (...) Цвели фиалки (С. 40); "У ручья, на лесной одинокой поляне росли голубые цветы" (С. 54).

Название цветка – калька с немецкого "Nachtviole". Русское народное название – вечерница. Слово "вечерница" обозначает также название вечерней звезды – Венеры. Символика цветка и звезды использована в "первом томе" (см. коммент. к стих. "Тебя скрывали туманы...", 1902 и "Я буду факел мой блюсти...", 1902. Т. 1 наст. изд.). Во "втором томе" образы цветка и звезды появляются в сходном контексте (см. стих. "Все бежит, мы пребываем...", 1904).

Сопоставление образов цветка и звезды находим в статье "Безвременье" (октябрь 1906), концептуально связанной с "Ночной Фиалкой": "Мерно качается и кружится всадник. Глаза его, закинутые вверх, видят на своде небесном одну только большую зеленую звезду. И звезда движется вместе с конем. Оторвав от звезды долгий взор свой, всадник видит молочный туман с фиолетовым просветом. Точно гигантский небывалый цветок – Ночная Фиалка – смотрит в очи ему гигантским круглым взором невесты" (*СС-85*. С. 75).

Сон. – Подзаголовок указывает на биографическую основу поэмы (см. выше), однако литературная обработка сна осмыслена в ключе идейно-поэтических поисков Блока. Существенно, что сон – жанр романтической и утопической литературы. Интерпретация сна в духе поэтических предчувствий и пророческих откровений связана с теорией художественного познания и философией романтизма, с творчеством иенских романтиков. Ср. запись в "Моей декламации": «Г. ф(он) Офтердинген (герой романа Новалиса) проводит жизнь в погоне за "голубым цветком" (символ идеальной поэзии): "Жизнь станет сновидением, а сновидение – жизнью" (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 95).

... Там, где небо (...) // Упало в болото... – В фольклорно-мифологизированных представлениях образ упавшего неба связан со значением гибели. В стихотворении возникает апокалиптический мотив, подкрепленный в дальнейшем образом "новой земли". А. Белый связывал образ упавшего неба с цветовой символикой поэмы: «Да, именно, падение "неба" в болото, покрывшее все, – знаменовал этот темный, фиалковый цвет» (*Белый*, 2. С. 280).

... И, кажется, друг мой со мной. – Тема двойника, решенная в ключе гейневской иронии.

... *Сквозь желтые бархатцы...* – Бархатцы (*Tagetes*) – растения семейства сложноцветных с желтыми и оранжевыми цветками. В поэме служат знаком "мещанского" мира.

... *Ибо что же приятней на свете, // Чем утрата лучших друзей?* – В воспоминаниях А. Белого эти строки комментируются следующим образом: «А.А. расходуется в 1905 году с С.М. Соловьевым. В 1906 году происходит временное отхождение нас друг от друга. (...) О прежних друзьях пишет приблизительно в 1905 году в "Ночной Фиалке" с грустью он: "ибо что же приятней на свете, чем утрата лучших друзей". Зная верность к друзьям А.А. и его доброту, его глубокую душу, исполненную и размахом моральной фантазии и глубочайшей элементарной честностью, самая легкость этого заявления – показатель глубины страдания и печали, лежащей под ней. Эта-то глубина боли, связанная с самопознанием и попытками чтения стихии собственной душевной подосновы, есть начало выхода в путь» (*Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Записки мечтателей.* Пб., 1922. № 6. С. 74–75). В поэме берет начало тема измены в дружбе, существенная для последующего творчества ("Песня Судьбы", 1908; "Друзьям", 1908).

... *Разговоры о тайнах различных религий...* – Ироническое упоминание о религиозно-мистических исканиях, охвативших в начале века русскую интеллигенцию. Несмотря на то, что в проведении публичных религиозно-философских собраний в Петербурге был перерыв с весны 1903 г. до 3 октября 1907 г., деятельность представителей "нового религиозного сознания" не прерывалась и в эти годы. В письме к Е.П. Иванову от 29 марта 1905 г. Блок пишет о том, что их «зовут на религ.-филос. собрание (о соборе) в "Вопр(осы) Ж(изни)" (...) Будут митрополит, Антонин и пр. Д.С. (Мережковский) будет говорить». По поводу мистического вечера с символическими жертвоприношениями у Н.М. Минского Блок писал Е. Иванову 23 мая 1905 г.: "С жертвой у Минского не мируюсь, не хочу, присутствие его одного может все испортить. (...) близость рождается у всех участников любительского спектакля – по окончании его. (...) м.б., – правда, близость и такая священна".

... *И заботы о плате за строчку...* – Романтико-ироническое замечание о литературном заработке имеет автобиографический подтекст. Ср. в воспоминаниях Вл. Пяста о лете 1907 г.: "Ничтожный заработок Блока в это время был притчею во языцех" (*Пяст Вл.* Воспоминания о Блоке. Пб., 1923. С. 64).

... *Становилось ясней и ясней, // Что когда-то я был здесь и видел // Все, что вижу во сне, – наяву.* – Отражение идей метемпсихоза (переселение душ) и анамнезиса (прапамять души). Ср. стихотворения "Вечереющий сумрак, поверь...", 1901 (см. коммент. в т. 1 наст. изд.) и "Никто не умирал. Никто не кончил жить...", 1903 (т. 4 наст. изд.). Тема метемпсихоза проходит в "Путевых картинах" Г. Гейне. В личном экземпляре Блок отчеркнул на полях пространный пассаж о "переселении душ" во второй части книги "Северное море" (1826) (*Гейне Г. Т. 1. С. 186–187. – ББО-1. С. 194.*)

На болоте, от кочки до кочки... – Мотив болота сближает поэму с циклом "Пузыри земли".

... *Сквозь лилово-зеленые сумерки...* – Лиловый цвет и его оттенки (сине-лиловый, зелено-лиловый) в восприятии Блока связывались с мировым хаосом, демоническим началом жизни и искусства. Ср. в дневниковой записи М.А. Бекетовой от 24 мая 1906 г.: "Аля (Александра Андреевна, мать Блока. – *Ред.*) говорила мне сегодня со слов Сашуры: "в наше время ангелам не на что радоваться, это время чорта: зелено-лиловое (Врубель), все демоническое: музыка, литература, живопись" (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 616.*)

Символика лилового цвета в творчестве Блока во многом предопределялась воздействием картин Врубеля, ставшего с конца 1903 г. одним из любимых художников поэта. Ср., например, в статье "Безвременье": "Где-то в горах и доньне пребывает неподвижный демон, распростертый со скалы на скалу, в магическом лиловом свете" (СС-85, С. 77). Ряд тем поэзии Блока воспринимался современниками в связи с творчеством Врубеля: "Метнер мне выдвигал психологическую опасность в поэзии тем теургизма и соловьевства, оставляющих в душе яд Врубелевской зелено-лиловой сирени (или "Ночной Фиалки"), что и А.А. и мне по-разному грозит привкус Врубелевской темы, т.е. грозит демон искусства за попытку выйти из сферы чистого искусства" (Белый А. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. Пб., 1922. № 6. С. 73–74).

Об особом внимании Блока к цветовой символике в "Ночной Фиалке" свидетельствует Е.П. Иванов в дневниковой записи от 9 мая 1906 г. В Озерках, в привокзальном кафе, Блок заказал "бутылку красного вина". «Пьем вино. Это не дорогое, но "терпкое", главное – с "лиловатым отливом" ночной фиалки, в этом вся тайна» (Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке. – БС-1. С. 406). В воспоминаниях А. Белого авторская интерпретация цветовой символики "Ночной Фиалки" передана так: "Он пытался мне выразить, что теперь он пришел к удивительному, очень важному внутреннему знанию; знание связалось с восприятием сильно-пахнущего фиалкою темно-лилового цвета (...) все пытался сказать, как он много узнал от вживания в едко-пахучий фиалковый, темно-лиловый оттенок; оттенок его как-то странно увел от прошедшего; и открылся ему такой темный, лиловый и новый, огромнейший мир" (Белый, 2. С. 278–279).

Связь лилового цвета с эсхатологическими мотивами (гибели старого мира и приближения нового) отражена в стихотворении "Милый брат! Завечерело..." (1906): "Небо – в зареве лиловом, // Свет лиловый на снегах, // Словно мы – в пространстве новом. // Словно – в новых временах". Эта связь может быть актуальна и для "Ночной Фиалки"; в поэме выражено предчувствие "родины новой", "новой земли". Ср. также дневниковую запись от 15 авг. 1917 г.: "Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот".

Концептуальные формы символика лилового цвета приняла в статьях 1910 г. "Памяти Врубеля" и "О современном состоянии русского символизма".

... *И над красной полоской зари* – Ср. в стих. "Невидимка. (Веселье в ночном кабаке...)" (1905): "Под красной зарей вдалеке // (...) Танцует над топью болот // (...) На красной полоске зари...".

... *Нежной дочери струй // Водяных и воздушных.* – Струйность, струистость в античной традиции присущи нимфам, живущим у воды. Образу героини приданы черты предстательницы "низшей мифологии", что сближает поэму с циклом "Пузыри земли". Ср. в стих. "Пляски осенние" (1905): "И округлые руки трепещут, // С белых плеч ниспадают струи, // За тобой в хороводах расплещут // Осенницы одежды свои". Ср. также мотив любви героя к изображению мадонны и к статуе греческой нимфы в "Флорентийских ночах" Г. Гейне (в личном экземпляре абзац отчеркнут на полях; Гейне Г. Т. 3. С. 211. – ББО-1. С. 198).

... *Что вблизи от столицы, // На болоте глухом и пустом (...)* // *Всем доступны виденья...* – Ср. в письме Блока к Е.П. Иванову от 25 июня 1905 г.: "Опять страшная злоба на Пбг закипает во мне, ибо я знаю, что это поганое, гнилое ядро, где наша удаля мается и чахнет, окружено такими безднами, такими бездонными топиями, которых око человеке не видело, ухо – не слышало. (...) Еще долго близ Лахты будет водиться откровение, небесные зори будут волновать грудь и пересыпать ее солью слез, будет Мировая Несказанность влечь из клоаки. Но живем-то, живем ежедневно –

в ужасе, смраде и отчаянии, в фабричном дыму, в треске блудных улыбок, в румянце отвратительных автомобилей, вопящих на Зарю, смеющих догадываться о Заре!".

... *В час фабричных гудков и журфиксов...* – Фабричные гудки в восприятии Блока – важный элемент звукового образа столицы (часто как контраст светскому Петербургу); см., например, в статье "Безвременье": "Под стук извозчицких дрожек, катающих бледных существ взад и вперед по болоту, под звуки фабричных гудков..." (СС-85. С. 78). *Журфикс* – (фр. *jour-fixe* – определенный день) – прием гостей в определенный день недели.

Небольшую избушку. – Использование фольклорных мотивов волшебной избушки в вещем сне связано с поэтической традицией В.А. Жуковского ("Светлана"), А.С. Пушкина ("Евгений Онегин", сон Татьяны) и Г. Гейне (вставная поэма "На горе стоит избушка..." в "Путешествии на Гарц", 1824). К "Ночной Фиалке" особенно близка в сюжетно-образном отношении поэма Гейне. Ее герой – Рыцарь Духа – в таинственной избушке, ночью, под жужжанье прялки, выслушивает предсказание прекрасной малютки о том, как встанет из развалин по воле заветного слова замок, погубленный силой злого колдовства. Предсказание исполняется той же ночью, когда наступает внутреннее преображение героев: "Но, дитя, мы сами больше // Изменились в этот час; (...) Ты в принцессу обратилась, // Замок сделалась изба. (...) Я ж над всем, что здесь явилось, // Обладателем стою; // Славят трубы и литавры // Юность светлую мою!" (Гейне Г. Т. 1. С. 145).

... *Молчаливо сидела за пряжей...* – Мотив пряжи в мифологической традиции связан с представлениями о предопределении человеческой жизни. Богини судьбы – мойры (парки) в греко-римской мифологии, норны в скандинавской мифологии – прядут нить судьбы, проводят ее через жизненные превратности и – перерезают, обрывая жизнь человека. С мотивом пряжи связано и представление о ходе мировой жизни (древнегреческая богиня необходимости Ананке). В книге Г. Гейне "Путевые картины. Часть третья. Италия (1828) 1. От Мюнхена до Генуи" Блок подчеркнул слова "красавица-пряха" и весь эпизод встречи с пряхой, полный мифологических образов, отчеркнул на полях: "Так пряли дочери царей в Греции, так прядут еще теперь парки... (...) Она пряла и улыбалась, (...) позади самого дома возвышались высокие горы, синевшие вершины которых (...) походили на (...) стражу из великанов с блестящими шлемами на головах. (...) А она все пряла и улыбалась, и на нитке ее пряжи, подобно пляшущему веретену, висело мое собственное сердце" (Гейне Г. Т. 1. С. 284–285). Восприятие мотива пряжи могло быть связано и с увлечением Блока оперным искусством Р. Вагнера; см. пролог оперы "Гибель богов" (три вестие норны заняты пряжей).

Символика пряжи ясно осознавалась Блоком. Ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (октябрь 1906 г.): "В хаосе природы, среди повсюду протянутых нитей, которые прядут девы-Судьбы, нужно быть поминутно настороже; стихии требуют особого отношения к себе, со всеми приходится вступать в какой-то договор, потому что все имеет образ и подобие человека, живет бок о бок с ним не только в поле, в роще и в пути, но и в бревенчатых стенах избы" (СС-85. С. 38). См. также: "Вот – из кельи Вечной Пряжи // Нити кажут солнцу путь" ("Все бежит, мы пребываем...", 1904); "Над ее бессмертной дремой // Нить Свершений потекла..." ("Гроб невесты легкой тканью...", 1904); "Заплетаем, расплетаем // Нити дьявольской Судьбы" ("Угар", 1906). См. в драме "Роза и Крест" (1912): Г а э т а н: "Фея (...) // Гадала над прялкой своей... // И сказала: "Иди теперь // В мир дождливый, // В мир туманный... // Туда пряжа Парки ведет..."

... *Опустив над работой пробор...* – Ср. в стих. А.А. Фета "Почему?" (1891): "Над работой пробор наклона". Строка почти дословно повторена в статье "О лирике"

(июнь–июль 1907 г.): "И женщина кладет заплаты на рубище мужа, склонив над работой пробор".

... *Некрасивая девушка*... – В интерпретации А. Белого героиня поэмы предстает как "Царевна" "первого тома", которая теперь "постарела и подурнела": "Некрасивая девушка" оказалась теперь не во дворце, а в избе..." (*Белый*, 2. С. 283).

... *Оттого, что на праздник вечерний // Я не в брачной одежде пришел*. – Аллюзия на евангельскую притчу о брачном пире. Ср.: "Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчит. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных" (Мф. XXII. 11–14).

Был я нищий бродяга... – Ср. тему бродяжничества и нищеты в связи с представлениями Блока о неустойчивости исторического бытия современного человека, о "блаженной" утрате "чувства собственного очага, своей души, отдельной и колючей", на "вечном пути" духовного поиска (статья "Безвременье". – СС-8₅. С. 73). В последнем значении близка евангельским мотивам ("Блаженны нищие духом": Мф. V. 3; Лк. VI. 20 и др.).

... *Чуть блестят золотые венцы // Скандинавских владык*. – Образы северных королей, связанные с темами вечности и безвременья, в поэме преемственны по отношению к "Северной симфонии" А. Белого: "2. Была золотая палата. Вдоль стен были троны, а на тронах – северные короли в пурпуровых мантиях и золотых коронах. 3. Неподвижно сидели на тронах – седые, длиннородые, насупив косматые брови, скрестив оголенные руки" (*Белый Андрей*. Северная симфония, (1-я, героическая), М., 1904. С. 26). Ср. также образ короля в драме "Король на площади" (1906).

... *венцы, // Потускневшие в воздухе ржавом*... – Высказывание Блока в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910): "Революция совершалась в этом, но и в иных мирах; она и была одним из проявлений помрачения золота и торжества лилового сумрака, то есть тех событий, свидетелями которых мы были в собственных душах", – позволяет увидеть в поэме отклик на события первой революции.

... *На зеленых и древних кудрях*. – Ср. в драме "Король на площади" описание внешности Короля: "Корона покрывает зеленые, древние кудри, струящиеся над спокойным лицом".

... *Неподвижно сидел человек*. – Ср. в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (ноябрь 1906 г.): "Неподвижный рыцарь – Запад – все забыл, заглядевшись из-под забрала на небесные розы. Лицо его окаменело, он стал изваянием и вступил уже в ту цельную гармонию окружающего, которая так совершенна" (СС-8₅. С. 89).

... *Не меняясь, и думая думу одну*... – Ср.: "С одною думой непостижной // Смотрю на твой спокойный лик" ("Прошли года, но ты – все та же...", 1906).

... *Так что члены одеревенели*. – Сходный мотив в финале драмы "Король на площади": король окаменел.

... *За дремотой четы королевской, // За уснувшей дружиной*... – В близком контексте тема сонного царства проходит в "Северной симфонии" Андрея Белого (С. 106, 109).

Тема погруженных в покой королей может быть связана с преданиями об истории Германии, реконструированными Р. Вагнером в книге "Вибелунги. Всемирная история на основании сказания" (1848). Важное место в этих преданиях занимал миф о спящей царской династии, которая еще вернется к своему народу. Миф привлекал внимание немецких романтиков (см., например, поэму Г. Гейне "Германия. Зимняя сказка", 1844).

... Да и руки, не в силах согнуться, // Только брякнут костями // Упадут и повиснут. – Ср.: "Он поднимет тяжкие руки, // Что висят, как петли веков" ("Я живу в глубоком покое...", 1904).

... И певцом скандинавских сказаний. – Ср.: "Я только рыцарь и поэт, // Потомок северного скальда" ("Встречной", 1908).

... Кто, к щиту прислонясь, // Увязил долговязую шпору // Под скамьей; // Кто свой шлем уронил... – Атрибуты рыцарского облачения представлены в сниженном виде, что контрастно по отношению к рыцарской теме в "первом томе" и связано с ситуацией "утраты" прежних форм идеала.

... Пробивается бледная травка... – Ср.: "Пробивается первая травка" ("На перекрестке", 1904).

... И глаза под навесом бровей // Огоньками болотными дремлют. – Ср.: "Но сквозь (...) // (...) белый пух смеженных ресниц – // Пробегает зеленая искра..." ("Болото – глубокая впадина...", 1905).

Цепеню, и сплю, и грущу. – В примечаниях к стих. М.Ю. Лермонтова "Сон" (1841) Блок писал: «Владимир Соловьев видит в стихах удивительное доказательство способности поэта ко "второму зрению" и говорит, что "Лермонтов видел не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна – сновидение в кубе» (См.: Лермонтов М.Ю. Избр. соч. / Ред., вступ. статья и примеч. Ал. Блока. Берлин; Пб., [1921]. С. 500–501). В поэме использован близкий художественный прием: герой погружен в сон во сне.

И проходят, быть может, мгновенья, // А быть может, – столетья. – Вневременность повествования характерна для мифологической и сказочной традиции.

... Или стонут глухие сирены... – Сирены – в греч. мифологии морские существа – полуженщины, полуптицы – заманивавшие своих жертв сладкоголосым пением. В позднейшем значении – корабельные гудки. Ср. в поэме "Ее прибытие" (1904): "Днем и ночью дышит мол // Очарованный сиреной"; "Как море ликует! Вы слышите – где-то – // За ночью, за бурей – зыванье сирен".

... Корабли из веселой страны. – Корабль – один из важнейших, сквозных образов "второго тома", символизирующий надежду на грядущие перемены. Близок к традиции Г. Ибсена, в драмах которого корабль – символ, воплощающий полный превратностей жизненный путь человека ("Пер Гюнт", 1867), мечту о прекрасной жизни ("Женщина с моря", 1888). Образ хранит и вечные смыслы духовных поисков, спасения, личной свободы (мифологический Арго, библейский ковчег, романтический челн).

... Побежала веселая мышка. – Образ мыши связан с темой времени. Ср. у А.С. Пушкина: "Парки бабье лепетанье, // (...) Жизни мышья беготня..." ("Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы", 1830). В близком значении использован этот образ в стих. "Она веселой невестой была..." (1905).

Для фольклорной традиции характерно противопоставление малых размеров мыши и ее большого воздействия на ход событий. В поэме появление мыши приводит к решительным последствиям ("И над старыми их головами // Больше нет королевских венцов").

Над болотом цветет, // (...) // Мой лиловый цветок... – Ср. в статье "Безвременье": "А над трясинной мирно качается голубой цветик..."

Я у самого края земли... – В блоковской топографии Петербург – город, находящийся на краю земли. См. в статье "Безвременье": "... он (Достоевский. – Ред.) забрел на конец света, где, в сущности, нет ничего, кроме болот с чахлыми камышами, переходящими в длинное серое море. Он основался там, где

... крайняя заводь глухая,
Край лиманов и топей речных,
И над взморьем клубится, вздыхая,
Дым паров и снарядов стальных. (И. Коневской)". (СС-85. С. 78)

... *Одинокий и мудрый, как дети.* – Ср.: "Не многолетние только мудры, и не старики разумеют правду" (Иов. XXXII. 9); "Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное" (Мф. XVIII. 2–3).

... *И больших кораблей приближенье...* – Ср. в поэме "Ее прибытие" (1904): "И с часу на час ожидает прибытий // Больших кораблей из далекой страны".

... *Будто вести о новой земле.* – Новая земля и новое небо – апокалиптические символы преображенного божественной волей мира: "И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали {...}" (Откр. XXI. 1). Во "втором томе" использованы в стихотворениях "Ты придешь и обнимешь...", 1906 ("Мне лицо опрокинешь // Встречу новой земле."); "Иванова ночь. (Мы выйдем в сад с тобою, скромной...)", 1906 ("И в новых небесах увидишь // Лишь две звезды – мои глаза") и "Милый брат! Завечерело...", 1906 ("Словно мы – в пространстве новом. // Словно – в новых временах").

... *Что нечаянно Радость придет // И пребудет она совершенной.* – Образ Нечаянной Радости восходит к христианской легенде о благодатной силе иконы Божьей Матери, увлекшей грешника к раскаянию. Образ сопровождает евангельская реминисценция: "Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна" (Ин. XV.11); "Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна" (Ин. XVI. 24).

Другие редакции и варианты

(*Вспомнить о Сольвейг*) – ЧА ЗК₁₁ – Сольвейг – героиня драмы Г. Ибсена "Пер Гюнт" (1867), символ чистоты и верности. В окончательном тексте "Ночной Фиалки" отсутствует упоминание Сольвейг, однако в связи с общим северным колоритом поэмы сохраняется возможность этой образной переклички. Образ Сольвейг активно жил в поэтическом сознании Блока этих лет (см. стих. "Сольвейг" ("Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...", 1906) и "Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...", 1906).

И чувственные // И чистые... (ЧА ЗК₁₁) – Мотив чувственности в описании героини сна может быть связан с мифопоэтической символикой цветка – ночной фиалки (см. выше, с. 584).

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Раздел "Разные стихотворения" состоит из 85 стихотворений: это – самый крупный из разделов второй книги "Стихотворений" Блока и самый объемный в хронологическом отношении: стихотворения, его составляющие, написаны между январем 1904 г. и 1 августа 1908 г.; хронологические рамки раздела почти совпадают с хронологическими границами всей книги.

Раздел "Разные стихотворения" впервые появился в издании "Стихотворений"

Блока 1916 г. (II₃). Заглавие, избранное Блоком, восходило к единственному прижизненному авторскому сборнику "Стихотворений" Аполлона Григорьева (СПб., 1846), состоявшему из двух разделов: I – "Гимны", II – "Разные стихотворения". Готовя в 1914–1915 гг. издание "Стихотворений Аполлона Григорьева" (М., 1916), Блок сохранил неизменной структуру прижизненного сборника и ввел дополнительные разделы, в одном из которых повторил заглавие Григорьева. В примечаниях к книге Блок указал: "Третий отдел я обозначаю тем же именем *Разных стихотворений* (под цифрой II), собирая здесь те оригинальные стихи, которые не вошли в книжку (...) и наконец те, которые были написаны после 1846 года" (СС-1211. С. 360; см. также: Кумпан К., Основат А. Предшественник-современник. Блок в работе над изданием "Стихотворений" Аполлона Григорьева. – Лит. обозрение. 1980. № 10. С. 56–58).

Большинство стихотворений, составляющих раздел, ранее печаталось во второй книге стихов Блока "Нечаянная Радость" (II₁), в третьей книге стихов "Земля в снегу" (ЗС), в трехтомном "Собрании стихотворений" 1911–1912 гг. – во второй книге "Нечаянная Радость" (II₂) и в третьей книге "Снежная ночь" (III₁). Открывающее раздел стихотворение "Жду я смерти близ денницы..." входило (под заглавием "Подражание") в раздел "Перекрестки" первой книги Блока "Стихи о Прекрасной Даме" (I₁) и в первую книгу трехтомного "Собрания стихотворений" 1911–1912 гг. (I₂).

Почти половина будущего состава раздела – 40 стихотворений 1904–1906 гг. – была напечатана в II₁. Стихотворения распределялись по всем шести разделам книги с дискретной композицией (седьмой раздел – поэма "Ночная фиалка"). Из них два стихотворения входили в раздел "Весеннее", состоявший из 11 стихотворений, – "Сольвейг" и "Влюбленность". Раздел "Детское" (7 стихотворений) состоял целиком из произведений, вошедших позднее в "Разные стихотворения": "Балаганчик", "У моря", "Поэт", "В туманах, над сверканьем рос...", "Вербочки", "Девушка пела в церковном хоре...", "В лапах косматых и страшных...". 14 стихотворений были помещены в разделе "Магическое" (общее количество – 23 стихотворения): "Она веселой невестой была...", "В голубой далекой спальне...", "Ночь", "Там, в ночной завывающей стуже...", "Зажигались окна узких комнат...", "Фиолетовый запад гнетет...", "Я живу в глубоком покое...", "Вот на тучах пожелтелых", "Ты оденешь меня в серебро...", "Иванова ночь", "Потеха! Рокочет труба...", "Прискакала дикой степью...", "Сказка о петухе и старушке", "An Hans Guenther" ("Ты был осыпан звездным цветом..."). 3 стихотворения – "Шли на приступ. Прямо в грудь...", "Бред" и "Осенняя воля" – были помещены в разделе "Перстень-Страданье", состоявшем из 10 стихотворений. 10 стихотворений входили в раздел "Покорность" (общее количество – 17 стихотворений): "Моей матери" ("Помнишь думы? Они улетели..."), "Моей матери" ("Тихо. И будет все тише..."), "Старость мертвая бродит вокруг...", "Гроб невесты легкой тканью...", "Все отошли. Шумите, сосны...", "Оставь меня в моей дали...", "Умолкает светлый ветер..." ("Утихает светлый ветер..."), "Взморье", "Нежный! У ласковой речки...", "Мы подошли – и воды синие...". Наконец, 4 стихотворения – "Так. Неизменно все, как было...", "Вот Он – Христос – в цепях и розах...", "Не строй жилищ у речных излучин..." и "Ты придешь и обнимешь..." – входили в раздел "Нечаянная Радость", состоявший из 13 стихотворений.

Кроме раздела "Детское", в II₁ выделяются также, как основной резерв текстов будущего раздела, "Магическое" и "Покорность": более половины текстов этих разделов вошло позднее в "Разные стихотворения". В целом же принципы цикли-

зации, осуществленные в II_1 (дробность разделов, отсутствие хронологической упорядоченности, отбор и композиция стихотворений на основании их эмоционально-тематической близости и образно-стилевой соотнесенности), не имеют ничего общего с принципами, которыми впоследствии руководствовался Блок, составляя раздел "Разные стихотворения".

Аналогичным образом, хотя и с меньшей дробностью, распределяются стихотворения будущего раздела в ЗС: 19 стихотворений 1906–1907 гг. вошли в четыре раздела из шести (другие два раздела – устойчивые по составу и композиции "Вольные мысли" и "Снежная Маска"). Из них два стихотворения были помещены в раздел "Мещанское житье", состоящий из 18 стихотворений, – "Девушке" и "Мещанке" ("Ты можешь по траве зеленой..."); два – в раздел "Послания", состоящий из 15 стихотворений, – "Незнакомке. II" ("Шлейф, забрызганный звездами...") и "Незнакомке. III" ("В час глухой разлуки с морем..."). Остальные 15 стихотворений распределены по двум разделам – "Подруга Светлая" и "Песня Судьбы". В раздел "Подруга Светлая" (общее количество – 13 стихотворений) вошли 9 стихотворений, то есть три четверти его состава: "Ангел-Хранитель", "О несказанном" ("Милый брат! Завечерело..."), "Мэри. I. Нет имени тебе..." ("Нет имени тебе, мой дальний..."), "Мэри. II. Молитва" ("О жизни, догоревшей в хоре..."), "Мэри. III. В синем небе" ("В синем небе, в темной глуби..."), "Прошли года" ("Прошли года, но ты – все та же..."), "Прости" ("Так окрыленно, так напевно..."), "Надпись на книге стихов" ("Здесь тишина цветет и движет..."), "Русь". В раздел "Песня Судьбы" (общее количество – 16 стихотворений) вошло 6 стихотворений: "Судьба" ("Зачатый в ночь, я в ночь рожден..."), "Балаган", "Усталость", "Белые ночи" ("Придут незаметные белые ночи..."), "Сын и мать. I. Моей матери" ("Сын осеняется крестом..."), "Колдунья" ("Ищу огней – огней попутных..."). Таким образом, в ЗС основной резерв будущих "Разных стихотворений" – разделы "Подруга Светлая" (в наибольшей степени) и "Песня Судьбы". Однако принципы циклизации, сходные с осуществленными в II_1 , препятствуют тому, чтобы проводить какие-либо отчетливые аналогии между этими разделами и соответствующими им хронологически фрагментами "Разных стихотворений".

25 произведений из окончательного состава "Разных стихотворений" в I_1 , II_1 и ЗС напечатаны не были.

В трехтомное "Собрание стихотворений" 1911–1912 гг. вошло 74 стихотворения из окончательного состава раздела: в I_2 – одно (указанное выше), в II_2 – 60, в III_1 – 13 стихотворений. (Неоконченная поэма "Ее прибытие" рассматривается здесь по числу составляющих ее 7 стихотворений). За пределами издания осталось 11 стихотворений, включенных в раздел в II_4 .

60 стихотворений в II_2 распределены по всем восьми дискретным разделам книги (девятый, заключительный раздел – поэма "Ночная Фиалка"). Хотя общая структура и композиция книги восходила к II_1 , распределение стихотворений по разделам в сравнении с прежним изданием претерпело существенные изменения (в частности, в связи с выделением новых разделов: "Отравы" и "1905").

В первый раздел "Весеннее" (общее количество – 15 стихотворений) вошло 5 стихотворений: к двум, помещенным в II_1 , были добавлены: "Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...", "Так окрыленно, так напевно..." и "Тишина цветет". Раздел "Детское" был увеличен от 7 до 11 стихотворений: к прежнему составу раздела в II_1 из будущих "Разных стихотворений" было добавлено два – "Сын и мать" и "Угар". В раздел "Магическое" (14 стихотворений) были включены 3 стихотворения: "Шлейф,

забрызганный звездами...", "Там, в ночной завывающей стуже..." и "Ночь" (входившее в этот раздел в *II*). В новообразованный раздел "Отравы" (14 стихотворений) вошло 9 стихотворений: "Колдунья" ("Ищу огней – огней попутных..."), "Ты можешь по траве зеленой..." и семь стихотворений, перенесенных из раздела "Магическое" в *II* ("Потеха! Рокочет труба...", "An Hans Guenther" ("Ты был осыпан звездным цветом..."), "Иванова ночь", "Я живу в глубоком покое...", "Ты оденешь меня в серебро...", "Вот на тучах пожелтелых...", "Фиолетовый запад гнетет..."). 3 стихотворения помещены в разделе "Перстень-Страданье" (общее количество – 14 стихотворений): "Ангел-Хранитель", "Умолкает светлый ветер..." ("Утихает светлый ветер...") и "Бред" (входило в этот раздел в *II*). В новообразованный раздел "1905" (16 стихотворений) включено 10 произведений: "Сказка о петухе и старушке", "Шли на приступ. Прямо в грудь...", "Прискакала дикой степью..." и 7 стихотворений, составляющих поэму "Ее прибытие". Следующий раздел, "Покорность", содержит 13 стихотворений; все они затем включены в "Разные стихотворения" из них 9, входивших в этот раздел в *II* (10-е – "Умолкает светлый ветер..." – перенесено в "Перстень-Страданье"), а также 3 стихотворения, перенесенные из раздела "Магическое" в *II* ("Она веселой невестой была...", "В голубой далекой спальне...", "Зажигались окна узких комнат..."), и стихотворение "В час глухой разлуки с морем...". Наконец, 8 текстов вошли в раздел "Нечаянная Радость" (общее количество – 16 стихотворений): кроме четырех стихотворений, входивших в этот раздел в *II*, также "Осенняя воля", "Не мани меня ты, воля...", "Русь" и "Брату" ("Милый брат! Завечерело...").

В качестве основного резерва текстов "Разных стихотворений" в *II* выделяются, как и в *II*, разделы "Детское" и "Покорность", а также раздел "Отравы", в который перешло значительное количество стихотворений из раздела "Магическое" в *II*; велика доля будущих "Разных стихотворений" в разделах "Нечаянная Радость" и "1905" (половина и более половины текстов). Остальные разделы книги ("Весеннее", "Магическое", "Перстень-Страданье") отразились в "Разных стихотворениях" незначительно.

В *III* распределение 13 стихотворений по разделам было столь же дробным. Стихотворения вошли в пять разделов из девяти, составивших книгу: в раздел "Песня Судьбы" – 3 стихотворения ("Балаган", "Зачатый в ночь, я в ночь рожден...", "Она пришла с заката..."), в раздел "Страшный мир" – 4 ("Придут незаметные белые ночи..." и "С каждой весною пути мои круче..." – как цикл из двух стихотворений "Белые ночи", "Девушке", "Я миновал закат багряный..."), в раздел "Возмездие" – 1 ("Усталость"), в раздел "Арфы и скрипки" – 1 ("В серебре росы трава..."), в раздел "Родина" – 4 ("Прошли года, но ты – все та же...", "Нет имени тебе, мой дальний...", "О жизни, догоревшей в хоре...", "В синем небе, в темной глуби..." – последние три в составе цикла "Мэри").

Во втором издании "Стихотворений" Блока в трех книгах (1916) новообразованный раздел "Разные стихотворения" во второй книге (*II*) составляют 46 стихотворений. Из них в окончательный состав раздела в *II* включено 43 стихотворения (две пьесы – стихотворный перевод "Из Байрона" ("Бесплодные места, где был я сердцем молод...") и "Зайчик" – не вошли в издание, стихотворение "Передвечернюю порою..." перенесено в раздел "Город"); кроме того, 5 текстов, вошедших в *II* в "Разные стихотворения", – "Осенняя воля", "Не мани меня ты, воля...", "Вот Он – Христос – в

цепях и розах...", "Прошли года, но ты – все та же...", "Русь" – были помещены в раздел "Родина" в третьей книге издания (*III*₂).

Таким образом, в *II*₃ в раздел "Разные стихотворения" вошла лишь половина его окончательного состава. По внутренней структуре и композиционной последовательности текстов раздел, однако, близок к своему окончательному виду. Стихотворения расположены по хронологическому принципу: лишь в отдельных случаях допущены нарушения хронологии: так, раздел завершало стихотворение "Она пришла с заката..." (8 ноября 1907), помещенное после стихотворения "Я миновал закат багряный..." (февраль 1908). Прежние разделы, в которых стихотворения были скомпонованы на основании их образно-тематического и стиливого сходства (*II*₁, *ЗС*, *II*₂, *III*₁) не нашли себе в новой, объединяющей структуре "Разных стихотворений" никакого внешнего соответствия.

В *II*₄ раздел "Разные стихотворения", сохраняя свою структурную определенность, увеличен вдвое; в его внутренней композиции строго соблюден хронологический принцип: все стихотворения расположены последовательно в соответствии с временем их создания. Раздел расширен за счет: 1) стихотворений, перенесенных из раздела "Родина" в *III*₂; 2) стихотворений, входивших в "Собрание" 1911–1912 гг. и оставшихся за пределами издания 1916 г.; 3) одиннадцати стихотворений, впервые в данном издании включенных Блоком в состав основного собрания: "Я восходил на все вершины...", "Поет, краснея, медь. Над горном...", "Все бежит. Мы пребываем...", "Тяжко нам было под вьюгами...", "Вот – в изнурительной работе...", "Есть лучше и хуже меня...", "Проклятый колокол", "Твоя гроза меня умчала...", "Когда я создавал героя...", "Всюду ясность Божия...", "Твое лицо мне так знакомо...". Кроме того, в первоначальный состав раздела входили еще два текста: "В глубоких сумерках притвора..." (между стихотворениями "Моей матери" ("Помнишь думы? Они улетели...") и "Все отошли. Шумите, сосны...") и "Я песельник. Я девок вывожу..." (между стихотворениями "Девушке" и "Когда я создавал героя..."); в августе 1918 г. они были вычеркнуты Блоком в корректуре-гранках (см.: *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 5, 9).

Создание крупного, многосоставного раздела "Разные стихотворения" отражает существенные изменения в поэтическом мироощущении Блока 1910-х годов. Отказ от прежней дробной циклизации, основанной на субъективных, во многом зыбких и прихотливых идейно-психологических и эстетических критериях, проведенной в книгах 1906–1912 гг., заключал в себе, наряду с тяготением к большей четкости и тематической определенности содержания раздела, и стремление к преодолению "декадентской" искусственности и претенциозности, сказывавшихся в композиционных принципах прежних книг (см.: *Гинзбург Л.* О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 262–263). Заглавием раздела подчеркивается принципиальная неоднородность составляющих его стихотворений, их несводимость к каким-либо образным, стиливым, тематическим доминантам. «Этот отдел, невозможный в первой книге, тяготеющей к монолитной композиции, рождается из самой основы второго тома, из его играющей стихии, из идеи *вольности*, многоликости жизни, открытости души разнородным – "разным" – жизненным впечатлениям» (*Максимов Д.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 100).

В этом отношении раздел, во внутренней композиции которого осуществлен тот же хронологический принцип, что и в первой книге основного собрания стихотворений Блока, представляет собой своего рода модель всей второй книги, в ее

внутреннем единстве и одновременно разомкнутости, сочетании и пересечении многообразных тематических и идейно-эстетических тенденций. Аккумулируя темы и мотивы, обозначенные в заглавиях разделов книг 1906–1912 гг. ("Детское", "Магическое" и др.), "Разные стихотворения" вместе с тем включают в себя произведения, связанные с другими разделами второй книги. Раздел решает и еще одну, композиционную задачу: он прочерчивает "путь" блоковской лирики в 1904–1908 гг. Это особенно заметно в произведениях 1904 г. Изменение настроений от кризисного мироощущения тех дней, когда Блок, изживавший "соловьевство", утратил духовные и творческие перспективы ("Жду я смерти близ денницы...", "Я восходил на все вершины...", "Ты оденешь меня в серебро..." и др.), к предреволюционным "чаяниям" (поэма "Ее прибытие") и поискам новых путей духовного преображения ("Все бежит, мы пребываем...", "Осенняя воля") нигде, кроме "Разных стихотворений", не отражено столь отчетливо. В дальнейшем "Разные стихотворения" строятся так, что эволюция Блока подчеркивается образно-стилевыми переключками произведений этого и других разделов книги; например, стихотворение "Вот Он – Христос – в цепях и розах..." содержит мотивы, развиваемые в разделе "Пузыри земли"; стихотворения, заключающие в себе аллюзии на революционные события 1905–1906 гг. ("Шли на приступ. Прямо в грудь...", "Прискакала дикой степью...", "Сказка о петухе и старушке"), соотносятся с аналогичными произведениями из раздела "Город" ("Поднимались из тьмы погребов...", "Митинг", "Вися над городом всемирным..." и др.); тексты "звездной" тематики ("Там, в ночной завывающей стуже...") и некоторые заключительные стихотворения ("Она пришла с заката...", "Я миновал закат багряный...") по своей образной символике непосредственно примыкают к разделам "Снежная Маска", "Фаина" и т.д. Наконец, в "Разные стихотворения" входят группы текстов, связанные с эволюцией блоковского творчества в целом (ср. стих. "Балаганчик" и др., предваряющие драму "Балаганчик", 1906).

"ЖДУ Я СМЕРТИ БЛИЗ ДЕННИЦЫ..."

(С. 37)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₄*. Л. 15 об. ("Подражание"), "Январь"; *БА – РГБ*. Ф. 423. Карт. 1. Ед. хр. 6 ("Смерть придет ко мне с денницей..."), "7 февраля 1904", дата под текстом – рукой Л.Д. Блок (?); *БА – ГЛМ*. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 30 об. ("Подражание"), "Январь", при письме к С.М. Соловьеву от 8 марта 1904 г. (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 235; *Там же*, на с. 237 – факсимиле).

Первые: *1₁*. С. 75, под загл. "Подражание", в разд. "Перекрестки".

Публикации: *1₂*. С. 195 ("Подражание"), первое в разд. "1904"; *1₄*. С. 43; *1₅*. С. 41.

В *БА РГБ*, первая строфа и заключительное двустишие которого существенно отличаются от основного текста (приведены в: *Иванов-Разумник*. Л. 132), имеются чернильные пометы Блока: ст. 15–16 слева отчеркнуты фигурной скобкой со знаками "?!" на полях; справа условное изображение растения и под ним инициалы "Е.Л."; внизу подпись: "Ал. Блок (Валерий Брюсов)" и рисунок с пометой "Мир искусства 9–10–11–12". На обороте листа – шуточные рисунки Блока. Над текстом – написанные карандашом рукой Л.Д. Блок (?) разрозненные фрагменты из стихотворения Брюсова:

"Приходи путем знакомым
ломом
Острый запах мертвых роз.
Проступила синева.
Хорошо! Я не жива!
Буду я тебе верна."

На этом же автографе помета: "Подарено М.А. Бекетовой К.С. Лабутину. Приобретено у него 3.IV.35. В. Гольцев". По всей вероятности, *БА РГБ* отражает первоначальный текст. В *T₄*, *БА ГЛМ* и в первых публикациях (*I₁*, *I₂*) стихотворение озаглавлено: "Подражание". Примечание к заглавию в *БА ГЛМ* соотносится с текстом эпиграфа в *T₄*. Посвящение "Л.Д. Семенову" впервые появилось в *I₁*, второй инициал снят в *II₄*. В *РЭ I₂* текст зачеркнут Блоком; в *II₃* не вошло.

Написано под впечатлением от стихотворения В.Я. Брюсова "Призыв" ("Приходи путем знакомым...", 1900), которое было опубликовано под заглавием "Пришлица" в журнале "Золотое руно" (1906. № 1. С. 43–44, в подборке "Воскресшие песни", составленной из произведений, которые ранее не могли быть напечатаны по цензурным условиям). 14–15 января 1904 г. Блок писал матери, что 11 января у Белого «Брюсов без дам читает два стихотворения – "Белый всадник" ("Конь блед". – *Ред.*) и "Приходи путем знакомым". – Еще важнее "Urbi et Orbi"!». Значение для Блока этого периода сборника "Urbi et Orbi" (М., 1903) очень велико: ср. письмо Брюсову от 23 февраля 1904 г. В письме Брюсову от 31 января 1904 г. Блок просил прислать "Приходи путем знакомым..."; просьба была удовлетворена.

Блок неоднократно подчеркивал зависимость своего стихотворения от брюсовского. Автограф стихотворения, помеченный 7 февраля 1904 г., имеет шуточную подпись: "Ал. Блок (Валерий Брюсов)". Посылая стихотворение С.М. Соловьеву, Блок снабдил его иронической пометой: «Скандировать на голос Валерия Брюсова "Приходи путем знакомым"» (8 марта 1904 г.).

Несмотря на близость основной темы (любовь и смерть), многих ситуаций и деталей, а также стихотворного размера, произведения Брюсова и Блока глубоко различны: "Приходи путем знакомым..." насыщено эротико-некрофильскими мотивами – в "Жду я смерти близ денницы..." смерть предстает как приобщение высшим мирам. Тем не менее, значимо позднее не включение Блоком этого стихотворения в цикл *СПД* при подготовке *I₃* в 1915 г.

Н.Я. Абрамович отмечал сходство настроений этого стихотворения и картин М.В. Нестерова: обоим художникам свойственна "поэзия религиозности, чуждой грубой фальши официозности, вышедшей из недр народной души, слитой с родной природой и с укладом народной психики" (*Абрамович Н.* Стихийность в молодой поэзии // *Образование.* 1907. № 11. С. 22. 2-я паг.).

Семенов-Тянь-Шанский Леонид Дмитриевич (1884–1918) – поэт-символист, университетский товарищ Блока. Блок интересовался поэзией Семенова (см. его рец. на кн.: *Семенов Л.* Собрание стихотворений, СПб., 1905 // *СС-85*, С. 589–593). 1903–1905 гг. – период интенсивного общения Блока с Семеновым, который в это время углублен в индивидуалистические мистические переживания. Ср. в письме Блока Белому от 13 октября 1903 г.: " (...) лампадка у каждого своя – и, увы! – мы в этом еще глубоко, нескончаемо индивидуальны (...) Я говорю, например, про Семенова (...) Пусть

поскорее зажигает свою лампадку". В стих. Л.Д. Семенова "А.А. Блоку" ("Не спи, но спящих не буди...", 15 декабря 1903 г.) развивается близкий к "Жду я смерти близ денницы..." мотив мистического ожидания на заре, связанного с любовью и смертью: "Заутра выйди на крыльцо, // Надень венчалное кольцо // И обратив к заре лицо // Молись и жди" (*Семенов Л. Собрание стихотворений. С. 54*). О Семенове см.: *Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 10, 13, 19, 20, 35–43, 63; Чулков Г. Годы странствий. М., 1930. С. 175–177; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933 (см. по им. указ.); Иванов Е.П. Воспоминания об Александре Блоке. – БС-1. С. 376–377; Минц З.Г. Л.Д. Семенов-Тянь-Шанский и его "Записки" [публикация записок Л.Д. Семенова "Грешный грешным"] // УЗ ТГУ. 1977. Вып. 414. С. 102–146; Свечой перед Господом. Леонид Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский. Грешный грешным / Публ. и примеч. В.С. Баевского // Русск. филология. Учен. зап. Смоленского гуманитарного ун-та. 1994. С. 188–256.*

Жду я смерти близ денницы... – Денница – здесь: утренняя заря. Мотив смерти на заре – один из традиционных в поэзии русских символистов. Ср.: *Мережковский Д.С. Дети ночи. 1893 // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. М., 1913. Т. 22. С. 171; Сологуб Ф. "Друг мой тихий, друг мой дальний..." // Сологуб Ф. Собрание стихов. Кн. III и IV. 1897–1903 гг. М., 1904; Белый А. Северная симфония (1-я, героическая). М., 1904. С. 107–121. В финале "Северной симфонии" Белого восход утренней звезды – Денницы – означает эсхатологический "конец мира" и начало "новых времен". У Блока мотив смерти на заре появляется в "Стихах о Прекрасной Даме" (ср. стих. "Молитву тайную твори...", 1901. Т. 1). Сюжет о мертвом царевиче (и его грядущем воскресении) составляет основу лирики Семенова начала 1900-х годов (ср. "К Мессии", 1901).*

Здесь исполни долг царицы... – Образ царицы, совершающей над умершим царем погребальный обряд, – в стих. Л. Семенова "Видения" (1904) (*Семенов Л. Собрание стихотворений. С. 23–26*).

...В бледном свете ночника. – Ср. в стих. Брюсова "Приходи путем знакомым...": "Кроток, робок свет лампы...".

Я готов. Мой саван плотен. – Ср. у Брюсова: "Заверни мой саван белый...".

Смертный венчик вокруг чела... – В стихотворении используются детали православного похоронного обряда: покойника заворачивают в полотняный саван, на лоб надевают венчик. Перед выносом тела из дома путь устилают еловыми ветками.

Царски-каменной улыбки... – Объединение признаков "царственного" и "каменного" (неживого) получит дальнейшее развитие в творчестве Блока 1904–1906 гг. (ср. центральный образ-символ в драме "Король на площади", 1906).

"Я ВОСХОДИЛ НА ВСЕ ВЕРШИНЫ..."

(С. 37)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₄*, Л. 16, "март"; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 21. Л. 1 об., в письме Блока к Андрею Белому от 9 апреля 1904 г.

Впервые: *Корона*. Кн. 1, М., [1908]. С. 76, "1907" (в датировке, видимо, опечатка), без деления на строфы, в цикле "Подруга светлая".

Публикации: *И₄*. С. 44; *И₅*. С. 41–42.

Перед публикацией стихотворения в альм. "Корона" Блок разделил текст на четверостишия.

Весна – лето 1904 г. – время, когда меняется отношение Блока к соловьевству и идеалам периода раннего творчества. См., например, в письме к А. Белому от 7 апреля 1904 г.: "Прежних лиц я уже не вижу, страх перед *ними* отошел в милую память о собственной юности (...) Я окончательно потерял последнюю веру в возможность точности в окончательном". Отсюда – настроения тоски, растерянности, мысли о невозвратности идеалов Души Мира. 9 апреля 1904 г. Блок, посылая стихотворение (вместе с шестью другими) Белому, писал: "Мне было за это время ужасно скверно (см. прилагаемые стихи)".

Я восходил на все вершины... – Восхождение на гору – библейская ситуация, предвещающая общение пророка с Богом. (Ср.: Исх. III. 1–2; XIX. 20).

...Смотрел в иные небеса... – *Иной* – библеизм со значением "неземной, потусторонний".

...Мой факел был и глаз совиный... – Ср. в стих. "Сбежал с горы и замер в чаще..." (1902): "Мои глаза – глаза совы" (т. 1 наст. изд.). Сова воспринималась Блоком в ряду образов русской народной демонологии. (Ср.: *Афанасьев*, 3. С. 535).

...Как будто дважды чашу с ядом // Я поднесу к своим губам! – Ср. в стихотворении "Мысли мои утопают в бессилии..." (октябрь 1902): "Нет Тебе имени, Неизреченная (...) Чаша блаженная и ядовитая!" (т. 4 наст. изд.).

О нет! Я сжег свои приметы, // Испепелил свои следы! – По фольклорным представлениям, уничтожение следов препятствует возвращению оставившего следы (*Афанасьев*, 1. С. 38).

...Не возвратится до Звезды... – Звезда – в лирике первого тома одно из наименований героини, ср.: "В бездействии младом, в передраассветной лени..." (1901), т. 1 наст. изд. и др. Возможна также связь с евангельской рождественской символикой (вифлеемская звезда).

"ТЫ ОДЕНЕШЬ МЕНЯ В СЕРЕБРО..."

(С. 39)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЭК₈*. Л. 21 об. – 22 об., "14 мая" (над текстом); *БА – Т₄*. Л. 27 об., "14 Май" (дата приписана красным карандашом); *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 23. Л. 3 об., при письме к Андрею Белому от 5 июня 1904 г.; печ. текст – *НР II₂*. Л. 71.

Впервые: *ВЖ*. 1905. № 6. С. 160, в цикле "Нечаянная Радость".

Публикации: *II₁*. С. 62, в разд. "Магическое"; *II₂*. С. 63, в разд. "Отравы"; *II₄*. С. 45; *II₅*. С. 42.

В *ЧА ЭК₈* 3-я строфа основного текста следовала за 4-й; первое и второе двуступища 3-й строфы также были записаны в обратном порядке. В *ЭК₈* на л. 22 об. повторно записан ст. 1 ("Ты оденешь меня в серебро"); не исключено, что Блок предполагал заключить стихотворение строфой, идентичной 1-й строфе или перекликающейся с нею по смыслу. В *РЭ II₂* стихотворение перечеркнуто Блоком; в *II₃* не вошло.

Окончательный текст – *II₂*.

На автографе стихотворения, посланном Блоком А. Белому при письме от 5 июня 1904 г., – пометы Белого: "В общем дивное стихотворение"; к 1-й строфе –

"Удивительно", подчеркнуты слова "небесный Пьеро" (к ним помета: "Чистый Блок") и "Встанет красный пац на юру". В 3-й строфе подчеркнуты слова "яростный сон", к ним относится помета: "Можно бы и иначе". К стихам "И пац испугает сову, // Загремев под горой бубенцом" – помета: "Смутно" (*Блок и Белый*. С. 98).

Н.Я. Абрамович писал об этом и след. стихотворениях, а также о стихотворении "Потеха! Рокочет труба...", 1905: "Это действительно нечто магическое, но ни поэзии, ни искренности здесь нет, потому что таким набором слов и нельзя ничего сказать" (*Абрамович Н.* Стихийность в молодой поэзии // *Образование*. 1907. № 11. С. 22. 2-я паг.).

Ты оденешь меня в серебро... и след. – Мотив участия героини в обряде погребения охарактеризован в коммент. к стих. "Жду я смерти близ денницы...". Серебро в русском фольклоре – символ лунного света (*Афанасьев*, 1. С. 194–197), также связанный с темами болезни, утраты, смерти (см.: *Истолкование снов по астрономии, происходящих по течению Луны*. М., 1768). Ср.: "Милый воин не вернется, // Весь одетый в серебро..." ("Песня Офелии", 1899; т. 1 наст. изд.); "Выносили серебряный гроб..." ("Целый год не дрожало окно...", 1903; т. 1 наст. изд.); "Поздно встретимся у гроба // На серебряном пути..." ("Так. Я знал. И ты задул...", 1903; т. 1 наст. изд., и др.). Ср. также об этом в письме Белого Блоку от 8 апреля 1904 г. (*Блок и Белый*. С. 81).

...Выйдет месяц – небесный Пьеро... и след. – Отмечено, что в этих строках "персонифицированный образ луны" свидетельствует о "сохранении значимости луны как мифологического символа, используемого при гаданиях, в магических обрядах и т.п. (традиция, продолженная в европейском искусстве от романтизма и постромантизма, вплоть до символизма)" (*Иванов В.В.* Лунарные мифы // *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 2, С. 80). Персонажи арлекинады появляются в лирике Блока, начиная со стих. "Свет в окошке шатался...", 1902 (см. т. 1 наст. изд.). Возникновение их связано с мотивами разочарования в мистическом идеале, восприятием мира как балагана, с романтической иронией.

...Встанет красный пац на юру. – В трактовке Андрея Белого, принятой Блоком, красный цвет противопоставляется белому как знаку мистических прозрений. *На юру* – здесь: на холме.

Мертвый месяц – Ср. отмечавшиеся А.Н. Афанасьевым славянские мифологические представления о месяце как умирающем божестве (*Афанасьев*, 1. С. 189–192).

Только спросит подругу – зачем... и след. – Ср. тему забвения "первой любви" в стих. "Я восходил на все вершины...".

В этот яростный сон наяву... – Ср. в стих. В.С. Соловьева "Вижу очи твои изумрудные..." (1892): "В эти сны наяву, беспробудные...". Блок часто использовал этот образ (например, в письме Андрею Белому от 20 ноября 1905 г.).

...Опрокинусь я мертвым лицом. – Мотив "опрокинутости", связанный с темой смерти, самоубийства, появляется уже в 1902 г.: "Тогда мой путь опрокинется, // И я возвращусь к Тебе" (см. стих. "Когда святого забвения..."; т. 1 наст. изд., а также коммент. к нему); "И, опрокинувшись, заглянет // Мой белый призрак им в лицо" ("Сбежал с горы и замер в чаще...", 1902; т. 1 наст. изд.) и др. Ср. также у Белого: "И спасенный друг чуть грустил, бледным лицом своим опрокидываясь в волны, и его спокойный профиль утопал среди белых цветов забвения" (*Белый А.* Северная симфония. М., 1904. С. 105).

Знаю – сморщенный лик его стар... – О символике старости см. коммент. к стих. "Старик" (т. 1 наст. изд.).

"ФИОЛЕТОВЫЙ ЗАПАД ГНЕТЕТ..."

(С. 39)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₈*, Л. 22 об. – 23, "17 мая день приезда мамы и Францика"; *БА – Т₄*, Л. 28, "14. Май" (дата приписана красным карандашом); *БА – РГБ*, Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 23. Л. 3, при письме к Андрею Белому от 5 июня 1904 г.; *БА – РГАЛИ*, Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 4 (под текстом подпись – "Александр Блок"); *АС – НР II₂*, Л. 73, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *II₁*, С. 58, в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*, С. 64–65, в разд. "Отравы"; *II₃*, С. 43; *II₄*, С. 46; *II₅*, С. 43.

В *ЧА ЗК₈* 4-я строфа имеет множество незавершенных набросков текста и слоев правки, состав и последовательность которых реконструируется предположительно. Окончательный вид четвертая строфа приняла в *Т₄*. В *БА РГАЛИ, II₂ (НР II₂), II₃* в ст. 15 слово "мертвец" не выделено курсивом. В *РЭ II₂* имеются пометы Блока – вверху: "Р(азные) ст(ихотворения)", внизу дата: "май 1904".

Окончательный текст – *II₁*.

На автографе, посланном Блоком А. Белому при письме от 5 июня 1904 г., имеются замечания Белого: "Безусловно хорошо и самостоятельно по разработке. Выбор темы несколько мой". К стиху "Каждый душу разбил пополам" – помета: "Очень метко"; к последней строфе – "Чисто по-блоковски".

Упоминается в заметках А. Коринфского (псевдоним – Литературный Старовер), односторонне и отрицательно оценивавшего поэзию символистов: "В дебрях и тундрах современной литературы" (Голос правды. 1907. № 405. 8 февр.). Отзывает Н.Я. Абрамовича см. в коммент. к стих. "Ты оденешь меня в серебро...", 14 мая 1904.

Фиолетовый запад гнетет... – Ср. слова Блока из записной книжки весны 1904 г.: "Живем гораздо скорее окружающих. Погружаемся раньше их в фиолетовый холод дня. Чувствовать Ее – лишь в ранней юности и перед смертью (<...> Теперь побольше ума" (*ЗК*, С. 63. "Фиолетовый холод дня" здесь – то, что сменило мистические "зори" первого тома). Фиолетовое характеризует миры "демонического", "инфернального", ассоциируясь с цветовой гаммой врубелевского "Демона" – ср. в статье "О современном состоянии русского символизма", 1910: "<...> врывается сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение этих цветов у Врубеля)" (*СС-85*, С. 428); а также в воспоминаниях С.М. Соловьева, относящихся к 1904 г.: "Вообще белые краски исчезли с его палитры, заменялись розовыми, чтобы скоро погаснуть в черно-фиолетовых сплавах, в диком Врубелевском колорите" (*Воспоминания*, I, С. 119). Со временем фиолетовый (лиловый) цвет для Блока стал знаком всего периода "антитезы", который он в 1910 г. описывает как "мятеж лиловых миров" ("О современном состоянии русского символизма" – *СС-85*, С. 431). Возможно, символика фиолетового цвета восходит и к масонской обрядности. Ср. "братство фиолетовой ленты", о котором Блок мог узнать при подготовке кандидатского сочинения "Болотов и Новиков" (1904). О возможном масонском подтексте стихотворения см.: *Владимирова И.*

[Душечкина И.В.], Григорьев М. [Альтшуллер М.Г.], Кумпан К. А.А. Блок и русская культура XVIII века // БС-4. С. 49–50.

...Как пожать десницы свинцовой. – Реминисценция из "Каменного гостя" Пушкина (сцена IV – последняя реплика Дон Гуана): "...о, тяжело // Пожать каменной его десницы!".

Мы летим неизменно вперед... – Ср. панно М.А. Врубеля "Полет Фауста и Мефистофеля" (1896) с его фиолетово-зеленым колоритом. Работа экспонировалась на выставках "Мира искусства" в начале 1900-х годов. Черно-белая репродукция картины была помещена в журнале "Мир искусства" (1901. № 2–3. С. 86).

Брызжут искры и блещут кольчуги. – Всадник в блестящих доспехах – один из лирических персонажей "первого тома": "Всадник в битвенном наряде (...) Искры на мече (...) Блещут стремена" ("Дали слепы, дни безгневны...", 1904; т. 1 наст. изд.).

Поднимаем на севере прах... и след. – Высказана догадка, согласно которой по этим строкам можно определить направление полета: всадники «отвернулись от "фиолетового запада", на севере они "поднимают прах" и "оставляют лазурность на юге" – их путь лежит на Восток», т.е. к идеалам масонства (Владимирова И., Григорьев М., Кумпан К. Указ. соч. // БС-4. С. 49).

Ставим троны иным временам... – Иной – см. в коммент. к стих. "Я восходил на все вершины...". Ср. в стих. "На перекрестке..." (5 мая 1904): "Солнце – как медный шлем воина, // Обращенного ликом печальным // К иным горизонтам, // К иным временам...".

Каждый душу разбил пополам... – Ср. в стих. "Люблю высокие соборы...", 1902: "Боюсь души моей двуликой" (т. 1 наст. изд.); ср. также в письме Блока Белому от 7 апреля 1904 г.: "И так везде – расколотовость, фальшивая для себя самого двуличность, за которую я бы отомстил, если б был титаном, а теперь только *заглажу* ее". Тема душевной расколотовости современного человека – одна из центральных в творчестве Блока периода "второго тома". Ср. в дневнике Е.П. Иванова: «Мысль Ал. Блока о двоеверии большая, очень большая мысль. Но это не в прежнем смысле раздвоение двоеверного в историческом совмещении языческого и христианского. Нет, чувствуется нечто новое. Какая-то "новая красота" (о ней где-то у Лермонтова в "Демоне") и красота "древняя", не новая, историческая красота ангелов – богов, не знающих еще суда о "новой" – Демона, не знающих суда Сына Человеческого» (25 января 1905 г. – БС-1. С. 390).

Нам открылось в гаданьи: мертвец // Впереди рассекает ущелье. – Ср. образ мертвого всадника из баллад В.А. Жуковского "Людмила" (1808) и "Ленора" (1831), представляющих собой переложение и перевод баллады Г.-А. Бюргера (1747–1794) "Lenore" (1773), навеянной немецкими народными легендами о мертвом женихе. Для А. Белого эти строки стали знаком разлада между младшими символистами, упадка мистических настроений, обозначившегося в 1904 г.: "{...} А.А. доказывал: всем будет трудно друг с другом: по-разному подходили к заре, непонимание еще прежде таилось меж нами; теперь оно вскрылось: быть худу.

Открылось:

...мертвец

впереди рассекает ущелье" (Белый, 2. С. 251).

Кроме того, для Белого "мертвец" – "темный двойник" Блока (Там же, 1. С. 266–267). Стихи Блока Белый сопоставляет с одним из своих впечатлений о пребывании в

Шахматове в 1904 г.: "Черное небо выступило на мгновение передо мной, а А.А. мне сказал, что он вообще не видит в будущем для себя света, что ему – темно, что он темный, что смерть, может быть, восторжествует ("Нам открылось – мертвец впереди рассекает ущелье")" – (*Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Воспоминания*, I. С. 287–288).

ВЗМОРЬЕ

("Сонный вздох онемелой волны...")

(С. 40)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₈*. Л. 28 об. – 29; *ЧА₁* – *ЗК₈*. Л. 29 об. – 30 ("Пьяный мрак одичалой весны..."); *ЧА₂* – *ЗК₈*. Л. 58–59 ("Пьяный вздох одичалой весны..."), "26 мая"; *БАП* – *Т₄*. Л. 25 об. – 26, "май", "26 мая" (дата – красным карандашом); *БА* – *РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 23. Л. 3 об. – 4, при письме к Андрею Белому от 5 июня 1904 г.; *АС* – *НР II₂*. Л. 117, рукой А.А. Кублицкой-Пиотух.

Впервые: *Гриф-1905*. С. 23, в цикле "Город".

Публикации: *II₁*. С. 117–118 и *II₂*. С. 121–122 – в разд. "Покорность"; *II₃*. С. 44; *II₄*. С. 47; *II₅*. С. 43–44.

Печатается с исправлением опечатки в ст. 20 (исправлена Блоком в *Кор II₄*).

В *ЗК₈* текст стихотворения имеет три слоя: предварительные черновые наброски, первоначальная черновая редакция (приведены в: *Иванов-Разумник*. Л. 133–134) и датированный черновой автограф основной редакции.

Тексты *Т₄*, *БА РГБ* и первой публикации в *Гриф-1905* восходят к *ЧА₂ ЗК₈*. Правка в *Т₄*, приводящая ст. 1, 17, 19 к окончательному тексту, вероятно, проведена при подготовке публикации в *II₁*.

Окончательный текст – *II₁*.

В *РЭ II₂* в 3-й строфе первое и второе двустипия переставлены местами и исправлен ст. 11; 4-я строфа зачеркнута, на полях – знак "NB"; под текстом указана дата: "Май 1904". Помета над заглавием ("Арфы и скрипки") отразила неосуществленное намерение Блока перенести стихотворение в третий том Собрания стихотворений. В переработанном виде вошло в *II₃*; в *II₄* Блок восстановил прежнюю редакцию текста.

Было послано Блоком Белому при письме от 5 июня 1904 г.

Н.Я. Абрамович в своей рецензии на *II₁* включил "Взморье" и "Гроб невесты легкой тканью..." в "ряд прекрасных стихотворений, чуждых мертвенной символики и тонких по вяжию поэзии" (*Образование*. 1907. № 2а. С. 93. 3-я паг.).

Там корабль возвышался, как царь, // И вчера в океан отошел. – О символике корабля см. коммент. к стих. "Зарево белое, желтое, красное..." (т. 1 наст. изд.), а также к поэме "Ее прибытие".

Другие редакции и варианты

Ночь – проклятый колючий паук... (*ЗК₈*) – Ср. в стих. Блока "В час, когда пьянеют нарциссы..." (26 мая 1904): "Бездна (...) // Ненасытно-жадный паук..." (т. 1 наст. изд.).

"Я ЖИВУ В ГЛУБОКОМ ПОКОЕ..."

(С. 40)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₈*. Л. 42–43 об.; *ЧА–ЗК₈*. Л. 42–46, "Июнь"; *БА – Т₄*. Л. 29 об., "Июнь", "ок(оло) 15 VI" (дата проставлена позднее красным карандашом); *АС – НР II₂*. Л. 70, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *II₁*. С. 59, в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*. С. 62, в разд. "Отравы"; *II₃*. С. 45–46; *II₄*. С. 48–49; *II₅*. С. 44–45.

В *ЗК₈* на л. 42–43 об. перед ст. 1 – черновые наброски стихотворения, некоторые из них приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 134–135, там же (Л. 134) приводится вар. *а* ст. 17–20 (опубл.: *СС-8₂*. С. 390). В *Т₄* в ст. 5 курсив в слове "Обычайный" снят; в таком виде ст. 5 опубликован в *II₁*, *II₂* (*Кор II₂*), *II₃*.

В *РЭ II₂* над текстом пометы рукой Блока: "переделать", "Р(азные) Ст(ихотворения)", в 3-й строфе первое и второе двустипия переставлены местами, 4-я строфа зачеркнута, поставлена дата. В таком виде опубликовано в *II₃*.

По мнению Н.Я. Абрамовича, в этом стихотворении "веет унылым и тусклым веянием изнуряющего, ищущего смертного покоя аскетизма; чем-то увядающим, изнеможенно и глухо живущим в виду близкого кладбища" (*Образование*. 1907. № 2а. С. 93. 3-я паг.).

Рою днем могилы корням. – 5 июня 1904 г. Блок писал А. Белому из Шахматова: «Страна, в которой я теперь живу – голубая тюрьма и "зеленая планета" (то и другое явственно в хорошую погоду), где я могу рыть землю (...) Я надеюсь на еще большее забвение и тишину». В день создания стихотворения (15 июня 1904 г.) Блок писал также Е.П. Иванову о своем шахматовском времяпрепровождении: "(...) бездельничанье в умственном отношении, сажание цветов (...) и все подобное, останавливающее головные процессы".

Но в туманный вечер – нас двое и след. – Тема "темного" двойника появляется у Блока уже в 1901 г. (см., напр., стих. "Двойнику" – т. 1 наст. изд., "Мы, два старца, бредом одинокие..." – т. 1 наст. изд., и др.). О двойничестве у раннего Блока см. коммент. к стих. "Неотвязный стоит на дороге..." (1901) – т. 1 наст. изд.

Я вдвоем с Другим по ночам. – *Другой* – на эзотерическом языке "младших символистов" – антихрист. Ср. в письме А. Белого Блоку от 6 января 1903 г.: «Тут о самоутверждении в Нем и не в Нем – т.е. в "другом". Тут – скажу избито – о Христе и Антихристе» (*Блок и Белый*. С. 9).

Обычайный – у входа в сени... и след. – Ср. в стих. "Пытался сердцем отдохнуть я...", 1902; т. 1 наст. изд.: "И в этот час в пустые сени // Войдет подобие лица".

Из угла серебрятся латы (...) *Только жалкий сон серебрю...* – О символике серебра см. коммент. к стих. "Ты оденешь меня в серебро...", 14 мая 1904. Образы рыцарских доспехов ранее встречаются в стихотворениях "Валкирия (На мотив из Вагнера)", 1900 и (без явного вагнеровского колорита) "Дали слепы, дни безгневны..." (т. 1 наст. изд.).

Не откроет уст Темнолицый... – Появление этого образа в лирике Блока В. Брюсов связывал с вторжением демонического начала: «(...) появляется в стихах Блока некто "Темнолицый", неизбежно приходит к поэту в часы сумерек – томит его страхом темных предчувствий» (*Брюсов В. Александр Блок // РМ*. 1912. № 1. С. 31. 3-я паг.). Вероятный источник образа – стих. З.Н. Гилпиус "Мертвая заря" ("Пусть

загорается денница..."): "И клонит долу грех великий (...) И кто-то жадный, темно-ликий // Ко мне приходит по ночам" (*Гиллиус З.* Собрание стихов. 1889–1903. М., 1904. С. 83). Приведенный отрывок Блок цитирует в письме к Е.П. Иванову от 28 июня 1904 г.

Раздавив похоронные звуки... и след. – Ср. образ "погребальных" часов в стих. Ф.И. Тютчева "Бессонница" ("Часов однообразный бой..."): "Металла голос погребальный // Порой оплакивает нас".

Или гроб их, как страх мой, пуст? – Ср. образ "пустой одежды" невидимого демонического персонажа в стих. "Здесь ночь мертва. Слова мои дики...", 1903 – т. 1 наст. изд. Образ пустого гроба традиционен для предромантической и романтической литературы.

Или я, как месяц двурогий... – Ср. в стих. Фета "Помедли... люди спят: медлительной царицей..." ((1847)): "Луна двурогая обходит небеса".

Всем бессильным встретить зарю? – Эпоха "зорь" для Блока (и А. Белого) – 1901–1902 гг., время мистической веры в "новую жизнь" (см. об этом в т. 1 наст. изд.).

"ПОЕТ, КРАСНЕЯ, МЕДЬ. НАД ГОРНОМ..."

(С. 41)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₇*. Л. 20 об. – 22 ("Святой"), "4 июля" (над текстом); *БА – Т₄*. Л. 31 об. – 32 ("Святой"), "4 июля".

Впервые: *ВМИ*, 1908, № 1. С. 7, под загл. "Святой".

Публикации: Пряник осиротевшим детям. Пг., 1916. С. 19, "1904", в цикле "Городские видения"; *И₄*. С. 50; *И₅*. С. 45–46.

В *ЧА ЗК₇* обозначено деление на четверостишия. Перед заглавием "Святой" зачеркнуто слово "Опершись" (по всей вероятности, не относящееся к тексту стихотворения). Заглавие сохранено в *Т₄* и в первой публикации. Правка ст. 12 в *Т₄* приближает текст к публикации в *ВМИ*, что позволяет датировать ее не позднее начала 1908 г.

В день создания стихотворения, 4 июля 1904 г., Блок писал Белому: "Думы мои так часто и так болезненно черны".

Поет, краснея, медь. Над горном... и след. – Вероятный источник образа – сценаковки меча в "Кольце Нибелунга" Р. Вагнера. В древности существовали медные литые мечи. Кованые мечи изготовляли из стали, однако рукоять меча часто украшали медными накладками.

... и карлик служит мне... – В первом действии оперы Вагнера "Зигфрид" коварный карлик Миме притворяется, что хочет сковать меч герою, однако Зигфрид сам выковыляет себе меч (*Вагнер Р.* Зигфрид. М., 1901. С. 3–19). Образы карликов воссозданы также в книге Белого "Золото в лазури" (М., 1904) и во 2-ой Симфонии (*Белый А.* Симфония (2-я, драматическая). М., 1902. С. 130). О карликах см. также: *Афанасьев*, 2. С. 714–784.

... Согбенный карлик в платье черном... – Горб у карлика подчеркивает Белый ("Давно я здесь в лесу – искатель счастья...", 1903. – *Белый А.* Золото в лазури. М., 1904. С. 118). В "Зигфриде" Вагнера властелин Нибелунгов карлик Альберих назван "черным" (*Вагнер Р.* Зигфрид. М., 1901. С. 10).

Последним шествием украшен, // Склонюсь под красный балдахин. – Ср. в стих. Белого "Старинный друг" (1903), где "могильный гном" хоронит героя: "Рвались по ветру огненные складки..." (*Белый А.* Золото в лазури. М., 1904. С. 141–142). Это стихотворение Белый послал Блоку в феврале–марте 1903 г. (*Блок и Белый.* С. 22–23). Установлено, что в стихотворении Блока отразились "... события "Гибели Богов", смерть Зигфрида, его похороны" (*Магомедова Д.М.* Блок и Вагнер // *Zbornik Radova instituta za strane jezike i književnosti.* Novi Sad, 1984. Sv. 6. С. 199).

С моих довременных вершин. – Ср.: "Бегу в мой довременный скит" ("Я знаю день моих проклятий...", 1902; т. 1 наст. изд.).

"ЗАЖИГАЛИСЬ ОКНА УЗКИХ КОМНАТ..."

(С. 42)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЭК₉*. Л. 3 об. – 4 об.; *БА – Т₄*. Л. 37, "Осень 1904"; *АС – НР II₂*. Л. 111, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *П₁*. С. 56, в разд. "Магическое".

Публикации: *П₂*. С. 117, в разд. "Покорность"; *П₄*. С. 51; *П₅*. С. 46–47.

В *ЧА ЭК₉* после ст. 16 имеются наброски, лишь предположительно относящиеся к данному стихотворению. *БА* в *Т₄* – на отдельном листе, вклеенном в тетрадь; подпись под текстом: "Александр Блок"; в *РЭ П₂* стихотворение перечеркнуто Блоком; в *П₃* не вошло.

В *Т₄* – помета: «Тогда же начата и "Осенняя воля"». Стихотворения могли сближаться Блоком тематически (пути преображения лирического "я") и на основе частичного сходства размера.

... *Царствия Небесного ключи.* – Евангельский образ, ср.: Мф. XVI. 18–19.

Свой задумчивый и строгий сон храня. – О мотиве "сна" лирической героини см. т. 1, с. 455, 456.

На закате поднимался занавес вечерний... и след. – Ср. в стих. А. Белого "За солнцем" (1903): "Скорей к горизонту! Там занавес красный // Весь соткан из грез и огня" (Золото в лазури. М., 1904. С. 16).

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном взгляде... и след. – Ср. описание мистической "тезы" как этапа истории символизма в статье Блока "О современном состоянии русского символизма" (1910): "В лазури чьего-то лучезарного взора пребывает теург" (*СС-85*. С. 427).

И, вступив на звонкий ряд ступеней... – См. коммент. стих. "Восходя на первые ступени...", 1901; т. 1 наст. изд.

... *Я стоял преображенный на горе...* – Евангельский мотив преображения Христа (см.: Мф. XVII. 1–9; Мк. IX. 2–9).

... *стия тускло озаренных привидений...* – Ср. мотив людей-теней в лирике Блока 1901–1903 гг. (см. т. 1, с. 481 наст. изд.).

Простирали руки к догорающей заре. – О сближении в образе "Ты" вечерней зари и Богородицы см. т. 1, с. 455, 456 наст. изд. Однако отделение христианского мира как закрытого ("узкие комнаты" со "скудными лучами" – внутренность храма) – от природного, открытого ("гора", закатное "действие огня"), где происходит истинное преображение, в лирике "первого тома" отсутствует.

"ВСЕ БЕЖИТ, МЫ ПРЕБЫВАЕМ..."

(С. 42)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₉*. Л. 19 об. – 20; *АС – Т₄*. Л. 75 об. – 76, "[1905] Зима – Осень 1904", текст рукой Л.Д. Блок, дата – рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 38. Л. 1, "1904", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.

Впервые: *ВМИ*. 1907. № 13–14. С. 5.

Публикации: Петроградское эхо. 1918. № 66, 11 мая. С. 2; *И₄*. С. 52; *И₅*. С. 47.

Работа Блока над черновым автографом осуществлялась в два этапа: предварительная фиксация текста карандашом (I) и последующие дополнения и исправления чернилами (II).

Послано Блоком А. Белому при письме от 2 октября 1905 г. в числе двадцати стихотворений. В ответном письме от 13 октября 1905 г. Белый писал: "Что мне сказать о стихах? (...) Все та же неуловимая прелесть, все тоньше и тоньше знакомая прелесть Твоей музыки вплетается в новые темы, за которые Ты взялся (...)". Вместе с тем Белый впервые оценивает это новое как внутренне чуждое прежнему "словесеству": "Над ними (стихами Блока. – *Ред.*) стоит туман несказанного, но они полны "скобков" и двусмысленных умалчиваний, выдаваемых порой за тайны" (*Блок и Белый*. С. 153–155).

Всё бежит, мы пребываем (...) *Все кружится...* – Ср. в стих. Вл. Соловьева "Бедный друг, истомил тебя путь..." (1887): "Все, кружась, исчезает во мгле, // Неподвижно лишь солнце любви".

Вервий ночи вьем концы... – Ср. "волосы ночи" ("Твари весенние").

Заплетаем, расплетаем // Белых ландышей венцы. – Плетение венков – один из троицких обрядов. В европейском фольклоре ландыш – цветок Девы Марии. Ср. также пантеистический подтекст образа в письме Белого Блоку от 8 апреля 1904 г.: «Я хочу забыть, я хочу быть не человеком, а "существом", вот что спасет людей (...) Цветов, цветов – ландышей!» (*Блок и Белый*. С. 81). Блоком ландыши воспринимались и как шахматовская реалья; ср. в его письме Белому от 9 апреля 1904 г.: "Я, как и ты, думаю о ландышах. Мы с Любой уедем нарочно рано в деревню, именно для ландышей. См. также коммент. к стих. "Угар" ("Заплетаем, расплетаем...").

... круторогий // Месяц щурится вверху. – О фольклорно-мифологической символике месяца см. в коммент. к стих. "Ты оденешь меня в серебро..." и "Я живу в глубоком покое...".

... расчислив все дороги... – О мотиве "числения" см. т. 1, с. 448 наст. изд.

Утром верим петуху. – Архаическая символика петуха определена его связью с Солнцем. В гностической традиции (важной для Вл. Соловьева и младших символистов) петух – знак вечного возрождения, воскресения из мертвых, а также предвидения, духовного бодрствования. О представлениях и обрядах, связанных с петухом, писал А.Н. Афанасьев (см.: *Афанасьев*, 1. С. 518–527). Образ связан также с евангельской легендой об отречении апостола Павла (Мф. XXVI. 31–75). Ближайший источник образа – программное стихотворение Д.С. Мережковского "Дети ночи" (1894; впервые опубл.: *РМ*. 1894. № 9. С. 204, под загл. "Пред зарею"): "Погребенный воскресенья (...) // Петуха ночное пенье, // Холод утра – это мы". Ср. также в письме Белого Блоку от 6 января 1903 г.: «Углубляясь, нам звучат удаленные призывы, чуть-чуть трубы, чуть-чуть петушьё пенье. "Тогда – прокричал петух» (*Блок и Белый*. С. 10).

Вот – из кельи Вечной Пряхи... и след. – Нить, пряжа – мифопоэтические символы жизни, судьбы. "Вечные Пряхи" – Парки (римск. мифол.) – часто упоминаются в символистской поэзии (ср. "Парки" Д. Мережковского, 1892 и др.). Образ Вечной Пряхи соотносится с образами платоновской космогонии: космос – результат действий веретена, приводимого в движение богиней судьбы Ананке (греч. мифол.), матерью Мойр, прядущих нити человеческих судеб.

– Всю ли ночь молились в нишах? {...} Нет, отец... и след. – Андрей Белый почувствовал отраженное в этом диалоге противопоставление двух путей приобщения к Абсолюту и резко отверг второй из них ("шаманизм"). 13 октября 1905 г. он писал Блоку: «Как совместится твой призыв к "Прекрасной Даме" с этими новыми для тебя темами, как совместится "долг" рыцаря с "просто" бытием хотя бы сил даймонических, как совместится долг творчества жизни (теургизм) с параличом долга жизни (шаманизмом) – я не знаю. Между тем это важно – важнее всего» (Блок и Белый. С. 155. Шаманизм – здесь: "колдовское" проникновение в мир "низших сил" природы).

Ждали Утренней Звезды. – Утренняя Звезда – многозначный и противоречивый символ, могущий означать: 1) планету Венера; 2) одно из наименований Христа (Откр. XXII. 16); 3) Денницу–Люцифера (ср.: Исайя. XIV. 12). Все значения образа, распространенного в творчестве русских символистов, были безусловно известны Блоку.

Ладиши пел. Она цвела... – Об объединении в образе "Ты" символики цветов и звезды см. коммент. к стих. "Тебя скрывали туманы...", 1902 (т. 1 наст. изд.). Ср. в письме Блока Белому от 19 февраля 1903 г.: "{...} собирая цветы для Возлюбленной Царицы, Подруги, неожиданно перенесшей себя на звездные пути".

"НЕЖНЫЙ! У ЛАСКОВОЙ РЕЧКИ..."

(С. 43)

Автографы и авторизованные тексты: *АСП – Т₄*. Л. 37 об. – 38 об., "18-го октября", текст рукой Л.Д. Блок, правка и пометы Блока: карандашом – "1904" (над текстом), чернилами – "Дополнено в 1906. (январь)"; *ЧА* 6-й и 5-й строф – *ЗК₁₂*. Л. 4 об.; *АС – НР II₂*. Л. 115, рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух.

Впервые: Слово, литературное приложение, 1906. № 1. 6 февр. С. 1, под загл. "Летний сон (Пастораль)".

Публикации: *И₁*. С. 121–122 ("Федору Смородскому"), "1904", в разд. "Покорность"; *И₂*. С. 119, в разд. "Покорность"; *И₃*. С. 47–48; *И₄*. С. 53–54; *И₅*. С. 48–49.

Печатается с исправлением в ст. 16: "растопчут" вместо "растопчат" (по *Т₄* и публикациям в "Слове" и *И₁*).

Первоначальная редакция в *Т₄* состояла из семи строф, дважды подвергавшихся переработке. На первом этапе (*Т₄-1904*) карандашом исправлена, а затем зачеркнута 4-я строфа; 5-я и 6-я строфы переставлены местами, потом 5-я строфа зачеркнута; внизу листа приписан вариант 7-й строфы – ст. (25–28). В итоге правки строфы 4–7 первоначальной редакции и вариант ст. (25–28) были зачеркнуты. Ст. (13–28) и вариант ст. (25–28) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 135–136.

Вторая переработка (чернилами) связана с подготовкой первой публикации: в *Т₄* восстановлена в исправленном виде 4-я строфа с пометой "NB", записаны ст. 17–24 с пометой: "Дополнено в 1906. (январь)"; черновой автограф ст. 17–24 (5-я и 6-я строфы основного текста) сохранился в *ЗК₁₂*, где строфы записаны в обратном порядке.

В РЭ II₂ рукой Блока 4-я строфа зачеркнута и отмечена знаком "NB" (однако в II₃ напечатана без изменений), внизу листа – дата: "18 окт(ября) 1904 (–1906)".

Окончательный текст – II₂.

Упоминается в письме Блока к П.П. Перцову от 31 января 1906 г., из которого выясняется, что заглавие, предпосланное стихотворению в первой публикации, – редакционное: "Спасибо за то, что поместите в "Слове" стихотворение Смородскому (конечно, можно назвать его "Летний сон") {...}"

В. Брюсов отмечал, что в этом стихотворении "есть что-то от Пушкинской прелести" (*Брюсов В. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 2. С. 85*).

Смородский Федор Александрович (псевдоним – Ф. Ладосветогорский, 1883–?) – поэт, знакомый Блока по юридическому факультету университета. К стихам Смородского Блок относился с иронией, но доброжелательно (см. его рец. на сборник Смородского "Новые мотивы" (СПб., 1903) – СС-85. С. 530–531); сам Смородский был ему симпатичен (см. позднейшую дневниковую запись от 17 октября 1911 г.) В сборнике Смородского звучат идиллические мотивы (см. стих. "Мне снился чудный сон на бархатном лугу...", "Вернуться надо к обаянью..."). На посвящение ему блоковского стихотворения Смородский откликнулся ответным стихотворным посланием:

"Александрю Блоку
Стих.

В твоих глазах когда-то
Была надежда мая;
Весеннего заката
Игра в ней золотая.

Но ты поблек, цветок мой,
В борьбе с суровым строем.
Но верь мне, брат мой, Блок мой,
В раю дворцы мы строим.

За каждый день работы
В раю есть год блаженства,
Где детство без заботы,
Где блеск и совершенство.

Федор Смородский.

26 нояб(ря) 1904. Петерб(ург)

Вспомни голубого пастушка! Ты мне не пишешь, дурной! ишь, сердится за что-то!
27 нояб(ря) 1904. Ф." (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 403).

Нежный! У ласковой речки... и след. – Отзыв С.М. Соловьева о сказочных и "детских" образах стихотворения приводит А. Белый в своих "Воспоминаниях о Блоке": «Идиотизм, а не детскость... А все – умиляются; говорят "как наивно", не понимая, что эта наивность – нахальство уверенного самодура, давно осознавшего: всякую чепуху его примут, как глубину, а первичные ассоциации мысли, как символы!». Белый комментирует далее слова Соловьева: «Критикуя поклонников Блока, С.М. обращался к себе самому: ведь он именно относился к А.А. как к "глашатаю"; а когда А.А. Блок не хотел быть "глашатаем", то С.М. упрекал "мирового глашатая" в подстановке под мудрость идиотизма» (*Белый, 2. С. 272*).

Ты – голубой пастушок. – Стихотворение содержит ряд традиционно пасторальных образов (пастушок, свирель, стада и др.). Ср. подзаголовок "Пастораль" к заглавию, данному П. Перцовым при публикации стихотворения в "Слове".

Грусть несказанных намеков... – "Несказанное" – одно из ключевых понятий в языке младших символистов. Ср. в письме Блока к З.Н. Гиппиус от 14 сентября 1902 г.: "...пора уже вдохнуть и несказанное, чего давно и безуспешно я пытаюсь достичь". См. также коммент. к стих. "Осень поздняя. Небо открытое..."

... *Золоторунную тишь...* – Пасторальный мотив обыгрывается в связи с "аргонавтической" символикой (мифическое золотое руно – цель устремлений аргонавтов). Ср. стихотворение Белого "Золотое руно" (1903) – поэтический манифест московских символистов-"аргонавтов".

Облаки-овцы бредут. – О фольклорно-мифологических сопоставлениях облака с овцой см.: *Афанасьев, I. С. 682–686.* Ср. в "Демоне" Лермонтова: "В небе ходят без следа // Облаков неуловимых // Волокнистые стада". Овца – евангельский символ кротости и праведности. Ср. также в стих. "Война горит неукротимо..." (1902) образ неба – "широкого божьего поля", где нет "ни щитов, ни битв" (т. 4 наст. изд.).

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

Проволок частые сети // Встанут из мглы городов... (Т₄) – Ср. в стих. Э. Верхарна "Город", из сб. "Les campagnes hallucinées" ("Галлюцинирующие селения", 1893) и "Душа города", из сб. "Les villes tentaculaires" ("Города-спруты", 1895) образ города-спрута с переплетением улиц, рельс, телеграфных проводов.

Вырастут белые дети... (Т₄) – *Белые дети* – один из образов финала "Северной симфонии" А. Белого (М., 1904. С. 110–120).

В клубах удушливой пыли... (Т₄) – В цикле "Город" пыль – один из постоянных символизированных мотивов (см., напр., стихотворения "Гимн" (27 августа 1904), "Я жалобной рукой сжимаю свой костыль..." (3 июля 1904), "Повесть" (1905) и др.). Ср. также в стих. Белого "Арестанты" (1904, под заглавием "Воспоминание" прислано Белым Блоку в мае 1904 г. – *Блок и Белый. С. 93*): "В желтых клубах душной пыли".

О, эти красные юбки // Женщин, зовущих на смерть!.. (Т₄) – Ср. образы "инфернальных" женщин в цикле "Город": "Пляшут огненные бедра // Проститутки площадной..." ("Город в красные пределы...", 28 июня 1904), "Кто-то в красном платье <...> женщина, ночных веселий дочь..." ("Повесть", 1905), "Не увижу ли красной подруги моей?" ("Иду – и все мимолетно...", 1905) и др.

"ГРОБ НЕВЕСТЫ ЛЕГКОЙ ТКАНЬЮ..."

(С. 44)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₄. Л. 40. "5 ноября", рукой Л.Д. Блок. Впервые: ВЖ. 1905. № 6. С. 154, в цикле "Нечаянная Радость".

Публикации: П₁. С. 109 и П₂. С. 117–118 – в разд. "Покорность"; П₄. С. 55; П₅. С. 49.

В РЭ П₂ имеются карандашные пометы рукой А. Блока: у 2-й строки на полях со знаком вопроса поставлено слово "церковной" (вероятно, вариант слова "соборной"), внизу вписана дата ("5 ноября 1904"), затем текст перечеркнут; в П₃ не вошел. В прежнем виде восстановлено в П₄.

Окончательный текст – ВЖ.

Отзыв Н.Я. Абрамовича см. в коммент. к стих. "Взморье".

Гроб невесты легкой тканью... О значении сюжета мертвой (спящей) невесты и ее грядущем воскресении в ранней лирике Блока см. т. 1, с. 626 наст. изд.

Пресвятая... // Охраняет на земле. – Ср. в письме Блока А. Белому от 18 июня 1903 г. размышления о том, что догмат "непорочного зачатия {...} ясно отмечает Её (Вечной женственности. – *Ред.*) след, но не обязывает к вере в тождество Её и Божьей матери, то есть в полное воплощение Её в Божьей матери".

Это – Третий – Незнакомый... и след. – Ср. в том же письме Блока А. Белому: христианский догмат о Троице, "закрывающий в себе "мысль" о Св(ятом) духе, наводит на замирание души о том, Она ли – Св(ятой) дух, Утешитель?", а также слова А. Белого о "новом, третьем счастье, счастье Духа Утешителя" ("Северная симфония (1-я, героическая)". М., 1903. С. 117). Эпитеты "новый", "третий" сближают образ с эсхатологией "третьего завета" – Откровением Иоанна Богослова.

"ТЯЖКО НАМ БЫЛО ПОД ВЬЮГАМИ..."

(С. 44)

Автографы и авторизованные тексты: *БА-ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 55. Л. 4 ("Летнее утро"), при письме к В.А. Тернавцеву от 13 октября 1904 г.; *АС – Т₄*. Л. 39 об., рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *Наша жизнь*, литературное приложение. 1906. № 14. 15 апреля. С. 105.

Публикации: *Жизнь*. 1918. № 10. 4 мая. С. 1; *И₄*. С. 56; *И₅*. С. 49.

В *Т₄* стихотворение объединено со стих. "Колыбельная песня" ("Спят луга, спят леса...") в цикл "Для букваря"; помета над текстом: "II (вариант старого)" (1-е – "Колыбельная песня"). Позднее Блок зачеркнул заглавие и помету над текстом; видимо, одновременно с этим вписан и зачеркнут вариант ст. 12. В *Т₄* текст стихотворения не датирован, но переписанное Л.Д. Блок на следующем листе стихотворение "Гроб невесты легкой тканью..." (Л. 40) имеет дату "5 ноября". Видимо, при подготовке *И₅* эта дата ошибочно была признана общей для обоих стихотворений. Однако белой автограф стихотворения "Тяжко нам было под вьюгами..." был послан В.А. Тернавцеву 13 октября 1904 г., что позволяет датировать стихотворение не позднее первой половины октября 1904 г.

Предназначалось для детского букваря под ред. В.А. Тернавцева (*Наша школа: Книга для чтения*. СПб., 1905). Публикация не состоялась.

Третья строфа стихотворения, а также его размер и строфика – автореминисценция из второй строфы стих. "Встану я в утро туманное..." (1901; т. 1 наст. изд.).

НОЧЬ

("Маг, простерт над миром брений...")

(С. 45)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₉*. Л. 33–39; *ЧА* (2-я строфа) – *ЗК₁₀*. Л. 20; *БАП – Т₄*. Л. 40 об. – 41, "19 ноября", правка 1906(?) г.; *АС – НР И₂*, рукой А.А. Кублицкой-Пиотух. Л. 47, "Ночь" ("Поднялась стезею млечной..."); печ. текст – *РЭ И₂*. С. 41–42, помета Блока "19 ноября 1904".

Впервые: *Понедельники газ. "Слово"*, литературное приложение. 1906. № 16. 12 июня. С. 4 ("Поднялась стезею млечной...").

Публикации: *И₁*. С. 45–46, "Ночь" ("Поднялась стезею млечной..."), в разд. "Магическое"; *И₂*. С. 41–42, "Ночь" ("Поднялась стезею млечной..."), в разд. "Магическое"; *И₃*. С. 49, "Ночь" ("Поднялась стезею млечной..."); *И₄*. С. 57; *И₅*. С. 50.

В *ЭК₉* наброски к шести строфам первоначальной редакции стихотворения; при этом порядок записи вариантов не соответствует последовательности строф первоначальной редакции. Там же имеются наброски 7-й строфы, не вошедшей в первоначальную редакцию, и наброски на л. 38 об. – 39 (см.: *Иванов-Разумник*. Л. 137, опубл.: *СС-8₂*. С. 391–392). Наброски на л. 39 относятся к тексту стихотворения предположительно. После них на л. 39 следует запись Блока: «Дальше и нельзя ничего все Это прошло, минуло, "исчерпано". Ал. Блок. 11 окт(ября) 1904».

Первоначальная редакция в *Т₄* была переработана перед первой публикацией стихотворения: даны новые варианты ст. (2) и (4), в 3-й строфе в ст. (10) подчеркнута "До лица" и слева поставлен вопросительный знак, ряд стихов приведен к основному тексту. Затем 1-я, 2-я и 5-я строфы первоначальной редакции зачеркнуты (ст. (17–20) опубл.: *СПТ*. С. 518; ст. (25–28) опубл.: *ЭК-1930*. С. 38–39), вместо 1-й строфы вписаны ст. 5–8 основного текста, 2-я строфа восстановлена (отмечено волнистой линией на полях). В результате правки создана редакция стихотворения из пяти строф (без 1-й строфы), которая представлена в первой публикации, а также в *И₁* и *И₂*. В *РЭ И₂* рукой Блока сверху сбоку текста помечено: "Р(азные) Ст(ихотворения)", 4-я и 5-я строфы переставлены местами, но сбоку между ними – помета Блока: "по-прежнему"; 6-я строфа зачеркнута; внизу вписана дата "19 ноября 1904". В *И₃* стихотворение дополнительно сокращено (снята 6-я строфа). 1-я и 6-я строфы восстановлены в *И₄*.

А. Белый подчеркивал характерность этого стихотворения для второго тома лирики с его лиловыми тонами, сменившими лазурь и золото "Стихов о Прекрасной Даме": «"Ночная фиалка", иль восприятие *лилового* цвета – вызревающий лейтмотив того времени для А.А.; из этого лейтмотива рождается Ночь, им написанная» (*Белый*, 2. С. 285).

Маг, простерт над миром брений... – Сходный образ – в стихотворении Белого "Маг" (1903): "В венце огня над царством скуки, // Над временем вознесены – // Застывший маг, сложивший руки" (*Белый А.* Золото в лазури. М., 1904. С. 123). Маг в обоих стихотворениях – образ, отразивший восприятие "младшими" символистами "декадента" Брюсова, интересовавшегося спиритизмом и оккультными науками. Ср. в воспоминаниях Белого: «В.Я. Брюсов (...) был единственный из поэтов, усиленно интересовавшийся магией, оккультизмом и гипнотизмом, не брезговавший никакой формой для их проявления (...) Он порою казался нам тигром, залегающим в камышах своего академизма, чтобы неожиданным прыжком выпрыгнуть оттуда и предстать в своем, ином, как казалось, подлинном виде: "черным магом" (...) К декадентству, как таковому, все мы относились отрицательно, – считали, что под маскою декадентства крепили "черные силы" задекадентовской линии магической поэзии, которая была нам так враждебна, которой яд вынашивал Брюсов под личиной измеряемых и точно взвешиваемых форм. В этом смысле Брюсов был для нас всех магом, для одних в серьезном смысле, для других в аллегорическом: недаром А.А. назвал его раз мне: "великий маг моей земли" (неточная цитата из стихотворения "Тебе, Чей Сумрак был так ярко..." (Молитвы. 4. Ночная. Март–апрель 1904; т. 1 наст. изд.). – ред.)" (*Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Воспоминания*, 1. С. 284–285). В 1904 г. отношение Блока к Брюсову как носителю "черных" сил постепенно

меняется (см., например, письмо С.М. Соловьеву от 21 октября 1904 г.). *Мир брений – бренный, земной мир.*

...В млечной ленте – голова. – Млечная лента – здесь: Млечный путь.

Поднялась стезею млечной... и след. – Стезя млечная – Млечный путь. Ср. в "Поэзии заговоров и заклинаний" (1906) о путях "мага": «(...) "Оболокусь я оболочком, обтычусь частыми звездами", – говорит заклинатель, и вот он – уже маг, плывущий в облаке, опоясанный Млечным Путем, наводящий чары и насылающий страхи» (СС-85, С. 48).

Красный шлем остроконечный... – здесь луна; ср. в стих. "На перекрестке..." (5 мая 1904): "(...) Солнце – как медный шлем воина".

В сонме черных колесниц... и след. – Ср. у Тютчева в стих. "Есть некий час в ночи...": "И в оный час явлений и чудес // Живая колесница мироздания // Открыто катится в святилище небес".

Оперлась на циркуль тяжкий... – Образ, по-видимому, связан с масонской символикой, где циркуль – один из атрибутов строителя Соломонова храма. Анализ масонской атрибутики в стихотворении см.: *Владимирова И., Григорьев М., Кумпан К. А.А. Блок и русская культура XVIII века // БС-4. С. 50–52.*

Кто Ты, зельями ночными и след. – Белый отвечает на эти вопросы: «Люцифер!»

Очень долго сидели с А.А. на диване в ту ночь, он – читал мне набросанную "Ночную фиалку" (...), а мне было душно; срывалось с души:

Кто Ты, зельями ночными

Опоившая меня?»

(Белый., 2. С. 285)

Кто Ты, Женственное Имя... – Ср. в первоначальной редакции стихотворения Вл. Соловьева "Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи..." (Книжки Недели. 1898. № 12. С. 49): "Только имя одно лучезарной подруги // Угадаешь ли ты?" Угадывание имени – в символистской литературе – постижение сущности явления. Ср., как признак "Женственности", написание "Ты" с прописной буквы в ранней лирике Блока.

... В нимбе красного огня? – О символике "красного" см. коммент. к стих. "Обман".

Другие редакции и варианты

К берегам страны холодной... (ЧН ЗК₉) – Ср. в стих. "Все отлетают сны земные..." (1901): "Страны холодные, немые..." (т. 1 наст. изд.). В широком круге фольклорно-мифологических источников "холодные (северные) страны" – царство мертвых, Смерти. Образ подхвачен символистами (см.: *Раудар М. Север и Скандинавия в лирике А. Блока // Скандинавский сборник. XXVII. Таллин, 1982*). Вместе с тем у Вл. Соловьева ("На Сайме зимой", 1894) север – одно из мест явления Души мира.

Приплыла из дальних стран... (ЧН ЗК₉) – Ср. в стих. Л. Семенова "Кто ты и ты ль она? Не знаю..." (1903): "Она – жилица дальних стран" (*Семенов Л.Д. Собрание стихотворений. СПб., 1905. С. 35*), а также в стих. Блока "Жду я смерти близ денницы..." (1904): "Ты пришла издалека".

Пояс царственный развяжет... (ЧН ЗК₉, Т₄) – В лирике второго тома часто уподобление Млечного пути – поясу (см. стих. "Твое лицо бледней, чем было...", "В час глухой разлуки с морем...").

"ВОТ – В ИЗНУРИТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ..."

(С. 45)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₄*. Л. 44 ("Искушение"), "Ноябрь".

Впервые: *БН*. С. 20 ("Искушение"), в цикле "Томления весны".

Публикации: Пряник осиротевшим детям. Пг., 1916. С. 20, "1904", в цикле "Городские видения"; *И₄*. С. 58; *И₅*. С. 51.

В *Т₄* проведена карандашная правка, приближающая текст к окончательному.

... *Вы духу выковали меч*. – Сценой ковки меча героем открывается музыкальная драма Р. Вагнера "Зигфрид" (см. коммент. к стих. "Поет, краснея, медь. Над горном..."). Под воздействием Вагнера у Блока складывается символика меча как знака "активного, волевого, действенного отношения к миру", "героического отношения к жизни" (*Магомедова Д.М.* Блок и Вагнер // *Zbornik Radova instituta za strane jezike i knjizevnosti*. Novi Sad, 1984. Sv. 6. С. 202). Ср. в письме А. Белого Блоку от 18 или 19 декабря 1904 г.: чудовище в лабиринте "лижет руки кровавым языком, уговаривая добровольно сдаться, бросить меч, с которым я сознательно вступил в лабиринт" (*Блок и Белый*. С. 113–114). Ср. также в воспоминаниях В.В. Гиппиуса, относящихся к 1910 г.: «По поводу выражения "Где ж твой меч?" (из стихотворения Гиппиуса. – *Ред.*) кто-то заметил, что образ меча здесь вносит неуместный аллегоризм. Блок сказал: "Да, надо было сказать просто: где ж твоя воля?"» (*Гиппиус В.В.* Встречи с Блоком // *Воспоминания*, 2. С. 78).

Весенних талей вздохи томны... – *Таль* – оттепель. См. коммент. к стих. "На весеннем пути в теремок..." (1905).

Вам перепутья даль откроют... – Ср. символику перепутий (распутий) в одноименном цикле (т. I наст. изд.).

... *голос меди колокольной...* и след. – Ср. в стих. "Город в красные пределы..." (1904) образ колокольного звона. В широком круге источников колокольный звон связан с мотивами возмездия.

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

(С. 46)

Авторизованные тексты: *АСП – Т₄*. Л. 45–52 об., "16 декабря", текст рукой Л.Д. Блок, правка – рукой Блока.

Впервые: *И₂*. С. 101–108, под загл. "Ее прибытие (Неоконченная поэма)", в разд. "1905".

Публикации: *И₄*. С. 59–68; *И₅*. С. 51–59.

В *И₂* стихотворения, составляющие поэму, пронумерованы: 1–7.

В *РЭ И₂* – помета на полях: "Не все ли выкинуть?" (С. 101); все стихотворения, составляющие поэму, перечеркнуты. В *И₃* поэма не была включена.

Публикацию поэмы в *И₂* Блок сопроводил примечанием: «Я решаюсь поместить здесь эту слабую и неоконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, как посвященная разным "не сбывшимся надеждам" (по моему тогдашнему замыслу). Все ее части были напечатаны в виде отдельных стихотворений в разных журналах. Развитие той же темы – в лирической драме "Король на площади"».

Образы корабля, мореплавания и образ Прекрасной Дамы, лирической героини первой книги стихов Блока, сочетались в его сознании в некое взаимовосполняющее единство еще до начала работы над поэмой (ср. ее первоначальное заглавие: "Прибытие Прекрасной Дамы"). В частности, 25 июля 1904 г. Блок писал Андрею Белому, излагая в символично-поэтической форме свои переживания, тревоги и надежды: "Я ничего не могу сказать о настоящем. Ничего не было чернее его. Ничего не вижу, перед глазами протянута цепь, вся в узлах. Мне необходимо, чтобы это была снасть корабля, отходящего завтра. Когда он уплывет – яснее откроется далекое море.

Когда-то (здесь все мои надежды) я шел по городу, и такой же цепью был застлан горизонт. Но корабль отплыл в *тот самый* час, когда открылся глаз неба, и в нем явственно пошли звезды. И тогда я также *не ждал*.

Корабль стал строен, как вечернее облако (тогда). И тогда же повсюду появилась "Она" – отходящая, как корабль и как вечернее облако. И появлялась еще. Невероятность откровений испугала меня». Символический образ отплывающего корабля см. в стих. "Взморье" (26 мая 1904 г.), непосредственно предворяющем поэму "Ее прибытие" по тематике, эмоциональной тональности и образной структуре ("корабль", "Она", "туман", "маяк", "мол", "флаг", "голоса корабельных сирен" и т.д.).

О ходе работы на поэмой и предварительных очертаниях замысла Блок писал Андрею Белому 23 декабря 1904 г.: "Туго, гладкими стихами, часто *старательно* пишу поэму. Дошел наконец до части, где должна явиться Она. Знаю, как надо... но тут идет одна золотая нитка, которую перервать нет ни нужды, ни сил, продолжить – может быть – тоже. Дело в том, что на корабле должна прибыть Она. На корабле – бочка, самая простая, так – среди других тюков и бочонков. В бочке – *ребенок*. Все это только канва, но на канве появился самый реальный, страшно глупый, *Добрый* мохнатый щенок с лиловым животом, по которому ходят блохи. Если я останусь правдивым, – то заменю ребенка в бочке именно таким щенком...". Никаких следов непосредственной работы Блока над этой сюжетной коллизией поэмы (имевшей очевидное сходство со "Сказкой о царе Салтане" Пушкина) не зафиксировано; скорее всего план, изложенный в письме к Белому, остался на стадии замысла. Поскольку "Она" в поэме (и – шире – в поэтическом универсуме Блока начала 1900-х годов) ассоциировалась, в ряду многих иных мифопоэтических соотношений, с Богородицей, то ребенок в блоковском замысле проецировался на младенца Христа, а сюжет поэмы приобретал специфически символический эсхатологический смысл (грядущее спасение человечества). Превращение ребенка в "добрый мохнатый щенок" (ср. хаотический низовой, "тварный" мир стихотворений Блока 1904–1905 гг., вошедших в раздел "Пузыри земли") свидетельствует о стремлении поэта к индивидуально-своеобразному, адогматическому, чуждому аскетизма восприятию христианства (см.: Минц З.Г. Поэма А.А. Блока "Ее прибытие" и революция 1905 г. // Тр. по русск. и слав. филологии. VI Тарту, 1963. С. 178–180. (УЗ ТГУ. Вып. 139); Минц З.Г. Лирика Александра Блока. Тарту, 1965. Вып. 1. С. 83–84; Бройтман С.Н. Предыстория жанра (Незавершенные поэмы А. Блока 900-х годов) // Природа художественного целого и литературный процесс. Кемерово, 1980. С. 113).

"Ее прибытие" – своеобразная жанровая структура, переходная между циклом лирических стихотворений и лирической поэмой (см.: Руднев П.А. Опыт семантического анализа монометрической и полиметрической стиховых структур на метрическом уровне // Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 307. (УЗ ТГУ. Вып. 306) (в этой статье – анализ полиметрической композиции "Ее прибытия"); ср.: Ременик Г. Поэмы Александра Блока. М., 1959.

С. 20–21). Отдельные стихотворения, составляющие поэму, объединяет образ-символ кораблей, в котором воплощена мечта о близящейся "нежданной Радости" всемирного преобразования и всеобщего счастья. Андрей Белый писал: «...что же такое корабль? Это – целое; это – плерома из душ, это – храм; сюда входим, доверившись детски друг другу; и – отплываем; и указание на отплытие это есть первое упоминание о "корабле" (<...>» (*Белый*. 3. С. 159). Образы кораблей и моря, имевшие для Блока индивидуально-психологическую окраску (ср. в воспоминаниях М.В. Бабенчикова "Отважная красота" слова Блока: "... я безумно люблю море, ветер, бурю... Они будят во мне какие-то смутные предчувствия близких перемен. Манят и привлекают, как неизвестная даль..." – *Воспоминания*, 2. С. 153), обретают в поэме значение символов обновления мира, торжества светлых сил, безбрежности устремлений, воплощения мечты о прекрасной, преображенной жизни (см.: *Долгополов Л.К.* Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. М.; Л., 1964. С. 53–54).

Образ кораблей в поэме (а также в ряде стихотворений Блока 1904–1905 гг.) полигенетичен, включает в себе определенную совокупность реминисценций (см.: *Миц З.Г.* Функция реминисценций в поэтике А. Блока // *Тр. по знаковым системам*. VI. Тарту, 1973. С. 411 (*УЗ ТГУ*. Вып. 308). С одной стороны, он восходит к творчеству Г. Ибсена (ср. статью Блока "Генрих Ибсен" (1908): "Раз мы с Ибсеном – мы на борту корабля, который борется с волнами в открытом море (<...>) Корабль – любимый образ Ибсена" – *СС-85*. С. 309). Морская стихия и корабли у Ибсена (в частности, в его драме "Женщина с моря", 1888) – символы духовной свободы, полноты жизни, стремления к неизведанному (см.: *Шарыпкин Д.М.* Блок и Ибсен // *Скандинавский сборник*. VI. Таллин, 1963. С. 163; *Гутман Д.С.* Генрик Ибсен в восприятии и истолковании А. Блока // *Писатель и время*. Ульяновск, 1975. Вып. 1. С. 167–169). Возможны и ассоциации с образом корабля в новелле Ги де Мопассана "Орля" (1887): "великолепный бразильский трехмачтовый корабль, весь белый, удивительно чистый, сверкающий", увиденный героем, предваряет его размышления о "таинственной близости" "неведомых Сил" и устремления к "тайне Невидимого" (*Мопассан Г. де*. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 6. С. 286). С другой стороны, образ кораблей связан с русской поэтической традицией, обнаруживая родство с символикой челна у Пушкина ("Арион", 1827), Н.М. Языкова ("Пловец" (1829) и "Пловец" (1831): "Под тяжелым плеском волн // Прямо стоит наш парус полный, // Быстро мчится легкий челн" и т.д.), А.И. Полежаева ("Песнь погибающего пловца", "Море", 1832) и др. (см. *Миц З.Г.* Лирика Александра Блока. Тарту, 1973. Вып. 3. С. 34). Имеет он аналогии и в творчестве современников Блока. Так, в стихотворении Ф. Сологуба "Морозная даль" (1894) образ кораблей возникает в связи с мотивом мечты: "Надо мною несется мечта и зовет... // Плещут волны, летят корабли..."; "Мы крылаты, – плывем далеко от земли... // Ты, невеста моя, не оставишь меня..." (*Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1975. С. 141–142. (Б-ка поэта, большая серия)); в цикле Вяч. Иванова "В челне по морю" (в его кн. "Кормчие звезды", 1903) тема мореплавания решается в близкой эмоциональной тональности, а отдельные образы, возможно, нашли непосредственный отклик в поэме Блока: "пучина буйной страсти", "светлая буря", "дальний ропот океана", маяки ("искра путеводная"), "берег таинственный" и т.д. (*Иванов Вяч.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 90–93. (Б-ка поэта, малая серия)). Ср. также юношеское стих. Блока "Внемлю голосу свободы..." (1901): "Там – вдали – морские воды // Схоронили корабли"; "На востоке пламенеют // Новой воли маяки"; "Снова жду, надежды полный: // Солнце, светлый лик яви!".

Образ кораблей и мотив мореплавания как "жизнетворческого" дерзания непосредственно связан у Блока с мифопоэтическими построениями "аргонавтов" –

московских символистов, объединенных вокруг Андрея Белого и символизировавших свои мистико-эсхатологические устремления под знаком греческого мифа о плавании аргонавтов за золотым руном; см. программное стихотворение Андрея Белого "Золотое руно" (*Белый А.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 73–75, (Б-ка поэта, большая серия); ср. коммент. к стих. "Молитвы. I. Сторожим у входа в терем...", т. 1 наст. изд.; *Лавров А.В.* Мифотворчество "аргонавтов" // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 137–145). В строках поэмы Блока, описывающих плавание кораблей, ошутимо воздействие стиля, интонаций, образного строя поэм В.Я. Брюсова ("Царю Северного полюса", 1898–1900) и К.Д. Бальмонта ("Мертвые корабли", 1895), имеющих общую тему – героическое плавание к полюсу и гибель мореплавателей; ср. строки из стихотворения Брюсова, посвященного Бальмонту (1903), которые Блок процитировал в рецензии на книгу Брюсова "Urbi et Orbi" (май 1904; *СС-85*. С. 544):

Мы плывем, как аргонавты,
Душу вверив кораблю.
Все мы в деле: у кормила,
Там, где парус, где весло,
Пыль лучины окропила
Наше влажное чело.

Вл. Пяст свидетельствует, что Блок в первый день их знакомства (январь 1905 г., у Мережковских) в разговоре с похвалой отметил стихотворение "К Елене", напечатанное в книге Бальмонта "Только любовь" (1903): "Блок выискал в этом, действительно же, банальном стихотворении – выискал сейчас же нечто хорошее – прекрасную сторону:

О, Елена, Елена, Елена...
Ты и жизнь, ты и смерть кораблей..."

(*Пяст В.* Встречи. М., 1929. С. 17–18; это же свидетельство – в "Воспоминаниях о Блоке" Пяста, см.: *Воспоминания*, I. С. 364–365).

По сравнению с предшествующим поэтическим творчеством, в поэме Блока налицо новые тенденции – стремление к изображению человека труда, коллективного героя; веру в мистический идеал, в Душу мира Блок пытается здесь совместить с верой в близящуюся революцию (см.: *Максимов Д.Е.* Александр Блок и революция 1905 года // Революция 1905 года и русская литература. М.; Л., 1956. С. 257–259; *Миц З.Г.* Поэма А.А. Блока "Ее прибытие" и революция 1905 г. С. 168–171; *Крук И.Т.* "Сокрытый двигатель его...": Проблемы эволюции творчества А. Блока. Киев, 1980. С. 61–63). Однако идея масштабного поэтического произведения в полном объеме осталась нереализованной. С.М. Городецкий писал в воспоминаниях о Блоке: "Бродили в нем большие замыслы. Он говорил, что пишет поэму – написал только отрывок о кораблях {...}" (*Воспоминания*, I. С. 330). Возможно, что прекращение работы над поэмой было связано – прямо или опосредованно – с реальной революцией, начавшейся в январе 1905 г.: на этом фоне неопределенно-условная трактовка темы общественного обновления, проецированного на образ Прекрасной Дамы, могла уже казаться архаичной, не отвечающей изменившемуся характеру и новым тенденциям блоковского поэтического мироощущения. Образы и мотивы "Ее прибытия", однако, возникли и развивались в поэтическом творчестве Блока 1905 г.; Блок даже пытался вернуться к работе над поэмой, см. его наброски 1905 г. "Вёсны веют, шумят и пылят..." "И снова на юг корабли уходили...", "Ноша сгибает нам плечи..." (*СС-82*. С. 395). Мир образов "Ее прибытия" не утратил для Блока своего живого звучания

и притягательности, чему косвенным подтверждением служит дневниковая запись Е.П. Иванова (16 апреля 1905 г.): "Страстная суббота. Получил от Ал. Блока открытку с изображением моря, ночь и рыбачий маяк, к которому подплыли на лодке рыбаки. Вдали город" (*БС-1*. С. 393; упоминаемая открытка сохранилась, см.: *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 19; *Письма к Е. Иванову*. С. 35). Позднее сюжетный мотив прибытия кораблей, несущих счастье, был развит Блоком в драме "Король на площади" (1906) (параллели между "Ее прибытием" и "Королем на площади" прослежены в исследовании П.П. Громова "Театр Блока", см.: *Громов П. Герой и время: Статьи о литературе и театре*. Л., 1961. С. 411–414). Ср. также заключительные строки предисловия Блока к "Нечаянной Радости".

РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ
("Окаймлен летучей пеной...")

(С. 46)

Авторизованные тексты: *АСП – Т₄*. Л. 45–45 об., текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и правка – автограф.

Впервые: *Перевал*. 1906. № 2. Декабрь. С. 28.

Публикации: *И₂*. С. 101–102 ("1. Рабочие на рейде"), в разд. "1905"; *И₄*. С. 59–60; *И₅*. С. 51–52.

В *Т₄* стихотворение имеет порядковый номер: I.

В *РЭ И₂* стихотворение перечеркнуто, помета на полях: "переделать?".

Окончательный текст – *И₂*.

Стихотворение было предложено журналу "Перевал" (вместе с другим стихотворением из "Ее прибытия" – "Голос в тучах") в ответ на просьбу редактора журнала С.А. Соколова прислать "несколько стихотворений, из них часть политических {...}" (см. письмо С.А. Соколова к Блоку от 5 августа 1906 г. – *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 544).

...*Днем и ночью дышит мол.* – Лексико-интонационная и метрическая (четырёх-стопный хорей) реминисценция стихотворения Н.М. Языкова "Пловец" (1829): "Нелюдимо наше море // День и ночь шумит оно". См.: *Махлин В.С.* Поэма А. Блока "Ее прибытие" в отношении к народной песне // *Русская и зарубежная литература*. Алма-Ата, 1971. Вып. 2. С. 102–103; *Миц З.Г.* Блок и Пушкин // *Тр. по русск. и слав. филологии*. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 177 (*УЗ ТГУ*. Вып. 306).

Очарованный сиреной... – Сирены – в греческой мифологии демонические существа, полуптицы-полуженщины, обладающие божественным голосом; своим пением сирены заманивают мореплавателей и губят их. Мимо острова сирен проплыли, удачно миновав наваждение, Одиссей (см.: *Гомер*. Одиссея. XII. Ст. 166–200) и аргонавты (см.: *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика. IV. Ст. 900–919). В контексте стихотворения образ служит мистическому осмыслению природы зла (см.: *Миц З.Г.* Поэма А.А. Блока "Ее прибытие" и революция 1905 г. // *Тр. по русск. и слав. филологии*. VI. Тарту, 1963. С. 169–170, (*УЗ ТГУ*. Вып. 139)), что подчеркивается игровым соотношением с обиходным значением слова "сирена" (сигнальный гудок на пароходах, заводах и т.п.).

...*Труд наш медленный тяжел.* – Ср. характеристику подневольного труда в стих. "Фабрика" (1903; т. 1 наст. изд.).

Все мы близки, все мы братья... – Ср. рефрен "Пловца" (1829) Н.М. Языкова: "Смело, братья!"

"Птица Пен" ходила к югу... – "Юг" в мифопоэтических представлениях Блока – страна идеала, былого или грядущего (см.: *Паудар М.Н.* Север и Скандинавия в лирике А. Блока // Скандинавский сборник. XXVII. Таллин, 1982. С. 187–188).

...*Различали красный флаг...* – Мотив надежды на обновление сочетается здесь с образом красного знамени, служившим в России с середины XIX в. эмблемой политического неповиновения и революции. См.: *Рейсер С.А.* Красный флаг в России // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. (XVIII век. Сб. 7). М.; Л., 1966. С. 294–301.

ТАК БЫЛО

("Жизнь была стремлением...")

(С. 47)

Авторизованные тексты: *АСП – Т₄*. Л. 46, текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и правка – автограф.

Впервые: Студенческая речь. 1907. № 2. 22 ноября. С. 2.

Публикации: *П₂*. С. 102–103 ("2. Так было"), в разд. "1905"; *П₄*. С. 61; *П₅*. С. 53.

В *Т₄* стихотворение имеет порядковый номер: II.

В *Т₄* и в первой публикации стихотворение иначе разделено на стихи, чем в основном тексте: каждые два стиха записаны как один стих; первые два четверостишия тем самым объединены в одно четверостишие, и т.д.; весь текст состоит из трех четверостиший (12 стихов).

Окончательный текст – *П₂*.

...*Мчались отраженья, // Тени кораблей.* – Ср. в поэме К.Д. Бальмонта "Мертвые корабли" (1895); "И привиденья кораблей // Тревожат области морские" (*Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 116. (Б-ка поэта, большая серия)).

Но не все читали // Заревые знаки, // Да и зори гасли... – Намек на мифотворческие идеи символистов-мистиков, объединенных в сообщество "аргонавтов" (см. об этом: т. 1, с. 619 наст. изд.); в "музыке зорь" "аргонавты" распознавали символы грядущих катастрофических, и вместе с тем благих, перемен и сакральных переживаний. Непосредственное отражение этих идей – в цикле "Молитвы" (март–апрель 1904 г.): "На рассвете один из нас // Выступает к розовым зорям – // Золотой приветствовать час" (т. 1 наст. изд.). Говоря о том, что "зори гасли", Блок указывает на исчерпанность для него этих настроений.

ПЕСНЯ МАТРОСОВ

("Подарило нам море...")

(С. 47)

Автографы и авторизованные тексты: *АСП, ЧА – Т₄*. Л. 46 об. ("Песня рабочих", "Морская песня"), текст рукой Л.Д. Блок, правка – автограф; *БА – ИРЛИ*. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1369. Л. 2.

Впервые: *ТП*. 1908. № 1. С. 1, под загл. "Морская песня", со строфическим делением, в ранней редакции.

Публикации: *П₂*. С. 103 ("3. Песня матросов"), в разд. "1905"; *П₄*. С. 62; *П₅*. С. 54.

В *Т₄* стихотворение (имеющее порядковый номер: III) первоначально было зафиксировано в составе первой половины текста, затем там же Блок дописал стихотворение (черновой автограф) до объема, соответствующего основному тексту.

В первой публикации стихотворение иначе разделено на стихи, чем в основном тексте: каждые два стиха записаны как один стих; весь текст (имеющий строфическое деление) состоит из 12 стихов.

Окончательный текст – *И₂*.

Подарило нам море // Обручальное кольцо! – Традиционный в народной песенной лирике образ кольца как символа любви, обручения, сбывшихся надежд (*Махлин В.С.* Поэма А. Блока "Ее прибытие" в отношении к народной песне // *Русская и зарубежная литература.* Алма-Ата, 1971. Вып. 2. С. 104) дополняется литературными реминисценциями – рассказом об обручении Эллиды и Неизвестного, героев драмы Г. Ибсена "Женщина с моря" (или "Дочь моря", 1888). Эллида вспоминает (действие 2): "Он вынул из кармана кольцо от ключей и снял у себя с пальца кольцо, которое всегда носил; потом и у меня снял с пальца колечко; надел эти оба кольца на кольцо от ключей и сказал, что мы оба сейчас сочетаемся морю. (...) И закинул кольца далеко-далеко в море, в самую глубь"; Неизвестный говорит Эллиде (действие 3): "Ведь ты уже была обвенчана, Эллида. Помнишь кольца?.." (*Ибсен Г.* Полн. собр. соч. / Пер. А. и П. Ганзен. М., 1904. Т. 6. С. 287, 303).

Невестная // Морская быстрина! – Эпитет восходит к церковнославянскому выражению "невеста невестная" – девица, не вступившая в брак; такое наименование обычно прилагается к деве Марии ("Радуйся, невеста невестная"). См.: *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1899. С. 341.

С ней жизнь вольна, // С ней смерть не страшна... – Ср. "Песню разбойников" П.Ф. Якубовича – отрывок 5-й из его неоконченной поэмы "Купальская ночь":

Поживем раздольной
Волюшкою вольной!
С нею жизнь светла, легка,
С ней все думы казака, –
С волюшкою вольной,
Светлой и раздольной...

(*Матвей Рамшев [Якубович П.Ф.].* Стихотворения. СПб., 1887. С. 95; параллель прослежена в кн.: *Минц З.Г.* Лирика Александра Блока. Тарту, 1973. Вып. 3. С. 46).

С ней погуляем // На вольном просторе! – Ср. стих. А.А. Григорьева "Обаяние" (1843): "И, весь упоения полный, // Плыву я на вольном просторе".

Ветер, ты, вольный, // Раздуй паруса! – Ср. в поэме В.Я. Брюсова "Царю Северного полюса" (1898–1900): "И ветер весенний вздувал паруса" (*Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 250).

ГОЛОС В ТУЧАХ

("Нас море примчало к земле одичалой...")

(С. 48)

Авторизованные тексты: *АСП – Т₄*. Л. 47–48 об., текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и правка – автограф.

Впервые: *ТП.* 1907. № 3. С. 27.

Публикации: *И₂*. С. 104–105 ("4. Голос в тучах"), в разд. "1905"; *И₄*. С. 63–64; *И₅*. С. 54–55.

Первоначальная редакция стихотворения в T_4 (опубл.: Орлов Вл. Из литературного наследия Ал. Блока // *Звезда-1936*. С. 269–270) – текст имеет порядковый номер: IV – была переработана и сокращена до первой публикации, приведена *Иванов-Разумник*. Л. 138–139.

Окончательный текст – $И_2$. После этой публикации Блок предполагал дополнительно сократить стихотворение (в $PЭ И_2$ вычеркнуты три строфы – ст. 17–24, 29–32).

О первой публикации стихотворения в журнале "Трудовой путь" Л.Д. Семенов писал редактору журнала В.С. Миролюбову (28 марта 1907 г.): "Как хорошо стихотворение Блока после моего рассказа!" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 277; рассказ Семенова "Проклятие", отразивший его тюремные впечатления, напечатан в том же номере журнала, непосредственно перед стихотворением Блока).

Нас море примчало к земле одичалой... – Ср. 1-й стих поэмы В.Я. Брюсова "Город женщин" (1902): "Домчало нас к пристани в час предвечерний" (*Брюсов В. Urbi et orbi*. Стихи 1900–1903 г. М., [1903]. С. 181; параллель (смысловая, метрическая и эфоническая) прослежена З.Г. Минц – *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 473).

...Веселую песню запела гроза... – Передавая "голос в тучах" – монолог от имени одной из природных стихий, Блок следует приему, широко распространенному в поэзии русского символизма; ср. монологи снежинок в поэме К.Д. Бальмонта "Мертвые корабли" (1895) (*Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 117), раздел VII "Голоса стихий" в поэме Брюсова "Царю Северного полюса" (монологи Земли, Воды, Огня, Воздуха и их общий хор) (*Брюсов В.* Собр. соч. М., 1973. Т. 1. С. 253–255), стих. Ю. Балтрушайтиса "Суд" (диалог ведут Голос, Волны, Тучи и т.д.) (Северные цветы на 1901 год. М., 1901. С. 122–126). Возможно также воздействие "драматической фантазии" К.М. Фофанова "На полюсе" (1901; впервые – в альманахе "Северные цветы" на 1902 г.), в которой ведут диалог Царь снегов, Северное сияние, Льдины и т.д. (см.: *Фофанов К.М.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962. С. 212–215. Б-ка поэта, большая серия).

...Печальные люди, усталые люди ~ Больших кораблей из далекой страны! и т.д. – Развернутая реминисценция из поэмы Брюсова "Город женщин" (подчеркнутая общностью размера – четырехстопный амфибрахий):

И после корабль распустил паруса.
Поплыл в широту и в свободное море,
Где бури и солнце и подвиги есть {...}
Товарищи! братья! плывите! плывите!
Забудьте про тайну далекой земли!

(*Брюсов В. Urbi et orbi*. С. 183)

...Как радостен без закипающих пен! ~ За ночью, за бурей – зыванье сирен! – Автореминисценция стих. "Взморье" (26 мая 1904 г.):

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен –
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

...лохмотьями пены // Швырялись моря на стволы маяков. – Ср. стих. Брюсова "Старый викинг" (1900): "Когда уплывает корабль среди шума и воя // И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены" (*Брюсов В. Urbi et orbi*. С. 142).

...Там буря настигла суда рыбаков. – Возможный отголосок драмы нидерландского

писателя Германа Гейерманса (1864–1924) «Гибель "Надежды"» (1901), в центре сюжета которой – гибель рыбацкого судна. Издание пьесы в русском переводе (М., [1902]) имелось в библиотеке Блока (*ББО-1*. С. 191).

Другие редакции и варианты

Старик незнакомый явился в толпе. // Он был – исполин ~ Веселый – вещал золотую свободу ~ Старик ликовал. И трепалась одежда, // И голос под стонущим ветром крепчал. (*T₄*) – В статье Д.М. Шарыпкина "Блок и Ибсен" проводится параллель между "стариком-исполином" и Брандом, героем одноименной драматической поэмы (1865) Г. Ибсена (Скандинавский сборник. VI. Таллин, 1963. С. 166). Более отчетливой представляется связь блоковского героя с образом старика в ранних произведениях Андрея Белого; ср. стих. "Старец" (1900):

Бесконечно могуч
дивный старец стоит
на востоке среди туч
и призывно кричит:

"Друг, ко мне! Мы пойдем
в бесконечную даль.
Там развеется сном
и болезнь и печаль"...

Его риза в огне...
И как снег седина.
И над ним в вышине
голубая весна.

И слова его – гром,
потрясающий мир
неразгаданным сном...
Он стоит, как кумир,

как весенний пророк,
осиянный мечтой.

(*Белый А.* Золото в лазури. М., 1904. С. 36–37)

Влияние на Блока, определенно, оказал и образ старика-демиурга из 3-й "симфонии" Белого "Возврат" (вышла в свет осенью 1904 г.): у старика – "невыразимое лицо", "серые очи – две бездны, сидевшие в огромных глазницах", "седая голова, глубоко сидевшая в могучих плечах, была закинута назад с вскинутой бородой, раздуваемой ветром"; "Головокружительные слова срывались с огненных уст, волнуя седину"; "Старик явился, как вихрь. Его волосы метались. Одежды старика рвались прочь", и т.д. (*Белый А.* Возврат. III симфония. М., 1905. С. 9, 12, 19, 20, 30).

Там змей не дремал... (*T₄*) – Видимо, образ в данном случае возник по аналогии с 1-й частью "симфонии" Белого "Возврат", где миру вневременного блаженства угрожает змея, поднимающаяся из морской глубины (*Белый А.* Указ. соч. С. 17, 22, 25–26).

Прозрачность являлась прозрачному оку... (*T₄*) – Образ навеян, видимо, книгой стихов Вяч. Иванова "Прозрачность" (1904). В статье "Творчество Вячеслава Иванова" (1905) Блок интерпретирует этот образ как ключевой философский символ поэзии Иванова: «"Прозрачность" есть символ, – то, что соделывает "сквозным покрывало Майи". За покрывалом открывается мир – целое» (*СС-85*. С. 16).

КОРАБЛИ ИДУТ

("О, светоносные стебли морей, маяки!..")

(С. 49)

Авторизованные тексты: АСП – Т₄. Л. 49–49 об., текст рукой Л.Д. Блок, правка – автограф.

Впервые: Перевал. 1906. № 2. Декабрь. С. 27–28.

Публикации: И₂. С. 105–106 ("5. Корабли идут"), в разд. "1905"; И₄. С. 65–66; И₅. С. 56–57.

В Т₄ стихотворение имеет порядковый номер: V.

Окончательный текст – И₂. После этой публикации Блок предполагал печатать стихотворение в сокращенном виде (в РЭ И₂ вычеркнуты три строфы – ст. 9–20).

Ты нам мстишь, электрический свет! – Отголосок негативных представлений об электрическом освещении, распространенных на рубеже веков. См.: *Топорков А.Л.* Из мифологии русского символизма: Городское освещение // *БС-5*. С. 105. В стихотворном наброске 1905 г. электричество у Блока приобретает эсхатологический смысл: "Ты горишь, электрический взгляд // Городов и последних времен" (*СС-82*. С. 395).

...Электричество – наша звезда! ~ Электрический свет не умрет! – Хвала электричеству по своему эмоциональному звучанию близка к воспеванию солнца в стихотворении "Гимн" (27 августа 1904 г.), имеющем и черты метрико-стилевого сходства с настоящим стихотворением (см.: *Руднев П.А.* Опыт семантического анализа монометрической и полиметрической стиховых структур на метрическом уровне // *Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Литературоведение.* Тарту, 1973. С. 309–310 (*УЗ ТГУ. Вып. 306*). Блок следует за Брюсовым, который в поэме "Замкнутые" (1900–1901) говорит об электричестве как о залоге будущего технического прогресса (строки не вошли в окончательную редакцию поэмы): "Нельзя нам не мечтать о будущих веках (...) Свет электрический – предвестник их прихода" (*Брюсов В. Urbi et orbi.* Стихи 1900–1903 г. М., [1903]. С. 177). В стихотворении возможны также отголоски "драматической фантазии" К.М. Фофанова "На полюсе" (1901); ср. ремарки в ней: "Даль озаряется электричеством. Слышно громыхание кораблей"; "Является м и р а ж в заре забрезжившего утра. Вырисовываются в вышине башни, мачты кораблей, трубы" (*Фофанов К.М.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962. С. 213).

КОРАБЛИ ПРИШЛИ

("Океан дремал зеркальный...")

(С. 50)

Авторизованные тексты: АСП – Т₄. Л. 50–50 об., текст рукой Л.Д. Блок, правка – автограф (ст. 13–16) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 139).

Впервые: Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1907. № 2. Стб. 295–296 ("Океан дремал зеркальный...").

Публикации: И₂. С. 106–107 ("6. Корабли пришли"), в разд. "1905"; И₄. С. 66–67; И₅. С. 57.

В T_4 стихотворение имеет порядковый номер: VI. В T_4 и в первой публикации в стихотворении имеется строфа (между ст. 12 и 13), не вошедшая в основной текст (опубл.: СРТ. С. 519).

Окончательный текст – $И_2$.

Вся горя, смеялась даль ~ Их красавица ждала... – Ср. стих. Н.П. Огарева "Ожидание" (1844):

Открылась даль, заря зажглась,
И море засверкало;
Свежа, как утро в ранний час,
Она у вод стояла:
"Сегодня срок, сегодня срок!
Корабль уж, верно, недалек!"

(Огарев Н.П. Стихотворения / Под ред. М.О. Гершензона.
М., 1904. Т. 1. С. 278)

...Их красавица ждала... // То – земля, о, дети страсти... – Впервые в поэзии Блока родная страна, "земля", явно уподоблена женскому образу.

РАССВЕТ

("Тихо рассыпалась в небе ракета...")

(С. 51)

Авторизованные тексты: АСП – T_4 . Л. 51–52 об., "16 декабря" (датировка относится, видимо, ко всей поэме), текст рукой Л.Д. Блок, правка – автограф.

Впервые: Образование. 1907. № 11. Отд. 1. С. 31–32, в расширенной редакции.

Публикации: $И_2$. С. 107–108 ("7. Рассвет"), в разд. "1905"; $И_4$. С. 67–68; $И_5$. С. 58–59.

В T_4 стихотворение имеет порядковый номер: VIII. Первоначальная редакция стихотворения (T_4) в два раза превышает объем его основного текста (60 стихов вместо 29). Стихотворение было переработано и сокращено до первой публикации. Ст. (5–8), (29–60) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 139–140 (ст. (5–8), (29–32), (37–44), (49–52) опубл.: Орлов Вл. Из литературного наследия Ал. Блока // *Звезда-1936*. С. 270–271).

В журнале "Образование" и в $И_2$ вместо ст. 29 – три четверостишия (лишь частично в обеих публикациях совпадающие друг с другом по тексту), не вошедшие в основной текст. В РЭ $И_2$ на полях у 1-й строфы помета Блока: "переделать и сократить"; ст. 4 зачеркнут.

Тихо рассыпалась в небе ракета... – Ср. стих. Я.П. Полонского "Лебедь" (1888): "Как над ним взвилась ракета // И рассыпалась над ним".

...в предчувствии счастья // Вышли на берег встречать корабли ~ Сильные юноши... Скромные девушки... – Вероятные реминисценции из стих. В.Я. Брюсова "В раю" (1903), входящего в "Urbi et orbi" (Брюсов В. Собр. соч. Т. 1. С. 339):

Обнаженные юноши, девы и дети
Выбегают на отмель веселой толпой
И бросаются в воду, при радостном свете,
Словно горсти жемчужин, блестя за водой.

Кто-то гирляндю цветочную бросил ~ Сильные юноши сели у весел... – В рифмовке ("бросил: вёсел") – видимо, реминисценция из поэмы В.Я. Брюсова "Царю

Северного полюса": "Корабль в безвестности бросил" – "Есть копы для боя, есть руки для весел" (*Брюсов В. Собр. соч. Т.1. С. 250*).

Плыли и пели, и море пъянело... – Ср. в поэме Брюсова "Царю Северного полюса": "И плыли, и пели, в метели, в грозе, // Морской возрастающей степью" (*Там же*).

Другие редакции и варианты

Правящий Феб, рассекая туман, // Дале все мчал пурпуровые стрелы... (*Т₄*) – Феб (блистающий – греч.) – в греческой мифологии второе имя Аполлона, указывающее на чистоту, блеск, прорицание; Аполлон-Феб отождествляется с солнцем, а его стрелы – с солнечными лучами.

Жертвенной кровью вскипели моря. (...) // *Мы увидали над морем – Царя. (Т₄)* – Образ Царя, в сочетании с мотивом жертвенности, соотносится с образом Иисуса Христа в Апокалипсисе, где он одновременно – "Агнец закланный" и "Господь господствующих и Царь царей" (Откр. св. Иоанна Богослова. V. 12; XVII.14; XIX. 16).

МОЕЙ МАТЕРИ

("Помнишь думы? Они улетели...")

(С. 52)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₉*. Л. 30–32; *АС – Т₄*. Л. 53 об., "4 декабря", текст рукой Л.Д. Блок, посвящение рукой Блока; *БА* – собрание В.Н. Орлова, "4.XII.1904. С–П–6" (дарственная надпись на книге "Стихи о Прекрасной Даме" (М., Гриф, 1905 [1904]), принадлежавшей А.А. Кублицкой-Пиоттух, – опубли.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 89); печ. текст – *HP II₂*. Л. 107.

Впервые: *ВЖ*. 1905. № 6. С. 152, первое в цикле "Нечаянная Радость", без заглавия.

Публикации: *II₁*. С. 101–102, в разд. "Покорность", "1904"; *II₂*. С. 114, в разд. "Покорность"; *II₃*. С. 51 ("Нам казалось: мы кратко блуждали..."), в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 69; *II₅*. С. 59–60.

В *ЗК₉* представлена первоначальная редакция стихотворения, в которой последняя строфа записана перед первой; текст ее подвергался переработке. Строфы 1-я, 2-я и 3-я пронумерованы чернилами.

Окончательный текст – *ВЖ* (заглавие представлено как посвящение). В *РЭ II₂* первая и последняя строфы зачеркнуты, на полях – вопросительный знак, помета "Или все выкинуть?" (помета зачеркнута). Над вопросительным знаком написано: "4 строфы". Ст. 13–16 также зачеркнуты, затем зачеркивание стерто. Под текстом дата: "4 декабря 1904". В *II₃* стихотворение печаталось в сокращенном виде (без 1-й и 6-й строф) и с изменениями в ст. 11–12. В *II₄* Блок вернулся к прежней редакции текста.

А.И. Гуковский в статье о журнале "Вопросы жизни" (1905. № 6), где впервые опубликовано стихотворение, назвал его заслуживающим "пальмы первенства" среди произведений, авторы которых "усиливаются перешеголять друг друга словесными неожиданностями" (*Гуковский А. Журнальные заметки // Сын отечества. 1905. № 116*).

Помнишь думы? Они улетели. – Воспоминание о мыслях и настроениях ранней лирики Блока (в 1898–1901 гг. Блок посвятил матери четыре стихотворения). Стихотворение отразило основное настроение Блока периода "угасания зорь" (*Белый А. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Воспоминания, I. С. 266*).

Отцвели завитки гиацинта. – По воспоминаниям С.М. Городецкого, относящимся к зиме 1904–1905 гг., в комнате Блока в Гренадерских казармах была "низкая полка с

книгами, на ней всегда гиацинт" (*Воспоминания*, I. С. 328). Ср. также в письме Белого Блоку от ноября–декабря 1903 г.: "Зеркало свое я превратил в ниспадающий водопад по способу странных дел мастера Добролюбова {...} Казалось, вечно слетало море душистых белых фиалок и гиацинтов" (*Блок и Белый*. С. 70). Упоминание А. Добролюбова (см. т. 1, с. 589 наст. изд.) в связи с гиацинтом сближает символику цветка и "стебля вселенского дела", который несет герой стихотворения "А.М. Добролюбов" (т. 1, с. 152 наст. изд.).

Мы провидели светлые цели // В отдаленных краях лабиринта. – Намек на миф об аргонавтах, устремленных к светлым и дальним целям, развивавшийся в творчестве Андрея Белого и нашедший отклик у Блока (см. т. 1, с. 619 наст. изд.).

И никто не спросил о Планете, // Где мы близились к юности вечной... – Ср. в ранней лирике Блока отражения платоновского мифа о жизни душ на звездах (см., например, стих. "Восходишь ты, что строгий день...", 1900, т. 1 наст. изд.). Другой возможный источник образа – цикл стихотворений Ф. Сологуба "Звезда Маир" (1898–1901), который упоминается в письме Блока к С.М. Соловьеву от 20 декабря 1903 г.: "Сологуб и сквозь усталость увидал звезду Маир, реку Лигой, землю Ойле. Что же мы-то, желающие жизни?"; ср. дарственную надпись Сологубу на I: "Федору Кузьмичу – Автору Звезды Маир – Утешения – Сказок – ... в знак глубокого уважения и благодарности" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 126). Ср. также запись Блока от 14 августа 1902 г.: "Цветные дни на планетах {...}"

Я говорю о странных городах,
О разноцветных звездах и планетах"
(ЗК. С. 36)

...За стезей ослепительно млечной! – Ср. в стих. "Ночь": "Поднялась стезею млечной..."; см. также коммент. к этому стиху.

Но в бесцельном, быть может, круженье... – Образ получил развитие в статье "Безвремяе" (1906), лейтмотивом которой является "бесцельное стремление всадника на усталом коне" (*СС-85*. С. 75), кружащего "по болоту, под большой зеленой звездой" (*Там же*. С. 82).

...Были мы, как избранники, нищи. – Ср.: "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное" (Мф. V. 3).

Не смущайся забвеньем. Не числи. – О символике "числения" у Блока см. т. 1, с. 448 наст. изд.

...Ослепительный Всадник прискачет. – Образ из Апокалипсиса: "И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует". (XIX. 11). Образ постоянно возвращающегося Всадника на "белом коне" см. в стих. "Дали слепы, дни безгневны..." (т. 1 наст. изд.). О всаднике см. также письмо Белому от 5 июня 1904 г.: "Теперь всадник ездил мимо. Но я наверное знаю, что это – не Христос, а милый, близкий, домашний для души, иногда страшный". Ср. также в стих. Л. Семенова "Не спи, но спящих не буди..." (1903), посвященном Блоку: "И он {...} // От вражбых ран смертельно-бледный, // Проскачет мимо на коне" (*Семенов Л.* Собрание стихотворений. СПб., 1905. С. 54).

Другие редакции и варианты

Кто-то нес – ослепительно светел – // Впереди нас цветок гиацинта. (ЧА ЗК₉) – Ср. в стих. "А.М. Добролюбов": "Слабый и хилый ребенок // В ручке несет стебелек // Стебель вселенского дела..." (см. т. 1 наст. изд.).

"ВСЕ ОТОШЛИ. ШУМИТЕ, СОСНЫ..."

(С. 52)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₆*, Л. 36 об.–37; *АС – Т₄*, Л. 44 об. ("Все отошли..."), "14 декабря", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и дата – рукой Блока; печ. текст – *НР II₂*, Л. 114.

Впервые: *ВЖ*. 1905. № 6. С. 159, в цикле "Нечаянная Радость".

Публикации: *II₁*, С. 110, в разд. "Покорность"; *II₂*, С. 118–119, "У полотна Финл. ж.д.", в разд. "Покорность"; *II₃*, С. 50, "У полотна Финл. ж.д.", в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*, С. 70; *II₅*, С. 60.

Основная редакция текста представлена в первой публикации. В *II₃* стихотворение вошло в сокращенном виде (без 3-й строфы); в *II₄* текст восстановлен в первоначальном объеме.

Все отошли (...) // Над одиноким веют весны... – Стихотворение написано в период расхождения Блока с "петербургскими мистиками" Мережковскими, начавшегося осенью 1902 г. и углубившегося в 1903–1904 гг. См. об этом: *Миц З.Г.* Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*, С. 146–148.

Мою заветную свирель. – См. коммент. к стих. "Вступление".

...В Его Святую колыбель... – Подразумевается "колыбель" Бога-Сына – трансцендентный мир, небеса.

Не о спасены, не о Слове... – Евангельский образ слова как духовной первоосновы бытия (Ин. I. 1). См. также коммент. к стих. "Я жду призыва, ищу ответа...", 1901 (т. 1 наст. изд.).

И мне ли – падшему в пыли? и след. – Ср.: "Неуловимая, она не между нами // И вне земли. // А мы, зовущие победными словами, – // В пыли" ("Курятся алтари, дымят паникадила...", 1900, т. 1 наст. изд.).

"ШЛИ НА ПРИСТУП. ПРЯМО В ГРУДЬ..."

(С. 53)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₄*, Л. 92–92 об., "(Начало 1905 года)", рукой Л.Д. Блок; *АС – НР II₂*, Л. 96, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *НЖ*. 1905. № 26/27. 26 нояб. С. 207–208, в подборке из трех стихотворений "Стихи Александра Блока" вместе со стих. "Барка жизни встала..." и "Вися над городом всемирным...".

Публикации: *II₁*, С. 87–88, в разд. "Перстень-Страданье"; *II₂*, С. 94–95, в разд. "1905"; *II₄*, С. 71; *II₅*, С. 61.

В *Т₄* под текстом – помета Блока: «"Наша Жизнь" – арестов(анный) № илл(юстрированного) прил(ожения) 26 ноября 1905 г.» – номер журнала был изъят цензурой.

Основная редакция текста представлена в первой публикации.

Исключено Блоком из собрания при подготовке *II₃*, восстановлено в *II₄*.

Отклик на революционные события января 1905 г. в Петербурге. Подробный рассказ о подавлении народных манифестаций 9 января и последующих днях содержится в дневнике Е.П. Иванова (*Иванов Е.П.* Записи об Александре Блоке // *БС-1*, С. 389).

Вероятно, в беседах Блока с Ивановым эти события обсуждались. Об отношении Блока к революции в это время см.: *Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Воспоминания*, 1. С. 293–296).

Только в памяти веселой // Где-то вспыхнула свеча. – Ср. у Л. Толстого описание смерти Анны Карениной: "И свеча (...) вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла" ("Анна Каренина". Ч. 7. XXXI).

"ВОТ НА ТУЧАХ ПОЖЕЛТЕЛЫХ..."

(С. 53)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА₁ – ЗК₁₁*. Л. 5–5 об., "30 мая"; *ЧА₂ – ЗК₁₁*. Л. 13 об.–14; *АС – Т₄*. Л. 69 об., "Июль", текст рукой Л.Д. Блок, дата рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 64. Л. 41, при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г. вместе с 21 стихотворением; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 7; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 9; *АС – НР II₂*. Л. 72, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *II₁*. С. 61, в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*. С. 64, в разд. "Отравы"; *II₄*. С. 72; *II₅*. С. 62.

В *ЗК₁₁* представлены первоначальная редакция стихотворения (*ЧА₁* – приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 141–142, опубл.: *НС*. С. 128–129) и черновой автограф, близкий к основному тексту (*ЧА₂*). В *ЧА₁* против первого стиха помета: "ай! ай! (!?)", под текстом помета: "Строгий день 30 мая".

В *РЭ II₂* на полях помета "П(узыри) З(емли)" и вопросительный знак, затем стихотворение перечеркнуто, внизу дата: "Июль 1905". В *II₃* стихотворение не вошло.

Основной текст представлен в первой публикации.

Отзыв А. Белого на стих. см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904).

...Птицы траурной фати. – Возможно, образ навеян балладой Э. По "Ворон". Ср.: "Эта траурная птица" (По Э. Собр. соч. / Пер. К. Бальмонта. М., 1901. Т. 1. С. 4).

Кто там встанет с мертвым глазом // И серебряным мечом? – См. коммент. к стих. "Ты оденешь меня в серебро..." (1904).

Другие редакции и варианты

Знаком темно-горделивым // Начерталось: Никогда. (*ЧА₁ ЗК₁₁*) – Ср. рефрен русского перевода "Ворона" Э. По: «Ворон каркнул: "Никогда"» (По Э. Указ. соч. С. 3).

Розоперстый! Где твой пламень?! (*ЧА₁ ЗК₁₁*) – *Розоперстая* в гомеровском эпосе – постоянный эпитет зари: "Но, лишь явилась заря розоперстая, вестница утра" (*Гомер. Илиада* / Пер. Н. Гнедича. СПб., 1861. С. 24; издание находится в библиотеке А. Блока – см.: *ББО-1*. С. 235). Ср. также у Белого в связи с темой мистических "закатных" предчувствий: "Закат был напоен грустью. Розовые персты горели на бирюзовой эмали" (*Белый А.* Симфония (2-я, драматическая). М., 1902. С. 83–84).

Но из веток мертвым глазом // Смотрит рыжая сова (*ЧА₂ ЗК₁₁*) – см. коммент. к стих. "Я восходил на все вершины..."

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

("Королева жила на высокой горе...")

(С. 54)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₁₁. Л. 7–9, "3 июня"; *АС* – *Т*₄. Л. 79 об.–80, "Июнь", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие, дата и правка – рукой Блока; *АС* – *НР* *II*₂. Л. 25, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук; *РЭ* *II*₂. Л. 12 об.–13, правка карандашом (под текстом дата: "Июнь 1905").

Впервые: *ЗР*. 1906. № 1. С. 47–48.

Публикации: *II*₁. С. 19–20, в разд. "Весеннее"; *II*₂. С. 14–15, в разд. "Весеннее"; *II*₃. С. 52–53, в разд. "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 73–74; *II*₅. С. 62–64.

В *ЗК*₁₁ имеется черновой автограф стихотворения, в котором текст 7-й строфы записан перед 6-й. Авторская правка в *Т*₄ относится, по-видимому, ко времени подготовки первой публикации стихотворения в *ЗР*.

При подготовке *II*₃ Блок намеревался исключить стихотворение, о чем свидетельствует помета в *РЭ* *II*₂: "Не выкинуть ли? Чепуха". Здесь же Блоком была сделана попытка переработать стихотворение: из двух первых строф составлена одна, внесены изменения в 3-ю, а 4-я исключена, текст перечеркнут. Под стихотворением имеется набросок строфы, представляющий собой переработку первых трех строф, который свидетельствует еще об одной попытке Блока переделать и сократить стихотворение. Варианты *РЭ* *II*₂ приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 142. Однако в *II*₃ эти изменения не вошли. Стихотворение включено в *II*₃, возможно, под влиянием совета Л.Я. Гуревич (см. письмо Блока к ней от 23 февраля 1916 г.).

Окончательный текст – *II*₂.

В *II*₅ датировка: " ··· июня 1905" (дефект печати; видимо, должно было быть: "3 июня 1905").

Стихотворение было послано Блоком при письме к А. Белому от 2 октября 1905 г. вместе с 21 стихотворением. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно. Опуubl.: *Блок и Белый*. С. 148.

Отзыв А. Белого см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904). Ср. в письме Белого Блоку (февраль 1906 г.): «Твое стихотворение "Влюбленность" – замечательно. Я только теперь оценил его по достоинству» (*Блок и Белый*. С. 173).

Блок читал это стихотворение 7 декабря 1905 г. на "среде" у В.И. Иванова (см. письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 11 декабря 1905 г. // *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 233). Белый писал об этом чтении на "башне" в "Воспоминаниях о Блоке" (*Белый*, 2. С. 293).

В *II*₂ к этому стихотворению Блок сделал примечание: «Стихотворение внушено старым замком города Friedberg'a (Hessen), описанию которого посвящена моя статья: "Девушка розовой калитки и муравьиный царь"». Блок был во Фридберге дважды: в 1897 и 1903 годах. О Фридберге см. его письмо Л.Д. Менделеевой от 24 июня 1903 г. В стихотворении и в статье воссоздаются символические черты "западного", "рыцарского" средневекового мира "романтизма", близкого и к миру раннего творчества Блока.

Королева жила на высокой горе, // И над башней дымились прозрачные сны облаков. – Ср. с набросками Блока к статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (наброски 1903 г. – *ЗК*. С. 48–49, статья (1906) – *СС*-8₅. С. 85). Один из источни-

ков образа героини – "Северная симфония" Белого (М., 1904), где Королева, которая "росла на вершине" (С. 24) мраморной башни, проходит испытание влюбленностью. "Северная симфония" насыщена "облачными" мотивами.

Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви на заре. – Ср. образ Рыцаря в стих. Блока "Поэма" (1898, т. 4 наст. изд.), а также в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906) образ "неподвижного рыцаря – Запада". В "Северной симфонии" Белого Королеву полюбил Рыцарь, приходивший к ней на вечерней заре, но околдованный силами "тьмы".

...В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов. – Ср. в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" образ Рейна как знак "романтического мира" (СС-85, С. 84).

"Подними эту розу"... – О символике розы см. коммент. к стих. "Я – тварь дрожащая. Лучами..." (т. 1 наст. изд.). Ср. в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" иронические размышления о Западе как мире роз и куртуазной культуры (СС-85, С.85-88).

"В синем утреннем небе найдешь Купину расцветающих роз" – У раннего Блока Купина – одно из имен Прекрасной Дамы ("Дева, Заря, Купина" – см. стих. "Странных и новых ищущих на страницах..." (1902) – т. 1 наст. изд.).

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы, // И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит. – Ср. описание "небесной войны" в стих. "Война горит неукротимо...", 1902: "Старик-пастух стада покинет, // Лазурный догоняя дым, // Тяжелый щит боец отринет, // Гонясь без усталости за ним" (т. 4 наст. изд.).

Не смолкает вдали властелинов борьба... и след. – Ср. в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь": "Искони на Западе искали Елену – недостижимую, совершенную красоту. Отсюда все эти войны и кровавые распри с полуфантастическим врагом; эти фигуры рыцарей с опущенными забралами" (СС-85, С. 88–89).

И в воздушный покров улетела на зов... – Ср. в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" противопоставление "западного" идеала как отрыва от земли "неземных очарований", "романтизма" и русского пути к земле, "поющей руде".

Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы! // Повелительней древних законов отцов! – Ср. в стих. Лермонтова "Желание" (1831): "...Бесполезны мольбы // Против строгих законов судьбы".

Другие редакции и варианты

Там – шепнул ей – на небе немало сгорающих роз... (ЧА ЗК₁₁) – Ср. в стих. "Пробивалась певучим потоком..." (1902): "Не видали сгорающих роз (<...> Мы постигли сгорания роз" (т. 1 наст. изд.; а также коммент. к этому стихотворению).

И заветная мгла протянула плащи и скосила лучи... (ЧА ЗК₁₁) – Возможно, навеяно фольклорными представлениями о ночи как смерти солнца, когда под косой-месяцем гибнут лучи-колосья.

"ОНА ВЕСЕЛОЙ НЕВЕСТОЙ БЫЛА..."

(С. 55)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₁. Л. 10 об.–13; АС – Т₄. Л. 80 об.–81 об., "Июнь", текст рукой Л.Д. Блок, датировка и правка – рукой Блока; АС – НР II₂. Л. 104–105, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук; АС – Изборник. Л. 136–137, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук.

Впервые: ЗР. 1906. № 4. С. 36, с переводом на франц. язык ("Elle était une fiancée...").

Публикации: *П₁*. С. 41–42, в разд. "Магическое"; *П₂*. С. 111–112, в разд. "Покорность"; *П₃*. С. 54–55, в разд. "Разные стихотворения"; *П₄*. С. 75–76; *П₅*. С. 64–65.

В *Т₄* правка Блока относится, по-видимому, ко времени публикации в *ЗР*. В *РЭ П₂* ст. 3, 4, 7, 9 и 10 приведены к основному тексту, ст. 33–34 заключены в скобки и возле них поставлен вопросительный знак, затем скобки и вопросительный знак зачеркнуты. Под стихотворением дата: "Июнь 1905".

Окончательный текст – *П₃*.

Стихотворение было послано Блоком при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г. вместе с 21 стихотворением. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно. Опубл.: *Блок и Белый*. С. 148–149. Отзыв Белого см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем...", 1904.

Она веселой невестой была. // Но смерть пришла. Она умерла. – О теме мертвой невесты, восходящей к ранней лирике Блока, см. коммент. к стих. "Тихо вечерние тени...", 1904 (т. 1 наст. изд.). Ср. стих. "Гроб невесты легкой тканью...".

Но церковь упала в зацветший пруд. – Образ навеян пейзажами старой усадьбы села Тараканово (неподалеку от имени Бекетовых Шахматово), где в церкви Михаила Архангела 17 августа 1903 г. Блок венчался с Л.Д. Менделеевой (см.: *Лесневский С.* Путь, открытый взорам. М., 1980. С. 149–150).

Старуха вдевает нити в иглу. – Образ "нитей" сближает "старуху" с пряжами-Мойрами (Парками) в греческой и римской мифологии. О символике старости см. коммент. к стих. "Старик" (т. 1 наст. изд.).

Тихо, как будет. Светло, как было. – Ср. связь мотивов тишины и старости в стих. Л. Семенова "Сказка про белого бычка" (1903): "У старухи все одно, // Все жужжит веретено (...) И угрюма и страшна // Вековая тишина" (*Семенов Л.* Собрание стихотворений. СПб., 1905. С. 49) и в стих. А. Белого "Старушка (Воспоминание)": "В покоях стоит тишина. // В кресле потертом из ситца // Старушка глядит из окна. // Ей молодость снится". Стихотворение послано Белым Блоку при письме от 19 августа 1903 г. (*Блок и Белый*. С. 50).

А вдоль комодов, вдоль старых кресел... – Ср. во 2-й Симфонии А. Белого: "Сама Вечность в образе черной гостьи разгуливала вдоль одиноких комнат, садилась на пустые кресла" (*Белый А.* Симфония (2-я, драматическая). М., 1902. С. 30).

...И мышь щекочет обои в углу. – О символике мыши см. коммент. к поэме "Ночная Фиалка" (1905–1906).

В зеркальной глубине – еще покой... – Ср.: "А в соседней комнате висело огромное зеркало, отражавшее в себе вечно то же и то же. Там был ужас отсутствия и небытия" (*Белый А.* Указ. соч. С. 12).

"НЕ СТРОЙ ЖИЛИЩ У РЕЧНЫХ ИЗЛУЧИН..."

(С. 56)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₁₀*. Л. 8 об.; *ЧА* – *ЗК₁₀*. Л. 8–6 об.; *АС* – *Т₄*. Л. 102 об., текст рукой Л.Д. Блок, посвящение рукой Блока; *АС* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *АС* – *НР П₂*. Л. 131, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *П₁*. С. 142, в разд. "Нечаянная Радость".

Публикации: *П₂*. С. 136–137, в разд. "Нечаянная Радость"; *П₃*. С. 63, в разд. "Разные стихотворения"; *П₄*. С. 77; *П₅*. С. 66.

В *T*₄ отмечено порядковым номером "IV" и объединено со стихотворениями "Полюбил эту вечность болот..." ("I"), "Белый конь чуть ступает усталой ногой..." ("II") и "Болото – глубокая впадина..." ("III"), сопровождаемыми пометой Блока: "4 стихотворения, напис(анных) летом 1905 и отделанных позже".

В *PЭ II*₂ имеется правка: в ст. 3 прописная буква в слове "конец" исправлена на строчную, в ст. 15 "Так" заменено на "Да". Над стихотворением помета "Какой отдел?", позднее зачеркнутая, под ней написано: "Р(азные) С(тихотворения)", дата – "Лето–осень 1905".

Чулков Георгий Иванович (1879–1939) – писатель-символист, критик и литературовед, автор воспоминаний о Блоке. В период создания стихотворения был в числе близких друзей Блока. Ср. в воспоминаниях Чулкова, относящихся к лету 1905 г.: "Я помню наши скитальчества с Блоком в белые петербургские ночи и долгие беседы где-нибудь на скамейке Островов. В этих беседах преобладали не "экономика", "статистика", не то, что называется "реальной политикой", а совсем другие понятия и категории, выходящие за пределы так называемой "действительности". Чудились иные голоса, пела сама стихия, иные лица казались масками, а за маревом внешней жизни мерещилось иное, таинственное лицо" (*Чулков Г.И.* Александр Блок и его время // *Воспоминания*, I. С. 356). Г.И. Чулкову посвящен также цикл "Вольные мысли" (1907). О взаимоотношениях Блока и Чулкова см.: *Письма Блока к Чулкову* // *Письма Александра Блока*. Л., 1925. С. 91–171; *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1930. Переписка Г.И. Чулкова с Блоком / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // *АН*. Т. 92. Кн. 4. С. 370–422.

Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне... и след. – Развитие декадентского символа абсолютной свободы "пути" ("все гавани" В. Брюсова и др.).

И молчи без конца, чтоб никто не заметил... – Тема молчания появляется у Блока уже в первом томе лирики (см. "Я к людям не выйду навстречу...", 1903, т. 1 наст. изд.), см. также коммент. к стих. "Твари весенние".

Да. Она придет... – Тема грядущего возвращения "Души мира" (см. коммент. к стих. "Дали слепы, дни безгневные...", т. 1 наст. изд., и к стих. "Моей матери").

Без вины прижмет к устам уста. – *Вина* – здесь: причина.

"ПОТЕХА! РОКОЧЕТ ТРУБА..."

(С. 56)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 27 об.–29; *АС – T₄*. Л. 68 об.– 69, "Июль", текст рукой Л.Д. Блок, датировка и правка рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 66. "Лето 1905", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г. вместе с 21 стихотворением; *АС – НР II₂*. Л. 61, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *II₁*. С. 65–66, в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*. С. 54–55, в разд. "Отравы"; *II₄*. С. 78; *II₅*. С. 67.

В *T₄* стихотворение правилось Блоком, по-видимому, перед первой публикацией, в которой представлена основная редакция текста. В *II₃* не входило.

Отзыв А. Белого см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904). Отзыв Н.Я. Абрамовича см. в коммент. к стих. "Ты оденешь меня в серебро..." (1904).

Стихотворение, как и группа следующих за ним, тематически и стилистически (романтическая ирония) предвосхищает драму "Балаганчик" (1906).

Гадалка, смуглее июльского дня... – Ср.: "И вольно – смуглая гадалка..." ("Поет, краснея, медь. Над горном...", 1904). О цыганской теме в стихотворении см.: *Лотман Ю.М., Мицз З.Г.* "Человек природы" в русской литературе XIX века и "цыганская тема" у Блока // *БС-1*. С. 128.

...*Слова слаще звуков Моцарта.* – Цитата из либретто М.И. Чайковского к опере П.И. Чайковского "Пиковая дама" – баллада Томского о том, как в Париже юная графиня, проигравшаяся в карты, услышала от графа Сен-Жермена "Слова слаще звуков Моцарта": "(...) Графиня, ценю одного rendez-vous // Хотите, пожалуй, я вам назову // Три карты, три карты, три карты?". В письме П.П. Перцову от 31 января 1906 г. Блок говорил об этом месте оперы как о «магическом пункте, в котором (...) Пушкин "аполлонический" полетел в бездну, столкнутый туда рукой Чайковского – мага и музыканта». По свидетельству А. Белого, в стихотворении отразилась размолвка С.М. Соловьева с Блоками в середине июня 1905 г., когда после отъезда Белого из Шахматова «два дня еще оставался он с Блоками; ничего не сказали друг другу они; с остервенением (неестественным) просражались за картами; и С.М. распевал все:

– "Три карты, три карты, три карты..."

В А.А. преломились нелепые сумасшедшие дни пребывания нашего в Шахматове и трехдневного сражения в карты с С.М. Соловьевым строками стихотворения, написанного в эти дни» (*Белый*, 2. С. 260–261). Стихотворение написано после отъезда Белого и Соловьева из Шахматова (ср. в письме Блока к Е.П. Иванову от 25 июня 1905 г.: "На днях уехали – сначала Бугаев, потом Соловьев").

И ярмарки гулу – далеке // В полях отвечает зеленый двойник. – Ср. в стих. "Невидимка" (16 апреля 1905): "Гуляет в полях Невидимка". А. Белый увидел в этих словах отражение реального события: «...На "ярмарке", бывшей в соседнем селе, отыскиались следы пропавшего С.М. Соловьева; при чем-то "двойник" тут (чей – А.А. или С.М. Соловьева?)» (*Белый*, 2. С. 261).

БАЛАГАНЧИК

("Вот открыт балаганчик...")

(С. 57)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₁₀. Л. 1; *ЧА* – *ЗК*₁₀. Л. 5 об.–6, 1 об.–2; *АС* – *Т*₄. Л. 72–72 об., рукой Л.Д. Блок; *БА* – *РГБ*. Ф. 423. Карт. 1. Ед. хр. 8; *БА* – *ГЛМ*. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 26 (№ 5257), "июль 1905"; *АС* – *НР* *П*₂. Л. 30, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – *НР* *Сказок*. Л. 17–19; печ. текст – *Изборник*. Л. 145–146.

Впервые: *П*₁. С. 27–28, в разд. "Детское".

Публикации: *П*₂. С. 21–22, в разд. "Детское"; *П*₃. С. 58–59, в разд. "Разные стихотворения"; *П*₄. С. 79–80; *П*₅. С. 68.

В *ЗК*₁₀ (л. 4) – план цикла "Сказки", состоящего из трех стихотворений, который свидетельствует о намерении Блока объединить стихотворения "У моря", "Поэт" и "Балаганчик". В *ЗК*₁₀, кроме черного автографа, имеется первоначальный набросок стихов 5–8. В *Т*₄ объединено со стихотворениями "У моря" (№ 1) и "Поэт" (№ 3) под общим заглавием "Сказки". Справа от общего заглавия помета Блока: "(июль, после прогулки к ясени)".

В *П*₁ представлена основная редакция текста. В *РЭ* *П*₂ помета: "Дети", ст. 24 заключен в скобки, под стихотворением дата: "Июль 1905".

Блок предполагал включить стихотворение в сборник "Сказки. Стихи для детей", однако в издании стихотворение не вошло.

В *И2* – примечание Блока: «Развитие этой темы – в лирической драме того же имени; те же мотивы встречаются и в "Стихах о Прекрасной Даме"» (имеются в виду стихотворения "Свет в окошке шатался...", 1902 – т. 1 наст. изд. и "Явился он на стройном бале...", 1902 – т. 1 наст. изд.).

Балаганчик – Балаганы (временные деревянные театры) появились в Петербурге в начале XVIII в. как часть масленичных и пасхальных народных развлечений. В конце XIX в. в балаганах, наряду с другими пьесами, разыгрывались традиционные арлекинады. О балаганах той поры см.: *Алексеев-Яковлев А.Я.* Русские народные гулянья. М.; Л., 1948; *Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – нач. XX в. Л., 1984; о репертуаре балаганов Петербурга на 1880–1890-е годы: *Лейферт А.В.* Балаганы. Пг., 1922 (с предисловием А.Н. Бенуа). Сюжетную схему арлекинад на народных гуляниях современник описывает так: "(...) Арлекин влюблен в Коломбину, но его преследуют недоброжелатели; (...) при помощи слуги Пьеро, который тоже неравнодушен к Коломбине, эти недоброжелатели стараются поймать и сгубить Арлекина, что им и удается, но вовремя появившаяся благодетельная фея спасает Арлекина и соединяет его с Коломбиной. Блестящий, с бенгальскими огнями апофеоз в фантастическом храме фей завершает представление радостной аллегорией" (*Алексеев-Яковлев А.Я.* Указ. соч. С. 68).

В творчестве Блока балаган стал символом современности. Ср. в "Воспоминаниях об Александре Блоке" Е.П. Иванова: «Город, как и театр, по старой вере, – позорище, балаган. Обнаженную душу, вышедшую на зрелище-позорище, город, как паук, как зрительный зал, выпьет жадно; хоть истеки душа кровью в балагане – "клюквенный сок" на потеху сменит кровь» (*БС-1*, С. 377). Ср. также в предисловии Блока к сборнику "Нечаянная Радость": "(...) душа, для которой мир – балаган, позорище".

...Па дам, королей и чертей. – По воспоминаниям А.Н. Бенуа, относящимся к 1880–1890 гг., "хороши были у Берга (балаганщик. – *Ред.*) лишь сверкающие колеса, на которых, стоя, выезжали феи, дамы-куклы, которые, падая, оказывались полыми внутри, да еще черти в аду" (*Бенуа А.Н.* Предисловие // *Лейферт А.В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 13).

И звучит эта адская музыка... и след. – Ср. в воспоминаниях А.Н. Бенуа: "(...) Арлекин и его преследователи прямо попадали в ад с исполинскими дьяволами, с грохотом адской музыки и с клубами красного бенгальского огня" (*Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 11).

Страшный черт ухватил карапузика... – Ср. у А.Н. Бенуа о балаганных чертях "с лапами, которые схватывали и покачивали врагов Арлекина" (*Там же*).

Он спасется от черного гнева... и след. – В арлекинаде, описываемой А.Н. Бенуа, после того, как Пьеро убивал Арлекина, "появившаяся в белом бенгальском огне фея своей волшебной палочкой возвращала Арлекина к жизни..." (*Там же*. С. 10).

Королева – та ходит средь белого дня, // Вся гирляндами роз перевита... – По воспоминаниям А.Н. Бенуа, в критический момент представления, когда черти уже одолевали Арлекина и его преследователей, "совершенно неожиданно с неба спустились гирлянды роз, поддерживаемые амурчиками, мрачный грот ада проваливался, чтобы дать место сияющему раю" (*Там же*. С. 11). Гирлянда роз означает блаженную душу, небесную радость, ангельский венец. Описание балаганной "королевы" включает атрибутику "Дамы" и "рыцарей" из "первого тома" лирики Блока.

На голове моей – картонный шлем! // А в руке – деревянный меч! – Вводятся сниженные атрибуты "рыцаря" – героя "первого тома" лирики. Ср. также в стих. "Свет в окошке шатался..." (1902), предвосхищающем "Балаганчик": "Он – мечом деревянным // Начертал письма" (т. 1 наст. изд.).

Вдруг паяц перегнулся за рампу ~ деревянный меч! – Сцена почти полностью войдет в драму "Балаганчик" (1906).

ПОЭТ

("Сидят у окошка с папой...")

(С. 58)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₀*. Л. 2 об.–3 об. ("У моря"); *АС – Т₄*. Л. 73–73 об., рукой Л.Д. Блок; *БА – РГБ*. Ф. 423. Карт. 1. Ед. хр. 7; *АС – НР II₂*. Л. 32, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – *НР Сказок*. Л. 22–23; *БА*, печ. текст – *Кор-Г II₄*. Л. 5 (ст. 11–26 – рукой Блока).

Впервые: *II₁*. С. 31–32, в разд. "Детское".

Публикации: *II₂*. С. 23, в разд. "Детское"; *II₃*. С. 61–62, в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 81–82; *II₅*. С. 69.

Отдельные варианты *ЧА ЗК₁₀* (ст. 14–15, вар. *a*; ст. 25–26, вар. *a*, и ст. (29–31)) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 144.

В *ЗК₁₀* (л. 4) – план цикла "Сказки", состоящего из трех стихотворений, который свидетельствует о намерении Блока объединить стихотворения "У моря", "Поэт" и "Балаганчик". В *Т₄* под № 3 объединено со стихотворениями "У моря" (№ 1) и "Балаганчик" (№ 2) под общим заглавием "Сказки", справа от общего заглавия помета Блока: "(июль, после прогулки к ясени)".

В *РЭ II₂* помета "Дети", стихотворение датировано: "Июль 1905"; та же датировка – в *Хр. ук.*

Стихотворение было послано при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г. вместе с 21 стихотворением. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно. Опуubl: *Блок и Белый*. С. 150–151.

В *Кор-Г II₄* справа от напечатанного текста Блок переписал стихи 11–26 и пометил: "NB – так следует расположить".

Блок предполагал включить стихотворение в сборник "Сказки. Стихи для детей" (М., 1913). Однако в издание стихотворение не вошло.

Отзыв А. Белого см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904).

В *II₂* Блок сделал примечание к этому и следующему стихотворениям: "Влияние Метерлинка". Возможно, возобновление интереса Блока к Метерлинку в 1905 г. вызвано выходом книги: *Метерлинка М. Двенадцать песен* / Пер. Г. Чулкова. СПб., 1905; разбор этого перевода см. в письме Блока Чулкову от 15 марта 1905 г. Влияние Метерлинка сказалось в общей эмоциональной тональности стихотворений Блока (смутность настроений, неясные предчувствия и страхи, ср. особенно – "У моря"), в близости отдельных мотивов и некотором формальном сходстве: присутствии диалога (многие песни Метерлинка представляют собой диалог или включают его), структуре стиха (ср. замечание Блока в указанном письме о "нестихотворном" стихе Метерлинка) и т.д.

Отрицательный отзыв на стихотворение А. Коринфского (псевдоним: Литературный Старовер) см.: *Голос правды*. 1907. № 405. 8 февр.

А. Белый в рецензии на *II₁* писал, подчеркивая романтическую иронию стихотворения: «И вот во втором сборнике мы узнаем, что "*Прекрасная Дама*" не путешествует

на пароходах (...) Нам становится страшно за автора. Да ведь это не "Нечаянная Радость", а "Отчаянное Горе"!» (Перевал. 1907. № 4 (февр.). С. 59–60). Блок, открываясь на эту рецензию, писал Белому 15–17 августа 1907 г.: "стихи (...) поверните проще, проще, проще. Да не стоит и повертывать, об этом стихотворении я готов просто сказать – черт с ним".

М.А. Волошин в статье о "Нечаянной Радости" определял смысл произведения так: "Все в мире неопределенно, все ускользает, расплывается и течет" (Русь. 1907. № 101. 11(24) апр.). Позже А. Белый рассматривал стихотворение как реплику между Блоком, С.М. Соловьевым и Белым летом 1905 г. в Шахматове, когда Соловьев требовал от Блока возврата к "чаяниям" 1901–1904 гг. (см.: *Белый*, 2. С. 248).

Дождик, дождик! Скорей закапай! – Ср. слова детской песенки: "Дождик, дождик, пуще".

– *А где мама? // – Умерла. // – Что это значит?* – Мотив смерти героини, восходящий к 1 тому лирики, может отсылать и к песням Метерлинка. См., например, "Если он сюда вернется...", "Она подкралась ко дворцу..." (пер. Г.И. Чулкова). Ср. также драму близкого к Блоку в эти годы Л. Семенова "Около тайны" (Новый Путь. 1903. № 5).

...*он идет глупый поэт ~ Прекрасная Дама.* – Окрашенный в иронические тона образ Поэта, влюбленного в Даму, перейдет в драму "Король на площади" (1906).

...*Она не ездит на пароходе.* – Ироническое обыгрывание сюжета поэмы "Ее прибытие" (1904) и всей "аргонавтической" символики младших символистов.

У МОРЯ

("Стоит полукруг зари...")

(С. 59)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₀*. Л. 4–5; *АС – Т₄*. Л. 71–71 об., рукой Л.Д. Блок; *БА – РГБ*. Ф. 423. Карт. 1. Ед. хр. 9; *АС – НР II₂*. Л. 31, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – *НР Сказок*. Л. 20–21.

Впервые: *И₁*. С. 29–30, в разд. "Детское".

Публикации: *И₂*. С. 22, в разд. "Детское"; *И₃*. С. 60, в разд. "Разные стихотворения"; *Сказки*. С. 14–15; *И₄*. С. 83; *И₅*. С. 70.

В *ЗК₁₀* (л. 4) – план цикла "Сказки", состоящего из трех стихотворений, который свидетельствует о намерении Блока объединить стихотворения "У моря", "Поэт" и "Балаганчик". В *Т₄* под № 1 объединено с двумя стихотворениями "Балаганчик" (№ 2) и "Поэт" (№ 3) под общим заглавием "Сказки". Справа от общего заглавия помета: "(июль, после прогулки к ясени)".

В *РЭ II₂* помета: "Дети", под текстом дата: "Июль 1905". В *И₃* представлена основная редакция текста.

Стихотворение было послано Блоком при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г. вместе с 21 стихотворением. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно. Опубл.: *Блок и Белый*. С. 150.

Отзыв А. Белого см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904).

О "влиянии Метерлинка" (примеч. Блока в *И₂*) см. выше коммент. к стих. "Поэт".

...*Какой к нам корабль плывет!* и след. – О символике кораблей в творчестве Блока данного периода см. коммент. к стих. "Взморье" (1904). Опасность, связанная с

кораблем, – основной мотив песни Метерлинка "О, мать, кто крадется ко мне?" (пер. Г.И. Чулкова).

Дочка, то сирена поет. – Ср. в стих. "Взморье" (1904): "Голоса корабельных сирен". Образ строится на ироническом сближении двух значений слова "сирена".

МОЕЙ МАТЕРИ

("Тихо. И будет все тише...")

(С. 60)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₁₁*. Л. 22 об.; *ЧН₂ – ЗК₁₁*. Л. 32 об. – 33 об.; *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 34; *АС – Т₄*. Л. 76 об., "Июль", текст рукой Л.Д. Блок, посвящение и датировка рукой Блока; *БА₁ – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 65. Л. 42, "Лето 1905", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г. вместе с 21 стихотворением; *БА₂ – РГБ*. Ф. 386. Карт. 77. Ед. хр. 37. Л. 35; *АС – НР II₂*. Л. 108, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *II₁*. С. 103, "1905", в разд. "Покорность".

Публикации: *II₂*. С. 115, в разд. "Покорность"; *II₃*. С. 56, в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 84; *II₅*. С. 71.

В *ЗК₁₁* имеются многочисленные наброски и черновой автограф стихотворения без второй строфы. *ЧН₁ ЗК₁₁* приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 145.

Окончательный текст – *II₁*. В *РЭ II₂* под стихотворением поставлена дата: "Июль 1905".

Отзыв А. Белого см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904). А. Белый считал, что в строках о "флюгарке" – "петушке оловянном" Блок выразил свое тогдашнее отношение к нему: «В этих строках, мне кажется, изображен пафос мой – от отчаянья: пафос, старающийся непоправимую бездну меж нами – перекричать верой в "зори", которых не видел уж я; я обиделся на те строки, к себе отнеся их» (*Белый*, 2. С. 262).

Тихо. И будет все тише. – О символике "тишины" в лирике Блока см. коммент. к стих. "Она веселой невестой была...".

Только флюгарка на крыше ~ Бедный петух очарован... – Петух на флюгере в народной традиции связан с символикой внимания и всевидения. О символике петуха в лирике Блока см. коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем...".

В круге окна слухового... – Шахматовская реалья. Ср. в воспоминаниях М.А. Бекетовой: "В сенях – лестница на чердак, где Блок выпилил слуховое окно, из которого открылся новый далекий вид" (*Бекетова I₂*. С. 87).

Профиль лица воскового. – Образ "воскового лица" появляется еще в первом томе лирики ("У забытых могил пробивалась трава...", 1903, т. 1 наст. изд.). Он развивается в письме Блока Белому от 13 октября 1903 г.: «У многих из нас есть и были "носы, как свечки" – "восковые черты". Надо оживить, растопить. Если сам не *растопишь*, растопят другие. Это и будет страх, будет ужас». В "Воспоминаниях об Александре Блоке" Е.П. Иванова символика "восковых черт" сопоставлена с впечатлением от внешности Блока: «(...) Желтый цвет "восковых" "до ужаса недвижных черт", в своем роде тоже загар, или маска от близости "того", от близости князя, господствующего в воздухе, в лице которого он заглядывал там в битвах с ним»; «я увидел в лице его какую-то "восковую недвижность черт", точно восковую маску забралом он опустил на лицо (...) С годами, в связи с творчеством, выявляющим, как бы изгоняю-

цим из души "двойников", в лице Александра Александровича Блока "восковая маска" совершенно исчезла, сгорая в "Снежной маске", но тогда (в 1903 г. – *Ред.*) она действительно была» (*БС-1*. С. 363).

Другие редакции и варианты

Ставень захлопнут железный... (*ЧН₁ ЗК₁₁*) – Ср.: "На ржавых петлях открываю ставни" (т. 1 наст. изд.).

"СТАРОСТЬ МЕРТВАЯ БРОДИТ ВОКРУГ..."

(С. 60)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₁₁*. Л. 23; *ЧН₂ – ЗК₁₁*. Л. 23 об.–24; *ЧН₃ – ЗК₁₁*. Л. 24 об.–26; *ЧН₄ – ЗК₁₁*. Л. 32; *ЧН₅ – ЗК₁₁*. Л. 31 об.–32; *АС – Т₄*. Л. 77–77 об., "Июль", текст рукой Л.Д. Блок, датировка рукой Блока; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 10; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 67. Л. 44, "Лето 1905", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *АС – НР II₂*. Л. 109, "Шахматово", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (5-я строфа и помета над текстом – рукой Блока).

Впервые: Слово: лит. прил. 1906. № 7. 20 марта. С. 3.

Публикации: *II₁*. С. 105–106, в разд. "Покорность"; *II₂*. С. 115–116, "с. Шахматово", в разд. "Покорность"; *II₃*. С. 57, в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 85; *II₅*. С. 71–72.

В *ЗК₁₁* имеются многочисленные наброски стихотворения. При подготовке первой публикации Блок исключил последнюю строфу (в *Т₄* заключена в скобки красным карандашом). В последующих изданиях (*II₁, II₂*) строфа восстановлена. В *II₃* напечатано в сокращенном виде – без двух последних строф. В *РЭ II₂* стихотворение отчеркнуто, на полях слева знак "NB", 1-я, 4-я и 5-я строфы зачеркнуты, затем с 1-й строфы зачеркивание снято; в ст. 5 подчеркнуто слово "капли", в ст. 7 – слово "Прорываются". Справа помета: "переделать". Под стихотворением дата: "Июль 1905"; та же датировка – в *Хр. ук.*

Основная редакция текста впервые представлена в *II₁*.

Отзыв А. Белого см. в коммент. к стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904).

Старость мертвая бродит вокруг... – О мотиве старости см. т. 1, с. 553 наст. изд.

Я пилю слуховое окошко. – См. коммент. к предыдущему стихотворению.

...Удлиняются дольные тени... – Автореминисценция из стих. "Бегут неверные дневные тени..." (1902, т. 1 наст. изд.): "Растут невнятно розовые тени".

...И на розовой гаснет корме... и след. – Развитие облачной символики (см. коммент. к стих. "Влюбленность"). Ср. о фольклорных источниках образов облака – "летучего корабля" – *Афинасьев, I*. С. 552.

Другие редакции и варианты

Я живу в одинокой сторожке... (*ЧН₁ ЗК₁₁*) – Ср.: "Я живу в отдаленном скиту..." (1905). В стихотворении отразились реалии Шахматова: "Блоки поселились в отдельном флигеле, стоявшем при самом въезде в усадьбу" (*Бекетова I₂*. С. 87).

Что за стены обстали мой двор, // Что за ветки закрыли крылечко... (*ЧН₂ ЗК₁₁*) – По воспоминаниям М.А. Бекетовой, флигель, где жил Блок, "от двора (...) отделился забором, за которым поднимались кусты сирени, белых жасминов, шиповника и ярких прованских роз" (*Бекетова I₂*. С. 87).

Ветерок на моих сединах... (ЧН₃ ЗК₁₁); Вот бессильные руки в морщинах (ЧН₅ ЗК₁₁) – Мотив ранней старости восходит к первому тому лирики (ср. стих. "Один порыв – безвластный и плакучий...", 1901, т. 1 наст. изд.; "Старик", 1902, т. 1 наст. изд., см. также коммент. к этим стихотворениям).

"В ТУМАНАХ, НАД СВЕРКАНЬЕМ РОС..."

(С. 61)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₁. Л. 43 об.–44 об.; БАП – Т₄. Л. 100 об.–101, "Июль"; АС – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 41. Л. 2, текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, правка рукой Блока; АС – НР II₂. Л. 33, текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, правка рукой Блока.

Впервые: П₁. С. 33–34, в разд. "Детское".

Публикации: П₂. С. 24, в разд. "Детское"; П₃. С. 78, в разд. "Разные стихотворения"; П₄. С. 86; П₅. С. 72–73.

В ЗК₁₁ – первоначальная редакция стихотворения, отличающаяся от основной иным расположением строф; карандашный черновик подвергался правке чернилами. Автограф в Т₄, очевидно, при подготовке к публикации в П₁, подвергся значительной правке. В П₂ Блок вернулся к первоначальному варианту Т₄ в стихах 16, 23 и 24. Основная редакция текста впервые представлена в П₂. В РЭ П₂ слева сверху помета: "Дети", против второй строфы вопросительный знак, стихотворение зачеркнуто, затем зачеркивание снято.

Реминисценция детских и юношеских впечатлений от Шахматова.

...Я в старом парке дедов рос... – Шахматово куплено дедом Блока А.Н. Бекетовым в 1875 г. До семилетнего возраста каждое лето Блок проводил в Шахматове. Образ "дедов" см. в стих. "Светлый сон, ты не обманешь..." (1904, т. 1 наст. изд.).

И проходили сонмы лиц, // Всегда чужих и вечно взрослых... – О шахматовском окружении Блока в годы его детства см.: Бекетова М.А. Шахматово. Семейная хроника // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 767.

И было как на Рождестве... и след. – Ср. о рождественском празднике, как вечно "детском", "сказочном": "...скоро будет елка, и ты подарил мне заранее книжку с картинкой – орел и змея. Мы с Любой ее читаем, а на елке повесим золотые орехи и золотой дождь, который режет пальцы. Так и всегда будет" (ноябрь–декабрь 1904. – Блок и Белый. С. 112–113).

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

("Выхожу я в путь, открытый взорам...")

(С. 62)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН₁ – ЗК₉. Л. 1 об.; ЧН₂ – ЗК₁₁. Л. 45–45 об.; ЧА₁ – ЗК₉. Л. 2–3; ЧА₂ – ЗК₁₁. Л. 39 об.–42 об.; БА – Т₄. Л. 67а–67а об., "Июль – конец"; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 41. Л. 3; АС – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 41. Л. 7–8, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; АС – НР II₂. Л. 119, "Рогачевское шоссе", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – *Изборник*. Л. 148–149.

Впервые: Факелы. Кн. 1. СПб., 1906. С. 31–32.

Публикации: *И₁*, С. 97–98, в разд. "Перстень-Страданье"; Пробуждение. 1908. № 8. С. 203; *ЧД-1909*. С. 481–482; *КРП*. Т. 4. С. 326–327, "1905"; *ЧД-1912*. С. 608–609; *И₂*. С. 125–126, "Рогачевское шоссе", в разд. "Нечаянная Радость"; *ИСП*. С. 17; *ИСТ*. С. 115–116; *СР*. С. 20–21; *ИИ₂*. С. 213–214, "Рогачевское шоссе. 1905", в разд. "Родина"; Осенняя антология / Сост. Николаева (ОА). Пг., 1918. С. 26; *И₄*. С. 87, "Рогачевское шоссе"; *И₅*. С. 73–74.

В *ЭК₉* представлены набросок и черновая редакция стихотворения; *ЧА₁ ЭК₉*, ст. (5–8), (13–15) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 147. В *ЭК₁₁* – наброски и промежуточная редакция. Начало работы над стихотворением следует, очевидно, отнести к осени 1904 г., о чем свидетельствует имеющаяся в *Т₄* (л. 37) помета Блока при стихотворении "Зажигались окна узких комнат": "Осень 1904 (тогда же начата "Осенняя воля")".

Опубликовано в "Факелах" с вариантом в ст. 20; основная редакция текста впервые – в *И₁*. В *РЭ И₂* проставлена дата: "Конец июля 1905".

Б. Зайцев писал об "Осенней воле": "Очевидно, старый Господь Бог дал поэту почувствовать обыкновенную серую русскую вещь ужасно по-глубокому и по-настоящему: оттого так близок сердцу "твой узорный, твой цветной рукав" и "желтой глины скудные пласты". Это подходит к чему-то исконно народному, находящемуся на бесконечной глубине в резервуаре его духа, – и в то же время к некоторым последним вещам Андрея Белого ("Горемыки" в № 1 "Золотого руна", 2-е стихотворение из помещенных в "Факелах")" (*Зайцев Б.* Заметки о художестве. 2. Новый реализм и сборник "Факелы" // Зори. 1908. № 9/10. С. 14). 2-е стихотворение Андрея Белого из помещенных в "Факелах" (СПб., 1906) – "Толпы рабочих в волнах золотого заката...", 1906). По мнению А.Г. Горнфельда, в стихотворении отсутствует "внутренняя ясность творческой мысли": "Какой нищий? Какие псалмы? Не понимаю и не хочу притворяться понявшим и не приемлю поэзии, требующей комментариев" (*Горнфельд А.* Литературные беседы // Товарищ. 1907. № 205. 23 авг.). В статье о поэзии Блока "Снежная Дева" (1908) Г. Чулков выделил стихотворение как одно из свидетельств того, что поэт ищет выхода "из круга идеалистического символизма" к реальности – "через оправдание земли и сораспятие с миром" (*Чулков Г.* Соч. Т. 5. Статьи 1905–1911 гг. СПб., 1912. С. 51–52).

Тематически связано со статьей "Безвременье" (1906).

Осенняя воля. – Ср.: "И осеннюю волю отдам" ("Белый конь чуть ступает усталой ногой...", 3 июня 1905).

Выхожу я в путь, открытый взорам... – Ср. у Лермонтова: "Выхожу один я на дорогу...". Об ориентации стихотворения на размер (пястопный хорей) и тему (путь) "Выхожу один я на дорогу..." см.: *Тарановский К.* О взаимодействии стихотворного ритма и тематики // *American Contributions to the 5th International Congress of Slavists. The Hague, Mouton, 1963. Vol. 1. P. 287–332.*

...*Ветер гнет упругие кусты*. – Отзвук стиха Фета: "Ветер гнул упругое стекло" ("На Днепре в половодье").

...*Битый камень лег по косогорам, // Желтой глины скудные пласты*. – Белый узнавал в этом пейзаже "шоссе меж Москвою и Клином" (Рогачевское шоссе) (*Белый, I. С. 239*).

Разгулялась осень в мокрых долах и след. – Ср. в предисловии к *И₁*: "Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотою короной

лесов упирается в синее небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоко моря и как свободна душа" (см. разд. "Приложение" наст. тома).

...*Нищий, распеваящий псалмы?* – Образ нищего, странника появляется у Блока еще в первом томе лирики (см., например, стих. "Я вырезал посох из дуба...", 1903, т. 1 наст. изд.). О мотивах нищеты и бродяжничества у Блока см. в коммент. к поэме "Ночная Фиалка" (1905–1906). Ср. также в стих. "Моей матери" ("Помнишь думы? Они улетели...", 1904): "Были мы, как избранники, нищи". Ср. также в письме Блока Белому от 14 или 15 октября 1905 г.: "Что отнять у меня, когда я нищ?".

По мнению Белого, "лейтмотивом скитания ("Нищий, псалмы распеваящий") начинается новый период стихов его. Внутренне он уже ищет пути, выхода на дорогу», причем, поиски пути Белый связывает с интересом Блока к "Добротолочию", приводя пометы Блока в этой книге (см.: *Белый, I. С. 233–235*). Однако, известно, что Блок читал "Добротолочию" в 1916 г. (см. письмо матери от 16 июня 1916 г.). О значении "Осенней воли" в духовной биографии Блока и своей собственной Белый писал в "Воспоминаниях об Александре Александровиче Блоке": «Вот подлинный лейтмотив, соединивший нас в ощущении, что-то недопонято, что-то не введено в жизнь, что-то обмануло: "Арго", взмахнув золотыми крылами, опустился с "безумцем" в сумасшедший дом ("я не болен, нет, нет"), откуда безумец бежал ("я бросил грохочущий город"), забродил по России с ворами и босяками, совершенно нищий (тема "Пепла")» (*Воспоминания, I. С. 268*).

Много нас свободных, юных, статных... – Ср.: А. Майков "Анакреон" (посв. И.А. Гончарову), 1852:

Много юношей нас было,
Бодрых, смелых, каждый с милрой...

(*Майков А.Н. Избр. произв. Л., 1977. С. 120.*

Б-ка поэта, большая серия)

Вырезка с текстом стихотворения Майкова находится в подборке материалов "Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. 1898 и позднейшие университетские времена" (*ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед.хр. 175. Л. 54*).

"НЕ МАНИ МЕНЯ ТЫ, ВОЛЯ..."

(С. 62)

Автографы: *ЧН – ЗК₇*. Л. 22–22 об.; *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 46; *БАП – Т₄*. Л. 101, "Лето" (под текстом); *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 39. Л. 1, первое в подборке "Четыре стихотворения" (подпись под текстом: "Александр Блок"; вместе со стихотворениями: "Все тихо на светлом лице...", "Есть лучше и хуже меня...", "Улица, улица..."); *БА₂ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 39. Л. 5 (подпись под текстом: "Александр Блок"); *БА – ГЛМ*. Ф. 8. Оп. 1. Ед.хр. 25. Оф 4543; *БА – ИРЛИ*. Ф. 185. Оп. 1. Ед.хр. 1369. Л. 3 (подпись под текстом: "Александр Блок"); *БА – НР II₂*. Л. 120.

Первые: Образование. 1908. № 3. Отд. I. С. 102.

Публикации: *II₂*. С. 126, в разд. "Нечаянная Радость"; *СР*. С. 22; *III₂*. С. 216, в разд. "Родина"; *II₄*. С. 89; *II₅*. С. 74–75.

В *РЭ II₂* карандашная помета под текстом: "лето 1905".

Окончательный текст – *II₄*.

По образно-стилевой структуре примыкает к стих. "Осенняя воля". Мотив бегства из города "в поля", на просторы России и одновременно тягот этого пути мог

развиваться у Блока в значительной степени под воздействием поэзии Андрея Белого – ср. цикл его стихотворений "Тоска о воле" (*Гриф-1905*. С. 9–22); например, стихотворения этого цикла "Шоссе" ("За мною грохочущий город..."; август 1904), "На вольном просторе" (август 1904):

Здравствуй, –
Желанная
Воля –
Свободная,
Воля
Победная,
Даль осянная, –
Холодная,
Бледная.
Ветер проносится, желтые травы колебля {...};

"Странники" (1904):

...Мы бывшее развеяли.
Убежали в пустынное поле.
Там, как в тюрьмах, росло наше детище;
Здесь приветствовал стебель нас ломкий.
Ветерок нежно рвал наше вретичье.
Мы взвалили на плечи котомки, –
и т.д.

Переключку с Блоком в разработке этого мотива Белый отмечал в воспоминаниях о нем (*Воспоминания*, I. С. 268).

В стихотворении могло отразиться воздействие поэзии Брюсова, в книге "Urbi et orbi" (1903), развивавшего мотивы радостного приобщения к природе ("Искатель", "L'ennui de vivre" и др.), и Некрасова (см.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 76), а также произведений А.М. Добролюбова, воспевающих уход из города ("Я вернусь к вам, поля и дороги родные") и нищее странничество (*Добролюбов А.* Из Книги Невидимой. М., 1905. С. 64–65, 69–70, 74–78 и др.). Тему исхода из города "бродяг, нищих духом" Блок развивает также в статье "Безвременье" (октябрь 1906), цитируя в этой связи стихотворения Белого из цикла "Тоска о воле": "Добровольно сиротея и обрекая себя на вечный путь, они идут куда глядят глаза. И глядят они прямо перед собой, на каменный путь по бескрайним равнинам России. {...} Дороги вьются, и тянутся, и опять возвращаются, и одно многотысячное око России бредет и опять возвращается {...}" (*СС-85*. С. 73–74). В трактовке темы исхода "в поля" в стихотворении Блока, однако, в отличие от произведений Белого и других авторов, заключается элемент двойственности и драматизма: образы "радостных полей", "воли" и, с другой стороны, "тягостного пути", предначертанного герою, противопоставлены.

Иванов-Разумник в статье "Роза и крест (Поэзия Александра Блока)" (Заветы. 1913. № 10) привел стихотворение в подтверждение своей мысли о бесплодности попыток Блока обрести «спасение в "символизме"»: "И незачем удивляться, что его исход из пустыни одиночества на поля родины снова кончился душевным одиночеством" (*Иванов-Разумник*. Вершины. Александр Блок Андрей Белый. Пг., 1923. С. 24).

Не мани меня ты, воля, // Не зови в поля! – Ср. стих. Брюсова "L'ennui de vivre" (1902): "О, если б все забыть, быть вольным, одиноким, // В торжественной тиши раскнутых полей" (*Брюсов В.* Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г. М., [1903]. С. 39).

Я крестом касался персти... – Персть (устар.) – земной прах, пыль.

...Целовал твой прах ~ В радостных полях! – Вероятно, отзвук стихов из поэмы В.Я. Брюсова "Последний день" (1903), воспевающих "золотой наставший век":

Все будут в праздничных одеждах
В полях, в пути, на площадях,
Твердя о сбывшихся надеждах,
Восторженно целуя прах.

(Брюсов В. Urbi et orbi. С. 188)

...И пойду путем-дорогой ~ Нищим бедняком. – Ср. статью Блока "Безвременье": "Шоссейными путями нищей России идут, ковыляют, тащатся такие же нищие с узлами и палками, неизвестно откуда, неизвестно куда. Их лица осунулись, и выкатившиеся глаза с красной орбитой шугают даль. Бесцельно и праздно идут вереницами. Все ясно для них и просто, как высокое небо над головой, как груды щебня и пласты родной глины по краям шоссе. Они обнищали так же, как великий простор, который обнажился вокруг них" (СС-85. С. 74).

"ОСТАВЬ МЕНЯ В МОЕЙ ДАЛИ..."

(С. 63)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₄. Л. 54 об., "Весна – осень 1905"; АС – НР II₂. Л. 113, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Слово, лит. прил. 1906. № 5. 6 марта. С. 3.

Публикации: П₁. С. 114, в разд. "Покорность"; К новым далям: Современная лирика / Сост. Л.Д. Свербеева. СПб., 1909. С. 41; П₂. С. 118, в разд. "Покорность"; П₄. С. 90; П₅. С. 75.

В Т₄ текст записан на отдельном листе, наклеенном на чистую страницу.

Окончательный текст – П₄.

Оставь меня в моей дали. – Ср. заключительную строку стих. И. Коневского "Памяти встречи" (1898): "К ней мчится из моей дали" (Коневской Ив. Стихи и проза. М., 1904. С. 44; отмечено в статье В.Я. Мордерер "Блок и Иван Коневской" // ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 166).

...А в море ходят корабли. – Об образе кораблей в поэзии Блока 1904–1905 гг. см. в коммент. к поэме "Ее прибытие".

...И я все тот же – у руля, // И я пою, все так же стройно... – Реминисценция из стихотворения А.С. Пушкина "Арион" (1827):

На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел... (...)
Я гимны прежние пою (...)

Об отзвуках "Ариона" в этом стихотворении Блока и об отождествлении им себя с пушкинским "певцом" см.: Минц, З. С. 34; Минц З.Г. Блок и Пушкин // Труды по русской и славянской филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 177 (УЗ ТГУ. Вып. 306).

...Мечту родного корабля. – Ср. стих. Пушкина "Моя родословная" (1830) – о Петре I:

Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Образами корабля, плавания и темой преданности прежним заветам ("...я все тот же", "...пою, все так же стройно") подчеркивается мотив верности былым идеалам, связанным с "аргонавтизмом" (см. коммент. к циклу "Молитвы", т. 1 наст. изд. и к поэме "Ее прибытие").

"ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ..."

(С. 63)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 47 об.–48; *БА – Т₄*. Л. 68, "Август" (под текстом); *БА – ГЛМ*. Ф. 8. Оп. 1. Ед.хр. 27. Оф 4540, "1905" (подпись под текстом: "Александр Блок"); *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед.хр. 68, "Август 1905", на одном листе со стих. "В лапах косматых и страшных...", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *АС – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 41. Л. 9, под номером "4", рукой Л.Д. Блок, подпись-автограф: "Александр Блок"; *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед.хр. 8. Л. 23 об., в письме к Е.П. Иванову от 5 августа 1905 г.; *БА₂ – РГАЛИ*. Ф. 548. Оп. 3. Ед.хр. 23. Л. 54, "1905" (подпись под текстом: "Александр Блок"); *БА – НР II₂*. Л. 35, рукой Л.Д. Блок; печ. текст – *Изборник*. Л. 73.

Впервые: *Наша жизнь*. Литературно-научное приложение. 1906. № 5–6. 18 февр. С. 33, без деления на строфы.

Публикации: *И₁*. С. 36, в разд. "Детское"; *КРП*. С. 316–317, "1905"; *ЧД-1909*. С. 485; *И₂*. С. 25–26, в разд. "Детское"; *ЧД-1912*. С. 604; *И₃*. С. 66, в разд. "Разные стихотворения"; *И₄*. С. 91; *И₅*. С. 76.

В *БА ГЛМ* карандашная правка: ст. 8, 13 вычеркнуты, в ст. 9 зачеркнуто "что радость будет", в ст. 15 – "Причастный Тайнам".

В *РЭ И₂* помета на полях: "Р(азные) Ст(ихотворения)"; дата под текстом: "Август 1905".

Окончательный текст – *АС РГАЛИ, И₁*. В последующих изданиях печаталось без изменений.

Анализ работы Блока над черновым автографом стихотворения проведен в статье: *Паперный З.С.* "Существо движущееся": (Автографы стихотворений в Записных книжках Блока) // *Динамическая поэтика: От замысла к воплощению*. М., 1990. С. 171–177.

О получении письма Блока со стихотворением Е.П. Иванов записал в дневнике 9 августа 1905 г. (*БС-1*. С. 395).

Стихотворение принадлежало к числу наиболее любимых Блоком; он неоднократно выступал с его чтением перед публикой. С.М. Алянский свидетельствует, что Блок, который "особенно любил читать" это стихотворение, заключил его исполнением свой литературный вечер 9 мая 1920 г. в Политехническом музее в Москве: "Думаю, что публика хорошо знала это стихотворение, и, может быть, именно поэтому оно сопровождалось таким триумфом, какого в этот вечер еще не было. Я слышал это стихотворение из уст поэта много раз, и сейчас я слушал его с таким же волнением, как раньше, как слушаешь любимую музыку или как разбуженное в памяти и в сердце глубокое переживание" (*Воспоминания*, 2. С. 300). По воспоминаниям Алянского, чтением этого же стихотворения Блок завершил и свой

авторский литературный вечер, устроенный Домом искусств 25 апреля 1921 г. в Большом драматическом театре (*Там же*. С. 309).

Критика неизменно выделяла стихотворение как одно из наиболее выразительных в лирике Блока. Анонимный рецензент книги "Нечаянная Радость" указывал: «Если бы автор несколько более отчеканивал свои образы и свои мысли, то его книга была бы выдающейся. Об этом ясно говорят такие прекрасные вещи, как, например, глубокое, проникновенное, чудное по форме стихотворение: "Девушка пела"» (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу "Нива". 1907. № 3. Стб. 471). В Львов-Рогачевский писал в статье "Лирика современной души: (Владимир Соловьев. Андрей Белый. Александр Блок)": «Этот метерлинковский ребенок, "причастный тайнам" (...), говорит без слов слепым, что нет никакой надежды, что корабли погибнут, что "никто не придет назад". Плач этого ребенка никогда не смолкает в творчестве Александра Блока, в этих тихих песнях отчаянья и покорности» (*СМир*. 1910. № 8. Отд. II. С. 17). Распространенные в критике представления об этическом релятивизме Блока сказались и на интерпретации стихотворения; в частности, П.С. Коган утверждал: "...самые картины людского горя, самые слезы человечества в поэзии Блока предостоят новыми яркими пятнами общей картины, усиливающими ее пеструю красоту. И кажется, будто не столько страдает он об этом человеческом горе, сколько наслаждается мучительно красотой этого горя, дополняющего феерическую картину общего безумия. (...) Кажется, будто он благословляет эти слезы и горе, потому что они создали образ прекрасной девушки, которая пела в церковном хоре (...)" (*Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы. 2-е изд. М., 1912. Т. 3. Современники. Вып. 2. С. 142).

В современной Блоку критике предпринимались попытки выявить актуальный общественный подтекст стихотворения. Ср. трактовку А.А. Измайлова: "Смысл этого стихотворения не ясен. Но попробуйте понять его, предположив, что при нем есть примечание, приурочивающее его ко времени ухода нашего флота на войну. Богослужение... Девушка на клиросе в хоре... Радостное настроение веры и надежды... Флот благополучен... Только там, у Царских Врат, плачет сейчас причащенный ребенок. Плачет потому, что знает тайну – из ушедших никто не вернется" (*Измайлов А.А.* Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 229; первоначально эта же интерпретация – в статье Измайлова "Шифрованная поэзия: (Новые веяния в поэзии. – Городецкий, Блок)", опубликованной в газ. "Слово" (1908. № 387. 22 февр.; подпись: Неблагосклонный читатель). Мнение о том, что в стихотворении отразились впечатления Блока от гибели русской эскадры в морском сражении с японским флотом при Цусиме (14–15 мая 1905 г.) и от известий о судьбе немногих оставшихся в живых матросов, высадившихся на "чужбине" – на берегах Китая и Кореи, получило распространение в новейшей блоковедческой литературе (*Долгополов Л.К.* Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. М.; Л., 1964. С. 55–56; *Долгополов Л.К.* Поэзия русского символизма // История русской поэзии в двух томах. Л., 1969. Т. 2. С. 319–320; *Турков А.* Александр Блок. М., 1969. С. 82; *Дунаевский М.* Контуры музыкальной блокианы // Блок и музыка. Л.; М., 1972. С. 120; *Бураго С.Б.* Александр Блок: Очерк жизни и творчества. Киев, 1981. С. 74–75). Такая трактовка имеет основание – тем более, что в стих. Блока "Война" (28 мая 1905), представляющем собой непосредственный отклик на русско-японскую войну, также возникает тема поражения при Цусиме: "Она краями крыльев звучных // Пускает кб дну корабли" (т. 4 наст. изд.). На стихотворении Блока могло сказаться и воздействие стих. Вяч. Иванова "Цусима" ("В моря заклатье родимая армада..."; 18 мая 1905), опубликованного летом 1905 г. (*ВЖ*. 1905. № 6. С. 167).

В композиционной канве стихотворения исследователи обнаруживают аналогии с ектенией – общей молитвой всех присутствующих в храме, содержащей просьбы о заступничестве за плавающих и путешествующих (см. коммент. С.А. Небольсина к изданию: *Блок А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 2. С. 322; Блок и музыка. Хроника. Нотография. Библиография / Сост. Т. Хопрова и М. Дунаевский. Л., 1980. С. 58).*

Подробный анализ языковой структуры стихотворения см.: *Якобсон Р. Стихотворные прорицания Александра Блока. I. "Девушка пела": Наблюдения над языковым строем стансов Александра Блока // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 254–266; Макарова С.А. Особенности музыкального прочтения дольника в вокальных жанрах (на материале стихотворения А. Блока "Девушка пела в церковном хоре..." // Филологические науки. 1996. № 2. С. 24–34.*

...*радость будет...* – Евангельское выражение; ср.: "Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна" (Ин. XV. 11). Ср. коммент. к поэме "Ночная Фиалка".

...у *Царских Врат*, // *Причастный Тайнам*, – *плакал ребенок...* – Царские Врата – главный вход в алтарь в православной церкви. Определение "причастный тайнам" имеет литургический смысл: обряд причащения святым тайнам – телу и крови Христовой (евхаристия). О том, что "ребенок" – младенец Христос, писал А.А. Измайлов: «Может быть, "причастный тайнам", знающий все тайны грядущего, Христос, изображенный в виде ребенка на руках Богоматери, у царских врат» (*Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры. С. 229).*

"В ЛАПАХ КОСМАТЫХ И СТРАШНЫХ..."

(С. 64)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₁. Л. 47–46 об.; АС – Т₄. Л. 74–74 об.* ("Сон"), текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и помета под текстом ("Август") рукой Блока; *БА – РГБ. Ф. 25. Карт. 11. Ед.хр. 68, "Лето 1905" (под текстом), на одном листе со стих. "Девушка пела в церковном хоре..."*, при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 41. Л. 11, подпись под текстом "Александр Блок"; АС – НР₂. Л. 36, рукой Л.Д. Блок.*

Впервые: *ЗР. 1906. № 4. С. 35*, под загл. "Сон", с параллельным переводом на французский язык, выполненным Эшмер-Вальдором (Eshmer-Valdor): "Le Rêve" ("De ses bras velus, effroyablement...").

Публикации: *И₁. С. 37–38*, в разд. "Детское"; *И₂. С. 26*, в разд. "Детское"; *И₃. С. 64*, в разд. "Разные стихотворения"; *И₄. С. 92; И₅. С. 76–77.*

В *РЭ И₂* – над текстом слева: "Дети", под текстом: "Август 1905".

Окончательный текст – *И₃*. В последующих изданиях печаталось без изменений.

Было включено Блоком в макет сборника для детей "Круглый год", однако редакция "Товарищества И.Д. Сытина", издававшего сборник, предложила изъять это стихотворение, наряду с четырьмя другими, руководствуясь стремлением "дать детям более доступный материал". В.И. Сытин, ведавший детским отделом издательской фирмы (*Динерштейн Е.А. И.Д. Сытин. М., 1983. С. 150*), сообщил об этом решении Блоку в письме от 13 или 14 октября 1912 г. (*РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 419*). См.: *Орлов Вл. Литературное наследство Александра Блока // ЛН. Т. 27–28. М., 1937. С. 525; Корсаков Р. [Иванов-Разумник]. Стихи А. Блока для детей // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 78–79.*

"Детские" мотивы, сочетающие специфически "наивные" представления о реальности с иронически обыгранными образами, присущими романтико-утопическому миру лирики Блока "первого тома", объединяют стихотворение с произведениями, написанными в июле 1905 г. ("Балаганчик", "Поэт", "У моря").

Поэт и критик Н.Е. Поярков увидел в стихотворении (известном тогда лишь по первой журнальной публикации) знак, обещающий принципиальные изменения в художественном мироощущении его автора: "Не одни храмы влекут к себе поэта, – его песни начинают пронизывать священная дрожь Жизни. (...) Острый взгляд поэта пытается глубоко проникнуть в хаос окружающей жизни. Сверкают иные дали, новые мотивы интересуют поэта" (*Поярков Ник. Поэты наших дней: (Критические этюды)*. М., 1907. С. 106). Тот же критик, анализируя "Нечаянную Радость", называет стихотворение в ряду наиболее характерных для лирики второй книги Блока, однако подчеркивает удаленность его поэтических образов от действительности: «...здесь ряд стихотворений специально блоковских со своим миром, далеким от реальной жизни, волшебных в своей примитивности ("В лапах косматых", "В голубой далекой спаленке", "Девушка пела"). Несмотря на неясность таких стихотворений, их очарование слишком велико. В мире неясного Блок – властелин, и узоры его рисунков слишком хороши, чтобы их не полюбить" (*Поярков Ник. Молодые искатели // Юность*. 1907. № 1. С. 8).

Подразумевая в первую очередь настоящее стихотворение (наряду с указанными выше стихотворениями "детской" тематики), С.А. Венгеров отмечал в очерке "Победители или побежденные? (О модернизме)": «Особую прелесть придает поэзии Блока отпечаток какой-то очаровательной наивности, которая лежит на всем его творчестве. Это – не поддельная наивность стилизованного "примитива", а настоящая кристальность творческих настроений. Блок весь еще во власти детских грез и даже о матери говорит, как о "маме"» (*Венгеров С.А. Основные черты истории новейшей русской литературы*. 2-е изд. СПб., 1909. С. 76). Художественный смысл "наивного" блоковского мироощущения, сказавшегося в стихотворении, пытался интерпретировать и А.А. Измайлов: "Блок живет в царстве своего вымысла, отгородив себя от реальной жизни с ее балаганом, суетой и кровью стеной наивного детского мировоззрения. (...) В его мирке (...) колдуну укачивают весну, чертенятки скучают на болоте. Все это, разумеется, страшно оторвано от сегодняшнего дня, но все это мило искренностью восприятия, нежностью, мягкостью рисунка. Все это мистически озарено у Блока, мудро той таинственной мудростью, которая утаена от века" (*Измайлов А.А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе*. М., 1910. С. 220). Тот же критик пытался расшифровать потаенный смысл стихотворения, усматривая в нем (как и в стих. "Девушка пела в церковном хоре") поэтический отголосок гибели русского флота в сражении при Цусиме: "Детская... Маленькие кроватки. Догорает весенний день... Точно какой-то колдун укачал весну в своих косматых и страшных лапах... Мать крестит улегшихся детей. Но никому она не смотрит в глаза. Ей страшно, что эти доверчивые детские глазки просто и наивно спросят, где их отец. Он, очевидно, ушел туда же, далеко на войну, и, кто знает, жив ли еще? Дети лепечут о вчерашнем сне, – каком-то корабле, матросике, золотой птице. Больше самой себе, ей детям, мать говорит им, что вчерашний сон не приснится. Одно и то же снится ей, день и ночь думающей о муже и море... Это драма. И тут опять все ясно. Но, однако, где ручательство, что это есть действительно сочинение Блока, а не мое собственное? Современный поэт приглашает к совместному с ним творчеству писателя, но где гарантия, что двое читателей сделают именно нужное подстрочное примечание к песке? Ведь сколько голов, столько умов, и результаты такой теории лирики могут оказаться очень неожиданными" (*Там же*. С. 230; этот

же анализ – в статье Измайлова "Шифрованная поэзия: (Новые веяния в поэзии. – Городецкий, Блок)" // Слово. 1908. № 387. 22 февр. подпись; Неблагосклонный читатель.

...*Колдун укачал весну.* – Ср. в стих. "На весеннем пути в теремок..." (апрель 1905 г.): "Так венчалась весна с колдуном".

Золотую птицу мы увидим во сне. // Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты... – Возможно, отзвук стих. И. Коневского "Солнце на вершине мачты..." (1901) (*Коневской Ив.* Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. М., 1904. С. 121–122). Параллель подчеркивается сходством рифмовки: "мачты: трубач ты" (Коневской); "не плачь ты: с мачты" (Блок). См.: *Мордерер В.Я.* Блок и Иван Коневской // *ЛН.* Т. 92. Кн. 4. С. 165–166.

"ТАМ, В НОЧНОЙ ЗАВЫВАЮЩЕЙ СТУЖЕ..."

(С. 65)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК₁₁*. Л. 26 об.–27; *ЧА* – *ЗК₁₁*. Л. 51–51 об.; *БАП* – *Т₄*. Л. 83 ("Магическое"), "Август" (под текстом); *АС* – *НР₁₂*. Л. 46, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *ЗР.* 1906. № 11–12. С. 109, в статье Блока "Безвременье".

Публикации: *И₁*. С. 47, в разд. "Магическое"; *И₂*. С. 40–41, в разд. "Магическое"; *И₃*. С. 67, в разд. "Разные стихотворения"; *И₄*. С. 93; *И₅*. С. 77–78.

В *И₃* стихотворение напечатано без 3-й строфы (в *РЭ₁₂* она заключена в скобки и зачеркнута; ст. 10 подчеркнут, на полях – вопросительный знак; под текстом дата: "Август 1905"). В *И₄* строфа восстановлена с новым вариантом ст. 10.

Окончательный текст – *И₄*.

Мифопоэтическую интерпретацию стихотворения Блок дает в статье "Безвременье" (октябрь 1906), говоря о порождении современного города – "бродягах", знающих "веянье тишины": "Голос вьюги вывел их из паучьих жилищ, лишил тишины, очага, напел им в уши, – и они поняли песню о вечном круженье – песню, сулящую полет. В глубинах неба открылся звездный узор; его разрывают снежные хлопья, мчатся, слепя глаза". Далее Блок приводит весь текст стихотворения и продолжает: "Горе тому, кто заглядится в стеклянный, астральный взор. Он обречен на игру случайностей, на вечное круженье среди хлопьев, улетающих во мрак. Он застынет в ликование вьюги, и не будет исхода из великой радости над великой пустотой" (*СС-85*. С. 72). Лирическая героиня стихотворения в сознании Блока связывается с представлениями о цыганке, воспринимавшейся как символ "естественного", вольного мироощущения и свободной, но губительной страсти (*Лотман Ю.М., Минц З.Г.* "Человек природы" в русской литературе XIX века и "цыганская тема" у Блока // *БС-1*. С. 137–138). Многие образы и мотивы стихотворения ("ночь", "вьюга", "бубен метели", "шлейф" и др.) предвосхищают лирику Блока 1906–1907 гг. и ее женский образ, противопоставленный "Деве, Заре, Купине" ранней лирики; отмечалось также, что в стихотворении намечен "первый силуэт" будущего женского образа Незнакомки (см.: *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. 2-е изд. Л., 1973. С. 188–189).

В статье "О современном состоянии русского символизма" (1910) Блок приводит первые две строфы стихотворения как характерный образец своего творчества периода "антитезы" и добавляет: "Это – создание искусства. Для меня – это свершившийся факт. Я стою перед созданием своего искусства и не знаю, что делать. Иначе говоря, что мне делать с этими мирами, что мне делать и с собственной

жизнью, которая отныне стала искусством, ибо со мной рядом *живет* мое создание – не живое, не мертвое, синий призрак" (СС-85, С. 430–431).

Те же стихи цитирует в позднейшей статье о Блоке С.К. Маковский, характеризуя их как "нескладно заверченные строфы": "Снег, ветер, метель, вьюга и т.д. – любимейшие иносказания Блока, но слов для них он не находит, как ни старается изменить обычный смысл того или другого словесного знака. Не часто дается ему преобразование слова в мета-слово, в поэтический образ и символ" (*Маковский С. На Парнасе "Серебряного века"*. Мюнхен, 1962. С. 163).

...*Возникает из кружев лицо*. – В статье "Безвременье", приведя текст стихотворения, Блок далее развивает эти же мотивы: "Исчезает лицо, и опять кутается в снежное кружево, и опять возникает мечтой о бесконечной равнине" (СС-85, С. 72).

...*И взлетающий бубен метели, // Бубенцами призывно бренча*. – Ср. в статье "Безвременье": "Мелькнувший взор, взор цыганки, чей бубен звенит, чей голос сливается с песнями вьюги, зовет в путь бесконечный" (*Там же*; текст следует непосредственно за цитатой, приведенной в предыдущем примечании).

...*Ах, что значит – не пить и не есть!* – Возможно, что в подтексте стиха – ассоциации, связанные у Блока с образом Андрея Белого. Последний свидетельствует в воспоминаниях о Блоке: «...С.М. Соловьев (...) передавал мне, как Александра Андреевна ему признавалась о словах А.А., обо мне им сказанных вечером после одного из тех непередаваемо близких сидений, когда мне казалось, что всем так светло, когда я и сам казался себе светлым и добрым, – А.А. с сомнением, даже с испугом сказал обо мне: "Кто же он такой, не пьет и не ест?" Этим "не пьет и не ест" хотел он подчеркнуть ему казавшийся аскетизм моих устремлений или, вернее, форсированную чрезмерность моих устремлений (...)» (*Воспоминания, I*. С. 287). С другой стороны, строка связывалась со стихотворениями Блока конца 1906 г. из раздела "Город" ("Мещанское житие" в ЗС); в этом аспекте она осмыслялась как намек на то, что весь образный ряд стихотворения – "голодная галлюцинация чердачного мечтателя" (*Горелов Анат. Гроза над соловьиным садом*. С. 189).

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

Разверзающий звездную месть... (ЧА ЗК₁₁, Т₄, ЗР, II₁, II₂) – Е.Ф. Книпович в статье "Об Александре Блоке" свидетельствует, что Блок, относя в разговоре с нею стихотворение к числу им «не "не любимых"», отмечал, что ему кажется «подозрительным, например, сделанная им в угоду "канонам" эстетики декадентства замена "детской" строки – "Ах, что значит не пить и не есть" – "подозрительной" строкой, "разверзающий звездную месть"» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 39). Ср. дневниковую запись К.И. Чуковского от 12 января 1921 г. – о разговоре с Блоком: «Что такое у вас в стихах за "Звездная месть"? "Звездная месть" – чепуха, придуманная черт знает зачем, а у меня было раньше: "ах, как хочется пить и есть"» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 254). Отметим, что "ранний" вариант стиха ни в одном из автографов и в ранних публикациях не отражен; с ним соотносится лишь недописанная строка в предварительных набросках ("Ах, что значит { }").

"УТИХАЕТ СВЕТЛЫЙ ВЕТЕР..."

(С. 65)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₁. Л. 62–61 об. ("Примитивы"), "21 авг(уста)" (исправлено, было: "20 авг(уста)"); БАП – Т₄. Л. 82 ("Умолкает светлый ветер..."), "Август (21) – Сентябрь"; БА – ИРЛИ. Р. 1. Оп. 3. Ед.хр. 59 ("Умолкает свет-

лый ветер..."), подпись под текстом: "Александр Блок"; *АС – НР II*₂. Л. 85 ("Умолкает светлый ветер..."), рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Вesy. 1906. № 5. С. 9–10 ("Умолкает светлый ветер..."), в цикле "Тишина цветет".

Публикации: *II*₁. С. 115–116 ("Умолкает светлый ветер..."), в разд. "Покорность"; *II*₂. С. 82–83 ("Умолкает светлый ветер..."), в разд. "Перстень-Страданье"; *ЧД-1912*. С. 608 ("Умолкает светлый ветер..."); *II*₃. С. 65, в разд. "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 94; *II*₅. С. 78–79.

В *T*₄ текст записан на отдельном листе, наклеенном на чистую страницу.

В *II*₃ стихотворение помещено в переработанном и сокращенном виде (ст. 1 приведен к окончательному тексту; строфы 3 и 4 переставлены местами, изъята строфа 5). Правка осуществлена в *PЭ II*₂, под текстом дата: "Авг(уст) – сент(ябрь) 1905".

Окончательный текст – *II*₄.

Стихотворение было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ)*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

В мемуарах "Александр Александрович Блок (По памяти за пятнадцать лет: 1906–1921 гг.)" В.А. Зоргенфрей вспоминает, как в 1906 г. на квартире С.М. Городецкого в Лесном (окраина Петербурга) Блок прочитал «три свои недавние, никому из нас не известные стихотворения: "Нет имени тебе, мой дальний", "Утихает светлый ветер" и "Незнакомка": "Названные мною три стихотворения (...) были началом, сердцем новой эры его творчества; из них вышла "Нечаянная Радость"» (*Воспоминания*, 2. С. 12).

В рецензии на книгу Блока "Нечаянная Радость" В.Я. Брюсов отметил, что в этом стихотворении "есть что-то от Пушкинской прелести" (Вesy. 1907. № 2. С. 85). Б.А. Садовской в отзыве о той же книге упомянул стихотворение в числе "жемчужин блоковской поэзии": "Не передать всего очарования их таинственной красоты, – очарования, вспыхивающего святыми зорями, вдаль зовущего, весь мир великою радостью облакающего" (*PM*. 1907. № 3. Отд. III. С. 51).

Стихотворение указано Блоком первым в списке "Для чтения на средах и воскресеньях" (1906) в *ЗК*₁₂ (*ЗК*. С. 74).

...*Ворон канул на сосну, // Тронул сонную струну.* – Ср. стих. М.Ю. Лермонтова "Желание" (1830): "Зачем я не птица, не ворон степной", "И арфы шотландской струну бы задел".

Пусть душа твоя мгновенна... – Ср. заключительную строку стих. "Поднимались из тьмы погребов..." (1904): "И была наша участь – мгновенна".

...*Вечер близок...* – Ср. в стих. А.А. Фета "Когда я блестящий твой локон целую..." (1842): "Хоть вечер и близок, не бойся!".

...*Ночь глядит в твои глаза.* – Вероятная реминисценция из поэмы М.Ю. Лермонтова "Мцыри" (1839; гл. 15): "И миллионом черных глаз // Смотрела ночи темнота" – и из стих. Ф.И. Тютчева "Песок сыпучий по колени..." (1830): "Ночь хмурая, как зверь стокий, // Глядит из каждого куста!".

"В ГОЛУБОЙ ДАЛЕКОЙ СПАЛЕНКЕ..."

(С. 66)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК*₁₁. Л. 17 (приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 149); *ЧА – ЗК*₁₁. Л. 73–74, "4 окт(ября)"; *АС – T*₄. Л. 85–85 об., текст рукой

Л.Д. Блок, дата "4 окт(ября)" рукой Блока; *БА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 58 (подпись под текстом: "Александр Блок"); *АС – НР II*₂. Л. 106, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *Весы*. 1906. № 5. С. 15–16, в цикле "Тишина цветет".

Публикации: *II*₁. С. 43–44, в разд. "Магическое"; *КРП*, с. 318–319, "1905"; *ЧД-1909*. С. 486; *II*₂. С. 113, в разд. "Покорность"; *Утренняя звезда*: Сборник стихов для отрочества. Стихи по выбору Н. Тамамшевой и С. Тамамшевой. СПб., [1912]. С. 194–195 (*УЗ*); *ЧД-1912*. С. 609–610; *Сказки*. С. 16–17 ("В голубой спальне"); *ИСП*. С. 13; *II*₃. С. 68, в разд. "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 95; *II*₅. С. 79–80.

В *II*₃ стихотворение помещено в сокращенной редакции, без строф 3 и 5. Провка проведена в *РЭ II*₂: строфы 3 и 5 вычеркнуты, ст. 7–8 отчеркнуты, на полях – вопросительный знак, даны новые варианты ст. 8 и 15, под текстом дата: "4 окт(ября) 1905". В *II*₄ стихотворение восстановлено в первоначальном виде.

Стихотворение указано Блоком в перечне "Для чтения на средах и воскресеньях" (*ЗК*. С. 74). В воспоминаниях "Земля в снегу" Н.Н. Волохова свидетельствует, что Блок читал его при их первой встрече, на литературно-художественном вечере театра В.Ф. Коммиссаржевской (14 октября 1906 г.): «Конечно, не обошлось без просьб почитать стихи. И он прочел нам в этот вечер "В голубой далекой спальне..." Читал Александр Александрович хорошо, музыкально, глуховатым голосом, несколько торжественно и даже важно» (Тр. по русск. и слав. филологии, IV. Тарту, 1961. С. 372. (*УЗ ТГУ*. Вып. 104)). Впоследствии стихотворение стало очень популярным в эстрадном репертуаре (в частности, в исполнении А.Н. Вертинского); О.В. Гзовская в воспоминаниях "А.А. Блок в Московском Художественном театре" отмечает, что "голубые далекие спальни" "так часто звучали в исполнении многих, неверно толковавших Блока, окрашивавших его поэзию в какие-то слезливо-сентиментальные тона, вовсе Блоку не свойственные" (*Воспоминания*, 2. С. 120).

Стихотворение включено Блоком в план издания несостоявшегося сборника "Для детей", датированный 19 августа 1918 г.) (*Т₉*; см.: *Корсаков Р. [Иванов-Разумник]*. Стихи А. Блока для детей // *Детская литература*. 1940. № 11–12. С. 79).

В отзыве на "Нечаянную Радость" М.А. Волошин привлек стихотворение в подтверждение тезиса о том, что поэзия Блока – "поэзия сонного сознания": "Как сомнамбула с закрытыми глазами и простертыми руками, он идет по миру и не находит. Мир для него страшен и раздроблен. Нормальное состояние души его формулируется в этих словах:

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года".

(*Русь*. 1907. № 101. 11 апр.; *Волошин М. Лики творчества*. Л., 1988. С. 486)

А.А. Измайлов также выделяет стихотворение как один из наиболее характерных образцов лирики Блока, представленной в "Нечаянной Радости": "...налет мистического, магического лежит и на всех лирических его пьесах. Большинство их страшно субъективно. К большинству их положительно необходим комментарий. Там, где этот комментарий читатель подсказывает себе сам, получают красивые картинки, полные настроения. Вот одна из них, от которой веет смутными впечатлениями детской, младенчества, наивностью младенческих представлений, обаянием материнского образа". Далее критик приводит весь текст "В голубой далекой спальне..." и заключает: «Далеко не все так ясно у Блока. В "Нечаянной Радости" много туманных, непонятных пьес (...)» (*Литературные беседы // РС*. 1907. № 110. 15 мая). Позднее Ю.И. Айхенвальд

приводил стихотворение как пример характерных для поэзии Блока, "помимо общей возвышенности идеалистического духа", "более обычной, но не менее ценной ласковости и приветливого человеколюбия" (*Айхенвальд Ю.* Поэты и прозаики. М., 1922. С. 19).

С.К. Маковский, приведя в статье о Блоке предпоследнюю строфу этого "известнейшего стихотворения", спрашивал: "Что это значит?" (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". Мюнхен, 1962. С. 163). Неясной и интригующей многим казалась образно-сюжетная ситуация, воплощенная в стихотворении, которой упорно изыскивали однозначную "прагматическую" трактовку. (Изначальная двусмысленность, видимо, предполагалась самим Блоком, использовавшим без дополнительных уточнений глагол "опочить" ("Твой ребенок опочил"), имеющий два значения – "заснуть" и (переносное) "умереть".) В воспоминаниях о Блоке В.П. Веригина приводит свою беседу с поэтом (состоявшуюся на вечере театра В.Ф. Коммиссаржевской 14 октября 1906 г.): «Разговор зашел о стихотворении "В голубой далекой спальне твой ребенок опочил..." Я спросила: "Ребенок умер?" – и получила ответ: "Мать его задушила". Помню, что у меня вырвалось: "Не может быть! Тут нет убийства!" Александр Александрович улыбнулся и сказал: "Ну, просто умер, можно и так". Несомненно, что в данном случае какое-то происшествие из газет попало в мир блоковской поэзии и было выражено таким образом» (*Воспоминания, 1.* С. 412–413). Н.Н. Волохова несколько иначе передает этот же эпизод: "На наш вопрос: умер ребенок или уснул (...) – он отвечал совершенно искренне и несколько растерянно: – Не знаю, право, не знаю" (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 372 (*УЗ ТГУ.* Вып. 104)); мемуаристка видит в этих словах выражение специфического отношения Блока к творческому процессу: "...стихи – не писание, а некая миссия, которой он был обречен. Поэтому часто он не мог, как он сам говорил, изменить то или иное в своих стихах, что порой казалось непонятным: он должен был *так* написать, *так* сказать" (*Там же*). С просьбами истолковать смысл этого стихотворения Блоку приходилось сталкиваться неоднократно. В 1906 г. гимназист Вадим Шершеневич (позднее – известный поэт 1910–1920-х годов) писал Блоку: «В одном из журналов было помещено Ваше стихотворение, начинавшееся так: "В голубой, далекой спальне". По поводу этого стихотворения у нас в Москве среди моих товарищей возникли споры, что означает это произведение – сон или смерть. Я лично стою за первое. В словах "карлик маленький держит мятник рукой" я вижу только временную остановку. Вечная была бы, когда карлик снял мятник. Но на это нам возражают: "Нить какая-то развязана, сочатавшая года". В этом видят смерть, прервавшую года. Не будете ли Вы добры ответить, которое из мнений правильное – сон или смерть. (...) Я Вам буду очень благодарен за ответ тем более, что я с этим произведением хотел выступить на литературном вечере» (*РГАЛИ.* Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 462). В воспоминаниях "Великолепный очевидец" (1934–1936) Шершеневич приводит строки из ответного письма: "Дорогой товарищ! Для меня все преимущество и проклятие современной лирики состоит в том, что каждый волен вкладывать в нее свой смысл" (Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 476). Автограф этого письма Блока не выявлен. Дополнительные сведения об отношении Блока к читательским попыткам вывести из стихотворения однозначную, рационалистическую сюжетную "разгадку" дают воспоминания его двоюродного брата Н.Н. Качалова, дискутировавшего по этому вопросу с пианистом Е.Б. Вильбушевичем: «Мне казалось, что Вильбушевич думает, что ребенок заснул, а мне думалось, что, судя по смыслу этого стихотворения, ребенок умер. На этой почве мы несколько поспорили, не сговорились, и через несколько дней приходит ко мне Евгений Борисович и говорит: "Я видел Александра

Александровича и переговорил с ним об этом. Я встретил его в парикмахерской и спросил, что он здесь имел в виду. Я сказал ему, что мы с Николаем Николаевичем поспорили по этому поводу. Он отвечает: "А вам как кажется?" – "Мне кажется, что он заснул". – "Ну, значит заснул". – "А вот Николай Николаевич думает, что он умер". – "Ну, значит для него умер. А вообще вы никогда таких вопросов поэту не задавайте. Если вам кажется, что это так – пожалуйста, а если вам кажется, что этот факт, который в этом произведении иначе толкует некоторый важный узел, – пожалуйста. А вообще никогда поэту таких вопросов не задавайте"» (Выступление Н.Н. Качалова на торжественном заседании, посвященном памяти А.А. Блока, 30 ноября 1955 г. Стеногр. отчет Всероссийского театрального общества / Собрание Л.К. Долгополова, С.-Петербург). Этот же разговор Блока с Вильбушевичем вкратце передает в своих воспоминаниях Е.И. Тиме (*Тиме Е. Дороги искусства*. М., 1967. С. 80.)

Тихо вылез карлик маленький // И часы остановил. – Образ карлика вызывает ассоциации с образом Иммануила Канта в стих. "Сижу за ширмой. У меня..." (1903; т. 1 наст. изд.) и с "маленьким Кантиком" в блоковском конспекте "Записок" А.Т. Болотова: "...сидит в башенке маленький Кантик" (*БС-4*. С. 61). Наряду с чисто звуковыми аналогиями, это сопоставление имеет и определенный содержательный подтекст: "Блоку, несомненно, была известна легенда о пунктуальности кенигсбергского философа, который в течение всей жизни выходил на прогулку с такой точностью, что жители города проверяли по нему часы. Карлик, останавливающий часы {...}, и Кант, действующий с точностью часового механизма, таким образом, включаются в ряд вечность – время – безвременье" (*Владимирова И., Григорьев М., Кумпан К. А.А. Блок и русская культура XVIII века // БС-4*. С. 47). Образ остановившегося времени развивается Блоком также в статье "Безвременье" (1906): "Чистые нравы, спокойные улыбки, тихие вечера – все заткано паутиной, и самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет" (*СС-8₅*. С. 70). Параллели между стихотворением и "Безвременьем" прослежены в кн.: *Долгополов Л.К. Александр Блок: Личность и творчество*. Л., 1980. С. 83.

Все, как было. Только странная // Воцарилась тишина ~ Нить какая-то развязана, // Сочетавшая года. – В интерпретации Блоком мотива остановки часов (времени) и небытия – отзвуки стихотворения З.Н. Гиппиус "Часы стоят" (1902):

Часы остановились. Движенья больше нет.
Стоит, не разгораясь, за окнами рассвет. {...}
Ничто не изменилось, ничто не отошло;
Но вдруг отяжелело, само в себе вросло. {...}
И все, чем мы за краткость, за легкость дорожим –
Вдруг сделалось бессмертным, и вечным – и чужим. {...}
И вечности безглазой беззвучен строй и лад.
Остановилось время. Часы, часы стоят!

(*Гиппиус З.Н. Собрание стихов 1889–1903 г.*
М., 1904. С. 135–136)

...Штору синего окна ~ Тонкий полог подняла. – Ср. стих. "Возвратилась в полночь. До утра..." (1903): "Опущу белеющую штору, // Занавешу пологом кровать" (т. 1 наст. изд.).

...Синий сумрак и покой... – Вероятная реминисценция из стих. Д.С. Мережковского "Как странник, путь окончив дальний..." (1891): "Где вечный сумрак и покой" (*Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.* М., 1914. Т. 22. С. 33).

"ВОТ ОН – ХРИСТОС – В ЦЕПЯХ И РОЗАХ..."

(С. 66)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₈*. Л. 53–52 об.; *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 77–78; *БА – Т₄*. Л. 87, "10 окт(ября)"; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 58, при письме к Андрею Белому от 14 или 15 октября 1905 г.; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 8, Л. 29, при письме к Е.П. Иванову от 13 ноября 1905 г.; *БА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 61 (подпись под текстом: "Александр Блок"); *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 14; *АС – НР Н₂*. Л. 124, рукой Л.Д. Блок; печ. текст – *Изборник*. Л. 74.

Впервые: *Весы*. 1906. № 5. С. 13–14, без посвящения, в цикле "Тишина цветет".

Публикации: *И₁*. С. 131–132, в разд. "Нечаянная Радость"; *И₂*. С. 131, в разд. "Нечаянная Радость"; *И₃*. С. 218, в разд. "Родина"; *СР*. С. 17; *И₄*. С. 96; *И₅*. С. 80–81.

Печатается с исправлением в ст. 2 ("За решеткой" вместо "За решеткой") – по *Т₄*, *БА РГБ*, *БА ИМЛИ* и публикациям в журн. "Весы", в *И₁*, *И₄*.

Окончательный текст – *И₄*.

В *РЭ И₂*, при подготовке *И₃*, стихотворение было перенесено из второго тома собрания стихотворений в третий: на полях вписано заглавие раздела: "Родина" (зачеркнуто); под текстом дата: "10 окт(ября) 1905".

Стихотворение указано Блоком в перечне "Для чтения на средах и воскресеньях" (*ЗК*. С. 75).

В примечаниях к *И₂* (1912) Блок указал: "Стихотворение навеяно теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова". Эта параллель еще ранее была отмечена Н.Я. Абрамовичем в рецензии на "Нечаянную Радость": «Что-то нестеровское чувствуется в лирике нео-христианства ("Гроб невесты легкой тканью...", "Е. Иванову" и др.)» – под заглавием "Е. Иванову" подразумевается "Вот Он – Христос – в цепях и розах..." (Книга. 1907. № 16. 22 февр. С. 11; подпись: Н.Я. А-вич). В статье «"Стихийность" в молодой поэзии» тот же критик, приводя первые три строфы стихотворения, заключает: "Мистический эротизм Вл. Соловьева и религиозный пантеизм картин художника Нестерова сливает Ал. Блок" (Образование. 1907. № 11. Отд. II. С. 20–21). "...Именно поэзия религиозности, интимной внутренней и свежей, *вышедшей из недр народной души*, слитой с родной природой и с укладом народной психики и отраженной во всех этих живых чертах красивым дарованием Нестерова, чувствуется в стихах Блока, – подчеркивает Н.Я. Абрамович. – Мотив им заимствован, и у Блока – гораздо больше от Нестерова, чем от Вл. Соловьева". Прочитывая "Вот Он – Христос – в цепях и розах...", критик добавляет, что в этом стихотворении – "икона по Нестерову" (Абрамович Н.Я. Литературно-критические очерки. Кн. 1: Творчество и жизнь. СПб., 1909. С. 195). В творчестве М.В. Нестерова аналогии со стихотворением Блока вызывают прежде всего такие работы, как "Пустынный" (1888–1889), "Видение отроку Варфоломею" (1889–1890), "Рыбак" (1890), "Под благовест" (1895), "Молчание" (1903).

В рецензии на "Нечаянную Радость" М.А. Волошин поставил стихотворение в преемственную связь с произведениями Блока, характеризующими мир природы и народной демонологии, – все это – "какое-то смутное лицо": "И вот постепенно яснее смутное лицо и поэт видит, что это лицо Христа"; в подтверждение своей параллели критик приводит 2-ю и 3-ю строфы стихотворения (Русь. 1907. № 101, 11 апр.), Е.В. Аничков в статье «Поэзия свободного человека. ("Ярь" и "Нечаянная Радость")» выделяет стихотворение как пример нового поэтического мироощущения Блока: «...идет на свой поэтический подвиг Александр Блок. Он протягивает руку, чтобы

нащупать "жизнь живучую", нащупать раны и молодое тело, нащупать биение сердца; он хочет прикоснуться к разгоряченному лбу. Но где жизнь, а где иллюзия? Где кончается воображение, искусство, мечта, теории и где сама реальность?

И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя».

(Свободный человек. 1907. № 1.
26 февраля)

Андрей Белый в своем отзыве о "Нечаянной Радости", также считая стихотворение характерным для всей книги, расценивает его как свидетельство "разрушительных" тенденций в поэтической эволюции Блока, внутренне неоправданной переоценки прежней художественной системы: «Страшно, страшно, идти больше некуда в отчаянии, когда в "Нечаянной Радости" (см. последний отдел сборника) из огорода капустного приходит к поэту все тот же оборотень "Единый, Светлый – немного грустный", когда такую картину рисует поэт своей нечаянной радости» (Перевал. 1907. № 4. Февр. С. 60).

В позднейших критических отзывах стихотворение в основном рассматривалось в связи со стихами Блока о России второй половины 1900-х – первой половины 1910-х годов. В частности, Владимир Рындрюн в статье «"Сегодня" и "вчера" в русской поэзии», посвященной сборнику Блока "Стихи о России", приводил стихотворение как образец специфически русского национального мироощущения: «У "надрывных" людей и вера тихо страдающая (...), вера кротких обетований» (Приазовский край. 1916. № 173. 3 июля). Ю.А. Никольский отмечал (в статье "Александр Блок о России"), что Христос в этом стихотворении – «даже там, где за ним "огород капустный"» – производит "только эстетическое впечатление": "Нет того религиозного проникновения, какое было у Тютчева" (РМ. 1915. № 11. Отд. III. С. 17).

Посвящение. – Ближайший друг Блока *Е.П. Иванов* (см. о нем т. 1, с. 613 наст. изд.) постоянно беседовал с ним на религиозные темы; одним из самых острых в этих беседах был вопрос о Христе. По складу характера человек кроткий и незлобивый, Иванов был всецело предан идеям христианской покорности и всепрощения, которые не могли удовлетворить Блока (см.: *Максимов Д.Е.* Александр Блок и Евгений Иванов // *БС-1*. С. 354–355). Тема Христа постоянно возникает в письмах Блока к Иванову 1904–1905 гг.: "Мы оба жалуемся на оскудение души. Но я ни за что (...) не пойду врачеваться к Христу. Я Его не знаю и не знал никогда" (15 июня 1904 г.); «Вы знаете Его, я верю этому. (...) Ведь я "иногда" и Христом мучаюсь» (28 июня 1904 г.); "Что тебе – Христос, то мне – не Христос" (25 июня 1905 г.) и т.д.

Вот Агнец Кроткий в белых ризах... – В Новом Завете Христос неоднократно называется Агнцем: "...вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира" (Ин. I. 29); "...драгоценную Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца..." (Первое соборное послание св. апостола Петра. I. 19), и др.

...Пришел и смотрит в окно тюрьмы. – Ср. в стих. "Осенняя воля" (июль 1905): "Кто взманил меня на путь знакомый, // Усмехнулся мне в окно тюрьмы?"

Единый, Светлый, немного грустный – // *За ним восходит хлебный знак...* – Подобная интерпретация образа Христа восходит к разговорам Блока с Е.П. Ивановым. Еще 15 июня 1904 г. Блок писал Иванову из Шахматова: «...там, где "колосил" Христос (*ВАШЕ*), я мог видеть васильки, и ромашки, и даже маленьких желтогрудых овсянок». Непосредственно образное построение восходит к беседам Блока и Иванова, состоявшимся за два дня до написания стихотворения. 8 октября 1905 г. Е. Ива-

нов записал: "Приходил к нам Ал. Блок. Говорил ему (...) о Христе в городе и полях грядущем. В поле среди колосющихся злаков, и сам колос как колосющийся Христос волнуется в полях. И вот город с заключенными и больными. Что не сделал им, то не сделал и Мне (...)" (БС-1. С. 396). Характерно, что тот же Е. Иванов, позднее побывав в Шахматове, увидел в стихотворении не только отражение своих бесед с Блоком, но и подлинные пейзажные детали: «...вышли недалеко в поле. Тут же елки бегут по оврагу и огород капустный, и синее небо как в стихах: "Вот он Христос в цепях и розах"» (запись от 17 июля 1906 г. – БС-1. С. 408). Ср. образ "полевого Христа" в стих. "Старушка и чертенята" (июль 1905). Интерпретацию стихотворения в связи с идейно-образной системой цикла "Пузыри земли" см. в кн.: Горелов А. Гроза над соловьиным садом: Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 94–99 (там же прослежены образно-тематические переключки со стихотворениями Тютчева "Эти бедные селенья..." и "И гроб опущен уж в могилу...").

...На пригорке лежит огород капустный, // И березки и елки бегут в овраг. – Возможно, отзвуки стих. И. Коневского "Святой князь Борис" – первого в цикле "Образы Нестерова" (1895):

С детства вид знакомый:
Косогор песчаный,
Ельником поросший (...)
Кругом – ельник чахлый.

(Коневской Ив. Стихи и проза.

Посмертное собрание сочинений. М., 1904. С. 45)

Пока такой же нищий не будешь ~ И не поблекнешь, как мертвый злак. – Ср. в стих. "Полюби эту вечность болот..." (июнь 1905): "Этот злак, что сгорел, – не умрет". Родственные мотивы – в цикле стихов Андрея Белого "Тоска о воле" (Гриф-1905), в частности – в стих. "Странники" (1904): "Там, как в тюрьмах, росло наше детище; // Здесь приветствовал стебель нас ломкий"; "Ветерки прошумели побегам. // Мы, вздохнув, о страданье забыли" (Белый А. Пепел. СПб., 1909. С. 200).

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

"Кая житейская сладость" (ЧН ЗК₈). – Цитируется идиомелон на последование отпевания, приписываемый Иоанну Дамаскину (вторая половина VII в. – ок. 753 г.), византийскому богослову, автору церковных песнопений: "Кая житейская сладость пребывает печали непричастна, кая ли слава стоит на земли непреложна, вся сени немощнейша, вся сония прелестнейша едином мгновением и вся сия смерть приемлет; но во свете Христе лица твоего и в наслаждении твоея красоты, его же избрал еси, упокой, яко человеколюбец" (Самогласны Иоанна монаха. Глас 1 // Требник. М., 1884. Л. 130 об. – 131). См. также переложение этого текста в поэме А.К. Толстого "Иоанн Дамаскин" (1858) – "Тропарь" (Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1963. Т. 1. С. 526) и современный перевод С.С. Аверинцева (Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968. С. 279–280).

"ТАК. НЕИЗМЕННО ВСЕ, КАК БЫЛО..."

(С. 67)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₁. Л. 78 об. – 79 об.; БА – Т₄. Л. 87 об., "10 окт(ября)"; БА – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 15; АС – НР II₂. Л. 122, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Весы. 1906. № 5. С. 1–2, в цикле "Тишина цветет".

Публикации: *И1*. С. 129–130, в разд. "Нечаянная Радость"; К новым далям: Современная лирика / Сост. Л.Д. Свербеева. СПб., 1909. С. 40 (*КНД*); *И2*. С. 128–129, в разд. "Нечаянная Радость"; *И4*. С. 97; *И5*. С. 81.

Печатается с исправлением в ст. 13 ("Как будто время позабыло" вместо "Как будто, время позабыло") – по *Т4*, *БА ИМЛИ*, *НР И2* и публикациям в журн. "Весы", *И1* и *И2*.

Стихотворение было изъято при подготовке *И3*. Карандашные пометы в *РЭ И2*: запись над текстом: "Арфы и скрипки" (зачеркнуто; видимо, Блок предполагал перенести стихотворение в разд. "Арфы и скрипки"); под текстом дата: "10 окт(ября) 1905"; в ст. 2 подчеркнуто "ласковом бреду", на полях вопросительный знак, такой же знак относится к 1-й строфе; строфа 3 зачеркнута, на полях помета: "???", весь текст перечеркнут.

В.А. Зоргенфрей в своих воспоминаниях о Блоке свидетельствует: «...в годы, когда создавалась "Нечаянная Радость", и улыбка, и взор, и голос запомнились мне светлыми и спокойными. Магическое таилось в тайниках души, не возмущаемое соприкосновениями со стихиями жизни. "Так. Неизменно все, как было" – эти стихи записал мне в альбом А.А. в конце 1906 года, объяснив, что в них ответ на мои смутные, вновь и вновь высказываемые опасения измены...» (*Воспоминания*, 2. С. 18).

Г.И. Чулков в статье о поэзии Блока "Снежная Дева", цитируя первые три строфы стихотворения, отмечает: "Блок создал новый, уже не фетовский ритм, но сущность мелодии еще звучит по-прежнему"; сущность этой мелодии, по Чулкову, – "печальная влюбленность" (*ЗР*. 1908. № 10. С. 51; подпись: Борис Кремнев; *Чулков Г.* Соч. Т. 5: Статьи 1905–1911 гг. СПб., 1912. С. 16–17).

И я пришел, плющом венчанный... – У древних греков плющ – эмблема веселья и любви; посвящен Дионису; при торжествах и на пирах поэты украшали свои головы плющовым венком.

...Мне улыбнулся тот же брег ~ Меня зовут из камыша. – "Брег", "камыш" и т.п. – реминисценции образного строя "Стихов о Прекрасной Даме"; ср., например, стихотворения лета 1901 г.: "За туманом, за лесами...", "Сумерки, сумерки вешние...", "Видно, дни золотые пришли..." (т. 1 наст. изд.).

И те же явственные звуки // Меня зовут из камыша. – Возможно, отголосок древнегреческого мифа о Пане и нимфе-гамадриде Сиринге, отраженного в "Метаморфозах" Овидия (Кн. 1. Ст. 689–712): наяды превратили Сирингу, которую преследовал Пан, в тростник, который при колебаниях ветра издавал жалобный звук.

"ПРИСКАКАЛА ДИКОЙ СТЕПЬЮ..."

(С. 68)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК11*. Л. 92 об. – 93, "31 окт(ября)"; *БАП – Т4*. Л. 94 об., "31 окт(ября)"; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 12 (подпись под текстом: "Александр Блок"); *АС – НР И2*. Л. 97, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *И1*. С. 67–68, в разд. "Магическое".

Публикации: *И2*. С. 95, в разд. "1905"; *И4*. С. 98; *И5*. С. 82.

Варианты ст. 17–20 *ЧА ЗК11* приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 150.

Изображаемая в стихотворении ситуация и его образный строй, возможно, содержат реминисценции стихотворения Л.Д. Семенова "Черные кони" ("Мчались мы на конях...", 1904):

Но устали и взмылились кони.
Ты коня осадила, смеясь,
Ты сказала мне: князь,
нам бояться ли рабской погони?

И над гривой коня,
вдруг нагнувшись проворно,
обернулась ко мне, охватила меня,
обожгла меня лаской огня,
отдалась мне добычей покорно...
(.....)
Ты смеялась на черном коне!

(Семенов Л. Собр. стихотворений. СПб., 1905. С. 58)

В образе героини Блок совмещает специфически "цыганское" с национальным русским, сливающиеся в мотивах красоты и вольности (Лотман Ю., Минц З. "Человек природы" в русской литературе XIX века и "цыганская тема" у Блока // БС-1. С. 133–134). Мотив народной вольности, сочетающийся с представлениями о "стихийном" женском характере, связывает образно-эмоциональную основу стихотворения с событиями первой русской революции (Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 152–154).

Рукавом в окно мне машет... – Ср. в статье Блока "Поэзия заговоров и заклинаний": "...девушка насылает любовь, когда машет рукавами" (СС-85, С. 38).

...Красным криком зажжена... – В письме к Блоку (октябрь – ноябрь 1907 г.) Н.А. Клюев указывал: «...в стихотворении "Прискакала дикой степью" слово "красным криком" не Ваше, а Леонида Андреева (...)» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 466; подразумевается повесть Л.Н. Андреева "Красный смех", 1904). Образный ряд имел и актуальные ассоциации: «...читателю-современнику не надо было обладать особой пронизательностью, чтобы прочесть в этом "красном крике" прежде всего 1905 год» (Громов П. А. Блок, его предшественники и современники. С. 153).

Не меня ты любишь, Млада, // Дикой вольности сестра! – В цитированном выше письме к Блоку Клюев писал: "...душа моя (...) видела Младу – дикой вольности сестру (...)" (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 465).

Любишь краденые клады... – Отзвук мифопоэтических народных представлений о кладах, зарытых в землю и таящих несметные сокровища (многочисленные предания о кладах Стеньки Разина); клады оберегаются нечистой силой, колдунами, силой зарок, заклятий и т.п. См.: Афанасьев, 2. С. 361–366; Максимов С. С. 159–172 (Гл. XV. "Клады"); Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 109–118.

Другие редакции и варианты

И среди пустого луга ~ Красной ленты полосой. (ЧА ЗК₁₁) – Ср. в стих. "Белый конь чуть ступает усталой ногой..." (3 июня 1905 г.): "Алой ленты Твоей надо мной полоса". Анализ переработки заключительной строфы стих. см.: Горелов А. Гроза над соловьиным садом: Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 119–120.

БРЕД

("Я знаю, ты близкая мне...")

(С. 68)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 96 об. – 99; *БАП – Т₄*. Л. 95 об. – 96, "4 ноября"; *АС – НР₁₁₂*. Л. 89–90, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *П₁*. С. 94–96, в разд. "Перстень-Страданье".

Публикации: *П₂*. С. 86–88, в разд. "Перстень-Страданье"; *П₃*. С. 69–70, в разд. "Разные стихотворения"; *П₄*. С. 99–100; *П₅*. С. 82–84.

Заключительные три строфы стихотворения в первоначальной редакции (ст. 33–44) в черновом автографе, наряду с другими предварительными набросками, были записаны после первой строфы (между ст. 4 и 5); стихотворение заканчивалось на ст. 32. Позднее черновой автограф был дополнен переписанными набело ст. 33–44. В черновом автографе имеются также два четверостишия, вошедшие в беловой автограф и в первые публикации стихотворения.

В *П₁* и *П₂* стихотворение печаталось в расширенной редакции, с дополнительными четверостишиями между ст. 16 и 17 и 24 и 25. Эти два четверостишия были изъяты при подготовке *П₃*: в *РЭ П₂* они вычеркнуты, ст. 25 приведен к основному тексту, на полях – помета: "Р{азные) ст{ихотворения)", дата под текстом: "4 ноября 1905".

"Седая старина", о которой идет речь в стихотворении, ассоциируется с миром образов музыкальной драмы Рихарда Вагнера "Гибель Богов" ("Götterdämmerung", 1874) – заключительной части тетралогии "Кольцо Нибелунга": к Зигфриду, потерявшему память и забывшему Брюнгильду, под воздействием волшебного напитка возвращается память, и он вспоминает прошлое перед тем, как его коварно убивает Хаген (3-е действие). "Центральный эпизод стихотворения – воспоминание Зигфрида о встрече с валькирией Брюнгильдой. Воспроизводится сцена, в которой Брюнгильда, усыпленная Вотаном, спит на вершине скалы, окруженная кольцом огня, а Зигфрид, прорываясь сквозь огонь, пробуждает ее поцелуем" (*Магомедова Д.М.* Блок и Вагнер // *Zbornik Radova instituta za strane jezike i književnosti*. Sveska 6. Novi Sad, 1984. S. 200). Пробуждение Зигфридом Брюнгильды – сцена из 3-го действия музыкальной драмы "Зигфрид" ("Siegfried", 1871), третьей части тетралогии.

В письме к Блоку от 30 мая 1912 г. Конст. Эрберг (К.А. Сюннерберг) высоко оценивал раздел "Перстень-Страданье" в *П₂*, за исключением трех входящих в него стихотворений ("Бред", "Повесть", "Последний день") (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 420).

Я Белую Деву искал... – Ср. образ Светлой Девы в стих. "Я жалок в глубоком бессильи..." (1902); проводилась также параллель с центральным образом стих. "Черная Дева. Северное преданье" (1899) (*Паудар М.Н.* Север и Скандинавия в лирике А. Блока // *Скандинавский сборник*. XXVII. Таллин, 1982. С. 182–198). "Белая Дева" может быть соотнесена и с героиней лирики первого тома стихотворений Блока (*Магомедова Д.М.* Блок и Вагнер. С. 200).

...И рог мой раскатом звучал. – Рог – характерный атрибут Зигфрида; ср. его слова в 1-м действии одноименной музыкальной драмы: "...в дремучем лесу // Затрубил я громко в рог свой" (*Вагнер Р.* Зигфрид / Пер. И. Тюменева. 2-е изд. М., 1901. С. 4).

...Я Белую Деву бужу! – Помимо связи с эпизодом пробуждения Брюнгильды Зигфридом, ситуация соотносится с универсальным мифопоэтическим мотивом освобождения зачарованной царевны – белой жены или белой девы в германской мифологии. Белые девы "осуждены пребывать в заколдованных (захваченных нечис-

тою силою) или подземных замках, в недрах гор (...) и нетерпеливо ждут своего избавителя"; "чтобы освободить белую деву от заклатья, необходимо (...) или тяжелое испытание, налагаемое на избавителя (...), или поцелуй, уничтожающий влияние колдовства" (*Афанасьев*, 2. С. 627, 628).

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

("Петуха упустила старушка...")

(С. 70)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₁₂. Л. 3–2 об.; *АС* – *Т*₅. Л. 13–14, "11-го января", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие рукой Блока; *АС* – *HP* *II*₂. Л. 92–93, рукой Л.Д. Блок; печ. текст – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 12–14; печ. текст – *Изборник*. Л. 77.

Впервые: *Наша жизнь*. Литературно-научное приложение (*НЖ*). 1906. № 3–4. 8 февр. С. 3.

Публикации: *II*₁. С. 69–70, в разд. "Магическое"; *II*₂. С. 91–92, в разд. "1905"; *Сказки*. С. 9–11; *II*₃. С. 72–73, в разд. "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 101–102; *II*₅. С. 84–85.

Стихотворение имеет иносказательный общественный подтекст (что подчеркнуто в *II*₂ включением его в раздел "1905"). "...В этом стихотворении, написанном вскоре после подавления декабрьского восстания, в образах деревенского пожара и неловкой, непроворной старушки легко угадывается мысль о революции и о судьбе ее вершителей"; в метафорическом образе огненного петуха содержится намек на революцию (*Максимов Д.Е.* Александр Блок и революция 1905 года // *Революция 1905 года и русская литература*. М.; Л., 1956. С. 268). Вместе с тем в стихотворении обыгрываются мифопоэтические и фольклорно-этнографические представления, самая сюжетная ситуация представляет собой реализацию метафорического выражения "подпустить красного петуха" – поджечь дом (актуальный намек на крестьянские мятежи, поджоги усадеб); ср. в статье Блока "Пламень" (1913): "...были в России кровь, топор и красный петух" (*СС*-85. С. 486). В народных представлениях петух – метафорическое название огня, грозового пламени. Вместе с тем петух – охранитель домашнего очага от нечистой силы и всяческих бедствий, ему отводится важная роль в ритуалах, связанных с обживанием дома (свод данных – в кн.: *Байбурина А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 104–106); этим объясняется основной сюжетный мотив стихотворения – "упущение" петуха.

Идея сочетания образов старушки и петуха, возможно, была навеяна Блоку эпизодом из 2-й "симфонии" Андрея Белого: некая "вредная старушка" привезла в Москву черного петуха, предвещающего болезнь; петух "стал бегать по Москве, и с тех пор начались чумные заболевания" (*Белый А.* Симфония (2-я, драматическая). М., [1902]. С. 217).

Ю.И. Айхенвальд выделяет стихотворение как одно из характерных для лирики Блока: «...часты у него стихотворения о конкретных несчастьях жизни, но при том обвеянные дыханием фантастики, стихотворения-баллады, – хотя бы "Сказка о петухе и старушке", о красном петухе, от которого сгорела бедная старушка» (*Айхенвальд Ю.* Поэты и прозаики. М., 1922. С. 19).

...*Золотого, как день, петуха!* – Образ петушка-золотого гребешка из русских сказок, видимо, связывался для Блока также со "Сказкой о золотом петушке" (1834) Пушкина.

Вон стоит он в углу, озаренный, // Из-под шапки таращит глаза... – В народных поверьях петух соотносится с домовым, а также с огненным змеем. "Сожжением избы мстит домовой свои обиды (...) Он редко показывается человеку, и большею частью бывает это перед каким-нибудь несчастьем, чтобы предостеречь хозяев" (*Афанасьев*, 2. С. 71). Петух старше семи (или пяти) лет может снести яйцо, из которого родится огненный змей (*Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 96; *Афанасьев*, 1. С. 532). Змей является только женщинам, чаще всего в образе отсутствующих или умерших мужей. Ср. зафиксированный С.В. Максимовым рассказ орловской крестьянки, возможно, отразившийся в образной структуре стихотворения: "Умер у меня старик, а я и давай тосковать: места себе не нахожу. (...) Вот ночью сижу у окна и тоскую. Вдруг, как осветит: подумала я пожар – вышла на двор. Гляжу, а старик покойник стоит передо мной: шляпа черная, высокая (...)" (*Максимов С. С.* 220).

...Робко съезжился маленький труп... – Возможно, отголосок сказки Ф. Сологуба "Белые, серые, черные и красные", также содержавшей аллюзии на революционные события (параллель отмечена Д.Е. Максимовым в статье "Александр Блок и революция 1905 года", с. 268). По сюжету сказки домовые пытаются образумить капризного мальчика Кисыньку, причем, белые, серые и черные домовые успеха не достигают: "...пришли красные. Как с цепи сорвались, кричат, визжат, беснуются. Зажженные Кисынькины спички подхватывают, к занавескам на окнах их приставляют. Начался тут пожар, весь дом сгорел, и уже после пожара вытащили Кисынькины обгорелые косточки" (*ВЖ.* 1905. № 9. С. 216).

"МИЛЫЙ БРАТ! ЗАВЕЧЕРЕЛО..."

(С. 71)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₅*. Л. 14–15 ("Боре", "Брату"), "13 января" (над текстом, под первым заглавием), текст рукой Л.Д. Блок, заглавия и дата рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 85 ("Боре"), "13 января 1906" (опубл.: *Блок и Белый*. С. 169–170, факсимиле – между С. 192–193); *АС – НР П₂*. Л. 123 ("О несказанном", "Брату"), "1906, январь. Ст. Ланская Финл(яндской) ж.д.", текст рукой Л.Д. Блок, заглавия, эпиграф, первая строка, дата и помета под текстом рукой Блока.

Впервые: *Корабли: Сборник стихов и прозы*. М., [1907]. С. 103–104 ("Брату"), 1-е в цикле "Три стихотворения".

Публикации: *ЗС*. С. 19–20 ("О несказанном"), "1906 г. Январь", в разд. "Подруга светлая"; *П₂*. С. 129–131 ("Брату"), "1906, январь, Ст. Ланская Финл. ж.д.", в разд. "Нечаянная Радость"; *П₃*. С. 74 ("Меж двумя стенами бора..."), "Ст. Ланская, Финл. ж.д.", в разд. "Разные стихотворения"; *П₄*. С. 103–104; *П₅*. С. 85–86.

В *БА РГБ* подпись под текстом: "Саша"; сверху справа нумерация рукой Блока: "№ 6".

В *П₃* стихотворение напечатано в сокращенном виде – без двух первых и без двух последних четверостиший. Правка была проведена в *РЭ П₂*: первые две строфы и заглавие перечеркнуты, у ст. 1–4 на полях – вопросительный знак; последние две строфы также перечеркнуты, у ст. 33–36 на полях – вопросительный знак, датировка исправлена на: "13 января"; остальной текст (ст. 9–28) отчеркнут на полях и отмечен вопросительным знаком; над зачеркнутым текстом вписано название раздела: "Разные стихотв(орения)".

Окончательный текст – *П₄*.

Стихотворение обращено к Андрею Белому и навеяно в первую очередь переживаниями встреч с ним в Петербурге в январе – начале февраля 1905 г. (ср. первоначальное заглавие: "Боре"). Во время этого петербургского пребывания Белого, по его собственному признанию, между ним и Блоком "в последний раз (...) была тишина и гармония, никогда уже больше не появлявшаяся до периода (...) встреч после 1910 года"; общение это было проникнуто "ласковым душевным уютом с мечтами о мистереии" (*Воспоминания*, 1. С. 307). Позднее, после размолвки летом 1905 г. в Шахматове и осложнения отношений в октябре того же года (см.: *Блок и Белый*. С. 141–142, 155–160; *Орлов Вл.* Пути и судьбы: Литературные очерки. Л., 1971. С. 547–548, 690–691), во время очередного приезда Белого в Петербург в декабре 1905 г. оба поэта проявили стремление к внутреннему примирению и восстановлению прежней, интимной гармонии в отношениях. Это нашло отражение в их декабрьской переписке (*Блок и Белый*. С. 161–166), принявшей подчеркнuto экзальтированный характер. Образный строй переписки, в которой Белый и Блок пытались воскресить переживания бывшего духовного братства, непосредственным образом отразился в стихотворении. Это относится в первую очередь к письму Блока от 26 декабря 1905 г., являющемуся своего рода конспектом и "программой" будущего поэтического текста: "Милый Боря. Родной мой и близкий брат, мы с Тобой чудесно близки, и некуда друг от друга удалиться, и одинаково на нас падает белый мягкий снег, и бледное лиловое небо над нами. Это бывает на лесной поляне у железной дороги, а на краю лилового неба зеленая искра семафора между двух еловых стен. (...) Я Тебя полюбил навсегда спокойной и уверенной любовью, самой нежной, неотступной; и полюбил все, что Ты любишь, и никогда Тебя не покину и не забуду". Ср. письмо Блока Белому от 30 декабря 1905 г.: «...Ты первый и единственный, показавший мне, что такое *братское*: что это не есть совместное, но истерическое захлебыванье "глубинами", которые быстро мелеют, и не литературное подмигиванье, – а тишина и безмолвная помощь». В той же тональности выдержаны и письма Белого к Блоку: "Я все больше, все больше, все глубже Тебя люблю. (...) Любил всегда, но не чувствовал такой близости, как теперь" (вторая половина декабря 1905 г.); "Неизгладимо, *вечно я – Твой* (...) всегда буду с *Тобой*, мой *истинный брат*" (26 декабря 1905); "Милый, хорошо было получить Твое письмо: такое тихое, такое ясное. Ясности, ясности не нужно забывать никогда. (...) Люблю музыку метелей. Ты – метельный" (28 декабря 1905), и т.д. (*Блок и Белый*. С. 163–165).

Блок выслал Белому автограф стихотворения ("Боре") 14 или 15 января 1906 г. (*Блок и Белый*. С. 169–170), без какого-либо сопроводительного текста, с подписью: "Саша"; тем самым стихотворное послание включалось в контекст их переписки. В ответ Белый писал Блоку 17 января: "Милый брат, дорогое, нежное, прекрасное дыхание Твоего стихотворения, посвященного мне, радостно осветило мне 2 дня. Вместо утомления (у меня было много дел) чувствовалась легкая радость. За что мне такое счастье, что у меня есть *такой брат и такая сестра*? Милый Саша, чувствую себя незаслуженно счастливым. На дворе снежная буря. В зорях – весна. В замыслах – полет. И это от Твоего стихотворения. Милый брат, Ясный Ты. (...) И потянуло на Финский залив, и потянуло к Тебе, в безмолвие, в неизреченность" (*Блок и Белый*. С. 170–171). В письме к Блоку от 26 января 1906 г. Белый вновь возвращается к той же теме: "Письмо Твое со стихами наполнило мне душу сладкою трелью. *Стихи твои удивительны*" (*Блок и Белый*. С. 172). О связях между стихотворением и темами переписки Блока и Белого см.: *Магомедова Д.М.* Переписка как целостный текст и источник сюжета (На материале переписки Блока и Андрея Белого, 1903–1908 гг.) // *Динамическая поэтика. От замысла к воплощению*. М., 1990. С. 254–257.

По воспоминаниям В.И. Стражева, Блок в декабре 1906 г. читал это стихотворение, в числе других, в Москве на квартире Н.Е. Пояркова (*Воспоминания*, 2. С. 43).

В рецензии на сборник "Корабли", где было опубликовано стихотворение, критик Анат. Бурнакин процитировал его в доказательство того, что якобы "А. Блок, умеющий изредка давать красивые образы, высказывает себя здесь импотентом образа" ("Белый камень". Альманах первый. М., 1907. С. 123).

Милый брат! Завечерело. – Обращение, употребляемое и ранее в стихотворных посланиях Блока к Белому (ср., например, в стих. "Так. Я знал. И ты задул..." (1903): "Милый друг!" – т. 1 наст. изд.), в данном случае навеяно стилем их общения и переписки в декабре 1905 – январе 1906 г. Ср., например, письмо Белого Блоку (декабрь 1905 г.): "Саша, брат мой пред лицом Вечности. У меня не было *друга-брата*. Будь им. (...) Узнал в Тебе завещанного брата мне. Будь, будь всегда образом, заплетенным зорей, милый брат мой (...) Вижу, лик Твой близко склонился ко мне, а плечи уж тонут в гаснущем блеске вечера. *Мой вечерний брат*: воистину Ты брат – всегда им будешь для меня (...)" (*Блок и Белый*. С. 161–162). Сакральный мотив "вечера", как излюбленной поры для мистических созерцаний, – один из основных в лирике Блока первого тома.

...Соннокая прошла и след. – Образ, соотнесенный с женским персонажем первого тома лирики Блока и объединяющий мифопоэтические мотивы природы, "Девы-Зари" и "спящей красавицы" (см. т. 1 наст. изд.).

Перед нами – семафора // Зеленеет огонек. – Согласно помете в нескольких публикациях (*П₂, П₃*), Блок конкретно имел в виду станцию Ланская – ближайшую к Петербургу по Финляндской железной дороге на тогдашней северной окраине города, – в излюбленном им районе пешеходных прогулок. Ср. воспоминания С.М. Городецкого: "Я жил в Лесном. Блок умел и любил гулять в лесу, на окраинах. Мы ходили (...) через Удельный парк, к Озеркам, зеленый семафор горел на алой заре" (*Воспоминания*, 1. С. 330).

Небо – в зареве лиловом, // Свет лиловый на снегах... – Образные построения, характерные для ранней лирики, Блок подает в данном случае в новой тональности, присущей его мировосприятию середины 1900-х годов. Андрей Белый подчеркивал впоследствии, что "*серо-лилово-зеленое* есть выражение мира души" Блока, отразившейся в стихотворениях второго тома (*Белый*, 3. С. 206).

Словно мы – в пространстве новом, // Словно – в новых временах. – Образы восходят к Апокалипсису ("И увидел я новое небо и новую землю" – XXI.1; "время близко" – I.3; "времени уже не будет" – X.6) и – непосредственным образом – к произведениям Андрея Белого. Во 2-й "симфонии" (исключительно высоко оцененной Блоком) Возлюбленная героя говорит: "10. Когда не будет времен, будет то, что заменит времена. 11. Будет и то, что заменит пространства. 12. Это будут *новые времена* и *новые пространства*" (*Белый А. Симфония* (2-я, драматическая). М., [1902]. С. 141); в статье Белого "Луг зеленый" те же эсхатологические настроения объединяются с национальной идеей: "Верю в Россию. Она – будет. Мы – будем. Будут люди. Будут новые времена и новые пространства" (Весы. 1905. № 8. С. 15). Любопытно, что позднее Белый воспринимал эти образы как сугубо блоковские, соотнося их с настоящим стихотворением (в частности, в романе "Серебряный голубь" (1909), на что обратил внимание Блок в письме к матери от 1 апр. 1910 г.; см. об этом: *Турков А.* Александр Блок. М., 1969. С. 229; *Топоров В.Н.* К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века: Блок – Жуковский: проблема реминисценций // *Russian*

literature. 1977. Vol. 5. № 4. С. 357–358). Ср. в воспоминаниях Белого о Блоке характеристику Шахматова летом 1904 г. как «некоего мира, где мы себя ощущали "будто мы в пространствах новых, будто в новых временах"» (*Воспоминания*, 1. С. 290).

Скоро Финского залива // Нам откроется страна. – Белый отозвался на эти строки в письме к Блоку, написанном между 17 и 23 января 1906 г.: "Ласковая волна прилетела. Плеснуло в лицо Финским Заливом – морем" (*Блок и Белый*. С. 171). В "Воспоминаниях о Блоке", процитировав эту и следующую строфу, Белый пояснил: "Стихотворение – память о наших прогулках" (*Белый*, 3. С. 142).

...И какие гаснут зори... – Образ зорь – один из важнейших в мироощущении и творчестве Белого и Блока первой половины 1900-х годов – воскресает и в их переписке, предшествовавшей написанию стихотворения; ср. в письме Белого (декабрь 1905 г.): "Одинок в одних снах мы увидели зори. И зори снова в закат вечный соткались" (*Блок и Белый*. С. 161). В интимную мистерию "зорь" была посвящена и Л.Д. Блок, писавшая Белому (после 15 июня 1905 г.): "...часто буду (...) призывать для Вас всей моей силой тихие закаты" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 225).

Возвратясь, уютно ляжем ~ Все, что видели, сестре. – "Сестра" – Л.Д. Блок. В "Воспоминаниях о Блоке" Белый писал о характере отношений, сложившихся у него в 1905 г. с семьей Блоков: «...Л.Д. Блок двинулась в наше общенье с А.А. (...) взяла ноту – в трио; но брала ее только "меж нами"; с А.А. удалялись en deux, а с Л.Д. я никогда не имел разговоров (...)»; процитировав далее две заключительные строфы настоящего стихотворения, Белый пояснил их: "Любовь Дмитриевна: стиль быта втроем" (*Белый*, 3. С. 141–142). В другой редакции воспоминаний о Блоке Белый уточняет: "Л.Д. говорила мало: в нашей триаде, в узоре наших взаимных отношений она была гармонизирующим фоном. Она аккомпанировала понимающим молчанием нашим словам и подводила как бы итог всему тому, что происходило между нами. Она была как бы носительницей того целого, что объединяло дружбою нас троих (...)» (*Воспоминания*, 1. С. 244). М.А. Бекетова в дневниковой записи от 27 июня 1906 г. свидетельствует, что Андрей Белый намеревался подготовить издание своих "симфоний" с посвящением "Сестре и другу Л.Д.Б." (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 617).

Тихо встанет с кресел... – Бытовая деталь, характеризующая общение Белого, Блока и Л.Д. Блок в 1905 г.; ср. воспоминания Белого: "Я сажился на диван (...) А.А. сажился в кресло перед столом, а выходявшая к нам Л.Д. очень часто забиралась с ногами на кресло около окна, и начинались наши молчаливые многочасовые сидения, где разговора-то, собственно, не было, где он был лишь случайными гребешками пены какого-то непрерывного душевного журчания струй (...)» (*Воспоминания*, 1. С. 302).

"Будь весел". – Эта фраза – заключительная в письме Белого к Блоку от 6 января 1906 г.: "Христос с Тобой, мой брат. Будь весел" (*Блок и Белый*. С. 169). В "Воспоминаниях о Блоке" Белый писал о Л.Д. Блок: «...выразил отношение к ней А.А. в стихотворных строках: как вернувшихся братьев с прогулки встречает – "сестра" (...) И она говорила "будь весел" в молчании, каждому. Жив ее образ в пурпурном каком-то домашнем капоте, – у занавески окна; за окном – розовеют снега; луч зари освещает лицо ее, молодое, цветущее; розовый солнечный зайчик ложится на головку; она – улыбается нам" (*Белый*, 1. С. 205; ср.: *Воспоминания*, 1. С. 244–245).

За окном лежат снега. – Образ "снега", связанный в первой половине 1900-х годов с представлениями о тишине, ясности, ласковости, "кроткой беспредметности" (см. письмо Белого к Блоку от 25 июня 1905 г. – *Блок и Белый*. С. 135–136), – один из основных в эзотерическом языке общения поэтов, отразившийся и в их переписке.

Подпись "Снег" имеют письма Белого к Блоку от 3 или 4 марта 1905 г. (Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 105), от 24 февраля и 27 декабря 1905 г. (*Блок и Белый*. С. 80–81 (вклейка), 165). Образ "Снега" возникает и в письмах Блока к Белому – от 19 февраля 1905 г. ("... помню, что с вокзала приехал Снег, а не Ты"), от начала апреля 1905 г. («Идет "снег" ежедневно, но иногда начинает идти Снег») и от 8 января 1906 г. ("...будет особенно хорошо и легко одному думать и смотреть на снег").

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС) – из стих. Вл. С. Соловьева "У себя" ("Дождались меня белые ночи...", 1899). Под "потерей", о которой говорится в эпиграфе, в данном случае подразумевается временный разрыв взаимоотношений Блока и Белого и прекращение переписки (с начала мая 1908 г.).

"ТЫ ПРИДЕШЬ И ОБНИМЕШЬ..."

(С. 72)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₁₁*. Л. 15, 65 об. – 66; *ЧА – ЗК₁₂*. Л. 9 об. (ст. (9–12) опубл.: *СПТ*. С. 521); *БА – Т₃*. Л. 15 об., "24 января (набросано весной 1905 г.)"; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 16; *АС – НР II₂*. Л. 132, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *П₁*. С. 144, в разд. "Нечаянная Радость".

Публикации: *П₂*. С. 137, в разд. "Нечаянная Радость"; *П₃*. С. 75, в разд. "Разные стихотворения"; *П₄*. С. 105; *П₅*. С. 87.

При подготовке *П₃* Блок первоначально предполагал перенести стихотворение в разд. "Арфы и скрипки". В *РЭ П₂* – пометы над текстом: "[Арфы и скрипки] Р(азные) С(тихотворения)"; под текстом дата: "24 янв(аря) 1906".

Окончательный текст – *П₂* (*НР П₂*).

...Встречу новой земле. // В новом небе... – Библейские и новозаветные образы: "Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце" (Книга пророка Исаии. LXV. 17); "Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда" (Второе соборное послание св. апостола Петра. III. 13); "И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет" (Откр. св. Иоанна Богослова. XXI. 1).

...забудем, // Что прошло – навсегда. – Ср. в четвертом стихотворении из цикла Ф. Сологуба "Звезда Маир" (1898): "Я все земное позабуду". "Звезду Маир" и некоторые другие стихотворения Сологуба – "Если трудно мне жить, если больно дышать..." (1898), "Любовью легкою играя..." (1901) и др. (см.: *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1975. С. 217–219, 225–226, 248 (Б-ка поэта, большая серия)) – объединяет со стихотворением Блока родство образов возлюбленной и смерти.

..."Вот еще звезда". – Образ соотносится с библейскими звездными знаменами: с вифлеемской звездой, явившейся знамением рождения Иисуса (Мф. II. 2, 7, 9, 10), звездой, возвещающей разрушение Иерусалима: "И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение..." (Лк. XXI. 25), – а также с апокалипсической "звездой утренней" (II. 28) – символом грядущего Иисуса Христа: "Я есмь (...) звезда светлая и утренняя" (Откр. св. Иоанна Богослова. XXII. 16). Герой 2-й "симфонии" Андрея Белого "московский мистик" Сергей Мусатов возвещает о новом появлении вифлеемской звезды: "Приблизилось... Опять возвратилось... Началось..."

⟨...⟩ Ныне она вновь нам светит!" (*Белый А.* Симфония (2-я, драматическая). М., [1902]. С. 178). Возможно, что образ звезды в стихотворении соотносился также для Блока с рассказом Е.П. Иванова о прогулке по городу, зафиксированным в его дневнике (10 января 1906 г.): «Когда шел в театр по Екатерининскому каналу ⟨...⟩ то у парадной двери увидел по небу летела громадная звезда, как ангел, и сыпались из нее искры. Долго летела от моря, переливаясь в зеленоватых цветах "яркая". И кто-то шел рядом со мною, фабричный рабочий. Я сказал "О!" и указал пальцем на звезду, а он в ответ тоже "О!" и больше ничего не сказал, но звезда породнила» (*БС-1*. С. 399).

"МЫ ПОДОШЛИ – И ВОДЫ СИНИЕ..."

(С. 72)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₁₁*. Л. 50 об.; *ЧА – ЗК₁₂*. Л. 10; *БАП – Т₄*. Л. 76, "Наброс(ано) летом 1905. Оконч(ено) 25 янв(аря) 1906"; *АС – НР II₂*. Л. 110, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Литературное приложение к № 389 газ. "Слово". 1906. № 3. 20 февр. С. 2.

Публикации: *II₁*. С. 123, в разд. "Покорность"; *II₂*. С. 116, в разд. "Покорность"; *II₄*. С. 106; *II₅*. С. 87.

При подготовке *II₃* стихотворение было изъято из сборника (в *РЭ II₂* перечеркнуто карандашом).

Окончательный текст – *II₄*.

В рецензии на "Нечаянную Радость" Андрей Белый, приведя заключительную строфу стихотворения, вопрошал: "Откуда этот стон у сказителя полей, зовущего нас к полевому Христу, колдуну, да к попикам черным?" (Перевал. 1907. № 4. Февр. С. 60).

...*Как две расплеснутых стены.* – Библейская реминисценция: перед Моисеем, исполняющим божественную волю, расступились воды Чермного моря: "И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону" (Исх. XIV. 22).

И вот – вдали белеет скиния... – Скиния – здесь: храм; устар. – святилище, священное место; в Ветхом Завете скиния – походный переносный храм, который был у древних евреев до постройки храма в Иерусалиме (Исх. XXV–XXVII). В сознании Блока скиния связывалась, безусловно, прежде всего с образом нового "небесного" Иерусалима в Апокалипсисе: "И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними (...)" (Откр. св. Иоанна Богослова. XXI. 3). Ср. также строку из стих. Блока "Мы истомились в безмерности..." (1902): "Вот он – белеющий храм!..."

...*звения кимвалами...* – Кимвал – древний ударный музыкальный инструмент, состоявший из двух медных тарелок или чаш. В употреблении Блока восходит, возможно, к формуле из Нового Завета: "Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий" (Первое послание к Коринфянам св. апостола Павла. XIII, 1).

...*Бредем, печальные рабы.* – Ср. первую строку стих. 1901 г.: "Мы, два старца, бредем одинокие" (т. 1 наст. изд.).

ВЕРБОЧКИ

("Мальчики да девочки...")

(С. 73)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₅*. Л. 16 ("1. Вербная Суббота"), над текстом – общее заглавие цикла: "Для букваря (4 стих(отворения) 1–10 февраля)" (опубл. – факсимиле: *СС – 12₂*. С. 75), другие стихотворения цикла: "Летний вечер", "Зима", "Ветхая избушка..."; *АС – НР II₂*. Л. 34, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Тропинка. 1906, № 6. 15 марта. С. 308 ("Вербная Суббота").

Публикации: *II₁*. С. 35, в разд. "Детское"; *II₂*. С. 25, в разд. "Детское"; *Тернавцев В.* Наука слова: Первая книга для занятий родным языком. М., 1912. С. 56 ("Вербная суббота"), без указания имени автора; "Утренняя звезда". Сборник стихов для отрочества. Стихи по выбору Н. Тамамшевой и С. Тамамшевой. СПб., [1912]. С. 21; *ВВ*. С. 334; Мирок. 1913. № 4. С. 104; *II₃*. С. 76, в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 107; *II₅*. С. 88.

При подготовке к публикации стихотворение было сокращено (изъяты две строфы, к которым Блок сделал приписку в *Т₅*: "не синодально" (опубл.: *НС*. С. 158–159). В *РЭ II₂* – карандашные пометы – над текстом: "Дети", под текстом: "Февр. 1905".

Окончательный текст – *II₃*.

В примечаниях В.Н. Орлова указано, что стихотворение "предназначалось для детского букваря, готовившегося по заказу церковного ведомства (Святейшего Синода)" (*СС-8₂*. С. 404). Однако для букваря "Наша жизнь" Блок выслал тексты (собственное стих. "Летнее утро" ("Тяжко нам было под вьюгами...") и три стих. А.А. Кублицкой-Пиоттх) В.А. Тернавцеву вместе с письмом, датированным 13 октября 1904 г. (*ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 55), – задолго до написания "Вербочек" (см.: *Корсаков Р. [Иванов-Разумник]*. Стихи А. Блока для детей // *Детская литература*. 1940. № 11–12. С. 80–81). Очевидно, либо заказ "для букваря" был повторным и не отразился в сохранившейся переписке Блока и других документах, либо авторская помета "Для букваря" (*Т₅*) подразумевала лишь предназначение цикла стихотворений для детского чтения. Не исключено, что "Вербочки" – и, возможно, три других стихотворения, объединенных в "детский" цикл ("Летний вечер" ("Учитель"), "Зима" ("Снег да снег") и "Ветхая избушка"), – были написаны Блоком специально для детского журнала "Тропинка", по предложению редактора журнала П.С. Соловьевой ("Ветхая избушка", как и "Вербочки", была впервые опубликована в "Тропинке"); ср. письмо П.С. Соловьевой к Блоку от 31 октября 1906 г. с просьбой дать стихи для рождественского номера "Тропинки" (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 408). Другие стихотворения цикла "Для букваря" в "канонический" свод поэзии Блоком не были включены.

Блок включил стихотворение в план издания несостоявшегося сборника "Для детей", датированный 19 августа 1918 г. (*Т₉*; см.: *Корсаков Р. [Иванов-Разумник]*. Стихи А. Блока для детей. С. 79).

В стихотворении идет речь о праздновании вербной недели, которая традиционно связывается с началом весны. Вербная неделя – праздник, имеющий особое значение для детей: "На вербной неделе в столицах учреждены детские базары, где торгуют преимущественно детскими игрушками, вербами, цветами и сладями, как бы в ознаменование того, что маленькие дети встретили весну своей жизни и должны радоваться в этой жизни (...)" (*Забылин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 48). В Вербное воскресенье (за неделю до

Пасхи, в шестой воскресный день Великого поста) на утреннем богослужении молящиеся держат в руках ветви вербы (символическая замена пальмовых ветвей, которыми народ иудейский встретил Иисуса Христа, вошедшего в Иерусалим за пять дней до своей крестной смерти, – Ин. XII. 12, 13). Ветви вербы, освященные в вербное воскресенье, в народе обычно сохранялись за образами в течение целого года. Вербная суббота (канун вербного воскресенья) – праздник воскрешения Лазаря, служащий и символом оживления природы. Ср. стихотворение "Вербная суббота" (1903) (т. 1 наст. изд.).

Мальчики да девочки... – Такой же стих – в стих. Блока для детей "Веселимся, кружимся..." (осень 1904).

ИВАНОВА НОЧЬ

("Мы выйдем в сад с тобою, скромной...")

(С. 73)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₅*. Л. 20 об. – 21, "12 февраля", текст рукой Л.Д. Блок, дата рукой Блока; *АС – НР II₂*. Л. 66, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *II₁*. С. 63–64, в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*. С. 58–59, в разд. "Отравы"; *II₃*. С. 77, в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 108–109; *II₅*. С. 88–89.

При подготовке *II₃* стихотворение было существенно переработано и сокращено (карандашная правка в *РЭ II₂*; над текстом помета: "Р(азные) Ст(ихотворения)"; под текстом: "12 февраля 1906"). В *II₄* Блок восстановил первоначальную редакцию текста.

Окончательный текст – *II₂*.

Иванова ночь – ночь с 24 на 25 июня (с 6 на 7 июля н. ст.). 24 июня – праздник рожества Иоанна Предтечи, совпадающий с народным празднеством Купалы, имеющим языческие корни и приуроченным к летнему солнцестоянию. Праздник сопровождается разнообразными обрядами (возжигание огней, пляска, прыжки через огонь, сбор целебных трав, купанье и др.). См.: *Забывлин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 66–79. Ср. стих. Блока "Накануне Иванова дня..." (24 июня 1899 г.). Согласно народным поверьям, "Иванова ночь исполнена чудесного и таинственного значения: в эту ночь источники и реки мгновенно превращаются в чистое серебро и золото, папоротник расцветает огненным цветом, подземные сокровища выходят наружу и загораются пламенем, деревья движутся и ведут между собой шумную беседу, ведьмы и нечистые духи собираются на лысой горе и предаются там неистовому гульбищу" (*Афанасьев, З.* С. 719).

...*Искать купальские огни.* – Вечером в день праздника Ивана Купала было принято разводить костры, служившие символическим знаменем знойного летнего солнца. «"Ивановы огни" зажигаются под открытым небом на площадях, полях и горных возвышениях; в некоторых областях принято, чтобы священник благословлял возженное пламя, и до тех пор, пока оно продолжает гореть, народ молится Богу»; "...как только огонь вспыхнет – тотчас же вся толпа оживляется и запекает радостные песни. Девы в праздничных нарядах, опоясанные чернобыльником и душистыми травами, с цветочными венками на головах, и холостые юноши схватываются попарно за руки и прыгают через разведенное пламя {...}" (*Там же.* С. 710, 715).

...Пусть вспыхнет папоротник серый... – По сказочному народному поверью, в Иванову ночь расцветает папоротник и своим огненным сиянием освещает местность; сорванный цветок дает возможность его обладателю открывать клады и получать богатство. "...Цветок этот красуется одно краткое мгновение: не успеешь глазом мигнуть, как он блеснет и исчезнет! (...) На смельчака, который решается овладеть этим цветком, нечистая сила наводит непробудный сон или силится оковать его страхом; едва сорвет он цветок, как вдруг земля заколеблется под его ногами, раздадутся удары грома, заблестает молния, завоют ветры, послышатся неистовые крики, стрельба, дьявольский хохот (...) Сорвавши цветок, надо сжать его в руке крепко-накрепко и бежать домой без оглядки (...)"; "Цветок этот отмыкает все замки и двери (...), открывает погреба, кладовые, казнохранилища и обнаруживает подземные клады (...) Кто владеет чудесным цветком, тот видит все, что кроется в недрах земли: темная земная кора кажется ему прозрачною, словно стекло" (*Афанасьев*, 2. С. 379–380, 382–383). Поверье о цветении папоротника в Иванову ночь легло в основу сюжета повести Н.В. Гоголя "Вечер накануне Ивана Купала" (1829), безусловно, хорошо известной Блоку.

...Упоена в волшебстве этом... – Примечание Блока в *П₂*: «"В волшебстве этом" – музыкальное сочетание слов из стихотворения Фета». Видимо, подразумевается строка из стих. "О.М. Соловьевой" (1884), в которой слово "волшебство" имеет ударение на втором слоге: "И кисть твоя волшебством разгадала // Язык цветов и сердца тайный зов" (*Фет А.А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 530 (Б-ка поэта, большая серия)). Обращенность стихотворения Фета к О.М. Соловьевой делало его особенно близким Блоку (об отношениях Блока и Соловьевой см.: т. 1, с. 449 наст. изд.; *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 222–227, 308; Кн. 3. С. 168–182, 186–194).

...Захочет в небе изнемочь... – Ср. стих. Тютчева "Как неожиданно и ярко..." (1865): "Она полнеба обхватила // И в высоте изнемогла". Рифмовка "изнемочь: ночь", возможно, – отзвук поэмы В.Я. Брюсова "Замкнутые", где рифмуются строки: "От свободы на миг изнемочь" – "Пока полновластна ночь" (*Брюсов В.* *Urbi et orbi*. Стихи 1900–1903 гг. М., [1903]. С. 177).

...снидешь // Еще в иные небеса. – Образ "нижнего неба", видимо, связан с символикой "нижней бездны" ("бездны тела", стихией земного, чувственного) у Д.С. Мережковского; ср. его стих. "Двойная бездна" (1901).

Миг!.. – Отзвук поэтической философии "мигов", вбирающих в себя высшие переживания бытия (страсти, творчества и т.д.), которую исповедовали "старшие" символисты, и прежде всего К.Д. Бальмонт.

СОЛЬВЕЙГ

("Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...")

(С. 74)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₅*. Л. 21 об.–22 об., "20 февраля", текст рукой Л.Д. Блок, посвящение, вписанное позднее, – рукой Блока; *БА – ИРЛИ*. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 56. "Весна 1906" (подпись под текстом: "Александр Блок"); *АС – НР П₂*. Л. 7–8, рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Понедельники газеты "Слово". 1906. № 10, 17 апр. С. 2, без посвящения. Номер газеты в продажу не поступил. Текст описывается по экземпляру, присланному И.Ф. Анненским И.А. Шляпкину (*ИРЛИ*. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 672).

Публикации: *П₁*. С. 3–4, в разд. "Весеннее"; *П₂*. С. 1–2, в разд. "Весеннее"; *П₄*. С. 110–111; *П₅*. С. 89–90.

При подготовке *П₃* стихотворение было изъято из сборника (в *РЭ П₂* текст подчеркнут карандашом, на полях вопросительный знак, под текстом дата: "20 февраля 1906").

Окончательный текст – *П₄*.

В примечаниях к *П₂* Блок указал: "Драматической поэмой Ибсена навеяны и женский образ Сольвейг и другие образы этого стихотворения". Сольвейг – героиня драматической поэмы норвежского писателя Генрика Ибсена (1828–1906) "Пер Гюнт" ("Peer Gynt", 1866), крестьянская девушка, возлюбленная главного героя; ее образ – воплощение высоких духовно-нравственных качеств и поэтичности. См.: *Шарыкин Д.М.* Блок и Ибсен // Скандинавский сборник. VI. Таллин, 1963. С. 163–165.

Стихотворение открывало первые два издания второй книги стихов Блока ("Нечаянная Радость" – *П₁*, *П₂*), задавая ей эмоциональную тональность. Подразумеваемая в первую очередь образный строй "Сольвейг", С. Городецкий позднее писал о "Нечаянной Радости": "Все же эта книга остается единственной книгой радости Блока. (...) Реакция убила его Сольвейг и от музыки зеленого леса привела его к арфам и скрипкам цыганского оркестра" (*Воспоминания*, 1. С. 330–331). В критике стихотворение воспринималось также как одно из ключевых для понимания новых поэтических настроений Блока. В статье "Поэзия Александра Блока" Петр Верховенский (Н.Я. Абрамович) подробно характеризует стихотворение, выделяя образ Сольвейг как новую ипостась лирической героини Блока: "Поэт открывает простор лазури земной девушке, Сольвейг. (...) Опьянение, радость, разгул весеннего прилива – ликует в звонких строках. (...) Среди сосновых стволов и хвойного воздуха – такая гармония с весенней девушкой и так радостно встречать ее под лучами солнца, падающими на лес и землю. И странно вернуться отсюда к мучительному надрыву города (...) Облик грезящего аскета-лирика преобразается, когда грудь его дышит весной и солнечный воздух обвеваает голову. Земля, на которой он стоит между деревьями, поит его земной доброй силой. И вот – вместо сонного лирического томления – в руках его звонкий топор (...) Едва после зимней спячки блеснул поэту зеленый глаз Сольвейг, как он прорубает уже в лесу простор и открывает для себя бесконечные дали. Ибо в этих синих даях земли и неба – путь к Ней" (Новый день. 1909. № 4. 10 авг.; тот же текст с небольшими стилистическими изменениями) – в статье Н.Я. Абрамовича «"Прекрасная Дама" Ал. Блока» в изд.: Женщина. Литературно-художественный альманах. М., 1910. Кн. 2. С. 135–136).

Посвящение. – *Городецкий Сергей Митрофанович* (1884–1967) – поэт, товарищ Блока по университету; постоянно дружески общался с ним в 1904–1906 гг. (подробнее о его отношениях с Блоком см.: Переписка (А.А. Блока) с А.А. и С.М. Городецкими / Вступ. ст. и публ. В.П. Енишерлова; Комментар. В.П. Енишерлова и Р.Д. Тименчика // *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 5–62). Первую книгу Городецкого "Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические" (СПб., 1907) Блок в письме к матери от 21 декабря 1906 г. определил как "м(ожет) б(ыть), величайшую из современных книг". Посвящением "Сольвейг" Городецкому Блок стремился подчеркнуть созвучие этого стихотворения творчеству и мироощущению автора "Яри". В статье "Краски и слова" (1905) Блок привел целиком стих. Городецкого "Зной", сопроводив его примечанием: "Я думаю, что и во всей русской поэзии очень заметно стремление к разрыву с отвлеченным и к союзу с конкретным, воплощенным. Освежительнее духов запах живого цветка". "Все можно нарисовать – воздух, озеро, камыш и небо, – писал далее Блок в этой же связи. – Все понятия конкретны, и их достаточно для выражения первоэданности идеи, блеснувшей сразу" (СС-85. С. 21). Стремление к "красочности и конкретности словаря" характерно

и для "Сольвейг". Скандинавская тематика "Сольвейг" обнаруживает аналогии в "северных" стихах Городецкого, вошедших в "Ярь" (в частности, в стихотворениях на мотивы финского фольклора); ср., например, "Юхано":

Гладь озерная недвижна, берега как пояса.
Едет Юхано на лодке, с лодкой движется леса.
Нету милой, нет любимой, где ты девушка-краса!

(Городецкий С. Ярь. С. 67)

В письме к Блоку от 28 июня 1906 г. Городецкий, касаясь вопроса о поэтическом будущем Блока, упомянул "Сольвейг" как свидетельство неисчерпанности его художественной индивидуальности: «...часто встречаешь такую мысль: Блок = Блок, Б = б, где Б – потенция, а б – совершение. Я всегда сражался против этой формулы и приводил свою: Б = б + X, т.е. что совершение далеко не исчерпало потенции. Этот X еще мелькает искорками (Сольвейг), но несомненность его очевидна. Он мне представляется громадным, сосновым, с запахом смолы, и в предчувствии этого запаха – тайное оправдание заглавия "Нечаянная радость"» (ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 28). См.: Лавров А.В. Из комментариев к стихотворению А. Блока. 3. "Сольвейг" и Сергей Городецкий // Russian Studies. 1995. Т. I. № 4. С. 120–123.

Стихотворение (и посвящение к нему) вызвало глумливый отзыв Литературного Старовера (А.А. Коринфского): «Автор, признавая его (Городецкого. – Ред.) если не "богоравным", то, по меньшей мере – "блоко-равным", благодушно делит между ним и собой вселенную:

Это небо – твое,
Это небо – мое!»

(В дебрях и тундрах современной литературы.
XXVI // Голос правды. 1907. № 405. 8 февр.)

Эпиграф. – Ремарка из III действия драматической поэмы "Пер Гюнт": "С о л ь в е й г прибегает на лыжах; на голову наброшен платок, в руках узелок" (Ибсен Г. Полн. собр. соч. / Пер. А. и П. Ганзен. М.: Изд. С. Скирмунта, [1905]. Т. 4. С. 98).

Жил я в бедной и темной избушке моей... – Сюжетный мотив драмы Ибсена: Пер Гюнт, лишенный по приговору суда двора и земли, поселился в одиночестве в лесной избушке (действие III).

...Я топор широко размахнул! // Я смеюсь и крушу вековую сосну... – Первая сцена III действия драмы Ибсена изображает Пера Гюнта, который "в глубине бора" "рубит строевой лес": ремарка, сопровождающая монолог героя: "подрубая огромную старую сосну с узловатыми ветвями" (Там же. С. 92). Ср. слова Пера Гюнта во II действии:

Мять, крутить, водопад запрудить!
Бить! С корнями выдергивать сосны!
Это – жизнь! Закалит хоть кого!
К черту выдумки, глупые сказки!

(Там же. С. 67)

Приведенный фрагмент, цитированный в очерке А. и П. Ганзен "Жизнь и литературная деятельность Генрика Ибсена" (Там же. С. 148), отчеркнут Блоком в его экземпляре книги (см.: Шарынкин Д.М. Блок и Ибсен. С. 164–165; ББО-1. С. 288). Возможно, что в строках Блока – также отзвук первого стихотворения Городецкого из цикла "Ярила": "Отточили кремневый топор"; "Ему первый удар // В белый ствол" (Городецкий С. Ярь. С. 23). Вл. Пяст свидетельствует, что, когда Городецкий читал "Ярилу", "Блок похваливал стихи" (Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 71).

...Я встречаю невесту – весну! – Ср. второе стихотворение из цикла "Тар" С. Городецкого ("Для тебя, мой лазоревый Тар, // Приняла я людскую красу"):

И вот жрицей бездомной слыву
И встречаю людскую весну. (...)
Голубую весной зажжено
Мое сердце, пылающий дар.

(Городецкий С. Ярь. С. 36–37)

Пусть над новой избой // Будет свод голубой... – В III действии драматической поэмы Ибсена Пер Гюнт рубит избушку в лесу; после встречи с Сольвейг он восклицает:

Моя царевна! Я ее нашел!
Завоевал! Так для нее теперь
Дворец, ее достойный, строить буду!

(Ибсен Г. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 100)

Символическое значение рубки леса – путь к солнцу.

Ты пришла и светло... – Ср. реплику Пера Гюнта:

О Сольвейг! Дай тобой полюбоваться!.. (...)
Какая же ты светлая!

(Там же. С. 99)

Под моим топором, распевая хвалы, // Раскачнулись в лазури стволы! – Ср. в статье "Краски и слова" (1905): "...сами собой упадут и без топора сухие стволы" (СС-85, С. 24). Образ топора связан для Блока в 1905–1906 гг. с амбивалентной символикой разрушения-созидания; ср. стих. "Я вам поведал неземное..."

"ТЫ БЫЛ ОСЫПАН ЗВЕЗДНЫМ ЦВЕТОМ..."

(С. 75)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₂. Л. 23 об. – 24 ("Гансу Гюнтеру"), "19 марта 1906" (над текстом); АС – Т₅. Л. 22 об. – 23, "18-го марта", текст рукой Л.Д. Блок; АС – НР II₂. Л. 62 ("An Hans Guenther", с припиской Блока: "как заглавие"), "1906. Весна", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: II₁. С. 75–76 ("An Hans Guenther"), "1906. Весна", в разд. "Магическое".

Публикации: II₂. С. 55–56 ("An Hans Guenther"), "1906. Весна", в разд. "Отравы"; II₄. С. 112; II₅. С. 91.

Окончательный текст – II₄.

В.Я. Брюсов отметил стихотворение как характерное для поэтического стиля Блока. В принадлежавшем ему экземпляре II₁ он записал на полях текста стихотворения (с. 75): "Больше драматург, чем лирик"; "Обычай говорить: Она – ее, или он – его, или они – их, не называя ничто именно. Такой дешевый способ создает таинственности, когда в самом деле темнота. Прочти два-три раза, все поймешь, а стихи оказались отнюдь не таинственными" (Пуришева К. Библиотека Валерия Брюсова // ЛН. Т. 27–28. М., 1937. С. 671).

Посвящение. – Иоганнес (Ганс) фон Гюнтер (Guenther, 1886–1973) – немецкий поэт, переводчик русской литературы. Гюнтеру принадлежат первые переводы Блока на

немецкий язык (1905; отд. изд. – Alexander Block. *Gesammelte Dichtungen*. München, 1947. 512 S.) и монография о нем (*Guenther J. von. Der Versuch einer Darstellung*. München, 1943. 95 S.). Гюнтер вступил в переписку с Блоком в сентябре 1905 г., сообщив Блоку тексты переведенных им стихотворений (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 237; см. письмо Андрея Белого от начала сентября 1905 г. и письма Блока Белому от 9 и 22 сентября 1905 г. – *Блок и Белый*. С. 139–140). Личное знакомство Гюнтера и Блока относится к марту 1906 г. "В 1906 году приезжал из Митавы молодой немецкий поэт Ганс Гюнтер, талантливый юноша. Он читал и свои стихи, и переводы некоторых стихов Блока, в которых поразительно уловил ритм и дух поэта. Это один из лучших переводчиков его стихов" (*Бекетова I*. С. 99). 29 марта 1906 г. Л.Д. Блок сообщила Андрею Белому: "В Петербурге теперь Ганс Гюнтер, оказался не таким, как думали, и очень хороший, 19 лет ему, умный. (...) Саша его очень полюбил" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 242); Блок, упоминая в письме к Белому от 4 апреля 1906 г. о Гюнтере, прибавлял: "Он – очень хороший". Подробнее о взаимоотношениях Блока и Гюнтера см. в комментариях А.Е. Парниса к дарственным надписям Блока Гюнтеру (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 59–62), а также в воспоминаниях Гюнтера (*Guenther J. von. Ein Leben im Ostwind / Zwischen Petersburg und München*. München, 1969); Иоганнес фон Гюнтер и его "Воспоминания" / Ст., публ., прим. и пер. К.М. Азадовского // *ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 330–361).

Стихотворение написано непосредственно после первых личных встреч Блока и Гюнтера; ср. дневниковые записи – Е.П. Иванова (17 марта 1906 г., о посещении квартиры Блоков): "...пришел И.Г. Гюнтер – переводчик Сашин на немецкий язык" (*БС-1*. С. 401), М.А. Бекетовой (19 марта 1906 г.): "Вчера (...) у наших было двое Ивановых (...) и Гюнтер (поэт немец из Митавы, переводчик Сашуриных и иных русских стихов). (...) Гюнтер читал много своих стихов и переводов" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 615). Свой первый визит к Блоку Гюнтер подробно описал в воспоминаниях (*Ein Leben im Ostwind*. S. 110–113). Рукопись стихотворения, обращенного к Гюнтеру, Блок передал немецкому поэту несколько дней спустя. Гюнтер вспоминает: "Александр Александрович (...) попросил меня сесть и сказал, что приготовил для меня сюрприз. А потом прочитал обращенное ко мне стихотворение. Прекрасное стихотворение, выстраданное, идущее из глубины. Оно касалось того, о чем мы говорили и спорили в прошлый раз: видение Люцифера – падшего ангела, принявшего земные черты. Во время своего первого визита я высказал Блоку – быть может, несколько раздраженно – подозрение в том, что он сам считает себя воплощением ангела из Люциферова воинства. Блок ответил загадочно: над этим нельзя смеяться, нас еще мало. И вот своим стихотворением (...) Блок, раскрывая смысл некоторых так называемых тайных знаков, сам вовлек меня в это воинство. Смущенно улыбаясь, он протянул мне стихотворение. Я был восхищен и ошеломлен. Это было своего рода признание в дружбе, но к чему оно обязывало меня? Ведь я и без того был его последователем, он вовлек меня в *свое* воинство" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 5. С. 342).

...Ее торжественной весны... – "Весна" – устойчивый образ-символ, характеризующий лирическую героиню первого тома стихотворений Блока (то же – "заря").

Открылось небо над тобою... – Ср. апокалипсический образ "отверстого неба" (Откр. св. Иоанна Богослова. XIX. 11).

...очарованье доцвело... – Ср. в стих. Ф.И. Тютчева "О, как убийственно мы любим..." (1851): "Очарование ушло...". Мотив цветения в сочетании с "небесными" образами развивается также в посвященном Гансу Гюнтеру стихотворении С.М. Горюдецкого "Рассвет":

Ты отошел в кривые тени,
А на челе небес взошла
Передрасветных откровений
Чуть зацветающая мгла.

И целомудренные чаши
Вздывают чуткие цветы,
Сиянья утреннего краше,
Ясней лазурной высоты.

(Городецкий С. Перун: Стихотворения лирические
и лиро-эпические. СПб., 1907. С. 17)

...И в нимбе пепельном чело. – Возможно, подразумевается пепел от сгоревшего венка (ср. ниже: "Венцом запретного пути"). Блок не только включает Гюнтера в свой интимный круг, но и приписывает ему собственную эволюцию от "весны" и "очарования" к "падению" и люциферическому "запретному пути".

Склоняясь на цвет полуувядший... – Ср.: "Склоняясь низко к моей груди, // Ты печальна, мой вешний цвет" ("Стою у власти, душой одиноко...", 1902 – т. 1 наст. изд.).

...В двойные, нежные черты. – Начало двойственности, игра "двойными" двоящимися образами – отличительная черта блоковского "люциферианства"; ср. в стих. "Фиолетовый запад гнетет..." (1904): "Каждый душу разбил пополам // И поставил двойные законы". Е.П. Иванов записал 25 янв. 1905 г.: «Мысль Ал. Блока о двоеверии большая, очень большая мысль. Но это не в прежнем смысле раздвоения двоеверного в историческом совмещении языческого и христианского. Нет, чувствуется нечто новое. Какая-то "новая красота" (...) Исторически небо выдвигает правду этой "красоты", которая ни от богов и ангелов, ни от дьявола и бесов, а от странного образа Демона, ибо Демон не дьявол и не ангел, а до времени ожесточенный, омраченный человек (...)» (БС-1. С. 390).

...Венцом запретного пути. // Так, – не забудь в венце из терний... – Люциферический "венце запретного пути" здесь "кощунственно" соединяется с терновым венцом – символом мученичества Христа.

...Расширенных и светлых глаз. – Ср. в стих. "Твое лицо бледней, чем было..." (март 1906) – о комете – падшей звезде: "И этот взор – не меньше светел, // Чем был в туманных высотах!".

"ПРОШЛИ ГОДА, НО ТЫ — ВСЕ ТА ЖЕ..."

(С. 76)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₂. Л. 32–31 об., "30 мая 1906"; АС – Т₆. Л. 21, "Сентябрь (прежнее)", датировка позднее исправлена: "Стих(отворение) написано 30 V 1906", текст рукой Л.Д. Блок, датировки – автограф; БА – ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1369. Л. 4, подпись под текстом: "Александр Блок"; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 43; Кор. – НР III₁. Л. 88, "1906" (дата-автограф).

Впервые: ТП. 1907. № 12. С. 32, без эпиграфа и без деления на строфы.

Публикации: ЗС. С. 28. ("Прошли года..."), в разд. "Подруга светлая"; III₁. С. 167. "1906", в разд. "Родина"; III₂. С. 219, в разд. "Родина"; IV. С. 113; II₅. С. 92.

Окончательный текст – II₄.

В III₁ стихотворение сопровождается авторским примечанием (с. 194): «"Про - ш л и г о д а". "Те баснословные года" – слова Тютчева».

Эпиграф – первые две строки стихотворения Ф.И. Тютчева (1861).

А я – склонен над грудой книжной, // Высокий, сгорбленный старик ~ Смотрю на твой спокойный лик. – Образ старика как одной из ипостасей лирического героя Блока характеризуется в комментарии к стих. "Старик" (1902) (т. 1 наст. изд.). Ср. стих. "Когда я стал дряхлеть и стынуть..." (1903): "Какой-то образ, прежде милый, // Мне снится в старческом бреду" (т. 1 наст. изд.); ср. также вариант чернового автографа этого же стихотворения:

Певец каких-то откровений,
Я, умирающий старик,
Едва сгибающий колени,
Создатель безрассудных книг.

(т. 1 наст. изд.)

Да. Нас года не изменили и след. – Строки включают автополемику по отношению к стих. "Старик" и "Когда я стал дряхлеть и стынуть...", тема которых – разуверение в "юношеском сне".

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

("Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во мгле...")

(С. 76)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА₁* и *ЧА₂* – *ЗК₁₂*. Л. 22–18 об.; *АСП* – *Т₅*. Л. 26 об. – 27 об., "17 августа", текст рукой Л.Д. Блок, правка рукой Блока; *БА* – *Собр. В.Н. Орлова*, "17 августа 1906. Шахматово", подпись под текстом: "Александр Блок" (опубл. факсимиле: *Письма жене*. С. 197–198); *АС* – *НР II₂*. Л. 75–75 об., текст рукой Л.Д. Блок, рукой Блока – заглавие, эпиграф, ст. 1, ст. 7–8 (вписаны), даты: "[1906]", "17 августа 1906 года".

Впервые: *ТП*. 1907. № 6. С. 14–15, без заглавия и без деления на строфы.

Публикации: *ЗС*. С. 15–16, "1906 г. 17 августа", в разд. "Подруга светлая"; *II₂*. С. 69–70, "17 августа 1906 года", в разд. "Перстень-Страданье"; *II₃*. С. 79–80, "17 августа 1906 года", в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 114–115, "17 августа 1906 года"; *II₅*. С. 92–94.

В первом варианте чернового автографа – другая редакция текста, существенно отличающаяся от его второго варианта, близкого к окончательному.

При первой публикации сокращено на одно двустишие; при повторной (*ЗС*), где впервые появляется заглавие, а также эпиграф из Вл. Соловьева, – дополнительно на пять двустиший. Текст восстановлен в полном объеме и приближен к основному в *II₂* (эпиграф вычеркнут в *НР II₂*). Повторное сокращение и правка осуществлены Блоком при подготовке *II₃*: в РЭ *II₂* помета на полях "переделать"; сняты пять двустиший. Вновь текст восстановлен в полном объеме в *II₄*.

Окончательный текст – *II₄*.

Стихотворение было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ)*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Написано в третью годовщину свадьбы Блока и обращено к его жене; ср. заглавие "Любе" (*БА Собр. В.Н. Орлова*), а также позднейшую дневниковую запись М.А. Бекетовой (15 февраля 1907 г.) о матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух, которая считает, "что Люба – Сашин Ангел-Хранитель" (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 622*). Сокращения, которые делал Блок в тексте при различных его публикациях, в основном касались интимно-личных, автобиографических мотивов. Стихотворение отражает драматическую психологическую ситуацию, сложившуюся в семье Блока в 1906 г., когда, по признанию Л.Д. Блок, ее жизнь с мужем "была уже совсем расшатанной" (*Воспоминания. 1. С. 172*), и этот внутренний разлад усугублялся сложными, мучительными отношениями с Андреем Белым. Последний в "Воспоминаниях о Блоке" отмечал, ссылаясь на "Ангела-Хранителя": "А.А. (...) переживал тяжелейшее лето; в нем сказывалось противление против тем, привлекавших недавно его (...)" (*Белый, 3. С. 184*). Андрей Белый указывал и на связь глубоко личных переживаний, отразившихся в стихотворении, с социальными мотивами, с чувством жгучей неудовлетворенности общественной жизнью России; в "Ангеле-Хранителе", по мнению Белого, проявилась блоковская «тяга к "народу"»: "То – его выступление (*от порога: в революцию*)" (*Там же. С. 243–244*). О том, что стихотворение вызывало актуальные ассоциации и связывалось с событиями революции, свидетельствует и белгая дневниковая запись Е.П. Иванова (27 августа 1906 г.): «"Отдать все" кольца – Соц. демокр. См. 17 авг. Стихи» (*БС-1. С. 409*; под "стихами 17-го августа" подразумевается "Ангел-Хранитель"); в записи Иванова знаки расставлены нечетко, и цитированную запись можно прочесть иначе: "Отдать все, кольца – Соц. демокр(атам)" (*Максимов Д.Е. Александр Блок и революция 1905 года // Революция 1905 года и русская литература. М.; Л., 1956. С. 265*).

После первой публикации стихотворение подверглось цензурному преследованию. В газетной заметке "Привлечение поэта-декадента по 129 ст." сообщалось:

«В июньской книжке журнала "Трудовой путь" помещено было, между прочим, стихотворение поэта-декадента Александра Блока "Люблю тебя, Ангел-Хранитель".

В стихотворении этот поэт, объясняя, за что он любит "Ангела-Хранителя", – говорит: "за то, что хочу и не смею убить".

Это дало повод главному управлению по делам печати возбудить преследование против редактора журнала Ельцина (Р.С. Ельциной), по 4 п. 129 ст., т.е. за возбуждение к тяжким и преступным деяниям.

Дело передано в судебную палату, а июньский номер "Трудового пути" конфискован» (*БВ. 1907. № 10005. 19 июля, веч. вып.*).

11 июля 1907 г. цензор Н.В. Лебедев представил в комитет по делам печати обстоятельный доклад с разбором вышедшего 6-го номера "Трудового пути" (*ЦГИА. Ф. 776. Оп. 9. Дело 836*), в котором, указывая, что почти весь материал журнала "проникнут в большей или меньшей степени революционной тенденцией", отмечал, что в трех публикациях "тенденция эта выражается с наибольшею по сравнению с другими статьями ясностью, придавая им явно агитационный характер": "В этом отношении прежде всего обращает на себя внимание помещенное на 14–15 стр. книжки стихотворение. Автор его – г. Александр Блок, обращаясь к своей возлюбленной, между прочим, говорит, что он хотел бы, но не смеет убить". Цензор характеризует стихотворение как "воспевающее, в сущности, хотя и в несколько туманной форме, политическое убийство" и предлагает на этом основании (а также на основании публикации рассказов "Ночь" А.С. Грина и "Квартира" В.В. Башкина) возбудить судебное преследование против редактора "Трудового пути" и наложить арест на 6-й номер журнала. Доклад цензора послужил основанием для соответствующих санкций со стороны Петербургского комитета по делам печати и

Судебной палаты; конфисковать удалось, однако, лишь незначительную часть тиража журнала (*Кирилкин А. [Конечный А.М.]*. Свидетельствует документ. Цензурная история стихотворения А. Блока "Ангел-Хранитель" // Лит. обозрение. 1980. № 11. С. 112; ср.: *Цехновицер О.В.* Символизм и царская цензура // Учен. зап. Ленинградского ун-та. Сер. филол. наук. Вып. 11. Л., 1941. С. 293–294).

"Ангел-Хранитель" несет следы воздействия стихотворения Н.А. Некрасова "Я за то глубоко презираю себя..." (1846) – в тематическом (идея самоосуждения), грамматико-интонационном (лексико-синтаксическая анафора: "Я за то..." – у Некрасова, "За то, что..." – у Блока) и метрико-строфическом отношении (четырёхстопный трехсложный размер с мужскими окончаниями, парной рифмовкой и строфическим делением на двустушия). См.: *Орлов Вл.* Александр Блок: Очерк творчества. М., 1956. С. 96; *Он же.* "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 74; *Скатов Н.* Некрасов: Современники и продолжатели. Л., 1973. С. 268–269; *Он же.* Литературные очерки. М., 1985. С. 299. Кроме того, в блоковском тексте обнаруживаются аналогии со стихотворением немецкого поэта Райнера Мария Рильке (1875–1926) "Ангел-Хранитель" ("Der Schutzengel", 1899), напечатанном в его "Книге образов" ("Das Buch der Bilder", 1902), с которой Блок, возможно, познакомился летом 1906 г. (см.: *Небольсин С.А.* Об одном событии в лирике А. Блока // Революция 1905–1907 годов и литература. М., 1978. С. 101–102). Сопоставление двух "Ангелов-Хранителей" позволяет сделать вывод, что стихотворение Рильке имеет черты сходства с лирикой Блока до 1905 г.: «...сохраняя в своем "Ангеле-Хранителе" определенные следы немецкого "первоисточника" и былых непотревоженно-соловьевских гармоний юности, Блок уходит от этих образов и дает Рильке необычайно выразительный ответ» (*Там же.* С. 110). В то же время отмечалось, что проведенное С.А. Небольсиным сопоставление блоковского "Ангела-Хранителя" с одноименным стихотворением Рильке «не может служить доказательством знакомства Блока с немецким "первоисточником"» (*Азадовский К.М.* Райнер Мария Рильке и Александр Блок (Предварительные заметки) // Русская литература. 1991. № 2. С. 148).

А.С. Бухов в статье "Поэт страдальческой мысли" расценил стихотворение как "месть покорности", которая "иногда вспыхивает с удвоенной силой" (*Бухов.* С. 24).

За то, что не любишь того, что люблю. // За то, что о нищих и бедных скорблю. – Ср. у Некрасова:

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,
Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
Я брожу дикарем – бесприютен и сир (...)

За то, что я слаб и смириться готов, // Что предки мои – поколение рабов... – Реминисценция из Некрасова:

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! –
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб (...)
("Я за то глубоко презираю себя..." 1846)

...И эта рука не поднимет ножа... – Реминисценция из Некрасова: "А хватаясь за нож – замирает рука!"

Но люблю я тебя и за слабость мою, // За горькую долю и силу твою. – В статье "Об Александре Блоке", содержащей мемуарные сведения, Е.Ф. Книпович, касаясь стих. "Ангел-Хранитель", отмечает: «К себе Блок здесь (как всегда!) несправедлив. Но сила Любви Дмитриевны была огромна. И вошла она в жизнь Блока и его семьи как

сознательная разрушительница "бекетовского". "Яд нежности", такое воспитание чувств, которое делает человека беззащитным перед грубыми прикосновениями реальной жизни, замкнутость сознания в кругу семейных традиций и отношений, прошлое – пусть милое и благородное, которое подавляет настоящее, – все это "бекетовское" было не только враждебным ей, но и – по ее ощущению – препятствием на пути (прямом пути!) ее мужа» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 28).

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС) – заключительная строка стих. Вл.С. Соловьева "Я добился свободы желанной..." (1892).

Кого я душой – не рукою убью... (ЧА ЗК₁₂, Т₅, БА Собр. В.Н. Орлова) – Ср. заключительные строки стих. К.Д. Бальмонта "Воля" ("Неужели же я буду так зависеть от людей...", 1902), вошедшего в его кн. "Будем как солнце" (1903):

Но согрею ль я другого, или я его убью,
Неизменной сохраню я душу вольную мою.

(Северные цветы на 1902 г. М., 1902. С. 150)

"ЕСТЬ ЛУЧШЕ И ХУЖЕ МЕНЯ..."

(С. 77)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 28, рукой Л.Д. Блок; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 3, третье в подборке "Четыре стихотворения" (вместе со стих. "Не мани меня ты, воля...", "Все тихо на светлом лице...", "Улица, улица..."); БА – ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 1 (подпись: "Александр Блок").

Впервые: ЦО. С. 105 ("Завет"), в цикле "Пред ликом твоим".

Публикации: Знамя труда. 1918. № 2. С.11; П₄. С. 116; П₅. С. 94.

Окончательный текст – П₄.

В стихотворении отразились следы воздействия идейно-эстетической системы книги В.Я. Брюсова "Urbi et orbi" (М., [1903]): представления о множественности истин в мире, утверждение индивидуалистической свободы самовыражения (см. вступит. статью З.Г. Минц к переписке Блока и Брюсова – *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 472).

...И много людей и богов... – Ср. стих. Брюсова "Я" (1899): "Я все мечты люблю, мне дороги все речи, // И всем богам я посвящаю стих"; "З.Н. Гиппиус" (1901): "И все моря, все пристани // Люблю, люблю равно". Утверждение Блока полемично по отношению к прежней системе его мифопоэтических ценностей: «Если исчез *один* образ, к которому сводилось "все бытие и сущее", то остался релятивный в своей сущности мир, наполненный *множеством* людей» (Минц, 1. С. 63).

Я буду смотреть на Зарю // Лишь с теми, кого люблю. – Отзвук мистических созерцаний и чаяний "Заря", роднивших с Андреем Белым и другими московскими "аргонавтами" (см. коммент. к циклу "Молитвы" – т. 1 наст. изд.); ограничительная формула блоковского высказывания в этом случае намекала на отмежевание от былого "аргонавтического" братства.

Другие редакции и варианты

Заглавие: *Завет* (ЦО). – Заглавие подчеркивает программный характер стихотворения и отсылает к столь же программному стих. Брюсова "Юному поэту" (1896): "Юноша бледный со взором горящим, // Ныне даю я тебе три завета". В сборнике

Брюсова "Me eum esse. Новая книга стихов" (М., 1897) этим стихотворением открывается раздел, озаглавленный: "Заветы".

"ШЛЕЙФ, ЗАБРЫЗГАННЫЙ ЗВЕЗДАМИ..."

(С. 78)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₁₂. Л. 26 об. – 27 (приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 155); *АС* – *Т*₃. Л. 32–32 об. ("Деве Млечного Пути"), "Сентябрь", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие вписано Блоком; *АС* – *НР* *II*₂. Л. 45, текст рукой Л.Д. Блок, рукой Блока: заглавие "Деве Млечного Пути", ст. 1, дата "1906" (заглавие и дата позднее зачеркнуты).

Впервые: *Корабли: Сборник стихов и прозы*. М., [1907]. С. 105–106 ("Деве Млечного Пути"), в цикле "Три стихотворения".

Публикации: *ЗС*. С. 115, "1906", в разд. "Послания", второе в цикле "Незнакомке" (1-е в цикле – "Твое лицо бледней, чем было...", 3-е – "В час глухой разлуки с морем..."); *II*₂. С. 39–40, в разд. "Магическое"; *II*₃. С. 85, в разд. "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 117; *II*₅. С. 95.

В *РЭ II*₂ под текстом проставлена дата: "Сентябрь 1906".

Окончательный текст – *II*₄.

В статье "О современном состоянии русского символизма" (1910) Блок процитировал 1-ю строфу стихотворения как характерный пример своего творчества периода "антитезы". Многими образами и мотивами ("шлейф", "костер", "круженье", "факел-кубок" и др.) стихотворение предвосхищает образно-стилевую систему лирики Блока 1907 г., воплотившуюся в "Снежной Маске" и "Файне". В контексте "Снежной Маски" стихотворение было воспринято и критикой; в частности, в рецензии на альманах "Корабли" (где оно было опубликовано) Борис Группильон (Б.М. Попов), приведя 1-ю строфу стихотворения, писал: «В жутком холоде Снежной Маски, "меж землей и небесами" заснула душа Блока. (...) Перед Блоком громадное будущее. Каково оно – скажет завтра» (*ВМИ*. 1907. № 6. 15 апр. С. 31). Противоположную, скептическую оценку стихотворению позднее дал С.К. Маковский: "Некий иносказательный смысл мерещится, как будто (...), но до чего искусственна и тут словесная ткань!" (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". Мюнхен. 1962. С. 163).

В.И. Стражев свидетельствует, что Блок в декабре 1906 г. читал это стихотворение в числе других в Москве на квартире Н.Е. Пояркова (*Воспоминания*, 2. С. 43).

Шлейф, забрызганный звездами... – Ср. в стих. "Твое лицо бледней, чем было..." (март 1906): "И шлейф влачишь, как та звезда!".

...*Синий, синий, синий взор.* – "Синий взор" – устойчивый атрибут женских образов лирики Блока, навеянных К.М. Садовской (ср. позднейшие цикл "Через двенадцать лет", стих. "Посещение"; см.: *Минц*, 4. С. 23). М.А. Бекетова в черновых заметках о Блоке заключает, приводя цитируемую строку, что это «загадочное стихотвор(ение), предвещающее "Сн(ежную) Маску"», было связано в сознании поэта с воспоминаниями о К.М. Садовской (*ИРЛИ*. Ф. 462. Ед. хр. 12. Л. 227 об.; ср.: Письма А.А. Блока К.М. Садовской / Публ. Л.В. Жаравиной // *БС*-2. С. 315). О "ночном" колорите символики синего цвета у Блока см. в коммент. к стих. "Царица смотрела заставки..." (т. 1. наст. изд.). Возможно, что в стихотворении отразились впечатления от живописи

М.А. Врубеля, в частности – от его картины "Царевна Лебедь" (1899, Гос. Третьяковская галерея); репродукция с этой картины висела в библиотеке шахматовского дома (см.: *Долгинский М.З.* Искусство и Александр Блок. М., 1985. С. 12, 22; *Альфонсов В.* Слова и краски: Очерки из истории творческих связей поэтов и художников. М.; Л., 1966. С. 11–88).

...*Вихрем поднятый костер.* – Ср. черновой стихотворный набросок начала 1906 г.: "И опять с вершины кинуть // Искрометный свой костер" (*СС-124*. С. 276). Образ "костра" характеризует и лирическую героиню стих. "Прискакала дикой степью..." (1905).

Жизнь и смерть в круженье вечном... – "Дионисийский" мотив, восходящий к лирике Вяч. Иванова; ср. о Дионисе в его стихотворении "Тишина": "объят в круженье зыбком" (*Иванов Вяч.* Кормчие звезды: Книга лирики. СПб., 1903. С. 344). Ср.: *Минц Э.Г.* А. Блок и В. Иванов // Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Тарту, 1982. С. 105 (*УЗ ТГУ*. Вып. 604).

...*Вся – в шелках тугих – // Ты – путям открыта млечным...* – Ср.: "И лживый блеск созвездий милых // Под черным шелком узнаю!" ("Твое лицо бледней, чем было..."); "Ее упругие шелка..." ("Незнакомка", апрель 1906); "Поднялась стезею млечной..." ("Ночь", ноябрь 1904).

Пали душные туманы. – Ср.: "И вместе пали за туманом" ("Твое лицо бледней, чем было...").

...*Факел-кубок в руки мне дала.* – В пору создания стихотворения образ факела имел в кругу петербургских модернистов специфический оттенок значения, являясь своего рода объединяющим их знаком, символом связи новейших эстетических исканий с духом общественного обновления; в 1906 г. вынашивались проекты символистского театра "Факелы", был выпущен в свет одноименный альманах. Для "факельного" пафоса были характерны дух освобождения, "стихийные", оптимистические мотивы. Ср. дифирамб Вяч. Иванова "Огненосцы" (опубликованный в 1906 г. в первом альманахе "Факелы"); "Пылайте, Факелы, // Знамена вольных!" (*Иванов Вяч.* *Cor ardens*. М., 1911. Ч. 1. С. 25). В ироническом свете эти мотивы отражаются в эпизоде "факельного шествия" в пьесе Блока "Балаганчик" (январь 1906).

Кубок-факел брошу в купол синий – // Расплеснется млечный путь. – Вероятная реминисценция стих. Л.Д. Семенова "В божнице" ("Заливается смехом царица...", 1904); "Прозвенели два брошенных кубка, // разлился их серебряный звон". В этом же стих. – "звездные" мотивы: "Разрываются звездные сети – // на заре тают в небе огни" (*Семенов Л.* Собрание стихотворений. СПб., 1905. С. 22).

...*Шлейф кометы развернуть.* – Об образе кометы у Блока и его истоках см. коммент. к стих. "Твое лицо бледней, чем было...".

Дай серебряных коснуться складок... – Эпитет "серебряный" имеет у Блока природно-"космическую" тональность, ср. "сребро-звездный снег" в стих. "Ты придешь и обнимешь..." (январь 1906).

Другие редакции и варианты

Заглавие: *Деве Млечного Пути (Т₅; альм. "Корабли")*. – В определении лирической героини совмещаются признаки, характерные для женского образа первого тома стихотворений Блока ("Дева" – "Закатная, таинственная Дева", "Дева, Заря, Купина"; ср. у Вл. Соловьева: "Дева Радужных Ворот"; см. т. 1 наст. изд.), с "ночными" ("демоническими") чертами; "звездный" колорит объединяет "небесные" мотивы ранней лирики с новой темой "падшей звезды".

РУСЬ

("Ты и во сне необычайна...")

(С. 79)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₁₄. Л. 17–20 (факсимиле л. 17 – *ЗК*–1930. С. 35), "24 сент(ября)" (над текстом); *АС* – *Т*₅. Л. 32 об. – 34, "Сентябрь", рукой Л.Д. Блок; *АСП* – *НР* *И*₂. Л. 121–121 об., текст рукой Л.Д. Блок, рукой Блока – заглавие, эпитафия, ст. 1, дата под текстом "1906" (зачеркнута), карандашная правка; печ. текст – *Изборник*. Л. 82 (текст *СП*).

Впервые: *ЗР*. 1907. № 6. С. 22–23.

Публикации: *ЗС*. С. 33–34, в разд. "Подруга Светлая"; *И*₂. С. 127–128, в разд. "Нечаянная Радость"; *ИСТ*. С. 118–119; *СП*. С. 15–16; Россия в родных песнях / Стихотворения выбраны Ан. Чеботаревской. Пг., [1915]. С. 122–123 (*РПИ*); *И*₂. С. 220–221, в разд. "Родина"; *И*₄. С. 118–119. "1906"; *И*₅. С. 95–97.

При публикации в *ЗС* стихотворению был предпослан эпитафия из стих. Ф.И. Тютчева "Эти бедные селенья...". Эпитафия снят при подготовке *И*₂ (*НР* *И*₂). При подготовке *И*₂ была изъята 9-я строфа (в *РЭ* *И*₂ вычеркнуты ст. 33–36; под текстом вписана дата: "Сентябрь 1906"). В *И*₄ текст восстановлен в прежнем объеме.

Окончательный текст – *И*₄.

В стихотворении отразились мифопоэтические и фольклорные мотивы, почерпнутые в основном из исследовательской литературы, которую Блок использовал осенью 1906 г. при работе над статьей "Поэзия заговоров и заклинаний" (см.: *Померанцева Э.В.* Александр Блок и фольклор // *Русский фольклор: Материалы и исследования*. III. М.; Л., 1958. С. 208–210; *Кумпан К.А.* Заметки об источниках "Поэзии заговоров и заклинаний" // *БС*-5. С. 33–45). Ср. авторское примечание Блока к стих. в *И*₂: «Мутный взор колдуна, чарование злаков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом лезвие ножа на изменившего милого – все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний (см. мою статью "О заговорах и заклинаниях" в "Истории Русской Литературы", изд. "Мир", том I, "Народная Словесность", под редакцией проф. Е.В. Аничкова)».

З.Н. Гиппиус расценивала стихотворение как симптом, свидетельствующий о преодолении Блоком юношеской индивидуалистической замкнутости: «Теперь уже не шепчет Блоку его верная: "Я к людям не выйду навстречу"... Теперь она говорит ему другое. Еще неясное, еще невыразимое, сонное, но уже смутно-тревожное и яркое, – яркое и сквозь сон:

...Так я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Истинное величие – только в Реальности. А реальность только тогда реальна и божественна, когда она полна, когда бесстрашно вводят в нее все, казалось бы, противоречивое, все сны, грезы и мечты, все невозможное, как и возможное, влюбленность вместе со страстью, праздник рядом с буднями, порыв – рядом с черной работой» (*Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]*. Милая девушка // *Речь*. 1908. № 251. 19 окт.).

Ты и во сне необычайна ~ Дремлю – и за дремотой тайна. – Отзвук образного строя и рифмовки стих. Д.С. Мережковского "Сталь":

Твоя краса – необычайна,
О, темно-голубая сталь...
Твоя мерцающая тайна
Отраднa сердцу, как печаль.

(Мережковский Д.С. Собрание стихов
1883–1903 г. М., 1904. С. 57)

Та же рифмовка ("необычайна: тайна") – в стих. Мережковского "Двойная бездна" (Там же. С. 75). Ср.: Минц З.Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // БС-4. С. 218.

...И в тайне – ты почишь, Русь. – Мотив спящей царевны, ранее возникавший у Блока в связи с образом лирической героини, здесь предстает как составная часть мифопоэтического образа родины. В этом сказывается воздействие Андрея Белого, который в статье "Луг зеленый" уподоблял Россию "спящей Красавице, которую некогда разбудят ото сна": "Пелена черной Смерти в виде фабричной гари занавешивает просыпающуюся Россию, эту Красавицу, спавшую доселе глубоким сном. (...) Еще недавно Россия спала. (...) Россия уподоблялась символическому образу спящей пани Катерины, душу которой украл страшный колдун (...) В колоссальных образах Катерины и старого колдуна Гоголь бессмертно выразил томление спящей родины, – Красавицы, стоящей на распутье между механической мертвенностью запада и первобытной грубостью" (Весы. 1905. № 8. С. 7–8).

Русь, опоясана реками // И дебрями окружена... – Строки соотносятся с фрагментами из "Исторических очерков народного мирозерцания и суеверия" А.П. Щапова, посвященных описанию северной природы (см.: Кумпан К.А. Заметки об источниках "Поэзии заговоров и заклинаний" // БС-5. С. 42). Ср. также поэму И. Конеvского "Дебри" и строки из его стих. "В езде": "Величье дебрей самородных // Восстанет в рощенной красе" (Коневской Ив. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. М., 1904. С. 113).

...И с мутным взором колдуна... – Согласно народным представлениям, "колдун имеет мутный взгляд, свинцово-серое лицо, сросшиеся и напущенные брови, злую улыбку (...) взгляд свирепый исподлобья" (Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 213; ср.: Померанцева Э.В. Александр Блок и фольклор. С. 210); "Сильному колдуну довольно взглянуть своим недобрым косым взглядом, чтобы заставить чахнуть" (Максимов С. С. 115). Характеристики колдуна, данные в книге М. Забылина, вошли в статью "Поэзия заговоров и заклинаний": "Знахарь живет одиноко. У него есть особые приметы: мутный взор, свинцово-серое лицо, сросшиеся брови"; ср. там же: "...все лучи (...) радостей, горестей, утех и песен народных – незримо скрещиваются, как бы переплетаются, в одном лице колдуна. Он – таинственный носитель тех чар, которыми очарован быт народа; и такой очарованный быт становится каким-то иным, не обыденным, он светится магическим светом и страшен другому, ежедневному быту – свою противоположностью ему"; "Колдун – самодовлеющий законодатель своего мира; он создал этот мир и очаровал его (...)" (СС-8; С. 41, 43, 44). Помимо фольклорных источников, образ колдуна у Блока вызывал ассоциации также с героем повести Н.В. Гоголя "Страшная месть" (1831) – отцом пани Катерины, колдуном-чернокнижником – и с его интерпретацией в статье Андрея Белого "Луг зеленый". Ср.: Минц, З. С. 107–108.

...Где разноликие народы... – Определение, возможно, навеяно Блоку книгой его отца, А.Л. Блока, "Политическая литература в России и о России" (Варшава, 1884;

сохранился ее экземпляр с пометами Блока, см.: *ББО-1*. С. 86). В своей книге А.Л. Блок неоднократно отмечает, что отличительной особенностью России является ее "международный", "разноплеменный", "весьма разнородный", "инородческий" характер (С. 8–11, 21, 28, 35, 61, 86–88). См.: *Измаильская В.Д.* Проблема "Возмездия" // О Блоке. М., 1929. С. 82.

...Из края в край, из дола в дол... – Ср. начальные строки стих. Ф.И. Тютчева (1834–1836): "Из края в край, из града в град // Судьба, как вихрь, людей метет", – являющиеся, в свою очередь, вариацией на тему стих. Г. Гейне "Es treibt dich fort // von Ort zu Ort..." (1834; книга "Новые стихотворения"); в русском переводе М.Л. Михайлова: "Из края в край твоя путь лежит".

...Ведут ночные хороводы... – Ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний": "В селах девушки водят хороводы, тешатся играми, поют песни {...}" (СС-85. С. 43).

...Под заревом горящих сел. – Видимо, отзвук современных событий – крестьянских волнений, особенно усилившихся летом 1906 г. Андрей Белый, живший в это время в Дедове (неподалеку от Шахматова), вспоминает "полное грозями лето, когда по России ходила пожарами все охватывающая стихия крестьянских волнений" (*Белый, 3*. С. 174).

Где ведуны с ворожеями // Чаруют злаки на полях... – Ср.: «Вещие мужи и женки {...} объезжают с особенными обрядами поля, чтобы очистить их от вредных насекомых и гадюк; когда на хлебные растения нападет червь, то нарочно приглашенная знахарка три зори выходит в поле, нашептывает заклятия и делает при концах загонов узлы на колосьях: это называется "заламывать червей", т.е. преграждать им путь на зеленеющие нивы» (*Афанасьев, 3*. С. 439).

...И ведьмы тешатся с чертями // В дорожных снеговых столбах. – Одно из устойчивых народных поверий о нечистой силе: "На своих любимых местах (перекрестках и росстанях дорогах) черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске поднимают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями" (*Максимов С. С.* 8); кикиморы (шишиморы) также играют свадьбы "в то время, когда на проезжих дорогах вихри поднимают пыль столбом" (*Там же*. С. 62); "О крутящемся вихре крестьяне наши думают, что это вертится нечистый дух, что это – свадебная пляска, которой предается он вместе в ведьмоу. {...} Чтобы напугать путников, ведьма наредко превращается пыльным столбом и мчит к ним навстречу с неудержимою быстротою" (*Афанасьев, 3*. С. 448). Ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний": "В этом ветре, который крутится на дорогах, завивая снежные столбы, водится нечистая сила. {...} В вихревых столбах ведьмы и черти устраивают поганые пляски и свадьбы {...}" (СС-85. С. 38).

...И девушка на злого друга // Под снегом точит лезвее. – По народному поверью, чтобы прекратить вихревую пляску чертей и ведьм, "нужно, будто бы, в этот столб вьющейся пыли бросить нож с молитвою" (*Забылин М.* Русский народ... С. 402). Нож, как передает поверье Блок в "Поэзии заговоров и заклинаний", "втыкается в землю, – и поднявший его увидит, что нож окровавлен. Такой нож, "окровавленный вихрем", необходим для чар и заклятий любви, его широким лезвеем осторожно вырезают следы, оставленные молодичей на снегу"; ср. там же: "...стерегут недруга, точат широкий нож в снежной пыли" (СС-85. С. 38, 56). О специфическом характере использования Блоком этого фольклорного образа (придание чарованию зимнего колорита: "снежные столбы" вместо столбов пыли; вырезание следа может быть не только на снегу, но и на влажном песке, на земле, на утренней росе) и об исследовательских источниках, которыми он пользовался, см.: *Кумпан К.А.* Заметки об источниках "Поэзии заговоров и заклинаний" // *БС-5*. С. 40–41.

...И вихрь, свистящий в голых прутьях... – Ср. в стих. "Безрадостные всходят семена..." (1902): "Холодный ветер бьется в голых прутьях..." (т. 1 наст. изд.). Там же – рифмовка: "путьях: распустьях".

...Поет преданья старины... – Ср. у А.С. Пушкина: "Преданья старины глубокой" ("Руслан и Людмила". Песнь 1, 2-й ст.; песнь 6, заключит. ст.); "Преданья темной старины" ("Руслан и Людмила". Эпилог).

...Страны родимой нищету, // И в лоскутах ее лохмотий... – В этих строках сказывается традиция поэтического изображения России, восходящая к стих. Ф.И. Тютчева (1855): "Эти бедные селенья, // Эта скудная природа"; "Что сквозит и тайно светит // В нагоде твоей смиренной" (см.: Гудзий Н.К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. № 2. С. 523). О воздействии Тютчева на интерпретацию Блоком темы Руси см.: Дерман А. Об Александре Блоке // РМ. 1913. № 7. Отд. 2. С. 69–71. На Блока могли оказать воздействие также "Гимны Родине" Ф. Сологуба (1903; впервые: Новый Путь. 1904. № 3).

Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.

(Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1975. С. 282.

Б-ка поэта, большая серия)

И сам не понял, не измерил ~ В какого Бога страстно верил... – Отзвук четверостишия Ф.И. Тютчева 1866 г. (подчеркнутый тождеством глаголов, составляющих рифмовые пары): "Умом Россию не понять, // Аршином общим не измерить: // (...) В Россию можно только верить". См.: Петрова И.В. Блок и Тютчев // Вопр. истории и теории литературы. Вып. IV. Челябинск, 1968. С. 97.

...Первоначальной чистоты. – Ср. в стих. Пушкина "Возрождение" ("Художник-варвар кистью сонной..."): "...виденья // Первоначальных, чистых дней".

СЫН И МАТЬ

("Сын осеняется крестом...")

(С. 80)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН, ЧА – ЗК₁₄. Л. 31 об. – 33 об., "3–4 окт(ября)"; АСП – Т₅. Л. 35 об. – 37, "Октябрь", текст рукой Л.Д. Блок, карандашная правка и заглавие – рукой Блока; АС – НР II₂. Л. 37–37 об., "1906" (зачеркнуто), текст рукой Л.Д. Блок, рукой Блока – заглавие, посвящение (вписано карандашом), ст. 1, дата; БА, печ. текст – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 6–8, рукой Блока – заглавие, ст. 1–2, последние 4 стиха, остальной текст – печатный (II₂); печ. текст – Изборник. Л. 83.

Впервые: БН. С. 23–24, в цикле "Томления весны".

Публикации: ЗС. С. 101–102 ("Моей матери"), "1906", в разд. "Песня Судьбы", 1-е в цикле из двух стихотворений "Сын и мать" (2-е – "Я насадил мой светлый рай..."); II₂.

С. 27–28, в разд. "Детское"; *Сказки*. С. 6–8; Геркулес. 1914. № 23–24. 24 дек. С. 16; *ИЗ*. С. 88–89, в разд. "Разные стихотворения"; *ИЗ*. С. 120–121; *ИЗ*. С. 97–98.

В черновом и беловом автографах в записной книжке и тетради стихотворение представлено в первоначальной редакции, более пространной, чем его основной текст: вместо восьми четверостиший, опоясанных вступительным и заключительным двустушиями в основной редакции, в первоначальном тексте, соответственно, – восемь шестистиший (ст. (11–20), (33–38), (47–52) опубл.: *СПТ*. С. 521–522). Стихотворение переработано и сокращено при подготовке первой публикации, при этом строфы 3 и 4 изменены местами (в *T₅* перенумерованы красным карандашом). Текст первой публикации взят за основу при позднейшей перепечатке стихотворения в журн. "Геркулес" (осуществленной, по всей вероятности, без ведома Блока).

При повторной публикации в *ЗС* последовательность строф в стихотворении соответствует его основному тексту. Однако в *ИЗ* Блок переменял местами заключительное двустушие и предшествующее ему четверостишие, сделав его завершающим (соответственно заключительному шестистишию в первоначальной редакции в *T₅*). Дополнительные изменения были сделаны при включении стихотворения в сб. "Сказки" (*БА РГАЛИ*): изъята 2-я строфа (ст. 3–6), заключительное двустушие вновь переставлено в конец, а предшествующее ему четверостишие изъято и заменено двумя стихами из первоначальной редакции (не входившими более ни в одно издание).

Вновь к работе над стихотворением Блок вернулся в 1915 г., при подготовке *ИЗ*. В *РЭ* *ИЗ* вычеркнута 5-я строфа (ст. 15–18), заключительные ст. 31–36 размещены в последовательности, соответствующей основному тексту; под текстом дата: "Октябрь 1906"; справа от заглавия помета: "П(узыри) З(емли)" (т.е. Блок первоначально планировал включить стихотворение в *ИЗ* в раздел "Пузыри земли"). Над текстом – запись: "Оказывается, в то время я не умел выдерживать почти ни одного длинного стихотворения! (4 III 1915)". В сокращенном виде (без ст. 15–18) было напечатано в *ИЗ* и включено в макет "Изборника".

В *БН*, сб. "Сказки", журн. "Геркулес" печаталось без посвящения; в *ЗС* посвящение превращено в заглавие.

Окончательный текст – *ИЗ*.

В отзыве на книгу "Земля в снегу" (где стихотворение составляло вместе со стих. "Я насадил мой светлый рай..." цикл под общим заглавием "Сын и мать") С.М. Соловьев писал: «...настоящей жемчужиной книги являются два стихотворения "Сын и мать". Человечные стихи, глубокие, правдивые. Боль и слезы в стихах: "Сын не забыл родную мать, Сын возвратился умирать"» (Весы. 1908. № 10. С. 91).

В связи с включением стихотворения в сборник Блока для детей "Сказки" высказывались сомнения относительно правомерности этого (см.: *Ю.В. [Ю.Н. Верховский?]*. Детские стихи А. Блока // Русская молва. 1913. № 126. 19 апр.). Корреспондентка Блока Л.М. Сегаль писала ему в этой же связи (26 декабря 1913 г.): "Вы выбираете абсолютно неподходящие для детей стихи, калечите их (<...)" (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 396). "Детская" редакция стихотворения проанализирована Н.А. Павлович, которая пришла к выводу, что в переработанном виде "стихотворение делается тематически монолитным и более понятным для ребенка" (*Павлович Н.* Блок и детская литература // Детская литература. 1940. № 11–12. С. 75).

В стихотворении обнаруживаются аналогии со стих. Н.А. Некрасова "Орина, мать солдатская" (1863), выражающиеся в близости темы (сын, покинувший мать, возвращается к ней умирать) и формальных элементов (дактилические окончания).

Однако тема, развиваемая Некрасовым конкретно, в социально-психологическом ключе, у Блока получает отвлеченный, иносказательный характер (см.: *Кирпотин В. Некрасов // Октябрь. 1935. № 10. С. 244; Минц, З. С. 24; Скатов Н. Литературные очерки. М., 1985. С. 308*). В то же время в стихотворении преломляются мифопоэтические представления: герой имеет черты, сходные с признаками солнца как мифологического героя, изгоняющего мрак ночи ("доспех ослепительный" – метафора солнца; "шлем утренней зари"; стрелы – солнечные лучи, и т.д.). Ср.: *Афанасьев, 1. С. 102–107*. Правомерно видеть в стихотворении и отражение "дионисийской" поэтической мифологии Вяч. Иванова; ср. стих. Иванова "Ночь", где встреча Матери-Ночи и Света изображается как гибель:

- "Я вышел в путь: поют в колчане тесном
Мои огни:
Дай расточить их во поле небесном –
И вновь усни!"
- "Чуть за морем сойдешь ты, бранник бледный,
В эфирный гроб, –
Дрожь чутких сфер и ржанье груди медной
И медный топ
Уже вестят Заре неусыпимой
Багряных врат, –
Что он грядет во славе нестерпимой,
Мой сын, твой брат!
<.....>
И я молю, любовьию палима:
Мертви меня!
Огня хочу! Хочу неуголимо,
Мой сын, огня!"
(*Иванов Вяч. Кормчие звезды: Книга лирики. СПб., 1903. С. 349–350*)

Ср.: *Минц З.Г. А. Блок и В. Иванов // Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Тарту, 1982. С. 106 (УЗ ТГУ. Вып. 604)*.

Родственные мотивы можно отметить и в стих. Л.Д. Семенова "Не спи! но спящих не буди!.." (1903):

- И он, – веселый и победный,
в передрагсветной тишине,
от вражых ран – смертельно-бледный,
проскачет мимо на коне.
(*Семенов Л. Собрание стихотворений. СПб., 1905. С. 54*)

В стихотворении символически отразились отношения глубокой духовной близости Блока и его матери, А.А. Кублицкой-Пиоттух. Характерно, что Е.П. Иванов в "Воспоминаниях об Александре Блоке", раскрывая родство переживаний Блока и его матери, прибегает к метафорам, восходящим к образному строю стих. "Сын и мать": "Александра Андреевна, радуясь за дитя свое, переживала с ним дело его в воздухе, куда подымался он на коне. Она верила в чистую силу сына своего, верила в силу креста лица его против нечистой силы, но знала и тот воздух, в котором бьется дитя ее, плоть от плоти, кость от кости, вздох от вздоха ее; она знала, что в воздухе том есть вихри мертвые, туманы и обманы <...> Зорко всматривается она в вихри, развевающие гриву коня сына ее, – откуда дуют они? С тревогой всматривается в туманы, подползающие к нему – не обманут ли коня?", и т.д. (*БС-1. С. 373–374*).

Подробный анализ образной структуры стихотворения см.: Некрасова Е.А. Виды экспрессивной тональности стихотворных произведений А. Блока // Образное слово А. Блока. М., 1980. С. 114–117.

Сын покидает отчий дом. – Ср. трактовку той же темы в статье Блока "Поэзия заговоров и заклинаний" (осень 1906 г.): "Здесь играет свободная и живая поэзия: сын покидает мать (...) Мать как будто видит с вещей тоскою былинку в мире, знает все, что может страстись с родным сыном" (СС-8₅. С. 59). Далее в статье Блок приводит заговор матери от тоски по сыну. В биографическом аспекте этот мотив, возможно, связан с переездом Блока в сентябре 1906 г. из офицерского корпуса казарм гренадерского полка, где он жил вместе с матерью и отчимом, в квартиру на Лахтинской улице, в которой он поселился вдвоем с женой.

Петухи поют к заутрене... – Ср. стих. Я.П. Полонского "Солнце и Месяц" (1841): "Петухи давно пропели – // И к заутрене звонят". Согласно народному поверью, крик петуха "как бы прогоняет мрак ночи, и потому сравнивается с звоном к заутрене, раздающимся на рассвете" (Афанасьев, I. С. 299).

...Кудри спутанные мхов... – Ср. в стих. "Твари весенние" (1905): "Окрестности мхами завалены. // Волосы ночи натянуты туго на срубы // И пни". Кудри (нити, волосы) в этом контексте – демонологические образы хаоса (как и – ниже – "взоры свиные").

Вот он, сын мой, в светлом облаке, // В шлеме утренней зари! – Ср. образ "всадника в битвенном наряде" в стих. "Дали слепы, дни безгневны..." (1904): "...он синет в тучах, // Вспыхнет за холмом. (...) В блеске заревом" (т. 1 наст. изд.).

"НЕТ ИМЕНИ ТЕБЕ, МОЙ ДАЛЬНИЙ..."

(С. 81)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₄. Л. 23 об. – 27 об.; АС – Т₅. Л. 34–35, "Октябрь", рукой Л.Д. Блок; АС – НР₁ III₁. Л. 44–44 об., "[1906]", третье в цикле "Мэри", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – НР₂ III₁. Л. 91, "[Октябрь] 1906".

Впервые: ЗР. 1907. № 2. С. 25.

Публикации: ЗС. С. 21–22, "1906" ("1. Нет имени тебе..."), в разд. "Подруга Светлая", первое в цикле из четырех стихотворений под общим загл. "Мэри"; III₁. С. 172–173, "1906", третье в цикле из шести стихотворений под общим загл. "Мэри", в разд. "Родина"; ЧД-1912. С. 606–607; II₃. С. 91–92; в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 122–123; II₅. С. 98–99.

ЧА ЗК₁₄ записан карандашом (ст. (23–20), (31–34)б опубл.: Звезда-1936. С. 272), имеет варианты к большинству стихов, а после ст. 22 – наброски отдельных строф, не составляющих единого целого. Правка автографа производилась чернилами, красным и синим карандашом, но, судя по характеру переработки, шла приблизительно в одно время. Переработка (ЗК₁₄ – б.д.) привела к основной редакции текста, которая записана в Т₅. В дальнейшем в разных изданиях незначительно варьировались строфика (ст. 23–30 давались либо четверостишиями, либо двустишиями) и написание слова "тишина" с прописной буквы.

В НР₁ III₁ Блоком вписан ст. 1 и "№ 3" – порядковый номер в цикле "Мэри" вместо зачеркнутого заглавия "Мэри. 1. Нет имени тебе..." (первым в цикле оно было в предыдущей публикации в ЗС). Готовя следующее издание, Блок перенес стихотворение во второй том, а в РЭ III₁ заключил карандашом в скобки ст. 11–14 и пере-

черкнул их, здесь же под текстом к дате приписано: "Октябрь". Ст. 11–14 в следующей публикации в *П₃* отсутствуют, в *П₄* восстановлены. Было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2)*, изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Отзыв В.А. Зоргенфрея см. в коммент. к стих. "Утихает светлый ветер...".

В стихотворении, написанном от лица девушки (что нехарактерно для лирики Блока этого времени), можно проследить отзвуки образов и ситуаций, восходящих к роману Ф.М. Достоевского "Бедные люди" (1845). См.: *Мицц З.Г.* Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 221–222. Образно-сюжетная структура и эмоциональная тональность стихотворения обнаруживают аналогии с отдельными деталями рассказа Варвары Доброселовой о свиданиях с возлюбленным, студентом Покровским, во время болезни ее матери: "И право, не помню, о чем мы не переговорили с ним в эти мучительные и вместе сладкие часы наших свиданий (...) почти у самой постели моей бедной больной матушки?.. Обо всем, что на ум приходило, что с сердца срывалось, что просилось высказаться, – и мы почти были счастливы... Ох, это было и грустное и радостное время – все вместе (...)" (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 38, 39). Вероятна в данном случае также и другая реминисценция из Достоевского – рассказ князя Мышкина о "падшей" девушке Мари, больной чахоткой, и о ее умирающей старухе-матери ("Идиот", Ч. 1. Гл. VI). См.: *Спроге Л.В.* Рецепция пушкинских образов и сюжетов в лирике А. Блока (цикл "Мэри") // Проблемы пушкиноведения. Сб. научных трудов. Рига, 1983. С. 107.

Нет имени тебе, мой дальний. – Ср. первую строку стих. А.С. Пушкина "Что в имени тебе моем?" (1830). Реминисценция отмечена в кн. Вл. Орлова "Здравствуйте, Александр Блок" (Л., 1984. С. 208). Мотив тишины, проходящий через все стихотворение Блока, присутствует и в том же стихотворении Пушкина: "Но в день печали, в тишине, // Произнеси его тоскуя".

Вдали лежала мать, больна. – Почти дословная цитата из стих. А.А. Фета "Не спрашивай, над чем задумываюсь я..." (1854): "В тот день лежала мать больна (...)" (*Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 244. (Б-ка поэта, большая серия)).

Ты подходил к стеклянной двери... – Ср. в "Бедных людях" Достоевского – начало первого дружеского общения героини с Покровским: "В следующий вечер (...) Покровский отворил свою дверь и начал со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты" (*Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 38).

...Меня, задумчивую Мэри... – Эпитет восходит к словам Председателя из "Пира во время чумы" (1830) Пушкина: "Благодарим, задумчивая Мери". Об образе Мэри у Блока см. в коммент. к стих. "О жизни, догоревшей в хоре...".

УГАР

("Заплетаем, расплетаем...")

(С. 82)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₄*. Л. 34–35 об. (приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 158–159); *АСП – Т₅*. Л. 37–38, рукой Л.Д. Блок, "Октябрь" (над текстом), правка рукой Блока; *БА – НР₂*. Л. 38–38 об.

Впервые: *БН*. С. 25–26, в цикле "Томления весны".

Публикации: *П₂*. С. 28–29, в разд. "Детское"; *П₄*. С. 124–125; *П₅*. С. 100.

Первоначальный текст в $ЗК_{14}$ близок к основному, но каждая строфа состояла из шести стихов и перед строфой, ставшей в основном тексте начальной, записан набросок не вошедших в текст пяти строк, варьирующихся в последующих строфах. В T_5 эти начальные строки не вошли, позднее каждая из строф сокращена на один стих, незначительная правка совпадает с вариантами публикации в $БН$, что позволяет датировать ее 1907 годом, большинство пунктуационных вариантов публикации в $БН$, по всей видимости, связано с иной, чем в основном тексте, строфической. В $PЭ II_2$ 1-я строфа зачеркнута, слева от нее вопросительный знак, затем весь текст перечеркнут.

Окончательный текст – II_2 .

Мотив добровольного самосожжения юного царя сближает стихотворение с "солнечным циклом" Вяч. Иванова: "дионисийская" поэтическая мифология, воплощенная в "солнечных" стихотворениях Иванова 1906 г. (объединенных позднее в разделе "Солнце-сердце" его книги "Cor ardens" – ч. 1. М., 1911), объединяет мифопоэтические представления о сгорающем царе (солнце) с христианскими мотивами добровольной гибели, жертвенности, символизированными сгоранием на костре (символ распятия). Параллель прослежена в работах З.Г. Минц "Блок и русский символизм" ($ЛН$. Т. 92. Кн. 1. С. 130) и "А. Блок и В. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции": (Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Тарту, 1982. С. 105–106. $УЗ ТГУ$. Вып. 604). Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 86–97.

Заплетаем, расплетаем // Нити дьявольской Судьбы... – Ст. 1 дословно повторяет строку из стих. "Все бежит, мы пребываем..." (1904): "Заплетаем, расплетаем // Белых ландышей венцы". В обоих стихотворениях обыгрываются образцы парок – богинь судьбы в римской мифологии (в греческой мифологии – мойры), трех сестер, прядущих и обрезающих нить человеческой жизни. Ср. статью Блока "Поэзия заговоров и заклинаний" (осень 1906): "В хаосе природы, среди повсюду протянутых нитей, которые прядут девы-Судьбы, нужно быть поминутно настороже" ($СС-8_5$. С. 38). Помимо мифологических источников, в стихотворении, вероятно, есть отзвуки известного стих. Д.С. Мережковского "Парки" (1892):

Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми веретено. <...>
Нити вечные судьбы
Тянут Парки из кудели,
Без начала и без цели.

(*Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.
СПб., М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1914. Т. 15. С. 22)

...Звуки ангельской трубы. – Новозаветный образ трубы, возвещающей второе пришествие Христа и всеобщее восстание из мертвых: "...не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся" (Первое послание к Коринфянам св. апостола Павла. XV. 51–52); "...Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде" (Первое послание к Фессалоникийцам св. апостола Павла. IV. 16). В Апокалипсисе семь ангелов с семью трубами возвещают о мировых катаклизмах, знаменующих конец света (Откр. св. Иоанна Богослова. VIII. 2, 7–13; IX. 1, 13; XI. 15).

...На груди твоей, сестра... ~ Видит красный свет костра... – Возможно, отзвук стих. С. Городецкого "Сестры": "Любила вторая сестра // Горенье, томление костра".

Помимо общей со стихотворением Блока мифологической соотнесенности (в "Сестрах" – повторяющаяся строфа: "Так нить совершенней текла. // Судьба неустанно пряла. // Грядущего таяла мгла"), в стихотворении Городецкого присутствует также мотив жертвенного самосожжения: "Вдвоем ли взошла ты, сестра, // На ложе святого костра?" (*Городецкий С.* Ярь: Стихи лирические и лиро-эпические. СПб., 1907. С. 43–46). "Ярь" вышла в свет в декабре 1906 г., но многие включенные в книгу стихотворения были известны Блоку в рукописи (одно из них он привел в статье "Краски и слова" (1905); см.: *СС-85*. С. 21).

...*Из удушливых углей // В завитки его кудрей...* – Библейская реминисценция: "Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою; ибо, *делая сие*, ты собираешь горящие угли на голову его, и Господь воздаст тебе" (Книга притчей Соломоновых. XXV. 21–22; ср.: Послание к Римлянам св. апостола Павла. XII. 20).

...*Что на нем – венец царей...* – Ср. в стих. Вяч. Иванова "Хор солнечный" (впервые опубли.: Весы. 1906. № 2): "Царь, сжигающий богатый, // Самоцветный свой венец!" (*Иванов Вяч. Cog ardens*. М., 1911. Ч. 1. С. 12).

Пойте стройную стихуру... – Стихира (греч. *στίχηρα* – многотишие) – церковное песнопение, состоящее из многих стихов, написанных одним размером и большей частью предваряемых стихами из Библии.

...*Рдеет красный уголек.* – В статье "Поэзия заговоров и заклинаний" Блок говорит о "настоящей яростной страсти", заключенной в текстах заговоров, "обращающей сердце заклинателя в красный уголь" (*СС-85*. С. 61). Образ, возможно, соотносился для Блока с описанием изготовления гомункула во 2-й части "Фауста" Гете – в переводе Н.А. Холодковского: "В реторте тлеет уголек // И ярко блещет огонек, // Да луч из мрака выступает...". Эта цитата приводится в статье А.Н. Пыпина "Номинculus. Эпизод из алхимии и из истории русской литературы" (Почин: Сборник Московского общества любителей российской словесности. М., 1896. С. 52), которую Блок изучал и конспектировал (см.: *Владимирова И., Григорьев М., Кумпан К. А.А.* Блок и русская культура XVIII века // *БС-4*. С. 47, 85–86). Ср. в стих. "Молитвы. 5. Ночная" (1904): "Мне в сердце вонзили // Красноватый уголь пророка!" (т. 1 наст. изд.); в этом случае образ вызывает ассоциации со стихотворением Пушкина "Пророк" (1826).

ТИШИНА ЦВЕТЕТ

("Здесь тишина цветет и движет...")

(С. 83)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₁₂*. Л. 25–26; *АС* – *Т₅*. Л. 39–39 об. ("Надпись на книге стихов"), текст рукой Л.Д. Блок, заглавие – рукой Блока; *БА* – *НР II₂*. Л. 27–27 об. ("Надпись на книге стихов"), "[1906]".

Впервые: *БН*. С. 33–34, под загл. "Надпись на книге стихов", последнее в цикле "Томления весны".

Публикации: *ЗС*. С. 31–32 ("Надпись на книге стихов"), в разд. "Подруга светлая"; *II₂*. С. 17–18, в разд. "Весеннее"; *СРЛ*. С. 54–55 ("Надпись на книге стихов"); *II₄*. С. 126; *II₅*. С. 101.

ЧА ЗК₁₂ представляет собой запись 3-й, 1-й и 4-й строф основного текста и отдельных набросков, не вошедших в окончательный текст; на листе, предшествующем *ЧА ЗК₁₂*, дата – "23 марта".

АС Т₅ и БА НР II₂ содержат строфу (между ст. 20 и 21), вошедшую только в публикацию в БН.

В РЭ II₂ на полях помета Блока "выкинуть" и вопросительный знак, текст перечеркнут. В II₃ стихотворение не вошло.

Название стихотворения повторяет заглавие цикла Блока из восьми стихотворений (Весы. 1906. № 5. С. 1–16); стихотворение в состав этого цикла не входило. Первоначальное заглавие – "Надпись на книге стихов" (БН, ЗС) – подразумевает вторую книгу стихотворений Блока "Нечаянная Радость", осенью 1906 г. печатавшуюся в издательстве "Скорпион" (вышла в свет в конце декабря 1906 г.). В то же время мир образов, воссоздаваемый в стихотворении, вызывает ассоциации с лирическими природоописаниями первого тома, хотя и подан в тональности более позднего поэтического видения.

В отзыве об альманахе "Белые ночи", где впервые было опубликовано стихотворение, Эрмий (С.В. Киссин, печатавшийся чаще всего под псевдонимом Муни) отмечал: «"Надпись на книге стихов" принадлежит вообще к лучшим созданиям Блока и является лучшей характеристикой его творчества» (Литературно-художественная неделя. 1907. № 3. 1 окт.). А.А. Измайлов в отзыве о "Земле в снегу" назвал "Надпись на книге стихов" в ряду "красивых, исполненных мысли стихотворений" (Аякс [А.А. Измайлов]. В литературном мире // БВ. 1908. № 10697. 9 сент., веч. вып.).

Здесь тишина цветет и движет // Тяжелым кораблем души... – Тот же образ "цветущей тишины" – в статье Блока "Безвременье" (окт. 1906): "Поет тишина, и цветет она; что нужно, кроме такой тишины {...}"; ср. там же: "...тишина прекрасная снизошла {...}"; "Странники, мы – услышим одну Тишину" (СС-85, С. 80, 82). В параллель своим переживаниям "невозмутимой Тишины" Блок приводит в "Безвременье" цитату из стих. З.Н. Гиппиус "Сонет": "И слышу я, как шепчет тишина // О тайнах красоты невоплощенной" (Гиппиус З.Н. Собрание стихов 1889–1903 г. М., 1904. С. 44); образ тишины, близкий к его трактовке Блоком, встречается и в других стихотворениях Гиппиус: "Дыханье слышу тишины..." ("Сентиментальное стихотворенье"); "И стала живой тишина" ("Стук") (Там же. С. 35, 70). Ср. также стих. Ф. Сологуба "Подымаю бессонные взоры..." (1896):

Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.

(Сологуб Ф. Собрание стихов. Кн. III и IV.
1897–1903 г. М., 1904. С. 104)

В письме к С.В. Панченко (декабрь 1902) Блок цитирует эти стихи Сологуба, передавая свои летние шахматовские впечатления: "Тут – я у себя. Цвету я ночными мечтами бездыханной вселенской души" (автограф письма неизвестен; текст цитируется в ответном письме Панченко к Блоку от 1/14 января 1903 г. – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 358).

...Чуть пригнутые камыши. – Возможно, отзвук стих. "Отшедшим" (1903): "Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду // И в этих камышах увижу все, что мило"; "Люблю без слов колеблемый камыш".

...Как от страницы до страницы // В даль потянули журавли. – Вероятная автореминисценция образов и рифмовки стих. "Последний пурпур догорал..." (1900; т. I наст. изд.).

И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

...*Как пела тихая вода.* – Ср.: "Сюда лучи не проникают, // Лишь тихо катится вода" ("Есть в дикой роще, у оврага...", 1898 – т. 1 наст. изд.). В концовке стихотворения – ассоциации с описанием смерти Офелии в речном потоке ("Гамлет", Акт IV. Сцена 7). О "гамлетовских" образах в ранней лирике Блока см. т. 1, с. 422, 424 наст. изд.).

"ТАК ОКРЫЛЕННО, ТАК НАПЕВНО..."

(С. 84)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₂*. Л. 34 об. – 32 об.; *АС – Т₅*. Л. 40–40 об., рукой Л.Д. Блок; *АС – НР II₂*. Л. 26–26 об. ("Прости"), "[1906]", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, загл., ст. 1 и дата – рукой Блока.

Впервые: *БН*. С. 16–17, в цикле "Томления весны".

Публикации: *ЗС*. С. 29–30 ("Прости"), в разд. "Подруга Светлая"; *СРЛ*. С. 59–60 – в подборке из 10 стихотворений; *II₂*. С. 16–17 (в оглавлении загл.: "Прости"), в разд. "Весеннее"; *II₃*. С. 90, в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. с. 127; *II₅*. С. 102.

Во всех автографах и публикациях, кроме *II₃* и *II₄*, после 2-й строфы – еще два четверостишия (приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 160), а в 3-й строфе ст. 11–12 предшествуют ст. 9–10. В *РЭ II₂* Блок перерабатывает текст: ст. (9–16) зачеркнуты, 3-я строфа приведена к основному тексту, 4-я строфа также зачеркнута; текст датирован: "Окт(ябрь)? 1906". Эта правка, за исключением исправлений в ст. 1, 6, 20, 21–22, нашла свое отражение в публикации в *II₃*.

По наблюдению В.Н. Орлова, стихотворение «отдельными образами связано с "Легендой о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур" Виктора Гюго» (*СС-8₂*. С. 409). Блок писал в предисловии к изданию этого произведения ("Le beau Pécopin et la belle Bauldour", 1855) в переводе, выполненном его матерью, сравнивая образ средневековья у Гюго, Г. Гейне и М. Метерлинка: "...я не знаю, кто из них больше помог мне полюбить средние века в дни моей молодости, с которой связана для меня эта легенда" (*СС-8₆*. С. 455). См.: *Гюго В.* Легенда о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур / Пер. А. Кублицкой-Пиоттух. С предисловием Александра Блока. Пб.: Алконост, 1919.

Легенда повествует о любви и верности юных Пекопена и Больдур, живущих в Вогезских горах. Незадолго до свадьбы Пекопен был направлен с посольством в Дижон, затем в Париж, Испанию, Багдад и т.д. Странствия и различные фантастические приключения затянули возвращение рыцаря к невесте на пять лет, однако Пекопен стал обладателем талисмана, благодаря которому он не мог состариться. Уже оказавшись на родине, Пекопен, одолеваемый дьяволом, был вовлечен в ночную охоту; за ночь бесовской охоты на земле прошло около ста лет, и когда по-прежнему юный и влюбленный Пекопен наконец возвратился к своей невесте, он нашел ее глубокой старухой. Придя в отчаяние, Пекопен сорвал свой талисман и в одно мгновение состарился на сто лет. Сюжетные мотивы этой легенды Блок использовал не только в стихотворении (в напутствии герою царевна говорит: "Иди, иди, вернись молод", "...тихо протекут года", "Да, я готова к поздней встрече"), но и в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (ноябрь 1906).

Возможно, в стихотворении отразились также отзвуки баллады З.Н. Гиппиус "Гризельда", затрагивающей сходную тему: героиня, "вернейшая из жен", ожидает рыцаря, уехавшего на войну:

В покое отдаленном
И в замке – тишина.
Лишь в озере зеленом
Кольшется волна.
{.....}
Увы! твой муж далеко,
И помнит ли жену?
Окно твоё высоко,
Душа твоё в плену.

(Гиппиус З.Н. Собрание стихов 1889–1903 г.
М., 1904. С. 19, 22)

...Царевна пела о весне... – "Царевна", "весна" – реминисценции образов, характерных для лирики Блока первого тома.

Иди, иди, вернешься молод ~ Я сохраню мой лёд и холод... – Вероятная реминисценция стих. Ф. Сологуба "Передрассветный сумрак долог...":

Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.

(Сологуб Ф. Собрание стихов. Кн. III и IV.
1897–1903 г. М., 1904. С. 3)

...Замкнусь в хрустальном терему. – Реминисценция образа "хрустального гроба", в котором покоится царевна – героиня "Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях" (1833) Пушкина.

Вкруг замка будет вечный шорох... – Видимо, подразумевается шелест прялки. Больдур была "образцовой пряхой" – "пряла в амбразуре окна, сидя на стуле с высокой спинкой"; «Прекрасная мечтательница опускает глаза к колесу прялки, и прялка твердит своим строгим голоском: "Думай о муже"» (Гюго В. Указ. соч. С. 10, 15). Когда Пекопен после многолетних скитаний возвращается на родину, то он, еще не увидев Больдур, слышит шелест ее прялки (Там же. С. 102). Аналогичный образ – в балладе З. Гиппиус "Гризельда":

Над озером, высоко,
Где узкое окно,
Гризельды светлоокой
Стучит веретено.

(Гиппиус З.Н. Собрание стихов
1889–1903 г. С. 19)

Возможен в данном случае и символический пласт значений; ср. слова Блока (в письме к З.Н. Гиппиус от 14 июня 1902 г.) о "Великом шорохе" субстанциональной мистической жизни.

...Во рву – прозрачная вода... – Ср. описание "страны германской легенды" в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь": "...вон та башня (...) была бы моей дозорной башней (...) во рву (...) текла бы прозрачная, злая, непорочная вода" (СС-85. С. 86).

Даль опустила синий полог // Над замком, башней и тобой. – Ср. стих. Ф.И. Тютчева "Я помню время золотое..." (1834–1836): "И солнце медлило, прощаясь // С холмом, и замком, и тобой". В статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" образы последней строфы развиваются в непосредственном соотношении с "Легендой..." В. Гюго: "Западная легенда создана, лежит она в колючих и душистых кустах, в тысячелетних рвах (...) столетняя старуха, когда-то прекрасная Бальдур встретит, шамкая, на пороге башни прекрасного Пекопена, возвратившегося с дьявольской охоты, как встретила она его в такой красивой, такой пышной и такой упадочной легенде у В. Гюго. Эта история протянула синий полог, дальний полог, над замком, башней, ржавыми ключами у пояса твоего, золотокудрая! Песенка жизни спета. Навеки не поднять забрала, не опустить на ржавых петлях моста через ров с невинной и злою водой, чтобы по этому мосту ворвалась в мертвый замок веселая и трагическая жизнь" (СС-85. С. 92).

Даль опустила синий полог ~ Путь мой долог. – Ср. в стих. "Легенда" (1905): "Был синий полог. Был сумрак долог".

"ТЫ МОЖЕШЬ ПО ТРАВЕ ЗЕЛЕННОЙ..."

(С. 84)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₁₂. Л. 29; ЧА – ЗК₁₂. Л. 29–30; АС – Т₅. Л. 41–41 об., рукой Л.Д. Блок; БА – РГАЛИ. Ф. 2530. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 1; АС – НР II₂. Л. 68 ("Мещанке"), "[1906]", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие, ст. 1 и дата – рукой Блока.

Впервые: БН. С. 27–28, в цикле "Томления весны".

Публикации: ЗС. С. 53 ("Мещанке"), "1906", в разд. "Мещанское житье"; II₂. С. 60–61, в разд. "Отравы"; II₃. С. 87, в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 128; II₅. С. 103.

Основная редакция текста – в первой публикации.

В РЭ II₂ под текстом помета: "Окт(ябрь)? [Конец] 1906".

Возможно, стихотворение было предложено Блоком (в составе подборки из трех стихотворений) для публикации в "Весах" (см. примечания Ю.П. Благоволиной к письму В.Я. Брюсова Блоку от 17 января 1907 г. – ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 499).

Развиваемая Блоком тема "мещанской", "посюсторонней" любви (ср. заглавие в ЗС) могла быть навеяна для него стихотворением Андрея Белого "Поповна и семинарист", рукопись которого была послана автором матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух, с посвящением ей в марте 1905 г. (ИРЛИ. Ф. 411. Ед. хр. 14); ср. письмо А.А. Кублицкой-Пиоттух Белому от 26 марта 1905 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 222). Стихотворение "Поповна и семинарист" было опубликовано в "Золотом руне" (1906. № 4. С. 33), в расширенной редакции и под заглавием "Поповна" вошло в книгу Андрея Белого "Пепел" (СПб., 1909. С. 191–195). В стихотворениях Белого и Блока – сходная сюжетная ситуация, подаваемая в иронической тональности (особенно отчетливой у Белого), обилие бытовых, "снижающих" деталей, психологически близки и образы героини стихотворения Блока и "поповны" у Белого.

Ты можешь опустить ресницы... – Ср. в "Поповне и семинаристе" Белого: "Опущен шелк ресниц".

...Как цветик голубой... – Ср. о "прекрасной поповне" у Белого: "...зарделась, словно // Весенний цвет пион".

Телеграфисту с желтым кантом // Букетики дарить. – Сходная деталь – в "Поповне и семинаристе": "Пришпилила к жилетке // Ему ромашкин цвет". Ср. в расширенной редакции стихотворения:

В руке ромашек связка.
Под шалью узел кос.
Букетиками баска –
Букетиками роз.

(Белый А. Пепел. С. 191)

"ИЩУ ОГНЕЙ – ОГНЕЙ ПОПУТНЫХ..."

(С. 85)

Автографы и авторизованные тексты: АСП – Т₅. Л. 42 об. – 43 ("Колдунья"), текст рукой Л.Д. Блок, правка – рукой Блока; Кор. – НР II₂. Л. 67–67 об. ("Колдунья").

Впервые: ВМИ. 1907. № 11–12. С. 5–6, под загл. "Колдунья".

Публикации: ЗС. С. 106–107 ("Колдунья"), "1906", в разд. "Песня судьбы"; II₂. С. 59–60 ("Колдунья"), в разд. "Отравы"; II₃. С. 86, в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 129; II₅. С. 103–104.

В Т₅ перед последним четверостишием следовали еще две строфы – ст. (21–28) – опубл.: СС-1. С. 302, с ошибкой в ст. (27), – зачеркнутые Блоком с его пометами справа от текста: против ст. (21–24) – "ненужное", против ст. (25–28) – "не мое".

В НР II₂ рукой Блока вписано заглавие, ст. 1 и дата "1906" (зачеркнута). В РЭ II₂ зачеркнуто заглавие и ст. 21–24, ст. 13 приведен к основному тексту. С этими изменениями опубликовано в II₃. В II₄ Блок вернулся к прежней редакции текста.

Решение темы ворожбы и – шире – народной демонологии в стихотворении – то же, что и в статье Блока "Поэзия заговоров и заклинаний" (осень 1906 г.), где подчеркивается, что обрядовые действия и заклинания – "не догматический пред-рассудок, не суеверная сказка, а творческий обряд, страшная быль, которая вот сейчас вырастет перед ним (заклинателем. – Ред.), заколдует его, даст или отнимет благополучие или, еще страшнее, опутает его неизвестными чарами, если того пожелает всемогущий кудесник" (СС-85. С. 49). Обращаясь к "темной", демонической магии, Блок дает здесь принципиально иную трактовку темы ворожбы, чем в "Стихах о Прекрасной Даме", где этот мотив связывался со служением "светлым", теургическим началам.

Ищу огней – огней попутных // В твой черный, ведовской предел. – Возможно, стихи антонимически связаны со строками стих. "Внемля зову жизни смутной..." (1901): "Жду волны – волны попутной // К лучезарной глубине" (т. 1 наст. изд.).

Меж темных заводей и мутных... – Ср. в стих. "В туманах, над сверканьем рос..." (июль 1905 г.): "Я уплывал один в затон // Бездонной заводей и мутной".

...Огромный месяц покраснел. – Ср. стих. Ф. Сологуба "Был широкий путь к подножью...": "Месяц встал и пламенеет // Утешеньем в сонной мгле" (Сологуб Ф. Собрание стихов. Кн. III и IV. 1897–1903 г. М., 1904. С. 86).

Его двойник плынет над лесом... – Подразумевается месяц и его зеркальное отражение в воде. Мотив двойничества свидетельствует о демонологической природе образа. Ср. стих. А.А. Фета "Уснуло озеро; безмолвен черный лес..." (1847):

"...луна среди небес // Скользит и свой двойник на влаге созерцает" (Фет А.А. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 213 (Б-ка поэта, большая серия)).

Вертлявый бес... – Образ, возможно, соотносился Блоком с чертом, укравшим месяц с неба, из "Ночи перед Рождеством" (1832) Н.В. Гоголя; его характерная черта – "беспрестанно вертевшаяся (...) мордочка" (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. [Л.], 1940. Т. 1. С. 202).

Иду, и холодеют росы, // И серебрятся о тебе... – Ср. стих. Ф. Сологуба "На распутьи злом и диком...": "От луны мерцанье в росах, // И белеет мгла вокруг" (Сологуб Ф. Указ. соч. С. 81).

...Все о тебе, расплетишь косы... – Ср. стих. "Они живут под серой тучей..." (1902): "...им приятно гладить косы // Моих распущенных волос" (т. 1 наст. изд.). Расплетание волос – эротический символ фольклорного происхождения.

Дай мне пахучих, душиных зелий // И ядом сладким заморочь... – Образы, встречавшиеся ранее в поэзии Блока; ср.: "Дай сладкий яд мне (...)" ("Когда же смерть? Я все перестрадал...", 1899); "И медленным и сладким ядом" ("Мне битва сердце веселит...", 1901) (т. 1 наст. изд.); "Кто Ты, зельями ночными // Опойшая меня?" ("Ночь", 1904), – в данном случае соотносятся с любовными "приворотными" действиями и заклинаниями, о которых Блок рассказывает в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (СС-85. С. 61–63). Другой круг реминисценций у этих строк – образы и мотивы поэзии Ф. Сологуба; ср.: "За зельями врачующими в лес // Ходили ведьмы среброкудрые" ("Окрест – дорог извилистая сеть...", 1901); "Принеси ж мне, ведьма, злое зелье" ("Ведьме", 1901); "Есть яд в огне; он – сладкий яд, // Его до капли жадно пей" ("Стремленье гордое храня...", 1901); "И будет смерть моя легка // И слаще яда" ("Я к ней пришел издалека...", 1905) (Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1975. С. 253–254, 247, 315 (Б-ка поэта, большая серия)).

Другие редакции и варианты

Ты для меня огни палила ~ И бледной ночи предала (Т₅). – Помета Блока на полях этих стихов в Т₅ ("не мое") определенно подразумевает сказавшееся в них влияние Ф. Сологуба (явственное и в основном тексте стихотворения). Ср.: "Отчего нельзя все время // Чары десять, тихо ворожить" ("Быть с людьми – какое бремя..."); "В озарении свеч полуночных // Обнаженные пляшут блудницы" ("Вереницы мечтаний порочных..." (Сологуб Ф. Собрание стихов. Кн. III и IV. С. 38, 131); "Чародейства и обманы // Выходили на меня" ("На меня ползли туманы...", 1897); "Собираю ваши травы, // И над ними ворожу, // И варю для вас отравы" ("Ты не бойся, что темно...", 1902) (Сологуб Ф. Стихотворения. С. 180, 278) и т.п. Последнее из цитированных стихотворений Сологуба Блок приводит в письме к матери от 28 апр. 1908 г.

ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ

("Весны и зимы меняли убранство...")

(С. 86)

Автографы и авторизованные тексты: АСП – Т₅. Л. 45–45 об., "Ноябрь", правка: "1917", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие и правка – рукой Блока; БА – ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 31.

Впервые: Илл. прил. к газ. "Русь". 1907. № 23. 18 июня. С. 337.

Публикации: II₄. С. 130–131; II₅. С. 104–105.

В другие издания не входило.

Текст первой публикации соответствует нижнему слою белого автографа в тетради. Во время правки (карандашом) в T_5 при подготовке $И_4$ текст стихотворения был приближен к основному.

Центральный образ стихотворения, возможно, навеян драмой Г. Гауптмана "Потонувший колокол" ("Die versunkene Glocke", 1896), завоевавшей на рубеже XIX–XX вв. широкую популярность (см.: *Ливров А.В.* Из комментариев к стихотворениям А. Блока. 2. "Проклятый колокол" // *Russian Studies*. 1995. Т.1. № 4. С. 117–120). Сюжетные коллизии этой драмы, основанной на национальных фольклорных мотивах, строятся вокруг истории о том, как могучий, несравненный колокол, предназначенный для церкви в горах ("Чтоб вечно леть хвалу любви и мира, // И возвещать, сквозь воздух, благодать" – пер. К. Бальмонта; см.: *Гауптман Г.* Драматические сочинения / Пер. под ред. и с предисл. К. Бальмонта. М., 1900. С. 338), почти у самой цели скатывается в пропасть и падает в озеро; позднее со дна озера раздается звон потонувшего колокола, звучащий как приговор судьбы его создателю, литейщику Генриху, который оказывается во власти чар лесной феи и превращается в демонического героя, отчужденного от людей. Монолог литейщика Генриха из III действия "Потонувшего колокола" Блок переписал для декламации (см. подборку материалов, озаглавленную Блоком "Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр. 1898 и позднейшие университетские времена" – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 46–47 об.). Вероятно также в данном случае воздействие на Блока стих. Ю. Балтрушайтиса "Колокол" (с эпиграфом из Гауптмана), живописующего ночной колокольный звон:

Зычно и скорбно, удар за ударом,
Миру уснушему колокол пел...
Точно набат перед близким пожаром,
Долго и гулко гудел... {...}

Пел он и в полночь и в утро святое –
С бурей смеялся и плакал в тиши,
Но откликалось лишь эхо лесное...
Вместо уснувшей души!

(Северные цветы. Альманах III книгоиздательства
"Скорпион". М., 1903. С. 180)

...проклятый звонарь // Бил и будил колокольную медь. – Ср. стих. "Вот – в изнурительной работе..." (ноябрь 1904): "Чтоб голос меди колокольной // Не опрокинулся на вас!". В "Воспоминаниях о Блоке" Андрей Белый высказал предположение, что Блок образом "проклятого звонаря" выражал свое отношение к бывшему "аргонавтическому", соловьевскому братству: «Этот темный звонарь с нами связан: груз прошлого чувствовал тяжестью Блок {...} "Звонаря" ощущали с С.М. Соловьевым и мы в роковое, тяжелое, революционное лето, когда все друг в друге не видели рыцарей, видели – призраков {...}» (*Белый*, 3. С. 212).

Кто рассвет болотный туман, // Хоронясь за ночной темнотой? – Ср. в статье "Безвремяе" (октябрь 1906) образ "всадника {...}, заблудившегося ночью среди болот" и обреченного кружить в "молочном тумане" (СС-85. С. 75).

...Этот колокол пленный? – Ср. определения потонувшего колокола в пьесе Гауптмана (в переводе К. Бальмонта): "схороненный", "усопший" (*Гауптман Г.* Драматические сочинения. С. 430, 437).

"О ЖИЗНИ, ДОГОРЕВШЕЙ В ХОРЕ..."

(С. 86)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН* – *ЗК*₁₅. Л. 19 об. (приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 162); *АС* – *Т*₅. Л. 46–46 об. ("Молитва"), "Ноябрь", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук; Кор. – *НР*₁ *III*₁. Л. 42–42 об. ("[Молитва]"), первое в цикле из шести стихотворений под загл. "Мэри"; Кор. – *НР*₂ *III*₁. Л. 90, "[1906]"; печ. текст – *Изборник*. Л. 84.

Впервые: *ЗР*. 1907. № 2. С. 24, под загл. "Молитва".

Публикации: *ЗС*. С. 23–24 ("Молитва"), в разд. "Подруга светлая", второе в цикле из четырех стихотворений под загл. "Мэри"; *III*₁. С. 170–171, в разд. "Родина", первое в цикле из шести стихотворений под загл. "Мэри"; *II*₃. С. 95–96, в разд. "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 132–133; *II*₅. С. 105–106.

Заглавие "Молитва" сохраняется только в первых двух публикациях в *ЗР*, *ЗС*. В *НР III*₁ заглавие зачеркнуто, сверху надписано: "1. Мэри"; в *III*₁ стихотворение открывало цикл "Мэри", состоявший из шести стихотворений. В *НР*₁ *III*₁ вычеркнута также 4-я строфа. Основой для *НР*₂ *III*₁ служила вырезка из *ЗС*, где ст. 13–16 отсутствовали. В *НР*₂ *III*₁ 5-я строфа (ст. 17–20) также зачеркнута, однако в *III*₁ она вошла. Готовя следующее издание, Блок в *РЭ III*₁ заключил ст. 17–20 в скобки простым карандашом и перечеркнул синим; в *II*₃, куда стихотворение перенесено из третьего тома предыдущего издания, текст воспроизведен в сокращенном виде – в составе шести строф, а не восьми, как в основном тексте. В *Изборнике* также дана сокращенная редакция (без 4-й строфы, 5-я строфа вычеркнута).

Интерпретацию стихотворения дал киевский критик А.К. Закржевский, увидевший в нем воплощение возвышенной мечты поэта, противостоящей грубой действительности: "И в экстазе богослужения все звучит Ее тонкое имя – бледная тень надежды, бледное золото печальной земли, чарующее имя: Мэри (...) Наполнится ароматом Мэри вся жизнь. И чаша терпкого вина, чаша жизни – не станет страшна... Во имя Ее поэт творит чудеса в своем сердце (...) Но жизнь сильнее мечты..." (*Закржевский А.* Религия: Психологические параллели. Киев, 1913. С. 422–423).

Строка "О Деве с тайной в светлом взоре" стала заглавием сборника стихов провинциального поэта А. Хинчина (Калуга, 1914); книга сохранилась в библиотеке Блока с надписью: "Светлому учителю Александру Блоку в дар глубокой признательности от автора" (*ББО-2*. С. 362). О получении книги Хинчина Блок упомянул в записи от 21 мая 1914 г. (*ЗК*. С. 228).

...*На темном клиросе твоём.* – Клирос – возвышение по обеим сторонам алтаря, место для певчих.

О дальней Мэри, светлой Мэри... – Образ соотносится с Незнакомкой из одноименной драмы Блока (законченной 11 ноября 1906 г.): появляясь в гостиной, Незнакомка называет себя Марией, хозяйка гостиной нарекает ее Мэри (*СС-84*. С. 99–100); эта корреляция обнажает связь лирической героини стихотворения с евангельской Девой Марией ("О Деве с тайной в светлом взоре"). Один из источников образа – Мери, героиня "маленькой трагедии" Пушкина "Пир во время чумы" (1830), – в частности, в той интерпретации, какую дает ей Блок в юношеском стихотворении «Мэри. "Пир во время чумы"» (1899), характеризуя ее пение на пире: "И взор витает в ясном мире. // В далеком царстве грез и сна"; "И голос грустный отлетает // В далекий,

совершенный мир" (СС-8₁. С. 422–423; ср.: Минц З.Г. Блок и Пушкин // Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 150–151 (УЗ ТГУ. Вып. 306); *Спроге Л.В.* Рецепция пушкинских образов и сюжетов в лирике А. Блока (цикл "Мэри") // Проблемы пушкиноведения. Сб. научных трудов. Рига, 1983. С. 102–114; см. также коммент. к стих. "Нет имени тебе, мой дальний...". Другой источник образа – переведенное Блоком (7 ноября 1905 г.) стих. Байрона "Отрывок" ("Бесплодные места, где был я сердцем молод..."): "Вам небом для меня в улыбке Мэри милой // Уже не заблестать" (СС-8₂. С. 348). В ЗС "Отрывок", наряду с "О жизни, догоревшей в хоре...", входил в цикл из четырех стихотворений "Мэри" (два других стих. – "Нет имени тебе, мой дальний..." и "В синем небе, в темной глуби..."). Многозначный образ Мэри, сочетающий земные, небесные (иконные) и природные ("весенние") черты, возможно, непосредственным образом навеян именно "Отрывком" Байрона (см.: *Правдина И.* Из истории формирования "третьего тома" лирики А. Блока // Тез. I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975. С. 39).

Я пред тобою, на амвоне, // Я – сумрак улиц городских. – Амвон – выступ на возвышении в церкви перед средней частью иконостаса, служащий для произнесения молитв и проповедей. Образы "амвона" и "сумрака" в сознании Блока были связаны, ср.: "И в глубине, над сумрачным амвоном // Остерегающий струился свет" ("Сгушался мрак церковного порога...", 1902, – т. I наст. изд.).

Я – голубой, как дым кадила... – Возможно, отзвук образов из стихов Ф. Сологуба: "Благовонный дым кадила // У моих клубится ног", "Сквозь туманный дым кадила // Вижу я нездешние черты" ("Если есть Иной..."); "И ты взойдешь, как дым кадилный, // В Его покой" ("Слабеют яростные стрелы...") (*Сологуб Ф.* Собрание стихов. Кн. III и IV. 1897–1903. М., 1904. С. 87–88, 74).

...Мы над народом чары деем // И Мэри светлую поем. – Мотив чародейства, характерный для образного строя стихов Ф. Сологуба ("Отчего нельзя все время // Чары деять, тихо ворожить" и т.п.; см. коммент. к стих. "Ищу огней – огней попутных..."), в сочетании с литургической символикой придает стихотворению "кошунственный" оттенок: колдовство перед алтарем (см.: *Левинтон Г.А.* Заметки о фольклоризме Блока // Миф–фольклор–литература. Л., 1978. С. 184–185).

О розах над ее иконой... – О символике розы в связи с культом Богоматери см.: т. 1, с. 536 наст. изд. Ср. строки из стихотворения Поэта в драме "Незнакомка" (1906): "И от иконы в нежных розах // Медлительно сошла Она..." (СС-8₄. С. 99).

"В СИНЕМ НЕБЕ, В ТЕМНОЙ ГЛУБИ..."

(С. 87)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 47–47 об. ("В синем небе"), "Ноябрь", рукой Л.Д. Блок; АС – НР₁III₁. Л. 43–43 об. ("[3. В синем небе]"), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук; Кор. – НР₂III₁. Л. 90, "1906"; РЭ III₁. Л. 90–90 об.

Впервые: Нива. Ежемесячное литературное и популярно-научное приложение. 1908. № 5. Стб. 31–32, под загл. "В синем небе".

Публикации: ЗС. С. 25–26 ("В синем небе"), "1906", в цикле из четырех стихотворений "Мэри", в разд. "Подруга светлая"; III₁. С. 171–172, в цикле из шести стихотворений "Мэри", в разд. "Родина"; II₃. С. 93–94, в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 133–134; II₅. С. 107–108.

Заглавие в Т₅ вписано позже, под ним стихотворение было опубликовано дважды – в *Ниве* и ЗС. В ЗС и III₁ входило в цикл "Мэри". В последующих изданиях было

включено во II том. В РЭ III₁ под текстом карандашом проставлена дата правки: "Ноябрь 1906".

Стихотворение связано общностью мотивов и образа лирической героини с "Нет имени тебе, мой дальний..." и "О жизни, догоревшей в хоре...". Имя героини (Мэри) в тексте не называется, но подразумевается фактом включения стихотворения в одноименный цикл (ЗС, III₁).

Ю.И. Айхенвальд видел в стихотворении один из характернейших примеров своеобразия блоковского лиризма: «Присуще его поэзии легкое дыхание. Почти вся легкая и тонкая, слегка алогическая, с налетом нечеткости и неточности, и приблизительности в словах и в их соединениях, она является достойной тканью, наиболее соответственной ризой для его настроений, и с ними сливается в одно, как и сам он настолько осуществляет единство с предметом своего изображения, что уже, например, не отличает себя от весны и прямо говорит: "мы с тобой так нежно любим, тиховейная весна" <...> Его лиризм не мог бы выливаться как-нибудь иначе, чем в этих легкотканых словах, какими поет его поэзия» (Айхенвальд Ю. Поэты и прозаики. М., 1922. С. 29).

Мы одну и ту же любим, // Легковейная весна. – Связь лирической героини с весной прослеживается и в других стих. цикла "Мэри": "Была весна", "Нет имени тебе, весна" ("Нет имени тебе, мой дальний..."); "Она – туманная весна" ("О жизни, догоревшей в хоре...").

Не шелками, не речами // Покорила нас она. – Скрытое противопоставление героини стихотворения образам Незнакомки и "стихийной", "демонической" женщины, для которых "шелка" – характерная примета: "Ее упругие шелка" ("Незнакомка", апрель 1906); "Вся – в шелках тугих" ("Шлейф, забрызганный звездами...", сентябрь 1906); ср. определение Дочери Зодчего, героини пьесы "Король на площади" (1906): "высокая красавица в черных шелках" (СС-84. С. 22).

БАЛАГАН

("Над черной слякотью дороги...")

(С. 88)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₁₅. Л. 20 (приведен: Иванов-Разумник. Л. 162); АС – Т₅. Л. 48 ("На пути", "Балаган"), текст рукой Л.Д. Блок, заглавия рукой Блока; БА – РГБ. Ф. 423. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6; БА – РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 28; БА – НР₁ III₁. Л. 3, "[1906]"; БА – НР₂ III₁. Л. 52, "1906"; РЭ III₁. Л. 41; печ. текст – Изборник. Л. 85.

Первые: Образование. 1907. № 3. С. 22, под загл. "На пути".

Публикации: ЗС. С. 89, в разд. "Песня судьбы"; III₁. С. 71, "1906", в разд. "Песня судьбы"; II₃. С. 98, в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 135; II₅. С. 108.

Черновой набросок в ЗК₁₅ представляет собой запись только одной строки с зачеркнутым началом второй. В Т₅ над текстом приписка Блока чернилами: «"На пути" (заглавие придумано г. Арцыбашевым)», карандашом вписано заглавие "Балаган". С первым заглавием опубликовано в журн. "Образование" (в котором М.П. Арцыбашев был редактором беллетристического отдела). В следующей публикации в ЗС стихотворение получило заглавие "Балаган". Эпиграф впервые появляется в НР₁ III₁, но там он зачеркнут; вписан в РЭ III₁, там же уточнена датировка: "Конец 1906". Начиная с II₃, стихотворение публикуется с эпиграфом.

БА РГАЛИ записан в альбоме "Литературная тетрадь Анненского-Кривича В.И."

В III₁ стихотворение сопровождается авторским примечанием (с. 191): «"Б а л а г а н". "Тащитесь, траурные клячи!" "Ну, старая кляча, пойдем ломать своего Шекспира!" восклицает Кин в пьесе Дюма».

В составе подборки из трех стихотворений было передано В.Я. Брюсову для публикации в "Весах"; см. письмо Блока Брюсову от 13 января 1907 г. и ответное письмо Брюсова от 17 января 1907 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 499). Однако позднее Блок решил заменить предложенные стихотворения новым циклом; 24 февраля 1907 г. он писал Брюсову: «...беру из "Весов" те три стихотворения, которые я Вам передал. Из них одно ("Над черной слякотью дороги") хочу предложить "Образованию"» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 501).

В записи от 11 декабря 1906 г. Е.П. Иванов указал, что получил письмо от А.А. Кублицкой-Пиоттух «со стихами Саши "Балаган"» (БС-1. С. 415).

В ноябре 1906 г., когда было создано стихотворение, Блок проявляет пристальный интерес к театру. В этом месяце написана статья "Драматический театр В.Ф. Коммиссаржевской", в которой выражена вера в особую миссию театра – "колыбели страсти земной": "Что реальнее подмосток, с которых живые, ритмические дыхания ветра обвевают лица в темном зале? (...) Пусть зал и сцена будут как жених и невеста: из взаимной игры взоров, из красования друг перед другом рождается любовь. Пусть непрестанно на сцене искусство страстно обручается с тайной, и пусть искры чудес такого обручения залетают в зрительный зал. Пусть каждый уходит из театра влюбленным и верным земле" (СС-85. С. 96). В это же время происходит сближение Блока с труппой В.Ф. Коммиссаржевской. Стихотворение "Балаган", отразившее новые театральные идеи и устремления Блока, могло заключать в себе также непосредственный отклик на приготовления к постановке его пьесы "Балаганчик" в театре В.Ф. Коммиссаржевской: 17 октября 1906 г. Блок «был уведомлен о решении художественного совета поставить "Короля на площади" в этом же сезоне, то есть вместе с "Балаганчиком"» (Дьяконов [Ставрогин] А. В театре Коммиссаржевской // О Коммиссаржевской. Забытое и новое: Воспоминания, статьи, письма. М., 1965. С. 83); в письме от 6 декабря 1906 г. Блок уже просил Мейерхольда известить его о времени репетиции "Балаганчика" (Новый мир. 1979. № 4. С. 160). Упоминаемые в стихотворении маски итальянской комедии – одновременно и персонажи "Балаганчика". См.: Родина Т.М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 146–147.

Блок неоднократно выступал с чтением "Балагана": в редакции журн. "Образование" (по свидетельству К.И. Чуковского; см.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 257), на "Вечере современной поэзии и музыки" в Тенишевском зале 15 апреля 1916 г. Присутствовавший на этом вечере П.Г. Антокольский вспоминает, что "Балаган" был последним из прочитанных Блоком стихотворений: "Это прозвучало как вывод из всего выступления. Читая последние две строки, Александр Блок особенно твердо и сурово посмотрел слушателям в глаза, круто, почти по-солдатски, повернулся на каблуках и ушел с эстрады" (Воспоминания, 2. С. 137).

Критик А.Б. Дерман, анализируя в статье "Об Александре Блоке" книгу "Снежная ночь", подчеркивает, что Блок «отлично понимает значение и роль искусства в жизни, и одно из лучших, если не лучшее стихотворение в его книжке, "Балаганчик" (sic!), посвящено этой теме». Приведя весь текст "Балагана", критик продолжает: «Это проникнуто особенной, суровой и сосредоточенной красотой искреннего чувства. Но он и обязывает, этот взгляд на поэзию и это пожелание поэта, чтобы открылись торные пути в рай его заморских песен. И едва ли надо доказывать, что, как бы ни

были новы и чужды нашему слуху эти "заморские песни", только в том случае к ним откроются торные пути, если они найдут отклик в нашей душе; а последнее возможно лишь тогда, когда мотив этих песен – универсален» (РМ. 1913. № 7. Отд. II. С. 68–69).

Обращаясь к стихотворению в "Воспоминаниях о Блоке", Андрей Белый находит, что оно по своей образно-эмоциональной тональности показательно для Блока периода "антитезы": «Здесь – разбросан туман; проступает везде обыденность, которой ведь не было в "золотистой лазури": туман не рассеялся; наоборот: он – сплотился (...)» (Белый, 3. С. 215).

В общей перспективе поэтической эволюции Блока "Балаган" – одна из первых знаменательных попыток «увидеть в себе певца земных и, вместе с тем, высоких идеалов, преодолевающего замкнутость одинокого "я"» (Мицк, 1. С. 107), осознать формулу своего духовного пути (Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 42–43).

Эпиграф. – Эдмунд Кин (1787–1833) – крупнейший английский актер-трагик, один из прославленных исполнителей шекспировских ролей; герой романтической драмы Александра Дюма (1803–1870) "Кин, или Беспутство и гениальность" (1836). Блок приводит (неточно) слова Кина из 8-й сцены IV действия драмы; ср.: "Ну, рабочая лошадь, теперь ты уже в хомуте, ступай пахать своего Шекспира!" (Дюма А. Кин, или Беспутство и гений / Новый перевод под ред. П. Вейнберга. СПб., 1877. С. 55); современный перевод Э. Линецкой: "Ну, ступай, ломовая кляча, ты уже в упряжи, иди, паши своего Шекспира" (Дюма А. Пьесы. Л.; М., 1965. С. 406). В той же сцене пьесы Дюма Кин называет свое искусство "проклятым ремеслом" (Там же. С. 404). Видимо, Блок был знаком с пьесой Дюма только по театральным представлениям и воспроизвел слова Кина по памяти. "Кина" в театре Блок видел, по крайней мере, дважды: 12 января 1901 г. в петербургском Малом театре с В.П. Далматовым в главной роли (см. письмо Блока к А.В. Гиппиусу от 11 января 1901 г.) и в конце марта 1908 г. на гастролях братьев Адельгейм в Панаевском театре; 31 марта 1908 г. он сообщал матери: "Я был на гастролях Адельгеймов, видел Гамлета и Кина – недурно то и другое". Видимо, лишь после посещения этого (последнего) спектакля Блок предпослал стихотворению эпиграф (отсутствующий в автографах и первых публикациях). Впоследствии, в письме к М.Ф. Андреевой от 24 сентября 1919 г., Блок упомянул "Кина" Дюма в ряду пьес, принадлежащих, по его мнению, к "области высокого".

Лицо дневное Арлекина // Еще бледней, чей лик Пьеро. – Арлекин – маска дзани, "слуги"; веселый и жизнерадостный карнавальный буффон, один из двигателей интриги в итальянской комедии дель арте. Пьеро – поздняя маска, возникшая в итальянской комедии на французской почве (XVII в.); буффон, соединявший наивность, меланхолию и лирическое начало; устойчивое определение – "бледный Пьеро при лунном свете" ("la râle Pierrot au clair de la lune") (см.: Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. Commedia dell'arte. М., 1954. С. 216).

Коломбина – маска служанки, женская параллель дзани (другие имена – Серветта, Фантеска, Смеральдина, Франческа, Кораллина).

...Чтобы от истины ходячей // Всем стало больно и светло! – В статье "Блок" (1921) Ю.Н. Тынянов расценивает эти слова как принципиальную эстетическую декларацию поэта: Блок «предпочитает традиционные, даже стертые образы ("ходячие истины"), так как в них хранится старая эмоциональность; слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа, ибо новизна обычно отвлекает внимание от эмоциональности в сторону предметности» (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 121).

В тайник души проникла плесень... – В этих словах Блока Андрей Белый склонен был видеть косвенное оправдание своей критике его творчества периода "антитезы": «В результате же он (Блок) признается, что "плесень" проникла уже в тайники его жизни; и, стало быть, прав был и я (...)»; «*В тайник души проникла плесень. И все потому, что Она "отошла без возврата"*» (Белый, 3. С. 208, 215).

"ТВОЯ ГРОЗА МЕНЯ УМЧАЛА..."

(С. 89)

Авторизованный текст: АС – Т₅. Л. 48 об., рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Нива. Ежемес. лит. и научн.-попул. прил. 1907. № 3. Стб. 359–360, в подборке из трех стихотворений.

Публикации: Знамя труда (ЗТ). 1918. № 216. 1 июня (19 мая); И₄. С. 136; И₅. С. 109.

В другие издания не входило.

...И опрокинула меня. – О значении "опрокинутости" в лирике Блока см. с. 600 наст. тома.

Взойду по ней, по семицветной... – Блок использует мифопоэтический образ радуги – моста, перекинутого с неба на землю (см.: Афанасьев, 1. С. 361–363).

" В ЧАС ГЛУХОЙ РАЗЛУКИ С МОРЕМ..."

(С. 89)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 49–49 об., рукой Л.Д. Блок; БА – НР И₂. Л. 116, "[1906]".

Впервые: ТП. 1907. № 5. С. 24.

Публикации: ЗС. С. 116, "1906", в разд. "Послания", в цикле из трех стихотворений "Незнакомке"; И₂. С. 120–121, в разд. "Покорность"; И₃. С. 97, в разд. "Разные стихотворения"; И₄. С. 137; И₅. С. 109–110.

В РЭ И₂ поставлена дата правки: "Конец 1906", пометы Блока на полях у 1-й строфы: "Незнакомка?", над текстом: "Арфы и скрипки" (т.е. Блок предполагал перенести стихотворение в третий том в разд. "Арфы и скрипки").

В час глухой разлуки с морем... – Мотив "разлуки с морем" по контрасту соотносит стихотворение с поэмой "Ее прибытие", где море связано с темами жизненного подъема, свободы, дерзания.

Будут новые виденья, // Будет старая тоска. – Ср. стих. "Дали слепы, дни безгневы..." (1904): "Будут весны в вечной смене // И падений гнет. // Вихрь, исполненный видений (...)" (т. 1 наст. изд.).

Как горит твой млечный пояс! ~ Серебристая звезда! – Образный ряд, характеризующий лирическую героиню цикла "Незнакомка" (ЗС), в который входило стихотворение; два других стихотворения цикла – "Твое лицо бледней, чем было..." (март 1906) и "Шлейф, забрызганный звездами..." (первоначально: "Деве Млечного Пути"; сентябрь 1906). Ср.: "И шлейф влачишь, как та звезда", "Серебряный твой узкий пояс – // Сужденный магу млечный путь" ("Твое лицо бледней, чем было..."); "Ты – путям открыта млечным"; "Дай серебряных коснуться складок" ("Шлейф, забрызганный звездами...").

"СОЛЬВЕЙГ! О, СОЛЬВЕЙГ! О, СОЛНЕЧНЫЙ ПУТЬ!.."

(С. 90)

Авторизованные тексты: *АСП – Т₅*. Л. 55 об. – 56, "1906", текст рукой Л.Д. Блок, правка – рукой Блока; *АС – НР II₂*. Л. 9 ("Сольвейг"), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: Проталина. Альманах. СПб., 1907. Кн. 1. С. 40–41, в подборке из пяти стихотворений.

Публикации: *II₂*. С. 2–3 ("Сольвейг"), в разд. "Весеннее"; *II₄*. С. 138; *II₅*. С. 110.

В *T₅* стихотворение было сокращено (вычеркнуты ст. 11–12), но в таком виде не было напечатано.

В *PЭ II₂* перечеркнуто, в *II₃* не вошло. Там же на полях рядом с текстом знаки вопроса и помета Блока: «Переделать. Вовсе это не "Сольвейг"». Под текстом дата карандашом: "Конец 1906".

В стихотворении развивается (в иной, более "демонической" тональности) тема и образно-стилевая система стих. "Сольвейг" (20 февр. 1906 г.).

...*Солнечный Путь!* – Имя Сольвейг в переводе с норвежского (sol – солнце; vei – дорога; solvei – солнечная дорожка).

...*Вижу зеленые злые глаза.* – Ср. противоположную характеристику цвета глаз в стих. "Сольвейг": "Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул". "Зеленые глаза" для Блока соотносятся со Скандинавией; "зеленые кудри" у "скандинавских владык" в поэме "Ночная Фиалка". См.: *Раудар М.Н.* Север и Скандинавия в лирике А. Блока // Скандинавский сборник. XXVII. Таллин, 1982. С. 189.

Ты ли глядишь, иль старуха-сова? – В мифопоэтических представлениях различных народов сова (как и другие ночные птицы) связывается с нечистой силой.

Чей ослепительный плащ на лету... – Плащ – характерная примета "демонической" героини лирики Блока. Ср. в стих. "Иду – и все мимолетно..." (1905): "Вольная дева в огненном плаще!..".

Дай расколоть это зеркало мглы! // Чтобы лохматые тролли, визжа... – Тролли – в германо-скандинавской мифологии великаны, обитающие внутри гор, где они хранят свои сокровища; в позднейшей традиции ассоциировались с различными демоническими существами (гномами и др.). В "Пере Гюнте" Ибсена в сцене, изображающей тронную залу Доврского деда (II действие), выведены "придворные тролли", наряду с другими фантастическими существами. Кроме драматической поэмы Ибсена, Блок ориентировался и на сказку Ханса Кристиана Андерсена "Снежная королева" (1844), которую он перечитывал в декабре 1906 г. – на ее первый рассказ "Зеркало и его осколки", в котором речь шла о зеркале, изобретенном дьяволом; зеркало, вознесенное троллями до неба, "вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги" (*Андерсен, I.* С. 226–227).

"В СЕРЕБРЕ РОСЫ ТРАВА..."

(С. 90)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₅*. Л. 18 об. – 19, 20 об. ("Под луной в росе трава..."); *ЧА – ЗК₂₀*. Л. 3 об. – 4; *БА – Т₆*. Л. 46 об. ("Заклинание"), "[1907–8] Дек. 1906. СПб."; *БА – НР₂ III₁*. Л. 85.

Впервые: Новый журнал для всех. 1909. № 14. Дек. Стб. 5–6, под загл. "Заклинание" ("Под луной в росе трава...").

Публикации: *III*₁. С. 158, в разд. "Арфы и скрипки"; *II*₄. С. 139; *II*₅. С. 111.

В *ЗК*₁₅ (конец 1906 года) на л. 18 об. – 19 – первоначальные наброски карандашом первых двух строф и вслед за ними – запись стихов, не вошедших в окончательный текст (опубл.: *ЗК-1930*. С. 63). Здесь же, в *ЗК*₁₅, на л. 20 об. – наброски чернилами отдельных строк.

В записной книжке 1908 г. (*ЗК*₂₀) записан текст строф в ином порядке, с некоторыми вариантами и заключительной строфой, не вошедшей в основной текст (опубл.: *ЗК-1930*. С. 79). Над текстом помета Блока: "Опять за это". Записав текст (см. варианты *ЧА ЗК*₂₀), Блок перечеркнул его и обозначил на полях последовательность трех строф: к ст. (4–6) – "I", к ст. (7–9) – "II", к ст. (1–3) – "III". Такая перестановка приблизила текст к окончательному; ст. (13–15) с перестановкой строк внутри строфы вошли в *T*₆ и в первую публикацию. Кроме того, в *T*₆ позже была изменена дата: зачеркнуто "1907–8" и вписано "Дек(абрь) 1906". Это изменение нашло отражение в *II*₅.

Окончательный текст – *III*₁. В *РЭ III*₁ стихотворение перечеркнуто; восстановлено в *II*₄.

Стихотворение тематически соотносится с "некрофильской" балладой В.Я. Брюсова "Призыв" ("Приходи путем знакомым...", 1900), известной Блоку еще в устном исполнении автора и сильно его заинтересовавшей. «Буду Вам глубоко признателен, если Вы дополните мне "Urbi et orbi" стихотворением "Приходи путем знакомым"», – писал Блок Брюсову 31 января 1904 г. Воздействие стих. "Призыв" (впервые опубл. в журн. "Золотое руно". 1906. № 1. С. 43) сказалось также в стих. "Жду я смерти близ денницы..." (подробнее см. коммент. к нему).

В серебре росы трава. – Ср.: "Иду, и холодеют росы, // И серебрятся о тебе" ("Ищу огней, огней попутных...").

Холодна ты, не жива. – Ср. "Призыв" Брюсова:

Чу! на теле охладелом
Проступила синева.
Хорошо! я не жива.

Я прошу тебя: очнись. ~ *Ты открой твой мертвый зрак.* – В "Призыве" Брюсова, написанном, в отличие от стихотворения Блока, в форме монолога мертвой женщины, – аналогичные глагольные формы императива:

Не ломай мне рук согнутых,
Не томи очей сомкнутых.
Тесен гроб? прижмись ко мне.
Странен шорох в тишине.

Месяц залил светом высь... Две холодные змеи. – Возможно, в этих строках – отголосок стихов, которые читает Муций, персонаж повести И.С. Тургенева "Песнь торжествующей любви" (1881): "Месяц стал, как круглый щит. // Как змея, река блещит..." (*Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: в 12 т. М., 1982. Т. 10. С. 59*).

УСТАЛОСТЬ

("Кому назначен темный жребий...")

(С. 91)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₅. Л. 89 об., "14 февраля" (над текстом); БА – НР₁ III₁. Л. 60; Кор. – НР₂ III₁. Л. 71, "1907"; печ. текст – *Изборник*. Л. 85.

Впервые: ЦО. С. 103, в цикле "Пред Ликом Твоим".

Публикации: ЗС. С. 90, в разд. "Песня судьбы"; III₁. С. 117, "1907", первое в разд. "Возмездие"; II₃. С. 99, в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 140; II₅. С. 111.

В РЭ III₁ уточнена датировка: "14 февр(аля) 1907".

Кому назначен темный жребий... – Реминисценция из стих. "Я в долиный мир вошла, как в ложу..." (1 янв. 1907 г.): "Темный жребий вам назначен". Мотив "темного жребия" связывает стихотворение с кругом поэтических текстов Блока, навеянных образом Н.Н. Волоховой.

...*Над тем не властен хоровод.* – Образ хоровода был связан для Блока во время написания стихотворения с идеями соборного, "дионисийского" творчества, которые развивались в кругу Вяч. Иванова (стихотворение было опубликовано в альманахе "Цветник Ор", фактическим редактором которого был Иванов). О том, что в сознании Блока тема хоровода сопрягалась с "дионисийской" проблематикой, свидетельствуют и наброски неосуществленного драматургического замысла "Дионис Гиперборейский" (декабрь 1906); ср. реплику Деда: "Кто это пляшет передо мною? Какой юный! Дитя мое, с кем ты водишь хоровод?" (ЗК. С. 90) Poleмический смысл слов Блока проясняется и в сопоставлении с "программным" стих. С.М. Городецкого "Беспредельна даль поляны..." (посвященного Вячеславу Иванову):

В хороводы, в хороводы,
О, соборуйтесь, народы,
Звезды, звери, горы, воды!

Вздымем голос хороводный
И осеем свод бесплодный
Цветом радости народной.

(Городецкий С. Ярь. Стихи лирические
и лиро-эпические. СПб., 1907. С. 119)

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

Эпиграф (ЗС) – цитата из Евангелия, слова воскресшего Иисуса, обращенные к Марии Магдалине; ср. русский синодальный перевод: "Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне (...)" (Ин. XX. 17).

" ПРИДУТ НЕЗАМЕТНЫЕ БЕЛЫЕ НОЧИ..."

(С. 91)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₅. Л. 91 об., "18 марта"; БА – НР₁ III₁. Л. 20, первое в подборке из двух стихотворений под общим загл. "Белые ночи", второе – "Усталость" ("Кому назначен темный жребий..."); Кор. – НР₂ III₁. Л. 64, "1907".

Впервые: *ЦО*. С. 102, под загл. "Белые ночи", в цикле "Пред Ликом Твоим".

Публикации: *ЗС*. С. 91 ("Белые ночи"), в разд. "Песня судьбы"; *III*₁. С. 97–98, в цикле из двух стихотворений под общим загл. "Белые ночи" в разд. "Страшный мир"; *II*₄. С. 141; *II*₅. С. 112.

Почти одновременно было опубликовано в альманахе "Цветник Ор" и в *ЗС* под заглавием "Белые ночи". В следующей публикации в *III*₁ это заглавие становится общим для двух стихотворений.

В *РЭ III*₁ Блок датировал стихотворение ("18 марта 1907"), внес пунктуационные поправки в ст. 1 и 3, написал на полях: "Арфы и скрипки" (т.е. предполагал перенести стихотворение в *II*₃ в этот раздел), затем перечеркнул текст. В *II*₃ стихотворение не вошло.

Тема "белых ночей", развиваемая в стихотворении, возможно, была связана для Блока в марте 1907 г. с идеей альманаха "Белые ночи", в подготовке и комплектовании которого он в это время принимал ближайшее участие; ср. его запись (февраль – март 1907 г.): «Жёне о "Белых ночах"» (*ЗК*. С. 93; Женья – Е.П. Иванов). А.А. Кондратьев писал об альманахе 19 июля 1907 г. Б.В. Беру: "...материал был уже заготовлен в марте и начале апреля. Редактировали Блок и Чулков" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 286; ср. письмо Кондратьева к Беру от 1 мая 1907 г. – *Там же*. С. 280).

Решая тему петербургских "белых ночей" в безнадежно-мрачной тональности, характерной для этого стихотворения (см.: *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 311–312), Блок имел предшественника в лице Аполлона Григорьева; ср. его стих. "Город" (1845):

И в те часы, когда на город гордый мой
Ложится ночь без тьмы и тени,
Когда прозрачно все, мелькает предо мной
Рой отвратительных видений...
Пусть ночь ясна, как день, пусть тихо все вокруг,
Пусть все прозрачно и спокойно, –
В покое том затишье на время злой недуг,
И то – прозрачность язвы гнойной.

(Стихотворения Аполлона Григорьева. СПб., 1846. С. 53; *Григорьев Ап.* Избранные произведения. Л., 1959. С. 102 (Б-ка поэта, большая серия))

Стихотворение обнаруживает эмоционально-образные переклички с циклом "Не-нужная весна", датированным тем же днем (см.: *СС-82*. С. 331–332).

Я буду мертвый – с лицом поднятым. – Ср. в стих. "Ты оденешь меня в серебро..." (1904): "Опрокинусь я мертвым лицом".

"ЗАЧАТЫЙ В НОЧЬ, Я В НОЧЬ РОЖДЕН..."

(С. 92)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₁₆. Л. 14–18 об., "12 апреля" (факсимиле текста на л. 14 об. – 15 – *ЗК-1930*. С. 83); *БА* – *Т5*. Л. 93–94, "12 апреля"; *АС* – *НР*₁ *III*₁. Л. 4 ("Судьба"), рукой А.А. Кублицкой-Пиотух; Кор. – *НР III*₁. Л. 52–54 ("Судьба"), "[1907]"; *РЭ III*₁. Л. 42, "12 апреля 1907".

Впервые: *ЗР*. 1907. № 6. С. 24–25, в подборке из 3 стихотворений, в составе диптиха вместе со стих. "Одна мне осталась надежда..."

Публикации: *ЗС*. С. 85–86 ("Судьба"), первое в разд. "Песня судьбы"; *III*₁. С. 71–73 ("Судьба"), в разд. "Песня судьбы"; *II*₃. С. 100–101, в разделе "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 142–143; *II*₅. С. 112–113.

В *ЗК*₁₆ ст. 9–12 основного текста записаны после черновых набросков (Л. 14 об.). Не исключено, что эта строфа задумывалась как начало стихотворения. Дальнейшие записи в целом отражают последовательность основного текста. Заканчивается запись стихотворения пометами: "конч(ено) 12 апреля"; "не для концерта ли завтра?". Зафиксированный в *ЗК*₁₆ текст в целом более чем на 30 стихов превосходит основной, однако считать его первоначальной редакцией не представляется возможным, поскольку Блок сократил и исправил текст красным карандашом, а также пронумеровал строфы римскими цифрами; в таком виде стихотворение зафиксировано в *T*₅, где строфы VI и XIII (по нумерации в *ЗК*₁₆) перечеркнуты – первая из них (ст. (21–24)) – простым карандашом, а другая (ст. (45–48)) – взята в скобки красным карандашом и перечеркнута затем красным и синим карандашами. Вторая из этих строф – ст. (45–48) – не вошла ни в одну прижизненную публикацию (опубл.: *СС-1*. С. 302), тогда как ст. (21–24) – в *ЗК*₁₆ это VI строфа, ст. (17–20) – печатались в первых двух публикациях в *ЗР* и *ЗС*.

В "Собрании стихотворений" 1911–1912 гг. было помещено в третий том (*III*₁), в последующих изданиях – во второй. При подготовке издания 1916 г. в *РЭИИ*₁ Блок приписал под текстом дату, вычеркнул ст. 33–36, в *II*₃ эти стихи не вошли. Курсив в ст. 9, 17 и 24 обозначен лишь в *II*₄. Эпиграф, с которым стихотворение было опубликовано в *ЗС*, в наборной рукописи *III*₁ был Блоком вычеркнут и в дальнейших изданиях не публиковался.

Стихотворение было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ)*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Стихотворение представляет собой одну из первых попыток создания мифологизированной биографии, прослеживания "пути" лирического героя; ср. более ранний опыт Блока в этом направлении – стих. "Ей было пятнадцать лет. Но по стучу..." (1903; т. 1 наст. изд.).

В статье о Блоке К.И. Чуковский привлек стихотворение, чтобы показать характер эволюции образа его лирической героини, настаивая на отсутствии принципиальных различий в восприятии поэтом "Незнакомки" и "Прекрасной Девы" его ранних стихов. Блок, по словам Чуковского, "только по привычке зовет ее Незнакомкой, но, ах, она Знакомка, старая его Знакомка, и он, как счастливый любовник, кичится победой". Критик цитирует далее ст. 29–36 стихотворения (от: "В ту ночь река во мгле была") и заключает: "Какие упоительные стихи, но неужели и вправду она пришла к нему? Уже пришла? Не ошибся ли он? Уж не принял ли он, и вправду, деву от Квисисаны за Деву Радужных Ворот? На Невском проспекте так легко ошибиться: туман и путаница. (...)"

Но где же у Блока индивидуальное выражение, индивидуальный отблеск Прекрасной Девы?

Он говорит о ней:

Она была живой костер
Из снега и вина –

общее, расплывчатее ничего нельзя себе представить. Мы не потерпим, чтобы Жена, Облеченная в Солнце, отражалась и в этой женщине, и в другой, и в третьей; мы требуем идеально-духовного отношения к Одной, Единственной, Неизменной, внутренне бесконечного и ничем несокрушимого" (*Чуковский К. От Чехова до наших дней: Литературные портреты. Характеристики. 3-е изд. СПб.; М., [1908]. С. 37–39; "Квисисана" – ресторан на Невском проспекте*).

В статье В. Мерлина "К определению метрико-семантической традиции (Стихотворение А. Блока "Зачатый в ночь, я в ночь рожден...")" стихотворение рассматривается в связи с жанрово-метрической традицией, восходящей к немецкой "биографической балладе" или "автобиографическому романсу" (см.: *Индивидуальность авторского стиля в контексте развития литературных форм. Алма-Ата, 1986. С. 36–44*).

Зачатый в ночь, я в ночь рожден... – Блок родился "к утру воскресенья 16 ноября 1880 года" (*Бекетова I₂. С. 32*).

Что быть должно, то быть должно... – Возможно, отзвук строк из "Гимнов" Аполлона Григорьева ("4. (Из Гердера)"):

Что пройти должно – проходит,
Что прийти должно – приходит,
Что стоять должно – стоит.

(Стихотворения Аполлона Григорьева. СПб., 1846. С. 18; *Григорьев Ап. Избранные произведения. Л., 1959. С. 399* (Б-ка поэта, большая серия)) В статье "Трагический рыцарь. О поэзии Александра Блока" (1919) М.М. Зощенко приводит этот стих как пример характерного для Блока "печального лиризма" и "какого-то безусловно болезненного сознания своего бессилия, покорности и тоски" (см.: *Орлов Вл. "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 172*).

Влюбленность расцвела в кудрях... – Ср. трактовку этого мотива в стих. "Влюбленность" ("Королевна жила на высокой горе...", 1905) и статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906) (*СС-8₅. С. 87–88*).

...Разлив осенних вод. – Эту строку приводит (с намеренной неточностью) Андрей Белый как метафору эволюции ранней поэзии Блока (статья "Александр Блок", 1916): "Первоначальный рост музыки Блока есть безразмерное расширение стихий: *разлив русских вод*; их весеннее таянье <...>". (*Белый А. Поэзия слова. Пб., 1922. С. 122*). "Осенний" колорит стихотворения противостоит "весеннему" колориту ранней лирики Блока.

...Та – незнакомая – пришла // И встала на мосту. – Автореминисценция картины появления героини во "втором видении" драмы "Незнакомка" (1906): "...по мосту идет прекрасная женщина в черном <...> Незнакомка застывает у перил моста <...>" (*СС-8₄. С. 84*).

Она была – живой костер // Из снега и вина. – Характеристики образа лирической героини стихотворений, сосредоточенных в разделах "Снежная Маска" и "Файна" второго тома; в биографическом плане подразумеваются взаимоотношения Блока с Н.Н. Волоховой (см. коммент. к разд. "Снежная Маска" и "Файна"). Ср. в стих. "Шлейф, забрызганный звездами..." (1906): "Меж землей и небесами // Вихрем поднятый костер".

Она зовет. Она манит. ~ Иная жизнь? Глухая смерть? – Отзвук заключительных стихов баллады В.А. Жуковского "Рыбак" (1818):

Она поет, она манит –
Знать, час его настал!
К нему она, он к ней бежит...
И след навек пропал.

См.: *Топоров В.Н.* К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. Блок – Жуковский: проблема реминисценций // *Russian literature*. 1977. Vol. 5. № 4. С. 352, 368. Вероятно также воздействие романа А.Е. Варламова на стихи А.В. Тимофеева "Разлука" (1835): "Река шумит, река ревет, // Меня манит, меня зовет..." (Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 527 (Б-ка поэта, большая серия)).

В снегах земля и твердь... Глухая смерть? – Рифмовка "твердь: смерть" – автореминисценция из стих. "Усталость" (февраль 1907); ср. там же: "И даже рифмы нет короче // Глухой, крылатой рифмы: *смерть*".

Что мне поет? Что мне звенит? – Реминисценция из "Слова о полку Игореве": "Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?" Возможно, в кругу ассоциаций Блока в данном случае было и стихотворное послание Ф. Сологуба Вяч. Иванову (26 мая 1906 г.), первые строки которого ("Что звенит? // Что манит?") также представляют собой цитату из "Слова о полку Игореве" (*Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1975. С. 331–332, 614–615 (Б-ка поэта, большая серия); Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 142). См.: *Смирнов И.П.* Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX – начала XX в. (на материале "Слова о полку Игореве"). – *БС-4*. С. 248–249.

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС) – из монолога, который произносит Некто в сером в прологе драмы Л.Н. Андреева "Жизнь Человека" (1907). Текст монолога обнаруживает тематические и стилевые соответствия со стихотворением; ср.: "Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом. Доселе небывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем – он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни. (...) Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже живущим на земле. И их жестокая судьба станет его судьбою, и его жестокая судьба – станет судьбою всех людей. (...) И в слепом неведении своем, томимый предчувствиями, волнуемый надеждами и страхом, он покорно совершит круг железного предначертания", и т.д. (*Андреев Л.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. С. 172–173). Блок, высоко оценивший драму Андреева, дал ее критический анализ в статье "О драме" (1907); ср. также письмо Блока к В.П. Веригиной от 27 февраля 1907 г. и воспоминания Веригиной о постановке "Жизни Человека" в Театре В.Ф. Комиссаржевской и воздействии, которое оказал этот спектакль на Блока (*Воспоминания*, I. С. 440–442). Подробнее см.: *Беззубов В.* Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984. С. 181–202.

"С КАЖДОЙ ВЕСНОЮ ПУТИ МОИ КРУЧЕ..."

(С. 93)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 95 об. ("Белые ночи"), "7 мая", текст – рукой неизвестного лица (Н.Н. Волоховой?), дата – рукой Блока; АС – НР₁ III₁. Л. 21, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук, второе в цикле из двух стихотворений под общим загл. "Белые ночи"; Кор. – НР₂ III₁. Л. 64; печ. текст – *Изборник*. Л. 91.

Впервые: *БН*. С. 235, "1907", под загл. "Белые ночи".

Публикации: *III*₁. С. 98, "1907", в разд. "Страшный мир", второе в цикле из двух стихотворений под общим заглавием "Белые ночи"; *III*₃. С. 102, в разд. "Разные стихотворения"; *II*₄. С. 144; *II*₅. С. 114.

Первая публикация в *БН* содержит полный текст, но в *T*₃ и в *НР*₁ *III*₁ 3-я строфа (ст. 9–12) зачеркнута; без нее стихотворение было опубликовано в *III*₁ и в *II*₃; ст. 9–12 восстановлены в *II*₄.

В *РЭ III*₁ уточнена датировка ("7 мая 1907"), в ст. 16 подчеркнуты слова "Если можешь, пророчь..." и рядом с ними поставлен вопросительный знак. На полях помета: "А(рфы) и С(крипки)" – т.е. Блок предполагал в *II*₃ перенести стихотворение в соответствующий раздел.

Тематически связано с идеей альманаха "Белые ночи", в котором было впервые опубликовано (ср. первоначальное заглавие стихотворения). См. коммент. к стих. "Придут незаметные белые ночи...". Как и в стих. "Придут заметные белые ночи...", поэтический образ белых ночей здесь предстает в сочетании с мотивом смерти и в автопоэтике с символикой "весны" в первом томе.

Месяц ладью опрокинул в последней // Бледной могиле... – Отзвук мифопоэтических представлений об умалении месяца как умирании небесного светила. "Ладья" – мифологический образ ладьи смерти, на которой человеческая душа переправляется в загробный мир.

Карты... Цыганка поет ~ Был у нас пламенный лик. – Ср. стих. "Старуха гадала у входа..." (1903; т. 1 наст. изд.) где тема карточного гадания также сочетается с мотивом "пламенности" ("Увидавшие страшный лик, // Задыхались в дыму пожара (<...>"), а также стих. "Потеха! Рокочет труба..." (1905).

ДЕВУШКЕ

("Ты перед ним, что стебель гибкий...")

(С. 93)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – T*₆. Л. 7 об., "6 июня"; *БА – НР*₁ *III*₁. Л. 17; *Кор. – НР*₂ *III*₁. Л. 64.

Впервые: *Шиповник*. Кн. 3. С. 182.

Публикации: *ЗС*. С. 52, в разд. "Мещанское житье"; *III*₁. С. 96–97, в разд. "Страшный мир"; *Социализация женщин*. Пг., 1918. С. 31; *II*₄. С. 145; *II*₅. С. 114–115.

В *РЭ III*₁ стихотворение перечеркнуто; восстановлено в Собрании стихотворений в *II*₄.

Начинающий поэт С.П. Бобров, характеризуя в письме к Андрею Белому от 18 июня 1909 г. стихотворения Блока, отмечал: «"Ты перед ним, что стебель гибкий..." – перл безвкусицы (<...>» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 351).

О народно-поэтических мотивах, отразившихся в стихотворении, см.: *Савушкина Н.И.* Русская советская поэзия 20-х годов и фольклор. М., 1971. С. 32. Ср. развитие мотива "звериной страсти" в стих. "В дюнах" (июнь – июль 1907).

...в горнице немилрой // Сухие стены подожги. – Мотив, восходящий к народным

песням на тему об убийстве женою мужа; ср. широко известную песню "Как рябина, как рябина кудрявая...":

...напою я мужа пьяного.
положу его средь двора,
оболоку его соломою,
зажгу его лучиною (...)

(Демократическая поэзия XVII века. М.; Л., 1962. С. 110
(Б-ка поэта, большая серия))

"КОГДА Я СОЗДАВАЛ ГЕРОЯ..."

(С. 94)

Автографы: ЧА – ЗК₁₇. Л. 1–1 об., "3 окт(ября). На жел(езной) дор(оге) в Киев" (помета на полях); БА – Т₆. Л. 36, "3 окт(ября). По дороге в Киев"; БА – РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2900. Л. 2.

Впервые: Текущая жизнь. 1909. № 1. С. 5.

Публикации: Знамя труда. 1918. № 198. 11 мая (28 апреля); *И4*. С. 146; *И5*. С. 115.

В другие издания не входило.

...*Кремень дробя, пласты деля ~ Была исполнена земля!* – Возможно, строки содержат отзвуки стих. Г. Ибсена "Рудокоп" в переводе А. и П. Ганзен:

Выше, молот мой, вздымайся,
камень с треском разрушайся!
Надо путь пробить туда,
где поет, звенит руда. (...)

Веет миром, тишиною
в тьме извечной под землею;
глубже внутрь, в земную грудь
пробивай мне, молот, путь!

(Ибсен Г. Полн. собр. соч.

М.: Изд. С. Скимунта, 1907. Т. 1. С. 396)

Ср. в стих. "Я ухо приложил к земле..." (3 июня 1907): "Эй, подними свой верный молот, // Чтоб молнией живой расколот // Был мрак, где не видать ни зги!".

Щит ослепительно сверкущий ~ И светлый меч, пронзая тучи // Разил, как неуклонный луч... – Метафорические уподобления солнца огненному небесному щиту, солнечных лучей – мечу (или копью, стреле) восходят к древнейшим мифопоэтическим представлениям (см.: Афанасьев, I. С. 215–217, 245–246), воспринятым и христианской образностью. Героические атрибуты в данном случае могли также иметь аналогии с миром образов Вагнера (тетралогия "Кольцо Нибелунга"). См.: Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // *Zbornik Radova instituta za strane jezike i književnosti*. Sv. 6. Novi Sad, 1984. С. 203. Характерно, что в стихотворении воскрешается значение образов "меча" и "щита" как символов духовного дерзания и житнетворческого подвига, актуальных для первого тома и подвергнутых переоценке в творчестве Блока 1905–1907 гг. – в поэме "Ночная Фиалка" ("Вот рассыпался меч, дребезжа. // Щит упал"), стих. "Балаганчик" ("деревянный меч"), "За холмом отзвенели упругие латы..." и др.

Еще не явлен лик чудесный... – Ср. в стих. "Вися над городом всемирным..." (1905): "И если лик свободы явлен".

...*Но я провижу лик – зарю...* – Мотив воплощения небесной идеи, восходящий к поэтической символике первого тома.

"ВСЮДУ ЯСНОСТЬ БОЖИЯ..."

(С. 94)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 1 об. – 2; *АСП – Т₅*. Л. 41 об., "По ж(елезной) д(ороге) в Киев (октябрь 1907) – Ревель (февраль 1908)", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, правка и датировка рукой Блока.

Впервые: Столичная почта. 1908. № 252. 2 марта.

Публикации: *И₄*. С. 146; *И₅*. С. 116.

В другие издания не входило.

В *ЧА ЗК₁₇* 1-я строфа записана на л. 2, на л. 1 об. – 2-я строфа.

Окончательный текст – в первой публикации.

Стихотворение написано по пути в Киев (Блок выехал из Петербурга вечером 2 октября 1907 г.) и, видимо, отразило дорожные впечатления. В Киев Блок приехал утром 4 октября (см. его письмо к матери от 9 октября 1907 г.).

Размер (трехстопный хорей) и тип перекрестной рифмовки (чередование дактилических и мужских клаузул) – те же, что и в стих. "Ночью вьюга снежная..." (1901; т. 1 наст. изд.), развивающем сходные мотивы "ясности", радости, исполнения мечты.

...*Ты, душа, воротисься // В самый ясный свет.* – Отзвук мифологемы "вечного возвращения". Ср.: Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 43.

"ОНА ПРИШЛА С ЗАКАТА..."

(С. 95)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₁₇*. Л. 44 об.; *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 44 об. – 45, "8.XI. Ночь"; *БА – Т₆*. Л. 25 – 25 об. ("Пришлица"), "Ноябрь"; *БА – НР₁ III₁*. Л. 61 ("[Пришлица]"); Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 57.

Впервые: Образование. 1908. № 2. Отд. I. С. 91, под загл. "Пришлица".

Публикации: *III₁*. С. 79, в разд. "Песня судьбы"; *И₃*. С. 104, последнее в разд. "Разные стихотворения"; *И₄*. С. 147; *И₅*. С. 116.

Наброски в *ЗК₁₇* и *ЧА ЗК₁₇* записаны карандашом, ст. 1 исправлен позже чернилами, весь текст *ЧА ЗК₁₇* перечеркнут красным карандашом. В *Т₆* название вписано позднее, оно вошло только в первую публикацию. В *РЭ III₁* содержит правку, не отразившуюся в последующих публикациях.

Окончательный текст – *III₁*.

По образно-стилевой структуре (мотивы "зимнего холода", "костра", "ночи", "змей-кос", "вихря", распятия лирического "я" и др.) примыкает к разделам "Снежная Маска" и "Файна"; образ лирической героини стихотворения (навеянный Н.Н. Волоховой) также восходит к этим разделам III книги.

...*В бесцельный зимний холод...* – Ср. в стих. "Настигнутый метелью" (3 января 1907 г.): "И указала (...) На бесцельный холод".

И был костер в полночи ~ ...дух высокий // Распяли на кресте. – Ср.: "И взвился костер высокий // Над распятым на кресте" ("На снежном костре", 13 января 1907). Образ распинаемого лирического героя – центральный в стих. "Когда в листве сырой и ржавой..." (3 октября 1907).

...И черными змеями // Распуталась коса. – Ср.: "В тяжелозмейных волосах" ("Снежное вино", 29 декабря 1906); "Вползи ко мне змеей ползучей (...) Косою черной задуши" ("Ушла. Но гиацинты ждали...", 31 марта 1907).

И в вихре снежной пыли... – Образ, восходящий к народно-поэтическим представлениям; ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906): "В (...) ветре, который крутится на дорогах, завивая снежные столбы, водится нечистая сила". (СС-85, С. 38). См. коммент. к стих. "Русь".

...Я верен черноокой... – Характерный атрибут лирической героини "Снежной Маски": "темные очи" ("Настигнутый метелью"), "Из очей ее (...) Светит мгла", "Снежный мрак ее очей" ("Прочь!"), "Темноокая" ("Нет исхода") и др.

...Змеиной красоте. – Мотив "змеиной красоты", постоянный в характеристиках лирической героини "Снежной Маски" и "Файны", возможно, соотносится с характеристикой "красавицы Яги" в фольклорной балладе С. Городецкого "Яга": "У той Яги, у девы (...) Змеиная краса" (*Городецкий С. Перун*. СПб., 1907. С. 32).

"Я МИНОВАЛ ЗАКАТ БАГРЯНЫЙ..."

(С. 95)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА ЗК₁₇*. Л. 2 об.; *АСП – Т₆*. Л. 42, "Пбг. – Ревель. Октябрь – февраль", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, датировка и правка – рукой Блока; *БА – НР₂ III₁*. Л. 65; *РЭ III₁*. Л. 55 об.

Первые: Образование. 1908. № 6. Отд. I. С. 17, под загл. "Вечная встреча".

Публикации: Пробуждение. 1910. № 14. С. 453 ("Вечная встреча"); *III₁*. С. 100, в разд. "Страшный мир"; *II₃*. С. 103, в разд. "Разные стихотворения"; *II₄*. С. 148; *II₅*. С. 117.

В *ЗК₁₇* непосредственно вслед за текстом 3-й строфы идет запись стих. "Перехожу от казни к казни...", которое, по предположению Иванова-Разумника, могло быть продолжением стих. "Я миновал закат багряный..." (см.: *Иванов-Разумник*. Л. 166). В *Т₆* второе двустопное последней строфы было первым, в таком виде эта строфа печаталась в первых двух публикациях. Вариант ст. 9 в *РЭ III₁* в последующие издания не вошел. В *Хр. ук.* датировка: Февраль 1908.

...Ряды строений миновал ~ Огнями мне сверкнул вокзал... – В этих строках, вероятно, отразились впечатления Блока от прогулок по северным окраинам и предместьям Петербурга, в районе Приморской железной дороги.

...И черных перьев водопад... – Ср. в стих. "Незнакомка" (1906): "И шляпа с траурными перьями".

Проходит в час определенный... Ср. у Пушкина: "Приходит час определенный" ("Евгений Онегин". Гл. VI. Строфа XXI) – строка из элегии Ленского. Строка включает и автореминисценцию из стихотворения "Незнакомка": "И каждый вечер, в час назначенный".

...За нею – карлик, шлейф влача... – Образ шлейфа, характерный для многих стихотворений Блока 1906–1907 гг. с "астральной" символикой, в данном случае непосредственно восходит к прозаическому этюду Блока "Сказка о той, которая не поймет ее" (12 октября 1907), развивающему многие мотивы, характерные для раздела "Файна": "За длинным ее шлейфом влачился безобразный карлик (...); "И безобразный карлик бормотал у двери непонятные свои речи, приглашая в путь госпожу, готовясь летать за ее шлейфом всюду, куда полетит она, как безобразный астральный осколок – проклятый спутник зловещей и прекрасной кометы" (СС-129. С. 200, 201).

*И я смотрю вослед, влюбленный, // Как пленный раб – на палача... – Ср. стих.
"Перехожу от казни к казни..." (октябрь 1907):*

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть. (...)
Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду (...)

Любовная пара, в которой мужчина исполняет роль "раба", узника", а женщина – "царицы", "палача", характерна для баллад В.Я. Брюсова "Раб" (1900) и в особенности "На нежном ложе" (впервые: Корабли. Сборник стихов и прозы. М., 1907. С. 25–26):

Сойдешь ли ты, как ангел Бога,
Ко мне, сегодня, с палачом? (...)
А ты, подобная пантере,
Свой бич взносила надо мной.

О, этот бич! Он был так сладок!
Пьянил он, как струя вина!
И ты, – загадка из загадок! –
Давала кубок пить до дна!

(Брюсов В. Пути и перепутья. Сборник стихов.
Все напевы. М., 1909. Т. 3. С. 50)

"ТВОЕ ЛИЦО МНЕ ТАК ЗНАКОМО..."

(С. 96)

Автографы: ЧА ЗК₂₂. Л. 23–21, "1 августа"; БА – Т₆. Л. 63–63 об. ("К неизвестной"), "1 августа (19)08. СПб".

Впервые: Образование. 1908. № 9/10. Отд. I. С. 123, под загл. "К неизвестной".

Публикации: П₄. С. 149–150; П₅. С. 117–118.

В другие издания не вошло.

В ЧА ЗК₂₂ за текстом стихотворения следуют еще 9 стихов, не вошедших в печатные тексты (ст. (29–32) опубл.: СПТ. С. 523); из них пять последних Иванов-Разумник относит к стихотворению предположительно (см.: Иванов-Разумник. Л. 100). Под ЧА ЗК₂₂ помета карандашом: "Так прошло – 2 августа". Карандашом подчеркнут ст. (36), к нему на полях помета (см. Другие редакции и варианты).

Написано в один день со стих. "Забывшие Тебя" и в этом отношении составляет ему идейно-психологическую антитезу: мотивам забвения и разуверения в пройденных путях противостоит мотив надежды и верности непоколебимому идеалу. Образ героини, "неизвестной" (ср. первоначальное заглавие стихотворения), имеет черты сходства с Прекрасной Дамой, но вместе с тем соотносится с образом родины. Тема грядущей встречи в заключительных строках стихотворения обнаруживает параллели с драмой "Песня Судьбы" (1908) и статьями 1908 г. о России и интеллигенции (см.: Миниц, I. С. 123). В стихотворении отразились переживания разлуки с женой летом 1908 г. (Л.Д. Блок была на Кавказе на театральных гастролях); 2 августа Блок писал ей: "Я все время полон мыслями о тебе и только на тебя и надеюсь" (ЛН. Т. 89. С. 246).

Не ты ли легкою стопою ~ Не ты ль проскальзываешь мимо... – Ср. поэму А.С. Пушкина "Руслан и Людмила" (1820): "Но в сторону – незрима вдруг – // Она неслышною стопою // От хищных улегала рук" (Песнь 4. Ст. 253–255).

...Полувоздушна и незрима... – Ср. цитированные выше строки из "Руслана и Людмилы", а также стих из "Евгения Онегина": "Блистательна, полувоздушна" (Гл. I. Строфа XX).

...Среди погоста, за гумном ~ Спустилась к речке и запела... – Пейзажные мотивы навеяны, видимо, пребыванием в Шахматове в июне 1908 г. Ср. письмо Блока к Л.Д. Блок от 18 июля 1908 г.

...Платок мелькает за рекой... – Символика "двух берегов" характерна для поэзии Блока первого тома (мотив разлуки с лирической героиней); ср. коммент. к стих. "Сумерки, сумерки вешние..." (1901, т. I наст. изд.).

Другие редакции и варианты

Ты помнишь – в лодке в час заката // Я задержал на миг весло? (ЧА ЗК₂₂) – автореминисценция стихотворения 1902 г.: "Мы встречались с тобой на закате, / Ты веслом рассекала залив" (т. I наст. изд.).

ГОРОД

Второй по величине раздел данного тома – *Город* – состоит из 45 текстов. Его хронологические границы (1904–1908) охватывают весь период создания стихотворений второго тома лирической трилогии.

Впервые цикл из пяти стихотворений под заглавием "Город" появился в альманахе "Гриф" (1905). Из текстов, составивших позже раздел, в него вошли: "Вечер" ("Ввысь изверженные дымы...") и "Гимн". В рецензии на альманах Г. Чулков обратил внимание на своеобразие блоковской урбанистической лирики: "Это не тот город, который волновал Эмиля Верхарна и Валерия Брюсова: у Александра Блока нет сгущенного реализма (...). Поэзия Блока *призрачна и прозрачна*" (ВЖ. 1905. № 2. С. 318).

Три стихотворения из будущего раздела были в числе первых, опубликованных поэтом в газетной периодике. Это – "Сытые" (НЖ. 1905. № 341. 23 нояб. С. 2), "Барка жизни встала..." и "Вися над городом всемирным..." (Наша жизнь: Ил. и лит. неделя. 1905. 26 нояб. № 26/27. С. 207–208). Современник и биограф Блока В.Н. Княжнин расценил это как "конец" "своеобразной журнальной культуры" и "начало" "газетной цивилизации" (*Княжнин В.Н.* Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 79).

Другой цикл "Город" (три стихотворения), в который из позднейшего раздела вошло "Улица, улица...", увидел свет в газ. "Час" (1907. № 51, 21 нояб.). Пять текстов поэт поместил в "петербургский альманах" "Белые ночи" (СПб., 1907). Это – "Петербургская поэма" ("Петр" и "Дни и ночи я безволен..."), "Я вам поведал неземное...", "Ты смотришь в очи ясным зорям...", "Невидимка". Стих. "На серые камни ложилась дремота..." Блок включил в цикл "Городские видения" в альманахе "Пряник осиротевшим детям" (Пг., 1916).

Раздел *Город* в составе "второго тома" лирики сформирован поэтом в 1916 г. (II₃). В нем собраны тексты, входившие уже ранее в другие разделы сборников и книг "собрания стихотворений". В этих публикациях постепенно создавалась блоковская концепция "городского", иногда прямо декларируемая в авторских предисловиях и примечаниях.

В сборнике "Стихи о Прекрасной Даме" (*I*₁) раздел "Перекрестки" включал три стихотворения будущего раздела *Город*: "Обман", "Город в красные пределы...", "Вечность бросила в город...". "Не одни храмы влекут к себе поэта, – заметил критик Н.Е. Полярков, – (...) кругом – город с властными законами и люди, с которыми приходится сталкиваться. Загораются другие песни" (*Полярков Н. Поэты наших дней. М., 1907. С. 106*). В издании "Собрания стихотворений" (1911–1912) Блок перенес их во вторую книгу лирики.

В сборник "Нечаянная Радость" (*II*₁) вошло 17 стихотворений из будущего раздела. Два из них ("Песенка" и "Незнакомка") введены в раздел "Весеннее", а 15 распределены по трем разделам, место действия которых – "людские обители – города". Восемь поэт поместил в раздел "Магическое": "Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...", "Вечер ("Ввысь изверженные дымы..."), "В кабаках, в переулках, в извивах...", "Лазурью бледной месяц плыл...", "Иду – и все мимолетно...", "А l'ombre" ("День поблек, изящный и невинный..."), "Вися над городом всемирным...", "Еще прекрасно серое небо..."; пять – в раздел "Перстень-Страданье": "Перстень-Страданье", "Повесть", "Митинг", "Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...", "Гимн"; два – в раздел "Покорность": "Пришлецы" ("Поднимались из тьмы погребов..."), "Romancero" ("Ты проходишь без улыбки..."). В предисловии к сборнику поэт выстроил сквозной лирический сюжет трех "городских" разделов: "...в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи – снежные королевы – влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слышали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти. И молчаливая девушка за узким окном всю ночь тклет мне мой Перстень-Страданье; ее работа рождает во мне тихие песни отчаяния, песни Покорности". Исходя из авторского предисловия, Б. Садовской констатировал, что в сборнике наметился "вековечный спор" "чудовищ городов" и "земли-праматери", спор, которому "нет примирения" (*РМ. 1907. № 3. Отд. III. С. 51*). Позже Ю. Верховский, прослеживая творческую эволюцию поэта, отметил, что во втором сборнике "видения тварей весенних, кающихся чертенят, плясок осенних – и видения Города" объединяет "реальное чувство земли, родины, России" (*Верховский Ю. Восхождение. К поэтике А. Блока // Об А. Блоке. С. 185*).

Инерция восприятия Блока как романтика, "чуждого всякой современности", помешала С. Соловьеву объективно оценить появление в сборнике стихотворений, повествующих о революционных событиях в Петербурге в октябре 1905 г. ("Митинг", "Вися над городом всемирным...", "Еще прекрасно серое небо..."). Критик называет их "вымученными, неестественными, без оригинальной блоковской прелести" (*ЗР. 1907. № 1. С. 89*).

В письме к Блоку, написанном в октябре 1908 г., Н. Клюев художественно воссоздает образ города в этом сборнике: «"Нечаянная радость" веет (...) городом, где идешь, и все мимолетно, где глухо и преступно, где господином чувствует себя только богач, а несчастных, просящих хлеба, никому не жаль (...). Отдаленная, уплывающая в пьяный сумрак городских улиц музыка продрогшего, бездомного актерского оркестра, скрашенная двумя-тремя аккордами псалтири. Уличная шарманка с сиротливой птичкой, вынимающей за пятачок розовый билетик счастья, с хозяином полумужчиной, с невозмужалой¹ похотью в глазах, с жадной встречи с вольной девой в огненном плаще, который играет и поет только для того, чтобы слушали» (*ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 477*).

¹ не возмужавшей (*правка Блока*).

В следующий сборник – "Земля в снегу" (ЗС) – Блок ввел раздел "Мещанское жите". Основной корпус его текстов (12 из 18) составляют вошедшие позднее в *Город*: "Последний день", "В октябре", "Холодный день", "В четырех стенах" ("Я в четырех стенах – убитый..."), "Окна во двор", "Не пришел на свиданье", "Улица ночью" ("Улица, улица..."), "Ночной разговор" ("Ночь. Город угомонился..."), "После ночной попойки" ("К вечеру вышло тихое солнце..."), "Напрасно" ("Ты смотришь в очи ясным зорям..."), "Старые мысли" ("Хожу, брожу понурыи..."), "На чердаке". Этот раздел вызвал негативный отзыв С. Соловьева: «Много в книге народнических стихов и даже гражданской скорби. Все это как-то не кажется искренним. "Песельники", "девки", "мещанки" у Блока довольно салонного производства. Муза его – не мещанка, а дама в черной маске "с усталым шлейфом»" (Весы. 1908. № 10. С. 91). Н.Я. Абрамович, напротив, поставил поэту в заслугу то, что он «не говорит за рабочего, за швею, за дворника, подделываясь под их тон и фальшивя, как то случилось со многими "служащими меньшому брату», а "передает собственную дрожь душевную от восприятия чужой души, чужой песни" (Н. Кадмин [Н.Я. Абрамович]. История русской поэзии. М., 1914. Т. 2. С. 285–286).

Во вторую книгу "Собрания стихотворений" (1911 г.) (II₂) Блок включил 36 текстов будущего раздела: четыре – в раздел "В е с е н н е" (добавлены: "Обман", "Легенда", "Невидимка"; исключено: "Незнакомка") и пять – в раздел "О т р а в ы": "Лазурью бледной месяц плыл...", "Ты смотришь в очи ясным зорям...", "Улица, улица...", "Я жалобной рукой...", "A l'ombre" ("День поблек, изящный и невинный..."). Стихотворения *Города* составили основной корпус текстов в трех разделах книги: "М а г и ч е с к о е" (11 из 14); добавлены: "Незнакомка", «Вариант "Незнакомки"» ("Там дамы щеголяют модами..."), "Твое лицо бледней, чем было..." "Петр", "Гимн", "Город в красные пределы...", "Вечность бросила в город..."; исключены: "Лазурью бледной месяц плыл..."; "День поблек, изящный и невинный...", "Вися над городом всемирным..."; "Еще прекрасно серое небо..."; "П е р с т е н ь - С т р а д а н ь е" (11 из 14); добавлены: "Передвечернею порою...", "Холодный день", "В октябре", "В четырех стенах" ("Я в четырех стенах – убитый..."), "Окна во двор", "Старые мысли" ("Хожу, брожу понурыи..."), "На чердаке", "Romanceго" ("Ты проходишь без улыбки..."), "Последний день"; исключены: "Митинг", "Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...", "Гимн") и "1 9 0 5" (6 из 10: "Барка", "Сытые", "Еще прекрасно серое небо...", "Вися над городом всемирным...", "Пришлецы" ("Поднимались из тьмы погребов..."), "Митинг"). Два стихотворения ("Клеопатра" и "Не пришел на свиданье") вошли в третью книгу "Собрания стихотворений" (III₂).

В примечаниях к изданию лирической трилогии Блок противопоставляет первую книгу, в которой преобладает "деревенское", "шахматовское" двум последующим "городским" книгам.

Формируя раздел *Город* для II₃, поэт вычеркнул в РЭ II₂ "Песенку", "Легенду", "В четырех стенах" ("Я в четырех стенах – убитый..."), "Барку" и "Сытые", в II₃ не входившие, а 21 стихотворение пометил как относящиеся к разделу *Город*. "Передвечернею порою..." и "Ты проходишь без улыбки..." он собирался поместить в "Разные стихотворения", однако второе из них все же вошло в *Город*. В РЭ III₁ помета "Город" у стихотворений "Не пришел на свиданье..." и "У края бездны" ("По улицам метель метет..."). В рукописи указателя содержания второй книги Блок расположил стихотворения *Города* в хронологическом порядке, указав при каждом дате (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 17–18). Нарушает хронологию стих. "Петр", открывающее в этом издании раздел. Помимо 31 канонического текста в него вошло "По улицам метель метет...".

В *И₄* Блок добавил в раздел еще 14 стихотворений: "Поединок", "Барка", "Песенка", "Легенда", "Я вам поведал неземное", "Вися над городом всемирным...", "Сытые", "Твое лицо бледней, чем было...", "Передвечернюю порою...", "К вечеру вышло тихое солнце...", "Я в четырех стенах – убитый...", "Пожар", "На серые камни ложилась дремота...", "Не пришел на свиданье" – и тем самым завершил его окончательное оформление.

В конце XIX – начале XX в. жизнь современного города была по-новому отражена в творчестве Бодлера, Верлена, Рембо, Верхарна (см.: *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 358). На блоковский раздел, по-видимому, оказали воздействие цикл "Парижские картины" в сборнике Ш. Бодлера "Цветы зла" (*Baudelaire Ch. Oeuvres complètes. Les Fleurs du Mal. Paris [1868]. – ББО-3. С. 35*), а также образ "современного Вавилона" (город как воплощение зла) в сборниках Э. Верхарна "Поля в бреду" и "Города-спруты" (оба объединены в позднейшем издании, имевшемся в библиотеке поэта: *Verhaeren E. Les villes tentaculaires. P., 1904. – ББО-3. С. 155*).

В России урбанистическая тема была воспринята Брюсовым и Бальмонтом, активно переводившими западноевропейских лириков. "Вскоре после Бальмонта, – констатировал К. Чуковский, – появились другие городские поэты – В. Брюсов, А. Белый, А. Блок, Ив. Рукавишников и, кроме городских форм, ввели в русскую поэзию городские фабулы: их стихи не только песни города, но и песни о городе" (*Чуковский К.* От Чехова до наших дней. СПб., 1908).

У поэтов-символистов появляются циклы и разделы, озаглавленные "Город": посвященный К.Д. Бальмонту раздел в книге Брюсова "Tertia Vigilia" (1900), куда вошел цикл из шести стихотворений, тоже под заглавием "Город", а также раздел в сборнике Андрея Белого "Пепел" (1909), цикл из трех стихотворений Дм. Цензора, датированный октябрём 1905 г. (Гамаюн. 1906. № 1. С. 6–7) и др.

Начало формирования урбанистической лирики Блока происходило под непосредственным влиянием брюсовского сборника "Urbi et orbi" (1903) (см.: *Максимов Д.* Брюсов. Поэзия и позиция. Л., 1969. С. 139–149). Отношение Блока к исканиям Брюсова претерпело эволюцию от восторженных отзывов (см.: письма к С. Соловьеву от 1–6 декабря 1903 г., 8 марта 1904 г., января 1905 г.; к Андрею Белому от 20 ноября 1903 г., 16 мая 1904 г.; к В. Брюсову от 26 ноября 1903 г., 23 февраля 1904 г.; к А.В. Гиппиусу от 23 февраля 1904 г. и две рецензии на "Urbi et orbi") и даже подражаний (см.: "В вьсь изверженные дымы...") до наметившегося уже осенью 1904 г. охлаждения и критической переоценки брюсовских достижений (см. письмо к С. Соловьеву от 21 октября 1904 г., а также: *ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 469–470*).

Начиная с 1905 г., Блок – признанный всеми "певец города" (М. Волошин), поэт, "органически сросшийся с городом" (П. Коган), "самый интересный" "поэт города" (С. Венгеров), "самый петербургский из современных поэтов" (М. Добужинский) и даже "поэт Невского проспекта" (К. Чуковский). В статье "Русские поэты" ("Les poètes russes") Жак Поволоцки (Jacques Povolozky) писал: "Блок – это поэт города, или еще точнее, жизни улиц. В улицах есть что-то опьяняющее, и тот, кто чувствует их прелесть, может жить и работать только в их лихорадочной атмосфере: г. Блок принадлежит к этим людям" (*Revue des études franco-russes. [Paris], 1911. № 1. P. 13*). Признавая непохожесть блоковской городской лирики на урбанизм Верхарна и Брюсова (см. выше отзыв Г. Чулкова на *Гриф-1905* и отзыв С. Соловьева – *ЗР. 1907. № 1. С. 89*), критики-современники высказывали самые разные точки зрения на "город" Блока.

К. Чуковский назвал Блока поэтом «расплывчатых образов, множества "единственных жен, облаченных в солнце", множества прекрасных дам», поэтом "афиш, котелков и электрического света, слишком торопливым в передаче

переживаний, еще не остывших, еще не перешедших за грань субъективности". Блок, по его мнению, "нашел в русском языке какую-то новую магию слов (...) и эту магию открыл Блоку странный и фантастический город Петра" (*Чуковский К.* От Чехова до наших дней. СПб., 1908. С. 38–39).

П. Коган увидел в городских стихах Блока "воплощение той психики, того отношения к миру, которое выработалось у современного жителя столицы": "В оглушающем шуме больших городов, в их ослепительных огнях, в их безумных оргиях (...) общество обрело волшебный мир (...) Сама жизнь стала видением, а люди и предметы – привидениями (...) Граница между существующим и воображаемым утратилась" (*Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы. М., 1912. Т. 3. Современники. Вып. 2. С. 141).

Иначе воспринял городскую поэзию Блока А. Дерман. Он считал, что определение "Блок – поэт города" нельзя понимать буквально. "Город имеет свой прочный, порою многовековой быт (...) Все это чуждо Блоку. (...) Шум, движение, многообразие города (...) он воспринимает как оскорбление жизни. Блок поэт не города в целом, но более или менее острых и тревожных моментов городской жизни. (...) Ресторан, цыганское пение, загородная прогулка – вот темы городской поэзии Блока, ибо здесь он чувствует какую-то напряженность, тревожность, власть момента и случая, мимолетность" (*Дерман А.* Об Александре Блоке. – *РМ.* 1913. № 7. Отд. 2. С. 61–62).

Против интерпретации "города" Блока лишь "во внешнем смысле", как это делает Чуковский, выступил критик В. Самойло. Он предложил религиозно-философскую концепцию "города" как "истинного храма Мадонны": Мадонна сходит "с небес на землю" и "воплощается и воплощается в нем (в городе – *Ред.*)" (*Самойло Вл.* Александр Блок. Основные мотивы поэзии // *Туманы.* Минск, 1909. С. 40–66). М. Волошин в рецензии на *II*₁ прослеживает, как "реальный" Петербург преобразуется в лирике Блока в "невидимый град мечты": "Поэт проходит по улицам и площадям реального города, и несомненно, что город этот Петербург и Петербург наших дней. Толпа толкает, затирает его, он слышит и ружейные залпы, и проповедь агитаторов, и гул голосов и шум фабрик; он присутствует на демонстрациях и митингах, но (...) все происходящее вокруг него он ощущает и переживает не здесь, а в невидимом граде мечты своей. Все, что приходит извне, претворяется сквозь сонный кристалл его сознания" (*Русь.* 1907. № 101. 11 апр.).

Близкую к этой точке зрения высказал критик Н. Апостолов [*Арденс Н.*]. По его мнению, городские стихи "бегло зачерчены поэтом, отделенным от толпы, от митингов, от хохота улицы каким-то мистическим туманом и верящим в идеал Прекрасной Дамы, его незнакомки" (*Апостолов Н.* Импрессионизм и модернизм. Киев, 1908. С. 70).

Л. Столица видит в городской лирике воплощение демонического начала: «"ввысь изверженные дымы", "комнат бархатный туман", переулки и подворотни, рестораны и кабаки, темные дворцы и желтые окна фабрик». Но "это не значит, что поэт не любит города; напротив, город магнетически и магически манит его, но тревожит, как и женщины этого города – прекрасные и печальные блудницы" (*Столица Л.* Христианнейший поэт XX века. Об Александре Блоке // *Новое вино.* 1913. № 2. С. 12–13).

Образ города в разделе тесно связан с традициями "петербургской" литературы XIX в., в нем отразился созданный Пушкиным, Гоголем, Достоевским "литературный Петербург" (см.: *Анциферов Н.* Непостижимый город, Петербург в поэзии А. Блока // *Об А. Блоке.* С. 287–325; *Анциферов Н.* Душа Петербурга. СПб., 1922. С. 187–202; *Вилор Н.А.* Тема города в творчестве Достоевского и Блока: Традиции Достоевского

в городской лирике Блока. Цикл "Город", 1904–1908 // Проблемы русской литературы. Омск, 1974. С. 13–25. (Учен. зап. Омского пед. ин-та, вып. 82); *Смаглюк Л. А.* Блоковский образ "маленького человека" и традиции русской классической литературы // Вопросы русской литературы. Львов, 1982. Вып. 2(40). С. 67–72; *Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 278–307).

Прямое влияние на *Город* оказал пушкинский Петербург "Медного Всадника" (см.: "Петр", "Поединок", "Вися над городом всемирным..."). К пушкинской линии восходит и "городской" дендизм: "Аи, соболя, рестораны, темные ложи" (*Гроссман Л.* Блок и Пушкин // *Л. Гроссман. Собр. соч.: В 5 т. М., 1928. Т. 4. С. 294.* О связи раздела с творчеством Пушкина см.: *Альтман М.* Пушкинские реминисценции у Блока // *Philologica. Л., 1973. С. 350–355;* *Миц З.* Блок и Пушкин // *Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Тарту, 1973. С. 183–189 (УЗ ТГУ. Вып. 306); Орлов Вл.* "Здравствуйте, Александр Блок". С. 223–227.

Гоголевский Петербург в разделе – это "город двойного бытия", гнетущей прозы и чарующей фантастики, где стираются грани между сном и явью, "непонятными узами связанный (...) со странною его породившей" (см.: *Анциферов Н.* Непостижимый город. С. 289–291; *Орлов Вл.* Указ. соч. С. 227–229). Андрей Белый указал на близость эволюции женского образа у обоих писателей: «нереальное отношение к женщине, вырождаясь в туман эротических двусмыслиц, приводит в (...) публичный дом (...) Поэзия Блока – показ изменения облика ангела в ведьму по фазам: "Прекрасная дама", "Незнакомка", увы, "знакомая многим"» (*Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 294–295). Влияние Гоголя сказалось также в образах городской демонологии и фантастических inferнальных персонажей (см.: *Миц З. Г.* Блок и Гоголь // *БС-2. С. 134–135, 141–142.*

Стоящего у истоков урбанистической лирики XX в. Некрасова (см.: *Брюсов В.* Некрасов как поэт города // *Русские ведомости, 1912. № 297. 25 дек.*) Блок ценил как мастера жанровых и бытовых сценок из жизни большого города (см.: *Орлов Вл.* Указ. соч. С. 232–233). На стихотворения *Города* оказал воздействие некрасовский колорит Петербурга, создаваемый городским пейзажем и погодными условиями северной столицы (см. коммент. к стих. "Повесть"). В некрасовском ключе написаны и "рассказы" из жизни обитателей городских окраин, объединенные в так называемый "чердачный цикл" (см.: *Будникова Л. И.* Традиции Некрасова в поэзии А. А. Блока // *Проблемы советской поэзии. Челябинск, 1974. Вып. 2. С. 61–62.*

Близок Блоку и "странно-пошлый" мир Петербурга, в котором А. Григорьев ощущал "мистические веяния" (*СС-8₅. С. 494.* О стих. Григорьева "Город" ("Да, я люблю его, громадный, гордый град...") (1845), герой которого и в окне "с богатой гардиною", и "в темном углу" – повсюду видит лишь "страдание большое", Блок записал: "Есть намеки" (*ЗК. С. 29.* Эпиграфом из Григорьева поэт подчеркнул преемственную связь с его лирикой раздела "Мещанское житье" в сборнике "Земля в снегу" (*ЗС*). О Блоке и Ап. Григорьеве см.: *Анциферов Н.* Непостижимый город. С. 298; *Благой Д.* От Кантемира до наших дней. М., 1979. Т. 2. С. 495, 512–513; *Гинзбург Л.* О лирике. Л., 1974. С. 276–278.

"Достоевский воскресает в городе" – заметил Блок в письме к матери от 29 августа 1905 г. (см. также отсылки о Достоевском в письмах к Е. П. Иванову от 25 апреля, 6 и 19 августа 1905 г. и к Г. И. Чулкову от 21 апреля 1905 г.). На восприятие Блоком Петербурга повлияли образы поднимающегося и исчезающего с туманом города (см. финал повести "Слабое сердце" (1848) Достоевского и роман "Подросток", ч. 1, гл. 8, подгл. 1) и нового, напрогноченного великим писателем "града (...) сходящего с неба" (*СС-8₈. С. 35.*), а также его метод фантастического реализма (см.: *Анциферов Н.*

Непостижимый город. С. 297; *Соловьев Б.* Блок и Достоевский // Достоевский и русские писатели. М., 1971. С. 260–261; *Мицц З.Г.* Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 219–220). Критик Н.Я. Абрамович, псевдоним – Петр Верховенский, в статье "Поэзия Александра Блока" заметил, что «говорить о Ней (героине блоковской поэзии. – *Ред.*), вспоминая рестораны и весь омут буденного хаоса, – может только русский лирик, пришедший после того, как Достоевский выпустил "Братьев Карамазовых" и "Идиота"» (Новый день. 1909. № 4. 10 авг.). Переключки с романами Достоевского ощутимы в постановке проблемы "маленького человека" и в описании деталей городского быта (*Мицц З.Г.* Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 223; *Вилор Н.А.* Тема города в творчестве Достоевского и Блока // Проблемы русской лит-ры. Учен. зап. Омского пед. ин-та, 1982. Вып. 82. С. 24–25). Ряд "сюжетов", ситуаций и образов "чердачного цикла" навеян романом Достоевского "Бедные люди" (см.: *Мицц З.Г.* Указ. соч. С. 221, 234–236).

В стихах *Города* отразилась эволюция лирики Блока с 1904 по 1908 г. За это время менялся и сам образ города, и принципы разработки поэтом урбанистической тематики (*Безродный М.* "Если живет без меня в городе имя мое...": О некоторых особенностях художественной структуры цикла "Город" // *Блок А.* Город. М., 1986. С. 202–216; *Спроге Л.В.* Две заметки о символистском тексте. II. Идея *города* во второй книге "лирической трилогии" А. Блока // *Philologia.* Рижский филол. сб. Вып. I. Рига. 1994. С. 63–67).

Неизбежные грядущие перемены поначалу воспринимаются представителями "нового искусства" как всемирная катастрофа, неизбежный конец света, за которым должно последовать созидание "новой земли", "нового града". Поэтому образ города в творчестве русских символистов окрашен в апокалипсические тона и связан с эсхатологическими чаяниями. Прямое воздействие на стихотворения раздела 1904–1905 гг. оказали "Симфония" (2-я, драматическая) Андрея Белого (М., 1902), "приближение к откровению" стихотворения Брюсова (СС-8г. С. 94), в особенности поэма "Конь блед" (1903), лирико-поэтический этюд Е.П. Иванова "Всадник. Нечто о городе Петербурге" (первоначальная редакция закончена в октябре 1904 г., см. отзыв Блока в письме к матери от 3 сентября 1905; опубл. в 1907 г.: *БН.* С. 73–91; еще один отзыв см.: *СС-8г.* С. 223), роман Д.С. Мережковского "Петр и Алексей" (1904–1905) с его пророчеством: Петербургу "быть пусту" (см.: *Орлов Вл.* Город Блока // А. Блок. Город мой... Стихи о Петербурге-Петрограде. Л., 1957. С. 25–26; *Мицц З.Г.*, *Безродный М.В.*, *Данилевский А.А.* "Петербургский текст" и русский символизм // Семиотика города и городской культуры: Петербург; Тарту, 1984. С. 87–88). Мотив "всемирного" города, обреченного на гибель, один из сквозных в разделе (ср. параллели между Петербургом и Римом, а также между Петербургом и апокалиптическим "городом-блудницей" Вавилоном).

Но город в разделе имеет и реальные, топографически узнаваемые черты (см.: *Александров А.А.* Блок в Петербурге-Петрограде. Л., 1987. С. 93–94). До осени 1906 г. Блок живет в казенной квартире отчима – в офицерском корпусе казарм лейб-гвардии Гренадерского полка на Петербургской набережной Большой Невки, дальней окраине Петербургской стороны. По свидетельству М.А. Бекетовой, Блок "любил это место. Оно живописно по-своему. Невка здесь очень широка, из окон казармы были видны на противоположном берегу огромные фабрики с трубами, а по реке весной и до глубокой осени сновали пароходы, барки, ялики, катера" (*Бекетова I₂.* С. 46). Белый считал, что именно переулки Петербургской стороны, застроенные фабриками и заводами, заселенные рабочими, переулки, которые он "узнал" в стихотворении Блока 1904–1905 гг. повлияли на формирование общественной позиции поэта:

"Общественность Блока в то время совершалась не в заседаниях, а в прогулках по Петербургской стороне (...) здесь мелькали измученные проститутки-работницы; здесь из грязных лачуг двухэтажных домов раздавались пьяные крики; здесь в ночных кабачках наслушался А.А. на суровую правду тогдашней общественной жизни" (*Белый*, 2. С. 225–226). «Жизнь фабричного района, – считал С.М. Городецкий, – (...) показал ему (Блоку. – *Ред.*) другое лицо Прекрасной Дамы. Он увидел и изобразил, как никто до него, девушку улицы, и этот контраст "вечной женственности" остался навсегда самым пленительным по своей правдивости в его поэзии» (*Городецкий С.* Александр Блок // *Искусство*. Баку, 1921. № 2–3. Стб. 57). События 1904–1905 гг., оказавшие на поэта особенно сильное влияние (*СС-87*. С. 16), отразились и на урбанистической лирике. По воспоминаниям М.А. Бекетовой, в эти годы "равнодушие Александра Александровича к окружающей жизни сменилось живым интересом ко всему происходящему. Он следил за ходом революции, за настроениями рабочих, но политика и партии по-прежнему были ему чужды" (*Бекетова* 12. С. 94; см. также воспоминания С.М. Городецкого и Г.И. Чулкова. – *Воспоминания*, 1. С. 329–330, 355–356). Блок с интересом следил за ходом революционных событий. 9 сентября 1905 г. он сообщает матери, что "довольно подробно читает газеты", 22 сентября пишет Андрею Белому: "Меня очень интересуют события. Университет преобразился, все оживлено. Слежу за газетами". Об интересе к происходящему свидетельствуют и пополнившие библиотеку поэта книги и брошюры: Высочайший манифест 17 октября 1905 г. (и его значение для русского народа). Особое прибавление к газете "Сельский Вестник". СПб., 1906; Государственная Дума. Цена 1 коп. Досп. Дело № 11 (отд(ельный) оттиск). СПб., окт(ябрь) 1905; Программа Российской Социал-Демокр(атической) Рабоч(ей) Партии – Р.С.-Д.Р.П. [Пг.] Изд-во Книга. Библиотека С(оциал) – Д(емократа), № 1; *Обнинский В.* Полгода русской революции. (Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 г.). Вып. 1. М., 1906); Уличные бои. (СПб.) Издание Центрального Комитета Боевого Рабочего Союза, 1906 (Каталог библиотеки Блока – *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 338. Л. 57, 47 об., 146, 137, 189 об.). Стихотворения раздела 1905 и последующих годов все более насыщаются реально-историческим содержанием: в них находят место народные волнения на улицах города, митинги, забастовки. 16 октября 1905 г. Блок писал Е.П. Иванову: "Петербург упитательнее всех городов мира, я думаю, в эти октябрьские дни". Более всего реально узнаваемых примет Петербурга – в "октябрьских" стихотворениях 1905 г. Это и дворцы на Неве, и памятник Петру I (Медный всадник), и статуя латника на крыше Зимнего дворца.

Новый метод художественного освоения городской темы в 1904–1906 гг. – "мистицизм в повседневности". Его апогей – в "Незнакомке" и примыкающих к ней стихотворениях. 18 января 1906 г. Блок записал: "*Мистицизм в повседневности* – тема прекрасная и богатая, историко-литературная, утонченная; она к нам пришла с Запада: это позитивизм" (*ЗК*. С. 73). В русской литературе он восходит к "фантастическому реализму" Гоголя и Достоевского.

В. Жирмунский рассматривал "мистицизм в повседневности" как "двойственность в восприятии жизни": "Отблесков неземного видения он (Блок. – *Ред.*) ищет в этой жизни, смутно прозревая в ней иную, более реальную действительность (...). Случайная встреча на улицах ночного города превращается в таинственную Незнакомку, в чертах которой поэт прозревает свою единственную возлюбленную" (*Жирмунский В.* Поэзия Александра Блока // *Об А. Блоке*. С. 76–77). Современные исследователи пишут в этой связи об "эстетизации" в лирике Блока "городской повседневности" (*Орлов Вл.* // *Блок и Белый*. С. XXII), о подходе "к поэзии повседневности с конца

декадентского" (*Гинзбург Л. // БС-1. С. 163*), о попытках «"синтезировать" искусство реальности и мистицизм, осознав первое как дающее тему (...), а второй – указание на способ ее интерпретации» (*Мицз З. // ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 131*).

Осенью 1906 г., в период уже заметного спада революционных настроений, в лирике Блока наметился иной подход к городской теме. Объектом изображения становится жизнь "маленького человека", обитателя городских окраин, "чердачного жителя". Эти стихи, по большей части входившие в раздел "Мещанское житье" (*ЗС*), в современной критической литературе принято именовать "чердачным циклом". Стихотворения "чердачного цикла" имеют автобиографические истоки. «Осенью 1906 г. – вспоминала М.А. Бекетова, – поэт ушел из дома и из-под крыла матери и вместе с женой переселился на отдельную квартиру. (...) Квартира – "демократическая" – найдена была на Лахтинской улице, в четвертом этаже. (...) Целый ряд стихов II тома вызван впечатлениями этого "демократического" обихода: "На чердаке", "Окна во двор", "Хожу, брожу понуры", "Я в четырех стенах" и т.д.» (*Бекетова I₂. С. 102*; атмосферу "демократического" быта, "сырой, но дешевой и веселой квартиры", описывают Л.Д. Блок в письме Андрею Белому от 26 сентября 1906 г. – *ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 257* и Блок в письме к А.В. Гиппиусу от 20 января 1907 г.). Сохранились воспоминания В.В. Гиппиуса об особом любовном отношении Блока к "мещанскому" укладу (*Воспоминания, 2. С. 83*).

"Мотив жгучей лирики мещанства" в творчестве Блока проанализирован Н.Я. Абрамовичем. Критик считал, что это – "яркий и сильный" мотив, "мало тронутый художником". "Сквозь нагромождение душного мещанского мирка, как бы заваливающего душу предметами маленькой стиснутой коробочки жизни, сквозь все это жалкое уродство, плесень, крохоборство, тиски нищеты, нужды, грубые искривления жизни неудержимо прорывается хотя бы и искалеченное, извращенное человеческое чувство, в котором препятствия и уродства мещанства создали особую жгучесть, особую раскаленность, особую прелесть мучительства и жажды. Надо бы как бы свалить грязное и вонючее тряпье с души человеческой, чтобы обнажить ее первоначальный голос, песню ее муки, ее жажды, ее мгновенных радостей или восторгов" (*Н. Кадмин [Абрамович Н.Я.]. История русской поэзии. М., 1915. Т. 2. С. 285*). "Чердачный цикл" связан и со своеобразным переосмыслением литературной традиции Некрасова, Ап. Григорьева, Достоевского. Образ героини "чердачного цикла", сопоставимый с женскими образами Островского, Кольцова, Полонского, "оторван" у Блока "от бытовых реалий" и обладает, как и все в творчестве Блока "многозначным смыслом" (см.: *Ермилова Е.В. Поэзия на рубеже двух веков // Смена литературных стилей. М., 1974. С. 117*).

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

("Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...")

(С. 99)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₄. Л. 8–9 об., "3 февраля"; ЧА ст. (18–19)–ЗК₁₁. Л. 72 об., БА – РГБ. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 36. Л. 1–1 об., "февраль 1904", при письме А. Белому от 2 октября 1905 г. в подборке из 20 стихотворений; БА – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 2–2 об.; БА – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 5, "февраль"; АС – НР II₂. Л. 88–88 об., "Январь 1904", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (первая строка – рукой Блока); РЭ II₂. Л. 48–48 об.*

Впервые: Перевал. 1907. № 7. С. 17–18, вместе со стих. "Открыл окно. Какая хмурая...".

Публикации: ЗС. С. 39–40; "1904 г. Январь", в разд. "Мещанское житье"; И₂. С. 85–86, "Январь 1904, в разд. "Перстень-Страданье"; И₃. С. 109–110; И₄. С. 153–154; И₅. С. 121–122.

В Т₄ имеется первоначальная редакция, датированная "3 февраля", текст которой дважды правился. Первая правка не датирована, вторая, приближающая текст к основной редакции, предположительно датируется временем подготовки к первой публикации (1907), куда текст вошел в измененном виде. В ЗК₁₁ Блок переработал ст. (18–19), последний слой правки внесен в Т₄ и вошел в первую публикацию. В РЭ И₂ текст вновь переработан: вычеркнута строфа между ст. 16 и 17 основного текста. Уточнена датировка: "3 февраля 1904".

Окончательный текст – И₃.

В архиве П. Перцова был автограф стихотворения в первоначальной редакции (см.: Перцов. С. 26–27; опубл. там же. С. 73–75).

Стихотворение было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ)*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Стихотворение, начинающее раздел, вводит типичные для символистов в 1900-е годы эсхатологические чаяния "конца света" и последующего сотворения "новой земли" и "нового неба". Андрей Белый вспоминал, что Блоку "вовсе чужда была историческая проблема религии", однако "апокалиптическое настроение преобладало в нем явственно" (*Белый*, 2. С. 189).

В письме З.Н. Гиппиус в июле 1902 г. Блок писал о "городе" в "последний день", сопоставляя эсхатологический образ Достоевского ("Подросток", ч. 1, гл. 8, подгл. 1) и упомянутую в статье З. Гиппиус "Светлое озеро" (Новый путь. 1904. № 1. С. 151–180; № 2. С. 16–17) легенду о "невидимом граде Китеже": «Есть ведь совпадение, какая-то трудно уловимая, но ощутительно одна мечта и с тем Петербургом, который "поднимается с туманом" (у Достоевского) и с Вашим "невидимым градом Китежем": все они возвратятся *иными* "в последний день", – то есть – хоть в последний день для каждого из отдельных, желающих проникнуть. Наглядно и "практически" это будет хоть в виде конечного разрешения личной "жизненной драмы" (соловьевский термин), то есть личной мечты» (СС-8₈. С. 34).

Непосредственным толчком к написанию стихотворения послужил "Конь блед" (1903) В. Брюсова. Это "влияние" указано поэтом в примечаниях к И₂. «Напев хореев "Конь блед"» в стихотворении заметил С. Соловьев (*Воспоминания*, 1. С. 120). Брюсовскую поэму Блок слышал в исполнении автора в январе 1904 г. в Москве (см. письмо к матери от 14–15 января 1904 г.). С просьбой прислать ее текст он обращается к П.П. Перцову 10 мая 1904 г. (СС-8₈. С. 101). "С этого стихотворения начинается сильное влияние поэзии Валерия Брюсова, продолжавшееся до осени 1904 г." (*Иванов-Разумник*. Л. 167). Более сдержанный блоковский отзыв о поэме – в письме С.М. Соловьеву от 21 октября 1904 г.

Заглавие и сюжет восходят к библейскому преданию, согласно которому "в последние дни" "люди будут (...) более сластолюбивы, нежели боголюбивы (...). К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих в грехах (...)" (Второе послание к Тимофею св. апостола Павла. III. 4, 6); см. также выписки о "последнем дне" из новозаветных текстов в ЗК. С. 35.

...*На всем был серый постылый налет.* – В повести "Невский проспект" (1835) Н.В. Гоголь пишет о характерной черте творчества петербургских художников: "У них всегда почти на всем серинькой мутный колорит, – неизгладимая печать севера" (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 3. С. 17).

...*Всех ужасней в комнате был красный комод.* – Ср. "пыльные стены", "серый осенний день" и "комод красного дерева" в описании городской квартиры в "Двойнике" (1846) Ф.М. Достоевского (см. Минц З.Г. Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 224).

...*Женищина-блудница (...) поднимала руки ввысь ...* – Ср. в поэме В. Брюсова "Конь блед": "Только женщина, пришедшая сюда для сбыта // Красоты своей (...) // Руки простирала к огневещему дню".

...*Тонкая рука расплстала тонкий крест.* – Строка соотносится с эпитафией (см. разд. "Другие редакции и варианты" наст. тома).

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

Заглавие (*РЭ II₂*) – Отсылает к жанру идущих от Апокалипсиса "видений" конца света.

Эпитафия (*ЭС*) – из поэмы В. Брюсова "Конь блед".

Посвящение (*Т₄*) – см. об Е.П. Иванове коммент. к стих. "Плачет ребенок. Под лунным серпом..." (т. 1 наст. изд.).

П Е Т Р

("Он спит, пока закат румян...")

(С. 100)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₄*. Л. 10–11, "22 февраля" (первая часть "Петербургской поэмы") ст. (1–12), (29–32) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 168; *БА – РГБ*. Ф. 423. Карт. 1. Ед. хр. 26. Л. 1–2 ("Я сплю, пока закат румян..."), "февраль 1904" (первая часть "Петербургской поэмы", имеющая подзаголовок "Город говорит"; *АС – НР II₂*. Л. 48–48 об., [1904], рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (1-я строка – рукой Блока); *РЭ II₂*. Л. 26 об.–27.

Впервые: *БН*. С. 9–10, первая часть "Петербургской поэмы", в цикле "Томления весны".

Публикации: *ЭС*. С. 108–109, "1904", в разд. "Песня судьбы"; *КРП*, "1904". С. 321–322; *II₂*. С. 42–43, в разд. "Магическое"; *II₃*. С. 107–108; *II₄*. С. 155–156; *II₅*. С. 122–123.

Стихотворение первоначально представляло собой первую часть "Петербургской поэмы" вместе со стих. "Поединок" (вторая часть) с общими для обоих текстов заглавием, посвящением, эпитафией и датой. Первоначальная редакция стихотворения (*Т₄*), озаглавленная сначала: "Слова города", а затем "Город говорит" – написана в форме монолога от лица "города". Первоначальная редакция (*Т₄*, *БА – РГБ*) в целом совпадает с опубликованной: *Письма к Е. Иванову*. С. 99–100. Текст этой редакции дважды правился. Первый недатированный слой правки сделан карандашом. Он озаглавлен "Город", написан от третьего лица и представляет собой вариант первоначальной редакции. Последующая правка сделана чернилами (строфа между второй и третьей основной текстов зачеркнута синим карандашом, опубл.: *Звезда-1936*. С. 272), предположительно датируется подготовкой текста к первой публикации.

В РЭ П₂ зачеркнута 5-я строфа, не вошедшая в публикацию в П₃ и восстановленная в П₄.

Было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2)*, изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Об истории создания см. коммент. к стих. "Поединок". В авторском комментарии к П₂ Блок указал, что стихотворение "внушено Петром Фальконета на Сенатской площади в Петербурге" (об образе "Медного всадника" в литературе XIX–XX вв. см.: *Основат А.Л., Тименчик Р.Д.* "Печальну повесть сохранить...". М., 1985). О Медном всаднике как символе Петербурга Блок неоднократно упоминает в письмах к Андрею Белому 1903 г., ср.: «Вам необходимо сменить Петербург, в котором "для красы" останется один Медный всадник на болоте на белокаменную Москву» (СС-88. С. 53); "Мне очень хотелось бы хоть ненадолго убраться отсюда подобру-поздорову к Вам в Москву. А здесь не поладишь ни с Медным всадником, ни с Таврической Венерой" (*Там же.* С. 76). На восприятие Блоком Медного всадника повлияла трактовка Петра I в символистской литературе ("демон древней Москвы" в стих. Ив. Коневского "Среда" (1900–1901), антихрист в романе Д.С. Мережковского "Петр и Алексей" (1904, ср. также: СС-87. С. 81–82), а также размышления Е.П. Иванова, нашедшие позднее воплощение в лирико-поэтическом этюде "Всадник" (1907), которыми он делился с поэтом. "Кто он? – спрашивал собеседник Блока, – это вопрос и близкий и больной, вопрос времени, это человеческий вопрос всей поэзии, начиная с Пушкина" (Дневник Е.П. Иванова. – *ИРЛИ. Ф. 662. Ед. хр. 9. Л. 15*). Е.П. Иванов пытался найти ответ, взглядываясь в памятник Петру I: "порой кажется, что Всадник с конем не готов к полету, а колеблется над бездною, и тоже он, как они все мертвые и (...) змий не раздавлен конем, а укусил его в пяту и все грезит под великим" (*Там же.* Л. 14 об.–15). Восприятие Е.П. Ивановым Медного всадника как "демона мятежного" и в то же время, подсказанное фальконетовской скульптурной группой (всадник, попирающий змею), сопоставление его с Георгием Победоносцем отразилось в блоковском стихотворении: образ Петра I с факелом, "руководящего" "ночной потехой" и образ Петра I с мечом, охраняющего город.

Сравнивая в позднейших мемуарах образ Медного всадника в стих. "Пушкинскому Дому" (1921) с образом 1904 г., Е.П. Иванов заметил, что «это Петр совсем не тот, чем в "Петербургской поэме", где имя Петра только лишь "алеет на латах" от Зари, а сам он как Сатана» (*Иванов Е.П.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1. С. 377*).

В рецензии на первую публикацию "Петербургской поэмы" в альманахе "Белые ночи" (где стихотворение появилось в первоначальной редакции) Андрей Белый писал, что оно "заслуживает самого строгого интереса". Обратив внимание на "силу" и "твердость" стиха, "столь несвойственные Блоку последнего периода", он замечает, однако, что "твердость (...) не выдержана (...) после двух звучных строф, строчки начинают как-то мякнуть, ускользать из-под власти художника. Так у Блока всегда, – утверждает рецензент, – подъем к Пушкину и – срыв; дерзновение, захватывающее дыхание, и тут же рядом жалкий набор слов" (Весы. 1907. № 7. С. 73). Е.П. Иванов отозвался на публикацию стихотворения в ЗС (там оно впервые появилось в близкой к основному тексту сокращенной редакции). 19 сентября 1908 г. он писал Блоку: «"Петр", конечно, так лучше, чем прежде» (*ИРЛИ. Ф. 411. Ед. хр. 45. Л. 47*, копии Е.П. Иванова). Ин. Анненский привел стихотворение полностью и подробно в эссеистическом стиле проанализировал его образный строй в статье "О современном лиризме" (1909). Фонетическая структура стихотворения анализируется в статье:

Он спит, пока закат румян. – В этюде Е.П. Иванова "Всадник" неоднократно говорится о "сне" "Медного всадника" ("стоит Медный Всадник на скале и грезит". – *БН*. С. 78), в его дневнике 1903 г. также говорится о "городе спящего Петра" (*ИРЛИ*. Ф. 662. Ед. хр. 5. Л. 13, 16, 17). Мотив восходит к поэме Пушкина "Медный Всадник". (Ср. во "Вступлении": "Тревожить вечный сон Петра".) Первоначальная редакция блоковского стихотворения, написанная в форме монолога от лица города, начиналась словами: "Я сплю...". Представление о Петербурге как сонном видении Петра у Е.П. Иванова ("и не сон ли это Всадника, который снится ему вот уже третье столетие" – *БН*. С. 78) также находит аналогию в поэме Пушкина (ср.: "...иль вся наша // И жизнь ничто, как сон пустой").

И с тихим свистом сквозь туман // Глядится Змей, копытом сжатый. – "Зачем же свистит змей? – писал Ин. Анненский. – Ведь змей из меди не может свистеть! Верно – но не менее верно и то, что этот свистал, пользуясь закатной дремой всадника. Все дело в том, что свист здесь – символ придавленной жизни. (...) Свистом змей подает знак союзникам, их же и высматривает он, еще пленный, из-под ноги коня. Змей и царь не кончили исконной борьбы" (*Анненский И.* О современном лиризме // *Аполлон*. 1909. № 1. Отд. 1. С. 25).

...Змей расклубится над домами. – Ср. запись в дневнике Е.П. Иванова: "Аспид же есть то проклятие небесное, которое висит над городом, над нами" (*ИРЛИ*. Ф. 662. Ед. хр. 9. Л. 29). Ср. в лирике Ф. Сологуба 1900-х годов образ "змия, царящего над вселенной" (начальная строка стихотворения 1902 г.) или дракона, грозящего с небес ("Окрест – дорог извилистая сеть...", 1901). Согласно образной интерпретации Анненского, «змей воспользовался глухотой сторожа, который сошел с вышки на смену дремлющему Петру, и он – "расклубился" над домами» (*Аполлон*. 1909. № 1. Отд. 1. С. 25).

Весь город полон голосов // Мужских – крикливых, женских – струнных! – Выражение "струнный голос" в стих. С. Соловьева "Золотой качался колос...", посланном Блоку в письме от 23–24 ноября 1903 г. (СС-88. С. 74), поэт назвал особенно удачным и сам неоднократно использовал его (см.: "Вися над городом всемирным..." (1905), "Ты смотришь в очи ясным зорям..." (1906) и др.).

...И, заалев перед денницей... – *Денница* – здесь: утренняя заря.

...В руке простертой вспыхнет меч... – Ср.: "простерши руку, извлек меч свой" (Мф. XXVI. 51); а также: "простершь (...) руку Твою, и спасет меня десница Твоя" (Пс. CXXXVII. 7). "Простертая рука" – устойчивая деталь описаний Медного всадника в поэме Пушкина. По интерпретации Анненского, "заря, когда она сменит наконец ночь, покажется поэту лишь вспыхнувшим мечом во все то же, неизменно приковавшей к себе утомленные глаза его, руке медного всадника" (*Аполлон*. 1909. № 1. Отд. 1. С. 25).

Другие редакции и варианты

Заглавие (*T₄*, *БН*) – Ср. подзаголовок поэмы Пушкина "Медный всадник": "Петербургская повесть".

Эпиграф (*T₄*) – "оно (семя. – *Ред.*) будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятю". Е.П. Иванов, говоря о Медном всаднике, неоднократно употребляет это изречение. Ср. в его дневнике: "И кажется в эти черные (?) дни, что аспид не раздавлен конем (*нрзб*), но жалит его в пятю" (*ИРЛИ*. Ф. 662. Ед. хр. 9. Л. 27 об.–28).

Эпиграф соотносится с мотивом единоборства всадника и змея в первой части "поэмы" (интерпретацию образов царя и змеи, а также толкование эпиграфа см.: *Основат А.Л., Тименчик Р.Д.* "Печальную повесть сохранить...". М., 1985. С. 165–167) и с поединком "светлого мужа" и "деда" во второй части (см. стих. "Поединок").

Посвящение (*Т₄, БН*) – Е.П. Иванов вспоминал: «Ал. Блок сказал мне, что разговоры наши с ним (Семенова и мои) (...) побудили его написать (...) стихи. Он вынул написанную еще начерно свою "Петербургскую поэму" и прочел так, как всегда читал, то есть с внешней холодностью и "тайным жаром" (...) Поэму я на этот раз воспринял очень и Ал. Блок, переписав, дарит и посвящает ее мне, радуясь, что я принимаю его тогдашнее восприятие Всадника-Петра» (*Иванов Е.П.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1*. С. 377).

ПОЕДИНОК

("Дни и ночи я безволен...")

(С. 100)

Автографы: *БА – Т₄*. Л. 11–12, "22 февраля" (вторая часть "Петербургской поэмы"); *БА – РГБ*. Ф. 423. Карт. 1. Ед. хр. 26. Л. 1 (вторая часть "Петербургской поэмы": "Дни и ночи я безволен..."); *БА – ГЛМ*. Ф. 8. Оп. 2. Ед. хр. 24. Л. 1. Оф. 4789 (со ст. 11; "Под прозрачным покрывалом...").

Впервые: *БН*. С. 11–12 (без заглавия, вторая часть "Петербургской поэмы"), в цикле "Томления весны".

Публикации: *И₄*. С. 157–158; *И₅*. С. 123–124.

Описание *БА* "Петербургской поэмы", второй частью которой по первоначальному замыслу являлось стихотворение, см. коммент. к стих. "Петр". Текст первоначальной редакции (*Т₄, БА – РГБ*) в целом совпадает с опубликованным: *Письма к Е. Иванову*. С. 100–102.

В стихотворении отразились впечатления Блока от поездки в Москву в январе 1904 г. и знакомства с московскими символистами. Как вспоминает С.М. Соловьев, «Блок вернулся в Петербург завзятым москвичом. Петербург и Москва стали для него символами двух непримиримых начал. (...) Вскоре (...) Блок написал длинное стихотворение, где изображалась борьба Петербурга с Москвой, антихриста Петра с патроном Московской Руси – св. Георгием Победоносцем, кончающаяся победой "светлого мужа" и явлением "Девы алых вечеров". Блок остался недоволен этим стихотворением, находил его искусственным и наивным» (*Воспоминания, 1*. С. 119); о московских впечатлениях поэта см.: *ЗК*. С. 58–59; письма к матери от 14–15 и 19 января 1904 г., а также письмо к С.М. Соловьеву от 8 марта 1904 г.). Традиционная для русской литературы тема соперничества двух столиц у Блока связана с полемикой петербургских и московских символистов. По воспоминаниям С.М. Соловьева, «все в Москве ему (Блоку. – *Ред.*) нравилось: и Белый, и Брюсов, и Рачинский, а Петербург продолжал олицетворяться "астартическими" Мережковским и Гиппиус» (*Воспоминания, 1*. С. 119). «Я жил среди "петербургских мистиков", – писал Блок А.В. Гиппиусу 23 февраля 1904 г., – не слышал о счастье в теории (...) Но пока я был с ними, весны веяли на меня, а не они. Веяла "Лучезарная подруга", и стихи я посвящал ей, а не Зинаиде (З.Н. Гиппиус. – *Ред.*). В Москве смело говорят и спорят о счастье. Там оно за облачком, здесь за черной тучей» (*СС-8г*. С. 92).

Вечерница льнет к деннице... – Вечерница – вечерняя заря, денница – утренняя. О фольклорных источниках этих образов см.: *Афанасьев, I. С. 86–87.* Ср. также: "Одна заря сменить другую // Спешит {...}" (*Пушкин А.С. Медный всадник; вступление*); "Над сонною столицей // Румяный запад с новой денницей // На севере сливались" (*Лермонтов М.Ю. Сказка для детей; гл. 10*).

И зарей ~ // Предстоит, озарена, // За прозрачным покрывалом // Лучезарная Жена... – В славянской мифологии "заря" "расстилает по небу свою нетленную розовую фату" (*Афанасьев А. Поэтические предания о небесных светилах // Библиотека для чтения. 1864. № 8. С. 13–14*).

...Лучезарная Жена... – восходит к центральному образу лирики и поэмы Вл. Соловьева "Три свидания" (1898) – "лучезарной", а также соотносится с апокалиптическим образом "жены, облеченной в солнце" (Откр. XII. 1).

...Кем возвысилась Москва! – С XIV в. изображение всадника, поражающего змея (Георгий Победоносец), становится эмблемой Москвы, затем входит в герб города, а позже – в состав государственного герба Российской империи.

Светлый Муж ударил Деда! // Белый – черного коня!.. – В славянской мифологии борьба света и тьмы, добра и зла, представлялась как единоборство Белбога и Чернобога (см.: *Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884. С. 141; Афанасьев, I. С. 93*). Афанасьев указывал, что в христианстве понятие о светлом (белом) божестве перенесено на Георгия Победоносца, "свет Георгия Храброго" (*Фаминцын А.С. Указ. соч. С. 142; ср. у Блока "светлый Муж"*). В иконографической традиции он изображается на белом коне. *Дед* – одно из названий верховного небесного божества у славян (*Фаминцын А.С. Указ. соч. С. 146*); Блок придает "Деду" черты Чернобога (черный конь). На изображении Петра I ("Медного всадника") Чернобогом, который в свою очередь, отождествляется с дьяволом (*Афанасьев, I. С. 102*), повлияли, помимо всего прочего, как свидетельствует Е.П. Иванов, беседы Блока с ним и с Л.Д. Семеновым о Всаднике-Петре. Отношение Л. Семенова к Медному всаднику, по воспоминаниям мемуариста, «было отрицательное, как к городской "нечистой силе", противоположной "чистой силе" Матери Земли и Солнечному Всаднику ее на белом златогривом коне...» (*БС-1. С. 376–377*). Об отношении Е.П. Иванова к Медному всаднику свидетельствует открытка с изображением этого памятника, посланная Блоку к Новому (1905) году с надписью: "Милый и страшный Демон, сидящий на водах многих реки и ее протоков, вливающих в море" (*ИРЛИ. Ф. 411. Ед. хр. 45. Л. 9*).

...Девы алых вечеров... – "Имя" составлено по аналогии с "Девой Радужных Ворот" (*Соловьев Вл. Нильская дельта, 1898*), гностическим термином, который Соловьев употребляет для обозначения "Вечной Женственности", идеальной "Души мира".

Не мелькнет ли луч в светлице? // Не зажгутся ль терема? // Не сойдет ли от божницы // Лучезарная Сама? – По воспоминаниям Е.П. Иванова, Блок тогда «был "сердцем преданный" {...} Зорям Несказанной, зорям не "города", а града Москвы, не реальной исторической, а сказочно-"несказанной", с теремами, светлицами, божницами, сказочно-мистической» (*Иванов Е.П. Воспоминания об Александре Блоке // БС-1. С. 365*). Соловьевский образ "лучезарной", как заметил Андрей Белый в статье "Поэзия Блока" (1916), окрашен у него в это время национальным колоритом: «не Небесная мудрость стоит перед нами: стоит перед нами *София* Александрии (и даже: упадочной Византии), окруженная "храмами", "красною позолотой", лампадками, даже русскими "теремами»» (*В кн.: Ветвь: Сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 277*).

ОБМАН

("В пустом переулке весенние воды...")

(С. 102)

Автографы и авторизованные тексты: БА – Т₄. Л. 14–15, "5 марта"; БА – ГЛМ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 24 (оф. 4789). Л. 1 об.–2, "Март" (опубл.: ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 242 – факсимиле); печ. текст – НР II₂. Л. 21, "1904, весна"; РЭ II₂. Л. 101.

Впервые: I₁. С. 67–69, "1904", в разд. "Перекрестки".

Публикации: ЧД – 1909. С. 476; II₂. С. 9–11, "1904. Весна", в разд. "Весеннее"; ИСП. С. 14–15; II₃. С. 111–112; II₄. С. 159–160; II₅. С. 125–126.

В РЭ II₂ текст правился дважды: простым и синим карандашом. В 3-й строфе Блок пробовал переставить местами 2-ю и 3-ю строки. На полях против этой строфы помета: "расстановка прежняя" (синий карандаш). 5-я строфа вычеркнута дважды (карандаш, синий карандаш), в публикацию в II₃ не вошла. Уточнена датировка: "1904. 5 марта".

Посылая стихотворение С.М. Соловьеву 8 марта 1904 г., Блок сообщал: «Пишу стихи длинные, часто совершенно неприличные, которые, однако, нравятся мне больше прежних и кажутся сильнее. Не ругай за неприличие, сквозь него во мне *все то же*, что в прежнем "распливчатом", но в формах крика, безумий и часто мучительных диссонансов». Андрей Белый воспринял "Обман" как предчувствие надвигающейся "опасности". «Молюсь о том, – писал он Блоку 28 марта 1904 г., – чтобы Ты спокойно и счастливо *"существовал"* среди весенних *"струек"*, *"брызг"*, *"опрокинутых кадок"*. Чувствую я, что Ты находишься на каком-то *"междудорожьи"* и молю господа о ниспослании Тебе сил. (...) *Лик безумия* сходит на мир, и все мы стоим перед страшной опасностью. Опасность, грозящую мне, я усмотрел в веянии, исходящем от Твоего стихотворения: *"плывут собачьи уши, борода и красный фрак"*... Вот *"оно"*, *вот именно...*» (Блок и Белый. С. 75). В письме к Э.К. Метнеру в мае 1904 г. Белый снова обращается к образам данного стихотворения: "Почти у всех членов нашего кружка с аргонавтическим налетом были ужасы – сначала мистические, потом психические и наконец реальные (...) Потом я уже узнал, что Блок тоже *погибал* внутренне за эти дни (началом ужаса у него были стихотворения о карлике с девушкой и тому подобные)" (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 213). По мнению Блока, в "Обмане" отразилось не только нагнетание, но и "разрешение" "ужасов" и преодоление "страха". «"Лик безумия, сошедший в мир" – и притом *нынешнего* нашего безумия, – отвечает он Белому 7 апреля 1904 г., – грозил и прежде. Но знаешь ли? Он разрешит грозу и освежит. Я спал и видел холодные сны (в буквальном смысле). (...) Среди бела дня снился мне кошмар¹ об "опрокинутых кадках" и девушке с карликом. Но вдруг я (...) смотрю: (...) погас огонек, бежавший по шнуру, готовый, казалось, зажечь тысячи свечей. И темно. Прежних лиц я уже не вижу, страх перед ними отошел (...) *Больше некого бояться*» (СС-8₈. С. 98).

Первая публикация стихотворения (I₁) обратила на него внимание критики и вызвала ряд резко негативных оценок (см.: *Боцяновский В.* Критические наброски // Русь. 1904. № 333. 13 нояб. С. 2; *Л. В(асилевский)* // Мир божий. 1905. № 3. С. 98–99. 2-я паг.).

¹ "Кошмар среди бела дня" – название стихотворения Андрея Белого (1903).

По воспоминаниям Г.П. Блока, так же отрицательно стихотворение было воспринято "поколением отцов", оно служило доказательством того, что "новая" поэзия на ложном пути (*Воспоминания*, I. С. 107).

Е.П. Иванов в письме от 12 ноября 1904 г. так определил общую тональность стихотворения: «А "обман"-то, "Обман" так и рябит в глазах. И жутко, прямо жутко и весело в то же время, странно весело...». Сопоставив текст со строкой эпитафия к разделу "Неподвижность", в который стихотворение вошло в I_1 ("Темного хаоса светлая дочь!" В. Соловьев), корреспондент Блока дает навеянное "Обманом" истолкование центрального образа "Стихов о Прекрасной Даме": «"Она" через хаос проходит» (*Письма к Е. Иванову*. С. 107).

В статье "Апокалипсис в русской поэзии" Белый писал: "Обращаясь к хаотической действительности, поэзия Блока превращается в кошмар: (...) в весенних струйках у тротуара плывет безобразный карлик в красном фраке" (Весы. 1905. № 4. С. 26).

Н. Анциферов дал ассоциативно-образную интерпретацию поэтического текста: "По сине-серому фону прыгает зайчиком кроваво-красный цвет северных зорь. (...) Этот красный цвет – красным пьяным карликом мелькает в сумраке умирающего дня среди образов смерти" (*Анциферов Н. Непостижимый город // Об А. Блоке*. С. 312–313).

Пьяный красный карлик не дает проходу... – Ср. образ "синего карлика", "разгуливающего" "на улицах нашей столицы" в письме, посланном Андреем Белым Блоку в начале ноября 1903 г. (*Блок и Белый*. С. 57); ср. также образы карликов в стихотворениях Андрея Белого: "в пурпурном карлик" – "Битва" ("В лазури проходит толпа исполинов на битву...", 1903), "горбун в малиново-ярком" – "На горах ("Горы в брачных венцах...", 1903), "кровавый карлик" – "Старинный друг" ("Старинный друг, к тебе я возвращался...", 1903) и др. Об одном из возможных источников образа см.: *БС-4*. С. 47.

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки. – Зеленые кадки ставились на петербургских тротуарах под водосточными трубами (см.: *Добужинский М.В.* Петербург моего детства // *Он же*. Воспоминания. М., 1987. С. 10).

По улицам ставят красные рогатки. – М.В. Добужинский вспоминает: "Иногда панель загораживалась рогатками – дворники сбрасывали с крыши снег (...) Летом мостовые повсюду чинились, (...) и красные рогатки загораживали половину улицы" (*Там же*. С. 10–11).

"ВЕЧНОСТЬ БРОСИЛА В ГОРОД..."

(С. 103)

Автографы и авторизованные тексты: $ЧН_1$ – $ЗК_7$. Л. 23 об.–26. "26 июля"; $ЧН_2$ – $ЗК_8$. Л. 51 об. (приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 169–170); $АС$ – $Т_4$. Л. 32 об., рукой Л.Б. Блок; печ. текст – $НР_2$. Л. 55; $РЭ_2$. Л. 29–29 об.

Впервые: I_1 . С. 72, в разд. "Перекрестки".

Публикации: $И_2$. С. 47–48, в разд. "Магическое"; $И_3$. С. 114; $И_4$. С. 161; $И_5$. С. 126.

В $ЗК_7$ и $ЗК_8$ имеются первоначальные наброски. Р.В. Иванов-Разумник считает, что тематически к данному стихотворению относятся также следующие наброски (*Иванов-Разумник*. Л. 170):

Пламенеет в кустарнике
Оловянный закат. (ЗК₈. Л. 56)

Голосит гудок фабричный
На закате – олово.
Гость мой вечерний, гость привычный
В дверь просунул голову. (ЗК₈. Л. 51)

В *T*₄ имеется помета: "Первый сборник – до сих пор"; по расположению в *T*₄ данное стихотворение – последнее из вошедших в *I*₁. В *PЭ II*₂ дата: "Июнь (?) 1904" (ср. в *ЧН*₁ – "26 июля"); в *II*₅ датировано "26 июня" и помещено среди июньских.

Окончательный текст – *I*₁.

Край небесный распорот, // Переулки гудят. – Андрей Белый, сославшись на эти стихи, писал: «Переулки, которыми водил меня Блок, я позднее узнал: я их встретил в "Нечаянной Радости"; (...) то переулки, избороздившие петербургскую сторону, помню: закатный свершается час; небо красное под забором, который от этого кажется четким и черным; а впереди край Невы» (*Белый*, 2. С. 207–208).

Все бессилье гаданья... – Ср. мотив гаданья в "Стихах о Прекрасной Даме" (см. т. 1).

В этот город торговли // Небеса не сойдут. – Ср. лат. изречение: "Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit" ("Вот продажный город, который скоро погибнет, если не найдет покупателя" (о Риме). *Гай Саллюстий Крисп.* Югуртинская война. XXXV. 10). Здесь отразилось временное разочарование поэта в апокалипсических чаяниях "нового" города, "сходящего с неба" (Откр. XXI. 2; ср.: «В смертном сне должна явиться эта мечта воскресения – как Достоевскому явился "новый град Петербург, сходящий с неба"». – *СС-8*₈. С. 35).

Другие редакции и варианты

^а *О безумных ночах*

^б *О бессонных ночах (ЧН₁ ЗК₇)* – Ср. с начальной строкой ставшего романсом стих. А.Н. Апухтина "Ночи безумные, ночи бессонные..." (1876).

"ГОРОД В КРАСНЫЕ ПРЕДЕЛЫ..."

(С. 103)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₈. Л. 48 об.–47 об.; *БАП* – *T*₄. Л. 30–30 об., "28 июня"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 10 об., "Июнь 1904. Шахматово.", при письме к Е.П. Иванову от 28 июня 1904 г. (опубл.: *Письма к Е. Иванову*. С. 30–31; печ. текст – *НР II*₂. Л. 54; *PЭ II*₂. Л. 28 об.–29).

Впервые: *I*₁. С. 70–71, "1904", в разд. "Перекрестки".

Публикации: *II*₂. С. 46–47, в разд. "Магическое"; *ИСП*. С. 16; *II*₃. С. 113; *II*₄. С. 162; *II*₅. С. 127.

Автограф в *T*₄ правился карандашом: приписано посвящение, зачеркнута строфа между 2-й и 3-й основного текста и 5-я строфа. 5-я строфа вторично зачеркнута красным карандашом, на полях поставлен восклицательный знак. Стихотворение было сокращено при подготовке *II*₃.

В РЭ II₂ вычеркнута строфа между 2-й и 3-й строфами основного текста (приведена: *Иванов-Разумник*. II. 170).

Окончательная редакция текста впервые в II₃, посвящение Е.П. Иванову снято лишь в II₄.

Послано Е.П. Иванову 28 июня 1904 г. вместе со стихотворением "В час, когда пьянеют нарциссы..." (1904). "Позвольте мне кончить, – писал Блок, – двумя стихотворениями – для характеристики пережитого – прежде и теперь". «Прежде, – поясняет Е.П. Иванов в позднейших мемуарах, – май 1904 г.: до отречения и успения Зари стихотворение "В час, когда пьянеют нарциссы..." Теперь – июнь 1904 – после отречения и успения – "Город в красные пределы...". Так еще невидимо во вне, но видимо лишь на дне глубин духа в Ал. Блоке начинался поворот обращения» (*БС-1*. С. 379).

Как вспоминал С. Маковский, широкие читательские круги восприняли стихотворение "не столько умом, сколько сердцем": «в (...) мертвом лике города, обращенном в красные (кровавые?) пределы», они увидели "предвиденье революции"» (*Маковский С.* На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962. С. 146).

Рецензируя I₁, критики давали о стихотворении резко отрицательные отзывы (см.: *Бояновский В.* Критические наброски // Русь. 1904. № 333. 13 нояб.; *Гофман В.* // Искусство. 1905. № 1. С. 40). Однако Н. Поярков указал на его особое значение в сборнике: оно намечает новые темы и мотивы в творчестве поэта. «Среди этих напевных, строгих и грустных стихов, – писал критик, – похожих на величавые церковные стихиры, вдруг иногда встречаются ужасно неожиданно, как-то пророчески новые по всему строки. Здесь резко нов самый размер сжатый и чеканный, новы страшные образы. Вспоминаю хотя бы: "Город в красные пределы" (...) Какие страшные строки: "в каждой девушке – блудница, в каждом помысле – альков". Где же прежние благочестивые думы о женщине с лучезарным ликом, ясной несравненной Даме» (*Поярков Ник.* Поэты наших дней. М., 1907. С. 103). Образы и мотивы стихотворения вошли в статью Блока "Безвременье" (готовилась летом 1905 г., опубли. в 1906 г.).

Город в красные пределы... – Критики обратили внимание на частоту употребления Блоком эпитета "красный": "Его стихи заполнены этим цветом. Это самый красный из всех поэтов. Все алое, пунцовое, пурпурное, розовое, всякий багрянец его манит" (*S.* Белые ночи // Россия. 1907. № 490. 1 июля.).

...Мертвый лик свой обратил... – В дневнике Е.П. Иванова, которому было посвящено стихотворение (см. разд. "Другие редакции и варианты"), имеются размышления о городе "Медного всадника": "И город Всадника напоминает чем-то Его. Тоже навый¹ город" (12 октября 1904 г.; дневники Е.П. Иванова, тетрадь № 9 – *ИРЛИ*. Ф. 662. Ед. хр. 9. Л. 25 об.).

Блещут искристые гривы // Золотых, как жар, коней... – В славянской мифологии "золотогривый – золотохвостый или просто золотой – конь служит поэтическим образом (...) светозарного солнца" (*Афанасьев, I*. С. 612, а также: *Фаминцын А.* Божества древних славян. СПб., 1884. С. 209). Ср. солнце в образе "коней огнегривых" в стих. Вяч. Иванова "Довольно!" (1903) (*Иванов Вяч.* Кормчие звезды. СПб., 1903. С. 134).

...Жадных облачных грудей... – "Уподобление (...) дождевых туч женским грудям принадлежит к наиболее распространенным поэтическим образам" (*Афанасьев, I*. С. 359).

¹ навый – то есть мертвый (от навь – мертвец).

"Я ЖАЛОБНОЙ РУКОЙ СЖИМАЮ СВОЙ КОСТЫЛЬ..."

(С. 104)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА₁ – ЗК₇. Л. 18 об.–20, "3 июля"; БАП – Т₄. Л. 31 ("Сонет"), "3 июля"; правка: "переделано в явн(аре) 1906"; ЧА₂ – ЗК₁₂. Л. 10; АС – РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 5 ("Сонет"), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (подпись – рукой Блока); АС – НР II₂. Л. 65, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: II₁. С. 89, в разд. "Перстень-Страданье".

Публикации: II₂. С. 58, в разд. "Отравы"; II₃. С. 115; II₄. С. 163; II₅. С. 127–128.

Первоначальный вариант ст. 1–4 в Т₄ опубл.: СПТ. С. 524.

Варианты первой строфы в ЗК₁₂ отражены в переработке текста в Т₄, сделанной в 1906 г. при подготовке к первой публикации. В РЭ II₂ в ст. 1 подчеркнуто слово "жалобной".

Окончательный текст – II₁.

Летом 1904 г. стал явным перелом в мировоззрении и мироощущении Блока, связанный, в частности, с переоценкой учения Вл. Соловьева (см. письмо Е.П. Иванову от 15 июня 1904 г. – СС-88. С. 105–106). Белый так определял настроения Блока этого времени в позднейших мемуарах: «– Старания тщетны: какие бы ни совершали усилия светлые силы, на чаше весов перевесит исконная смерть. Все погаснет; (...) преодоление смерти обман...» – так, казалось, без слов говорила улыбка» (*Белый*, I. С. 265).

В первых числах июля Блок ожидал приезда Андрея Белого и С. Соловьева (ср. в стих.: "И – трое мы бредем") в Шахматово (см.: *Воспоминания*, I. С. 270). "Что же Ты не едешь? – пишет он Белому 4 июля 1904 г. – Мы прождали Тебя 1-ого, 2-ого и 3-его, все надеялись и много раз слышали звонки".

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль. – "Костыли" – часто встречающаяся в переписке Блока и Белого метафора. Ср.: "Если же Вы поставите мне логические рамки, – писал Белый Блоку 10 июня 1903 г., – то они, как костыли, поддержат меня в понимании Ваших слов" (*Блок и Белый*. С. 33). Ср. также о "соловьевских костылях" в письме Блока Белому от 1 августа 1903 г.: "Боюсь (...) утратить Соловьевские костыли, подпиравшие меня *сильно* при жизни Мих(аила) Серг(еевича) (Соловьева)" и в ответном письме Белого от 19 августа 1903 г. (*Блок и Белый*. С. 48).

Мы робко шепчем в дверь: "Не умер – спит ваш близкий"... – Ср.: "сказал им (...) не умерла девица, но спит. И смеялись над Ним" (Мф. IX. 24). Блок приводит эти слова в письме А.В. Гиппиусу от 2 февраля 1903 г. Темы "воскрешения мертвых" и "воскресения из мертвых" активно обсуждались московскими мистиками. Ср. в "Симфонии (2-ой, драматической)" Андрея Белого (М., [1902]. С. 177): "1. В одном углу спорим о видении Соловьева, а в другом завзятый мистик учил воскрешать мертвых. 2. Он божился, что много трудился в этом направлении, и уже достиг кой-каких результатов"; в его стих. "Старинный друг" ("Старинный друг, к тебе я возвращался...", 1903); а также в письме Блока к матери от 14–15 января 1904 г.: "Утром приходит Сережа (С. Соловьев. – Ред.). Мы втроем едем на конке в Новодевичий монастырь. Сережа кричит на всю конку, скандалит, говоря о воскресении нескольких мертвых на днях".

Другие редакции и варианты

Нас много шатунов и сумрачных гуляк... и след. – (ЧА₁ ЗК₇) – Появление "бродяг" и "шатунов" Блок считал симптомом "безвременья" ("бегство из дома", "бегство из города"): "Среди нас появляются бродяги. Праздные и бездомные шатуны встречаются

на городских площадях" ("Безвременье", 1906 – СС-8, С. 71). "Тема бегства в поля, – писал в позднейших мемуарах Белый, – от всех и вся стоит надо всей (...) эпохой 1904–1908 годов; она началась с возгласа: Я покидаю вас, изгнанник..." (Белый А. Начало века. М.; Л., 1933. С. 466). Подборка стихотворений Белого, объединенных темой "побега", в том числе и названное мемуаристом, была послана им Блоку в мае 1904 г. (см.: Блок и Белый. С. 93–95).

ГИМН

("В пыльный город небесный кузнец прикатил...")

(С. 104)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК*. Л. 6 об.–11 об., "27 авг(уста) 1904 г. СПб." (ст. (5–8), (17–20), вар. в, (21–24) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 171; *БАП – Т4*. Л. 33–34, "СПб. 27 августа. 1904"; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 27. Л. 1 об.–2, при письме к Андрею Белому от 29 сентября 1904 г. в подборке из трех стихотворений; *АС – НР II2*. Л. 52–53, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *РЭ II2*. Л. 28–28 об.

Впервые: *Гриф-1905*. С. 26–27, в цикле "Город".

Публикации: *II1*. С. 90–91, в разд. "Перстень-Страданье"; *II2*. С. 45–46, в разд. "Магическое"; *II3*. С. 116–117; *II4*. С. 164–165; *II5*. С. 128–129.

В *Т4* имеется строфа между 1-й и 2-й строфами основного текста, зачеркнутая карандашом и в публикации не входившая (с неточностью опубл.: *СПТ*. С. 524). 6-я строфа основного текста зачеркнута красным карандашом при подготовке *II1*. В *II1*, *II2* и *II3* ст. 21–25 отсутствуют. Стихотворение разделено на две части (между ст. 25–26).

В *РЭ II2* напротив 1-й строфы поставлен вопросительный знак и "NB", вычеркнута строфа между 5-й и 6-й строфами основного текста, печатавшаяся в предыдущих публикациях; в *II3* эта строфа не вошла.

Авторская оценка стихотворения – в письме к матери от 28 августа 1904 г.: "В городе – пыль и тоска. Я написал стихи, которые мне нравятся".

Прославление солнца было широко распространено в символистской поэзии, см.: цикл сонетов И. Коневского "Сын солнца" (1896), его стихотворение "Вожди жизни" (1896), славословия солнцу в лирике Л. Семенова ("Солнце, солнце надо мной...") и др., сборник К. Бальмонта "Будем как солнце" (1903), его стих. "Гимн солнцу" и др. (об образе-символе солнца в литературе конца XIX–нач. XX в. см.: *Долгополов Л. М. Горький и проблема "детей солнца" // Долгополов Л. На рубеже веков. Л., 1985. С. 55–89*). Белый подразделял "новых" поэтов на "солнечных", причисляя к ним "аргонавтов", Бальмонта и Блока, и поэтов "мрака и зла", к которым относил Брюсова и Сологуба (*Белый, I. С. 231*). Блоковский "Гимн" ориентирован на "аргонавтический" культ солнца, провозглашенный Белым. Посылая ему автограф (*БА РГБ*), Блок сделал под заглавием приписку: "особенно в начале подражание Тебе". Аргонавтические "солнечные" мотивы проходят через всю книгу Белого "Золото в лазури" (М., 1904) (ср. "Золотое руно", "Солнце", "За солнцем" и др.). Всем этим стихотворениям присуща мажорная тональность, вот почему финал "Гимна" с "хвалой" "опаленным, смятенным, сожженным до тла", близкий к концепции дионисийского начала у Ницше, воспринятой Вяч. Ивановым (его статья "Эллинская религия страдающего бога" была известна Блоку по публикации в 1904 г. в "Новом пути"), показался тогда Белому, по

его позднейшему признанию, "совсем неожиданной у Блока нотой" (Памяти Блока. Пб., 1922. С. 19).

В рецензии на *II* С. Соловьев писал: "Самый стих Блока лишен движения, стремительности. Напрасно он силится передать Верхарновским стихом судорожную жизнь улиц" (*ЗР*. 1907. № 1. С. 89).

Отзыв А. Закржевского см. в коммент. к стих. "Повесть".

М.В. Бабенчиков вспоминал, какое впечатление произвело стихотворение на современников: «Стихи Блока пробудили в нас ничем не истребимую любовь к жизни. Звуча как зазданный тост, они перекликались с "Вакхической песней" Пушкина, и их бодрый, мажорный тон роднил их с бетховенским "Гимном радости". Это светлое певучее аполлоновское начало блоковской поэзии неизменно окрыляло нас в годы нашей духовной юности и осталось надолго основным источником всего нашего дальнейшего восприятия жизни» (*Воспоминания*, 2. С. 155).

Все испуганно пьяной толпой // Покидают могилы домов... – и след. – В стихах Блока этих лет отразились впечатления от прогулок в окрестностях казарм Гренадерского полка, где он в это время жил. "Иногда он (Блок. – *Ред.*), – вспоминал Белый, – захватывал на прогулки меня; мы блуждали по грязным переулкам, наполненным к вечеру людом бредущим от фабрик домой (где-то близко уже от Казарм начинался рабочий район); здесь мелькали измученные проститутки-работницы; здесь из грязных лачуг двухэтажных домов раздавались пьяные крики; здесь в ночных кабачках насмотрелся А.А. на суровую правду тогдашней общественной жизни" (*Белый*, 2. С. 225–226).

Но небесный кузнец раздувает меха... – По народным повериям, "веяние ветров сравнивали с действием кузнечных мехов в руках бога-громовника" (*Афанасьев*, 1. С. 311).

Вот – монах, опустивший глаза... – Монах или инок – один из образов лирического героя "Стихов о Прекрасной Даме", в восприятии современников нередко отождествлявшийся с поэтом. "Ведь естественно было нам, – вспоминал Андрей Белый, – видеть монахом его (Блока. – *Ред.*), защищающимся от житейских соблазнов" (*Белый*, 1. С. 175–176); в образе "бледного монаха" Блок предстает также в посвященном ему стих. Г. Чулкова и "И вновь ты уходишь во мрак..." (опубл.: *БН*. С. 67).

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь // На распустьях, в подвалах, на башнях – хвала! – Ср. в известной Блоку (см.: *ЗК*. С. 36) книге Г. Клейна "Астрономические вечера" (СПб., 1900. С. 184): "Все мы, гении и простые смертные, сильные и слабые, цари и нищие, все мы – дети солнца", а также в стих. Ш. Бодлера "Солнце" (сб. "Цветы зла", пер. А. Альвинга): "Ты <...> // всюду проникаешь // В больницы, в церкви, в царские палаты. // Туда, где бедно все, туда, где все богато".

"ПОДНИМАЛИСЬ ИЗ ТЬМЫ ПОГРЕБОВ..."

(С. 105)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК*. Л. 15 об.–18 об., "10 сент(ября)"; *БАП – Т*. Л. 34 об.–35 ("Пришлецы") "10 сент(ября)"; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 27. Л. 2 ("Пришлецы"), при письме к Андрею Белому от 29 сентября 1904 г., в подборке из трех стихотворений; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 6 ("Пришлецы"); *АС – НР II*. Л. 100, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *РЭ II*. Л. 54–54 об.

Впервые: *II*. С. 119–120, под загл. "Пришлецы", в разд. "Покорность".

Публикации: *И*₂. С. 97–98, в разд. "1905" ("Пришлецы"); *И*₃. С. 118–119; *И*₄. С. 166–167; *И*₅. С. 129–130.

В черновике незаконченная строфа (после ст. 28) и пятая строфа основного текста были написаны позже. Первая из них зачеркнута, другая – отчеркнута, на полях обозначено ее место (между четвертой и шестой основного текста).

В беловых автографах стихотворения имеется строфа (между 3-й и 4-й строфами), не вошедшая в основной текст (опубл.: *СПТ*. С. 524), строфы 4-я и 5-я следуют в обратном порядке.

В *РЭ И*₂ зачеркнуто заглавие "Пришлецы" и вычеркнута 6-я строфа, два последних стиха в 6-й строфе заключены в скобки. Две последние строфы отчеркнуты, на полях помета: "Переделать". Стихотворение датировано "10 сент(ября) 1904".

В *И*₃ опубликовано без заглавия и без 6-й строфы, которая восстановлена в *И*₄.

Стихотворение было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ)*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Одно из первых стихотворений Блока, в которых отразилось стихийное движение социальных низов. На примере этого стихотворения Брюсов указал на особенности блоковской поэтики: «Должно досказывать недоговоренное, восстанавливать связь между образами, – писал он. – С этим <...> связана наклонность Блока не называть в стихах действующих лиц; он охотно ставит одни глаголы: "поднимались из тьмы погребов", "выходили", "смеялся", предоставляя читателю угадать, кто поднимался, кто выходил, кто смеялся» (*Брюсов В.* Ал. Блок // *Русская литература XX века (1880–1910)*. М., 1915. Т. 2. Ч. 2. С. 329).

Вагнеровская символика текста раскрывается в статье Д.М. Магомедовой "Блок и Вагнер" // *Zbornik radova instituta za strane jezike i književnosti*. Novi Sad, 1984. Sv. 6. С. 202.

Поднимались из тьмы погребов. – Ср. с "подземным народом" в музыкальной драме Р. Вагнера "Зигфрид" (М., 1901. – *ББО-1*. С. 117): "В глубине земли // Живет Нибелунгов племя" (С. 10).

Тихо выросли шумы шагов, // Слова незнакомых наречий. // Скоро прибыли толпы других, // <...> Из земли воздвигали палаты. – Вероятно, отзвук библейского предания о вавилонском столпотворении: за строительство "города и башни, высоту до небес" Бог решил покарать строителей и смешал языки их ("И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык <...> сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого" (Быт. XI. 1–7)).

Пусть заменяет нас новые люди! – Характеристика героев-разночинцев в романе Н.Г. Чернышевского "Что делать?" (1863), переосмысленная З.Н. Гиппиус в сборнике рассказов "Новые люди" (СПб., 1896), где "новые люди" соотнесены с миром "нового искусства" конца XIX – нач. XX в.

Не стерег испугленный дракон... – Ср. апокалипсический образ дракона (Откр. XII. 4); образ из стих. Вл. Соловьева "Дракон" (1900) (вписанного Блоком в его экземпляр книги "Стихотворения Вл. С. Соловьева". М., 1900); а также образ дракона Фафнера в музыкальной драме Р. Вагнера "Зигфрид".

...Не пылала под нами геенна. – Геенна – огненная река в аду, место мучений огнем душ грешников (Мф. V. 29, 30; X. 28; XVIII. 9; Мк. IX. 47; Лк. XII. 5).

Затопили нас волны времен... – По аналогии с библейской легендой о всемирном потопе: "воды потопа пришли на землю" и "истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли" (Быт. VII. 10, 23). С темой наводнения традиционно

связывалась "петербургская эсхатология". После прочтения книги Л.Я. Гуревич "9 января" (СПб. 1907) Блок писал, что "услышал голос волн большого моря; (...). Может быть, те строгие волны разобьют в щепы все то тревожное, мучительное и прекрасное, чем заняты наши души" (СС-8₈. С. 221–222).

Другие редакции и варианты

Эти карлы сходились шепча, // Шелестя непонятно губами (ЧА ЗК₉) – Ср. с карлами и гномами, героями вагнеровского "Кольца Нибелунга" (М., 1906).

"ВВЫСЬ ИЗВЕРЖЕННЫЕ ДЫМЫ..."

(С. 106)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₉. Л. 22 об., 26, 26 об.; ЧА – ЗК₉. Л. 25–29; БАП – Т₄. Л. 35 об.–36 об. ("Вечер"), "25 сент(ября); БА – РГБ. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 27. Л. 2 об. ("Вечер"), при письме Андрею Белому от 29 сентября 1904 г., в подборке из трех стихотворений; АС – НР II₂. Л. 49–50, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух ("Вечер").

Впервые: *Гриф-1905*. С. 25–26, под загл. "Вечер", в цикле "Город".

Публикации: II₁. С. 49–50 ("Вечер"), в разд. "Магическое"; II₂. С. 43–44 ("Вечер"), в разд. "Магическое"; II₃. С. 120–121; II₄. С. 168–169; II₅. С. 131–132.

В ЗК₉ имеются отдельные наброски и черновик стихотворения, в котором вместо последнего четверостишия основного текста две другие строфы.

В Т₄ стихотворение было переработано перед первой публикацией – приведено к основному тексту, ст. (32–41) первоначального текста воспроизведены: *Иванов-Разумник*. Л. 172.

В письме к Андрею Белому от 29 сентября 1904 г. (БА РГБ) стихотворение имеет подзаголовок: "Подражание Валерию Брюсову". Шестистишия Блока близки к строфике первой части поэмы Брюсова "Аганатис" ("Астарта Сидонская" – сб. "Tertia Vigilia" (1900), написанной, однако, неклассическим стихом; ср. также образ сивиллы в поэме и в стих. Брюсова ("Амалтея", "Кассандра").

Ввысь изверженные дымы // Застылали свет зари. – О фабричном районе Петербургской (ныне Петроградской) стороны, где жил в то время поэт, см. преамбулу к разделу. М.В. Добужинский, живший неподалеку, на Арсенальной набережной у Литейного моста, вспоминал: "Из нашей залы я мог видеть (...) как (...) за ровную линию бесконечных дымовых труб закатывается красное солнце" (*Добужинский М.В.* Петербург моего детства // *Он же*. Воспоминания. М., 1987. С. 9). Ср. в стих. Андрея Белого "На окраине города" (1904):

Багрец золотых вечеров
закрыли фабричные трубы,
да пепельно-черных дымов
застывшие клубы.

В темном зале свет заемный... – Ср. у М.Ю. Лермонтова "блеск заемный" (в значении "отраженный") в стих. "Графине Ростопчиной" ("Я верю: под одной звездой...", 1841); а также в стих. К.Д. Бальмонта "Вечерняя тишь" ("Зажжется небо, и окрест // Повсюду будет блеск заемный").

"БЛЕСНУЛО В ГЛАЗАХ. МЕТНУЛОСЬ В МЕЧТЕ..."

(С. 107)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₉*, Л. 22 об.–23 (ст. (9–12) приведены: *Иванов-Разумник*, Л. 172); *АС – Т₄*, Л. 55, рукой Л.Д. Блок; *БА – РГАЛИ*, Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 2; *АС – НР II₂*, Л. 51, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *II₁*, С. 48, в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*, С. 44–45, в разд. "Магическое"; *II₃*, С. 130; *II₄*, С. 170; *II₅*, С. 132.

В *Т₄* рукой Блока чернилами была поставлена дата: "Январь"; стихотворение вошло в раздел "1905". Эта же ошибочная дата ("январь 1905") поставлена в *РЭ II₂*. Позднее дата в *Т₄* зачеркнута красным карандашом и исправлена сначала на "Окт. 1904", а затем на "[25] IX 1904".

Основная редакция текста – в первой публикации, в дальнейшем печаталось без существенных изменений (с отдельными пунктуационными вариантами).

Стихотворение приводится П. Коганом как пример «воплощения психики, того отношения к миру, которое выработалось у современного жителя столицы. Жизнь несется перед ним, бессистемная, бессвязная, едва улавливает он обрывки явлений, не всматриваясь в лица, не проникая в глубь того, что попадаетея навстречу. Люди мелькают как черные неопределенные силуэты. Блок – поэт этих быстрых неясных восприятий. (...) Он не описывает предметов. Он отмечает только следы их мельканий. (...) Чем меньше последовательности и смысла в этом нагромождении, тем больше настроения, тем больше говорит он душе современного столичного жителя, (...) В городе (...) трудно уловить самих движущихся, но запечатлеваются их жесты и движения. "Красный с козел спрыгнул", "исчезла в толпе". Кто "красный", кто это она, "исчезнувшая" в толпе? Блок не прибавляет существительных. И он прав. Потому что в уличной сутолоке лица не остаются в памяти, остаются только мелькания» (*Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы*. М., 1912. Т. 3. Современники. Вып. 2. С. 139–140).

"ДЕНЬ ПОБЛЕК, ИЗЯЩНЫЙ И НЕВИННЫЙ..."

(С. 107)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₉*, Л. 14 об.–15; *БАП – Т₄*, Л. 41 об. ("А l'ombre"¹), "24 декабря"; *АС – НР II₂*, Л. 69 ("А l'ombre"), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *РЭ II₂*, Л. 36–36 об.

Впервые: *II₁*, С. 57, под загл. "А l'ombre", в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*, С. 61–62, в разд. "Отравы" ("А l'ombre"); *II₃*, С. 122; *II₄*, С. 171; *II₅*, С. 133.

В *ЗК₉* первоначальный набросок был записан карандашом (остальной текст – чернилами) и отчеркнут; затем Блок переработал его для последней строфы. В *Т₄* слово "Встала" (ст. 5) подчеркнуто красным карандашом. Карандашная правка в *Т₄*, частично стертая, не датирована, но, безусловно, проведена до первой публикации, которая дает основную редакцию текста, представленную затем во всех публикациях (заглавие "А l'ombre" снято лишь в *II₃*).

¹ В тени (*фр.*) – первоначальное заглавие.

В РЭ II₂ 1-я и 3-я строфы отмечены вопросительным знаком; стихотворение датировано: "24 дек(абр)я 1904".

По мнению Н.Я. Абрамовича, относится к стихотворениям, определить "творческий лейтмотив" которых "задача невозможная", так как они "написаны слишком туманно" (Абрамович Н.Я. Стихийность в молодой поэзии // Образование. 1907. № 11. С. 22. 2-я паг.). Напротив, критик А. Закржевский писал, что "в попытках выразить боль людских страданий" «очень удачно "А l'ombre", в котором развертывается вихрь драмы на струнах тающих сумерок» (Закржевский А. В царстве женственной неги // ВМИ. 1907. № 9–10. С. 19).

Читательские отзывы на стихотворение приводит Н. Клюев в письме к Блоку в ноябре 1907 г.: «Вот мы сидим шесть человек, все читали Ваши стихи, двое хвалят – что красивы, трое говорят (<...> что Вы – комнатный поэт, стихот(ворение) "День поблек – изящный и невинный" – одна декорация и что после первых четырех строк – Вы свихнулись "не на то". Что такое "голубой кавалер" (<...>?» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 466).

А.Н. Толстой вспоминал, что «Блок ни на чем не настаивал, будто он и сам не понимал, – о чем было написано в книге. Когда его спрашивали: – Ну, хорошо, объясните мне сами, что значит это: "Уронила матовые кисти в зеркала"...? – он со слабой улыбкой прекрасных губ отвечал простодушно: "Уверю вас, – я и сам не знаю"...» (Толстой А.Н. Падший ангел // Последние новости (Париж). 1921. № 413. 21 авг.).

Другие редакции и варианты

Заглавие: (Т₄, II₁, II₂)

Отошла и встала в полутени – // Заструилась вдоль зеркал. (ЧА ЗК₉) – Ср. о художественном мире рассказов З.Н. Гиппиус в статье "Безвременье" (1906): "Преображение совершается в глубинах зеркала, в тенистой вечерней комнате (...) Медленно проходят, смотря вперед и поверх мира, тонкие, узкие, гибкие женщины (...) обрученные (...) с влюбленностью" (СС-8₅. С. 80).

"В КАБАКАХ, В ПЕРЕУЛКАХ, В ИЗВИВАХ..."

(С. 108)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₄. Л. 43–43 об., рукой Л.Д. Блок; БА – РГБ. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 37. Л. 1, "1904" при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; АС – НР II₂. Л. 57, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; РЭ II₂. Л. 30–30 об.

Впервые: Весы, 1906, № 5. С. 11–12, в цикле "Тишина цветет".

Публикации: II₁. С. 51–52, в разд. "Магическое"; II₂. С. 49–50, в разд. "Магическое"; II₃. С. 123–124; II₄. С. 172–173; II₅. С. 133–134.

В РЭ II₂ Блок намеревался переработать 1-ю строфу, она заключена в скобки, ст. 1 и 4 зачеркнуты, в ст. 1 подчеркнуто слово "в извивах". Данная строфа отчеркнута, на полях имеется помета: "NB придется оставить"; 7-я строфа вычеркнута.

Основная редакция текста – I₁–II₂. В первой публикации и в II₃ печаталось без 7-й строфы.

К.И. Чуковский заметил, что Блоку "больше всех открывают тайн и видений пьянящие улицы города" (Чуковский К. О современной русской поэзии // Нива. 1907. № 3. Стб. 417).

Сравнивая поэта с героем стихотворения – "стариком у стены", – Арк. Бухов писал: "Его поэзия представляется мне неизбывным горем человека, которого одиночество и тоска выкинули на широкую, людную, залитую электрическим светом улицу, измученный, он прислонился к стене и смотрит, как мимо него идут люди..." (Бухов. С. 23).

Наиболее подробный разбор и анализ стихотворения дал М. Неведомский [М.П. Миклашевский]. У критика демократического лагеря вызвали недоумение ряд образов и отдельные фразы, не поддающиеся логической расшифровке. "Эти случайные, по-видимому, штрихи, – пишет он, – заставляют насторожиться реалистически настроенную фантазию и внушают (...) несправедливое опасение, что мечта автора, пожалуй, разгорелась при виде убогой ночной толпы пешеходов – ну, хоть на Невском пр..." (Неведомский М. В защиту художества // *СМир*. 1908. № 4. С. 234–235). "Намеренная неясность" и "намеренная туманность", обусловленные символистской "доктриной", портят, по мнению критика, "одно из лучших" стихотворений, "посвященных городским мотивам".

В кабаках, в переулках, в извивах... и след. – Андрей Белый использовал образы стихотворения, говоря о периоде "антитезы" в развитии символизма: «Душа наша погибала не раз, и бездушные марионетки, мы, корячились на "площадях, в переулках, в извивах"» (*Блок и Белый*. С. 258). В статье "Поэзия Блока" он вновь возвращается к этим образам: «Взрыв мистических сил, очень часто кончается срывом (...) Поэт бежит в город: "в кабаках, в переулках" он ищет забвенья» (В кн.: *Ветвь*. Сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 274, 276).

...*В электрическом сне наяву...* – Выражение "сон наяву" неоднократно встречается в лирике Вл. Соловьева (см. "Вижу очи твои изумрудные..." (1892), "Сон наяву" (1895)). П. Коган заметил, что поэт «не знает солнца, и его душа начинает жить только тогда, когда загорается искусственный свет. Только тогда начинает работать его фантазия и творит он свою легенду. (...) только в "ликованьи троттуара" вдохновляет его муза. Только в уличном беспорядочном движении раскрывается перед ним тайна; и ясной становится ему скрытая жизнь человеческой души» (*Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы*. М., 1912. Т. 3. Современники. Вып. 2. С. 138).

Были солнца в сверканьи витрин. // Красота этих женственных ликов! и след. – К. Чуковский, назвавший Блока поэтом "множества единственных жен, облеченных в солнце", писал: «Прекрасная Дама для Соловьева – фокус всего, единственный образчик абсолютного, а сколько таких "единственных фокусов" и образчиков абсолютного встретит Блок, если он пройдет по Невскому от Палкина (ресторан Палкина – Невский, 47. – *Ред.*) в Вену (ресторан "Вена" на углу Гороховой и Малой Морской (ул. Гоголя). – *Ред.*)» (*Чуковский К. Об Александре Блоке // Свободные мысли*. 1907. № 25. 9 нояб.).

Ждал я Светлого Ангела к нам, // Чтобы здесь (...) // Он одну приобщил к небесам... // (...) И казался нам знаменем красным // Распластавшийся в небе язык. – Согласно библейской легенде, Христос как знак своего вознесения на небо показывает ученикам знамение – "огненные языки" (Деян. II. 3).

А вверху – на уступе опасном – // Тихо съезжившись, карлик приник... и след. – Согласно интерпретации М. Неведомского, «в ответ на мечтательное настроение, навеваемое этим стихотворением, "уродливый, злой и тривиальный скепсис, в лице карлика, показывает длинный язык и беспощадно высмеивает замечтавшегося поэта"» (*СМир*. 1908. № 4. С. 234).

"БАРКА ЖИЗНИ ВСТАЛА..."

(С. 109)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₀*. Л. 18 об.–19; *АС – Т₄*. Л. 53, рукой Л.Д. Блок; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 5 (опубл.: *Бекетова I₂*. С. 203 – факсимиле); печ. текст – *НР II₂*. Л. 94, "1904. XII" (дата зачеркнута).

Впервые: *Наша жизнь*: ил. и лит. неделя, 1905, № 26–27, 26 ноября. С. 207, в подборке из трех стихотворений.

Публикации: *II₂*. С. 92–93, в разд. "1905"; *II₄*. С. 174; *II₅*. С. 135.

Тексты в *Т₄* и *БА РГАЛИ* лексически приближаются к основной редакции, но сохраняют строфику и стопность, близкие к первоначальной редакции (пять двустушией) в *ЗК₁₀*. В *Т₄* помета: "Наша Жизнь – (арестов(ано)) иллюстр(ированное) прилож(ение) к № 26 ноября 1905 г."

Окончательный текст – в первой публикации. В *РЭ II₂* стихотворение вычеркнуто; в *II₃* не вошло.

Образ барки, севшей на мель, встречается в известной народной песне "Ой, дубинушка, ухни...": "Наша барка на мель стала" (Великорусские народные песни, изданные А.И. Соболевским. СПб., 1902. Т. 6. С. 470–472, № 568). Использован Д.А. Клеменцем в его политической сатире "Барка (На голос: Дубинушке)" (*Лотман Л.М. Поэзия революционного народничества // История русской поэзии*. Л., 1969. Т. 2. С. 113). Ср.:

Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села –
.....
Белый царь наш – кормщик пьяный,
Он завел нас на мель прямо.
.....
Ой, сидела барка грузно
И вести было натужно!
Господа на ней сидели
Веселились, песни пели.
.....
От такого управленья,
Стала барка без движенья.
Чтоб придать ей снова ходу –
Покидаем бар мы в воду.
.....
(Сборник новых песен и стихов.
М., 1873. С. 35–37)

Образ мог быть навеян также петербургским бытом, барками на Неве (см.: *Бекетова I₂*. С. 46); а также: (*Засосов Д., Пызин В.* Пешком по старому Петербургу // *Нева*. 1987. № 1. С. 205).

"УЛИЦА, УЛИЦА..."

(С. 109)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₄*. Л. 61, "Начало 1905 года", рукой Л.Д. Блок; *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 6; *БА₂ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 4, последнее в подборке "Четыре стихотворения" (вместе со стих.: "1. Не

мани меня ты, воля...", "2. Все тихо на светлом лице...", "3. Есть лучше и хуже меня..."); БА – НР II₂. Л. 64, "1905" (дата зачеркнута).

Впервые: Час. 1907. № 51. 21 ноября. С. 2, в цикле "Город".

Публикации: ЗС. С. 49 ("Улица ночью"), "1905", в цикле "Мещанское житье"; II₂. С. 57, в разд. "Отравы"; II₃. С. 127; II₄. С. 175; II₅. С. 135–136.

В Т₄, БА₁ РГАЛИ и в первой публикации иное строфическое деление, чем в основной редакции.

Окончательный текст – ЗС. Заглавие "Улица ночью" в II₂ снято.

Наблюдается совпадение ряда образов стихотворения с повестью Достоевского "Бедные люди" (1845): "и шторы, и пунцовые цветочки, (<...>) и мерцающие светлы свечей"; и "лица, наклоненные над скудной работой" (см.: Минц З.Г. Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 223).

Спите. Забудьте слова лучезарных. – Об образе Лучезарной у Вл. Соловьева см. коммент. к стих. "Поединок". В Брюсов, прослеживая творческую эволюцию Блока, заметил: "Земля в снегу" уже бесконечно далека от стихов о "Прекрасной Даме", и сам поэт (<...>) предлагает: "Забудьте слова лучезарные" (Брюсов В. Александр Блок // Русская литература XX века (1890–1910). М., 1917. Т. 2. Ч. 2. С. 325).

ПОВЕСТЬ

("В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...")

(С. 110)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – л. 1–4, "30 января 1905" – не сохранился, варианты приведены: Иванов-Разумник. Л. 174а–174б (опубл.: СС-8₂. С. 419); АС – Т₄. Л. 57 об. – 58, рукой Л.Д. Блок, "Январь" (дата – рукой Блока); АС – НР II₂. Л. 83–84, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; РЭ II₂. Л. 47–47 об.

Впервые: ВЖ. 1905. № 4–5. С. 59–60.

Публикации: II₁. С. 81–82, в разд. "Перстень-Страданье"; ЧД-1909. С. 487–489; II₂. С. 83–84, в разд. "Перстень-Страданье"; II₃. С. 125–126; II₄. С. 176–178; II₅. С. 136–137.

Автограф (ЧА), по описанию Иванова-Разумника, представлял собой «черновик с карандашной правкой на четырех отдельных четвертушках белой бумаги; на обороте листа первого – карандашная запись: "30 января 1905. СПб. Ал. Блок. После безделья. И еще 3 листка (кроме этого)". Помимо приводимых, имелись "многочисленные варианты в каждой строфе"» (Иванов-Разумник. Л. 174б).

В РЭ II₂ Блок намеревался исключить 5-ю строфу основного текста (она заключена в скобки, затем скобки зачеркнуты), стихотворение датировано: "Январь 1905".

Окончательный текст – II₃.

Л. Шестов дал отзыв на первую публикацию стихотворения в рецензии на журнал "Вопросы жизни": "Оно напоминает собой Метерлинка, но странным образом не теряет от этого в своей оригинальности" (Шестов Л. Литературный сецессион // НЖ. 1905. № 160. 15 июля).

П. Коган так определил общий смысл стихотворения: "Блок опьянен (<...>) уличным шумом. Он бродит по улицам до одурения. Бродил так долго, что эти быстро сменяющиеся фигуры, эти мелькающие люди и предметы, то пропадающие в темноте,

то попадающие в полосу фонарного света, в конце-концов показались ему призраками (...) Сама жизнь стала видением, а люди и предметы привидениями" (*Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы. Современники. М., 1912. Т. 3. Вып. 2. С. 140–141).

А. Закржевский считал, что «в попытках выразить боль людских страданий в пепельной рамке хаоса, Блок достиг блестящих результатов в стих. "Повесть" и "Гимн" (...) которые вносят много нового в его творческий облик» (*Закржевский А.* В царстве женственной неги // *ВМИ.* 1907. № 9–10. С. 19).

Г.И. Чулков – См. с. 632 наст. тома.

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли... – и далее: в дождливой сети; в дождливой сети тонкой; в сетях дождя – Ср. в стих. Н.А. Некрасова "Утренняя прогулка" (Цикл "О погоде". Часть 1. "Уличные впечатления"):

Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Уходил тихонько. И плакал, уходя. – Ср. в стих. А.А. Фета "А.Л. Б(ржеск)ой" ("Далекий друг, пойми мои рыдания..."): "И в ночь идет, и плачет уходя".

"ИДУ – И ВСЕ МИМОЛЕТНО..."

(С. 111)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₄*. Л. 75, "9 марта 1905", рукой Л.Д. Блок, дата – рукой Блока; *БА* – при письме Андрею Белому от 2 октября 1905 г. в подборке из 20 стихотворений; *АС – НР II₂*. Л. 54, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Впервые: *II₁*. С. 55, в разд. "Магическое".

Публикации: *II₂*. С. 48, в разд. "Магическое"; *II₃*. С. 131; *II₄*. С. 179; *II₅*. С. 138.

Варианты *БА* (при письме Белому) приводятся по публикации:

Блок и Белый. С. 145.

Окончательный текст – *II₁*.

В рецензии на *II₁* Н.Я. Абрамович назвал стихотворение "самым тусклым по мотивам". «Мотивы будничной "дневной" мистики, – считает рецензент, – исполнены именно в той стилизованной манере, которая засушивает свежесть ощущения и образа (...) оставляя сухую схему, заключающую в себе то нечто, что было переживанием, чувством» (Образование. 1907. № 2. С. 92, 93; еще один негативный отзыв этого же критика см.: Образование. 1907. № 11. С. 22).

Анализируя *II₁*, Брюсов определил эволюцию лирики Блока как "переход" от "Прекрасной Дамы" к "красной подруге": «Поэт, который когда-то "молча ждал" "Прекрасной Дамы", теперь, проходя по улице, при свете газа, "куда глядят глаза", задает себе вопрос:

Не увижу ли *красной* подруги моей?

И действительно, навстречу ему идет

Вольная дева в огненном плаще»

(*Брюсов В.* Александр Блок // *Русская литература XX века.* (1890–1910). М., 1917. Т. 2. Ч. 2. С. 323).

В письме к К.А. Сюннербергу от 9 июня 1912 г. Блок пояснил, что ударение в слове "оборотня" ставится на первом слоге.

Не встречу ли оборотня? – Оборотень, по объяснению В.И. Даля, "какой-то недобрый дух {...} Он никогда не является иначе, как на лету, на бегу, и то мельком, на одно мгновение" (ср.: "Иду – и все мимолетно"). "Оборотень перекидывается, изменяя вид свой, во что вздумает {...} Днем очень редко удастся его увидеть, но уже в сумерки он начинает проказить" (ср.: "Вечереет") (*Даль В. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа.* СПб.; М., 1880. С. 55).

Вольная дева в огненном плаще!.. // {...} *И она тебя кольцом неразлучным сожмет // В змеином логовище.* – Ср. с поверьями об огненных змеях, одно из них Блок приводит в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906): «Иногда "прелестник" (огненный змей. – *Ред.*) является в женском образе Летавицы и чарует волшебными прелестями» (*СС-85*, С. 59; о "летавицах" см.: Сборник малороссийских заклинаний / Сост. П. Ефименко. М., 1874. С. 70. № 220; *Афанасьев*, 3. С. 209; об образе "оборотня-змея", превращающегося в деву, см.: *Афанасьев*, 2. С. 625).

ПЕСЕНКА

("Она поет в печной трубе...")

(С. 112)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₀*. Л. 15 (опубл.: *ЗК-1930*. С. 40); *АС – Т₄*. Л. 60 об.–61, "9 апреля", рукой Л.Д. Блок, заглавие вписано рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 59, "9 апреля 1905", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *АС – НР II₂*. Л. 19–20, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук.

Впервые: *II₁*. С. 15–16, в разд. "Весеннее".

Публикации: *II₂*. С. 9, в разд. "Весеннее"; *II₄*. С. 180; *II₅*. С. 138–139.

Окончательный текст – *II₁*. В *РЭ II₂* стихотворение вычеркнуто, в *II₃* не вошло.

В 1898 г. было написано стих. "Песенка" ("Что, красавица, довольно ты царила...") (т. 4. наст. изд.), в *Хр. ук. Т₁* оно сопровождается пометой: "Л.Д. М(енделеева) и К.М. С(адовская)". В стихотворениях совпадают не только заглавия, но и описанная в них ситуация сосуществования в душе лирического героя двух женских образов (в данном случае "ты" и "она").

Весна, весна! Как воздух пуст! – Перефразировка начальной строки стих. Е.А. Баратынского "Весна, весна, как воздух чист!" (1835).

Другие редакции и варианты

Тоска поет в печной трубе... и след. (*ЧА ЗК₁₀*) – Ср. с описанием "мирного очага" в статье "Безвременье" (1906): "ветер пел свои тонкие песни в печной трубе" (*СС-85*, С. 67).

Весенний голос ветра тонок. – Ср. в стих. Вл. Соловьева "В стране морозных вьюг..." (1882): "Вот веет тонкий хлад и в тайном дуновенье // Он Бога угадал". Блок процитировал эти стихи в письме к Л.Д. Менделеевой от 27 декабря 1902 г., там же он говорит о свисте ветра в трубе, который "ложится на душу гнетущим ужасом". "Если бы этот ветер был до сих пор, – пишет Блок, – властен надо мной внутренно, как был некогда, это было бы ужасно. Но {...} уже он бессилен, потому что наступило Твое царство".

ЛЕГЕНДА

("Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли?..")

(С. 112)

Автографы и авторизованные тексты: *АСП – Т₄*. Л. 61 об.–63, "15 апреля", рукой Л.Д. Блок, заглавие и правка – рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 60. Л. 1–2, "15.IV.1905", без заглавия, при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 1–2; *БА – НР II₂*. Л. 23–24.

Впервые: *Шиповник*, 2. С. 116–117, в цикле "Н.Н. Волоховой".

Публикации: *ЧД – 1909*. С. 480–481; *II₂*. С. 12–14, в разд. "Весеннее"; *II₄*. С. 181–183; *II₅*. С. 139–141.

В *Т₄* текст стихотворения имеет небольшую правку, 9-я строфа вычеркнута и не входила в публикации до *II₂*. В *Кор. II₂* (л. 11 об.–12) в ст. 10 "сгорая" исправлено на ненормативное "сгарая", и так печаталось во всех последующих изданиях (сохранено в основном тексте). В *РЭ II₂* стихотворение вычеркнуто (в *II₃* не вошло).

Окончательный текст – *II₂*.

27 июня 1905 г. Блок писал А.М. Ремизову: "Стихотворение, которое Вам читал и хотел посвятить, хочу переделать и подчистить".

Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли?.. – Ср.: Лк. XXIII. 42–43.

Весна плыла высоко в синеве. – Ср.: "В синеве плышет весна" (*Брюсов В.* "У земли", 1902).

И отравленной пыли полетели столбы. (...) В этом огненном смерче обняла она крепче // Пыльно-грязной земли раскаленную печь... – Ср. символику "пыли", "дыма" и "огня" в статье Белого "Апокалипсис в русской поэзии": "Вихрь, поднявшийся в современной России, взметнувший пыль, должен неминуемо создать призрак красного ужаса – облака дыма и огня" (*Весы*. 1905. № 4. С. 14).

...Хохотал Невидимка. – См. коммент. к стих. "Невидимка" (С. 749).

Но уж твердь разрывало и след. – Ср.: Мф. XXVII. 51.

Ангел Белую девушку в Дом Свой унес. – Ср. в стих. "В кабаках, в переулках, в извивах..." (1904): "Ждал я светлого Ангела к нам, // Чтобы здесь (...) // Он одну приобщил небесам..."

Дата: *15 апреля 1905.* – На этот день приходилась Страстная пятница.

"Я ВАМ ПОВЕДАЛ НЕЗЕМНОЕ..."

(С. 114)

Автографы: *АСП – Т₄*, л. 64, "16 апреля", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, правка карандашом рукой Блока; *БА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 1, "1905.16.IV. Страстная Суббота"; *АС – ИРЛИ*. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 875. Л. 29, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, подпись – рукой Блока; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 3.

Впервые: *БН*. С. 19, в цикле "Томления весны".

Публикации: *II₄*. С. 184; *II₅*. С. 141.

Окончательный текст – *БН*.

В письме к Блоку в июле–августе 1908 г. Н. Клюев называет стихотворение среди понравившихся ему (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 472).

Я все сковал в воздушной мгле. – По-видимому, отражение предания о Петербурге как городе, построенном в воздухе. Ср. финскую легенду в повести В.Ф. Одоевского "Саламандра" (1842): "И стали строить город, но что положат камень, то всосет болото <...> царь <...> начал поднимать скалу за скалою и *ковать на воздухе*. Так выстроил он целый город и опустил его на землю" (*Одоевский В.Ф.* Повести. СПб., 1890. Кн. 3. С. 10; курсив *ред.*), а также в статье В.Г. Белинского "Петербург и Москва" (1844): "О Петербурге привыкли думать, как о городе, построенном даже не на болоте, а чуть ли не на воздухе" (*Белинский В.Г.* Соч. в 4 т. СПб., 1896. Т. 4; см.: *ББО-1.* С. 31).

Я вижу: ваши девы слепы... и след. – Лирический герой, посылающий проклятия людям, сопоставим с Брандом Г. Ибсена (*Шарыпкин Д.М.* Блок и Ибсен // Скандинавский сборник. VI. Таллин, 1963. С. 165). В статье "О реалистах" (1908) Блок писал: "Проклятия человека так же громки и победоносны <...> как вопли Бранда", которые "будили и будут будить людей в их тяжелых снах" (*СС-85.* С. 108). Ср. ницшеанские мотивы в монологах лирического героя в стих. К. Бальмонта "В домах" (1902): "Я проклял вас, люди. Живите впотьмах" – и "Мои враги" (1903):

Чужда им музыка мечты.
И так они серо-убоги,
Что им не нужно красоты.
.....
Едва они на солнце глянут –
И в норы прячутся сейчас...

Вам нужен бич, а не топор! – Мотив встречается в лирике Пушкина 1820-х годов; ср.: "Паситесь, мирные народы! // <...> К чему стадам дары свободы? // Их должно резать или стричь!" ("Свободы сеятель пустынный...", 1823), а также: "Душе противны вы, как гробы. // <...> Имели вы до сей поры // Бичи, темницы, топоры..." ("Поэт и толпа", 1828; подробнее см.: *Мицц З.Г.* Блок и Пушкин // Тр. по рус. и слав. филологии, 21, 1983. С. 189 (*УЗ ТГУ.* Вып. 306)). Ср. в стих. К. Бальмонта "Мститель" (1903): "Буду бич вам, бич неумолимый".

И скоро я расстанусь с вами, // И вы увидите меня // <...> Летящим в облаке огня! – Ср.: "Иисус сказал: <...> и вы узрите Сына Человеческого <...> грядущего на облаках небесных" (Мк. XIV. 62; Мф. XXVI, 64; ср. дату стихотворения). Ср. также в стих. К. Бальмонта "Мои враги":

Я в облаках моей мечты
С недостижимого предела
Роняю любящим цветы.

Дата: 16 апреля 1905. – На этот день приходилась Страстная суббота.

НЕВИДИМКА

("Веселье в ночном кабаке...")

(С. 114)

Автографы и авторизованные тексты: *АСП – Т₄*. Л. 64 об.–65 об., "16 апреля. Страстная суббота", рукой Л.Д. Блок, правка рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 25. Карт. 11. Ед. хр. 61. Л. 1–1 об., "1905.16.IV. Страстная Суббота", при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 г.; *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 4; *БА – НР П₂*. Л. 22.

Впервые: *БН*. С. 31–32, в цикле "Томления весны".

Публикации: *П*₂. С. 11–12, в разд. "Весеннее"; *П*₃. С. 132–133; *П*₄. С. 185–186; *П*₅. С. 142.

Первоначальная редакция в *Т*₄ (ст. (9–12), (21–28) опубл.: *Звезда-1936*. С. 272–273) дважды подвергалась правке. Сначала текст был сокращен на пять строф, они перечеркнуты простым карандашом и чернилами; при последующей переработке две из них (4-я и 8-я строфы первоначальной редакции) были восстановлены как 4-я и 5-я строфы основной редакции (новая нумерация строф проставлена арабскими цифрами красным карандашом). В таком виде текст опубликован в *БН*. Последовательность стихов, составляющих строфы 6 и 7 (ст. 21–28), изменена в *П*₂.

Окончательный текст – *П*₂.

В *РЭ П*₂ стихотворение датировано: "16 апреля 1905".

Заглавие. – О "невидимом" как антихристе и нечистой силе см. коммент. к стих. "Я вышел в ночь – узнать, понять..." (1902) (т. 1 наст. изд.). Образ невидимки встречается также в стих. "Вот на тучах пожелтелых..." (28 мая 1905), "Легенда" (15 апреля 1905). Ср. также "Невидимую" в статье Белого "Апокалипсис в русской поэзии". В статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) Блок приводит текст заговора "как статью невидимкой" (*СС-85*. С. 41), взятый им из книги "Песни, собранные П.Н. Рыбниковым" (Часть IV. СПб., 1867. С. 245–246). О сказочно-мифологическом образе невидимки см.: *Афанасьев*, 2. С. 783. Близок к невидимке и образ недотыкомки в романе Ф. Сологуба "Мелкий бес" (*ВЖ*. 1905. Октябрь–ноябрь. С. 124; № 9. С. 69).

Образы стихотворения встречаются во 2-й части статьи Блока "Безвременье" (1906) – «С площади на "луг зеленый"».

Над городом синяя дымка. – Ср. рассуждения о "дымке" в финале повести Вл. Соловьева "Три разговора" (1899–1900): "Политик: (...) все как будто чем-то подчеркнуто, тонким чем-то, неуловимым, а полной ясности все-таки нет. (...) Дама: (...) и не только в воздухе, но и в душе (...) Все какая-то тревога и как будто пречувствие какое-то зловещее... Генерал: А еще вернее, что это черт своим хвостом туман на свет Божий намахивает. Тоже знамение антихриста!" (*Соловьев В.С. Собр. соч.* СПб., 1903. Т. 8. С. 555–556). Эти рассуждения воспринимались соловьевцами как пророческие. Ср. в "Симфонии" (2-й, драматической) Андрея Белого: "На востоке была синяя дымка"; "Над Москвой висела дымка"; "Другой (мистик) изучал мистическую дымку, сгустившуюся над миром" (*Белый А. Симфония 2-я, драматическая*. М., [1902]. С. 9, 69, 147); "Я понял, – писал Андрей Белый в статье "Апокалипсис в русской поэзии", – что дымка, завесившая духовный взор, падет на Россию (...) Я знал: над человечеством разорвется фейерверк химер" (*Весы*. 1905. № 4. С. 13).

Танцует над топью болот, // Кольцом окружающих дома... – В петербургских легендах и преданиях большое значение придавалось тому, что город построен на болоте; ср.: "Из тьмы лесов, из топи блат, // Вознесся пышно, горделиво" (*Пушкин А.С. Медный всадник, вступление*); а также: "Столица новая возникла при Петре (...) // Из топей и болот в каких-нибудь два года" (*Некрасов Н.А. Дружеская переписка Москвы с Петербургом. Московское стихотворение, 1859*). О Петербурге, "возведенном на просторах болот", см.: *СС-85*. С. 559. Однако Андрей Белый увидел в стихотворении приметы шахматовского ландшафта: "Обилие хмурых горбин и болот с очень многими окнами, куда можно кануть (...) все это вплотную обстало усадьбу, где вырос А.А.", – а образ невидимки считал родственным "тварям весенним"; "здесь – водится нечисть; (...) попик болотный (...) колдун (...) и маячит дымком Невидимка" (*Белый, I. С. 239*).

...Протяжно зовет и поет // На голос, на голос знакомый. – Образ невидимки может быть соотнесен с образом "невидимой пэри" в стихотворении М.Ю. Лермонтова "Тамара" ("В глубокой теснине Дарья...", 1841), ср.: "На голос невидимой пери".

Кто небо запачкал в крови? // Кто вывесил красный фонарик? – Ср. в статье "Безвременье" (1906): "Наша действительность проходит в красном свете. <...> вечером город <...> окровавлен зарей. Ночью красное поет на платьях, на щеках, на губах продажных женщин рынка" (СС-85. С. 71) Красный фонарь вывешивался на публичном доме.

На красной полоске зари // Беззвучный качается хохот... – Образ "хохочущей" или "смеющейся" зорьки многократно встречается в "Симфонии (2-ой, драматической)" Андрея Белого ("хохотала безумная зорька"; "разгоралась заря, заливаясь розовым смехом" и т.д. – М., [1902]. С. 107, 186). «Потухает заря, становясь лишь "полоскою"», – писал Белый об изменении образа зари в стихах Блока 1905–1907 гг. (Белый А. Поэзия Блока // Ветвь. Сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 275).

Вмещалась в безумную давку // С расплеснутой чашей вина // На Звере Багряном – Жена. – Апокалипсический образ Великой Блудницы – развращенного Вавилона: "и я увидел жену сидящую на звере багряном. <...> И жена <...> держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее" (Откр. XVII. 3–4). В рецензии на альманах "Белые ночи" критик заметил: «Апокалипсическая жена на багряном звере – великая блудница на водах вавилонских не забыта им [Блоком. – Ред.], но этот образ привлек и другого из его собратьев по ремеслу – Евгения Иванова, инсинуирующего в своей повести "Всадник", будто Санкт-Петербург и есть апокалиптическая блудница, "сидящая на водах многих реки Невы и ее протоков"» (S. Белые ночи // Россия. 1907, № 490. 1 июля).

Другие редакции и варианты

Бессилен домашний уют // очаг отпылавший дымится // по улицам тени плывут // Меж них Невидимка вертится (Т₄, БА РГБ) – В статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) Блок писал: "В <...> ветре, который крутится на дорогах, <...> водится нечистая сила" (СС-85. С. 38). Это поверие взято им из сборника малороссийских заклинаний: "В вихре обыкновенно признают и видят дьявола" (Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874. № 212. С. 67).

Она <...> в каждом публичном доме // И в каждой несветлой квартире (Т₄, БА РГБ) – Ср. с образом невидимки в стих. Я.П. Полонского "Опасение" (1879):

Мне страшен поздний час
И этот город полусонный.
.....
Здесь невидимкой между нами
Блуждает нищета, косматая как зверь,
Дрожит и шарит за дверями.

МИТИНГ

("Он говорил умно и резко...")

(С. 115)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₁, Л. 79 об. – 84 об.; АС – Т₄. Л. 88–89 об., "10 окт(ября)", рукой Л.Д. Блок, заглавие и дата – рукой Блока; БА – РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 6. Л. 1–1 об.; БА – НР II₂, Л. 101–102; печ. текст – Изборник. Л. 75.

Впервые: *П₁*. С. 83–85, в разд. "Перстень-Страдание".

Публикации: *П₂*. С. 98–100, в разд. "1905"; *П₃*. С. 134–136; *П₄*. С. 187–189; *П₅*. С. 143–145.

В *ЗК₁₁* имеются отдельные наброски и черновик с обильной правкой, содержащей две зачеркнутые строфы между 3-й и 4-й основного текста, одну зачеркнутую строфу между 5-й и 6-й основного текста, отмеченную на полях вопросительным знаком (опубл.: *СПТ*, с. 524) и шесть зачеркнутых строф между 7-й и 8-й основного текста. Вторая из зачеркнутых строф ("И ночь покрыла пастью черной...") намечала, по мнению Р.В. Иванова-Разумника, "совсем иное продолжение и тему этого стихотворения" (*Иванов-Разумник*. Л. 175) опубл.: *СПТ*. С. 523. Варианты двух следующих вошли в *T₄* как 11-я и 12-я строфы основного текста, отсутствовавшие в черновике. Основная редакция текста представлена в первой публикации. В *РЭ П₂* вычеркнуты две последние строфы, не вошедшие в *П₃* и восстановленные в *П₄*.

В *ЗК₁₁* (л. 78 об.) дата: "10 окт(ября)" (день написания стихотворения) – сопровождается пометой: "Перед конституцией".

Блок передал стихотворение Г.И. Чулкову вместе с другими, предназначенными для публикации в сб. "Факелы" (*Чулков Г.* Годы странствий. М., 1930. С. 389). Там оно помещено не было, и поэт с помощью А.М. Ремизова пытался опубликовать его в "Журнале для всех" (Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 130; *ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 84). Эта публикация также не состоялась.

В. Обнинский, автор книги "Полгода русской революции" (М., 1906), указанной в каталоге библиотеки Блока, констатировал, что "в течение октября и ноября во всех крупных центрах и небольших городах России митинги стали почти ежедневным явлением" (С. 2; см.: *Там же*. С. 5–6, перечень митингов, состоявшихся в столице в начале октября 1905 г.). На митингах обсуждалось "современное положение вещей", программы различных партий. По свидетельству автора, в большинстве случаев они "заканчивались столкновениями с войсками и полицией, так как правительство хотело их прекращения" (С. 2). Один из случаев убийства уличного оратора описан в дневнике Е.П. Иванова (см.: *БС-1*. С. 398).

27 сентября мать Блока сообщала Андрею Белому: "В эти дни мы с Сашей предаемся бурным гражданским чувствам". Однако М.А. Бекетова вспоминала, что митинги Блок «посещал мало и только как наблюдатель. Отношение его к этому делу с полнотою выражено в его стихотворении "Митинг"» (*Бекетова I*. С. 97). Герой стих. "Митинг" некоторыми чертами напоминает оратора, описанного Блоком в письме к матери от 27 августа 1905 г.: «От речей и возбуждения он почти сумасшедший, и жизнь его хороша, потому что он сыплет темными для себя фразами об "эмпириокритицизме", но заметно и ясно, что сгорает совсем не этим, а настоящим».

В позднейших мемуарах Андрей Белый так истолковал восприятие Блоком революции, отразившееся в стихотворении: "Над убитым революционером встает Ангел. Ангел, встающий над революционером! (...) Революция – встает, она есть душа человеческая. Революционный переворот своего времени, осознаваемый Александром Александровичем до конца, органически как-то вступает в его поле зрения, – путь уединенный становится путем общественным. (...) Нельзя идти к внутреннему преобразению, не преобразив общества. И убыванию одной ноты в поэзии Блока начинает соответствовать возрастание другой" (Памяти Александра Блока. Пб., 1922. С. 20).

В примеч. к *П₂* Блок указал на «влияние "Баллады Редингской тюрьмы" О. Уайльда в переводе К. Бальмонта» (*Уайльд О.* Тюремная баллада / Пер. К. Бальмонта. М., Скорпион, 1904).

Как будто свет из мрака брызнул... – Ср. библеизм "свет во тьме" (Ин. I.5), а также латинское выражение "lux ex tenebris" (свет из мрака – *Ред.*) и образ "свет из тьмы" в стих. Вл. Соловьева "Мы сошлись с тобой недаром..." (1892), которые Блок неоднократно упоминает в дневнике (*СС-87*, С. 46, 51).

...А он уж лег на вечный отдых... – Ср. в молитвах об умерших: "вечный покой подаждь, господи..."

Был светел круг лица... – Ср. в молитвах об умерших: "святых лик обрете..." В позднейшем письме к В.В. Розанову от 20 февраля 1909 г. Блок писал "Революция русская в ее лучших представителях – юность с нимбом вокруг лица".

...Ночным дыханием свободы // Уверенно вздохнул. – Ю.М. Лотман, отметив очевидную переключку образа "дышать свободой" с мемуарным отрывком Н. Бестужева, посвященным 14 декабря 1825 г. ("я стоял (...) повторяя слова Рылеева, что мы дышим свободой"), указывает на сходство и различие в понимании "свободы" в декабристской традиции и у Блока: «Исключительно важное для Блока понятие абсолютной свободы связывается не с моментом, когда человек отважился на выступление против господствующего зла – так понимал "дыхание свободы" Рылеев и оратор из блоковского стихотворения, – а со смертью. На этом основана полемическая антитеза: Цепями тягостной свободы // Уверенно гремел... – Ночным дыханием свободы // Уверенно вздохнул. И внимание к декабристской традиции, и полемика с ней в октябре 1905 г. – примечательны» (*Лотман Ю.М. Об одной цитате у Блока // БС-3*. С. 103).

"ВИСЯ НАД ГОРОДОМ ВСЕМИРНЫМ..."

(С. 117)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₁*, Л. 86 об. – 87; *АС – Т₄*, Л. 90, "18 октября", рукой Л.Д. Блок; *АС – НР₁₂*, Л. 99, "17 октября 1905", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттук; *РЭ₁₂*, Л. 53.

Впервые: *Наша жизнь*: Ил. и лит. неделя, 1905, 26 ноября, № 26–27, с. 208, с опечаткой в ст. 3 "мирном" вместо "лирном", без деления на четверостишия, в подборке из трех стихотворений.

Публикации: *П₁*, С. 71, "октябрь 1905"; в разд. "Магическое"; *П₂*, С. 96–97, "17 октября 1905", в разд. "1905"; *П₄*, С. 190; *П₅*, С. 145.

В *ЧА ЗК₁₁* имеется первоначальный набросок, первая часть которого вошла в 1-ю строфу.

Между 2-й и 4-й строфами *ЧА* был пропуск, 3-я строфа переработана из второй части наброска, стрелкой отмечено ее место в тексте. В *Т₄* помета Блока: «"Наша жизнь" – арестов(ан) № иллюстрир(ованного) прилож(ения) 26 ноября 1905 г.».

В *РЭ₁₂* помета: "передать или выкинуть?" Ст. 1–2 заключены в круглые скобки, ст. 5–6 переработаны, ст. 9–10 зачеркнуты, последняя строфа отчеркнута, напротив нее помета: "плохо выражен(о)", исправлена дата на "18 октября 1905"; после этого весь текст перечеркнут. В *П₃* стихотворение не вошло.

Написано 18 октября, в день обнародования манифеста "Об усовершенствовании государственного порядка", вводящего в России конституцию и провозгласившего свободу слова, совести, собраний и союзов. События этого дня описаны в дневнике Е.В. Иванова: "Конституция объявлена, флаги и манифестация с четырьмя свободами. Забастовка политическая продолжается. (...) Красные флаги на Думе, революционер

сорвал городской флаг и повесил красный" (*Иванов Е.П.* Записи об Александре Блоке, (1905) // *БС-1*. С. 397).

Вися над городом всемирным... – Город всемирный – Рим. Представление о Петербурге как Новом Риме сложилось в петровскую эпоху. По замечанию Н. Анциферова, "город Петра представлялся ему (Блоку. – *Ред.*) целым миром, как некогда для Гете был Рим" (*Анциферов Н.* Непостижимый город // *Об А. Блоке*. С. 315).

...Самодержавный клонит сон. – О мотиве "самодержавного сна" в связи с Медным всадником см. коммент. к стих. "Петр".

И предок царственно-чугунный // Все так же бредит на змее. – Ср. в лирико-поэтическом этюде Е.П. Иванова "Всадник": "стоит Медный Всадник на скале и грезит..." (*БН*. С. 78).

...И голос черни многострунный // Еще не властен на Неве. – По сообщениям газет, 18 октября в Петербурге "было необычайное оживление, громадные толпы народа наводнили улицы, всюду митинги" (*День*. 1905. № 274. 20 окт.). «Утром около университета собралась толпа народа (...) преимущественно студентов и рабочих. Около креста университетской церкви был выкинут красный флаг. (...) С пением русской "Марсельезы" толпа двинулась через Дворцовый мост к Казанскому собору» (*Обнинский В.* Полгода первой русской революции (Сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 г.). Вып. 1. М., 1906). С. 7). О выражении "голос многострунный" см. коммент. к стих. "Петр".

Уже на домах веют флаги. – "Город разукрашен флагами", – сообщали газеты (*День*. 1905. № 276. 22 окт.) В день объявления манифеста были вывешены государственные флаги.

...Готовы новые птенцы... – Имеется в виду новое поколение политических деятелей, которые должны провести в стране преобразования. Сподвижников Петра I Пушкин в поэме "Полтава" называет "птенцы гнезда Петрова".

...Но тихи струи невской влаги... – В "петербургской" литературе восстание и мятеж традиционно сопоставлялись с наводнением (ср. "Медный всадник").

...И слепы темные дворцы. – В дни подготовки манифеста царь и двор находились в Петергофе.

...И ни один сустав не сдавлен // Сверкнувших колец чешуи. – Ср. в стих. "Петр": "змей, копытом сжатый." М.О. Лопатко в докладе «Проблема "Медного всадника"» заметил: "Петербургжец Блок, внимательно изучивший монумент, нашел, что змей не попрун, а только вьется у ног коня" (цит. по: *Осват А.Л., Тименчик Р.Д.* "Печальную повесть сохранить..." М., 1985. С. 169).

"ЕЩЕ ПРЕКРАСНО СЕРОЕ НЕБО..."

(С. 117)

Автографы и авторизированные тексты: *ЧА – ЗК₁₁*. Л. 85 об. – 86 об., "18 окт(ября)"; *БА – Т₄*. Л. 90 об., "18 окт(ября)"; *АС – НР₁₂*. Л. 98, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *РЭ₁₂*. Л. 53 об.; печ. текст – *Изборник*, Л. 160, [17 октября 1905], 18 окт(ября) 1905."

Впервые: *П₁*. С. 72, "октябрь 1905", в разд. "Магическое".

Публикации: *П₂*. С. 96, "17 октября 1905", в разд. "1905"; *П₃*. С. 137 "18 окт(ября) 1905"; *П₄*. С. 191; *П₅*. С. 146.

Первоначально в *ЗК₁₁* были написаны 3-я и 4-я строфы и незаконченный набросок (после ст. 16); приведен: *Иванов-Разумник*. Л. 85 об. Изменившийся порядок строф, соответствующий основному тексту, помечен на полях.

В *РЭ II₂* в ст. 5 исправлено "заливами" на "заливом"; дата "17 октября" на "18 октября".

Окончательный текст – *II₁*; в *II₃* в текст внесены изменения, сделанные в *РЭ II₂*; в *II₄* восстановлен первоначальный текст.

Как и предшествующее стихотворение, является откликом на манифест "17 октября 1905 года", "Помню, – писал С.М. Городецкий в мемуарах о Блоке, – как значительно читал он стихотворение, (...) где говорится о рыцаре на крыше Зимнего дворца, склонившем свой меч" (*Воспоминания*, I. С. 329–330). Впервые образ латника появляется в письме к Е.П. Иванову, отправленном накануне провозглашения манифеста. "Все дни брожу по городу и смотрю кругом, – пишет поэт. – (...) На Зимнем дворце теперь можно наблюдать на крыше печального латника с опущенным мечом. Острый профиль его грустит на сером небе. Петербург упоительнее всех городов мира, я думаю, в эти октябрьские дни" (*Письма к Е. Иванову*. С. 43; см. также; *Воспоминания*, I. С. 438).

А.Б. Дерман отметил "полное расхождение" переданного в стихотворении настроения с "господствовавшим энтузиазмом": «Кто говорил тогда о восставшем народе как о каких-то нищих, молящих о подаении: "несчастных, просящих хлеба, никому не жаль"? Кому казалось тогда, что даль безнадежна, и кто замечал – "прекрасно ли серое небо"? Не к небу были тогда устремлены взоры. Поистине – один среди всех был наш поэт в своем скорбно-жалостном чувстве» (*Дерман А.Б.* Над бездной взвился. Психологический очерк творчества А.Блока. – *РГБ*. Ф. 356. Карт. 11. Ед. хр. 2. С. 32).

...*За древнюю сказку мертвым лечь...* – Современники видели здесь намек на события 9 января 1905 г. "Эта древняя сказка, – поясняет А.Б. Дерман, – есть в переводе на язык прозаический – царское самодержавие" (*Там же*); "к Зимнему дворцу, с вопросом, вытекающим из той же веры в древнюю сказку, двинулись с окраин города целые толпы рабочего народа и в ответ были встречены пулями..." (*Иванов В.П.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1*. С. 376).

"ТЫ ПРОХОДИШЬ БЕЗ УЛЫБКИ..."

(С. 118)

Автографы: *ЧА₁ – ЗК₁₁*. Л. 67–67 об.; *ЧА₂ – ЗК₁₁*. Л. 87 об. – 89, "29 окт(ября)"; *АС – Т₄*. Л. 91–91 об. "29-го октября", рукой Л.Д. Блок; *БА – ИРЛИ*. Ф. 627. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 2–2 об., *АС – НР II₂*. 84, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *РЭ II₂*. 46–46 об.

Впервые: *II₁*, С. 124–125, под загл. "Romancero" в разд. "Покорность".

Публикации: *II₂*. С. 81–82 ("Romancero"), в разд. "Перстень-Страданье". *II₃*. С. 138–139; *II₄*. С. 192–193; *II₅*. С. 146–147.

В *ЗК₁₁* имеются отдельные наброски и черновой автограф. Черновик содержит зачеркнутую строфу между 3-й и 4-й строфами окончательного текста и еще одну после 7-й окончательного текста, вошедшую в автограф в тетради (опубл.: *Медведев П.* Неопубликованные строфы Ал. Блока // *Звезда*. 1929. № 8. С. 218). При подготовке к первой публикации эта строфа была зачеркнута. В *РЭ II₂* на полях помета: "Р(азные) Ст(ихотворения)", заглавие зачеркнуто. При подготовке *II₃* Блок первоначально со-

бирался включить его в раздел "Разные Стихотворения", но затем поместил в раздел "Город".

Тема стихотворения намечена в дневниковых записях 1902 г.: "Отдаленное сходство в чертах богородиц и проходящих женщин" (ЗК. С. 37). "По улицам проходили разное одетые женщины. К сумеркам их лиц уже нельзя было отличить от богородичных ликов на городских церквах. (...) Только в богородичный праздник по улицам проходила неизвестная тень (...) Однажды заметили, как она слилась с громадным стенным образом божьей матери главного городского собора" (СС-87. С. 58). Одной из тем, выбираемых Блоком для университетского сочинения, была "Сказания об иконах Богородицы" (Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 59; Письма к родным, I. С. 99); о причинах отказа от этой темы как слишком "внутренне близкой" и имеющей непосредственное отношение к поэтическому творчеству см.: БС-4. С. 34–35.

16 октября 1905 г. Блок писал Е.П. Иванову: "Хочу сказать тебе опять нечто. Я устроил революцию против себя. Молился трем богородицам в Каз(анском) и Исаак(иевском) соборе (...) Когда я был в Ис(аакиевском) соборе, вдруг открылись двери к Петру (...) и мне пришлось выйти к Петру из самого темного и уютного прежде угла – от Божьей Матери". В ЗК₁₁ (Л. 85 об.) имеется набросок, сделанный под впечатлением от посещения Исаакиевского собора:

Светла икона Матери Божьей
Как дверь открытая в синий алтарь
Я [буду]
Тяжелую дверь откроет ключарь.

Возможно, в стихотворении нашли косвенное отражение выписанные А.М. Ремизовым для Блока и посланные ему в письме от 17 апреля 1905 г. стихи ("Ах! там плыла прекрасная дева, // Она плыла по ненасытному аду. // Мальчика несла она на руках". – ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 64, 82). 8 августа 1905 г. Е.П. Иванов пишет Блоку, что многое бы теперь изменил в статье о сборнике "Стихи о Прекрасной Даме" (в печати не появилась). «Впрочем основному там не изменю. Ты чист. И есть "Прекрасная Дева" "Грешница", идущая по аду (Ремизов указал в старинной книге)» (ИРЛИ. Ф. 411. Ед. хр. 45. Л. 22, копии Е.П. Иванова).

Критик Н.Я. Абрамович поделился впечатлением от чтения стихотворения с концертной эстрады: "Я слышал от Блока Романсего (первоначальное заглавие стихотворения – *ред.*), одну из самых художественно-совершенных его вещей. И поразительная гармония между строками и неподвижным, напряженно-окованным поэтом, читавшим их, дала мне новое, отдельное наслаждение. От автора явственно исходило сильное и оковывающее веяние его спрятанного, затаенного "Я". Не верить ему было нельзя" (Арский [Абрамович Н.Я.]. Галерея современников // Отдых. 1908. № 2. 23 марта). В статье "Поэзия Александра Блока" он писал, что в первой книге "созерцание поэта еще не возвысилось настолько и не открылось, чтобы хаос будничности сковать тихими чарами небесного влияния и одолеть эту будничность настолько, чтобы на улицах города, на камнях его тротуаров (...) увидеть Вечернюю Богородицу, опустившую ресницы (...) Но во второй книге (...) Поэт хочет (...) вплотную подойти к ней, спросить о кошмаре, приблизить свое человеческое лицо к Ее небесному (...) Он низвел из (...) пустынь северного полевого безмолвия Тихую Деву и привел на камни города" (Петр Верховенский [Абрамович Н.Я.] Поэзия Александра Блока // Новый день. 1909. № 4. 10 авг.)

Образ Богоматери в стихотворении получил в критических отзывах различные,

часто противоречащие друг другу истолкования. Так, Л. Столица назвала Блока "нежнейшим чтецом" канона Богородицы, которая "для него (...) живое Божество, а не метафизический термин, и не библейский миф" (*Столица Л. Христианнейший поэт XX-го века: Об Александре Блоке // Новое вино. 1913. № 2. С. 13*). А. Измайлов, напротив, считал, что в стихотворении речь идет "о земной, живой женщине, но попавшей в душу поэта в лучи благочестивой легенды" (*Измайлов А. Пестрые знамена. М., 1913. С. 61*).

На близость темы ("возлюбленная – Богородица") и "свободных ритмов" стихотворения лирике Гейне указал Ю.Н. Тынянов в статье "Блок и Гейне" // *Об А.Блоке. С. 250*). На гейневские романсеро было, по всей видимости, ориентировано и первоначальное заглавие – "Romanserо". См. также коммент. к стих. "Холодный день" ("Мы встретились с тобою в храме...").

ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНИЕ

("Шел я по улице, горем убитый...")

(С. 119)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₁*, Л. 89 об. – 90 об., "30 окт(ября)" (ст. (25–28) и ст. (29–32), вар. б, опубл.: *ЗК-1930. С. 50*); *БАП – Т₄*, Л. 93–94, "30 октября"; *АС – НР II₂*, Л. 76, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; *РЭ II₂*, Л. 41–41 об.

Впервые: *II₁*, С. 79–80, в разд. "Перстень-Страдание".

Публикации: *II₂*, С. 71–72, в разд. "Перстень-Страдание"; *II₃*, С. 140–141; Социализация женщин. [Пг., 1918]. Стб. 28; *II₄*, С. 194–195; *II₅*, С. 147–148.

В *ЗК₁₁* имеется черновой автограф с обильной правкой (ст. 4 и 9 – более поздняя правка чернилами). В *Т₄* две последних строфы зачеркнуты красным карандашом при подготовке к первой публикации (приведены: *Иванов-Разумник. Л. 177*).

Стихотворение переработано и сокращено в *РЭ II₂*, датировано: "30 окт(ября) 1905".

Было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2)*, изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Сюжет намечен в записи, сделанной Блоком в сентябре 1905 г.: "Слышал в городе сентябрьской сырой ночью на улице из открытого окна. Пели не то детские, не то женские голоса:

День и ночь работай,
(За шитьем?) сиди,
На мужчин лукавых
Только не гляди.

И подыгрывали на гармонике" (*ЗК. С. 70*).

...*За вереницей зловонных телег* – См. коммент. к стих. "Мне гадалка с морщинистым ликом..." (т. 1 наст. изд.).

СЫТЫЕ

("Они давно меня томили...")

(С. 120)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₄. Л. 98 об., "10-го ноября", рукой Л.Д. Блок, БА – НР II₂. Л. 95 (опубл.: Чарушникова, С. 140 – факсимиле).

Впервые: НЖ, 1905. № 341, 23 нояб., С. 2.

Публикации: II₂. С. 93–94, в разд. "1905"; II₄. С. 196; II₅. С. 148–149.

После 5-й строфы основного текста в Т₄ имелась еще одна, зачеркнутая при подготовке II₂. Там же позднейшая карандашная приписка Блока: "(скверное стихотворение)".

Основная редакция текста в II₂.

В РЭ II₂ стихотворение вычеркнуто, в II₃ не вошло.

На тексте стихотворения, процитированного Ивановым-Разумником в статье "Испытание в грозе и буре" (Наш путь. 1918. № 1. С. 131–158), имеются следующие пометы Блока – против первой строфы: "как слабо и плохо"; против последней: "все-таки это надо отделать и включить в собрание" (с. 149–150; ББО-3. С. 184).

В примеч. к II₂ Блок указал, что "стих(отворение) внушено октябрьскими забастовками 1905 года в Петербурге". В них принимали участие рабочие электростанций, поэтому во время забастовок город нередко оставался без освещения. Ср.: "Петербург. 16.X. (...) Электричество горит только на некоторых улицах, но большая часть проводов перерезана. Так, половина Невского освещается электрическими фонарями, а другая – большим прожектором, взятым из складов морского ведомства" (Обнинский В. Полгода русской революции, Сб. материалов к истории русской революции. М., 1906. Вып. 1. С. 34).

В дневнике А.М. Ремизова 1905 г. зафиксировано: "14.10 1/2 8-го погасло электричество. (...) 19.10 Все еще при керосиновой лампе. Завтра обещают пустить электричество" (Ремизов А. Розанова письма // Наши современники. 1-ый литературный сборник. Париж. [1924]. С. 136–137); электростанции заработали лишь 22 октября (см. Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956. Т. 3. С. 315).

Г.И. Чулков считал, что стихотворение наиболее точно отражает мироощущение поэта периода первой русской революции; "Блок принял революцию, но как? Он принял ее не в положительных ее чаяниях, а в ее разрушительной стихии, – прежде всего из ненависти к буржуазии" (Воспоминания, I. С. 355). Ненависть к буржуазии, сатирический пафос, система образов (уподобление "сытой" буржуазии "стаду" и др.) сближают стихотворение с брюсовским "Довольным". Написанное 18 октября 1905 г., 29 октября оно было послано Чулкову (Чулков Г.И. Годы странствий. М., 1930. С. 338), и могло быть известно Блоку по автографу.

...И мяли белые цветы. – Образ восходит к стих. Вл. Соловьева "Белые колокольчики" (1899). В московском кружке соловьевцев воспринимался как "символ белых, мистических устремлений к грядущему" (Белый, I. С. 145); ср. в стих. Андрея Белого "Знаю" (1901), посвященном О.М. Соловьевой: "Белые к сердцу цветы я // вновь прижимаю невольно".

Так – негодует все, что сыто, // (...) Встревожен их прогнанный хлев! – Ср. в стих. В. Брюсова "Довольным" (18 октября 1905):

Довольство ваше – радость стада,
Нашедшего клочок травы.
Быть сытым – больше вам не надо,
Есть жвачка и – блаженны вы!

...И красный смех чужих знамен! – "Красный смех" – заглавие рассказа Л. Андреева (1904), отзыв Блока о нем см. в письме С.М. Соловьеву от января 1905.

"ЛАЗУРЬЮ БЛЕДНОЙ МЕСЯЦ ПЛЫЛ..."

(С. 120)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅, Л. 19–20, "Январь 1905–6 г.", рукой Л.Д. Блок, дата – рукой Блока; АС – НР II₂, Л. 59–60, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; РЭ II₂, Л. 32–32 об.

Впервые: II₁, С. 53–54, в разд. "Магическое".

Публикации: II₂, С. 53–54, в разд. "Отравы"; II₃, С. 128–129; II₄, С. 197–198; II₅, С. 149–150.

В РЭ II₂ последняя строфа (ст. 33–36) зачеркнута (в II₃ она не вошла); под текстом та же датировка, что и в Т₅: "1905–1906, январь".

"ТВОЕ ЛИЦО БЛЕДНЕЙ, ЧЕМ БЫЛО..."

(С. 121)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆, Л. 23 об. – 24 об., "конец марта", рукой Л.Д. Блок дата – рукой Блока; АС – НР II₂, Л. 44–44 об. ("Незнакомке"), "[1906. Весна]"; рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (1-я строфа – рукой Блока); РЭ II₂, Л. 24 об. – 25.

Впервые: Корабли. Сборник стихов и прозы. М., 1907. С. 104–105, под загл. "Незнакомке" в цикле "Три стихотворения".

Публикации: ЗС. С. 113–114 ("Незнакомке") "1906. Весна.", в разд. "Послания"; II₂, С. 38–39, в разд. "Магическое"; II₄, С. 199–200; II₅, С. 151–152.

В Т₆ при подготовке к публикации в ЗС Блок вычеркнул 3-ю строфу.

В оглавлении II₂ стихотворение имеет заглавие "Вечер", которое больше нигде не встречается.

Основная редакция текста в II₂.

В РЭ II₂ имеется датировка: "конец марта 1906", 4-я строфа вычеркнута, стихотворение переработано (на полях помета: "сократить"), затем стихотворение зачеркнуто; в II₃ не вошло.

Образ женщины-кометы или же падающей звезды (см. коммент. к стих. "Тебя скрывали туманы...", т. 1 наст. изд.) восходит к стих. А.С. Пушкина "Портрет" ("С своей пылающей душой...", 1828), к ряду стих. Ап. Григорьева: "Комета" ("Когда среди сонма звезд, размеренно и стройно...", 1843), "Над тобою мне тайная сила дана..." (1843), "Призрак" ("Проходят годы длинной полосой...", 1845), а также к стих. "Две кометы" (1855) К. Павловой. Д. Благой отметил, что с общей романтической традицией, отраженной в творчестве Лермонтова, стихотворение сближает мотив "падения" душ на землю из небесных сфер, и узнавания любящими друг в друге отсветов их небесной отчизны (*Благой Д.* Три века. М., 1933. С. 280).

Серебряный твой узкий пояс – // Сужденный магу млечный путь. – Ср. образ мага в стих. "Ночь" ("Маг, простерт над миром брений...", 1904), а также образ мага, "опоясанного Млечным путем", в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) (СС-85, С. 48).

Другие редакции и варианты

Заглавие (*Корабли*, ЗС) и эпиграф (ЗС) – взяты из стих. "Незнакомка" ("По вечерам над ресторанами...", апрель 1906). Мотив звезды, падающей на землю и пре-вращающейся в женщину, развивается в драме "Незнакомка" (1906).

НЕЗНАКОМКА

("По вечерам над ресторанами...")

(С. 122)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 24 об. – 26, "Озерки 24-го апреля", рукой Л.Д. Блок; БА – ИРЛИ. Р. 1. Оп. 3, ед. хр. 70. Л. 1–4; БА – ГЛМ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 27 а, Л. 1–3 об.: БА – частное собрание А.А. Сотникова (Львов) (опубл.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 202–203 – факсимиле); БА (фрагмент) – опубл.: *Крук И.Т.* Поэзия Александра Блока. М., 1970. С. 92. АС – НР II₂. Л. 42–43, "Озерки. Апрель 1906", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух; печ. текст – *Изборник*. Л. 185–186.

Впервые: II₁. С. 21–23, "Озерки", в разд. "Весеннее".

Публикации: Литературный календарь-альманах (*ЛКА*). СПб., 1908. С. 98–99, "Озерки" (с искажением в ст. 52: "Я знаю: истина во мне!"); *КРП*. С. 322–324, "1906"; *ЧД-1909*. С. 483–484; II₂. С. 35–37, "Озерки. Апрель 1906", в разд. "Магическое"; *ЧД-1912*. С. 605–606; *ИСП*. С. 8–9; II₃. С. 142–144, "Озерки. Апрель 1906"; Декламатор. Т. 1. Русские авторы. М., 1918. С. 23–24; II₄. С. 142–144, "Озерки. Апрель 1906"; II₅. С. 152–154.

В Т₅ имеется помета: "Здесь кончается 2-й сборник "Нечаянная Радость". В авто-графах *ИРЛИ*, *ГЛМ* и из собрания А.А. Сотникова стихотворение разделено на две части (после ст. 24). На л. 4 об. БА *ИРЛИ* карандашом список стихотворений: "1 Девушка пела 2 В склепе 3 Незнакомка 4 Помню вечер 5 Мальчики и девочки". Датировано в Хр. ук.: 24 апреля.

По мнению Р.В. Иванова-Разумника, к данному стихотворению относятся также следующие наброски в ЗК₁₄ (Л. 20 об. – 21):

Вот встала надо мной – и вижу

Она подходит ближе – ближе...

Как тускло светят фонари –

[Шуршит]

Лицо густой вуалью скрыто

Шуршат медлительно шелка.

[Перчаткой]

И чуть придерживая платье

Перчаткой [обтянута] стянута рука.

[Под фонарем сгустились тени.]

Наброски датированы 28 сентября 1906 г., поэтому их можно рассматривать как продолжающие и развивающие тему "Незнакомки". См. также варианты и историю текста следующего стихотворения.

В РЭ II₂ Блок уточнил датировку: "Апрель 1906" вместо "24 апреля 1906".

История первой несостоявшейся публикации стихотворения рассказана В. Шкловским. «У меня на руках, – вспоминает он, – был блоковский автограф "Незнакомки". (...) Автограф этот хранится у Зиновия Исаевича Гржебина. Прислан он был в "Адскую почту" – юмористический журнал, издаваемый Гржебиным. На углу рукописи пометка Г. Чулкова: "Набрать мелким шрифтом"» (*Шкловский В. К теории комического // Эпопея. 1922. № 3. С. 58*).

Сохранились различные воспоминания современников о том, как была написана "Незнакомка".

Вл. Пяст подробно описал обстоятельства, сопутствовавшие появлению стихотворения: "С начала Великого поста Блок тщательным образом переключает весь свой обиход на потребный для экзаменационного бдения. (...) он очень регулярно встает в одно и то же время; ест, пьет, ходит гулять (пешком, далеко) в определенные часы; занимается почти ежедневно одно и то же количество часов и ложится в одинаковую пору. По сдаче каждого экзамена позволяет себе более продолжительную прогулку и, кажется, судя по письму ко мне в Мюнхен, заходит в ресторан пить красное вино. (...) Но поэт не дремлет в его подсознательном. (...) во время этой страды назревает в нем "Незнакомка" (...) По-видимому, во время больших прогулок попадает Блок в таинственно-будничные Озерки (...). Поэтическое вдохновение наичаще посещает при двух противоположных состояниях человеческого существа: либо при полном *fat piépe*,¹ либо при сильном духовном и умственном напряжении, при продолжительной и полной встряске всего организма. Последнее в том только случае, если организм достаточно силен и здоров. Таким был в экзаменационную пору организм молодого Блока" (*Воспоминания. I. С. 374–375*).

После поездки с Блоком в Озерки Е.П. Иванов записал рассказ поэта о том, как было написано стихотворение: «Заехали в Озерки (...) Пошли на озеро, где "скрипят уключины" и "визг женский". В Шувалово прошли. (...) Потом Саша с какой-то нежностью ко мне, как Вергилий к Данте, указывал на "позолоченный" "крендель булочной" на вывеске кафе. Все это он показал с большой любовью. Как бы желая вести меня в тот путь, (...) которым велся он тогда в тот вечер, когда появилась Незнакомка. Наконец, привел на вокзал озерковский (...) Из большого венецианского окна видны "шлагбаумы", на все это он указывал по стихам. В окне видна железная дорога (...) поезда часто проносятся мимо (...) Зеленеющий в заре кусок неба то закрывается, то открывается. С этими пролетающими машинами и связано появление в окне незнакомки. (...) Я начинаю почти видеть ее. Черное платье, точно она, или вернее весь стан ее прошел в окне, как пиковая дама перед Германом» (*БС-1. С. 406*).

По свидетельству Г. Чулкова, Озерки – "излюбленная Блоком дачная местность под Петербургом", где он "любил романтически "пропадать", ища забвения в вине" (*Чулков Г. Годы странствий. М., 1930. С. 389; из воспоминаний современников см. также запись в дневнике К.И. Чуковского 1921 г. // ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 253–254; Белый А. Между двух революций. Л., 1934. С. 80*).

Большое число мемуаристов (С. Городецкий, К. Чуковский, В. Зоргенфрей, В. Стражев и др.) вспоминают о чтении автором "Незнакомки". "Его голос, – писал С. Штейн, – звучал глухо, что сообщало его декламации особенно таинственный, сокровенный смысл. (...) Это чтение был повторный процесс творчества" (*Воспоминания, I. С. 192; ср. пародию на чтение поэтом "Незнакомки" (Чаговец Вс. На вечере "Нового искусства" // Киевская мысль. 1907. № 257. 6 октября)*).

По мнению Андрея Белого, блоковская "Незнакомка" восходит к женским образам поэзии Лермонтова. «Есть существо, – писал он, – "с глазами, полными лазурного

¹ безделье (*шт.*).

огня"; оно глядит на Лермонтова "Из-под таинственной холодной полумаски" (...) Лермонтов не знает сам, принадлежит ли замаскированная незнакомка к нашему миру (любимое ли она существо, никогда не встреченное в жизни), или она спустилась из мира потустороннего». Также и Блок, "кровно связанный с Лермонтовым", «и у астрального видения, и у уличной проститутки способен (...) видеть взгляд "полный лазурного огня"; и та, и другая одинаково обманны; обманен (...) взгляд, сквозящий чернотой небытия» (Критическое обозрение. 1908. Вып. 6. С. 33, 35).

Литературным источником "Незнакомки" могла послужить и героиня стих. В.Я. Брюсова "Прохожей" (1900):

Она прошла и опьянила
Томящим сумраком духов
И быстрым взором оттенила
Возможность невозможных снов.

Ср. отзыв А.А. Ахматовой на "Нечаянную Радость": "Очень многие вещи поразительно напоминают В. Брюсова. напр., стихотворение "Незнакомка" (...), но оно великолепно, это сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением" (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 271). Образ Незнакомки генетически восходит и к образу "незнакомого существа", повстречавшегося художнику Пискареву в повести Н.В. Гоголя "Невский проспект" (1835) (Анциферов Н. Непостижимый город // Об А. Блоке. С. 294).

Критик Н. Апостолов назвал "Незнакомку" "грациозным" стихотворением, в котором "показана психология меланхолической, тихой любви" (Апостолов Н. Импрессионизм и модернизм. Киев, 1908. С. 69).

Критики обратили внимание на "двойственную" художественную природу "Незнакомки" и, исходя из этого, давали различные определения творческого метода поэта. М. Гофман увидел в Блоке последователя традиции фантастического реализма, «Подобно Достоевскому, – писал он, – Блок не чуждается обыденного будничного реализма, но как часто у того и другого фантастичен этот реализм. Как фантастична обстановка "Идиота", "Подростка" (...) Как фантастично появление Незнакомки в ресторане» (Лебедь. 1909. № 1. С. 23). По мнению С.А. Венгерова, Блок "сумел создать целую мистико-реальную поэму где причудливо переплетено визионерство с реальной жизнью" (Венгеров С.А. Основные черты истории новейшей русской литературы. СПб., 1909. С. 76; ср. также отзыв А. Ахматовой – Новый мир. 1986. № 6. С. 204).

Ин. Анненский так объяснял общий смысл стихотворения: "Как все это безвкусно – как все нелепо, просто до фантастичности – латинские слова, зачем-то (...) шлагбаумы и дамы – до дерзости не красиво. А между тем так ведь и нужно, чтобы вы почувствовали приближение божества" (Аполлон. 1909. № 2. Отд. I. С. 7–8).

«Кто эта – незнакомка?» – спрашивает Н.Я. Абрамович. – «При непостижимом загадочном влиянии на грезы поэта, ее облик наделяется чисто земным и даже "городским" изяществом. Она дышит духами и туманами, ее стан охвачен шелками, узкая рука ее в кольцах. И в позорище освещенного кабака (...) где царит бессмысленный ужас искривления человеческой жизни, – врывается нежное созерцание мистика (...) Поэт познал и нечто иное, быть может сильней. Это – серая пыль дневной и ночной пустоты, плоская и бездонная скука, "гоголевское" начало в жизни, то, что Достоевский назвал серединностью. (...) Мистику нужна эта параллель "очарованной дали" и пьяной залы» (Петр Верховенский [Абрамович Н.Я.]. Поэзия Александра Блока // Новый день. 1909. № 4. 10 авг.).

Блоку, по словам А. Измайлова, "иногда очень удается поставить перед сознанием читателя (...) загадку бытия, (...) сплетение мечтательного, прекрасного, неземного с пошлым и подлым, столкнуть грезу с обыденщиной. (...) и вся пьеса в целом является

резко трагическим воплощением мысли о гибели прекрасной человеческой мечты в серой сутолоке будничного дня" (*Измайлов А. Побег новой романтики // Новое слово. 1911. № 6. С. 76*). Как считает Н.П. Анциферов, «в своих "пошлых и прозаичных" образах А. Блок создает необходимую раму для начала мистерии в его понимании. Вл. Соловьев прибегает к подобному же приему в "Трех свиданиях", где после подчеркнуто обывательского описания путешествия в пустыню он в торжественных стихах выводит Софию» (*Об А. Блоке. С. 318*).

«Баллада о "Незнакомке" и лирическая драма того же названия, – писал В. Жирмунский, – окружают чудесное видение единственной возлюбленной обстановкой ночного кабака и мотивируют его постепенно надвигающимся на поэта опьянением (...) Как в рассказах Гофмана и Эдгара По, черты небесной Возлюбленной сквозят из нарастающего опьянения поэта, которое разрушает обычные грани дневного сознания (...) Но для поэта-романтика опьянение лишь приподняло завесу сознания, лишь приоткрыло путь из мира иллюзий в мир реальности (*Жирмунский В. Поэзия Александра Блока // Об А. Блоке. С. 80*).

А. Горнфельд и Г. Чулков в полемике о "смерти быта" в "новом искусстве" использовали стихотворение в качестве аргумента для доказательства совершенно противоположных точек зрения. А. Горнфельд считал, что разговоры о "смерти быта" не имеют смысла, «если даже А. Блок в лирическом рассказе о столь доступной и столь неосязаемой "Незнакомке" не уйдет от естественной атмосферы быта (...) И если даже (...) Незнакомку, неземную и таинственную поэт мог увидеть только на земле, только сквозь быт» (*Горнфельд А.Г. Книги и люди. СПб., 1908. С. 290*). На это Г. Чулков возражал: «Неужели А.Г. Горнфельд не видит, (...) что эти "испытанные остряки", этот "крендель булочной" и эти "загородные дачи" – лишь фантомы и призраки? (...) Этот безумный сон о прекрасной Незнакомке может присниться лишь на развалинах быта (...) Для символиста (...) остался лишь призрак быта, лишь темный кошмар – и надо преодолеть его, чтобы увидеть "берег очарованный и очарованную даль"» (*Чулков. С. 112–113*).

П. Коган так объяснил включение стихотворения в раздел "Город": «Обстановка его (Блока – *ред.*) поэзии – те картины, которые так одинаковы с тех пор, как возникли большие города. (...) Золотящийся крендель булочной (...), "испытанные остряки" (...), гуляющие с дамами (...) сонные лакеи (...), шуршащие шелка дамских платьев» (*Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы. Современники. Т. 3. Вып. 2. М., 1912. С. 139*).

Критик Измайлов отметил, что такие слова, как "уключина", "котелок", "крендель", "может быть в первый раз введены им (Блоком. – *Ред.*) в стих, претендующий на лиризм, а не на юмор (*Измайлов А. Литературные беседы // РС. 1907. № 110, 15 мая*).

Современники отмечали необыкновенную популярность, которую стихотворение принесло поэту.

С. Городецкий среди литературных новостей сообщил в письме к В. Пясту о недавно написанной "Незнакомке", отнеся ее к "лучшим реалистическим (...) вещам" Блока (*ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 246*). В позднейших мемуарах В. Пяст вспоминал: «Мы оба (Пяст и Городецкий – *ред.*) понимали, что недалеко то время, когда "Незнакомку" будут все подростки заучивать наизусть, что она будет классической хрестоматийной вещью, честь нам и хвала (...) ибо (...) в тот именно год, когда "Незнакомка" родилась на свет, – она была в глазах "всех" – и подростков, и вообще читателей стихов – лишь махрово-декадентским, почти заумным, стихотворным произведением» (*Пяст Вл. Встречи. М., 1929. С. 108*). «Блок – поэт "Златокудрой царевны" – был дорог немно-

гим, – констатировал С. Соловьев, – Блок "Незнакомки" стал любимцем толпы» (Письма Александра Блока, Л., 1925. С. 32). «"Незнакомка" очень нравилась, – вспоминала М.А. Бекетова, – {...} Глумление "Нового времени" и отрицательное отношение широкой публики – все это шло своим чередом, но число "любящих" росло. Тут оценил его и Брюсов» (Бекетова I. С. 101).

Стихотворение вводило в творчество поэта новую тему. В примеч. к *И₂* он писал: "Развитие темы этого и смежных стихотворений – в лирической драме того же имени". Образ Незнакомки воспринимался современниками как символ нового этапа. "Высокий и опасный скептицизм увел поэта от алтаря на улицу вослед Незнакомке", – писал Г. Чулков (Чулков Г. Сочинения. СПб., 1912. Т. 5. С. 51). «Мы довольствовались глубинами душевных переживаний, – вспоминал Андрей Белый, – где господствовала уже "Незнакомка" вместо "Прекрасной Дамы", Зари, Купины» (Воспоминания, I. С. 286). По мнению, В. Брюсова, в образе "Незнакомки" в сборнике "Нечаянная радость" (1907) на смену "божественному, вечно-женственному началу" пришло начало демоническое (РМ. 1912. № 1. С. 31. 3-я паг.).

В рецензии на "Собрание стихотворений" (1911–1912) Н. Гумилев писал, что "доверчиво-восхищенный миром поэт (...) как-то сразу и странно легко принял и полюбил все (...) и в глубине этого сомнительного царства, как царицу в шелках и перстнях Незнакомки, Истерию с ее слугой, Алкоголем. Незнакомка – лейтмотив всей книги. Это обманное обещание материи – доставить совершенное счастье и невозможность (...), дразнящая и зовущая, тревожащая как луна. Это – русалка города, требующая, чтобы влюбленные в нее отреклись от своей души" (Гумилев Н. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 8. С. 60–61).

В позднейших статьях Блок также рассматривал образы и мотивы стихотворения как наиболее яркое отражение периода "антитезы". В статье "Ирония" (1908) он писал: «Все смешано, как в кабаке и мгле. Винная истина, "in vino veritas" – явлена миру, все – едино, единое – есть мир» (СС-85. С. 346). В статье "о современном состоянии русского символизма" (1910) поэт истолковал образ Незнакомки как демонический: "дьявольский слав из многих миров", "красавицу куклу", "синий призрак", "земное чудо" (СС-85. С. 430).

Заглавие. – Впервые о Незнакомке (применительно к героине поэмы Вл. Соловьева "Три свидания") Блок говорит в письме к Андрею Белому от 3 февраля 1903 г. В статье "Апокалипсис в русской поэзии" Белый пишет о "демонизме Лермонтова, обволакивающим от поэта туманом лик Незнакомки" (Весы. 1905. № 4. С. 22).

...*Чуть золотится крендель булочной...* – О "привычной" для Петербурга вывеске – "золотом кренделе под короной немецких булочных" вспоминает М.В. Добужинский в "Петербурге моего детства" (Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 6, 9). Б. Садовской, рассказывая о поездке с Блоком в Териоки, писал: «По пути Александр Александрович указал мне исторический "крендель булочной", воспетый в "Незнакомке". На солнце он действительно золотился» (Воспоминания, 2. С. 53). Андрей Белый увидел в этом образе не петербургскую реалию, а символику, употребляемую мистическими анархистами: «символ последнего дерзновения – золотой "булочный" крендель: как о том возвестили» (Весы. 1907. № 5. С. 52); "Мистические реалисты открывают в баранке и кренделе что-то особенное; они описывают крендель так, что волосы становятся дыбом" (ВМИ. 1907, № 11–12. С. 11; ответ Блока см. в его письме Белому от 6 августа 1907 г.).

...*Заламывая котелки (...) гуляют с дамами // Испытанные остряки* – Ср. с образом "господина в котелке" в драме "Незнакомка" (1906) (2 "видение").

...А в небе, ко всему приученный, // Бессмысленно кривится диск. – В статье "Поэзия Блока" Белый так интерпретировал образ: «Солнце жизни остыло; источник стихийности – солнце – кривит свой "приученный лик"» (В кн.: Ветвь: Сб. клуба московских писателей. М., 1917. С. 276).

И каждый вечер друг единственный... – Ср. в стих. М.Ю. Лермонтова "Свиданье" (1841): "Тебя, мой друг единственный" (Орлов Вл. "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 207).

А рядом у соседних столиков // Лакеи сонные торчат. – Ср. в стих. И.Ф. Анненского "Трактир жизни" (1904): "Те же фикусы торчат // Те же грустные лакеи" (Орлов Вл. Указ. соч. С. 207).

"In vino veritas!" кричат. – Истина в вине! (лат.). – Источник этого крылатого выражения – сочинение Плиния Старшего "Естественная история". XIV. 28.

...(Иль это только снится мне?) – Ср. в стих. Ф. Тютчева "Опять стою я над Невой..." (1868): "Во сне ль все это снится мне", а также в романе Достоевского "Идиот" (1868): "Я ваши глаза точно где-то видел... (...) Может быть, во сне..." (Ч. 1. Гл. 9) (текст взят эпиграфом к драме Блока "Незнакомка", 1906).

...И в кольцах узкая рука. – Ин. Анненский заметил: "Ее узкая рука – вот первое, что различил в даме поэт. Блок не Достоевский, чтобы первым был ее узкий мучительный следок! (...) Все это так близко, так доступно, что Вам хочется, напротив, создать тайну вокруг узкой руки и девичьего стана, отделить их, уберечь как-нибудь от кроличьих глаз, сказкой окутать..." (Аполлон. 1909. № 2. Отд. 2. С. 8).

...И вижу берег очарованный... – В. Львов-Рогачевский заметил, что «как В. Соловьев под грубою корою вещества прозревал "нетленную порфиру", так и Блок за этим берегом видит дальний берег иной жизни» (Львов-Рогачевский В.Л. Лирика современной души // СМир. 1910. № 8. С. 19, 2-я паг.). А. Слонимский также находит параллели к образу в лирике Вл. Соловьева: "Я шел к таинственным и чудным берегам" (стих. "В тумане утреннем неверными шагами...", 1884); а также: "Сладко мне приблизиться памятью унылою // К смерти занавешенным тихим берегам..." (стих. "Les revenants" ("Тайною тропинкою скорбною и милою...", 1900) (Слонимский А. Блок и Владимир Соловьев // Об А. Блоке. С. 281).

...И очарованную даль. – Ср. в стих. Пушкина "Рифма, звучная подруга..." (1828): "Ты (...) от мира уводила // В очарованную даль" (Альтман М.С. Пушкинские реминисценции у Блока // Philologica, Л., 1973. С. 351).

...И очи синие бездонные // Цветут на дальнем берегу. – Н. Анциферов считал, что "Незнакомка" уводит поэта в миры иные, (...) в царство, где распускается голубой цветок" (Об А. Блоке. С. 320). Ср. также в стих. Пушкина "Что в имени тебе моем..." (1830): "Волны, плеснувшей в берег дальний"; а также в стих. "Не пой, красавица, при мне..." (1828): "Другую жизнь и берег дальний" (Альтман М.С. Пушкинские реминисценции у Блока. С. 351).

"ТАМ ДАМЫ ЩЕГОЛЯЮТ МОДАМИ..."

(С. 126)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – Т₅, л. 24 (приведен: Иванов-Разумник. Л. 179); БА – Т₇, Л. 59 об. – 60, "апрель 1906 – (28 IV 1911)"; Кор II₂. Л. 24; РЭ II₂. Л. 24–24 об.

Впервые: II₂. С. 37–38, под загл. "Незнакомка. Вариант", в разд. "Магическое".

Публикации: Журнал журналов, 1915. № 12. С. 17 ("Незнакомка. Вариант"), в подборке "Стихи Александра Блока (Из его книги)"; //3. С. 145–146; //4. С. 203–204; //5 С. 154–155.

Первоначальные незаконченные наброски вписаны в *T*₅ перед стих. "Незнакомка" ("По вечерам, над ресторанами..."), с пометой: ("варианты к "Незнакомке"), они не имеют порядкового номера и не отмечены в *Хр. ук. T*₅. Там же помета: «дописано (было: написано) в 1911 году – при составл(ении) II изд. "Неч(аянной) Радости"». В *T*₇ под датой та же помета: «при составлении 2-ого изд. "Нечаянной Радости"». В датировке имеется правка карандашом: первая дата заключена в круглые скобки, вторая подчеркнута. В *Хр. ук. T*₇ под заглавием: "Незнакомка, вариант", помещено среди стихотворений 1910 г.

В *PЭ II* ст. 13–14 приведены к основному тексту, 4-я строфа заключена в скобки.

Окончательный текст – *II*₃.

О чтении Блоком стихотворения на вечере "Цеха поэтов" 20 октября 1911 г. см. воспоминания Вас. Гиппиуса (*Воспоминания*, 2. С. 80).

"Жаждающий веры, – писал критик Свенельд, – молится он (Блок – *ред.*) пустому углу – опьянением созданной Незнакомке: в темных переулках, в кабаках находит он новую Царицу – но и находя не знает, что делать с ней, среди "этой пошлости таинственной"» (*Свенельд. Религия иллюзии // Очарованный странник. Альманах интуитивной критики и поэзии. СПб., 1914. Вып. 4. С. 10*). Б. Гусман заметил, что Блок и «в мелкой пошлой обыденности умеет вскрыть трагическую красоту. Поэтому Незакомка в шумном, пьяном кабаке для нас также необычайно пленительна, как и далекая Прекрасная Дама. У обеих грустный лик Мадонны, "недостижимый и единственный, как вечер дымно-голубой"» (*Борис Гу-н [Б. Гусман]. Александр Блок // Журнал журналов. 1915. № 12. С. 16*).

...Там всякий лицеист остер... – Лицеистами называли учащихся Петербургского Александровского лицея, находившегося на углу Каменноостровского проспекта и Большой Монетной улицы.

Туда манит перстами алыми <...> Недостижимая заря. – В античной мифологии розоперстая Эос – богиня утренней зари.

Вздыхая древними поверьями, // Шелками черными шумна, // Под шлемом с траурными перьями... – Ср.: "И веют древними поверьями // Ее упругие шелка, // И шляпа с траурными перьями..." ("Незнакомка" ("По вечерам над ресторанами..."), 1906). Позже Блок отметил сходство Незнакомки с героиней "Путешествия на Гарц" Г. Гейне (*ЗК. С. 111*); ср.: "Молодая (дама) была очень хороша. <...> на кудрявой головке черная атласная шляпа в форме шлема, белые перья которой развевались по ветру, стройные члены так плотно охвачены черным шелковым плащом, что под ним ясно обозначались благородные формы, а большие, свободные глаза спокойно смотрели в широкую, свободную даль. Еще в детстве я <...> каждую красивую даму, с страусовыми перьями на шляпе, принимал за королеву эльф" (*Гейне Г. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 149*); в экземпляре книги, принадлежавшем Блоку, приведенный абзац отчеркнут на полях; см.: *ББО-1. С. 194*.

таинственной: единственной – Ср. эту же рифму в стих. "Незнакомка" ("По вечерам над ресторанами...").

"ПЕРЕДВЕЧЕРНЕЮ ПОРОЮ..."

(С. 127)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 28 об. – 29 ("Видение"), "Сентябрь", рукой Л.Д.Блок, заглавие – рукой Блока; печ. текст – НР II₂. Л. 77, "[1906. IX]" (над текстом), (вырезка из газ. "Слово"); РЭ II₂. Л. 41 об. – 42.

Впервые: Одесские новости, 1908, 7 февр., № 7436. С. 2, "Петербург", под загл. "Видение".

Публикации: Слово, 1908. 28 июня. № 496. С. 3; II₂. С. 72–73, в разд. "Перстень-Страданье"; II₃. С. 83–84, в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 205–207; II₅. С. 155–156.

В РЭ II₂ ст. 28 приведен к основному тексту; поставлена дата: "Сентябрь 1906". Имеется помета "Р<азные> Ст<ихотворения>" (в этот раздел стихотворение вошло в II₃).

Окончательный текст – II₃.

Ориентировано на ряд апокрифов ("Хождение Богородицы по мукам", "Видение св. Павла", "Житие Василия Нового, или хождение Феодоры по мукам" и др.), в которых описывается сходжение в ад. И.А. Шляпкин утверждал, что народные представления о загробной жизни складывались на основе этих апокрифических сказаний (*Шляпкин И.А. Лекции по истории русской литературы*. СПб., 1913. Ч. 1. Вып. 1. С. 247; Блок слушал лекции Шляпкина в университете). Литературным источником этого сюжета у Блока является также первая часть "Божественной комедии" Данте – "Ад".

Стихотворение соотносят с "Психеей" Вяч. Иванова (Кормчие звезды. СПб., 1903. С. 353–355; см.: *Мицк З.Г.* А. Блок и В. Иванов. Статья 1. Тарту, 1982. С. 106. (*УЗ ТГУ*. Вып. 604)).

Передвечернею порою... – С наступлением вечера начинается странствие по аду в "Божественной комедии" Данте: "День отходил, и сумрак пал в долины, // <...> лишь я один единый // Готовился на брань – в опасный путь" (*Данте Алигьери*. Божественная комедия. Ч. 1. Ад. СПб., 1897. С. 9; см.: *ББО-1*. С. 256).

...Сходил я в сумерки с горы... – Ср. финал "Второй песни", где герой "Божественной комедии" начинает сходжение в ад: "Нисшел путем лесистым в мрак пучин" (*Там же*. С. 15).

...И вот передо мной – за мглою – // Черты печальные сестры. – "Сестра" выступает здесь в роли "вожатого". В "видениях" и "хождениях по мукам" спускавшегося в ад обычно сопровождал ангел: в "Аде" и "Чистилище" "Божественной комедии" Данте – Вергилий, сообщаящий поэту, что "на Небо проведет его Беатриче" (*Там же*. С. 1).

...И по долинам, по оврагам... – "мрачный дол", "долина слез" – название ада у Данте (*Там же*. С. 21).

...Кого бичами выгнал голод // В могилы жизни кочевой? – В сентябре 1906 г. Блок с женой переехал на новую квартиру на Лахтинской улице. "Лейтмотивом скитания, – заметил по этому поводу Андрей Белый, – начинается новый период стихов его" (*Белый, 1*. С. 235).

Другие редакции и варианты

Заглавие (Т₅) – Видения (visiones) – широко распространенный в средневековой литературе вид памятников, тема которых – странствие по загробным мирам.

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

("Мы встретились с тобою в храме...")

(С. 127)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₄. Л. 11 об. – 12 об.; АС – Т₅. Л. 29 об. – 30, "Сентябрь", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие – рукой Блока; АС – НР Л₂. Л. 78–78 об., [1906], рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, (первая строка – рукой Блока); печ. текст – *Изборник*. Л. 188.

Впервые: Образование, 1908. № 3. Отд. 1. С. 33, в подборке из трех стихотворений.

Публикации: ЗС. С. 43–44, "1906", в разд. "Мещанское житье"; И₂. С. 73–74, в разд. "Перстень-Страданье"; СР. С. 23–24; П₃. С. 147–148; П₄. С. 207–208; И₅. С. 156–157.

В ЗК₁₄ текст стихотворения записан чернилами. Четвертая строфа основного текста и следующая за ней незаконченная строфа (между ст. 16 и 17) (воспроизведена: *Иванов-Разумник*. Л. 180) записаны позднее на соседнем листе карандашом. Затем 4-я строфа была отчеркнута чернилами на полях, а следующая за ней зачеркнута. Строфы пронумерованы чернилами.

В письме к Блоку в октябре 1908 г. Н. Клюев называет стихотворение среди "милых" и "родных" ему (*ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 478).

Заглавие – Образ "холодного белого дня" восходит к стих. В. Соловьева "В тумане утреннем неверными шагами..." (1884). 1 августа 1907 г. Блок записал: «Уже не молод я, много "холодного белого дня" в душе» (ЗК. С. 96). В письме Андрею Белому от 15–17 августа 1907 г. поэт, говоря о новом этапе творческого пути, снова воспользовался этим образом: «Надо мною – "холодный белый день", а тогда я был "в тумане утреннем". Благодаря холоду белого дня я нахожу в себе трезвость и большую работоспособность, чем прежде (...) трезвость белого дня (желание слушать, учиться, определиться)». См. также: "В день холодный, в день осенний..." (1901) и "Жду я холодного дня..." (1901) – т. 1 наст. изд.

Мы встретились с тобою в храме... – Автореминисценция из стих. "Ей было пятнадцать лет. Но по стуку..." (1903): "Мы встретились в храме". Л.Д. Блок вспоминала, что местом ее встреч с Блоком часто бывали Казанский или Исаакиевский соборы (*Воспоминания*, I. С. 158–159; см. также СС-87. С. 56), храмовая символика отразилась в ряде ранних стихотворений (см.: "Медленно в двери церковные..." (1901), "Сгушался мрак церковного порога..." (1902), "Я их хранил в приделе Иоанна..." (1902) и др.)

И вот пошли туда, где будем // Мы жить под низким потолком... – Имеется в виду переезд Блока из квартиры отчима на новую "демократическую" на Лахтинской улице. Андрей Белый вспоминал: "А.А. оканчивает университет, переселяясь с женой из прежнего материнского дома в свой дом; (...) эмблема другого ухода, начавшегося до того: ухода из атмосферы 1900–1902 годов (...) ухода, мучительно сопряженного и с отказом от близких друзей (...) у А.А. появляются новые связи; иные проблемы стоят перед ним" (*Белый*, I. С. 235).

Сиди, да шей, смотри в окошко... – Образ имеет автобиографическую основу. Т.Н. Гиппиус сообщала в письме к Белому от 26 января 1906 г.: "Л.Д. (Блок) сидит и вышивает" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 237).

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС) – Из стих. Г. Гейне "Умиравший" ("Романцero". Кн. 2. "Ламентации") в переводе (1857) М.Л. Михайлова. См. коммент. к стих. "Ты проходишь без улыбки...".
Что жь? Отвори святые двери, // Чтоб в дом твой улица вошла. (ЧА ЗК₁₇). – Ср. в статье "Безвременье" (1906): "Нет больше домашнего очага. (...) Двери открыты на выюжную площадь" (СС-85. С. 70).

В ОКТЯБРЕ

("Открыл окно. Какая хмурая...")

(С. 128)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 30 об. – 31 об., "Сентябрь", рукой Л.Д. Блок; АС – НР II₂. Л. 79–79 об. "[1906]", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (первая строка – рукой Блока); РЭ II₂. Л. 42 об. – 43 об.; печ. текст – *Изборник*. Л. 190–192.

Впервые: Перевал, 1907. № 7. С. 17, вместе со стих. "Последний день".

Публикации: ЗС, с. 41–42, "1906", в разд. "Мещанское житье"; II₂. С. 74–76, в разд. "Перстень-Страданье"; СР. С. 25–26; II₃. С. 149–150; II₄. С. 209–210; II₅. С. 158–159.

В РЭ II₂ Блоком изменены ст. 4, 6 и последовательность стихов в 3-й строфе; на полях против этой строфы вопросительный знак. Рядом с заглавием помета: "остается по-старому". Несмотря на то, что уже в II₂ стихотворение называлось "В октябре", в РЭ II₂ поставлена дата "Сентябрь 1906", что противоречит как заглавию, так и тексту 1-й строфы. Эта же дата в Т₅, где стихотворение записано среди "сентябрьских".

В рецензии на ЗС А. Измайлов, процитировав "В октябре", указал на новые в творчестве Блока стихи, "поражающие, как бы намеренной гимнастической (так в тексте! – Ред.) примитивностью" (*Аякс* [А.А. Измайлов]. В литературном мире // БВ. 1908. № 10897. 9 сент., веч. вып.)

Е.П. Иванов предложил толкование стихотворения, раскрывающее изображенные в нем реальные факты и события: «Этот дух деликатного человека с понятием, могущим снисходить и понимать нищих и убогих, был всегда в душе Ал. Блока; в этом духе писал он свое стихотворение "В октябре". Стихотворение написано в 1906 г., когда после революции 1905 года все стало, как всегда, по "старому-бывалому". В стихотворении изображен реальный эпизод. Там человек сгорел, там человек, в которого Ал. Блок духом влагает свое я – спился. И в хмурый октябрь, глядя в окно на двор, где зябнет бездомно нищий мальчик и понурая, забытая лошадка, – затосковал. Затосковал по обездоленности и малого мальчишки, и лошадки, и своей. Спьяна он выбросился с чердака своего на двор, потянувшись за счастливой звездой, померещившейся ему и манящей в окно, выбросился и полетел в вихре и огне вниз на двор к нищим мальчишке малому и лошадке и, конечно, разбился. Ал. Блок понимает этого человека, разделяя в духе и участь его, ибо он и сам всегда искал огня и вихря, устремляющего к нищим духом» (опубл.: *Горелов Анаст.* Гроза над соловьиным садом. Л., 1970. С. 170–171).

Открыл окно. Какая хмурая // Столица в октябре! – В письме к матери от 29 октября 1910 г. поэт пишет: "Октябрь (в Шахматово – Ред.) другого характера, чем Петербургский – светлее, но Петерб(ургский) я предпочитаю".

И даже все мое имущество // С собою захвачу! // Познал, познал свое могущество! – Ср. "Песню" ("Любил я очи голубые...") В.И. Туманского: "Но увлекательно, как

младость, // Их юное могущество, // О! я б за них дал славу, радость // И все души имущество". Стихотворение могло быть знакомо Блоку по известному романсу В. Осипова (1843).

"К ВЕЧЕРУ ВЫШЛО ТИХОЕ СОЛНЦЕ..."

(С. 130)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₁₅*. Л. 15; *АС* – *Т₆*. Л. 39 ("После ночной попойки"), "осень [прошлого] года. 1906", правка: "(февраль)", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, (дата и правка – рукой Блока).

Впервые: *ЗС*. С. 51, "1906", под загл. "После ночной попойки", в разд. "Мещанское житье".

Публикации: *Пз*. С. 228, в разд. "Фаина"; *П₄*. С. 211; *П₅*. С. 159.

Текст *ЧА ЗК₁₅*, записанный чернилами, правился простым карандашом (*ЗК₁₅* -б.д.), перечеркнут синим карандашом.

А. Измайлов обратил внимание на «мягкую, грустную нежность Блока (...) в таких набросках, скорее прозаических, чем стихотворных, как "После ночной попойки" (заглавие в *ЗС* – *ред.*)» (Образование. 1908. № 9–10а. Отд. 3. С. 41).

19 сентября 1908 г. Е.П. Иванов писал Блоку: «Есть какая-то "нарочность", напущенность в стихах как "После ночной попойки" и "Знакомое" ("Она пришла с мороза..." – *ред.*). Тут какое-то не твое, и когда – пьян ты не так» (*ИРЛИ*. Ф. 411. Ед. хр. 45. Л. 47, копии Е.П. Иванова). В "свободных ритмах" блоковского стиха сказалось, по мнению Ю.Н. Тынянова, влияние Г. Гейне (*Тынянов Ю.Н. Блок и Гейне // Об А. Блоке*. С. 250).

"НОЧЬ. ГОРОД УГОМОНИЛСЯ..."

(С. 130)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₁₅*. Л. 16; *АС* – *Т₆*. Л. 39 об., "осень [прошлого] года 1906", правка: "(февраль)" (1907), рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, даты и правка – рукой Блока.

Впервые: *ЗС*. С. 50, "1906", под загл. "Ночной разговор", в разд. "Мещанское житье".

Публикации: *Пз*. С. 158; *П₄*. С. 212; *П₅*. С. 160.

В *ЗК₁₅* имеется черновая редакция стихотворения, правленная карандашом (ст. (5–13) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 181). В *Т₆* текст перерабатывался в феврале 1907 г.

Основная редакция стихотворения опубликована в *Пз*.

В стихотворении улавливаются отзвуки лермонтовского "Небо и звезды" (1831) (см.: *Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова*. М.; Л., 1964. С. 258). Оно перекликается также с гейневским "Still ist die Nacht. Es ruhen die Gassen" (*Гейне Г. Книга песен*. 22-е стих. в цикле "Возвращение на родину"), ср. сделанный Блоком в 1909 г. перевод: "Тихая ночь. На улице дрема. // В этом доме жила моя звезда".

Образы и мотивы стихотворения перешли в драму "Незнакомка" (1906), ср. диалог Незнакомки и Голубого во втором "видении".

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС) – эпиграмма Платона "Астеру" (имя Астер означает "звезда") (Epigrammatum Anthologia Palatina... Parisiis, 1864–1888. V. 1. P. 402).

"Я В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ – УБИТЫЙ..."

(С. 131)

Автографы и авторизованные тексты ЧА – ЗК₁₄, л. 16 об. – 17; АС – Т₅, л. 38–38 об., "Октябрь" (под и над текстом), рукой Л.Д. Блок; АС – НР II₂, л. 80, "[1906]", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (первая строка – рукой Блока).

Впервые: Ил. прилож. к газ. "Русь", 1907. № 20. 26 мая. С. 299.

Публикации: ЗС. С. 45 ("В четырех стенах"), "1906", в разд. "Мещанское житье"; II₂. С. 76 ("В четырех стенах"), в разд. "Перстень-Страдание"; Волны вечности в русской художественной литературе. Киев, 1914. С. 42 ("В четырех стенах"); II₄. С. 213; II₅. С. 160–161.

В РЭ II₂ зачеркнуто; в II₃ не вошло.

В стихотворении вновь появляются образы, связанные с платоновским двоимирием, характерные для лирики первого тома. "Дуализм ⟨...⟩ Платонова воззрения ⟨...⟩ проявляется в безусловном противопоставлении души и тела", – писал Вл. Соловьев, называя тело "оковами", наложенными на душу в ее "телесной темнице" (Соловьев Вл. Жизнь и произведения Платона // Творения Платона. М., 1899. Т. 1. С. 23). Согласно учению Платона, дуализм "идеи" и "тела" преодолевает ум-демиург, соединяющий материальное и идеальное начала бытия. Ср. у Блока: "Смешается с тобой, родимым, // На лоне Строгого Отца".

Н. Клюев увидел в стихотворении "борьбу тела с духом", "небо" предстает "как голубой, далекий брат" (ЛН. Т.92. Кн. 4. С. 477, см. также с. 478).

Я в четырех стенах – убитый // Земной заботой и нуждой. – Мотив "плененности" в земной неволе людей, запертых в клетке, пещере, таящихся за закрытыми дверями, характерен для поэзии Д. Мережковского, З.Гиппиус и Ф. Сологуба; мотив "смерти" в "четыре-х стенах" встречается позднее в набросках к стих. "Все это было, было, было..." (1909) (ЗК₂₈. Л. 2), см. СС-8з. С. 543.

Другие редакции и варианты

Он – мой двойник и мой союзник // ⟨...⟩ И он – такой же грустный узник // Своей бездонной глубины. (ЧА ЗК₁₄) – Ср. образ призрака-двойника ("Сын бездонной глубины") в стих. "Ночью сумрачной и дикой..." (1901), см. коммент. к нему, т. 1 наст. изд.

ОКНА ВО ДВОР

("Одна мне осталась надежда...")

(С. 131)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₄. Л. 1–2; 3; АС – Т₅. Л. 41 об. – 42, рукой Л.Д. Блок; АС – НР II₂. Л. 81, "[1906]", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (первая строка – рукой Блока).

Впервые: *ЗР*. 1907. № 6. С.23, в подборке из трех стихотворений.

Публикации: *ЗС*. С. 46, "1906", в разд. "Мещанское житье"; *И₂*. С. 77, в разд. "Перстень-Страданье"; *И₃*. С. 151; *И₄*. С. 214; *И₅*. С. 161–162.

В *ЗК₁₄* три первых строфы и следующие после них наброски (между ст. 12 и 13) записаны карандашом, последующий текст – чернилами, последняя острота – карандашом. В черновике после четвертой строфы основного текста имелось еще две (зачеркнутая и незачеркнутая, опубл.: *Звезда-1936*. С. 273).

В *РЭ И₂* стихотворение датировано: "Окт(ябрь)? 1906".

По воспоминаниям К.И. Чуковского, в стихотворении отразилась обстановка новой "демократической" квартиры Блоков: «"колодезь двора" в сумрачном доме на Лахтинской улице, где поселился Александр Александрович осенью того самого года, когда он написал "Незнакомку". Окна его темноватой квартиры на четвертом или пятом этаже выходили во двор (...) с (...) чердаками, сараями, лестницами...» (*Воспоминания*, 2. С. 222). "Окна во двор, глубокий и узкий", упоминает и Л.Д. Блок в письме к Андрею Белому от 26 сентября 1906 г. (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 257).

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

На утренний призрак похожий, // Зачем он так бледен лицом? (ЧА *ЗК₁₄*) – Об образе призрака-двойника см. коммент. к стих. "Я в четырех стенах – убитый...".

"ХОЖУ, БРОЖУ ПОНУРЫЙ..."

(С. 132)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – *ЗК₁₄*. Л. 14 об. – 15 об.; АС – *Т₅*. Л. 50 об. – 52, "7-го декабря", рукой Л.Д. Блок; АС – *НР И₂*. Л. 82–82 об., "[1906]", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (первая строка – рукой Блока); *РЭ И₂*. Л. 44 об. – 45; печ. текст – *Изборник*. Л. 208–209 (вырезка из *И₂*).

Впервые: *ТП*. 1907. № 10. С. 26, под загл. "Старые мысли".

Публикации: *ЗС*. С. 62–63 ("Старые мысли"), "1906", в разд. "Мещанское житье"; Вихрь. Литературно-художественный сб. современных писателей. СПб., [1909]. С. 221–222 ("Старые мысли"); *И₂*. С. 78–79 ("Старые мысли"), в разд. "Перстень-Страданье"; *СРЛ*. С. 56–57 ("Старые мысли"), в подборке из десяти стихотворений; *И₃*. С. 152–154; *И₄*. С. 215–217; *И₅*. С. 162–163.

В *РЭ И₂* зачеркнуто заглавие и 10-я строфа. Ст. 17 подчеркнут, против него вопросительный знак. Стихотворение датировано "7 декабря 1906".

Окончательный текст – *И₃*.

«Жизнь на новой квартире нашей, – писала 26 сентября 1906 г. Л.Д. Блок Андрею Белому, – (...) совсем новая. (...) Вот у нас окна во двор, узкий и глубокий. Каждый день приходят раза по три, по четыре разные люди "увеселять". Женщина с шарманкой и двумя изуродованными детьми (...) один из них поет какой-то вальс и "Последний нонешний денечек..." (...) Потом двое слепцов поют дуэтом "Только станет смеркаться немножко..." – один басом выводит, стоя в фуражке с большим козырьком и протянув руку: "буду слушать веселые речи, без которых я жить не могу..."» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 257). Последняя из указанных Л.Д. Блок песен – романс на слова А.А. Фета. Разночтения романса с текстом стихотворения отмечены на экземпляре из

библиотеки Блока: *Фет А.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1901. Т. 2. С. 15; см.: *ББО-2*. С. 327.

И свечка догорела, // И маятник стучит. – Реминисценция из стих. А.Н. Апухтина "В горькую минуту" ("Небо было черно, ночь была темна...", 1859): "Свечка догорела, маятник стучал...".

Что сердце расцвело? – Образ "цветения сердца" неоднократно встречается в переписке Блока с московскими соловьевцами (см. письма М.С. Соловьеву от 23 декабря 1902 и Андрею Белому от 9 января 1903). Сопоставление сердца с "раскрывающимся розовым бутонем" – в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906). (*СС-85*. С. 86). Образ восходит к стих. В. Соловьева "Белые колокольчики" (1899) ("Наше сердце цветет..."), эпиграф к которому (И я слышу как сердце цветет...) взят из стих. А. Фета "Я тебе ничего не скажу..." (1885); ср. также: "И сердце, пленник зимних вьюг, // Заговорило, зацвело" (*Фет А.* "Пришла, – и тает все вокруг...").

ПОЖАР

("Понеслись, блеснули в очи...")

(С. 133)

Автографы: *ЧН₁ – ЗК₉*. Л. 14 об.; *ЧН₂ – ЗК₁₄*. Л. 30 об. – 31; *БАП – Т₅*. Л. 52 об. – 53, "Декабрь", правка: "1917"; *БА₁ – ИРЛИ*. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 4–4 об.; *БА₂ – ИРЛИ*. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 28. Л. 1–1 об.

Впервые: *Жизнь*, сб. 1, СПб., 1908. С. 355.

Публикации: *П₄*. С. 218–219; *П₅*. С. 164.

Первоначальный набросок (*ЧН₁ ЗК₉*) относится к осени 1904 г. Отдельные наброски и часть черновика находятся в *ЗК₁₄* (август – октябрь 1906 г.). В *Т₅* рядом с датой "Декабрь" имеется помета: «(Для "Шиповника")» (зачеркнута карандашом). При письме от 20 октября 1907 г. Блок послал стихотворение В.Я. Брюсову для публикации в газ. "Голос Москвы" (опубликовано не было). Автограф *БА₁ ИРЛИ* был приложен вместе с четырьмя другими стихотворениями к письму Блока к В.Ф. Боцяновскому, редактору журнала "Свободным художествам" (публикация не состоялась). В *БА₂ ИРЛИ* учтена карандашная правка, сделанная в *Т₅* в 1917 г. Ст. (25–28) опубл.: СПТ. С. 525.

Ср. изображение восстания как пожара в письме Блока к Е.П. Иванову от 25 апреля 1905 года: "Близок огонь опять – какой не знаю. Старое рушится".

Символ мятежей – огонь, а также образ факела относится к «кругу "дионисийской" символики Вяч. Иванова». Ср. название сборников мистических вестников "Факелы"; первый вышел в апреле 1906 г. (см.: *Мицц З.Г.* А. Блок и В. Иванов. Статья 1. Тарту, 1982. С. 105 (*УЗ ТГУ*. Вып. 604)).

"Пожар" сравнивают со стих. А.А. Смирнова "Солнечный герой" (Опубл.: *Гриф-1905*. С. 115); в них "наблюдается ряд тематических и образных совпадений в разработке апокалиптических мотивов" (см.: *Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В.* Новое об университетском окружении А. Блока: А.А. Блок и А.А. Смирнов // *Вестник Ленинградского университета*. 1981. № 14. Вып. 3. С. 51).

...*Факел стелет красный свет.* – Пожарные команды в 1900-х годах освещали путь ацетиленовыми и керосиновыми факелами.

...*Впереди – скакун с трубой...* – В состав пожарных команд входили верховой и трубач.

Скок по камню тяжко звонок... – Ср. в поэме Пушкина "Медный всадник": "Тяжело-звонкое скаканье".

Дети ночи черной – где мы?... – Ср. заглавие программного стих. Д.С. Ме-режковского "Дети ночи" (1896).

"НА СЕРЫЕ КАМНИ ЛОЖИЛАСЬ ДРЕМОТА..."

(С. 136)

Авторизованный текст: АС – Т₃. Л. 56–56 об., рукой Л.Д. Блок.

Впервые: Проталина. Альманах 1. СПб, 1907. С. 39, в подборке из пяти стихотворений.

Публикации: Пряник осиротевшим детям. Пг., 1916. С. 21 (ПОД), "1906", в цикле "Городские видения"; П₄. С. 220; П₅. С. 165.

Говоря о "восприимчивости" Блока "к музыке, звучащей вокруг него", К.И. Чуковский так определил тональность стихотворения: "А вот Эмиль Верхарн, воспринятый через переводы Брюсова" (Чуковский К.. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924. С. 105–106).

"ТЫ СМОТРИШЬ В ОЧИ ЯСНЫМ ЗОРЯМ..."

(С. 136)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 56 об. – 57, рукой Л.Д. Блок; АС – НР П₂. Л. 63–63 об., "[1906]", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (первая строка – рукой Блока).

Впервые: БН. С. 29–30, в цикле "Томления весны".

Публикации: ЗС, С. 59 ("Напрасно"), "1906", в разд. "Мещанское житье"; П₂, С. 56–57, в разд. "Отрывы"; П₃. С. 157; П₄. С. 221; П₅. С. 165–166.

В Т₅ имелась еще одна строфа между 4-й и 5-й основного текста, вычеркнутая в НР П₂ (приведена: Иванов-Разумник. Л. 183); там же зачеркнуто название.

Окончательный текст – П₂.

Вот женский голос, как струна. – См. коммент. к стих. "Петр".

И женщины ресницы-стрелы // Так часто опускают вниз. – Ср. "опустившая ресницы" в стих. "Ты проходишь без улыбки...".

НА ЧЕРДАКЕ

("Что на свете выше...")

(С. 137)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 58–59, рукой Л.Д. Блок (заглавие – рукой Блока); БА – ИРЛИ. Р. 1. Оп. 3. Ед. хр. 43, Л. 5–5 об.; Ба – НР П₂. Л. 83–83 об., "[1906]" (пять строк рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух); РЭ П₂. Л. 45 об. – 46; печ. текст – Изборник. Л. 212–213 (вырезка из П₂).

Впервые: Образование, 1907. № 7. Отд. 1. С. 25–26.

Публикации: ЗС. С. 64–65, "1906", в разд. "Мещанское житье"; П₂. С. 80–81, в разд. "Перстень-Страданье"; П₃. С. 155–156; П₄. С. 222–223; П₅. С. 166–167.

В РЭ П₂ Блок переработал несколько стихов, часть правки зачеркнута, на полях рядом с заглавием помета: "по-старому"; под текстом датировка: "Конец 1906".

Окончательный текст – ЗС.

Один из источников образа героини стихотворения – "Зимняя невеста" (1870) Я.П. Полонского. В экземпляре книги Полонского, принадлежавшем Блоку, в стихотворении отчеркнуто несколько строк:

И зачем спешит он к месту?

У меня ли не ночлег?

Я совью ему невесту

Бледную как снег.

Прихвачу летучий локон

Я венцом из белых роз,

Что растит по стеклам окон

Утренний мороз;

Грудь и плечи облеку я

Тканью легкой как туман,

И невесты, чуть дохну я,

Всколыхнется стан, –

.....
Позабывшись, он забудет

Заметенный путь...

И глядеть ей будет в очи

Нескончаемые дни,

Нескончаемые ночи...

(Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений: В 5 т.
СПб., 1896. Т. 1. С. 441–442; см.: ББО-2. С. 199)

"На чердаке" сопоставляют со стих. Ап. Григорьева "Вечер душен, ветер воет...". «Между этими стихотворениями Григорьева и Блока есть еще одно – прозаическое звено: "Кроткая" Достоевского (<...> Вот строки из внутреннего монолога героя "Кроткой" (после самоубийства жены): "Мертвая, не слышит!.. О, пусть все, только пусть бы она открыла хоть раз глаза! На одно мгновенье, только на одно! взглянула бы на меня, как давеча» (Гинзбург Л. О лирике. М.; Л., 1974. С. 277–278).

В стихотворении отразились народные представления о ветре, переносящем болезни и приносящем смерть. В статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) Блок приводит одно из таких поверий "мор – это ветер (<...> намахивает смерть" (СС-85. С. 38), взятое им из книги: *Потёбня* А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860. С. 80.

Что на свете выше // Светлых чердаков? – Ср. в стих. С. Городецкого "Прачка": "Высоко, высоко над землей // Чердаки на домах, чердаки" (*Городецкий* С. Перун. СПб., 1907. С. 56).

Ветер, снежный север... – Север – (устар.-поэтич.) – северный ветер.

Чтоб снала подруга // В ледяном гробу! – Образ восходит к стих. А.А. Фета "Весна" ("Глубь небес опять ясна..."): "Спит во гробе ледяном // Очарованная сном".

Ср. также в стихотворении Вяч. Иванова "На крыльях зари": "Спит царица на престоле в покрывале ледяном" (Кормчие Звезды. СПб., 1903. С. 164). Андрей Белый в статье "Апокалипсис в русской поэзии" истолковал его как символ Мировой Души: «За вьюгой еще не видать Ее: хаос метелей еще образует вокруг Нее покров. Она – еще "спит во гробе ледяном, зачарованная сном..."» (Весы. 1905. № 4. С. 18). Образ воспринят через широкую традицию европейского фольклора и литературы ("спящая красавица"). Ср. также в стих. "Вот он – ряд гробовых ступеней...": "Спи ты, нежная спутница дней... (...) Ты покоишься в белом гробу" (т. 1 наст. изд.).

КЛЕОПАТРА

("Открыт паноптикум печальный...")

(С. 138)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН₁ – ЗК₁₇*. Л. 22; *ЧН₂ – ЗК₁₈*. Л. 11 об. – 13, "декабрь (ст. (5–12) приведены: *Иванов–Разумник*. Л. 183); *ЧА – ЗК₁₈*. Л. 13 об. – 15, "16.XII.07"; *АС – Т₆*. Л. 36 об. – 37 об., "Декабрь. 1907", рукой Л.Д. Блок, заглавие и дата – рукой Блока; *БА – РГБ*. Ф. 644. Карт. 2. Ед. хр. 16. Л. 1–6 об., *АС – НР III₁* (РГАЛИ). Л. 13–13 об., рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (заглавие – рукой Блока); *РЭ III₁*. Л. 53–53 об.; печ. текст – *Изборник*. Л. 238–239.

Впервые: *Шиповник*, 4. С. 251–252.

Публикации: *ЗС*. С. 87–88, в разд. "Песня Судьбы"; *III₁*. С. 95–96, "Декабрь 1907", в разд. "Страшный мир"; *II₃*. С. 161–162; *II₄*. С. 224–225; *II₅*. С. 168–169.

В *ЗК₁₇* имеются первоначальные наброски одной строфы. В *ЗК₁₈* наброски отдельных, не связанных между собой частей текста и полный черновик стихотворения. В фонде В.Э. Мейерхольда сохранился автограф (*БА РГБ*), записанный карандашом на листках, совпадающих по формату с листами *ЗК₁₈*. На л. 6 об. помета рукой В.Э. Мейерхольда. Текст разделен на две части (между ст. 24–25), ст. 11 отмечен на полях. В *РЭ III₁* и *Изборнике* вычеркнуты пятая и восьмая строфы. В сокращенном виде публиковалось в *II₃*, в *II₄* – полный текст.

Окончательный текст – *Шиповник*.

В мемуарах К.И. Чуковский писал: «Я помню, что тот "паноптикум печальный", который упоминается в блоковской "Клеопатре", находился на Невском, в доме № 86, близ Литейного, и что больше полувека назад, в декабре, я увидел там Александра Александровича и меня удивило, как понуро и мрачно он стоит возле восковой полулежащей царицы с узенькой змейкой в руке – с черной резиновой змейкой, которая, подчиняясь незамысловатой пружине, снова и снова тысячу раз подряд жалит ее голую грудь, к удовольствию каких-то похабных картузников. Блок смотрел на нее оцепенело и скорбно» (*Воспоминания*, 2. С. 219–220). Этот паноптикум описан и в стих. П. Потемкина "Клеопатра (В паноптикуме)" (опубл.: Весна. 1908. № 4. С. [4]):

Я не разбила граней жизни
И к черной смерти не пришла,
Но в новой, пасмурной отчизне
В меня глядятся зеркала.
Моя душа застыла в воске
И стал стеклянным страстный взгляд,
В моем гробу, гробу – киоске
Уныл мой ситцевый наряд.

Кольшет грудь мою пружина,
 И мерно движется змея,
 И бледно солнце керосина,
 Как грудь открытая моя.
 Сквозь пузырьки дешевых стекол
 Влюбленно смотрят старики
 И не один губами чмокал,
 Глядя на воск моей руки.
 Циничны шутки, кривы ноги,
 И без любви слова любви...
 О смерть: открой свои чертоги
 И сети жизни разорви!

В блоковской "Клеопатре" имеются образно-тематические переключки и текстуальные совпадения с верхарновской "Женщиной на перекрестке" в переводе В. Брюсова (*Верхарн Э. Стихи о современности. М., 1906. С. 49–52*).

В русской литературе важную для Блока трактовку образа находим у Пушкина в стихотворном отрывке "Клеопатра" ("Чертог сиял. Гремели хором...", 1828), неоконченном прозаическом наброске "Мы проводили вечер на даче..." (1835) и неоконченной повести "Египетские ночи" (1835). Брюсов посвятил Клеопатре стихотворения "Я – Клеопатра, я была царица..." (1899) и "Нет, как раб не буду распят..." (1905), в которых ее образ связывается с темой "несущей гибель страсти". На рубеже веков образ египетской царицы воспринимался как символ "конца века", ср., например, слова Ф. Зелинского в предисловии к пьесе В. Шекспира "Антоний и Клеопатра", назвавшего Клеопатру "ярким и ядовитым цветком, выросшим на вековом перегное рода Птолемеев", натурой "донельзя сложной, донельзя нервной и капризной (...) все проявления которой причудливы и неожиданны, как видения лихорадочного сна" (*Шекспир В. Полное собрание сочинений. СПб., 1903. Т. 4. С. 223; ББО-2. С. 389*).

На образ блоковской Клеопатры – куклы в паноптикуме, – вероятно, повлияли разговоры с Е.П. Ивановым о "куклах" и превращении их в "кукол-автоматов" (*Письма к Е. Иванову. С. 33, 108*); тема отразилась в произведении Е.П. Иванова "Зеркало и автоматы", рукопись – *ИРЛИ. Ф. 662. Ед. Хр. 84*; окончание датировано 25 сентября 1908 г.), 19 сентября 1908 г. Е.П. Иванов писал Блоку: «Хороша "Клеопатра" очень и вся» (*ИРЛИ. Ф. 411. Ед. хр. 45. Л. 47, копии Е.П. Иванова*).

В стих. "Клеопатра" дана одна из важнейших модификаций женского образа периода "антитезы". В позднейшей статье "о современном состоянии русского символизма" (1910) Блок писал: "в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз" (*СС-85. С. 429*).

Андрей Белый воспринял образ Клеопатры как один из стержневых образов-символов, определяющих эволюцию творчества поэта: «В "Нечаянной Радости" (...) ангелический образ Ее – подменен (...) Да: подмена Хранителя (имеется в виду стих. "Ангел-Хранитель" (1906) – ред.) ликом Губителя подготавливается медленно: умирает Хранитель ("покойшись в белом гробу") (...) Смерть – свершившийся факт: Да, она лишь – *картонной невесткой* была", или трупом, еще продолжающим после смерти ужасную *упыриную жизнь*; (...) он есть восковая и страшная кукла, живущая за счет нашей жизни (...) сладострастьем; "Клеопатра" – дальнейшее изменение подменного Ангела; – то Незнакомка (...) И вычерчивается: образ великой блудницы; поэт же к блуднице склоняется с жалостью; он понимает: теперь сквозь нее проступает лик Ведьмы, умершей, кошунственно овладевающей своим собственным трупом» (*Белый, 4. С. 243–244*).

В рецензии на первую публикацию "Клеопатры" Эллис [Л.Л. Кобылинский] писал, что это "искреннее, глубоко художественное и поразительно цельное (теперь редкое свойство у Блока) стихотворение". Он обратил внимание на "больно ударяющий по сердцу и сдержанный, как последнее отчаяние, ритм стихов Блока" (Весы. 1908. № 10. С. 8). С.М. Соловьев критически отнесся к стихотворению, заметив, что там, "где у Вл. Соловьева (...) – прозрение Египта, историческое ясновидение, у Блока – только декорация и восковая кукла паноптикума" (Весы. 1908. № 10. С. 89).

А. Измайлов в рецензии на ЗС отметил "Клеопатру" вместе со стихотворениями "Надпись на книге стихов", "Принимаю", "Под ветром холодные плечи..." и "Инок", назвав их "красивыми, исполненными мысли" (Аякс [А.А. Измайлов]. В литературном мире // БВ. 1908. № 10897. 9 сент., веч. вып.). Ироничный отзыв о стихотворении дал критик Боривой [Д.П. Якушев], назвавший его "в своем роде великолепным". «Нельзя, – пишет он, – не согласиться с Клеопатрой, которая несмотря на свою восковую природу тотчас заметила "высокое давление" настроения назойливого посетителя. Только в пьяном угаре можно писать аляповатый набор слов, выдавая к тому же его за "стихотворение"» (Голос правды. 1908. № 780. 24 апр.).

Она лежит в гробу стеклянном... – Ср. с царевной "в гробу хрустальном" (Пушкин А.С. Сказка о мертвой царевне и семи богатырях, 1833).

...И не мертва и не жива... – Ср.: "Она, // Как под крылышком у сна // Так тиха, свежа лежала, // Что лишь только не дышала" (Там же).

Змея (...) // Ей жалит восковую грудь... – По преданию, Клеопатра покончила с собой, приложив к груди ядовитую змею.

Я в незапамятных веках // Была царицею в Египте и след. – Ср. в стих. В. Брюсова "Клеопатра" (1899): "Я – Клеопатра, Я была царица, // В Египте правила восемнадцать лет. // Погиб и вечный рим, Лагидов нет, // Мой прах несчастный не хранит гробница".

Что я и Цезарь – будем оба // В веках равны перед судьбой? – По Плутарху, Цезарь, увлеченный красотой Клеопатры, задержался в Египте, а впоследствии призвал ее в Рим. Ср. в стих. Брюсова "Клеопатра" (1899):

Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобою я властвую, поэт!
Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина – в мечтах твоих.

НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНЬЕ.

("Поздним вечером ждала...")

(С. 139)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆, Л. 42 об. – 43, "февраль. СПб. – Ревель", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (датировка – рукой Блока); БА – НР III₁. Л. 16–16 об., [1908]; РЭ III₁. Л. 54 об. – 55.

Впервые: ЗС. С. 47–48, "1908", в разд. "Мещанское житъе".

Публикации: III₁. С. 98–99, "Ревель. 1908", в разд. "Страшный мир"; III₂. С. 104–105, "Ревель", в разд. "Разные стихотворения"; II₄. С. 226–227; II₅. С. 169–170.

Окончательный текст – ЗС.

В дальнейшем стихотворение публиковалось в составе третьего тома. В *РЭ III*₁ имеется помета: "Город"; вычеркнуты 3-я и 4-я строфы и ст. 23, 26, сокращенный текст опубликован в *III*₂. В следующем издании (*II*₄) Блок возвратился к первоначальному тексту и ввел стихотворение в состав второго тома.

Написано в Ревеле, где Блок на маслянице (15–22 февраля 1908 г.) гостил у матери, готовя к печати сб. "Земля в снегу". В предисловии к сборнику, датированному мартом, поэт писал: "И снега, застилающие землю – перед весной. Пока же снег слепит очи и холод, сковывая душу, заграждает пути".

Поздним вечером ждала // У кисейного окна // Вплоть до раннего утра. // Нету милого – ушла. // Нету милого – одна. – Ср. в "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях" (1833) Пушкина:

И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
.....
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.

СНЕЖНАЯ МАСКА

Авторизованный текст: *T*₅, Л. 59 об. – 89, "29 дек(абря) 1906 г. – 13 января 1907 г.", рукой Л.Д. Блок.

Впервые: *СМ*. С. 1–80 (отдельное издание).

Публикации: *ЗС*. С. 141–188, "29 декабря 1906 г. – 13 января 1907 г."; *III*₁. С. 1–33; *III*₂. С. 165–206; *II*₄. С. 231–272; *II*₅. С. 173–203.

В *T*₅ Блоком произведено деление цикла на две части (первоначально такого деления не было), вписаны заглавия цикла ("Снежная маска"), частей ("1. Снега", "2. Маски" – заглавие второй части вписано красными чернилами), стихотворений (красными чернилами). Стихотворения пронумерованы цифрами "I–XXX"; нумерация, как в *T*₅, воспроизведена при публикации цикла в *III*₁; в остальных изданиях она отсутствует. На начальном листе цикла в *T*₅ (Л. 59 об.) – авторские записи: "лирическая поэма" (вписано карандашом под заглавием цикла) и "книжка вышла 8.IV.07" (запись коричневым карандашом на полях). В тексте *T*₅ имеется правка Блока, лексическая и пунктуационная (карандашом).

В записных книжках Блока сохранились: автограф стих. "На зов метелей" (*ЗК*₁₆. Л. 19 об. – 20), более поздняя запись (1908 г.) стих. "Снежное вино" (*ЗК*₂₁. Л. 13 об. – 14) и автограф посвящения к циклу (первоначальный вариант, *ЗК*₁₆. Л. 22 об.). Черновые автографы других стихотворений цикла, видимо, находились на уничтоженных Блоком в июне 1921 г. листах первой половины *ЗК*₁₆ (сохранившаяся часть *ЗК*₁₆ содержит записи за январь–август 1907 г.).

Авторизованный текст всего цикла представлен также в *НР*₂ *III*₁ и в *РЭ III*₁, где имеются правка и пометы Блока, впервые вписан ряд строк, соответствующих основному тексту.

В ЗС под последним стихотворением цикла поставлены крайние даты создания цикла: "29 декабря 1906 г. – 13 января 1907 г."; в остальных изданиях, кроме *И₅*, датировки отсутствуют. В *И₃* цикл опубликован без деления на две части (заглавия "Снега" и "Маски" отсутствуют) и без стих. "Насмешница" и "В снегах".

Вольная строфика ряда стихотворений цикла варьировалась; в отдельных источниках из-за переноса текста на следующую страницу его членение является неясным – инвариантным, что оговаривается в текстологических примечаниях к стихотворениям (при невариативной и упорядоченной строфике перенос как совпадает, так и не совпадает со строфическим делением).

В экземпляре *СМ* из библиотеки Блока (см.: *ББО-1*. С. 83) на обложке – владельческая помета Блока, фиксирующая дату получения им книги: "Александр Блок. 10.IV.07". В этом же экземпляре на листе с посвящением (текст его см. в разделе "Другие редакции и варианты") – более поздняя запись Н.Н. Волоховой: "Радостно принимаю эту необычайную книгу, радостно и со страхом – так много в ней красоты, пророчества, смерти. Жду подвига. Наталия. (I) 908 г. – 24/II".

Цикл Блока "Снежная Маска" (ниже – *СнМ* – в отличие от *СМ*, обозначающего издание цикла отдельной книгой) написан между 29 декабря 1906 г. и 13 января 1907 г. в Петербурге. Созданный "на одном дыхании" цикл в его окончательном виде был представлен уже в *Т₅*, и в дальнейшем его состав (за исключением публикации в *И₃*) не менялся. В этом смысле творческая история *СнМ*, по существу, уникальна для Блока (ср. истории формирования большинства циклов "лирической трилогии", а также определение Блоком в *Т₅* "Снежной Маски" как "лирической поэмы". Подобно ряду ранних произведений Блока, *СнМ* имеет отчетливый автобиографический подтекст. Как и цикл "Фаина" (1906–1908), драма "Песня Судьбы" (1908) и "Сказка о той, которая не поймет ее" (1907), *СнМ* навеяна обликом Натальи Николаевны Волоховой (урожд. Анцыферовой, 1878–1966), в названные годы – актрисы театра В.Ф. Коммиссаржевской в Петербурге.

Знакомство Блока с Волоховой относится, скорее всего, к октябрю 1906 г.: с 7 октября этого года при театре Коммиссаржевской стали устраиваться посещавшиеся А.А. и Л.Д. Блоками субботние собрания ("субботники"), одной из целей которых было сближение артистов театра и современных писателей. В декабре 1906 г. Блок особенно часто бывает в театре, присутствуя на спектаклях ("Сестры Беатрисы" М. Метерлинка и др.), а также на репетициях (10–28 декабря 1906 г.) и премьере (30 декабря) драмы "Балаганчик", где Волохова исполняла женскую роль в "третьей паре влюбленных" (см.: *СС-84*. С. 568).

М.А. Бекетова пишет о Н.Н. Волоховой: "Кто видел ее тогда, в пору его (А. Блока. – *Ред.*) увлечения, тот знает, как она была дивно обаятельна. Высокий тонкий стан, бледное лицо, тонкие черты, черные волосы и глаза (...) черные, широко открытые (...). И еще поразительна была улыбка, сверкавшая белизной зубов, какая-то торжествующая, победоносная улыбка" (*Бекетова I₂* С. 106).

В.П. Веригина, актриса театра Коммиссаржевской, подчеркивает духовную самобытность Волоховой: "Ее красота, индивидуальность там уже (в Московском Художественном театре, где Волохова училась. – *Ред.*) были оценены по достоинству. Прекрасное лицо. Обаяние, чарующий голос, прекрасный русский говор, интересный ум – все, вместе взятое, делало ее бесконечно обаятельной. Волохова сама была индивидуальностью настолько сильной, что она могла спорить с Блоком" (*Воспоминания, I*. С. 434). Высоко ценила Н.Н. Волохову и Л.Д. Блок. В. Веригина пишет: «Разумеется, увлечение поэта не могло оставаться тайной для его жены, но отнеслась она к этому необычно (...). Стихи о "Незнакомке" предрекли "Прекрасной Даме"

появление соперницы, но, несмотря на естественную в данном случае ревность, она отдавала должное красоте и значительности Волоховой» (*Там же*. С. 415–416). Л.Д. Блок и Н.Н. Волохова находились в 1907–1908 гг. в приятельских отношениях. По свидетельству И. фон Гюнтера, переводчика Блока на немецкий язык, посетившего Блоков в период создания *СнМ*, Н.Н. Волохова до его приезда в Петербург неделю гостила у Блоков в их квартире на Лахтинской улице. По его же словам, стихотворения Блока, посвященные Волоховой, Л.Д. Блок оценивала весьма объективно.

В плане отношения Л.Д. Блок к творчеству поэта периода *СнМ* показательно, что текст в *T₅* был переписан именно рукой его жены, а затем авторизован самим Блоком.

Отношения Блока и Волоховой складывались мучительно. У В.П. Веригиной читаем: "Чувство Волоховой было в высшей степени интеллектуальным, собственно – романтика встречи заменяла чувство (...). Она только что рассталась со своей большой живой любовью (...). Наталия Николаевна бесконечно ценила Блока как поэта и личность, любила в нем мудрого друга и исключительно обаятельного человека, но при всем этом не могла любить его обычной женской любовью" (*Воспоминания*, I. С. 434).

Блок (как и в эпоху "Стихов о Прекрасной Даме") также не мог воспринимать свои чувства как "только любовь": они были для него проявлением общего мироощущения конца 1906 – нач. 1907 гг. Не случайно образ "снежной возлюбленной" возник в лирике Блока до встречи с Волоховой (ср. "Там, в ночной завывающей службе..." – август 1905, и др.). "Отвлеченность" блоковского чувства ощущала и Л.Д. Блок: по словам В.П. Веригиной, Л.Д. Блок "почувствовала, что он любит в Волоховой свою музу данного периода" (*Там же*. С. 416). Н.Н. Волохова также говорила, "что иногда она не верит в подлинные страдания Блока: может быть, это только литература" (*Там же*. С. 436). Особенно заметным стало "мифологизирование" Блоком отношений с Волоховой после того, как его живое чувство было отвергнуто, то есть именно в дни создания *СнМ*. «"Снежная маска", – пишет В.П. Веригина, – вылилась из первого смятения от неожиданного отношения женщины. Блок говорил: "Так со мной никто не обращался". Все же он облекся в форму красивую – не отвергнутого любовника, а рыцаря (...) начинается любовь снежная (...). Блок (...) как бы преобразился, но теперь он и Н.Н. Волохову обрек на снежность, на вневременность, на отчуждение от всего жизненного. Он рвал всякую связь ее с людьми и землей, говорил, что она "явилась", а не просто родилась как все (...). "Вы звезда, ваше имя Мария", – говорил он. ("Звезда Мария" – одно из наименований главной героини драмы Блока "Незнакомка" – *Ред.*). Отсюда происходил их спор. Она с болью настаивала на своем праве существовать живой и жить жизнью живой женщины, не обремененной миссией оторванности от мира (...) – и случилось так, что он в конце концов отошел» (*Там же*. С. 435–436; разрыв отношений Блока и Волоховой относится к марту 1908 г.; см.: *Орлов Вл. Гамаюн. Жизнь Александра Блока*. 1978. С. 319–320).

В *СнМ* отразились сложные перипетии этих отношений и связанные с ними события конца 1906 – нач. 1907 гг.: общий стиль жизни поэта (ср. в письме З.Н. Гиппиус А. Белому от 14 марта 1907 г.: "Блок (...) ложится в 5 утра, а встает в 3 дня, все время в театре". – *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 272), впечатления от репетиций и постановки "Балаганчика", катания в санях с актрисами театра Коммиссаржевской, "вечер бумажных дам" – импровизированный маскарад после премьеры "Балаганчика", субботние встречи на квартире В. Ивановой, ночные блуждания по зимнему Петербургу и т.д. (см. воспоминания В.П. Веригиной. – *Там же*. С. 437–440,

а также: *Волохова Н.Н.* Земля в снегу // 104. Тр. по русск. и слав. филологии. IV. С. 371–378 (*УЗ ТГУ. Вып. 104*). О биографическом подтексте цикла см.: *Максимов Д.Е.* О воспоминаниях В.П. Веригиной и Н.Н. Волоховой (*Там же*).

Но не в меньшей мере содержание *СнМ* определено характерным для Блока чувством связи его интимной биографии с происходящим в России. В *СнМ* видны и ощущение надвигающейся реакции (рождается символика "страшного мира": ночь, тьма, холод и т.д.), и настроения, навеянные первой русской революцией. В позднейших (24 февраля 1911 г.) заметках Блока к поэме "Возмездие" читаем: «герой поэмы – Сын (образ этот автобиографичен) в годы революции "попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова "революция", "мятеж", "анархия", "безумие" (...). Каждый "безумствовал", каждый хотел разрушить семью, домашний очаг – свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в (...) неопределенно бурное мирозерцание» (*СС-83*, С. 460). "Общество", упоминаемое Блоком, – одновременно и знаменитые "Среды" Вяч. Иванова, и театральные "субботники"; "неопределенно-бурное мирозерцание" – ближайшим образом "мистический анархизм", в формах которого у ряда символистов осуществлялось принятие революции). Нераздельность символики интимных страстей ("разрушение домашнего очага") и гибели старого мира навеяны как непосредственным переживанием революционных событий, так и их интерпретацией в духе "дионисизма" Вяч. Иванова (см.: *Мицц З.Г.* А. Блок и В. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции // *Единство и изменчивость историко-литературного процесса*. Тр. по русск. и слав. филологии. Литературоведение. Тарту, 1982, (*УЗ ТГУ. Вып. 604*)).

В статьях Вяч. Иванова 1904–1905 гг. развиваются существенно видоизмененные идеи книги Ф. Ницше "Рождение трагедии из духа музыки" (1872) о двух началах мира: "аполлоническом" (гармоническом, рациональном, "дневном", индивидуальном, созидательном) и "дионисическом" (хаотическом, иррационально-экстатическом, "ночном", стихийно-массовом, разрушительном). В отличие от Ницше, Вяч. Иванов сливает свою позицию с настроениями стихийной массы, с ее "правым безумием". В "солнечном цикле" Вяч. Иванова создается поэтический миф о "сгорающем царе", отвечающий на вопрос о месте личности в революции: яркая, прекрасная, гармоническая личность добровольно гибнет, "сгорает", чтобы слиться с общенародно-"соборным" и космическим миром "Целого".

Первые записи Блока, предваряющие работу над циклом, содержат размышления о "дионисийском" мирозерцании. 21 декабря 1906 г. Блок пишет о тяжести своего человеческого и художественного "преображения" – окончательного отхода от настроений "первого тома" лирики и рождения нового мироощущения: "Со мною бывает часто, все чаще физическое томление. Вероятно, то же у беременных женщин: проклятие за ношение плода; мне проклятие за перерождение. Нельзя даром призывать Диониса – в этом все призывание Вакха по словам самого Вячеслава Иванова. Если не преобразуюсь, умру так в томлении" (*ЗК. С. 84*). Другая запись того же дня указывает на поэтически осознанную устремленность Блока к созданию "дионисийской" лирики: «Стихами своими я недоволен с весны: последнее было – "*Незнакомка*" и "*Ночная фиалка*". Потом (...) две драмы, в которых я сказал, что было надо, а стихи уж писал так себе, полунужные. Растягивал. В рифмы бросался. Но может быть скоро придет этот новый свежий мой цикл. И Александр Блок – к Дионису» (*ЗК. С. 85–86*; последняя фраза окрашена иронией, но рассуждение в целом безусловно серьезно). Где-то в конце декабря Блок, под впечатлением идей В. Иванова, конспектирует русский перевод "Происхождения трагедии" Ф. Ницше (*ЗК. С. 78–84*). Главное в конспекте – противопоставление Аполлона и Диониса (см.: *Паперный В.* Блок и Ницше // *Типология русской литературы и проблема русско-*

эстонских литературных связей. Тр. по русск. и слав. филологии. Литературоведение. XXXI. Тарту, 1979. (УЗ ТГУ. Вып. 491)). Конспект Ницше завершается словами о невозможности творчества вне "дионисизма": "Так как ты покинул Диониса, то и тебя тоже покинул Аполлон" (ЗК. С. 84).

В дни создания *СнМ* Блок особенно близок к Иванову и его жене Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Ср. надпись Блока от 17 декабря 1906 г. на только что вышедшей книге "Нечаянная радость": "Вячеславу Ивановичу Иванову и Лидии Дмитриевне Зиновьевой-Аннибал любимым, близким и нужным, открывшим мне путь снежный и радостный" (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 71. – Курсив ред.). Л.Д. Зиновьев-Аннибал пишет дочери 21 января 1907 г. (т.е. через 8 дней после завершения *СнМ*): "Блок сдружился с нами необыкновенно" (Там же. С. 269). Ивановы приходят к Блоку на первое чтение цикла 12 января 1907 г. – за день до его полного завершения (Там же. С. 268), и Вяч. Иванов высказывает свое (весьма положительное) мнение о *СнМ*; в цитированном письме от 21 января 1907 г. Зиновьева-Аннибал сообщает о визите к ним Блоков (здесь состоялось еще одно чтение цикла – см.: Там же. С. 269; видимо, с этим чтением связано несколько замечаний Вяч. Иванова о стилистических погрешностях в *СнМ* – см.: ЗК. С. 92) и о том, что книга Блока уже набирается в петербургском издательстве Иванова "Оры". Вяч. Иванов сам следил за набором *СМ* (см.: ЛН. Т. 85. С. 496). Он же был и первым критиком, чрезвычайно высоко оценившим третью книгу стихов Ал. Блока.

В *СМ* заметно отразились идейно-творческие связи с Вяч. Ивановым (тема иррациональной, предельно напряженной страсти, радостной и губительной, ориентация на "дионисийскую" стихию музыки, экстаза; сюжет, завершающийся с г о р а н и е м героя "на снежном костре"). Однако место античной символики у Блока, за редким исключением, занимают образы "северного", национально окрашенного "дионисизма". Ср. план драмы "Дионис Гиперборейский" (т.е. северный), который Блок составляет в первые дни работы над *СнМ* (ЗК. С. 87–91), а также позднейший отклик Вяч. Иванова на "гиперборейский дионисизм" Блока: "Ты повернул к родимым вьюгам // Гиперборейских лебедей" (Иванов Вяч. Нежная тайна. М.; Пб.: ЛЕПТА, 1912. С. 11).

Основным источником образности *СнМ* стала поэтому архаическая славянская (в основном – русская) народная демонология, интерес к которой у Блока возник еще в 1902 г., на спаде мистических настроений "Стихов о Прекрасной Даме", отразившись в лирике "Распутий" (см. т. I наст. изд.) и особенно в "Нечаянной Радости". Об источниках знаний Блока в области языческих верований и народных демонологических представлений см. с. 555–556 наст. тома. О других исследованиях по фольклору и древнерусской литературе, привлекавших внимание Блока в 1905–06 гг., см. письмо Блока к Т.Н. Гиппиус от 24 октября 1905 г., а также: Кумпан К.А. Заметки об источниках "Поэзии заговоров и заклинаний" (БС-5). Отзвуки этих чтений заметны и в *СМ* (см.: Махлин В. Истоки образного построения "Снежной маски" А. Блока // Простор, 1980, № 11; Мицн З.Г., Юлова А.П. Из комментария к циклу Блока "Снежная маска" // Типология литературных взаимодействий. Тр. по русск. и слав. филологии. Литературоведение. Тарту, 1983, (УЗ ТГУ. Вып. 620)).

В *СнМ* отразились и иные литературные воздействия, как характерные уже для раннего творчества Блока (Евангелие и Апокалипсис – теперь богоборчески переосмысленные; символика музыкальных драм Вагнера – см.: Магомедова Д.М. Блок и Вагнер. // Zbornik Radova Instituta za strane jezike i knjizevnosti. Novi Sad, 1984, Sv. 6., так и ставшие актуальными в период *НР* ("Ад" Данте) или даже прямо в дни

создания цикла. Так, в конце декабря 1906 г. Блок перечитывает сказки Андерсена (по изд.: *Андерсен Х.К. Собр. соч.*: В 4 т. / Пер. с датского А. и П. Ганзен. СПб., 1894–95; книги имелись в библиотеке Блока; *ББО-1*. С. 9), думает о них (см.: *ЭК*. С. 91, а также письмо матери от начала января 1907 г. – *СС-88*. С. 173). Сказки "Снежная королева" и "Дева льдов" сформировали основную сюжетную линию *СнМ*, тоже боготорческо переосмысленную. Отразились в *СнМ* и впечатления от драмы М. Метерлинка "Сестра Беатриса", шедшей в конце 1906 г. в театре В.Ф. Комиссаржевской, а также (в связи с комментированием Блоком в нач. 1907 г. стихотворений Пушкина для Собрания сочинений под ред. С.А. Венгерова) – образы пушкинской лирики (см.: *Мицц З.Г.*. Блок и Пушкин // Труды по русск. и слав. филологии. Литературоведение. Тарту 1973. (УЗ ТГУ. Вып. 306)).

Для понимания *СнМ* первостепенно важно соотношение ее с предшествующим творчеством Блока. Поэзию 1904–1906 гг., впоследствии представленную вторым томом лирики, Блок характеризует позже как "антитезу" его творческой эволюции – "болотистый лес", "необходимый" на пути "от мгновения слишком яркого света" ("Стихи о Прекрасной Даме") "к отчаянию и – рождению человека общественного" (т.е. к творчеству 1910-х годов; см. письмо Андрею Белому от 6 июня 1911 г.). "Высокой мистике" "Стихов о Прекрасной Даме" в *СнМ* противостоит "низший" демонологический фольклор, идеалу "Истины, Добра и Красоты" – пафос зла, прекрасного и в его гибельности; гармонии и созиданию – "бунт", хаос разрушения, "свету" – "ночь", "тьма", "весне" – "зима", "вьюги" и т.д. На деструктивный характер цикла Блок сам указывал в послеоктябрьские годы: «Если рассматривать мое творчество, как спираль, то "Двенадцать" будут на верхнем витке, соответствующем нижнему витку, где "Снежная маска"» (*Павлович Н.А.* Воспоминания об Александре Блоке // *БС-1*. С. 487). Впрочем, Блок ощущал и связь стихийности *СнМ* и "Двенадцати": "В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907" (Записка о "Двенадцати").

Однако разрушение системы символов, идущей от "Стихов по прекрасной Даме", не привело в *СнМ* к уничтожению символической многопланности. "Вьюжные страсти" *СнМ* могут быть поняты и как интимная лирика, и как зимние пейзажи Петербурга, и как "дионисизм" космической гибели и возрождения, и как отражение "бунтарских" настроений Блока революционных лет, и как утверждение права на новые пути в искусстве, и как поэтическое познание России, и во множестве других значений. Наиболее полно отразив отход Блока от "высокой мистики" его раннего творчества, *СнМ* не только развивала тенденции лирических драм "Балаганчик" и "Незнакомка" (1906), сборника "Нечаянная Радость" (1907), но и противопоставила скепсису и ироническому субъективизму этих произведений мир космически внеличностный и национально ориентированный.

СМ вызвала значительное число критических откликов. Правда, А. Измайлов (*Неблагодарный читатель*. Литература в 1907 году // Слово, 1908. № 343, 1 янв.) утверждал: «Книга Блока "Нечаянная Радость" имела успех. "Снежная Маска" прошла малозамеченною», – однако более справедливыми кажутся слова этого же популярного критика в статье, вышедшей всего на 3 дня позже (*Измайлов А.* Литература за 1907 год // *РС*. 1908. № 3, 4 янв.), об "успехе", встретившем и *НР*, и *СМ*. Первыми были отзывы, опередившие выход книги восходящие к Вяч. Иванову и его кругу. Здесь господствует восприятие *СМ* как "дионисийского" произведения. 13 января 1907 г. (в день создания последнего стихотворения цикла) близкий к символизму прозаик А.А. Кондратьев писал С.А. Соколову о чтении *СнМ* на квартире Блока: «Прочитано было два цикла стихотворений хозяина ("Снежные маски" (так! – *Ред.*)).

Вяч. Иванов сказал по поводу их, что в них есть что-то Дионисианское» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 268. Ср. в письме Блока матери от 13 января "Я прочел все стихи (...) и имел успех"). К следующему чтению относятся слова в письме Зиновьевой-Аннибал дочери от 21 января 1907 г.: "Был Блок с женой (...). Блок читал цикл дивных стихов, после которых мне страстно хотелось услышать *allegretto* 7-ой симфонии (Бетховена. – *Ред.*), оно одно было бы достойно музыки трагических и проникновенных слов этого большого поэта. Вячеслав признал его первым лириком по силе и дионисизму" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 269). В феврале 1907 г. Вяч. Иванов писал В. Брюсову: «Литературное событие дня – "Снежная Маска" А. Блока (). Это два цикла стихов ("Снега" и "Маска") (...). Я придаю им величайшее значение. По-видимому, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. Блок раскрывается здесь впервые вполне и притом по-новому, как поэт истинно дионисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний. Звук, ритмика и ассонансы пленительны. Упоительное, хмелевое движение. Хмель метели, нега Гафиза в снежном кружении, сладострастие вихревой влюбленной гибели. – Дивная тоска и дивная певучая сила!» (*ЛН*. Т. 85. С. 496–497).

Высокая оценка цикла Вяч. Ивановым оставалась неизменной: 23 марта 1907 г. С. Городецкий, сообщая Блоку о выходе *СМ* (в действительности задержавшейся еще на полмесяца), иронически добавляет: "Вячеслав (Иванов. – *Ред.*) говорит, что ты ах как прекрасен" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 33). Далекий от "дионисизма" М. Кузмин тоже высоко оценил в своем дневнике услышанные у Ивановых 20 марта 1907 г. "стихи очень хорошие Блока" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 156). Впрочем, писатели, чуждые "мистическому анархизму", чаще всего не принимали и "дионисизм" *СМ*. А.А. Кондратьев, получив от Блока экземпляр его новой книжки, писал в апреле 1907 г. Б.В. Беру о своих первых впечатлениях от цикла: "Судя по тому, что помню из слышанного, больно уж неудобопонятно" (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 277). Даже один из самых тонких ценителей поэзии, Инн. Анненский, жаловался Блоку в письме от 18 июня 1907 г. на трудности восприятия *СМ*: «"Снежную Маску" прочитал и еще раз прочитал. Есть чудные строки, строфы и пьесы. Иных еще не разгадал, и разгадаю ли, то есть смогу ли понять возможность пережить? Непокорная ритмичность от меня ускользает. Пробую читать, вспоминая Ваше чтение, и опускаю книгу на колени...» (*Максимов Д.Е.* О мемуарах В.П. Веригиной и Н.Н. Волоховой // *Тр. по русск. и слав. филологии*. 3. Тарту, 1961. С. 306 (*УЗ ТГУ*. Вып. 104)).

Печатные отзывы о книге отразили уже утвердившееся в литературном сознании эпохи признание Блока как высокоталантливого и самобытного русского поэта. Правда, уже упоминавшийся А.А. Измайлов в рецензии на сборник А. Блока "Земля в снегу" (1908) писал о *СМ*: "Это наиболее слабая часть книги. Образы бури и снега владеют автором, а не он ими (...). Отдельные красивые эпитеты и сравнения теряются в стихах звонких, но мало горящих уму тех, кто привык требовать и от поэзии логики" (*Аякс [Измайлов А.А.]*. В литературном мире // *БВ*. 1908. № 10697. 9 сент., веч. вып.). Резко отрицательна оценка *СМ* и в анонимной антисимволистской рецензии ((*Б.л.*). Александр Блок. Снежная Маска (рец.). // *Беседа*. 1907. № 7. С. 62–64), где, в духе уничтожающих отзывов на "Стихи о Прекрасной Даме", цикл понимается как "набор слов". Впрочем, даже в этой рецензии читаем: "Иногда имя автора принуждает прочитать его книгу. Именем Александра Блока клянутся юные поэты в Петербурге. А может быть и провинциальные поэты в восторге от его музыки" (С. 62).

Однако отрицательные, а тем более – иронически-пренебрежительные отклики на выход книги единичны. В подавляющем большинстве рецензий говорится о возросшем мастерстве Блока-поэта (ср.: *Гофман М.* Александр Блок. "Снежная Маска" (рец.) // *Перевал*. 1907. № 5. С. 50–51 и др.). Б. Грифцов (Об Александре Блоке, искренности и

декадентстве // Литературно-художественная неделя. 1907. 24 сент.) пишет: "Такие книги создают эпоху в литературе", считая *СМ* «более интересной и глубокой, чем даже "Нечаянная Радость"». Тем не менее истолкования *СМ* были весьма противоречивыми. Это относится как к различию позиций символистской и внесимволистской критики, так и к интерпретациям Блока символистами. В разнообразии символистских оценок *СМ* выявилось, в частности, заметное усиление в 1907 и последующих годах разногласий и полемик по поводу "мистического анархизма" и "дионисизма".

Еще в рецензии на *НР* Брюсов намечил как перспективу творческой эволюции Блока путь его от лирики к эпосу. М. Гофман, близкий в 1906–07 гг. к Вяч. Иванову, в отличие от Брюсова, настойчиво подчеркивает лирическую стихию *СМ*. Он пишет, что "Снежная Маска" – книга, "не только не уступающая по своей необычайной ритмической лиричности "Нечаянной Радости", но и превосходящая ее". И дальше: «Стих Блока в "Снежной Маске" достигает иногда удивительного музыкального совершенства, которое магическим образом действует на читателя, заставляя его подчиняться себе» (*Гофман М. Указ. соч.*). Но в статье есть и другая мысль, чуждая Иванову и родственная Брюсову. М. Гофман, одним из первых обративший внимание на эволюцию блоковского творчества, указывает на этапный и переходный характер *СМ*. Ранний Блок, "мистический романтик", стремился "к реализации Неба на земле, но это ему никогда не удавалось" (*Там же*). После "Балаганчика" и "Незнакомки" (1906) "Блок уже не верит вовсе в землю, в жизнь и приветствует избавление от жизни (...). И спутницей его в третьем сборнике стихов "Снежная Маска" является Смерть» (*Там же*). Однако, как и все символисты (особенно – из круга Вяч. Иванова), М. Гофман считает смерть в цикле лишь преддверием грядущего воскресения: "Снега А. Блока искрятся, горят и он восходит на снежный костер. Этот крик Смерти, мучительный и ужасный". Он "и есть тот голгофский крик, после которого следует воскресение (*разрядка ред.*)" (*Там же*). Эта мысль переносится и на общее понимание роли цикла в эволюции Блока: о *СМ* "можно говорить как о последнем этапе того пути, которым до сих пор шел Блок и можно утверждать, что (...) этот период творчества Блока закончился "Снежной Маской" (*Там же*).

Андрей Белый, резко отрицавший "дионисизм" и враждебно относившийся в 1907 г. к Блоку (см.: *Орлов В.Н. История одной "дружбы-вражды" // Он же. Пути и судьбы. М.; Л., 1963. С. 490–527*), оставил краткий, но едко иронический отзыв о *СМ*, отказав книге и ее автору в искренности "дионисийских" страстей: "Многие из них (современных писателей. – *Ред.*) совершают триумфальное шествие по жизни – может быть в колеснице, везомые на костер? (см. стих. "На снежном костре" и коммент. – *Ред.*). О, нет: просто в удобных тележках" (*Борис Бугаев [Андрей Белый]. На перевале. VIII. Синематограф // Весы. 1907. № 7. С. 52*). Итоговым для этой полемики о "лиризме" *СМ* и ее экстагическом пафосе можно считать (по времени создания – один из ранних) отзыв В. Брюсова (Новые сборники стихов. // *Весы. 1907. № 5*). Не впадая, в отличие от Белого, в "обличительный" тон, Брюсов предлагает прочтение *СМ* как поэмы о роковой любви "Рыцаря-Поэта к Женщине в снежной маске", завершающейся гибелью лирического героя: «История этой "гибели" и рассказана в тридцати стихотворениях "Снежной Маски", где рядом с нежными мелодиями, в которых Блок такой несравненный мастер, стоят и попытки передать мятущиеся чувства – стихом неправильным, разорванными размерами, неверными рифмами» (С. 66–67). Но Брюсов (как и Белый) не считает "дионисизм" ("мятущиеся чувства") сущностью *СМ*: отмечая, что в цикле последнее стихотворение озаглавлено "На снежном костре", критик

заключает: «И нам кажется, что именно снежность, вечная холодность, составляет самое существо А. Блока, и что огненные вихри его переживаний подымаются только с ледяных полей его души. Вот почему "Снежная маска", очаровывая прелестью строф, не ужасает, и мы спокойно верим, что с своего "снежного" костра наш поэт невредимо восстанет для новых песен» (С. 67). Отказывая Блоку в непосредственности "дионисийски"-экстатических переживаний, Брюсов (как и М. Гофман) предчувствует близость новых поворотов блоковского творчества.

В несколько иной плоскости спор об общем идейно-эмоциональном пафосе *СМ* был продолжен внесимволистской критикой. Для всех критиков, далеких от символизма, от понимания смерти как пути к возрождению, *СМ* – отчаянный крик гибели. Арк. Бухов, один из первых современников Блока, резко противопоставивший его всем остальным русским символистам и назвавший его "поэтом страдальческой мысли" (*Бухов Арк. Критические штрихи. Казань, 1909*), полемизирует с Брюсовым, утверждая, что "основной мотив" *СМ* – "неизбывное горе человека" (С. 23): «Мне кажется, что г. Брюсов ошибается. Неужели можно из-за страдальческих криков уловить полные звуки в этой ленте бесконечной тоски, каковой представляется поэзия Блока? Неужели к р а с о ч н ы его образы, н а р о ч н о подернутые "живым туманом отчаяния"?» (С. 27). Арк. Бухов, не видя в *СМ* "светлого горя", внутренней сложности темы, единства мотивов смерти и возрождения и т.д., а также не замечая богоборческого пафоса цикла, рассматривает *СМ* только как "аккорд больного духа современности" (С. 30) и протест против действительности, сближая творчество Блока с поэзией страдания и "христианскими" настроениями жертвенной гибели (среди символистов "только Блок идет к Христу, привлекающему его светлым ореолом своих страданий". – С. 16).

Иначе осмысляет "пессимизм" Блока и настроения отчаяния в *СМ* демократический критик из "Вестника знания" Б. Бразоленко [Б.Л. Бразоль] (*У кастальского ключа // Вестник знания. 1908. № 7–8*). В отличие от Арк. Бухова и в духе демократической прессы эпохи столыпинской реакции, Бразоль борется с декадентским пессимизмом, который он видит и в *СМ*. По его мнению, пессимизм Блока ("Мысли разорваны, грезы развеяны, смятение царит в душе поэта. Темно кругом...". – С. 1024) порождает его агностицизм ("потому жизнь и кажется нам каким-то таинственным вопросительным знаком". – *Там же*), в котором "сомнение несомненно граничит с отчаянием" (*Там же. С. 1025*). Критик "Вестника знания" считает отчаяние и "болезненную нервозность" (*Там же*) характерной чертой всех представителей "новой поэзии". Резко протестует против "пессимизма" *СМ* и рецензент газеты "Русское слово" (*Н.К. [Л.Н. Соколовский]. Писатели и жизнь // РС. 1907. № 284. 11(24) декабря*).

Другой характерный "упрек" автору *СМ* относится к "пассивности" его позиции. Р. [Русов Н.Н.] пишет: "Поэзия и душа А. Блока развеялась, расплылась в вихре метели и кружится почти без очертаний, без упругости. Она не переживает ни одного сильного чувства, как месть, гордость или обида, ни одного реального ощущения (...). А. Блок покорно отдается во власть той незнакомой, царицы метелей, которая безвозвратно закутила его душу". Он не может "сам стать владыкой, покорить снежный город и бесстрашно снять с Незнакомой маску, чтобы заглянуть прямо в глаза" (*Русов Н.Н. Поэзия А. Блока // Вечерняя заря. 1907. № 265. 9 июля*). Этот протест близкого к символизму публициста против безвольной самоотдачи "бурям рока" отчасти связан с критикой "мистического анархизма", отчасти же – с призывом к социальной активности. Не случайно в другой статье этого же автора (*Русов Ник. Россия // Час. 1907. № 64. 7 дек.*), а позже – в его книге "О нищем, безумном и

боговдохновенном искусстве" (М.: Образование, 1910. С. 1) "Снежная маска" – символ загадочной России эпохи реакции.

Пожалуй, наиболее пристальное внимание критиков самых разных направлений привлекло своеобразие поэтического строя *СМ*. Большинство авторов рецензий и статей отмечает текучесть, неопределенность значений потока образов. Эта "загадочность" цикла, независимо от того, близка ли она мирозерцанию и вкусу критиков или чужда и даже враждебна им, воспринимается теперь не как "неудача" поэта, а как особенность его поэтического видения мира. Уже в первых по времени рецензиях А. Измайлова говорится об импрессионизме *СМ*: "Молодой поэт грешит такими крайностями импрессионизма, крайности эти выражаются иногда в форме таких нелепых и смешных уродливостей, что это портит огромную часть стихов Блока" (*Неблагодарный читатель [Измайлов А.]*. Литература в 1907 году // Слово. 1908. № 343. 1 янв.), "Успех встретил из молодых поэтов талантливого, но в высшей степени неровного и моментами перехватывающего за крайние грани импрессионизма А. Блока" (*Измайлов А.* Литература за 1907 год // РС. 1908. № 3. 4 янв.).

К. Чуковский уточняет характеристику видения мира в *СМ* как крайнюю неиндивидуализированность образов – прежде всего образа главной героини: «Из новой книжки г. Блока "Снежная маска" мы узнаем, что стан "Знакомки" окружен "живым мраком", что она "предзакатная", что у нее "цветущие глаза" и "крылатый взор", – но нам всего этого мало, нам нужна индивидуальность. Мы не потерпим пантеистического отражения Жены, облеченной в Солнце (апокалиптический образ, в "Стихах о Прекрасной Даме" сближенный с Вечной Женственностью. – *Ред.*), и в этой женщине, и в другой, и в третьей (...). Но Блок – сомнамбула, поэт сонных видений (по слову М. Волошина), лунатик, – откуда у него сила любить одно, отчетливое, определенное лицо, когда каждое мелькнувшее пред ним на Невском видение и есть для него "фокус всего"» (*Чуковский К.* От Чехова до наших дней. 2-е изд., доп. СПб., 1908. С. 45). Чуковский при этом тонко замечает, что импрессионистическая расплывчатость образа – особенность именно *НР* и *СМ*: в "Стихах о Прекрасной Даме" видение мира значительно четче: «И вот что замечательно. Когда поэт (...) только предчувствовал "единственный образчик абсолютного", – он знал и осязал его конкретнее, ближе, отчетливее, чем теперь, когда он стал с ним лицо к лицу» (*Там же.* С. 46).

Наконец, близкий к символистским исканиям Н.Н. Русов (О нищем, безумном и боговдохновенном искусстве. М., Образование, 1910) воспринимает иррационально-экстатические "дионисийские" образы хаотического мира в *СМ* и ее импрессионизм как нерасторжимо слитые особенности цикла: «Нельзя формулировать впечатления от "Снежной Маски". Но уже в расстроенной форме самого стиха (...), где почти нет никаких метров и стоп (ошибка критика: большинство стихотворений *СМ* написано традиционным для 2-й половины XVIII и XIX вв. силлабо-тоническим стихом. – *Ред.*), какой-нибудь внешней стройности, чувствуется чрезвычайная интимность признаний поэта, до каких-то совсем мимолетных, текучих переживаний, которые он, обезволенный "женщиной с крылатыми глазами", так бесвязно и выражает. Пассивность его творчества сознается ясно (...). Нельзя (...) передать сокровенных постижений, которые скрываются за снежной маской: нужно отдаться влекущему взору Незнакомой и вместе с ней, заколдованному, закружиться в вихре метелей» (С. 36).

Несколько особняком в ряду откликов на *СМ* стоит статья Г. Чулкова "Снежная дева" (*Б. Кремнев [Чулков Г.]*. Снежная дева// ЗР. 1908. № 10; перепеч. в кн.: Чулков Г. Покрывало Изиды. Критические очерки. М.: Золотое Руно, 1910). Правда, рассматривая вопрос о месте *СМ* в эволюции Блока, Г. Чулков включается в острые

внутрисимволистские споры. Полемизируя с рецензией Андрея Белого на *НР*, Чулков (как и М. Гофман и В. Брюсов) считает *СМ* новым важным шагом в творческом пути Блока и не "изменой", а продолжением его основных устремлений: "Прекрасная Дама, Незнакомка и Снежная Дева – это все образы единой сущности. И забвение прошлого, забвение прошлой иной любви не есть измена. Но то, что забыто, забыто неовозвратно.

Так надо (...). Так суждено ему испить чашу метелей, изведать зимнюю бурю" (Чулков. С.85). "Недавние литературные друзья поэта (Андрей Белый и С. Соловьев. – *Ред.*) оплакивают его измену Прекрасной Даме (измену ли?); но я думаю, что нежная и тихая лирика первой любви поэта не испепелилась в новых его книгах" (*Там же*. С. 86). Видя опасности, подстерегающие лирику субъективных переживаний, Чулков верит в выход Блока "к жизни": «Высокий и опасный скептицизм увел поэта от алтаря на улицу (...). Снежная буря была для поэта "вторым крещением" (...). Поэт – на распутье. Или ему суждено заблудиться в снежных астральных снах, тогда, выражаясь языком теоретической эстетики, ему не выйти из круга и де а л и с т и ч е с к о г о символизма (субъективистского "нового искусства", в терминологии Вяч. Иванова. – *Ред.*), – вечно он будет склоняться то в сторону иллюзионизма, то в сторону грубого позитивизма, – или Бог посетит его сердце и дано будет поэту знание р е а л ь н о г о (в той же терминологии – мира высших мистических сущностей. – *Ред.*). И путь к этому один – чрез оправдание земли и сораспятие с миром» (*Там же*. С. 87).

Перефразируя "Вместо предисловия" Блока к *ЗС*, Чулков утверждает, что путь лирического героя *СМ* ведет к России: "Пусть развеется метель и на родных просторах увидит он преображенное лицо. Это – Русь" (*Там же*).

Однако в начале своей статьи Чулков затрагивает не привлекавшую еще критиков и важную для понимания *СМ* проблему ее генезиса, называя в этой связи сказки Андерсена: "И великий сказочник Андерсен научил многому и много тайн открыл лирику. Признания поэта в новой его книге "Земля в снегу" иногда странно созвучны с фантастикой Андерсена. Из-под маски "Снежной Девы", воспетой Александром Блоком, неожиданно глядят на нас то холодные глаза андерсеновской "Девы льдов", овладевшей Руди, то глаза "Снежной королевы", похитившей мальчика Кая" (*Там же*. С. 82). Далее приводятся убедительные параллели сюжета *СМ* и названных сказок Андерсена. Более того: Г. Чулков одним из первых отметил кардинальную важность для Блока 1906–1907 гг. "северной темы", обусловившей символику *НР* и *СМ* и тесно связанной с поэзией Лермонтова, Фета, Некрасова и, в первую очередь, как считает критик, Вл. Соловьева: «Но, конечно, роковой встречей для Александра Блока была только одна: это – встреча с Вл. Соловьевым "в стране морозных вьюг" (...), где увидели поэты "Непорочную" и "Многодумную" владычицу сосен и скал» (*Там же*. С. 86) – "Вечную Женственность" в ее особом – "северном", т.е. национально-русском облике (о "северной теме" у Блока 1906–1907 гг. см.: *Ряудар М.Н.* Север и Скандинавия в лирике А. Блока // Скандинавский сборник. XXVII. Таллин, 1982. С. 188–194).

Если отклики на *СМ* в критике второй половины 1900-х годов отражали первоначальное впечатление от "поэмы" (1907) или от цикла в сборнике *ЗС* (1908), то в 1910-х годах они связаны обычно с общими статьями о лирике Блока или с попыткой выявить традиции *СМ* в его позднейшем творчестве. Так построена оказавшаяся важной для Блока статья Р. Иванова-Разумника "Литература и общественность. "Роза и Крест" (Поэзия Александра Блока)" (Заветы. 1913. № 10). Критик общедемократического направления (в 1910-х годах близкий к эсерам) и одновременно –

символист, борющийся с "декадентским субъективизмом", Иванов-Разумник высоко оценивает талант, глубину и искренность блоковского творчества, но в то же время резко критикует Блока за "декадентство". Противопоставив Блоку "подлинного символиста" Вл. Соловьева, Иванов-Разумник рассматривает блоковскую поэзию как неизменную в ее субъективизме и отъединенности от мира, сочетающейся с постоянным стремлением разбить "стекло между этой пустыней и всем миром" (С. 117). Разочаровавшись в попытке пробиться в мир объективных вечных ценностей, Блок ищет выход в смерти, выражением чего и явилась "Снежная Маска" – вершина его творческого субъективизма. Эта односторонняя оценка *СНМ* оказалась очень устойчивой не только в критических статьях, написанных при жизни Блока, но и в исследованиях советских ученых 1920–1950-х гг. В известной мере она совпала с резко отрицательным отношением самого Блока 1910-х годов и послеоктябрьского периода к лирике "второго тома". И лишь в последние десятилетия появились работы, обратившие внимание на те стороны *СНМ*, которые позволили позднему Блоку сопоставить этот цикл с поэмой "Двенадцать".

ПОСВЯЩЕНИЕ К ЦИКЛУ "СНЕЖНАЯ МАСКА"

(С. 143)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₆*. Л. 22 об., "[13 января] Январь 1907 года. С. Петербург."; Кор. – *НР₂III₁*. Л. 12.

Впервые: *СМ*. С. 5, "Январь 1907".

Публикации: *ЗС*. С. 137, "Январь 1907"; *III₁*, "Январь 1907"; *II₃*. С. 163; *II₄*. С. 229; *II₅*. С. 171.

Первоначально посвящение к циклу, обращенное к Н.Н. Волоховой и датированное днем завершения цикла, было развернутым.

В *ЧА ЗК₁₆* подпись под текстом посвящения – "Александр Блок" зачеркнута синим карандашом и в публикациях не воспроизводилась; тем же карандашом исправлена дата (см. выше); расположение текста за исключением 2-й строки, видимо, произвольно и обусловлено форматом записной книжки.

В *СМ* посвящение напечатано на отдельном (следующем после титульного) листе; в *ЗС* и *III₁* – на листе с заглавием всего цикла (ниже заглавия), в *III₁* этот лист следует после титульного и не нумерован. Во всех публикациях слова "Посвящаю" и "Тебе" даны с разрядкой, размер шрифта первого слова крупнее остальных, за исключением слова "Тебе", набранного наиболее крупным шрифтом. Обращение "Тебе" выделено кроме того в *СМ* синей печатью (таким же синим шрифтом набраны в *СМ* заглавия книги, ее частей и отдельных стихотворений), а в *ЗС* – более жирным черным шрифтом.

Другие редакции и варианты

...*Высокая женщина в черном* и след. – Описание внешности Н.Н. Волоховой дано в воспоминаниях М.А. Бекетовой и В.П. Веригиной (см. с. 779–781 наст. тома).

СНЕЖНОЕ ВИНО

("И вновь, сверкнув из чаши винной...")

(С. 143)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₅, Л. 59 об. – 60, "29 дек⟨абр⟩ 1906 г.", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; БА – ЗК₂₁. Л. 13 об. – 14 об., (29.XII. ⟨19⟩ 06 –26.IV.⟨19⟩ 08) СПб." (у Блока в первой дате описки: ⟨19⟩ 07"); Кор – НР₂III₁. Л. 13.

Впервые: СМ. С. 9–10.

Публикации: ЗС. С. 141; III₁. С. 1; ЧД -912. С. 607–608; СРЛ. С. 53; II₃. С. 165; 88 современных стихотворений. С. 85 (без заглавия); II₄. С. 231; II₅. С. 173.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "I". После текста на л. 60 наклеена вырезка с рисунком Л.С. Бакста, воспроизводимым на фронтисписе отдельного издания СМ.

В ЗК₂₁ стихотворение записано в апреле 1908 г. (спустя почти полтора года после его создания) как продолжение записей, касающихся отношений Блока к Н.Н. Волоховой (ср. запись в ЗК₂₁. Л. 13). Ст. 1–2 записаны на обороте л. 14 без деления на стихотворные строки вслед за текстом: "Зима возвращается. Впервые."; продолжение стихотворения (с отсылкой Блока: "(см. пред⟨ыдушую⟩ стр⟨аницу⟩)" дано на л. 13 об. – 14. Под текстом пометы: "О, возвращается!", "То и другое".

В РЭ III₁ 3-я строфа заключена в скобки, против нее на полях – вопросительный знак; обе эти пометы зачеркнуты. Под текстом карандашом приписана дата: "29 XII 1906".

Окончательный текст – СМ.

В Брюсов, увидевший в СМ цельное произведение – поэму (как это и было обозначено в рукописи СМ, см. с. 779 наст. т.), считает стихотворение завязкой сюжета: «Перед читателем "Снежной Маски" развивается роман между Рыцарем – Поэтом и Женщиной в снежной маске, от первого его зарождения, когда поэту еще кажется, что он

вдыхает, не любя,

Забывтый сон о поцелуях...»

(Брюсов В. Новые сборники стихов// Весы.

1907. № 5. С. 67)

Арк. Бухов подчеркивает трагический характер "снежной страсти" (ошибочно отождествляя героиню "Снежной маски" с Прекрасной Дамой): «Поэт уже только с тоской вспоминает о "снежных вьюгах" около своей Прекрасной Дамы, которая ⟨...⟩ затуманила его большую мысль (...) Нет уже больше сил любить» (Бухов. С. 27).

И вновь... и след. – Мифологический (поддержанный идеями "вечного возвращения" Ф. Ницше) образ циклического времени: первая в СМ встреча героев оказывается бесконечно повторяющейся. Образ идет от лирики Блока "первого тома" (см. коммент. к стих. "Дали слезы, дни безгневны...", т. 1 наст. изд.); ср. также в драме "Незнакомка" (1906): "Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию" (СС-8₄. С. 79). Ср. позднейшую запись Блока в ЗК₂₁ о "возвращениях" излюбленности в Н.Н. Волохову.

...сверкнув из чаши винной... – Мотивы вина, опьянения связаны с "дионисийским" экстазом. Ср. также "вино блудодеяния" как атрибут апокалиптической Великой Блудницы, символа развращенного города Вавилона (Откр. XVII. 2 и XVIII. 2; ср. стих. "Невидимка"). Образ Великой Блудницы сопоставлен и с героиней цикла, и с ее

окружением – городом: параллель Петербурга и Вавилона см. в эссе Евг. Иванова "Всадник" (опубл. в 1907 г.); встречается он и в цикле Блока "Город".

...*В тяжелодейных волосах.* – Выражение вызвало критику Вяч. Иванова; см. запись Блока в *ЗК₁₆*: «Замечания Вяч. Иванова по поводу "*Снежной маски*". Улыбка (невинная) – в тяжелодейных волосах?» (*ЗК*. С. 92). Метафора "змеиные волосы" сближает героиню *СнМ* с Медузой Горгоной (греч. мифол.). Ср. в стих. В. Брюсова "Лик Медузы" (1905) отождествление Медузы (у которой "волоса – сплетенья змей") с мировым хаосом (*Брюсов В. Собр. соч. М., 1975. Т. 1. С. 431*).

Я опрокинут в темных струях. – Судя по косвенным источникам, существовал не дошедший до нас вариант этого стиха: "Я запрокинут в темных струях". См. замечание по этому поводу Вяч. Иванова в недатированном письме к Блоку: "Мне кажется, в 1-м стихотв(орении) надо поправить: я опрокинут (не запрокинут) в темных струях" (*Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 167*). Блок принял поправку Вяч. Иванова, записав в *ЗК₁₆*: «ОПРОКИНУТ – мое употребление неверно, надо говорить "запрокинут", – в иных случаях» (*ЗК*. С. 92); см. также ответное письмо Блока Вяч. Иванову. Сходный образ находим в "Незнакомке" (1906): "...друг единственный // В моем стакане отражен". "Опрокидывания" героев *СнМ* создают картину вихревого мира, где "верх" и "низ" постоянно меняются местами. Ср. мотив "опрокидывания" (С. 600).

...*О снежных выюгах вокруг тебя. {...} // Гуляет ветер голубой.* – Ветер – образ "демонического" и "ледяного мира". Ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (октябрь 1906): "В {...} ветре {...} водится нечистая сила" (*СС-85. С. 38*).

...*Змеишься в чаше золотой.* – "Змеиность" героини связана одновременно и с ее "дионисической" природой (участники экстатических шествий Диониса опоясывались змеями), и с ее "дьявольским" началом (ср. образ змея в Апокалипсисе: Откр. XII. 9).

...*Не увидеть себя в венце.* – Многозначный символ венца соотносится с финалом *СнМ* (см. стих. "На снежном костре" и коммент. к нему). В *ЗК₂₁* строка читается: "Не увидеть тебя в венце", т.е. соотносится с образом героини цикла и, возможно, связана с воспоминанием о маскарадном уборе Волоховой – "тиаре" (см. коммент. к стихотворению "Прочь!").

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

("Снежная мгла взвилась...")

(С. 143)

Авторизованные тексты: *АСП – Т₅*. Л. 60 об. – 61 об., "3 января 1907 г.", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) и ст. 19–22 – рукой Блока; Кор. – *НР₂III₁*. Л. 13 об. – 14; *РЭ III₁*. Л. 6 об. – 7.

Впервые: *СМ*. С. 11–13.

Публикации: *ЗС*. С. 142–143; *III₁*. С. 2–3; *II₃*. С. 166–167; *II₄*. С. 232–233; *II₅*. С. 174–175.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "II".

Первоначально отсутствовали ст. 19–22, вписанные Блоком в *Т₅*, видимо, при подготовке первой публикации. В *Т₅* (а также в публикациях в *СМ*, *ЗС* и *III₁*) между ст. 23 и 24, 25 и 26 имелось еще по одному стиху; перед ст. 31 – еще два стиха, составлявших с заключительными двумя стихами общее четверостишие.

Стихи, не вошедшие в основной текст, вычеркнуты в *РЭ III₁*, видимо, при подготовке *II₃*.

Окончательный текст – *II₃*.

Снежная вязь. – Символика "вязи", "нитей" ("пряжи", "кудели" и т.д.) восходит и к античной мифологии (Девы Парки, прядущие нити человеческих судеб) и ее отражениям в символической поэзии (см., например, В. Брюсов: "Ребенком я, не зная страху...", 1900), и к славянским народным демонологическим поверьям (Афанасьев, 3. С. 467). Ср. у Блока в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) о жизни "простых людей" в "хаосе природы, среди повсюду протянутых нитей, которые прядут Девы-Судьбы" (СС-85, С. 38).

Снежная мгла взвилась. – По А. Афанасьеву, "мрак" и "холод" считались в славянской мифологии могучею силою – нечистой, злой и разрушительной. Блок в "Поэзии заговоров и заклинаний" выделяет народные поверья о том, что "в (...) ветре, который крутится по дорогам, завивая столбы, водится нечистая сила" (Там же).

Ты – стихов моих пленная вязь (...) // *Нити снежные тку и плету.* – Ср. в стих. Блока "Угар" (октябрь 1906): "Заплетаем, расплетаем // Нити дьявольской судьбы". "Плетение вязи" – образ колдовства. Вместе с тем ср. в "Поэзии заговоров и заклинаний" о единстве заклинателя и художника: заклятие является "гениальным прозрением, в котором стерлись грани между музыкой, словом (...) и поэзией", а также заклинателя и влюбленного: "влюбленный сам становится кудесником". (Там же. С. 47, 61).

Ты (...) мне предалась // На темном мосту. – Ср. встречу героев на мосту во "2-м видении" драмы Блока "Незнакомка" (дата окончания – 11 ноября 1906), а также в позднейшем, 12 апреля 1907, стих. "Зачатый в ночь, я в ночь рожден". В мифологии и фольклоре мост часто трактуется как граница по тем или иным признакам противопоставленных миров. В статье Блока "Творчество Вячеслава Иванова" (апрель 1905) символика моста раскрывается как место, где происходит "борьба стихий с духом и духа со стихиями". Возможно, что мотив встреч на мосту имеет и автобиографическое происхождение. Ср. описание прогулок по Троицкому мосту, по мостам Петербургской стороны и т.д. в воспоминаниях В.П. Веригиной о Блоке "Земля в снегу" (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 373. (УЗ ТГУ. Вып. 104)). ...*И скована льдами злая вода.* – Вода в славянских мифологиях часто выступает как стихия зла, опасности, смерти.

Здесь – электрический свет. – Ср. раскрытие этого образа как апокалиптического, связанного с "концом света" в черновых набросках к поэме "Ее прибытие" (1905 (?): "Ты горишь, электрический взгляд // Городов и последних времен".

Я не открою тебе дверей (...) // *И снежные брызги влача за собой, // Мы летим...* – Ср. первоначальное решение Кая из сказки Х.К. Андерсена "Снежная королева" не открывать дверей Снежной королеве и последующий "полет" с ней на санях (Андерсен, 1. С. 231). О значении сказок Андерсена для Блока в дни написания *СнМ* см. выше.

...в миллионы бездн... – В фольклорных представлениях образы "бездн" ("пропастей"), "зимы" и "ада" взаимосвязаны. Образ "бездн" соотнесен и с когда-то важным для Блока представлением Д.С. Мережковского о "верхней" и "нижней" бездне: в сферическом мире *СнМ* "верх" и "низ" неразличимы (см. коммент. к стих. "Снежное вино" о символикe "опрокидывания").

...И снег синей... – Символика "синего" как связанного со "снежным" миром противопоставлена значению этого образа в ранней лирике.

...И блистательный бег саней... – См. выше о санях, увлекших Кая в царство Снежной королевы. Образ имеет и автобиографический подтекст; 29.XII.1906 г. Блок записывает: "Может быть, год закончится катаньем с актрисами" (ЗК. С. 86); ср. также воспоминания В.П. Веригиной об одной из (видимо, многочисленных) поездок на санях за город (Воспоминания, 1. С. 439).

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ
("В снежной пене – предзакатная...")

(С. 144)

Авторизованные тексты: АС – Т₃, Л. 62–62 об., "3 января 1907", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁, Л. 14–14 об.

Впервые: СМ. С. 15.

Публикации: ЗС. С. 144; III₁. С. 3–4; II₃. С. 168; II₄. С. 234; II₅. С. 175.

В Т₃ перед текстом – порядковый номер "III".

В II₅ ст. 16 публикуется по варианту Т₃; последняя авторская корректура (Кор II₄) подтверждает вариант II₄.

Окончательный текст – СМ.

Автор анонимной рецензии на СМ, направленной против Блока-символиста, обращает внимание на неточные рифмы стихотворения ("паруса: безрадостно"; "пристани: издали"), считая их неудачными, "крайне бедными" (Беседа. 1907. № 7. С. 63).

Арк. Бухов, анализируя стихотворение, одним из первых отмечает важность символики пути для творчества Ал. Блока: "Он понял, что у него есть свой путь (...), что этот путь тяжел, что раз вступив на него и приняв на себя лучистую и страдальческую тогу поэта, от него нельзя уже отступить (...). Он знает это и, уже обессиленный, называет этот путь – последним" (Бухов. С. 29; о теме пути у Блока см.: Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Он же. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981).

...в дали невозвратные // Повернули корабли. – Корабли – один из важнейших образов творчества Блока 1904–1906 гг. Реальные планы его вырастают из темы Петербурга – приморского города на Неве, однако, сразу же связываются с символикой сбывшихся или "несбывшихся надежд" (А. Блок. <Примечания к II₂>. Во вступлении ("Вместо предисловия", август 1906) к II₁ раскрывается общественное значение образа: "Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли" (СС-8₂.С. 370). Однако в многоплановой символике "кораблей" выделяются и другие смыслы: интимные или же (что особенно важно для СМ) подчеркивающие отношение лирики "второго тома" к идеалам и "надеждам" раннего творчества Блока. В творчестве Блока 1904–1906 гг. "корабли" то приносят всеобщее счастье ("Ее прибытие", 1904), то гибнут ("Девушка пела в церковном хоре...", 1905) или приходят слишком поздно (драма "Король на площади", 1906) и не приносят исполнения надежд ("Поэт", "У моря" – июль 1905 г.). В СМ корабли "невозвратно" исчезают (о символике кораблей у Блока см.: Волков Н. Александр Блок и театр. М.: ГАХН, 1926. С. 41; Громов П. Герой и время. Л., 1961. С. 413–416 и др.).

...И на дальнем храме безрадостно // Догорел последний крест. – Ср. в "Стихах о Прекрасной Даме": "Оно <солнце. – Ред.> зайдет и, замирая, // <...> погаснет крест" ("Сны безотчетны, ярки краски...", 1902). Но символика заката в "Стихах о Прекрасной Даме" связывалась с временем мистической Встречи – в СМ – с приближением ночи и тьмы.

...Зов закованной в снега. – В "Божественной комедии" Данте ("Ад". XXIV. 29–33) сатана изображен как наполовину закованный в лед. Ср. образ демонической Царицы у Вяч. Иванова: "Спит царица на престоле в покрывале ледяном" (Кормчие звезды.

СПб., 1903. С. 164), привлекая внимание Блока. Блок процитировал приведенные строки, объединив символику "Царицы" и важнейшего для младших символистов образа "спящей царевны": "В очарованном сне (...) спит царица на престоле в покрывале ледяном". Однако если пробуждение "спящей красавицы" связано с весной или летом, то "Закованная в снега" царствует в мире холода, мрака и смерти (ср. Снежную королеву и Деву льдов Х.К. Андерсена).

НА СТРАЖЕ

("Я – непокорный и свободный...")

(С. 145)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 63–63 об., "3 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁, л. 14 об.; РЭ III₁. Л. 7 об.

Впервые: СМ. С. 17–18.

Публикации: ЗС. С. 145; III₁. С. 4; II₃. С. 169; II₄. С. 235; II₅. С. 176.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "IV".

Ст. 15 приведен к основному тексту в РЭ III₁, видимо, при подготовке II₃.

Окончательный текст – II₃.

Построено как автополемика со стих. "Я – меч, заостренный с обеих сторон..." (июль 1903), написанным перед свадьбой с Л.Д. Блок и прославляющим вечную "небесную" любовь. Тема любви как земной, стихийной и "вольной" страсти широко развивалась как "старшими символистами" (особенно В. Брюсовым, К. Бальмонтом), так и в "дионисийской" лирике Вяч. Иванова.

На страже. – Ср. в "Я меч, заостренный с обеих сторон..." (см. т. 1 наст. изд.): "Поставлю на страже звенящий стих".

Я правлю вольною судьбой. – Ср. там же: "Я правлю, архангел, Ее Судьбой".

...Он (...) // С подъятой к небесам трубой. – Апокалиптический образ ангела (Откр. VIII. 2; 6–13 и др.). Из высокого двойника лирического "я" ангел превращается в его сурового "стража". См.: Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире А. Блока // Он же. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 93–94.

Он видит все мои измены. – Тема измены "земного" героя своей мистической "Царице" идет от Вл. Соловьева ("У царицы моей есть высокий дворец...", 1876; "Клятве ты изменил, но изменой своей // Мог ли сердце мое изменить?"). Блок в 1901–1904 гг. "переворачивает" ситуацию, утверждая возможность "изменений" и "измен" и для мистической героини ("Изменишь облик Ты", "Зимний ветер играет терновником..." и др. – т. 1 наст. изд.), но абсолютную невозможность их для лирического "я". Образ "измен" в "На страже" определяет полемическое отношение СнМ к лирике "первого тома".

...Он исчисляет все дела. – О символике "числения" см. т. 1, с. 448. В отличие от "Стихов о Прекрасной Даме", "числение" в "На страже" приписано персонажам "небесного" мира.

...поцелуй, // Паденья, клятвы и позор. – Ср. характеристику лирического "я" в "Я – меч, заостренный с обеих сторон...": "В щите моем камень зеленый зажжен // (...) господней рукой // (...) И камень будет Ей друг и жених, // И Ей не солжет, как я не лгу".

И канет темная комета и след. – Образ женщины – "беззаконной кометы" восходит к Пушкину ("Портрет", 1828). Для *СНМ* особенно важна трактовка этого образа (широко отразившегося в русской поэзии XIX в.) в стих. Ап. Григорьева "Комета" (1843), которое Блок несколько позже взял вторым эпиграфом для вступления ("Вместо предисловия") к сб. "Земля в снегу" (март 1908). Образ Н.Н. Волоховой как "кометы" был подхвачен Л.Д. Блок в ее неопубликованном стих. "Venus ad Cometam" ("Венера – Комете", 15 августа 1907 г.) и, видимо, всем окружением Блока тех дней. В упоминавшемся выше вступлении к сб. "Земля в снегу" Блок в качестве первого эпиграфа ввел начальную строку этого стихотворения ("Зачем в наш стройный круг ты ворвалась, комета? Л.Б.), подчеркивавшую контраст гармонического и дисгармонично-стихийного чувства, двух начал бытия и двух женских образов.

ВТОРОЕ КРЕЩЕНЬЕ

("Открыли дверь мою метели...")

(С. 145)

Авторизованные тексты: *АСП* – *T₅*. Л. 64–64 об., "3 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) и ст. 9–12 – рукой Блока; *АС* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 6, рукой А.А. Кублицкой-Пиотгух, подпись – рукой Блока, вместе со стих. "Незнакомка", "Осенняя воля", "Девушка пела в церковном хоре..."; Кор. – *НР₂* *III₁*. Л. 15; *РЭ III₁*. Л. 8; *печ. текст* – *Изборник*. Л. 88.

Впервые: *СМ*. С. 19–20.

Публикации: *ЗС*. С. 146–147; *III₁*. С. 5; *II₃*. С. 170; *II₄*. с. 236; *II₅*. С. 176–177.

В *T₅* перед текстом – порядковый номер: "V".

Первоначально в *T₅* (а также в публикации в *СМ*) вместо ст. 9–12 следовало зачеркнутое позднее четверостишие. Ст. 9–12, соответствующие основному тексту, вписаны Блоком в *T₅*, видимо, при подготовке публикации в *ЗС*, где они были напечатаны после ст. (9–12) (в том же составе стихотворение представлено в *АС РГАЛИ* и в *III₁*).

В *АС РГАЛИ* над текстом зачеркнутый номер "2".

Вероятно, при подготовке *II₃* ст. (9–12) были зачеркнуты в *T₅* и в *РЭ III₁*, в *II₃* не вошли.

В печ. тексте *Изборника* ст. (9–12) вычеркнуты, заглавие отсутствует. Текст вместе с двумя другими стихотворениями цикла ("Ее песни" ("Не в земной темнице душевной...") и "Обреченный" ("Тайно сердце просит гибели...")) наклеено на лист с заголовком (рукой Блока) – "Из Снежной Маски".

Окончательный текст – *II₃*.

Арк. Бухов писал о главной поэтической мысли стихотворения как о призывании смерти: "Пропадает из глаз "твердь". Все злее и злее зима-жизнь, и не надо уже поэту весны. Пусть только к нему, усталому и изнеможенному, приходит скорее одна избавительница – смерть" (*Бухов*. С. 30). М. Гофман считает, что в последней строфе стихотворения раскрылась подлинная сущность героини цикла; это Смерть: "Смерть – Снежная Маска – является спутницей поэта в третьей книге стихов. Так говорит и сам поэт". *Гофман М.* Александр Блок // *КРП*. С. 306).

Второе крещение. – Антитеза дьявольского "второго крещения" и православно-обрядового "первого" имеет не только богоборческий и автобиографически-ин-

тимный смысл (противопоставление "Первой" и "новой" любви), но и устанавливает символическое отношение *СНМ* к лирике Блока "первого тома".

... *путь открыт (<...> к раю, // Всем, кто идет путями зла (<...> Крещеньем третьим будет смерть.* – Ср. в сказке Х.К. Андерсена "Райский сад": "Мы идем в Райский сад дорогой смерти" (*Андерсен. I. С. 137*). Герой сказки меняет блаженство в Райском саду на поцелуй феи: "Теперь только я понял райское блаженство; оно течет огнем в моей крови (<...>) Пусть же настанет потом для меня вечная ночь, – одна такая минута дороже всего в мире" (*Там же. С. 142*).

...*драгоценный камень вьюги.* – Драгоценные камни – атрибут Великой Блудницы (Откр. XVII. 4; XVIII. 12); ср. также в наброске драмы Блока "Дионис Гиперборейский" (29.XII.1906; см.: *ЗК. С. 88*) горный пейзаж с осыпающимися с гор "ледяными алмазами" и соответствующие зимние, а также горные пейзажи в "Снежной королеве" и "Деве Льдов" Х.К. Андерсена.

...*Мне сердце обратило в лед.* – Ср. в "Снежной королеве": у всех жертв Снежной королевы "сердце превращалось в кусок льда" (*Андерсен, I. С. 227*); "сердце его (Кая. – *Ред.*) должно было превратиться в кусок льда" (*Там же. С. 229*) и др.

Весны не будет, и не надо. – Ср. символику Весны как времени мистической Встречи с Вечной Женственностью в лирике "первого тома" Блока (см. т. I, с. 467, 471).

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЮ

("Вьюга пела...")

(С. 146)

Авторизованные тексты: *АС – Т₅*. Л. 65–66 об., "3 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; *Кор. – НР₂ III₁*. Л. 15 об. – 16.

Впервые: *СМ. С. 21–23*.

Публикации: *ЗС, С. 148–149; III₁. С. 6–7; II₃. С. 171–172; II₄. С. 237–238; II₅. С. 177–178*.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "VI".

В *II₅* ст. 42 напечатан по варианту в *Т₅* и *СМ*.

Окончательный текст – *ЗС*.

Анонимным автором антисимволистской рецензии на *СМ* (Беседа, 1907. № 7. С. 63) приведено как образец "слабых" стихотворений цикла.

Настигнутый метелью. – Ср. в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) о судьбе "человека", застигнутого вихрем" (*СС-8₅. С. 38*) в проекции на соотношение символики личности и стихий.

Вьюга пела. – Поэтизм активизирован образностью сказок Х.К. Андерсена "Снежная королева" ("Буря (<...>) словно распевала старинные песни" – *Андерсен, I. С. 232*) и "Дева льдов".

И душа леденела. – См. коммент. к стих. "Второе крещение".

...*Пока не забудешь // Того, что любишь.* – Конспектируя в конце декабря 1906 г. (перед началом работы над *СНМ*) "Рождение трагедии" Ф. Ницше (по русск. изданию: М., 1900), Блок выписывает слова о связи "дионисийского восторга" и забвения "будничного" мира: "То восторженное состояние, в которое приводит Дионис,

заключает в себе усыпляющее начало. Этой пропастью забвения разделяются миры – будничной и дионисовой действительности" (ЗК. С. 81). Ср. в "Снежной королеве": "Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних" (Андерсен, 1. С. 231). Пафос "забвения" связан с мотивами "измены" и свободного выбора "пути".

...*снежных вихрей подъятый молот...* – Ср. у А. Афанасьева в кн. "Поэтические воззрения славян на природу": "Зима представляется мифическим кузнецом" с атрибутом-молотом (Афанасьев, 1. С. 583).

...*Бросил нас в бездну.* – О символике "бездны" см. коммент. к стих. "Снежная вязь". Ср. в "Поэзии заговоров и заклинаний" (1906): "Зачарованный, схваченный вихрем, носится по воздуху" (СС-85. С. 44).

...*Опрокинула свод // Голубой...* – О символике "опрокидывания" см. с. 600 наст. тома.

...*Звезда сорвалась...* – Образ "сорвавшейся" (падающей) звезды существен и для лирики "первого тома" (см. коммент. к стих. "Тебя скрывали туманы...", т. 1 наст. изд.), и для творчества 1904–1906 гг. (ср. стих. "Твое лицо бледней, чем было...", а также драму "Незнакомка", 1906) и связан с характеристикой женского образа. Однако в СПД он подчеркивает в героине "небесное", а в лирике второго тома – "падшесть", земную "прелесть". Образ "падшей звезды" в лирике 1904–06 гг. и в СМ соотношен с "кометой".

...*Солнце сердца моего...* – Ср. у Андрея Белого: "Солнцем сердце зажжено" ("Солнце", 1903); у Вяч. Иванова: "Солнце – сердце солнц – сердец" ("Хвала солнцу", опубли. 1906).

...*Жезл померкшего царя.* – О мотиве "померкшего" (гбнущего) царя см. коммент. к стих. "Жду я смерти близ денницы...".

НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ ("Белоснежней не было зим...")

(С. 147)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА – ЗК₁₆. Л. 19 об. – 20, "3 янв(аря)", АС – Т₅. Л. 66 об. – 67, "3 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 16 об.

Впервые: СМ. С. 25–26.

Публикации: ЗС. С. 150–151; III₁. С. 8; II₃. С. 173–174; II₄. С. 239; II₅. С. 179.

В ЧА ЗК₁₆ (карандашом) имеется правка чернилами (вписаны ст. 5 и ст. 25–26). Заглавие и перед ним цифра "VII" вписаны красным карандашом. Под текстом помета: "В кофейне на Забалканском". Строфы 3-я и 4-я записаны в обратном порядке, затем на полях цифрами указана их последовательность в соответствии с расположением в основном тексте. ЧА находится во второй половине ЗК₁₆, содержащей записи за январь–август 1907 г. Судя по сформированности текста, этот единственный сохранившийся черновой автограф из цикла "Снежная Маска" не является первоначальным.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "VII".

Окончательный текст – СМ.

Анонимный автор антисимволистской рецензии на СМ утверждал, что стихотворение "слабо – и даже до изнеможения" (Беседа, 1907. № 7. С. 63).

Белоснежней не было зим и след. – зарисовки реальных пейзажей петербургской зимы 1906–1907 гг. Ср. в воспоминаниях Н.Н. Волоховой "Земля в снегу" (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 371. (УЗ ТГУ. Вып. 104)): "Зима 1906–1907 года была в Петербурге необычайно снежная, мягкая. Почти непрерывно с неба падали большие белые хлопья и пушистым покровом ложились на величественный, изумительной красоты город".

Выплыл серебряный серп. – Ср. описание лунной ночи в эпизоде полета Кая со Снежной Королевой (Андерсен, I. С. 232). Луна, по данным Афанасьева, в языческих верованиях славян – "светило, озаряющее загробный мир" (Афанасьев, 3. С. 250). Особая – колдовская – сила приписывается лунному серпу.

Обреченные оба // На ущерб. – Блок в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) пишет, что "ущерб луны" – время колдовства" (СС-85, С. 44).

...И мы понеслись. – Ср. описание полета в "Снежной королеве": "Снежная Королева взвилась с ним на темное свинцовое облако, и они понеслись" (Андерсен, I. С. 232).

ЕЕ ПЕСНИ

("Не в земной темнице душой...")

(С. 148)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 67 об. – 68, "4 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 17; печ. текст – Изборник. Л. 88.

Впервые: СМ. С. 27–28.

Публикации: ЗС. С. 152; III₁. С. 9; II₃. С. 175; II₄. С. 240; II₅. С. 180.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "VIII". Варианты текста отсутствуют.

Окончательный текст – СМ.

Печ. текст в *Изборнике* вместе с двумя другими стихотворениями цикла ("Второе крещение" ("Открыли дверь мою метели...") и "Обреченный" ("Тайно сердце просит гибели...")) наклеен на лист с заголовком (рукой Блока) – "Из Снежной Маски".

Размер (урегулированно чередующиеся четырех- и двухстопные хорей) ориентирован на 2-ю часть ключевого текста "дионисийской" лирики Вяч. Иванова – стих. "Перед жертвой" ("Бурно ринулась Мэнада...", 1905). Ср. дублирование четных стихов у Иванова ("Словно лань, // Словно лань"), хотя строфика Блока и Иванова различается. В то же время 2-я и 3-я строфы стихотворения – стилизация заговора (поэтика заговора рассматривалась в статье Блока "Поэзия заговоров и заклинаний", 1906) от лица героини СМ.

Взор твой ясный к выси звездной // Обрати. – Ср.: перед полетом в царство Снежной Королевы Кай "устремил взор в бесконечное, воздушное пространство" (Андерсен, I. С. 232).

...меч железный // Опуст. – Мотив утраты (порчи) меча типичен для творчества Блока 1904–1906 гг. (ср. в поэме "Ночная Фиалка": "Вот рассыпался меч, дребезжа"); близок к этому сюжет превращения меча в деревянный (см. драму "Балаганчик", 1906). Позже Блок, по воспоминаниям В.В. Гиппиуса, так определил смысл этого мотива: «По поводу выражения "Где ж твой меч? (см. стих. "Голоса"; точный текст: "Где меч мой?" – ред.) кто-то заметил, что образ меча здесь вносит неуместный аллегоризм. Блок сказал: "Да, надо было сказать просто: где ж твоя воля?"»

(*Воспоминания*, 2. С. 78). Символическому движению меча лирического героя вниз противостоит поднятие меча ангелом (см. стих. "На страже").

Вихри снежные (...) // *Закрути*. – Реминисценция из стих. А.С. Пушкина "Зимний вечер" (1825): "Вихри снежные крутя".

На воздушной карусели // *Закружу*. – Ср. сцены головокружений в горах у Руди – предмета роковой и губительной страсти Девы льдов в одноименной сказке Х.К. Андерсена (*Андерсен*, 2. С. 187).

Пряжей спутанной кудели // *Обовью* – См. коммент. к стих. "Снежная вязь", где, однако, прядет "нити" (колдует) лирический герой цикла. Стихотворение закрепляет мотив господства "Ее" в "снежном" мире *СнМ*.

КРЫЛЬЯ

("Крылья легкие раскину...")

(С. 149)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*, Л. 68 об. – 69 об., "4 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; *Кор.* – *НР₂III₁*. Л. 17 об. – 18; *РЭ III₁* Л. 10 об. – 11.

Впервые: *СМ*. С. 29–30.

Публикации: *ЗС*. С. 153–154; *III₁*. С. 10–11; *II₃*. С. 176–177; *II₄*. С. 241; *II₅*. С. 181.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "IX".

Первоначально (*Т₅*, *СМ*, *ЗС*, *III₁*) 6-я последняя строфа начиналась двумя дополнительными стихами, не вошедшими в основной текст (ст. между 22 и 23).

В *РЭ III₁* 2-я строфа (ст. 4–6) и ст. между 22 и 23 зачеркнуты, видимо, при подготовке *II₃*, где стихотворение напечатано в таком сокращенном виде.

Строфика ст. 19–22 варьировалась. В *СМ* и в *III₁* они даны четверостишием; в *ЗС* после ст. 20, а в *II₃* после ст. 18 текст переходит на следующую страницу.

Стихотворение, как и предыдущее, написано от лица героини цикла.

Крылья легкие раскину... – Ср. полет Снежной королевы с Каем, а также "свадебный поезд" – полет Девы льдов в одноименной сказке Андерсена, предвещающий гибель Руди – избраннику Девы (*Андерсен*, 2. С. 223). Образы "полета" и "крыльев", восходящие к ранней лирике Блока (см. стих. "Ты – Божий день. Мои мечты...", "Я укрыт до времени в приделе...", "Я надел разноцветные перья..." – т. 1 наст. изд. и коммент. к ним), в *НР* связываются, в частности, с образом "мага"; ср. у Блока в "Поэзии заговоров и заклинаний" (1906): заклинатель – "уже маг, плывущий в облаке" (*СС-8₅*. С. 48), а также стих. "Ночь".

...Среброснежные чертоги. – Ср.: "Стены чертогов Снежной королевы создала мятель" (*Андерсен*, 1. С. 251).

И расплеснут меж мирами, // Над забытыми пирами – {...} // Кубок темного вина. – Метрико-лексическая реминисценция из стих. Тютчева "Кончен пир, умолкли хоры..." (1850), ср.: "Не допиты в кубках вины", образ звездной ночи и др. Последняя строка – одновременно развитие и образности "Балаганчика" – слов "Ее" из "второй пары влюбленных": "Кубок мой темный до дна испей" (*СС-8₄*. С. 17). Ср. также в посвященном Н.Н. Волоховой стих. "Я в дольний мир вошла, как в ложу..." (1 января 1907): "Взор мой {...} // В выси кинут, // Словно в небо опрокинут // Кубок темного вина".

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

("И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...")

(С. 153)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 70, "4 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 18.

Впервые: СМ. С. 31–32.

Публикации: ЗС. С. 155; III₁. С. 11; II₃. С. 178; II₄. С. 242; II₅. С. 182.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "X".

Окончательный текст – СМ.

Влюбленность – образ, широко представленный в творчестве Блока 1904–06 гг. (ср. стих. "Влюбленность" ("Королевна жила на высокой горе..."), образ "третьей пары влюбленных" в драме "Балаганчик" (1906), а также поэтическое раскрытие значения символа "влюбленность" в статье "Девушка розовой калитки и муравьиный царь" (1906). "Влюбленность" – чувство "романтическое", связанное с темами Средневековья, рыцарства, Запада, противопоставлена в СМ мистической Любви "первого тома".

...вдали – пролетевшие ладьи. – Начиная с этого стих. "ладьи" в СМ противопоставляются "кораблям" (см. коммент. к стих. "Последний путь"), получая значение, близкое к демонологическому фольклору (в "Поэтических воззрениях славян на природу" А. Афанасьева указывается на близость в языческих верованиях славян "ладьи и гроба" – Афанасьев, I. С. 578). "Ладьи" связаны с миром героини цикла.

...На вечный покой отходящего царя. – См. коммент. к стих. "Настигнутый метелью".

Ангел (...) // Два луча – два меча скрестил в вышине. – Ср.: "Из уст Его выходил острый с обеих сторон меч" (Откр. I, 16). Об образе гневного ангела см. коммент. к стих. "На страже".

НЕ НАДО

("Не надо кораблей из дали...")

(С. 154)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 70 об. – 71, "4 янв(аря)", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 18–18 об.

Впервые: СМ. С. 33–34.

Публикации: ЗС. С. 156; III₁. С. 11–12; II₃. С. 179; II₄. С. 243; II₅. С. 182–183.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер "XI".

Окончательный текст – СМ.

Арк. Бухов считает стихотворение "как бы последним аккордом больного духа современности, так зеркально отразившейся в душе Александра Блока"; "Не надо" в то же время соединило в себе все то, что поэт ожидает впереди" (Бухов.С. 30). М. Гофман противопоставляет настроения вышедшего незадолго перед СМ второго стихотвор-

ного сборника Блока "Нечаянная Радость" (1907) и "Снежной Маски": во второй книге стихов «поэт пишет: (...) "Новой радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли" (...), а в "Снежной маске" он будет восклицать: Не надо кораблей из дали» (Гофман М. Александр Блок // КРП. С. 306).

Не надо кораблей из дали... – См. коммент. к стих. "Последний путь".

...Над мысом почивает мрак. – Ср. у Вяч. Иванова: "За мысом занялася мгла" ("Встреча", опубл. 1903).

...Читаю твой условный знак. (...) // И не понять земного знака... – "Знаки" присутствия, благосклонности или неблагосклонности героини цикла к лирическому "я" – важная часть символики как "первого", так и "второго тома" лирики Блока. "небесным знаменьям" героини "Стихов о Прекрасной Даме" в *СНМ* противопоставлены "земные знаки", обычно "магического" характера.

Ладьи ночные пролетели... – См. коммент. к стих. "Влюбленность".

...В снегах забвенья догореть... – О символике "забвенья" см. коммент. к стих. "Настигнутый метелью".

ТРЕВОГА

("Сердце, слышишь...")

(С. 154)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*. Л. 71 об. – 72 об., "4 янв(аря)", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; *Кор.* – *НР₂III₁*. Л. 18 об. – 19; *РЭ III₁*. Л. 11 об. – 12.

Впервые: *СМ*. С. 35–36.

Публикации: *ЗС*. С. 157–158; *III₁*. С. 12–13; *II₃*. С. 180–181; *II₄*. С. 244–245; *II₅*. С. 183–184.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер "XII".

Ст. 5 приведен к основному тексту в *РЭ III₁*.

В экземпляре *СМ*, принадлежавшем Блоку (см.: *ББО-1*. С. 83), в данном стихотворении отчеркнуты черными чернилами ст. 1–3 и ст. 5–6 (пометы могли быть сделаны Н.Н. Волоховой; ее запись (см. с. 779 наст. тома) в этой книге, обращенная к Блоку, выполнена также черными чернилами).

Окончательный текст – *II₃*.

Птица вьюги // Темнокрылой... – Ср. сопоставление Снежной королевы с "большой птицей" (Андерсен, I. С. 229).

Чтоб огонь зимы палящей // Сжег (...) крест! – О богоборческих настроениях цикла см. коммент. к стих. "Второе крещение". Символ огня – один из ведущих в лирике Блока эпохи Первой русской революции, где он получает то космический, то интимно-лирический (стихия страсти), то политический, исторический и национальный смыслы. "Психологическое" обоснование оксюморона "огонь зимы палящей" см. в сказке Х.К. Андерсена "Дева льдов": Дева поцеловала Руди, "и по телу его пробежал смертельный холод, электрический ток... Огонь и лед!.. При мимолетном прикосновении к ним их, ведь, не различишь!" (Андерсен, 2. С. 227).

...В пропасть черных звезд! – О символике "пропасти" ("бездны") см. коммент. к стих. "Снежная вязь".

ПРОЧЬ!

("И опять открыли солнца...")

(С. 155)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 73–75, "8 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 19–20; РЭ III₁. Л. 12–13.

Впервые: СМ.С. 37–40.

Публикации: ЗС. С. 159–161; III₁. С. 13–15; II₃. С. 182–184; II₄. С. 246–248; II₅. С. 184–186.

Печатается с исправлением опечатки в ст. 32 ("Вихрей северная ночь!"), не замеченной Блоком в Кор II₄, по всем остальным источникам текста.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XIII". Имеется инвариантность строфики. Ст. 57–62 могут рассматриваться либо как восьмистишие, либо как два четверостишия (после ст. 59 текст перенесен на следующую страницу). В ЗС после ст. 49 текст перенесен на следующую страницу.

Ст. 39–46 вычеркнуты в РЭ III₁, видимо, при подготовке II₃, где стихотворение помещено в таком сокращенном виде.

И опять открыли солнца // Эту дверь и след. – Сцена изгнания "солнц" (и связанных с ними "рая дочерей") полемически соотносится с лирикой "Стихов о Прекрасной Даме", где мистическая Дева сближена (в традиции "Рая" Данте и лирики Вл. Соловьева) с Солнцем и с апокалиптической "Женой, облеченной в Солнце" (Откр. XII. 1 и след.). Поэтический культ Солнца (имеющий, кроме названных традиций, связь с творчеством Ф. Ницше) господствовал в начале XX в. в творчестве как "старших" символистов (В. Брюсов; К. Бальмонт – "Будем как солнце", 1903), так и "младших" (Андрей Белый, "Золото в лазури", 1904); ср. "Гимн" Ал. Блока (1904). Характерен он был и для внесимволистской литературы предреволюционных лет. См. об этом: Долгополов Л.К. Максим Горький и проблема "детей Солнца" (1900-е годы) // *Он же.* На рубеже веков. Л., 1985. Сюжет стихотворения соотнесен также со сказкой Х.К. Андерсена "Дева льдов", где против "губительной Девы" выступают "добрые дети Солнца", стремящиеся спасти героя сказки Руди (Андерсен, 2. С. 188).

Тень. – Идущий от "первого тома" платоновский образ материального мира как призрачного, отраженного (см. коммент. к стих. "Какому богу служишь Ты?..", т. 1 наст. изд.). Герой цикла предпочитает демонический земной призрак высшим духовным реальностям.

В златоверхие хоромы, // К созидающей работе // Воротись! – "Золото" (солнце). "верх" (божественный мир неба), "созидание" – характерные приметы мира Прекрасной Дамы. Мистическое преображение мира мыслится как строительство (ср. в стих. "Мы все простим и не нарушим...", т. 1 наст. изд.: "Когда мы воздвигали зданье...") – с проекцией на строительную символику в ветхозаветном образе Премудрости ("Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его". – Притч. IX. 1) и в стих. Вл. Соловьева "У царицы моей есть высокий дворец..." (1885 или нач. 1886). Одновременно строительные функции приписывались Аполлону (что подчеркивал Ф. Ницше в книге "Рождение трагедии из духа музыки", 1872, которую Блок конспектировал за несколько дней до начала работы над С.И.М. "Дионисийское" начало, соответственно, связывается с разрушением).

Стерегут мне келью совы... – Идущий от народной демонологии образ ночной птицы встречается уже в лирике "первого тома", но особенно важен для творчества Блока 1904–06 гг.

Из очей ее крылатых... – Ср. "крылатые глаза" в написанном неделей раньше и также посвященном Н.Н. Волоховой стих. "Я в дольний мир вошла как в ложу...", а также в посвящении *СНМ* Н.Н. Волоховой в *СМ*: "...высокая женщина (<...> с глазами крылатыми".

Трехвенечная тиара... – атрибут Изиды; ср. также трехъярусную корону римского папы; образ связан с маскарадом, устроенным актрисами театра В.Ф. Коммиссаржевской после премьеры "Балаганчика". Ср. у В. Веригиной о маскарадном костюме Н. Волоховой: «Голову ее украсила диадема, которую Блок назвал (<...> "трехвенечной тиарой"» (*Воспоминания*, I. С. 427).

Золотистый уголь в сердце // Мне возгла! – Ср. в "Пророке" Пушкина (1826): "...И уголь, пылающий огнем, // Во грудь отверстую воздвинул. Образ этот использует Блок и в статье "Поэзия заговоров и заклинаний", говоря о "страсти, обращающей сердце заклинателя в красный уголь" (*СС-8₅*. С. 61). Ср. выше об отождествлении колдовства, страсти и творчества.

...Умиряющего рая! – Ср. идущую от Ф. Ницше ("Так говорит Заратустра", 1883–84) "антихристианскую" формулу: "Старый бог умер" (о Христе и христианстве).

...Не пронзят меня Дарами // И Причастием своим! – Причастие (евхаристия) – таинство причащения Св. Дарам (телу и крови Христовой), совершающееся на литургии.

И ОПЯТЬ СНЕГА

("И опять, опять снега...")

(С. 157)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*. Л. 75 об. – 76, "8 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 20 об.

Первые: *СМ*. С. 41–42.

Публикации: *ЗС*. С. 162–163; *III₁*. С. 16; *II₃*. С. 185–186; *II₄*. С. 249–250; *II₅*. С. 187.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "XIV"; в строфическом делении имеются отличия: ст. 5–12 даны восьмистишием, ст. 17–25 – девятистишием.

Окончательный текст – *II₃*.

...Замели следы... – Заметание следа – магическое действие, совершаемое нечистой силой с целью сделаться невидимым, скрываться от погони. О "вынимании следа" как колдовском акте Блок писал в статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906).

...Дремлют две звезды(<...>) // Веселится Смерть. – Ср. у А. Афанасьева подчеркивание в славянских мифах единства "смерти с ночью и зимою" (*Афанасьев*, I. С. 101) имеющее, впрочем, гораздо более широкое распространение в мировой (в частности – античной) мифологии.

...Задремали корабли... – О "кораблях" см. коммент. к стих. "Последний путь". Ср. символическую сцену с "дремлющими голубыми кораблями" в драме "Незнакомка", 1906 (*СС-8₄*. С. 84).

ГОЛОСА

("Нет исхода вьюгам певучим...")

(С. 158)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*. Л. 76 об. – 78, "8 января"; рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 21–22; *РЭ III₁*. Л. 14–15.

Впервые: *СМ*. С. 43–46.

Публикации: *ЗС*. С. 164–166; *III*₁. С. 17–19; *II*₃. С. 187–189; *II*₄. С. 251–253; *II*₅. С. 188–190.

Печатается по *II*₄ с исправлением опечатки в ст. 34.

В *T*₅ перед заглавием – цифра "XV"; при обеих ремарках (под заглавием и текстом) скобки отсутствуют.

В экземпляре *СМ*, принадлежавшем Блоку (см.: *ББО-1*. С. 83) отчеркнуты черными чернилами ст. 29–31 и ст. 42–43 (пометы могли быть сделаны Н.Н. Волоховой; см. об этом в коммент. к стих. "Тревога" ("Сердце, слышишь...").

Последняя строфа вычеркнута в *РЭ III*₁, в таком виде напечатано в *II*₃.
Окончательный текст – *ЗС*.

Двое проносятся в сфере метелей. – Во втором круге ада (Данте, "Ад". V) "адский ветер" мчит во мраке по кругам души жертв греховной страсти; среди них – души мчавшихся вместе Франчески и Паоло (ср. упоминание их в позже написанном стих. "Она пришла с мороза").

Рукою поднятой к тучам // Ты влечешь меня к безднам! – В творчестве Блока 1904–06 гг. появляется соотнесенный с Прекрасной Дамой, но отличный от нее символ Мироправительницы (*СС-84*. С. 78) – мифологический образ женщины (возможно, олицетворенной природы) с поднятыми вверх руками (рукой): "Ты, Держащая море и сушу // Неподвижно тонкой Рукой" ("Вступление"), "...Ты, поднявшая руки, // Устремившая руки в зенит" ("Пляски осенние"). Сочетание поднятой руки и увлечения героя вниз связано со снятием противопоставления "верха" и "низа" в мире *СнМ*.

...Метель в дороге // Тебя застигла. – Ср.: "Ты меня настигла" ("Настигнутый метелью"); о символике этого образа см. с. 796.

Сердце – громада // Горной лавины – // Катится в бездны... – Ср. символический мотив падающих горных лавин, параллельный истории гибели Руди, в сказке Х.К. Андерсена "Дева льдов".

Из снежного зала и след. – Ср. описание жилища Снежной королевы в одноименной сказке Х.К. Андерсена: "снежная зала" (*Андерсен, I*. С. 252); "сотни огромных зал тянулись (...) одна за другой" (*Там же*. С. 251–252).

В СНЕГАХ

("И я затынут...")

(С. 159)

Авторизованные тексты: *АС* – *T*₅. Л. 78 об. – 79, "9 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР*₂ *III*₁. Л. 22.

Впервые: *СМ*. С. 47–48.

Публикации: *ЗС*. С. 167; *III*₁. С. 19; *II*₄ С. 254; *II*₅. С. 190.

Печатается по тексту *II*₄ за исключением исправления в ст. 4 написания слова "Вечность" с прописной буквы по всем (кроме *II*₄) источникам текста.

В *T*₅ перед текстом – порядковый номер: "XVI".

В *РЭ III*₁ стих. "В снегах" вычеркнуто карандашом; в *II*₃ – не вошло.

Окончательный текст – *СМ*.

А. Измайлов, рецензируя сборник Блока "земля в снегу" (1908), включивший и *СнМ*, пишет: "Отдельные красивые эпитеты и сравнения теряются в стихах звонких, но мало говорящих уму тех, кто привык требовать и от поэзии логики". Как пример подобных стихотворений, приводится "В снегах" (*Аякс [А. Измайлов]*). В литературном мире // *БВ*. 1908. № 10697. 9 сент. веч. вып.).

Р. Иванов-Разумник считал темой стихотворения объективно отразившийся в поэзии Блока тупик индивидуалистического мироощущения: "Все бесконечные миры (субъективной фантазии художника. – *Ред.*) являются только темницей для души одинокой" (*Иванов-Разумник*. Литература и общественность. Роза и Крест (Поэзия Александра Блока) // *Заветы*. 1913. № 10. С. 118).

И я затянут // Лентой млечной! – В статье "Поэзия заговоров и заклинаний" (1906) Блок выделяет фольклорный образ – маг, "опоясанный Млечным Путем" (*СС-85*. С. 48); ср.: "Маг (...) // В млечной ленте голова" (*Ночь*, 1904). "Млечная лента" отождествляется и с женским поясом "падшей звезды": "Серебряный твой узкий пояс – // Сужденный магу млечный путь" ("Твое лицо бледней, чем было", 1906); "Как горит твой млечный путь!" ("В час глухой разлуки с морем..." 1906).

Тобой обманут, // О, Вечность. – Тема Вечности как миража раскрывается сценой в "Снежной королеве" Х.К. Андерсена: Кай, под чарами Королевы, считает целью своей жизни сложить из осколков льда слово "Вечность".

Узкая лира, // Звезда богини... – "Лира" соотносит женский образ *СнМ* с космическим звездным миром (созвездие Лиры). Ср. также в стих. "Я был смущенный и веселый..." (1906) связь лиры с темой искусства: "Звезда, ушедшая от мира (...) // Дрожит серебряная лира // В твоей протянутой руке".

И корабль закатный // Тонет... – Для лирики Блока 1904–06 гг. характерно объединение символики гибнущих кораблей и заката. "Закат" теперь – не время мистической встречи с Прекрасной Дамой, а момент перехода от света к тьме: "Все закатное небо – в дреме (...) // И на розовой гаснет корме // Уплывающий кормщик (...) // ...мы с ним уплываем во тьму, // И корабль исчезает летучий..." ("Старость мертвая бродит вокруг...", 1905).

МАСКИ

Образность этого подцикла *СнМ*, в основном, навеяна впечатлениями "вечера бумажных дам". Ср. в воспоминаниях В.П. Веригиной: «За два или за три дня до представления нам пришла мысль отпраздновать постановку "Балаганчика" (...). Решили устроить вечер масок (...). Вера Викторовна (Иванова, артистка театра В.Ф. Коммиссаржевской, подруга Н.Н. Волоховой и В.П. Веригиной, – *Ред.*) предложила свою квартиру (...). Решили одеться в платья из гофрированной бумаги, закрепив ее на шелковых чехлах, головные уборы сделать из той же бумаги.

Вечер должен был называться "Вечером бумажных дам". Для мужчин заготовили черные полумаски. Мужчинам было разрешено не надевать маскарадного костюма, их только обязывали надевать маску (...).

Вечер состоялся, кажется, после первого представления "Балаганчика". На нем присутствовали следующие лица: Л.Д. и А.А. Блок, О.М. и В.Э. Мейерхольд, В.В. Иванова, Н.Н. Волохова, Е.М. Мунт, Веригина, М.А. Кузмин, Н.Н. Сапунов, К.А. Сюннерберг, С.М. Городецкий, Б.К. Пронин, Чулков, Ауслендер и др:

Почти все дамы были в костюмах одного фасона. На Н.Н. Волоховой было длинное

со шлейфом светло-лиловое бумажное платье (...). Было условлено говорить со всеми на "ты" (...). Как раз на вечере "бумажных дам" лиловая маска Н.Н. Волохова окончательно покорила" Блока (*Воспоминания*, 1. С. 426, 427, 428). Атмосфера "вечера бумажных дам" сохранялась и позже, на субботних встречах в квартире В.В. Ивановой зимой 1907 г., где оставался и прежний круг участников. Символика маски играла важную роль и в более раннем творчестве Блока 1904–06 гг. (ср.: "Маска открыла блестящие зубы", осень 1906, т. 4 наст. издания), особенно – в лирической драме "Балаганчик". Вполне вероятно, что сама идея маскарада возникла у актеров театра Коммиссаржевской под влиянием репетиций "Балаганчика", особенно – сцены маскарада (см. *СС-84*, С. 16–20).

"Маскарадность" подцикла связана также и с календарной святочной обрядностью, поскольку цикл создавался в дни святок; см. об этом *Мерлин В.В.* "Снежная маска" и "Двенадцать": (К вопросу о святочных мотивах в творчестве Блока) // *БС-6*.

Есть образ маски и в "Снежной королеве" Х.К. Андерсена: Королева, увлекающая Кая в царство снегов, появляется в снях, со скрытым маской лицом.

Наконец, мир "Масок" соотносится с первой частью цикла – "Снега", отчетливо (особенно вначале) противопоставляясь ему как "комнатный" – космическому, "рыцарский" – стихийноприродному, вечный – уходящему в прошлое и т.д.

ПОД МАСКАМИ

("А под маской было звездно...")

(С. 160)

Авторизованные тексты: *АС – Т₅*. Л. 79 об. – 80, "9 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 24.

Впервые: *СМ*. С. 51–52.

Публикации: *ЗС*, С. 171; *III₁*. С. 20; *II₃*. С. 190; *III₄*. С. 255; *II₅*. С. 191.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "XVII". Варианты текста отсутствуют.

Окончательный текст – *СМ*.

А под маской было звездно и след. – "Звездность" мира "под масками", нахождение его вблизи "бездны", ср. с описаниями стихий в подцикле "Снега".

...бокал стеклянных влаг (...) // *И звенела влага в сердце*. – "Стеклянные влаги (...)" в сердце" – возможная реминисценция из "Снежной королевы": Каю попадает в сердце стекло – осколок "дьявольского зеркала".

...к резной старинной дверце // *Прилепился голый мальчик* // *На одном крыле*. – "Голый мальчик" – Амур (римск. мифол.). Имеются в виду резные изображения амуров на дверцах книжного шкафа. В.Н. Орлов пишет, что такой книжный шкаф стоял в кабинете Блока (*СС-82*. С. 428). Анонимный автор антисимволистской рецензии на *СМ* истолковывает художественно значимое для цикла усложнение грамматических связей слов ("прилепился (...)" на одном крыле") как грамматическую и лексическую бессмыслицу и пишет об "о д н о к р ы л о м (разрядка ред.) голом мальчике" как образе стихотворения ([Б.П.] Александр Блок. Снежная маска (рец.) // *Беседа*. 1907. № 7. С. 63).

БЛЕДНЫЕ СКАЗАНЬЯ

("– Посмотри, подруга, эльф твой...")

(С. 161)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 80–81, "9 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 24 об. – 25; РЭ III₁. Л. 16.

Впервые: СМ. С. 53–55.

Публикации: ЗС. С. 172–173; III₁. С. 21–22; II₃. С. 191–192 (Бледные сказанья ("Вот смеется маска маске...")); II₄, С. 256–257; II₅. С. 192–193.

В II₄ из-за переноса текста на следующую страницу после ст. 17 строфика ст. 15–21 является инвариантной; в качестве основного текста выбран вариант с интервалом между ст. 17 и 18 (как в III₁ и в II₃).

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XVIII".

Строфика стихотворения многократно варьировалась, в ряде случаев, как и в II₄, она является инвариантной. Точка в конце ст. 16 (в Т₅, СМ, ЗС и в II₅) меняет смысловые связи в ст. 15–17, что подчеркнуто наличием интервала между ст. 16 и 17 в указанных публикациях, причем в СМ перенос текста после ст. 14 позволяет рассматривать ст. 15–16 либо в составе пятистишия (ст. 12–16), как в ЗС, либо в качестве самостоятельного двустишия – так напечатаны ст. 15–16 в II₅ (издании, в котором мера авторского участия Блока не установлена). В Т₅ ст. 12–21 объединены в строфу, после ст. 28 текст перенесен на следующую страницу – ст. 29–30 могут входить в девятистишие (ст. 22–30) либо составлять отдельную строфу. В СМ и ЗС 8-я строфа основного текста разделена на ст. 27–28 и 29–30. В III₁ перенос текста после ст. 26 не позволяет судить, выделены ст. 27–28 или присоединены к ст. 22–26, как в Т₅, ст. 29–30 даны двустишием.

Правка в РЭ III₁, видимо, производилась при подготовке II₃, где стихотворение помещено без 1-й строфы.

Окончательный текст – III₁.

Образы и ситуации стихотворения связаны с драмой "Балаганчик", 1906 (ср. сцену с "третьей парой влюбленных"; время действия этой сцены – "Средневековье", герои – рыцарь с мечом и дама в маске – СС-84. С. 18). Оба текста, в свою очередь, – отсылки к "художественному миру" "Стихов о Прекрасной Даме" с его "средневековым колоритом", изображаемым теперь отстраненно, с романтической иронией, как "масочный", "маскарадный".

...эльф твой // Улетел! – Эльфы (в герм. и сканд. мифол. – воздушные существа) упоминаются в ранней редакции стих. "Ты у камина, склонив седины..." (см. т. 1 наст. изд.)

...Заплетает вязь. – О символике "вязи" см. коммент. к стих. "Снежная вязь".

...на темной // Завесе окна // Темный рыцарь... – Ср. в воспоминаниях Вл. Пяста о более ранней (конец 1905) жизни Блоков на квартире в Гренадерских казармах: "С обитателями квартиры так гармонировали сцены из рыцарской жизни, на прозрачной цветной бумаге, которыми были оклеены нижние стекла высоких окон" (Воспоминания. I. С. 371).

Он рассказывает сказки, // Опершись на меч. – "Сказка" в творчестве Блока 1904–06 гг. устойчиво связана с образом рыцаря с мечом (ср. в стих. "Еще прекрасно серое небо...", о "латнике в черном" – статуе на крыше Зимнего Дворца: "Пусть он угрюмей опустит меч, // Чтоб (...) // За древнюю сказку мертвым лечь").

...Улетевший с книжной дверцы // Амур. – См. коммент. к стих. "Под маской". Анонимный рецензент *СМ* (Беседа. 1907. № 7. С. 63) подчеркнул связь этого образа в обоих стихотворениях цикла, отметил и здесь "неправильную" грамматическую структуру: «Этот самый однокрылый голый мальчик, в другом стихотворении "улетевший с книжной дверцы", "не умеет прицепиться" – к чему, не объяснено».

СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

("В длинной сказке...")

(С. 164)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*. Л. 81–81 об., "9 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 25–25 об.

Впервые: *СМ*. С. 57–58.

Публикации: *ЗС*. С. 174; *III₁*. С. 22–23; *II₃*. С. 193; *II₄*. С. 258; *II₅*. С. 193–194.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "XIX".

Окончательный текст – *СМ*.

Вы любезней, чем я знала и след. – В.П. Веригина пишет, что слова этих строк "были сказаны Блоком и Волоховой в действительности" (по-видимому, на "вечере бумажных дам") (*Воспоминания*, I. С. 433).

...*Дремлет тихая змея*. – Символика "змеи" (см. коммент. к стих. "Снежное вино") здесь связана с реалией – медными пряжками в виде змеек на женской обуви (*СС-8₂*. С. 427).

В УГЛУ ДИВАНА

("Но в камине дозвенели...")

(С. 164)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*. Л. 81 об. – 82 об., "9 января", рукой Л.Д. Блок; заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 25 об. – 26.

Впервые: *СМ*. С. 59–60.

Публикации: *ЗС*. С. 175–176; *III₁*. С. 23–24; *II₃*. С. 194–195; *II₄*. С. 259–260; *II₅*. С. 194–195.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "XX"; стих. не разделено на строфы.

Окончательный текст – *СМ*.

Реалии стихотворения, по воспоминаниям В.П. Веригиной, навеяны обстановкой встреч актрис и актеров театра В.Ф. Коммиссаржевской с символистами в начале 1907 г.; после "вечера бумажных дам" Н.Н. Волохова и ее подруги начали часто собираться "в квартире Блоков или перед камином у В.В. Ивановой". "Я, – пишет Веригина – вновь и вновь вижу всех нас на розовом диване и шкуру белого медведя перед камином" (*Воспоминания*, I. С.430, 432).

И пройдут любые тени // При огне и след. – Современный исследователь вопроса В. Мерлин сопоставляет эти образы с рождественской люстральной обрядностью и ее воплощением в "театре теней" (*Мерлин В.В. "Снежная маска" и "Двенадцать"*: (К

вопросу о святочных мотивах в творчестве Блока // *БС-6*. С. 22 и 23). Впрочем, скорее всего, "представления теневого театра" на "вечере бумажных дам" не было, но маскарадные уборы (например, упоминаемые Н.Н. Волоховой короны из цветной бумаги и др.) и тени "масок" на стенах помещения могли восприниматься, под влиянием святочных впечатлений, как фигуры "театра теней".

И любой цветок уронит // Голубой... – Голубой цветок – символ высокого идеала, получивший исключительно широкое распространение в литературе XIX – нач. XX вв., восходит к роману Новалиса "Генрих фон Офтердинген" (1802).

ТЕНИ НА СТЕНЕ

("Вот прошел король с зубчатым...")

(С. 165)

Авторизованные тексты: *АС – Т₅*. Л. 82. об. – 83, "9 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. С. 26–26 об.

Впервые: *СМ*. С. 61–62.

Публикации: *ЗС*. С. 177–178; *III₁*. С. 24–25; *II₃*. С. 196–197; *II₄*. С. 261–262; *II₅*. С. 195–196.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "XXI". Строфическое деление ст. 1–8 в *Т₅*, *СМ*, *ЗС* варьировалось.

Окончательный текст – *III₁*.

Развертываются намеченные в предшествующем стихотворении "святочные" мотивы теневого театра, отождествленного с миром "масок" и с "рыцарским" миром "старины" ("король", "рыцарь", "дамы", "меч", "забрало", "сказка" и т.д.).

Рыцарь с темными цепями // На стальных руках. – В.П. Веригина отождествляет этот образ с "латником в черном" из стих. "Еще прекрасно серое небо..." «Стали говорить о "Снежной маске" – о рыцаре с темными цепями на стальных руках. "Я вам покажу его, он на Зимнем дворце. Я смотрел на него, когда ходил в университет", – сказал Александр Александрович» (*Воспоминания*. 1. С. 438). Полное отождествление источников этих образов, – скорее всего ошибка памяти мемуаристки (см.: *Там же*. С. 545).

...петуший гребень (<...> // Ваш украсил шлем! – Объединение образа петушиных перьев как плюмажа на рыцарском шлеме и многоплановой культурной символики петуха (см. о ней ниже, в коммент. к стих. "Насмешница").

Эти розы и след. – "Розы" в творчестве Блока от ранней лирики и "Стихов о Прекрасной Даме" до драмы "Роза и Крест" (1912) – также примета европейского "рыцарского" мира (ср.: стих. "Влюбленность", статью "Девушка розовой калитки и муравьиный царь", 1906 и др.). Вместе с тем это – и реалья, относящаяся ко времени постановки "Балаганчика": в день премьеры драмы, пишет В. Веригина, "к нам в уборную пришел Блок и поднес цветы – Мунт розовые, Волоховой белые и мне красные" (*Воспоминания*, 1. С. 426).

НАСМЕШНИЦА

("Подвела мне брови красным...")

(С. 166)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 83. об. – 84, "10 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 26 об. –27.

Впервые: СМ. С. 63–64.

Публикации: ЗС, С. 179; III₁. С. 25–26; II₄. С. 263; II₅. С. 196–197.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XXII". В РЭ III₁ стихотворение вычеркнуто; в II₃ – не вошло.

Окончательный текст – СМ.

Подвела мне брови красным... – Эпизод "вечера бумажных дам, когда Н(атаалья) Н(иколаевна) подвела поэту брови (*Воспоминания*, I. С. 433). Ср. в воспоминаниях Н.Н. Волоховой: "Помню, Александр Александрович пришел в комнату, где мы, дамы, наводили красоту (пудра, кармин, тушь), и попросил, чтобы и его немного подцветили. Я взяла темный бакан и подвела ему брови и около глаз" (*Земля в снегу* // Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 374 (*УЗ ТГУ*. Вып. 104)).

Заливалось утро криком // Петуха (...) // *Ночь не может понимать // Петуха*. – Евангельская символика петуха, связанная с памятью, совестью, раскаянием (Мф. XXVI. 69–75; Мк. XIV. 66–72 и др.), наслаивается на фольклорную и на значение этого символа в стихотворении Д.С. Мережковского "Дети ночи" (1896), где петух – вестник грядущего "утра". Андрей Белый в мемуарах (*Между двух революций*. Л., 1934. С. 76) говорит о связях стихотворения с "Детями ночи", описывая визит свой и Блока к Мережковским: «Это его ответ на разговорную тему, поднятую Мережковским: "Петуха ночное пенье, Холод утра; это – мы". З.Н. (Гиппиус. – *Ред.*) – на ту же тему: (...) Петухи поют, поют, // Но лицо небес еще темное».

И летели тройки с гиком... – Упоминание "тройки" связывает эпизоды катаний на санях (об их генезисе и значении см. примеч. к стих. "Снежная вязь") с символикой "Руси" (через тройку из "Мертвых душ" Гоголя). Ср. в позднейшей, но тоже навеянной обликом Н.Н. Волоховой драме "Песня Судьбы": Фаина (образ, соотношенный с Россией) увлекает Германа в вихревой полет на тройке (СС-8₄. С. 150–151).

ОНИ ЧИТАЮТ СТИХИ

("Смотри: я спутал все страницы...")

(С. 167)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 84–84 об., "10 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 27–27 об.

Впервые: СМ. С. 65–66.

Публикации: ЗС. С. 180; III₁. С. 26–27; II₃. С. 198; II₄. С. 261–262; II₅. С. 197–198.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XXIII".

Окончательный текст – СМ.

Арк. Бухов по поводу этого стихотворения пишет, рассматривая его образы как вытекающие из более общей метафоры "книга жизни": "В книге жизни, такой тяжелой

и мучительной, незримой скорбью перепутаны все страницы (...) и Блок понимает, что ему уже не распутать этих тайных страниц" (*Бухов*. С. 26); "И горе тому, кто подойдет вплоть к этой правде и попытается угадать ее тайны" (*Там же*. С. 29).

Они читают стихи. – Чтение, увлекающее в греховную страсть, – реминисценция из "Ада" Данте (V. 127–138).

Большие крылья снежной птицы... – См. коммент. к стих. "Тревога".

Но для меня неразделимы и след. – О символике встречи у реки см. коммент. к стих. "Снежная вязь".

...И рифм веселых огоньки. – Образ навеян, возможно, шуточными стихотворными импровизациями, сопровождавшими прогулки Блока и Н.Н. Волоховой по ночному Петербургу (ср.: «Мы пойдем на "Зобеиду"»). – *СС-8₂*. С. 365.

НЕИЗБЕЖНОЕ

("Тихо вывела из комнат...")

(С. 167)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*. Л. 84 об.–85, "13 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 27 об.

Первые: *СМ*. С. 67–68.

Публикации: *ЗС*. С. 181; *КРП*. С. 324–325; *III₁*. С. 27; *II₃*. С. 199; *II₄*. С. 265; *II₅*. С. 198.

В *Т₅* перед текстом – порядковый номер: "XXIV". В *Т₅* (а также в *СМ*, *ЗС*, *КРП*, *НР₂ III₁*) ст. 13–16 даны четверостишием. В *Т₅* и в первых публикациях после ст. 16 имелся еще один, строфически выделенный стих.

Окончательный текст – *II₃*.

Тихо вывела из комнат и след. – Стихотворением открывается третья, последняя часть сюжета *СМ* как поэмы: герой, увлеченный (в подцикле "Снега") из домашнего мира в царство "вихрей", а затем ("Маски") вновь оказавшийся в закрытых пространствах дома, маскарада, теперь опять уводится "из комнат" в снега и ветры (о циклической структуре *СМ* см. коммент. к стих. "Снежное вино"). Ср. общую композицию сказки Х.К. Андерсена "Дева льдов": ребенком Руди чуть не становится жертвой Девы льдов, которая "уже отметила его своим поцелуем, но не успела зацеловать до смерти" (*Андерсен*, 2. С. 187), затем чудом спасается и возвращается к людям, но в конце концов увлекается "губительной девой" на ледяное дно горного озера.

Он не вспомнит и след. – О символике забвения см. коммент. к стих. "Настигнутый метелью".

Слушай, пасмурные кони // Топчут звездные пределы... – Ср.: "Знаю – то морские кони // Потрясают берега" (*Иванов Вяч.* Кормчие звезды. Книга лирики. СПб., 1903. С. 151).

ЗДЕСЬ И ТАМ

("Ветер звал и гнал погоню...")

(С. 168)

Авторизованные тексты: *АС* – *Т₅*. Л. 85–86, "13 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – *НР₂ III₁*. Л. 28; *РЭ III₁*. Л. 19 об.

Первые: *СМ*. С. 69–70.

Публикации: ЗС. С. 182; III₁. С. 28; II₃. С. 200–201; II₄. С. 266; II₅. С. 199.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XXV".

Ст. 9 приведен к основному тексту в РЭ III₁, видимо, при подготовке II₃. В СМ, ЗС и III₁ ст. 11–21 даны одной строфой.

Окончательный текст – II₃.

Здесь и там – противопоставляются миры "ветров", "бездн" ("здесь") и маскарада, "масок" ("там").

Ветер звал и гнал погоню... – Г. Чулков (Снежная Дева // Чулков. С. 84) сопоставляет образы полета в этой и след. строках со сценой увлечения Кая Снежной королевой (см. коммент. к стих. "На зов метелей").

СМЯТЕНИЕ

("Мы ли – пляшущие тени?..")

(С. 168)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 86–86 об., "13 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 28 об.

Впервые: СМ. С. 71–72.

Публикации: ЗС. С. 183; III₁. С. 29; II₃. С. 202; II₄. С. 267; II₅. С. 200.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XXVI".

Окончательный текст – СМ.

Критик общедемократического лагеря Б. Бразоленко увидел в стихотворении квинтэссенцию господствующих в цикле настроений растерянности, сомнения, субъективизма: "Блок (...) чего-то не знает, в чем-то сомневается, чего-то ищет, чего-то ждет, вздыхает о чем-то. Декарт в основу своей философии положил сомнение, и все же он исходил из одного бесспорного положения (...): я сознаю – значит, я существую. Мы же не только не верим себе, – мы даже боимся поверить в себя, т(о) е(сть) в то, что мы действительно существуем, что мы реальны. Тот же Блок спрашивает:

Мы ли – пляшущие тени?
Или мы бросаем тень? (...)

Это не просто сомнение, – это отчаяние, это болезнь, это ужас (...) Когда самое отчаяние ставится под сомнение, то сомнение несомненно граничит с отчаянием" (Бразоленко Б. У Кастальского ключа // Вестник знания. 1908. № 7–8. С. 1024–1025). Автор статьи считает, что "эта болезненная нервность (...) характерна не для одного Блока" и составляет типическую особенность русского символизма (Вяч. Иванова, Брюсова и др.) (Там же. С. 1025).

Разметались космы ночи... – Космы – знак хаотического "демонического" мира. Ср.: "волосы ночи" ("Твари весенние"), "в космах белых // Черной ночи трубачи" ("Ночь").

...Возврати мне, маска, душу... – В Брюсов считает это место одним из "последних мучительных восклицаний", завершающих лирический сюжет цикла (Брюсов В. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 5. С. 67).

ОБРЕЧЕННЫЙ

("Тайно сердце просит гибели...")

(С. 169)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 86 об.–87, "12 января" рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 29; печ. текст – Изборник. Л. 88.

Впервые: СМ. С. 73–74.

Публикации: ЗС. С. 184; III₁. С. 30; II₃. С. 203; II₄. С. 268; II₅. С. 201.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XXVII"; в ст. 4 проставлено ударение в слове "серебром" на первом слоге.

Печ. текст в Изборнике вместе с двумя другими стихотворениями цикла ("Второе крещение") ("Открыли дверь мою метели...") и "Ее песни" ("Не в земной темнице душевной...") наклеен на лист с заголовком (рукой Блока) – "Из Снежной Маски"; слово "Завела" в ст. 9 печ. текста подчеркнуто.

Окончательный текст – II₃.

М. Гофман пишет по поводу стихотворения: "Маска обезличивает душу поэта, влечет его к гибели" (Гофман М. Александр Блок // КРП. С. 306). Р. Иванов-Разумник считает финал "Обреченного" – смерть – "неслучайным выходом" для лирического героя Блока с его индивидуализмом (Иванов-Разумник Р.В. Литература и общественность. Роза и Крест: (Поэзия Александра Блока) // Заветы. 1913. № 10. С. 118).

Тайно сердце просит гибели и след. – В. Брюсов рассматривал первое четверостишие "Обреченного" "как определяющее для всего цикла" (см.: Брюсов В. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 5. С. 66).

Как над тою дальней прорубью и след. – Мотив гибели в проруби идет от эпохи кризиса настроений "Стихов о Прекрасной Даме" ("За темной далью городской" (1902), т. 1 наст. изд.). Ср. также финал "Девы льдов" Х.К. Андерсена, где Дева, "сидящая на ясном, прозрачном дне" горного озера, заманивает героя, и он исчезает "в ясной синеватой глубине" (Андерсен, 2. С. 226–227).

И холодными призорами и след. – Призоры – "сглаз", порча от дурного глаза. О "притчах и призорах" "злого человека" и об «"отговорах от порчи и "призора"» Блок писал в статье "Поэзия заговоров и заклинаний", 1906 (СС-85. С. 56–57).

НЕТ ИСХОДА

("Нет исхода из вьюг...")

(С. 170)

Авторизованные тексты: АС – Т₅. Л. 87–87 об., "13 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; Кор. – НР₂ III₁. Л. 29–29 об.

Впервые: СМ. С. 75–76.

Публикации: ЗС. С. 185; III₁. С. 30–31; II₃. С. 204; II₄. С. 269; II₅. С. 201–202.

В Т₅ перед текстом – порядковый номер: "XXVIII"; ст. 5–9 даны одной строфой.

До II₄ печаталось с вариантом в строфике – без пробела между ст. 14 и 15.

Арк. Бухов писал о стихотворении, что в нем "звучит рыдающая песня замерзающей души, и невольно верится, что после тех страданий (...) трудно не встретить

радостью такую желанную и ласковую гостью, как Смерть" (*Бухов*. С. 30). М. Гофман точнее говорит о настроениях радостной гибели в "Нет исхода". «Поэту весело погибнуть, он с радостью сознает, что "нет исхода из выюг"» (*Гофман М. Александр Блок // КРП*. С. 307).

Н. Русов в книге "О нищем, безумном и боговдохновенном искусстве" (М.: Образование, 1910. С. 1) рассматривает настроения "Нет исхода" как символическую картину России эпохи реакции: "Герои минувшего дня спят непробудным сном, и Незнакомая замела их могилы серебряным снегом. Исчезли следы минувшего (...) Опять все ожидания обманулись, и опять перед нами, вместо открытого лица русской жизни, лик пустынного Сфинкса, жуткого и жестокого". Иванов-Разумник, полностью процитировав стихотворение, утверждал, напротив, что даже смерть героя в *СМ* не является выходом, так как «освобождение и спасение от заколдованного круга никогда не приходит извне; они могут придти только из глубин души человека, после тяжелого перелома "трагедии", после внутренней победы над обреченностью одиночества». У Блока в *СМ* такой победы нет, «и не случайно пишет А. Блок с холодом в душе стихи (...) "Нет исхода"» (*Иванов-Разумник Р.В. Литература и общественность. Роза и Крест: (Поэзия Александра Блока) // Заветы*. 1913. № 10. С. 118).

Завела в очарованный круг... – Магическое значение круга как защиты от злых сил широко распространено в фольклоре. Для символизма (особенно для Ф. Сологуба) характерен романтический образ "очарованного круга" – ограждения не только от "духа злого", но и (как и в *СнМ*) от враждебных герою "светлых сил". Образ встречается в творчестве Блока 1904–06 гг. (ср. в "Балаганчике", 1906: "Ты сам вступить захотел // В мой очарованный круг").

...цари и герои // Минувшего дня... – Образы "царей и героев" как принадлежащих прошлому (уснувшему, погибшему) миру типичны для Блока 1904–07 гг. (ср. стих. "Жду я смерти близ денницы..." (1904), поэму "Ночная фиалка" (1905–06), драму "Король на площади" (1906) и др.). В поэтическом сознании Блока эти образы противопоставлены лирическому герою и Деве "Стихов о "Прекрасной Даме" – юным "царевичу" и "царевне" ("Я вырезал посох из дуба...", "Царица смотрела заставки..." – т. I наст. изд. и др.).

...О, твои, Незнакомая, снежные жертвы! – Героиня цикла отождествляется с образами стихотворения и драмы "Незнакомка" (1906).

И приветно глядят на меня... – Ср. в сказке Х.К. Андерсена "Дева льдов" встречу утонувшего Руди с прежними жертвами Девы: все "некогда провалившиеся в расщелины скал стояли перед ним, как живые, широко раскрыв глаза и улыбаясь" (*Андерсен*, 2. С. 226).

...Восстань из мертвых! – "Восстань" – слова Иисуса при воскрешении им умерших (Мк. V. 41–42; Лк. VII. 14–15; VIII. 54–55) или излечения (Ин. V. 8–9 и др.).

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

("Сверкни, последняя игла...")

(С. 170)

Авторизованные тексты: *АС – Т₅*. Л. 88, "13 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; *Кор.* – *НР₂ III₁*. Л. 29 об.–30.

Впервые: *СМ*. С. 77–78.

Публикации: *ЗС*. С. 186; *III₁*. С. 31–32; *II₃*. С. 205; *II₄*. С. 270; *II₅*. С. 202.

В *T*₅ – перед текстом – порядковый номер: "XXIX"; ст. 7–15 даны одной строфой. До *И*₄ печаталось с вариантом в строфике.

В. Брюсов рассматривал стихотворение как "последние мучительные восклицания" героя цикла (*Брюсов В. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 5. С. 67*). Арк. Бухов связывает его с темой трагической исчерпанности чувства в лирике Блока: "Был какой-то светлый сон о любви, были какие-то тайные нити, привязывающие поэта к бытию, но теперь все это порвано безжалостной рукой – может быть даже рукой самого поэта" (*Бухов. С. 26*). М. Гофман, более близкий к кругу поэтических настроений Блока 1906–07 гг., подчеркивает во всех стихотворениях, завершающих *СМ*, мотивы "влюбленности в смерть" и добровольной гибели (*Гофман М. Александр Блок // КРП. С. 307*).

Сердце предано метели. – Мотив "преданности" (отданности) личности стихиям бытия – один из типичных для Блока 1906–07 гг. Ср.: "Сердцем, преданным метелям, // К высям неба унесусь" ("Серебристым снежным хмелем...", 1906–07), "Иду, покорен, участи строгой" ("Балаганчик", 1906) и др.

Я всех забыла, кого любил... – Г. Чулков в статье "Снежная Дева" (*Чулков. С. 83*) рассматривает строку как реминисценцию из "Снежной королевы": после поцелуя королевы "Кай позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних". Однако мотив забвения прежней любви возникает в *СнМ* значительно раньше (см. коммент. к стих. "Настигнутый метелью") и проходит через весь цикл.

Я сам иду на свой костер! – Развивается тема добровольного самосожжения – ситуация "мифа о сгорающем царе", характерная для "дионисизма" Вяч. Иванова. Ср. у Блока в стих. "Угар" (1906): "Царь" "видит красный свет костра: // На костер идти пора!".

НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ ("И взвился костер высокий...") (С. 171)

Авторизованные тексты: *АС* – *T*₅. Л. 88 об.–89, "13 января", рукой Л.Д. Блок, заглавие (красными чернилами) – рукой Блока; *Кор.* – *НР*₂ *III*₁. Л. 30–30 об.; *РЭ* *III*₁. Л. 21 об.–22.

Впервые: *СМ*. С. 79–80.

Публикации: *ЗС*. С. 187–188; *III*₁. С. 32–33; *II*₃. С. 206; *II*₄. С. 271–272; *II*₅. С. 203.

В *T*₅ перед текстом – порядковый номер: "XXX". В *II*₃ опубликовано – без 2-й и 5-й строф; в *РЭ* *III*₁ эти строфы вычеркнуты.

В. Брюсов видит в стихотворении сюжетную развязку поэмы: «Роман в книге кончается гибелью героя. Он "сам идет на ее костер", и она поет "над распятым на кресте"» (*Брюсов В. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 5. С. 67*). Анонимный рецензент из газ. "Русь" (1907. № 109. 19 апр.) отмечает "звуковые шедевры" в организации стиха этого произведения. Автор анонимной антисимволистской рецензии на *СМ* завершает разбор иронической концовкой, в которой, однако, осознана связь темы смерти лирического героя и его грядущего возрождения: «Автору во что бы то ни стало хотелось, очевидно, нагнать холод на читателя и заморозить его. Поэт, однако, сам восходит на "снежный костер" (...). Поэт сгорел, "яр и светел", а высота разметала по равнине его "пепел". Мир его праху. И да возродится из этого

праха, подобно некоему Фениксу, (...) выдающийся поэт Александр Блок» ([Б.п.]. Александр Блок. Снежная маска (рец.) // Беседа. 1907. № 7. С. 63–64).

Стихотворение (как и "Ее песни" и "Крылья") написано от лица героини *СнМ*.

И взвился костер высокий // Над распятым на кресте. – Соединение добровольного самосожжения и распятия – постоянная черта "мифа о сгорающем царе". Ср.: "Помазуемый в цари! // Уподобься мне в распяты, // Распрости свое объятие – // И гори, гори, гори!" (*Иванов Вяч. Cor ardens. М., 1911. С. 15*).

...ночи, // Сестры-пряхи снежных зим... – Сестры-пряхи – Мойры (греч. мифол.) или Парки (римск. мифол.), богини судьбы, прядущие и обрезающие нить человеческой жизни. Ср. коммент. к стих. "Снежная вязь".

Я ль не пела, не любила (...) // *Так гори и яр и светел...* – "Сгорание" включается в ситуацию "смерть – плата за любовь", имеющую широкий генезис, в частности – восходящую к Пушкину ("Египетские ночи" и др.). Ситуация эта привлекала и В. Брюсова ("Предчувствие", 1894; "Ламия", 1900; "Помпеянка", 1901, и др.) и других старших символистов.

...Поцелуев не дарила... – Г. Чулков рассматривает образ поцелуев Снежной маски как реминисценцию из "Снежной королевы": "Королева (...) поцеловала его (Кая. – Ред.) в лоб (...). Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет" (*Чулков Г. Снежная Дева // Чулков. С. 83*).

...Милый рыцарь, я стройна... – Ср. в посвященном Н. Волоховой и написанном от лица женщины стих. "Я в дольний мир вошла как в ложу..." (1 янв. 1907): "Люди, я стройна!"

...Размету твой легкий пепел... – Ср. в стих. Пушкина "Кривцову" (1817): "Соберут их легкий пепел" (о "подругах" погибших "юношей").

...По равнине снеговой. – Одна из трактовок символа – во вступлении ("Вместо предисловия") к сб. Блока "Земля в снегу" (март 1908): "В конце пути (...) расстилается одна вечная и бескрайняя равнина – изначальная родина, может быть, сама Россия" (СС-82. С. 373–374). Образ "равнины" как Родины встречается уже в ранней лирике Блока. Ср. "пустую равнину, занесенную снегом", в "Песне Судьбы" (1908) – сцене последней встречи Германа и Фаины.

ФАИНА

Раздел "Фаина" состоит из 31 стихотворения; они написаны с конца декабря 1906 г. по ноябрь 1908 г. Большинство этих стихотворений (18 из 31) относится к октябрь–ноябрю 1907 г.; остальные (за исключением первых трех, созданных в последние дни декабря 1906 г. и 1 января 1907 г.) распределяются внутри хронологических рамок раздела относительно равномерно. Стихотворения размещены в соответствии с хронологией их создания, при этом сохранено композиционное единство входящих в раздел ранее сформировавшихся циклов.

В составе второго тома "Стихотворений" Блока "Фаина" непосредственно примыкает – композиционно, хронологически, тематически и в образно-стилевом отношении – к циклу "Снежная Маска". Реальный биографический прототип лирической героини раздела тот же, что и в "Снежной Маске", – Н.Н. Волохова; обстоятельства влюбленности Блока в Волохову также являются канвой лирического сюжета "Фаины" (три первых стихотворения раздела созданы в те же дни, что и пер-

вое стихотворение "Снежной Маски" – "Снежное вино", датированное 29 декабря 1906 г., и отражают те же переживания; остальные стихотворения раздела написаны после завершения "Снежной Маски", но в большинстве своем развивают тематические линии и мотивы, заданные в предшествующем цикле). Говоря о "Снежной Маске", М.А. Бекетова указывает: «Как это произведение, так и все, что значится в цикле "Фаина" – составляет одну повесть» (*Бекетова 1₂*. С. 106). Лирическая героиня "Фаины" обладает многими характерными чертами, присущими "снежной маске": связь со снежной, "метельной" стихией (одно из определений – "Снежная Дева"), динамичность, постоянно повторяемый мотив кружения, внутренняя противоречивость, "дионисизм", воплощение губительной любви-страсти, тот же цветовой колорит (постоянные характеристики: *черное, темное*), подчеркнутый образами ночи, мрака, связь с "открытыми" пространствами, с мотивами ветра, холода и т.д. (подробнее см.: *Мицц, 2*. С. 78–83).

При всех чертах сходства существенно важны и различия "Фаины" с предшествовавшим ей циклом. Прежде всего, если "Снежная Маска" сформировалась в середине января 1907 г. как законченное художественное единство, обладающее признаками лирической поэмы, была в том же году выпущена в свет отдельной книгой и при последующих переизданиях собрания стихотворений Блока никаких изменений – ни по составу, ни по композиции – не претерпевала, то раздел "Фаина", как определенное композиционное и образно-тематическое единство, впервые сложился гораздо позднее того времени, когда были написаны составляющие его стихотворения, – в 1916 г., при формировании второго "мусagetского" издания "Стихотворений" Блока в трех томах.

Раздел "Фаина" в своем окончательном виде многосоставен; в него входят два относительно самостоятельных цикла стихотворений: "Осенняя любовь" и "Заклятие огнем и мраком"; кроме того, первые три стихотворения раздела были объединены в циклы в предыдущих изданиях: в третьей книге стихов "Земля в снегу" (*ЗС*) – в цикл "Н.Н. Волоховой", в третьей книге ("Снежная ночь") Собрания стихотворений 1911–1912 гг. (*III₁*) – в цикл "Н.Н.В.". К этим циклам относятся 17 из 31 стихотворения "Фаины". Цикл "Осенняя любовь", состоящий из трех стихотворений, в этой же композиции ранее был представлен в журнальной публикации, в *ЗС* и в *III₁*. Цикл "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей" (первоначальное заглавие), состоящий из 11 стихотворений, в этой же композиции печатался в первой журнальной публикации и в *III₁*; в *ЗС* он был расформирован по разным разделам, причем три стихотворения цикла ("Я неверную встретил у входа...", "В бесконечной дали корридоров...", "О, что мне закатный румянец...") в книгу не вошли.

В *ЗС* были включены 22 стихотворения, вошедшие впоследствии в "Фаину" (два последних стихотворения раздела – "Я помню длительные муки..." и "Своими горькими слезами..." – по времени своего создания в эту книгу, составленную весной 1908 г., не могли попасть и были помещены в четвертый сборник стихов Блока "Ночные часы", в раздел "Страшный мир"). Из этих 22 текстов: "Пляска" ("Гармоника, гармоника!.."), "Работай" ("Работай, работай, работай..."), "Знакомое" ("Она пришла с мороза...") входили в раздел "Мещанское житье", состоявший из 18 стихотворений; 7 стихотворений – "Я насадил мой светлый рай...", "Снежная Дева", "Принимаю" ("О, весна без конца и без краю!.."), "Пожар" ("Приявший мир, как звонкий дар..."), "Под пыткой" ("Перехожу от казни к казни..."), "Над бездной" ("По улицам метель метет..."), "Предаюсь" ("И я опять затих у ног...") – в раздел "Песня Судьбы" (всего включавший 16 стихотворений); 12 стихотворений – в раздел "Послания" (общее количество – 15 стихотворений); циклы "Н.Н. Волоховой" ("Я в дольний мир вошла, как в ложу...", "Вот явилась. Заслонила...", "Я был смущенный и веселый...")

и "Осенняя любовь", а также "Послание" ("Ушла. Но гиацинты ждали..."), "Цыганка" ("В этот серый летний вечер..."), "Пойми" ("Пойми же, я спутал, я спутал..."), "Инок", "Ты и Я" ("Всю жизнь ждала. Устала ждать..."), "Письмо" ("Когда вы стоите на моем пути...").

Все эти разделы в ЗС предшествуют "Снежной Маске", образующей заключительный раздел книги. Как "пратекст" "Фаины" и первый опыт воплощения поэтической идеи, реализованной в этом образе и в совокупности обрисовывающих его стихотворений, в составе ЗС с наибольшими основаниями можно рассматривать раздел "Послания": подавляющее большинство составляющих его произведений позднее включено в "Фаину"; три стихотворения, не вошедшие в "Фаину" и образующие в "Посланиях" вступительный цикл "Незнакомке" ("Твое лицо бледней, чем было...", "Шлейф, забрызганный звездами...", "В час глухой разлуки с морем..."), объединены образом лирической героини, во многом предвосхищающим героиню "Снежной Маски" и "Фаины". Существенен пласт будущей "Фаины" также в разделе "Песня Судьбы"; в разделе же "Мещанское житье" соответствующие стихотворения растворены в преобладающей массе текстов иного образно-стилевого звучания. Показательно, что ни одно стихотворение будущей "Фаины" не попало во вступительный раздел ЗС – "Подруга Светлая": "ночная", "темная" героиня "Фаины" была контрастна образу "светлой" подруги, навеянному в значительной степени реминисценциями более раннего творчества Блока.

7 стихотворений из будущего состава "Фаины", написанные ко времени формирования ЗС, в книгу не вошли: "За холмом отзвенели упругие латы...", "В те ночи светлые, пустые...", "И я провел безумный год...", "Я неверную встретил у входа...", "В бесконечной дали коридоров...", "О, что мне закатный румянец...", "Песня Фаины".

В книгу "Снежная ночь" (III₁) из 31 стихотворения "Фаины" вошло 29 (не были включены "В те ночи светлые, пустые..." и "И я провел безумный год..."). Эти стихотворения распределяются по двум разделам, следующим один за другим (в составе книги им предшествуют "Снежная Маска" и "Вольные мысли"): "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей" (восстановленный в своем первоначальном составе цикл из 11 стихотворений, впервые опубликованный в журнале "Весы") и "Песня Судьбы". В последний раздел (общее количество – 23 стихотворения) входят 18 стихотворений из будущего состава "Фаины": цикл "Н.Н.В." ("Я в дольний мир вошла, как в ложу...", "Вот явилась. Заслонила...", "Я был смущенный и веселый..."), "Послание" ("Ушла. Но гиацинты ждали..."), "За холмом отзвенели упругие латы...", "Я насадил мой светлый рай...", "В этот серый летний вечер", цикл из трех стихотворений "Осенняя любовь", "Снежная Дева", "Инок", "Ты и Я" ("Всю жизнь ждала. Устала ждать..."), "Письмо" ("Когда вы стоите на моем пути..."), "Знакомое" ("Она пришла с мороза..."), "Я помню длительные муки...", "Своими горькими слезами...". В разделе "Фаина" в его окончательном составе правомерно видеть своего рода контаминацию этих двух разделов из "Снежной ночи" с добавлением двух стихотворений и с перегруппировкой текстов из раздела "Песня Судьбы" в соответствии с хронологией их создания (5 стихотворений этого раздела в "Фаину" не вошло).

Впервые раздел "Фаина" был сформирован Блоком при подготовке второго издания "Стихотворений" в трех книгах (1916) и помещен во вторую книгу (II₂) между разделами "Снежная Маска" и "Вольные мысли" – то есть уже в соответствии с тем местом, какое он занимает в окончательной композиции основного собрания стихотворений Блока. Общий облик раздела в этом издании, однако, был еще далек от окончательного. Циклы "Н.Н.В." ("Н.Н. Волоховой"), "Осенняя любовь" и "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей" в II₂ были расформированы; в раздел вошло лишь 17 стихотворений – около половины его окончательного состава: "Вот

явилась. Заслонила...", "Н.Н.В." ("Я в дольний мир вошла, как в ложу..."), "Моей матери" ("Я насадил мой светлый рай..."), "И вот уже ветром разбиты, убиты...", "Под ветром холодные плечи...", "Снежная Дева", "Принимаю" ("О, весна без конца и без краю..."), "Гармоника, гармоника...", "Работай, работай, работай...", "И я опять затих у ног...", "Инок", "Я здесь с тобой. С моей судьбой..." (сокращенный вариант стих. "Всю жизнь ждала. Устала ждать..."), "Когда вы стоите на моем пути...", "Она пришла с мороза...", "Я помню длительные муки...", "Своими горькими слезами...", а также "К вечеру вышло тихое солнце...", в окончательный вариант "Фаины" в *II*₄ не вошедшее (перенесено в раздел "Город"). Кроме того, стих. "По улицам метель метет..." было помещено в *II*₃ в разделе "Город"; за пределами издания остались 14 стихотворений, входящих в окончательный состав "Фаины": "Я был смущенный и веселый...", "Ушла. Но гиацинты ждали...", "За холмом отзвенели упругие латы...", "В этот серый летний вечер...", "Когда в листе сырой и ржавой...", "В те ночи светлые, пустые...", "И я провел безумный год...", "Приявший мир, как звонкий дар...", "Я неверную встретил у входа...", "Перехожу от казни к казни...", "Пойми же, я спутал, я спутал...", "В бесконечной дали корридоров...", "О, что мне закатный румянец...", "Песня Фаины".

Во второй книге (*II*₄) третьего издания "Стихотворений" Блока (1918) раздел "Фаина" был увеличен до 31 стихотворения, в число которых вошли восстановленные циклы "Осенняя любовь" и "Заклятие огнем и мраком" в прежнем составе и первоначальной композиции; впервые введены в состав основного собрания 2 стихотворения ("В те ночи светлые, пустые...", "И я провел безумный год..."); тексты внутри раздела были расположены в соответствии с хронологическим принципом. Кроме того, в первоначальный состав раздела входили еще 3 произведения (в первой публикации образывавшие цикл "Ненужная весна"): "Отсеребрилась, отзвучала...", "В глазах ненужный свет так ярок...", "Зима прошла. Я болен..."; в такой последовательности они были помещены между стихотворениями "Я в дольний мир вошла, как в ложу..." и "Ушла. Но гиацинты ждали...". В августе 1918 г. эти стихотворения были вычеркнуты Блоком в гранках (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. Ед.хр. 54. Л. 18). Таким образом, лишь в 1918 г. "Фаина" была сформирована в своем окончательном составе и композиции.

Заглавие "Фаина" восходит к драматической поэме "Песня Судьбы", которую Блок задумал в начале 1907 г. и над которой работал с конца 1907 г. по апрель 1908 г. (первая редакция текста): Фаина в пьесе – эстрадная певица и одновременно условно-поэтический образ, символизирующий для влюбленного в нее главного героя, Германа, новые жизненные силы, свободу самовыражения, связь с широким миром и с национальным началом, с Россией. Параллели с пьесой Блок намеренно подчеркивает, включая в раздел стихотворение "Песня Фаины" – текст, дословно совпадающий с "Песней Судьбы" – "общедоступными куплетами", исполняемыми Фаиной на эстраде (третья картина драмы). Этот параллелизм до окончательного формирования "Фаины" был проявлен тем, что стихотворения, сгруппированные в ней, ранее (в *ЗС* и *III*₁) входили в разделы, озаглавленные, как и пьеса, – "Песня Судьбы". С другой стороны, обрисовывая Фаину в пьесе, Блок наделяет ее многими чертами, характеризующими лирическую героиню соответствующих стихотворений: певица "в простом черном платье (...) как змеина чешуя", у нее "темные волосы", в которых "драгоценный камень", "пожар огромных глаз" и т.д. (*СС-84*. С. 127). (Подробнее об этих аналогиях и автоцитатах см.: *Громов П.* Герой и время: Статьи о литературе и театре. Л., 1961. С. 497–499). Тем самым образ Фаины как бы перерастал границы пьесы и превращался в мифопоэтический символ духовных устремлений Блока в определенной фазе его творческого развития. Подобную расширительную трактовку,

заданную Блоком еще до формирования раздела, усваивали и его современники; так З.Н. Гиппиус свидетельствует (в письме к Блоку от 8 августа 1909 г.), что образу Фаины было уделено основное внимание в неопубликованной статье Д.В. Философова: "Дм(итрий) Вл(адимирович) написал о Вашей Фаине, но трепещет, что в Русск(ом) Слове не напечатают, ибо это не без-мысленно" (*Мицц З.Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // *БС-4*. С. 175).

Отличительная черта "Фаины" в сопоставлении со "Снежной Маской" – гораздо более "реальный", антропоморфный образ лирической героини. Поэтому в ее обрисовке много конкретных, "земных" черт, примет земной красоты, "портретно" присущих прототипу – Н.Н. Волоховой. Например, описание Волоховой Андреем Белым может быть воспринято как одна из вариаций образа лирической героини "Фаины": «...Волохова – (...) очень тонкая, бледная и высокая, с черными, дикими и мучительными глазами и синевой под глазами, с руками худыми и узкими, с очень поджатыми и сухими губами, с осиной талией, черноволосая во всем черном (...) Александр Александрович ее явно боялся; был очень почтителен с нею; я помню, как, встав и размахивая перчатками, что-то она повелительно говорила ему, он же, встав, наклонив низко голову, ей внимал; и – робел:

– "Ну – пошла".

И шуруша черной, кажется, шелковой юбкой, пошла она к выходу; и А.А. за ней следовал, ей почтительно подавая пальто; было в ней что-то явно лиловое; может быть, опускала со лба фиолетовую вуалетку она; я не помню, была ли у ней фиолетовая вуалетка; быть может, *лиловая, темная* аура ее создавала во мне впечатление вуалетки; мое впечатленье от Волоховой: слово "*темное*" с ней вязалось весьма; что-то было в ней – "*темное*"» (*Белый, З.* С. 305–306).

Весьма вероятно, однако, что подобные восприятия облика Волоховой были вдохновлены, в первую очередь, воздействием ее лирического "двойника" из стихотворений Блока. Вне этой соотнесенности Волохова вызывала иногда совсем иные впечатления; ср. отзыв С.К. Маковского: «...мне, не раз встречавшему ее, – эту соблазнительную блоковскую "Фаину", она представлялась существом в достаточной степени вульгарным» (*Маковский С.* На Парнасе "Серебряного века". Мюнхен, 1962. С. 149). М.А. Бекетова пишет в этой связи: «...поэт не украсил свою "снежную деву". (...) Кто-то сказал тогда, что ее глаза и улыбка, вспыхнув, рассекают тьму. Другие говорили: "раскольничья богородица". Но странно: все это сияние длилось до тех пор, пока продолжалось увлечение поэта. Он отошел, и она сразу потухла. Таинственный блеск угас – осталась только хорошенькая брюнетка» (*Бекетова I*₂. С. 106–107).

Сама Волохова в воспоминаниях "Земля в снегу" признается, что не ощущала в себе тех поэтических начал, которыми наделял ее Блок: «Он, как поэт, настойчиво открывал меня от "земного плана", награждая меня чертами "падучей звезды", звал Марией – звездой, хотел видеть шлейф моего черного платья усыпанным звездами. Это сильно смущало и связывало меня, так как я хорошо сознавала, что вне сцены я отнюдь не обладаю этой стихийной, разрушительной силой. Но он утверждал, что эти силы живут во мне подсознательно, что я всячески стараюсь победить их своей культурой и интеллектом» (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 376 (*УЗ ТГУ*. Вып. 104)). Подчеркивание в образе лирической героини "Фаины" "земных", "посюсторонних" черт в соединении с мифологизирующими характеристиками по-своему отражало эти психологические коллизии во взаимоотношениях Блока и Волоховой, отвечавшей "бытом" и "прозой" на его поэтический пафос; ср. мемуарное свидетельство Л.С. Ильешенко-Панкратовой о Волоховой: «Наталья Николаевна (...) совсем не была равнодушной: когда читала его письма со стихами, то ее каждый раз

охватывало чувство влюбленности. Но когда Блок приходил к ней и сидел, такой молчаливый, отрешенный, углубленный в себя и смотрел на нее не как на живую, а как на какую-то отвлеченность, мечту, – вся влюбленность проходила. Бывало, что он вдруг скажет: "Наташа, поедem в снега!" Тогда она, чтобы вывести его из этого состояния, с нарочитой грубоватостью говорила: "Какие там снега, у меня вечером спектакль, мне надо выгладить платье". Брала утюг и гладила» (*Бахнов Л.* Лечу к Незнакомке... // Литературное обозрение. 1980. № 9. С. 104). Ср. также свидетельства дочери Н.Н. Волоховой: «По рассказам матери знаю, что общение с Александром Александровичем было красиво, но не просто, плодотворно, но мучительно для поэта, интересно для Н.Н. и, безусловно, не могло не "закружить". (...) Она не хотела быть причиной душевных волнений А.А., не в состоянии ответить на его любовь, она и к себе предъявляла максималистские требования» (*Кривога И.А.* Моя дорогая Н.Н.В. // Новые материалы по истории русской и советской литературы. М., 1983. С. 245–246).

Большинство текстов, входящих в "Фаину", прямо или косвенно отражает конкретные ситуации и общую линию взаимоотношений Блока и Волоховой. Раздел открывается тремя стихотворениями, представляющими собой первый поэтический отклик Блока на знакомство с актрисой и последующие встречи с нею в конце декабря 1906 г.; в последних двух стихотворениях раздела (1908) непосредственно запечатлены коллизии и переживания, связанные с прекращением этих отношений. Тем самым вступительные и заключительные стихотворения "Фаины" образуют своего рода раму, внутри которой развивается действие поэтического "романа" – со своим высшим эмоциональным пиком (цикл "Заклятие огнем и мраком") и конкретными эпизодами встреч, изображаемых как в условно-символическом ключе ("В те ночи светлые, пустые...", "Снежная Дева"), так и с преобладающей установкой на "хроникальную" достоверность описания ("И я провел безумный год...", "Она пришла с мороза..."). Однако в "Фаину" входят и стихотворения, с образом Волоховой и с перипетиями ее отношений с Блоком не связанные ("Я насадил мой светлый рай...", "В этот серый летний вечер...", "Когда вы стоите на моем пути..." и др.). Общий поэтический смысл раздела имеет отчетливый автобиографический подтекст, но отнюдь не сводится к раскрытию этого подтекста, равно как и образ лирической героини, Фаины, не является непосредственной проекцией своего реального прототипа, а сосредоточивает в себе широкий спектр ассоциаций, связанных с духовными исканиями Блока в 1907–1908 гг. и его мироощущением, отмеченным воздействием революции 1905 г. и последовавшей реакции.

Характерная особенность образа Фаины в сопоставлении с женским образом "Снежной Маски" – его многогранность и неравенство самому себе в каждом из конкретных выявлений. Лирическая героиня "Фаины" предстает в специфически театрализованном облике персонажа, меняющего "маски" в различных ситуациях, причем "читателем эти "маски" воспринимаются как разные грани одной темы, несколько по-разному проявляющие одну общую суть" (*Громов П. А.* Блок, его предшественники и современники. М.; Л., 1966. С. 253). В ней объединяются черты, присущие "снежной маске" и героине этюда "Сказка о той, которая не поймет ее" (стихийность, "астральность", внутренняя противоречивость, демонизм; гибельность), с особенностями, характерными для Фаины из драмы "Песня Судьбы" (прежде всего связь с народным, национальным началом). Признаки "русскости" Блок распознавал и в Н.Н. Волоховой (ср. его запись от 20 апреля 1907 г.: «Одна Наталья Николаевна русская, со своей русской "случайностью", не знающая, откуда она, гордая, красивая и свободная. С мелкими рабскими привычками и огромной свободой» – *ЗК.* С. 94), но в образе Фаины они получают самостоятельное развитие, приобретая дополнительные

значения и связываясь с темами своеволия, мятежа, непокорства (что для Блока в ситуации наступившей политической реакции наполнялось не только психологическим, но и общественным смыслом). Причастность героини раздела к народной жизни выражается в образах хоровода (развитие мотива кружения в "Снежной Маске"), пляски (в связи с "дионисийским" началом в том же цикле), в народно-поэтической лексике, фольклорных (частушечных) интонациях; героиня предстает то как "лихая солдатка" ("Работай, работай, работай..."), то как девушка, покинутая любимым ("В этот серый летний вечер..."), то как монашенка ("Инок"). При этом русское совмещается в образе Фаины с другими национальными ассоциациями: в драме "Песня Судьбы" она одновременно предстает как цыганка ("цыганское" здесь осмысливается как символ вольных, мятежных устремлений в русской душе); в стихотворном разделе – связана со сходно осмысленным "египетским" началом ("Снежная Дева"), с образом Клеопатры в одноименном стихотворении Блока и в пушкинской традиции ("Египетские ночи"; см.: *Мицц З.Г.* Блок и Пушкин // Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 212–213 (УЗ ТГУ. Вып. 306), предстает как дева-воительница – валькирия ("За холмом отзвенели упругие латы..."). Все эти уподобления и параллели способствуют прояснению мотивов страсти, свободы, силы, естественности, раскрытию в героине "сегодняшних", конкретно определенных и "вечных", "древних" черт, существующих в единстве (см. подробнее: *Мицц, 2.* С. 83–96).

Такая противоречивая "многоликость" и разноплановость лирической героини "Фаины" существенно отличает ее от героини "Снежной Маски". В равной степени "Фаина" противостоит четко и системно организованному художественному миру "Снежной Маски" своей более свободной, разомкнутой внутренней структурой, является своеобразным дедогматизирующим коррективом по отношению к той модели поэтической реальности, которая осуществлена в предшествующем ей цикле. В составе общей композиции второго тома "Стихотворений" Блока раздел "Фаина" в этом отношении занимает переходное место – от "космизма" "Снежной Маски", воссоздающей целостную систему поэтического мировидения Блока в период "антитезы", к принципиальной антисистемности и прославлению непосредственной "жизненности" в цикле "Вольные мысли".

"ВОТ ЯВИЛАСЬ. ЗАСЛониЛА..."

(С. 175)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₅*. Л. 49 об.–50 об. ("Н.Н. Волоховой") – текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и правка рукой Блока; *БА₁ – РГАЛИ*. Ф. 2530. Оп. 1. Ед.хр. 189, подпись под текстом: "Александр Блок"; *БА₂ – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 42. Л. 4–6; Кор. – *НР III₁*. Л. 55–56, "1906" (дата проставлена карандашом).

Впервые: *Шиповник*, 2. С. 115, в цикле из четырех стихотворений "Н.Н. Волоховой".

Публикации: *ЗС*. С. 119–120, "1906", в разд. "Послания", в цикле "Н.Н. Волоховой"; *III₁*. С. 74–75, "1906", в разд. "Песня Судьбы", в цикле "Н.Н.В"; *II₃*. С. 209–210, в разд. "Фаина"; *II₄*. С. 275–276; *II₅*. С. 207.

При подготовке к публикации стихотворение было сокращено на две строфы, одна из которых осталась в рукописи (см. Другие редакции и варианты *Т₅*, опубл.: *СС-1*. С. 303), а другая (ст. 21–24) восстановлена только в *II₄*; также в *II₄* Блок восстановил первоначальные рукописные варианты ст. 25 и 27.

Окончательный текст – II₄.

В РЭ III₁ уточнена датировка – к печатному "1906" карандашом слева приписано: "Конец".

Стихотворение, возможно, было прислано в январе 1907 г. Блоком В.Я. Брюсову для публикации в "Весах" (см.: ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 499 – комментарий Ю.П. Благоволиной).

Стихотворение – одно из первых у Блока (наряду со стих. "Я был смущенный и веселый..."), вдохновленных образом актрисы Н.Н. Волоховой. Написано в конце декабря 1906 г.; ср. запись Блока ("29 декабря. Ночь"), в которой приводится текст (письма?), обращенный к Волоховой: "28.XII. Сегодня я предан Вам. Прошу Вас... подойти ко мне. Мне необходимо сказать несколько слов Вам одной. Прошу Вас принять это так же просто, как я пишу. Я глубоко уважаю Вас" (ЗК. С. 90). Подруга Волоховой актриса В.П. Веригина свидетельствует, что "Вот явилась. Заслонила..." было первым стихотворным автографом, полученным ею от Блока (*Воспоминания*, I. С. 412). Об обстоятельствах знакомства и общения Блока и Волоховой см. вступительный раздел коммент. к "Снежной Маске".

...*Всех нарядных, всех подруг...* – В биографическом плане подразумеваются актрисы Театра В.Ф. Коммиссаржевской, с которыми Блок познакомился и общался в конце 1906 г.: В.П. Веригина, Е.М. Мунт, В.В. Иванова (*Воспоминания*, I. С. 412–413).

... *И душа моя вступила // В предназначенный ей круг.* – Вероятно, реминисценция из стих. А.А. Фета "На корабле" (1856–1857): "Душа в тот круг уже вступила...". Ср. в пьесе Блока "Балаганчик" (1906) слова, произносимые героиней "в черной маске" (вторая пара влюбленных): "Ты сам вступить захотел // в мой очарованный круг!" (СС-8₄. С. 17). О символике круга см., т. 1, с. 464–465.

Только тройка мчит со звоном... – Образ тройки соотносится с финалом первого тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголя: мчит "бойкая необгонимая тройка", "чудным звоном заливаются колокольчик".

Ты взмахнула бубенцами, // Увлекла меня в поля... – Отзвук мотивов, восходящих к сказке Х.К. Андерсена "Снежная королева" (рассказ второй): волшебница уносит Кая на санях из города в безлюдное заснеженное пространство. Об автобиографическом подтексте (поездки Блока на санях с Волоховой и другими актрисами) см. коммент. к стих. "Снежная вязь".

Душишь черными шелками // Распахнула соболя... – "Шелка" – характерный атрибут лирической героини стихотворений Блока 1906 г. – "незнакомки"; ср.: "Вся – в шелках тугих" ("Шлейф, забрызганный звездами...", сентябрь 1906 г.); "Под черным шелком узнаю!" ("Твое лицо бледней, чем было...", март 1906 г.); "Ее упругие шелка" ("Незнакомка", 24 апреля 1906 г.); "Шелками черными шумна" ("Там дамы щеголяют модами...", апрель 1906 г.). Строки, возможно, соотносятся со стихами Пушкина из подготовительных материалов к 7-й главе "Евгения Онегина" ("Альбом Онегина", 9): "Я черным соболем одел // Ее блистающие плечи" (*Пушкин* Полн. собр. соч. [Л.], 1937. Т. 6. С. 616–617). Ср. в стих. "Снежное вино" (29 декабря 1906 г.): "И над твоим собольим мехом // Гуляет ветер голубой".

Бубенцы, да огоньки? – Образный ряд, отсылающий к поэтике русского романса; ср. романс К. Подревского "Дорогой длинною": "Ехали на тройке с бубенцами // А вдали мелькали огоньки...".

Так пускай же ветер будет // Петь обманы... – Ср. в "Снежной королеве" Андерсена описание полета: "Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни {...} под ними дули холодные ветры {...}" (*Андерсен*, I. С. 232).

Как узка твоя рука! // Как за темною вуалью // Мне на миг открылась даль... – Автореминисценция стих. "Незнакомка"; ср.: "И в кольцах узкая рука"; "Смотрю за темную вуаль, // И вижу берег очарованный // И очарованную даль".

"Я БЫЛ СМУЩЕННЫЙ И ВЕСЕЛЫЙ..."

(С. 176)

Авторизованные тексты: *БА – Т₅*. Л. 57 об. ("Н.Н. Волоховой") – текст рукой Л.Д. Блок, заглавие вписано Блоком; *БА – ИРЛИ*. Ф. 203. ед. хр. 113 (подпись под текстом: "Александр Блок"); Кор. – *НР III*. Л. 56, "1906" (дата проставлена карандашом).

Впервые: *Шиповник*, 2. С. 114, в цикле из четырех стихотворений "Н.Н. Волоховой".

Публикации: *ЗС*. С. 121, в разд. "Послания", в цикле "Н.Н. Волоховой"; *III*. С. 75–76, "1906", в разд. "Песня Судьбы", в цикле "Н.Н.В."; *II*. С. 277; *II*. С. 208.

Стихотворение было изъято из собрания при подготовке *II*. В *РЭ III* – карандашная правка: первая строфа отчеркнута на полях, справа вопросительный знак; весь текст перечеркнут; уточнена датировка – к печатному "1906" карандашом слева написано: "Конец".

Окончательный текст – *II*.

Об обстоятельствах написания стихотворения см. коммент. к стих. "Вот явилась. Заслонила...". О первом объяснении Блока с Н.Н. Волоховой в Театре В.Ф. Коммиссаржевской вспоминает В.П. Веригина: «Вдруг Александр Александрович обернулся, сделал несколько нерешительных шагов к ней, потом опять отпрянул и, наконец (...), сказал смущенно и торжественно, что теперь, сию минуту, он понял, что означало его предчувствие, его смятение последних месяцев. "Я только что увидел это в ваших глазах, только сейчас осознал, что это именно они и ничто другое заставляют меня приходиться в театр"» (*Воспоминания*, I. С. 415).

Твои блистательные плечи... – Ср. в подготовительных материалах к "Евгению Онегину" ("Альбом Онегина", 9): "Ее блистающие плечи".

Звезда, ушедшая от мира... – Ср. приведенную выше (с. 820) цитату из воспоминаний Н.Н. Волоховой.

Дрожит серебряная лира // В твоей протянутой руке... – Лира – атрибут греческого бога Аполлона Мусажета, водителя муз, покровителя певцов и музыкантов. Ср. коммент. к стих. "В снегах".

"Я В ДОЛЬНИЙ МИР ВОШЛА, КАК В ЛОЖУ..."

(С. 176)

Автографы и авторизованные тексты: *БАП – Т₅*. Л. 53 об. – 55 ("Н.Н. Волоховой"), "1. Январь 1907"; Кор. – *НР III*. Л. 54–55, "1 января 1907" (дата проставлена карандашом).

Впервые: *Шиповник*, 2. С. 113, в цикле из четырех стихотворений "Н.Н. Волоховой", с делением двух заключительных шестистиший на четыре трехстишия.

Публикации: *ЗС*. С. 117–118, "1 января 1907 г.", в разд. "Послания", в цикле "Н.Н. Волоховой"; *III*. С. 73–74, "1 января 1907", в разд. "Песня Судьбы", в цикле "Н.Н.В."; *II*. С. 211 ("Н.Н.В."), в разд. "Фаина"; *II*. С. 278; *II*. С. 208–209.

В *T*₅ первая половина стихотворения (ст. 1–12) зафиксирована в двух редакциях – первоначальной, более пространной (ст. (1–8) опубл.: *Звезда-1936*. С. 273) и переработанной, близкой к окончательному тексту (последняя записана на отдельном, вклеенном листе).

В *ЗС* стихотворение напечатано с эпиграфом из А.А. Григорьева, отсутствующим во всех других изданиях.

В *ИЗ* стихотворение включено в составе первых трех строф; ст. 13–24 вычеркнуты в *РЭ III*₁.

Окончательный текст – *И*₄.

Об обстоятельствах написания стихотворения сообщает Н.Н. Волохова в воспоминаниях о Блоке: «Я напомнила ему его обещание написать мне стихотворение, которое он хотел бы слышать от меня с эстрады. На другой же день (1 января 1907 г.) я получила в коробке с чудесными розами стихотворение "Я в дольний мир вошла, как в ложу...". Я была очень польщена, но, конечно, никогда и нигде не решилась читать эти стихи, несмотря на все настояния и доводы Александра Александровича» (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 373 (*УЗ ТГУ*. Вып. 104). Более развернутый рассказ о том же – в воспоминаниях В.П. Веригиной: «Влюбленность Блока скоро стала очевидной для всех. Каждое стихотворение, посвященное Волоховой, вызывало острый интерес среди поэтов. Первые стихи ей он написал по ее же просьбе. Она просто попросила дать что-нибудь для чтения в концертах. 1 января 1907 года поэт прислал Волоховой красные розы с новыми стихами: "Я в дольний мир вошла, как в ложу (...)". (...) Стихотворение обратило на себя исключительное внимание потому, что оно явилось разрешением смятенного состояния души, в котором находился Блок, естественно очень интересовавший своих собратьев. Этот интерес был перенесен теперь и на Волохову" (*Воспоминания*, I. С. 415).

Ср. дневниковую запись Е.П. Иванова от 3 января 1907 г.: «В 7-ом часу пришел Ал. Блок. (...) Весь особенный. Весь в снегах.

"Я влюблен, Женья! (...) Я тебе стихи прочту. Как тебе? Ты вот болен, а я – во вьюге". Прочел два стихотворения, посвященные Волоховой "Я в дольний мир вошла, как в ложу".

"В этот день я много написал. Эта Волохова дивная" (*БС-I*. С. 416).

Н.Н.В. – Подразумевается Н.Н. Волохова.

...*Живым огнем крылатых глаз.* – Ср. в статье Блока "Драматический театр В.Ф. Коммиссаржевской" (ноябрь 1906 г.) слова о "слое румян" (образ театра), "сквозь который светится живая игра глаз" (*СС-85*. С. 96). В.П. Веригина свидетельствует, что «вокруг выражения "крылатые глаза" между поэтами возник спор: хорошо ли это, возможно ли глаза называть крылатыми и т.д.» (*Воспоминания*, I. С. 415). Образ, возможно, восходит к Пушкину; ср.: "Летят задумчивые взоры" ("Юрьеву" ("Любимец ветреных Лаис..."), 1821), "Летают пламенные взоры" ("Евгений Онегин". Гл. 1, XXVIII). См.: *Альтман М.С.* Пушкинские реминисценции у Блока // *Philologica: Исследования по языку и литературе*. Л., 1973. С. 353.

Взор мой – факел, к высям кинут... – Ср. в стих. "Шлейф, забрызганный звездами..." (сентябрь 1906 г.): "Кубок-факел брошу в купол синий – // Расплеснется млечный путь"; отзвук этих же строк – в заключительном стихе: "Млечная стезя".

Словно в небо опрокинут // Кубок темного вина! – "Кубок темного вина" – заключительная строка стих. "Крылья" (4 января 1907 г.); ср. слова "Ее" из "второй

пары влюбленных" в "Балаганчике": "Кубок мой темный до дна испей" (СС-8₄, С. 17). Один из источников образа – возможно, стих. В.Я. Брюсова "Кубок" (1905):

Вновь тот же кубок с влагой черной,
Вновь кубок с влагой огневой!
Любовь, противник необорный,
Я узнаю твой кубок черный (...)
О, дай припасть устами к краю
Бокала смертного вина!

(Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т.
М., 1973. Т. 1. С. 399).

Тонкий стан мой шелком схвачен. – Реминисценция из стих. "Незнакомка" (24 апреля 1906 г.): "Девичий стан, шелками схваченный".

Люди! Я стройна! – Ср. в стих. "На снежном костре" (13 января 1907 г.): "Милый рыцарь, я стройна".

... И в венце метелей снежных // Я плыву, скользю... – Вероятный отзвук эпизода из "Снежной королевы" Х.К. Андерсена (рассказ второй): Снежная королева с Каем несутся в санях на темном облаке сквозь снежный вихрь.

Ты горшишь, мой узкий пояс – // Млечная стезя! – Реминисценция заключительных строк стих. "Твое лицо бледней, чем было..." (март 1906 г.): "Серебряный твой узкий пояс – // Сужденный магу млечный путь".

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС, III₁) – начальные строки стих. А.А. Григорьева "Над тобою мне тайная сила дана..." (1843). Образ "падучей звезды" в этом стихотворении, чуждой "звездному кругу" и рассыпающейся прахом, соотносится с лирической героиней Блока ("Я – звезда мечтаний нежных").

"УШЛА. НО ГИАЦИНТЫ ЖДАЛИ..."

(С. 177)

Автографы и авторизованные тексты: ЧА–ЗК₁₆. Л. 26–27 ("Послание NN."), "30–31.III."; БА – Т₅. Л. 92 ("Послание NN."), "31 марта" (опубл. – факсимиле: СС-12₂. С. 183); Кор. – НР III₁. Л. 56 ("Послание").

Впервые: ЦО. С. 97–98 ("Послание"), с дополнительным четверостишием между ст. 4 и 5, в цикле "Пред ликом твоим".

Публикации: ЗС. С. 126–127 ("Послание"), в разд. "Послания"; III₁. С. 76–77 ("Послание"), в разд. "Песня Судьбы"; II₄. С. 279–280; II₅. С. 209–210.

Стихотворение было сокращено на одну строфу (см. Т₅) при подготовке III₁. В ЗС было снабжено эпиграфом из Вл. Соловьева. Было изъято из собрания при подготовке II₃: в РЭ III₁ текст перечеркнут карандашом; под текстом дата: "31 марта 1907". Без заглавия, с которым печаталось во всех предыдущих публикациях, стихотворение включено в II₄.

Окончательный текст – II₄.

... Цвела ночная тишина. – Ср. стих. "Тишина цветет" (октябрь 1906 г.): "Здесь тишина цветет и движет // Тяжелым кораблем души".

... *Благоуханьем нильских лилий // Меня пленять и опьянять.* – С. Соловьев в рецензии на "Землю в снегу", приведя эти строки, иронически отметил, что в них "слышится только запах дорогих духов" (Весы. 1908. № 10. С. 88). Андрей Белый писал в "Воспоминаниях о Блоке", цитируя те же строки: "...и кажется, будто Фаина есть вставная кукла музея-паноптикума; она – напоминает поэту Египет" (Белый, 3. С. 304).

... *И матовость покатых плеч ~ И рыжий сумрак глаз твоих...* – Возможно, отзвук строк из стих. В.Я. Брюсова "Сладострастие" (1901): "Черные волосы, с сумраком слиты, // Пали на белую матовость плеч" (Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 338). Ср. изъятые строки из стих. "Ищу огней – огней попутных..." (октябрь 1906 г.): "И зелий запах заповедный // Лежит на матовости плеч", а также "змеиные" приметы героини "Снежной Маски".

... *сумрак глаз твоих // Таит змеиную неверность...* – Ср. строки, исключенные из окончательной редакции стих. "Твое лицо бледней, чем было..." (март 1906 г.): "И черным взором мне ответишь, // Змеиным шелестом солжешь".

Меж всех – не знаешь ты одна, // Каким раденьям ты причастна... – Ср. запись Блока о Волоховой (20 апреля 1907 г.): "Одна Наталья Николаевна (...) не знающая, откуда она, гордая, красивая и свободная" (ЗК. С. 94).

Вползи ко мне змеей ползучей ~ Устами томными замучай... – В народной магии образ змеи связан с чувственной страстью; распространены представления об особой эротической силе змеи. См.: *Потебня А.А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 26. О "змеиности" героини см. также коммент. к стих. "Снежное вино".

... *Косою черной задуши.* – Видимо, отзвук заключительной строки стих. И.А. Бунина "Песня" (опубликованного в 1906 г.): "И косою черной удавлюсь" (см.: *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 1. С. 239). Блок в статье "О лирике" (июнь–июль 1907 г.) целиком привел "Песню", назвав ее "великолепной" (СС-85. С. 142).

Другие редакции и варианты

Заглавие. П о с л а н и е NN (T_5 , ЦО, ЗС, III₁). – Под "NN" подразумевается Н.Н. Волохова.

Эпиграф (ЗС) – из стих. Вл.С. Соловьева "Неопалимая купина" (1891). См.: *Соловьев Вл.* Стихотворения. 7-е изд. М., 1921. С. 100. Л.Д. Блок вспоминает, что Блок читал ей эти строки с различными ритмико-смысловыми модуляциями (*Воспоминания*, I. С. 159).

В подушках, в кресле, на диване ~ На смятой ткани все жива. (T_5 , ЦО). – На решение Блока изъять из стихотворения эту строфу, видимо, определяющее воздействие оказала резкая критика Андрея Белого, писавшего в рецензии на альманах "Цветник Ор": "И у лирика есть круг обязанностей: держать высоко знамя искусства. Но он кощунствует и на лирику, (...) надоедая дешевым и приевшимся модернизмом, доходя до таких стихов:

В подушках, в кресле, на диване
Живут стыдливые слова (...)"

(Весы. 1907. № 6. С. 68). Блок писал Белому в этой связи (15–17 августа 1907 г.): «Почему кощунственны строки: "в подушках, в кресле, на диване..."? Это просто – скверные строки, как почти все мои стихи – в "Цветнике Ор". Сверх того, именно эти строки еще банальны и "дурного тона"».

"ЗА ХОЛМОМ ОТЗВЕНЕЛИ УПРУГИЕ ЛАТЫ..."

(С. 178)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₆*. Л. 27 об. – 28 об., "2.IV"; *БАП – Т₅*. Л. 94 об. – текст рукой Л.Д. Блок, правка рукой Блока; Кор. – *НР III₁*. Л. 59.

Впервые: Слово, 1908. № 544. 24 августа. С. 3.

Публикации: *III₁*. С. 84–85, в разд. "Песня судьбы"; *II₄*. С. 281; *II₅*. С. 210–211.

Весь текст *ЧА ЗК₁₆* перечеркнут синим карандашом. Варианты ст. 17–20 приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 189.

В *РЭ III₁* текст перечеркнут карандашом; под текстом дата: "Апрель (?) 1907".

Окончательный текст – *III₁*; в последующих изданиях печаталось без изменений.

Стихотворение представляет собой вариацию на темы музыкальной драмы Р. Вагнера "Валькирия" (1852–1856): Зигмунд ожидает смертельного поединка с Хундингом, узнав от валькирии Брингильды, что он покинут верховным богом Вотаном и обречен на гибель (2-й акт). См.: *Магомедова Д.М.* Блок и Вагнер // *Zbornik Radova instituta za strane jezike i književnosti*. Sv. 6. Novi Sad, 1984. S. 200–201.

За холмом отзвенели упругие латы, // И копьё потерялось во мгле. – Ср. в стих. "Ты пробуждалась утром рано..." (также созданном под воздействием вагнеровских образов): "... из тумана // Копьё мерцало за холмом" (1907; *СС-8₂*. С. 333), – а также строку из стих. "Я живу в глубоком покое..." (1904); "Заскрипят ли тяжкие латы?" Строки включают вероятную реминисценцию из стих. А.С. Пушкина "Сраженный рыцарь" (1815): "Чугунные латы на холме лежат, // Копьё раздробленно {...} // И щит под шоломом заржавым".

Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки... – Образ Солнцебога навеян, видимо, поэзией Вяч. Иванова (см. первый раздел "Солнце-сердце" в его книге "Сог ardens". М., 1911. Ч. 1. С. 9–20). О "жертве Солнцебога" говорится в стих. Иванова "Апотропэй" (1906) (*Там же*. С. 141), впервые опубликованном в 1909 г., но, возможно, известном Блоку в рукописи или в авторском чтении.

Воротаешь, ты направившь копьё полуночи // Солнцебогу веселому в грудь. – В образе "копья полуночи" (помимо древнейшего мифопоэтического значения – ночной мглы, борющейся с дневным светом) – вагнеровский подтекст: протянутое из туч копьё Вотана, о которое разбивается меч Зигмунда; Хундинг после этого ударом своего копья поражает в грудь Зигмунда, оставшегося без оружия ("Валькирия". 2-й акт). Строки заключают также "дионисийский" подтекст: приверженцы "полуночи" противопоставят Солнцебогу – т.е. Аполлону.

Я увижу в змеиных кудрях твои очи, // Я услышу твой голос: "Забудь". – Ср. слова Бригильды Зигмунду: "Лишь обреченным // Я являюсь. // Кто зрел меня, // Тому умереть суждено" (*Вагнер Р.* Валькирия / Пер. И. Тюменева. 5-е изд. М., [1900]. С. 22; это издание сохранилось в библиотеке Блока; см.: *ББО-1*. С. 117). Помимо вагнеровских ассоциаций, образ соотносится также с горгоной Медузой (греческая мифология) – чудовищем со змеями вместо волос и со взором, превращающим все живое в камень. Ср. коммент. к стих. "Снежное вино".

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

Ты, Валькирия, Дева, Змея... (Т₅). – Строка прямо раскрывает вагнеровский подтекст стихотворения. Валькирии (образ восходит к скандинавской мифологии) – воинственные девы, дочери Вотана, приносящие на крылатых конях в Валгаллу

(небесное жилище) павших в битвах храбрых воинов; валькирия Брингильда – любимая дочь Вотана.

"Я НАСАДИЛ МОЙ СВЕТЛЫЙ РАЙ..."

(С. 178)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₆*. Л. 24 об. – 25; *БА – Т₅*. Л. 92 об., "Март–апрель"; Кор. – *НР III₁*. Л. 50, "1907".

Впервые: *ЦО*. С. 104 ("В раю"), без посвящения, в цикле "Пред ликом твоим".

Публикации: *ЗС*. С. 103, в разд. "Песня Судьбы", в цикле "Сын и мать"; *III₁*. С. 69, "1907", в разд. "Песня Судьбы", в цикле "Моей матери"; *II₃*. С. 212 ("Моей матери"), в разд. "Фаина"; *II₄*. С. 282; *II₅*. С. 211.

В *ЗС* напечатано как 2-е в цикле из двух стихотворений "Сын и мать"; 1-е – "Моей матери" ("Сын осеняется крестом..."). В *III₁* (*НР III₁*) – 1-е в цикле из двух стихотворений "Моей матери"; 2-е – "Я видел сон – мы в древнем склепе...". Заглавие "Моей матери" изменено на посвящение в *II₄*.

В *РЭ III₁* уточнена датировка: к печатному "1907" слева карандашом приписано: "март–апрель".

В отзыве на "Землю в снегу" С.М. Соловьев назвал стихотворение (наряду со стих. "Сын и мать", составлявшим вместе с ним в *ЗС* цикл) "настоящей жемчужиной книги". Указав, что в стихах 1-й строфы – "гармония, солнце", Соловьев, однако, прибавляет: "И вдруг последняя строфа все убивает. Гаснет музыка, меркнет солнце. Неясное и неумное рассуждение в вопросительной форме" (Весы. 1908. № 10. С. 91).

Я насадил мой светлый рай... – Библийская реминисценция: "И насадил Господь Бог рай (...)" (Быт. II. 8). В рецензии на книгу К.Д. Бальмонта "Фейные сказки. Детские песенки" (февраль 1906) Блок говорит об ее адресате – детях, «знающих, как "насадить рай" в чистом поле и под столом, откуда комната представляется в новом и любопытном свете» (*СС-8₅*. С. 619). Символика сада как рая имеет и автобиографические коннотации (работа Блока в Шахматове по благоустройству приусадебного сада).

... *Что сердце зреет за оградой?* – Ср. интерпретацию стихотворения у Андрея Белого в "Воспоминаниях о Блоке": "Это – розы из лона (...) Сердце – роза; зреет – Еленой, новой жизнью" (Елена – мифологическая героиня во второй части "Фауста" Гете) (*Белый*, 3. С. 248–249).

"В ЭТОТ СЕРЫЙ ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР..."

(С. 179)

Автографы и авторизованные тексты: *БА – Т₆*. Л. 8 об., "25 июня"; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 17 ("Цыганка"); Кор. – *НР III₁*. Л. 60; *РЭ III₁*. Л. 48.

Впервые: *Шиповник*, 3. С. 181.

Публикации: *ЗС*. С. 130 ("Цыганка"), в разд. "Послания"; *III₁*. С. 85, в разд. "Песня Судьбы"; *II₄*. С. 283; *II₅*. С. 212 ("В этот летний серый вечер...").

Заглавие "Цыганка" – только при публикации в *ЗС* и в *БА ИМЛИ*.

В РЭ III₁ 2-я строфа (ст. 5–8) вычеркнута карандашом; весь текст перечеркнут карандашом.

В II₅ – другой вариант ст. 1, не зафиксированный в автографах Блока и предшествующих изданиях; возможно, что этот вариант – не авторский, а возникший случайно при наборе текста.

Тема и образно-стилевой облик стихотворения, возможно, связаны с размышлениями Блока о народно-песенной стихии, записанными 9 июня 1907 г., в связи с услышанным им пением "Коробейников" Н.А. Некрасова: "Все в этом голосе: просторная Русь (...) и цветной рукав девичий, и погубленная молодость" (ЗК. С. 94–95).

... обнимала // Прутья ивы у воды? – Мотив, восходящий к "Гамлету" Шекспира (Акт IV. Сцена 7): Офелия гибнет, упав в речной поток с ивы, склонявшейся над водой. Тема Офелии (гибели вследствие обманутой любви) преломляется во всем тексте стихотворения. Возможна и еще одна шекспировская ассоциация – с песенкой Дездемоны об иве ("Отелло". Акт IV. Сцена 3); в 1919 г. Блок перевел ее на русский язык (СС-83. С. 414). Тема Офелии и "ивы сестры Дездемоны" сочетаются в стих. А.А. Фета "Я болен, Офелия, милый мой друг..." (1847).

... И какой реке разливной // Душу-бурю предала? – Ср. в стих. "Обреченный" (12 января 1907): "И холодными призорами // Белой смерти предала...". В этом же стихотворении развивается мотив гибели в воде.

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

(С. 179)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 21 об. – 23, "сентябрь–октябрь" – текст рукой Л.Д. Блок, дата рукой Блока; БА – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1–3 ("Осенняя любовь. Три стихотворения"), подпись под циклом: "Александр Блок"; Кор. – НР III₁. Л. 58, "Осень 1907" (датировка проставлена карандашом).

Впервые: Весы. 1907. № 12. С. 10–14 ("Осенняя любовь. Три стихотворения").

Публикации: ЗС. С. 122–125, в разд. "Послания"; III₁. С. 79–82, "Осень 1907", в разд. "Песня Судьбы"; II₄. С. 284–286; II₅. С. 212–214.

В II₃ цикл был расформирован, в книгу вошли только 2-е и 3-е стихотворения цикла; восстановлен в II₄.

Высылая цикл В.Я. Брюсову для публикации в "Весах", Блок писал 14 октября 1907 г.: «Вот маленький цикл из трех стихотворений – "Осенняя Любовь". Мне кажется, это лучше тех двух стихотворений, которые мы выбрали, хотя не могу судить определенно, потому что только что написал. Если годится, поместите, пожалуйста, в 12-й №" (какие два стихотворения Блока были ранее выбраны для публикации в "Весах" – неясно). Брюсов отвечал 16 октября: "Стихи для "Весов" получил. Мне они очень нравятся; более, чем второе, стихотворение первое и третье. Все три пойдут в № 12 этого года" (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 502, 503). В следующем письме Брюсов предложил Блоку поместить в "Весах" его стихотворение "Снежная Дева" взамен одного из стихотворений, входящих в "Осеннюю любовь"; Блок писал Брюсову в этой связи (26 октября 1907 г.): «"Осенней Любви" мне не хотелось бы разбивать, пусть останется она так, как есть» (Там же. С. 505).

Возможно, для Блока "Осенняя любовь" внутренне соотносилась с другим трехчастным циклом стихотворений, написанным в марте 1907 г. – "Ненужная весна" (4 т. наст. изд.); извращенным, сниженным образом природы, любви и смерти в "весеннем" цикле противопоставляется их "осенняя" интерпретация, выдержанная в тональности высокого трагизма.

См. общую интерпретацию цикла в кн.: *Горелов Анаст.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 201–202.

1. "КОГДА В ЛИСТВЕ СЫРОЙ И РЖАВОЙ..."

(С. 179)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₆*. Л. 21 об., рукой Л.Д. Блок; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1; Кор. – *НР III₁*. Л. 58.

Впервые: *Весы*, 1907. № 12. С. 10–11.

Публикации: *ЗС*. С. 122, в разд. "Послания"; *III₁*. С. 79–80, в разд. "Песня Судьбы"; *СР*. С. 14; *II₄*. С. 284; *II₅*. С. 212–213.

В *СР* стихотворение напечатано вне цикла "Осенняя любовь" (другие стихотворения цикла в книгу не вошли) и без последней строфы.

Текст был подвергнут правке в *РЭ III₁* (см. Другие редакции и варианты): заглавие цикла и последняя строфа вычеркнуты; в ст. 9 слова "просторно и далеко" подчеркнуты, справа на полях помета: "заменить". Справа от ст. 1 – помета на полях: «"Родина"» – то есть Блок предполагал включить стихотворение в раздел "Родина" в *III₂*.

Окончательный текст – *II₄*.

Стихотворение было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника (ИРЛИ)*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Подробный и педантичный разбор стихотворения дал в рецензии на "Землю в снегу" С.М. Соловьев – в обоснование своего мнения о том, что произведениям Блока, входящим в эту книгу, в большинстве своем свойственно "построение стихотворений на основании случайных ассоциаций, отсутствие логики и неразработанный поэтический словарь": «"В листе сырой и ржавой". Начинается с четкого и яркого образа, в первом стихе чувствуется крупный поэт. "Рябины заалеет гроздь" – уже хуже, отвлеченно. Далее ассоциации: рябина – красная, кровь – красная, кровь – из ран, раны бывают от распятия. И вот, вслед ассоциациям Блока, мы переносимся из совершенно реальных условий в какое-то неопределенное место, где, неизвестно зачем, когда, кто, кого распинает. И вместо правдивого и художественного описания осени мы получаем довольно безобразное нагромождение несвязанных между собой образов. Палач вбивает в ладонь Блоку *последний* гвоздь (сколько гвоздей уже вбито в одну ладонь? Ужели не довольно одного?). Далее мы опять оказываемся в России, "над рябью рек свинцовой". Но, на зло правдоподобию, сам Блок "качается" (почему качается, когда он прибит гвоздями?) на кресте, а то и на рябине. Затем еще страннее. Ассоциации Блока как будто совершаются в состоянии сна или опьянения. Ход представлений, очевидно, таков: я – распят, Христос был распят, Христос, надо Христа, – и вот Христос... плывет в лодочке. По Северной Двине или Волге? Но заключение стихотворения всего неожиданнее. Блок, распятый на рябине, обращается к плывущему вниз Христу с заявлением: "Христос, родной простор печален". Что же

Христос? Вероятно, принял к сведению» (Весы. 1908. № 10. С. 88–89). Тональность отзыва и намеренная невосприимчивость Соловьева к образному строю блоковского стихотворения в известной мере объяснялись обстоятельствами внутрисимволистской литературной полемики, а также личными конфликтами между Блоком и Соловьевым (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 316–317).

Столь же детальная характеристика стихотворения содержится в статье А.Б. Дермана "Об Александре Блоке". Приведя весь его текст, критик, однако, пришел к принципиально иным выводам: «Стихотворение отнюдь не "легкое": оно требует от читателя всего его внимания, без некоторого внутреннего напряжения его не постичь. Но зато оно и вознаграждает. Читателю в конце концов открывается важный психологический момент не только в душе автора стихотворения, но, что гораздо важнее, в своей собственной душе" (РМ. 1913. № 7. Отд. II. С. 66). Далее Дерман дает подробную интерпретацию блоковского текста: "Говорит ли Блок в этом стихотворении о тяжком и добровольном кресте любви к родине или о любви иного характера – все равно читателя охватывает с необыкновенной силой и искренностью, с необыкновенной страстностью и глубиной захвата выраженное, всем нам хорошо знакомое, чувство щемящей и болящей прощальной осенней любви, часто безотчетной и потому еще более острой и разъедающей, чувство особенного любовного сиротства, одиночества и жажды разделения! И этот образ Христа, олицетворения казнимой и в минуту казни всеми покинутой любви, этот рыдающий вопрос: будет ли причален его челн к месту распинаемой любви поэта, – как много сочувственного волнения способен он вызвать! Ведь так мало законченного и ясного по сравнению с хаотическим и неоформленным живет в человеке... Это поистине насыщенный раствор смутных и просящих исхода чувств и мыслей; и, как вокруг брошенного в насыщенный раствор кристалла тотчас нарастает множество их, так проясняет нашу подсознательную сферу, обрастая родственными и сходными образами, – меткий и значительный поэтический образ..." (Там же. С. 67).

Полностью привел стихотворение как "одно из лучших" у Блока и Иванов-Разумник в статье "Роза и Крест (Поэзия Александра Блока)" (Заветы. 1913. № 10). Считая тогда главным содержанием творчества Блока трагедию замкнутого романтического индивидуализма, критик сделал следующий вывод из заключительных строк стихотворения: «Это вопрос всего творчества А. Блока; но не в родных просторах, а в стеклянной пустыне стоит его крест, увитый розами. Каждый из нас распинается жизнью для того, чтобы воскреснуть душой: в этом сущность "трагедии". Но не каждого трагедия эта приводит к действительной любви, в которой одной лишь спасение от мирового "декадентства", от заколдованного круга одиночества" (Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 25).

Когда в листве сырой и ржавой... – "Ржавый" цвет в сознании Блока соотносился с образом болота (ср. в стих. "Полюби эту вечность болот..." (1905); "Эти ржавые кочки и пни") и с представлениями о "лирических ядах" (СС-85. С. 164). В письме к Андрею Белому от 1 октября 1907 г. Блок говорил о своем устремлении "из болота – в жизнь, из лирики – к трагедии": "Иначе – ржавчина болот и лирики переест стройные колонны и мрамор жизни и трагедии, зальет ржавой волной их огни".

... *Рябины заалет гроздь ~ Вобьет в ладонь последний гвоздь...* – В строках сказалось воздействие заключительных стихов сонета И.Ф. Анненского "Конец осенней сказки", вошедшего в его книгу "Тихие песни" (1904; отмечено Р.Д. Тименчиком: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 321); ср.:

Там и сям сочатся грозди
И краснеют... точно гвозди
После снятого Христа.

(Анненский И. Стихотворения и трагедии.
(Б-ка поэта, большая серия)). Л., 1959, с. 80)

.. *И вижу: по реке широкой // Ко мне плывет в челне Христос.* – Ср. монолог Фаины в первоначальной редакции драмы Блока "Песня Судьбы" (3-е действие): "Я видела дивные сны: как весна была, да ветер плакал, да я, молодица, на берегу ждала. И плывет ко мне на льдине такой статный и светлый... так и горит весь, так и сияет... будто сам Христос... Плывет и улыбается мне, и уплывает, пропадает за даями, за березками, за серым небом..." (*Шиповник*, 9. С. 231).

Христос! Родной простор печален! – Связь образа Христа с российскими просторами восходит к стих. Ф.И. Тютчева "Эти бедные селенья..." (1855). См.: *Петрова И.В.* Блок и Тютчев // Вопросы истории и теории литературы. Вып. IV. Челябинск, 1968. С. 98.

Изнемогаю на кресте! – Через тему самораспятия стихотворение связывается с циклом Андрея Белого "Возмездие" (1901); ср. третье стихотворение цикла "Там... в низинах... ждут с верой денницу...":

Распинайте меня, распинайте.
Знаю – жаждете крови моей.

На кресте пригвожден. Умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, милый, мне шепчет: "Я знаю",
поцелуем смыкает глаза. (...)
Пригвожденный к кресту, умираю.

(Белый А. Золото в лазури. М., 1904. С. 230)

Вероятны также ассоциации с заключительными фрагментами лирико-философской статьи Андрея Белого "Сфинкс", в которых по подобию мистерии Голгофы изображается символическая судьба Ф. Ницше, терзаемого сфинксами: "Мягко входили гвозди в тело Твое (...) Ты висишь, вздернутый в собственном доме; гвозди прижимают тебя к дереву. Две слезы (росинки) леденеют на изострившемся лике, запрокинутом мукой", и т.д. (Весы. 1905. № 9/10. С. 49).

2. "И ВОТ УЖЕ ВЕТРОМ РАЗБИТЫ, УБИТЫ..."

(С. 180)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 5–6; *АС – Т₆*. Л. 22, рукой Л.Д. Блок; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 12; Кор. – *НР III₁*. Л. 58.

Впервые: Весы, 1907. № 12. С. 12.

Публикации: *ЗС*. С. 123, в разд. "Послания"; *III₁*. С. 80–81, в разд. "Песня Судьбы"; *II₃*. С. 213, в разд. "Фаина"; *II₄*. С. 285; *II₅*. С. 213.

В *II₃* стихотворение напечатано вне цикла "Осенняя любовь".

Окончательный текст – *II₄*.

... *Кусты облетелой ракиты.* – Ракитовый куст – общефольклорный символ скорби, утраты.

О, глупое сердце... – Ср. образ "глупого сердца" в стих. Я.П. Полонского "Рассказать ли тебе, как однажды..." (1864): "Иль боялась она, что воскреснет // Это глупое сердце (...)" . Тема гибели сердца – основная в стих. Полонского: "Хоронил друг твой сердце свое", "Вкруг убитого сердца", "В честь убитого сердца" и т.д.

... *Смеющийся мальчик...* – Образ возникает по ассоциации с Амуром. Ср. образ Амура ("голового мальчика") в стих. "Под масками" и "Бледные сказанья" (9 января 1907 г.).

3. "ПОД ВЕТРОМ ХОЛОДНЫЕ ПЛЕЧИ..."

(С. 180)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₁₇. Л. 10–11 (ст. (17–24) приведены: *Иванов–Разумник*. Л. 190); *АС* – *Т*₆. Л. 22 об. – 23, рукой Л.Д. Блок; *БА* – *ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 3; Кор. – *НР* *III*₁. Л. 58.

Впервые: *Весы*. 1907. № 12. С. 13–14.

Публикации: *ЗС*. С. 124–125, в разд. "Послания"; *III*₁. С. 81–82, в разд. "Песня Судьбы"; *II*₃. С. 214–215, в разд. "Фаина"; *II*₄. С. 286; *II*₅. С. 214.

Печатается с исправлением в ст. 10 ("Ты будешь все так же прекрасна" вместо "Ты будешь все также прекрасна") – по *Т*₆, *БА* *ИМЛИ* и публикациям в "Весах" и *ЗС*.

В *РЭ III*₁ карандашная правка: ст. 7–8 подчеркнуты, справа на полях: "?!"

В *II*₃ стихотворение напечатано вне цикла "Осенняя любовь".

Окончательный текст – *II*₄.

А.А. Измайлов в рецензии на книгу "Земля в снегу" называет стихотворение в ряду "красивых, исполненных мысли" (*Аякс* [А.А. Измайлов]. В литературном мире // *БВ*, 1908. № 10697. 9 сент., веч. вып.).

В стихотворении отмечено слияние основных компонентов блоковской поэзии: любовь, космическое начало, "восторг мятежа" дают полноту лирического переживания (*Долгополов Л.К.* А.А. Блок // *История русской поэзии*. Л., 1969. Т. 2. С. 317).

... *И, верная темному раю...* – "Темный" (то есть демонический, inferнальный, "ночной") – один из постоянных эпитетов лирической героини "Снежной Маски", "Ты (...) мне предалась // На темном мосту" ("Снежная вязь"); "И канет темная комета // В пучины новых темных встреч" ("На страже"); "В темной маске" ("Сквозь винный хрусталь"); "Сердце темное твое" ("Смятение") и т.д.

"В ТЕ НОЧИ СВЕТЛЫЕ, ПУСТЫЕ..."

(С. 181)

Автографы: *ЧА* – *ЗК*₁₇. Л. 12 об. – 13 об. ("Опять забыв святое "ты"..."), "10.X. После вечера после Пеллеаса", переработка "XII 1913"; *БА* – *Т*₈. Л. 16 об. – 17, "СПб. 10 X 1907 – 24 XII 1913"; *БА* – *РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1, 1-е в подборке под заглавием "Два стихотворения" (2-е – "Старинные розы..."); Там же. Ед. хр. 44а. Л. 1 (тот же текст под копировальную бумагу), "(19) 07 X – 1913 XII" (над текстом).

Впервые: *День*, 1914, № 351, 25 декабря (рождественский выпуск), бесплатное приложение, с. 6, первое в подборке из двух стихотворений.

Публикации: *II*₄. С. 287; *II*₅. С. 215.

Первоначальная редакция стихотворения в *ЧА ЗК₁₇*, относящаяся к 1907 г. (ст. (13–16) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 191), позднее, в декабре 1913 г., переработана, текст был приближен к основному (см. *ЗК₁₇ – 1913*).

Окончательный текст – в газ. "День".

Помета "10.X. После вечера после Пеллеаса" означает, что стихотворение написано непосредственно после спектакля в Театре В.Ф. Коммиссаржевской – премьеры драмы М. Метерлинка "Пеллеас и Мелисанда" 10 октября 1907 г.

В стихотворении отразились переживания Блока от совместных прогулок с Н.Н. Волоховой по Петербургу (см.: *Воспоминания*, I. С. 434–436).

И каждый был красив и молод ~ Она таила странный холод... – Ср. в стих. "Так открыленно, так напевно..." (1906): "Я сохраню мой лед и холод"; там же – рифмовка: "молод : холод".

Она любила только зверя // В нем раздражить – и укротить. – Возможно, здесь отразились психологические коллизии отношений лейтенанта Глана и Эдварды, героев романа К. Гамсуна "Пан" (1894). В романе неоднократно говорится о "зверином взгляде" Глана.

Так, в светлоте ночной пустыни... – Ср. первую строку стих. Ф.И. Тютчева "Бессонница (Ночной момент)" (1873): "Ночной порой в пустыне городской".

СНЕЖНАЯ ДЕВА

("Она пришла из дикой дали...")

(С. 182)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 30 об. – 33, "16.X." (над текстом), "16.X.Ночь", "17.X. вечер"; *АС – Т₆*. Л. 23–24, "17 октябрь", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и дата рукой Блока; *БА – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 19, подпись под текстом: "Александр Блок"; *АС – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 6–6 об., рукой Л.Д. Блок, заглавие и ст. 1 рукой Блока; Кор. – *НР Ш₁*. Л. 57.

Впервые: *Весы*, 1907. № 12. С. 15–16.

Публикации: *ЗС*. С. 92–93, в разд. "Песня Судьбы"; *Ш₁*. С. 77–78, в разд. "Песня Судьбы"; *Ш₃*. С. 216–217, в разд. "Фаина"; *Ш₄*. С. 288–289; *Ш₅*. С. 215–217.

В *ЗК₁₇* – первоначальная редакция стихотворения: в ней две строфы, не вошедшие в беловые автографы и публикации, и иная последовательность строф; ст. (25–28) опублик.: *Звезда – 1936*. С. 273.

На *БА ИМЛИ* карандашные пометы на полях – рукой Брюсова: «Стихи № 12 "Весов"»; другим почерком: "1907.X.17". Следовательно, этот автограф был прислан Блоком в редакцию "Весов" для публикации.

Эпиграф из Ф.И. Тютчева предпослан стихотворению только в *ЗС*.

Окончательный текст – *Ш₁*; в последующих изданиях печаталось без изменений.

Стихотворение было включено Блоком в предварительный список содержания *Изборника* (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 2), изъято при составлении макета несостоявшегося издания.

Блок выслал стихотворение В.Я. Брюсову 20 октября 1907 г. для публикации в газете "Голос Москвы" (*СС-8₈*. С. 216; просьбу дать стихи для этой газеты содержало

письмо Брюсова к Блоку от 16 октября 1907 г., см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 503). Брюсов написал в ответ: «Благодарю за присылку стихов. "Снежная Дева" мне очень дорога. Даже как-то жалко отдать ее газете? Не поместить ли ее в "Весы" взамен одного стихотворения из "Осенней Любви"? Как укажете?» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 504). Брюсов высоко отозвался о стихотворении также в письме к Блоку от 28 октября 1907 г. ("стихи мне нравятся очень") и – в тех же словах – в письме к нему от 2 ноября 1907 г. (*Там же*. С. 506, 508). В ответ на предложение Брюсова Блок писал ему 26 октября: «"Осенней Любви" мне не хотелось бы разбивать (...) Но, если Вам нравится "Снежная Дева", отложите ее для будущего года в "Весы". Кажется, она разрастается в целый цикл, который мне хочется прислать Вам, как только будет написан». Однако, когда Брюсов предложил Блоку (в письме от 28 октября 1907 г.) анонсировать в "Весы" на 1908 г. «цикл стихов "Снежная Дева"», тот в ответном письме от 31 октября указывал: «Цикл стихов я не назову, пожалуй, "Снежной Девой", но не могу еще придумать, как (...) я рад был бы, чтобы "Снежная Дева" вошла в декабрьский №, кроме тех трех стихотворений об осенней любви. Можно?». "Новый цикл", над которым Блок работал в октябре 1907 г. и который первоначально представлял себе как развитие темы "Снежной Девы", получил затем заглавие "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей", а "Снежная Дева" была опубликована, в соответствии с желанием автора, как самостоятельное стихотворение, вместе с циклом "Осенняя любовь". Брюсов сообщил Блоку об этом решении в письме от 2 ноября 1907 г., на которое тот отвечал 3 ноября: «Радуюсь, что "Снежную Деву" берете в декабрьские "Весы"».

Образ героини и сюжетно-психологические коллизии стихотворения навеяны обликом Н.Н. Волоховой и прогулками с ней Блока по Петербургу. В.П. Веригина пишет о Волоховой: "Она сама была влюблена в Петербург и его мглу и огни и указывала на них поэту. Оба много гуляли и катались по вечерам (...) с приближением Блока в ней проснулись Снежная Дева и захватывающий интерес к окружающему (...)" ; "Она гуляла и каталась с Блоком по улицам Петербурга, влюбленная в его мглу и огни" (*Воспоминания*, 1. С. 434, 436). Сама Волохова свидетельствует в воспоминаниях о Блоке: «Часто после спектакля мы совершали большие прогулки, во время которых Александр Александрович знакомил меня со "своим городом", как он его называл. Она же отмечает: «... моей душе и правде наших встреч с Александром Александровичем ближе всего отвечают стихи, обращенные к "Снежной Деве"» (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 373, 376 (*УЗ ТГУ*. Вып. 104)).

Многие современники воспринимали "Снежную Деву" как произведение, наиболее целостно, полно и отчетливо обрисовывающее новый образ лирической героини Блока. Г.И. Чулков свою обобщающую статью о поэзии Блока озаглавил "Снежная Дева" (впервые опубликована под псевдонимом "Борис Кремнев": *ЗР*. 1908. № 10. С. 51–54); в ней он подчеркивал, что "видение Снежной Девы" не есть "измена" прежним ликам блоковской музы: "Прекрасная Дама, Незнакомка и Снежная Дева – это все образы единой сущности" (*Чулков Г. Сочинения*. СПб., 1912. Т. 5. Статьи 1905–1911 гг. С. 50). Чулков указал и на литературную генеалогию образа: «Из-под маски "Снежной Девы", воспетой Александром Блоком, неожиданно глядят на нас то холодные глаза андерсеновской "Девы Льдов", овладевшей Руди, то глаза "Снежной Королевы", похитившей мальчика Кая» (*Там же*. С. 47; имеются в виду сюжетные коллизии сказок Х.К. Андерсена "Снежная королева" (1845) и "Дева Льдов" (1861), в центре которых – фантастический образ ледяной владычицы, завораживающий и губительный для человека). О том, что в образе Снежной Девы, "чувствуется, воспета муза поэта", писал в статье "Об Александре Блоке" и А.Б. Дерман: "Он, действительно, верен своей Снежной Деве, своей музе; этим обусловлена главная прелесть поэзии Блока, в этой же верности лежит разгадка недостатков ее" (*РМ*. 1913.

№ 7. Отд. II. С. 60–61). К.И. Чуковский приводит стихотворение в доказательство своей мысли о том, что Блок – поэт Петербурга, открывший “магию” этого города (*Чуковский К. От Чехова до наших дней: Литературные портреты. Характеристики.* 3-е изд. СПб.; М., [1908]. С. 35). Е.Ф. Книпович в воспоминаниях “Об Александре Блоке” свидетельствует, что поэт читал ей это стихотворение в числе своих любимых (*ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 39*).

Но сфинкса с выщербленным ликом // Над исполинскою Невой... – Имеются в виду два египетских сфинкса, высеченные из гранита (памятники египетского искусства XV в. до н.э., изображающие фараона Аменофиса III); были найдены при археологических раскопках на месте древней столицы Египта Фив, приобретены русским правительством, доставлены в 1832 г. в Петербург и установлены на набережной Невы – на верхней террасе гранитного спуска перед Академией художеств. Ср. сонет Вяч. Иванова “Сфинксы над Невой”, открывавший “петербургский альманах” “Белые ночи” (СПб., 1907. С. 5; вышел в свет в июне 1907 г.), в издании которого Блок принимал близкое участие: “Волшба ли ночи белой приманила // Вас маревом в полон полярных див, // Два зверя-дива из стовратных Фив?”. На обложке и титульном листе альманаха был изображен один из петербургских сфинксов (работа М.В. Добужинского). Воздействие на Блока оказало также, безусловно, стихотворение А.А. Григорьева “Героям нашего времени” (1845), в котором идет речь о египетских сфинксах и их “таинственной связи” с современностью. При чтении в 1902 г. сборника “Стихотворения Аполлона Григорьева” (СПб., 1846) Блок отметил это стихотворение как “важное” (*ЗК. С. 29*); в принадлежавшем ему экземпляре сборника Блок отчеркнул на полях (С. 55–56) заключительные строки, начиная со стихов:

Нет, нет – наш путь иной! Вы не видали их,
Египта древнего живущих изваяний,
С очами тихими, недвижных и немых,
С челом, сияющим от царственных венчаний, и т.д.;

кроме того, дополнительно подчеркнул в этом фрагменте: “...не видели межь нами // И теми сфинксами таинственную связь...” (см.: *ББО-1. С. 249; Григорьев А. Избранные произведения.* (Б-ка поэта, большая серия). Л., 1959, С. 105–106). Ср.: *Орлов Вл. “Здравствуйте, Александр Блок”.* Л., 1984. С. 312–314.

... *Все снится ей родной Египет...* – Не исключено, что “египетское” начало в героине связано с представлением о Египте как возможной родине цыган (“цыганское” отчетливо выражено в образе Фаины); вероятны также ассоциации с образом египетской царицы Клеопатры (в трактовке, предложенной Пушкиным в “Египетских ночах”). См.: *Миц З.Г. Блок и Пушкин // Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Литературоведение.* Тарту, 1973. С. 213 (*УЗ ТГУ. Вып. 306*). Развитие этой темы – в стих. “Клеопатра” (декабрь 1907), “Ушла. Но гиацинты ждали...”. Ср. также предисловие В.В. Розанова к книге Л.Н. Вилькиной, в котором поэтесса приобщается к числу “новых египетских жриц” (*Вилькина Л. (Минская).* Мой сад. М., 1906. С. 6). Другой круг ассоциаций соотносит “Снежную Деву” с героиней поэмы Вл. Соловьева “Три свидания” (1898): третье свидание с “Подругой вечной” состоялось в египетской пустыне; переживания, с этим связанные, имели для Соловьева непосредственную автобиографическую основу (см.: *Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы.* Л., 1974. С. 11, 128–131 (Б-ка поэта, большая серия)). Ср. суждения о “Снежной Деве” Н.П. Анциферова: “Ее образ неясен. Может быть, эта пришедшая с берегов Ни-

ла дева все та же Вечная Дева, что являлась Владимиру Соловьеву (...) под полнозвездным небом пустыни Египта" (Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пб., 1922. С. 197).

Ей стали нравиться громады, // Уснувшие в ночной глуши, // И в окнах тихие лампы... – Реминисценция из Вступления к поэме Пушкина "Медный всадник" (1833): "Пишу, читаю без лампы, // И ясны спящие громады // Пустынных улиц (...)."

Она узнала зыбь и дымы ~ Весь город мой непостижимый... – Та же связь лирической героини с ночным городом – в стих. "Они читают стихи" (10 января 1907) из "Снежной Маски": "Но для меня неразделимы // С тобою – ночь, и мгла реки, // И застывающие дымы (...)".

Она дарит мне перстень выюги... – Ср. в стих. "Второе крещение" (январь 1907): "...драгоценный камень выюги".

...За то, что я в стальной кольчуге... – Ср. стих. Я.П. Полонского "Холодная любовь" (1884): "Не изменю тебе, как старая кольчуга // На старой рыцарской груди" (Полонский Я.П. Стихотворения. Л., 1954. С. 368. (Б-ка поэта, большая серия)).

Она глядит мне прямо в очи... – Ср. в стих. Я.П. Полонского "Пришли и стали тени ночи..." (1842): "Смелей глядит мне прямо в очи // Глубокий мрак ее очей".

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС) – из стих. Ф.И. Тютчева "Предопределение" ("Любовь, любовь – гласит преданье...", 1851–1852).

Глаза сияют под платком. (ЗК₁₇). – Эта фраза записана в ЗК₁₈ (март–июль 1908) в составе набросков тем задуманных произведений; непосредственно связанные с нею записи тематически соотносятся со стих. "Задебранные лесом кручи...". См.: ЗК. С. 108, 540.

"И Я ПРОВЕЛ БЕЗУМНЫЙ ГОД..."

(С. 183)

Автографы: ЧА – ЗК₁₇. Л. 34 об. – 36 ("Отрывок из поэмы"), "21.Х." (над текстом); БА – Т₆. Л. 43 об. – 45 ("Отрывок из поэмы"), "21.Х.07".

Впервые: Слово. 1908. № 649. 13 дек. С. 4, под загл. "Отрывок из поэмы".

Публикации: П₄. С. 290–292; П₅. С. 217–219.

Прототип героини стихотворения – Н.Н. Волохова. В.П. Веригина заключает, что Блок "скрыл" от Волоховой это стихотворение: «Очевидно, оно вылилось в момент мучительной досады на холодность Н.Н. Последующие стихи опять говорят о рыцарском поклонении и преданности. "У шлейфа черного..." было напечатано позднее. Ссылаться на это стихотворение и утверждать, что год, проведенный у шлейфа черного, Блоку ничего не дал, как это сделал кто-то из критиков, никак нельзя. Среди многих других стихотворений того периода оно случайно» (Воспоминания, 1. С. 458–459). Версию Веригиной подкрепляет тот факт, что Блок длительное время не включал стихотворение в авторские сборники. "Критик", о котором упоминает Веригина, – видимо, Вл. Пяст, писавший в "Воспоминаниях о Блоке": «"Черный шлейф", у которого провел Блок целый год, не принес ему ни жизненного, ни творческого счастья» (Там же. С. 376).

...У шлейфа черного. – Шлейф как атрибут лирической героини Блока появляется в его творчестве еще до знакомства с Волоховой; ср. стих. "Твое лицо бледней, чем было..." (март 1906), "Шлейф, забрызганный звездами..." (сентябрь 1906).

...Смотрели темные глаза, // Дышала синяя гроза. – Ср. "синий, синий, синий взор" у героини стих. "Шлейф, забрызганный звездами..."

Потом она кончает прясть... – Мифологический мотив: парки (богини судьбы) прядут нити человеческих жизней.

И перешла за третью стражу... – Третья стража (лат. *tertia vigilia*) – третья смена караула в сторожевой службе древнеримских войск; ночь делилась на четыре стражи, третья стража приходилась на первые три часа после полуночи. Ср. заглавие книги стихов В.Я. Брюсова "Tertia Vigilia" (1900); в издании "Пути и перепутья. Собрание стихотворений" (Т. 1. М., 1908) – "Третья стража".

Так провожу я ночи, дни ~ Углей в потухшем камельке... – Развитие образных построений "Сказки о той, которая не поймет ее" (12 октября 1907); ср.: "И уже не знал он, где сон и где явь, проводя медлительные часы над спинкой кресла, в котором она молчала и дремала, как ленивая львица, озаренная потухающими углями камина. <...> Она же любила пройти с ним по зале, и на многолюдстве любила она уронить платок, чтобы он первый поднял его, <...> чтобы резко оттолкнул восхищенного ею юношу, открывая путь ей в толпе. Так проходили они, как небо за небом, – одну залу за другой <...> Когда же они миновали все небеса, и проходили все залы, и оставались одни, она бросалась на темный ковер и застывала, неподвижная <...>" (СС-129. С. 199–200).

В камине умерли огни, // В окне быстрее заплясали // Снежинки быстрые... – Автореминисценция из стих. "В углу дивана" (9 янв. 1907): "Но в камине дозвенели // Угольки. // За окошком догорели // Огоньки".

Она завязывает туго // Свой черный шелковый платок... – По предположению О.А. Кузнецовой (Блок А. Стихотворения. Кн. 2. СПб., 1994. С. 445–446), смысл этого жеста раскрывается в сопоставлении с популярным романсом на текст стих. Я.П. Полонского "Песня цыганки" (1853): "На прощанье шаль с каймою // Ты на мне узлом стяни <...> Кто-то завтра, сокол мой, // На груди моей развяжет // Узел, стянутый тобой?"

Мою прекрасную змею: // Она ползет из света в свет, // И вьется шлейф, как хвост кометы... – Метафорический образ "шлейф платья – змея" был использован Блоком еще в стих. "День был нежно-серый, серый, как тоска..." (1903): "Длинный вырез платья, платье, как змея, // В сумерках белее платья чешуя" (т. 1 наст. изд.). Ср. в стих. "В темной комнате ты обесчещена..." (12 апреля 1907): "Шлейф ползет за тобой и треплется, // Как змея, умирая в пыли..." (т. 4 наст. изд.); в "Сказке о той, которая не поймет ее": "И она принимала в его воображении образы страшные и влекущие: то казалась она ему змеей, и шелковые ее платья были тогда свистящею меж трав змеиной чешуею" (СС-129. С. 199). В той же "Сказке" шлейф уподобляется комете: "...безобразный карлик бормотал у двери непонятные свои речи, приглашая в путь госпожу, готовясь летать за ее шлейфом всюду, куда полетит она, как безобразный астральный осколок – проклятый спутник зловещей и прекрасной кометы" (СС-129. С. 201). Сочетание "змеиной" и "астральной" символики, подчеркивающее демонизм героини, связано с народными представлениями о комете как "звезде с хвостом", о кометах, метеорах, падающих звездах как о пролетающем по небу змее (см.: Афанасьев, 2. С. 509–510; Грякалова Н.Ю. О фольклорных истоках поэтической образности А. Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1986. С. 58–68). Метафора "комета-змея" обыгрывается у А.А. Григорьева – в поэме «Первая глава из романа "Отпетая"» (1847); ср. обращения к героине: "Не звездный свет сияет в них (очах. – Ред.) – // Кометы яркий свет..."; "И вся ты как змея";

Ты так светла, что не звездам
Спокойным вечно так сиять;
Ты так гибка, что разгадать
В тебе легко сестру змеям.

Заключают обращения два призыва: "О, будь кометой роковой!" и "О, будь же, будь змеей!" (Григорьев А. Избранные произведения. Л., 1959. С. 341–342). Ср.: Благой Д. Александр Блок и Аполлон Григорьев // Он же. От Кантемира до наших дней. М., 1979. Т. 1. С. 506; Гинзбург Л. О лирике. Л., 1974. С. 303–305.

...Я перед ней, как дикий зверь... – Ср. в стих. "Девушке": "Ты перед ним – что стебель гибкий, // Он пред тобой – что лютый зверь" (6 июня 1907).

И, словно в бездну, в лоно ночи ~ О, ночь мучительного брака!.. – Ср. в "Сказке о той, которая не поймет ее": "...в холодеющие ее взоры проливалась та ночь, пережить которую было для него мучением сладостным, дотоле неведомым и таинственным" (СС-129. С. 200).

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

(С. 185)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 26–35 об., "Ноябрь 1907", текст рукой Л.Д. Блок, заглавие и дата рукой Блока; АС – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1–9, "Осень 1907" – машинопись с правкой и подписью ("Александр Блок"); Кор. – НР III₁. Л. 39–48. Заглавие во всех источниках: "Заключение огнем и мраком и пляской метелей".

Впервые: Весы, 1908. № 3. С. 7–20, "Осень, 1907" – под заглавием "Заключение огнем и мраком и пляской метелей".

Публикации: III₁. С. 51–65 ("Заключение огнем и мраком и пляской метелей"); II₄. С. 293–310; II₅. С. 220–231.

АС ИМЛИ – наборная рукопись цикла, предназначавшаяся для публикации в "Весах".

В ЗС включены 8 из 11 стихотворений цикла, распределенные по разным разделам ("Мещанское житье", "Песня Судьбы" и "Послания").

В III₁ цикл "Заключение огнем и мраком и пляской метелей" восстановлен и выделен в самостоятельный раздел книги.

Цикл вновь расформирован при подготовке II₃ (в книгу вошли из него лишь 5 стихотворений, включенные в разделы "Фаина" и "Город"); восстановлен в II₄.

При публикации в "Весах" и в III₁ циклу предпослано посвящение (см. разд. "Другие редакции и варианты").

В Т₆, АС ИМЛИ, "Весах" 1-я строка эпиграфа: "За все, за все Тебя благодарю я."; исправлена в НР III₁.

Заглавия одиннадцати стихотворений, составивших цикл "Заключение огнем и мраком и пляской метелей", предполагали (в "Весах" и III₁) сквозное связное прочтение: "(1) Принимаю – (2) В огне – (3) И во мраке – (4) Под пыткой – (5) В снегах – (6) И в дальних залах – (7) И у края бездны – (8) Безумием заклинаю – (9) В дикой пляске – (10) И вновь покорный – (11) Тебе предаюсь".

Метод конструирования связного поэтического текста ("заклинательной фразы", по авторскому определению) из заглавий одиннадцати стихотворений, составляющих цикл, восходит у Блока, видимо, к Ф. Ницше. В "Песни опьянения", входящей в философскую поэму "Так говорил Заратустра" (1883–1885), заключительные фразы составляющих ее фрагментов образуют в финале о д и н н а д ц а т и с т р о ч н у ю "песнь Заратустры"; в тексте "песни" – образные и смысловые параллели с блоковским циклом:

О, друг, вникай!
Что полночь говорит? Внимай!
"Был долгод сон, –
Глубокий сон, развеян он: –
Мир – глубина,
Глубь эта дню едва видна.
Скорбь мира эта глубина, –
Но радость глубже, чем она:
Жизнь гонит скорби тень!
А радость рвется в вечный день, –
В желанный вековечный день!

(*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого /
Пер. Ю.М. Антоновского. СПб., 1911. С. 281–289)

В другом месте поэмы эта "песнь" воспроизводится построчно: каждый из одиннадцати стихов сопровождается соответствующим ему количественным числительным ("Раз!", "Два!", "Три!", "Четыре!" и т.д. – *Там же.* С. 201–202). Ницше пишет, что "имя" песни – "Еще раз!", а смысл ее – "во веки веков!" (*Там же.* С. 289). Внутреннее задание блоковского цикла – "еще раз" претворить в поэтическую форму переживания, уже воплощенные в "Снежной Маске"; ср. посвящение цикла в автографах и первых публикациях ("И вновь посвящаю я эти стихи – Тебе"), соотносимое с посвящением "Снежной Маски" ("Посвящаю эти стихи *Тебе*, высокая женщина в черном", и т.д.). Подробнее см.: *Лавров А.В.* Маргиналии к блоковским текстам. 2. Мотивы "Заратустры" в цикле "Заклятие огнем и мраком" // *Александр Блок. Исследования и материалы.* Л., 1991. С. 172–177.

Составившие цикл стихотворения написаны во второй половине октября – первой половине ноября 1907 г., в период возобновления частых встреч с Н.Н. Волоховой. Документальных свидетельств об этой поре их взаимоотношений почти не сохранилось, однако, известно, что Блок осенью 1907 г. переживает новый всплеск бурного увлечения героиней "Снежной Маски"; ср. замечание А.А. Кублицкой-Пиоттух о нем в письме к Е.П. Иванову от 30 ноября 1907 г.: "А забыл он не Вас только, а всех {...} Уж очень влюблен" (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 315). 11 ноября 1907 г. М.А. Бекетова записала в дневнике о Блоке и "Заклятии огнем и мраком": «...написал цикл стихов для "Весов". Прочел мне: хорошо, но не ново и не первосортно для него. Где лучше, где хуже. "Маска" была сильнее. Но все она и она, лучезарная. Насколько могу понять, он безумствует, а она не любит или холодна и недоступна, хотя и видятся они беспрестанно» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 626).

Первоначально Блок осмыслял новый цикл как развитие темы стихотворения "Снежная Дева", о чем он писал Брюсову 26 октября 1907 г. (см. коммент. к стих. "Снежная Дева"). Однако уже 31 октября, предлагая Брюсову опубликовать "Снежную Деву" отдельно в "Весех", Блок отмечал: "Цикл новый не совсем согласен с нею, в нем больше смятения и октябрьской хляби". Высылая Брюсову 14 ноября 1907 г. рукопись "Заклятия огнем и мраком и пляской метелей", Блок указывал в сопроводительном письме: «Вот – новый цикл стихов, или поэма, непосредственно примыкающая к "Снежной Маске". Заглавия составляют вместе одну заклинательную фразу,

потому можно печатать стихи все сряду, если для "Весов" – слишком много уделить каждому – отдельную страницу. Очень хочется видеть это "Заключение" в "Весах", в одном из первых номеров (...), так как возможно, что в марте (приблизительно) я приготовлю новый сборник, куда непременно должен войти этот цикл, вслед за "Снежной Маской" (... я думаю включить ее в книгу, как отдел)» В оповещении "От редакции", помещенном в № 12 "Весов" за 1907 г., значилось, что "в распоряжении редакции для беллетристического отдела 1908 г. имеется "Заключение огнем и мраком и пляской метелей. Поэма" А. Блока (С. 84). 10 января 1908 г. Брюсов сообщил Блоку, что цикл будет помещен в мартовском номере (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 510). Стихотворения, в соответствии с пожеланием Блока, были напечатаны в подбор.

Оценка Блоком "Заключения огнем и мраком" не была устойчивой. Так, 29 октября 1907 г. он писал матери, явно подразумевая стихотворения формирующегося цикла: "Пишу хорошие стихи. Но подлинной жизни нет и у меня (...). Чем хуже жить – тем лучше можно творить, а жизнь и профессия несовместимы" (СС-8г. С. 217). Однако месяц спустя он признавался в письме к ней же (27 ноября): "Я почти поверил тебе, что стихи мои плохи. Люба и Наталья Николаевна уверяют меня в противоположном, но мне кажется, что с лета я не написал ничего ценного (...)" (Там же С. 218). Неустойчивостью отношения к циклу, безусловно, объясняется и тот факт, что Блок то расформировывал его и растворял в других разделах своих стихотворных книг, то восстанавливал в первоначальном виде. В сознании Блока цикл остался непосредственно связанным с переживаниями и творческими исканиями 1907 г., содержание его в основном ограничивалось этим кругом ассоциаций. Отвечая на восторженный отзыв Э.К. Метнера о стихах цикла в книге "Снежная ночь" (см. ниже, коммент. к стих. "О, весна без конца и без краю..."), Блок писал ему 9 марта 1913 г.: «Только не в "Заключении", все-таки, центр книги. Если Вам она "откроется" когда-нибудь еще раз, Вы найдете и другое – лучше. Подойти, конечно, можно через все, я и это люблю (...). Но все это было (да, действительно – было), есть другое, будущее, даже в этой книге" (БС-2. С. 393; "книга" – "Снежная ночь". – *Ред.*).

Образ "заключения огнем" восходит к тетралогии Р. Вагнера "Кольцо нибелунга": в 3-м акте музыкальной драмы "Валькирия" Логе окружает морем огня Брингильду, погруженную в многолетний сон на вершине скалы; в следующей части тетралогии Зигфрид преодолевает огненную стену и пробуждает Брингильду ("Зигфрид", 3-й акт).

Эпиграф. – Из стих. М.Ю. Лермонтова "Благодарность" (1840). Блок опустил последние три строки стихотворения:

За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя огненные
Недолго я еще благодарил.

"Благодарность" – одно из наиболее интимно близких Блоку стихотворений. Такое отношение было воспринято им из семейного круга; М.А. Бекетова пишет о выражении "жар души" из "Благодарности": "Этими словами принято было у нас с матерью Блока, что было известно и ему, обозначать инсказательно романтические чувства"; ср. фразу в письме Блока к матери от 21 декабря 1906 г.: "О жаре души не могу сейчас ничего сказать". В биографическом аспекте в тексте эпиграфа подразумевалось обращение к прообразу лирической героини цикла – Н.Н. Волоховой, но для Блока адресат внутренне соотносился также с Л.Д. Блок. 18 июля 1908 г. Блок писал жене: «...все ту же глубокую тайну, мне одному ведомую, я ношу в себе – один (...). Но без тебя я не узнал бы этой тайны. И значит к тебе относил я слова: "За все, за все тебя благодарю я..." как, может быть, все, что я писал, думал, чем жил, от чего так устала душа, – относилось к тебе".

В выборе текста для эпитафии видели оттенок горькой иронии, оттеняющей пафос блоковского цикла (см.: *Розанов М.Н.* Мотивы "мировой скорби" в лирике Блока // *О Блоке*. М., 1929. С. 234–235); между тем характерно, что Блок последние строки "Благодарности", в которых отчетливо проступает лермонтовская ирония, в эпитафии опускает. Более оправданной представляется концепция, согласно которой Блок дает собственную (возможно, полемическую по отношению к Лермонтову) разработку художественного образа, восходящего к строкам эпитафии: если в лермонтовском стихотворении страсть подвергается саркастическому переосмыслению, поскольку обрекает на разлад с внешним миром, то в блоковском цикле страсть, мучительная и противоречивая, многообразна и самодостаточна в своей полноте; лермонтовские строки Блок воспроизводит без иронической акцентировки. Эпитафия, кроме того, служит указанием на родственность психологических индивидуальностей Лермонтова и Блока. См.: *Миц, 2*. С. 92; *Усок И.Е.* Лермонтов и Блок // *Лермонтов и литература народов Советского Союза*. Ереван, 1974. С. 204–206. Ср. *Голованова Т.П.* Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. С. 44–45.

1. "О, ВЕСНА БЕЗ КОНЦА И БЕЗ КРАЮ..."

(С. 185)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 38 об. – 39, "29.Х." (над текстом); *АС – Т₆*. Л. 26–27 ("1. Принимаю"), рукой Л.Д. Блок, заглавие рукой Блока; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2–2 об. ("1. Принимаю") – машинопись; Кор. – *НР III*. Л. 40–40 об. ("Принимаю"); печ. текст – *Изборник*, л. 94 ("Принимаю").

Впервые: *Весы*, 1908. № 3. С. 7–8, под заглавием "1. Принимаю".

Публикации: *ЗС*. С. 96–97 ("Принимаю"), в разд. "Песня Судьбы"; *III*. С. 53–54 ("Принимаю"), в разд. "Заключение огнем и мраком и пляской метелей"; *II*₃. С. 219–220 ("Принимаю"), в разд. "Файна"; *II*₄. С. 293–294; *II*₅. С. 220–221.

В *ЧА* стихотворению предпослано посвящение: "Женщине, отравленной красою своей".

Заглавие "Принимаю" – во всех публикациях, кроме *II*₄ и *II*₅. Окончательный текст – *II*₄.

А.А. Измайлов писал в отзыве о "Земле в снегу": «Чудесно стихотворение "О, весна без конца и без краю" – такое характерное для Блока, так полно выражающее философию его мистико-поэтического непротивления миру с прелестью детски доверчивого преклонения пред земною весеннею прелестью {...}» (далее критик приводит весь текст стихотворения) (*Измайлов А.* Иероглифы новой поэзии: (Новые стихотворения А. Блока) // *Образование*. 1908. № 9–10. Отд. III. С. 40; см. также: *Измайлов А.А.* Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 222). В большинстве случаев стихотворение воспринималось как проявление "восторженного ликования" (*Казанский В.* // *БВ*. 1917. № 16104. 17 февр., утр. вып.), однако отмечалась и сложность, неоднозначность поэтических эмоций, в нем запечатленных; так, А.С. Бухов, касаясь стихотворения, заключает, что Блоку "иногда (...) кажется, что он принимает жизнь, такую, какая она есть, может быть только для того, чтобы померяться с ней изнемогающими силами" (*Бухов*. С. 24–25).

4 мая 1908 г. Блок в надписи Иоганнесу фон Гюнтеру на своей книге "Лирические драмы" (СПб., 1908) привел целиком первую строфу стихотворения (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 61).

20 февраля 1913 г. Э.К. Метнер писал Блоку о своих впечатлениях от цикла "Заключение огнем и мраком и пляской метелей" в книге "Снежная ночь": «"Принимаю" ("О, весна без конца и без краю...") и "У края бездны" ("По улицам метель метет..."), по-моему, следует отнести к наиболее ценному, что спето было поэтами нашей планеты; да я еще и не в состоянии *анализировать*, ибо прихожу в страшное волнение, как только начинаю скользить по строкам этих двух стихотворений. Я даже не могу Вам передать и малой доли того *синтетического*, что мгновенно возникло в моем сознании. (...) В этих стихотворениях Вы частично, но глубоко близки Гете (...)» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 331). Благодаря Метнеру за отзыв в ответном письме от 9 марта 1913 г. ("...то, что Вы пишете мне о стихах "Снежной Ночи" – было дорого мне чрезвычайно. Сейчас перечитал и опять дорого. Буду хранить это в сердце"), Блок указал, что сам любит в цикле «особенно – "Принимаю"».

Об одном из публичных чтений стихотворения Блоком незадолго до смерти вспоминает Н.А. Павлович: «...однажды в Петрограде я упросила его прочесть "Заключение огнем и мраком", но строчка: "Узнаю тебя, жизнь, принимаю" – прозвучала не радостно и открыто, а как-то горько и хрипло. Проходя мимо меня по эстраде, он мне сказал: "Это я прочел только для вас"» (БС-1. С. 452).

Открывающее цикл стихотворение имеет программный характер; оно предлагает отчетливую поэтическую формулу приятия мира, во всей совокупности составляющих его противоречий и взаимоисключающих черт. В этом отношении, как отмечалось исследователями, Блок является преемником Достоевского, развивающего в своих произведениях сходные коллизии (дружба – вражда, ненависть – любовь и т.д.). См.: Долгополов Л.К. Александр Блок: Личность и творчество. 2-е изд. Л., 1980. С. 81–82.

О, весна без конца и без краю – // Без конца и без краю мечта! – Сходное по цельности и силе переживание "весенних" настроений – в стих. "Сольвейг" (1906); эта параллель прослежена в кн.: Венгров Н. Путь Александра Блока. М., 1963. С. 205. Строки заключают в себе элемент автополемики с циклом "Ненужная весна" (т. 4 наст. изд.), где образ весны предстает в демонстративно негативном виде ("сера и неумыта", "развратна до конца" и т.п.).

И приветствую звоном щита! – За героическими мотивами стихотворения – ассоциации, связанные прежде всего с образами Р. Вагнера (тетралогия "Кольцо нибелунга" и ее герой Зигфрид). См.: Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // Zbornik Radova instituta za strane jezike i književnosti. Sv. 6. Novi Sad, 1984. С. 203. Ср. в письме С.А. Соколова к Блоку от 7 декабря 1903 г.: "Надо бряцать мечом о щит, надо призывно трубить..." (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 533). Вагнеровские ассоциации возникали и у Андрея Белого, когда он в "Воспоминаниях о Блоке" касался этих стихов: Блок "как бы говорил себе: Ее – нет! Не придет! Что же, будем – героями, Зигфридами! Будем же высекать жизнь-творчество; настроение такое складывалось в А.А. Оно выразилось впоследствии в строках (...)» – далее цитировалась первая строфа стихотворения (*Белый*, 2. С. 275).

Принимаю пустынные веси... ~ Веси (устар.) – селения.

...И колодцы земных городов! ~ И томления рабских трудов! – "Колодцы" – распространенное в городском словоупотреблении название узких внутренних дворов в высокэтажных домах. Строки, возможно, заключают реминисценцию стих. Ф. Сологуба (1903):

Я уведу тебя далёко
От шумных, тесных городов,
Где в многолюдстве одиноко,
Где рабство низменных трудов.

(Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1975. С. 281)

...С буйным ветром в змеиных кудрях... – Ср. в обращении Заратустры к жизни: "...змейки развивающихся волос твоих!" (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. Ю.М. Антоновского. СПб., 1911. С. 198). "В змеиных кудрях" – ср. в стих. Блока "За холмом отзвенели упругие латы..." (2 апреля 1907 г.).

Перед этой враждующей встречей ~ Но над нами – хмельная мечта! – Приводя в воспоминаниях о Блоке эту строфу, Н.Н. Волохова заключает: "...эти стихи как нельзя лучше рисуют наши взаимоотношения с Александром Александровичем в ту снежную, выжужную зиму, когда мы с ним встретились в прекрасном, сказочном городе..." (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961, с. 376 (*УЗ ТГУ*. Вып. 104)).

...*Ненавидя, кляня и любя...* – Первоисточник стиха – слова Катутла "odi et amo" ("ненавижу и люблю" – стихотворный фрагмент № 85); в переводе А.А. Фета: "Хоть ненавижу, люблю". См.: *Гай Валерий Катутл Веронский*. Книга стихотворений. М., 1986. С. 116, 271. Ср.: *Мицк*, 2. С. 92–93. Возможно, что непосредственным образом стих восходит также к словам Дмитрия Карамазова Катерине Ивановне: "...клянусь, я тебя и ненавию любил" ("Братья Карамазовы". Кн. 12. Гл. V). См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 15. С. 120; *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 221.

2. "ПРИЯВШИЙ МИР, КАК ЗВОНКИЙ ДАР..."

(С. 187)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 39 об., "26.Х." (над текстом); *АС – Т₆*. Л. 27–27 об. ("2. В огне"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2 об. – 3 ("2. В огне") – машинопись; Кор. – *НР III₁*. Л. 40 об. ("В огне").

Первые: *Весы*, 1908. № 3. С. 8–9, под загл. "2. В огне".

Публикации: *ЗС*. С. 98 ("Пожар"), в разд. "Песня Судьбы"; *III₁*. С. 5 ("В огне"), в разд. "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; *II₄*. С. 25; *II₅*. С. 221.

Ст. (13–16) *ЧА ЗК₁₇* опубл.: *СПТ*. С. 526.

Окончательный текст – *II₄*.

Стихотворение было подвергнуто критике С.М. Соловьевым в рецензии на книгу Блока "Земля в снегу": «Что касается поэтического словаря, то Блок часто забывает, что одно настроение требует для своего выражения одних слов, а другое – других. Желая быть легким и простым, он не избегает тяжеловесных слов, церковных образов, славянизмов, вполне законных в другом месте, но здесь недопустимых. Он не чувствует, что невозможно писать:

Крести крещеньем огневым,
О милая моя!

Невозможно потому, что "о милая моя" – легко и просто, по-пушкински, а "крести крещеньем огневым" – "Кошница" "Ор"» (*Весы*. 1908. № 10. С. 89–90; "кошница" – "Цветник Ор. Кошница первая" (СПб., 1907) – альманах, собранный под эгидой Вяч. Иванова; большинство произведений, в нем помещенных, отличалось форсированной символистской стилистикой).

В статье "Поэт страдальческой мысли" А.С. Бухов обращается к стихотворению для подтверждения своей мысли о том, что основной мотив поэзии Блока – страдание: "...он стоит одинокий, больной и разбитый и впитывает в себя весь ужас жизни – весь, как он стоит перед мятущейся душой поэта (...) Но некому смотреть на него пригвожденного к стене, и он сам понимает это (...)" (*Бухов*. С. 23).

Приводя весь текст стихотворения, Е.В. Аничков резюмирует его общий смысл: "Не смежились ли, не спаяны ли воедино, как малое в великом, и Все в Одном, в плотской любви святая бесконечность любви мистической" (*Аничков Е.* Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 105).

"Дионисийская" тема огня и горения, центральная в стихотворении, возможно, отразила мотивы стих. Ф. Сологуба "Стремленье гордое храня..." (1901): "Не отвращайся от огня, // Сжигающего плоть"; "Огни высокие горят // И ярче, и больней"; "А если б кто в огне сгорел, // Так что жалеть о нем!" (*Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1975. С. 247).

Я там, распят. // Я пригвожден к стене... – Ср. в статье Блока "Безвременье" (октябрь 1906) образ бродяг, которые "точно распяты у стен" (СС-8₅. С. 72).

Крести крещеньем, огневым // О, милая моя! – Развитие мотива "нового крещения", восходящего к стих. "Второе крещенье" (3 января 1907 г.); ср. слова Германа в драме "Песня Судьбы" (7-я картина): "Как будто я крещен вторым крещеньем" (СС-8₄. С. 159). "Огневое крещенье" – метафора самосожжения.

3. "Я НЕВЕРНУЮ ВСТРЕТИЛ У ВХОДА..."

(С. 187)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 37 об. – 38, "23.Х." (над текстом); *АС – Т₆*. Л. 27 об. – 28 ("3. И во мраке"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3 ("3. И во мраке") – машинопись; Кор. – *НР III₁*. Л. 41 ("И во мраке").

Впервые: Весы, 1908. № 3. С. 9, под загл. "3. И во мраке".

Публикации: *III₁*. С. 55 ("И во мраке"), в разд. "Заключение огнем и мраком и пляской метелей"; *II₄*. С. 296; *II₅*. С. 222.

Окончательный текст – *II₄*.

..Где взвился огневой багряницей // Засыпающий праздничный флаг. – Образ красного флага здесь осложнен евангельским мотивом: в багряницу (алуую мантию, знак царского достоинства) был в насмешку облечен Христос перед казнью (Мф. XXVII, 28, 31; Мк. XV, 17, 20; Ин. XIX, 5). Ср. тему распятия в предыдущем стихотворении цикла ("Приявший мир, как звонкий дар...").

4. "ПЕРЕХОЖУ ОТ КАЗНИ К КАЗНИ..."

(С. 188)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 3–4 об. ст. (29–32) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 193); *АС – Т₆*. Л. 28–29 ("4. Под пыткой"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 3 об. – 4 ("4. Под пыткой") – машинопись; Кор. – *НР III₁*. Л. 41–41 об. ("Под пыткой"); *РЭ III₁*. Л. 33–33 об.

Впервые: Весы. 1908. № 3. С. 10–11, под загл. "4. Под пыткой".

Публикации: ЗС. С. 99–100 ("Под пыткой"), в разд. "Песня Судьбы"; *III₁*. С. 55–56 ("Под пыткой"), в разд. "Заключение огнем и мраком и пляской метелей"; *II₄*. С. 297–298; *II₅*. С. 222–223.

В ЗС стихотворению предпослан эпитаф из Брюсова; текст сокращен на одну строфу (ст. 16–20).

Блок предполагал дополнительно сократить стихотворение при подготовке *ИЗ*. В *РЭ III*, карандашная правка: справа на полях строфы 1 – вопросительный знак, строфы 2, 4, 6 (ст. 5–8, 13–20) вычеркнуты; после этого весь текст перечеркнут. Окончательный текст – *ИЗ* (с опечаткой в ст. 15).

Перехожу от казни к казни // Широкой полосой огня. – Ср. заключительную строку стих. К.Д. Бальмонта "В домах" (1902) из книги "Будем как солнце": "Вы к казни идете от казни!" (*Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 238 (Б-ка поэта, большая серия)). Мотив "огненной казни" навеян "Божественной комедией" Данте; как переход "от казни к казни" можно понимать дантовское изображение системы концентрических кругов Ада и казнимых в них грешников. Ср.: *Хлодовский Р.И.* Блок и Данте: (К проблеме литературных связей) // Данте и всемирная литература. М., 1967. С. 221–222.

Ты только невозможным дразнишь... – Развитие соответствующего мотива в стих. "Я неверную встретил у входа...": "Невозможное было возможно".

И я, как темный раб, не смею... – Уподобление лирического героя "рабу" восходит, возможно, ближайшим образом к эротическим балладам В.Я. Брюсова; ср., например, его балладу "Раб" (1900): "Я – раб, и был рабом покорным // Прекраснейшей из всех цариц" (*Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 286–287).

...В моем пылающем бреду... – Ср. интерпретацию этого образа в статье А.С. Бухова "Поэт страдальческой мысли": "Пылающий бред – вот действительное название, вырвавшееся у поэта, которое можно применить к его творчеству. Бредом несутся то бессвязные слова о какой-то силе, которая окончательно задавила своей тяжестью, то вдруг выливаются в отдельные фразы смутные желания какой-то еще не умершей веры и сознания своей больной воли и тут же глухо падают тяжелые, безотрадные слова о безумной тоске и муках, которые все же уже успели заживо похоронить душу" (*Бухов.* С. 27).

Сто раз бичуй и укори... – Ср. стих. Брюсова "На нежном ложе" (впервые опубликовано: "Корабли". Сб. стихов и прозы. М., 1907): "А ты (...) Свой бич вносила надо мной. // О, этот бич! Он был так сладок!" (*Брюсов В.* Пути и перепутья. Собр. стихов. Т. 3. Все напевы. М.: Скорпион, 1909. С. 50).

Другие редакции и варианты

Эпиграф (ЗС). – Из стих. Брюсова "Ахиллес у алтаря" (1905), входящего в книгу "Stephanos" (*Брюсов В.* Собр. соч. Т. 1. С. 390–391).

5. "ПОЙМИ ЖЕ, Я СПУТАЛ, Я СПУТАЛ..."

(С. 189)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 33. об. – 34, "21.Х." (над текстом) (ст. 21–24, вар. *а*, приведены: *Иванов-Разумник.* Л. 193); *АС – Т₆*. Л. 29–29 об. ("5. В снегах"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ.* Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 4–4 об. ("5. В снегах"); Кор. – *НР III₁*. Л. 42 ("В снегах"); *РЭ III₁*. Л. 34.

Впервые: *Весы.* 1908. № 3. С. 11–12, под загл. "5. В снегах".

Публикации: *ЗС.* С. 131 ("Пойми"), в разд. "Послания"; *III₁*. С. 57 ("В снегах"), в разд. "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; *ИЗ.* С. 299–300; *ИЗ.* С. 223–224.

Печатается с исправлением в ст. 3: "Плащом твои плечи окутал", вместо "Плащем твои плечи окутал" – по *ЗК₁₇*, *Т₆*, *АС ИМЛИ*, "Весы", *ЗС*, *НР III₁*, *III₁*, *ИЗ*.

Блок предполагал сократить стихотворение при подготовке *ИЗ*. В *РЭ III₁* карандашная правка: в ст. 5 подчеркнуто слово "магом", справа на полях вопросительный знак; строфы 3 и 4 вычеркнуты; после этого весь текст перечеркнут.

Окончательный текст – *И₄*.

А.Б. Дерман привел в статье "Об Александре Блоке" весь текст стихотворения, увидев в нем пример "капризного выражения крайне узкого чувства": «Таких стихотворений (...), в которых поэт действительно будто "спутал страницы и строки стихов" – у Блока, к сожалению, много. Мы далеки от мысли, чтобы здесь была намеренная спутанность, мы, пожалуй, чувствуем даже, что самому поэту в этих стихах открыт какой-то ясный и интимный смысл, но нам кажется, что поэт не мог не видеть, как мало смысла и ясности в этих стихах для самого добросовестного читателя. (...) В такой поэзии, как стихотворение "В снегах" и подобные этому, нет никакой суггестивности; более того: эти стихи не только ничего не подсказывают читателю, они от него самого требуют особенно усиленной догадки, своего рода подсказывания, ничего взамен ему не давая» (*РМ*. 1913. № 7. Отд. II. С. 68).

Пойми же, я спутал, я спутал // Страницы и строки стихов... – Ср. первую строку стих. "Они читают стихи" (10 января 1907): "Смотри: я спутал все страницы".

...Под бьющимся праздничным флагом... – Ср. в стих. "Я неверную встретил у входа...": "Засыпающий праздничный флаг".

6. "В БЕСКОНЕЧНОЙ ДАЛИ КОРРИДОРОВ..."

(С. 189)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 36 об. – 37, "23.X" (над текстом); *АС – Т₆*. Л. 29 об. – 30 об. ("6. И в дальних залах"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 4 об. – 5 ("6. И в дальних залах") – машинопись; Кор. – *НР III₁*. Л. 4 об. ("И в дальних залах").

Первые: Весы. 1908. № 3. С. 12–13, под загл. "6. И в дальних залах".

Публикации: *III₁*. С. 58 ("И в дальних залах"), в разд. "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; *И₄*. С. 301–302; *И₅*. С. 224–225.

Ст. (21–24) *ЧА ЗК₁₇* опубли.: *СПТ*. С. 527.

Окончательный текст – *И₄*.

Не она ли там пляшет вдали? ~ Сердце, взвейся, как легкая птица, // Полети ты, любовь разбуди, ~ В легком танце, летящая птица... – В описании пляски-полета, возможно, отразился эпизод из "Страшной мести" Н.В. Гоголя (Гл. XIII) – танец безумной пани Катерины: "...неслась Катерина (...) Как птица, не останавливаясь, летела она, размахивая руками и кивая головою, и казалось, будто, обессилев, или грянет наземь, или вылетит из мира" (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. [Л.], 1940. Т. 1. С. 273).

...Прислоненных, как я, у стены... – Отзвук темы распятия, развиваемой в стих. "Привявший мир, как звонкий дар...": "Я там, распят. // Я пригвожден к стене (...)".

7. "ПО УЛИЦАМ МЕТЕЛЬ МЕТЕТ..."

(С. 190)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 40–41, "26.X." (над текстом); *АС – Т₆*. Л. 30 об. – 31 ("7. И у края бездны"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 5–6 ("7. И у края бездны") – машинопись; Кор. – *НР III₁*. Л. 43–43 об.

Впервые: Весы. 1908. № 3. С. 13–14, под загл. "И у края бездны".

Публикации: ЗС. С. 94–95 ("Над бездною"), в разд. "Песня Судьбы"; III₁. С. 59–60 ("И у края бездны"), в разд. "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; II₃. С. 159–160, в разд. "Город"; II₄. С. 303–304; II₅. С. 225–226.

В РЭ III₁ заглавие зачеркнуто карандашом; справа от заглавия на полях приписка: «"Город"» (название раздела в II₃, куда было перенесено стихотворение).

Окончательный текст – II₄.

11 ноября 1907 г. М.А. Бекетова записала в дневнике после прочтения ей Блоком своих последних стихов: "Вида страдающего он не имеет, хотя в одном прекрасном стихотворении описано, как тянет холодная бездна воды (<...>" (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 626).

Оценку стихотворения Э.К. Метнером (в письме к Блоку от 20 февраля 1913 г.) см. в коммент. к стих. "О, весна без конца и без краю...". В том же письме Метнер добавлял: «"У Края Бездны" ("По улицам метель метет...") – нет! Вы не могли не пережить этого; Вы слишком нетехничны, нериторичны, слишком *подлинны*, чтобы дать нечто *такое* без "натуры". Ну вот и я неоднократно это переживал до потери *почти* всего сознания, и только это "почти" (у Вас "пусты") спасало меня. Вспоминаю рассказ Бугаева о том, как он хотел броситься в "сжатую темным гранитом глубину", и мысленно сравниваю его с Вашим стихотворением и с монограммой, запечатленной в моей душе от аналогичных событий и... не верю *здесь* в подлинность Бугаева...» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 33; Метнер подразумевает рассказ Андрея Белого о том, как в сентябре 1906 г. он едва не поддался мысли о самоубийстве – броситься с моста в Неву).

В ноябре 1907 г. Блок читал стихотворение "в кабинете своем" Андрею Белому, который писал позднее в "Воспоминаниях о Блоке", приводя 5-ю строфу: «Запомнились мне эти рифмы: "*молодо*" и "*холода*"; и Л.Д. (Блок), и А.А. были молоды; оба пылали расцветами красоты, сил, здоровья; но вместо тепла в жизни их я слышал вихрь холода, подхватившего их и помчавшего путем "*артистизма*" (<...> Я помню лицо А.А., строгое, с вытянутым носом, с тенями, когда он читал мне надтреснутым, хриплым голосом:

Там воля всех вольнее воля
Не приневолит вольного,
И более всех большее боль
Вернет с пути окольного.

Эту боль я почувствовал под весельем, под легкомысленным стилем Л.Д.» (Белый, 3. С. 298–299).

Стихотворение обнаруживает многочисленные черты сходства – по теме (манящая героя водная стихия), мотивам, поэтической фразеологии – с балладой В.А. Жуковского "Рыбак" (1818), являющейся переводом из Гете ("Der Fischer"). См.: *Топоров В.Н.* К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. Блок – Жуковский: проблема реминисценций // *Russian literature*. 1977. Vol. 5. № 4. С. 349–354; *Он же.* Блок и Жуковский: к проблеме реминисценций // Тез. 1 Всесоюзной (III) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975. С. 88–89.

...глубина ~ Течет она, поет она, // Зовет она, проклятая. – Ср. в балладе Жуковского "Рыбак":

Глядит она, поет она:
Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна (<...>
Привольно в глубине (<...>

Тема влечения к гибели, затрагиваемая в сходной тональности, – в более раннем стихе. Блока "Обреченный" (12 января 1907 г.): "...сердце хочет гибели, // Тайно просится на дно".

"*Пойми: уменьем умирать // Душа облагорожена.* – О.А. Кузнецова (Блок А. Стихотворения. Кн. 2. СПб., 1994. С. 446–447) отмечает здесь связь с западноевропейской католической традицией – с заглавиями трактатов "antes moriendi" (например, с заглавием трактата Джироламо Савонаролы "Искусство благой смерти", 1497).

...*Как сладки тайны холода... // Взгляни, взгляни в холодный ток, // Где все навеки молодо...* – Строки сопоставимы со стихами из "Рыбака" Жуковского:

Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?

В них также обнаруживается воздействие стих. Е.А. Баратынского "Надпись" (1826):

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет (...)
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит (...)

См.: *Топоров В.Н.* К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. С. 353. В стихе "Как сладки тайны холода...", кроме того, возможны отголоски дантовских мотивов: в девятом, последнем круге Ада грешники караются льдом и морозом ("Ад". XXXII–XXXIV).

...*Забьюсь под куст ракитовый!* – См. коммент. к стих. "И вот уже ветром разбиты, убиты...".

8. "О, ЧТО МНЕ ЗАКАТНЫЙ РУМЯНЕЦ..."

(С. 191)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₁₇*. Л. 16 об. – 19 об. ("Я бледные вижу ланиты..."), "1.XI." (над текстом); *АС – Т₆* Л. 31 об. – 33 об. ("8. Безумием заклиная"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 6–7 об. ("8. Безумием заклиная") – машинопись; Кор. – *НР Ш₁*. Л. 43 об. – 45 ("Безумием заклиная").

Впервые: *Весы*, 1908. № 3. С. 14–17, под загл. "8. Безумием заклиная"; с типографской погрешностью (пропущены ст. 41–44).

Публикации: *Ш₁*. С. 60–62 ("Безумием заклиная"), в разд. "Заключение огнем и мраком и пляской метелей"; *П₄*. С. 305–307; *П₅*. С. 226–229.

Печатается с исправлениями в ст. 27 ("Обошла равниной снежной" вместо "Обошла равниной снежной," – по *Т₆*, *БА ИМЛИ*, "Весам") и ст. 73 ("Земля убегает, вскрывается твердь", вместо "Земля убегает, скрывается твердь" – по *Т₆*, *АС ИМЛИ*, "Весам", *НР Ш₁*, *П₁*).

В трактовке темы метельной, "дионисийской" пляски-кружения стихотворение непосредственно соотносится с циклом "Снежная Маска" (в особенности со стих. "Снежная вязь", "Настигнутый метелью", "На зов метелей", "Крылья", "И опять снега", "Голоса"). В тексте, возможно, содержатся также отзвуки стих. С.М. Городецкого "Метель" (*Городецкий С.* Перун. Стихотворения лирические и лиро-эпические. СПб., 1907. С. 26):

Замети меня метелями,
Белой вьюгой закрути,
Вьюжной песней утоми (...)
Все взяла, на ветер кинула:
На, пляши, гуди, мети,
Замети, убей, уйми!
Косы белые раскинула,
Пляшешь, душишь, отпусти!
Руки-вихри разойми!

Стихотворение Городецкого, в свою очередь, могло возникнуть под воздействием мотивов "Снежной Маски". На тексте стихотворения в экземпляре "Перуна", принадлежавшем Блоку, имеются пометы (ББО-1. С. 238); Блок цитирует "Метель" также в статье "О лирике" (июнь – июль 1907 г.; СС-8₅, С. 150).

О, что́ мне закатный румянец ~ Все в мире – кружащийся танец... – "Закатный румянец – вечерний, последний" – одна из характеристик поэзии К.Д. Бальмонта в рецензии Блока на его книгу "Литургия Красоты" (1905; СС-8₅, С. 582). Те же образы и рифмовка (румянец: танец) – в стих. Блока "Крыльцо Ее, словно паперть..." (1903): "На лице Ее – нежный румянец (...). В душе – кружащийся танец" (т. 1 наст. изд.).

Все в мире – кружающийся танец // И встречи трепещущих рук! – Ср. трактовку танца как синонима полнокровной жизни в философской поэме Ф. Ницше "Так говорил Заратустра"; слова Заратустры, обращенные к жизни ("Другая песнь-пляска"): "Я танцую, я следую по пятам за тобой. Где ты? Дай мне руку!" (Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Пер. Ю.М. Антоновского СПб., 1911. С. 199).

...Я поступь лебязью ловлю... – Образ восходит к народно-поэтическому уподоблению: девушка – белая лебедь.

...Я тонкое имя люблю! – Ср. в прозаическом этюде "Сказка о той, которая не поймет ее" (12 октября 1907 г.): "...темное и тонкое имя этой женщины" (СС-12₉, С. 199). Ср. также в стих. "К вечеру вышло тихое солнце..." (октябрь 1906 г.): "Я люблю ваше тонкое имя".

Вновь летит, летит, летит, // Звенит, и снег крутит, крутит... – Мотив "вечного возвращения" (ср. ниже: "И вот опять, опять в возвратный // Пустилась пляс...") соединяется здесь с темой "возвращающейся" "Снежной Маски" (стихотворение написано в преддверии новой зимы – после зимы 1906–1907 г., когда создавался этот цикл). Ср. стих. "И опять снега" (3 января 1907 г.): "И опять, опять снега // Замели следы...".

Счастье, счастье! С нами ночь! – Ср. в стих. "И я провел безумный год..." (21 октября 1907 г.): "Но с нами ночь – буйна, хмельна... // Да! с нами ночь!".

В снежном кубке, полном пены... – Ср. первое стих. "Снежной Маски" – "Снежное вино".

Какой это танец? Каким это светом // Ты дразнишь и манишь? – Обращения к лирической героине стихотворения имеют черты сходства со словами Заратустры к жизни ("Другая песнь-пляска"): "Я боюсь тебя вблизи, я люблю тебя вдали; твое бегство манит меня, твое искание останавливает меня: – я страдаю, но чего бы охотно не вынес я из-за тебя! (...) Куда влечешь ты меня теперь, чудо мое и неукротимая мой? (...) Ты хочешь дразнить меня?" (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 199).

И словно мечтанье, и словно круженье, // Земля убегает... – Ср. в стих. "Эхо" (1905): "И страстно круженье, и сладко паденье"; в этом же стихотворении – тема единства "страсти и смерти".

9. "ГАРМОНИКА, ГАРМОНИКА!.."

(С. 193)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК*₁₇. Л. 44–43 об., "9.XI" (над текстом); *АС* – *Т*₆. Л. 33 об. – 34 ("9. В дикой пляске"), рукой Л.Д. Блок; *АС* – *ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 7 об. – 8 ("9. В дикой пляске") – машинопись; Кор. – *НР* *III*₁. Л. 46 ("В дикой пляске"); *РЭ* *III*₁. Л. 37.

Впервые: Вesy, 1908. № 3. С. 17–18, под загл. "9. В дикой пляске".

Публикации: *ЗС*. С. 57–58 ("Пляска"), в разд. "Мещанское житье"; *III*₁. С. 63 ("В дикой пляске"), в разд. "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; *II*₃. С. 221–222, в разд. "Фаина"; *II*₄. С. 308; *II*₅. С. 229–230.

В *РЭ* *III*₁ карандашная правка: заглавие зачеркнуто, изменен ст. 23 (исправление не вошло в печатный текст; см. "Другие редакции и варианты").

В письме к Блоку от 12 ноября 1908 г., содержавшем отзыв о книге "Земля в снегу", Вяч. Иванов неодобрительно высказался о тематико-стилевых тенденциях, отразившихся в стихотворении: "Кажется, что в книге правильно слышана (хотя и не совсем верно передана) какая-то мелодия глубинной русской Души (...) Это, конечно, – высоко ценно; но я желал бы формального преодоления манеры и *soi disant* (так сказать, – *франц.*) стиля наших запойных гиков и взвизгов, равно простонародной гармонике как и пропойно-интеллигентской гитары 40-х годов, неожиданно Вами воскрешаемой. Некрасовщина Вам также не к лицу – *tempi passati* (дело прошлое, – *итал.*) ..." (Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н.В. Котрелева // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 2. С. 168).

Национальный колорит, которым окрашен в стихотворении образ лирической героини, отражает представления Блока о складе личности ее прототипа – Н.Н. Волоховой; ср. запись Блока от 20 апреля 1907 г.: «Одна Наталья Николаевна русская, со своей русской "случайностью", не знающая, откуда она, гордая, красивая и свободная. С мелкими рабскими привычками и огромной свободой» (*ЗК*. С. 94). Хороводная пляска – характерная форма самовыражения героини драматической поэмы "Песня Судьбы"; по рассказу Монаха (2-я картина), "вечером на селе захлестывало хмелем душу Фаины, и все деды на палатах знали, что пошла она в пляс... Все парни из соседних сел собирались поглядеть, как пляшет, подбочась, Фаина... Но тоска брала ее среди пляса, и, покидая хоровод, уходила Фаина (...)" (*СС*-84. С. 116). Мотив безудержного хмельного танца, возможно, отразил впечатления Блока от сцены пляски Грушеньки в романе Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы" (Ч. III. Кн. 8. Гл. VIII; см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 396–398). В стихотворении различимы также отзвуки "Песни под гармонику" Я.В. Година, опубликованной незадолго до его создания (*Образование*. 1907. № 6. Отд. I. С. 111–112):

Ой ли вечер и гармоника, и пляс!
Ветви клонятся под ветром заревым.
Парни гикают. Горит румяный час.
Свист и топот над раздольем полевым. (...)

Выйди, милая, плечами поводя...
Ты пристукни крутобоким каблучком,
Круг веселый в плавной пляске обходя
Под гармонику весенним вечерком...

Ой ли, пой ли да звени моя тоска!
Вот и ночи заходили ходуном.
Пой, гармоника. Лужайка – широка.
Пляшет милая да машет мне платком.

Что вся ты – ночь, и вся ты – тьма... – Ср. в "Сказке о той, которая не поймет ее" (октябрь 1907): "Вся она была как беспокойная ночь, полная злых видений и темных помыслов" (СС-129. С. 200).

Что о тебе, тебе пою... – Ср. слова Фаины в 5-й картине "Песни Судьбы": "Когда пою я бесстыжую песню, разве я эту песню пою? О тебе, о тебе пою!" (СС-84. С. 145).

10. "РАБОТАЙ, РАБОТАЙ, РАБОТАЙ..."

(С. 194)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК*₁₇. Л. 41–42, "26. X." (над текстом); *АС – Т₆*. Л. 34 об. – 35 ("10. И вновь покорный"), рукой Л.Д. Блок; *АС – ИМЛИ*. Ф. 12. Оп. 1. Ед.хр. 20 ("10. И вновь покорный") – машинопись; Кор. – *НР III*₁. Л. 47 ("И вновь покорный").

Впервые: *Весы*. 1908. № 3. С. 18–19, под загл. "10. И вновь покорный".

Публикации: *ЗС*. С. 55–56 ("Работай"), в разд. "Мещанское житье"; *III*₁. С. 64 ("И вновь покорный"), в разд. "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; *II*₃. С. 223–224, в разд. "Фаина"; "Декламатор, т. 1. Русские авторы". М., 1918. с. 22; *II*₄. С. 309; *II*₅. С. 230–231.

Окончательный текст – *II*₄.

Работай, работай, работай... – Строка дословно повторяет рефрен "Песни о рубашке" английского поэта Томаса Гуда (1799–1845) в переводе М.Л. Михайлова (1860), получившем широкое распространение в революционно-демократических кругах; ср.:

Работай! работай! работай!
Мой труд бесконечный жесток. (...)
Работай! работай! работай!
От боя до боя часов!
Работай! работай! работай,
Как каторжник в тьме рудников!

(*Михайлов М.Л.* Собрание стихотворений. Л., 1969. С. 172–174.
(Б-ка поэта, большая серия))

Строка дословно совпадает также со стихом из "Тюремных видений" Н.А. Морозова; ср.:

Люби свои цепи, неволю люби,
Томись безотрадной заботой,
Смирять свою душу, и тело губи,
Работай, работай, работай!

См.: *Мицк*, 3. С. 114–115. Возможно, что в стихотворении отразилось восприятие Блоком городского песенного фольклора; в сентябре 1905 г. он записал строки слышанной им песни: "День и ночь работай, // (За шитьем?) сиди", – отметив: "И подыгрывали на гармонике" (*ЗК*. С. 70). Не исключено, что строка соотносилась для Блока также со стих. Брюсова (В ответ" (1902) из книги "Urbi et orbi": "Вперед, мечта,

мой верный вол! (...) Я сам тружусь, и ты работай!" (Брюсов В. Собр. соч. М., 1973. Т. 1. С. 278).

...Ты будешь с уродским горбом... – Ср. трактовку темы труда как проклятия в стих. "Холодный день" (1906): "...тяжело лежит работа // На каждой согнутой спине".

...Что та молодлица повыше ~ В ней сила играющей крови... – Портрет героини стихотворения выдержан в традициях изображения "величавой славянки" в поэме Н.А. Некрасова "Мороз, Красный нос" (Ч. 1. Гл. IV): "Красавица, миру на диво, // Румяна, стройна, высока"; "Красивые, ровные зубы, // Что крупные перлы у ней", и т.д. См.: Орлов Вл. Александр Блок. Очерк творчества. М., 1956. С. 97; Он же. "Здравствуйте, Александр Блок". Л., 1984. С. 78.

11. "И Я ОПЯТЬ ЗАТИХ У НОГ..."

(С. 195)

Автографы и авторизованные тексты: ЧН – ЗК₁₇. Л. 44 об., "8.XI." (над текстом); ЧА – ЗК₁₇. Л. 15 об. – 16, "8.XI." (над текстом); АС – Т₆. Л. 35–35 об. ("11. Тебе предаюсь"), рукой Л.Д. Блок; АС – ИМЛИ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 9 ("11. Тебе предаюсь") – машинопись; Кор. – НР III₁. Л. 48 ("Тебе предаюсь"); РЭ III₁. Л. 38.

Впервые: Весы. 1908. № 3. С. 19–20, под загл. "Тебе предаюсь".

Публикации: ЗС. С. 110 ("Предаюсь"), в разд. "Песня Судьбы"; III₁. С. 65 ("Тебе предаюсь"), в разд. "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей"; II₃. С. 225, в разд. "Фаина"; II₄. С. 310; II₅. С. 231.

Ст. (9–12) ЧА ЗК₁₇ приведены: Иванов-Разумник. Л. 195.

В РЭ III₁ – карандашная правка: заглавие и строфа 3 (ст. 9–12) зачеркнуты; справа на полях приписка: «После "Снежной Девы"». Без строфы 3 стихотворение напечатано в II₃; в II₄ восстановлено в прежнем объеме.

Окончательный текст – II₄.

З.Н. Гиппиус приводит заключительную строфу стихотворения в подтверждение своей мысли о том, что и в новых стихах Блок невольно остается верен прежнему образу своей лирической героини: «Это неправда, она не отошла. Только новой алошью зарозовели ее когда-то "бледные, снежные одежды"; а поэт думает, что эта – не та, не Она. Еще не знает эту настоящую; в часы старой печали надрывно рвется к старому (...)» (Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]. Милая девушка // Речь. 1908. № 251, 19 окт.).

Критик А.К. Закржевский в своих лирико-психологических вариациях на блоковские темы развивает мотивы этого стихотворения: "И радостно лицо свое обжигать ледяными молниями Ее одежд, и радостно изнемогать у ног Ее снежных, и больно сознавать Ее роковое имя в эту прозрачную ночь, в эту синюю морозную ночь!..."; "И вся жизнь у ног Ее – неизвестных, жутких, затянутых в свирепые шелка морозной ночи, кометой звездной заметающие неясный очерк погибшего в веках Лица..." (Закржевский А. Религия. Психологические параллели. Киев, 1913. С. 427, 432).

Но имя тонкое твое... – Ср. в стих. "О, что мне закатный румянец...": "Я тонкое имя люблю!".

...Живое имя Девы Снежной... – Лирическая героиня цикла здесь идентифицируется с героиней стих. "Снежная Дева".

...Еще слетает с языка... – Возможно, отголосок стих. А.А. Григорьева "О, сжался надо мной!... Значенья слов моих..." (1843): "...на устах моих разгадки слово, // Полусорвавшись с языка {...}" (Стихотворения Аполлона Григорьева. СПб., 1846. С. 116–117). Ср. стих. Блока "Сфинкс" (1902): "Задрожали слова оскорбленных богинь // И готовы слететь с языка...").

ИНОК

("Никто не скажет: я безумен...")

(С. 195)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК*₁₇. Л. 21–21 об., "6.XI." (над текстом); *БА – Т*₆. Л. 24 об.– 25, "Ноябрь"; Кор. – *НР III*₁. Л. 59; *РЭ III*₁. Л. 46 об. – 47.

Впервые: Земля. Сборник первый. М., 1908. С. 282, без загл.; подпись "Александр Блок" – факсимиле.

Публикации: *ЗС*. С. 128–129, в разд. "Послания"; *III*₁. С. 82–83, в разд. "Песня Судьбы"; *II*₃. С. 218, в разд. "Фаина"; *II*₄. С. 311; *II*₅. С. 232.

Заглавие "Инок" впервые – в *ЗС*.

В *РЭ III*₁ – карандашная правка: строфы 2 и 6 (ст. 5–8, 21–24) зачеркнуты; в ст. 10 подчеркнуто слово "строгий", слева на полях вопросительный знак. Без строф 2 и 6 стихотворение напечатано в *II*₃; в *II*₄ восстановлено в прежнем объеме.

Окончательный текст – *II*₄.

11 ноября 1906 г. Блок читал стихотворение, наряду с циклом "Заклятие огнем и мраком и пляской метелей", М.А. Бекетовой, которая записала в этот же день, восприняв "Инока" как произведение, входящее в цикл: «...в одном прекрасном стихотворении описано, как тянет холодная бездна воды (подразумевается стихотворение "По улицам метель метет...". – *Ред.*) {...} а в другом монах молчалив и спокоен и никто не подозревает, что она сказала ему "молчи" и никакие молитвы не нужны, когда ты ходишь за рекой» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 626).

В отзыве о "Земле в снегу" Боривой [Д.П. Якушев] отнес стихотворение "к числу удачных" (Литературные очерки // *Голос правды*. 1908. № 898, 17 сент.). Сходную оценку дал А.А. Измайлов, который в статье "Иероглифы новой поэзии (Новые стихотворения Блока)" привел весь текст стихотворения: «Полно красоты стихотворение "Инок". Опять такое характерное для Блока, для его любви к тайне, для его исключительной внутренней жизни, которая идет особняком и рада, и счастлива, и горда полной своею замкнутостью и недоступностью другим» (Образование. 1908. № 9–10. Отд. III. С. 40–41; То же // *Измайлов А.А.* Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 222–223).

Тема духовного служения и образ инока объединяют стихотворение с ранними произведениями Блока (ср. стих. "Инок шел и нес святые знаки...", 1902); при этом литургические мотивы, характерные для лирики первого тома, усложняются и корректируются мотивами, специфическими для творчества Блока 1906–1907 гг. (безумие, "хмель", "преступная красота"). Тематически стихотворение соотносится также с поэмой А.Н. Апухтина "Год в монастыре. Отрывки из дневника" (1883), лирический герой которой, уединившийся в "обители мира, смерти и забвения", разрывается между иноческим смиренномудрием и "земным" любовным чувством.

И, подходя ко всем иконам... Творю поклон я за поклоном... – Ср. в стих. Я.П. Полонского "На искусе" (1883): "Я поклоны творю пред иконою". В стихотворении Полонского – сходная тема искушения монаха, мотив "безумия": "Я безумца в себе узнаю" – ср. у Блока: "Никто не скажет: я безумен"; "...меня цветистым хмелем // Безумно захлестнула ты".

ПЕСНЯ ФАИНЫ

("Когда гляжу в глаза твой").

(С. 196)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 97–101, "30 мая 1907 г." (Л. 99), "27 марта 1908" (Л. 100) – часть *ЧА* пьесы "Песня Судьбы" (ст. (13–30) приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 196); *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 5; Кор. – *НР III₁*. Л. 59; *РЭ III₁*. Л. 47–47 об.

Впервые: *Шиповник*, 9. С. 224–225, под загл. "Песня Судьбы", в тексте пьесы Блока "Песня Судьбы. Драматический пролог".

Публикации: *III₁*. С. 83–84, в разд. "Песня Судьбы"; *II₄*. С. 312–313; *II₅*. С. 233.

Последующие (после публикации в "Шиповнике") издания стихотворения в составе текста пьесы "Песня Судьбы" здесь не учитываются.

В *РЭ III₁* чернилами вписан подзаголовок: "(из драмы "Песня Судьбы")"; карандашная помета на полях: "Не выкинуть ли?"; текст перечеркнут. В *II₃* стихотворение не было включено.

Окончательный текст – *III₁*; в последующих изданиях печаталось без изменений.

В *III₁* стихотворение сопровождается авторским примечанием (С. 191): «"П е с н я Ф а и н ы" – на тему одной шансонетки. Фаина – действующее лицо в моей пьесе "Песня Судьбы"».

Стихотворение в полном объеме (без деления на строфы) входит в драму Блока "Песня Судьбы" (3-я картина), где оно (озаглавленное: "Песня Судьбы") исполняется с эстрады Фаиной. Тексту предшествует ремарка: "Фаина поет Песню Судьбы – общедоступные куплеты – сузив глаза, голосом важным, высоким и зовущим. После каждого куплета она чуть заметно вздрагивает плечами, и от этого угрожающе вздрагивает бич" (*СС-8₄*. С. 127).

В образе героини, женщины сильной и своевольной, страстной и угрожающей гибелью, отразились черты Клеопатры из стих. Пушкина "Чертог сиял. Гремели хором...", входящего в повесть "Египетские ночи". См.: *Милиц З.Г.* Блок и Пушкин // *Тр. по русск. и слав. филологии*. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 213–214 (*УЗ ТГУ*. Вып. 306). Те же черты роднят Фаину с Кармен из одноименной оперы Ж. Бизе: отмечено образное и ритмическое сходство "Песни Фаины" с припевом Хабанеры Кармен (*Хопрова Т.А.* Музыкальная хроника жизни А. Блока // *Блок и музыка: Хроника. Нотография. Библиография*. Л., 1980. С. 71–72).

Когда гляжу в глаза твои // Глазами узкими змеи ~ Я вся – змея! ~ Ступай, бичом хлестну! – Аналогичное сочетание образов – в "Другой песни-пляске" в философской поэме Ф. Ницше "Так говорил Заратустра": песня, "змеиное" начало в женском образе, плеть (бич), которой грозит Заратустра, и др. Ср.: "В твои глаза заглянул я не давно, о, жизнь (<...> К тебе прыгнул я: ты попятилась от прыжка моего; и навстречу мне засвистели змейки развивавшихся волос твоих! От тебя и от змей твоих отпрыгнул я: и вот ты стояла уже, полуобернувшись, с глазами, полными желаний. (<...> О, эта проклятая змея, эта быстрая, проворная чародейка! Куда девалась ты? Но на

своем лице чувствую я от твоей руки два красных пятна! (...) Под такт моей плетки должна ты плясать и кричать!" (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. СПб., 1911. С. 198–200). Наряду с воздействием Ницше, в "Песне Фаины" (и, соответственно, в финале 3-й картины "Песни Судьбы"), безусловно, отразился эпизод из "Идиота" Ф.М. Достоевского (Ч. 3. Гл. II), в котором Настасья Филипповна в присутствии многих людей ударяет по лицу плетеной тростью оскорбившего ее офицера (см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Л., 1973. Т. 8. С. 290–291; *Миц З.Г.* Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 240).

...Глазами узкими змеи ~ Взгляни в мой черный, узкий взгляд... – Ср. "Грузинскую песню" (1848) Я.П. Полонского, описывающую "трех красавиц чудных": "У второй (...) Очи зорко глядят, как глаза у змеи"; "... у третьей темна черных глаз глубина". Заключительная строка стих.: "От зари до зари им бы в очи глядел!" (*Полонский Я.П.* Стихотворения. Л., 1954. С. 104).

Кто стар и сед и в цвете лет, // Кто больше звонких даст монет... – Ср. призыв Клеопатры в "Египетских ночах" Пушкина:

...могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю (...)

"ВСЮ ЖИЗНЬ ЖДАЛА. УСТАЛА ЖДАТЬ..."

(С. 197)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₁₈*. Л. 1–4 об., "25.XII." (над текстом), "27.XII." (под текстом); *ЧА – ЗК₁₈*. Л. 5 об. – 7 об. ("[Она]", "Ты и я"), "3.I" (над текстом); *АС – Т₆*. Л. 38–38 об. ("Ты и я"), "13 'январь 1908", текст рукой Л.Д. Блок, дата рукой Блока; Кор. – *HP III₁*. Л. 61 ("Ты и я"), "1908" (дата карандашом); *РЭ III₁*. Л. 49 об. – 50.

Впервые: *Шиповник*, 4. С. 253–254, под загл. "Ты и я".

Публикации: *ЗС*. С. 135–136 ("Ты и Я"), "1908", в разд. "Послания"; *III₁*. С. 88–89 ("Ты и я"), "1908", в разд. "Песня Судьбы", *II₃*. С. 226–227 ("Я здесь с тобой. С моей судьбой..."), в разд. "Фаина"; *II₄*. С. 314–315; *II₅*. С. 234–235.

Первоначальные наброски к стихотворению (*ЧН ЗК₁₈*, приведены: *Иванов-Разумник*. Л. 197–198) сделаны Блоком 25–27 декабря 1907 г. (первая датировка – на полях первых четырех строк текста набросков, вторая – в конце текста набросков).

В *РЭ III₁* – карандашная правка: заглавие и строфы 1–3 (ст. 1–12) зачеркнуты, в ст. 13 зачеркнуты слова "Я тоже здесь". В сокращенном виде, без первых трех стрóf напечатано в *II₃*. В *II₄* текст восстановлен в первоначальном объеме.

Окончательный текст – *II₄*.

Черты мятежности, которыми наделена лирическая героиня стихотворения, были, по свидетельству В.П. Веригиной, органически присущи Н.Н. Волоховой: «...действительно в ней был какой-то разлад с миром, она в душе чувствовала себя глубоко одинокой и часто во многом сама не принимала мира таковым, как он есть ("Мир невелик и не богат, и не глядеть бы взором черным...")» (*Воспоминания*, 1. С. 435).

А.С. Бухов в статье "Поэт страдальческой мысли" расценил стихотворение как признание Блока о смысле и предназначении своего поэтического пути: "Жить только

забавно... Нет в ней ничего, что бы могло еще более очернить ее, сделать ее еще ужаснее в глазах поэта. (...) когда у него, распинаемого, созрела уверенность, что жизнь это только –

Отрава – вслед иной отраве,

он понял, что у него есть свой путь – путь каждого страдающего одиночеством и скорбью человека. Он понял, что этот путь тяжел, что раз вступив на него и приняв на себя лучистую и страдальческую тогу поэта, от него нельзя уже отступить ни назад, ни в сторону" (*Бухов*. С. 28–29).

Последние строки стихотворения вызвали глумливо-иронический отклик критика Д.П. Якушева: "Господин Блок может быть спокоен: люди не напишут на его могиле заведомой неправды, если только к этому не вынудит наследников его собственное завещание" (*Боривой [Д.П. Якушев]*. Литературные очерки // *Голос правды*. 1908. № 780. 24 апр.).

Волос распущенная прядь ~ Я верю мгле твоих волос... – Ср. в стих. В.Я. Брюсова "Прохожей": "Я был опутан влагой черной // Ее распущенных волос" (*Брюсов В. Urbi et orbi*. Стихи 1900–1903 г. М., [1903]. С. 121).

Другие редакции и варианты

Посвящение (*ЧА ЗК₁₈*). "NN" – подразумевается Н.Н. Волохова.

Эпиграф (*ЗС*) – из стих. Ф.И. Тютчева "Чему молилась ты с любовью..." (1851–1852).

"КОГДА ВЫ СТОИТЕ НА МОЕМ ПУТИ..."

(С. 198)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₁₈*. Л. 18–19 ("Письмо"), "6 февр(аля)"; *АС* – *Т₆*. Л. 40–40 об. ("Письмо"), "6 февраль", рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, дата рукой Блока; Кор. – *HP III₁*. Л. 60 ("Письмо"); *РЭ III₁*. Л. 48 об. – 49.

Впервые: *ЗС*. С. 133–134, "1908", под загл. "Письмо", в разд. "Послания".

Публикации: *III₁*. С. 86–87 ("Письмо"), в разд. "Песня Судьбы"; *II₃*. С. 229–230, в разд. "Файна"; *II₄*. С. 316–317; *II₅*. С. 235–236.

В *ЧА ЗК₁₈* дата записана на полях красным карандашом, в *Т₆* дата приписана карандашом.

Заглавие "Письмо" и эпиграф из А.А. Фета, предпосланные стихотворению в автографах и в *ЗС* и *III₁*, сняты при подготовке *II₃* (зачеркнуты в *РЭ III₁*).

Окончательный текст – *II₃*. В последующих изданиях печаталось без изменений.

Вероятно, в лирической героине стихотворения отразился образ Елизаветы Юрьевны Пиленко (в первом браке – Кузьмина-Караваева, во втором браке – Скобцова, в монашестве – мать Мария; 1891–1945), впоследствии известной поэтессы, героини французского Сопrotивления (см.: *Шустов А.Н.* Жизнь и творчество Е.Ю. Кузьминой-Караваевой // *Русская литература*. 1981. № 4. С. 160–170; *Он же*. Комментарии требуют уточнения // *Русская литература*. 1983. № 1. С. 249–250; *Плюханов Б.* Мать Мария // *Даугава*. 1987. № 3. С. 108–118; *Гаккель С. прот.* Мать Мария [М., 1993]. О том, что стихотворение передает впечатления Блока от встречи с Е.Ю. Пиленко (в конце января – начале февраля 1908 г.), тогда шестнадцатилетней гимназисткой, указывалось в блоковедческой литературе; см., например: *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. Л., 1973. С. 14–16; примечания С.А. Небольсина

(Блок А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 2. С. 333) и Вл. Орлова (Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1980. Т. 2. С. 382); однако прямых авторских указаний на это не зафиксировано. Основание для такого соотнесения дают мемуары Е.Ю. Кузьминой-Караваевой "Встречи с Блоком", в которых описан ее первый визит к поэту:

«Я не знаю, с чего начать. Он ждет, не спрашивает, зачем я пришла. Мне мучительно стыдно, кажется всего стыднее, что в конце концов я еще девчонка, и он может принять меня не всерьез. (...) Наконец собираюсь с духом, говорю все сразу. Петербурга не люблю, рыжий туман ненавижу, не могу справиться с этой осенью, знаю, что в мире тоска, брожу по Островам часами и почти наверное знаю, что Бога нет. Все одним махом выкладываю. Он спрашивает, отчего я именно к нему пришла. Говорю о его стихах, о том, как они просто в мою кровь вошли, о том, что мне кажется, что он у ключа тайны, прошу помочь.

Он внимателен, почтителен и серьезен, он все понимает, совсем не поучает и, кажется, не замечает, что я не взрослая.

Мы долго говорим. (...) Я чувствую, что около меня большой человек, что он мучается больше, чем я, что ему еще тоскливее, что бессмыслица не убита, не уничтожена. Меня поражает его особая внимательность, какая-то нежная бережность. Мне большого человека ужасно жалко. Я начинаю его осторожно утешать, утешая и себя. (...)

Через неделю я получаю письмо, конверт необычайный, ярко-синий. Почерк твердый, но очень крупный, но широкий, щедрый, широко расставлены строчки. В письме есть стихи: "Когда вы стоите передо мной... Все же я смею думать, что вам только пятнадцать лет". Письмо говорит о том, что они – умирающие, что ему кажется, я еще не с ними, что я могу еще найти какой-то выход, в природе, в соприкосновении с народом. "Если не поздно, то бегите от нас, умирающих"... Письмо из Ревеля, – уехал гостить к матери.

Не знаю отчего, я негодую. Бежать – хорошо же. Рву письмо, и синий конверт рву. Кончено» (*Воспоминания*, 2. С. 61–62). Письмо это могло быть написано между 15 и 22 февраля 1908 г. (время пребывания Блока в Ревеле). О последующих взаимоотношениях Блока и Е.Ю. Кузьминой-Караваевой см. в статье Д.Е. Максимова "Блок и Кузьмина-Караваева (По поводу ее воспоминаний о Блоке)" (*Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока*. Л., 1981. С. 522–542).

Андрей Белый с похвалой отмечал в стихотворении "гетевский язык: мудрую ясность" (*Белый*, 3. С. 249).

...Отнимающий аромат у живого цветка. – Аналогичное противопоставление "живого цветка", как символа природы, "искусственному" и "отвлеченному" миру культуры – в статье Блока "Краски и слова" (1905): "Освежительнее духов запах живого цветка" (*СС-85*. С. 21). Ср. стих. Ф.И. Тютчева "Не верь, не верь поэту, дева..." (1839): "Он не змию сердце жалит, // Но, как пчела, его сосет", а также стих. А.А. Фета "Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно..." (1842): "Только пчела узнает в цветке затаенную сладость, // Только художник на всем чует прекрасного след".

...любит землю и небо // Больше, чем рифмованные и нерифмованные // Речи о земле и о небе. – Идея превосходства жизни над искусством здесь имеет свою "предысторию" в образной структуре стих. "Они читают стихи" (10 января 1907), утверждающего равноценность и "неразделимость" жизни и искусства ("рифм веселых огоньков"). Одновременно в статье "О театре" (февраль – март 1908) Блок выдвигает тезис – «борьба за цельность жизни, против двойственности эстетики»: "Это – как бы новое "разрушение эстетики"» (*СС-85*. С. 261). Ср.: *Миц 3*. С. 54–55.

Другие редакции и варианты

Эпиграф (*T₆*, *ЗС*) – заключительные строки стих. А.А. Фета "Бал" ("Когда трепещут эти звуки...", 1857). Блок цитировал их в письме к А.В. Гиппиусу от 23 июня 1902 г.: "Вы пишете мне о "чужом восторге", в который переселяться заране учится душа". Мне понятно это и представляется грустным". Возможно, что на выборе эпиграфа к стихотворению, написанному свободным стихом, сказалось то обстоятельство, что Фет также был автором верлибров (см.: *Венгров Н.* Путь Александра Блока. М., 1963. С. 66–67). Корреспондентка Блока Л.М. Сегаль полагала, что стихотворение с этим эпиграфом посвящено ей; 6 февраля 1913 г. она писала Блоку: «Помните ли Вы ту, которой Вы писали стихотворение с эпиграфом – "в чужой восторг переселяться заране учится душа". Теперь мне бы очень хотелось Вас поблагодарить за него, но совершенно не знаю, как это сделать». Блок записал на обороте письма: "Я никогда не посвящал этого стихотворения и никакого другого этой барышне" (*РГАЛИ.* Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 396).

"ОНА ПРИШЛА С МОРОЗА..."

(С. 199)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА* – *ЗК₁₈*. Л. 19 об. – 20 об., "6 февраля" (под текстом синим карандашом); *АС* – *T₆*. Л. 41–41 об. ("Знакомое"), "6 февраль", текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие (синим карандашом) и дата (карандашом) рукой Блока; Кор. – *НР III₁*. Л. 60 ("Знакомое"); *РЭ III₁*. Л. 49–49 об.

Впервые: *ЗС*. С. 60–61, "1908", под загл. "Знакомое", в разд. "Мещанское житье".

Публикации: *III₁*. С. 87–88 ("Знакомое"), в разд. "Песня Судьбы"; *II₃*. С. 231–232, в разд. "Фаина"; *II₄*. С. 318–319; *II₅*. С. 236–237.

Печатается с исправлением в ст. 15: "Впрочем, она захотела," вместо "Впрочем, она захотела" – по *T₆*, *ЗС*.

Заглавие "Знакомое", зафиксированное в *T₆* и в первых публикациях (*ЗС*, *III₁*), снято при подготовке *II₃* (зачеркнуто в *РЭ III₁*).

Окончательный текст – *II₃*. В последующих изданиях печаталось без изменений.

Прообраз героини стихотворения – Н.Н. Волохова, писавшая в воспоминаниях "Земля в снегу" об обстоятельствах его возникновения: «Однажды мы поехали с Любовью Дмитриевной довольно далеко, и на обратном пути так окоченели, что слезы невольно катились у нас из глаз и замерзали на щеках. К Блокам было ближе, чем ко мне, и потому Любовь Дмитриевна завезла меня к себе. Она сейчас же захлопотала, как бы согреться чем-нибудь горячим, а меня проводила в кабинет к Александру Александровичу. Он сидел за столом и работал. Я почувствовала, что явилась несколько некстати. Но он очень мягко и вместе с тем решительно заявил, что прежде всего мне необходимо согреться, а потому он затопит сейчас камин, я же должна сесть с ногами на диван и укрыться пледом. Так я и сделала. Камин быстро запылал, и Александр Александрович стал читать мне вслух из "Макбета" (одной из его любимейших трагедий). Под влиянием приятного тепла и под звуки его мелодичного голоса я слегка задремала. Это случилось как раз в тот момент, когда Александр Александрович читал о "пузырях земли", о которых он "не может говорить без волнения" (его слова).

Потом, когда мне пришлось прочесть стихи:

Она пришла с мороза
Раскрасневшаяся... –

дочитав до конца стихотворение, я невольно вспомнила: "sub specie aeternitatis..." – и улыбнулась» (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 375 (УЗ ТГУ. Вып. 104)).

Стихотворение объединяется с предыдущим в разделе ("Когда вы стоите на моем пути...") не только одновременностью написания и формальными признаками (верлибр), но и общей поэтической идеей превосходства жизненных переживаний над эстетическими. См.: *Мицц З.Г.* Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973 С. 413–414 (УЗ ТГУ. Вып. 308).

...*Макбета.* // *Едва дойдя до п у з ы р е й з е м л и...* – См. коммент. к разд. "Пузыри земли".

...*времена Паоло и Франчески.* – О любви Паоло Малатеста и Франчески да Римини (XIII в.): рассказывается в "Божественной комедии" Данте ("Ад". V): "любобной наукой", согласно поэме Данте, стало для влюбленных совместное чтение французского романа о рыцаре Круглого Стола Ланселоте и его любви к королеве Дженебре ("О Ланчелоте сладостный рассказ" – ст. 128; перевод М.Л. Лозинского). См. также стих. "Они читают стихи". Ср. 3-й сонет из цикла Вяч. Иванова "Золотые завесы" (1907): "Как Паоло, с твоим, моя Франческа, // Я свил свой вихрь..." *Иванов Вяч.* *Cor ardens.* М., 1911. Ч. 1. С. 216).

"Я ПОМНЮ ДЛИТЕЛЬНЫЕ МУКИ..."

(С. 199)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧН – ЗК₂₀*. Л. 5 об.; *ЧА – ЗК₂₀*. Л. 1 об. – 3, "4 марта – 9 июня" (над текстом, вторая дата вписана); *АСП – Т₆*. Л. 52–52 об. ("Воспоминание"), текст рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, заглавие, правка и помета: "передел(ано) окт(ябрь) 1910 Шахматово и 1 янв(аря) 1911. СПб." – рукой Блока; *БА – НР НЧ*. Л. 69 (71); Кор. – *НР III₁*. Л. 61, "Москва" (помета под текстом); *печ. текст – Изборник*. Л. 96.

Впервые: Северное сияние. 1908. № 2. Дек. С. 83 (подпись-факсимиле: "Александр Блок"), под загл. "Воспоминание" ("Я помню горестные муки..."), первоначальная редакция стихотворения.

Публикации: Основы богатства. 1911. № 7. С. 3 ("Воспоминание"); *НЧ*. С. 99 ("Я помню длительные муки..."), в разд. "Страшный мир (1909–1910)"; *III₁*. С. 89–90, "Москва" (помета под текстом), в разд. "Песня Судьбы"; Журнал журналов (ЖЖ). 1915. № 12. С. 17; *II₃*. С. 233, "Москва" (помета под текстом), в разд. "Фаина"; *II₄*. С. 320; *II₅*. С. 237.

В черновом автографе стихотворение представлено в виде наброска одного стиха (записанного карандашом, обведенного чернилами и затем зачеркнутого карандашом – *ЧН ЗК₂₀*), предварительных набросков и связного текста (*ЧА ЗК₂₀*), в последнем слое правки в основном совпадающего с первоначальной редакцией, зафиксированной в *Т₆* и озаглавленной "Воспоминание". В первоначальной редакции опубликовано в журн. "Северное сияние". Впоследствии Блок дважды перерабатывал стихотворение – в 1910 и в 1911 г.; при этом последние три строфы первоначальной редакции были отброшены и вместо них написана последняя строфа основного текста, ряд стихов в первой половине стихотворения также был приведен к основному тексту. В переработанном виде и с заглавием, повторявшим первый стих, вошло в *НЧ*.

Окончательный текст – *III₁*. В последующих изданиях печаталось без изменений.

Биографическая основа стихотворения – решительное объяснение Блока с Н.Н. Волоховой в Москве (ср. помету под текстом в III), откуда она отправлялась в провинцию на гастроли. "Вчера уехала Н.Н. (...)", – сообщил Блок матери 2 марта 1908 г. из Петербурга. Датировка стихотворения (4 марта 1908 г.), вероятно, указывает и день этого объяснения. В.П. Веригина вспоминает: «На четвертой неделе Великого поста (видимо, ошибка памяти мемуаристки; нужно: "На второй неделе Великого поста", то есть с 3 по 9 марта. – *Ред.*) некоторые из наших товарищей поехали в Москву, в числе их были и мы с Волоховой. Блок не выдержал и явился тоже в Москву. Н.Н. получила от него письмо с посыльным. Поэт умолял ее прийти повидаться с ним. Они встретились и говорили долго и напрасно. Он о своей любви, – она опять о невозможности отвечать на его чувство, и на этот раз также ничего не было разрешено. Об этой встрече говорится в стихотворении: "Я помню длительные муки..." (...) Теперь поэт был еще больше раздосадован: между ним и Волоховой появилась даже некоторая враждебность. Мы уехали с Натальей Николаевной в Херсон, где должна была опять собраться вся наша труппа. Поездка продолжалась еще месяца полтора» (*Воспоминания*, I. С. 458). Ср. свидетельство Блока в письме к жене (14 июня 1908 г.): "С Н.Н. я так и не простился, не писал ей и не получал от нее писем" (*ЛН*. Т. 89. С. 236).

14 сентября 1908 г. Блок послал стихотворение В.И. Стражеву для публикации в "Северном сиянии" (см.: *СС-88*. С. 253).

В статье "Александр Блок" (1916) В.Я. Брюсов отметил стихотворение в ряду наиболее характерных для поэтической системы книги "Ночные часы": "В этих стихах Блока есть много непосредственной наблюдательности, много свежих образов, настоящее проникновение в человеческую психологию. Здесь мы встречаем (...) строгие наблюдения над кем-то с заломленными руками, кого

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла..."

(*Брюсов В. Собр. соч.*: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 438)

Я помню длительные муки ~ Ее заломленные руки... – Реминисценция образного строя и рифмовки (муки : руки) стих. Н.А. Некрасова "Когда из мрака заблужденья..." (1846):

И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок(...)

...И ничего не разрешилось // Весенним ливнем бурных слез. – Ср. в стих. Некрасова "Когда из мрака заблужденья...": "Ты разрешилася слезами, // Возмущена, потрясена". Сознательно вызывая здесь ассоциации с Некрасовым, Блок дает противоположную развязку сходной психологической коллизии.

Д р у г и е р е д а к ц и и и в а р и а н т ы

И я не понял, не заметил... – Ср. в стих. "Русь" (1906): "И сам не понял, не измерил".

Кому так трепетно молилась... – Ср. первую строку стих. Ф.И. Тютчева "Чему молилась ты с любовью..." (1851–1852).

"СВОИМИ ГОРЬКИМИ СЛЕЗАМИ..."

(С. 200)

Автографы и авторизованные тексты: *ЧА – ЗК₂₃*, Л. 23 об. – 25, "20.XI." (над текстом) (ст. (5–8), (19–22) опубли.: *СПТ*. С. 527); *АСП – Т₆*. Л. 66 об. – 67 об. ("Неизбежное"), рукой Л.Д. Блок, рукой Блока – заглавие, правка, пометы: "1908 XI", "Исправл(ено) осенью 1910"; *БА – НР НЧ*. Л. 72–72 об. (70); Кор. – *НР III₁* Л. 61–62, "1908" (дата – карандашом); Кор., *БА – РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 7 (стихотворение под номером "LIX"; последнее четверостишие – автограф, остальной текст – корректура с правкой); *печ. текст – Изборник*. Л. 102.

Впервые: Литературно-художественный альманах. Издательство "Прибой". Кн. 1. СПб., 1909. С. 169–171, первоначальная редакция текста.

Публикации: *НЧ*. С. 100–102 ("Своими горькими слезами..."), в разд. "Страшный мир (1909–1910)"; *III₁*. С. 90–91, "1908", в разд. "Песня Судьбы"; *II₃*. С. 234–235, в разд. "Фаина"; *II₄*. С. 321–322; *II₅*. С. 238–239.

В *Т₆* стихотворение зафиксировано в первоначальной, более пространной, редакции (наброски которой см. в *ЧА ЗК₂₃*) и под заглавием "Неизбежное", не вошедшим ни в одну публикацию; в этой редакции опубликовано в альманахе издательства "Прибой". В 1910 г. Блок переработал стихотворение (ряд стихов приведен к основному тексту) и сократил его: изъял ст. (33–50) первоначального текста и заменил их последним четверостишием. В переработанном виде стихотворение было опубликовано в *НЧ* (под заглавием, повторявшим первый стих) и перепечатывалось в последующих изданиях.

Окончательный текст – *II₄*.

Последнее в разделе "Фаина", стихотворение завершает тему Н.Н. Волоховой в поэзии Блока; написав его, Блок позднее к этому лирическому образу не возвращался. Биографическая подоплека стихотворения – переживания фактического разрыва отношений с Волоховой весной 1908 г., после ее отъезда на гастроли. В.П. Веригина вспоминает: "Александр Александрович ждал Волохову с нетерпением в Петербурге. Но когда, по окончании мейерхольдовских гастролов, она явилась туда, он ясно увидел, что Н.Н. приехала не для него, и отошел от нее окончательно. Впоследствии Блок отзывался о Волоховой с раздражением и некоторое время почти ненавидел ее (...) он написал стихотворение, в котором зло искажен ее образ" (*Воспоминания*, I. С. 458). Такую же оценку стихотворения "Своими горькими слезами..." Веригина дает в другом месте воспоминаний: "После он написал о своей Снежной Деве стихотворение, полное злобы, уничтожающее ее и совершенно несправедливое. Я не знала об этом, так же как и она, до последнего времени. Она прочла с ужасом и возмущением, с горечью – за что? Думаю, за то, что он поверил до конца в звезду и явленную комету, и вдруг оказалось, что ее не было, тогда он дошел до крайности, осыпая ее незаслуженными упреками" (*Там же*. С. 436).

Опыт интерпретации стихотворения см. в кн.: *Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 217–219.

После 1908 г. взаимоотношения Блока и Волоховой не возобновлялись. Волохова сообщает в воспоминаниях о своей последующей жизни: "С 1909–1910 года началась моя вполне самостоятельная артистическая деятельность. Событничавшись работой, которую мне предлагали в провинции, работой разнообразной и кипучей, я уехала из Петербурга (...) стихи Блока этих годов почти не доходили до меня. В 1910 г. я вышла замуж, года два не играла на сцене (...) Все эти годы, хоть жила я в Москве и

Петербурге, мы ни разу не встретились с Александром Александровичем. Я почти нигде не бывала" (Тр. по русск. и слав. филологии. IV. Тарту, 1961. С. 376–377 (УЗ ТГУ. Вып. 104)). Последний раз Блок случайно встретился с Волоховой в 1920 г. в Московском Художественном театре, но уклонился от общения с нею (см.: Там же. С. 377).

...*Над нами плакала весна.* – Биографический мотив: весной 1908 г. произошло решительное объяснение Блока с Волоховой (ср. коммент. к стих. "Я помню длительные муки..."). Ср. дневниковую запись М.А. Бекетовой от 19 ноября 1908 г.: "Н.Н. еще весной иссякла. Опять выплыла Люба. Комета исчезла, осталась Венера" (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 627).

И стало все равно, какие ~ Гнать удалого лихача... – Приводя в статью "Александр Блок" (1916) эту строфу, В.Я. Брюсов расценивает ее как "тягостные признания" (Брюсов В. Собр. соч. М., 1975. Т. 6. С. 438). Отзыв Н.С. Гумилева об этих же строках зафиксирован в дневниковой записи К.И. Чуковского от 24 марта 1922 г.: «...Однажды он (Гумилев) доказывал мне, что стихи Блока плохи; в них сказано:

В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача.

"Блок, очевидно, думает, что лихач это лошадь. А между тем лихач – это человек"» (ЛН. Т. 92, Кн. 2. С. 258–259). Ср. запись Блока, сделанную одновременно с работой над стихотворением (19–20 ноября 1908 г.), фиксирующую неосуществленный драматургический замысел: "Но его видели (...). Не только пронсящимся с тою женщиной. Его окружает не только таинственная слава женской любви" (ЗК. С. 120).

...*Лобзать уста, ласкать плеча...* – В отзыве о книге "Ночные часы" Вас. Гиппиус отмечает в числе "совершенно невозможных форм" "плечá вместо плечи" (Новая жизнь. 1911. № 12. Стб. 271).

Я проклинаю каждый день ~ Твоя развенчанная тень... – Цитируется (общая рифма – день : тень) стих. А.С. Пушкина "Наполеон" ("Чудесный жребий совершился...", 1821):

... кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!

Ср.: *Альтман М.С.* Пушкинские реминисценции у Блока // *Philologica: Исследования по языку и литературе.* Л., 1973. С. 352.

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 10 об. – 20 об., "июнь – июль", без посвящения; заглавие цикла и первого стихотворения – рукой Блока, остальной текст – рукой Л.Д. Блок; Кор. – НР III₁. Л. 32–38.

Впервые: Факелы. Кн. 3. СПб., изд-во Д.К. Тихомирова, 1908. С. 9–20, без посвящения, в составе первых трех стихотворений цикла.

Публикации: ЗС. С. 67–82; III₁. С. 35–49; II₃. С. 237–251; II₄. С. 323–340; II₅. С. 241–254.

В этих публикациях цикл воспроизводится в окончательном составе и последовательности входящих в него стихотворений.

Посвящение – во всех публикациях цикла в его окончательном составе: ЗС – "Георгию Чулкову"; III₁ (НР III₁) – "Г.И. Чулкову"; II₃ – "(Посв. Г.И. Чулкову)"; II₅ – "Посв. Г. Чулкову".

К циклу "Вольные мысли" примыкает по стилю и особенностям стиха (белый вольный ямб) стих. "Сырое лето. Я лежу...", датированное 20 июня 1907 г. и самим Блоком не публиковавшееся (т. 4 наст. изд.).

В статье "Александр Блок и Аполлон Григорьев" (1927) Д.Д. Благой высказал предположение, что заглавие "Вольные мысли" восходит к строкам из стих. А.А. Григорьева "Вопрос" (1845):

Да новых мыслей, вычитанных в новом
Романе Санда (вольных, страшных мыслей)...

(Григорьев А. Избранные произведения.
Л., 1959. С. 110)

Стихотворение "Вопрос", также как и другое стих. Григорьева, "Призрак" (1845), написано белым пятистопным ямбом – размером "Вольных мыслей". Совпадают эти стихотворения Григорьева с циклом Блока, по наблюдениям Д.Д. Благого, "и общим приемом показа значительного на фоне пошлого и совсем особым, направленным на это последнее саркастическим тоном, сарказм которого особенно усиливается оттого, что и о пошлом, и о значительном повествуется все тем же медлительно-высоким, торжественно-важным белым ямбом" (Благой Д. От Кантемира до наших дней. 2-е изд. М., 1979. Т. 1. С. 513). Ср. запись Блока о стих. Григорьева "Вопрос" (ЗК. С. 28; лето 1902 г.); его же позднейшую запись (1915): «"Вольные, страшные мысли" (Ап. Григорьев. Стихотворения, 1846, стр. 174)» (ЗК. С. 259).

Стихотворения цикла "Вольные мысли" написаны летом 1907 г. в Петербурге (с 10 по 21 июня и с середины июля до конца августа Блок жил в Шахматове). Цикл имеет непосредственную автобиографическую основу – продолжительные прогулки Блока пешком по северным окраинам Петербурга и близлежащим пригородам (Лесной, Удельнинский парк, Новая Деревня, Старая Деревня, Коломяги, Озерки, Шувалово, Левашово и др.), а также по северо-восточному побережью Финского залива (Сестрорецкий курорт, Дюны). Вл. Пяст пишет о Блоке: "гулял постоянно пешком по всем частям города и за городом. Излюбленными его местами были: Петровский остров, Острова и вся Петербургская сторона; Удельный парк, впоследствии – Озерки, Шуваловский парк, Лесной; еще позднее – Сестрорецк, Белоостров {...}" (Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. Пб.: Атений, 1923. С. 15). «Выходя в "поле за Петербургом" на шоссе, я чувствую себя совершенно по-настоящему», – писал Блок отцу еще 28 марта 1905 г. Прогулки особенно участились весной 1906 г. и в мае – июле 1907 г., когда Л.Д. Блок уехала в Шахматово и Блок временно вновь переселился к матери, в офицерский корпус казарм Гренадерского полка (современный адрес: Петроградская наб., 44). Тетка поэта свидетельствует: «Лето выдалось жаркое. По вечерам после обеда поэт уходил из дома и направлялся в Озерки, в Сестрорецк, в окрестности Петербурга. В то время к нему часто присоединялся Чулков. Они проводили время в веселых беседах, за бутылкой вина. В это лето создались "Вольные мысли", как известно, посвященные Чулкову» (Бекетова I₂. С. 109). Описания петербургских окрестностей в "Вольных мыслях" отличаются большой топографической точностью вплоть до конкретных деталей. См.: Орлов Вл. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978. С. 337–341; Он же. Поэт и город. Александр Блок и Петербург. Л., 1980. С. 133–135; Александров А.А. Блок в Петербурге – Петрограде. Л., 1987. С. 125–128.

Адресат посвящения цикла, Георгий Иванович Чулков (см. о нем выше, с. 632. наст.

тома) – один из близких друзей Блока в 1906–1908 гг., постоянный спутник в прогулках по Петербургу и окрестностям (подробнее см.: *ЛН*. Т.92. Кн. 4. С. 370–397). Дружеские встречи были особенно частыми и доверительными летом 1907 г. Ср., в частности, полусушутливое письмо Блока к Чулкову от 6 июля, отправленное после назначенной, но несостоявшейся встречи в Озерках (близ Шувалова, описанного в стих. "Над озером" из "Вольных мыслей"): "Можно ли так твердо держаться ветхого завета: зуб за зуб. Если я Вас надул третьего дня, Вы не должны были надувать меня вчера: у нас нынче новый завет. А я бродил по Озеркам, прождав Вас установленные три часа". Чулков был одним из спутников Блока и в прогулке по Финскому заливу, описанной в третьем стихотворении "Вольных мыслей" "В северном море". Кроме Чулкова, в конце июня – первой половине июля 1907 г. с Блоком постоянно встречались также С.М. Городецкий и Вл. Пяст. 28–29 июня Блок сообщал жене: "Я уж тут и писал много прозы и стихов, и видел и Георг(ия) Ив(ановича), и Городецкого десять раз, и Пяста (...)" ; 2 июля – ей же: "Мы виделись последнее время с Городецким и Пястом". Вл. Пяст отметил в "Вольных мыслях" явный симптом духовно-психологического перелома у Блока – преодоление мрачных, "гибельных" настроений, преобладавших в его внутреннем мире в начале 1907 г.: «Когда весной 1907 года прозвучали его "Вольные мысли" – для меня их появление было таким же радостным, как если бы я нашел Ариона на берегу сушащим свои волосы и невредимым, – после того, как видел его погибающим в пучинах» (*Пяст В*. Встречи. М., 1929. С. 127).

"Вольные мысли" – во многом этапное для Блока произведение, первая его последовательно осуществленная попытка преодоления прежней субъективно-метафорической и символической стилистики. Сказавшееся в "Вольных мыслях" стремление к непосредственному отображению реальности проявилось, в частности, в творчески осознанном отходе от прежней "эзотерической" поэтики, в установке на семантически однозначную, обусловленную предметной логикой поэтическую фразеологию, в сравнительно малой насыщенности текста литературными цитатами и реминисценциями. Благодаря Н.Н. Русова за статью о "Снежной Маске", Блок писал ему 20 июля 1907 г., что эта "книжка до последней степени субъективная, доступная самому маленькому кружку": "Я отвыкаю уже и от этой книжки, хотя она и последняя". В этом признании косвенно подразумевались новейшие поэтические опыты – "объективные" "Вольные мысли", которые Блок надеялся опубликовать в издании, доступном широкому читателю. В "Вольных мыслях" нашли отражение демократические настроения Блока 1907–1908 гг., его попытки переоценки символистской эстетики, сочувственный интерес к реалистической литературе (статья "О реалистах", написанная в мае – июне 1907 г., непосредственно предшествовала созданию цикла). Одновременно с работой над "Вольными мыслями" Блок писал статью "О лирике", развивающую те представления о лирическом поэте и о его необходимых отличительных особенностях (свобода от внешне навязываемых тенденций, максимальное самовыражение, пафос простоты и отзывчивости к жизни, неприятие "мещанских" представлений), которым отвечает лирический герой цикла. В статье "О лирике" обрисованы контуры творческих задач, которые стояли перед Блоком "Вольных мыслей": "Жизнь есть безмолвный эпос, и только Судьба и Случай заставляют сказителя класть руку на простые струны и повествовать тягучим размером о размерной и тягучей жизни" (*СС-85*. С. 131).

Блок предполагал опубликовать "Вольные мысли" в одном из сборников товарищества "Знание" (редактировавшихся в 1907 г. М. Горьким и Л.Н. Андреевым), стремясь связать свою творческую судьбу с деятельностью писателей-реалистов; "Вольные мысли" более других его произведений соответствовали требованиям

"Знания". В письме к жене от 28–29 июня 1907 г. в заключение рассказа о времяпрепровождении последних дней Блок сообщал: «Часть этого описана в стихах, которые, я думаю, надо отдать "Знанию" (Л. Андреев передал через Чулкова официальное приглашение мне и Ауслендеру)». Л.Д. Блок приветствовала это намерение; 5 июля она отвечала Блоку: «Как хорошо, что ты в "Знании"; надо только в первый раз там что-нибудь важное для тебя напечатать. Хочу очень знать твои новые стихи; хорошо как, если они годятся!» (*ЛН*. Т. 89. С. 206, 208). Касаясь перспектив издания "знаньевских" сборников, Л. Андреев писал Горькому 22 июля 1907 г.: "По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера, еще кой-кого" (*ЛН*. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965, С. 284). Однако Горький решительно воспротивился привлечению в сборники модернистов, и Блока в том числе (см. его ответное письмо Андрееву. – *Там же*. С. 287–288). Впоследствии, вспоминая этот эпизод, Л. Андреев писал Блоку (6 октября 1916 г.): «Девять лет назад, ставши редактором сборников "Знание", я написал Вам пригласительное, в сотрудники, письмо, но оно не было послано: Горький восстал против участия Вашего и Сологуба, и кончилось тем, что я сложил с себя звание редактора сборника» (Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930, с. 87). Подробнее о несостоявшейся публикации Блока в "Знании" см.: *Беззубов В.* Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984. С. 228–229, 305–307; *Келдыш В.А.* Сборники товарищества "Знание" // *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевицкие и общедемократические издания.* М., 1984. С. 257–258. После неудачи в "Знании" Блок не оставлял надежды опубликовать "Вольные мысли" в другом издании писателей-реалистов. 5 ноября 1907 г. он сообщал матери: «Переговариваюсь с Арцыбашевым о "Вольных мыслях"». В 1907 г. М.П. Арцыбашев был одним из редакторов петербургского журнала "Образование"; в письме от 28 или 29 октября 1907 г. он просил Блока принять участие в сборнике "Жизнь" (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 3). Однако переговоры с Арцыбашевым также не дали положительного результата. См.: *Лавров А.В.* Блок и Арцыбашев // *Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник.* VIII. Тарту, 1988. С. 54–60 (*УЗ ТГУ*. Вып. 813). Тогда Блок передал "Вольные мысли" для публикации в третьем альманахе "Факелы" (редактировавшемся Г.И. Чулковым), который вышел в свет 25 января 1908 г. "Посылаю тебе сегодня вышедшие "Факелы" {...}", – писал Блок в этот день матери (*Письма к родным*, I. С. 191).

Отзывы критики на первую публикацию "Вольных мыслей" были беглыми и немногочисленными. Н.Я. Абрамович, рецензируя альманах "Факелы", отмечал: «"Вольные мысли" Блока свежи, но не богаты новизной и яркостью образов» (*Арский Н.* [Н.Я. Абрамович]. О "Мелком бесе" в нашей журналистике. О "Факелах" и "Земле" // *Отдых*, 1908. № 1. 16 марта). Другой рецензент подчеркнул, что «хороши стихи А. Блока "Над озером"», однако, приведя строки из этого стихотворения, описывающие офицера, указал: "Эти строки безобразят в общем красивое стихотворение" (*И.Г.* Книги и писатели // *Русь*. 1908. № 29. 30 янв.).

Большое число откликов на "Вольные мысли" появилось в печати после выхода в свет книги Блока "Земля в снегу" (июль 1908 г.). Говоря о "покрывале загадности" в большинстве стихотворений Блока, критик консервативного направления Д.П. Якушев отмечал: «Особенно неудачны "Вольные мысли", в которых, между прочим, оно едва заметно» (*Боривой [Д.П. Якушев]*. Литературные очерки // *Голос правды*. 1908. № 898. 17 сент.). Символистами "Вольные мысли" были встречены в целом сочувственно. Подразумевая этот цикл, Андрей Белый отмечал в рецензии на сб. "Земля в снегу": "... некоторые стихотворения А. Блока в разбираемом сборнике носят характер повествования. Белый стих крепнет" (*Критическое обозрение*. 1908. № 6. С. 36).

«"Вольные мысли" – прекрасные белые ямбы, звучащие твердо и уверенно. Некоторое самолюбование досадно портит эти классические простые стихотворения», – писал С.М. Соловьев (Весы. 1908. № 10. С. 90). Поэт-символист В.И. Стражев в отзыве о "Земле в снегу" противопоставлял "Вольные мысли" другим разделам книги: «Поэт сам признает переживания своей "уединенной" души сложными, хаотичными и непонятными. Это признание сообщает лирике Блока озарение подлинной поэтической правды, особенно убедительной в одном из отделов его книги – "Вольные мысли", где простота стиля и прозрачная глубина переживаний обещает, быть может, более ценное будущее на пути поэта, чем та "уединенная" поэзия "уединенной" души, какая таится в прекрасно изданной книге "Земля в снегу" {...}» (Русские ведомости. 1908. № 214, 16 сент.; подпись: Вик. Ст.). Когда во второй половине 1900-х годов критики стали указывать на тяготение Блока к "прозаизму", к передаче примет реальной действительности, они подразумевали в первую очередь "Вольные мысли". Так, Ал. Вознесенский писал: «... к таинствам прозы влечет его (Блока. – Ред.) красивую поэзию; и по содержанию и по форме книги его последовательно поднимаются к прозаизму {...} в недавней сравнительно книге "Земля в снегу" большая часть стихов написана уже без рифмы и без определенного размера. Блок-стихотворец банкротится, и на этом наживается Блок – поэт-прозаик, символист» (Вознесенский Ал. Поэты, влюбленные в прозу. Киев, 1910. С. 40). Эти тенденции в поэзии Блока встречали, впрочем, отнюдь не только сочувственное внимание; ср. мнение Н.Н. Венцеля: «Прозаизмов в стихах г. Блока сколько угодно, но совершенно уж непонятно, почему называются стихами вещи, помещенные в отделе "Вольные мысли". Любой прозаический отрывок можно разбить на строчки, и получатся стихи в таком роде, как у г. Блока {...}» (Ю-н [Н.Н. Венцель]. Поэтические загадки // Новое время, иллюстрированное приложение. 1912. № 12969. 21 апр.).

Наиболее развернутую и высокую оценку "Вольных мыслей" дал молодой поэт-символист (впоследствии – крупный филолог-пушкинист) М.Л. Гофман в статье "Творчество Александра Блока" (Лебедь. 1909. № 1(5). С. 22–31): «... в спокойных, строгих, простых и величавых белых стихах "Вольные мысли" Блок всходит на те вершины поэзии, где душа его роднится с душою Пушкина. Блок не подражает Пушкину, но поэзия его приобретает то же величие, то же царственное одиночество, которое мы слышим в последних лучших стихотворениях Пушкина. И "Вольные мысли" напоминают Пушкина простотой, часто даже наивностью, своей прозрачною ясностью, своей "улыбкой рассудительной". Как странно и магически действует эта ясность тишины после снежных мятежей и истерических криков! И только по этим белым стихам можно судить о настоящем (будущем) размере дарования Блока. Поэт опять говорит о смерти, но говорит с "улыбкою рассудительной", самыми простыми словами описывая смерть жокея – "так хорошо лежал". И в старых обычных словах воскресают новые пушкинские слова, и по-новому звучат, по-новому слышим мы эти старые слова» (С. 28–29). "Над озером", по словам Гофмана, – "величавое романтическое стихотворение", передающее "высшую наивность" поэта; "В северном море" – "строго, спокойно и величественно", выражает "совершенную важную простоту". «Трудно еще оценить все значение этих стихов, новых и прекрасных в творчестве Блока, – заключает Гофман, – но нам представляется несомненным, что значение их очень велико. В этих стихах чувствуется "молитвенная и полная", успокоенная, ясная, неожиданно гармоническая душа поэта, который сознает, что он прекрасен – нищей красотою

Зыбучих дюн и северных морей» (С. 30)

Та же оценка "Вольных мыслей" – в статье М. Гофмана "Александр Блок" (КРП. С. 299–311). Позднее Гофман отмечал в своих "Петербургских воспоминаниях", что

"Вольные мысли" казались ему "самым совершенным из всего, что создала русская поэзия после Пушкина, достойным стать рядом с Пушкиным" (Новый журнал. Нью-Йорк. 1955. № 43. С. 121). О "прозрачной ясности великого Пушкина" в "Вольных мыслях" говорит и П. Жуков в статье «Драма "Роза и Крест" А. Блока» (Жуков П. Л. Андреев и А. Блок. Уфа, 1915. С. 33). Многие положения, впервые сформулированные Гофманом, получили развитие в последующих исследовательских интерпретациях "Вольных мыслей". В частности, Л.Я. Гинзбург, отмечая, что «"Вольные мысли" существуют на фоне Пушкина» (в частности, на фоне его стихотворения "Вновь я посетил...") подчеркивает, что Блок в своем цикле "от позднего Пушкина берет самое общее: утверждение мудрости поэта и конкретности мира" (Гинзбург Л. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 289). Пушкинские мотивы цикла, соотношения его с лирикой Пушкина 1830-х годов наиболее подробно истолкованы в работе: Минц З.Г. Блок и Пушкин // Тр. по русск. и слав. филологии. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 215–223 (УЗ ТГУ. Вып. 306). (С. 221–222 – убедительные параллели между циклом Блока и стих. Пушкина "Из Пиндемонти").

В исследовательской литературе преобладает трактовка "Вольных мыслей" как этапного произведения Блока, определившего его устремления к реалистической поэтике, к конкретному изображению жизни, к ясной и точной "пушкинской" поэтической речи (Малкина Е. Александр Блок на путях к реализму // Литературная учеба. 1938. № 7. С. 17–27; Орлов Вл. Александр Блок. Очерк творчества. М., 1956. С. 97–99; Губко Н. А. Блок. "Вольные мысли" // Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 129. Кафедра советской литературы. Л., 1958. С. 223–231; Кайтукова О. Идейно-художественный анализ цикла стихотворений А. Блока "Вольные мысли" // Тез. докл. IX науч. конф. студентов и аспирантов. История. Филология. Новосибирск, 1971. С. 100–101; Пустовойт П.Г. Эволюция образной системы Александра Блока // Филологические науки. 1982. № 1. С. 20–23 и мн. др.). В то же время отмечалось, что реалистические детали в "Вольных мыслях" не дают основания для выводов о реализме Блока в этом цикле, поскольку в центре его – характерно романтический образ лирического героя (Тимофеев Л.И. Творчество Александра Блока. М., 1963. С. 93; Венгров Н. Путь Александра Блока. М., 1963. С. 210–213). Подробный анализ художественно-семантической структуры "Вольных мыслей" см.: Минц, 2. С. 100–116.

О СМЕРТИ

("Все чаще я по городу брожу...")

(С. 205)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 10 об. – 13 об. ("1. О смерти"), рукой Л.Д. Блок, заглавие рукой Блока; Кор. – НР III₁. Л. 32–34; печ. текст – Изборник. Л. 90–90а.

Впервые: Факелы. Кн. 3. С. 9–13.

Публикации: ЗС. С. 69–72; III₁. С. 37–41; II₃. С. 239–243; II₄. С. 325–329; II₅. С. 243–246.

Печатается с исправлением опечатки в ст. 30 и устранением интервала между ст. 106 и 107 – по публикациям в сб. "Факелы", III₁ (НР III₁), II₃ и II₅.

Стихотворение подвергалось небольшой лексической переработке при подготовке III₁ – ст. 50, 92 (ст. 92 исправлен в НР III₁) и II₃ (ст. 8, 9, 11 исправлены в РЭ III₁), а также в макете "Изборника").

Тема стихотворения подсказана реальным случаем, свидетелем которого был Блок в мае 1907 г. 27 мая он писал жене: "А я был в Лесном на днях (...) за забором скачек, когда я подошел, на всем скаку упал желтый жокей. Подбежали люди и подняли какие-то жалкие и совершенно [неподвижные] мертвые, болтающиеся руки и ноги – желтые. Он упал в зеленую траву – лицом в небо» Описание гибели жокея в стихотворении дается с сохранением всех подробностей, отмеченных в этом письме.

Все чаще я по городу брожу. // Все чаще вижу смерть... – Реминисценция начальных строк стих. А.С. Пушкина (1836):

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу (...)

Так я хочу. – "Лозунг", которым, по Блоку, следует руководствоваться подлинному лирику; обоснован в статье "О лирике", писавшейся одновременно с "Вольными мыслями": «*Так я хочу.* Если лирик потеряет этот лозунг и заменит его любым другим, – он перестанет быть лириком. Этот лозунг – его проклятие – непорочное и светлое. Вся свобода и все рабство его в этом лозунге: в нем его свободная воля, в нем же его замкнутость в стенах мира – "голубой тюрьмы". Лирика есть "я", макрокосм, и весь мир поэта лирического лежит в его способе восприятия» (СС-85. С. 133–134). Рассуждения Блока о "свободной воле" поэта дополнительно проясняют заглавие цикла "Вольные мысли".

Я проходил вдоль скачек по шоссе. ~ А за глухим забором – ипподром... – Описывается северная окраина Петербурга – Коломяжское (Коломяжское) шоссе, которое соединяет Новую Деревню с деревней Коломяги (Коломяжки, в 5 верстах от Новой Деревни), и расположенный близ него ипподром. В путеводителе по Петербургу того времени сообщается: «Скачки в Петербурге начинаются в июне и оканчиваются к 15-му августа. Скаковой ипподром находится за Новой Деревней, по Коломяжскому шоссе. Построен "Скаковым обществом" в 1893 г. Прекрасное здание из камня и дерева, с множеством конюшен и др. построек. Круг площади – около 3-х верст» (*Раевский Ф.* Петербург с окрестностями. СПб., [1902]. С. 123–124). Вл. Пяст свидетельствует: «Бывали мы вместе (...) на ипподроме. Описывая в 1907 году в "Вольных мыслях" смерть жокея, Блок тогда еще на скачках ни разу не бывал. Он наблюдал их (редкий тип скакового зрителя, но существовавший!) извне, из-за забора в Удельном парке, куда с ранней юности любил забираться из Гренадерских казарм пешком. "Игра" к Блоку не привилась, хотя он с удовольствием сделал две-три ставки» (*Воспоминания*, 1. С. 383).

... ландо // Катилось мягко... – Ландо – четырехместная карета с раскрывающимся верхом.

... лежала сотка. – Сотка – водочная бутылка в одну сотую часть ведра (ведро – около 12,3 л).

НАД ОЗЕРОМ

("С вечерним озером я разговор веду...")

(С. 209)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 14–16 об. ("2. Над озером"), текст рукой Л.Д. Блок; Кор. – НР III₁. Л. 34–35 об.

Впервые: Факелы. Кн. 3. С. 14–17.

Публикации: ЗС. С. 73–76; III₁. С. 41–44; II₃. С. 244–247; II₄. С. 330–334; II₅. С. 247–250.

Печатается с устранением интервала между ст. 33–34 – по T_6 и публикациям в сб. "Факелы", ЗС, III₁ (НР III₁), II₃, II₅.

Помета под текстом ("Шувалово") впервые – в III₁; воспроизводилась во всех последующих изданиях.

Объект художественного изображения в стихотворении – Большое Суздальское озеро (самое северное из трех Суздальских озер, соединенных каналами), протянувшееся с севера на юг почти на 2 км. На берегу озера – дачная местность Шувалово (1-е Парголово) и Шуваловский парк (в 11 верстах от Петербурга), вблизи от станции Шувалово Финляндской железной дороги. Пейзаж, описываемый Блоком, открывается с высокого холма (Парголовской церковной горы) на южном берегу озера, на котором – две церкви и кладбище. "С церковной горы прелестный вид на Парголовские деревни, на полотно Финляндской жел. дор. с идущими по нем поездами и на 3-е, Суздальское озеро, по которому ходит пароход, возящий дачников от ст. Шувалово до Шуваловского парка и наоборот, заходя к двум пристаням в 1-м Парголове. По этому же озеру снуют лодки "Парусного кружка" и частных лиц. С этой горы дачники любят зорить закатом солнца, которое как бы утопает в бездне отдаленного моря" (*Раевский Ф.* Петербург с окрестностями. СПб., [1902]. С. 241).

«Из "блоковских" мест вспоминаю Шувалово (...), – писал Ю.Н. Верховский. – Удивительна верность пейзажа в "Вольных мыслях": здесь вполне точно дан довольно сложный вид "Над озером": тонкая чаша высоких сосен – песчаные выступы – могилы и склепы – как огни лампад. За тонкоствольным строем сосновой рощи семафор на дальнем берегу, отразивший свой огонь зеленый в розовой воде.

Я на уступе. Надо мной – могила
Из темного гранита. Подо мной –
Белеющая в сумерках дорожка.

Нужно стать на этом уступе, и с этой точки увидишь всю многоплановость – такой, как она описана в поэме) (*Верховский Ю.* В память Александра Блока: (Отрывочные записи, припоминания, раздумья) // А. Блок и современность. М., 1981. С. 354–355). К.И. Чуковский сообщает, что часто встречал Блока в Шувалове, которое поэт «увекочил (...) в стихотворении "Над озером"» (*Воспоминания*, 2. С. 220). Вл. Пяст утверждает, что в пору написания "Вольных мыслей" Блок в Шувалове "знал только кладбище (...), парка не знал": лишь в 1911 г. «он "научился" от меня прогулкам в Шуваловский парк и купанью по дороге» (*Там же*, 1. С. 384). Живший недалеко от Шуваловского парка, Пяст описал его в своем неопубликованном романе "Круглый год"; характеризуя это произведение в письме к Блоку от 3 февраля 1917 г., он указывает на сходство своего описания парка с пейзажными картинами "Вольных мыслей": «Полно отразится он (парк. – *Ред.*) лишь во всем моем творчестве первой половины жизни, а даже не в одном моем, но и у кого-то еще, чьи "Незнакомка" и "Озеро-красавица" так близки к нему, – без них ведь, без мест Вольной песни и Незнакомки, и даже другой Вольной песни, с "цыплячьей желтизной", нельзя добраться до (...) мест моего "Круглого года"» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 224; "Озеро-красавица" – цитата из стих. "Над озером", "цыплячья желтизна" – из "другой Вольной песни" – стих. "О смерти").

Им нужны человеческие вздохи, // Мне нужны вздохи сосен и воды. – В письме к Блоку от 30 мая 1912 г. Конст. Эрберг отметил неправильности в ударении в этих строках ("нужны") (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 420). Блок в ответном письме от 9 июня 1912 г. согласился: «"Нужны", да – это скверно» – однако строк не исправил.

... *Высокий гимн о том, как ясны зори...* – Ср. начальные строки стих. А.С. Пушкина 1829 г.: "Еще одной высокой, важной песни // Внемли, о Феб (<...> Еще единый гимн (<...>)".

Она пришла без спутников сюда ~ Она глядит, как будто, за туманы... – Автореминисценции из стих. "Незнакомка" ("По вечерам над ресторанами..."): "Всегда без спутников, одна, // Дыша духами и туманами...".

... *Теклой! // Да, Теклой!..* – Текла – героиня драматической поэмы Фридриха Шиллера "Валленштейн" (1797–1799), дочь полководца Валленштейна и возлюбленная Макса Пикколомини; возвышенный образ, отразивший представления Шиллера о нравственном идеале. Шиллеру принадлежит также стих. "Текла. Голос духа" ("Thekla", 1802), написанное от имени героини драматической поэмы; оно было переведено на русский язык А.А. Григорьевым и опубликовано в 1847 г. См.: *Григорьев А. Избранные произведения*. Л., 1959. С. 420–421, 575. Об отношении Блока к творчеству Шиллера, в котором он чтит высокий романтический пафос, см.: *Либинзон З.М.* А. Блок и Ф. Шиллер // *Материалы VII зональной науч. конф. литературоведческих кафедр ун-тов и пед. ин-тов Поволжья*. Волгоград, 1966. С. 82–84; *Она же*. Восприятие творчества Фридриха Шиллера в молодой советской республике // *Литературные связи и традиции. Серия филологическая*. Горький, 1968. С. 108–111. (Учен. зап. Горьк. ун-та. Вып. 93).

... *Эй, Фекла! Фекла!..* – О восприятии Блоком этого русского варианта имени Текла как сниженно-бытового дополнительно свидетельствует его шуточный стихотворный экспромт, сочиненный вместе с матерью за завтраком и приведенный в письме к Е.Г. Бекетовой от 11 апреля 1898 г.:

Если любишь Антигону,
То довольствуйся, мой сын,
Этой Феклой престарелой,
Что в стряпне понаторела.

В статье П. Жукова «Драма "Роза и крест" А. Блока» "роковая подмена" Прекрасной Дамы – Теклы "просто-напросто Феклой" в этом стихотворении интерпретируется как показательный пример эволюции поэтической системы Блока в целом (*Жуков П. Л. Андреев и А. Блок*. Уфа, 1915. С. 33–34, 42).

... *белая задумчивая ночь...* – Ср. в поэме Пушкина "Медный всадник" (Вступление):

Твоих задумчивых ищей
Прозрачный сумрак (<...>)

У Пушкина определение также относится к петербургским белым ночам. См.: *Альтман М.С.* Пушкинские реминисценции у Блока // *Philologica: Исследования по языку и литературе*. Л., 1973. С. 352.

... *на письме трагической актрисы...* – Подразумевается Н.Н. Волохова. О том, что в этих строках нашло отражение переписка Блока с Волоховой, свидетельствует В.П. Веригина (*Воспоминания*, 1. С. 457). Переписка не сохранилась (см.: А. Блок. Переписка. Аннотированный каталог. М., 1975. Вып. 1. С. 474). Не исключено, что эпитет "трагический" заключает в себе оттенок оценочности – в противопоставление "нетрагическому", в целом, миру "Вольных мыслей". Аналогичное противопоставление замкнутого, интимного мира ("письма") миру широкому, надличностному – в стих. В.Я. Брюсова "У себя" (1901):

Меня зовет к безвестным высям
В горах поющая весна,
А эта груда женских писем
И нежива, и холодна!

(*Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 271)

...Усталый, как ее усталый шлейф... – Шлейф – один из характерных атрибутов лирической героини стихотворений Блока 1906–1907 гг.: "Шлейф, забрызганный звездами". "Шлейф ползет за тобой и треплется" ("В темной комнате ты обещена...", 12 апреля 1907 г. – *СС-8*₂, С. 333) и др.; непосредственно связан с образом Фаины – Н.Н. Волоховой: "И я провел безумный год // у шлейфа черного".

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

("Что сделали из берега морского...")

(С. 211)

Автографы и авторизованные тексты: *АС – Т₆*, Л. 17–18 об. ("3. В северном море"), текст рукой Л.Д. Блок; *Кор.* – *HP III*₁, Л. 35 об. – 37.

Впервые: Факелы. Кн. 3. С. 18–20.

Публикации *ЗС*. С. 77–79; *III*₁. С. 44–47; *II*₃. С. 248–250; *II*₄. С. 335–337; *II*₅. С. 250–252.

Помета под текстом ("Сестрорецкий курорт") впервые – в *III*₁; воспроизводилась во всех последующих изданиях.

При подготовке *II*₃ стихотворение было подвергнуто переработке: в *РЭ III*₁ ст. 10, 25, 40, 52, 66–68 приведены к основному тексту.

Окончательный текст – *II*₄.

Реальная топографическая основа художественного мира стихотворения – Сестрорецкий курорт, излюбленное в первые десятилетия XX в. место отдыха близ Петербурга для имущих слоев населения (Сестрорецк – город на берегу Финского залива в 26 верстах от Петербурга). Сестрорецкий курорт был основан в трех верстах от Сестрорецка в 1898 г., начал свою деятельность в 1900 г.; расположен вдоль побережья Финского залива, состоящего из сухой песчаной почвы и покрытого густым сосновым лесом. В Сестрорецком курорте были построены лечебница, гостиница и курзал, оборудованный концертным залом на полторы тысячи человек, рестораном, библиотекой, бильярдной, карточными комнатами. "Фасадом курзал выходит на море, пред которым возвышается на 10 ф. над уровнем моря гранитная эспланада с небольшими столиками для кушанья и питья посетителей. Параллельно курзалу и парку тянется, освещающаяся электрическими фонарями, набережная, длиной свыше 300 саж. и шириной 2 саж. На ней расставлены чугунные скамейки с подвижными спинками. За набережной идет прекрасный чистый пляж с желтым мелким морским песком, на котором стоят кабины и подвижные купальни на колесах (...) От курзала параллельно эспланаде тянется в 200 с. длиной крытая галерея, освещающаяся электричеством, для гулянья в дождливую погоду (...) В числе развлечений курорта первое место занимает музыка. В курзале и парке ежедневно играют два оркестра, из которых один духовой, а другой большой симфонический при участии знаменитых солистов (...) Военный оркестр играет в парке, а симфонический в зале курзала (...) На море можно ловить рыбу с павильона гавани и кататься на лодках" (*Орфеев А., Неклюдов М.* Сестрорецк. Краткий исторический и современный очерк с описанием курорта. СПб., 1900. С. 25–28; в этом издании имеются фотоснимки курзала, не сохранившегося до настоящего времени, и берега моря у курорта). См. также: *Давиденко А.И.* Сестрорецк. Очерки по истории города. Л., 1962. С. 167–169.

О событии, воссозданном в стих. "В северном море", Блок сообщал жене в Шахматово в письме от 28–29 июня 1907 г.: "...ездил в море с прис(яжным) пов(еренным) Соколовым, Аничковым и Чулковым на моторной лодке. Часть этого

описана в стихах (...), а часть – лучше рассказать, а то очень много писать. (...) Стихи я привезу, конечно, они длинные". О поездке с Блоком на моторной лодке по Финскому заливу вспоминает в связи со стих. "В северном море" К.И. Чуковский:

"Читая его пятистопные белые ямбы о северном море, которые по своей классической образности единственные в нашей поэзии могут сравниться с пушкинскими, я вспоминаю тогдашний Сестрорецкий курорт с большим рестораном у самого берега и ту пузатую, допотопную моторную лодку, которую сдавал напрокат какой-то полуголый татуированный грек и в которую уселись, пройдя по дощатым мостикам, писатель Георгий Чулков (насколько помню), Зиновий Гржебин (художник, впоследствии издатель "Шинювника") и неотразимо, неправдоподобно красивый, в широкой артистической шляпе, загорелый и стройный Блок.

В тот вечер он казался (на поверхностный взгляд) таким победоносно счастливым, в такой гармонии со всем окружающим, что меня и сейчас удивляют те гневные строки, которые написаны им под впечатлением этой поездки" (далее цитируются начальные строки стихотворения "В северном море") (*Воспоминания*, 2. С. 220).

Другой аналогичный эпизод, свидетельствующий об устойчивости интереса Блока к морским прогулкам, – плавание по Финскому заливу на парусной яхте (но не от Сестрорецкого курорта, а от яхт-клуба на северном берегу Крестовского острова в Петербурге) – освещен в мемуарном очерке журналиста и художественного критика И.И. Лазаревского "Прогулка под парусами" (впервые опубликован В.Н. Орловым: *День поэзии-68*. Л., 1968. С. 203–205; перепечатан: *Нева*. 1980. № 11. С. 188–189); мемуарист передает впечатления Блока ("он никак не предполагал, что прогулка на яхте вызовет в нем так много разнообразных ощущений") и его слова о том, что "такие прогулки неповторимы".

Стих. "В северном море" обнаруживает определенные параллели в описании ситуации (путешествие по морю на закате) и в своем эмоционально-психологическом содержании со стихотворным фрагментом Пушкина "Медок (Медок в Уаллах)" (1830), представляющим собой набросок перевода начала поэмы Р. Саути "Медок" ("Mados", 1805). См.: *Мицц* З.Г. Блок и Пушкин // *Тр. по русск. и слав. филологии*. XXI. Литературоведение. Тарту, 1973. С. 222–223 (*УЗ ТГУ*. Вып. 306). Вероятно также воздействие цикла стихотворений Генриха Гейне "Северное море" (1825–1826) из его "Книги песен"; свободному стиху цикла Гейне соответствует белый пятистопный ямб стихотворения Блока.

Непосредственные отзвуки стих. "В северном море" можно обнаружить в сюжетной ситуации рассказа Г.И. Чулкова "Архивариус" (1908), опубликованного в газете "Речь" (1908. № 136. 8 июня); Блок писал Чулкову 14 июня 1908 г., что ему "очень нравится" этот рассказ. См.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 407.

...*Забавные тальеры...* – Тальер – дамский костюм (от франц. *tailleur*).

...*Руки // Одна заря закинула к другой...* – Реминисценция из поэмы Пушкина "Медный всадник" (1833):

Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

...*Прочтя все надписи...* – К.И. Чуковский свидетельствует: «Я вспоминаю изображенный в тех же стихах ("В северном море". – *Ред.*) длинный, протянутый в море, изогнутый мол, на котором действительно были нацарапаны всевозможные надписи, в том числе и те, что воспроизводятся в блоковском "Северном море". Впоследствии я нередко причаливал к этому молу мою финскую шлюпку, приезжая в Сестрорецк из Куоккалы, и всякий раз вспоминал стихотворение Блока» (*Воспоминания*, 2. С. 220).

Рыбачий "Вольный" остров распростерт... – Остров Вольный в дельте Невы, при впадении Малой Невы в Финский залив, в водном пространстве между северо-западным берегом острова Голодай и южным берегом Крестовского острова. Ныне как остров не существует: соединен сушей с островом Голодай (современное название – остров Декабристов).

...*камень драгоценной фероньеры...* – Фероньера (фероньерка) – женское украшение в виде золотого или серебряного обруча с драгоценным камнем посередине, надеваемое на голову так, что камень приходится на лоб (от франц. *feronnière*).

В ДЮНАХ

("Я не люблю пустого словаря...")

(С. 213)

Автографы и авторизованные тексты: АС – Т₆. Л. 19–20 об. ("4. В дюнах"), текст рукой Л.Д. Блок; Кор. – НР III₁. Л. 37–38.

Впервые: ЗР. 1907. № 10. С. 36–37, в расширенной редакции.

Публикации: ЗС. С. 80–82; Литературно-художественный сборник изд-ва "Непогашенные огни", кн. 1. (НО) Екатеринослав, 1910. С. 53–55; III₁. С. 47–49; II₃. С. 251–253; II₄. С. 338–340; II₅. С. 253–254.

Помета под текстом ("Дюны") впервые – в II₃.

При подготовке II₃ стихотворение было сокращено: в РЭ III₁ вычеркнуты ст. (25–30) и заменены на ст. 25 окончательного текста, вычеркнуты также ст. (32–33).

В стихотворении описывается побережье Финского залива вблизи Сестрорецкого курорта, в устье реки Сестры, по которой проходила граница между Петербургской губернией и Великим княжеством Финляндским. Наличие таможенной службы на границах объяснялось тем, что Финляндия, являясь частью Российской империи, обладала частичной административной автономией.

Дюны – местность на берегу Финского залива между Сестрорецким курортом и финским поселком Оллила (ныне – Солнечное), представляющая собой узкую гряду прибрежных дюн (невысокие песчаные холмы, покрытые густым сосновым лесом).

Критикой было отмечено, что в стих. "В дюнах" сказалось стремление Блока писать "под Гамсуна" (*Львов-Рогачевский В.* Лирика современной души // *СМир*. 1910. № 8. Отд. II. С. 23), – подразумевались прежде всего аналогии с романом норвежского писателя "Пан" (1894; русский перевод – 1901), живописующим поэтическую красоту северной природы и единение с нею героя. В образе героини стихотворения, по наблюдению современного исследователя, "неожиданно возникает гамсуновский диковатый дух лесов и полей" (*Горелов Анат.* Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. 2-е изд. Л., 1973. С. 233). Общими с "Паном" «являются и ситуация, и расстановка сил, и борьба двух сильных личностей, "людей природы", и утверждение мужского начала, и фон, на котором развивается действие, – северная природа (...)» *Ряудар М.Н.* Север и Скандинавия в лирике А. Блока // Скандинавский сборник. XXVII. Таллин, 1982. С. 194). О влиянии Кнута Гамсуна на стих. "В дюнах" см. также: *Соловьев Б.* Поэт и его подвиг: Творческий путь Александра Блока. 2-е изд. М., 1968. С. 287–288.

В стихотворении в определенной степени отразилось и воздействие романа М.П. Арцыбашева "Санин", опубликованного в 1907 г. в журн. "Современный мир" (№ 1–5,

9), и образа его главного героя, проповедника гедонистической, инстинктивной жизни и свободной плотской страсти. "...Рад был и доброму слову о Санине", – писал Арцыбашев Блоку 27 ноября 1907 г. в ответ на письмо поэта, видимо, не дошедшее до нас (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 25). В статье "О реалистах" (1907) Блок признавал Арцыбашева "бесспорно талантливым писателем" (СС-85. С. 115), а в статье "Литературные итоги 1907 года" (1907), называя "Санина" "самым замечательным произведением" Арцыбашева, с похвалой выделял в герое романа те черты, которыми наделен и лирический герой стих. "В дюнах": «...в "Санине", первом "герое" Арцыбашева, ощутился настоящий человек, с непреклонной волей, сдержанно улыбающийся, к чему-то готовый, молодой, крепкий, свободный» (СС-85. С. 228). Заслуживает упоминания, что в тексте "Санина" встречается словосочетание "вольные мысли": "Лида видела, что ей самой никогда не стать такой свободной (как Санин. – *Ред.*), что думая так, она только подчиняется обаянию этого спокойного и твердого человека (...) И странные вольные мысли бродили у нее в душе" (Арцыбашев. М. Санин. СПб., 1908. С. 176). Подробнее см.: Лавров А.В. Блок и Арцыбашев // Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник. VIII. Тарту, 1988. С. 51–70, (УЗ ТГУ. Вып. 813).

Именно "гамсуновские" и "арцыбашевские" мотивы в "Вольных мыслях", и прежде всего в стих. "В дюнах", вызвали неприятие у Н.А. Клюева, который писал Блоку в конце октября 1908 г., разбрав его книгу "Земля в снегу": «Смертная ложь нашего интеллигента это, как мне кажется, не присущее ему по Духу вавилонское отношение к женщине. Многие стихи из Вашей книги похабны по существу, хотя наружно и прекрасны – сладкий яд в золотой, тонкой чеканки чаше, но кто вкусит от нее? Питье усохнет, золотой потир треснет, выветрится и станет прахом. Смело кричу Вам: не наполняйте чашу Духа своего трупным ядом самоуслаждения собственным я – я! (...) Отдел "Вольные мысли" – мысли барина-дачника, гуляющего, пьющего, стреляющего за девочками "для разнообразия" и вообще "отдыхающего" на лоне природы. Никому это не нужно кроме Чулкова, коему посвящены эти "Мысли"» (ЛН. Т. 92. Кн. 4. С. 477–478).

Критика Клюева произвела на Блока большое впечатление. 2 ноября 1908 г. он писал матери: «Всего важнее для меня – то, что Клюев написал мне длинное письмо о "Земле в снегу", где упрекает меня в интеллигентской порнографии (не за всю книгу, конечно, но, например, за "Вольные мысли"). И я поверил ему в том, что даже я, ненавистник порнографии, подпал под ее влияние, будучи интеллигентом. Может быть, это и хорошо даже, но еще лучше, что указывает мне на это именно Клюев. Другому бы я не поверил так, как ему». В следующем письме к матери, от 5–6 ноября 1908 г., Блок уточнял: «Клюев мне совсем не только про последнюю "Вольную мысль" пишет, а про все (...) И не то что о "порнографии" именно, а о более сложном чем-то, что я, в конце концов, в себе еще люблю» (ср.: Бекетова I2. С. 115). Не исключено, что впоследствии, сокращая стих. "В дюнах", Блок делал это с учетом клюевских доводов (см. раздел "Другие редакции и варианты", ст. (32–33)).

...Любовных слов и жалких выражений... // "Ты мой". "Твоя". "Люблю". "Навеки твой". – Возможно, в строках подразумевается антитеза по отношению к стих. К.Д. Бальмонта "Лесной пожар" (1899) из его книги "Горящие здания", в котором речь идет о любви "в шестнадцать лет" ("Неподражаемо-стыдливые свиданья"):

Слова, поющие в душе лишь в те года:

"Люблю", "Я твой", "Твоя", "Мой милый", "Навсегда".

(Бальмонт К.Д. Стихотворения.

Л., 1969. С. 164. Б-ка поэта, большая серия)

...русский бесприютный храм... – Церковь Петра и Павла в Сестрорецке (освящена в 1874 г.).

...С моим звериным взглядом... – Ср. стих. "Девушке" (6 июня 1907 г.):

Ты перед ним – что стебель гибкий,
Он пред тобой – что лютый зверь.

Лейтенант Глан, герой "Пана" Гасуна, также обладал "звериным взглядом": "Когда он смотрел на кого-нибудь своим горячим звериным взглядом, совершенно ясно чувствовали его могущество, даже я чувствовал это" (*Гамсун К. Пан. Из записок лейтенанта Глана. / Пер. с норв. С.А. Полякова. М.: Скорпион, 1901. С. 234*). "Звериное" начало – также отличительная примета многих героев произведений М.П. Арцыбашева. В "Санине" Новиков следит за Зарудиным "точно зверь, встретившийся в лесу с другим зверем" (*Арцыбашев М. Санин. СПб., 1908. С. 129*); об отношениях Зарудина и Лиды Саниной говорится: "И с него и с нее как бы сползал какой-то покров изящности, красоты и мягкости, и дикий растерзанный зверь все ярче выступал под ним" (*Там же. С. 141*); в повести "Тени утра" один из персонажей сверкает глазами, "как злое и хищное животное", и воспринимается героиней, как "зверь" (*Арцыбашев М. Рассказы. СПб., 1906. Т. 2. С. 242, 246*); в повести "Человеческая волна" у любовников "здоровые, сильные, как молодые звери, тела" (*Арцыбашев М. Рассказы. М., 1908. Т. 4. С. 157*), и т. д.

Другие редакции и варианты

Песчаная, свободная, чужая ... – Восприятие Финляндии как свободной страны, поработаемой Россией, могло восходить у Блока к Вл. Соловьеву. См.: *Миц, 2. С. 111–112. Ср. стих. Соловьева "В окрестностях Або" (1894)*:

Там я скитался, молчалив,
Там Богу правды я молился,
Чтобы насилия прилив
О камни финские разбился.

(*Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 102*)

В сравнении с Россией Финляндия обладала бóльшими свободами – в частности, в отношении цензурных ограничений. Ср. в воспоминаниях Вл. Пяста (об организации Териокского театра): «А Финляндия – почти "филиал" Швеции: в этом мы вскоре лично и убедились» (*Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 235*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«к сборнику "Нечаянная Радость"»

(Нечаянная Радость. Второй сборник стихов. М., Скорпион, 1907)

(С. 215)

Автографы: ЧА₁ – ЗК₁₂. Л. 14об. – 16 об. ("Август 1906. С. Шахматово."), подпись под текстом: "А.Б."; ЧА₂ – ЗК₁₂. Л. 17об. – 18.

Печатается по П₁.

Написано в качестве предисловия к первому изданию второй книги.

В ЗК₁₂ сохранилось два черновых автографа. Верхний слой ЧА₁ представляет первоначальную редакцию (приведена Р.В. Ивановым-Разумником без вариантов и правки: *Иванов-Разумник*. Л. 108–109). На л. 14об. часть текста отчеркнута и сопровождается пометой Блока "см. ниже (?)", отсылающей к ЧА₂. ЧА₂ представляет собой переработку отдельных фрагментов первоначальной редакции, в результате чего текст приближен к основному.

Современные Блоку критики использовали образы и цитаты из предисловия к П₁ для подтверждения собственных концепций творческого развития поэта. Так, Б. Садовской, пересказывая авторское предисловие в рецензии на П₁, иллюстрировал таким образом тезис о том, что «певец "Прекрасной дамы" в "Нечаянной радости" открывает свой образ грядущего мира» (*РМ*. 1907. Март. С. 51. 3-я pag.). М. Волошин, цитируя фрагменты предисловия, считал, что здесь Блок "объясняет сам содержание своей поэзии и драму своей души" (*Волошин М.* Лики творчества. Александр Блок. Нечаянная Радость // Русь. 1907. № 101. 11 апр.). Е. Аничков, анализируя развитие современной поэзии, замечал: «Современная поэзия, поэзия свободного человека, так одинока и замкнута. На площади, перед всеми, не скрываясь и вызывая ко всем, она так отстаивает свое одиночество. В предисловии к своим стихам Блок пишет, что душа его осталась бы совсем "ушедшей в себя" если б ее "не тревожили людские обители – города". (...) И вот поэзия свободного человека и становится городской по замыслу, и глубоко отчужденной и вдумчивой, ушедшей в себя по основному своему вдохновению» (*Аничков Е.* Поэзия свободного человека ("Ярь" и "Нечаянная Радость") // *Свободный человек*. 1907. № 1. 26 февр.). По мнению М. Гофмана, назвавшего Блока "поэтом масок", в "Нечаянной Радости" «снова выступает юный двойник – нежно преданный брат – и рассказывает о весеннем, о детском, о том, как Осень "раскидывается над топью болот и золотой короной лесов упирается в синее небо..."» (*Гофман М.* Творчество Александра Блока // *Лебедь*. 1909. № 1. С. 26). Н.Я. Абрамович цитатами из предисловия доказывал мысль о движении Блока к постижению мистической сущности мира: «В камнях города и в просторах воздуха, звонкой весной и безбурной осенью "мир смотрит в еще незнакомые очи Нечаянной Радости". И она смотрит в очи ему. Но они уже знают о скорой встрече лицом к лицу» (*Абрамович Н.Я.* "Прекрасная Дама" Ал. Блока // *Женщина*. Литературно-художественный альманах. М., 1910. Кн. 2. С. 139).

Нечаянная Радость – это мой образ грядущего мира. – "Нечаянная Радость" – название одной из икон Богородицы (см. варианты первоначальной редакции предисловия в разд. "Другие редакции и варианты"). Об источниках образа см.: *Магомедова Д.М. А.А. Блок. "Нечаянная Радость" (источники заглавия и структура сборника) // БС-7. С. 50–51, 57–58.* В истолковании Блока является символом будущего мистического преображения мира. С. Городецкий, познакомившись со стихами Блока, позднее вошедшими в *П1*, в письме к нему от 5–6 июля 1905 г. дал такую интерпретацию образа: «"Нечаянная Радость" – жить от "прекрасного прошлого" к настолько неясному еще впереди свету, что его только назвать можно: "Нечаянная Радость"» (*ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 17*).

В семи отделах я раскрываю семь стран души моей книги. – Первое издание второй книги Блока состояло из семи разделов: "Весеннее", "Детское", "Магическое", "Перстень-Страданье", "Покорность", "Нечаянная Радость", "Ночная Фиалка". Выражение "страны души" – возможная реминисценция. Ср. письмо Андрея Белого к Блоку (декабрь 1905 г.): "Мне хочется часто умалиться в своем, чтобы мои страны не мешали мне все о Тебе безраздельно принять и в свою душу". В статье "О лирике" (июнь–июль 1905 г.) Блок, говоря об "отделах" в книге С. Городецкого "Перун", называл их "страны души поэта".

Дальнейший текст представляет собой лирическое автоописание разделов книги в их последовательности.

Пробудившаяся земля ~ бессловесные твари. – Образы стихотворений, вошедших в первый раздел книги – "Весеннее". Близость его со следующим разделом – "Детское" – была подчеркнута в первоначальной редакции предисловия (см. раздел "Другие редакции и варианты"). См. коммент. к разделу "Пузыри земли".

...привязанность молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир – балаган, позорище. – *Позорище* – здесь: смысловое обыгрывание современного (позор) и устаревшего (театр) значений слова. Ср. в "Воспоминаниях об Александре Блоке" Е.П. Иванова: «Александр Блок шел в город, как на "позорище". Город, как и театр, по старой вере, – позорище, балаган. Обнаженную душу, вышедшую на зрелище – позорище, город, как паук, как зрительный зал, выпьет жадно...» (*БС-1. С. 337*).

Она осталась бы такою ~ чтобы очи не видели смерти. – Образы урбанистических стихотворений, входивших в разделы "Магическое" и "Перстень-Страданье" (см. коммент. к разделу "Город").

...Ночи – снежные королевы – влечат свои шлейфы в брызгах звезд. – Ср. в стих. "Там, в ночной завывающей стуже...", входившем в раздел "Магическое": "Вот плывут ее вьюжные трели, // Звезды светлые шлейфом влача...". Ср. также: "Шлейф, забрызганный звездами" – сентябрь 1906 г. Образ Снежной королевы восходит к сказкам Х.К. Андерсена. О чтении Блоком Андерсена см.: *ЗК. С. 86, 91* (см. коммент. к разделу "Снежная Маска").

...и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает... – Ср. "И влагой, терпкой и таинственной, // Как я, смирен и оглушен" в стих. "Незнакомка".

И молчаливая девушка за узким окном всю ночь тклет мне мой Перстень-Страданье... – Образ из стих. "Перстень-Страданье", давшего заглавие одному из разделов книги: «Узкие окна. За ними – девица. // Тонкие пальцы легли на канву. // {...} Ткани готовы. И голос поет: // {...} "Перстень-Страданье нам свяжет сердца..."».

...ее работа рождает во мне тихие песни отчаянья, песни Покорности. – "Покорность" – название раздела книги, следующего за разделом "Перстень-Страданье".

...Осень встает, высокая и широкая. ~ как свободна душа. – В раздел "Нечаянная Радость" входили стихотворения, рисующие поэтические картины осени: "Я живу в

отдаленном скиту...», "Осень поздняя. Небо открытое...», "Эхо", "Пляски осенние", позднее включенные в раздел "Пузыри земли". В рецензии на II₁ Б. Садовской писал: «В ясности и высоте светлой осени бесконечно небо, необозрима земля. И тогда свободной душе близка "Нечаянная радость"» (РМ, 1907, март. С. 51. 3-я паг.). Н. Абрамович рассматривал образ Осени как олицетворение природы, противопоставленной кошмарам городской жизни: "Он (поэт. – Ред.) знает, что встанет Осень, высокая и широкая {...} В золотой прозрачности осенних пространств растает городской кошмар. Нечаянная радость близка" (Абрамович Н.Я. Указ. соч. С. 134).

Нечаянная Радость близка. ~ как бы во сне. – Ср. финал. поэмы "Ночная Фиалка", представленной в заключительном разделе книги: "Так заветная прялка прядет // Сон живой и мгновенный, // Что нечаянно Радость придет // И пребудет она совершенной. // И Ночная Фиалка цветет". Ср. также в поэме "Ее прибытие": "Мы знали: нежданная Радость близка!..." (поэма, написанная в декабре 1904 г., не была включена в II₁, но вошла в II₂).

Она смотрит в глаза мне очами синими, бездонными и незнакомыми... Ср. в стих. "Незнакомка": "И очи синие, бездонные..."

...королевы Ночной Фиалки. – Ср. в поэме "Ночная Фиалка": "Королевна забытой страны, // Что зовется Ночною Фиалкой".

Мир, окружающий меня, ~ лицом к лицу. – Б. Садовской в образе "Нечаянной Радости" усматривал идею гармонического единства мира: "Скоро встретится она (Нечаянная Радость. – Ред.) с миром лицом к лицу – и кончится тогда неразрешимый спор. Объединится мир в едином стремлении" (РМ. 1907. Март. С. 51. 3-я паг.).

Слышно, как вскипают моря ~ большие корабли. – Ср. в финале поэмы "Ночная Фиалка": "Или гонит играющий ветер // Корабли из веселой страны. // И нечаянно Радость приходит, // И далекая пена бушует, // Зацветают далеко огни". Тема "прибытия кораблей" – центральная в поэме "Ее прибытие" (см. коммент.). Она развивается также в лирической драме "Король на площади" (август 1906 г.), создававшейся параллельно с настоящим предисловием. Рецензент "Нивы", оценивая книгу Блока, писал: «Автор приводит в ней вполне определенную и красивую идею: уверенное ожидание всемирной великой радости после вековых всемирных мучений, после мрачных поверий средневековья, после современных культурных страданий духа {...} Этот образ, этот символ прибытия нечаянной радости в виде появления больших кораблей – великолепен. Он окрыляет мысли и чувство. От "кораблей" А. Блока веет каким-то могучим простором новой, свежей, неведомой жизни» (Литературное и популярно-научное приложение "Нивы". 1907. № 3. Стб. 470, 471).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

〈к сборнику "Земля в снегу"〉

〈Земля в снегу. Третий сб. стихов. М.: Золотое руно, 1908〉

(С. 216)

Автограф: ЧА–ЗК₂₀. Л. 1, "2 марта 1908. СПб."; подпись под текстом: "Алекс. Блок".

Печатается по ЗС.

В ЗК₂₀ сохранилась часть чернового автографа, где преставлены заключительные строки предисловия. Страницы записной книжки с текстом предисловия уничтожены Блоком.

Критик А. Измайлов (Аякс) в рецензии на ЗС иронически замечал, что "книге Блока (...) предпослано предисловие такое же туманное, как и самые стихи" (БВ, 1908. № 10697. 9 сент., веч. вып.).

Эпиграфы. 1. Первая строка стихотворения Л.Д. Блок "Venus ad Cometam", обращенного к Н.Н. Волоховой:

Зачем в наш светлый строй ты ворвалась, комета?
Зачем случайный путь мой верный круг пресека?
Я – Солнца служница, я – отраженья света.
Бросает тень зачем мне твой неверный бег?

В тени, в смятении я; где Феб мой златокудрый?
Где свет его очей – палящие лучи?
Его скрываешь ты и хвост твой изумрудный
Смел, затенил меня и потерял в ночи.

На миг всевластная, ты, знаю я, случайна,
И в бури новые твой путь тебя стремится.
Наш светлый строй хранит законов светлых тайна.
Сняй, предвечный круг, страданием омыт!

15 августа (1907)
(РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед хр. 521. Л. 7–7 об.)

Под образами Венеры и Кометы в кругу близких Блока подразумевались Л.Д. Блок и Н.Н. Волохова.

2. Стих. Ап. Григорьева "Комета" (1843).

План третьей книги моих стихов – неизбежная, драматическая последовательность жизни. – Осмысление собственного творчества как единого "пути" – характерная черта символического художественного мышления. Ср. предисловие Блока к его "Собранию стихотворений" (1911): «(...) каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии; всю трилогию я могу назвать "романом в стихах": она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двадцати лет сознательной жизни» (т. 1 наст. изд.). Ср. замечание Н.Гумилева, представителя другого литературного лагеря, нарочито упрощавшего мысль Блока и сводившего идею "пути" к биографизму: "Он (Блок. – Ред.) просто описывает свою собственную жизнь, которая на его счастье так дивно богата внутренней борьбой, катастрофами и озарениями" (Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 8. С. 60).

"Стихи о Прекрасной Даме" – ранняя утренняя заря – те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. – Ср. стих. Вл. Соловьева "В тумане утреннем неверными шагами..." (1884), где "утро" – начало "пути" "лирического героя. Период создания "первого тома" лирической "трилогии" Блок впоследствии определял как "мгновение слишком яркого света" (Блок и Белый. С. 261).

...книга бытия... – Книга Бытия – первая книга Ветхого завета, повествующая о божественном сотворении мира. Здесь: жизнь, реальность.

...Чародейный, Единый Лик... – Восходящее к неоплатонизму представление о "Едином" как божественном первоначале мира, из которого путем эманации возникают остальные элементы сущего: "Мировой Ум" и "Мировая Душа", порождающие природу. В творчестве символистов нередко отождествлялось с образом Вечной Женственности.

...*Который посещал в видениях над полями и городами...* – Ср. дневниковые записи Блока 1918 г., воссоздающие атмосферу мистической настроенности зимы 1901 г., отразившуюся в СПД: "В конце января и начале февраля (...) явно является Она. Живая же оказывается Душой Мира (...), разлученной, плененной и тоскующей (...) К весне началось хождение около островов и в поле за Старой Деревней, где произошло то, что я определял, как Видения (закаты)".

...*который посетит меня на исходе жизни. ~ близится закат.* – О мотиве предсмертного возвращения к образу Вечной Женственности см. в коммент. к стих. "Вступление".

"*Нечаянная Радость*" – *первые жгучие и горестные восторги ~ возносится к прозрачной синеве.* – Блок дает образное описание второго этапа своего творчества, который он в статье "О современном состоянии русского символизма" (1910) определил как "антитезу".

...*горестные восторги...* Ср. в статье "О лирике" (февраль–март 1908) слова Блока о современном ему поколении, в котором "сердце, кровь и воля – заражены горестными восторгами современности" (СС-85. С. 261).

...*неумолимые черты безумного уродства терзают прекрасное лицо.* – Ср. в статье "О современном состоянии русского символизма" характеристику периода "антитезы" как "изменение облика" лирической героини: "Если бы я писал картину, я бы изобразил переживания этого момента так: в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нем лежит мертвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз".

Но в буйном восторге душа поет славу новым чарам и новым разуверениям; ей ведомы новые отравы, новый хмель. – Мотивы буйной страсти, опьянения в лирике Блока "второго тома" связаны с "дионисийской" символикой Вяч. Иванова. См.: Минц З.Г. А. Блок и В. Иванов. Статья. I: Годы первой русской революции // Тарту, 1982. С. 105–107 (УЗ ТГУ. Вып. 604). Ср. заглавие раздела "Отравы" в II₁, а также в стих. "Всю жизнь ждала. Устала ждать..." (13 января 1908): "Отрава – вслед иной отраве...".

Готовая умереть, она чудесно возрождается ~ возносится к прозрачной синеве. – Итог "антитезы", по Блоку, – "душа, опустошенная пиром". Ср. также его признание в письме к Андрею Белому от 6 июня 1911 г.: "(...) для меня это были годы, умерщвляющие душу, но освежающие дух, и я их всегда благословлю".

Надтреснутый колокол ~ пока не сорвется в пропасть... – Возможная аллюзия на драму Г. Гауптмана "Потонувший колокол". Ср. также стих. "Проклятый колокол" (1906).

...*восторгов мира не избыть ~ возникает из непа...* – Цитируя эти строки в рецензии на ЗС, Вик. Стражев писал: «(...) поэт живет родниками своей влюбленности в мир; это делает его подлинным и интересным лириком в современной "молодой" русской поэзии (...); и именно она, эта влюбленность, сообщает поэзии Блока интимную тихую прелесть очарования при всей неясности, расплывчатости и несколько утомляющем однообразии его мотивов» (Русские ведомости. 1908. № 214. 16 сент.).

Феникс (греч. мифол.) – волшебная птица; предвидя свой конец, она сжигает себя и вновь рождается из пепла. У Блока образ соотнесен с символикой "дионисийского" бессмертия (Вяч. Иванов).

Так я живу, так я хочу. – "Так я хочу" – выдвинутая Блоком в статье "О лирике" исходная формула лирического творчества, зарождающегося как "воля" поэта, но жизненно необходимого "миру". С. Соловьев в рецензии на ЗС склонен был к одностороннему истолкованию тезиса Блока: «Один из роковых недостатков Блока: от-

вращение от объективности и реализма, субъективизм, возведенный в поэтическое *credo*. Блок дает поэзию своего я. "Я так хочу" – его лозунг. "Так хочет некто, кто – не я" – истинный лозунг поэта» (Весы. 1908. № 10. С. 87).

...моей мещанской лени... – Ср. раздел. "Мещанское житье" в ЗС.

...ваши жемчужные зори... – Ср. авторское предисловие к сборнику Андрея Белого "Пепел" (Пб., 1909): "Жемчужная заря не выше кабака, потому что то и другое в художественном изображении – символы некоей реальности" (С. 7).

Кто скажет нам, что жить мы не умели... – Блок приводит (без первой строфы) стих. А. Фета "А.Л. Бржеской" (1879).

Что из того, что Судьба ~ хлестнула невзначай извилистым бичом жалкого клоуна... Ср. образ Судьбы в статье "О театре" (февраль–март 1908): "Зрительный зал театра должен быть воплощением самой Судьбы, которая беспощадно бьет тонким и язвительным бичом за каждый фальшивый шаг и зато уж благословляет и одаряет за каждый живой и смелый поступок".

И я протяну к ней руки ~ до гроба сиять. – Ср. близкий образ Фаины в драме "Песня Судьбы" (1908).

Вот здесь вы живете ~ и нравится милому. – Ср. мотивы стихотворений в ЗС, входивших в раздел "Мещанское житье": "Холодный день", "Улица ночью" (в наст. томе "Улица, улица..."), "Работай" (в наст. томе "Работай, работай, работай..."), "Мещанке" (в наст. томе "Ты можешь по траве зеленой...").

...лущите подсолнухи... – Ср. в стих. "Ты можешь по траве зеленой...": "... И семечки лущишь".

Но издали идет к вам вольная, дерзкая и наглая цыганка ~ и тихо поклониться. – Ср. запись Блока от 9 июля 1907 г.: "А вчера представилось (на паровой конке). Идет цыганка, звонит монистами, смугла и черна, в яркий солнечный день – пришла красавица ночь. И все встают перед нею, как перед красотой, и расступаются. Идет сама воля и сама красота. Ты встань перед ней прямо и не садись, пока она не пройдет".

Кто захочет понять, – пусть поймет неумолимую логику этих мало словесных книг. – См. приведенную выше цитату из рецензии Вик. Стражева на ЗС.

Ибо в конце пути ~ расстилается одна вечная и бескрайняя равнина – изначальная родина, может быть, сама Россия. – Ср. в статье "Безвременье" (1906): "И глядят они (путники. – *Ред.*) прямо перед собой, на каменный путь по бескрайним равнинам России" (СС-85. С. 73).

И снега, затемняющие сияние Единой Звезды, улягутся. И снега, застилающие землю – перед весной. – Г. Чулков, намечая дальнейшую эволюцию творчества Блока, писал: "Пусть развеется метель и на родных полях увидит он преобразенное лицо. Это – Русь" (*Борис Кремнев [Г. Чулков]. Снежная Дева // ЗР. 1908. № 10. С. 53*). Ср. слова Блока в статье "О театре": "Критики были бы правы в своих безысходных жалобах на современное растение и праздное брожение умов общественных и личных сил, если бы снега, застилающие наши дороги, не дышали нам в лицо весной. Пока лежит снег, мы не знаем, куда идти, где приклонить голову".

Пока же снег слепит очи, и холод, сковывая душу, заграждает пути ... – Об ощущении холода в природе и в душе Блок писал матери 9 декабря 1907 г.: "Жить становится все трудней – очень холодно (...) Очутился на каком-то острове в пустом и холодном море (да и морозы стоят по 20 градусов, почти без снега, с пронзительным ветром) (...) Погода у нас в душе такая же, как на улице". Ср. письмо к тому же адресату от 8 января 1908 г.: «Такое холодное одиночество (...) Чем холоднее и злее эта неудающаяся "личная" жизнь (...) тем глубже и шире мои идейные планы и намерения».

...издали доносится одинокая песня Коробейника: победно-грустный, призывный напев, разносимый вьюгой... – Ср. запись Блока в записной книжке 9 июня 1907 г. с пометой: "На Николаевской железной дороге": «Коробейники поют с какой-то тайной грустью. Особенно – "Цены сам платил немалые, не торгуйся, не скупись..." Голос исходит слезами в дождливых далях. Все в этом голосе: просторная Русь, и красная рябина, и цветной рукав девичий, и погубленная молодость». С этими мыслями Блока связан его замысел драмы "Песня Судьбы": "ТАК писать пьесу – в этой осени". "Коробейников" упоминает Блок и в статье "О лирике": «На просторных полях русские мужики, бороздя землю плугами, поют великую песню – "Коробейников" Некрасова». Финал предисловия почти дословно повторен Блоком в "Песне Судьбы" (ремарка в заключительном действии): "И внезапно, совсем вблизи, раздается победно-грустный напев, разносимый вьюгой:

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они...
Распрялись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани..."

Ой, полна, полна коробушка ~ Тайну свято сохрани... – Фрагмент из поэмы Н.А. Некрасова "Коробейники" (1861), ставший народной песней, в ряде мест известной под названием "Коробушка". В.Н. Княжнин в книге "Александр Александрович Блок" (Пб., 1922) отмечал: "Эта песня – некрасовская "Коробушка", чрезвычайно в те времена, особенно в 1906–1907 гг. популярная в П(етер)б(урге), и, конечно, вообще в северной и средней России" (С. 106). См. также: Чуковский К.И. Из воспоминаний. М., 1959. С. 403.

ПРИМЕЧАНИЕ

(к сборнику "Земля в снегу")

(В кн.: Земля в снегу. Третий сборник стихов. М., 1908)

(С. 218)

...кроме отмеченных звездочкой, которые появляются впервые... – В "Содержании" были отмечены знаком "звездочка" следующие стихотворения: "Не пришел на свиданье"; "Ночной разговор" (в наст. изд. "Ночь. Город угомонился..."); "После ночной попойки" (в наст. изд. "К вечеру вышло тихое солнце..."); "Песельник" (в *И* и в наст. том не входит, см. т. 4 наст. изд.); "Знакомое" (в наст. изд. "Она пришла с мороза"); "Письмо" (в наст. изд. "Когда вы стоите на моем пути...").

"Отрывок" (...) Вошел в третий том Полного Собрания... – "Отрывок" из Байрона в переводе Блока с подзаголовком "Написан вскоре после замужества мисс Чаворт" был опубликован в кн.: Байрон. "Библиотека великих писателей" / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., 1904. Т. 3. С. 488. В *И* и в наст. том не входит; см. т. 11 наст. изд.

"Цирцея"... – Стихотворение С.-Ш. Леконта в переводе Блока было впервые опубликовано в «Понедельниках» газеты "Слово". 1906. № 12. 8 мая. В *И* и в наст. том не входит; см. т. 11 наст. изд.

ПРИМЕЧАНИЯ

⟨к сборнику "Нечаянная Радость"⟩

⟨К Собранию стихотворений. Кн. вторая.
Нечаянная Радость (1904–1905). М.: Мусaget, 1912⟩

(С. 219)

Автограф: БА – НР II₂. Л. 146–147.

Печатается по II₂.

"Примечания" написаны Блоком ко второму изданию второй книги.

"Нечаянная Радость" – переходная книга ~ всеми свойствами переходного времени. – В книгу вошли стихотворения, написанные в 1904–1906 гг. Отчасти они пересекались со стихотворениями цикла "Распутья", завершающего первую книгу – "Стихи о Прекрасной Даме", хронологические границы которого – ноябрь 1902 – июнь 1904 гг. Состав раздела "Магическое" см. в разделе "Приложение". "Снежная ночь" – название третьей книги "Собрания стихотворений" (М.: "Мусaget", 1912), в которую были включены стихотворения 1907–1910 гг. По мнению Л. Гинзбург, «переходной вторая книга является в том смысле, что ее автор и герой ушел от соловьевской мистики и не пришел еще к тем объективным ценностям, которые наряду со "Страшным миром" даны в третьей книге стихов» (Гинзбург Л. О лирике. Л., 1974. С. 271).

...кроме одного (XXVIII)... – Стихотворение под номером XXVIII – «Вариант "Незнакомки"» ("Там дамы шеголяют модами...") – в II₂ публиковалось впервые. См. коммент. к стих.

I и II. "Сольвейг". – В наст. томе – как два самостоятельных стихотворения: "Сольвейг" и "Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...".

XCIV. Русь. (...) см. мою статью "О заговорах и заклинаниях"... – Статья Блока "Поэзия заговоров и заклинаний" (октябрь 1906 г.) была опубликована в "Истории русской литературы" под ред. Е.В. Аничкова, А.К. Бороздина и Д.Н. Овсяннико-Куликовского (Т. 1. Народная словесность. М., 1908).

В первой книге ~ принадлежит Тютчеву. – Имеется в виду стих. "Когда я стал дряхлеть и стынуть..." и в нем следующие строки: "Ах, если б мог я научиться // Бессмертной пошлости толпы!" (т. I наст. изд.). 17 мая 1911 г. К.А. Сюннерберг (Эрберг), анализируя вторую и третью книги "Собрания стихотворений" Блока 1912 г., писал ему по поводу данного стихотворения: "Бессмертную пошлость (С. 168) я бы поставил в кавычки" (Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 157). В ответном письме от 24 мая 1911 года Блок отмечал: «"Бессмертная пошлость", конечно, в кавычках; иногда так привыкаешь к образу или идее, что считаешь их своими; вероятно, то же случилось со мной и тогда, потому я не поставил кавычек. А теперь пропустил по рассеянности». 5 декабря 1911 г. Блок писал Эрбергу о том, что учел его замечание: «...то, что Вы заметили о "бессмертной пошлости" (по поводу первой книги), – вставил в примечание ко второй». См. также письмо Блока от 9 июля 1912 г. к тому же корреспонденту.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ГЛМ* – Государственный литературный музей. Отдел рукописей (Москва).
ГПБ – Государственная Публичная библиотека. Отдел рукописей и редких книг (С.-Петербург).
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей (Москва).
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург).
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГБ – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).
ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга.

РУКОПИСНЫЕ И АВТОРИЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ЗК₁₋₆₂* – записные книжки А. Блока (1901–1921). Из 62 сохранилось 47. В записных книжках, пронумерованных и датированных самим Блоком, имеются черновики стихотворений (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 321–367).
- Изборник* – макет книги избранных стихотворений Блока "Изборник", подготовленный поэтом по предложению изд-ва М. и С. Сабашниковых летом 1918 г. Издание не состоялось (*РГБ*. Ф. 261. Карт. 13. Ед. хр. 2)¹.
- Кор II₂* – корректурные листы книги: *Блок А.* Собрание стихотворений. Кн. 2. "Нечаянная Радость" (1904–1906). М.: Мусaget, 1912. Имеется авторская правка (*РГБ*. Ф. 190. Карт. 11. Ед. хр. 2).
- Кор II₄* – корректура книги: *Блок А.* Стихотворения. Кн. 2 (1904–1908). 4-е изд., доп. Пб.: Земля, 1918. Имеется авторская правка (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 54).
- НР II₂* – наборная рукопись книги: *Блок А.* Собрание стихотворений. Кн. 2. "Нечаянная Радость" (1904–1906). М.: Мусaget, 1912. Беловые автографы (9), авторизованные списки, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (112 л.), печатные тексты (11). Содержит правку и пометы Блока (*РГБ*. Ф. 190. Карт. 11. Ед. хр. 1)².
- НР₁III₁* – разрозненные листы наборной рукописи книги: *Блок А.* Собрание стихотворений. Кн. 3. "Снежная ночь" (1907–1910). М.: Мусaget, 1912. Беловые автографы, авторизованные списки, рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух, с пометами и правкой Блока (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 43).
- НР₂III₁* – наборная рукопись книги: *Блок А.* Собрание стихотворений. Кн. 3. "Снежная ночь" (1907–1910). М.: Мусaget, 1912. Корректурные листы, гранки, верстка с правкой Блока. Содержит также 14 беловых автографов и 5 печ. вырезок (*РГБ*. Ф. 190. Карт. 12. Ед. хр. 1)³.
- РЭ II₂* – рабочий экземпляр 2-й кн. "Собрание стихотворений" (М.: Мусaget, 1912), служивший Блоку для подготовки второго издания 2-й кн. "Собрание стихотворений" (М.: Мусaget, 1916). Содержит правку Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 2).
- РЭ III₁* – рабочий экземпляр 3 кн. "Собрание стихотворений" (М.: Мусaget, 1912), служивший Блоку для подготовки второго издания 3-й кн. "Собрания стихотворений" (М.: Мусaget, 1916). Содержит правку Блока (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 3).
- T₄* – Четвертая тетрадь беловых автографов стихотворений: "1904. 1905 (до 16 ноября) (202 страницы) (111 (CXI) стихотворений) Стихи Александра Блока". Часть текстов записана рукой Л.Д. Блок (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 4).
- T₅* – Пятая тетрадь беловых автографов стихотворений: "Стихи (96 стих.) Александра Блока. 16 ноября 1905 г. – 7 мая 1907 г. (182 страницы)". Большая часть текстов записана рукой Л.Д. Блок (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 5).

¹ Описание макета "Изборника" см.: Зап. отдела рукописей (*РГБ*). Вып. 41. М., 1980. С. 138.

² Описание рукописи см.: Там же. С. 139, 141.

³ Описание рукописи см.: Там же. С. 141.

- T*₆ – Шестая тетрадь белых автографов стихотворений: "Александр Блок. Стихи (80 стих.) (140 страниц). Май 1907 – декабрь 1908". Часть текстов записана рукой Л.Д. Блок, часть – рукой А.А. Кублицкой-Пиоттух (*ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 6)¹.
- Хр. ук.* – Хронологически-библиографические указатели, которые были составлены Блоком позднее и приложены к каждой тетради белых автографов (кроме 10-й). Содержат сведения о времени написания стихотворений, о первых и последующих публикациях, а также пометы творческого характера².

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- I*₁ – Блок А. Стихи о Прекрасной Даме. М.: Гриф [1904] (тит. л. 1905).
- П*₁ – Блок А. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов. М.: Скорпион, 1907.
- П*₂ – Блок А. Собрание стихотворений. Кн. 2. Нечаянная Радость (1904–1906). 2-е изд., доп. М.: Мусагет, 1912.
- П*₃ – Блок А. Стихотворения. Кн. 2 (1904–1907). 3-е изд., перераб. М.: Мусагет, 1916.
- П*₄ – Блок А. Стихотворения. Кн. 2 (1904–1908). 4-е изд., доп. Пб.: Земля, 1918.
- П*₅ – Блок А. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения. Кн. 2 (1904–1908). Пб.; Алконост, 1922.
- П*_{П1} – Блок А. Собрание стихотворений. Кн. 3. Снежная ночь (1907–1910). М.: Мусагет, 1912.
- Андерсен, 1–4* – Андерсен. Г.-Х. Собр. соч.: В 4 т./Пер. с датского А. и П. Ганзен. СПб., 1894–1895.
- Афанасьев, 1–3* – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, 1868, 1869. Т. 1–3.
- ББО-1–3* – Библиотека А.А. Блока. Описание. Л., 1984, 1985, 1986. Кн. 1–3.
- БВ* – Биржевые ведомости (газета).
- Бекетова 1* – Бекетова М.А. Александр Блок: Биограф. очерк. Пб.: Алконост, 1922.
- Бекетова 1₂* – Бекетова М.А. Александр Блок: Биограф. очерк. 2-е изд. Л.: Academia, 1930.
- Белый, 1–4* – Белый Андрей. Воспоминания о Блоке. "Эпопея". М.; Берлин: Геликон, 1922. № 1. С. 123–237; № 2. С. 105–299; № 3. С. 125–310; № 4. С. 61–305.
- Блок и Белый* – Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М.: Гос. лит. музей, 1940.
- БН* – Белые ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907.
- БС-1* – Блоковский сборник [1]. Тр. науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1964.
- БС-2* – Блоковский сборник [2]. Тр. Второй науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972.
- БС-3* – Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник [3]. Тарту, 1979. (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 479).
- БС-4* – Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник [4]. Тарту, 1981. (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 535).
- БС-5* – Мир А. Блока. Блоковский сборник [5]. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 657).
- БС-6* – А. Блок и его окружение. Блоковский сборник [6]. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 680).
- БС-7* – А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник [7]. Тарту, 1986 (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 735).
- Бухов – Бухов Арк.* Критические штрихи. Казань, 1909. С. 19–34 ("Поэт страдальческой мысли").
- ВВ* – Волны вечности в русской художественной литературе. Киев, 1914.
- 88 современных стихотворений* – Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус. Пг., 1917.
- ВЖ* – Вопросы жизни (журнал).
- ВМИ* – В мире искусств (журнал). Киев.

¹ Краткое описание 10 тетрадей А. Блока см.: Орлов В. Литературное наследство Александра Блока. – *ЛН*. Т. 27–28. С. 506–507.

² *Хр. ук.* опубликованы в: Собрание сочинений: В 12 т. Л., 1933. Т. 5. Впервые пометы из *Хр. ук.* и тетрадей Блока были частично опубликованы в *НС*. С. 147–165.

- Воспоминания, 1–2* – А.А. Блок в воспоминаниях современников / Сост., подготовка текста и коммент. В. Орлова. М., 1980. Т. 1–2.
- Гриф-1905* – Альманах "Гриф". М., 1905.
- Звезда-1936* – Неизвестные стихи / Публ. и примеч. В. Орлова // Звезда. 1936. № 8. С. 264–280 (Из лит. наследия Александра Блока).
- ЗК – Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / Подг. текста и примеч. В. Орлова. М., 1965.
- ЗК-1930* – Записные книжки Ал. Блока [1901–1919] / Ред. и примеч. П. Медведева. Л.: Прибой, 1930.
- ЗР* – Золотое руно (журнал).
- ЗС – Блок А.* Земля в снегу. Третий сб. стихов. М.: Изд. журнала "Золотое руно", 1908.
- Иванов-Разумник – Иванов-Разумник Р.В.* История стихотворений Александра Блока. Макет невышедшего издания (корректировочные листы с авторскими рукописными и машинописными дополнениями и правкой). Готовилось к печати в 1940–1941 гг. (РГАЛИ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 2).
- ИСП* – Избранные стихи русских поэтов. Серия сб. по периодам. Период 3. СПб., 1914. Вып. 2.
- ИСТ* – Избранные стихи русских поэтов. Серия сб. по темам. Россия. СПб., 1914.
- КРП* – Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. М. Гофмана. СПб., М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, [1909].
- ЛН* – Литературное наследство (сборники).
- Максимов С. – Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Миц, 1–4 – Миц З.Г.* Лирика Александра Блока. Тарту, 1965, 1969, 1973, 1975. Вып. 1–4.
- НЖ* – Наша жизнь (журнал).
- НП* – Новый путь (журнал).
- НС – Блок А.* Неизданные стихотворения. 1897–1919 / Ред. и примеч. П. Медведева. Л.: Жизнь искусства, 1926.
- Об А. Блоке* – Об Александре Блоке. Пб.: Карточный домик, 1921.
- Перцов – Перцов П.* Ранний Блок. М.: Костры, 1922.
- Письма к Е. Иванову* – Письма Ал. Блока к Е.П. Иванову / Ред. Ц. Вольпе; Подг. текста и коммент. А. Космана. М.; Л.: АН СССР, 1936.
- Письма к родным, 1–2* – Письма Александра Блока к родным. М.; Л.: Academia, 1927–1932. Т. 1–2.
- Письма к жене* – Александр Блок. Письма к жене. ЛН. Т. 89. М., 1978.
- РМ* – Русская мысль (журнал).
- РС* – Русское слово (газета).
- Сказки* – Блок А. Сказки. Стихи для детей. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913.
- СМ – Блок А.* Снежная Маска. СПб.: Оры, 1907.
- СМир* – Современный мир (журнал).
- СПТ – Блок А.* Стихотворения. Поэмы. Театр / Под ред. В. Орлова. Л., 1936.
- СР* – Блок А. Стихи о России. Пг., 1915.
- СРЛ* – Современные русские лирики. 1907–1912 / Сост. Е. Штерн. СПб., 1913.
- СС-1* – Блок А. Собрание сочинений. Стихотворения. Поэмы. Театр / Ред. и коммент. В. Гольцева. М.; Л.: ГИЗ, 1929.
- СС-12₁₋₁₂* – Блок А. Собрание сочинений: В 12 т. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932–1936.
- СС-8₁₋₈* – Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. / Под общей ред. В. Орлова и др. М.; Л.: Гослитиздат, 1960–1963.
- ССт, 1–2* – Блок Александр. Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Ред. и примеч. В. Орлова. М.; Л.: Сов. писатель, 1946.
- ТП* – Трудовой путь (журнал).
- УЗ ТГУ* – Учен. зап. Тарт. ун-та.
- ЦО* – Цветник ор. Кошница 1-я. СПб., 1907 (альманах).
- ЧД-1909* – Антология современной поэзии: Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. Киев, 1909 (Чтец-декламатор. Т. 4).
- ЧД-1912* – Антология современной поэзии. 2-е изд. Киев, 1912 (Чтец-декламатор. Т. 4).
- Чулков – Чулков Г.* Покрывало Изиды. Критические очерки. М.: Золотое руно, 1910.
- Шиповник, 2–10* – Литературно-художественные альманахи изд-ва "Шиповник". СПб., 1907–1910. Кн. 2–10.

При оформлении разделов "Другие редакции и варианты" и "Комментарии" в настоящем томе используются также следующие условные сокращения:

АС – авторизованный список	кор. л. – корректурный лист
БА – белой автограф	печ. текст – авторизованный печатный текст
БАП – белой автограф с правкой	разд. – раздел
б.д. – без даты	ст. – стих
вар. – вариант	ЧА – черновой автограф
кор. – корректура	ЧН – черновой набросок

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А.А. Блок. Портрет работы К. Сомова. 1907 г. (Фронтиспис)	
Александр Блок. Нечаянная Радость (М., 1906 г.). С дарственной надписью В.П. Виригиной от 9 февраля 1907 г.	8
Черновой автограф стихотворения "Ночная Фиалка" ("Миновали случайные дни...")	26
А. Блок. "Ночная Фиалка". Рис. П. Филонова. 1908 г.	31
Автограф стихотворения "Подражание" ("Жду я смерти близ денницы...")	38
Беловой автограф стихотворения "Вариант Незнакомки" ("Там дамы щеголяют модами...")	124,125
Беловой автограф с правкой стихотворения "Пожар" ("Понеслись, блеснули в очи...")	134,135
Александр Блок. Снежная Маска (СПб., 1907). Обложка работы Л. Бакста. 1907 г.	150
Литография с рисунка Л. Бакста на фронтисписе книги "Снежная Маска" (СПб., 1907)	151
Посвящение А. Блока Н.Н. Волоховой и ее ответная надпись от 27 февраля 1908 г.	152
Н.Н. Волохова. Фотография 1907 г.	153
Александр Блок. Земля в снегу (М., 1908). Обложка работы Е. Лансере. С дарственной надписью Н.Н. Волоховой от 3 ноября 1908 г.	162,163
Беловой автограф первой страницы цикла "Заклятие огнем и мраком". Четверостишие "О, весна без конца и без краю" рукой Л.Д. Блок	186
Александр Блок. Вольные мысли. Первая публикация в альманахе "Факелы". 1908 г.	206

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

(1904–1908)

	Текст	Другие	Комен- ред. и вар. тарии.
Вступление "Ты в поля отошла без возврата..."	7	223	551

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

(1904–1905)

"На перекрестке..."	11	223	559
Болотные чертенятки ("Я прогнал тебя кнутом...")	12	226	561
"Я живу в отдаленном скиту..."	12	228	563
Твари весенние (Из альбома "Kindisch" Т.Н. Гиппиус) ("Золотисты лица купальниц...")	13	229	565
Болотный попик ("На весенней проталинке...")	14	231	568
"На весеннем пути в теремок..."	15		570
"Полюби эту вечность болот..."	16	232	571
"Белый конь чуть ступает усталой ногой..."	16	234	572
"Болото – глубокая впадина..."	17	235	574
Старушка и чертенята ("Побывала старушка у Троицы...")	18	236	575
"Осень поздняя. Небо открытое..."	18	239	577
Эхо ("К зеленому лугу, взывая, внимаю...")	19	239	578
Пляски осенние ("Волновать меня снова и снова...")	20	242	579

НОЧНАЯ ФИАЛКА

СОН

(1906)

"Миновали случайные дни..."	25	247	581
-----------------------------	----	-----	-----

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1904–1908)

"Жду я смерти близ денницы..."	37	260	596
"Я восходил на все вершины..."	37	260	598
"Ты оденешь меня в серебро..."	39	261	599
"Фиолетовый запад гнетет..."	39	262	601
Взморье ("Сонный вздох онемелой волны...")	40	263	603
"Я живу в глубоком покое..."	40	266	604
"Поет, краснея, медь. Над горном..."	41	269	605
"Зажигались окна узких комнат..."	42	270	606
"Все бежит, мы пребываем..."	42	271	607
"Нежный! У ласковой речки..."	43	272	608
"Гроб невесты легкой тканью..."	44		610
"Тяжко нам было под вьюгами..."	44	274	611
Ночь ("Маг, простерт над миром брений...")	45	275	611
"Вот – в изнурительной работе..."	45	281	614

Ее прибытие:			614
Рабочие на рейде ("Окаймлен летучей пеной...").....	46	281	618
Так было ("Жизнь была стремленьем...").....	47	282	619
Песня матросов ("Подарило нам море...").....	47	282	619
Голос в тучах ("Нас море примчало к земле одичалой...").....	48	284	620
Корабли идут ("О, светоносные стебли морей, маяки!...").....	49	286	623
Корабли пришли ("Океан дремал зеркальный...").....	50	287	623
Рассвет ("Тихо рассыпалась в небе ракета...").....	51	287	624
Моей матери ("Помнишь думы? Они улетели...").....	52	290	625
"Все отошли. Шумите, сосны...".....	52	292	627
"Шли на приступ. Прямо в грудь...".....	53	293	627
"Вот на тучах пожелтелых...".....	53	293	628
Влюбленность ("Королевна жила на высокой горе...").....	54	295	629
"Она веселой невестой была...".....	55	298	630
"Не строй жилищ у речных излучин...".....	56	301	631
"Потеха! Рокочет труба...".....	56	303	632
Балаганчик ("Вот открыт балаганчик...").....	57	304	633
Поэт ("Сидят у окошка с папой...").....	58	306	635
У моря ("Стоит полукруг зари...").....	59	307	636
Моей матери ("Тихо. И будет все тише...").....	60	309	637
"Старость мертвая бродит вокруг...".....	60	311	638
"В туманах, над сверканьем рос...".....	61	315	639
Осенняя воля ("Выхожу я в путь, открытый взорам...").....	62	317	639
"Не мани меня ты, воля...".....	62	321	641
"Оставь меня в моей дали...".....	63	322	643
"Девушка пела в церковном хоре...".....	63	322	644
"В лапах косматых и страшных...".....	64	323	646
"Там, в ночной завывающей стуже...".....	65	325	648
"Утихает светлый ветер...".....	65	326	649
"В голубой далекой спальне...".....	66	327	650
"Вот Он – Христос – в цепях и розах...".....	66	329	654
"Так. Неизменно все, как было...".....	67	331	656
"Прискакала дикой степью...".....	68	332	657
Бред ("Я знаю, ты близка мне...").....	68	333	659
Сказка о петухе и старушке ("Петуха упустила старушка...").....	70	336	660
"Милый брат! Завечерело...".....	71	338	661
"Ты придешь и обнимешь...".....	72	339	665
"Мы подошли – и воды синие...".....	72	341	666
Вербочки ("Мальчики да девочки...").....	73	342	667
Иванова ночь ("Мы выйдем в сад с тобою, скромной...").....	73	342	668
Сольвейг ("Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...").....	74	343	669
"Ты был осыпан звездным цветом...".....	75	344	672
"Прошли года, но ты – все та же...".....	76	345	674
Ангел-Хранитель ("Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во мгле...").....	76	346	675
"Есть лучше и хуже меня...".....	77	351	678
"Шлейф, забрызганный звездами...".....	78	351	679
Русь ("Ты и во сне необычайна...").....	79	352	681
Сын и мать ("Сын осеняется крестом...").....	80	354	684
"Нет имени тебе, мой дальний...".....	81	360	687
Угар ("Заплетаем, расплетаем...").....	82	365	688
Тишина цветет ("Здесь тишина цветет и движет...").....	83	368	690

"Так окрыленно, так напевно..."	84	369	692
"Ты можешь по траве зеленой..."	84	373	694
"Ищу огней – огней попутных..."	85	374	695
Проклятый колокол ("Весны и зимы меняли убранство...")	86	375	696
"О жизни, догоревшей в хоре..."	86	376	698
"В синем небе, в темной глубин..."	87	377	699
Балаган ("Над черной слякотью дороги...")	88	377	700
"Твоя гроза меня умчала..."	89	378	703
"В час глухой разлуки с морем..."	89	378	703
"Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..."	90	378	704
"В серебре росы трава..."	90	378	704
Усталость ("Кому назначен темный жребий...")	91	380	706
"Придут незаметные белые ночи..."	91	380	706
"Зачатый в ночь, я в ночь рожден..."	92	381	707
"С каждой весной пути мои круче..."	93	386	710
Девушке ("Ты перед ним, что стебель гибкий...")	93	386	711
"Когда я создавал героя..."	94	386	712
"Всюду ясность Божия..."	94	387	713
"Она пришла с заката"	95	387	713
"Я миновал закат багряный..."	95	388	714
"Твое лицо мне так знакомо..."	96	389	715

ГОРОД

(1904–1908)

Последний день ("Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...")	99	390	724
Петр ("Он спит, пока закат румян...")	100	393	726
Поединок ("Дни и ночи я безволен...")	100	395	729
Обман ("В пустом переулке весенние воды...")	102	396	731
"Вечность бросила в город..."	103	397	732
"Город в красные пределы..."	103	399	733
"Я жалобной рукой сжимаю свой костыль..."	104	401	735
Гимн ("В пыльный город небесный кузнец прикатил...")	104	402	736
"Поднимались из тьмы погребов..."	105	406	737
"Ввысь изверженные дымы..."	106	409	739
"Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте..."	107	412	740
"День поблек, изящный и невинный..."	107	413	740
"В кабаках, в переулках, в извивах..."	108	415	741
"Барка жизни встала..."	109	415	743
"Улица, улица..."	109	416	743
Повесть ("В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...")	110	417	744
"Иду – и все мимолетно..."	111	418	745
Песенка ("Она поет в печной трубе...")	112	418	746
Легенда ("Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли?...")	112	419	747
"Я вам поведал неземное..."	114	420	748
Невидимка ("Веселье в ночном кабаке...")	114	421	
Митинг ("Он говорил умно и резко...")	115	422	750
"Вися над городом всемирным..."	117	427	752
"Еще прекрасно серое небо..."	117	428	753

"Ты проходишь без улыбки..."	118	429	754
Перстень-Страданье ("Шел я по улице, горем убитый...")	119	430	756
Сытые ("Они давно меня томили...")	120	433	757
"Лазурью бледной месяц плыл..."	120	434	758
"Твое лицо бледней, чем было..."	121	434	758
Незнакомка ("По вечерам над ресторанами...")	122		759
"Там дамы щеголяют модами..."	126	434	764
"Передвечернею порою..."	127	435	766
Холодный день ("Мы встретились с тобою в храме...")	127	436	767
В октябре ("Открыл окно. Какая хмурая...")	128	438	768
"К вечеру вышло тихое солнце..."	130	438	769
"Ночь. Город угомонился..."	130	439	769
"Я в четырех стенах – убитый..."	131	440	770
Окна во двор ("Одна мне осталась надежда...")	131	441	770
"Хожу, брожу понурый..."	132	443	771
Пожар ("Понеслись, блеснули в очи...")	133	444	772
"На серые камни ложилась дремота..."	136	446	773
"Ты смотришь в очи ясным зорям..."	136	446	773
На чердаке ("Что на свете выше...")	137	446	773
Клеопатра ("Открыт паноптикум печальный...")	138	447	775
Не пришел на свиданье ("Поздним вечером ждала...")	139	450	777

СНЕЖНАЯ МАСКА

(1907)

СНЕГА

Снежное вино ("И вновь, сверкнув из чаши винной...")	143	451	790
Снежная вязь ("Снежная мгла взвилась...")	143	452	791
Последний путь ("В снежной пене – предзакатная...")	144	452	793
На страже ("Я – непокорный и свободный...")	145	452	794
Второе крещение ("Открыли дверь мою метели...")	145	453	795
Настигнутый метелью ("Вьюга пела...")	146	454	796
На зов метелей ("Белоснежней не было зим...")	147	454	797
Ее песни ("Не в земной темнице душной...")	148		798
Крылья ("Крылья легкие раскину...")	149	454	799
Влюбленность ("И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...")	153	455	800
Не надо ("Не надо кораблей из дали...")	154		800
Тревога ("Сердце, слышишь...")	154	455	801
Прочь! ("И опять открыли солнца...")	155	455	802
И опять снега ("И опять, опять снега...")	157	456	803
Голоса ("Нет исхода вьюгам певучим!...")	158	456	803
В снегах ("И я затянут...")	159		804

МАСКИ

Под масками ("А под маской было звездно...")	160		806
Бледные сказанья ("– Посмотри, подруга, эльф твой...")	161	457	807
Сквозь винный хрусталь ("В длинной сказке...")	164	457	808

В углу дивана ("Но в камине дозвенели...")	164	457	808
Тени на стене ("Вот прошел король с зубчатым...")	165	458	809
Насмешница ("Подвела мне брови красным...")	166		810
Они читают стихи ("Смотри: я спутал все страницы...")	167		810
Неизбежное ("Тихо вывела из комнат...")	167	458	811
Здесь и там ("Ветер звал и гнал погоню...")	168	458	811
Смятение ("Мы ли – пляшущие тени?..")	168		812
Обреченный ("Тайно сердце просит гибели...")	169	459	813
Нет исхода ("Нет исхода из вьюг...")	170	459	813
Сердце предано метели ("Сверкни, последняя игла...")	170	459	814
На снежном костре ("И взвился костер высокий...")	171	460	815

ФАИНА

(1906–1908)

"Вот явилась. Заслонила..."	175	460	822
"Я был смущенный и веселый..."	176	461	824
"Я в дольний мир вошла, как в ложу..."	176	461	824
"Ушла. Но гиацинты ждали..."	177	462	826
"За холмом отзвенели упругие латы..."	178	465	828
"Я насадил мой светлый рай..."	178	466	829
"В этот серый летний вечер..."	179	467	829
Осенняя любовь:			830
1. "Когда в листе сырой и ржавой..."	179	467	831
2. "И вот уже ветром разбиты, убиты..."	180	467	833
3. "Под ветром холодные плечи..."	180	469	834
"В те ночи светлые, пустые..."	181	470	834
Снежная Дева ("Она пришла из 835дикой дали...")	182	472	835
"И я провел безумный год..."	183	475	838
Заклятие огнем и мраком:			840
1. "О, весна без конца и без краю..."	185	477	843
2. "Привявший мир, как звонкий дар..."	187	478	845
3. "Я неверную встретил у входа..."	187	479	846
4. "Перехожу от казни к казни..."	188	479	846
5. "Пойми же, я спутал, я спутал..."	189	481	847
6. "В бесконечной дали корридоров..."	189	482	848
7. "По улицам метель метет..."	190	483	848
8. "О, что мне закатный румянец..."	191	484	850
9. "Гармоника, гармоника!..."	193	487	852
10. "Работай, работай, работай..."	194	488	853
11. "И я опять затих у ног..."	195	490	854
Инок ("Никто не скажет: я безумен...")	195	491	855
Песня Фаины ("Когда гляжу в глаза твои...")	196	492	856
"Всю жизнь ждала. Устала ждать..."	197	495	857
"Когда вы стоите на моем пути..."	198	499	858
"Она пришла с мороза..."	199	501	860
"Я помню длительные муки..."	199	502	861
"Своими горькими слезами..."	200	505	863

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(1907)

О смерти ("Все чаще я по городу брожу...").....	205	509	869
Над озером ("С вечерним озером я разговор веду...").....	209	509	870
В северном море ("Что сделали из берега морского...").....	211	510	873
В дюнах ("Я не люблю пустого словаря...").....	213	511	875

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вместо предисловия <к сборнику "Нечаянная Радость">.....	215	512	878
Вместо предисловия <к сборнику "Земля в снегу">.....	216	514	880
Примечание <к сборнику "Земля в снегу">.....	218		884
Примечание <к сборнику "Нечаянная Радость">.....	219	515	885

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	221
----------------------------	-----

КОММЕНТАРИИ	517
-------------	-----

О втором томе лирики Блока (<i>А.В. Лавров, З.Г. Минц</i>).....	519
---	-----

Условные сокращения, принятые в настоящем томе.....	886
---	-----

Список иллюстраций.....	889
-------------------------	-----

Печатается по решению
Научно-издательского совета РАН

Редакционная коллегия

М.Л. ГАСПАРОВ, Ю.К. ГЕРАСИМОВ (зам. главного редактора),
А.Л. ГРИШУНИН (главный редактор), *Н.Ю. ГРЯКАЛОВА,*
А.М. ДОЛОТОВА, В.П. ЕНИШЕРЛОВ, В.А. КЕЛДЫШ, Ф.Ф. КУЗНЕЦОВ,
А.В. ЛАВРОВ, Д.М. МАГОМЕДОВА, [Э.Г. МИНЦ], С.А. НЕБОЛЬСИН,
Л.М. РОЗЕНБЛЮМ, Н.Н. СКАТОВ, А.М. ТУРКОВ

Основные тексты и другие редакции и варианты
стихотворений подготовили, комментарии составили:

В.Н. БЫСТРОВ, А.М. ГРАЧЕВА, Н.Ю. ГРЯКАЛОВА, Г.К. КАУРОВА,
О.А. КУЗНЕЦОВА, А.В. ЛАВРОВ, О.А. ЛИНДЕБЕРГ, Н.В. ЛОЩИНСКАЯ,
М.В. МАЙ, [Э.Г. МИНЦ], [С.Ю. ЯСЕНСКИЙ]

Ответственные редакторы тома

А.В. ЛАВРОВ, [Э.Г. МИНЦ]

Александр Александрович Блок

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

Т о м II

Стихотворения. Книга вторая

Заведующая редакцией "Наука – культура" *А.И. Кучинская*

Редактор *Е.Ю. Жолудь*

Художник *С.А. Литвак*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технические редакторы *Г.П. Каренина, Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Н.Л. Голубцова, А.В. Морозова, В.М. Ракитина*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1815

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 10.02.97

Формат 70×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 65,5 + 0,1 вкл. Усл. кр.-отт. 65.5. Уч.-изд. л. 52,3
Тираж 2000 экз. Тип. зак.

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2 РАН

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6